

03

Дж. Ст. Милль

33
M 60

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

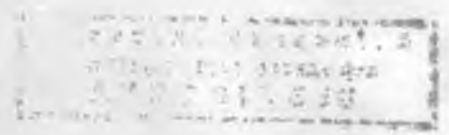
съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философіи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ
Е. И. Остроградской,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
привать-доцента **О. И. Остроградскаго.**

Южно-Русское Книгоиздательство
Ф. А. Иогансона.
Кіевъ — Харьковъ.

Август
1918.

Предисловіе.

Появленіе трактата, подобнаго настоящему, — о предметѣ, по которому существуетъ много выдающихся работъ, вѣроятно, требуетъ нѣкотораго объясненія.

Быть можетъ, будетъ достаточно сказать, что ни одинъ изъ существующихъ трактатовъ не содержитъ послѣднихъ дополненій и поправокъ, сдѣланныхъ въ теоріи этого предмета. Много новыхъ идей и новыхъ ихъ примѣненій было выяснено спорами въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, въ особенности по вопросамъ о денежномъ обращеніи и объ иностранной торговлѣ, а также по поводу важныхъ соображеній, связанныхъ болѣе или менѣе тѣсно съ вопросомъ колонизаціи; поэтому, мнѣ кажется, будетъ уместнымъ пересмотрѣть всю область политической экономіи, хотя бы только для того, чтобы ввести въ ея систему результаты этихъ изслѣдованій и согласовать ихъ съ принципами, которые были установлены представителями этой науки раньше.

Но пополненіе прежнихъ трактатовъ, касающихся одного и того же предмета, не составляетъ единственной, ни даже главной цѣли, которую авторъ имѣетъ въ виду. Цѣль этой книги отличается отъ цѣлей всѣхъ трактатовъ по политической экономіи, появившихся въ Англіи со времени труда Адама Смита.

Наиболѣе характерная особенность этого сочиненія, особенность, которою оно сильнѣе всего отличается отъ другихъ трудовъ, не уступающихъ ему и даже превосходящихъ его въ изложеніи общихъ принциповъ науки, заключается въ томъ, что оно неизмѣнно сопоставляетъ общіе принципы съ ихъ примѣненіемъ. Такой приемъ изложенія самъ по себѣ предполагаетъ гораздо болѣе широкій кругъ идей и доводовъ, чѣмъ какой содержала въ себѣ политическая экономія, разсматриваемая какъ отрасль отвлеченнаго мышленія. Въ практическихъ вопросахъ политическая экономія неразрывно переплетается со многими другими отраслями общественной науки. За исключеніемъ самыхъ мелкихъ фактовъ, едва ли существуютъ практическіе вопросы, хотя бы даже и

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 апрѣля 1896 года.

Кіевъ.

Типографія П. П. Чоколова. Мало-Житомирская улица, д. № 4.
1896.

наиболее близкие по характеру къ отвѣченнымъ вопросамъ политической экономіи, которые можно было бы рѣшать только на основаніи однихъ экономическихъ соображеній. Адамъ Смитъ никогда не теритъ изъ виду этой истины, и въ своихъ примѣненіяхъ экономической теоріи онъ всегда прибѣгаетъ къ другимъ, и нерѣдко гораздо болѣе обширнымъ, соображеніямъ, чѣмъ какія доставляютъ чистая политическая экономія; онъ, поэтому, сообщаетъ читателю то основательное ощущеніе господства надъ принципами науки, въ примѣненіи ихъ къ практическимъ вопросамъ, благодаря которому «Богатство народовъ» не только стало наиболее популярнымъ изъ всѣхъ трактатовъ по политической экономіи въ средѣ обыкновенныхъ читателей, но и произвело сильное впечатлѣніе на умы практическихъ дѣятелей и законодателей.

Автору настоящаго трактата кажется, что трудъ, по своей цѣли и по общей идѣ подобный труду Адама Смита, но соответствующій болѣе обширнымъ знаніямъ и болѣе развитымъ взглядамъ настоящаго вѣка, необходимъ въ настоящее время для политической экономіи. «Богатство народовъ» во многихъ своихъ частяхъ устарѣло и во всѣхъ частяхъ недостаточно. Политическая экономія, какъ наука, только со времени Адама Смита начала выходить изъ младенческаго состоянія; а общественная философія, отъ которой въ дѣйствительности этотъ знаменитый мыслитель никогда не отдѣлялъ своего спеціальнаго предмета, хотя и до сихъ поръ остался на самой ранней ступени своего развитія, но все же значительно подвинулась впередъ отъ того состоянія, въ какомъ онъ ее оставилъ. Однако до сихъ поръ не было попытокъ соединить его практической методъ изслѣдованія предмета съ расширившимся съ того времени знаніями относительно экономической теоріи или же представить экономическія явленія общественной жизни въ связи съ лучшими социальными идеями настоящаго времени, какъ это дѣлалъ Адамъ Смитъ, съ такимъ удивительнымъ успѣхомъ относительно философіи его вѣка!

Такова мысль, которую авторъ настоящаго произведенія имѣлъ въ виду. Осуществить ее хоть отчасти было бы дѣломъ настолько полезнымъ, что онъ охотно подвергаетъ себя изъ за этого всѣмъ шансамъ неуспѣха. Однако необходимо добавить, что хотя авторъ имѣетъ въ виду написать практическое и, насколько позволяетъ характеръ предмета, популярное сочиненіе, тѣмъ не менѣе онъ не намѣренъ жертвовать строго научнымъ изложеніемъ въ пользу котораго-нибудь изъ этихъ качествъ. Хотя онъ желаетъ, чтобъ его трактатъ не былъ простымъ изложеніемъ абстрактныхъ учений политической экономіи, тѣмъ не менѣе онъ, все же, хочетъ, чтобъ и это изложеніе находилось въ его книгѣ.

ОСНОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Предварительныя замѣчанія.

Во всякой области человеческой жизни опытъ является гораздо раньше науки; систематическое изслѣдованіе способовъ, по которымъ дѣйствуютъ силы природы, есть позднѣйшій результатъ безконечнаго ряда усилій применить эти силы для практическихъ цѣлей. Взглядъ на политическую экономію, какъ на отрасль науки, возникъ недавно; но предметъ, о которомъ трактуютъ, ей изслѣдованія во всѣ вѣка, неизбежно представляли для человечества главный практический интересъ, и иногда даже незаслуженно преувеличенный.

Этотъ предметъ—богатство. Экономисты занимаются изученіемъ и изслѣдованіемъ природы богатства въ связи съ законами его производства и распредѣленія; сюда также относятся прямо или косвенно изслѣдованія всѣхъ причинъ, въ силу которыхъ положеніе цѣлаго человечества или отдѣльнаго общества въ отношеніи богатства,—этого общаго предмета человеческихъ желаній,—становится благоприятнымъ или неблагоприятнымъ.

Обсужденіе и даже перечисленіе всѣхъ этихъ причинъ необходимо для трактата по политической экономіи: его цѣль—познать всѣ данныя о законахъ и принципахъ, по которымъ причины эти дѣйствуютъ.

Каждый имѣетъ довольно правильное для обыденной жизни понятіе о томъ, что такое богатство. Изслѣдованія, относящіяся къ нему, не могутъ быть смѣшаны съ изслѣдованіемъ о какомъ-нибудь другомъ великомъ человеческомъ интересѣ. Каждый знаетъ, что не одно и то же—быть богатымъ или быть просвѣщеннымъ, храбрымъ и гуманнымъ, что вопросы, какимъ образомъ нѣсія сдѣлалась богатой и какимъ образомъ она сдѣлалась сильной, свободной, знаменитой своей литературой, искусствами, оружіемъ и политическими учрежденіями, относятся къ совершенно различнымъ

областями изслѣдованія. Правда, всѣ эти вещи косвенно связаны между собою и воздѣйствуютъ одна на другую. Народъ иногда становится свободенъ вслѣдствіе того, что раньше онъ сталъ богатъ, или же богатъ оттого, что раньше сталъ свободенъ. Религія и законы народа могущественно вліяютъ на его экономическое положеніе, а оно, въ свою очередь, посредствомъ вліянія на умственное развитіе и социальныя отношенія, воздѣйствуетъ на религію и законы. Но предметы эти, несмотря на ихъ близкое сопряженіе, все-таки, существенно различны, и это никогда не оспаривалось.

Нашъ трактатъ не задается цѣлью подыскивать съ метафизической точностью опредѣленія, разъ уже самъ терминъ даетъ опредѣленное понятіе, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ практическихъ цѣлей. Но, какъ бы ни казалось невозможнымъ возникновеніе какого-либо недоразумѣнія по такому простому предмету, какъ вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ богатствомъ,—историческій фактъ, что такое смѣшеніе понятій существовало. Теоретики и опытные государственные люди, а одно время и всѣ вообще были заражены или въ одинаковой степени и на много поколѣній оно дало совершенно неправильное направленіе европейской государственной жизни. И говорю о господствѣ ряда доктринъ, получившихъ со времени Адама Смита наименованіе меркантильной системы.

Пока эта система господствовала въ политикѣ всѣхъ государствъ, предполагалось явно или тайно, что богатство состоитъ единственно въ деньгахъ или же въ драгоценныхъ металлахъ, которые хотя и не имѣютъ вида денегъ, но могутъ непосредственно быть обращены въ нихъ. Согласно съ господствовавшимъ тогда ученіемъ, все, что способствуетъ накопленію денегъ и драгоценныхъ металловъ въ странѣ, увеличиваетъ ея богатство. Все, что уноситъ драгоценные металлы изъ страны, истощаетъ ее. Если въ странѣ не было золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, то она могла обогатиться только одною отраслью промышленности — вѣнчикою торговлей, которая являлась единственнымъ способомъ ввоза денегъ. На всякую промышленность, относительно которой предполагалось, что она вывозитъ больше денегъ, чѣмъ ввозитъ, смотрѣли какъ на убыточную, какъ бы ни были велики и цѣпель ея доходъ въ другой формѣ. Вывозу товаровъ покровительствовали и поощряли его даже мѣрами, чрезвычайно тѣсными для действительныхъ средствъ страны, такъ какъ рассчитывали получить равноцѣнность въ золотѣ и серебрѣ при платежѣ за товары деньгами. Ввозъ чего-либо другого, кромѣ драгоценныхъ металловъ, считался потерей для націи всей стоимости ввезеннаго; исключеніе составляли только товары, предназначенные къ обратному вывозу съ прибылью, а также и инструменты, необходимые для промышленности, существующей въ самой странѣ, и дающіе возможность съ меньшими издержками производить вывозные товары и тѣмъ расширить вывозъ. На всемірную торговлю смотрѣли, какъ на борьбу между націями, въ которой каждая стремится захватить себѣ боль-

шую долю существующаго золота или серебра, и въ этомъ соперничествѣ ни одна нація не могла выиграть ничего, не нанеся другимъ ущерба въ такой же мѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, не помѣшавъ ихъ выигрышу.

Часто случается, что всеобщее убѣжденіе одного вѣка, убѣжденіе, отъ котораго тогда, безъ чрезвычайныхъ усилій гонимости и смѣлости, никто не былъ и не могъ быть свободенъ, становится для послѣдующихъ вѣковъ такой осязательной нецѣпностью, что трудно себѣ представить, какъ подобная вещь могла когда-либо казаться вѣроятной. Такъ случилось и съ ученіемъ, что деньги и богатство — синонимы. Мысль кажется слишкомъ нецѣпной для того, чтобы ее принять за серьезное мнѣніе. Она похожа на незрѣлыя фантазіи дѣтства, тотчасъ же исправляемыя однимъ словомъ взрослого человека. Но пусть никто не будетъ увѣренъ, что избѣжалъ бы заблужденій, если бы жилъ во время ихъ господства. Всѣ соображенія, возбуждаемыя обыденной жизнью и обыкновеннымъ теченіемъ дѣлъ, подтверждали ихъ; пока эти соображенія представляли единственный путь для изслѣдованія предмета, казалось очевидной истиной все, что мы теперь признаемъ такою грубою нецѣпностью. Разъ подвергли эту мысль критикѣ, она была брошена; но подвергнуть ее критикѣ не приходило въ голову никому, пока люди не свыклись съ извѣстными способами изслѣдованія экономическихъ явленій, сдѣлавшимися доступными для всеобщаго пониманія, благодаря вліянію Адама Смита и его толкователей.

Въ обыкновенной рѣчи богатство всегда выражается въ деньгахъ. Если вы спросите, какъ богато такое-то лицо, вамъ отвѣтятъ, что у него столько-то фунтовъ. Всѣ приходы и расходы, вся прибыль и потеря, все, съ помощью чего человекъ становится богатымъ или бѣднымъ, перечисляется приходомъ или убыткомъ извѣстнаго количества денегъ. Правда, что въ опекѣ имущества лица посвящаются не только деньги, находящіеся въ его распоряженіи или причитающіяся ему, но и другіе предметы, имѣющіе цѣну; однако они включаются не сами по себѣ, а въ видѣ той суммы денегъ, за которую они могли бы быть проданы; и если ихъ продать дешево, ихъ собственникъ будетъ считаться менѣе богатымъ, хотя вещь остается неизмѣнно тѣ же. Правда также, что люди не могутъ богатѣть, оставляя деньги безъ употребленія; они должны соглашаться на затрату, для того чтобы получить прибыль. Тѣ, которые обогащаются торговлей, достигаютъ этого, отдавая деньги за товары, равно какъ и товары за деньги, и первое, какъ и послѣднее, составляетъ необходимую часть процесса торговли. Но человекъ, покупающій товары съ цѣлью барыша, дѣлаетъ это для того, чтобы продать ихъ снова за деньги, и въ надеждѣ получить денегъ больше, чѣмъ онъ затратилъ; поэтому полученіе денегъ также ему самому кажется окончательной цѣлью всего. Часто ему уплашиваютъ не деньгами, а товарами, равными по стоимости тѣмъ, которые онъ продаетъ. Но онъ принимаетъ ихъ по денежной оцѣнкѣ и

сь убежденіемъ, что за нихъ онъ можетъ выручить сумму денегъ, превышающую цѣну, по которой онъ были ему проданы. Торговецъ, ведущій крупное предпріятіе и дѣлающій быстрые обороты со своимъ капиталомъ, постоянно въ наличности располагаетъ только небольшою частью его. Но для него онъ представляетъ цѣнность только благодаря способности превращаться въ деньги: до тѣхъ поръ сдѣлку онъ считаетъ неоконченной, пока чистый результатъ не будетъ уплаченъ или оставленъ въ кредитъ, въ деньгахъ. Когда онъ ликвидируетъ дѣла, онъ переводитъ все на деньги, и только тогда считаетъ прибыль реализованной, — совершенно такъ, какъ будто деньги составляютъ единственное богатство и денежная цѣнность представляетъ единственное средство къ достиженію его. Если спросить, для какой цѣли желательны деньги, кромѣ удовлетворенія своихъ или чужихъ нуждъ и прихотей, послѣдователь меркантильной системы этимъ вопросомъ не будетъ поставленъ въ затрудненіе. Правда, скажетъ онъ, это и есть употребленіе богатства, и употребленіе весьма похвальное, пока оно ограничивается внутренними произведеніями, потому что въ этомъ случаѣ вся затраченная сумма обогащаетъ нашихъ соотечественниковъ. Тратите ваше богатство на какія бы то ни было прихоти вашего вкуса, но ваше богатство не въ прихотяхъ, а въ суммѣ денегъ или ежегодномъ денежномъ доходѣ, съ помощью котораго вы ихъ удовлетворяете.

Было много обстоятельствъ, сдѣлавшихъ предположеніе, составлявшее основу меркантильной системы, повидному, правдоподобнымъ: но есть также нѣкоторое и дѣйствительное основаніе, хотя и очень незначительное, для различія, которое эта система съ такимъ преувеличеніемъ проводитъ между деньгами и другими родами цѣннаго имущества. Мы въ дѣйствительности имѣемъ право измѣрять богатство человека не количествомъ приятныхъ и полезныхъ вещей, которыми онъ фактически пользуется, но его властью надъ всеобщимъ запасомъ приятныхъ и полезныхъ вещей, его силой удовлетворять потребности и желанія. Деньги представляютъ эту силу сами по себѣ, между тѣмъ какъ другія вещи въ цивилизованномъ обществѣ доставляютъ ее, повидному, только благодаря своей годности къ обмѣну на деньги. Обладать какимъ-нибудь другимъ предметомъ богатства — значитъ обладать только имъ, а ничѣмъ другимъ: если вы желаете вмѣсто этой получить другую вещь, вы должны сначала продать первую или же подвергнуться неудобствамъ и промедленію, а го и полной неудачѣ, разыскивая человека, который бы имѣлъ необходимую для васъ вещь и желать бы помѣняться съ вами. Но съ деньгами вы можете купить все, что находится въ продажѣ, и тотъ, чье состояніе заключается въ деньгахъ или въ вещахъ, быстро превращаемыхъ въ деньги, кажется и себѣ, и другимъ обладателемъ не одной только вещи, а всѣхъ вещей, которыя онъ можетъ по желанію приобрести на деньги. Большая часть полезности богатства (не говоря

объ очень ограниченныя суммахъ), заключается не въ доставленіи имъ удовольствіи, а въ сбереженной силѣ, которая находится въ рукахъ владѣльца, для достиженія всѣхъ цѣлей вообще; эту силу никакой родъ богатства не можетъ доставить такъ прямо и вѣрно, какъ деньги. Деньги единственная форма богатства, пригодная не только для одного какого-нибудь известнаго употребленія, а можетъ служить и для всякихъ другихъ цѣлей. И это различіе должно было произвести впечатлѣніе на правительства, такъ какъ оно имѣло большое значеніе для нихъ. Цивилизованное государство получить сравнительно незначительную выгоду отъ налоговъ, если оно ихъ не будетъ собирать деньгами: если же ему предстоятъ большіе и внезапные платежи, въ особенности платежи иностранные или военные расходы, субсидія для завоевательныхъ цѣлей или для отвращенія завоеваній (двѣ главныя задачи національной политики до послѣднихъ временъ), то едва ли возможенъ какой-нибудь другой способъ платежа, кромѣ денегъ. Всѣ эти причины способствовали тому, что и люди и правительства, при исчисленіи своихъ богатствъ, придавали почти исключительное значеніе деньгамъ, а на всѣ другіе предметы, составлявшіе часть ихъ имущества, смотрѣли только какъ на отдаленное средство полученія денегъ, единственнаго предмета, дающаго всеобщую и въ то же время непосредственную власть надъ желаемыми предметами, власть, которая наиболѣе согласуется съ понятіемъ богатства.

Но нелѣпность, все же, остается нелѣпностью, хотя мы и объяснили кажущіяся причины, сдѣлавшія ее правдоподобной. Меркантильная система не могла не представиться въ истинномъ свѣтѣ, какъ только человѣкъ, хотя и несовершеннымъ способомъ, началъ изслѣдовать суть дѣла и отыскивать главныя причины въ элементарныхъ фактахъ, а не въ формахъ и выраженіяхъ обыкновенной рѣчи. Какъ только люди задали себѣ вопросъ, что такое въ дѣйствительности деньги, въ чемъ ихъ существенный характеръ и какова дѣйствительная природа доставляемой ими услуги, то поняли, что деньги, такъ же какъ и другія вещи, желательны только въ силу ихъ полезности, а эта послѣдняя далеко не всеобща, какъ это обманчиво казалось, а, напротивъ, строго опредѣлена и ограничена, и заключается въ томъ, что деньги облегчаютъ распредѣленіе продуктовъ промышленности сообразно удобствамъ распредѣляющихъ. Дальнѣйшее размышленіе показало, что полезность денегъ ни въ какомъ случаѣ не увеличивается отъ возрастанія ихъ количества, находящагося въ обращеніи въ странѣ, такъ какъ онъ одинаково исполняютъ свое назначеніе, какъ бы ни была мала или велика ихъ общая сумма. Два милліона квартиръ ржи не прокормятъ столько лицъ, какъ четыре милліона; но два милліона фунтовъ стерлинговъ произведутъ столько же торговыхъ оборотовъ, столько же купятъ и продадутъ товаровъ, какъ и четыре милліона, хотя по болѣе низкой номинальной цѣнѣ. Деньги сами по себѣ не удовлетворяютъ потребностей; цѣнность ихъ для каждого заклю-

чается въ удобной формѣ, съ помощью которой онъ получает свои доходы всѣхъ видовъ: а эти доходы онъ потомъ, въ болѣе подходящее время, обращаетъ въ формы, могущія ему быть полезными. Какъ бы ни было велико различіе между страной, въ которой существуютъ деньги, и страной, совершенно лишенной ихъ, оно будетъ заключаться только въ наличности извѣстныхъ удобствъ; при помощи денегъ экономятъ время и хлопоты подобно тому, какъ при размолѣ зерна водяной силой, вмѣсто ручной: деньги (по сравненію Адама Смита) полезны въ такомъ же родѣ, какъ удобныя дороги. Но считать ихъ богатствомъ будетъ такой же ошибкой, какъ считать поссе, которое можетъ быть самой удобной дорогой къ вашему дому или землѣ, за самый домъ или землю.

Деньги, будучи орудіемъ для удовлетворенія важныхъ общественныхъ и частныхъ потребностей, справедливо считаются богатствомъ; но и все другое, что удовлетворяетъ какой-нибудь человеческой потребности и чего природа не оставляетъ даромъ, есть также богатство. Быть богатымъ значитъ располагать большимъ запасомъ полезныхъ вещей или средствами покупать ихъ. Итакъ, все, что имѣетъ покупательную силу, и въ обмѣнъ за что можно получить что-либо пріятное или полезное, составляетъ часть богатства. Тѣ вещи, за которыя ничто не можетъ быть получено въ обмѣнъ, какъ бы онѣ ни были полезны и необходимы, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято употреблять это слово въ политической экономіи. Напримѣръ, воздухъ хотя и представляетъ предметъ абсолютной необходимости, не имѣетъ рыночной цѣны, потому что имъ можно пользоваться безвозмездно: накопленіе большихъ запасовъ его не доставило бы никому ни прибыли, ни выгоды; изученіе же законовъ его производства и распределенія не относится къ политической экономіи. Но, хотя воздухъ и не богатство, человечество, обладая имъ даромъ, имѣетъ огромную выгоду, потому что то время и трудъ, которые нужны были на удовлетвореніе самой необходимой потребности, могутъ быть употреблены для другого назначенія. Можно представить себѣ обстоятельства, при которыхъ воздухъ былъ бы частью богатства. Если бы вошло въ обыкновеніе продолжительное пребываніе въ мѣстахъ, куда воздухъ не проникаетъ естественнымъ образомъ, какъ, напримѣръ, на днѣ моря въ водонепроницаемомъ колосѣтѣ, то искусственно доставленный воздухъ имѣлъ бы цѣну, подобно водѣ, проведенной въ дома; или же, если бы, вслѣдствіе какихъ-нибудь переворотовъ въ природѣ, атмосфера стала недостаточной для потребленія, или была бы монополизирована, то воздухъ также пріобрѣлъ бы очень высокую рыночную цѣнность. Въ этомъ случаѣ обладаніе имъ въ размѣрѣ, превышающемъ собственную необходимость, было бы для его собственника богатствомъ. Но съ перваго взгляда могло бы показаться, что общее богатство человечества увеличилось вслѣдствіе перемены, послужившей для него величайшимъ бѣдствіемъ. Ошибка заключалась бы въ упущеніи изъ виду того, что,

какъ бы богатъ ни сдѣлался владѣлецъ воздуха въ ущербъ всему обществу, всѣ остальные стали бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую они принуждены были бы платить за предметъ, получаемый ими раньше безвозмездно.

Это ведетъ къ важному различію въ значеніи слова «богатство» въ случаяхъ, когда оно примѣняется къ имуществу отдельнаго лица или къ имуществу націи и человечества. Въ богатство человечества включается только то, что само по себѣ служитъ полезнымъ или пріятнымъ цѣлямъ. Для частнаго лица будетъ богатствомъ все то, что хотя само по себѣ и бесполезно, но даетъ ему возможность требовать отъ другихъ части изъ ихъ запасовъ полезныхъ и пріятныхъ вещей. Возьмемъ, напримѣръ, закладную въ тысячу фунтовъ на поземельную собственность. Она составляетъ богатство для лица, которое получаетъ по ней проценты и которое, при желаніи, можетъ продать ее на рынкѣ за всю сумму долга. Но это не есть богатство для страны; если обязательство будетъ уничтожено, отъ того страна не сдѣлается ни богаче, ни бѣднѣе: кредиторъ потерялъ бы тысячу фунтовъ, а собственникъ земли выигралъ бы ихъ. Для націи закладная сама по себѣ не составляетъ богатства, а только давала право А. на часть богатства В. Это есть богатство А, которое онъ можетъ передать третьему лицу: но то, что онъ передаетъ такимъ образомъ, было бы правомъ участія во владѣніи въ размѣрѣ 1000 фунтовъ на землю, единственнымъ собственникомъ которой номинально является В. Таково же положеніе акціонеровъ или государственныхъ кредиторовъ: имъ принадлежатъ залоговое право на богатство страны. Уничтоженіе долга не было бы уничтоженіемъ богатства, а только переименіемъ его, несравненно болѣе выгоднымъ для правительства или плательщиковъ налоговъ. Поэтому государственныя процентныя бумаги нельзя считать частью національнаго богатства. Это не всегда принимается во вниманіе записывающимъ валового дохода страны, основанныхъ на суммѣ подоходнаго налога, доходы съ государственныхъ бумагъ не всегда бываютъ исключены; а между тѣмъ плательщики налога облагаются по ихъ общему номинальному доходу, безъ допущенія вычета изъ него части, взимаемой въ видѣ налоговъ для образованія дохода государственныхъ кредиторовъ. При такомъ вычисленіи, часть общаго дохода страны считается дважды, и полученная сумма превышаетъ дѣйствительную почти на тридцать милліоновъ. Какъ бы то ни было, страна можетъ включать въ свое богатство все имущество ея гражданъ, заключающееся въ иностранныхъ долговыхъ обязательствахъ, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ. Но все же эти обязательства являются богатствомъ для нея только потому, что даютъ право на часть собственности изъ богатства другихъ. Они не составляютъ части общаго богатства человечества. Они имѣютъ значеніе для распределенія, а не для состава общаго богатства.

Предлагали определять богатство как однозначное с понятием «орудия», подразумевая под этим не только инструменты и машины, а всю совокупность средств, которыми располагают для достижения целей отдельные лица или общества. Например, поле—орудие, потому что оно есть средство для добычи зерна. Зерно—орудие, потому что оно есть средство для добычи муки. Мука—орудие, потому что она есть средство для добычи хлеба. Хлеб—орудие, как средство для удовлетворения голода и поддержания жизни. Тут мы, наконец, приходим к вещам, которые не будут орудиями, потому что они составляют предмет желаний сами по себе, не как простое средство для достижения чего-нибудь последующего. Этот взгляд на предмет философски правилен, или же, лучше сказать, этот способ выражения может быть с пользою употреблен вместе с другими, не для выражения какого-нибудь особенного взгляда, отличного от обыденного, а для придания последнему большей ясности и реальности. Однако это определение слишком далеко отступает от разговорной речи, для того, чтобы оно вошло во всеобщее употребление или же получило какое-нибудь применение для других целей, кроме этого случайного толкования.

Другой пример имуществ, которое является богатством для лица, владящего им, но не будет богатством для нации и человечества, представляют рабы. По странному сближению понятий, имущество из рабов входит, по числу голов, в счет богатства или капитала той страны, которая допускает существование подобной собственности. Если человеческое существо, рассматриваемое как предмет, обладающий производительными силами, составляет часть национального богатства в том случае, когда его силами владеть другой, то с таким же правом оно будет составлять часть этого богатства, когда будет им владеть сам. Как бы высоко его ни ценили хозяин, эта ценность будет понижена у самого раба, и это понижение не может увеличить ни имущества их обоих вместе, ни имущества страны, к которой они оба принадлежат. Однако, при правильной классификации, нельзя население страны считать в состав ее богатства. Богатство существует для людей. Понятие богатства выражает желаемые предметы, которыми люди владеют, не включая в это понятие самих владетелей, а противопоставляя ему их. Они не богатство сами для себя, хотя и служат средством для него.

Итак, богатство можно определить как все полезные и приятные вещи, включая и новую ценность, или, другими словами, все полезные и приятные вещи, за исключением тех, которые могут быть получены в желаемом количестве, без труда и жертв. Против этого определения, кажется, можно возразить только то, что оно оставляет без разъяснения вопрос, дебатыровавшийся много раз: следует ли считать богатством то, что называется невинными продуктами? Например, следует ли

считать богатством искусство рабочего, или же какую-нибудь другую физическую или умственную силу, естественную или приобретенную? Но этот вопрос не имеет большого значения, и будет удобнее рассмотреть его в другом месте, насколько он этого заслуживает*).

Изложив предварительные понятия о богатстве, мы теперь обратим наше внимание на чрезвычайные различия в нем, существующие у разных народов и в разные века,—различия в количестве богатства, видах его и способах распределения его между членами общества.

В настоящее время, вероятно, нет такого народа или такого общества, которое бы всецело существовало продуктами двойной растительности. Но много еще есть племен, живущих исключительно, или почти исключительно, насчет диких животных, продуктами охоты или рыбной ловли. Их одежда—шкуры; их жилища—лагуны, грубо сделанные из бревен или ветвей и остающиеся при первой необходимости. Пища их не может долго сохраняться; вследствие этого у них нет запасов, и они часто подвергаются большим лишениям. Богатство такого общества состоит единственно из шкур, в которых одевается дикари, из нескольких украшений, которых большинство из них любит, небольшого количества грубой посуды, оружия для охоты и борьбы с соперниками за средства к существованию, челноков для переправы через реки и озера или для рыбной ловли на море, да может быть, из нескольких мешков или же других продуктов двойной природы, собранных для обмена у цивилизованных народов на одежду, воину и табак; из этих иностранных продуктов может кое-что оставаться в запасе. К этому скудному перечню материального богатства нужно еще прибавить их землю, орудия производства, из которой они, по сравнению с более культурными обществами, извлекают самую слабую пользу, но которая все же служит источником их существования и могла бы цениться на рынке, если бы по соседству было земледельческое общество, нуждающееся в большем количестве земли. Это есть положение самой крайней бедности, в которой только может существовать, по нашим сведениям, человеческое общество; однако есть и более богатые общества, в которых часть жителей, в отношении средств существования и житейских удобств, находятся не в лучшем положении, чем дикари.

Первый большой успех при выходе из этого положения заключается в приручении наиболее полезных животных; это дает начало пастушеской или кочевой жизни, при которой человек живет не охотой, а молоком и его продуктами, а также и ежегодным приращением своих стад. Это положение не только желательно само по себе, но оно более способствует дальнейшему прогрессу и накоплению богатств. Пока обширные

*) См. ниже, кн. I, гл. 3.

естественныя пастбища заняты не настолько, чтобы их продукты потреблялись быстрее. Чемъ прожарстаютъ, населеніе можетъ сохранять и увеличивать запасъ предметовъ необходимости, затрачивая на это труда немногимъ; болѣе того, сколько требуется для охраненія скота отъ нападеній дикихъ звѣрей или отъ силы и коварства грабителей. Въ этомъ періодѣ обширныя стада приобретались отдѣльными лицами, благодаря ихъ собственной дѣятельности и бережливости, и родоначальниками племенъ—благодаря усиліямъ подчиненныхъ имъ лицъ. Такимъ образомъ въ пастушеской жизни возникаетъ неравенство имуществъ, почти не существующее у дикарей, гдѣ каждый имѣетъ только безусловно необходимое, а въ случаяхъ бѣдствій долженъ и этимъ дѣлиться со своимъ племенемъ. Между кочевниками нѣкоторые имѣютъ избытокъ скота, достаточное для прокормленія множества лицъ, между тѣмъ какъ другіе не сумѣли приобрести и удержать за собою излишка, или не имѣютъ и вовсе скота. Но средства къ существованію сдѣлались обезпеченными съ тѣхъ поръ, какъ болѣе счастливые стали употреблять свои излишки для прокормленія менѣе счастливыхъ, вслѣдствіе того, что всякое увеличеніе числа лицъ подчиненныхъ часть подчинившимъ большую силу и обезпеченность. Такимъ путемъ послѣдніе получаютъ возможность сложить съ себя всякую работу, кромѣ управленія и надзора, и приобретаютъ подчиненныхъ, обязанныхъ сражаться на войнѣ и служить имъ въ мирное время. Главная характеристическая черта этого положенія общества заключается въ томъ, что часть его, и даже до нѣкоторой степени все общество, пользуется досугомъ. Только часть времени нужна на добычаніе пищи; остальное время не занято тревожными мыслями о завтрашнемъ днѣ или же необходимымъ отдыхомъ отъ мускульной работы. Такая жизнь чрезвычайно благоприятствуетъ появленію новыхъ потребностей и даетъ средства къ ихъ удовлетворенію. Является потребность въ одеждѣ, посудѣ, во всевозможныхъ орудіяхъ лучшаго качества, чѣмъ тѣ, которые удовлетворяли дикарей; а излишекъ пищи дѣлаетъ возможнымъ посвятить для этихъ потребностей силы нѣкоторой части племени. Во всякомъ или почти во всякомъ кочующемъ обществѣ мы видимъ домашнія производствя, иногда грубыя, а иногда и искусныя. Существуютъ несомнѣнные доказательства, что страны, бывшія колыбелью современной цивилизаціи, еще въ кочевомъ періодѣ достигли большого искусства въ пряденіи, приготовленіи тканей, крашеніи шерстяныхъ одеждъ, выдѣлкѣ кожъ, а также и въ еще болѣе трудномъ искусствѣ—обработкѣ металловъ. Даже умозрительныя науки зарождаются вслѣдствіе досуга, который прпеуцъ этой степени общественнаго развитія. Самые раннія астрономическія наблюденія приписываются, по преданію, имѣющему, правда, много вѣроятій, халдейскому пастухамъ.

Переходъ отъ этого состоянія общества къ земледѣльческому былъ не легокъ (всякая большая перемена въ привычкахъ чело-вѣчества не можетъ не быть тяжелой; она вообще или мучительна,

или очень медленна); но онъ совершается, какъ можно выразиться, самопроизвольнымъ теченіемъ событий. Вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія скотоводства, съ теченіемъ времени естественная способность земли доставлять пастбища стала недостаточной; и эта причина, вѣроятно, впервые заставила обращаться къ обработкѣ почвы, точно такъ же, какъ въ позднѣйшее время та же самая причина заставила избытокъ ордѣ, оставшихся въ кочевомъ состояніи, устремляться на племена, которые перешли къ земледѣлію; и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не стали достаточно сильными для того, чтобы отражать такіе набѣги завоевателей; тогда нападающія племена, лишившись этого исхода, были принуждены, въ свою очередь, обратиться къ земледѣлію.

Но послѣ такого великаго шага дальнѣйшій прогрессъ чело-вѣчества представляется совсемъ не такимъ быстрымъ (за исключеніемъ рѣдкихъ совпаденій благоприятныхъ обстоятельствъ), какъ можно было ожидать. Количество человеческой пищи, которое въ состояніи доставить земля, даже при самомъ жалкомъ способѣ ея обработкѣ, настолько превышаетъ то количество, которое получалось при чисто пастушескомъ образѣ жизни людей, что неизбежнымъ результатомъ этого переворота является увеличеніе населенія; но это прибавочное количество пищи получается только при значительномъ увеличеніи количества труда; вслѣдствіе этого земледѣльческое населеніе не только пользуется меньшимъ досугомъ, нежели пастушеское, но, при несовершенныхъ орудіяхъ и при неуклюжихъ способахъ обработкѣ, долго употреблявшихся (да и до сихъ поръ не оставленныхъ на большей части земного шара), земледѣльцы не производятъ сверхъ своего потребленія настолько большого излишка, чтобы содержать цѣлый классъ работниковъ для занятій другими отраслями промышленности; только при особенно благоприятныхъ капитальныхъ и почвенныхъ условіяхъ это бываетъ иначе. Избытокъ, какъ бы великъ или малъ онъ ни былъ, обыкновенно отнимается у производителей либо правительствомъ, которому они подчинены, либо отдѣльными лицами, закрѣпляющими за собою землю насильно, или при помощи религіозной и традиціонной склонности людей къ подчиненію.

Первый изъ этихъ способовъ присвоенія, присвоеніе правительствомъ, представляетъ характеристическую черту обширныхъ монархій, занимавшихъ въ доисторическія времена азіатскія равнины. Правительство въ этихъ странахъ хотя и мѣняется въ своемъ качествѣ въ зависимости отъ личнаго характера правителей, однако рѣдко оставляетъ земледѣльцамъ что-нибудь сверхъ необходимого, а часто лишаетъ ихъ даже и этого, такъ что бываетъ вынуждено, отобравъ у нихъ все, возвратитъ имъ часть изъ отобраннаго для обрѣженія полей и для поддержанія ихъ существованія до будущей жатвы. При подобномъ управленіи масса населенія терпѣла большую нужду въ то время, какъ правительство, собирая по немногу съ большого количества людей, имѣло возможность, при

самой незначительной бережливости, блистать своимъ богатствомъ, составившимъ совершенную противоположность состоянію всего общества. Отсюда то укоренившееся мнѣніе о богатствѣ восточныхъ странъ, отъ котораго европейцы освободились только въ послѣднее время. Это богатство, не считая значительной части, которая припадаетъ къ рукамъ собирающихъ его, кромѣ содержанія двора, раздѣляется между многими лицами. Значительная часть его распределяется между правительственными чиновниками и между предметами милости и каприза государя. Часть иногда употреблялась на общественныя сооруженія. Водохранилища, колодцы, ирригаціонные каналы, безъ которыхъ во многихъ тропическихъ странахъ едва ли было возможно земледѣіе, плотины, сдерживающія рѣки, базары для торговли, каравансарай для путешественниковъ—не могли быть устроены на скудные средства тѣхъ, которые ими пользовались; все это было обязано своимъ существованіемъ щедрости и просвѣщенному самокорыстію лучшихъ государей, а также благотворительности и тщеславію некоторыхъ богатыхъ особъ, состоянію которыхъ, если протѣдять его возникновеніе, по большей части прямо или косвенно происходило изъ общественныхъ доходовъ, чаще всего чрезъ пожалованіе государемъ части ихъ.

Правитель такого общества прежде всего широко удовлетворяетъ свои собственныя потребности и потребности своихъ любимцевъ, загибъ отъ траты на содержаніе такого количества солдатъ, какое ему кажется необходимымъ для его безопасности и для его достоинства; кромѣ того, въ его распоряженіи остается палачъ, который охотно обмѣниваетъ на предметы роскоши, соответствующіе его склонностямъ; такимъ же палачомъ пользуются и классы, обогатившіеся отъ его милостей, или отъ управления общественными доходами. Такъ возникаетъ въ производствѣ спросъ на искусные и дорогие товары, приспособленные къ ограниченному, но богатому рынку. Этотъ спросъ часто, и даже почти исключительно, удовлетворяется купцами болѣе цивилизованныхъ обществъ; но нередко въ самой странѣ появляется классъ ремесленниковъ, доводящихъ некоторые произведенія до такого совершенства, какого только можно достигнуть при помощи терпѣнія, быстрой сметки, наблюдательности и ловкости рукъ, но безъ достаточнаго пониманія свойствъ предметовъ; таковы некоторые индійскія хлопчатобумажныя произведенія. Эти ремесленники продовольствуются излишнимъ папи, взятой правительствомъ и его агентами въ видѣ причитающейся на ихъ долю части продукта. Совершенно аналогичные случаи мы можемъ видѣть въ некоторыхъ странахъ, гдѣ ремесленники вмѣсто того, чтобы брать работу на домъ и по окончаніи ея получать вознагражденіе, отправляются со своимъ инструментомъ къ потребителю въ домъ и тамъ получаютъ продовольствіе до окончанія работы. Однако необезпеченность собственности при такомъ состояніи общества побуждаетъ даже богатыхъ покупателей отдавать предпочтеніе товарамъ, годнымъ для храненія, и такимъ, которые, при

небольшой величинѣ, имѣютъ большую стоимость и могутъ быть легко спрятаны или унесены. Поэтому большая часть богатства этихъ народовъ состоитъ изъ золота и драгоценныхъ камней, и многие богатые азіаты почти все свое состояніе носятъ на себѣ или на женщинахъ своего гарема. Никто здѣсь, кромѣ монарха, не думаетъ обращать свое богатство въ такой видъ собственности, который нельзя было бы унести; но самъ монархъ, чувствуя свой тронъ въ безопасности и благоразумно стремясь передать его своимъ потомкамъ, иногда предается вкусу къ прочнымъ зданіямъ, какъ, напримеръ, пирамиды Такусъ-Мегаля и мавзоль въ Секундра. Грубыя мануфактурныя произведенія, предназначенныя для потребностей землевладѣльцевъ, производятся деревенскими ремесленниками, которые за это вознаграждаются землей, отдаваемой имъ для работы бесплатно, или же платой въ сырыхъ продуктахъ изъ той части жатвы, которую оставляетъ правительство поселянину. При такомъ состояніи общества есть, однако, и торговый классъ, подраздѣляющійся на два разряда: торговцевъ хлѣбомъ и торговцевъ деньгами. Хлѣботорговцы обыкновенно покупаютъ хлѣбъ не у производителей его, а у правительственныхъ агентовъ, которые, получивъ доходы натурой, охотно передаютъ другимъ обязанность доставить ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ вокругъ государя собраны его главные гражданскіе и военные чиновники, большая часть его войскъ и ремесленники, удовлетворяющіе потребности этихъ разнообразныхъ лицъ. Торговцы деньгами даютъ несчастнымъ землевладѣльцамъ средства къ существованію и продолженію хлѣбопашества, когда они бываютъ разорены неурожаемъ или взысканіями казны, и изъ слѣдующей жатвы получаютъ уплату съ громадными процентами. Въ болѣе же широкихъ размѣрахъ они даютъ въ займы правительству или лицамъ, которымъ оно пожаловало часть доходовъ, и вознаграждаются либо приказаніемъ объ уплатѣ имъ сборщиками поцентовъ, либо отчаемъ въ ихъ собственное распоряженіе пзвѣстныхъ округовъ для уплаты пзъ доходовъ; чтобы цѣль имъ возможность взыскать долгъ, имъ въ то же время передается значительная часть правительственной власти, и они пользуются ею до тѣхъ поръ, пока округа не будутъ выкуплены или доходы съ нихъ не покроютъ долга. Такимъ образомъ коммерческія операціи обоихъ классовъ купечества относятся главнымъ образомъ къ той части продукта страны, которая составляетъ доходы правительства. Изъ этихъ доходовъ ихъ капиталъ періодически возвращается имъ съ прибылью; эти же доходы составляютъ и тотъ источникъ, изъ котораго произошелъ ихъ первоначальный капиталъ. Таково въ главныхъ чертахъ экономическое положеніе большинства азиатскихъ странъ, каковымъ было оно до начала достоверной исторіи и каково оно еще и теперь тамъ, гдѣ не нарушило его иностранное вліяніе.

Въ земледѣльческихъ общинахъ древней Европы, ранній строй которыхъ намъ лучше извѣстенъ, положеніе дѣлъ было совсемъ иное. Онѣ вначалѣ были болѣею частью маленькими

городскими общинами, при первомъ основаніи которыхъ земля незанятая или отнятая у прежнихъ ея обитателей дѣлилась на равныя или пропорціональныя части между семьями, составлявшими общину. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто одного города существовалъ союзъ городовъ, занятыхъ людьми, которые считали себя принадлежащими къ одному племени и приблизительно одновременно поселились въ странѣ. Каждая семья производила для себя пищу и матеріалы для одежды, тутъ же и перерабатывавшіеся, преимущественно женщинами, въ грубыя издѣлія, удовлетворявшія тотъ вѣкъ. Податей никакихъ не существовало, такъ какъ оплачиваемыхъ правительственныхъ чиновниковъ или вовсе не было, или если они и были, то плата имъ доставлялась изъ отдѣльной части земли, обрабатываемой рабами для государства; войско состояло изъ гражданъ. Поэтому всѣ продукты земли, безъ вычета, принадлежали семьѣ, обрабатывавшей ее. До тѣхъ поръ, пока ходъ событій допускалъ существованіе подобнаго распредѣленія собственности, положеніе общества, вѣроятно, было весьма желательнымъ для большей части свободныхъ хлѣбопашцевъ, и при такомъ общественномъ строѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣхи человѣчества въ умственномъ развитіи были необыкновенно быстры и блестящи. Это чаще всего встрѣчалось тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ благоприятными племенными и климатическими условіями и, безъ сомнѣнія, въ связи со многими другими благоприятными обстоятельствами, слѣды которыхъ нынѣ утеряны, связаны были выгоды положенія на берегу большого внутренняго моря, другіе берега котораго были уже заняты культурными обществами. Знакомство съ иностранными производствами, приобретенное благодаря такому положенію, а также свободный доступъ иностранныхъ идей и изобрѣтеній ослабляютъ въ этихъ общинахъ силу рутинны, обыкновенно столь сильной у грубаго народа. Припомнимъ только промышленное развитіе жителей этихъ общинъ: они рано приобрѣли разнообразныя потребности и желанія, побуждавшія ихъ извлекать изъ ихъ собственной почвы все, что только было возможно; а когда земля ихъ становилась безплодной или же когда они достигали предѣла ея производительности, они часто становились торговцами и покупали иностранныя произведенія, чтобы продавать ихъ съ выгодой въ другихъ странахъ.

Но существованіе такого положенія вещей было въ самомъ корнѣ непрочно. Эти мелкія общины вели между собою почти непрерывную войну; для нея было много поводовъ. Въ грубыхъ и исключительно земледѣльческихъ общинахъ обыкновенной причиной было стѣсненіе отъ нарастающаго населенія на ограниченной территоріи, осложненное часто, при несовершенныхъ способахъ земледѣлія, неурожаями и тѣмъ, что пища доставлялась только незначительнымъ количествомъ земли. При такихъ обстоятельствахъ общество часто эмигрировало все, или же высылало толпу своей молодежи разыскивать, съ оружіемъ въ рукахъ, менѣе воинственный

народъ, который можно было бы прогнать съ его земли, либо удержать въ качествѣ рабовъ, вынужденныхъ обрабатывать землю для своихъ грабителей. То, что дѣлало менѣе цивилизованныя племена по нуждѣ, то болѣе развитыя дѣлали изъ тщеславія и воинственнаго духа, и черезъ нѣкоторое время всѣ эти городскія общины были или побѣдителями, или побѣжденными. Иногда побѣдившее государство удовлетворялось только наложеніемъ дани на побѣжденныхъ, которые, взаменъ этого отягощенія, освобождались отъ безпокойствъ и расходовъ для содержанія своей военной силы и могли при этомъ пользоваться значительной долей экономическаго благосостоянія; между тѣмъ какъ побѣдившее общество, получивъ излишекъ богатства, употребляло его на публичную роскошь и великолѣпіе. Изъ такого излишка были построены Паросполь и Пропилей, заплачено за статую Фидія и отправлялись знаменитыя торжества, для которыхъ Эсхиль, Софокль, Эврипидъ и Аристофанъ писали свои драмы. Но это состояніе политическихъ отношеній, весьма полезное, пока оно продолжалось, для прогресса и высшихъ цѣлей человѣчества, не имѣло въ себѣ элементовъ продолжительности. Маленькая община—побѣдительница, не смѣнивавшаяся съ побѣжденными, въ концѣ концовъ бывала сама побѣждаема. Поэтому всеобщее господство окончательно осталось за тѣмъ народомъ, который постигъ искусство побѣждать,—за римлянами; каковы бы ни были ихъ другія намѣренія, они всегда начинали или кончали тѣмъ, что отбирали у побѣжденныхъ большую часть земли въ пользу своихъ руководящихъ гражданъ и принимали въ правящее сословіе главныхъ владѣльцевъ остальной части. Нѣтъ необходимости распространяться о мрачныхъ сторонахъ экономической исторіи Римской имперіи. Если при появленіи неравномерности въ распредѣленіи богатства общество не возьметъ на себя исправленія, съ помощью промышленности, несправедливостей судьбы, неравенство пойдетъ впередъ огромными шагами; меньшія массы имущества будутъ поглощаться большими. Римская имперія подъ конецъ покрылась обширными земельными владѣніями сравнительно небольшого числа семей, для роскоши или же, еще больше, для тщеславія которыхъ приготавливались самыя дорогія произведенія, въ то время какъ земледѣльцы были рабами или мелкими арендаторами, находившимися въ положеніи, близкомъ къ рабству. Съ этого времени богатство имперіи постепенно уменьшается. Вначалѣ общественныхъ доходовъ и средствъ богатыхъ людей хватало, по крайней мѣрѣ, на то, чтобы покрыть Италію великолѣпными общественными и частными зданіями; но подъ конецъ эти средства, подъ расслабляющимъ вліяніемъ дурного управленія, пришли въ такой упадокъ, что остатка ихъ не хватало даже на удержаніе этихъ зданій отъ разрушенія. Силъ и богатствъ цивилизованнаго міра сдѣлалось недостаточно для отраженія кочевого населенія, окружавшаго сѣверныя границы имперіи: оно наводило ее, и тогда наступилъ другой порядокъ вещей.

215915

Київський інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

При новомъ устройствѣ, въ какое было брошено европейское общество, населеніе каждой страны можно было считать состоящимъ въ неравной пропорціи изъ двухъ различныхъ національностей или племенъ: изъ побѣдителей и побѣжденныхъ; первые—собственники земли, вторые—земледѣльцы. Этими земледѣльцамъ было позволено занимать землю на условіяхъ, которыя, какъ продуктъ силы, были всегда тягостны для нихъ, но рѣдко доходили до размѣровъ полнаго рабства. Уже въ позднѣйшее время Римской имперіи земледѣльческие рабы повсемѣстно переходятъ въ состояніе, близкое къ крѣпостной зависимости; римскіе «колонны» скорѣе были вилланами, чѣмъ дѣйствительными рабами, а неспособные и отвращеніе варваровъ, завоевавшихъ страну, къ личному управленію промышленными предпріятіями необходимо принудила ихъ предоставить земледѣльцамъ, въ видѣ побудительной причины къ труду, нѣкоторый дѣйствительный интересъ при обработкѣ земли. Если, напримѣръ, земледѣльцы были принуждены работать три дня въ недѣлю для своихъ господъ, то результатъ работы остальныхъ трехъ дней принадлежалъ имъ. Если они были обязаны поставлять различнаго рода припасы, обыкновенно необходимые для продовольствія дворца, и иногда даже въ чрезмерномъ количествѣ, то все же, послѣ удовлетворенія этого требованія, имъ позволялось располагать, по желанію, оставшимися продуктами, какіе они могли собрать. При подобной системѣ, крѣпостные въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ имѣли возможность приобретать собственность такъ же точно, какъ и въ современной Россіи (гдѣ до послѣдней освободительной реформы господствовало сходный по существу своему строй). Въ самомъ дѣлѣ, ихъ сбереженія и составляютъ источникъ богатства современной Европы.

Въ тѣ вѣка насилія и безпорядка первое употребленіе, какое дѣлалъ крѣпостной изъ накопленнаго имъ запаса, было—купить себѣ свободу и удалиться въ какой нибудь городъ или укрѣпленную деревню, уцѣлѣвшую еще отъ временъ римскаго владычества, а то и просто безъ выкупа укрыться тамъ. Въ этомъ убѣжищѣ бывшій крѣпостной, окруженный своимъ согражданинъ, жилъ въ относительной безопасности отъ грабежа и насилія военнаго сословія, благодаря собственной храбрости и мужеству своихъ товарищей. Эти освободившіеся крѣпостные въ большинствѣ случаевъ становились ремесленниками и жили обыкновенно обмѣномъ продуктовъ своей промышленности на избытокъ пищи и матеріаловъ, которые получались отъ земли феодальными собственниками. Это создало въ Европѣ экономическое положеніе, до нѣкоторой степени подобное тому, какое было въ Азій, съ тою только разницею, что вмѣсто единственнаго монарха и измѣнчиваго собранія фаворитовъ и чиновиновъ, здѣсь существовалъ многочисленный и до павѣстной степени утвердившійся классъ большихъ землевладѣльцевъ; они проявляли гораздо меньшую роскошь, вслѣдствіе гораздо меньшаго избытка, находящагося въ ихъ распоряженіи; къ тому же

большую часть избытка они принуждены были тратить на содержаніе дружинъ, что было необходимо для ихъ безопасности, вслѣдствіе вопиющаго пренебреженія общества и малой защиты со стороны правительства. Большая устойчивость и обеспеченность положенія отдѣльных лицъ, которую этотъ строй общества даетъ, по сравненію съ азіатскимъ устройствомъ, экономически соответствующимъ ему, была главной причиной того, почему это общество оказалось болѣе способнымъ къ усовершенствованію. Съ этого времени экономическій успѣхъ европейскаго общества не останавливался. Безопасность личности и собственности возрастала медленно, но постоянно, возможные производства непрерывно совершенствовались; грабежъ перестаетъ быть единственнымъ источникомъ обогащенія, и феодальная Европа созрѣваетъ до коммерческой и мануфактурной ступени развитія. Въ позднѣйшія времена среднихъ вѣковъ города Италіи и Фландрій, вольные города Германіи и нѣкоторыя города Франціи и Англіи заключали въ себѣ большое и энергичное населеніе ремесленниковъ и много богатыхъ гражданъ, богатство которыхъ было приобретено мануфактурной промышленностью или же торговлей продуктами этой промышленности. Общины Англіи, третье сословіе Франціи и вообще вся буржуазія континента, все это потомки этого класса. Такъ какъ этотъ классъ сберегалъ, а потомки феодальной аристократіи расточали, то первые замѣнили послѣднихъ во владѣніи большей частью земли. Этотъ естественный процессъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замедлялся законами, стремившимися удержать землю въ рукахъ существующихъ владѣльцевъ, въ другихъ же случаяхъ онъ ускорялся политическими переворотами. Постепенно, хотя и довольно медленно, непосредственные воздѣльватели земли во всѣхъ болѣе цивилизованныхъ странахъ вышли изъ рабскаго и полурабскаго положенія: однако какъ юридическое, такъ и экономическое положеніе достигнутое ими, чрезвычайно разнится у различныхъ европейскихъ націй, а также и въ большихъ государствахъ, основанныхъ потомками европейцевъ за Атлантическимъ океаномъ.

На свѣтѣ теперь много обширныхъ странъ, снабженныхъ такими видами богатства и въ такомъ изобиліи, о какомъ въ прежніе вѣка не имѣли даже понятія. Безъ принудительнаго труда ежегодно извлекается изъ земли громадное количество пищи, и ею содержатся, кромѣ непосредственныхъ производителей, такое же, а иногда и большее количество рабочихъ, занятыхъ производствомъ и перевозкою безчисленнаго множества разнообразныхъ предметовъ удобства и роскоши. На эти средства существуетъ также множество людей, занятыхъ управленіемъ и надзоромъ за этими разнообразными производствами, и кромѣ всего того—классъ, гораздо болѣе многочисленный, чѣмъ въ самыхъ роскошныхъ древнихъ обществахъ, состоящій изъ лицъ, либо вовсе не занятыхъ, либо такъ занятыхъ, занятія которыхъ не принадлежатъ къ разряду прямо производительныхъ. Пища, собранная при этихъ приемахъ производ-

ства на известномъ пространствѣ земли, даетъ средства къ существованію для населенія, гораздо большаго, чѣмъ то, какое существовало на томъ-же самомъ пространствѣ и въ той же самой странѣ когда бы то ни было прежде, и даетъ эти средства съ вѣрностью, безъ тѣхъ периодическихъ голодовокъ, которыми такъ изобилуетъ европейская исторія первыхъ временъ и которыя не рѣдки и теперь въ восточныхъ странахъ. Кромѣ этого громаднаго прироста въ количествѣ пищи, она сильно улучшилась въ своемъ качествѣ и разнообразіи; но, и помимо пищи, другіе предметы удобства и роскоши, не ограничиваясь уже малочисленными и богатыми классами, распространяются въ большомъ изобиліи въ обширнѣйшихъ слояхъ общества. Совокупныя средства каждой изъ этихъ общинъ, когда онѣ желаютъ примѣнить ихъ для какихъ-нибудь неожиданныхъ цѣлей, такъ велики, что свѣтъ до сихъ поръ не впадалъ подобнаго; возьмемъ, напримѣръ, способность къ содержанію флотовъ и армій, къ выполненію общественныхъ работъ, служащихъ для пользы и украшенія, къ совершенію актовъ національной благотворительности, подобнаго выкупу рабовъ въ Вестъ-Индіи, способность къ основанію колоній, къ устройству народнаго просвѣщенія, вообще къ выполненію въ короткое время чего бы то ни было такого, что требуетъ расходовъ безъ пожертвованія самымъ необходимымъ, или даже безъ пожертвованія существенными удобствами населенія.

Всѣ эти особенности представляютъ характерныя черты современныхъ промышленныхъ обществъ, но и въ этихъ особенностяхъ современныя общества широко разнятся одно отъ другого. Изобиліе богатства, кажущееся такимъ по сравненію съ прежними вѣками, достигается ими въ различной степени. Даже изъ тѣхъ странъ, которыя справедливо считаются самыми богатыми, одніе сдѣлали болѣе полное примѣненіе своихъ производимыхъ источниковъ и получили, относительно территориальныхъ размѣровъ, гораздо большее количество продуктовъ, нежели другія; страны разнятся не только количествомъ богатства, но и быстротой возрастанія его. Различіе въ распредѣленіи богатства еще больше, чѣмъ въ его производствѣ. Мы наблюдаемъ большое разнообразіе въ положеніи бѣднѣйшихъ классовъ въ различныхъ странахъ, а также и въ относительныхъ количествахъ и богатствѣ классовъ, стоящихъ выше уровня бѣднѣйшихъ. Самый характеръ и значеніе классовъ, между которыми раздѣляются первоначально продукты земли, тоже не мало измѣняется въ различныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ землевладѣльцы составляютъ классъ, почти совершенно отдѣльный отъ классовъ промышленныхъ; въ другихъ собственникъ земли почти всегда самъ ее и обрабатываетъ, владѣетъ плугомъ и ирѣдко самъ имъ и работаетъ. Тамъ, гдѣ землевладѣлецъ не самъ обрабатываетъ землю, между нимъ и рабочимъ иногда является посредникъ-фермеръ, который даетъ содержаніе рабочимъ, снабжаетъ ихъ орудіями производства и, уплативъ ренту землевладѣльцу, получаетъ весь

продуктъ; въ другихъ же случаяхъ продуктъ раздѣляется только между землевладѣльцемъ, его наемными помощниками и рабочими. Мануфактурныя издѣлія также иногда производятся отдѣльными лицами, которыя работаютъ то собственными, то наемными инструментами и машинами, и производятъ они эту работу силами своей семьи, почти не употребляя наемнаго труда; въ другихъ случаяхъ производство ведется большимъ числомъ людей, работающихъ въствѣ въ одномъ зданіи, дорогими и сложными машинами, принадлежащими богатымъ фабрикантамъ. Такое же различіе существуетъ и въ торговыхъ операціяхъ. Оптовая торговля, гдѣ только она существуетъ, вездѣ ведется съ помощью крупныхъ капиталовъ, тогда какъ розничная торговля, занимающая въ общемъ очень большую сумму капиталовъ, производится часто въ небольшихъ лавкахъ какими торговцами и пѣть семействами, съ помощью, быть можетъ, одного или двухъ учениковъ; но иногда она ведется и въ обширныхъ заведеніяхъ, основной капиталъ которыхъ доставляется или отдѣльными богатыми лицами, или обществами, а служебный персоналъ состоитъ изъ большого числа наемныхъ приказчиковъ и приказницъ. Кромѣ этихъ различій въ экономическихъ явленіяхъ, которыя мы наблюдаемъ въ различныхъ частяхъ такъ называемаго цивилизованнаго міра, существуютъ въ той или другой части свѣта еще и до настоящаго времени всѣ тѣ раннія степени экономического развитія, обозрѣніе которыхъ мы сдѣлали выше. Охотническія общества еще существуютъ въ Америкѣ, кочевья—въ Аравіи и степяхъ сѣверной Азіи; восточное общество въ главныхъ чертахъ осталось тѣмъ же, чѣмъ оно было всегда; обширная Россійская имперія, даже въ настоящее время, представляетъ собой едва измѣненный образъ феодальной Европы. Всѣ великіе типы человеческого общества, до эскимосовъ и патагонцевъ включительно, еще существуютъ.

Эти замѣчательныя особенности въ положеніи разныхъ частей человечества по отношенію къ производству и распредѣленію богатства должны, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ, имѣть свои причины. Не будетъ достаточнымъ объясненіемъ, если мы припишемъ ихъ исключительно различію въ степеняхъ познанія законовъ природы и навыка въ физическихъ и житейскихъ искусствахъ, различію, которая существуетъ во всѣ времена и въ разныхъ мѣстахъ. Тутъ дѣйствуетъ много и другихъ причинъ; и самое развитіе и неравное распредѣленіе физическихъ знаній является отчасти слѣдствіемъ, а отчасти причиной того состоянія, въ какомъ находится производство и распредѣленіе богатствъ.

Насколько экономическія условія націй зависятъ отъ физическихъ знаній, они составляютъ предметъ естественныхъ наукъ и основанныхъ на нихъ искусствъ. Но, поскольку въ нихъ проявляются моральныя и психологическія причины, зависящія отъ учрежденій и социальныхъ отношеній, или же отъ основъ человеческой природы, изслѣдованіе этихъ условій принадлежитъ не есте-

свеннымъ, а нравственнымъ и социальнымъ наукамъ и составляетъ предметъ того, что называется политической экономіей.

Производство богатства, извлеченіе средствъ для человѣческаго существованія и наслажденія изъ матеріаловъ земного шара, все это, очевидно, не подлежитъ произволу. Оно имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ нихъ нѣкоторыя, физическія, зависятъ отъ свойствъ матерій и отъ различной по времени и мѣсту суммы знаній объ этихъ свойствахъ; ихъ не излѣдуетъ политическая экономія и принимаетъ готовыми, отсылая за объясненіями къ естественнымъ наукамъ, или же къ простому опыту. Сопоставляя эти факты вѣшной природы съ другими петинами, относящимися къ человѣческой природѣ, она пытается напечатать второстепенные или производные законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должно заключаться объясненіе различій въ богатствѣ и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ, а также основаніе для всякаго возрастанія богатства, возможнаго въ будущемъ.

Въ противоположность законамъ производства, законы распределенія зависятъ отчасти отъ человѣческихъ учрежденій, такъ какъ способъ, которымъ богатство распределяется въ каждомъ данномъ обществѣ, зависитъ отъ законовъ и обычаевъ, въ немъ существующихъ. Но хотя правительства или націи имѣютъ возможность рѣшать, какія учрежденія должны существовать, они не могутъ произвольно опредѣлить, какъ должны дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ принадлежащая правительствамъ или націямъ власть надъ распределеніемъ, а также и вліяніе на него разнообразныхъ способовъ управленія, признаваемыхъ обществомъ наиболѣе подходящими, составляютъ такой же предметъ научнаго изслѣдованія, какъ и физическіе законы природы.

Законы производства и распределенія и нѣкоторыя, основанные на опытѣ, выводы изъ нихъ составляютъ предметъ слѣдующаго трактата.

КНИГА I.

Производство.

ГЛАВА I.

Объ элементахъ производства.

§ 1. Производство заключаетъ въ себѣ два элемента: трудъ и пригодные для него предметы природы.

Трудъ бываетъ физическій и умственный, или же, выражая различіе болѣе понятно, мускульный или нервный: въ это понятіе необходимо включить не только одно усиліе, но и всякаго рода не-приятныя ощущенія и тѣлесныя неудобства, связанныя для человѣка съ примѣненіемъ, въ пзвѣстномъ занятіи, его умственной или мускульной силы, или той и другой вмѣстѣ. Что касается другого элемента производства—пригодныхъ предметовъ природы, то о нихъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ существуютъ или произрастаютъ самостоятельно, въ видѣ, годномъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Такъ, существуютъ пещеры и дуплистыя деревья, доставляющія убѣжище, плоды, корни, дикій медъ и другіе естественные продукты, могущіе поддерживать человѣческую жизнь; но даже и въ этомъ случаѣ обыкновенно требуется значительное количество труда, не для производства, а для отысканія и присвоенія ихъ. Кроме этихъ немногихъ и неважныхъ случаевъ, во всѣхъ остальныхъ предметахъ, доставляемыхъ природой, могутъ служить для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ, только претерпѣвъ отъ человѣка нѣсколько степеней преобразованій. (Мы не говоримъ о самомъ первобытномъ человѣческомъ обществѣ). Олотины и рыболовныя племена кормятся дикими животными льсовъ и морей; ихъ трудъ заключается главнымъ образомъ въ присвоеніи: однако они должны свою добычу, до употребленія въ пищу, рубить, разрѣзывать на куски и почти всегда подвергнуть какому-нибудь кули-

нарному процессу; всё эти действия требуют известной суммы человеческого труда. Степень измѣненія, которому подвергается вещество, приспособляемое для непосредственнаго употребленія человекомъ, бываетъ различна: она колеблется отъ только что разсмотрѣнныхъ, или даже еще меньшихъ, измѣненій природы и вѣнности предмета до превращеній настолько полныхъ, что отъ прежняго вида и строенія предмета не остается ни одной черты. Между рудой, находимой въ землѣ, и плугомъ, топоромъ и пилой очень малое сходство. Еще меньшее сходство между фарфоромъ и разложившимся гранитомъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, или же между стекломъ и смѣсью песка съ поташомъ. Еще большее различіе между овечьей шерстью и горелю сѣмянъ хлопка, съ одной стороны, и креселъ или тонкимъ сукномъ—съ другой стороны; и сами овцы и сѣмена—не самостоятельныя произведенія, а результаты предварительнаго труда и заботъ. Въ этихъ разнообразныхъ случаяхъ окончательное произведеніе до такой степени не похоже на вещество, доставляемое природой, что въ обыкновенной рѣчи природа считается доставляющею только матеріалъ.

Но природа не только доставляетъ матеріалъ; она также доставляетъ и силы. Матерія земного шара не только пассивно принимаетъ формы и свойства, придаваемые ей человеческими руками, она сама имѣетъ дѣятельныя силы, посредствомъ которыхъ помогаетъ труду и даже можетъ его замѣнить. Въ древнія времена люди превращали зерна въ муку, раздробляя ихъ между двумя камнями; потомъ они придумали способъ, позволявшій имъ вертѣть одинъ камень надъ другимъ, съ помощью вертнчейся ручки; и этотъ способъ, немного улучшенный, и до сихъ поръ имѣетъ общее примѣненіе на востокѣ. Но мускульное усиліе, необходимое для этого, было такъ тяжело и изнурительно, что работу эту часто примѣняли какъ наказаніе для рабовъ, прогнавшихъ своихъ хозяевъ. Когда время принесло съ собою сознаніе выгоды сократить трудъ и страданія невольниковъ, большая часть физическихъ усилій сдѣлалась ненужной, благодаря изобрѣтенію, по которому верхній камень вертѣлся на нижнемъ не человеческими усиліями, а силою вѣтра или падающей воды. Въ этомъ случаѣ дѣйствующія силы природы, вѣтеръ или паденіе воды, принуждены исполнять часть работы, прежде выполнявшейся трудомъ.

§ 2. Случай подобный этому, въ которомъ человекъ избавляется отъ труда, слагая его на какую-нибудь силу природы, можетъ внушить ложное понятіе о сравнительномъ значеніи труда и силъ природы: можно подумать, будто бы участіе послѣднихъ въ дѣятельности человека ограничивается только тѣми случаями, когда онъ выполняетъ то, что иначе было бы сдѣлано трудомъ; какъ будто бы въ тѣхъ случаяхъ, когда вещь, какъ говорятъ, сдѣлана руками, природа доставляетъ только пассивный матеріалъ. Это заблужденіе. Силы природы одинаково дѣятельны въ обоихъ случа-

яхъ. Рабочій беретъ стебель льна или конопли, раздѣляетъ его на отдѣльныя волокна, пальцами свиваетъ вмѣстѣ нѣсколько изъ этихъ волоконъ, при помощи простаго орудія, называемаго веретенкомъ; сдѣлавъ такимъ образомъ нить, онъ располагаетъ много такихъ нитей, одну возлѣ другой, и пропускаетъ чрезъ нихъ подобныя же нити, такъ что каждая проходитъ попеременно надъ и подъ первыми, лежа къ нимъ подъ прямымъ угломъ; эта часть процесса облегчается орудіемъ, называемымъ челнокомъ. И такъ рабочій произвелъ ткань бумажную или шерстяную, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ это сдѣлалъ руками, и не предполагаютъ никакой естественной силы, дѣйствовавшей совместно съ нимъ. Но какая сила дѣлаетъ возможнымъ каждый шагъ при выполненіи этой операціи и почему ткань держится вмѣстѣ? Потому, что волокна обладаютъ крѣпостью и сплюю сдѣленія, которая также относится къ силамъ природы; ее можно точно измѣрить, по сравненію съ другими механическими силами, и доказать, какое бы количество каждой изъ этихъ силъ потребовалось для того, чтобы нейтрализовать или уравновѣсить ее.

Если мы изслѣдуемъ какой-нибудь другой случай того, что называется дѣйствіемъ человека на природу, мы также найдемъ, что силы природы или, другими словами, свойства матеріи исполняютъ всю работу, какъ только предметы приведены въ требуемое положеніе. Все, что мы дѣлаемъ и можемъ сдѣлать съ матеріей, состоитъ въ одномъ только дѣйствіи—помѣщеніи предметовъ въ соотнобтствующее мѣсто для того, чтобы они подвергались вліянію силъ, заключенныхъ въ нихъ самихъ или присутнихъ другимъ предметамъ: человекъ только придвигаетъ или отодвигаетъ одну вещь отъ другой. Онъ вдвигаетъ сѣмя въ землю, и естественныя силы произрастающаго послѣдовательно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плоды. Онъ продвигаетъ топоръ сквозь дерево, и оно падаетъ естественной силой тяжести. Онъ особеннымъ способомъ продвигаетъ чрезъ него плу и, благодаря физическому свойству, по которому болѣе мягкая матерія уступаетъ мѣсто болѣе твердой, раздѣляетъ его на доски, которыя онъ съ помощью гвоздей, вбитыхъ въ нихъ, или клѣйкаго вещества, размѣщаетъ въ известномъ положеніи и производитъ такимъ образомъ столъ или домъ. Онъ придвигаетъ свѣчку къ топчаву, и оно загорается: сіюю, порождаемую горѣніемъ, онъ варитъ пищу, плавитъ или размягчаетъ желѣзо, превращаетъ въ пиво и сахаръ солодъ и тростячковой сокъ, которые онъ предварительно придвинулъ къ этому мѣсту. Онъ не имѣетъ другого средства дѣйствовать на матерію, какъ только передвигая ее. Движеніе и сопротивленіе движенію—вотъ единственныя вещи, для которыхъ созданы его мускулы. Мускульнымъ сокращеніемъ онъ можетъ производить давленіе на вѣншіи предметъ, и если это давленіе будетъ достаточно сильно, то предметъ придетъ въ движеніе; если онъ уже двигался, то его движеніе будетъ замедлено или измѣнено, или совершенно приостановлено. Ничего болѣе человекъ сдѣлать не можетъ. Но этого доста-

точно для того, чтобы доставить человечеству власть, приобретенную надъ силами природы, которая неизмѣримо могущественнѣе его. Какъ бы эта власть ни была велика въ настоящее время, несомнѣнно, въ будущемъ она будетъ безконечно больше. Человѣкъ проявляетъ эту власть, или присваивая себѣ существующія естественныя силы, или же приводя предметы въ такое смѣшеніе и соединеніе, которымъ порождаются естественныя силы, напр., помѣщая спичку въ топливо и вливая воду въ котелъ надъ нимъ, онъ порождаетъ силу расширяющагося пара, которымъ такъ широко воспользовались для достиженія человѣческихъ цѣлей *).

Итакъ, въ физическомъ мірѣ трудъ всегда употребляется только для приведенія предметовъ въ движеніе — свойство матеріи и законы природы двигаютъ остальное.

Искусство и изобрѣтательность человѣка главнымъ образомъ направлены на изысканіе движений, доступныхъ его силамъ и годныхъ для достиженія желаемыхъ имъ результатовъ. Но хогн движеніе и есть единственное дѣйствіе, которое человѣкъ можетъ немедленно и непосредственно производить своими мускулами, все же имѣть необходимости, чтобы всѣ требуемыя движенія были производимы исключительно имъ самимъ. Первою и самою прямою замѣною силы человѣка служить мускульная работа скота; постепенно затѣмъ силы неодушевленной природы также были привлечены къ содѣйствію; такъ, напримѣръ, вѣтеръ и вода — вѣщи, уже находящіяся въ движеніи — были употреблены для того, чтобы сообщить часть своего движенія колесамъ, которые раньше этого изобрѣтенія приводились въ движеніе мускульной силой. Эта услуга восторгалась у силъ вѣтра и воды рядомъ дѣйствій, заключающихся, подобно предыдущимъ, въ передвиженіи плавучихъ предметовъ въ плавучее положеніе, въ которомъ они составляютъ то, что называется машинной. Но мускульное дѣйствіе, необходимое для этого, не возобновляется постоянно, но исполняется разъ навсегда, а это въ общемъ составляетъ большую экономію труда.

§ 3. Нѣкоторые писатели поднимаютъ вопросъ о томъ, въ какой оградѣ промышленности природа больше содѣйствуетъ труду, и отвѣчаютъ, что въ нѣкоторыхъ занятіяхъ участвуетъ больше трудъ, въ другихъ — природа. Тутъ, однако, есть, кажется, большое заблужденіе. Участіе природы во всякой человѣческой работѣ неопредѣленно и неизмѣримо. Имѣть возможности рѣшить, въ производствѣ какой вещи природа участвуетъ сильнѣе, чѣмъ въ другой. Нельзя даже сказать, что трудъ дѣлаетъ меньше. Можетъ требоваться меньшее количество труда, но если то, что требуется, безусловно необходимо, то результатъ будетъ настолько же произведеніемъ труда, какъ и природы. Когда два условія одинаково не-

*) Этотъ существенный и основной законъ человѣческой власти надъ природой былъ, я думаю, объясненъ и сдѣланъ главнымъ основаніемъ политической экономіи въ I глав. Mr. Mill's Elements.

обходимы для произведенія какого-нибудь дѣйствія, то будетъ нелогично говорить, что столько-то произведено однимъ и столько-то другимъ. Это все равно, если бы взялись рѣзать, которая часть ножицъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или же который пѣзъ множителей, 5 или 6, участвуетъ больше въ составленіи 30. Такой взглядъ обыкновенно принимаетъ форму мнѣнія, что въ земледѣліи природа болѣе помогаетъ человѣческимъ успѣхамъ, чѣмъ въ фабричномъ производствѣ. Это мнѣніе, котораго придерживаются французскіе экономисты и отъ котораго не былъ свободенъ и Адамъ Смитъ, возникло изъ ложнаго пониманія сущности ренты. Земельная рента есть вознагражденіе, уплачиваемое за пользованіе силами природы; а такъ какъ подобнаго вознагражденія нѣтъ въ обрабатывающей промышленности, то эти писатели воображали, что вознагражденіе уплачивается потому, что въ земледѣліи со стороны природы существуетъ большее количество услугъ, за которыя сдѣдуетъ платить; между тѣмъ болѣе точное изслѣдованіе предмета показало бы, что причина, почему за пользованіе землей требуется плата, заключается просто въ ограниченности ея количества: и что если бы воздухъ, теплота, электричество, химическія вещества и другія силы природы были въ недостаточномъ количествѣ и могли быть, подобно землѣ, присвоены, за нихъ также можно было бы взимать ренту.

§ 4. Это ведетъ къ подраздѣленію, которое, какъ увидимъ, имѣетъ первостепенную важность. Количество нѣкоторыхъ силъ природы бываетъ ограничено, другихъ — неограничено: въ первомъ ограниченномъ количествѣ, конечно, имѣется въ виду не безусловная, а практическая неограниченность, т. е. количество, превышающее то употребленіе, какое можетъ быть сдѣлано изъ него когда бы то ни было или, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ. Земля въ нѣкоторыхъ вновь заселенныхъ странахъ, по своему количеству, практически неограниченна; здѣсь ей больше того, сколько нужно существующему населенію страны или же потребуется для будущихъ поколѣній, возрастающихъ въ числѣ. Но даже и тутъ земля, удобно расположенная относительно сбыта и путей сообщенія, обыкновенно находится въ ограниченномъ количествѣ: ей не такъ много, чтобы каждый могъ безпрепятственно занимать и обрабатывать ее или же извлекать изъ нея другія выгоды. Во всѣхъ старыхъ странахъ земля, годную для обработки или, по крайней мѣрѣ, сносную по плодородію, слѣдуетъ причислять къ силамъ ограниченнымъ въ количествѣ. Вода для обыкновеннаго употребленія на берегахъ рѣкъ и озеръ можетъ считаться въ неограниченномъ изобиліи; но если она требуется для орошенія, то даже и тутъ ей дѣлается недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей; въ мѣстахъ же, которыя въ своемъ потребленіи зависятъ отъ цистернъ, водохранилищъ или отъ колодезевъ, недостаточно обильныхъ или подвергающихся убыли, вода принадлежитъ къ вещамъ, количество которыхъ строго ограничено. Тамъ, гдѣ вода сама по

себѣ обильна, все-таки, сила воды, т. е. паденіе ея, применимое по своей механической силѣ къ промышленнымъ цѣлямъ, можетъ быть очень ограничена, по сравненію съ тѣмъ употребленіемъ, какое могло бы быть сдѣлано, если бы ея было больше. Каменный уголь, металлическія руды и другія полезныя вещества, находящіяся въ недрахъ земли, ограничены въ количествѣ еще больше, чѣмъ ея поверхность. Они не только встрѣчаются въ мѣстахъ вполне опредѣленныхъ, но и запасы ихъ могутъ истощаться, хотя въ данномъ мѣстѣ и въ данное время они могутъ существовать гораздо въ большемъ изобиліи, чѣмъ то, какое возможно было применить въ настоящее время, даже получивъ ихъ даромъ. Морскія рыбныя ловли въ большинствѣ случаевъ составляютъ даръ природы, по своему количеству практически неограниченный; но арктическій китобойный промыселъ долго не удовлетворялъ требованію, существующему даже при весьма значительной цѣнѣ, необходимой для покрытія расходовъ: вѣдствіе этого ловли китовъ получила развитіе въ южныхъ моряхъ и можетъ также повести къ истощенію послѣднихъ. Рыбное рыболовство составляетъ естественный источникъ весьма ограниченного характера и было бы быстро истощено, если бы каждому было позволено пользоваться имъ безъ ограниченія. Воздухъ, даже въ томъ состояніи его, которое мы называемъ вѣтромъ, во всѣхъ почти мѣстахъ можетъ быть полученъ въ количествѣ, достаточномъ для всевозможныхъ употребленій; въ такой же мѣрѣ доступна на берегахъ морей и большихъ рѣкъ водная перевозка, хотя количество пристаней и портовъ, необходимыхъ при такомъ способѣ перевозки, во многихъ случаяхъ гораздо меньше того, какое бы могло быть применено, если бы было болѣе доступно.

Вслѣдствіи мы увидимъ, въ какой мѣрѣ общественная экономія зависить отъ того, что нѣкоторыя наиболѣе важныя силы природы, и въ особенности земли, находятся въ ограниченномъ количествѣ. Теперь же я только замѣчу, что до тѣхъ поръ, пока количество силъ природы практически неограничено, онѣ не могутъ имѣть цѣны на рынкѣ, исключая тѣхъ случаевъ, когда подвергаются искусственной монополіи, потому что никто ничего не даетъ за ту вещь, которую можетъ получить даромъ. Но какъ только ограниченіе становится практически замѣтнымъ, какъ только вещь становится меньше, чѣмъ сколько могло бы быть превозено и употреблено, если бы онѣ достались даромъ, право собственности или пользования силами природы приобретаетъ мѣновую цѣнность. Если въ известной мѣстности существуетъ большая потребность въ водной силѣ, чѣмъ сколько ея могутъ доставить водные источники, то люди будутъ платить известное вознагражденіе за пользование ею. Когда въ известной мѣстности недостаточно для обработки земли вообще или земли известнаго качества, или особенно выгодно расположенной, то земля такого качества и съ такимъ положеніемъ будетъ продаваться за известную цѣну или же

отдаваться въ наемъ за годовую ренту. Этотъ предметъ мы рассмотримъ окончательно впоследствии, но часто бываетъ полезно указать заранѣе короткими намеками принципы и выводы, которые будутъ развиты и объяснены нами впоследствии.

ГЛАВА II.

О трудѣ, какъ о дѣятелѣ производства.

§ 1. Трудъ, оканчивающійся производствомъ предмета, годнаго для употребленія человекомъ, применяется или непосредственно къ этому предмету, или же состоитъ изъ предварительныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлю облегчить дальнѣйшее производство его, иногда даже существенно необходимыхъ для возможности производства. Напримѣръ, въ приготовленіи хлѣба трудъ, употребленный непосредственно на эту вещь,—это трудъ хлѣбопека; но трудъ мельника хотя и прямо употребленъ на производство муки, а не хлѣба, одинаково составляетъ часть общей суммы труда, произведшаго хлѣбъ. Такъ же участвуетъ въ этомъ трудъ жнецъ и сѣятель. Нѣкоторые могутъ подумать, что всѣ эти люди должны считаться употребившими свой трудъ прямо на изготовленіе хлѣба, потому что зерно, мука и хлѣбъ представляютъ одно и то же вещество въ трехъ различныхъ состояніяхъ. Не обезудая этого различія въ выраженіяхъ, мы напомнимъ, что еще есть пахарь, приготовляющій землю для посѣва и работа котораго не касается этого вещества ни въ какомъ его состояніи, и кузнецъ, участіе котораго въ конечномъ результатѣ труда еще болѣе отдаленное. Всѣ эти лица въ концѣ концовъ получаютъ вознагражденіе за ихъ трудъ изъ хлѣба или цѣны его: и кузнецъ, приготовляющій плугъ, такъ же, какъ и другіе, потому что плуги годны только для обработки почвы, и никто не сталъ бы ихъ готовить и употреблять, если бы увеличеніе дохода отъ земли, получаемое благодаря обработкѣ ея плугомъ, не давало средствъ для уплаты достаточнаго вознагражденія за трудъ мастера, сдѣлавшаго плугъ. Если продуктъ употребляется или потребляется въ видѣ хлѣба, то это вознагражденіе должно быть получено отъ этого хлѣба. Хлѣба должно хватить на вознагражденіе всѣмъ этимъ людямъ, и, кромѣ того, еще многимъ другимъ, какъ, напримѣръ, плотникамъ и каменщикамъ, строившимъ ферму, людямъ, дѣлавшимъ изгороди, землекопамъ, копавшимъ канавы, необходимыя для огражденія полей, рудокопамъ и плавильщикамъ, извлекавшимъ изъ земли руду или приготовлявшимъ желѣзо, изъ котораго сдѣланы плугъ и другія орудія. Но вознагражденіе этихъ людей зависить не отъ хлѣба, получаемого

пшъ произведеній одной жатвы, а отъ продуктовъ всѣхъ жатвъ послѣдовательно собранныхъ, пока будетъ существовать плугъ, зданія или рвы. Мы должны еще прибавить другой родъ труда—перевозку продуктовъ съ мѣста ихъ производства до мѣста употребленія,—трудъ, потраченный на перевозку зерна на рынокъ, съ рынка на мельницу, муки съ мельницы въ пекарню и изъ пекарни на мѣсто ея окончательнаго потребленія. Этотъ трудъ иногда бываетъ весьма значителенъ; такъ, мука привозится въ Англію изъ-за Атлантическаго океана, зерно—изъ центра Россіи. Но сверхъ рабочихъ, непосредственно занятыхъ перевозкой, какъ моряки и извозчики, много людей занято постройкой дорогихъ орудій, напр., кораблей; однако вознагражденіе за трудъ этихъ послѣднихъ зависить отъ хлѣба не вполне, а только отчасти, потому что корабль въ продолженіе своего существованія обыкновенно употребляется на перевозку различныхъ товаровъ.

Поэтому вычислять трудъ, результатомъ котораго является какой-нибудь товаръ, дѣло далеко не простое; статьи счета при этомъ вычисленіи очень многочисленны, могутъ даже показаться безконечными, потому что если мы будемъ считать частью труда, употребленнаго на приготовленіе хлѣба, трудъ кузнеца, дѣлашаго плугъ, тогда можно спросить, почему бы не считать трудъ, затраченный на приготовленіе орудій, употребляемыхъ кузнецомъ, и трудъ на приготовленіе инструментовъ для этихъ орудій, и такъ далѣе, до первыхъ началковъ производства вещей? Но, подыавшись до первой или второй ступени этой восходящей лѣстницы, мы входимъ въ область дробей. слишкомъ мелкихъ для вычисленія. Предположимъ, на примѣръ, что одинъ и тотъ же плугъ будетъ годенъ къ работѣ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ; тогда только одна двѣнадцатая часть труда, потраченнаго на приготовленіе плуга, можетъ быть отнесена на счетъ жатвы каждаго года. Двѣнадцатая часть труда выдѣлки плуга—количество еще доступное оцѣнкѣ; но одного прибора инструментовъ хватить, вѣроятно, кузнецу на изготовленіе ста плуговъ, которые въ продолженіе двѣнадцатилѣтняго существованія служатъ для воздѣлыванія земли въ столькихъ же различныхъ фермахъ. Такимъ образомъ одна тысяча двухсотая часть труда по приготовленію инструментовъ представляетъ собою то, что израсходовано для произведенія годичной жатвы одной фермы, и если эта дробь будетъ далѣе двигаться пропорціонально вверхъ съ зерномъ и отдѣльнымъ печенымъ хлѣбамъ, то можно сразу замѣтить, что это количество не стоитъ принимать въ расчетъ для какихъ-нибудь практическихъ цѣлей, относящихся къ товарамъ. Правда, если бы мастеръ, изготовлявшій инструменты, не работалъ, то не было бы ни зерна, ни хлѣба, но вознагражденіе за затраченный имъ трудъ не повлечетъ цѣны хлѣба ни на одну десятую фардзина.

§ 2. Другой способъ косвеннаго или отдаленнаго участія труда въ производствѣ вещи требуетъ особаго упоминанія, а именно

когда трудъ употребленъ на производство средствъ существованія для рабочихъ, занятыхъ производствомъ. Эта предварительная затрата труда составляетъ необходимое условіе всякой производственной операціи, если только она имѣетъ сколько-нибудь значительные размѣры. За исключеніемъ труда охотника и рыбака, врядъ ли существуетъ другой родъ труда, въ которомъ бы доходъ получался непосредственно. Производительными операціи требуютъ извѣстнаго времени, пока не получатся ихъ плоды. Если рабочій передъ началомъ его работы не располагаетъ запасомъ пищи въ достаточномъ количествѣ или же не можетъ прибѣгнуть къ запасамъ другого для поддержанія себя до конца производства, онъ можетъ браться только за такой трудъ, который онъ будетъ исполнять въ свободные промежутки, совместно съ добываніемъ средствъ для своего существованія. Самъ онъ не можетъ получить сколько-нибудь изобильную пищу, потому что всякій способъ полученія ея требуетъ, чтобы уже существовала запасъ ея. Земледѣіе производитъ пищу только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; и хотя трудъ земледѣльцевъ не продолжается непрерывно во весь этотъ періодъ, онъ все же долженъ занимать большую часть его. Не только земледѣіе невозможно безъ заранее приготовленнаго запаса пищи, но самый этотъ запасъ долженъ быть очень великъ, чтобы сколько-нибудь значительное общество имѣло возможность просуществовать исключительно земледѣіемъ. Страна, подобная Англіи или Франціи, имѣетъ возможность заниматься земледѣіемъ въ настоящемъ году, потому что отъ прежнихъ годовъ въ ней самой или гдѣ-нибудь въ другихъ странахъ образовался запасъ пищи, достаточный для поддержанія ея земледѣльческаго населенія до будущей жатвы. Эти страны имѣютъ возможность рядомъ съ пиццей производить и другіе предметы только потому, что пицца, находящаяся въ запасѣ по окончаніи жатвы, хватаетъ не только на поддержаніе земледѣльческихъ рабочихъ, но, кромѣ того, и на потребности обширнаго промышленнаго населенія.

Трудъ, употребляемый на производство этого запаса средствъ существованія, составляетъ большую и важнѣйшую часть проплагаго труда, который необходимъ для поддержанія возможности труда настоящаго. Но между этимъ трудомъ и другими родами предварительнаго и подготовительнаго труда существуетъ различіе, требующее особеннаго замѣчанія. Мельникъ, жнецъ, пахарь, кузнецъ, приготовляющій плуги, извозчикъ, плотникъ, дѣлающій телеги, даже матросъ и кораблестроитель получаютъ за свой трудъ вознагражденіе пшъ окончательнаго продукта,—пшъ хлѣба, приготовленнаго изъ зерна, надъ которымъ они въ отдѣльности трудились разными способами, или же доставляли орудіе для труда. Трудъ, произведшій пищу, которою питаются всѣ эти работники, также необходимъ для окончательнаго результата, т. е. хлѣба, полученнаго отъ настоящей жатвы, какъ и другія части этого труда, но онъ, подобно имъ, не вознаграждается изъ настоящей жатвы. Предварительный трудъ

получает свое вознаграждение изъ предварительнаго заготовления пищи. Для того, чтобы произвести какой-нибудь продукт, необходимо трудъ, орудія, матеріалы и пища для прокормленія рабочихъ.

Но орудія и матеріалы не имѣютъ другого назначенія, какъ, по крайней мѣрѣ, не примѣняются для другого употребленія, кромѣ получения продукта, и трудъ на ихъ заготовленіе можетъ быть вознагражденъ только по полученіи продукта. Пища же, напротивъ, существенно полезна и примѣняется для прямого потребленія, прокормленія людей. Трудъ, потраченный на производство пищи и вознагражденный этой же пищей, не нуждается въ новомъ вознагражденіи изъ продукта послѣдующаго труда, который имъ былъ прокормленъ. Если мы предположимъ, что то же самое общество рабочихъ занимается одновременно и обрабатывающей промышленностью в земледѣліемъ для собственнаго пропитанія, то за свой трудъ оно получаетъ пищу и мануфактурныя издѣлія, но если эти рабочіе также добываютъ матеріалъ и готовятъ орудія, то за это они ничего не получаютъ, кромѣ мануфактурныхъ произведеній.

Право на требованіе вознагражденія, основанное на владѣніи пищей, годной для поддержанія рабочихъ, совсѣмъ другого рода; это есть вознагражденіе не за трудъ, а за воздержаніе. Если у человека есть запасъ пищи, онъ самъ можетъ израсходовать его въ праздности, или отдать его на содержаніе другихъ, для того чтобы они служили ему: сражались за него, шли и танцевали для него. Если, вмѣсто того, онъ отдаетъ этотъ запасъ производительнымъ рабочимъ для прокормленія ихъ въ продолженіе его работы, онъ можетъ, и, конечно, будетъ требовать по праву вознагражденія изъ продуктовъ. Онъ не удовлетворится простымъ возвратомъ; если онъ получилъ только затраченное, онъ останется въ томъ же положеніи, какъ и первоначально, и не получитъ никакой выгоды за оторочку въ потребленіи своихъ сбереженій для собственной пользы или удовольствія. Онъ рассчитываетъ на нѣкоторое вознагражденіе за это воздержаніе; онъ надеется, что выданная имъ впередъ пища возвратится къ нему съ приращеніемъ, называемымъ на діловомъ языкѣ прибылью; и надежда на эту прибыль обыкновенно и будетъ составлять часть побудительныхъ причинъ, заставляющихъ его накопить запасы, сберегая изъ своего собственнаго потребленія, и всѣми силами пѣбывать употребленія накопленнаго для собственнаго удобства и удовольствія. Также и пища, поддерживающая рабочихъ во время производства орудій и матеріаловъ, должна быть заранѣе заготовлена къ-нибудь, и этотъ послѣдній также долженъ получить прибыль изъ окончательнаго продукта. Но въ этомъ случаѣ та разниця отъ предыдущаго, что окончательный продуктъ долженъ дать не только прибыль, но и вознагражденіе за трудъ. Человекъ, готовящій орудія, напр., кузнецъ, обыкновенно не ждетъ своего вознагражденія до уборки урожая; фермеръ даетъ ему его впередъ и, становясь собственникомъ плуга, заступаетъ его мѣсто. Но, несмотря на это, вознагражденіе кузнеца должно быть

получено изъ урожая, потому что фермеръ не приметъ бы на себя этой издержки, если бы онъ не надеялся, что жатва возвратитъ ему ее съ прибылью.

Такимъ образомъ, жатва должна доставить, кромѣ платы рабочимъ фермы (и прибыли за эту плату, выданную впередъ), также достаточный остатокъ, изъ котораго будутъ вознаграждены работники кузнеца, получить прибыль самъ кузнецъ и получить прибыль фермеръ на обѣ послѣднія суммы.

§ 3. Изъ этихъ соображеній видно, что при численіи и классификаціи родовъ промышленности, предназначенныхъ для ковенной или отдаленной помощи другому производительному труду, мы не должны включать сюда трудъ, потраченный на производство пропитанія и другихъ предметовъ необходимости, потребляемыхъ производительными рабочими, потому что главная цѣль и интересъ этого труда состоитъ въ поддержаніи жизни рабочихъ; и хотя обладаніе запасомъ его даетъ возможность производить другія работы, но это только второстепенное стѣдствіе.

Остальные способы ковеннаго участія труда въ производствѣ могутъ быть раздѣлены на пять отдѣловъ.

Первый: трудъ, затраченный на производство матеріаловъ, которыми впоследствии будетъ заниматься промышленность. Во многихъ случаяхъ этотъ трудъ заключается въ одномъ только прирощеніи или въ добывающей промышленности, но удачному выраженію Dupouet. Трудъ рудокопа состоитъ въ добываніи изъ земли веществъ, превращаемыхъ промышленностью въ различные предметы, годные для человѣческаго потребленія. Но добывающая промышленность не ограничивается только извлеченіемъ матеріаловъ. Каменный уголь, напримеръ, употребляется не только въ промышленныхъ процессахъ, но также и на непосредственное согрѣваніе людей; при такомъ употребленіи онъ не представляетъ матеріала производства, а самъ по себѣ окончательный продуктъ. То же самое можно сказать относительно добыванія драгоценныхъ камней. Они имѣютъ самое незначительное примѣненіе въ производствѣ, какъ, напр., алмазъ—для разрыванія стекла, наждакъ и алмазный шпатель—для полировки, но главное ихъ примѣненіе, какъ предметовъ роскоши, будетъ непосредственнымъ употребленіемъ; впрочемъ, мы иногда можемъ считать ихъ также матеріалами производства, въ виду того, что для послѣдняго употребленія они подвергаются нѣкоторой обработкѣ. Металлическія руды всѣхъ родовъ представляютъ только лишь матеріалы.

Въ отдѣлѣ производства матеріаловъ мы должны включить промышленность, занимающуюся рубкой лѣса, если она служитъ для приготовленія строеваго лѣса для зданий или же дерева для плотничьяго и другихъ ремеслъ. Въ лѣсахъ Америки, Норвегіи, Германіи, въ Ипреняхъ и Альпахъ этотъ родъ труда широко примѣняется нацѣ деревьями, выросшими самостоятельно. Въ другихъ же

случаяхъ мы должны прибавить къ труду дровосѣка трудъ людей, насаждавшихъ и возраставшихъ лѣсъ.

Сюда также относится трудъ земледѣльца, занимающагося разведеніемъ льна, конопцн, хлопка, воспитывающаго шелколичныхъ червей, заготовляющаго пшцу для скота, добывающаго древесную кору, красильныя вещества, нѣкоторыя масляничныя растенія и множество другихъ предметовъ, полезныхъ только потому, что они употребляются въ другихъ отрасляхъ промышленности. Сюда также принадлежитъ и трудъ охотника, если его цѣль—добываніе мяса и перьявъ, трудъ пастуховъ и скотоводовъ,—въ виду того, что они доставляютъ шерсть, шкуры, рога, щетину, конскій волосъ и тому подобное. Вещи, служащія матеріаломъ въ разныхъ процессахъ обработки произведеній, въ высшей степени разнообразны по характеру и получаются изъ всѣхъ областей животнаго, растительнаго и минеральнаго царства. Кроме того, готовые продукты одной отрасли промышленности составляютъ матеріалъ другой. Пряжа, произведенная прядильщицами, употребляется почти исключительно какъ матеріалъ для ткача. Даже произведеніе ткацкаго станка главнымъ образомъ употребляется какъ матеріалъ для производителей одежды и мебели или же для новыхъ орудій производительной дѣятельности, напр., парусовъ. Кожовникъ и дубильщикъ вслѣдствіе зашиты обращеніемъ сырого матеріала въ такъ называемый приготовленный матеріалъ. Строго говоря, почти всѣ пищевыя вещества въ томъ видѣ, въ какомъ они получаютъ отъ земледѣльца,—не болѣе, какъ матеріалы для пекаря и повара.

§ 4. Второй видъ ковеннаго труда—это трудъ, употребленный на приготовленіе орудій и инструментовъ для помощи труду. И употребляю это выраженіе въ самомъ обширномъ смыслѣ, означая всѣ постоянныя орудія и средства для производства, отъ кремня и стали для выжиганія огня, до паролотовъ или самыхъ сложныхъ фабричныхъ машинъ. Тутъ является нѣкоторое сомнѣніе, какъ провести границу между орудіями и матеріалами: а нѣкоторыя вещи, употребляемыя въ производствѣ, напр., топливо, едва ли пододдутъ въ обыкновенной рѣчи подъ одно изъ этихъ названій, потому что обыкновенный способъ выраженія вырабатывается подъ влияніемъ требованій, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя предъявляются къ изложенію научному. Во избѣжаніе множества разрядовъ и наименованій, соответствующихъ различіямъ, не имѣющимъ научнаго значенія, экономисты обыкновенно всѣ вещи, служащія непосредственно для производства, причисляютъ или къ разряду орудій, или къ разряду матеріаловъ (средства, которыя служатъ производству ковенно, мы разсмотримъ сейчасъ). Быть можетъ, проще и удобнѣе установить эту границу, принявши за матеріалъ всякое средство производства, которое можетъ быть употреблено только одинъ разъ и разрушается или инымъ образомъ употреблено, не можетъ быть применено вторично такимъ же образомъ. Такъ, напр., топливо, разъ уже сгорѣвши, такимъ же образомъ не можетъ быть употреблено снова какъ топливо: только

часть, не сгорѣвшая въ первый разъ, можетъ годиться для того же употребленія. И не только оно не можетъ быть потреблемо, не сгорая, но оно именно и полезно тѣмъ, что сгораетъ: потому что если бы никакая часть топлива не сгорала, то не было бы произведено тепло. Шерсть также разрушается, какъ шерсть, обращаясь въ пряжу, и пряжа не можетъ примѣняться, какъ пряжа, послѣ того какъ изъ нея приготовить сукно. Но топоръ не уничтожается, какъ топоръ, рубкою дерева, онъ можетъ еще употребляться для срубки сотни и тысячъ деревьевъ: и хотя онъ портится въ самой незначительной степени при каждомъ употребленіи, однако онъ не выполняетъ своего назначенія этой порчей, подобно шерсти и углю, которые потребляются въ производствѣ его.

Напротивъ, топоръ будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе онъ подвергнется порчѣ. Есть вещи, справедливо причисленныя къ разряду матеріаловъ, которые могутъ употребляться въ дѣло по два и по три раза, но не тогда, когда еще существуетъ тотъ предметъ, который они составляли въ первый разъ. Железо, употребленное на чанъ или систему трубъ, можетъ быть расплавлено и обращено въ плугъ или паровую машину. Камень, изъ котораго было построено дѣло, послѣ разрушенія его, можетъ быть употребленъ на постройку другого дома. Но этого нельзя сдѣлать, пока существуетъ первоначальный продуктъ: значеніе этихъ вещей, какъ матеріаловъ, не существуетъ, пока не разрушенъ предметъ, на который онѣ были первоначально употреблены. Не такъ бываетъ съ вещами, принадлежащими къ разряду орудій: онѣ неоднократно могутъ употребляться для новыхъ работъ, до тѣхъ поръ, пока онѣ не изнасятся, что можетъ случиться очень нескоро: между тѣмъ какъ предметы, сдѣланные посредствомъ ихъ, могутъ повредить существовать, и если и разрушаются, то только въ силу своихъ собственныхъ свойствъ или же по случайностямъ, которыя относятся только къ нимъ *).

Единственное весьма важное практическое различіе, происходящее отъ различія между матеріалами и орудіями, уже раньше привлекло наше вниманіе. Такъ какъ матеріалы, затраченные одинъ разъ, разрушаются, какъ таковыя, то весь трудъ, необходимый для ихъ производства, такъ же какъ и воздержаніе лицъ, доставляю-

*) Таланганый и благосклонный критикъ этого сочиненія въ Edinburgh Review (October 1848) понимаетъ различіе между матеріалами и орудіями иначе; онъ предлагаетъ считать матеріалами и „всѣ вещи, которыя, подвергшись измѣненіямъ, входятъ въ производство, сами по себѣ являются предметомъ бытія“, а орудіями—„вещи, посредствомъ которыхъ выполняются эти измѣненія, но которыя при этомъ сами не входятъ въ результатъ, полученный отъ измѣненій“. Согласно этому опредѣленію, топливо, потребляемое на фабрикахъ, должно считаться не матеріаломъ, а орудіемъ; такое употребленіе терминовъ согласуется лучше предложеннаго въ текстѣ съ первоначальнымъ физическимъ значеніемъ слова „матеріалъ“: однако различіе, на которомъ оно основано, не имѣетъ почти никакого значенія для политической экономіи.

ныхъ средства на выполнение этого труда, должны вознаграждаться изъ произведеній этой единственной затраты. Орудія, напротивъ, употребляются много разъ, а все количество продуктовъ, созданныхъ при помощи ихъ, составляетъ запасъ, изъ котораго вознаграждаются трудъ, затраченный на производство этихъ орудій и воздержаніе тѣхъ лицъ, сбереженій которыхъ или на поддержаніе этого труда. Совершенно достаточно, если каждая единица продукта заплатитъ свою обыкновенную, самую незначительную долю, для вознагражденія этого труда и воздержанія, или для удовлетворенія непосредственнаго производителя, давшаго впередъ вознагражденіе лицу, произведшему орудія.

§ 5. Въ-третьихъ: кромѣ матеріаловъ, которыми занимается промышленность, и орудій, помогающихъ ей, должны быть приняты мѣры для предупрежденія тѣхъ помѣхъ и порчи продуктовъ, которыя причиняются разрушительными силами природы или же насиліемъ и лишениемъ людей. Это даетъ начало новому способу, въ которомъ трудъ, не употребляясь прямо на самый продуктъ, служитъ вспомогательнымъ средствомъ его производства, а именно: когда этотъ трудъ употребляется на охраненіе производства. Такого назначенія всѣхъ заводовъ для промышленныхъ цѣлей, всѣхъ фабрикъ, складовъ, доковъ, хлѣбныхъ амбаровъ, гумновъ, заводовъ, предназначенныхъ для скота или же производства земледѣльческихъ работъ. Я исключаю тѣ постройки, въ которыхъ живутъ рабочіе или же которыя предназначены для ихъ личнаго употребленія: онѣ такъ же, какъ и лица, удовлетворяютъ существенныя потребности, и должны причисляться къ вознагражденію за ихъ трудъ. Но существуетъ много способовъ, когда трудъ еще прямо примѣняется для защиты производительныхъ дѣятелій. Пастухъ почти исключительно занятъ охраненіемъ своего стада отъ вреда: положительныя силы, содѣйствующія образованію продукта, работаютъ почти самостоятельно. Я уже упоминалъ о трудѣ людей, занятыхъ постройкой ограды, плотинъ, валовъ и рытвѣхъ канавъ. Сюда же надо прибавить трудъ солдата, полицейскаго и судьи. Эти должностныя лица на самомъ дѣлѣ заняты не исключительно охраненіемъ промышленности, а жалованье ихъ не составляетъ для отчужденнаго производителя, части изъ расходовъ на производство. Они его получаютъ изъ налоговъ, собираемыхъ съ продуктовъ производства: и въ странѣ, которая сколько-нибудь сносно управляется, они оказываютъ производству услугу, далеко превышающую затраченный на нее средства: потому для всего общества эти люди составляютъ предметъ производительной затраты: а если бы дохода отъ производства неоставало на содержаніе еще и этихъ работниковъ, требуемыхъ сверхъ всѣхъ остальныхъ, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ, какъ теперь. Кромѣ того, если бы защита, оказываемая правительствомъ промышленности, не существовала, производитель былъ бы принужденъ или отымать значительную часть времени и труда у производства, для охраны его, или же для этой

цѣли нанимать вооруженныхъ людей: въ обоихъ случаяхъ весь трудъ защиты долженъ быть бы прямо получить непосредственное вознагражденіе изъ продукта, и вещи, которыя не могли бы оплатить этотъ добавочный трудъ, не могли бы быть произведены: при настоящемъ устройствѣ продуктъ оплачиваетъ свою долю въ расходахъ на эту защиту и, несмотря на растраты и нерасчетливость, обыкновенные въ правительственномъ хозяйствѣ, получаетъ ее гораздо лучшаго качества и съ гораздо меньшими издержками.

§ 6. Въ-четвертыхъ: большое количество труда употребляется не на производство продукта, а для того, чтобы уже существующій продуктъ сдѣлать доступнымъ лицамъ, для употребленія которыхъ онъ назначался. Многіе важныя классы рабочихъ находятъ естественное примѣненіе своего труда въ обязанностяхъ подобнаго рода. Такъ, во-первыхъ, есть цѣлый классъ перевозчиковъ по морю и сушѣ: погонщиковъ муловъ, извозчиковъ (лодочниковъ), матросовъ, носильщиковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и проч., во-вторыхъ— строителей всѣхъ орудій перевозки: кораблей, лодокъ, телегъ, локомотивовъ и т. д. Сюда еще слѣдуетъ отнести дорожн., каналы, рельсовые пути. Иногда дорога устраивается правительствомъ и предоставляется обществу безвозмездно: но, тѣмъ не менѣе, трудъ по устройству ея оплачивается изъ продукта. Каждый производитель, уплачивая свою часть податей, собираемыхъ обыкновенно на устройство дорогъ, платитъ за пользованіе тѣми изъ нихъ, которымъ служатъ для его удобства, и если онѣ сдѣланы по сколько-нибудь правильному расчету, онѣ увеличиваютъ доходъ отъ его промышленности въ размѣрѣ, значительно превышающемъ эту трату.

Другой многочисленный классъ работниковъ, дѣлающей доступными произведенныя вещи для ихъ потребителей, это классъ оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, или же, какъ слѣдовало бы ихъ назвать, распределителей. Требовалась бы огромная трата времени и хлопотъ и въ некоторыхъ случаяхъ неудобство доходило бы до невозможности, если бы потребители получали желаемые предметы непосредственно отъ производителей. Производитель и потребитель живутъ очень разбросанно и нерѣдко на очень большомъ разстояніи одинъ отъ другого. Для уменьшенія этой потери времени и труда, прибѣгали съ давнихъ поръ къ устройству ярмарокъ и базаровъ, гдѣ потребители и производители могли бы періодически встрѣчаться безъ всякаго посредника, и этотъ способъ представляеть значительное удобство для некоторыхъ товаровъ, особенно для земледѣльческихъ продуктовъ, такъ какъ земледѣлецъ въ известныя времена года бываетъ свободенъ. Но даже и въ этомъ случаѣ посѣщеніе ярмарокъ часто бываетъ неудобно и сопряжено съ хлопотами для покупателя, который запяты другими дѣлами и не живетъ въ ближайшемъ соседствѣ: что же касается товаровъ, выработка которыхъ требуетъ постояннаго наблюденія производителя, то для нѣхъ эти періодическіе базары должны собираться чрезъ значительныя промежутки времени, и вслѣдствіе этого потребитель или

должен заранѣе записаться необходимымъ или же его потребности останутся надолго безъ удовлетворенія. Въ виду этихъ условій, задолго до того времени, когда средства общества допускали устройство лавокъ, удовлетвореніе этихъ потребностей всецѣло попадало въ руки странствующихъ торговцевъ: разносчики, появлявшіеся раза два въ мѣсяцъ, предпочитались ярмаркамъ, проехавшимъ одинъ или два раза въ годъ. Въ мѣсячныхъ, удаленныхъ отъ городовъ или большахъ деревень, торговли разносчиковъ еще и до сихъ поръ не уничтожилась. Но если торговецъ, имѣющій определенное мѣсто жительства и определенныхъ потребителей, находится въ зависимости отъ нихъ, за то и потребитель предпочитаетъ прибывать къ нему, если онъ сколько-нибудь доступенъ; поэтому торговцу выгодно селиться въ тѣхъ мѣсяностяхъ, гдѣ количество потребителей обезпечиваетъ ему вознагражденіе.

Во многихъ случаяхъ производитель и торговецъ—одно и то же лицо, по крайней мѣрѣ, ему принадлежитъ право собственности на запасъ товаровъ и наблюденіе за продажей. Портной, сапожникъ, пекаръ и много другихъ торговцевъ сами производятъ свой товаръ, по крайней мѣрѣ, они выключаютъ послѣднія стадіи производства. Но такое соединеніе занятій фабриканта и лавочника выполнимо только тамъ, гдѣ товаръ можетъ быть съ выгодой приготовленъ вблизи мѣста его сбыта и, кромѣ того, вырабатывается и продается по частямъ. Когда товары должны быть перевозимы на извѣстное разстояніе, одно лицо не можетъ съ успѣхомъ наблюдать и за ихъ производствомъ, и за ихъ продажей; когда ихъ лучше и дешевле производить въ большихъ размѣрахъ, то одна фабрика требуетъ столько отдѣльныхъ учрежденій для сбыта ея произведеній, что продажу ихъ удобнее передать другимъ агентамъ. Даже саногы и одежда, когда требуютъ поставитъ ихъ въ большомъ количествѣ и быстро, какъ, наиримѣръ, на полка или же мастерскихъ, получаютъ обыкновенно не прямо отъ производителей, но при помощи торговцевъ, специальность которыхъ состоитъ въ разузнаваніи, отъ какого производителя они могутъ получить товаръ лучше и дешевле. Даже въ томъ случаѣ, когда товары предназначаются для продажи во мелочахъ, скоро являеся потребность въ классѣ оптовыхъ торговцевъ. Когда количество товаровъ и сбытокъ переноситъ извѣстную границу, когда одна фабрика удовлетворяетъ много магазиновъ, а магазинъ часто получаетъ товары изъ многихъ различныхъ фабрикъ, то потери времени и хлопоты при непосредственныхъ сношеніяхъ между фабрикантами и мелочными торговцами заставляютъ первыхъ вести дѣло съ меньшимъ числомъ крупнымъ торговцевъ, которые покупаютъ только для того, чтобъ снова продать, собирая товары отъ различныхъ производителей и распредѣляя ихъ между мелочными торговцами, для того чтобъ эти послѣдніе, въ свою очередь, распредѣлили ихъ между потребителями. Изъ этихъ разнобразныхъ элементовъ составляется распредѣляющій классъ, дѣятельность котораго служитъ дополненіемъ къ дѣятельности произво-

дителяго класса, и продуктъ, такимъ образомъ распределенный, или его цѣна, служитъ источникомъ, изъ котораго получаетъ вознагражденіе распределитель за свою дѣятельность и за воздержаніе, давшее ему возможность уплатить впередъ капиталъ, необходимый для операций распределенія.

§ 7. Мы теперь закончили перечень способовъ, которыми трудъ, применяемый къ внешней природѣ, помогаетъ производству. Но еще есть иной способъ приращенія труда, ведущій одинаково, хотя и болѣе отдаленно, къ той же цѣли: это трудъ, предметомъ котораго служитъ самъ человекъ. Каждый человекъ воспитывается съ дѣтства трудами одного лица или нѣсколькихъ, и если бы этотъ трудъ или часть его не были истрачены, дитя никогда бы не достигло возраста и силы, дающихъ ему возможность, въ свою очередь, сдѣлаться работникомъ. Для всего общества трудъ и издержки на воспитаніе малолѣтняго населенія составляютъ часть затратъ, которыя служатъ однимъ изъ условій производства и который возвращаются съ прибылью изъ продуктовъ труда будущаго поколѣнія. Но отдѣльные лица обыкновенно принимаютъ на себя этотъ трудъ и издержки не для полученія этой выгоды, а по другимъ побужденіямъ: влѣдствіе этого политическая экономія въ большинствѣ случаевъ не должна причислить этого труда и расходовъ къ издержкамъ производства. Но техническое или промышленное воспитаніе общества, трудъ, потраченный на преподаваніе и изученіе производительныхъ искусствъ, на приобрѣтеніе и сообщеніе ловкости въ этихъ искусствахъ,—тотъ трудъ на самомъ дѣлѣ чаще всего предпринимается исключительно для полученія, съ помощью его, большаго и болѣе цѣннаго продукта, и для того, чтобы ученики, благодаря ему, могли получать впоследствии соответственное или даже большее того вознагражденіе, сверхъ достаточнаго вознагражденія за трудъ учителя, если его услугами пользовались.

Такъ какъ трудъ, содѣлывающій развитію производительныхъ силъ человека, физическихъ или умственныхъ, можетъ считаться частью труда, посредствомъ котораго общество выполняетъ свои производительныя операціи, или же, другими словами, частью стоимости производства для общества, то слѣдуетъ также считать производительнымъ и трудъ, употребленный на поддержаніе этихъ силъ, на охраненіе ихъ отъ разрушенія или ослабленія, влѣдствіе болѣзни или какой-нибудь случайности.

Трудъ доктора или хирурга, если къ нему прибѣгаютъ лица, занятые промышленностью, слѣдуетъ считать въ общественной экономіи какъ жертву, публичную цѣлью предохранить отъ уничтоженія, влѣдствіе смерти или калѣчества, ту часть производительныхъ средствъ общества, которая заключается въ физическихъ или умственныхъ силахъ производительныхъ членовъ его. Но для отдѣльныхъ лицъ въ этомъ заключается только часть, и иногда очень незначительная, тѣхъ побужденій, по которымъ они подчиняются ме-

длинному уходу: экономическія соображенія не бываютъ главными. Когда человекъ позволяетъ отнять себя членъ или старается выгнаться отъ лихорадки. Однако, если онъ это дѣлаетъ, то и въ этихъ соображеніяхъ обыкновенно заключается достаточная побудительная причина для дѣянія. Въ описанномъ случаѣ мы встрѣчаемъ одинъ изъ видовъ труда и издержекъ, которые хотя и способствуютъ производству, но предпринимаются не для его цѣлей и не ради дохода отъ него, вѣдѣтвѣ чего не входятъ въ сферу большинства общихъ теоремъ, выводимыхъ политической экономіей по отношенію къ производительному труду: но если мы этотъ трудъ и издержки будемъ разсматривать относительно всего общества, а не отдѣльнаго лица, то онъ долженъ считаться частью выданной впередъ платы, при помощи которой общество выполняетъ свои производительныя операціи и вознаграждается за которую служитъ продуктъ.

§ 8. Другой родъ труда, обыкновенно причисляемый къ умственному, но ведущій къ окончательному продукту, хотя и не такъ непосредственно, но такъ же прямо, какъ и ручной трудъ, заключается въ трудѣ изобрѣтателей промышленныхъ процессовъ. И говорю: обыкновенно причисляемый къ умственному, потому что въ дѣйствительности онъ не исключительно умственный. Всякое человеческое усиліе состоитъ изъ элементовъ умственныхъ и физическихъ. Самый главный воспитанникъ, всю дню въ день выполняющій по дѣйствицію, выполняетъ работу отчасти умственную, потому что, вѣроятно, самую умную собаку или слона нельзя бы было выучить: самому тупой человекъ, выучившись, можетъ верочать мельницу, тогда какъ лошади верочать ее безъ погонщика и присматривающаго за нею не можетъ. Съ другой стороны, въ чистомъ умственномъ трудѣ, когда онъ порождаетъ вышній результатъ, есть отчасти и физическій его элементъ. Ньютонъ не могъ бы создать своихъ Principia безъ физическаго усилія, т. е. безъ записыванія или диктовки ихъ: онъ долженъ былъ сдѣлать много чертежей и написать также множество вычисленій и доказательствъ, подготовивъ ихъ въ своемъ умѣ. Изобрѣтатели вмѣстѣ съ умственнымъ трудомъ обыкновенно тратятъ много труда и физическаго на постройку моделей и на опыты, которые они дѣлаютъ. Но, какой бы ни былъ пхъ трудъ, физическій или умственный, онъ составляетъ часть того, которымъ совершается производство. Трудъ Уатта, изобрѣтающаго паровую машину, составляетъ такую же существенную часть производства, какъ и трудъ мастера, строившаго ее, или же трудъ механика, работающаго ею: и предпринимать онъ имъ быть съ одинаковою цѣлью, т. е. въ надеждѣ на вознагражденіе изъ продукта. Трудъ изобрѣтателя часто цѣнится и оплачивается такимъ же образомъ, какъ и трудъ исполнителя. Многіе фабриканты модныхъ говаровъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи изобрѣтателей, получающихъ плату или жалованье за рисованіе образцовъ, точно такъ же, какъ другіе получаютъ за колпрованіе

ихъ. Все это, строго говоря, составляетъ часть труда производства, подобно тому, какъ трудъ автора какой-нибудь книги одинаково составляетъ часть ея производства, наравнѣ съ трудомъ печатающихъ ее.

Съ національной или всеобщей точки зрѣнія, трудъ ученаго или отвлеченнаго мыслителя составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, такую же часть производства, какъ и трудъ человека, сдѣлавшаго практическое изобрѣтеніе, потому что многіе изъ этихъ изобрѣтеній были прямымъ слѣдствіемъ теоретическихъ открытій, и всякое распреніе знаній о силахъ природы съ пользой примѣнялось для цѣлей вышней жизни. Электро-магнитный телеграфъ былъ удивительнымъ и совершенно неожиданнымъ слѣдствіемъ опытовъ Oersted'a и математическихъ изслѣдованій Ампера, и современное мореплавательное искусство непосредственно произошло изъ изслѣдованій чисто умозрительныхъ и, повидимому, производившихъ александрійскими математиками единственно изъ любознательности, о свойствахъ трехъ кривыхъ, образовавшихся пересѣченіемъ плоскости и конуса. Нельзя установить границы для важности отвлеченнаго мышленія даже съ точки зрѣнія чисто матеріальнаго производства: но эти матеріальныя выгоды хотя и бываютъ результатомъ ученыхъ изслѣдованій, однако рѣдко служатъ имъ прямою цѣлью, и вознагражденіе ученыхъ вообще не получается изъ увеличенія производства, которое можетъ быть случайнымъ и большею частью отдаленнымъ слѣдствіемъ ихъ открытій. Это отдаленное вліяніе, въ большинствѣ задачъ политической экономіи, не сужно принимать въ расчетъ; и отвлеченные мыслители обыкновенно считаются производителями только книгъ или же другихъ употребительныхъ и годныхъ къ сбыту предметовъ, непосредственно ими созданныхъ. Но если мы измѣнимъ нашу точку зрѣнія (къ чему въ политической экономіи слѣдуетъ всегда быть готовымъ) и будемъ разсматривать не отдѣльныя дѣйствія и мотивы, пхъ опрестѣняющіе, а національныя и общечеловѣческіе результаты, то отвлеченное мышленіе придется разсматривать какъ самую важную часть производительнаго общественнаго труда, а часть средствъ, употребляемыхъ на веденіе и вознагражденіе этого труда, — какъ самую производительную часть его расходовъ.

§ 9. Въ предъидущемъ обзорѣнн способовъ примѣненія труда къ производству я не принималъ во вниманіе обыкновеннаго подраздѣленія промышленности на земледѣльческую, мануфактурную и торговую, потому что въ дѣйствительности это подраздѣленіе плохо соответствуетъ цѣлямъ классификаціи. Многія важныя отрасли производительной промышленности либо совѣмъ не входятъ въ это подраздѣленіе, либо входятъ съ большою натяжкой; такъ, напримѣръ, горное дѣло, дѣланіе дорогъ, мореходство, не говоря уже объ охотѣ и рыболовствѣ. Нельзя тоже съ точностью провести границы между земледѣльческой и мануфактурной промышленностью. Возьмемъ ремесло мельника и булочника. Слѣдуетъ ли его отнести къ

земледельческой или обрабатывающей промышленности? Эти занятия по своему характеру относятся къ обработкѣ. Пшеница, прежде чѣмъ попадетъ къ намъ окончательно, теряетъ связь съ землей; но то же можно сказать съ одинаковой справедливостью о молотѣбѣ, вѣянкѣ, о приготовленіи сыра и масла,—работахъ, всегда причисляющихся къ земледельческимъ, вѣроятно, потому, что обыкновенно онѣ выполняются людьми, живущими на фермахъ, и подъ однимъ и тѣмъ же наблюдениемъ, какъ и хлѣбопашество. По многимъ причинамъ, все эти люди, включая мельниковъ и булочниковъ, считаются принадлежащими къ одному классу съ пахарями и жнецами. Все они участвуютъ въ приготовленіи пшеницы и въ своемъ вознагражденіи зависятъ отъ произведенной пшеницы; когда одинъ классъ пользуется избыткомъ и достаткомъ, то и другіе также; все они вѣдь связаны земледельческимъ интересомъ, оказываютъ обществу одну только общую услугу своими соединенными трудами и получаютъ вознагражденіе изъ одного общаго источника. Наоборотъ, сахары, трудъ которыхъ производить не пшеницу, а материалы для производства, называемыхъ мануфактурными, также принадлежатъ во многихъ отношеніяхъ къ тому же подраздѣленію въ общественной экономіи, какъ и мануфактурные рабочіе. Плантаторы хлопка въ Каролинѣ и производитель шерсти въ Австраліи имѣютъ больше общихъ интересовъ съ прицѣпникомъ и ткачемъ, чѣмъ съ производителемъ зерна. Но, съ другой стороны, промышленности, работающая непосредственно надъ землей, имѣетъ, какъ мы увидимъ дальше, нѣкоторыя свойства, отъ которыхъ зависятъ много важныхъ послѣдствій и которыя отличаютъ ее отъ всѣхъ дальнѣйшихъ моментовъ производства, независимо отъ того, выполняются ли они тѣмъ же самымъ лицомъ или другимъ,—отличаются отъ работъ молотильщика и вѣяльщика въ такой же мѣрѣ, какъ и отъ работъ прицѣпника хлопка. Потому, когда я буду говорить о земледельческомъ трудѣ, я обыкновенно буду подразумѣвать этотъ трудъ, и исключительно его, если въ изложеніи не будетъ оговорено или не будетъ подразумѣваться иное. Слово «мануфактурный» слишкомъ неопредѣленно для того, чтобъ его употреблять, когда требуется точность, и когда я его употребляю, то желаю, чтобъ это принимали за мое намѣреніе говорить популярнымъ, а не научнымъ языкомъ.

ГЛАВА III.

О непроизводительномъ трудѣ.

§ 1. Трудъ необходимъ для производства, но производство не всегда бываетъ его слѣдствіемъ. Существуетъ много труда въ высшей степени полезнаго, цѣлью котораго не будетъ производство.

Соотвѣтственно этому трудъ раздѣляется на производительный и непроизводительный. Не мало было споровъ между экономистами по вопросу о томъ, какой родъ труда считать непроизводительнымъ; но они не всегда сознавали, что въ дѣйствительности не было фактическаго основанія для спора между ними.

Многіе писатели считали производительнымъ только тотъ трудъ, результатъ котораго доступенъ освоенію въ какомъ-нибудь материальномъ предметѣ, годномъ для передачи отъ одного лица къ другому. Другіе же (между которыми были М^р. Макъ-Каллокъ и Сэ) смотрѣли на слово «непроизводительный» какъ на унизительное выраженіе и возставали противъ приписанія его къ труду, считающемуся полезнымъ и приносящему пользу или удовольствіе, равное его стоимости. Трудъ правительственныхъ чиновниковъ, арміи и флота, докторовъ, юристовъ, учителей, музыкантовъ, танцоровъ, актеровъ, прислуги и проч., если они дѣйствительно выполняютъ то, за что получаютъ плату, и ихъ члену не больше того, какое требуется для ихъ назначеній,—этотъ трудъ не слѣдуетъ «клеить», какъ говорятъ эти писатели, словомъ непроизводительный, такъ какъ это выраженіе они, повидимому, считаютъ синонимомъ безполезности и расточительности. Но тутъ, очевидно, существуетъ неправильное пониманіе предмета спора. Такъ какъ производствомъ не составляетъ единственной цѣли человѣческаго существованія, то и выраженіе «непроизводительный» не должно заключать въ себѣ пренебреженія безчестія, и въ настоящемъ случаѣ и не сумали приписать ему такое значеніе. Тутъ дѣло идетъ только о формѣ выраженія и классификаціи. Различіе въ выраженіи, однако, во всякомъ случаѣ не маловажно, даже и тогда, когда оно не основано на различіи мнѣній: хотя каждое изъ этихъ двухъ выраженій согласно съ истиной въ цѣломъ, однако они обыкновенно стремятся обратить наше вниманіе на различныя стороны ея. Потому мы войдемъ немного въ разсмотрѣніе различныхъ значеній, придаваемыхъ словамъ «производительный» и «непроизводительный» въ примененіи ихъ къ труду.

Прежде всего слѣдуетъ помнить, что даже въ томъ, что мы называемъ производствомъ материальныхъ предметовъ, производится не матерія, составляющая ихъ. Весь трудъ всего человѣчества не могъ бы произвести ни одной частицы матеріи. Соткать сукно—это значитъ только измѣнить особеннымъ образомъ положеніе частицы шерсти; вырастить зерно—это означаетъ положить известное количество вещества, называемаго сѣменемъ, въ такое положеніе, въ которомъ оно могло бы разомъ извлекать частицы матеріи изъ земли и изъ воздуха, для того чтобы составить новое соединеніе, называемое растеніемъ. Хотя мы не можемъ создать матеріи, мы можемъ, однако, заставить ее приобретать свойства, слѣдствіе которыхъ она изъ безполезной становится полезной для насъ. Все, что мы производимъ или желаемъ произвести, составляетъ всегда, какъ справедливо назвать Сэ, полезность. Трудъ создаетъ не пред-

меты, а только полезности: съ другой стороны, онъ не уничтожаетъ и не разрушаетъ самихъ предметовъ: матерія, составлявшая ихъ, остается, претерпѣвъ лишь нѣкоторыя измѣненія въ формѣ: въ дѣйствительности были употреблены только качества, соответствовавшія цѣлямъ, для которыхъ эти предметы примѣнялись. Поэтому справедливо спрашиваютъ Сэ и другіе писатели: если мы, производя предметы, производимъ только полезности, то почему всякій трудъ, производящій полезности, не считать производительнымъ? Почему отказывать въ этомъ наименованіи труду врача, исправляющаго какой-нибудь членъ, судьи или законодателя, способствующаго безопасности, и давать его труду ювелира, граничащаго и шлифующаго алмазы? Почему не признавать его за трудомъ учителя, паучающаго меня искусству, съ помощью котораго я могу зарабатывать свой хлѣбъ, и примѣнять его къ труду кондитера, приготовляющаго конфеты для кратковременнаго вкусоваго удовольствія?

Видно справедливо, что все эти виды труда производятъ полезности, и вопроса, занимающаго насъ теперь, не существовало бы вовсе, если бы производство полезности соответствовало понятію, которое сложилось у человечества о производительномъ трудѣ. «Производство» и «производительный трудъ», безъ сомнѣнія, представляютъ эпитетическія выраженія, заключающія въ себѣ понятіе о чемъ-то произведенномъ; а это «что-то», по общему понятію, составляетъ не полезность, а богатство. Подъ производительнымъ трудомъ предполагается трудъ, производящій богатство. Итакъ, мы возвращаемся къ вопросу, изложенному въ нашей первой главѣ: что такое богатство и слѣдуетъ ли включать въ него только матеріальные продукты или же все полезное?

§ 2. Полезности, произведенныя трудомъ, бываютъ трехъ родовъ: во-первыхъ, полезности, заключенныя и воплощенныя во внѣшнихъ предметахъ, благодаря труду, который затраченъ на то, чтобы соединить внѣшнимъ матеріальнымъ вещамъ качества, дѣлающія ихъ пригодными для человека. Это обыкновенный случай, и онъ не требуетъ объясненія.

Во-вторыхъ, полезности, заключенныя въ самихъ людяхъ: въ этомъ случаѣ трудъ употребляется на приданіе людямъ качества, дѣлающихъ ихъ полезными для самихъ себя и для другихъ. Къ этому разряду принадлежитъ трудъ всѣхъ лишь, принимающихъ участіе въ воспитаніи,—не только учителей, воспитателей и профессоровъ, но и правительствъ, насколько эти послѣдніе усиленно стремятся къ развитію народа: трудъ моралистовъ и духовенства, насколько онъ приноситъ пользу; трудъ докторовъ, насколько онъ служитъ средствомъ къ сохраненію жизни и физическихъ и умственныхъ силъ; трудъ людей, обучающихъ тѣлеснымъ упражненіямъ, различнымъ ремесламъ, знаніямъ, искусствамъ, имѣетъ съ трудомъ ученыхъ, приобретающихъ эти познанія; и весь трудъ, затраченный людьми въ продолженіе жизни на усовершенствованіе

познаній и умственныхъ и физическихъ способностей своихъ и чужихъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, полезности, не воплощенныя и не заключенныя ни въ какомъ предметѣ, состоящія въ простыхъ услугахъ, въ доставленіи удовольствія, въ устраненіи неудобствъ и страданій на болѣе или менѣе продолжительное время, при чемъ не происходитъ никакого постояннаго улучшенія въ качествахъ какого-нибудь лица или предмета: здѣсь затрачивается трудъ на производство прямо полезности, а не на приспособленіе другихъ вещей для доставленія полезности, какъ это было въ двухъ предыдущихъ случаяхъ. Таковъ, напримѣръ, трудъ музыкантовъ, актеровъ, декламаторовъ и людей, дающихъ какое-нибудь представленіе передъ обществомъ. Безъ сомнѣнія, они могутъ произвести на чувства зрителей нѣкоторое полезное вліяніе, которое останется и послѣ момента дѣйствія: можетъ быть, это вліяніе будетъ не полезнымъ, а вреднымъ; но ни то, ни другое не составитъ предполагаемой цѣли и не представляетъ результата, изъ-за котораго трудятся дающіе представленіе и платящіе за него зрители; ихъ цѣль — непосредственное удовольствіе. Таковъ же трудъ арміи и флота: въ лучшемъ случаѣ, они охраняютъ страну отъ завоеваній или же отъ причиненія ей вреда или пагубы. Въ этомъ заключается услуга: но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ страна не дѣлается ни лучше, ни хуже. Точно таковъ же трудъ законодателей, судей, судебныхъ чиновниковъ и другихъ агентовъ правительства. При исполненіи ихъ обыкновенныхъ обязанностей, не принимая въ расчетъ вліянія, какое они могутъ оказать на улучшеніе національнаго характера. Услуга, оказываемая ими, состоитъ только въ охраненіи спокойствія и безопасности; въ этомъ и заключается полезности, производимая ими. Можетъ показаться, что носильщиковъ и торговцевъ слѣдуетъ причислить къ этому же разряду, такъ какъ ихъ трудъ не придаетъ предметамъ никакого новаго качества: но я возражаю противъ этого: этотъ трудъ придаетъ предметамъ качество нахожденія въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, а не въ какомъ-нибудь другомъ, — качество весьма полезное: зависящая отъ него полезность заключается въ самихъ предметахъ, которые теперь дѣйствительно находятся на мѣстѣ, гдѣ они нужны, и, вслѣдствіе этого увеличенія полезности, они могутъ быть проданы съ увеличеніемъ цѣны, пропорціонально затраченному труду на произведеніе этой полезности: посему трудъ этотъ принадлежитъ не къ третьему, а къ первому разряду.

§ 3. Теперь мы рассмотримъ, который изъ этихъ трехъ классовъ труда долженъ считаться производимымъ богатствомъ, согласно съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ само по себѣ слово «производительный». Полезности, принадлежащія къ третьему классу и заключающіяся въ удовольствіяхъ, продолжающихся только до тѣхъ поръ, пока ими пользуются, и въ услугахъ, существующихъ, пока ихъ выполняютъ, нельзя назвать богатствомъ иначе, какъ въ перенос-

номъ смыслѣ. Съ понятіемъ о богатствѣ необходимо соединяется и возможность накопленія его. Вещи, неспособныя послѣ производ- ства сохраняться въ некоторое время, никогда, я думаю, не считались богатствомъ, потому что, какъ бы много ихъ ни произвели и сколько бы ими ни пользовались, человѣкъ, пользовавшійся ими, не станетъ отъ этого богаче, и положеніе его ни въ какомъ слу- чаѣ не улучшится. Но тутъ не будетъ явнаго и положительнаго нарушения установившагося понятія, если мы будемъ считать бо- гатствомъ всякій результатъ труда, полезный и годный къ накоп- ленію; ловкость, энергія и настойчивость рабочихъ какой-нибудь страны считается частью ея богатства въ такой же мѣрѣ, какъ ихъ орудія и машины *). Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, мы будемъ считать производительнымъ всякій трудъ, который создаетъ долговременныя полезности, воплощающіяся въ самомъ человѣкѣ или во всѣхъ другихъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предме- тахъ. Эту номенклатуру предлагаю я въ одномъ изъ моихъ преды- дущихъ произведеній **), какъ самую полезную для цѣлей класси- фикаціи: и теперь я того же мнѣнія.

Но въ примѣненіи термина богатство къ промышленнымъ спо- собностямъ людей, по общепринятому значенію, заключается намекъ на матеріальные продукты. Искусство мастераго считается богатствомъ лишь какъ средство пріобрѣтенія богатства въ мате- ріальномъ смыслѣ, и всякое качество, не ведущее явно къ этой цѣли, едва ли будетъ считаться имъ. Какими бы драгоценностями ни обладала страна, въ видѣ гениальности, добродѣтели или обра- зованности ея жителей, едва ли она будетъ считаться отъ этого

богаче, развѣ только въ переносномъ значеніи или когда эти ка- чества въ самомъ дѣлѣ будутъ разсматриваться какъ рыночный товаръ, способный привлечь матеріальное богатство другихъ странъ, какъ это было въ древней Греціи и въ нѣкоторыхъ современныхъ странахъ. Поэтому я предпочелъ бы, составляя новый техническій языкъ, установить различіе, основанное на продолжительности су- ществованія, а не вещественности продукта. Однако при пользо- ваніи терминами, вполнѣ вошедшими въ общее употребленіе, слѣ- дуетъ употреблять ихъ такъ, чтобы, по возможности, меньше нару- шать ихъ обычное значеніе: потому что всякое усовершенствованіе въ терминологіи, достигнутое натязкой общепринятаго значенія въ разговорномъ языкѣ, обыкновенно обходится слишкомъ дорого, вслѣдствіе неясности, возникающей отъ столкновенія старыхъ и новыхъ понятій.

Поэтому въ настоящемъ сочиненіи, говоря о богатствѣ, я буду подразумѣвать только то, что называютъ матеріальнымъ бо- гатствомъ, и подъ производительнымъ трудомъ — только тѣ роды усилій, которые производятъ полезности, воплощающіяся въ мате- ріальныхъ предметахъ. Но, ограничиваясь такимъ значеніемъ этого слова, я намеренъ пользоваться имъ во всей полнотѣ этого тѣса- наго значенія, и не откажу въ награду производительнаго труда, который, не давая непосредственныхъ матеріальныхъ результатовъ, окончательнымъ послѣдствіемъ имѣетъ увеличеніе матеріальнаго производства. Итакъ, трудъ, потраченный на пріобрѣтеніе ловкости въ производствѣ, я причисляю къ производительному, не ради са- мой ловкости, но ради мануфактурныхъ продуктовъ, созданныхъ благодаря этой ловкости, и для производствъ которыхъ трудъ из- ученія ремесла существенно полезенъ. Трудъ правительственныхъ чиновниковъ, доставляющихъ защиту, необходимую для процвѣтанія промышленности, какими бы способомъ эта защита ни была доставлена, слѣдуетъ считать даже производящимъ матеріальное богатство, потому что безъ него матеріальное богатство никогда не могло бы существовать въ такомъ изобиліи, какъ теперь. Подоб- ный трудъ можетъ быть названъ косвенно или посредственно про- изводительнымъ, въ отличіе отъ труда пахаря и бумагопрядиль- ника, который считается непосредственно производительнымъ. Слѣ- ствие нѣхъ состоитъ въ томъ, что они оставляютъ обществу богаче матеріальными продуктами, чѣмъ его застали: они увеличиваютъ или способствуютъ увеличенію матеріальнаго богатства.

§ 4. Подъ непродизводительнымъ трудомъ, наоборотъ, мы бу- демъ разумѣть трудъ, не имѣющій окончательнымъ слѣдствіемъ со- зданія богатства: какъ бы широко и усильно онъ ни примѣнялся, онъ не только не сдѣлаетъ общество и вообще весь міръ богаче матеріальными продуктами, но бѣднѣе на все то количество, какое было потреблено рабочими во время занятій имъ.

Всякій трудъ, оканчивающійся непосредственнымъ наслажде- ніемъ, безъ увеличенія накопленныхъ запасовъ, способствующихъ

*) Нѣкоторые авторитеты считаютъ существенной чертой понятія богатство способность не только къ накопленію, но также и къ передачѣ; а такъ какъ цѣнныя качества и производительныя способности человѣка не могутъ быть отдѣлены отъ него и переданы другому, то эти ученые отказываютъ имъ въ названіи богатства; а трудъ, потраченный на ихъ пріобрѣтеніе, не считаютъ производительнымъ. Однако на мой взглядъ, ловкость рабочаго, напримѣръ, представляеть собой цѣнное и довольно долговѣчное имущество (не говоря уже о томъ, что оно производитъ ве- щественные результаты); отказывать ей въ названіи богатства на томъ основаніи, что она связана съ человѣкомъ, будетъ такъ же несправедливо, какъ отказывать въ этомъ каменноугольной копн или фабрикѣ, на томъ основаніи, что онѣ связаны съ мѣстоимъ, а, кромѣ того, если ловкость сама по себѣ не можетъ быть передана покупателю, то можетъ быть передано пользованіе ею; если ея нельзя продать, ее можно отдать вынужденно; она можетъ также быть продана, и продается въ дѣйствительности по всѣхъ стра- нахъ, гдѣ законъ позволяетъ продавать самого человѣка вмѣстѣ съ ней. Ея неспособность къ передачѣ зависитъ не отъ естественныхъ, а отъ юридическихъ и нравственныхъ препятствій.

Самого человѣка (какъ сказано было раньше) я не причисляю къ богатству; онъ цѣль, для которой богатство существуетъ: но способность, пріобрѣтенная имъ, представляють собой лишь средство и произведены трудомъ, и потому, на мой взглядъ, должны подходить подъ это опредѣленіе.

**) Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. Опытъ III, о словахъ „производительный“ и „непроизводительный“.

продолжительному наслаждению, на языкъ политической экономіи будетъ непроизводительнымъ. Затѣмъ всякій трудъ, оканчивающійся продолжительной пользой, какъ бы она ни была важна, долженъ, согласно съ нашимъ постояннымъ опредѣленіемъ, считаться непроизводительнымъ, ежели только увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ не входитъ въ составъ этой пользы. Трудъ для спасенія жизни товарища—непроизводительный, если только товарищъ не будетъ производителемъ рабочимъ, который произвести больше своего потребленія. Для религіознаго человѣка спасеніе души должно казаться значительно болѣею услугою, чѣмъ спасеніе жизни: но онъ не назоветъ поэтому миссіонера или священника производителемъ рабочимъ, за исключеніемъ того случая, когда они рядомъ съ религіозными ученіями преподають искусства цивилизованнаго міра, какъ это дѣлали иногда южно-американскіе миссіонеры въ южномъ полушаріи. Напротивъ, совершенно очевидно, что чѣмъ больше нація содержитъ миссіонеровъ и лицъ, принадлежащихъ къ духовенству, тѣмъ меньше она можетъ тратить на другіе предметы: между тѣмъ какъ чѣмъ больше она будетъ благоразумно расходовать на содержаніе земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, тѣмъ болѣе средствами она будетъ располагать для другихъ цѣлей при равныхъ обстоятельствахъ: первой тратой она уменьшаетъ значеніе своихъ матеріальныхъ продуктовъ, послѣдней она увеличиваетъ его.

Непроизводительный трудъ можетъ быть такъ же полезенъ, какъ и производительный; онъ можетъ быть даже болѣе полезнымъ, въ отношеніи постоянной выгоды: въ иныхъ случаяхъ пользованіемъ доставляетъ только пріятное ощущеніе, не оставляющее никакихъ слѣдовъ по окончаніи; въ другихъ—онъ не имѣетъ даже этого и представляетъ положительную трату. Во всякомъ случаѣ, общество отъ этого труда становится не богаче, а бѣднѣе. Всѣ матеріальные продукты, потребленные человѣкомъ, съ своей стороны, уменьшаютъ запасъ, принадлежащій обществу. Но хотя общество не становится богаче отъ непроизводительнаго труда, отдѣльными лицами могутъ богатѣть отъ него. Непроизводительный рабочий можетъ получать за свой трудъ отъ лица, которому онъ доставляетъ пользу и удовольствіе, такое вознагражденіе, которое для него можетъ быть значительнымъ, и послужить источникомъ богатства; но его прибыль уравновѣшивается потерей этихъ лицъ, которыя, можетъ быть, и получили полный эквивалентъ своихъ расходовъ, но сдѣлались настолько же бѣднѣе влѣдствіе этого. Когда портной шьетъ платье и продаетъ его, тутъ мы видимъ передачу платья отъ потребителя портному, и, кромѣ того, платье, прежде не существовавшее: но плата, получаемая портнымъ, есть простой переходъ къ нему имущества зрителя, не остающійся у послѣдняго, въ вознагражденіе его самого, никакого предмета богатства. Такимъ образомъ, общество въ цѣломъ отъ труда актера ничего не выигрываетъ, а терпѣтъ изъ своихъ доходовъ всю ту часть, которую онъ

потребляетъ, и удерживаетъ только то, что сбережено имъ. Но общество можетъ увеличить свое богатство непроизводительнымъ трудомъ въ ущербъ другимъ обществамъ, такъ же какъ одинъ человѣкъ можетъ обогащаться въ ущербъ другому. Доходы пѣвцовъ итальянской оперы, нѣмецкихъ гувернантокъ, танцоровъ французскаго балета представляютъ источникъ богатства для ихъ отечества, если эти лица возвращаются со сбереженіями въ свою страну. Мелкія греческія государства, въ особенности болѣе грубыя и отсталыя, служили разсадникомъ солдатъ, паншавшихся къ восточнымъ государямъ и сатрапамъ для веденія бесполезныхъ, разорительныхъ войнъ; они возвращались со своими сбереженіями домой и проводили остатокъ жизни: это былъ непроизводительный трудъ; и плата, получаемая ими, вмѣстѣ съ награбленной добычей, была для страны, доставлявшей имъ все это, безвозвратной потерей: но, не представляя выгоды для всего человѣчества, она составляла выгоду для Греціи. Въ позднѣйшее время та же самая страна и ея колоніи снабжали Римскую имперію другимъ классомъ пекателей приключеній, которые, подъ именемъ философовъ и риториковъ, подавали молодежи высшихъ классовъ познанія, высоко цѣнившіяся въ то время. Они были вполне непроизводительными работниками, но крупное вознагражденіе, получаемое ими, служило источникомъ богатства для ихъ отечества. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ общее богатство человѣчества не увеличивалось. Услуги этихъ работниковъ если и были полезны, получались путемъ жертвы части матеріальнаго богатства человѣчества; если же онѣ были бесполезны, то все потребленное этими работниками для человѣчества было растратой.

Однако не одинъ только непроизводительный трудъ можетъ составлять растрату. Производительный трудъ можетъ также растратываться, если его употребляется болѣе, чѣмъ сколько въ цѣлостивительности необходимо для производства. Причиной дурного употребленія производительной дѣятельности бываетъ неумѣніе рабочихъ или нераспорядительность управляющихъ ими. Если фермеръ упорно пашетъ тремя лошадьми съ двумя рабочими, тогда какъ опытъ показалъ, что для этого достаточно двухъ лошадей и одного человѣка, то излишекъ работы, хотя и употребленный для цѣлей производства, представляетъ растрату. Если принять какой-нибудь новый процессъ производства, на дѣлѣ оказавшійся не только не лучшимъ, но даже не настолько хорошимъ, какъ прежній, то трудъ, потраченный на заобрѣтеніе и примѣненіе его, хотя и употребленъ для производительной цѣли, все же представляетъ непроизводительную растрату. Производительный трудъ можетъ сдѣлать націю бѣднѣе, если произведенное имъ богатство, т. е. увеличеніе запасовъ полезныхъ и пріятныхъ вещей, принадлежитъ къ такимъ, которые не требуютъ въ настоящее время, напримеръ, когда товаръ не продается влѣдствіе того, что количество его превышаетъ потребность, или же когда спекулянты строятъ доки и склады въ избытокъ, гдѣ нѣтъ торговли. Обанкротившіеся штаты Сѣверной Америки сдѣлали

этого же рода ошибку со своими преждевременно построенными желѣзными дорогами и каналами. И въ которое время подлежало сомнѣнiю, не послѣдовала ли до известной степени этому примѣру Англія въ несоразмѣрномъ развитіи у себя желѣзнодорожныхъ предпріятій?

Трудъ, затраченный въ ожиданіи отдаленныхъ результатовъ, въ то время, когда большія потребности или ограниченныя средства общества требуютъ немедленнаго поступленія доходовъ, можетъ не только временно сдѣлать страну бѣднѣе на все количество продуктовъ, потребленныхъ при этомъ рабочими, но и вообще уменьшить ея богатство, по сравненію съ тѣмъ, чего бы она могла достигнуть, если бы она искала непосредственнаго возвращенія затратъ и откладывала бы предпріятія, обещающія отдаленную выгоду.

§ 5. Различіе, существующее между «производительнымъ» и «непроизводительнымъ», одинаково примѣнимо какъ къ труду, такъ и къ потребленію. Не всѣ члены общества бываютъ рабочими, но всѣ потребители и потребляютъ производительно или непроизводительно. Всякій, кто не способствуетъ ни прямо, ни косвенно производству, будетъ непроизводительнымъ потребителемъ. Производительнымъ потребителемъ будетъ только производительный работникъ,—конечно, включая въ это понятіе какъ трудъ по управленію, такъ и трудъ по выполненію. Но потребленіе даже производительныхъ рабочихъ не все бываетъ производительно. Производительныя рабочія могутъ потреблять непроизводительно. То, что они употребляютъ на поддержаніе и улучшеніе своего здоровья, силы и способности къ труду или же на воспитаніе другихъ производительныхъ рабочихъ, которые замѣтятъ ихъ, будетъ производительно потребляемъ. Но потребленіе на удовольствія и роскошь, производятся ли оно дѣшвымъ или трудолюбивымъ, должно считаться непроизводительнымъ, потому что производство не будетъ отсюда, вѣроятно, слѣдуетъ исключить известное количество наслажденій, которыя могутъ быть причислены къ разряду необходимыхъ потому, что безъ нихъ трудъ не могъ бы доставлять наибольшей успѣшности. Только то составляетъ производительно потребленіе, что стремится поддержать и увеличить производительныя силы общества, заключающіяся въ его землѣ, въ его материалахъ, въ количествахъ и качествахъ его орудій производства или въ его населеніи.

Нѣкоторые продукты, можно сказать, употребляются только непроизводительно. Годичное потребленіе золотыхъ галуновъ, ананасовъ или шампанскаго должно считаться непроизводительнымъ, потому что эти вещи не способствуютъ производству, не поддерживаютъ чьей-либо жизни или силы, а даютъ только то, что досталось в другія предметы, только менѣе дорогими. Отсюда можно вывести предположеніе, что трудъ, употребленный на ихъ производство, не долженъ разсматриваться какъ производительный, въ томъ смыслѣ, какой подразумѣваютъ подъ этимъ гермпломъ экономисты. Я признаю, что трудъ, употребленный на производство

вещей для потребностей непроизводительныхъ потребителей, не служитъ къ обогащенію общества. Портной, дѣлающій платье для челоука, не производящаго ничего, самъ будетъ производителемъ рабочимъ; но черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ платье износится, между тѣмъ какъ носившій его не произвелъ ничего взамѣнъ его, и, такимъ образомъ, общество отъ труда портного не станетъ богаче того, какъ если бы эта сумма была уплачена за кресло въ театрѣ. Несмотря на это, общество было богаче, благодаря труду портного, пока существовало это платье, т. е. пока общество, въ лицѣ одного изъ своихъ непроизводительныхъ членовъ, не предпочло потребить продуктъ труда непроизводительно. Золотые галуны и ананасы отличаются лишь тѣмъ, что они еще больше, чѣмъ это платье, не подходятъ подъ понятіе необходимыхъ вещей. Они также составляютъ богатство, пока не будутъ употреблены.

§ 6. Итакъ, отсюда мы видимъ, что есть различіе, болѣе важное для общественаго богатства, чѣмъ то, какое существуетъ между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ, а именно различіе между трудомъ для производительнаго и непроизводительнаго потребленія,—между трудомъ, затраченнымъ на поддержаніе или увеличеніе производительныхъ средствъ страны и тѣмъ, который употребленъ иначе. Изъ продукта страны только часть предназначается для производительнаго употребленія; остатокъ служитъ для непроизводительнаго потребленія производителей и для всего потребленія непроизводительныхъ классовъ. Предположимъ, что изъ годового продукта для первой цѣли употребляется половина; тогда одна половина производительныхъ рабочихъ страны будетъ составлять все, что было занято операциями, отъ которыхъ зависитъ ежегодное богатство страны. Вторая половина занималась изъ года въ годъ и отъ поколѣнія къ поколѣнію производствомъ вещей, потреблявшихся и исчезавшихъ безъ всякаго возврата; и все то, что эта половина потребляла, составляетъ такую же полную потерю для національнаго богатства, какъ если бы оно было употреблено непроизводительно. Предположимъ что эта вторая половина трудящагося населенія перестала работать и что правительство или же приходскія общины поддерживаютъ его въ праздности въ продолженіе нѣлаго года; первая половина успѣла бы произвести столько же, какъ в прежнее, предметовъ необходимости для себя и для второй половины, а также и поддержать безъ уменьшенія запасы материаловъ и орудій производства: правда, непроизводительный классъ или умеръ бы съ голоду, или былъ бы принужденъ производить свое собственное пропитаніе, а все общество должно было бы въ продолженіе всего года терпѣть нужду; но источники производства не уменьшились бы, и въ слѣдующемъ году продуктъ не долженъ былъ бы необходимо уменьшиться, по сравненію съ тѣмъ случаемъ, когда бы такового перерыва въ дѣятельности не существовало; между тѣмъ, если бы случилось наоборотъ, т. е. если бы первая половина рабочихъ прекратила свои привычныя занятія, а вторая про-

должна бы свои, то страна къ концу года была бы совершенно разорена.

Было бы большою ошибкою сожалѣть о значительной части годового продукта, которая въ богатой странѣ служитъ цѣлямъ непроизводительнаго потребленія. Это значило бы сожалѣть о томъ, что общество имѣетъ возможность, сверхъ удовлетворенія своихъ первыхъ потребностей, расходовать известную сумму на удовольствія и высшія цѣли. Эта часть продукта представляетъ собою фондъ, изъ котораго удовлетворяются всѣ нужды общества, кромѣ потребностей первой необходимости; въ ней заключается мѣра средствъ общества къ наслажденію и мѣра его силъ для выполненія всѣхъ непроизводительныхъ цѣлей. Можно только радоваться, что такой большой излишекъ могъ быть примененъ для подобныхъ цѣлей. Надо сожалѣть только объ одномъ обстоятельстве, которое до известной степени поддается исправленію, а именно о томъ, что этотъ излишекъ распределяется съ чрезвычайной неравномѣрностью, что большая часть его идетъ на пустыя цѣли и что значительная доля его достается лицамъ, не дающимъ взаимно равноцѣнной услуги.

ГЛАВА IV.

О капиталѣ.

§ 1. Изъ предыдущихъ главъ можно было видѣть, что, кромѣ первоначальныхъ, всеобщихъ элементовъ производства — труда и силы природы, существуетъ еще другой элементъ, безъ котораго невозможна никакая производительная операция, кромѣ самыхъ грубыхъ и ограниченныхъ начатковъ примитивной промышленности, а именно запасъ, предварительно накопленный изъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ труда называется капиталомъ. Основательное пониманіе значенія капитала въ производствѣ имѣетъ величайшее значеніе, такъ какъ множество ошибочныхъ понятій, наводняющихъ нашу науку, происходятъ отъ неполнаго и неяснаго пониманія этого вопроса.

Капиталъ для насъ, совершенно не привыкшихъ разсуждать объ этомъ предметѣ, представляется сплоскомъ денегъ. Опровергать это ошибочное понятіе — это значитъ повторять то, что было сказано во введеніи. Деньги точно такъ же не представляютъ синонима капитала, какъ и богатство. Сами по себѣ деньги не могутъ выполнить ни одной части назначенія капитала, потому что не могутъ доставить никакой помощи производству. Для содѣйствія производству онѣ должны быть обмѣнены на другія вещи; и все, что возможно обмѣнить на другія вещи, будетъ въ одинаковой степени, какъ и деньги, способствовать производству. Участіе капитала въ

производствѣ заключается въ доставленіи зданий, зацѣты, орудій и матеріаловъ, необходимыхъ для работы, а также въ прокормленіи и другой поддержкѣ рабочихъ во время процесса производства. Это услуга, требуемая настоящимъ трудомъ отъ прошлаго и изъ продукта прошлаго труда. Всѣ вещи, предназначенныя для этого употребленія, т. е. для снабженія производительнаго труда всѣмъ необходимымъ, составляютъ капиталъ.

Чтобы лучше усвоить себѣ это понятіе, разсмотримъ, что происходитъ съ капиталомъ, помѣщеннымъ въ какое-нибудь предприятие, входящее въ составъ производительной промышленности страны. Напримѣръ, фабрикантъ часть своего капитала имѣетъ въ видѣ зданий, приспособленныхъ и предназначенныхъ для веденія известной отрасли фабричнаго производства. Другую часть онъ имѣетъ въ видѣ машинъ. Третья часть заключается, если онъ прядильщикъ, въ сыромъ хлопкѣ, льнѣ или шерсти, если онъ ткачъ, — въ льняной, шелковой или бумажной пряжѣ, и такъ далѣе, сообразно съ характеромъ производства. Шину и одежду для рабочихъ въ настоящее время имѣть обыкновенно заготовлять непосредственно; и, исключая производителей пиши и одежды, мало найдется капиталистовъ, имѣющихъ часть капитала, заслуживающую упоминанія, въ этомъ видѣ. Выбѣго этого у каждаго капиталиста есть деньги, которыми онъ платитъ своимъ рабочимъ и тѣмъ даетъ имъ возможность удовлетворять свои потребности. У него также есть готовые товары въ складахъ, при продажѣ которыхъ онъ получаетъ еще деньги для такого же употребленія, а также для пополненія запаса матеріаловъ, для починки зданий и машинъ и для замѣны ихъ, когда онѣ придутъ въ негодность. Но его деньги и готовые товары не будутъ всецѣло капиталомъ, потому что они не во всей ихъ суммѣ затрачиваются на эти цѣли: онъ употребляетъ часть денегъ и часть выручки за товары на удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей, а также потребностей своей семьи, на наемъ конюховъ и лакеевъ, на содержаніе охотниковъ и охотничьихъ собакъ, на воспитаніе дѣтей, на уплату податей или на дѣла благотворительности.

Что же тогда составляетъ его капиталъ? Капиталомъ будетъ именно та часть его имущества, какого бы рода она ни была, которая составляетъ фондъ для веденія новаго производства. Не важно, если часть этого имущества, или даже оно все, находится въ такомъ видѣ, въ которомъ не можетъ прямо удовлетворять потребностямъ рабочихъ.

Предположимъ, напримѣръ, что капиталистъ занятъ производствомъ жѣлезныхъ товаровъ и что его промышленный капиталъ, кромѣ машинъ, состоитъ въ настоящее время только изъ жѣлезныхъ товаровъ. Жѣлезные товары не могутъ кормить рабочихъ. Однако простой перемѣной въ назначеніи этихъ жѣлезныхъ товаровъ онъ можетъ доставить пропитаніе рабочимъ. Предполо-

жимъ, что часть выручки онъ раньше предназначалъ на содержание своры собакъ или штата слугъ и что онъ мѣняетъ свое намереніе и помѣщаетъ ее въ свое предпріятіе, улачивая изъ нея вознагражденіе добавочнымъ рабочимъ. Эти рабочіе получаютъ возможность покупать и потреблять пшцу, которая въ противномъ случаѣ была бы истреблена собаками и слугами; и такимъ образомъ рѣшеніе хозяина, безъ того, чтобы онъ видѣлъ или тронуть хоть одну частичку пшцы, сдѣлало то, что изъ всей пшцы, существующей въ странѣ, производительные рабочіе получили настолько больше прежняго, насколько сократилось непроизводительное потребление. Теперь измѣнимъ гипотезу и предположимъ, что то, что уплачивается такимъ образомъ рабочимъ, истрачивалось прежде не на прокормленіе слугъ и собакъ, а на покупку золотыхъ вещей и драгоценностей, и для того, чтобы сдѣлать стѣдствіе болѣе очевиднымъ, предположимъ, что перемена происходитъ въ большихъ размѣрахъ, что значительная сумма, вмѣсто покупки золотыхъ вещей, употребляется на уплату производительнымъ рабочимъ, которые, предположимъ, раньше, подобно ирландскому населенію, были заняты и прокормлены только на половину. Рабочіе, получивъ свое увеличенное жалованье, употребляютъ его не на покупку золота, а на пшцу. Но добавочной пшцы нѣтъ въ странѣ; также нѣтъ ни непроизводительныхъ рабочихъ, ни животныхъ, пшца которыхъ освобождалась бы для производительныхъ цѣлей, какъ это было въ предыдущемъ примѣрѣ. Поэтому пшца, если только возможно, будетъ ввезена, если же невозможно, то рабочіе останутся на нѣкоторое время при ихъ скудной порціи. Но вслѣдствіе того, что расходы капиталистовъ изъ непроизводительныхъ стали производительными, падѣнныя также и спросъ на товары, и поэтому въ слѣдующемъ году будетъ произведено больше пшцы и меньше драгоценностей. Тутъ опять обращеніе нѣкоторой доли частной собственности, въ чемъ бы она ни заключалась, отъ непроизводительнаго къ производительному назначенію, не касается непосредственно запаса пшцы для рабочихъ, а между тѣмъ его слѣдствіемъ будетъ то, что для потребления производительныхъ рабочихъ будетъ предназначено большее количество пшцы. Такимъ образомъ, различіе между капиталомъ и не-капиталомъ заключается не въ родѣ товаровъ, а въ намѣреніи капиталиста—въ его желаніи употребить ихъ для той или для другой цѣли; и всякое имущество, какъ бы оно само по себѣ ни было непримѣнимо для потребностей рабочихъ, составляетъ часть капитала, если только это имущество или его стоимость предназначается для произвольнаго употребленія. Сумма всѣхъ цѣнностей, предназначенныхъ къ этому ихъ владѣльцами, составляетъ капиталъ страны. Будутъ всѣ эти цѣнности въ формѣ прямо примѣнимо для производительнаго употребленія или нѣтъ—это безразлично. Ихъ форма, какова бы она ни была, имѣетъ только временное значеніе; и онѣ, будучи раз-

предназначены для производства, найдутъ способъ преобразоваться въ вещь, годная для этого примѣненія.

§ 2. Если всякій продуктъ страны, предназначенный на производство, составляетъ капиталъ, то, наоборотъ, весь капиталъ страны предназначается для производства. Но это второе положеніе можетъ быть принято съ нѣкоторыми ограниченіями и объясненіями. Имущество можетъ нескать и не находить производительнаго употребленія, которое соотвѣтствовало бы склонностямъ его владѣльца; въ такомъ случаѣ это будетъ, все-таки, капиталъ, но капиталъ свободный. Планъ же запасъ можетъ заключаться въ непроданныхъ товарахъ, не пригодныхъ для прямого примѣненія къ производительнымъ цѣлямъ и въ то же время не имѣющихъ сбыта; эти товары, пока они не будутъ проданы, представляютъ свободный капиталъ. Кроме того, искусственные или случайныя обстоятельства могутъ сдѣлать необходимымъ имѣть заранее большой запасъ, т. е. капиталъ, до начала производства болѣе, чѣмъ бы требовало само дѣло. Предположимъ, что правительство облагаетъ производство налогомъ въ одной изъ самыхъ раннихъ его ступеней,—напримѣръ, облагая материалы. Фабрикантъ, раньше чѣмъ начать производство, долженъ впередъ уплатить налогъ и потому вынужденъ имѣть большее количество накопленнаго запаса, чѣмъ сколько требуетъ принятое имъ производство, или сколько въ дѣйствительности на него употребляется. Для содержанія одного и того же количества труда онъ долженъ имѣть болѣе болѣе капиталъ, или же (что будетъ одно и то же) съ даннымъ капиталомъ онъ содержать меньшее количество труда. Поэтому такой способъ взиманія налоговъ безъ необходимости сокращаетъ промышленность страны, такъ какъ часть имущества, предназначенная владѣльцемъ его для производства, отвлекается отъ этой цѣли и служитъ постоянно для уплаты правительству впередъ.

Приведемъ другой примѣръ: фермеръ можетъ нанять свою ферму въ такое время года, что ему придется платить одну, двѣ и даже три четверти ренты до получения какого-нибудь дохода изъ продукта. Поэтому рента должна быть уплачена изъ его капитала. Но рента, платимая за самую землю, а не за улучшения, произведенныя трудомъ, не будетъ производительной затратой. Она не составляетъ расходовъ на содержаніе труда или на заготовленіе орудій и матеріаловъ для производства. Она представляетъ вознагражденіе, уплаченное за пользованіе силами природы, обращенными въ частную должность. Эти силы природы такъ же необходимы, какъ и орудія (или даже больше), но нѣтъ необходимости въ существованіи платы за нихъ. Что касается орудій (вещей, произведенныхъ съ помощью труда), то вѣдѣтная цѣна составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; но земля существуетъ сама по себѣ; поэтому плата за нее не будетъ принадлежать къ издержкамъ производства; между тѣмъ, вслѣдствіе того, что уплату нужно производить изъ капитала, требуется болѣе болѣе капиталъ, а также и пред-

шествующее накопление продуктов прошлаго труда должно быть большее, чѣмъ сколько бы нужно было при естественномъ ходѣ вещей или же при иной системѣ землевладѣнія. Этотъ излишекъ капитала хотя и предназначается его собственникомъ для производства, въ дѣйствительности употребленъ непроизводительно и ежегодно пополняется не изъ своего собственного продукта, а изъ продукта труда, содержащаго остаткомъ отъ капитала фермера.

Наконецъ та значительная часть производительнаго капитала страны, которая уходитъ на заработную плату рабочимъ, очевидно, не вся строго и неизбежно необходима для производства. Та часть ея, которая не превышаетъ существенно необходимое для жизни и здоровья (излишекъ, бывающій значительнымъ при искусствѣ рабочихъ), тратится не на содержание труда, а на вознагражденіе его, и рабочіе могутъ ждать этой части ихъ вознагражденія до окончанія производства: ей нѣтъ необходимости существовать раньше въ видѣ капитала; и если бы рабочіе, по несчастью, лишились ея совершенно, то количество производства могло бы остаться безъ измѣненія. Для того, чтобы выдавать рабочимъ все вознагражденіе впередъ въ ежедневныхъ или еженедѣльныхъ уплатахъ, необходимо, чтобы заранѣе существовалъ и былъ назначенъ для производительнаго употребленія запасъ для капиталъ. Большой, чѣмъ того требуютъ существующіе размѣры производства: капиталъ долженъ быть больше настолько, насколько сумма вознагражденія, получаемого рабочими, превышаетъ то, что давалъ бы расчетливый рабовладѣлецъ своимъ рабамъ, соблюдая собственную выгоду. Дѣйствительно только послѣ накопленія избытка капитала могло, вѣроятно, возникнуть обыкновеніе уплачивать впередъ всякое вознагражденіе за трудъ, превышающее мѣру первыхъ жизненныхъ потребностей, потому что все, уплаченное такимъ образомъ, въ дѣйствительности применяется не для производства, а для непроизводительнаго потребленія производительныхъ рабочихъ, что указываетъ на достаточно обширный запасъ для производства, допускающій расходование части его на предметы простаго удобства.

Можно было замѣтить, что я предполагалъ, что рабочіе всегда существуютъ на капиталъ; и это, очевидно, фактъ, хотя капиталъ и не долженъ непременно доставляться человекомъ, называющимся капиталистомъ. Когда работникъ содержитъ себя самъ, своимъ собственнымъ запасомъ.—напримѣръ, когда фермеръ или собственникъ живутъ продуктами своей земли, или когда ремесленникъ работаетъ на свой собственный счетъ, то все они содержатся капиталомъ, т. е. запасамъ, заготовленнымъ раньше. Крестьянинъ живетъ даннымъ годъ на продукты жатвы прошлаго, а не этого года. Ремесленникъ живетъ не на доходъ съ работы, которую онъ занятъ теперь, а на доходъ съ той, которую онъ раньше кончилъ и продалъ. Каждый изъ нихъ содержится своимъ собственнымъ небольшимъ капиталомъ, возстановляемымъ имъ периодически изъ про-

дуктовъ труда. Крупный капиталъ также точно живетъ на запасъ, заранѣе заготовленный. Если онъ лично руководитъ своимъ дѣлами, то его расходы на себя и на свою семью, если они не будутъ превышать справедливаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должны считаться частью его капитала, которая расходуется, какъ остальной капиталъ, на производство; его личное потребленіе, насколько оно будетъ состоять изъ необходимаго для жизни, будетъ производительнымъ потребленіемъ.

§ 3. Рискую быть утомительнымъ, я долженъ прибавить еще нѣсколько разъясненій, для болѣе яснаго и точнаго освѣщенія понятія о капиталѣ; по вѣрному замѣчанію Сэ, полезнѣе всего обратиться наши разъясненія на основныя начала нашей науки, потому что самыя большія ошибки, существующія въ ней, могутъ быть отнесены къ недостатку полнаго знанія элементарныхъ понятій. И это не удивительно: нѣтъ можетъ быть большой, а все остальное дерево здоровымъ, но болѣзнь корня распространяетъ нездоровье на все дерево.

Итакъ, рассмотримъ, можно ли вообще и при какихъ обстоятельствахъ можно считать капиталомъ собственность лица, живущихъ на доходы съ нея и лично не принимающихъ участія въ производствѣ. Эта собственность на разговорномъ языкѣ называется капиталомъ, и это по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ имѣетъ нѣкоторое основаніе. Всякое имущество, дающее своему владѣльцу доходъ, которымъ онъ можетъ пользоваться, не уменьшая и не распродавая самаго имущества, будетъ для владѣльца имѣть значеніе капитала. Но послѣдній и необдуманый переносъ на общую точку зрѣнія предположеній, справедливыхъ относительно отдѣльныхъ лицъ, былъ источникомъ безчисленныхъ заблужденій въ политическо-экономіи. Въ настоящемъ случаѣ то, что считается капиталомъ для отдѣльнаго лица, можетъ быть или не быть капиталомъ для націи, смотря по тому, будетъ ли имущество, не распродаваемое, по нашему предположенію, собственникомъ, распродаваться къмъ-нибудь другимъ или нѣтъ.

Напримѣръ, предположимъ, что имущество стоимостью въ 10000 фунтовъ, принадлежавшее А, дано взаймы В, фермеру или фабриканту, и употреблено съ выгодой въ предпріятіе В. Эта собственность будетъ такимъ капиталомъ, какъ если бы она принадлежала В. Дѣйствительнымъ фермеромъ или фабрикантомъ будетъ А, не лично, но по своему имуществу. Капиталъ стоимостью въ 10000 фунтовъ употребляется на производство—на содержаніе рабочихъ и на доставленіе орудій и матеріаловъ; хотя капиталъ принадлежитъ А, но В заботится о его употребленіи и въ вознагражденіе за это получаетъ разницу, существующую между прибылью съ этой суммы и процентами, которые онъ платитъ А. Это самый простой случай.

Предположимъ теперь, что принадлежаніе А десять тысячъ фунтовъ заняты не В, а, вмѣсто того, отданы подѣ залогъ земле-

владельцу С, который употребил их на улучшение производительных сил своего имения, на ограждения, осушение, проложение дорог и долговременное удобрение земель. Это производительное употребление. 10000 фунтов издержаны, но не промотаны. Они доставляют постоянный доход; земля теперь дает излишек продукта, достаточный для того, чтобы через несколько лет возвратить эту сумму, а современем и увеличить ее в несколько раз, если только затрата была сделана разумно. Итак, в этом случае ивинность в 10000 фунтов употреблена на увеличение продуктов страны. Это составляет капитал, с которого С, если отдаст землю в наем, будет получать доход под видом увеличения своей ренты; а кредитор, называющийся А, получает из этих доходов, в вид процентов, такую сумму, какая была условлена. Теперь изменим обстоятельства и предположим, что С употребляет ее не на улучшение своей земли, а на уплату по прежней закладной, или на обеспечение своих детей. Будут ли употребленные таким образом 10000 ф. капиталом или нет? Это зависит от того употребления, какое будет сделано из этой суммы последним получателем. Если дети С сделают производительное употребление своему состоянию или же если владелец закладной, получив эту сумму, отдаст ее другому землевладельцу на улучшение земли или фабриканту на расширение его предприятия, то эти деньги будут капиталом, потому что они употреблены производительно.

Но предположим, что С, берущий займы землевладелец, будет расточителем, обременяющим свою землю не для того, чтобы увеличить свое состояние, а для того, чтобы промотать его, разстранивая деньги, полученные займы, на расплавы и увеселения. В год или два вся эта сумма будет растрасана, и безвозвратно. А остается так же богат, как и прежде: у него больше нет 10000 ф., но он имеет закладную на землю, которую он может всегда продать за эту сумму. А же на 10000 ф. беднее прежнего, и никто не сделался богаче. Могут сказать, что ть сделались богаче, которые получили выгоду от денег, растроченных им. Без сомнения, если С проиграл или его слуги уворовали эту сумму, это будет простая передача, а не уничтожение, и получившие эту сумму могут употребить ее производительно; но если С за потраченные деньги получить полную их стоимость в вид предметов необходимости и роскоши, которые употребил сам или с помощью гостей и слуг, то эти предметы перестали существовать и вместо них ничего не было произведено; между тем как, если бы эта сумма была употреблена на обработку земли или на фабричное производство, прошедшее потребление было бы больше чем уравновешено в конце года новыми продуктами, созданными трудом людей, явившихся в этом случае потребителями. Великие расточительности С, то, что было потреблено производительно, потребляется безвозвратно. Купцы, у которых

покупать С, получали выгоду только во время его траты; но если бы капитал тратился производительно, то та же самая прибыль была бы получена строителями, людьми, сооружающими пиророды, приготовляющими орудия, и торговцами, доставляющими продовольствие для трудящихся классов, а кроме того, по истечении некоторого времени, С (не говоря уже о прибыли) получил бы обратно свои 10000 ф. (которых теперь он не имеет), или равную им стоимость. Поэтому в общем результате получится разница в ущерб обществу, но крайней мере, в 10000 ф., составляющих непродуцируемую трату С. Для А эта разница несущественна, потому что доход его обеспечен; пока обеспечение надежно и рыночный размах процентов тот же, он может всегда продать закладную по ее первоначальной стоимости. Поэтому для А закладная в 10000 ф. на имение С равносильно капиталу в эту сумму. Но будет ли эта закладная также капиталом для общества? Нет, она им не будет. А имеет капитал в 10000 ф., который уничтожился, — был промотан и потреблен расточительностью С. Теперь А получает доход не из продукта своего капитала, а из какого-нибудь другого источника дохода, принадлежавшего С, — впрочем, из ренты за землю, т. е. из той платы, которую ему дают фермеры из продукта их капитала. Национальный капитал уменьшился на 10000 ф., а национальный доход на всю ту сумму, которую произвел бы этот 10000 ф., употребленные как капитал. Эта потеря не ложится на собственника уничтоженного капитала, потому что лицо, уничтожившее его, обязалось вознаградить собственника за это. Но возможная для последнего потеря составляет только значительную часть того, что терит общество, потому что только один доход с капитала предназначался для пользования и потребления владельца, сам же капитал употреблялся или был бы употреблен на постоянное содержание соответственного числа рабочих, регулярно воспроизводящих то, что они потребляют, и этих средств к существованию они лишались безвозвратно.

Изменим нашу гипотезу еще более и предположим, что должником является не землевладелец, а государство. А отдает займы капитал правительству на ведение войны. Он покупает у государства так называемые государственные облигации, т. е. обязательства, даваемые правительством, уплачивать ежегодный доход. Если бы правительство употребило эти деньги на постройку железных дорог, то это было бы производительной затратой и имуществом, принадлежавшее А, было бы употреблено как капитал: но эти деньги употреблены на войну, т. е. на жалование офицерам и солдатам, не производящим ничего, и на потребление большого количества пороха и пуль без всякого возврата. Правительство в этом случае будет в положении С, расточительного землевладельца, а принадлежание А 10000 ф., как и в предыдущем примере, исчезнет из национального капитала. часть

котораго они раньше составляли; насколько это касается богатства или производства, они будут все равно что брошены в море, хотя по другим причинам это употребление может быть оправдано. Свой послѣдующій доход А будетъ получать не изъ продукта своего собственнаго капитала, но изъ налоговъ, взимаемыхъ изъ продуктовъ остающагося капитала общества; обществу капиталъ А не даетъ никакого дохода въ вознагражденіе за уплату; онъ утерянъ и погибъ, и то, чѣмъ А теперь владѣетъ, представляетъ только право на доходы съ капитала и промышленности другихъ людей. Это право онъ можетъ продать и получить обратно сумму, равную его капиталу, которую онъ можетъ впоследствии употребить производительно. Это вѣрно, но онъ не получитъ ни собственнаго капитала, ни продуктовъ его, такъ какъ этотъ капиталъ вмѣстѣ съ возможными продуктами уничтоженъ; получитъ А капиталъ другого лица, который согласится купить у него его право на часть государственнаго дохода. Другой капиталистъ заступаетъ мѣсто А, какъ кредиторъ общества, тогда какъ А становится на мѣсто этого капиталиста, какъ владѣлецъ имущества, помѣщеннаго въ производствѣ или годнаго для этой цѣли. Отъ этого обмена производительныя силы общества ни увеличились, ни уменьшились. Расплата капитала страны была сдѣлана тогда, когда правительство тратило деньги А.—отчего цѣнность въ 10000 ф. была вынута или удержана отъ производительнаго употребленія, помѣщена въ запасъ для непродизводительнаго употребленія и уничтожена безъ возврата.

ГЛАВА V.

Основные положенія относительно капитала.

Если предыдущія объясненія достигли своей цѣли, то они довольно полно уяснили понятіе о капиталѣ, согласно съ его опредѣленіемъ, а также и достаточно познакомили съ ролью капитала въ конкретныхъ случаяхъ, когда она затѣмняется сплетеніемъ индивидуальныхъ условій; теперь и неопытный читатель долженъ быть подготовленъ къ нѣкоторымъ элементарнымъ положеніямъ или теоремамъ, относящимся къ капиталу, полное пониманіе которыхъ будетъ уже значительнымъ шагомъ отъ мрака къ свѣту.

Первое изъ этихъ положеній заключается въ томъ, что промышленность органичена размѣромъ капитала. Это настолько очевидно, что въ обыкновенной рѣчи оно считается безспорнымъ; но не одно и то же замѣчать истину въ нѣкоторыхъ случаяхъ и призывать ее всегда, не допуская положеній, несогласныхъ съ ней. До послѣдняго времени почти все законодательство и публицистика не придавали никакого значенія этой аксіомѣ и до сихъ поръ еще

обыкновенно проповѣдуются и внушаются ученія, непримиримыя съ нею.

Слѣдующія общепотребительныя выраженія заключаютъ въ себѣ эту истину. Актъ направленія промышленныхъ силъ къ пзвѣстному производству выражается фразой «примененіе капитала» къ этому дѣлу. Применять промышленныя силы къ землѣблудію значить прилагать капиталъ къ землѣ. Употреблять трудъ на фабричное производство—значить помѣщать капиталъ въ это производство. Въ этихъ выраженіяхъ подразумевается, что промышленныя силы не могутъ быть употреблены въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ допускаетъ это взаимный въ предпріятіе капиталъ. Дѣйствительно, съ этимъ положеніемъ нельзя не согласиться, если вполне уяснить его себѣ. Безъ сомнѣнія, выраженіе «примененіе капитала»—метафорическое, въ дѣйствительности прилагается только трудъ, капиталъ же составляетъ лишь необходимое условіе. Мы часто говоримъ также о «производительныхъ силахъ капитала»; это выраженіе не буквально правильно. Единственныя производительныя силы—это трудъ и силы природы; если же о какой-нибудь части капитала и можно сказать съ нѣкоторой натяжкой, что она имѣетъ свою собственную производительную силу, то это лишь относительно орудій и машинъ, которыя, подобно вѣтру и водѣ, содѣйствуютъ труду. Пшца рабочихъ и материалы производства не имѣютъ производительныхъ силъ; но трудъ не можетъ проявлять своей производительной силы, пока не будетъ снабженъ ими. Размѣры промышленной дѣятельности ограничиваются количествомъ материала для обработки и пищи для прокормленія. Какъ это ни очевидно, все же часто забываютъ, что народъ въ пзвѣстной странѣ живетъ и удовлетворяетъ своимъ потребностямъ не продуктами настоящаго, а продуктами прошлаго труда. Онъ потребляетъ то, что уже произведено, а не то, что еще будетъ произведено. Изъ того, что было произведено, только часть назначается на поддержаніе производительнаго труда, и количество этого труда не будетъ и не можетъ быть больше того, сколько можетъ прокормить и снабдить материалами и орудіями производства эта часть, составляющая капиталъ страны.

Однако, пренебрегая столь очевиднымъ фактомъ, долго еще продолжали думать, что законы и правительство могутъ создать промышленность, не создавая для ней капитала. Думали, что этого можно достигнуть, не дѣлая населенія болѣе трудолюбивымъ или же не увеличивая успѣшности его труда; между тѣмъ достиженію лишь этихъ послѣднихъ цѣлей и можетъ до нѣкоторой степени способствовать государство, и то косвенно. Но, тѣмъ не менѣе, полагали, что правительство можетъ создать новыя предпріятія, не увеличивая искусства и энергіи рабочихъ, не побуждая къ труду людей, прежде содержавшихся въ праздности, а также и не доставляя новыхъ капиталовъ. Правительство можетъ, съ помощью запретительныхъ законовъ, прекратить вывозъ какихъ-нибудь това-

ровь и заставить, такимъ образомъ, производить эти товары въ страши; оно, пожалуй, будетъ гордиться тѣмъ, что обогатило страну новой отраслью производства, выставя въ статистическихъ таблицахъ количество произведенныхъ продуктовъ и количество труда, употребленнаго на производство, и будетъ все это принимать за выигрышъ для страны, доставленный ей запретительными законами. Хотя этотъ родъ политической арифметики нѣсколько и потерялъ свой кредитъ въ Англии, тѣмъ не менѣе онъ еще процвѣтаетъ у націй континентальной Европы. Если бы законодатели понимали, что промышленность ограничивается размѣромъ капитала, они увидѣли бы, что безъ увеличенія накопленнаго капитала страны всякая часть его, вкладываемая, съ помощью ихъ законовъ, во вновь приобретаемую отрасль промышленности, должна быть отнята или удержана у какой-нибудь другой промышленности, въ которой она давала или могла бы дать занятіе такому же количеству труда, какъ и въ новой *).

§ 2. Изъ того, что промышленность ограничена размѣромъ капитала, мы еще не можемъ заключить, что она всегда достигаетъ этого предѣла. Капиталъ можетъ временно находиться безъ употребленія; такъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ не проданъ или же запасъ, годный для производства, еще не нашеть для себя примѣненія, онъ не помогаетъ въ продолженіе этого времени промышленности. Бываетъ также, что нельзя получить такого числа рабочихъ, какому капиталъ могъ бы давать занятіе и средства къ жизни. Это, какъ извѣстно, случилось въ новыхъ колоніяхъ,

Нужно допустить одно только исключеніе для того случая, когда промышленность, создаваемая или поддерживаемая ограничительными законами, принадлежитъ къ классу такъ называемыхъ домашнихъ мануфактуръ. Промышленность этого рода ведется лицами, которые уже имѣютъ капиталъ изъ другого источника, семьей, работающими въ промежуткахъ между другими своими занятіями. Для начала такихъ предпріятій не требуется перенесенія капитала въ количествѣ, превышающемъ стоимость орудій и материаловъ, часто очень дешевыхъ. Поэтому, если покровительственная пошлина побуждаетъ къ занятіямъ именно этого рода, которая иначе не существовала бы, то въ этомъ случаѣ будетъ действительное увеличеніе производства страны.

Мы должны призвать этотъ случай для того, чтобы сдѣлать неопровержимымъ наше теоретическое положеніе; но этимъ не будетъ задѣто практическое ученіе о свободѣ торговли. Домашнія мануфактуры не могутъ, по самой природѣ вещей, требовать покровительства, потому что, разъ средства для жизни рабочихъ доставляются другимъ источникомъ, то цѣна продукта, какъ бы она ни повижалась, почти вся будетъ составлять чистую прибыль. Поэтому, если кустарь отказывается отъ соперничества, то это никогда не бываетъ въ силу необходимости, а потому, что продуктъ не стоитъ затраченной на него работы, въ глазахъ лучшихъ судей, тѣхъ, которые получаютъ этотъ продуктъ и выполняютъ эту работу. Они предпочитаютъ тратить на покупку своего труда, если того, чтобы сдѣлать его; они не будутъ продолжать своего труда, если общество не будетъ давать имъ за него больше, чѣмъ сколько, по ихъ собственному мнѣнію, стоитъ потребный для него продуктъ.

гдѣ капиталъ иногда бесполезно погибалъ, по недостатку рабочихъ: такъ, напримеръ, въ поселеніи на Лебединоу рѣкѣ (теперь называемомъ Западною Австраліей), въ первые годы послѣ его основанія. Много лишь содержится на существующій капиталъ, не производя ничего или же производя гораздо меньше, чѣмъ бы они могли. Если бы рабочіе были низведены на болѣе низкую плату, или были бы принуждены за ту же плату работать большее количество часовъ, или же если бы ихъ семья, которая и такъ существуетъ на капиталъ, способствовала увеличенію производства больше, чѣмъ въ настоящее время, то данный капиталъ доставилъ бы занятіе большему количеству производительныхъ силъ. Непроизводительное потребленіе производительныхъ рабочихъ, которое все покрывается теперь изъ капитала, могло бы прекратиться или быть отложеннымъ, пока не получили продуктъ, и на эту сумму можно было бы содержать табачное чело производительныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ общество можетъ получить изъ своихъ наличныхъ источниковъ большее количество продуктовъ, и къ такимъ способамъ оно принуждено было прибѣгать обыкновенно, когда, вслѣдствіе внезапнаго уничтоженія значительной части его капитала, главнымъ вопросомъ на нѣкоторое время, становилось примѣненіе остатка съ возможно большей выгодой.

Когда промышленность еще не достигла предѣла, допускаемаго капиталомъ, правительство можетъ различными способами, напр., ввозомъ новыхъ рабочихъ, приблизить ее къ этому предѣлу (какъ, напр., ввозомъ купл. и свободныхъ негровъ въ Восточную Индію). Есть еще способъ, которымъ правительства могутъ увеличивать промышленность. Они могутъ создавать капиталъ. Они могутъ устанавливать налоги и сумму, получаемую отъ нихъ употребить производительно; они могутъ также дѣлать нѣчто подобное этому: облагать доходы и расходы и употреблять полученные такимъ образомъ суммы на уплату государственнхъ долговъ. Государственный кредиторъ, получивъ обратно свой капиталъ, пожелалъ бы и дальше извлекать доходъ изъ своего имущества, и потому большая часть послѣдняго нашла бы свое примѣненіе въ производительныхъ занятіяхъ; между тѣмъ большая часть уплаченной суммы взята изъ запаса на непроизводительные расходы, потому что народъ платитъ налоги не всецѣло изъ своихъ сбереженій, а отчасти, или даже главнымъ образомъ изъ того, что онъ бы растратилъ. Слѣдуетъ прибавить, что всякое увеличеніе въ производительной силѣ капитала (или, выражаясь точнѣе, труда), благодаря улучшенію способовъ производства и проч., способствуетъ увеличенію занятій для труда; потому что, чѣмъ больше будетъ продуктовъ вообще, тѣмъ будетъ больше вѣроятія, что часть изъ нихъ будетъ сбережена и обращена въ капиталъ, въ особенности, когда увеличеніе доходовъ отъ промышленной дѣятельности служитъ новой побудительной причиною для обращенія запасовъ отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному.

§ 3. Тогда какъ, съ одной стороны, размѣры промышленности ограничены размѣромъ капитала, съ другой стороны—каждое увеличение капитала ведетъ или можетъ вести къ новому расширенію промышленности, и границы этого развитія нельзя опредѣлить. Я не хочу отрицать, что часть капитала или онъ весь, кромѣ содержанія рабочихъ, можетъ быть употребленъ на постройку машинъ, зданий, улучшение земли и т. п. При всякомъ болыпомъ увеличеніи капитала, значительная часть его обыкновенно будетъ употреблена такимъ образомъ и будетъ только содѣйствовать труду рабочихъ, а не содержать ихъ. Я только утверждаю, что часть, предназначенная на содержаніе рабочихъ, можетъ увеличиваться до безконечности, и при этомъ всегда возможно будетъ найти занятіе для нихъ, если предположимъ, что не произойдетъ измѣненія въ чемъ-нибудь другомъ; пылыя слова, если есть люди, способные къ работѣ, и пища для прокормленія ихъ, они всегда могутъ быть заняты производствомъ чего-нибудь. Это положение требуетъ, чтобы мы нѣсколько остановились на немъ, потому что оно принадлежитъ къ тѣмъ положениямъ, которыя очень легко принимаются людьми въ видѣ общихъ выраженій и удерживаются ими съ нѣкоторымъ трудомъ, подъ вліяніемъ разнообразія и смѣненія дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни; къ тому же это положеніе слишкомъ противорѣшитъ общеннымъ взглядамъ. Мнѣніе, что непродуцительныя траты богатыхъ необходимы для занятій бѣдныхъ, принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ. До Адама Смита это мнѣніе едва ли подвергалось критикѣ, и даже послѣ него писатели, наиболее извѣстные и оказавшіе большія услуги наукѣ*), утверждали, что если бы потребители сберегали и обращали въ капиталъ слишкомъ большую часть своихъ доходовъ и если бы они не протребляли непродуцительно нѣкоторую сумму средствъ, величина которыхъ находится въ соответствіи съ капиталомъ страны, то накопленный добавочный излишекъ былъ бы весь потерявъ для общества, такъ какъ не было бы сбыта для товаровъ, которые произведъ бы созданный такимъ образомъ капиталъ. Я считаю такой взглядъ однимъ изъ многихъ заблужденій, возникающихъ въ политической экономіи оттого, что не начинаютъ изслѣдованія съ простыхъ случаевъ, а сразу бросаются въ сложное сплетеніе конкретных явленій.

Для каждаго ясно, что если бы благоразумное правительство владело всею пищей и всѣми орудіями и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производтельнаго труда отъ всѣхъ лицъ, способныхъ къ этому труду и получающихъ известную долю этой пищи: такому правительству не грозила бы опасность не найти поля дѣятельности для примѣненія производтельнаго труда; потому что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать, хотя одна неудовлетворенная потребность какого-нибудь лица, которая удовлетворяется матеріальными средствами, трудъ общества можетъ быть

*) Мацримъръ, Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди.

обращенъ на производство предметовъ, способныхъ удовлетворить эту потребность. Частные владѣльцы капитала, присоединяя къ нему новыя сбереженія, дѣлаютъ то же самое, что, по нашему предположенію, дѣлало бы благоразумное правительство....

Такъ какъ наша наука допускаетъ пользоваться гипотезами, то вообразимъ самый крайній случай, какой только можно предтавить. Предположимъ, что каждый капиталистъ пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ не заслуживаетъ большаго вознагражденія, чѣмъ хорошій рабочий, а потому и не долженъ жить лучше послѣдняго, и согласно такимъ побужденіямъ совѣсти, онъ откладываетъ часть своей прибыли; или же предположимъ, что это воздержаніе не добровольное, а налагается закономъ или общественнымъ мнѣніемъ на всѣхъ капиталистовъ, а также и на всѣхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, непродуцительные расходы доведены до самыхъ незначительныхъ размѣровъ; спрашивается, какое найдется себѣ примѣненіе накопленный капиталъ? Кто будетъ покупать товары, производимые этими капиталомъ? Потребителей нѣтъ даже для товаровъ, произведенныхъ раньше. Поэтому товары (скажутъ) останутся непроданными; они будутъ гнить въ складахъ, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока капиталъ не сократится до своихъ прежнихъ размѣровъ или, точнѣе говоря, не станетъ меньше прежняго на сумму, соответствующую уменьшенію въ спросѣ со стороны потребителей. Но утверждать это значить разсматривать только одну сторону дѣла. Въ предположенномъ случаѣ не было бы болѣе требованій на предметы роскоши со стороны капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Но, обращая свои доходы въ капиталъ, эти классы не уничтожаютъ своихъ потребительныхъ силъ: они только переносятъ ихъ отъ самихъ себя на тѣхъ рабочихъ, которымъ они доставляютъ занятіе. Что касается рабочихъ, то относительно ихъ можетъ быть два предположенія. Ихъ число можетъ или увеличиться, или не увеличиться пропорціонально росту капитала. Если оно увеличится, этотъ случай не представляетъ никакихъ затрудненій. Производство предметовъ необходимо для новаго населенія займетъ мѣсто производства предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставитъ точно такое же количество занятій, какое было утрачено. Но предположимъ, что населеніе не возрасло. Все, что прежде тратилось на предметы роскоши капиталистами и землевладѣльцами, теперь распределяется между существующими рабочими въ видѣ добавочной заработной платы. Предположимъ, что они уже были въ достаточной степени снабжены необходимыми. Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что рабочіе станутъ потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде употребленный на производство этихъ предметовъ, будетъ и теперь употребляться для той же цѣли: разница будетъ состоять только въ томъ, что предметы роскоши станутъ распределяться между всѣми членами общества, вмѣсто того, чтобы ограничиваться немногими. Увеличеніе накопленія и увеличеніе производства мо-

жить, строго говоря, продолжаться до тѣхъ поръ, пока каждый рабочий не будетъ имѣть всѣ удобства богатства, какія только возможны съ продолженіемъ его труда. Конечно, это возможно только въ томъ случаѣ, если силы ихъ будутъ настолько велики, чтобы прозвести всю сумму этихъ удобствъ для всѣхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, границю богатства служитъ недостатокъ производителей и производительныхъ силъ, а ни въ какомъ случаѣ не недостатокъ потребителей. Каждое увеличеніе капитала доставляетъ труду или новое занятіе, или же увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или же трудящійся классъ. Если новый капиталъ находитъ свободныхъ рабочихъ, то онъ увеличиваетъ общую сумму продуктовъ; если же количество рабочихъ осталось то же, то капиталъ увеличиваетъ ихъ долю въ продуктѣ; возможно, что именно это обстоятельство, побуждая ихъ къ болѣе усиленному труду, увеличитъ производство.

§ 4. Вторая основная теорема относительно капитала касается источниковъ, изъ которыхъ онъ происходитъ. Капиталъ есть результатъ сбереженія. Очевидность этого вполнѣ подтверждается тѣмъ, что уже было сказано объ этомъ предметѣ, но эта теорема нуждается въ нѣкоторомъ дальнѣйшемъ разъясненіи.

Если бы каждый расходовалъ для собственнаго удовлетворенія все, что самъ производитъ, и весь доходъ, полученный съ того, что произведено другимъ, то капиталъ не увеличился бы. Всякій капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, первоначально былъ результатомъ сбереженія. Я говорю—за ничтожнымъ исключеніемъ, потому что человекъ, работающій на свой собственный счетъ, можетъ и тратить на себя все, что онъ производитъ, не становясь нищимъ; запасъ предметовъ необходимости, которымъ онъ существуетъ до тѣхъ поръ, пока не соберетъ свою жатву, или пока не продастъ своихъ товаровъ, хотя и представляетъ дѣйствительный капиталъ, но о немъ нельзя сказать, что онъ сбереженъ, потому что весь онъ идетъ на удовлетвореніе потребностей владельца и расходуетъ. Вѣроятно, такъ же быстро, какъ если бы онъ былъ потребленъ въ праздности. Мы можемъ вообразить, что известное число людей или семей поселилось на нѣсколькихъ отдѣльныхъ участкахъ земли, живетъ каждый на продукты собственнаго труда и потребляетъ всѣ эти продукты. Но даже и эти люди должны сберегать (т. е. отнимать у своего личнаго потребления) столько, сколько необходимо для посѣва. Итакъ, даже и въ этомъ 'самомъ простомъ состояніи экономическихъ отношеній необходимо нѣкоторое сбереженіе, люди должны производить или больше того, что они потребляютъ, или меньше потреблять, чѣмъ они производятъ. Еще больше они должны сберечь для того, чтобы имѣть возможность дать занятіе другимъ рабочимъ и увеличить свое производство сверхъ того, что можетъ быть выполнено ихъ собственными руками. Все то, что человекъ употребляетъ на поддержаніе и выхол-

неніе всякаго посторонняго труда, кромѣ его собственнаго, должно было первоначально быть собрано посредствомъ сбереженія; кто-нибудь долженъ былъ прозвести этотъ запасъ, воздержаться отъ его употребленія. Поэтому, не дѣлая существенной неточности, мы можемъ сказать, что всякій капиталъ, и въ особенности всякое увеличеніе его, представляетъ результатъ сбереженія.

При грубомъ состояніи общества, допускающемъ насилие, постоянно случается, что обладаетъ капиталомъ не то лицо, которое его сберегло, а то, которое, будучи сильнымъ или принадлежа къ болѣе сильной общинѣ, завладѣло этимъ капиталомъ съ помощью грабежа. Но даже и при общественномъ строѣ, дающемъ охрану собственности, увеличеніе капитала обыкновенно долгое время получалось главнымъ образомъ изъ лишеній, которыя въ сущности однородны со сбереженіемъ, но все же не называются этимъ именемъ, такъ какъ они не добровольны. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно у нихъ было вынудить силой, и потреблять не больше того, что имъ давали своекорыстные и малосострадательные хозяева; но этотъ видъ насильственнаго сбереженія не производилъ никакого увеличенія капитала, если бы часть сбереженнаго рабамъ не была вторично добровольно сбережена хозяиномъ. Если бы онъ потреблялъ лично самъ все, что заставлялъ производить своихъ рабовъ сверхъ ихъ потребленія, то онъ не увеличилъ бы своего капитала и не имѣлъ бы возможности содержать большое число рабовъ. Содержаніе какого бы то ни было количества рабовъ требуетъ предварительныхъ сбереженій, по крайней мѣрѣ, заранѣе заготовленнаго запаса пищи. Но эти сбереженія могли бы быть произведены вовсе не лишеніемъ, добровольно налагаемымъ на себя хозяиномъ: вѣроятно же, что ихъ произвели сами рабы, пока еще были свободны; при покореніи ихъ, они передали побѣдителямъ также и свои сбереженія.

Существуютъ еще другіе случаи, въ которыхъ терминъ «сбереженіе», вмѣстѣ съ понятіемъ, входящимъ обыкновенно въ составъ его, не согласуется въ точности съ процессомъ, какимъ увеличивается капиталъ. Напримеръ, если бы сказали, что единственный способъ ускорить возрастаніе капитала заключается въ болѣе сильномъ сбереженіи, то эта мысль, вѣроятно, вызвала бы представленіе о большемъ воздержаніи и объ усиленіи лишеній. Но очевидно, что все то, что увеличиваетъ производительную силу труда, создаетъ дополнительный запасъ, изъ котораго могутъ быть сдѣланы сбереженія, и даетъ возможность увеличить капиталъ не только безъ увеличенія лишеній, но даже съ увеличеніемъ личнаго потребления. Тѣмъ не менѣе въ научномъ смыслѣ и тутъ будетъ усиленіе сбереженій. Хотя потреблено больше, за то осталось отъ потребленія больше прежняго, излишекъ производства надъ потребленіемъ увеличился, и потому мы въ правѣ назвать это усиленнымъ сбереженіемъ. Хотя этотъ терминъ и нельзя назвать неоспоримымъ, но нѣтъ другого,

который не подвергся бы таким же возражениям. Потреблять меньше, чѣмъ произведено, значитъ сберегать; въ этомъ и заключается процессъ, которымъ увеличивается капиталъ, а не только въ абсолютномъ уменьшеніи потребленія. Мы не должны слишкомъ робко придерживаться значенія словъ, употребляя слово «сбереженіе» въ этомъ смыслѣ; мы должны помнить, что для увеличения капитала, помимо уменьшенія потребленія, существуетъ еще другой путь, а именно—увеличеніе производства.

§ 5. Третья основная теорема относительно капитала тѣсно связана съ предыдущей и заключается въ томъ, что капиталъ, хотя и сберегается и представляетъ результатъ сбереженія, но, тѣмъ не менѣе, онъ потребляется. Подъ словомъ «сбереженіе» не должно подразумевать, что все сбереженное не потребляется; не слѣдуетъ даже думать, что его потребленіе должно быть непременно отсрочено. Это слово означаетъ, что если сбереженное употреблено немедленно, то потребителемъ является не лицо сберегшее, а кто-нибудь другой. Если продуктъ отложенъ для будущаго употребленія, то говорится, что онъ спрятанъ; и до тѣхъ поръ, пока онъ спрятанъ, онъ повсе не потребляется. Но употребленный, какъ капиталъ, онъ потребляется цѣлкомъ, хотя и не самымъ капиталистомъ. Часть его обмѣнивается на орудія и машины, изнашивающіяся отъ употребленія, часть на сѣмена и матеріалы, которые уничтожаются, какъ таковыя, посѣвомъ и обработкой, и совершенно уничтожаются потребителемъ окончательнаго продукта. Остатокъ уплачивается въ видѣ платы производительнымъ рабочимъ, потребляющимъ ее на свои ежедневныя нужды; или же, если они, въ свою очередь, дѣлаютъ сбереженія изъ этой платы, то эти сбереженія также (говоря вообще) не прячутся, а черезъ сберегательныя кассы снова входятъ въ капиталомъ и потребляются.

Принципъ, только что установленный, служитъ яркимъ примѣромъ, какъ необходимо внимательное отношеніе къ самымъ элементарнымъ истинамъ нашей науки. Этотъ примѣръ представляетъ одну изъ самыхъ элементарныхъ истинъ, и, тѣмъ не менѣе, всякій, кто не вздумалъ въ насъ, обыкновенно довѣрять ей, а большинство не желаетъ даже признавать ее при первомъ знакомствѣ съ нею. Для непосвященныхъ въ науку совершенно не ясно, что все сбереженное потребляется. Имъ кажется, что тотъ, кто сберегаетъ, именно прячетъ. Они могутъ считать такой поступокъ позволительнымъ или даже похвальнымъ, если его цѣлью служитъ обезпеченіе семьи или что-нибудь подобное. Но они не имѣютъ понятія о сбереженіяхъ, приносящихъ пользу другимъ людямъ: «сберегать» у нихъ значитъ—сохранять вещь для себя, между тѣмъ какъ «тратить» представляется имъ все равно, что распределять его между другими. Человѣкъ, растрачивающій свое состояніе на непродовольственное потребленіе, считается разсыпавшимъ благодѣянія вокругъ себя; и онъ пользуется такимъ расположеніемъ, что часть этой популярности переходитъ на человѣка, расточающаго неприваждлежащее

ему, на человѣка, который не только уничтожаетъ свой собственный капиталъ, если онъ когда-нибудь будетъ, но даже овладѣваетъ, подъ видомъ займа и съ обѣщаніемъ возврата, капиталами другихъ и тоже уничтожаетъ ихъ.

Это общераспространенное заблужденіе происходитъ оттого, что принимаютъ во вниманіе только незначительную часть слѣдствій, вытекающихъ изъ сбереженія и растраты, такъ какъ слѣдствій, не бросающихся въ глаза, ускользаютъ отъ мысли; глазъ слѣдуетъ за сберегаемымъ имуществомъ въ воображаемый денежный сундукъ и тамъ терять его изъ виду; онъ слѣдитъ за растрачиваемымъ, какъ оно переходитъ въ руки торговаго люда и служитъ: но окончательная судьба имущества въ обоихъ случаяхъ скрывается отъ глазъ. Сбереженіе (для производительнаго помещенія) и растрата очень сходны въ началѣ дѣйствія: то и другое начинается потребленіемъ, разрушеніемъ извѣстной части богатства: различны только вещи погребленія и люди, потреблявшіе ихъ. Въ первомъ случаѣ уничтожаются орудія, разрушаются матеріалы и потребляется рабочими множество пищи и одежды. Въ другомъ случаѣ мы видимъ потребленіе, т. е., иначе сказать, уничтоженіе винъ, экипажей и мебели. До сихъ поръ слѣдствія для національнаго богатства были почти одни и тѣ же. и въ обоихъ случаяхъ уничтожено одинаковое количество его. Но при растратѣ эта первая ступень будетъ также и послѣдней: извѣстное количество продуктовъ труда исчезло, не оставивъ ничего послѣ себя, тогда какъ въ другомъ случаѣ человѣкъ, сберегающій въ продолженіе всего времени, пока происходило разрушеніе, содержалъ рабочихъ для воспроизведенія разрушеннаго, и эти рабочіе въ результатѣ возмѣстятъ, и съ увеличеніемъ, все то, что было потреблено. И если эта операція можетъ быть повторена неопредѣленное число разъ, безъ новаго акта сбереженія, то разъ сдѣланное сбереженіе становится фондомъ для постояннаго содержанія соответствующаго числа рабочихъ, воспроизводящихъ ежегодно и собственное содержаніе и, кромѣ того, прибыль.

Для незнакомаго съ экономическою наукой типичный характеръ этого явленія затмивается внимательствомъ денегъ. Почти всѣ расходы производятся посредствомъ денегъ; поэтому ихъ считаютъ главнымъ основаніемъ всѣхъ сдѣлокъ, и такъ какъ деньги не разрушаются, а только переходятъ изъ рукъ въ руки, то люди не замѣчаютъ разрушенія, происходящаго при непродовольственной тратѣ. Деньги только перемѣщаются; поэтому существуетъ мнѣніе, что и богатство передается изъ рукъ мота въ руки другихъ людей. Но это—простое смѣшеніе денегъ съ богатствомъ. Разрушенное богатство заключалось не въ деньгахъ, а въ винахъ, экипажахъ и мебелировкѣ, вупленныхъ за деньги; всѣ эти предметы уничтожены безъ возврата, и общество въ цѣломъ стало бѣднѣе на всю эту сумму. Могутъ, вѣроятно, сказать, что вина, экипажи и мебелировка не составляютъ пищи, орудій или матеріаловъ и никакимъ обра-

зомъ не могутъ быть примѣнены для поддержанія труда, что они пригодны только для непродуцительнаго потребления, и ущербъ для общественнаго богатства нанесенъ еще тогда, когда они производились, а не когда они потреблялись. Я согласенъ допустить это, насколько оно необходимо для доказательства, и такое замѣчаніе было бы весьма умѣстно, еслибы эти дорогіе предметы роскоши были взяты изъ существующаго запаса съ тѣмъ, чтобы никогда его не пополнять. Но эти предметы производятся, пока существуютъ потребители для нихъ, и будутъ производиться все въ большемъ количествѣ для удовлетворенія увеличивающагося спроса. Такимъ образомъ, намѣреніе потребителя истратить пять тысячъ фунтовъ ежегодно на предметы роскоши удерживаетъ за работой соответственное число рабочихъ, занятыхъ изъ года въ годъ приготовленіемъ вещей, совершенно непримѣнимыхъ для производства богатства, будетъ потерей, а орудія, матеріалы и пища, ежегодно потребляемые ими, уменьшаютъ запасы общества, годный для производительныхъ цѣлей. Въ зависимости отъ безопасности и роскоши какого-нибудь класса и промышленности стремится произвести предметы роскоши для него, между тѣмъ какъ для производительныхъ рабочихъ не только уменьшается количество занятій, но и пища и инструменты, необходимыя для этихъ занятій, въ дѣйствительности существуютъ въ меньшемъ количествѣ.

Однимъ словомъ, береженіе обогащаетъ, а расточительность приводитъ къ бѣдности какъ общество, такъ и отдѣльныхъ лицъ; или же, говоря иначе, общество въ цѣломъ обогащается расходами на содержаніе и помощь производительному труду и бѣднѣетъ отъ непродуцительнаго потребления *).

*) Между тѣмъ бесполезно будетъ обратить вниманіе на нѣкоторые обстоятельства, которыя до известной степени уменьшаютъ ущербъ, причиняемый всеобщему богатству расточительностью отдѣльныхъ лицъ, или доставляютъ болѣе или менѣе значительное вознагражденіе, являющееся послѣдствіемъ самаго ущерба. Одно изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что моты обыкновенно не успѣваютъ потребить всего, что они истратываютъ. Вслѣдствіе ихъ обыкновенной безопасности въ расрѣчку людьми, по своимъ привычкамъ бережливыми, большія сбереженія безпрестанно дѣлаются повѣренными, управляющими и даже слугами богатыхъ и расточительныхъ людей, и послѣдніе платятъ при всѣхъ покупкахъ большую цѣну, чѣмъ люди съ бережливыми привычками, что и составляетъ причину, отчего ихъ любятъ, какъ потребителей. Поэтому они не могутъ получить въ свое распоряженіе и уничтожить такое количество богатства, которое равно стоимости растрачиваемаго ими состоянія, болѣе количество ихъ имущества просто переходитъ къ другимъ лицамъ, могущимъ сберечь часть его. Слѣдуетъ еще замѣтить, что расточительность однихъ можетъ привести другихъ къ вынужденной экономіи. Предположимъ, что на какой-нибудь предметъ роскоши внезапно появляется спросъ, зависящій отъ каприза расточителя; этотъ спросъ не былъ предусмотрѣнъ заранее, и потому обыкновенный запасъ для удовлетворенія потребности не увеличился. Цѣна будетъ подыматься и можетъ дойти до того

§ 6. Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что произведено, потребляется, и то, что сбережено, и то, что, какъ говорится, предназначено для расхода; и первое потребляется также быстро, какъ и послѣднее. Всѣ выраженія разговорной рѣчи способствуютъ затемненію того факта. Когда люди говорятъ о старинномъ богатствѣ страны, о богатствахъ, пастѣдованныхъ отъ предковъ, и тому подобномъ, то является представленіе, что богатства, переданныя такимъ образомъ отъ предковъ, были произведены давно, еще въ то время, когда они первоначально приобрѣтались, и обыкновенно думаютъ, что ни одна часть капитала страны не произведена въ этомъ году, за исключеніемъ суммы продуктовъ, составляющей приростъ капитала за послѣдній годъ. Но въ дѣйствительности происходитъ совершенно иначе...

Большая часть цѣнностей, составляющихъ богатство Англіи въ настоящее время, была произведена человеческими руками въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, десять лѣтъ тому назадъ существовала самая незначительная сумма этой огромной массы продуктовъ, изъ современнаго производительнаго капитала едва ли какая-нибудь часть была произведена еще въ то время, кромѣ домовъ на фермахъ, фабрикъ и нѣсколькихъ кораблей и машинъ; да и эти предметы въ большинствѣ случаевъ

что превысить средства и отобѣесть охоту покупать у нѣкоторыхъ постоянныхъ потребителей, которые, вслѣдствіе этого, воздержатся отъ удовлетворенія своихъ привычныхъ прихотей и сберегутъ соответствующую сумму. Если бы они этого не сдѣлали, а продолжали тратить на товары такую же сумму, какъ и раньше, то купцы получили бы за одинаковое количество товаровъ доходъ, увеличенный на всю ту сумму, какую истратили моты; и, такимъ образомъ, вся сумма, которую теряетъ мотъ, въ дѣйствительности переходитъ къ купцамъ и можетъ быть присоединена къ ихъ капиталу; въ то же время его увеличившееся потребленіе составляетъ изъ лишей другихъ покупателей, которые получили за такую же, какъ прежде, сумму гораздо меньше привычныхъ наслажденій. Съ другой стороны, гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ должно произойти обратное дѣйствіе, такъ какъ мотъ, для того чтобы уравновѣсить расточительность въ этихъ расходахъ, долженъ сократить покупки иного рода; онъ можетъ взять обратно изъ производства запасы, затраченные на содержаніе производительнаго труда, и у торговцевъ пищей и орудіями производства товары останутся на рукахъ, или же они получатъ за то же количество товаровъ доходъ менѣе обыкновеннаго. Но такіе потери въ доходахъ и въ капиталѣ, если онѣ не чрезмѣрны, у промышленныя людей обыкновенно пополняются экономіей и лишеніями, такъ что общественный капиталъ въ цѣломъ можетъ остаться невредимымъ, а расточители въ этомъ случаѣ удовлетворяютъ свои прхотни не насчетъ какого-нибудь постояннаго источника, а насчетъ временныхъ удовольствій и удобствъ другихъ. Поэтому общество всегда будетъ бѣднѣе на всю ту сумму, которая тратится расточителемъ, если другіе не будутъ принуждены вслѣдствіе этой траты сократить свои издержки. Есть еще другіе и болѣе скрытыя пути, въ которыхъ расточительность однихъ находитъ противобѣсъ въ увеличенномъ сбереженіи другихъ; но это можетъ быть рассмотрѣно только въ томъ отдѣлѣ четвертой книги, который трактуетъ о принципѣ ограничивающей накопленіе капитала.

не просуществовали бы так долго, если бы въ продолженіе этого времени не затрачивался новый трудъ на починку ихъ. Земля остается, и она—почти единственная вещь, которая не уничтожается; всё же вещи, которые произведены, уничтожаются, и большинство изъ нихъ—весьма быстро. Большая часть видовъ капитала по своей природѣ не пригодна для продолжительнаго сохраненія. Есть только немного, и даже очень немного, произведеній, способныхъ существовать весьма продолжительное время. Уэстминстерское аббатство просуществовало, со случайными поправками, нѣсколько столѣтій; нѣкоторыя греческія скульптурныя произведенія просуществовали около двухъ тысячъ лѣтъ, а пирамиды, можетъ быть, втрое или втрое больше этого. Но все это были предметы, предназначенные для непродолжительныхъ цѣлей. Если мы исключимъ мосты, водопроводы, къ чему еще слѣдуетъ прибавить въ нѣкоторыхъ странахъ водохранилища и насыпи, то мы найдемъ мало примѣровъ тому, чтобы зданіе, примененное для промышленныхъ цѣлей, существовало продолжительное время; подобныя зданія не выдерживаютъ постоянного употребленія, и нѣтъ никакого расчета строить ихъ съ прочностью, необходимой для того, чтобы они существовали вѣчно. Капиталъ поддерживается изъ года въ годъ не сбереженіемъ, а непрерывнымъ воспроизведеніемъ: каждая часть его употребляется и разрушается, и обыкновенно очень скоро послѣ своего производства: но въ то же время люди, потребляющіе его, производятъ больше, чѣмъ они потребляютъ. Увеличеніе капитала подобно увеличенію народонаселенія. Всякій, кто рождается, умираетъ; но ежегодно число рождающихся превышаетъ число умершихъ, поэтому народонаселеніе постоянно увеличивается, хотя всѣ люди, составляющіе его, живутъ сравнительно недавно.

§ 7. Это непрерывное потребленіе и воспроизведеніе капитала служитъ объясненіемъ того факта, который такъ часто возбуждаетъ удивленіе, а именно той чрезвычайной быстроты, съ которой страны оправляются отъ всякихъ опустошеній, и съ которой исчезаютъ въ короткое время всѣ слѣды бѣдствій, причиненныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и войной. Непріятель опустошаетъ страну огнемъ и мечомъ, уничтожаетъ или увозитъ почти все движимое богатство, существующее въ ней, всѣ жители бываютъ разорены, и, однако же, нѣсколько лѣтъ спустя, все бываетъ возобновлено въ прежнемъ видѣ. Эта *vis medicatrix naturae* (цѣлительная сила природы) служила предметомъ безплоднаго удивленія или же приводилась какъ примѣръ необыкновенной силы принципа сбереженія, которая можетъ вознаграждать такія огромныя потери въ такой короткій промежутокъ времени. Но въ сущности нѣтъ тутъ ничего удивительнаго. То, что уничтожилъ непріятель, было бы въ короткое время уничтожено самими жителями: богатство, воспроизведенное ими такъ быстро, требовало бы воспроизведенія: оно было бы, во всякомъ случаѣ, воспроизведено, и вѣроятно—въ самомъ непродолжительномъ времени. Ничто не измѣни-

лось, кромѣ того, что въ продолженіе воспроизводства люди будутъ лишены удобства, заключающагося въ потребленіи произведенныхъ продуктовъ. Возможность для страны быстро оправиться отъ постигшихъ ее бѣдствій главнымъ образомъ зависитъ отъ того, насколько сохранилось въ ней народонаселеніе. Если ея производительное населеніе не было уничтожено самой войной или постигавшимъ за нею голодомъ, то у него остаются искусство и познанія, какими оно владѣло раньше, сохранилась земля съ ея прочными улучшениями и болѣе крѣпкія зданія, которыя, по всей вѣроятности, отчасти или вполне уцѣлѣли отъ разрушенія. Такимъ образомъ, населеніе страны имѣетъ почти все необходимое для прежняго размѣра производства. Если у населенія осталось столько принциповъ цѣнностей для покупки ея, что оно можетъ съ извѣстнымъ изощреніемъ существовать и работать, то оно въ короткое время произведетъ такое же количество продуктовъ и въ общемъ приобрететъ такое же богатство и такой же капиталъ, какъ и прежде, и эти результаты будутъ достигнуты только примененіемъ обыкновеннаго количества труда, какое применялось населеніемъ и раньше въ его занятіяхъ. Но приведенный примѣръ не показываетъ, насколько сдѣлать принципъ сбереженія въ его обыкновенномъ значеніи, потому что тутъ нѣтъ намѣреннаго воздержанія, а вынужденное лишене.

Однако такъ пагубна привычка думать съ помощью только техническихъ фразъ, и такъ мало свободны ученые отъ тѣхъ же умственныхъ слабостей, какими окружены всѣ люди вообще, что это простое объясненіе (поскольку мы извѣстно) не было дано никѣмъ изъ экономистовъ до доктора Чомера; многія изъ убѣжденій этого писателя и считаются ошибочными, но онъ имѣетъ ту заслугу, что изучаетъ явленія по ихъ дѣйствительнымъ признакамъ и выражаетъ ихъ собственнымъ языкомъ, который нѣрѣдко раскрываетъ перспективы, затемняемыя принятой фразеологіей.

§ 8. Этотъ авторъ рядомъ подобныхъ мыслей приходитъ къ важнымъ заключеніямъ относительно другого предмета, тѣсно связаннаго съ предыдущимъ, а именно—о правительственныхъ расходахъ для военныхъ цѣлей или для другихъ производительныхъ расходовъ. Эти займы извлекаются изъ капитала, въ противоположность налогамъ, которые обыкновенно уплачиваются изъ доходовъ и покрываются отчасти или вполне, благодаря усиленной бережливости, и потому, согласно съ принципами, изложенными нами, займы способствуютъ обдѣленію страны; однако годы, когда въ самыхъ широкыхъ размѣрахъ расходовались суммы, собранныя посредствомъ кредита, нѣрѣдко были годами самаго большого видимаго процвѣтанія. Богатство и средства страны, вмѣсто уменьшенія, нѣрѣдко выказываютъ всѣ признаки быстрого возрастанія въ продолженіе расходованія займа и затѣмъ, когда заемъ израсходованъ, кажется, что богатство сильно увеличивается. Это бесспорно было въ Великобританіи во время послѣдней продолжительной континентальной войны. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ неосновательныя теоріи

политической экономии, порожденный этим фактом и пользовавшийся, благодаря ему, временным доверием. Эти теории в большинстве случаев стремятся превозносить непродуцируемые расходы в ущерб производительным. Мы не будем входить в рассмотрение всех причин, влияющих или обыкновенно влияющих на то, что этот чрезвычайный заем из производительных средств страны не настолько опутителем, как это с полным основанием можно было ожидать; мы остановимся на самом неблагоприятном случае; предположим, что вся занятая и уничтоженная правительством сумма была взята кредитором из какой-нибудь производительной дѣла, на которое она действительно употребилась. Поэтому капитал страны в том году уменьшился на такую сумму. Но если взятая сумма не чрезвычайно велика, то эти причины, по существу дѣла, почему бы национальный капитал в следующем году не был восстановлен в прежних размерах. Заем не может быть взят из той части национального капитала страны, которая состоит из инструментов, машин и зданий. Он должен быть всецѣло получен из части, употребляющейся на уплату рабочим, и соответственно этому рабочие пострадают. Но если никто из них не умрет с голода, или же если благотворительность не допустит их до полной нищеты, то вѣсь оснований для того, чтобы продукт труда в будущем году был меньше, чѣм в предыдущем. Если рабочие произведут столько же, как обыкновенно, получая на столько то миллион фунтов стерлингов меньше, то эти миллионы составят выиграны их хозяев.—Таким образом, нарушение, произведенное в капитал страны, немедленно будет восстановлено, но восстановлено только лишениями и перѣдко действительной нищетой рабочего класса. Вот главная причина, почему такие периоды даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, легко приносят крупные выгоды для тѣх, чье благосостояние в общественном мнѣнии обыкновенно смѣшивается с национальным благосостоянием *).

*) Сь другой стороны, слѣдует помнить, что война отнимает из производства не только капитал, но также и рабочих, и что запас, взятый из вознагражденія производительных рабочих, отчасти употребляется на уплату вознагражденія же тѣм или другим лицам за непродуцируемый труд. Эта часть результатов военных издержек вызывает слѣдствія, совершенно противоположныя тому, на что указывает доктор Чомерс, и эти слѣдствія не прямо противодействуют явленіям, описанным в текстѣ. Самый тот фактъ, что рабочие берутся из производства для пополненія арміи и флота, не причиняет ущерба рабочему классу и не приносит выгоды капиталистамъ, а общее количество продукта страны уменьшится, вслѣдствіе военных издержек. Поэтому ученіе доктора Чомерса, совершенно справедливое для его страны, вовсе не применимо для странъ, находящихся въ другихъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, для Франціи во время наполеоновскихъ войнъ. Въ этотъ періодъ много лѣтъ сразу убывъ въ рабочемъ населеніи Франціи была громадная,

Это приводитъ къ спорному вопросу, на который доктор Чомерс обратилъ особенное вниманіе, а именно: лучше ли сопрять правительству необходимыя для него средства займами на чрезвычайные расходы, при чемъ только проценты будутъ уплачиваться изъ налоговъ, или же лучше получить всю эту сумму при помощи временныхъ налоговъ, что называется на финансовомъ языкѣ «взиманіемъ всей суммы расходовъ въ продолженіе года»? Доктор Чомерсъ сильно стоитъ за послѣдній способъ. Онъ говоритъ, что, по общему мнѣнію, взиманіе всей суммы расходовъ въ продолженіе одного года является требованіемъ или невозможнымъ, или очень неудобнымъ, что люди не могутъ безъ большаго затрудненія уплатить сразу всю сумму изъ своихъ ежегодныхъ доходовъ и что гораздо лучше требовать у нихъ ежегодно небольшую уплату въ видѣ процентовъ, чѣмъ разомъ потребовать такую большую жертву. Но на это мнѣніе онъ возражаетъ, что жертва приходится одинаково въ обоихъ случаяхъ. Всякій расходъ берется не иначе, какъ изъ годового дохода. Все богатство, произведенное въ странѣ, и каждая часть его, или составляетъ чей-нибудь доходъ, или служитъ для производства этого дохода. Лишенія, происходящія, какъ было предположено, отъ взиманія всей суммы въ видѣ налоговъ, не устраняются, если эта сумма будетъ взята въ видѣ займа. Страданіе не стравлено, а только сложено на рабочій классъ, мѣше всего способный и мѣше всего обязанный вынести его; а между тѣмъ всѣ физическія, нравственныя и политическія затрудненія, произведенныя сохраненіемъ налоговъ для постоянной уплаты процентовъ, составляютъ чистую потерю. Когда капиталъ берется изъ производства или же изъ запаса, назначеннаго на производство, и отдается займамъ государству на непродуцируемые расходы, то вся эта сумма отнимается у рабочихъ классовъ; поэтому заемъ въ действительности уплачивается въ тотъ же годъ; вся необходимая жертва для покрытія его уже принесена, только эта уплата поступаетъ не къ тѣмъ лицамъ, которымъ она слѣдуетъ, а потому не погашаетъ требованія; кромѣ того, она производится посредствомъ самаго худшаго налога,—налога исключительно лежащаго на ра-

между тѣмъ средства, на которыя велась война главнымъ образомъ доставлялись контрибуціями, взимаемыми со странъ, завоеванныхъ французскимъ оружіемъ, и только незначительная часть этихъ средствъ состояла изъ французскихъ капиталовъ. Поэтому заработная плата во Франціи не уменьшилась, а увеличилась; хозяева не только не были въ выгудѣ, но даже въ убыткѣ; между тѣмъ богатство страны уменьшалось, вслѣдствіе останова или полной потери такого огромнаго количества производительнаго труда. Въ Англіи все это было наоборотъ. Англія употребляла сравнительно мало своихъ солдатъ и матросовъ, и въ то же время она отдала сотни миллионъ капитала отъ производительныхъ занятій, для доставленія военнымъ запасамъ и для содержанія арміи своихъ континентальныхъ союзниковъ. Вслѣдствіе этого, какъ было сказано въ текстѣ, ея рабочие страдали, ея капиталисты благоенствовали и ея постоянныя производительныя средства не уменьшились.

бочий класс. II, пройдя в высшей степени тяжелым и несправедливым путем чрез все усилия, необходимые для погашения долга, страна, все-таки, остается обремененной имъ и постоянной уплатой процентов.

Этотъ взглядъ имъ кажется совершенно справедливымъ при условіи, если бы сумма изъимостей, поглощаемая займомъ, была при другихъ условіяхъ употреблена на производительную дѣятельность въ самой странѣ. Но практическое положеніе дѣла рѣдко въ точности согласуется съ этимъ предположеніемъ. Займы въ менѣ богатыхъ странахъ производятся главнымъ образомъ изъ иностранныхъ капиталовъ, которые, вѣроятно, нельзя бы было привлечь къ помещенію внутри страны иной гарантіей, кромѣ правительственной; между тѣмъ какъ займы странъ богатыхъ и цветущихъ обыкновенно берутся не изъ запасовъ, отвлеченныхъ отъ производительнаго употребленія, а изъ новыхъ сбереженій, непрерывно получаемыхъ изъ дохода, а рѣдко изъ той части этихъ сбереженій, которая переида бы въ колоніи или искала бы себѣ другого примѣненія за границей, если бы не была взята изъ видѣ займа. Въ этихъ случаяхъ, которые мы рассмотримъ впоследствии *), требуемая сумма можетъ быть получена займомъ, безъ ущерба для рабочихъ или безъ разстройствъ національной промышленности; мало того, она можетъ быть получена даже съ выгодой какъ для промышленности, такъ и для рабочихъ, по сравненію со взиманіемъ этой суммы посредствомъ налоговъ; потому что налоги, въ особенности тяжелые, почти всегда уплачиваются хоть частью изъ того, что иначе было бы сбережено и присоединено къ капиталу. Кромѣ того, тутъ мы имѣемъ дѣло со страной, которая настолько сильно увеличиваетъ ежегодное свое богатство, что часть его можетъ быть взята и израсходована непроизводительно, безъ уменьшенія капитала, или даже безъ остановки въ его ростѣ: очевидно, что въ такой странѣ вліяніе займа на рабочіе классы будетъ менѣ вреднымъ даже въ томъ случаѣ, если бы вся сумма могла стать капиталомъ и получить производительное примѣненіе въ странѣ. Поэтому здѣсь въ первоначально предположенномъ случаѣ. Это кратко, предварительное изложеніе того, что будетъ разсматриваться въ другомъ, болѣе подходящемъ мѣстѣ, кажется намъ необходимымъ для того, чтобы предупредить ложные выводы изъ посылокъ, изложенныхъ раньше.

§ 9. Теперь мы переходимъ къ четвертой основной теоремѣ относительно капитала, которая, можетъ быть, еще чаще пропускается или ложно понимается, чѣмъ каждая изъ предыдущихъ теоремъ. Производительный трудъ получаетъ занятіе и содержится капиталомъ, расходуемымъ на примѣненіе его въ производствѣ, а не спросомъ покупателей на законченный продуктъ труда. Спросъ на

*) См. ниже, кн. IV, главы IV и V.

товары не есть спросъ изъ трудъ. Спросъ на товары опредѣляетъ, на какую отдѣльную отрасль производства будетъ употребленъ трудъ или капиталъ; онъ опредѣляетъ только направленіе труда, но не опредѣляетъ большаго или меньшаго количества самаго труда и его содержанія или платы за него. Последнее зависитъ отъ величины капитала, или другихъ запасовъ, непосредственно предназначенныхъ на содержаніе и вознагражденіе труда.

Предположимъ, напримѣръ, что существуетъ спросъ на бархатъ, есть сумма, готовая для покупки бархата, но нѣтъ капитала для устройства фабрики. Не важно, насколько великъ можетъ быть спросъ; если капиталъ не привлеченъ для этого занятія, то бархатъ будетъ произведенъ лишь въ томъ случаѣ, когда желаніе покупателя приобрести его сдѣлается настолько сильнымъ, что покупатель затратитъ часть той цѣны, которую онъ готовъ былъ заплатить за бархатъ, на задатки рабочимъ, для того чтобъ они могли заняться производствомъ бархата, т. е., если онъ обратитъ часть своего дохода въ капиталъ и помѣститъ свой капиталъ въ мануфактурное производство. Теперь представимъ гипотезу въ обратномъ смыслѣ и предположимъ, что существуетъ огромный капиталъ, готовый для производства бархата, но нѣтъ спроса на него; бархатъ не будетъ производиться; но со стороны капитала нѣтъ особеннаго предпочтенія выдѣлкѣ бархата. Фабриканты и ихъ рабочіе производятъ не для удовольствія своихъ потребителей, а для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей; и, все еще располагая капиталомъ и трудомъ, необходимымъ для производства, они или могутъ производить что-нибудь другое, имѣя еще спросъ, или, если нѣтъ другого спроса, они найдутъ его у себя и будутъ производить вещи, необходимыя для своего собственнаго потребленія. Такимъ образомъ, занятіе, доставленное трудомъ, не зависитъ отъ покупателей, а отъ капитала. И, конечно, не принимаю въ расчетъ вліянія внезапныхъ переменъ. Если спросъ неожиданно прекращается, послѣ того какъ требованія для него товары были уже произведены, то этотъ спросъ вводится въ вопросъ новый элементъ: капиталъ дѣйствительно былъ потребленъ на производство вещей, въ которыхъ никто не нуждается и которыхъ никто не употребляетъ; поэтому онъ погибъ, и занятіе, доставленное имъ трудомъ, прекратилось не потому, что нѣтъ болѣе спроса, а потому, что нѣтъ болѣе капитала. Такимъ образомъ, этотъ примѣръ не годится для проверки нашего принципа. Настоящей проверкой его будетъ, если мы предположимъ, что перемена произошла постепенно и могла быть предусмотрена, что она не сопровождалась уничтоженіемъ капитала и что производство прекратилось просто тѣмъ, что переставшіяся машины не вкладывались снова въ производство за проданные товары, не вкладывались снова въ производство. Такимъ образомъ, капиталъ готовъ для новаго помещенія, въ которомъ онъ будетъ содержать столько же труда, какъ и прежде. Фабрикантъ и его рабочіе теряютъ выгоду, доставляемую потребителемъ и познаніемъ, которыя были приобретены ими въ прежнемъ

занятія и которыя отчасти только могутъ быть примѣняемы въ новомъ; въ этомъ только и будетъ заключаться вся потеря для общества, происшедшая отъ перемѣны. Но рабочіе все-таки, могутъ работать, и капиталъ, раньше дававшій имъ занятіе, оставаясь въ тѣхъ же рукахъ, или перейдя посредствомъ займа въ другія руки, будетъ давать занятіе тѣмъ же рабочимъ или же равному числу другихъ— въ иномъ предпріятіи.

Теорема, что покупать продуктъ не значитъ давать занятіе гуду, что спросъ на трудъ создается заработной платой, предшествующей производству, а не могущимъ существовать спросомъ на товары, являющиеся результатомъ производства,—эта теорема очень нуждается въ самомъ точномъ объясненіи. Съ обыденной точки зрѣнія она кажется парадоксомъ, и даже между извѣстными экономистами я едва ли могу указать на кого-нибудь, кромѣ Рикардо и Сэ, кто бы постоянно и неизмѣнно придерживался этого взгляда. Почти всѣ остальные иногда выражаются такъ, какъ будто бы лицо, покупающее товары, и создаетъ спросъ на трудъ столь же непосредственно и въ томъ же смыслѣ, какъ еслибы оно получало самый трудъ, уплачивая заработную плату.

Не удивительно, что политическая экономія развивается такъ медленно, если подобные вопросы остаются открытыми на самомъ порогѣ ея. Я полагаю, что если подъ спросомъ на трудъ подразумеваютъ спросъ, которымъ повышается заработная плата или увеличивается число занятыхъ рабочихъ, то спросъ на товары не есть спросъ на трудъ. Я думаю, что человекъ, покупающій товары и потребляющій ихъ самъ, не приноситъ пользы рабочему классу, и только воздержаніемъ отъ потребления и расходами на непосредственную уплату рабочимъ за ихъ трудъ онъ доставляетъ выгоду рабочему классу и увеличиваетъ количество его занятій.

Для лучшаго объясненія нашего принципа приведемъ слѣдующій случай. Потребитель можетъ тратить свой доходъ на покупку услугъ или товаровъ; часть его онъ можетъ употребить на наемъ поленныхъ каменщиковъ для постройки дома, землекоповъ для прорытія искусственнаго озера или же рабочихъ для посадки деревьевъ и устройства парка; или же вмѣсто этого онъ можетъ ту же сумму истратить на покупку бархата и кружевъ. Спрашивается, существуютъ ли различіе между этими двумя способами тратить свой доходъ—но отношенію къ интересамъ рабочаго класса? Очевидно, что въ первомъ случаѣ онъ даетъ занятіе рабочимъ, которые иначе бы именно этого занятія. Но тѣ, съ которыми и не согласенъ, считаютъ, что это безразлично, потому что, покупая бархатъ и кружево, онъ одинаково даетъ занятіе рабочимъ, и именно тѣмъ, которые производятъ бархатъ и кружево. Однако я утверждаю, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не доставляетъ занятія рабочимъ, а только рѣшаетъ, въ какомъ родѣ промышленности даетъ имъ занятіе кто-либо другой. Потребитель не платитъ изъ своихъ собствен-

ныхъ денегъ ткачамъ и кружевницамъ ихъ поденной платы. Онъ покупаетъ готовые товары, произведенные трудомъ и капиталомъ, но доставляетъ этотъ капиталъ и оплачиваетъ этотъ трудъ не онъ, а фабрикантъ. Предположимъ, что онъ прежде имѣлъ обыкновеніе тратить часть своего дохода на наемъ поленныхъ каменщиковъ, которые расходовали свою заработную плату на пищу и одежду, также производимыя трудомъ и капиталомъ; но теперь онъ рѣшаетъ обратить этотъ доходъ на покупку бархата, для котораго онъ такимъ образомъ создаетъ увеличенный спросъ. Этотъ спросъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ выдѣлки добавочнаго количества бархата, а это добавочное количество не можетъ быть произведено безъ увеличения капитала: откуда же явится капиталъ? Увеличеніе капитала страны, сравнительно съ прежнимъ, не зависитъ отъ измѣненій въ цѣляхъ потребителей. Изъ этого слѣдуетъ, что увеличившійся спросъ на бархатъ не могъ бы быть удовлетворенъ въ настоящее время, если бы это самое обстоятельство, которое породило этотъ спросъ, не освободило капитала въ такомъ точнѣ размѣрѣ, въ какомъ онъ требуется для удовлетворенія спроса. Та самая сумма, которую потребитель тратитъ теперь на покупку бархата, прежде переходила въ руки каменщиковъ, расходовавшихъ ее на пищу и на другіе предметы необходимости, безъ которыхъ они обходятся теперь, или которые они теперь отнимаютъ, вслѣдствіе конкуренціи, у другихъ рабочихъ. Поэтому трудъ и капиталъ, прежде производившіе предметы необходимости для этихъ каменщиковъ, лишены теперь своего рынка и должны искать другого занятія; они находятъ его въ производствѣ бархата для новаго спроса. Я не хочу сказать, что именно тотъ самый трудъ и капиталъ, которые производили предметы необходимости для каменщиковъ, будутъ обращены на производство бархата, но какимъ бы то ни было способомъ они займутъ мѣсто труда и капитала, обращенныхъ на выдѣлку бархата. Существующій капиталъ могъ исполнять одно изъ двухъ: или готовить бархатъ, или производить предметы необходимости для каменщиковъ; но онъ не могъ дѣлать то и другое вмѣстѣ: Отъ выбора потребителя зависитъ, къ какому изъ двухъ занятій трудъ и капиталъ обратятся, и если потребитель выберетъ бархатъ, то каменщикъ останется безъ предметовъ необходимости.

Для дальнѣйшаго разъясненія предположимъ тотъ же случай въ обратномъ видѣ. Потребитель прежде имѣлъ обыкновеніе покупать бархатъ, но рѣшилъ прекратить этотъ расходъ и употребляетъ ежегодно ту же сумму на наемъ каменщиковъ. Если бы общее мнѣніе было справедливо, то это измѣненіе въ видахъ его расходовъ не дало бы прибавочнаго занятія труду, а только перенесло бы занятіе отъ ткачей бархата къ каменщикамъ. Но при болѣе близкомъ изслѣдованіи будетъ видно, что здѣсь есть увеличеніе всей суммы, употребленной на вознагражденіе труда. Фабрикантъ бархата, при предположеніи, что онъ знаетъ объ уменьшеніи спроса на его товаръ, уменьшаетъ производство и освобождаетъ соотвѣт-

ственную часть капитала, употреблявшегося на производство бархата. Этот капитал, взятый таким образом из продовольствия ткачей, не представляет собою того запаса, который затрачивается потребителем на содержание каменщиковъ. Это будетъ другой запасъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ прежде были одна запасъ, теперь является два, которые могутъ быть оба употреблены на содержание и вознаграждение труда. Въ этомъ случаѣ нѣтъ передачи занятій отъ ткачей бархата къ каменщикамъ. Тутъ создается занятіе для каменщиковъ и передается занятіе отъ ткачей къ каменщикамъ и другимъ рабочимъ, вѣроятно всего—къ тѣмъ, которые будутъ производить пищу и другія вещи, потребляемыя каменщиками. Въ отвѣтъ на это могутъ сказать, что хотя деньги, потраченные на покупку бархата, и не капиталъ, но онъ замѣняютъ собою капиталъ, что хотя онъ не можетъ создать новаго спроса на трудъ, онъ служитъ необходимымъ средствомъ для поддержанія существующаго спроса. Могутъ сказать, что запасы фабриканта, заключающіеся въ бархатѣ, не могутъ прямо быть применены на содержание труда; они не создаютъ спроса на трудъ, пока бархатъ не проданъ и пока капиталъ, производившій его, не замѣнитъ суммой, върасходованной покупателемъ; итакъ, могутъ сказать, что производитель бархата и покупатель его не имѣютъ двухъ капиталовъ, а только одинъ, который актомъ купли-продажи передаетъ фабриканту; и что если вмѣсто бархата онъ покупаетъ трудъ, то онъ просто переноситъ этотъ капиталъ въ другое мѣсто, уничтоживъ въ одномъ мѣстѣ такой спросъ на трудъ, какой онъ создалъ въ другомъ.

Я не отрицаю послѣдокъ этого доказательства. Освободить капиталъ, который бы иначе остался заключеннымъ въ формѣ, безцельной для поддержанія труда, безъ сомнѣнія, для интересовъ рабочихъ будетъ то же самое, что и создать новый капиталъ. Совершенно вѣрно, что если я расходую 1000 ф. на покупку бархата, то этимъ я даю возможность фабриканту употребить 1000 ф. на содержание труда, который не могъ бы получить занятія, пока бархата и онъ навсегда остается непроданнымъ. Поэтому, если я не покупаю бархата и вмѣсто каменщиковъ, я, безъ сомнѣнія, не создаю никакого новаго спроса на трудъ, потому что, въ то время какъ я съ одной стороны употребляю 1000 ф. на наемъ рабочихъ, я, съ другой стороны, уничтожаю капиталъ фабриканта на такую же сумму. Но приводить такіа возраженія значить смѣшивать слѣдствія, происходящія отъ внезапности перемѣны, со слѣдствіями самой перемѣны. Если капиталъ, затраченный на производство бархата, непременно долженъ погибнуть, когда потребитель перестаетъ покупать бархатъ, то, расходуя ту же сумму на наемъ каменщиковъ, потребитель не создастъ, а только перенесетъ занятія: для труда, которое, какъ я утверждаю, доставлено труду, не могло бы быть доставлено ему, если бы капиталъ фабриканта бархата не могъ освободиться, и не было бы доставлено до тѣхъ поръ.

пока этотъ капиталъ не освободился бы. Но каждому известно, что капиталъ, вложенный въ какое-нибудь дѣло, можетъ быть взятъ изъ него, если только на это есть достаточно времени. Если фабрикантъ былъ предварительно предупрежденъ тѣмъ, что не получилъ обыкновеннаго заказа, онъ произведетъ на 1000 ф. меньше бархата, и часть его капитала, равная этой суммѣ, будетъ освобождена. Если же онъ не имѣетъ предварительнаго уведомленія и вслѣдствіе этого товаръ останется у него на рукахъ, то увеличеніе его запасовъ побудитъ его въ слѣдующемъ году приостановить или уменьшить производство бархата до тѣхъ поръ, пока изышекъ не будетъ распроданъ. По окончаніи этой операции, фабрикантъ окажется настолько богатымъ, какъ и прежде, и его средства доставленія занятій труду вообще не уменьшатся, хотя часть его капитала теперь будетъ употреблена на содержание какого-нибудь другого вида труда. Пока происходитъ это приспособленіе, спросъ на трудъ только будетъ измѣняться, а не увеличиваться; но какъ только оно закончится, спросъ на трудъ увеличится. Гдѣ прежде существовалъ только одинъ капиталъ, употребляемый на содержание ткачей для производства бархата на сумму въ 1000 ф., теперь существуетъ тотъ же самый капиталъ, употребляемый на производство чего-нибудь другого, и, кромѣ того, 1000 ф., распределяющіяся между каменщиками. Теперь два капитала употребляются на вознаграждение двухъ партій рабочихъ, между тѣмъ какъ прежде одинъ изъ этихъ капиталовъ, капиталъ потребителя, служилъ только какъ бы колесомъ въ механизмѣ, при помощи котораго другой капиталъ, капиталъ фабриканта, изъ года въ годъ давалъ занятіе труду.

Положеніе, доказываемое мною, въ дѣйствительности равнозначуще слѣдующему выраженію, которое для иныхъ покажется очевидной истиной, хотя для другихъ будетъ парадоксомъ: человекъ приноситъ пользу рабочимъ не тѣмъ, что онъ самъ потребляетъ, а единственно только тѣмъ, что онъ не потребляетъ такимъ образомъ. Если я, вмѣсто того, чтобы потратить 100 ф. на вино и шелковыя матеріи, потрачу ихъ на заработную плату, то спросъ на товары въ обоихъ случаяхъ будетъ совершенно одинаковъ; въ первомъ случаѣ будетъ существовать спросъ на вина и шелкъ въ размѣрѣ 100 ф., во второмъ—спросъ на хлѣбъ, пиво, одежду для рабочихъ, топливо и всякіе предметы удовольствія въ томъ же размѣрѣ, но въ послѣднемъ случаѣ между рабочими въ данномъ обществѣ распределится продуктовъ больше на сумму въ 100 ф. Я потребилъ на сто фунтовъ меньше и передать мою силу потребленія могъ. Если бы это не было такъ, то уменьшеніе моего потребленія не оставило бы больше для потребленія другихъ, а это явное противорѣчіе. Когда производство не уменьшается, то, насколько одно лицо сократитъ свое потребленіе, настолько непременно увеличится доля въ потребленіи тѣхъ, кому оно передаетъ свою покупательную силу. Въ предположенномъ случаѣ нѣтъ необходимости

хатъ и не намѣреющихся оставить свое производство, этотъ спросъ имѣетъ величайшее значеніе. Для нихъ уменьшеніе спроса будетъ настоящей потерей, и если бы даже ни одна часть изъ ихъ товаровъ окончательно не погибла непроданной, то все же эта потеря можетъ дойти до такихъ размѣровъ, что заставитъ ихъ, во избѣжаніе худшаго, ликвидировать предприятие. Напротивъ, увеличеніе спроса даетъ имъ возможность расширить свои обороты и получать прибыль на большой капиталъ, если они его имѣютъ или могутъ получить взаимы. II, дѣлая со своимъ капиталомъ болѣе быстрые обороты, они будутъ доставлять болѣе постоянное занятіе своимъ рабочимъ или будутъ давать занятіе большему, чѣмъ прежде, числу ихъ. Такимъ образомъ, увеличивающійся спросъ на товары дѣйствительно производитъ въ известной отрасли промышленности увеличеніе занятій, которыя доставляются труду уже существую-

Въ этомъ случаѣ, могутъ сказать, онъ будетъ давать занятіе и пищу столькожъ же рабочимъ, какъ и его предшественникъ. Безъ сомнѣнія, такъ; но почему? Потому что его доходъ будетъ расходоваться точно такимъ же образомъ, какъ и его предшественника, т. е. на заработную плату. А сберегалъ отъ своего личного потребления запасъ, который онъ улачивалъ непосредственно рабочимъ; В дѣлаетъ то же самое, но въѣдетъ того, чтобы платитъ имъ самимъ, онъ отдаетъ этотъ запасъ въ руки фермера, который и платитъ имъ за него. Въ предполагаемомъ нами случаѣ В въ первый годъ не тратитъ этой суммы на себя, ни по тому способу, какъ это дѣлалъ А, ни своимъ собственнымъ способомъ, и въ дѣйствительности сберегаетъ и отдаетъ ее взаимы фермеру. И если въ слѣдующемъ году, ограничиваясь годовымъ доходомъ, онъ оставитъ фермеру эту сумму, то она станетъ добавочнымъ капиталомъ, съ помощью котораго фермеръ можетъ досголно доставить занятіе и продовольствіе рабочимъ А. Никто не утверждаетъ, что В, сберегая свой доходъ для повышенія въ производствѣ, въѣдетъ того, чтобы трагитъ его на заработную плату, лишая рабочихъ ихъ занятія. Мы утверждаемъ только, что такой результатъ получится, если, вмѣсто найма рабочихъ, будутъ покупать товары для личного употребленія — такой же, какъ это было представлено въ нашей первоначальной гипотезѣ.

Въ нашей объясненіи мы предполагали, что нѣтъ ни покупокъ, ни продаж, или что деньги не употреблялись. Но представленный нами случай согласуется съ дѣйствительнымъ фактомъ во всемъ, кромѣ подробностей механизма. Каждая страна въ цѣломъ составляетъ въ дѣйствительности одну ферму и фабрику, изъ которой каждый членъ общества получаетъ свою опредѣленную долю продукта, имѣя въ своихъ рукахъ известное количество марокъ, называемыхъ фунтами стерлинговъ, которые онъ по своему желанію возвращаетъ и обмѣниваетъ на какіе желаетъ товары — въ размѣрѣ этой суммы. Онъ не долженъ, какъ въ предположенномъ нами случаѣ, заранѣе предвидѣть, какія вещи ему понадобятся. Торговецъ и производитель быстро слѣдуетъ приспособленію предложенія. Если потребитель перетратъ этой части, въ тотъ же день или въ какой-нибудь изъ слѣдующихъ, къ новому обыкновенію столько времени, что производство не успѣетъ приспособиться къ измѣнившемуся спросу, то съ этого времени будетъ производиться въ странѣ количество пищи и другихъ товаровъ, меньшее на сумму, равную по цѣности троемому теперь излишку предметовъ роскоши, и рабочій классъ станетъ бѣднѣ на всю эту сумму.

щимъ капиталомъ. Ошибка заключается въ томъ, что въ предположенномъ случаѣ мы не замѣчаемъ, что выгода доставляется труду и капиталу въ одной части только отнятіемъ ея у другой, и что, когда переѣмна проведетъ свое естественное дѣйствіе — привлечь къ известному занятію добавочный капиталъ, пропорциональный увеличившемуся спросу, то сама выгода прекратится.

Основанія теоремы, если они хорошо поняты, обыкновенно даютъ достаточное указаніе на ограниченіи этой теоремы. Общій принципъ, теперь установленный, говоритъ, что спросъ на товары опредѣляетъ только направленіе труда и родъ производимаго имъ богатства, но не количество или дѣйствующую силу труда и не величину общій массы богатства. Но тутъ есть два исключенія. Во-первыхъ, когда рабочіе содержатся, но время ихъ не вполне занято, то новый спросъ на предметы, которые могутъ быть или произведены, побудитъ ихъ увеличить свою дѣятельность, результатомъ чего можетъ быть увеличеніе богатства, полезное для самихъ рабочихъ и для другихъ. Работа, выполняемая въ свободные часы людьми, живущими на какія-нибудь другія средства, можетъ быть, какъ это было раньше замѣчено, предпринята, не отнимая капитала у другихъ занятій. кромѣ суммы (нерѣдко очень незначительной), необходимой на покрытіе расхода на орудія и матеріалы; и даже эта сумма нерѣдко доставляется сбереженіямъ, нарочно сдѣланнымъ для этой цѣли. Въ этомъ случаѣ основаніе нашей теоремы становится недѣйствительнымъ, а слѣдовательно и сама теорема оказывается непримѣнимою, такъ какъ занятія такого рода могутъ быть призваны къ существованію возникновеніемъ спроса на товары, не лишая трудъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ равнаго количества занятій. Спросъ даже и въ этомъ случаѣ не дѣйствуетъ на трудъ иначе, какъ при посредствѣ существующаго капитала: по этотъ спросъ составляетъ побудительную причину, заставляющую капиталъ вызывать къ дѣятельности большее прежняго количество труда.

Второе исключеніе, о которомъ я буду окончательно говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ, заключается въ известномъ вліяніи расширенія рынка для товара, которое даетъ возможность усилить раздѣленіе труда и такимъ образомъ достигнуть болѣе выгоднаго распредѣленія производительныхъ силъ общества. Это исключеніе, такъ же, какъ и предыдущее, — болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Вознаграждаютъ трудъ не деньги, получаемыя отъ покупателя, а капиталъ производителю; спросъ только опредѣляетъ, какимъ способомъ будетъ употребленъ этотъ капиталъ и какому роду труда онъ будетъ служить вознагражденіемъ, но если спросъ опредѣляетъ, что товары будутъ производиться въ широкихъ размѣрахъ, онъ даетъ возможность тому же капиталу производить больше товаровъ, и можетъ косвенно вліять, способствуя увеличенію капитала, на случайное увеличеніе вознагражденія рабочимъ.

Спросъ на товары имѣетъ важное значеніе скорѣе въ теоріи обмѣна, чѣмъ въ теоріи производства. Если смотрѣть на вещи въ ихъ совокупности и независимо отъ временныхъ измѣненій, то мы найдемъ, что вознагражденіе производителя зависитъ отъ производительной силы его собственнаго капитала. Продажа продукта за деньги и послѣдующее расходование денегъ на покупку другихъ товаровъ будетъ простымъ обмѣномъ равныхъ цѣнностей, для взаимнаго удобства. Справедливо, что возможность обмѣна, какъ вообще раздѣленіе занятій, составляетъ главное средство для увеличенія производительной силы труда, даетъ толчокъ къ сильному увеличенію производства, но даже и въ послѣднемъ случаѣ трудъ и капиталъ вознаграждаются не обмѣномъ, а производствомъ. Мы ни въ какомъ случаѣ не должны представлять себѣ операціи обмѣна, какъ источникъ вознагражденія, мы должны точно усвоить себѣ, что обмѣнъ, въ формѣ мѣны или въ видѣ денежныхъ сдѣлокъ, составляетъ только механизмъ, которымъ каждый человѣкъ превращаетъ вознагражденіе за свой трудъ или капиталъ въ особый видъ, болѣе пригодный для его цѣлей.

§ 10. Предыдущіе принципы доказываютъ ошибочность многихъ популярныхъ доводовъ и теорій, безпрестанно возрождающихся въ новыхъ формахъ. Напримѣръ, нѣкоторые, и между ними люди, отъ которыхъ можно бы ожидать большаго, утверждали, что доводъ въ пользу подоходнаго налога, основанный на томъ, что онъ падаетъ на высшій и средній классы и щадитъ низшій, есть заблужденіе; нѣкоторые заходили такъ далеко, что этотъ доводъ называли обманомъ, потому что, по ихъ мнѣнію, отбирая у богатыхъ то, что было бы ими потрачено въ средѣ бѣдныхъ, этотъ налогъ наноситъ такой же вредъ бѣднымъ, какъ если бы онъ прямо взимался съ нихъ. Какъ понимать такой взглядъ, мы уже знаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что сумма, которая берется у богатыхъ въ видѣ налога, въ случаѣ, если бы она осталась у нихъ, была бы бережлива и обращена въ капиталъ или даже израсходована на содержаніе и плату слугамъ и другимъ непродизводительнымъ рабочимъ; тутъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе налога уменьшится спросъ на трудъ, и бѣдные несправедливо страдаютъ отъ налога на богатыхъ; такъ какъ это вліяніе почти всегда сказывается въ большей или меньшей степени, то нѣтъ возможности такъ облагать податями богатыхъ, чтобы ни одна часть изъ нихъ гдѣ-нибудь не пала на бѣдныхъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ: не потратитъ ли правительство, получивъ эту сумму, такой же части ея на прямую покупку труда, какъ и плательщики податей? Что же касается той части налога, которая, если бы она не была уплачена правительству, была бы потреблена въ формѣ товаровъ, то она, согласно съ изслѣдованными нами принципами, падаетъ окончательно на богатыхъ, а вовсе не на бѣдныхъ. Спросъ на трудъ не зависитъ отъ этой части налога; онъ останется послѣ взиманія ея такимъ же, какъ былъ и до того. Капиталъ, дававшій до сихъ

поръ занятіе рабочимъ страны, останется безъ измѣненія и можетъ давать занятіе тому же числу рабочихъ. Сумма продукта, уходящая на заработную плату или назначенная на доставленіе пищи и одежды рабочимъ, также не уменьшится.

Если бы тѣ, мнѣніе которыхъ я теперь опровергаю, были правы, то нельзя было бы взимать налоги ни съ кого, кромѣ бѣдныхъ. Если облагать налогомъ все, что расходуется на приобрѣтеніе продуктовъ труда, будетъ то же самое, что облагать налогомъ рабочихъ, то рабочій классъ платитъ все налоги. Но то же разсужденіе однаково показываетъ, что съ рабочихъ невозможно брать налоговъ, потому что налоги, израсходованные на трудъ или на товары, возвращаются опять цѣлкомъ къ нимъ, — такъ что обложеніе имѣетъ особенное свойство не падать ни на кого. По тому же объясненію, для рабочихъ не было бы вреда, если бы у нихъ взяли все, что они имѣютъ, и распредѣлили бы между другими членами общества. Оно все равно цѣлкомъ было бы потрачено между ними, что по этой теоріи приводитъ къ одному и тому же результату. Заблужденіе произошло оттого, что люди не разсматриваютъ прямо дѣйствительныхъ явленій, а обращаютъ вниманіе только на вѣбный механизмъ платежей и расходовъ. Если мы рассмотримъ вліяніе подоходнаго налога не на деньги, просто только переходящія изъ рукъ въ руки, а на товары, которые употребляются и потребляются, мы увидимъ, что, вслѣдствіе этого налога, классы, платящие его, дѣйствительно уменьшаютъ свое потребленіе какъ-разъ настолько, насколько налогъ падаетъ на нихъ. Они уплачиваютъ изъ той суммы, которая безъ этого налога была бы потрачена на предметы необходимости и удовольствія. Съ другой стороны, насколько бремя налога дождется не на то, что они бы потратили, а на то, что они бы сэкономили для содержанія производства или потратили бы на содержаніе и плату непродизводительнымъ рабочимъ, настолько налогъ уменьшитъ потребленіе рабочихъ классовъ. Но если правительство расходуетъ на прямое доставленіе занятій труду совершенно такую же сумму, какую бы израсходовали плательщики налоговъ (что совершенно вѣроятно), напр., если оно нанимаетъ матросовъ, солдатъ и полицейскихъ или погашаетъ долги, увеличивая послѣдней операціей капиталъ, то рабочіе классы не только не теряютъ никакихъ занятій вслѣдствіе налога, но даже могутъ приобрѣтать новыя, тогда какъ сумма налога упадетъ исключительно на классъ, который предполагали обложить.

Вся та часть продуктовъ страны, которая дѣйствительно потребляется, въ буквальномъ смыслѣ, не рабочими, а гдѣ-нибудь другимъ, не способствуетъ содержанію труда даже въ самой малой степени. Простое потребленіе не приноситъ выгоды никому, кромѣ самого потребителя. И человѣкъ не можетъ въ одно и то же время самъ потреблять свой доходъ и передавать его другому для потребленія. Взиманіе извѣстной суммы въ видѣ налога нанесетъ ущербъ

не обонуть, а кому-нибудь одному изъ нихъ. Для того, чтобы знать, кто изъ нихъ страдаетъ, мы должны изслѣдовать, чье потребление, вслѣдствіе налога, сократилось?...

Найденное лицо и будетъ дѣйствительнымъ платателѣмъ налоговъ.

ГЛАВА VI.

Оборотный и постоянный капиталъ.

§ 1. Чтобы закончить наши объясненія относительно капитала, необходимо еще сказать кое-что о тѣхъ двухъ видахъ, на которые онъ обыкновенно раздѣляется. Это различіе совершенно ясно, и мы о немъ упоминали въ двухъ предыдущихъ главахъ, не называя его; но теперь будетъ уместно опредѣлить его точно и указать нѣкоторыя изъ его послѣдствій.

Въ капиталѣ, затраченномъ на производство какого-нибудь товара, всегда есть часть, которая, будучи разъ употреблена въ производство, перестаетъ существовать, какъ капиталъ; она или вовсе теряетъ способность служить производству, или, по крайней мѣрѣ, служить ему такъ же, какъ и прежде, и въ той же отрасли промышленности. Такова, напримѣръ, часть капитала, заключающаяся въ матеріалахъ. Сало и щелочь, изъ которыхъ готовится мыло, разъ употреблены на производство, уничтожаются, какъ щелочь и сало, и не могутъ болѣе употребляться на приготовленіе мыла, хотя въ ихъ измѣненномъ видѣ, — какъ мыло, они могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ въ другихъ отрасляхъ производства. Къ этому же разряду слѣдуетъ причислить часть капитала, расходующую на продовольствіе рабочихъ. Часть капитала бумагопридѣлывающаго, уплачиваемая имъ своимъ рабочимъ, разъ уплаченная, болѣе не будетъ существовать какъ его капиталъ, т. е. какъ капиталъ бумагопридѣлывающаго; та же часть его капитала, которую употребятъ рабочіе, и вовсе перестанетъ быть капиталомъ; даже если рабочіе сэкономятъ нѣкоторую часть своей платы, то будетъ правильнѣе считать эту сумму новымъ капиталомъ, результатомъ вторичнаго накопленія. Капиталъ, выполняющій, такимъ образомъ, все свое назначеніе, будучи употребленъ одинъ только разъ въ производствѣ, въ которое онъ вкладывается, называется оборотнымъ капиталомъ. Этотъ терминъ, не вполнѣ соответствующій своему назначенію, происходитъ отъ того обстоятельства, что эта часть капитала требуетъ постояннаго возобновленія продукта и, послѣ возобновленія, безпрестанно распределяется на покупку матеріаловъ и на выдачу заработной пла-

ты, такъ что она исполняетъ свое назначеніе, не оставаясь у владѣльца и переходя изъ рукъ въ руки.

Другая значительная часть капитала заключается въ орудіяхъ производства, имѣющихъ болѣе или менѣе прочный характеръ. Эти орудія производятъ свою работу не уходя, а оставаясь у владѣльца, и ихъ способность служить производству не исчерпывается ихъ единичнымъ употребленіемъ. Къ этому разряду принадлежатъ зданія, машины и болѣе или менѣе всѣ вещи, извѣстныя подъ названіемъ орудій и инструментовъ. Прочность нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно значительна, и, какъ производительныя орудія, они могутъ употребляться для много разъ повторенныхъ производительныхъ операций. Къ этому классу долженъ быть причисленъ капиталъ, затраченный на постоянныя сельскохозяйственныя улучшения. Сюда же относятся капиталъ, затраченный разъ навсегда вначалѣ предпріятія—на приготовленіе средствъ для слѣдующихъ операций, напримѣръ: расходы на открытіе копей, прорытіе каналовъ, устройство дорогъ и доковъ. Можно бы было привести еще много примѣровъ, но довольно и этихъ. Капиталъ, который заключается въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращеніе котораго растягивается на продолжительное время, соответствующее его прочности, называется основнымъ капиталомъ.

Нѣкоторые роды основного капитала требуютъ по временамъ, или періодически, возобновленія. Таковы всѣ орудія и зданія; они требуютъ отъ времени до времени частаго возобновленія починкой и въ концѣ концовъ изнашиваются окончательно; послѣ этого они уже не могутъ служить, какъ орудія и зданія, и обращаются въ разрядъ матеріаловъ. Помимо окончательнаго изнашивания, капиталъ требуетъ полнаго возобновленія только вслѣдствіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаевъ, но всегда необходимы нѣкоторыя поддержки, правильныя или случайныя, для поддержанія его. Разъ устроенные доки и каналы не требуютъ, подобно машинамъ, вторичнаго устройства, если не будутъ умышленно уничтожены или же если землетрясенія или какаго-нибудь подобная катастрофа не засыплетъ ихъ; но, чтобы содержать ихъ въ исправности, необходимъ правильный и постоянный расходъ. Расходъ на открытіе копей дѣлается разъ навсегда; но если кто-нибудь не пожелаетъ тратиться на выкачиваніе изъ копей воды, то онъ скоро станутъ недоступнымъ. Наиболѣе долговѣчный видъ основного капитала—это капиталъ, употребленный на увеличеніе производительности силъ природы, напр. земли.осушеніе болотистыхъ или залитыхъ водою пространствъ, подобныхъ Велфордской равнинѣ, освобожденіе земли изъ-подъ моря или защита береговъ плотинами—все это улучшения, рассчитанныя на вѣчное существованіе; но осушка и устройство плотинъ требуетъ постоянной починки. Тотъ же характеръ постоянства принадлежитъ улучшенію земли подпочвеннымъ дренажемъ, такъ сильно увеличивающимъ производительность глинистыхъ почвъ, или же прочному удобренію, т. е. приданію почвѣ не тѣхъ

вещствъ, которыя входятъ въ составъ растений и потребляются ими, но тѣхъ, которыя измѣняютъ соотношенія почвы къ водѣ и

машины не потребляются вполнѣ отъ одного случая примѣненія, но и тѣхъ, которыя потребляются, чтобы стоимость ихъ вполнѣ воспроизво-

поддержаніе его, что о нихъ не стоить упоминать, землевладелецъ будетъ въ большой выгодѣ отъ своихъ улучшеній, если земля теперь произведетъ не двѣ тысячи четыреста кварталовъ, а только 1500 кварталовъ; въ этой суммѣ ему возвращается 1000 к., составляющихъ его настоянній оборотный капиталъ, съ прибылью въ 25% (вмѣсто прежнихъ 20%) на весь основной и оборотный капиталъ вмѣстѣ. Поэтому улучшение можетъ быть очень выгоднымъ для него и очень вреднымъ для рабочихъ.

Это предположеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его поставили, будетъ чисто отвѣчнымъ, или, если оно и приложимо, то только къ такому случаю, какъ, напр., обращеніе пахотной земли въ пастбище. Хотя эта мѣра раньше и часто практиковалась, но считается современными агрономами противоположной всякому улучшенію. Однако, изнаніе мелкихъ фермеровъ въ Сѣверной Шотландіи въ настоящемъ столѣтіи представляетъ подобный случай. Другой случай проявился въ Ирландіи, со времени картофельнаго голода и отмены хлѣбныхъ законовъ: замѣчательное уменьшеніе въ валовомъ продуктѣ ирландскаго земледѣлія, недавно обратившее на себя вниманіе, по всей вѣроятности, отчасти можетъ быть приписано переходу въ сельскомъ хозяйствѣ отъ земледѣлія къ скотоводству. Этотъ переходъ не могъ бы совершиться безъ значительнаго сокращенія ирландскаго населенія эмиграціей и смертью. Итакъ, мы имѣемъ два недавнихъ примѣра, въ которыхъ то, что считалось земледѣльческимъ улучшеніемъ, уменьшило способность страны содержать овоо населеніе. Но слѣдствіе всѣхъ улучшеній, обязанныхъ своимъ существованіемъ современной наукѣ, заключается въ увеличеніи — и во всякомъ случаѣ — не въ уменьшеніи валового продукта. Однако, это не нарушаетъ сущности разсужденія. Предположимъ, что улучшение не вліяетъ упомянутымъ образомъ, не даетъ возможности обходиться безъ части труда, прежде получавшаго занятія въ земледѣліи, а только позволяетъ тѣмъ же количествомъ произвести большее количество продукта. Предположимъ также, что на большее количество продукта, которое съ помощью улучшения можно получить пзъ почвы при одинаковой затратѣ труда, существуетъ потребность и есть покупатели. Землевладельцу понадобится въ такомъ случаѣ прежнее число рабочихъ съ той же заработной платой. Но гдѣ онъ найдетъ средства платить имъ? Въ его распоряженіи нѣтъ болѣе первоначальнаго капитала въ 2000 кварталовъ для этой цѣли. 1000 пзъ нихъ утрачена на производство улучшеній. Если ему вздумается давать занятіе столькимъ же рабочимъ, какъ и прежде, и платить имъ такое же вознагражденіе, то онъ долженъ занять или получить пзъ какого-нибудь источника 1000 кварт., чтобы пополнивъ недочетъ. Но эта 1000 кварт. уже содержала или предназначалась на содержаніе равнаго количества труда: она не вновь создана, ея назначеніе перешло только отъ одного производителянаго употребленія труда къ другому. И хотя землевладелецъ пополнилъ недостатокъ въ своемъ оборотномъ капиталѣ,

все же ущербъ въ оборотномъ капиталѣ общества останется непополненнымъ.

Доводъ, приводимый большинствомъ писателей, утверждающихъ, что машины никогда не могутъ вредить рабочему классу, заключается въ томъ, что удешевленіе продукта создаетъ такое увеличеніе спроса на товары, что даетъ возможность въ непродолжительномъ времени доставить занятіе въ производствѣ его гораздо большому числу людей, чѣмъ прежде. Этотъ доводъ, мнѣ кажется, не имѣетъ той важности, какая обыкновенно ему приписывается. Несомнѣнно, указываемый фактъ часто бываетъ вѣренъ, но ему придаютъ слишкомъ широкое значеніе. Перспективы, лишившіяся занятій вслѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія, безъ сомнѣнія, скоро были замѣнены еще большимъ числомъ наборщиковъ и типографчиковъ, занимавшихъ ихъ мѣсто; а число рабочихъ, въ настоящее время занятыхъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, въ нѣсколько разъ превышаетъ то число, какое было занято до изобрѣтенія Гартрикса и Аркрайта: это обстоятельство показываетъ, что, кромѣ огромнаго основнаго капитала, вложенаго теперь въ мануфактурную промышленность, въ ней также применяется оборотный капиталъ, гораздо болший прежняго. Но если капиталъ былъ взятъ изъ другого занятія и если фондъ, замѣнившій собою капиталъ, затраченный на дороги машины, полученъ былъ не добавочнымъ сбереженіемъ, представляющимъ результатъ улучшения, а займомъ пзъ общаго капитала страны, то чѣмъ улучшится положеніе рабочаго класса отъ этой простой передачи? Какимъ образомъ потеря, причиненная имъ обращеніемъ оборотнаго капитала въ основной, пополнился для нихъ простымъ перенесеніемъ остатка оборотнаго капитала отъ прежнихъ занятій къ новымъ?

Всѣ попытки доказать, что рабочий классъ, какъ цѣлое, не можетъ временно страдать отъ введенія машинъ или отъ употребленія капитала на постоянныя улучшенія, я считаю несомнѣнно ложными. Что рабочіе будутъ страдать отъ переменъ въ отдѣльной отрасли промышленности, въ которой произошло измѣненіе, обыкновенно признается всѣми и очевидно для всякаго: но на это нѣрѣдко возражаютъ что если занятіе отнимается у труда въ одной отрасли промышленности, то точно такое же занятіе открывается для него въ другой: потому что то, что сберегаютъ потребители отъ удешевленія одного товара, даетъ имъ возможность увеличить свое потребленіе въ другихъ и этимъ увеличить спросъ на другіе роды труда. Это возраженіе кажется правдоподобнымъ, но, какъ уже было доказано въ предыдущей главѣ, оно заключаетъ въ себѣ обманъ, потому что спросъ на товары и спросъ на трудъ — двѣ вещи совершенно различныя. Правда, потребители имѣютъ теперь лишній средства для покупки другихъ вещей; но это не создаетъ другихъ вещей, если не будетъ капитала для ихъ производства; а улучшение не только не освободило никакого капитала, но даже поглотило его, быть можетъ, пзъ какого-нибудь другого занятія. Поэтому, въ

других операциях промышленности не произойдет предполагаемого увеличения производства и количества занятых для труда; а увеличение спроса на товары со стороны некоторых потребителей будет управомощено прекращением спроса со стороны других, а именно со стороны рабочих, оказавшихся лишними вследствие улучшения, и которые теперь, если и будут поддерживать свое существование, то лишь получая часть прежнего вознаграждения других лиц, с помощью конкуренции или благотворительности.

§ 3. Однако я не думаю, чтобы, в действительных условиях, усовершенствования в производстве часто, или даже когда то ни было, приспособили хотя бы временный ущерб рабочему классу во всей его совокупности. Они были бы вредны, если бы проходили внезапно в больших размерах, потому что в этом случае необходимо было бы значительную часть затраченного капитала взять из запасов, уже употребившихся, как оборотный капитал. Но усовершенствования всегда вводятся очень постепенно и редко или никогда не производятся на оборотный капитал, взятый из существующего производства; на них употребляется ежедневное увеличение этого капитала.

Съ трудомъ можно найти нѣсколько примѣровъ значительнаго увеличенія основнаго капитала въ такіе моменты и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оборотный капиталъ не увеличивался бы въ равной степени. Большія и дорогія усовершенствованія въ производствѣ вводятся не въ бѣдныхъ и не въ остальныхъ странахъ.

Вкладываніе капитала въ землю для полученія постояннаго дохода, введеніе дорогихъ машинъ, — все это заключаетъ въ себѣ немедленное пожертвованіе для отдаленныхъ цѣлей и указываетъ, во-первыхъ, на довольно полную обеспеченность собственности, во-вторыхъ, на значительную промышленную предприимчивость, и въ-третьихъ — на высокую степень того, что называлось, «дѣйствительнымъ стремленіемъ къ накопленію»; эти три условія составляютъ для общества элементы быстраго возрастанія его капитала.

Рабочій классъ, однако, будетъ страдать не только тогда, когда увеличеніе основнаго капитала происходитъ насчетъ оборотнаго, но даже и тогда, когда оно идетъ въ такомъ размѣрѣ и такъ быстро, что задерживаетъ обыкновенное увеличеніе оборотнаго капитала, къ которому приспособляется обычное возрастаніе населенія; тѣмъ не менѣе въ действительности это невозможно, потому что, въроятно, нѣтъ страны, въ которой основной капиталъ увеличивался бы въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ оборотный. Если бы всѣ желѣзныя дороги, утвержденныя парламентомъ во время спекулятивной горячки 1845 года, были построены къ назначенному для окончанія каждой срока, то этотъ невѣроятный случай могъ бы осуществиться: но происшедшія тогда событія представляютъ внушительный примѣръ тѣхъ затрудненій, которыя препятствуютъ отвлеченію на новый путь сколько-нибудь

значительной части капитала, уже занятаго въ производствѣ; этихъ затрудненій обыкновенно бываетъ больше, чѣмъ достаточно для того, чтобы помѣшать предпріятіямъ, требующимъ затраты капитала, расширяться съ такою быстротой, чтобы они нанесли вредъ существующимъ источникамъ занятій для труда.

Къ этимъ разсужденіямъ слѣдуетъ прибавить, что если бы даже улучшенія на нѣкоторое время уменьшили сумму продуктовъ и оборотный капиталъ общества, то все же въпослѣдствіи они способствуютъ увеличенію ихъ обоехъ. Они увеличиваютъ доходъ на капиталъ, и выгода отъ этого увеличенія непременно достанется или капиталисту, въ видѣ большой прибыли, или потребителю, въ пониженіи цѣны; въ обоихъ случаяхъ появится источникъ, изъ котораго могутъ быть сдѣланы сбереженія, между тѣмъ какъ увеличеніе прибыли также служитъ побужденіемъ къ большому накопленію. Въ примѣрѣ, приведенномъ нами раньше, въ которомъ непосредственнымъ результатомъ улучшенія было уменьшеніе валоваго продукта съ 2400 квартиръ до 1500 кварт., прибыль капитала равнялась 500 кварт., вмѣсто 400; если полученный такымъ образомъ излишекъ въ 100 кварт. будетъ аккуратно сберегаться, то въ нѣсколько лѣтъ пополнитъ 1000 кварт., отнятыхъ изъ оборотнаго капитала. Кроме того, расширеніе предпріятій, почти всегда слѣдующее за улучшеніемъ въ каждой отрасли промышленности, даетъ людямъ, занимающимся этой отраслью, сильное побужденіе увеличивать свой капиталъ; поэтому, при той медленности, съ какою обыкновенно вводятся усовершенствованія, большая часть капитала, безвозвратно поглощаемая этимъ улучшеніями, берется изъ увеличившихся прибылей и увеличившаго сбереженій, вызванныхъ этой прибылью.

Эта способность усовершенствованій производства — побуждать къ успешному накопленію и этимъ въ концѣ концовъ увеличивать валовой продуктъ (хотя и послѣ временнаго уменьшенія его) получаетъ еще болѣе опредѣленный характеръ, когда выясняется, что для накопленія капитала и для увеличенія производительности землѣ существуютъ опредѣленные границы, достигнувъ которыхъ дальнѣйшее увеличеніе продукта должно остановиться. тогда какъ эти усовершенствованія производства, каковы бы ни были ихъ другіе результаты, способствуютъ расширенію какой-нибудь одной или обѣихъ этихъ границъ. Эти истины представляются намъ въ болѣе понятномъ видѣ въ слѣдующей части нашего изслѣдованія. Мы увидимъ, что количество капитала, которое будетъ или можетъ быть накоплено, и сумма валоваго продукта, который будетъ или можетъ быть собранъ въ известной странѣ, пропорціональны искусству въ производствѣ существующему въ ней, и что каждое улучшение, даже въ началѣ и уменьшающее оборотный капиталъ и валовой доходъ, въ концѣ концовъ даетъ такой просторъ для расширенія того и другого, какой былъ бы невозможенъ при другихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ и заключается рѣшительный отвѣтъ

на возраженіи, направленные противъ машинъ; и мы увидимъ впоследствии, что вытекающее изъ этихъ разсужденій доказательство того, что механическія изобрѣтенія, даже и при современномъ строе общества, приносятъ въ концѣ концовъ пользу рабочимъ, справедливо*). Но это не освобождаетъ правительство отъ обязанности облегчать, а если возможно, и предупреждать зло, которое причиняется настоящему поколѣнію этими источникомъ будущей выгоды. Если бы затрата и вкладываніе капитала въ машины и другія полезныя сооружеія развивались съ быстротою, существенно вредящей капиталу, предназначенному на содержаніе труда, то законодательная власть должна была бы принять мѣры для замедленія этого процесса; но такъ какъ улучшения, не уменьшая занятій въ цѣломъ, почти всегда лишаютъ нѣкоторую часть рабочихъ заработка, то для законодателей нѣтъ болѣе справедливаго предмета заботы, какъ охраненіе интересовъ этихъ рабочихъ, которые такимъ образомъ приносятся въ жертву, для выгоды своихъ согражданъ и потомства.

Возвратимся теперь къ теоретическому различію между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ. Всякое богатство, предназначенное къ тому, чтобы быть воспроизведеннымъ, соответствуетъ опредѣленной капиталу; но есть части его, которыя не подходят ни подъ одинъ изъ двухъ его видовъ; такъ, напримѣръ, запасъ готовыхъ товаровъ, которые въ данное время лежатъ непроданными въ складахъ фабриканта или купца. Однако эти товары и будутъ, по своему назначенію, капиталомъ, но они представляютъ капиталъ еще не вступившій въ дѣйствіе; онъ еще не вложенъ въ производство и долженъ быть прежде проданъ или обмѣненъ, т. е. превращенъ въ равное по цѣности количество другихъ товаровъ; поэтому, онъ еще не будетъ ни основнымъ, ни оборотнымъ капиталомъ, но въ дѣйствіи сдѣлается тѣмъ или другимъ, или, быть можетъ, будетъ раздѣленъ между ними. Часть выручки за готовые товары фабрикантъ заплатитъ рабочимъ, другою частью онъ пополнитъ свой запасъ фабричныхъ матеріаловъ и, наконецъ, часть употребитъ на постройку новыхъ зданій и машинъ или починку старыхъ; но сколько будетъ употреблено на одно назначеніе, сколько на другое,—зависитъ отъ характера производства и отъ требованій данного момента.

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что часть капитала, потребляемая въ видѣ сѣмянъ или матеріаловъ, стоитъ въ такомъ же отношеніи къ занятію для труда, какъ и основной капиталъ, хотя отъ послѣднего она отличается тѣмъ, что должна одновременно пополняться изъ валового продукта. Все израсходованное на матеріалы настолько же отнимается отъ содержанія и вознагражденія рабочихъ, насколько и то, что употреблено на машины; и если бы капиталъ расходовался въ настоящее время на заработную плату, былъ обращенъ на доставленіе матеріаловъ, то влияніе этой пе-

*) См. ниже, кн. IV, гл. 5.

ремѣны было бы также вредно для рабочихъ, какъ если бы онъ былъ обращенъ въ основной капиталъ. Но подобной перемѣны никогда не бываетъ. Улучшенія въ производствѣ всегда стремятся не къ увеличенію, а къ сбереженію расходовъ на сѣмена и матеріалы для данного количества продукта. Поэтому, нельзя ожидать изъ этого источника вреда для рабочихъ.

ГЛАВА VII.

Отъ чего зависитъ степень производительности элементовъ производства?

§ 1. Мы закончили нашу общій обзоръ элементовъ производства. Мы нашли, что они могутъ быть подведены подъ три разряда — трудъ, капиталъ и матеріалы и двигательныя силы, доставляемая природою. Изъ нихъ трудъ и сырые матеріалы земного шара будутъ главными и необходимыми элементами. Двигательныя силы природы могутъ быть призваны на помощь труду и будутъ вспомогательной, а не существенной принадлежностью производства. Остальной элементъ, капиталъ самъ по себѣ есть продуктъ труда, его участіе въ производствѣ—въ дѣйствительности будетъ участіемъ труда косвеннымъ образомъ. Но, тѣмъ не менѣе, его нельзя не признавать отдѣльнымъ элементомъ. Предварительное примѣненіе труда къ производству капитала, необходимаго для потребленія въ продолженіе работы, не менѣе существенно, какъ и примѣненіе труда къ самой работѣ. Кромѣ того, въ капиталѣ одна часть, и самая большая, служитъ производству только содержаніемъ производящаго труда: остатокъ его, а именно инструменты и орудія содѣйствуютъ производству непосредственно тѣмъ же способомъ, какъ и силы природы и матеріалы, доставленные ею.

Мы теперь пришли къ другому важному вопросу политическо-экономіи: отъ чего зависитъ степень производительности элементовъ производства? Очевидно, что изъ производительная сила въ различныхъ временахъ и въ различныхъ мѣстахъ измѣняется очень сильно; при одинаковомъ населеніи и величинѣ территоріи, въ нѣкоторыхъ странахъ величина производства гораздо больше, нежели въ другихъ, и въ одной и той же странѣ бывасть то больше, то меньше. Сравнимъ Англію съ равной ей по размѣрамъ частью Россіи, или же сравнимъ население Англіи съ такимъ же количествомъ русскаго населенія, современную Англію — съ Англійей средневѣковой, Спидію, сѣверную Африку или Спрію въ настоящее время — съ тѣми же странами во время ихъ наибольшаго процвѣтанія, до римскаго завоеванія.

Нѣкоторыя причины, способствующія этому различію въ производительности, очевидны, другія же не на столько ясны. Мы приступимъ къ подробному опредѣленію нѣкоторыхъ изъ нихъ.

§ 2. Самая очевидная причина высшей производительности заключается въ такъ называемыхъ естественныхъ преимуществахъ. Они бывають разнообразны. Одно изъ главныхъ преимуществъ — плодородіе почвы: въ этомъ отношеніи существуетъ большое разнообразіе, отъ пустынь Аравіи до наносныхъ равнинъ Ганга, Нигера и Миссисипи. Благоприятный климатъ еще важнѣе богатой почвы. Есть страны, пригодныя для жизни, но слишкомъ холодныя для занятій земледѣіемъ. Ихъ обитатели не могутъ выйти изъ кочевого состоянія; они должны существовать, подобно лапландцамъ, прирученіемъ оленей или же охотой и рыбной ловлей, какъ несчастные эскимосы. Есть страны, гдѣ посѣваетъ овесъ, но не собираетъ пшеница, какъ напр., въ сѣверной Шотландіи; въ другихъ странахъ, какъ напр., въ части Ирландіи, пшеница можетъ расти, но, вслѣдствіе избытка влажности и по недостатку солнечнаго свѣта, даетъ невѣрную жатву. Съ каждымъ шагомъ къ югу или въ европейскомъ умѣренномъ поясѣ — къ востоку нѣкоторыя новыя отрасли земледѣлія становятся сперва возможными и затѣмъ выгодными; постепенно появляются виноградъ, мансъ, фиговые, оливковыя деревья, шелкъ, рисъ, финики, пока мы не дойдемъ до сахарнаго тростника, кофе, хлопка, пряностей и т. п. въ климатическихъ поясахъ, которые позволяютъ также собирать въ годъ по двѣ и по три жатвы обыкновенныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, при самой незначительной обработкѣ. Но различіе въ климатѣ важно не только для одного земледѣлія. Вліяніе этого различія ощущается во многихъ отрасляхъ производства — въ прочности сооружений, подверженныхъ вліянію воздуха, напр., зданій. Если бы храмы Карпаса и Луксора не были повреждены людьми, они могли бы существовать въ ихъ первоначальномъ совершенствѣ почти вѣчно, потому что надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и принадлежащіи доисторическимъ временамъ, сохранились лучше, чѣмъ въ нашемъ климатѣ надписи, сдѣланныя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; а между тѣмъ въ Петербургѣ самыя громадныя зданія, прочно построенныя изъ гранита едва столѣтіе тому назадъ, въ настоящее время, какъ говорятъ путешественники, пришли въ состояніе, требующее почти полного возобновленія, вслѣдствіе переходовъ отъ лѣтнихъ жаровъ къ сильнымъ морозамъ. Превосходство приготовления чая въ южной Европѣ надъ англійскими по богатству и чистотѣ красокъ приписывается болѣе благоприятнымъ свойствамъ атмосферы: ни познанія хмичковъ, ни искусство красильщиковъ не могутъ произвести такихъ пѣдѣлій въ нашемъ туманномъ и сыромъ климатѣ.

Другая сторона вліянія климата заключается въ уменьшеніи естественныхъ потребностей производителей. Въ жаркихъ странахъ человекъ можетъ жить съ удобствомъ въ хуже построенныхъ домахъ, съ меньшимъ количествомъ одежды; онъ можетъ обходиться

почти безъ топлива, положительно необходимаго для жизни въ холодныхъ странахъ, употребляя его для промышленныхъ цѣлей. Онъ также требуетъ меньше пищи; какъ показалъ опытъ гораздо раньше, чѣмъ теорія представила доказательство, большая часть того, что мы потребляемъ въ видѣ пищи, необходима не для дѣйствительнаго питанія органовъ, а для поддержанія животной теплоты и для доставленія жизненнымъ отправлениямъ необходимаго возбужденія, которое въ жаркихъ странахъ доставляется въ достаточной степени почти однимъ свѣтомъ и воздухомъ. Поэтому, въ жаркихъ странахъ для добыванія всего необходимаго для жизни требуется гораздо меньше труда, чѣмъ въ умѣренномъ поясѣ; все остальное время можетъ быть затрачено на высшія цѣли и наслажденія, если только характеръ жителей не побудитъ ихъ пользоваться этимъ преимуществомъ для чрезмѣрнаго размноженія и для празденія.

Изъ числа естественныхъ выгодъ, кромѣ почвы и климата, слѣдуетъ еще упомянуть объ изобиліи минеральныхъ богатствъ, находящихся въ удобномъ положеніи, такъ что ихъ можно добывать съ умѣреннымъ трудомъ. Таковы каменноугольныя залежи въ Великобританіи, столь хорошо вознаграждающія ея жителей за неблагоприятныя свойства ея климата. Едва ли меньшій источникъ богатства принадлежитъ этой странѣ и Соединеннымъ Штатамъ въ изобильномъ запасѣ желѣзной руды, легко обрабатываемой, находящейся не на большой глубинѣ отъ поверхности земли и вблизи каменноугольныхъ пластовъ, необходимыхъ для выплавки желѣза. Въ гористыхъ и холмистыхъ округахъ изобиліе двигательной силы естественныхъ водныхъ источниковъ представляетъ достаточное вознагражденіе за меньшую степень плодородія этихъ мѣстностей. Но едва ли не самое главное изъ всѣхъ преимуществъ заключается въ приморскомъ положеніи страны, въ особенности, если оно соединено съ хорошими природными портами и съ близостью большихъ судоходныхъ рѣкъ. Выгоды, получаемыя отъ такого положенія, состоятъ всецѣло въ сокращеніи издержекъ перевозокъ. Но только тотъ, кто размышляетъ надъ этимъ предметомъ, понимаетъ въ достаточной степени, какъ великъ размѣръ экономическихъ выгодъ, зависящихъ отъ этого. Ихъ нельзя вполне оцѣнить, не принимая во вниманіе вліянія, оказываемаго на производство обмѣномъ и такъ называемымъ раздѣленіемъ труда: они настолько важны, что часто съ избыткомъ вознаграждаютъ за безплодность почвы и почти за всѣ природныя недостатки страны, въ особенности въ томъ раннемъ состояніи промышленности, когда трудъ и знаніе еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ природными. Въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка самыя обширныя общества были не тѣ, которыя обладали самыми обширными землями или самой плодородной почвой, а скорѣе тѣ, которыя, вслѣдствіе естественнаго безплодія своей страны, были принуждены извлекать наибольшую выгоду изъ удобнаго при-

морского положенія, напр.: Аены, Тпръ, Марсель, Венеція, свободные балтійскіе города и т. п.

§ 3. На этомъ мы закончимъ разсмотрѣніе естественныхъ преимуществъ, значеніе которыхъ, при равныхъ остальныхъ условіяхъ, слишкомъ очевидно, чтобы быть недостаточно оцѣненными. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что естественныя преимущества для общества точно такъ же, какъ состояніе и общественное положеніе для частныхъ лицъ, почти никогда не приносятъ той пользы, какую они могли бы приносить по своей природѣ и свойствамъ. Ни теперь, ни въ прежнія времена народы, обладавшіе наилучшимъ климатомъ и почвою, не были ни самыми богатыми, ни самыми могущественными; они обыкновенно принадлежали къ самымъ бѣднымъ, если принимать во вниманіе всю массу народа, хотя и среди этой нищеты, вѣроятно, существованіе ихъ въ общемъ было легче, чѣмъ другихъ. Въ этихъ страхахъ для поддержанія человеческой жизни нужно такъ мало, что бѣднѣйшіе классы рѣдко бываютъ въ затрудненіи. Въ такомъ климатѣ, гдѣ самое существованіе бываетъ наслажденіемъ, люди предпочитаютъ покой всякой роскоши. Энергія, вызываемой страстями, у нихъ въ избыткѣ, но нѣтъ той, которая проявляется въ постоянномъ и устойчивомъ трудѣ; а такъ какъ они рѣдко заботятся о такихъ отдаленныхъ цѣляхъ, какъ введеніе хорошихъ политическихъ учрежденій, то побужденіе къ промышленности ослабляется, кромѣ того, и еще недостаточной обезпеченностью ея результатовъ. Успѣшное производство, подобно другимъ видамъ успѣха, зависить болѣе отъ качества самихъ людей, чѣмъ отъ обстоятельствъ, въ какихъ они работаютъ, а умственная и физическая энергія возбуждается не легкостью труда, а всыннымъ препятствіямъ. Поэтому, племена, покорявшія другія и принуждавшія ихъ работать въ свою пользу, болѣею частью воспитывались среди лишеній; они выросли или въ лѣсахъ сѣверныхъ странъ, или же недостатокъ естественныхъ лишеній замѣнялся у нихъ, подобно тому какъ въ Греціи и Римѣ, искусственными лишеніямъ суровой военной дисциплины. Когда же положеніе современнаго общества позволило прекратить эту дисциплину, ютъ перестали производить завоевательныя племена; главнымъ мѣстомъ военной силы, а также и отвлеченной мысли и промышленной энергіи сталъ служить мѣгѣе благоприятный сѣверъ.

Итакъ, второю причиною увеличенія производительности мы можемъ считать большую энергію труда, подразумеваемую подъ этимъ не случайную, а правильную и привычную энергію. Никто безропотно не можетъ выдерживать такого большого количества случайныхъ трудностей, утомленій, и никто не въ состояніи поддерживать такъ долго крайнее напряженіе своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, какъ пѣлѣцы Сѣверной Америки. Но ихъ лѣность во время краткихъ перемирій отъ постоянной нужды вошла въ пословицу. Отдѣльные лица и націи не столько разнятся другъ отъ друга по тѣмъ успѣхамъ, какія они готовы или могутъ проявить

подъ вліяніемъ сильныхъ и непосредственныхъ побужденій, сколько по ихъ способностямъ къ настоящимъ успѣхамъ для будущихъ цѣлей, и по силѣ ихъ прилежанія къ работѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторое количество этихъ качествъ составляетъ необходимое условіе для сколько-нибудь значительнаго улучшенія въ положеніи человечества. Чтобы цивилизовать дикаря, ему нужно внушить новыя потребности и желанія, хотя бы даже и не особенно высокаго качества, для того только чтобы удовлетвореніе ихъ могло служить для него побудительной силой къ постоянной и правильной физической и умственной дѣятельности. Если бы негры Ямайки и Демероры, послѣ ихъ освобожденія, удовлетворялись, какъ это предсказывалось, только необходимымъ для жизни и отказывались бы отъ всякаго труда, кромѣ того незначительнаго количества его, какое достаточно для поддержанія жизни въ тропическомъ климатѣ, при рѣдкомъ населеніи и изобиліи плодороднѣйшей земли, то они бы впали въ состояніе еще большаго варварства, чѣмъ во время мнувшаго рабства, хотя были бы счастливейше прежняго. Мотивомъ, который сплывѣе всего побуждалъ ихъ къ труду, была ихъ любовь къ красному платю и украшениямъ. Никто не станетъ защищать подобную склонность, какъ заслуживающую развитія, — въ большей части общества эта потребность скорее разоряетъ, чѣмъ обогащаетъ; но при умственномъ состояніи негровъ только она можетъ быть побудительной причиною, заставляющей ихъ добровольно выдерживать систематическій трудъ и, такимъ образомъ, приобретать или поддерживать привычку къ добровольному трудолюбію, которое впоследствии можетъ быть обращено на болѣе достойныя цѣли. Въ Англіи нужно учиться не стремленію къ богатству, а умѣнью употреблять его, и здѣсь пужно внушать правильную оцѣнку вещей, которыя не могутъ быть доставлены богатствомъ или для достиженія которыхъ оно не требуется. Всякое улучшеніе въ характерѣ англичанъ, заключается ли оно въ сообщеніи имъ болѣе возвышенныхъ интересовъ или только въ справедливой оцѣнкѣ предметовъ ихъ настоящихъ желаній, необходимо должно умѣрять пылкость ихъ стремленій къ богатству. Но нѣтъ необходимости, чтобы отъ этого уменьшилось настойчивое и серьезное прилежаніе въ занятіяхъ, свойственное лучшимъ английскимъ рабочимъ и составляющее ихъ неопѣненное качество.

Рѣдко люди въ дѣлахъ своихъ умѣютъ придерживаться желательной середины, состоящей въ томъ, чтобы во время работы трудиться всѣми силами физическимъ, и въ особенности умственнымъ, но труду для одной только денежной выгоды посвящать меньше часовъ въ днѣ, меньше дней въ году и меньше лѣтъ въ жизни.

§ 4. Третій элементъ, которымъ опредѣляется производительность труда въ данномъ обществѣ, заключается въ искусствѣ и знаніяхъ, существующихъ въ немъ, независимо отъ того, принадлежатъ ли эти знанія и искусство самимъ рабочимъ, или людямъ,

которые управляют их трудомъ. Не нужно никакихъ объясненій, чтобы показать, на сколько успешность промышленности повышается отъ ловкости рукъ человѣка, выполняющаго самое обыкновенное дѣло, отъ понятливости людей, занимающихся дѣлами, требующими значительнаго участія умственныхъ способностей, и отъ всей суммы познаній о силахъ природы и свойствахъ предметовъ, применимыхъ для промышленныхъ дѣлей. Совершенно очевидно, что производительность труда у извѣстнаго народа бываетъ ограничена познанимъ его во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и что всякій прогрессъ въ этихъ познаніяхъ, всякое улучшение въ примениніи предметовъ или силъ природы къ промышленнымъ дѣлямъ даетъ возможность при томъ же количествѣ и напряженіи труда произвести большее количество продуктовъ.

Одна изъ главныхъ областей этихъ улучшеній состоитъ въ изобрѣтеніи и употребленіи орудій и машинъ. Мы не будемъ входить въ специальное и подробное разсмотрѣніе тѣхъ способовъ, какими машины и орудія служатъ увеличенію производства и сбереженію труда, такъ какъ это не касается настоящаго сочиненія. Объясненіе и примѣры этихъ способовъ можно найти въ сочиненіи Габбеджа «Economy of Machinery and Manufactures», изложенномъ научно и въ то же время популярно. Цѣлая глава этой книги состоитъ изъ примѣровъ способности машинъ производить работы, далеко превышающія человѣческія силы, и совершать операціи, слишкомъ тонкія для человѣческихъ рукъ. Но для того, чтобы найти примѣры работъ, которыхъ человѣкъ не могъ бы исполнить безъ всякой посторонней помощи, не за чѣмъ ходить такъ далеко. Безъ насосовъ, работающих въ многихъ случаяхъ, нельзя было бы избавиться отъ воды, собирающейся въ шахтахъ, и, дойдя до незначительной глубины, приходилось бы прекращать разработку ихъ; безъ кораблей или лодокъ нельзя бы было пересѣчь черезъ море; безъ какого-нибудь орудія нельзя бы было срубить дерево или прорыть скалу; плугъ или, по крайней мѣрѣ, заступъ необходимы для обработки почвы. Однако самыхъ простыхъ и грубыхъ инструментовъ было бы въ буквальномъ смыслѣ достаточно для того, чтобы сдѣлать возможнымъ исполненіе большинства работъ, которыми занималось до сихъ поръ человѣчество, а послѣдующія изобрѣтенія служили главнымъ образомъ для болѣе совершеннаго выполненія работъ и, въ особенности, для значительнаго уменьшенія количества труда; трудъ, такимъ образомъ сбереженный, освобождался для другихъ занятій.

Но результаты примениенія занятій къ производству далеко не ограничиваются употребленіемъ машинъ. Только теперь обнаруживается, что въ земледѣліи и садоводствѣ механика можетъ сдѣлать кое-что важное, сверхъ изобрѣтенія и постепеннаго улучшенія плуга и нѣсколькихъ другихъ простыхъ инструментовъ. Самые важныя земледѣльческія изобрѣтенія заключаются въ прямомъ примениніи наиболѣе целесообразныхъ способовъ обработки земли и

культуры растений; таковы, напримѣръ, плодосѣйная система, позволяющая не оставлять землю подъ паромъ чрезъ каждые два или три года; усовершенствованное удобреніе — для возобновленія ея плодородія, истощеннаго постояннымъ посѣвамъ; запаханіе и дренажированіе почвы такъ же, какъ и ея поверхностнаго слоя; превращеніе болотъ и топей въ пахатную землю; сюда же относятся установленные опытомъ способы обрѣзки, воспитанія и подвязыванія деревьевъ; при болѣе дорогихъ культурахъ — посадка корней или сѣмянъ на разстояніи и болѣе совершенное разрыхленіе почвы, въ которую они посажены, и т. д. Въ фабричномъ производствѣ и въ торговлѣ самыя главныя улучшенія заключаются въ сбереженіи времени, въ томъ, чтобы выручка быстрее слѣдовала за трудомъ и издержками. Есть также и другія изобрѣтенія, выгода которыхъ заключается въ экономіи матеріаловъ.

§ 5. Но зависимость между расширеніемъ знаній въ обществѣ и увеличеніемъ его богатства мнѣ всего требуетъ разъясненій, такъ какъ она стала понятной для самыхъ необразованныхъ людей, благодаря такимъ очевиднымъ примѣрамъ, какъ желѣзныя дороги и пароходы. Однако, экономическое значеніе всеобщаго распространенія образованія еще не настолько хорошо понято и признано всѣми. Число лицъ, подготовленныхъ для управленія и наблюденія за какимъ-нибудь промышленнымъ предпріятіемъ, или даже для исполненія работъ, которыя не могутъ быть сведены къ простому навыку и успію памяти, значительно меньше спроса на нихъ, что очевидно изъ огромной разницы между жалованьемъ, выдаваемымъ подобнымъ лицамъ, и заработной платой за обыкновенный трудъ. Недостатокъ практическаго здраваго смысла, ведущій большинство рабочаго класса къ тому, что ихъ домашнее хозяйство становится такимъ непредусмотрительнымъ, беспорядочнымъ и разпущеннымъ, долженъ сдѣлать ихъ неспособными ко всякому умственному труду, кромѣ самой низкой его степени, и значительно уменьшить производительность ихъ промышленной дѣятельности, по сравненію съ тѣмъ, какою она могла бы быть въ другихъ условіяхъ и при равномъ количествѣ энергіи.

Важность народнаго образованія даже для этихъ ограниченныя цѣлей вполне заслуживаетъ вниманія государственныхъ людей, въ особенности въ Англіи: такъ какъ опытные наблюдатели, привыкшіе имѣть дѣло съ рабочими различныхъ національностей, утверждаютъ, что въ иностранныхъ рабочихъ они чаще встрѣчали большую понятливость, совершенно не зависящую отъ образованія, и что англійскій рабочий, если только онъ достигаетъ чего-нибудь большаго, чѣмъ положеніе дровосѣка или водовоза, то этия онъ обязанъ образованію, которое у него почти всегда бываетъ самообразованіемъ. Г. Эшеръ, цюрихскій инженеръ и хлопчатобумажный фабрикантъ, дающій работу почти 2000 рабочимъ различныхъ національностей, въ своей вѣдомости о воспитаніи дѣтей бѣдныхъ, присоединенной къ „Report of the Poor Law Commissioners“ въ

1840 г., даетъ слѣдующую характеристику англійскихъ рабочихъ по сравненію съ континентальными, — характеристику, съ которой согласится, я думаю, всѣ обладающіе такимъ же опытомъ.

«Самѣлпвость пталыанцевъ обнаруживается въ быстромъ усвоеніи всякаго новаго вида труда, возложеннаго на нихъ, въ способности быстро схватывать намѣреніе своего хозяина и приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ. Этой способностью никакіе рабочіе не обладаютъ въ такой мѣрѣ, какъ они. Тѣ же природныя характерныя черты можно встрѣтить и у французскихъ рабочихъ, но только въ нѣсколько меньшей степени. Англійскіе, швейцарскіе, германскіе и голландскіе рабочіе, по нашему мнѣнію, обладаютъ меньшею природною понятливостью; но какъ рабочимъ, несомнѣнно, предпочтенеіе слѣдуетъ отдать англійскимъ, потому что, какъ мы могли убѣдиться, они всѣ подготовлены для спеціальныхъ отраслей труда, въ которыхъ они достигли сравнительно высшей ловкости и сосредоточили на нихъ всѣ свои мыслп. Но какъ людей дѣловыхъ или вообще полезныхъ, — людей, которыми бы хозяинъ желалъ быть окруженъ, я рѣшительно предпочелъ бы саксонцевъ и швейцарцевъ, особенно саксонцевъ, потому что они обладаютъ довольно тщательнымъ воспитаніемъ образованіемъ, которое расширяетъ ихъ способности за предѣлы какого-нибудь спеціальнаго знанія и даетъ имъ возможность послѣ непродолжительной подготовки, приспособиться ко всякому занятію, къ какому они могутъ быть призваны. Если я нанялъ англійскаго рабочаго для установки паровыхъ машинъ, онъ будетъ понимать только это дѣло, и ничего больше; въ другихъ же условіяхъ, или въ другихъ отрасляхъ механики, какъ бы они близко не соприкасались съ его дѣломъ, онъ не въ состояніи будетъ приспособиться ко всѣмъ случайнымъ возникающимъ вопросамъ, распорядиться и дать основательный совѣтъ или написать ясный отчетъ и письмо о своей работѣ въ различныхъ отрасляхъ механики».

О связи между умственнымъ развитіемъ и нравственною порядочностью въ рабочемъ классѣ тотъ же очевидецъ говоритъ: «Больше образованные рабочіе, по нашему мнѣнію, отличаются во всѣхъ отношеніяхъ и высшимъ нравственнымъ привычкамъ; прежде всего они совершенно трезвы; они сдержаны въ своихъ удовольствіяхъ, которыя становятся благоразуміемъ и утонченіемъ, они стремятся къ лучшему обществу, въ которое вступаютъ съ уваженіемъ, а поэтому, получаютъ къ нему болѣе легкой доступъ; они занимаютъ высокую, читаютъ, пользуются такими удовольствіями, какъ театръ, дѣлаютъ увеселительныя прогулки въ окрестностяхъ; они экономны, и ихъ бережливость, кромѣ ихъ кармана, распространяется и на имущество ихъ коница; затѣмъ они честны и заслуживаютъ довѣрія». А въ отвѣтъ на вопросъ объ англійскихъ рабочихъ онъ говоритъ: «Относительно работы, къ которой они спеціально были подготовлены, они несущее всѣхъ другихъ, но за то по своему поведенію они самыя безпорядочныя, развращенныя, необузданныя,

и изъ рабочихъ всѣхъ націй, съ какими мнѣ приходилось сталкиваться, они заслуживаютъ наименьшаго довѣрія и уваженія; утверждая это, я выражаю убѣжденіе всѣхъ континентальныхъ фабрикантовъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, и въ особенности, англійскихъ, которые жалуются громче всѣхъ. Эти характерныя черты развращенности не относятся къ тѣмъ англійскимъ рабочимъ, которые получили образованіе, а принадлежатъ остальной массѣ, тѣмъ въ большей степени, чѣмъ сильнѣе недостатокъ его. Если необузданный англійскій рабочий освободится отъ оковъ желѣзной дисциплины, которыми онъ обуздывался своимъ англійскимъ хозяиномъ, и встрѣтитъ вѣжливое и дружеское обращеніе, каковаго требуютъ и получаютъ болѣе образованные континентальные рабочіе отъ своихъ хозяевъ, то онъ, т. е. англійскій рабочий, совершенно теряетъ равновѣсіе, не понимаетъ своего положенія и черезъ нѣкоторое время становится совершенно необузданнымъ и безполезнымъ *). Этотъ результатъ наблюденій подтверждается опытомъ и въ самой Англій. Какъ только идея равенства входитъ въ мысль необузданнаго англійскаго рабочаго, голова у него начиняется кружиться. Какъ только онъ пресетаетъ быть работнымъ, онъ становится наглымъ.

Нравственныя качества рабочихъ также важны для успѣшности и достоинствъ ихъ труда, какъ и умственныя. Независимо отъ вліянія невоздержности на ихъ физическія и умственныя способности и легкомысленнаго неосторожества привычекъ на энергію и непрерывность ихъ работы (вопросы, настолько очевидные, что нѣтъ необходимости ихъ доказывать), стоитъ только подумать о томъ, насколько совокупный результатъ труда зависитъ отъ заслуживаемаго ими довѣрія.

Всѣ трудъ, расходуемый теперь на соблюденіе за выполненіемъ ихъ обязанностей или на удостовѣреніе въ томъ, что они выполнили ихъ, цѣлкомъ отнимается у дѣйствительнаго занятія производствомъ, отнимается для вспомогательныхъ цѣлей, ставшихъ необходимымъ не по существу дѣла, а вслѣдствіе недобросовѣстности людей. Но самыя большія вышнія предосторожности будутъ вполне безуспѣшны тамъ, гдѣ (какъ это теперь почти всегда бываетъ съ наемнымъ трудомъ) малѣйшее ослабленіе бдительности даетъ благоприятный случай, который немедленно подхватывается рабочими для того, чтобы вернуться отъ исполненія своихъ обязанностей. Выгода для людей, представляемая возможностью довѣрять другъ другу, проникаетъ во всѣ поры и скважины человеческой жизни: экономическая сторона этой выгоды имѣетъ, можетъ быть, наименьшее значеніе, но все же и она неизмѣримо велика. Представимъ себѣ только наиболѣе наглядно часть экономическаго

*) Всѣ эти указанія развитого и опытнаго фабриканта заслуживаютъ вниманія такъ же, какъ и другія показанія о томъ же предметѣ другихъ свидѣтелей, заключающіяся въ этой же книгѣ.

ущерба, причисляемого обществу человеческой нечестностью. Въ каждомъ богатомъ обществѣ существуетъ хищническое население, которое живетъ грабежомъ или обманомъ другихъ людей; количество этого населенія можетъ быть точно удостовѣрено, но даже по самому низкому вычисленію, въ такой странѣ, какъ Англія, оно очень велико. Содержаніе такихъ людей — настоящее бремя для національной промышленности. Полиція и всѣ пенитенціарныя и судебныя учрежденія, уголовныя и гражданскія, будутъ вторымъ бременемъ, сдѣлавшимся необходимымъ пзъ-за перваго. Чрезвычайно высоко оплачиваемая профессія юристовъ, если занятіе ихъ происходитъ не отъ несовершенства въ законахъ (въ чемъ юристы ис и виноваты), вызывается и поддерживается, главнымъ образомъ, нечестностью людей. Если уровень честности поднимается въ обществѣ выше, всѣ эти расходы становятся меньше. Но далеко значительнѣе этого сбереженія было бы несмѣтное увеличеніе продуктовъ всѣхъ родовъ труда и сбереженіе времени и расходовъ, которое можно было бы получить, если бы рабочіе честно выполняли принятія на себя обязанности. Успѣшность производства также увеличилась бы вслѣдствіе бодрости и сознанія силы и довѣрія, съ которыми задумывались бы и выполнялись всякаго рода предприятия людьми, сознающими, что всѣ, чьи помощіи потребуются, будутъ, съ своей стороны, честно исполнять свой договоръ. Совмѣстное дѣйствіе возможно только настолько, на сколько люди могутъ полагаться одинъ на другого. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, въ высшей степени одаренныхъ въ промышленномъ отношеніи, самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ введенію крупныхъ предпріятій служитъ недостатокъ лицъ, которымъ можно было бы довѣрить полученіе и расходваніе большихъ денежныхъ суммъ. На товары нѣкоторыхъ націй купцы смотрятъ съ недовѣріемъ, потому что они не желаютъ подвергаться опасности получить товаръ, по качеству не сходный съ образцомъ. Такіе близорукіе обманы далеко не безпримѣрны въ Англіи. Каждый слышалъ объ «devil's dust» (чертовъ порошокъ): въ одномъ изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ Баббеджемъ, рассказывается, какъ одна отрасль вывозной торговли надолго прекратилась вслѣдствіе поддѣтокъ и обмановъ, встрѣчавшихся въ ней. Съ другой стороны, въ этомъ же сочиненіи приводятся не менѣе замѣчательныя примѣры существенной выгоды, происходящей въ дѣловыхъ сдѣлкахъ отъ испытанной честности. Въ одномъ изъ нашихъ обширнѣйшихъ городовъ ежедневно производится въ большихъ размѣрахъ покупка и продажа товаровъ, съ каждой стороны безъ всякихъ письменныхъ документовъ. Какъ долженъ быть великъ доходъ отъ сбереженія времени, хлопотъ и расходовъ на сдѣлки въ продолженіе нѣлаго года, полученный производителемъ и купцомъ этого города, благодаря ихъ собственной честности! «Вліяніе установившейся репутаціи, внушающей довѣріе, оказало замѣчательное дѣйствіе во время закрытія континента для англійскихъ фабрикантовъ въ продолженіе послѣд-

ней войны. Одна изъ нашихъ громаднѣхъ фирмъ постоянно вела обширныя дѣла съ торговцами домомъ въ центрѣ Германіи; но послѣ закрытія континентальныхъ портовъ для нашихъ фабрикантовъ былъ наложенъ тяжелый денежный штрафъ на всѣхъ тѣхъ, кто нарушитъ берлинскій и миланскій декреты; тѣмъ не менѣе англійскій фабрикантъ продолжалъ получать заказы, съ наставленіями, какъ ихъ отправлять, и съ означеніемъ времени и способа уплаты въ письмахъ, почеркъ которыхъ ему былъ извѣстенъ, но которыя подписывались только однимъ крестнымъ именемъ владельца торговаго дома; иногда даже бывали примѣры, что письма были безъ всякой подписи. Эти заказы исполнялись, и не было примѣра малѣйшей неправильности въ платежахъ.» *)

*) Можно привести еще нѣсколько менѣе важныхъ примѣровъ, упоминаемыхъ Баббеджемъ для доказательства вреда, причисляемого обществу невозможностью для его членовъ довѣрять другъ другу.

«Стоимость товара для покупателя складается изъ цѣны, уплаченной пзъ за этотъ товаръ, и изъ расходовъ на повѣрку того, будетъ ли товаръ условленнаго качества. Иногда качество товара очевидно при простомъ осмотрѣ; и въ этомъ случаѣ цѣна большого различія въ цѣнѣ въ различныхъ магазинахъ. Напримѣръ, качество головы сахару можетъ быть узнано однимъ взглядомъ; поэтому цѣна его такъ однообразна и выгоды на немъ такъ незначительны, что ни одинъ лавочникъ не смѣнитъ его продать; между тѣмъ чай, о которомъ чрезвычайно трудно судить и который можетъ быть поддѣланъ всякими поддѣлками, могущими ввести въ обманъ даже опытнаго знатока, сильно разнится въ цѣнѣ и представляетъ собою товаръ, который каждый торговецъ смѣнитъ сбытъ своимъ потребителямъ. Трудность и дороговизна повѣрки въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ велика, что оправдываетъ уклоненіе отъ твердо установленныхъ принциповъ. Такъ, наприимѣръ, общее правило состоитъ въ томъ, что правительству дешевле купить товаръ, чѣмъ заниматься его производствомъ. Но, тѣмъ не менѣе, было признано болѣе экономнымъ построить обширныя мельницы (какъ напр., въ Дентфордѣ) и перемалывать свое зерно, чѣмъ повѣрять каждый кулъ купленной муки и нанмывать людей для изысканія средствъ раскрытія новыхъ поддѣсокъ, которыя постоянно изобрѣтаются». Подобный недостатокъ довѣрія можетъ лишить такую націю, какъ наприимѣръ, Соединенные Штаты, обширной вывозной торговли мукою.

Въ другомъ мѣстѣ Баббеджъ приводитъ слѣдующій примѣръ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ способъ придавать старымъ сѣменамъ клевера и люцерны видъ свѣжихъ посредствомъ процесса, называемаго лѣченіемъ (dusting), сталъ настолько распространеннымъ, что обратилъ на себя вниманіе палаты общины. Комитетъ совершенно ясно доказалъ, что старыя сѣмена краснаго клевера исправлялись переиживаніемъ и встраиваніемъ ихъ въ мѣшкѣ съ небольшимъ количествомъ пидно. Но когда эта поддѣлка открылась, чрезъ нѣкоторое время «доктора» стали употреблять препаратъ изъ камнешеваго дерева, немного очищеннаго мѣднымъ купоросомъ, а иногда и ярью; улучшая, такимъ образомъ, видъ старыхъ сѣмянъ, они въ то же время уменьшали, если не совсѣмъ уничтожали въ нихъ растительную силу, уже ослабленную годами. Предположимъ, что хорошія сѣмена этимъ приготовленіемъ не нанесли вреда; все же было доказано, что отъ улучшенія вѣншаго вида рыночная цѣна повышалась отъ 5 до 25 шиллинговъ на центверъ. Но наибольшее зло, причиняемое этимъ способомъ поддѣлки, заключалось въ томъ, что старыя и негодныя сѣмена становились похожими на самыя лучшія. Одинъ изъ свидѣтелей испытывалъ вѣкоты изъ «поддѣченныхъ» сѣмянъ и нашелъ, что изъ сотни всходитъ не

§ 6. Между второстепенными причинами, от которых зависит производительность элементов производства, самая главная — безопасность. Подъ безопасностью я подразумеваю полную охрану интересов, доставляемую обществом его членам. Эта охрана состоит из защиты, выполняемой правительством, и защиты, направленной против правительства. Последняя важнее первой. Гдѣ лицо, известное за человека, обладающего чѣмъ-нибудь стоящимъ имуществомъ, находится въ постоянномъ опасеніи, что эта вещь будетъ отнята у него, со всѣми подробностями тираническаго наслѣдія, чиновникамъ хищнаго правительства, тамъ едва ли кто будетъ стараться производить значительно больше необходимаго. Въ этомъ и заключается общепризнанное объясненіе бѣдности многихъ плодородныхъ азиатскихъ странъ, бывшихъ некогда цвѣтущими и населенными. Отъ этой степени безопасности до той, какою пользуются люди въ наиболее развитыхъ въ политическомъ отношеніи частяхъ Европы, существуетъ множество градаций. Во многихъ провинціяхъ Франціи до революціи дурная система поземельнаго на-

больше одного, что изшедшія погибаютъ черезъ нѣсколько времени, между тѣмъ какъ хорошия сѣмена всходятъ отъ 80 до 90%; но „дѣченныя“ такімъ образомъ сѣмена продавались деревенскимъ мелочнымъ торговцамъ, которые, разумеется, старались по дешевой цѣнѣ сбыть ихъ фермерамъ; при чемъ ни первые, ни вторые не были въ состояніи отличить поддѣльныхъ сѣмянъ отъ натуральныхъ. Поэтому, многіе земледѣльцы уменьшили свое потребленіе этого товара, а другіе были принуждены платить болѣе высокую цѣну тѣмъ, кто обладалъ искусствомъ узнавать поддѣльныя сѣмена и отличался неподкупностью и хорошей репутаціей, служившей достаточною гарантіей того, что онъ не будетъ продавать дурныхъ сѣмянъ“.

Тотъ же писатель говоритъ, что ирландскій ленъ, хотя по качеству не уступаетъ никакому, продается, или недавно продавался на рынкѣ на исходнѣй отчасти вслѣдствіе небрежности его приготовления, по отчасти тѣмъ секретаремъ ирландскаго льняного бюро: „Производители льна, почти всегда принадлежащіе къ низшему классу общества, думаютъ, что они могутъ вѣрнѣе всего выиграть, обманывая покупателей. Такъ какъ ленъ продается на вѣсъ, то они употребляли различныя средства для увеличенія послѣдняго; а всѣ эти средства оказываются вредными, въ особенности — напичиваніе, чаще всего практикующееся, отъ чего ленъ вслѣдствіи сопливости часто бываетъ наполненъ булыжникомъ или всевозможной грязью, для увеличенія вѣса. Въ такомъ видѣ ленъ покупается и вывозится въ Англію“.

Коммиссія, назначенная палатою общинъ, нашла, что производство кружевъ въ Поттингенѣ сильно упало отъ приготовленія мошенническихъ и плохихъ товаровъ, „что родъ кружева, называемый „single-press“ (одноно въ мытѣ почти окончательна портится, оттого что штики сдвигались; даже одинъ человекъ изъ тысячи не могъ бы найти различія между кружевами вида single-press и double-press, такъ что даже рабочіе и фабриканты были принуждены для этой цѣли употреблять увеличительное стекло; въ другомъ подобномъ товарѣ, называемомъ water-lace, такое пособие было

тогда, а еще больше отсутствіе защиты отъ произвольнаго вымогательства, которое дѣлалось подъ видомъ палоговъ, приводило къ тому, что для каждаго земледѣльца было выгоднымъ казаться бѣднымъ, а по сему дурно обрабатывать свою землю. Только та необходимость, которая происходитъ отъ произвола правительства или лицъ, облеченныхъ властью, способна окончательно парализовать энергію производителей: противъ всѣхъ остальныхъ грабителей есть надежда защититься. Греція и ея колоніи въ древніе вѣка, Фландрія и Италія въ средніе вѣка совершенно не пользовались тѣмъ, что человекъ съ современными понятіями называлъ бы обезпеченностью: положеніе общества было самое неустановившееся и непокойное; личность и собственность подвергались тысячѣ опасностей. Но это были свободныя страны; отъ обыкновенно не испытывали ни тираническаго произвола, ни систематическаго грабежа со стороны свопихъ правительствъ. Противъ другихъ враговъ личная энергія, вызываемая ихъ учрежденіями, давала имъ возможность бороться; поэтому, ихъ трудъ былъ въ высшей степени производительенъ и ихъ богатства, до тѣхъ поръ пока они оставались свободными, постоянно увеличивались. Римскій деспотизмъ, положивъ конецъ войнамъ и внутреннимъ спорамъ во всей имперіи, освободилъ въ значительной мѣрѣ покоренное населеніе отъ прежней необезпеченности. Но отъ оставить это населеніе подъ угнетающимъ ярмомъ своей собственной хищности, и оно стало слабѣе и бѣднѣе, пока не сдѣлалось легкой добычей для варварскихъ несвободныхъ завоевателей. Подпавшіе подъ власть Рима народы перестали ражаться и трудиться, потому что ихъ не допускали пользоваться тѣмъ, за что они сражались и трудились.

Безопасность личности и собственности у современныхъ націй часто представляетъ результатъ правилъ и взглядовъ, а не законовъ. Въ Европѣ есть, или недавно были, государства, гдѣ монархъ былъ номинально неограниченнымъ, но гдѣ, вслѣдствіе ограниченной, налагаемыхъ установившихся обычаевъ, ни одинъ подданный въ дѣйствительности не подвергается ни малѣйшей опасности, что его имущество будетъ самонпроизвольно захвачено или что на него будетъ наложена правительствомъ какая-нибудь контрибуція. Тѣмъ не менѣе, при такихъ правительствахъ должно производиться много мелкихъ грабежей и насильной подчиненнымъ агентамъ, составляющихъ цѣль защиты, вслѣдствіе недостатка гласности, составляющаго обыкновенную черту неограниченныхъ правительствъ. Въ Англіи населеніе достаточно хорошо охраняется учрежденіями и обычаями отъ правительственныхъ чиновниковъ; но что касается безопасности отъ нарушителей другого рода, то ея Англія очень мало обязана своимъ учрежденіямъ. Нельзя сказать, что законы составляющіе защиту собственности, если они дадутъ эту защиту съ такимъ издержками, что подчиниться несправедливости бываетъ выгоднѣе. Безопасность собственности въ Англіи зависитъ гораздо больше (за исключеніемъ случаевъ открытаго насилья) отъ обще-

ственнаго мнѣнія и страха передъ оглаской, чѣмъ отъ непосредственнаго дѣйствія законовъ и судебныхъ учреждений.

Независимо отъ всѣхъ несовершенствъ въ тѣхъ оплотахъ, которыми общество сознательно окружаетъ то, что оно признаетъ за собственность, существуютъ другіе различныя случаи, когда неудовлетворительныя учрежденія мѣшаютъ наиболѣе выгодному примѣненію производительныхъ источниковъ страны. По мѣрѣ изложенія нашего предмета, мы будемъ имѣть случаи обратить вниманіе на многіе изъ нихъ. Здѣсь же достаточно замѣтить, что успѣшность производства можетъ развиваться пропорціонально тому, насколько результаты его будутъ обезпечены для занятыхъ имъ лицъ, и что всякое социальное устройство способствуетъ полезнымъ занятіямъ настолько, насколько оно устанавливаетъ положеніе, что вознагражденіе каждаго за его трудъ должно быть, по возможности, пропорціонально той пользѣ, какую онъ производитъ. Всѣ законы и обычаи, которые благоприятствуютъ одному классу или слою людей въ ущербъ другому, которые накладываютъ оковы на условія какой-нибудь части общества въ преслѣдованіи его собственнаго блага, или же становятся между этими условіями и ихъ естественными результатами (независимо отъ другихъ несовершенствъ), нарушаютъ основныя принципы экономической системы государственнаго управленія и содѣйствуютъ тому, что сумма производительныхъ силъ общества дѣйствуетъ съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ это было бы при другихъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА VIII.

О сотрудничествѣ или сочетаніи труда.

§ 1. При перечисленіи обстоятельствъ, повышающихъ производительность труда, мы не коснулись того изъ нихъ, которое по своей важности и по множеству возбуждаемыхъ имъ спорныхъ доводовъ, требуетъ отдѣльнаго обсужденія. Это—сотрудничество или сочетаніе дѣйствій многихъ лицъ. Только одна часть этой великой силы, способствующей производству, пзвѣстная подъ названіемъ раздѣленія труда, въ сильной степени и совершенно заслуженно привлекала вниманіе экономистовъ; но они забывали о другихъ случаяхъ и разъясненіяхъ того же многообъемлющаго закона. Уэзфильдъ, по моему мнѣнію, первый указалъ, что часть предмета, ко вреду для изслѣдованія, ошибочно принималась за цѣлый предметъ, и что основной принципъ сотрудничества лежитъ глубже принципа раздѣленія труда и обнимаетъ собою его.

«Сотрудничество», замѣчаетъ онъ *), «бываетъ двухъ различныхъ родовъ: во-первыхъ, сотрудничество, состоящее въ томъ, что

нѣсколько лицъ помогаютъ другъ другу въ одной и той-же работѣ: во-вторыхъ — сотрудничество, происходящее въ томъ случаѣ, когда нѣсколько лицъ помогаютъ другъ другу различными работами. Эти два вида могутъ быть названы простымъ сотрудничествомъ и сложнымъ сотрудничествомъ.

«Выгоды простого сотрудничества поясняются примѣромъ двухъ борзыхъ собакъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, которыя, какъ говорится, поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре борзыхъ собаки порознь. Вполнѣ очевидно, что въ значительномъ числѣ простыхъ операций, выполняемыхъ человѣческимъ трудомъ, два человѣка, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ или четырехжды четырехъ, каждый изъ которыхъ работалъ бы отдѣльно. Такъ, напримѣръ, при поднятіи большихъ тяжестей, рубкѣ деревьевъ, распилкѣ строеваго лѣса, при уборкѣ большого количества сѣна или хлѣба въ короткій періодъ хорошей погоды, при осушкѣ большого пространства земли въ короткій промежутокъ времени года, когда именно есть возможность производить подобныя работы, при перетаскиваніи корабельной снасти, при греблѣ на большихъ лодкахъ, при нѣкоторыхъ рудодобывныхъ работахъ, при постройкѣ лѣсовъ для зданій и при раздробленіи камней при починкѣ дороги, такъ чтобы вся дорога постоянно содержалась въ порядкѣ, — при всѣхъ этихъ простыхъ операцияхъ и при тысячахъ другихъ безусловно необходимо, чтобы множество людей работало сообща, одновременно, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и однимъ и тѣмъ же способомъ. Дикари Новой Голландіи никогда не помогаютъ другъ другу, даже въ самыхъ простыхъ работахъ, и ихъ положеніе едва ли выше, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ не ниже, положенія дикихъ животныхъ, которыя иногда падаютъ въ ихъ руки. Вообразимъ себѣ, что англійскіе рабочіе вдругъ перестали бы помогать другъ другу въ простыхъ занятіяхъ, и мы сразу увидимъ выгоду простого сотрудничества. Въ безчисленномъ множествѣ занятій продуктъ труда до пзвѣстной степени пропорціоналенъ такой взаимной помощи между рабочими. Это первый шагъ въ улучшеніи социальнаго быта». Второй шагъ будетъ сдѣланъ, когда «одно общество людей соединитъ свой трудъ для получения большаго количества пищи, чѣмъ сколько имъ нужно, и побудитъ этимъ другое общество соединить также и его трудъ, для произведенія большаго количества одежды, чѣмъ сколько нужно этому второму обществу, и когда затѣмъ послѣднее за пзвѣшекъ одежды купитъ пзвѣшекъ пищи перваго общества; а если оба общества вмѣстѣ произведутъ больше пищи и одежды, чѣмъ имъ обоимъ нужно, то оба они получатъ съ помощью общаго капитала, способный доставить работу новымъ рабочимъ въ новыхъ занятіяхъ». Такимъ образомъ къ простому сотрудничеству добавляется то, что Уэзфильдъ называетъ сложнымъ сотрудничествомъ. Первое есть соединеніе нѣсколькихъ рабочихъ для помощи другъ другу посредствомъ одного изъ тѣхъ же приемовъ; второе есть соединеніе нѣсколькихъ рабочихъ для помощи другъ другу распредѣленіемъ операций.

*) Примѣчанія къ сочиненіямъ Адама Смита, паданнымъ Уэзфильдомъ, томъ I ст. 21.

«Между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ существуетъ очень важное различіе. О простомъ сотрудничествѣ человѣкъ всегда знаетъ во время его осуществленія; оно очевидно для самыхъ невѣжественныхъ и непосвященныхъ людей. Свое участие въ сложномъ сотрудничествѣ до нѣкоторой степени сознаютъ только очень немногіе изъ громаднаго числа занятыхъ имъ. Причину такого различія легко видѣть. Когда нѣсколько людей занимается поднятіемъ одной и той же тяжести или тянутъ одну и ту же снасть одновременно и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, то тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что они работаютъ въ сотрудничествѣ другъ съ другомъ: этотъ фактъ запечатлѣвается въ умѣ простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда нѣсколько людей или обществъ работаютъ въ различное время, въ разныхъ мѣстахъ и надъ разными дѣлами, то ихъ сотрудничество, хотя бы даже настолько достоверное, какъ и въ первомъ случаѣ, не можетъ быть тотчасъ же замѣчено: для того, чтобы замѣтить его, нужны сложныя соображенія».

При теперешнемъ состояніи общества разведеніе и содержаніе овецъ составляетъ занятіе однихъ людей, расчесываніе шерсти, чтобы приготовить ее для пряжи, — другихъ, пряденіе — третьихъ, тканье изъ пряжи сукна — четвертыхъ, окрашиваніе сукна — пятыхъ, обращеніе въ одежду — шестыхъ, не считая множества перевозчиковъ, купцовъ, комиссіонеровъ и мелочныхъ торговцевъ, стѣлавшихся необходимыми на послѣдовательныхъ ступеняхъ этого процесса. Всѣ эти люди, не зная другъ друга или безъ предварительнаго соглашенія, сотрудничаютъ въ производствѣ окончательнаго результата — платья. Но это далеко еще не всѣ сотрудничающіе въ этомъ дѣлѣ, потому что для каждаго изъ этихъ людей нужна пища и много другихъ предметовъ потребленія, и если бы каждый изъ нихъ не могъ расчитывать, что другіе люди произведутъ все необходимое для него, то онъ не могъ бы посвятить все свое время для одной ступени въ послѣдовательномъ рядѣ операций, производящихъ единственный товаръ — одежду. Каждый человѣкъ, принимающій участіе въ производствѣ пищи и въ сооруженіи домовъ для этого ряда производителей, въ свою очередь, хотя и бессознательно, присоединяетъ свой трудъ къ ихъ труду. Черезъ это дѣйствительно, хотя и не выраженное, согласіе «общество рабочихъ, собирающее больше пищи, чѣмъ ему необходимо, можетъ вступать въ обменъ съ обществомъ рабочихъ, производящихъ больше одежды, чѣмъ имъ нужно; и если бы общества были раздѣлены разстояніемъ или нерасположеніемъ къ обмену, они не могли бы раздѣлится на двѣ различныя части всю операцію производства въ достаточномъ количествѣ пищи и одежды. Мы не беремъ того случая, когда оба они соединились бы въ одно общество для общей дѣлы — производства въ достаточномъ количествѣ одежды и пищи для всѣхъ».

§ 2. Вліяніе, оказываемое на производство раздѣленіемъ занятій, гораздо значительнѣе, чѣмъ читатель можетъ предположить на основаніи того, какимъ образомъ этотъ предметъ обыкновенно тракту-

ется. Это вліяніе не ограничивается только тѣмъ, что количество каждаго рода продуктовъ возрастаетъ, когда производство различныхъ вещей становится единственнымъ и главнымъ занятіемъ разныхъ лицъ. Истинное значеніе раздѣленія труда гораздо важнѣе. Безъ нѣкотораго раздѣленія занятій производялось бы очень мало вещей.

Предположимъ, что собраніе отдѣльныхъ лицъ или нѣсколькихъ семействъ работаетъ совершенно одинаковымъ образомъ: каждое семейство поселилось на кускѣ собственной земли, на которомъ своимъ трудомъ добываетъ пищу, необходимую для существованія; и такъ какъ въ мѣстности, гдѣ живутъ всѣ производители, нѣтъ покупателя на излишекъ продукта, то каждая семья должна будетъ произвести у себя всѣ другіе предметы, ею потребляемые. При такихъ обстоятельствахъ, если почва достаточно плодородна и населяющихъ обстоятельствъ, если почва достаточно быстро по сравненію со среднимъ не будетъ возрастать слишкомъ быстро по сравненію со средними ствами существованія, здѣсь, безъ сомнѣнія, появятся нѣкоторыя заманчивыя производства: одежда для семьи, вѣроятно, будетъ выпроизведена и соткана трудомъ женщины (первый шагъ къ раздѣленію занятій), а извѣстнаго рода жилище будетъ построено и будетъ поддерживаться къ исправности ихъ соединеннымъ трудомъ. Но едва ли семья можетъ произвести еще что-нибудь, кромѣ простой пищи. (къ тому же неизбежной, влѣдствіе переменъ погоды), грубой одежды и очень несовершеннаго жилища. Да и для этого ей понадобится чрезвычайныя усилія. Даже возможность для этихъ людей добывать пищу изъ земли будетъ сдерживаться въ узкихъ границахъ качествомъ ихъ орудій, которыя необходимо будутъ самаго низкаго качества. Почти всякая работа съ цѣлью производства для собственнаго потребленія предметовъ удобства и роскоши потребовала бы слишкомъ много времени и часто присутствія во многихъ мѣстахъ. Поэтому тутъ существовало бы очень мало различныхъ видовъ промышленности, и тѣ, которые существовали бы, а именно производство предметовъ необходимости, были бы въ высшей степени неудовлетворительными, не только не отъ несовершенства орудій, но и потому, что пока почва и поддерживаемое ею домашнее производство въ достаточномъ изобиліи удовлетворяютъ необходимымъ потребностямъ каждой семьи, пока число членовъ семьи остается одно и то же, до тѣхъ поръ было бы мало побужденій заставлять землю или трудъ производить что-нибудь сверхъ этого количества. Но предположимъ, что произошло событіе, которое равнялось бы перевороту въ положеніи этого маленькаго поселенія.

Предположимъ, что группа ремесленниковъ, снабженныхъ орудіями и пищей, достаточной для прокормленія ихъ въ продолженіе года, является въ эту страну и поселяется среди ея населенія. Эти новые поселенцы занимаютъ производствомъ предметовъ потребленія или украшеній, приспособленныхъ къ вкусамъ простаго народа; и раньше, чѣмъ истощился ихъ пища, они произвели этихъ предметовъ достаточное количество и готовы обмѣнять ихъ

на новый запас пшцы. Экономическое положение земледельческаго населенія теперь весьма существенно измѣнилось. Имъ представляется случай пріобрѣтать предметы удобства и роскоши. Теперь эти вещи, которыхъ они никогда не могли бы получить съ помощью своего собственнаго труда, становятся доступными для нихъ, если они успѣютъ произвести лишнее количество пшцы и предметовъ необходимости. Такимъ образомъ побуждается земледѣльческое населеніе увеличивать производительность своей промышленности. На первое время между предметами, сдѣлавшимися доступными для нихъ, вѣроятно, будутъ и лучшія орудія, а кромѣ того у нихъ появятся побуждающая причина работать болѣе старательно и прилагать всякія изобрѣтенія, чтобы сдѣлать свой трудъ болѣе усиленнымъ. Этимъ способомъ они, вѣроятно, достигнуть того, что ихъ земля будетъ производить не только пшцу для нихъ самихъ, но и излишекъ для новыхъ пришельцевъ, съ помощью которыхъ они будутъ покупать продукты промышленности этихъ пришельцевъ. Новые поселенцы составляютъ то, что называется «рынкомъ» для излишка земледѣльческихъ продуктовъ, и ихъ прибытіе обогатило поселеніе не только мануфактурными товарами, произведенными ими, но и пшцей, которая не была бы произведена, если бы ихъ не было тамъ для потребленія ея.

Но между этимъ ученіемъ и положеніемъ, защищаемымъ нами раньше, — что рынокъ для товаровъ не составляетъ занятія для труда, — имѣтъ противорѣчія*). Трудъ земледѣльцевъ имѣтъ применение и раньше; возможностью содержать самихъ себя они не были обязаны спросу со стороны вновь пришедшихъ. Этотъ спросъ дѣлаетъ для нихъ только то, что онъ вызываетъ ихъ трудъ къ большей энергіи и дѣятельности, побуждаетъ ихъ новыми поводами къ новымъ усиленіямъ. Также и новые пришельцы не обязаны своимъ процольствиемъ спросу со стороны земледѣльцевъ; имѣя запасъ пшцы на цѣлый годъ, они могли бы поселиться бокъ о бокъ съ прежними жителями и произвести, какъ и эти послѣдніе, ограниченныи запасъ пшцы и предметовъ необходимости.

Тѣмъ не менѣе мы видимъ, какое величайшее значеніе для производительности труда производителей составляетъ существованіе другихъ производителей, доступныхъ для первыхъ и занимающихся инымъ видомъ промышленности. Возможность обмѣнивать продукты одного рода труда на продукты другого представляетъ условіе, безъ котораго количество всего труда было бы всегда меньше. Когда открывается новый рынокъ для какихъ-нибудь продуктовъ промышленности и, поэтому, производится большее количество извѣстныхъ товаровъ, то увеличеніе этого производства не всегда получается въ ущербъ какому-нибудь другому; оно нередко бываетъ вновь создано и составляетъ результатъ труда, который иначе остался бы въ бездѣйствіи, или результатъ помощи оказан-

*) См. выше, гл. V, § 9.

ной труду улучшеніями или способами сотрудничества, къ которымъ не прибѣгали бы, если бы, не явилось побужденіе собрать большее количество продукта.

§ 3. Изъ этихъ разсужденій видно, что страна едва ли будетъ имѣть производительное земледѣліе, если въ ней не будетъ большого городского населенія или еднотвенной достаточной замѣны послѣдняго — обширной вывозной торговли земледѣльческими продуктами, для удовлетворенія потребностей другихъ странъ. Я употребляю выраженіе «городское населеніе» для краткости, подразумевая населеніе неземледѣльческое, которое обыкновенно сосредоточивается въ городахъ и большихъ деревняхъ, ради сочетанія труда. Примѣненіе этой истины Уэксфильдомъ къ теоріи колонизаціи возбуждало сильное вниманіе, и безъ сомнѣнія, оно будетъ возбуждать еще большее. Въ этомъ заключается одно изъ великихъ практическихъ открытій, которыя, послѣ того, какъ они совершены, представляются настолько очевидными, что заслуга сдѣлавшихъ ихъ кажутся меньше, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности. Уэксфильдъ первый указалъ, что способъ учрежденія новыхъ колоній, обыкновенно практиковавшійся въ то время и состоявшій въ томъ, что множество семействъ, запятыхъ однимъ и тѣмъ же видомъ промышленности, поселялись бокъ о бокъ каждое на отдѣльномъ участкѣ земли, — этотъ способъ хотя при благоприятныхъ обстоятельствахъ и могъ обезпечить этимъ семьямъ изобиліе грубыхъ предметовъ первой необходимости, но для большого производства или быстрого увеличенія его онъ бывалъ всегда неблагоприятныхъ. Уэксфильдъ въ своей системѣ предлагаетъ такое устройство, которое бы обезпечивало прежде всего для каждой колоніи городское населеніе, находящееся въ требуемой пропорціи къ ея земледѣльческому населенію, а также требуетъ, чтобы земледѣльцы не были слишкомъ разбросаны, такъ какъ иначе они, по дальности разстоянія, будутъ лишены той выгоды, какую представляетъ городское населеніе, служащее рынкомъ для земледѣльческихъ продуктовъ. Принципы, на которыхъ основана эта система, не заимствовать ни отъ какой теоріи, приписывающей высшую производительность земли, находящейся въ крупныхъ владѣніяхъ и обрабатываемой наемнымъ трудомъ. Предположимъ, что дѣйствительно земля приноситъ наибольшее количество продуктовъ, когда она раздѣлена на малые участки и обрабатывается крестьянами-собственниками: тогда именно и было бы необходимо городское населеніе, чтобы побудить собственниковъ собирать этотъ излишекъ продуктовъ; если же эти собственники будутъ слишкомъ удалены отъ ближайшаго сосредоточія неземледѣльческой промышленности, для того чтобы пользоваться ею, какъ рынкомъ для сбыта своихъ излишковъ, и этимъ удовлетворять свои другія потребности, то ни этотъ излишекъ, ни что-нибудь взаменъ его, вообще говоря, не будетъ произведено.

Так, например, в такой стране, как Индия, недостаток городского населения больше всего ограничивает успешность такой производительной деятельности. Земледелие в Индии всецело ведется по системе мелких владений; но в нем есть значительное сосуществование труда. Сельские учреждения и обывки, составляющие действительную основу индийского общества, предписывают совместные работы во всех случаях, когда это кажется необходимым; во всех же случаях, когда жители не в состоянии выполнить их, правительство (если только оно удовлетворительно) приходит им на помощь и сооружает на средства из своих доходов, соединенным трудом, водохранилища, плотины и необходимые приращивающие работы. Однако орудия и приемы земледелия так плохи, что, не смотря на большое естественное плодородие почвы и в высшей степени благоприятный климат для растительности, продукт земледелия чрезвычайно мал; а между тем земля может доставлять пищу в изобилии для населения гораздо большего, чем теперь, без уничтожения системы мелких владений. Но для этого необходимо побуждение, которое могло бы доставить большое городское население, соединенное с деревенскими округами легкими и недорогими путями сообщения. С другой стороны, городское население не развивается, потому что незначительное количество потребностей и отсутствие предприимчивости в земледельцах (в соединении, до последнего времени, с большою необеспеченностью собственности от военного и правительственного хищничества) мешает посланным стать потребителями городских продуктов. При таких обстоятельствах ближайшая возможность быстрого развития производительных средств Индии заключается в быстром увеличении вывоза ее сельскохозяйственных продуктов (хлопка, индиго, сахара, кофе и т. д.) на европейские рынки. Производители этих товаров будут потребителями пищи, доставляемой им земледельцами в Индии, и открывшийся вследствие этого рынок для излишка пищи, в соединении с хорошим управлением, постепенно будет возбуждать более обширные потребности и желания, направленные или на европейские товары, или же на вещи, для производства которых в Индии потребуются большее число фабричного населения.

§ 4. Итак, разделение занятий есть такая форма сочетания труда, без которой не могли бы существовать первоначальные зачатки промышленной цивилизации. Но когда это разделение вполне установилось, когда сделалось общим обыкновением, чтобы каждый производитель снабжал много других оным товаром и чтобы другие, в свою очередь, снабжали его большою частью потребляемых им вещей, то является основание не менее существенное, хотя и менее настоятельное, для дальнейшего расширения того же самого принципа. Признано, что производительная сила труда увеличивается, если разделение будет идти все дальше и дальше, т. е. если всякий промышленный процесс будет все бо-

лее и более раздробляться на части, так что каждый рабочий будет ограничиваться все меньшим числом простых операций. Итак, постепенно возникают те замечательные случаи так называемого разделения труда, с которыми знакомы все читатели, занимающиеся этим предметом. Примером булавочного производства, приведенный Адамом Смитом, хотя он весьма известен, так хорошо объясняет это явление, что я решаюсь еще раз повторить его. «Процесс производства булавок разделяется почти на 18 особым операциям. Один человек вытягивает проволоку, другой выпрямляет ее, третий ржет, четвертый заостряет, пятый сплюсывает ее вверху, для прикрепления головки; приготовление головки требует двух или трех отдельных операций; насаживание головки также есть особенное занятие; чистка булавок совершается отдельно; даже вкалывание их в бумагу составляет отдельное ремесло... Я видел небольшую фабрику, где работало только десять человек и где, поэтому, некоторые из них выполняли по две и по три различные операции. И хотя они были очень бедны, и поэтому необходимые машины у них были очень редки, и поэтому необходимые машины у них были очень редки, все же они могли при старании приготовить все вместе около двенадцати фунтов булавок в день. Один фунт содержит больше четырех тысяч булавок средней величины. Итак, эти десять человек могут приготовить вместе больше 48000 булавок в день, а следовательно можно считать, что каждый человек, дая десятую часть 48000, приготовляет в день 4800 булавок. Но если бы все они работали отдельно и самостоятельно и если бы каждый из них не был обучен своему специальному занятию, то, без сомнения, каждый из них не сделал бы и двадцати булавок в день, а может быть — и ни одной».

Сэ приводит еще более яркий пример влияния разделения труда, хотя и не из очень важной отрасли промышленности. — Из производства картонных карт. «Люди, занимающиеся этим производством, говорят, что каждая карта, т. е. кусок картона, по своей величине равняющийся листу рупа, до поступления своего в продажу, должна претерпеть не менее семидесяти операций, каждая из которых может служить занятием для отдельного класса рабочих. И если на каждой картонной фабрике нет семидесяти разрядов рабочих, так что один и тот же рабочий выполняет по две, по три и четыре различные операции, то это только потому, что разделение труда не доведено до той степени, какой оно могло бы достигнуть. Влияние такого разделения занятий громадно. Я видел картонную фабрику, на которой 30 человек производили ежедневно 15500 карт, что составляет больше 500 карт на каждого рабочего; между тем можно предположить, что если бы каждый из этих рабочих был принужден исполнять всю эту работу самостоятельно, даже допустив у него навык, то он, вероятно, не обончал бы и двух карт в день; а тридцать

рабочихъ, вмѣсто 15500 картъ, сдѣлали бы только 60 штукъ *). Относительно производства часовъ, какъ замѣчаетъ Баббеджъ, «было показано передъ комитетомъ палаты общины, что въ немъ существуютъ 102 различныя отрасли, въ каждую изъ которыхъ можно отдавать мальчиковъ въ ученики, и что послѣдніе учатся только занятію своего учителя и по окончаніи срока ученія не способны, безъ послѣдующаго обученія, работать въ какой-нибудь другой отрасли. Часовой мастеръ (watch finisher), занятіе котораго состоитъ въ собираніи разрозненныхъ частей, только одинъ изъ 102 человекъ можетъ работать во всякомъ другомъ отдѣлѣ, кромѣ своего **).

§ 5. Причины большей успѣшности, доставляемой труду раздѣленіемъ занятій, принадлежатъ къ столь обыкновеннымъ, что не требуютъ подробнаго объясненія; но все же слѣдуетъ попытаться сдѣлать полное перечисленіе ихъ. Адамъ Смитъ сводитъ ихъ къ тремъ видамъ: «первое—увеличеніе ловкости у каждаго отдѣльнаго рабочаго, второе — сохраненіе времени, обыкновенно теряемаго при переходѣ отъ одного вида работы къ другому. и, наконецъ,—изобрѣтеніе множества машинъ, которыя облегчаютъ и сокращаютъ трудъ и даютъ возможность одному человѣку выполнять работу многихъ лицъ».

Изъ этихъ причинъ, увеличеніе ловкости отдѣльныхъ рабочихъ будетъ самой очевидной и всеобщей. Изъ этого не слѣдуетъ, что вещь будетъ производиться лучше оттого, что она будетъ производиться чаще; это зависитъ отъ внимательности рабочаго и отъ того, на сколько его умъ будетъ участвовать въ работѣ его рукъ. Но производство вещи будетъ легче, потому что сами органы приобретаютъ большую силу; работающіе мускулы отъ постояннаго упражненія становятся крѣпче, члены гибче и умственныя способности болѣе дѣятельными и менѣе подверженными усталости. А, конечно, то, что можетъ быть сдѣлано легче, вѣроятнѣе, будетъ сдѣлано лучше и, навѣрное, скорѣе. То, что прежде дѣлалось медленно, теперь дѣлается быстро; то, что прежде дѣлалось медленно съ аккуратностью, то и теперь дѣлается съ такою же аккуратностью, но быстро. Это справедливо какъ относительно умственныхъ, такъ и относительно физическихъ операций. Даже дитя, послѣ достаточнаго упражненія, складываетъ столбцы цифръ настолько быстро, какъ будто бы угадываетъ ихъ сумму. Говорить на какомъ-нибудь языкѣ, читать бѣгло или разобрать по нотамъ, все это—примѣры столь же замѣчательные, какъ и обыкновенныя; между физическими дѣйствіями—танцы, гимнастическія упражненія, легкое

*) Say: „Cours d'Economie Politique Praticue“ vol. I, p. 340.

Замѣчательнымъ доказательствомъ сохраненія труда, вслѣдствіе этого мелкаго раздѣленія занятій, служитъ то, что товаръ, производство котораго требуетъ такого множества ручныхъ операций, можетъ продаваться по такой ничтожной цѣнѣ.

***) Economy of Machinery and Manufactures, 3 edition, p. 201.

и блестящее исполненіе на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ служатъ примѣрами быстроты и легкости, приобретаемой повтореніемъ. Въ болѣе простыхъ ручныхъ операцияхъ этотъ результатъ, безъ сомнѣнія, достигается еще скорѣе. «Быстрота, замѣчаетъ Адамъ Смитъ, съ какою выполняются нѣкоторыя операции въ извѣстныхъ фабричныхъ производствахъ, для людей, никогда не видавшихъ ихъ, превышаетъ все, что они могли бы предположить возможнымъ для человеческихъ рукъ» *). Повѣрно, что эта ловкость достигается тѣмъ скорѣе, тѣмъ дальнѣе проведено раздѣленіе труда, и высокая степень ея вовсе не будетъ достигнута рабочими, если они будутъ выполнять такое число различныхъ операций, что не будутъ имѣть возможности достаточно часто повторять каждую изъ нихъ. Но выгода не ограничивается тѣмъ, что въ концѣ концовъ трудъ становится болѣе успѣшнымъ; къ ней также относится меньшая потеря времени и порча матеріаловъ при обученіи ремеслу. «Извѣстное количество матеріаловъ, говоритъ Баббеджъ **), будетъ, во всякомъ случаѣ, потреблено производительно или испорчено каждымъ человѣкомъ, обучающимся ремеслу; и всякій разъ, какъ онъ будетъ приниматься за новое производство, онъ испортитъ нѣкоторое количество сырого матеріала или полуобработаннаго товара. Но если каждый человѣкъ дѣлаетъ эту погрѣшность, послѣдовательно научаясь разнымъ процессамъ производства, то количество этой погрѣшности будетъ гораздо больше того, чѣмъ если бы каждый человѣкъ сосредоточилъ свое вниманіе на одномъ процессѣ. И вообще каждый скорѣе приобретаетъ навыкъ въ исполненіи своего одного процесса, если во время обученія не будетъ отвлекаться необходимостью учиться другимъ процессамъ».

Что касается второй выгоды, происходящей отъ раздѣленія труда, указанной Адамомъ Смитомъ, то я не могу не думать, что на ея доказательство потрачено имъ и другими больше силъ, чѣмъ она того заслуживаетъ. Чтобы отдать полную справедливость его мнѣніямъ, я приведу его собственное объясненіе, касающееся ея. «Выгода, получаемая сохраненіемъ времени, обыкновенно теряемаго при переходѣ отъ одного рода работы къ другому, гораздо значи-

*) При астрономическихъ наблюденіяхъ чувства астронома отъ упражненія обостряются настолько, что онъ можетъ измѣрять разницу во времени до десятыхъ долей секунды и устанавливать употребляемый имъ при измѣреніи инструментъ по дѣленіямъ, 5000 которыхъ занимаютъ только одинъ дюймъ. То же самое происходитъ и во всѣхъ самыхъ обыкновенныхъ мануфактурныхъ процессахъ. Дитя, пасажирующее головы на булавки, будетъ нѣсколько часовъ подъ рядъ повторять операцію, требующую въ минуту около ста отдѣльныхъ мускульныхъ движеній. Недавно въ одной манчестерской газетѣ было замѣчено, что особенный сортъ пряжи (gimp), приготовленіе котораго стоило въ началѣ производства три шиллинга, теперь готовится за одинъ пенни; и это произошло не какъ обыкновенно, отъ изобрѣтенія новой машины, но исключительно отъ увеличенія ловкости рабочихъ». Edinburgh Review, январь 1849 г., стр. 81.

**) Стр. 171.

продолжать ее долго. Но въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, хотя природное различіе и вліяетъ до нѣкоторой степени, привычка важнѣе всего. Привычка быстро переходить отъ одного занятія къ другому можетъ приобретаться, какъ и другія, раннимъ упражненіемъ, а разъ она приобретена, ужь постѣ каждой перемены не будетъ потери времени, о которой говоритъ Адамъ Смитъ, не будетъ недостатка въ энергіи и интересѣ; напротивъ, рабочій будетъ приступать къ каждой части своихъ занятій со свѣжестью и бодростью, которыхъ онъ не сохранилъ бы, исключая случаевъ необыкновеннаго возбужденія, если бы онъ оставался за одной работою больше того времени, къ какому онъ привыкъ. Женщины (по крайней мѣрѣ, при ихъ настоящемъ социальномъ положеніи) обыкновенно гораздо болѣе способны ко всякимъ переменамъ, чѣмъ мужчины; в настоящій взглядъ служитъ однимъ изъ множества примѣровъ того, насколько мало понятія и опыта женщины до сихъ поръ принимались въ расчетъ при составленіи общихъ мнѣній. Мало найдется женщинъ, которыя бы не отвергли того мнѣнія, что работа становится энергичнѣе отъ продолженія ея, и на нѣкоторое время становится неуспѣшной при переходѣ къ новому занятію. Но я думаю, что даже и въ этомъ случаѣ различіе болѣе зависить отъ разницы привычекъ, чѣмъ отъ природныхъ особенностей мужчинъ и женщинъ. Изъ каждыхъ десяти мужчинъ девять заняты спеціальнымъ дѣломъ, тогда какъ изъ каждыхъ десяти женщинъ занятія девяти заключаютъ въ себѣ множество мелочей, каждая изъ которыхъ требуетъ очень мало времени. Женщины постоянно упражняются въ быстромъ переходѣ отъ одной ручной работы, и даже еще скорѣе—отъ одной мысли къ другой; вѣдствие этого такой переходъ рѣдко бываетъ сопряженъ для нихъ съ усиленіемъ и съ потерей времени, между тѣмъ какъ занятіе мужчины состоитъ въ постоянной и долгой работѣ надъ одною вещью или надъ извѣстнымъ рядомъ вещей. Но положеніе иногда бываетъ обратное, а съ нимъ мѣняется и характеръ. Женщины признаются не менѣе мужчинами способными къ однообразію фабричной работы, иначе ихъ трудомъ не пользовались бы такъ широко; и мужчина, развившій въ себѣ привычку заниматься многими дѣлами, вовсе не будетъ вилымъ и лѣнливымъ человекомъ, какъ описываетъ Адамъ Смитъ; напротивъ, онъ обыкновенно бываетъ замѣчательно живымъ и дѣятельнымъ. Но совершенно вѣрно, что перемена занятій можетъ быть слишкомъ часта даже для наиболѣе привыкшихъ къ переменамъ. Безпрестанныя перемены даже болѣе утомительны, чѣмъ постоянное однообразіе.

Третья выгода, приписываемая Адамомъ Смитомъ раздѣленію труда, до нѣкоторой степени дѣйствительно существуетъ. Изобрѣтенія, способствующія сбереженію труда въ отдѣльныхъ операціяхъ, вѣроятно, тѣмъ скорѣе придутъ кому-нибудь на умъ, чѣмъ сильнѣе его мысли направлены на это занятіе и чѣмъ постояннѣе онъ работаетъ надъ нимъ. Мало вѣроятна, чтобы человекъ сдѣлалъ прак-

тическое улучшеніе въ какой-нибудь части производства, если его вниманіе отвлекается чѣмъ-нибудь другимъ. Но возможность изобрѣтенія гораздо болѣе зависить отъ общихъ способностей и привычной дѣятельности ума, чѣмъ отъ исключительности занятій, и если эта исключительность доходитъ до размѣровъ, неблагоприятныхъ для развитія умственныхъ способностей, то для этого рода выгоды тутъ будетъ больше потеря, чѣмъ выигрыша. Мы должны прибавить, что, какова бы ни была причина изобрѣтенія, но разъ оно сдѣлано, увеличеніе успѣшности труда превосходитъ отъ самаго изобрѣтенія, а не отъ раздѣленія труда. Величайшая выгода (слѣдующая за ловкостью рабочихъ), происходящая отъ дробнаго раздѣленія труда, которое употребляется въ современномъ фабричномъ производствѣ, не упоминается Адамомъ Смитомъ, но обратила вниманіе Баббеджа. Эта выгода заключается въ болѣе экономномъ распредѣленіи труда, вѣдствие раздѣленія рабочихъ на классы по ихъ способностямъ. Различныя части одного же ряда операцій требуютъ неодинаковой степени ловкости и физической силы; и тѣ, кто имѣетъ достаточно ловкости для самыхъ трудныхъ, или физической силы для самыхъ тяжелыхъ частей труда, будутъ гораздо болѣе полезны, если будутъ заниматься исключительно этими частями, тогда какъ операціи, къ которымъ способенъ всякій, оставляются людямъ, неспособнымъ ни къ какому другому. Производство наиболѣе успѣшно, когда на каждую стадію его употребляется именно требуемое, а не большее количество труда или ловкости. Производство булавокъ требуетъ въ разныхъ своихъ частяхъ столь различной степени ловкости, что заработная плата, получаемая людьми, занятыми имъ, измѣняется отъ 4½ до 6 шиллинговъ въ день; и если бы рабочій, получившій наивысшую плату, долженъ былъ выполнять всѣ части производства, то часть этого времени онъ работалъ бы съ потерей въ день, равной разницѣ между 6 шиллингами и 4½ пенсами. Но касаясь потери, происшедшей въ количествѣ произведенной работы, въ то же время, въ какое десять рабочихъ соединеннымъ трудомъ сдѣлаютъ 10 фунтовъ, Баббеджъ вычисляетъ, что производство булавокъ будетъ стоить въ три и три четверти раза дороже того, что оно стоить теперь при раздѣленіи труда. Въ производствѣ шлоковъ, приспособляемыхъ онъ, разниця была бы еще больше, потому что размѣръ вознагражденія за различныя части процесса этого производства измѣняется отъ 6 пенсовъ до 20 шиллинговъ въ день.

Къ выгодамъ, заключающимся въ возможно большемъ извлеченіи количества пользы изъ ловкости рабочаго, можно прибавить аналогичную ей выгоду, заключающуюся въ извлеченіи возможно большей пользы изъ инструментовъ. Если бы какой-нибудь человекъ, говоритъ одинъ талантливый писатель *), имѣлъ всѣ инстру-

*) Statement of some New Principles on the subject of Political Economy, by John Rae (Boston, U. s.), p. 164.

менты, необходимые для многих различных занятий, то, по крайней мере, три четверти их оставались бы постоянно незанятыми и бесполезными. Очевидно, если бы существовало такое общество, в котором каждый рабочий имел бы все необходимые инструменты и поочередно производил бы все соответствующия им занятия, то было бы выгодно членам общества, если возможно, разделить все эти инструменты между собою и каждому ограничиться одним особым делом. Выгоды от этой перемены для всего общества, а потому и для каждого отдельного лица, очень велики. Во-первых, различные инструменты, находясь в постоянном употреблении, будут приносить гораздо больший доход на сумму, потраченную для их приобретения. А вследствие этого их собственники получат возможность иметь их лучшего качества и более совершенного устройства. Результатом этих обеих последствий будет большее производство запасов для будущих потребностей всего общества.

§ 6. Разделение труда, как замечают все писавшие о нем, ограничивается размерами рынка. Если при разделении булавоочного производства на десять различных занятий ежедневно может быть произведено 48000 булавок, то это разделение будет только тогда уместно, когда возможное число покупателей таково, что будет требовать ежедневно приблизительно около 48000 булавок. Если же спрос ограничивается только 24000, то разделение труда может быть с выгодой доведено лишь до такого размера, при котором ежедневно будет производиться это меньшее число. Тут мы видим еще новый способ, каким увеличение спроса на товары влияет на увеличение успешности труда, затрачиваемого на их производство. Размеры рынка могут ограничиваться различными причинами: недостаточностью населения, слишком большой разбросанностью и удаленностью его, при которой оно мало доступно, несовершенством дорог и важных путей сообщения и, наконец, большой бедностью населения, которая происходит оттого, что труд жителей настолько неуспешен, что не позволяет им стать крупными потребителями. Поэтому труд, недостаток ловкости и недостаток сочетания труда между людьми, которые могли бы при других обстоятельствах стать покупателями товаров, ограничивает возможное количество сочетаний труда между производителями этих товаров. В раннем периоде цивилизации, когда спрос всякой особой местности, по необходимости, был мал, промышленность процветала лишь в тех местностях, которые, обладая морским берегом или судоходной рекой, могли иметь рынок для своих произведений весь свет или часть его, лежащую по берегам морей или судоходных рек. Увеличение всеобщего богатства на земном шаре, когда оно сопровождается свободой коммерческих сношений, улучшениями в мореплавании и во внутренних сообщениях по дорогам, каналам или рельсовым путям, способствует увеличению производительности труда всякой нации в частности, доставляя возможность каж-

дой местности снабжать своими специальными продуктами настолько большой рынок, что обильным средством этого является усиленное разделение труда в местных производствах.

Разделение труда также во многих случаях ограничивается самым свойством производства. Например, земледелие не способно к такому большому разделению труда, как многие отрасли фабричного производства, потому что разные операции земледелия не могут производиться одновременно. Один человек не может постоянно пахать, другой сжать, третий — жать. Работник, занимающийся только одной земледельческой операцией, был бы праздным одиннадцать месяцев в году. Один и тот же человек может последовательно выполнять все эти операции и почти во всяком времени. Для выполнения остальных достаточное количество свободного времени. Для выполнения больших земледельческих улучшений нередко бывает необходимо, чтобы много рабочих работало вместе, но вообще, за исключением людей, занятых при сборе, все они работают одним и тем же способом. Канал или железнодорожная насыпь не могут быть устроены без соединения множества рабочих, но, за исключением инженера и нескольких приказчиков, все они будут землекопальщиками.

ГЛАВА IX.

Производство в больших и производство в малых размерах.

§ 1. Из важности сочетания труда вытекает совершенно очевидное заключение, что во многих случаях производство становится гораздо успешнее, когда ведется в широких размерах. Во всяком случае, если для большей успешности труда необходимо, чтобы множество рабочих соединились даже хотя бы по способу простого содружества, то размеры предприятия должны быть таковы, чтобы соединить много рабочих вместе, и капитал должен быть достаточно велик для того, чтобы содержать их. Это еще более необходимо, когда характер производства допускает еще большее разделение труда, а возможный размер рынка требует его выгодным. Чем обширнее предприятие, тем дальше может идти разделение труда. В этом и заключается одна из главных причин, почему существуют большие фабрики. Если бы за расширением операций даже и не следовало нового подразделения работ, то и тогда было бы гораздо экономнее расширить эти операции настолько, чтобы каждый человек, которому выгодно поручить специальное дело, был вполне занят им. Этот пункт прекрасно разъяснил Бабедж (*). «Если машины работают в продолжение двадцати часов» (что, очевидно, будет единствен-

*) Стр. 214 и след.

нымъ экономическимъ способомъ пользованія ими, «то необходимо, чтобы кто-нибудь присутствовалъ при пропускѣ рабочихъ, когда они мѣняютъ одинъ другого. И пропуститъ ли привратникъ или другой служащій, занимающійся этимъ дѣломъ, одного человѣка или двадцать, его покой будетъ одинаково нарушенъ. Такъ же временамъ необходимо будетъ вывѣрять и починять машину: и это гораздо лучше будетъ исполняться рабочимъ, опытнымъ въ машиностроеніи, чѣмъ человекомъ, работающимъ на машинѣ. Даже, такъ какъ хорошая работа и долговѣчность машинъ въ сильной степени зависятъ отъ исправленія каждаго поврежденія или недостатка въ ихъ частяхъ, какъ только они обнаружатся, то постоянное наблюдение рабочаго, находящагося тутъ же, значительно сократитъ расходы, происходящія отъ пзваниванія механизма. Но на фабрикахъ съ однимъ ткацкимъ станкомъ или одною вязальной машиною это было бы слишкомъ дорого. Въ этомъ заключается другое обстоятельство, способствующее расширенію размѣровъ фабрикъ. Она должна состоять изъ такого числа машинъ, содержаніе которыхъ въ порядкѣ занимало бы все время одного рабочаго; а если число машинъ будетъ еще увеличено, тотъ же принципъ экономности укажетъ на необходимость удвоить или утроить число машинъ, для того чтобы занять все время двухъ или трехъ опытныхъ рабочихъ.

«Когда часть труда рабочихъ состоитъ въ простомъ физическомъ напряженіи, какъ, напримеръ, при тканьи и многихъ подобныхъ работахъ, то фабриканту скоро придетъ на мысль, что если эта часть труда будетъ выполняться паровой машиной, то тотъ же человекъ можетъ, какъ, напр., при тканьи, наблюдать за двумя и болѣе станками разомъ; а такъ какъ мы уже предположили, что на фабрикѣ работаютъ одинъ или болѣе опытныхъ механиковъ, то число ткацкихъ станковъ можетъ быть такъ разсчитано, чтобы все время этихъ механиковъ было вполнѣ занято поддержаніемъ въ порядкѣ паровой машины и станковъ».

«Преслѣдуя тотъ же принципъ, фабрика постепенно настолько расширится, что расходы на освѣщеніе въ продолженіе ночи дойдутъ до значительной суммы: но при фабрикѣ уже есть люди, принадлежащіе къ ея штату, которые не спятъ всю ночь и могутъ постоянно наблюдать за освѣщеніемъ; есть также механики для постройки и исправленія всякихъ механизмовъ; поэтому приобавленіе аппарата, приготовляющаго газъ для освѣщенія фабрики, ведетъ къ новому расширенію ея и въ же время способствуетъ, уменьшеніемъ расхода на освѣщеніе, сокращенію пздержекъ всего производства и уменьшенію опасности пожара».

«Гораздо раньше, чѣмъ фабрика достигнетъ этихъ размѣровъ, будетъ признано необходимымъ учредить счетное отдѣленіе съ приказчиками, для выдачи жалованья рабочимъ и для наблюденія за тѣмъ, чтобы рабочіе являлись въ установленное время: и это отдѣленіе должно находиться въ связи съ агентами, покупающими сырые продукты и продающими готовые товары». Уплата большому количеству рабочихъ потре-

буетъ отъ этихъ приказчиковъ и счетчиковъ немногимъ больше времени и хлопотъ, чѣмъ уплата малому количеству, такъ какъ отчетность по крупнымъ сдѣлкамъ не потребуетъ значительно больше времени, чѣмъ отчетность по малымъ. Если предприятие удвоится, вѣроятно, будетъ необходимо увеличить, но, конечно, не удвоить число счетчиковъ и агентовъ по покупкѣ и продажѣ. Всякое расширеніе дѣла давало бы возможность вести его съ пропорціонально меньшимъ количествомъ труда.

По общему правилу, расходы по предпріятію ни въ какомъ случаѣ не увеличиваются пропорціонально его размѣрамъ. Возьмемъ для примѣра рядъ операций, которыя мы привыкли видѣть выполненными однимъ большимъ учрежденіемъ, а именно почтовымъ въдомствомъ. Предположимъ, что дѣло хотя бы только одной лондонской городской почты, вмѣсто того, что бы сосредоточиваться въ одномъ учрежденіи, было бы раздѣлено между нѣтью или шестью соперничавшими компаніями. Каждая изъ этихъ компаній была бы припуждена содержать почти такой же штатъ, какой теперь достаточенъ для всего дѣла, и для того, чтобы это дѣло выполнялось такъ же хорошо, какъ и теперь, каждая должна была бы устроить пріемъ и доставку писемъ во всѣхъ частяхъ города и посылать почтальоновъ въ каждую улицу и почти въ каждый переулокъ, по столько же разъ въ день, какъ это дѣлаетъ теперь почтовое въдомство. Каждая компанія должна бы была имѣть контору для полученія писемъ въ каждомъ кварталѣ, со всѣми вспомогательными приспособленіями для сбора писемъ изъ различныхъ мелкихъ конторъ и для распределенія ихъ. Сверхъ того, понадобились бы значительно болѣе число высшихъ чиновниковъ, для управленія и контроля надъ подчиненными: отъ этого не только возросли бы пздержки на жалованье этимъ ответственнымъ лицамъ, но, кромѣ того, пришлось бы удовлетворяться во многихъ случаяхъ пзшей мѣрой качества служащихъ и, такимъ образомъ, выбирать людей, неспособныхъ къ дѣлу.

При существованіи свободной конкуренціи, можно безопытно опредѣлить, что выгоднѣе въ каждомъ данномъ случаѣ: преимуществу ли, получаемыя при веденіи дѣла въ широкомъ размѣрѣ, или болѣе тщательное вниманіе и усиленный интересъ къ мелкимъ подробностямъ и потерямъ, обыкновенно встрѣчающимся въ небольшихъ предпріятіяхъ? Вездѣ, гдѣ существуютъ большія и малыя предпріятія въ одной и той же отрасли промышленности, изъ этихъ предпріятій то, которое при существующихъ обстоятельствахъ ведетъ производство съ наибольшей выгодой, будетъ въ состояніи продавать дешевле другихъ. Возможность постоянно продавать дешевле другихъ, вообще говоря, можетъ только происходить отъ увеличенія успѣшности труда, а увеличеніе успѣшности труда, когда оно получено благодаря усиленному раздѣленію труда или такой классификаціи его, которая ведетъ къ наиболѣе цѣлесообразному примѣненію искусства рабочаго, всегда даетъ возможность по-

лучать больший продукт съ того же самаго количества труда, а не только тотъ же самый продуктъ съ меньшаго количества труда; вслѣдствіе этого увеличивается не только чистый доходъ, но и валовой продуктъ промышленности. Если же не требуется увеличенія количества какихъ-нибудь товаровъ, а поэтому часть рабочихъ терять свое занятіе, то капиталъ, содержащій ихъ и дававшій имъ занятіе, также освобождается, а общій продуктъ страны увеличивается вслѣдствіе примѣненія ихъ труда въ какой-нибудь другой отрасли производства.

Другая причина существованія большыхъ фабрикъ заключается во введеніи процессовъ, требующихъ дорогихъ механизмовъ. (Сорогой механизмъ предполагаетъ большой капиталъ и употребляется лишь съ намѣреніемъ производить и съ надеждой продавать столько товара, сколько можетъ быть выработано полною силою машины. По этимъ двумъ основаціямъ, вездѣ, гдѣ употребляются дорогие механизмы, неизбежна система крупнаго производства. Но въ этомъ случаѣ возможность продавать дешевле другихъ не представляется, такъ какъ въ предыдущемъ, безошибочнаго признака пользы для производства всего общества. Возможность продавать дешевле другихъ не зависитъ отъ абсолютнаго увеличенія продукта, а отъ того, что отношеніе продукта къ издержкамъ возросло, а это послѣднее явленіе, какъ было показано въ одной изъ предыдущихъ главъ *), можетъ даже совпадать съ уменьшеніемъ ежегоднаго валового продукта. Введеніемъ машинъ оборотный капиталъ, который постоянно потребляется и воспроизводится, былъ обращенъ въ основной капиталъ, требующій только незначительнаго ежегоднаго расхода для поддержанія его, и для покрытія этого послѣдняго расхода и выручки остальнаго оборотнаго капитала производителя будетъ достаточно гораздо меньшаго количества продукта. Поэтому машины могутъ вполнѣ соответствовать интересамъ фабрикантовъ, давая имъ возможность продавать дешевле своихъ конкурентовъ, хотя этимъ можетъ вызываться не увеличеніе, а сокращеніе производства страны. Правда, товаръ будетъ продаваться дешевле, и посему одного этого товара, вѣроятно, будетъ продано не меньше, а большее количество. такъ какъ потеря общества всецѣло пала на рабочихъ, которые — не главные потребители или даже вовсе не потребители большей части фабричныхъ изделий. Но хотя извѣстная отрасль промышленности можетъ расширяться, это расширение будетъ происходить вслѣдствіе того, что уменьшившійся оборотный капиталъ ея будетъ пополняться изъ оборотнаго капитала всего общества, и если рабочіе въ этой отрасли промышленности пзбѣгутъ потери занятія, то только потому, что потеря распространится на всѣхъ рабочихъ вообще. Если нѣкоторые изъ нихъ были доведены до положенія непродуцательныхъ рабочихъ, существующихъ насчетъ добровольной или официальной благотворительно-

*) См. выше, гл. VI, § 9.

сти, то валовой доходъ страны соответственно уменьшится на нѣкоторое время до тѣхъ поръ, пока обыкновенный ростъ накопленія не возстановитъ его размѣровъ. Но если положеніе рабочаго класса даетъ ему возможность вынести временное уменьшеніе заработной платы, и рабочіе, оказавшіеся лишними, находятъ себѣ занятіе въ другихъ производствахъ, то ихъ трудъ все же остается производительнымъ, и убыль въ валовомъ доходѣ общества будетъ пополнена, хотя и не безъ ущерба для рабочихъ. Я повторяю эту мысль, уже изложенную мною раньше для того, чтобы сильнѣе запечатлѣть ту истину, что способъ производства, дающій возможность продавать нѣкоторые товары дешевле, не всегда увеличиваетъ производительность всей суммы труда общества. Одно слѣдствіе обыкновенно сопровождается другимъ, но все же не обязательно. Я не буду повторять доводовъ, сдѣланныхъ мною раньше, и не стану спорить съ тѣми изъ нихъ, которые впоследствии будутъ представлены полнѣе, для того чтобы доказать, что это исключеніе представляетъ скорѣе отвлеченно возможный случай, чѣмъ часто встрѣчающійся въ дѣйствительности фактъ.

Значительная часть сбереженія труда, вслѣдствіе замѣны мелкаго производства крупнымъ, состоитъ въ сбереженіи труда самихъ капиталистовъ. Если сто производителей съ небольшимъ капиталомъ ведутъ одинаковыя предпріятія, то управленіе каждымъ предпріятіемъ, вѣроятно, потребуетъ всего вниманія лица, ведущаго его, или, по крайней мѣрѣ, помѣншаетъ ему располагать своимъ временемъ и мыслями для какихъ-нибудь другихъ занятій: между тѣмъ какъ одинъ фабрикантъ, обладающій капиталомъ, равнымъ суммѣ какъ однихъ фабрикантовъ, облачающій приказчиками многихъ капиталовъ, съ десятью или двѣнадцатью приказчиками можетъ вести дѣло, равное суммѣ ихъ предпріятіи, и имѣть достаточно свободнаго времени для другихъ цѣлей. Правда, мелкіе капиталисты обыкновенно съ дѣломъ управленія соединяютъ извѣстную долю мелкихъ занятій, которую большіе капиталисты предоставляютъ своимъ подчиненнымъ: мелкій фермеръ самъ работаетъ своимъ плугомъ, мелкій продавецъ самъ работаетъ въ своей лавкѣ, мелкій ткачъ самъ трудится надъ своимъ станкомъ. Но самое это соединеніе обязанностей въ большинствѣ случаевъ бываетъ не экономно. Хозяинъ предпріятія или растратываетъ на всякія мелочи дѣла качества, пригоднаго для управленія имъ, или онъ только способенъ на эти мелочи и, потому, дурно ведетъ это дѣло. Но я долженъ замѣтить, что я не придаю этому сбереженію труда той важности, какая часто приписывается ему. Безъ сомнѣнія, гораздо больше тратится труда на надзоръ за многими мелкими капиталами, чѣмъ на надзоръ за однимъ крупнымъ; но за этотъ трудъ мелкіе производители получаютъ обыкновенно полное вознагражденіе въ сознаніи, что они сами себѣ господа, а не слуги какого-нибудь хозяина. Можно сказать, что если они оцѣнятъ эту независимость, они согласятся платить за нее извѣстную цѣну, продавая свой товаръ дешевле, вслѣдствіе соперничества крупныхъ куп-

цовъ или фабрикантовъ. Но не всегда удается дѣлать это и продолжать зарабатывать свое пропитаніе. Такимъ образомъ, они постепенно исчезаютъ изъ общества. Потребивъ свой небольшой капиталъ на продолженіе безуспѣшной борьбы, они переходятъ или въ положеніе наемныхъ рабочихъ, или попадаютъ въ зависимость отъ чужой помощи.

§ 2. Производству въ большихъ размѣрахъ еще болѣе помогаетъ способъ составленія большого капитала—соединеніемъ множества мелкихъ взносовъ, или, другими словами, образованіе акціонерныхъ компаній. Преимущества акціонерныхъ принциповъ многочисленны и важны.

Во-первыхъ, многія предпріятія требуютъ размѣровъ капитала превышающихъ средства самыхъ богатыхъ людей или частныхъ товариществъ. Никакой богатъ не могъ бы построить желѣзной дороги отъ Лондона до Ливерпуля. Сомнительно даже, могъ ли бы кто-нибудь вести эксплуатацію ея, послѣ ея постройки. Правительство, конечно, могло бы сдѣлать и то и другое, и въ странахъ, гдѣ привычка къ кооперации находится только въ самомъ раннемъ періодѣ развитія, только отъ одного правительства можно ждать устройства такихъ предпріятія, для которыхъ требуется соединеніе большой массы средствъ, потому что эти средства правительство можетъ получить съ помощью налоговъ, а къ веденію крупныхъ операций оно уже приспособилось. Но по причинамъ, достаточно хорошо извѣстнымъ, и о которыхъ мы будемъ говорить полнѣе впоследствии, правительственное вмѣшательство въ веденіе промышленныхъ операций обыкновенно наименѣе удобно, если только возможенъ какой-нибудь другой способъ.

Затѣмъ, существуютъ предпріятія, веденіе которыхъ не безусловно невозможно для отдѣльныхъ лицъ, но послѣдніе не могутъ ихъ вести въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ постоянствомъ, какъ того все болѣе и болѣе требуютъ нужды развивающагося общества. Отдѣльные лица вполне способны отправлять корабли изъ Англии въ тѣ или другія части свѣта, перевозить пассажировъ и письма; это такъ и дѣлалось до основанія съ этой цѣлью акціонерныхъ компаній. Но, вѣдѣтвіе увеличенія населенія и количества сдѣловъ, а также вѣдѣтвіе расширенія платежныхъ средствъ, общество болѣе не удовлетворяется рѣдкими удобными случаями, а требуетъ увѣренности, что почта будетъ отправляться правильно въ извѣстный мѣста—разъ или даже два раза въ день, въ другія—разъ въ недѣлю, въ третьи будутъ отходить большие пароходы дорогой конструктора, въ опредѣленные дни, два раза въ мѣсяцъ: очевидно, что для доставленія увѣренности въ томъ, что такія дорогія операции будутъ поддерживаться съ точностью, необходимо гораздо болѣе капиталъ и гораздо болѣе штатъ опытныхъ подчиненныхъ, чѣмъ какъ-нибудь можетъ располагать отдѣльный капиталистъ. Кроме того, есть другіе случаи, въ которыхъ, хотя дѣло и можетъ въ совершенствѣ выполняться съ небольшими или

даже умѣренными капиталами, но необходимо или желательно бываетъ обезпеченіе, представляемое крупнымъ акціонернымъ капиталомъ, который служитъ порукою для выполнения денежныхъ обязательствъ въ глазахъ общества. Это въ особенности бываетъ въ гѣхъ случаяхъ, когда характеръ дѣла требуетъ, чтобъ извѣстный кругъ лицъ былъ согласенъ доверить предпріятію свои деньги, какъ, напримеръ, въ банковыхъ и страховыхъ учрежденіяхъ, къ которымъ въ высшей степени примѣнимъ принципъ акціонерныхъ компаній. Примеромъ безумія и недобросовѣстности правительства служатъ то, что до послѣдняго времени акціонерный принципъ, какъ обыкновенная форма, былъ запрещенъ законами для этихъ обонхъ видовъ предпріятія,—для банкового дѣла совершенно, а для страхового—по морскому страхованію; все это дѣлалось съ цѣлью доставить прибыльную монополию отдѣльнымъ учреждениямъ, которымъ правительство особенно покровительствовало, а именно: Англійскому банку и двумъ страховымъ обществамъ, Лондонскому и Royal Exchange. Другое преимущество акціонерныхъ или наемныхъ предпріятія заключается въ ихъ завершенности отъ гласности. Это не обязательное, но естественное слѣдствіе акціонернаго принципа, и можетъ быть, какъ это уже встрѣчалось въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ, проведено принудительнымъ путемъ. Въ банковыхъ, страховыхъ и другихъ предпріятіяхъ, вполне зависящихъ отъ довѣрія, гласность еще важнѣе для успѣха дѣла, чѣмъ большой акціонерный капиталъ. Большія потери, пропущенія въ частныхъ банкахъ, могутъ оставаться въ секретѣ даже тогда, когда эти потери такъ велики, что грозятъ разореніемъ предпріятію; банкиръ можетъ вести свое дѣло годы, стараясь возстановить его положеніе, что приводитъ въ концѣ концовъ къ еще большому краху. Но это не такъ легко можетъ произойти въ акціонерной компаніи, отчеты которой периодически публикуются. Эти отчеты, даже когда они поддѣланы, все представляютъ нѣкоторую узду, а подозрительность акціонеровъ, прорывающаяся на обыкновенныхъ собраніяхъ, предупреждаетъ публичку.

Вотъ нѣкоторыя изъ преимуществъ акціонерныхъ предпріятія предъ единоличными. Но если мы посмотримъ на другую сторону вопроса, мы найдемъ, что частныя предпріятія имѣютъ также очень большія преимущества предъ акціонерными. Главное изъ этихъ преимуществъ заключается въ гораздо болѣе сильномъ интересѣ хозяина въ успѣхѣ предпріятія.

Управленіе въ акціонерныхъ обществахъ болѣею частью производится черезъ наемныхъ лицъ. Даже комитеты директоровъ или правленіе, которое, какъ предполагается, наблюдаетъ за ходомъ дѣла и которое въ дѣйствительности назначаетъ и удаляетъ старшихъ служащихъ, не имѣетъ другого денежнаго интереса въ успѣшномъ ходѣ предпріятія, кромѣ лично принадлежащихъ членамъ его акцій, составляющихъ всегда самую незначительную часть капитала компаніи и обыкновенно только небольшую часть состоя-

ния самихъ директоровъ. А участію въ управленіи предпріятіемъ директора удѣляютъ только часть своего времени, на ряду со многими другими занятіями, настолько же, если не болѣе, важными для ихъ личныхъ интересовъ; такъ что веденіе дѣла составляетъ главное занятіе только для наемныхъ служащихъ. Но опытъ показываетъ и пословицы, служащія выраженіемъ народной опытности, свидѣтельствуютъ, насколько ниже качества наемныхъ служащихъ по сравненію съ дѣятельностью людей, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и какъ необходимъ при наемныхъ служащихъ «хозяйскій глазъ», для наблюденія за ними.

Успѣшное веденіе промышленнаго предпріятія требуетъ двухъ совершенно различныхъ качествъ—вѣрности и усердія. Вѣрность наемныхъ управляющихъ предпріятіемъ возможно обезпечить. Когда ихъ работа можетъ быть подведена подъ опредѣленный рядъ правилъ, то нарушеніе ихъ будетъ фиктивно, относительно котораго совѣсть не такъ легко можетъ заблуждаться и отвѣтственность за который можетъ быть еще усилена потерей мѣста. Но для успѣшнаго веденія большого предпріятія требуются сотни вещей, которыхъ невозможно заранѣе предусмотрѣть, а потому и нельзя обратить въ точное и положительное обязательство. Первое и главное условіе состоитъ въ томъ, чтобъ умъ управляющаго дѣломъ былъ постоянно занятъ этимъ предметомъ, чтобъ онъ непрерывно составлялъ проекты для полученія большей выгоды или сокращенія расходовъ. Насколько сильнаго интереса къ дѣлу едва ли можно ожидать отъ людей, которые ведутъ предпріятіе въ качествѣ наемныхъ служащихъ и для выгоды другихъ. Есть факты въ человѣческихъ отношеніяхъ, которые доказываютъ этотъ взглядъ. Возьмемъ весь классъ государственныхъ правителей и министровъ. Работа, вѣренная имъ, принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ и возбуждающимъ занятіямъ; для нихъ лично участіе въ національныхъ выгодахъ или бѣдствіяхъ, постигающихъ государство подъ ихъ управленіемъ, далеко не ничтожно, и вознагражденіе и наказаніе, которыхъ они могутъ ожидать отъ общественнаго мнѣнія, вполне немалозначительны, чувствуются очень живо и доступны широкой оцѣнкѣ. Однако, какъ рѣдко можно встрѣтить государственнаго чловека, въ которомъ умственная влость не была бы сильнае, чѣмъ все эти побужденія! Какъ безконечно мало число тѣхъ, которые заботятся о томъ, чтобы составлять или хотя бы выслушивать проекты общественныхъ улучшеній, если только пребываніе въ бездѣйствіи не грозитъ еще большими заботами, или тѣхъ, у кого есть какое-нибудь другое истинное желаніе, кромѣ желанія выпутаться изъ затрудненій и такимъ образомъ избѣжать всеобщаго порицанія. Въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, все, кому приходилось имѣть когда-нибудь дѣло съ наемнымъ трудомъ, вполне познакомился на опытъ съ тѣми стараніями, которыя дѣлаются для того, чтобы въ обменъ на заработную плату дать возможно меньше труда, лишь бы не быть уволеннымъ отъ мѣста. Всеобщее пренебре-

женіе, съ какими домашнія прелюга относятся къ интересамъ своихъ хозяевъ, когда эти интересы не охраняются какимъ-нибудь опредѣленнымъ правиломъ, обратило на себя вниманіе; исключеніе составляетъ только тѣ случаи, когда долгое пребываніе на одной службѣ или взаимныя услуги породили или личную привязанность, или нѣкоторое чувство общности интересовъ.

Другая невыгодная сторона акціонерныхъ предпріятій, которая до нѣкоторой степени обща всемъ крупнымъ предпріятіямъ, заключается въ пренебреженіи къ мелкимъ выгодамъ и мелкимъ сбереженіямъ. При управленіи большимъ капиталомъ и большими оборотами, въ особенности, если управляющіе недостаточно лично заинтересованы въ дѣлѣ, мелкія суммы часто считаются почти за ничто; онѣ никогда не кажутся заслуживающимъ тѣхъ заботъ и хлопотъ, какихъ стоитъ наблюденіе за ними, а репутація щедрости дешево покупается пренебреженіемъ къ такимъ пустякамъ. Но часто повторяющіяся малыя прибыли и малыя траты доходятъ до большихъ прибылей и большихъ потерь; крупный капиталистъ часто бываетъ достаточно хорошимъ счетчикомъ, чтобы понять это на опытъ и устроить свои дѣла по системѣ, которая, если еще будетъ усилена достаточно бдительнымъ надзоромъ, устранитъ возможность обыкновенныхъ растратъ, которыя безъ этого часто встрѣчаются въ крупныхъ предпріятіяхъ. Но директора акціонерныхъ предпріятій рѣдко настолько посвящаютъ себя дѣлу, чтобы провести безъ удрученій черезъ все подробности его дѣйствительно экономную систему даже въ томъ случаѣ, если она введена.

Изъ этого рода соображеній Адамъ Смитъ выводилъ, какъ принципъ, что акціонерныя общества никогда не могутъ существовать самостоятельно, безъ специальной привилегіи, исключая тѣхъ видовъ предпріятій, которыя, подобно банковымъ, страховымъ и нѣкоторымъ другимъ, могутъ въ достаточной степени быть подведены подъ опредѣленные правила. Но это одно изъ тѣхъ преувеличеній, которыя часто встрѣчаются у Адама Смита. Въ его время было мало примѣровъ акціонерныхъ обществъ, которыя безъ монополій существовали бы долго и успѣшно, если не считать того вида предпріятій, о которомъ онъ упоминаетъ; но съ тѣхъ поръ такихъ примѣровъ было много, и правильно увеличивающееся стремленіе и способность къ соединенію, вѣроятно, произведутъ ихъ гораздо больше. Адамъ Смитъ обратилъ слишкомъ исключительное вниманіе на превосходство энергій и неослабный интересъ, вносимый въ дѣло лицомъ, ведущимъ его, когда весь рискъ и вся выгода дѣла принадлежатъ этому лицу; онъ пропускаетъ различныя уравнивающія соображенія, которыя въ значительной степени нейтрализуютъ даже это важное преимущество.

Наиболѣе важное изъ этихъ соображеній касается умственныхъ и практическихъ способностей распорядителей. Побужденіе личнаго интереса представляетъ нѣкоторое ручательство за дѣятельность; но дѣятельность будетъ мало полезна, если умственные

способности человека, проявляющего ее, будутъ низшаго разряда, — что необходимо должно быть въ большинствѣ предприятий, управляемыхъ людьми, лично заинтересованными въ нихъ. Когда предприятие обширно и можетъ доставить вознаграждение достаточное, чтобы привлечь цѣлый классъ кандидатовъ, возвышающихся надъ обыкновеннымъ среднимъ уровнемъ, то будетъ возможно для общаго управления и для всѣхъ второстепенныхъ должностей, требующихъ опытности, выбрать людей съ известными способностями и умственнымъ развитіемъ, которые въ результатѣ болѣе, чѣмъ уравновѣсятъ недостатокъ заинтересованности въ дѣлѣ. Изъ большая провицательность даетъ имъ возможность предвидѣть выгоду, которую никогда бы не замѣтили люди среднихъ способностей, даже при постоянномъ напряженіи ихъ ума, а превосходство ихъ знаній и обычная правильность взглядовъ и сужденія предохраняетъ ихъ отъ тѣхъ ошибокъ, боязнъ которыхъ помѣшала бы другимъ рисковать своимъ интересамъ въ какихъ-нибудь опытахъ, выходящихъ изъ обыкновенной рутинны.

Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что при управленіи акціонерными предприятиями нѣтъ необходимости, чтобы всѣ лица, служащіе въ высшихъ или подчиненныхъ должностяхъ, получали определенное жалованье. Есть способы болѣе или менѣе тѣснаго соединенія интересовъ служащихъ съ денежнымъ успѣхомъ предприятия. Между работой всецѣло на свой счетъ и работой по днямъ, недѣлямъ и годамъ за неизмѣнную плату существуетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ положеній. Даже при обыкновенномъ простомъ трудѣ практикуется урочная или почасовая работа; и большая успѣшность ея настолько хорошо известна, что благоразумные хозяева всегда прибѣгаютъ къ ней, когда дѣло можетъ быть раздѣлено на определенныя часы, безъ необходимости слишкомъ хлопотливаго надзора для предотвращения плохого исполненія ея. Что же касается управляющихъ акціонерными предприятиями, надзирателей и контролеровъ во многихъ частныхъ учрежденіяхъ, то вошло въ довольно обыкновенное употребленіе связывать ихъ денежный интересъ съ интересами ихъ хозяина, выдавая часть ихъ вознагражденія въ формѣ процентовъ съ прибыли. Личный интересъ, возбуждаемый, такимъ образомъ, въ наемныхъ служащихъ, нельзя сравнить по силѣ съ интересомъ собственниковъ капитала; но онъ достаточенъ для того, чтобы служить удовлетворительнымъ матеріальнымъ побужденіемъ къ усердію и заботливости; а въ соединеніи съ болѣе высокимъ умственнымъ развитіемъ, онъ часто подымаетъ достоинство услуги наемнаго управляющаго значительно выше того уровня, какого обыкновенно могъ бы достигнуть самъ хозяинъ. Дальѣйшее развитіе, къ которому способенъ этотъ принципъ вознагражденія, вмѣшай какъ социальное, такъ и экономическое значеніе, будетъ болѣе подробно обсуждено въ слѣдующихъ главахъ настоящаго изслѣдованія.

Какъ я уже замѣтилъ, вообще, о крупныхъ предприятияхъ, по сравнению съ мелкими, результаты соперничества, если оно сво-

одно, покажутъ, какая форма болѣе примѣнима въ данномъ случаѣ, частная или акціонерная, такъ какъ предприятие, которое ведется болѣе успѣшно и экономно, въ концѣ концовъ всегда успѣетъ подорвать другія предприятия болѣе дешевымъ продуктомъ.

§ 3. Возможность замѣны мелкаго производства крупнымъ зависитъ, безъ сомнѣнія, прежде всего отъ размѣра рынка. Крупное производство можетъ быть выгоднымъ только при существованіи обширнаго сбыта; поэтому, для него необходимо, чтобы страна была многолюдна и богата, или чтобы существовала широкая возможность вывоза. Кроме того, этой перемены, какъ и всѣмъ другимъ переменамъ въ системѣ производства, сильно благоприятствуетъ возрастаніе капитала. Большое количество капиталовъ ищетъ прѣмѣненія преимущественно тогда, когда капиталъ страны получаетъ ежегодное большое приращеніе: и новыя предприятия гораздо скорѣе и легче основываются на новый капиталъ, чѣмъ на капиталъ, вынужденъ изъ существующихъ помѣщений. Перемена также значительно облегчается существованіемъ большихъ капиталовъ въ немногихъ рукахъ. Правда, что тотъ же капиталъ можетъ быть сомноженъ соединеніемъ множества мелкихъ суммъ, но этотъ способъ (кроме того, что онъ не одинаково примѣнимъ ко всѣмъ отраслямъ промышленности) предполагаетъ распространеніе гораздо большей степени коммерческаго довѣрія и предприимчивости въ обществѣ и вполне принадлежитъ къ болѣе развитому періоду промышленнаго прогресса.

Въ странахъ, имѣющихъ самые обширные рынки, самое широкое распространеніе коммерческаго довѣрія и предприимчивости, наибольшее ежегодное приращеніе капитала и наибольшее число крупныхъ капиталовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, существуетъ стремленіе замѣнять все болѣе и болѣе, поочередно въ одной отрасли промышленности за другой, мелкія предприятия крупными. Въ Англіи главнымъ образомъ всѣхъ этихъ отличительныхъ чертъ служитъ непрерывное увеличеніе не только большихъ фабричныхъ предприятий, но также и магазиновъ и складовъ для введенія мелочной торговли въ большихъ размѣрахъ, гдѣ находится достаточное число покупателей. Эти предприятия почти всегда имѣютъ возможность продавать дешевле мелкихъ торговцевъ; отчасти это зависитъ отъ раздѣленія труда и экономіи, происходящей отъ того, что опытные рабочіе употребляютъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется ихъ опытность, а отчасти, безъ сомнѣнія, причиной этого является сбереженіе труда, происходящее отъ раздѣленія дѣлъ въ большихъ размѣрахъ: такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлать большую закупку, не требуется ни больше времени, ни болѣе сильнаго умственнаго напряженія, чѣмъ для небольшой покупки, и гораздо меньше, чѣмъ для совершенія многихъ мелкихъ.

Съ точки зрѣнія лишь выгода. Въ некоторыхъ случаяхъ эта перемена вполне выгодна. Въ некоторыхъ случаяхъ она сопровождается невыгодой скорѣе специальной, чѣмъ экономи-

ческой, о свойствах которой уже было упомянуто. Но, какъ бы ни были велики неудобства, предполагаемые нами при переходѣ отъ мелкаго производства къ крупному, всё они не примѣнны къ переходу отъ крупнаго производства къ еще болѣе крупному. Если въ какой-нибудь отрасли промышленности система независимыхъ мелкихъ производителей или никогда ни существовала, или была уничтожена, а вмѣсто нея установилась система соединенія множества рабочихъ подъ однимъ управленіемъ, то съ этого времени всякое дальнѣйшее распрееніе въ размѣрахъ предприятия будетъ чистой выгодой. Напримѣръ, очевидно, какая большая экономія труда получена была бы, если бы одна компанія снабжала Лондонъ газомъ или водою, вмѣсто нѣсколькихъ, существующихъ теперь. Если бы даже ихъ было не больше двухъ, то и тогда потребовалось бы двойное количество всѣхъ видовъ учреждений, тогда какъ одна только компанія съ небольшимъ увеличеніемъ затратъ могла бы выполнять такъ же хорошо всѣ операціи; потребовался бы двойной комплектъ машинъ и заводовъ, тогда какъ все требуемое количество газа или воды могло бы доставляться только однимъ комплектомъ; даже нуженъ былъ бы двойной рядъ трубъ, если бы компанія не отвратила этого бесполезнаго расхода соглашеніемъ относительно раздѣленія города. Если бы въ Лондонѣ было только одно подобное предприятие, оно могло бы понизить плату за пользование водою и газомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получать размѣръ прибыли, существующій теперь. Но сдѣлало ли бы оно такъ? Даже если бы этого и не случилось, общество въ совокупности все же было бы въ выигрышѣ, потому что акціонеры составляютъ часть общества, и получило бы большую выгоду, между тѣмъ какъ потребители платили бы одно и то же. Однако, ошибочно было бы предполагать, что цѣны всегда надолго понижаются соперничествомъ этихъ компаній. Когда соперничающихъ цѣнго, они обыкновенно въ концѣ концовъ приводятъ къ соглашенію. Въ началѣ они стремятся дешевиной разорить новаго конкурента; но лишь только они упрочили свое положеніе, они вступаютъ съ нимъ въ договоръ. Поэтому, когда предприятие, имѣющее дѣйствительную общественную важность, можетъ быть ведено съ выгодой только въ такъихъ широкихъ размѣрахъ, при которыхъ свобода соперничества становится почти призрачной, то существованіе нѣсколькихъ дорожныхъ учреждений для доставленія обществу одной и той же услуги, было бы растратой общественныхъ средствъ. Гораздо лучше сразу считать его общественнымъ дѣломъ, и если это предприятие не таково, чтобы правительство могло съ выгодой взяться за него, то оно должно быть совершенно передано какой-нибудь компаніи или ассоціаціи, которая будетъ выполнять его на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для общества. Относительно желѣзной дороги, напримѣръ, никто бы не пожелалъ громадной затраты капитала и земли (не говоря объ увеличеніи разныхъ неудобствъ) на постройку второй желѣзной дороги для соединенія мѣстъ, уже соединенныхъ су-

ществующей, такъ какъ объ они исполняли бы свою работу не лучше, чѣмъ это могла бы сдѣлать одна, и черезъ нѣкоторое время, вѣроятно, соединились бы. Только одна такая линія можетъ быть разрѣшена: но контроль надъ этой линіей долженъ всегда принадлежать государству, за исключеніемъ случаевъ временныхъ концессій, каковыми встрѣчаются во Франціи: и приобретенное право, которое установлено парламентомъ для существующихъ компаній, какъ и всѣ другія права собственности, противныя общественной пользѣ, нравственно будетъ имѣть силу, только какъ право на вознагражденіе.

§ 4. Вопросъ о различіи между системой крупнаго и мелкаго производства въ примѣненіи къ земледѣлію, о различіи между крупнымъ и мелкимъ фермерствомъ, grande и petite culture, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ несходныя основанія, по сравненію съ общимъ вопросомъ о различіи между крупными и мелкими предприятиями. Въ своемъ специальномъ значеніи, и какъ элементъ распреденія богатства, этотъ вопросъ займетъ насъ впоследствии; что же касается производства, то преимущество крупной системы въ земледѣліи еще далеко не настолько признано, какъ въ фабричной промышленности. Я уже замѣчалъ, что земледѣльческія операціи мало доступны выгоды отъ раздѣленія труда. Даже въ самыхъ большихъ фермахъ возможно только небольшое раздѣленіе занятій. Одинъ человѣкъ, вообще, не можетъ ходить за скотомъ, заводить кулеи и продажей и обрабатывать землю; но значительно тѣмъ выше этой первоначальной и простой классификаціи подраздѣленіе не идетъ. Соединеніе труда, доступное въ земледѣліи, ограничивается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Уэкфильдъ называетъ простымъ сотрудничествомъ: нѣсколько человѣкъ помогаютъ другъ другу въ одной работѣ, въ одно время и въ одномъ мѣстѣ. Но, сознаюсь, мнѣ кажется, что уважаемый писатель придаетъ этому роду сотрудничества болѣе важное значеніе для земледѣлія въ тѣсномъ смыслѣ, нежели оно того заслуживаетъ. Ни одна изъ земледѣльческихъ операцій не требуетъ этого рода сотрудничества въ большомъ количествѣ. Нѣтъ особенной выгоды заставлять большое число людей вмѣстѣ пахать, перекапывать, засѣвать одно и то же поле, или даже косить или жать, если время терпитъ. Одно семейство обыкновенно можетъ служить для всякаго соединенія труда, необходимаго въ земледѣліи. А въ работахъ, дѣйствительно требующихъ соединенія многихъ силъ, рѣдко встрѣчается невозможность получить эти послѣднія тамъ, гдѣ существуютъ мелкія фермы.

Потеря въ производительной силѣ отъ раздѣленія земли нѣдко причиняетъ большой вредъ: но это, главнымъ образомъ, бываетъ при такомъ мелкомъ дробленіи, при которомъ у земледѣльца нѣтъ достаточнаго количества земли для того, чтобы занять все его время. Поэтому, тѣ привычки, по которымъ отдавалось предпочтеніе большимъ фабрикамъ, примѣнны къ земледѣлію лишь до

той поры, пока будет достигнуто выгодное соотношение между силами земледельца и пространством его участка. Для наибольшей успешности труда обыкновенно желательно (хотя это положение должно быть принято съ ограниченіемъ), чтобы каждая семья имѣла земли не меньше того, сколько она можетъ сама обработать, применяя всю силу своего скота и орудій. Но подходящіе размѣры участка будутъ соответствовать не крупнымъ, а очень мелкимъ английскимъ фермамъ. Крупный фермеръ имѣетъ нѣкоторую выгоду относительно построекъ. Помѣстить большое количество скота въ одномъ зданіи не стоитъ такъ дорого, какъ помѣстить его одинаково хорошо въ нѣсколькихъ. Также есть нѣкоторая выгода и относительно орудій. Мелкому фермеру труднѣе имѣть дорогія орудія. Но главныя земледѣльческія орудія, даже самаго лучшаго устройства, не дороги. Мелкому фермеру не выгодно имѣть молотилку для того небольшого количества хлѣба, какое ему приходится молотить; но нѣтъ основаній, почему бы въ каждой мѣстности мелкимъ фермерамъ не владѣть собою подобной машиной, или чтобы какое-нибудь другое лицо не доставляло ее для пользованія имъ за известную плату. Это особенно удобно въ машинахъ, работающихъ паромъ и приспособленныхъ къ передвиженію *. Крупные фермеры могутъ сдѣлать нѣкоторое сбереженіе въ перевозкѣ. Почти столько же хлопотъ нужно на перевозку небольшого числа продуктовъ на рынокъ, какъ и гораздо большаго количества его, на перевозку домой малаго или гораздо большаго количества удобренія и предметовъ ежедневнаго потребленія. Фермеръ получаетъ выгоду также въ цѣнѣ вещей, покупая ихъ въ большемъ количествѣ. Эти разнообразныя выгоды необходимо принимать во вниманіе, но я думаю, что онѣ не особенно велики. Въ Англій въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній мало было опытовъ съ мелкими фермами: но въ Ирландіи эти примѣры встрѣчаются въ изобиліи не только при худшемъ, но и при лучшемъ веденіи хозяйства, и можно сослаться на самые извѣстные прландскіе авторитеты для опроверженія мнѣнія, обыкновенно преобладающаго въ Англій относительно этого предмета. Напримѣръ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ агрономовъ и много сдѣлавшій для улучшеній въ сѣверной Ирландіи Блекеръ, пріобрѣтшій опытность, главнымъ образомъ, въ наилучше обработанныхъ, а также и въ наиболѣе раздробленныхъ частяхъ страны, былъ того мнѣнія, что арендаторы фермъ, не превышающихъ пяти, восьми или десяти акровъ, могутъ жить съ удобствомъ и платить такую же высокую ренту, какъ и всякій круп-

*) Замѣчанія, помѣщенные въ текстѣ, могутъ быть сличены до нѣкоторой степени измѣненны, вслѣдствіе такихъ изобрѣтеній, какъ паровой плугъ и жатвенная машина. Однако, вліяніе этихъ улучшеній на относительныя выгоды крупнаго и мелкаго хозяйства будетъ зависть не отъ производительности орудій, а отъ ихъ дороговизны. Но я не вижу основанія для такой дороговизны, которая сдѣлала бы ихъ недоступными для мелкихъ фермеровъ или для ихъ ассоціацій.

ный фермеръ. «Я твердо убѣжденъ», говоритъ онъ *). «что мелкій фермеръ, управляющій своимъ собственнымъ плугомъ и копающій собственную землю, если онъ придерживается подлѣднаго сѣвооборота и кормитъ свой скотъ дома, можетъ подорвать крупныхъ фермеровъ, или, другими словами, можетъ платить ренту, которую другой не въ состояніи доставить; въ этомъ мнѣи поддерживаютъ мнѣніе многихъ опытныхъ людей, хорошо знакомыхъ съ этимъ предметомъ.... Англійскій фермеръ, владѣющій 700—800 акровъ, принадлежитъ къ тому роду людей, которые извѣстны подъ названіемъ джентльменъ-фермеръ. Онъ долженъ имѣть свою лошадь для ѣзды, свой экипажъ, а также, вѣроятно, надсмотрщика для наблюденія за его рабочими: онъ, конечно, не можетъ смотрѣть самъ за работами, происходящими на фермѣ въ 800 акровъ». Послѣ нѣсколькихъ другихъ замѣчаній, авторъ прибавляетъ: «Кромѣ всѣхъ этихъ невыгодъ, мало извѣстныхъ мелкому фермеру, существуетъ еще значительный расходъ на перевозку удобренія изъ стойла на такое большое разстояніе, а также на обратную перевозку хлѣба. Одна лошадь потребитъ продукты съ большаго количества земли, чѣмъ то, которое можетъ прокормить мелкаго фермера съ женой и двумя дѣтьми. Но важнѣе всего то, что крупный фермеръ говоритъ своимъ рабочимъ: «Ступайте на работу!» тогда какъ мелкій, когда ему приходится нанимать ихъ, говоритъ: «Пойдемъ!» Я надѣюсь, что понятливый читатель почувствуетъ эту разницу».

Одно изъ возраженій противъ мелкихъ фермеровъ, особенно настойчиво приводимое, состоитъ въ томъ, что они не содержатъ и не могутъ содержать, пропорціонально размѣру ихъ земли, такого же количества скота, какъ и крупные фермеры; а это причиняетъ такой недостатокъ въ удобреніи, что земля, очень раздробленная, всегда должна быть сильно истощена. Но мы увидимъ, что раздробленіе имѣетъ такой результатъ только тогда, когда земля попадаетъ въ руки настолько бѣдныхъ людей, что они не имѣютъ количества скота, соответствующаго размѣрамъ ихъ фермъ. Малая ферма и ферма, дурно снабженная живымъ инвентаремъ, не одно и то же. Для того, чтобы сдѣлать вѣрное сравненіе, мы должны предположить, что такое же количество капитала, какое принадлежитъ крупнымъ фермерамъ, распределено между мелкими фермерами. Если это условіе, или близкое къ нему, существуетъ и если практикуется кормленіе въ стойлахъ (а кормленіе въ стойлахъ теперь начинаетъ признаваться выгоднымъ даже на крупныхъ фермахъ), то опытъ не только не подтверждаетъ того, что мелкое фермерство не благоприятно размноженію скота, но, напротивъ, доказываетъ совершенно противоположное. Изобиліе скота и примѣненіе сильнаго удобренія на мелкихъ фермахъ во Фландріи составляетъ наиболѣе удивительную характерную черту фламандскаго

*) Prize Essay on the Management of Landed Property in Ireland, by William Blacker Esq. (1837), p. 23.

Так, например, крестьяне тех стран, где производятся наилучшие вина, обладают необыкновенными традиционными познаниями о воспитании виноградных лоз. Без сомнения, здесь нет науки, или, по крайней мере, теории, и нет также склонности к улучшениям, насколько это касается введения новых приемов. Есть также недостаток средств для производства опытов, которые редко могут с выгодой производиться кем-нибудь, кроме богатых собственников или капиталистов. Что же касается тех систематических улучшений, которые производятся сразу на большом пространстве страны (так, например, большие работы по осушке и приращиванию), или которые, по каким-нибудь другим причинам, требуют соединения труда большого числа рабочих, то их вообще нельзя ожидать от мелких фермеров или даже от мелких собственников: впрочем, примеры подобного соединения между ними для таких целей нередко встречаются и теперь и современем сдѣлаются обыкновенными, когда фермер уместно станет болѣе развитым.

Въ противобѣсъ этимъ невыгодамъ мелкаго хозяйства можно привести безпримѣрное усердіе къ труду, которое встрѣчается вездѣ, гдѣ только условія владѣнія землею благоприятны. Съ этимъ согласны все показанія опытныхъ людей. Нельзя составить яснаго понятія о результатахъ мелкаго хозяйства тамъ, гдѣ земледѣлецъ находится въ положеніи простаго арендатора, и даже арендатора не на определенныхъ условіяхъ, а (какъ до послѣдняго времени въ Ирландіи), за номинальную ренту, большую той, какая можетъ быть уплачена, и поэтому въ дѣйствительности за ренту, постоянно изменяющуюся и всегда входящую до самой высшей цѣны, которая только можетъ быть уплачена. Для того, чтобы понять этотъ вопросъ, надобно его изучить тамъ, гдѣ земледѣлецъ бываетъ собственникомъ или, по крайней мере, пополовникомъ (metayer) на правахъ продолжительной аренды, гдѣ трудъ, затраченный имъ на увеличеніе продукта и стоимости земли, служитъ всецѣло или, по крайней мере, отчасти для его собственной выгоды, а также и для выгоды его потомства. Въ другомъ отдѣлѣ нашего трактата мы рассмотримъ нѣсколько подробнѣе важныя стороны владѣнія землей, и я до тѣхъ поръ откладываю приведеніе свидѣтельствъ о необыкновенномъ трудолюбіи собственниковъ-крестьянъ. Здѣсь довольно будетъ привести въ примѣръ огромное количество валового продукта, которое обыкновенно получаютъ англійскіе рабочие со своихъ небольшихъ участковъ, даже и безъ постоянного владѣнія,— количество, безъ сравненія большее того, какое крупный фермеръ извлекаетъ, или нашеть бы выгоднымъ извлекать изъ одинаковаго участка земли.

Истинныя причины того, почему крупная обработка, какъ простое помѣщеніе капитала для прибыли, обыкновенно болѣе выгодна, по моему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ. Земля, арендуемая крупнымъ фермеромъ, во всякомъ случаѣ отдается за менѣе

высокую ренту. На нее не тратится такого количества труда, и это происходитъ не отъ какой-нибудь экономіи, возникающей отъ соединенія труда, а вслѣдствіе того, что при меньшей затратѣ получается относительно болѣе большой доходъ, по сравненію съ издержками. Для крупнаго фермера не составитъ выгоды платить другимъ за весь тотъ трудъ, которому крестьяне или даже арендаторы участковъ охотно подвергаются въ томъ случаѣ, когда они всецѣло пользуются плодами его. Однако, этотъ трудъ нельзя назвать непродуцательнымъ; вся сумма его увеличиваетъ валовой продуктъ. При равномъ искусствѣ и знаніи, крупный фермеръ не получитъ приблизительно столько же, какъ и мелкій собственникъ, со своей земли, или же какъ мелкій фермеръ, при достаточныхъ побуждательныхъ причинахъ къ труду; но хотя его доходъ меньше, онъ затрачиваетъ труда еще меньше; а такъ какъ за всякое примѣненіе труда ему приходится платить, то для его цѣлей невыгодно употреблять большее количество труда.

Но хотя при одинаковыхъ обстоятельствахъ валовой доходъ отъ земли будетъ болѣе въ мелкихъ хозяйствахъ и хотя, поэтому, страна, при такой системѣ, способна содержать большее населеніе, англійскіе писатели обыкновенно признаютъ, что такъ называемый чистый доходъ, т. е. излишекъ, остающійся отъ продовольствія земледѣльцевъ, долженъ быть меньше, что поэтому населенія, свободнаго для занятій для фабричной промышленности, торговли и мореплаванія, для національной обороны, для развитія знаній и другихъ свободныхъ профессій, для цѣлей управленія, для искусствъ и литературы, — вообще населенія, существованіе котораго зависитъ отъ этого излишка, должно быть также меньше, и что поэтому нація (не касаясь совершенно положенія самаго населенія) должна уступать другимъ въ основныхъ элементахъ національной силы и общаго благосостоянія. Однако, это слишкомъ хозяйство неземледѣльческое населеніе. Несомнѣнно, что при мелкомъ хозяйствѣ неземледѣльческое населеніе будетъ находиться въ меньшей пропорціи къ земледѣльческому, чѣмъ при крупномъ. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что неземледѣльческое населеніе будетъ и абсолютно менѣе многочисленно. Если все населеніе, и земледѣльческое и неземледѣльческое, болѣе, то неземледѣльческое населеніе можетъ быть само по себѣ болѣе многочисленнымъ и, все-таки, можетъ составлять меньшую часть цѣлаго. Если валовой продуктъ болѣе, то и чистый продуктъ можетъ быть болѣе и въ то же время находится въ меньшей пропорціи къ валовому продукту. Однако, даже Уэзфильдъ иногда, кажется, смѣшиваетъ эти различныя понятія. Вычислено, что во Франціи двѣ трети всего населенія занимаются земледѣліемъ, въ Англии — не болѣе одной трети. Отеюда Уэзфильдъ выводитъ заключеніе, что «такъ какъ во Франціи только три человека содержатъ трудомъ двухъ земледѣльцевъ, тогда какъ въ Англии трудъ двухъ земледѣльцевъ содержитъ шесть душъ, то англійское земледѣліе въ два раза производительнѣе фран-

цузскаго»,—что происходитъ отъ большей успѣвности крупнаго хозяйства, вследствие соединенія труда. Но прежде всего эти факты сами по себѣ преувеличены. Трудъ двухъ земледѣльцевъ въ Англіи не вполнѣ содержитъ шесть человѣкъ, потому что не малое количество пшци ввозится изъ-за границы и изъ Ирландіи. Во Франціи также трудъ двухъ земледѣльцевъ производитъ гораздо больше, чѣмъ необходимо для содержанія трехъ человѣкъ. Онъ доставляетъ пищу тремъ людямъ и отъ времени до времени снабжаетъ иностранцевъ льномъ, пенькой и до известной степени шелкомъ, масломъ, табакомъ и въ послѣднее время сахаромъ, который въ Англіи получается цѣлкомъ изъ-за границы; почти весь строевой лѣсъ, употребляемый во Франціи, внутренняго происхожденія; тогда какъ почти весь употребляющійся въ Англіи ввозится; главное количество топлива во Франціи производится и привозится на рынокъ людьми, причисляющимися къ земледѣльцамъ, въ Англіи же—людьми, не причисляющимися къ нимъ. Я не припимаю въ расчетъ кожъ и шерсть, какъ продуктовъ, общихъ этимъ странамъ, ни вина или водки, производившихся для собственного употребленія, такъ какъ въ Англіи есть соответствующее производство пива и спирта; но въ Англіи нѣтъ значительнаго вывоза кожъ и шерсти, и даже есть большой ввозъ спиртныхъ напитковъ, тогда какъ Франція поставляетъ вино и водку почти для всего свѣта. Я не говорю ничего о фруктахъ, яйцахъ и тѣхъ мелкихъ предметахъ земледѣльческаго производства, вывозная торговля которыми чрезвычайно велика во Франціи. Но, не прилагая незаслуженной важности этимъ вычетамъ, мы возьмемъ положеніе такъ, какъ оно есть. Предположимъ, что два человѣка въ Англіи производятъ въ действительности пищу для шести человѣкъ, между тѣмъ какъ во Франціи для того же числа людей потребуются трудъ четырехъ человѣкъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Англія должна имѣть большой излишекъ для содержанія неземледѣльческаго населенія? Нѣтъ, а слѣдуетъ только то, что она можетъ для этой цѣли употребить, вмѣсто одной трети, двѣ трети всего валового продукта. Предположимъ, что продуктъ увеличится вдвое и одна треть его тоже будетъ равняться прежнимъ двумъ третямъ. Въ действительности, можетъ случиться, что, благодаря большому количеству труда, затраченнаго при французской системѣ, произведено пшци для двѣнадцати человѣкъ на той же землѣ, на которой при англійской системѣ пшца производится только для шести; а если бъ это было такъ, что было бы вполнѣ согласно съ условіями гипотезы, то въ такомъ случаѣ, хотя пшца для 12 человѣкъ была бы произведена во Франціи трудомъ 8 человѣкъ, тогда какъ въ Англіи 6 кормилокъ бы трудомъ только 2, все же въ той и другой странѣ было бы одно и то же число свободныхъ рукъ для другихъ занятій. Я не утверждаю, что это такъ. Я знаю, что въ общемъ средней валовой продуктъ съ акра во Франціи (хотя не въ самыхъ обработанныхъ округахъ) гораздо меньше, нежели въ Англіи, и что

пропорционально размѣрамъ и плодородію обычныхъ странъ. Англіи имѣеть гораздо большее свободное населеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ теперь. Но это неравенство, конечно, не можетъ измѣряться по простому способу, предлагаемому Уэджфильдомъ. Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что земледѣльческій трудъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, по послѣдней переписи, какъ оказывается, четыре семьи на каждыя пять занимаютъ земледѣлемъ, еще менѣе успѣвнѣе, чѣмъ во Франціи.

Болѣе низкая степень французскаго земледѣлія (которую слѣдуетъ признать существующей, разсматривая всю страну въ цѣломъ, хотя нѣсколько и преувеличенной), вѣроятно, болѣе зависитъ отъ меньшей высоты средняго уровня промышленнаго искусства и энергіи, а не отъ какихъ-нибудь специальныхъ причинъ; и даже если причиной этому отчасти служитъ вліяніе слишкомъ мелкаго раздробленія земли, то это не доказываетъ, что мелкое хозяйство не выгодно, а только то, что фермы во Франціи очень часто бываютъ чрезвычайно малы (что есть несомнѣнный фактъ) и, что еще хуже, разбиты на почти невѣроятное число клочковъ или *parcelles*, въ высшей степени неудобно разбросанныхъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга.

Вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ мелкаго земледѣлія въ отношеніи чистаго, а не валового дохода, въ особенности, когда мелкій фермеръ въ то же время и собственникъ, нельзя считать рѣшеннымъ. Это вопросъ, относительно котораго расходятся лучшіе современные знатоки. Общепринятое мнѣніе въ Англіи состоитъ за крупныя фермы; на континентѣ, какъ кажется, большимъ авторитетомъ пользуется противоположное мнѣніе. Гейдельбергскій профессоръ Рау, авторъ одного изъ наиболѣе обработанныхъ и обширныхъ трактатовъ по политической экономіи, и который такъ широко знакомъ съ фактами и авторитетами, относящимися къ его предмету,—что составляетъ характерную черту его соотечественниковъ,—считаетъ признанной истиной, что мелкія или умѣренныя фермы приносятъ не только болѣе чистый валовой, но и болѣе чистый доходъ, хотя, прибавляетъ онъ, желательнее, чтобы было нѣсколько крупныхъ собственниковъ, для прокладыванія пути къ новымъ улучшеніямъ. Повидимому, наиболѣе безпристрастное и прощающее, тѣльное сужденіе, о которомъ только мнѣ приходилось встрѣчаться, принадлежитъ Пассе, который (всегда говоря относительно чистаго продукта) произноситъ приговоръ въ пользу крупныхъ фермъ, занимающихся производствомъ зерна и корма для скота: но для вишняго хозяйства, требующей много труда и вниманія, онъ считаетъ довь безусловно болѣе выгоднымъ мелкое хозяйство, включая въ этотъ разрядъ не только культуру винограда и оливковъ, при разведеніи которыхъ значительное количество труда и заботъ должно удѣляться каждому отдѣльному растенію, но также и разведеніе корнеплодовъ, бобовыхъ и техническихъ растений. Небольшіе размѣры, а

следовательно и увеличение количества фермъ, какъ доказываютъ все авторитеты, чрезвычайно благоприятствуютъ изобилію многихъ второстепенныхъ продуктовъ земледѣлія *).

Очевидно, что каждый рабочий, извлекающій изъ земли больше пищи, чѣмъ ему нужно для своего собственного продовольствія и для продовольствія той семьи, какую онъ можетъ имѣть, увеличиваетъ средства для содержанія неземледѣльческаго населенія. Даже если его познанекъ не больше того, сколько достаточно для покупки одежды, рабочіе, дѣлающіе ему одежду, составляютъ неземледѣльческое населеніе, получающее возможность существовать пищей, которую онъ производитъ. Поэтому каждое земледѣльческое семейство, производящее для себя все необходимое, увеличиваетъ чистый продуктъ земледѣлія: такъ, каждый человекъ, родившійся и работающій на землѣ, прибавляетъ къ валовому продукту нѣкоторый лишекъ сверхъ той пищи, которой онъ живетъ. Однако сомнительно, чтобы даже въ наиболѣе раздробленныхъ областяхъ Европы, обрабатываемыхъ собственниками, увеличеніе земледѣльческаго населенія приближалось или стремилось хотя бы въ далекомъ будущемъ приблизиться къ этому предѣлу. Во Франціи, гдѣ раздробленіе земли безспорно слишкомъ велико, существуетъ положительно доказательство, что оно далеко еще не достигло той степени, при которой начала бы уменьшаться возможность содержанія неземледѣльческаго населенія. Это доказывается большимъ увеличеніемъ городовъ, которые въ послѣднее время растутъ въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ населеніе вообще **, а изъ этого слѣдуетъ (если только положеніе городекихъ рабочихъ не ухудшается быстро, признакомъ чего не существуетъ), что даже если эта пропорція измѣреній не вѣрна и не подходяща, то все же производительность французскаго земледѣлія должна увеличиваться. Кроме того, существуютъ несомнѣнные доказательства, что въ округахъ Франціи съ наиболѣе усовершенствованнымъ земледѣліемъ и въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые до послѣдняго времени не имѣли улучшеннаго земледѣлія, существуетъ значительное увеличеніе потребленія продукта страны самымъ мѣстнымъ населеніемъ.

Твердо убѣжденный, что изъ всѣхъ ошибокъ, какія могутъ быть совершены учеными писателями въ политическихъ и социальныхъ наукахъ, слѣдуетъ болѣе всего остерегаться преувеличеній и

*) „Въ Сѣверномъ департаментѣ“, говоритъ Пасси, „ферма въ 20 гектаровъ (50 акровъ) производитъ продуктовъ, въ видѣ телятъ, молочныхъ скотовъ, домашней птицы, на сумму иногда въ 1000 франковъ въ годъ, что, за вычетомъ расходовъ, составляетъ прибавку къ чистому доходу отъ 15 до 20 фр. съ гектара“. On Systems of Cultivation, стр. 14.

**) Въ періодъ времени между переписями 1851 года и 1886 г. увеличеніе народонаселенія Парижа превосходило общее увеличеніе населенія всей Франціи, между тѣмъ почти всѣ другіе большіе города также возросли.

утвержденій, переходящихъ за предѣлы очевидности, я въ болѣе раннихъ изданіяхъ этого труда ограничился предыдущими весьма умѣренными положеніями. И не зная тогда, насколько сильнѣ могли бы быть мои выраженія, не нарушая истины, и насколько дѣйствительный прогрессъ французскаго земледѣлія превышаетъ все то, что я тогда могъ утверждать съ достаточнымъ основаніемъ. Изслѣдованія такого извѣстнаго писателя по земледѣльческой статистикѣ, какъ Леонъ де-Лавернь, предпріятыя по желанію академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ и института Франціи, привели къ заключенію, что со времени революціи 1789 г. весь продуктъ французскаго земледѣлія удвоился: прибыль и заработная плата увеличились почти въ той же пропорціи, а рента возросла еще въ большей. Де-Лавернь, безпристрастіе котораго составляетъ одну изъ его величайшихъ заслугъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть заподозрѣнъ въ желаніи доказать предвзятую мысль, что онъ старается выставить не то, чего уже достигало французское земледѣліе, а то, чего ему остается достигнуть. Намъ потребовалось бы, говоритъ онъ, не менѣе семидесяти лѣтъ для обработки двухъ миллионныхъ гектаровъ (5 мил. англ. акровъ) пустошъ земли, сократить на половину количество земли, находящееся подъ паромъ, удвоить количество земли, производящей продукты, увеличить наше населеніе на 30%, нашу заработную плату на 100% и нашу ренту на 150%. Поэтому намъ потребуется еще три четверти вѣка, чтобы дойти до того положенія, какова Англія уже достигла *).

Послѣ этихъ свидѣтельствъ намъ, вѣроятно, не придется слышать о несовѣстности мелкой собственности и мелкихъ фермъ съ земледѣльческими улучшеніями. Единственнымъ неразрѣшеннымъ вопросомъ остается вопросъ о степени сравнительной быстроты земледѣльческаго усовершенствованія при разныхъ системахъ, — и общее убѣжденіе людей, одинаково знакомыхъ съ разными системами, заключается въ томъ, что усовершенствованій будетъ больше при правильномъ смѣшеніи ихъ обихъ. Въ настоящей главѣ я не касаюсь различій между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ, кроме вопроса о производствѣ и объ успѣшности труда. Мы возвратимся впоследствии къ этому предмету и рассмотримъ его вліяніе на распредѣленіе продукта и на физическое и социальное благосостояніе самихъ земледѣльцевъ: въ этихъ отношеніяхъ онъ заслуживаетъ и требуетъ еще болѣе подробнаго изслѣдованія.

*) Economie Rurale de la France depuis 1789. Par M. Léonce de La-vergne, Membre de l'Institut et de la Société Centrale d'Agriculture de France. 2-me éd., p. 59.

ГЛАВА X.

Законы возрастания труда.

§ 1. Мы теперь последовательно рассмотрим каждый из элементов или каждое из условий производства и способы, с помощью которых повышается деятельность этих различных элементов. Для того, чтобы закончить с вопросами, касающимися исключительно производства, намъ остается рассмотреть еще одну, имѣющую первостепенную важность.

Производство не имѣетъ постоянныхъ размѣровъ; оно увеличивается. Продуктъ промышленности всегда стремится къ увеличенію, если оное не сдерживается дурными учрежденіями и низкимъ состояніемъ техники: побужденіемъ къ этому увеличенію служатъ не только желаніе производителей увеличивать свои средства потребления, но также и то, что число потребителей возрастаетъ. Ничто въ политической экономіи не можетъ быть настолько важно, какъ опредѣленіе закона возрастания производства, изученіе условий, каковыя оно подчинено, и рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ ли практическія границы производства, и въ чемъ оны заключаются? Также имѣтъ вопроса въ политической экономіи, правильное пониманіе котораго было бы менѣе распространено и ошибки относительно котораго причиняли бы болѣшій вредъ.

Мы видѣли, что основныхъ элементовъ производства три—трудъ, капиталъ и силы природы: подъ словомъ «капиталъ» подразумеваются всѣ вѣщныя и физическія необходимыя предметы, составляющіе продукты труда; понятіе силы природы обозначаетъ всѣ необходимыя предметы, не произведенныя трудомъ. Но изъ силъ природы не надо принимать въ расчетъ тѣхъ, которыя существуютъ въ неограниченномъ количествѣ, и будучи пригодными къ присвоенію и никогда не измѣняются въ своемъ количествѣ, всегда готовы въ одинаковой степени способствовать производству, какой бы ни былъ его размѣръ,—напр., воздухъ и солнечный свѣтъ. Приступая теперь къ разсмотрѣнію не условий, благоприятствующихъ производству, а препятствій для него, мы не должны обращать вниманія ни на какия другія силы природы, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть недостаточными или по количеству, или по производительной способности. Всѣ эти силы охватываются терминомъ земли. Земли, въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова, какъ источникъ земледѣльческаго продукта, будетъ самой главной изъ нихъ; а если мы распространяемъ значеніе термина на рудники и на рыбныя промыслы, на все то, что находится въ самой землѣ и въ водѣ, отчасти покрывающей ее, такъ же, какъ и на то, что растетъ или питается на ея поверхности, то это понятіе будетъ охватывать все, чѣмъ мы должны теперь заняться.

Итакъ, послѣ этихъ объясненій, мы можемъ сказать безъ особенной натяжки, что элементами производства будутъ трудъ, капиталъ и земля. Поэтому увеличеніе производительности производства зависить отъ свойствъ этихъ элементовъ. Оно есть результатъ увеличенія или самихъ элементовъ, или ихъ производительности. Законъ возрастания производства долженъ быть слѣдствіемъ законовъ этихъ элементовъ; предѣлы возрастания производства, каковы бы они ни были, должны опредѣляться этими законами. Мы приступаемъ къ последовательному разсмотрѣнію трехъ элементовъ въ отношеніи этого результата ихъ, т. е., другими словами, къ разсмотрѣнію закона возрастания производства, съ точки зрѣнія его зависимости—во-первыхъ отъ труда, во-вторыхъ, отъ капитала и въ-третьихъ, отъ земли.

§ 2. Возрастание труда есть возрастание человечества или населенія. Пренія по этому предмету, возбужденныя «Опытомъ» Мальтуса, установили истину, которая хотя и не признана всѣми, однако настолько хороша извѣстна, что мы, вѣроятно, теперь можемъ ограничиться болѣе краткимъ изслѣдованіемъ этого вопроса, чѣмъ то, какое потребовалось бы до этихъ споровъ.

Сила размноженія, присущая всему органическому міру, можетъ считаться безконечною. Имѣтъ ли одного вида растенія или животнаго, который не покрываетъ бы въ нѣсколько лѣтъ всѣхъ странъ земного шара, при подходящемъ для его существованія климатѣ, если бы земля всецѣло была предоставлена этому виду и предметамъ, которыми онъ питается. Степень возможной быстроты размноженія различна у различныхъ видовъ существъ: но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы быстро переполнить землю. Существуетъ много видовъ растеній, изъ которыхъ одна особь въ годъ производитъ тысячи зародышей: если изъ нихъ только два достигаютъ зрѣлости, то въ продолженіе 14 лѣтъ эти два зародыша размножатся до 16 тысячъ и болѣе. Въ животномъ мірѣ способность учетвериться въ числѣ за одинъ годъ представляетъ среднюю степень плодовитости. Если животныя будутъ размножаться въ такой пропорціи не въ годъ, а въ полустолѣтіе, то десять тысячъ дойдутъ въ продолженіе двухъ столѣтій болѣе чѣмъ до двухъ съ половиною милліоновъ. Способность увеличенія необходимо дѣйствуетъ въ геометрической прогрессіи, только знаменатель этой прогрессіи будетъ различенъ.

Человѣчество не составляетъ исключенія изъ этого свойства органическихъ существъ. Его сила размноженія безконечна, и дѣйствительное размноженіе было бы чрезвычайно быстрымъ, если бы эта сила проявлялась въ высшей своей степени. Она никогда не достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ: и все же, при наиболѣе благоприятныхъ изъ извѣстныхъ намъ условий, которыя заключаются въ плодородіи страны, колонизованной промышленнымъ и цивилизованнымъ обществомъ, населеніе продолжало въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній удваиваться не болѣе какъ въ двадцать лѣтъ

независимо отъ новой эмиграціи *). Мы убѣдимся, что способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превышаетъ даже эту норму, если вслѣдствіи, какъ вѣско обыкновенно число дѣтей въ каждой семьѣ при хорошемъ климатѣ и при обычаѣ раннихъ браковъ, и если подумаемъ, какая незначительная пропорція ихъ умираетъ до зрѣлаго возраста при настоящемъ положеніи гигиеническихъ знаній, въ здоровой мѣстности и въ достаточной семьѣ. Способность къ размноженію будетъ очень низко оцѣнена, если мы предположимъ только, что при хорошихъ санитарныхъ условіяхъ каждое новое поколѣніе можетъ быть по числу только вдвое больше предшествовавшаго.

Двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ эти положенія могли бы еще потребовать значительныхъ подтвержденій и объясненій: но очевидность ихъ настолько велика и неоспорима, что они противостоятъ вѣбмъ возраженіямъ и могутъ теперь быть признаны за аксіомы: однако чрезвычайное нежеланіе принимать ихъ отъ времени до времени порождаетъ эфемерныя теоріи, быстро забывающіяся, о различныхъ законахъ размноженія при различныхъ обстоятельствахъ. — теоріи, основанныя на томъ, что человѣческое плодородіе приспособлено Провидѣніемъ къ потребностямъ общества **). Прямлетіе къ правильному пониманію этого вопроса

*) Это оспаривалось, но, по вычисленію Керн, самому точному, какое только мнѣ приходилось видѣть, срокъ, необходимый для удвоенія населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, независимо отъ эмиграціи и ея потомства, не превышаетъ тридцати лѣтъ.

**) Одна изъ этихъ теорій, теорія Дублдэй, пожалуй, требуетъ бѣгло замѣтки потому, что въ послѣднее время она приобрѣла нѣсколькихъ послѣдователей, и потому, что она выводитъ нѣкоторое призрачное основаніе изъ общихъ аналогій органической жизни. Эта теорія утверждаетъ, что плодородіе человѣка, какъ и вѣхъ другихъ живыхъ существъ, находится въ обратной пропорціи къ количеству пищи, что населеніе, сѣбшенное въ пищу, размножается быстро; но что всѣ классы, пользующіеся комфортомъ, по физиологическимъ законамъ такъ непродуктивны, что они рѣдко могутъ поддерживать свою численность, не пополняясь изъ бѣдныхъ классовъ. Безъ сомнѣнія, положительный излишекъ пищи у животныхъ, такъ же, какъ у плодовыхъ деревьевъ, неблагоприятенъ для размноженія, совершенно возможно также, хотя ни въ какомъ случаѣ не доказано, что физиологическія условія плодородія могутъ существовать въ большей степени, когда снабженіе пищей нѣсколько ограничено. Но вѣскому, кто пожелаетъ изъяснить изъ этой теоріи, даже если она принята, выводъ, несогласный съ принципомъ Мальтуса, слѣдуетъ предложить просмотрѣть одинъ томъ списковъ перовъ Англии, чтобы онъ обратилъ вниманіе на громадную семью, почти всегда встрѣчающуюся въ этомъ классѣ. Можно также вспомнить болѣшій семейный англійскаго духовенства и вообще средняго сословія въ Англии. Кроме того, Керн справедливо замѣчаетъ, что для того, чтобы увеличеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, независимо отъ эмиграціи, согласовалось съ теоріей Дублдэй, оно должно быть самымъ медленнымъ. Собственная теорія Керн также основана на физиологической истинѣ, заключающейся въ томъ, что сумма пищи, получаемая организмомъ существомъ, направляется главнымъ образомъ къ частямъ организма, наиболее упражняемымъ; на основаніи этого онъ предполагаетъ, что плодovitость человѣческаго рода уменьшается не вслѣдствіе болѣе обильной пищи, а

происходить не отъ этихъ теорій, а отъ слишкомъ поспѣшнаго представленія причинъ, которыя почти во вѣхъ времена и повсюду такъ сильно сдерживаютъ дѣйствительное увеличеніе человечества, по сравненію съ его способностью къ размноженію.

§ 3. Тѣмъ не менѣе эти причины вовсе не такъ таинственны. Что мѣшаетъ зайцамъ и кроликамъ переполнить землю? Не недостатокъ плодородія, а совершенно другія причины: множество враговъ, недостаточное количество пищи: у нихъ мало дѣдъ, а сами они служатъ для дѣдъ. Родъ человѣческій, обыкновенно не подверженный послѣднему неудобству, страдаетъ вмѣсто этого отъ войтъ и болѣзней. Если бы размноженіе человечества происходило такъ же, какъ и у другихъ животныхъ, отъ сѣбнаго истинника, то оно сдерживалось бы тѣми же способамъ, какъ и у животныхъ: рожденія были бы настолько многочисленны, насколько допускали бы физическія свойства расы, и населеніе сдерживалось бы смертью *). Но дѣйствія людей болѣе или менѣе управляются предвидѣніемъ послѣдствій и побужденіями высшими, чѣмъ чисто животныя истинники: потому они не плодятся подобно евшамъ, а способны, хотя и въ очень неодинаковой степени, воздерживаться, изъ благоумія или въ силу общественныхъ взглядовъ, отъ произведенія на свѣтъ существъ, рождающихся только для нищеты и преждевременной смерти. По мѣрѣ того какъ человечество возвышается надъ состояніемъ животнаго, населеніе сдерживается скорѣе страхомъ нужды, нежели самой нуждою. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ вопроса о голоданіи, на многихъ подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ бо-

вслѣдствіе болѣе умственной дѣятельности, свойственной высшей цивилизаціи. Въ этомъ размышленіи есть значительная доля вѣроятія, а опытъ можетъ впоследствии подтвердить его. Но если предполагаемая изъ перемѣна въ человѣческой природѣ когда-нибудь и осуществится, то она будетъ способствовать ожидаемому результату скорѣе тѣмъ, что облегчить физическое воздержаніе, чѣмъ тѣмъ, что устранить его необходимость, такъ какъ наивысшая извѣстная намъ степень размноженія вполне совмѣстима съ сдержаннымъ проявленіемъ производительныхъ способностей.

*) Керн распространяется о нецѣлности предположенія, что матерія гораздо быстрѣе стремится принять высшую форму организаціи, человѣческую, чѣмъ низшія формы, составляющія человѣческую пищу, что человѣческое существо размножается скорѣе, нежели брюква и капуста. Но границы размноженія человечества, по ученію Мальтуса, не зависятъ отъ силъ размноженія брюквы и капусты, а отъ ограниченнаго количества земли, на которой послѣднія могутъ расти. До тѣхъ поръ, пока количество земли въ дѣйствительности не ограничено, что существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и вслѣдствіе этого пшца можетъ возрасти въ самой высокой прогрессии, какая только ей свойственна, человечество также можетъ, безъ увеличенія затрудненности добычавія пищи, увеличиваться съ наибольшей возможной быстротой. Если Керн будетъ въ состояніи доказать не то, что брюква и капуста, а что сама почва или заключающіяся въ ней питательные элементы естественно стремятся къ размноженію, да еще въ размѣрѣ, превышающемъ возможно быстрѣе увеличеніе человечества, тогда его доказательство будетъ имѣть значеніе, а до тѣхъ поръ, ко крайней мѣрѣ, эта часть его аргументовъ можетъ считаться несуществующей.

жизнь потерять то, что въ пухъ глазахъ стало необходимымъ для благопристойности ихъ общественнаго положенія. До сихъ поръ, кромѣ этихъ двухъ причинъ, не найдено другихъ, достаточно сильныхъ для большинства людей, чтобы противодействовать стремленію къ размноженію. У большинства людей, принадлежащихъ къ среднему и низшему классу, существовало обыкновеніе, когда только они были свободны отъ внѣшняго контроля, вступать въ бракъ настолько рано, а въ нѣкоторыхъ странахъ имѣть столько дѣтей, сколько было возможно при сохраненіи того положенія, въ какомъ они родились или которое они привыкли считать своимъ. Въ среднемъ классѣ, во многихъ частныхъ случаяхъ, существуетъ, кромѣ того, еще другая сдерживающая сила, заключающаяся въ желаніи не только сохранить свое положеніе, но еще и улучшить его. Однако въ рабочемъ классѣ подобное желаніе встрѣчается рѣдко или рѣдко имѣетъ такое вліяніе. Если рабочіе могутъ воспитать свою семью такъ, какъ были воспитаны сами, то это обыкновенно удовлетворяетъ самыхъ благообразныхъ изъ нихъ. Чаще всего они не думаютъ даже объ этомъ, а разсчитываютъ на счастье, либо на пособіе официальной или добровольной благотворительности.

При низкой степени развитія въ обществѣ, какъ, напримѣръ, въ Европѣ въ средніе вѣка и во многихъ частяхъ Азіи въ настоящее время, населеніе сдерживается дѣйствительнымъ голоданіемъ. Голода не бываетъ въ обыкновенные годы, но они частъ себя чувствовать во время неурожая, которые, при такомъ положеніи общества, бываютъ гораздо чаще и сильнее тѣхъ, къ которымъ привыкла современная Европа. Въ эти годы дѣйствительная нужда, или болѣзнь, составляющія сдѣлать ея, уносятъ множество народа, который при рядѣ благоприятныхъ годовъ снова размножается, для того чтобы снова быть жестоко прорѣженнымъ. При болѣе развитомъ состояніи общества, даже между самыхъ бѣдныхъ людей мало найдется такихъ, которые бы ограничивались дѣйствительными предметами необходимости, и только исключительно ими; и поэтому увеличеніе населенія сдерживается въ границахъ не чрезмѣрной смертностью, а ограниченіемъ рожденій. Ограниченіе совершается различными способами. Въ нѣкоторыхъ странахъ оно есть результатъ благообразнаго и сознательнаго воздержанія. Это — узловіе, къ которому привыкъ рабочій людъ: они понимаютъ, что, имѣя слишкомъ большія семьи, они должны опуститься ниже занимаемаго ими положенія или лишиться возможности передать его своимъ дѣтямъ.—а съ этимъ они также не желаютъ примириться. Страны, въ которыхъ, сколько извѣстно, существовало съ давнихъ поръ добровольное воздержаніе.—Норвегія и часть Швейцаріи. Огласительно этихъ двухъ странъ существуютъ необыкновенно достоверныя свѣдѣнія: многіе факты старательно были собраны Мальтусомъ, и много добавочныхъ свѣдѣтельствъ было получено послѣ него. Въ обѣихъ этихъ странахъ увеличеніе населенія чрезвычайно медленно и задерживается его не сильная смертность, а малая рож-

даемость. Количество рожденій, какъ и количество смертныхъ случаевъ, замѣчательно мало сравнительно съ населеніемъ, а среднїя продолжительность жизни—самая длинная въ Европѣ; населеніе содержитъ меньшее число дѣтей и соразмѣрно большее число людей въ полной силѣ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Малое число рожденій непосредственно способствуетъ продолжительности жизни, удерживая населеніе въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, и то же благообразіе, конечно, примѣняется во избѣжаніе причинъ болѣзней, какъ и во избѣжаніе главной причины нищеты. Достоинно замѣчанія, что эти двѣ страны, имѣющія такую почетную особенность, являются странами мелкой поземельной собственности.

Были случаи, когда благообразіе и предусмотрительность, которой, вѣроятно, нельзя было ожидать отъ простыхъ людей, требовалось государствомъ, для ихъ же выгоды; напр., объявлялось запрещеніе вступленія въ бракъ до тѣхъ поръ, пока брачующіяся стороны не докажутъ, что въ будущемъ ихъ существованіе обезпечено. При этихъ законахъ, о которыхъ я буду говорить подробнѣе впоследствии, положеніе народа оказывается хорошимъ, а незаконныя рожденія не такъ многочисленны, какъ можно было бы ожидать. Существуютъ также страны, въ которыхъ причина воздержанія, кажется, не столько зависитъ отъ личнаго благообразія, какъ отъ нѣкоторыхъ общихъ, и, можетъ быть, даже случайныхъ обычаевъ страны. Въ сельскихъ округахъ Англіи въ продолженіе прошлаго столѣтія ростъ населенія значительно стѣснялся трудностью получить коттеджъ для жизни. Было въ обыкновеніи, что холостые рабочие жили и кормились вмѣстѣ со своими хозяевами, а для женатыхъ обычай требовалъ имѣть свой коттеджъ; тогда какъ правила англійскихъ законовъ о бѣдныхъ, по которымъ приходъ было обя-заны содержать своихъ бѣдныхъ, лишенныхъ работы, дѣлали землевладельцевъ склонными поощрять браки. Къ концу столѣтія большое требованіе на людей для войны и для фабрикъ привело къ мысли, что поощрять ростъ населенія есть патристическое дѣло: почти въ то же время увеличившееся стремленіе фермеровъ жить подобно богатымъ людямъ, поддерживаемое долгимъ періодомъ высокаго цѣны, побудило ихъ держать подчиненныхъ на болѣе далекомъ разстояніи: къ этому присоединились денежные мотивы, возникшіе изъ злоупотребленій законами о бѣдныхъ, и фермеры постепенно начали переселять своихъ рабочихъ въ коттеджи, которые теперь землевладельцы болѣе не запрещали строить. Въ нѣкоторыхъ странахъ старыи установленный обычай, что дѣвушка не должна выходить замужъ, пока не нарядитъ и не выткала для себя полнаго приданаго (предназначеннаго для всей ея послѣдующей жизни), вліять, говорятъ, на увеличеніе населенія, какъ существенное препятствіе. Въ современной Англіи сдерживающее вліяніе благообразія на возрастаніе населенія проявляется въ уменьшающемся

числѣ браковъ въ фабричныхъ округахъ въ тѣ годы, когда промышленность находилась въ затрудненіи.

Но, каковы бы ни были причины, ограничивающія увеличение населенія до сравнительно медленной прогрессіи, ускореніе этой прогрессіи очень быстро слѣдуетъ за всякимъ ослабленіемъ сдерживающихъ причинъ. Улучшеніе въ положеніи рабочаго класса рѣдко доставляетъ рабочимъ что-нибудь, кромѣ временнаго простора, быстро заполняемаго возрастаніемъ ихъ числа. Всякою выгодною переменною въ своемъ положеніи рабочіе обыкновенно предпочитаютъ пользоваться въ такой формѣ, которая, увеличивая населеніе, лишаетъ ихъ потомство выгоды отъ этой перемены. Пока они не научатся лучше пользоваться благоприятными обстоятельствами, благодаря ли увеличенію ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, благодаря поднятію ихъ обыкновеннаго уровня жизненныхъ удобствъ, до тѣхъ поръ имъ нельзя принести никакой постоянной помощи. Самые многообещающіе проекты кончаются только увеличеніемъ числа, а не улучшеніемъ быта населенія. Подъ ихъ обыкновеннымъ уровнемъ благосостоянія и подразумеваю такой уровень,—если только онъ существуетъ,—до котораго, но не ниже котораго они будутъ опускаться при размноженіи. Всякій успѣхъ ихъ въ образованіи, цивилизаціи и общественномъ положеніи способствуетъ повышенію этого уровня, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ постепенно, хотя и медленно, повышается въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ западной Европы. Средства существованія и занятія для труда никогда не увеличивались въ Англии такъ остро, какъ въ послѣдніе сорокъ лѣтъ; но каждая перепись съ 1821 года показываетъ меньшее пропорціональное увеличеніе населенія, чѣмъ въ предыдущій періодъ; а продуктъ французскаго земледѣлія и промышленности увеличивается въ прогрессивной пропорціи, между тѣмъ какъ при каждой пятилѣтней переписи отношеніе числа рождающихся къ населенію оказывается все меньше.

Однако вопросъ о населеніи, въ связи съ вопросомъ о положеніи рабочаго класса, будетъ разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ: въ этой же главѣ мы разсмотрѣли населеніе, единственно какъ одинъ изъ элементовъ производства, и, разбирая его съ этой стороны, мы не могли не указать безграничныхъ размѣровъ его естественной способности къ увеличенію, и причинъ, благодаря которымъ въ дѣйствительности чаще всего проявляется только незначительная часть этой безграничной способности. Послѣ этого короткаго указанія мы перейдемъ къ другимъ элементамъ.

ГЛАВА XI.

Законъ возрастанія капитала.

§ 1. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что изъ элементовъ производства—труда, капитала и земли—первый не можетъ поро-

ждать препятствій къ увеличенію производства. Со стороны труда нѣтъ препятствій для возрастанія производства до неопредѣленныхъ размѣровъ и съ неослабвующею быстротой. Населеніе имѣетъ способность увеличиваться въ однообразной и быстрой геометрической прогрессіи. Если бы единственнымъ необходимымъ условіемъ производства былъ трудъ, продуктъ его могъ бы и естественно долженъ бы былъ увеличиваться въ той же пропорціи, и увеличенію его не было бы границъ, до тѣхъ поръ, пока размѣры человечества не дошли бы до положенія, при которомъ явился бы дѣйствительный недостатокъ мѣста.

Но производство имѣетъ еще другіе элементы: однимъ изъ нихъ будетъ капиталъ, къ разсмотрѣнію котораго мы сейчасъ и приступимъ. Ни на всемъ земномъ шарѣ, ни въ какой-нибудь отдельной странѣ не можетъ существовать больше людей, чѣмъ сколько можетъ содержаться на продуктъ прошедшаго труда до тѣхъ поръ, пока не получится продуктъ настоящаго. Также въ какой-нибудь странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ не будетъ болѣе того числа производительныхъ рабочихъ, какое можетъ существовать на ту часть продукта прежняго труда, которая сберегается отъ потребления ея владѣльцемъ для цѣлей новаго производства и которая называется капиталомъ. Итакъ, теперь мы займемся изслѣдованіемъ условій возрастанія капитала, причинъ, которыми опредѣляется быстрота этого возрастанія, и границъ, до которыхъ оно можетъ дойти.

Такъ какъ весь капиталъ есть продуктъ сбереженія, т. е. продуктъ воздержанія отъ настоящаго потребленія ради будущей выгоды, то увеличеніе капитала должно зависеть отъ двухъ вещей: отъ всей сумы запасовъ, изъ которыхъ можетъ быть сдѣлано сбереженіе, и отъ силы расположенія, побуждающаго къ нему.

Запасъ, изъ котораго можетъ быть сдѣлано сбереженіе, есть излишекъ продукта труда, оставшійся послѣ снабженія предметами необходимости всѣхъ участниковъ въ производствѣ (включая и людей, занятыхъ возобновленіемъ матеріаловъ и ремонтомъ основнаго капитала). Ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть сбережено болѣе этого излишка. Это же количество всегда можетъ быть сбережено, хотя никогда не сберегается. Этотъ излишекъ служитъ фондомъ, изъ котораго доставляются предметы удовольствія, отличающіеся отъ предметовъ необходимости производителей; это есть фондъ, на который существуютъ всѣ лично не участвующіе въ производствѣ и изъ котораго производится все увеличеніе капитала. Онъ есть дѣйствительный чистый продуктъ страны. Выраженіе «чистый продуктъ» часто принимается въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, для обозначенія только доходовъ капиталиста и ренты землевладѣльца, и даетъ понятіе, что ничто не можетъ быть включено въ чистый продуктъ капитала, кромѣ дохода, полученнаго соб-

ственникомъ капитала, за покрытиемъ всѣхъ его издержекъ. Но это слишкомъ тѣсное значеніе этого термина. Капиталъ хозяина составляетъ доходъ рабочихъ, и если этотъ доходъ превышаетъ ихъ необходимыя потребности, то онъ доставляетъ имъ излишекъ, который они могутъ либо истратить для наслажденій, либо сберечь. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ говоритья о чистомъ продуктѣ промышленности, этотъ излишекъ долженъ быть включенъ въ него. Только когда онъ включенъ, и не иначе, чистый продуктъ страны будетъ мѣрой ея дѣйствительной силы, мѣрой того, что страна можетъ сберечь для какихъ-нибудь цѣлей общественной пользы или для частныхъ потребностей: этотъ излишекъ составляетъ ту часть продукта, которую страна можетъ свободно располагать, къ которой она можетъ прибѣгнуть для достиженія какихъ-нибудь цѣлей, для удовлетворенія какихъ-нибудь желаній правительства или частныхъ лицъ, — часть, которую страна можетъ затратить для собственнаго удовлетворенія или сберечь для будущихъ выгодъ.

Размѣръ этого фонда, этого чистаго продукта или избытка производства надъ физически необходимыми потребностями производителей, составляетъ одинъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ количество сбереженій. Чѣмъ больше количество продукта труда остается отъ содержанія рабочихъ, тѣмъ больше будетъ того, что можетъ быть сбережено. То же самое обстоятельство отчасти опредѣляетъ, сколько будетъ сбережено. Побужденіе къ сбереженію отчасти заключается въ надеждѣ получить доходъ отъ сбереженій, — надеждѣ, основанной на томъ фактѣ, что капиталъ, употребленный въ производствѣ, способенъ не только воспроизводиться, но доставляетъ нѣкоторый излишекъ. Чѣмъ больше можетъ быть извлечено выгоды изъ капитала, тѣмъ сильнѣе будетъ побужденіе къ его накопленію. Въ самомъ дѣлѣ, побужденіемъ къ сбереженію служатъ не весь фондъ, доставляющій средства къ сбереженію, не весь чистый продуктъ земли, капитала и труда страны, а только часть его, и именно та часть, которая составляетъ вознагражденіе капиталиста и называется прибылью съ капитала. Однако довольно легко можно понять, даже прежде тѣхъ объясненій, которыя будутъ даны впоследствии, что когда общая производительность труда и капитала велика, то и доходы капиталистовъ, вѣроятно, будутъ велики и что между производительностью труда и капитала и доходами капиталистовъ обыкновенно будетъ существовать извѣстное, хотя и не однообразное, соотношеніе.

§ 2. Нерасположенность къ сбереженію не вполне зависить отъ высшихъ побужденій къ нему, отъ суммы выгодъ, которую могутъ доставить сбереженія. При одинаковомъ денежномъ побужденіи, расположенность къ сбереженію очень различна у различныхъ людей и въ различныхъ обществахъ. Дѣйствительное стремленіе къ накопленію не одинаково по своей силѣ не только въ слѣдствіе разнообразія характеровъ отдельныхъ лицъ, но и въ слѣдствіе разнообразія

общественнаго строя и цивилизаціи. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ нравственныхъ качествахъ, люди проявляютъ большія различія, соотвѣтственно разнообразію ихъ положенія и степени ихъ развитія.

Полное изслѣдованіе этихъ вопросовъ перешло бы границы, какія могутъ быть допущены въ этомъ трактатѣ; а потому достаточно будетъ сослаться на другія работы, въ которыхъ необходимыя разъясненія представлены въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. По вопросу о населеніи эту цѣнную услугу оказалъ Мальтусъ своимъ знаменитымъ «Опытомъ», а по вопросу, занимающему теперь насъ, я могу сослаться съ одинаковымъ довѣріемъ на другую, хотя и менѣе извѣстную, работу, а именно «New Principles of Political Economy» доктора Раэ *). Ни въ одной извѣстной мнѣ книгѣ не представлено съ такой ясностью основанія и историческое развитіе причинъ, опредѣляющихъ накопленіе капитала.

Всякое накопленіе заключаетъ въ себѣ пожертвованіе настоящей выгодой ради будущей. Но цѣлесообразность такого жертвованія сильно павѣвается при различныхъ обстоятельствахъ, а готовность подвергаться ему измѣнится еще больше.

Руководящимъ элементомъ при взвѣшиваніи будущаго, по сравненіи съ настоящимъ, является неопредѣленность всѣхъ будущихъ дѣлъ, и степень этой неопредѣленности бываеетъ очень различна. Поэтому «всѣ обстоятельства, увеличивающія увѣренность, что мы сами или другіе будемъ пользоваться запасомъ, который дѣлается нами для будущаго, способствуютъ «вполнѣ справедливо и основательно», усиленію дѣйствительнаго стремленія къ накопленію. Такимъ образомъ, здоровый климатъ или здоровое и обезпеченное занятіе увеличиваетъ увѣренность въ продолжительности жизни, способствуютъ увеличенію желанія этой продолжительности. Люди,

*) Этотъ трактатъ служитъ однимъ изъ нерѣдко встрѣчающихся примѣровъ того, насколько распространеніе книги больше зависитъ отъ случая, нежели отъ ея качества. Появивъ онъ въ подходящее время и при благоприятныхъ обстоятельствахъ, онъ имѣлъ бы всѣ шансы для большаго успѣха. Авторъ его, шотландецъ, поселившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, обладалъ большими знаніями, оригинальнымъ образомъ мыслей, значительной склонностью къ философскимъ обобщеніямъ и способомъ изложенія и объясненія, дающимъ о разныхъ идеяхъ болѣе ясное понятіе, чѣмъ онѣ иногда заслуживаютъ, и этотъ способъ иногда, мнѣ кажется, оказываетъ вліяніе и на умъ самого писателя. Главная ошибка книги заключается въ томъ антагонизмѣ, въ какой авторъ поставилъ себя по отношенію къ Адаму Смиту, и въ духѣ противорѣчій, къ которому склонны люди, имѣющіе новыя понятія о старомъ предметѣ. Я называю это ошибкой (хотя многія изъ его опроверженій я считаю справедливыми, а нѣкоторыя изъ нихъ очень важными и проницательными), потому что въ убѣжденіяхъ обихъ писателей гораздо меньше дѣйствительнаго различія, чѣмъ можно бы предположить, судя по порицаніямъ доктора Раэ; все, что онъ считалъ уязвимымъ въ своемъ великомъ предшественникѣ, это было главнымъ образомъ «слишкомъ много человѣческаго» въ его послылкахъ; часть изъ нихъ при томъ совершенно лишняя, она не требовалась и не была въ дѣйствительности примѣнена для доказательства его выводовъ.

имѣющіе обеспеченныя занятія и живущіе въ здоровыхъ странахъ, гораздо болѣе способны къ бережливости, чѣмъ тѣ, которые посвятили себя нездоровымъ и опаснымъ занятіямъ и живутъ въ климатахъ пагубныхъ для человѣческой жизни. Моряки и солдаты расточительны. Въ Вестъ-Индіи, Новомъ Орлеанѣ, Остъ-Индіи расходы жителей чрезвычайно велики. Тѣ же люди, поселяясь въ здоровыхъ частяхъ Европы и не попадая въ вихрь безумной моды, живутъ экономно. Война и эпидемія, между многими другими бѣдствіями, всегда порождаютъ расточительность и роскошь. На томъ же основаніи все, доставляющее безопасность общественному строю, благоприятствуетъ усилению принципа бережливости. Въ этомъ отношеніи общее господство закона и порядка и надежда на продолжительное существованіе мира и спокойствіи имѣютъ большое значеніе*). Чѣмъ болѣе безопасность, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствительное стремленіе къ накопленію. Гдѣ собственность менѣе обеспечена или разорительныя перемены болѣе часты и болѣе жестоки, тамъ вообще меньшее число людей будетъ берегать, и для многихъ изъ берегающихъ потребуетъ побужденіе, заключающееся въ гораздо болѣе крупномъ размѣрѣ прибыли съ капитала, для того чтобы заставить ихъ предпочесть сомнительное будущее текущей настоящимъ наслажденіямъ.

Вотъ гдѣ соображенія, которыя въ глазахъ разсудка подтверждаютъ целесообразность заботы о будущихъ выгодахъ въ ущербъ настоящимъ. Но расположеніе приноситъ эту жертву зависитъ не только отъ ея выгоды. Склонность къ береженію часто бываетъ гораздо ограниченнѣе того, что подсказалъ бы разсудокъ, а въ другія времена она превосходитъ всякую разсудительность.

Недостатокъ силы въ стремленіи къ накопленію можетъ возникнуть отъ непредусмотрительности или отъ недостатка заботливости о другихъ людяхъ. Непредусмотрительность можетъ зависѣть какъ отъ умственныхъ, такъ и отъ нравственныхъ причинъ. Отдѣльные люди и общества на очень низкой ступени умственнаго развитія всегда непредусмотрительны. Какъ кажется, извѣстная степень умственнаго развитія необходима для того, чтобы обстоятельство и въ особенности обстоятельства будущія, дѣйствовали на воображеніе съ нѣкоторой силой. Вліяніе недостатка заботливости о другихъ на уменьшеніе накопленія будетъ признано, если мы вспомнимъ, какъ много происходитъ въ настоящее время бережливости, имѣющихъ своею цѣлью скорѣе интересы другихъ, чѣмъ самихъ берегающихъ: воспитаніе дѣтей, обеспеченіе ихъ въ жизни, будущіе интересы другихъ родныхъ, поощреніе, посредствомъ пожертвованій времени и денегъ, цѣлей, полезныхъ обществу или частнымъ лицамъ. Если бы люди были вообще въ такомъ душевномъ состояніи, какое приблизительно можно было видѣть въ періодъ упадка Римской имперіи, если бы они нисколько не заботились ни о своемъ

потомствѣ, ни о друзьяхъ, ни объ общественныхъ или иныхъ цѣляхъ, превышающихъ продолжительность человѣческой жизни, то они рѣдко бы отказывали себѣ въ прихотяхъ ради береженія чего-нибудь сверхъ того, что необходимо для ихъ собственной жизни; и эти береженія они бы помѣстили для полученія ежегодной ренты, или на какихъ-нибудь другихъ условіяхъ, при которыхъ ихъ капиталъ истощился бы къ моменту ихъ смерти.

§ 3. Влѣдствіе этихъ разнообразныхъ умственныхъ и нравственныхъ причинъ, въ различныхъ частяхъ рода человеческого, существуетъ гораздо болѣе различіе въ силѣ дѣйствительнаго стремленія къ накопленію, чѣмъ это обыкновенно принимается въ соображеніе. Отсталое состояніе всего общественнаго развитія часто зависѣть отъ недостатка именно этой причины, а не какихъ-нибудь другихъ, которыя привлекаютъ большее вниманіе. Напримѣръ, въ положеніи охотничьяго племени, человекъ, можно сказать, неизбѣжно будетъ непредусмотрительнымъ и равнодушнымъ къ будущему, потому что въ такомъ положеніи будущее не представляетъ ничего, что бы можно было съ увѣренностью предвидѣть или направить. Кромѣ недостатка побудительныхъ причинъ къ обеспеченію будущихъ потребностей съ помощью материальныхъ средствъ настоящаго, въ этомъ періодѣ развитія недостаетъ также привычки къ представленіямъ и дѣйствіямъ, ведущимъ къ постоянной связи настоящаго и будущаго въ умѣ человека и къ установленію ряда событій, осуществляющихъ эту связь. Поэтому, если бы даже явились побужденія, способныя вызвать усиліе, необходимое для осуществленія этой связи, то, кромѣ того, человекъ еще должегъ выучиться думать и дѣйствовать такъ, чтобы осуществить ее.

Напримѣръ, По берегамъ рѣки св. Лаврентія пахотится много небольшихъ индѣйскихъ деревень. Онѣ обыкновенно окружены значительнымъ количествомъ земли, на которой тѣсъ, кажется, уже давно истребленъ, а кромѣ того, къ нимъ прилегаютъ еще большія пространства, покрытыя тѣсомъ. Очищенная изъ-подъ тѣса земля рѣдко или, можно сказать, почти никогда не обрабатывается, а также съ этой цѣлью не дѣлается никакихъ заимокъ и въ тѣсахъ. Тѣмъ не менѣе почва плодородна, а если бы она была и неплодородна, то удобреніе лежитъ цѣлыми кучами возлѣ ихъ домовъ. Если бы каждая семья для себя огородила полакра земли, обработала и засеяла ее картофелемъ и мавсомъ, то она получила бы достаточно своего прокормленія въ теченіе полугода. Эти индѣйцы постоянно терпятъ крайнюю нужду, такъ что отъ этой причины, въ соединеніи еще со случайной невоздержностью, число ихъ быстро уменьшается. Эта столь непонятная для насъ апатія не можетъ быть вполне объяснена отвращеніемъ къ труду; напротивъ, они очень усердны, когда вознагражденіе получается немедленно. Такъ, напримѣръ, кромѣ ихъ специальныхъ занятій охотой и рыбной ловлей, принятыя за которыя они всегда готовы, они въ большомъ числѣ наплаваютъ на суда, плавающія по рѣкѣ св. Лаврентія, и

*) Рз, стр. 123.

ихъ можно видѣть работающими на вѣслахъ или вѣдущими на шестахъ большія лодки, которыя тамъ въ употребленіи, и вообще они доставляютъ наибольшую часть добавочныхъ рукъ для проведенія плотовъ черезъ быстроты. Причина этой апагии также не заключается въ отвращеніи къ земледѣльческому труду; безъ сомнѣнія, у нихъ существуетъ нѣкоторое предубѣжденіе противъ него; но простыя предубѣжденія легко исчезаютъ, нельзя только создать новыхъ принциповъ жизни. Когда вознагражденіе за земледѣльческій трудъ велико и получается быстро, они готовы стать земледѣльцами. Такъ нѣкоторые острова на озерѣ св. Франциска, вблизи индѣйской деревни Сентъ-Реджисъ, благоприятны для произрастанія маниса, растенія, дающаго урожаиъ самъ-его и даже въ недозрѣломъ видѣ представляющаго приятную и питательную пищу; поэтому участки лучшей земли на этихъ островахъ ежегодно обрабатываются жителями для посѣва маниса. Такъ какъ эти клочки земли по своему положенію не доступны для скота, то они не требуютъ никакихъ огражденій; а если бы этотъ добавочный расходъ былъ необходимъ, то я подозреваю, что индѣйцы тоже бы пренебрегли этими островами, какъ пренебрегаютъ пастбищами, прилегающими къ ихъ деревнямъ. Повишному, эти пастбища когда-то засѣвались; но скотъ соединилъ поселенцевъ уничтожилъ бы въ настоящее время всякую недостаточную огражденную жатву, и эта необходимость въ добавочномъ трудѣ и была причиной уничтоженія земледѣлія индѣйцевъ. Она поставила ихъ въ такія условія, при которыхъ доходы получались бы съ медленностью, не соответствующей силѣ дѣйствительнаго стремленія къ накопленію въ этомъ маленькомъ обществѣ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что всѣ работы, какими только они занимаются, производятся ими въ совершенствѣ. Небольшіе участки, засѣваемые хлѣбомъ, они старательно выкалываютъ и всушиваютъ. Малѣйшая небрежность въ этомъ отношеніи дѣйствительно сильно бы уменьшила урожаи; это они прекрасно знаютъ изъ опыта, и сообразно съ этимъ и поступаютъ. Очевидно, что препятствіемъ къ болѣе обширному земледѣлію служить не трудъ, необходимый для этого, а отдаленность вознагражденія за этотъ трудъ. И дѣйствительно, мнѣ приходилось слышать, что у нѣкоторыхъ наиболѣе удаленныхъ племенъ трудъ, такимъ образомъ затраченный, значительно превышаетъ тотъ, какой обыкновенно употребляютъ бѣлые. Едва ли участки земли, обрабатываемые безъ отдыха и безъ всякаго удобренія, могли бы давать какой-нибудь доходъ, если бы почва не была въ высшей степени старательно вскопана и распушена, разогъ и руками и лопатой. При такомъ положеніи бѣлый человѣкъ расчистилъ бы новый кусокъ земли. Въ первый годъ его трудъ едва ли бы оплатился, и ему пришлось бы ждать вознагражденія отъ слѣдующихъ годовъ. Но для индѣйца послѣдующіе года слишкомъ далеки, чтобы произвести на него достаточное впечатлѣніе; хотя для полученія того, что можетъ дать трудъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ работаетъ даже го-

раздо прилежнѣе «блага человека» *). Этотъ взглядъ подтверждается опытомъ иезуитовъ въ ихъ интересныхъ усиліяхъ цивилизовать индѣйцевъ въ Парагваѣ. Они овладѣли довѣріемъ дикарей въ чрезвычайной сильной степени, приобрѣли надъ ними вліяніе, достаточное для того, чтобы заставить ихъ совершенно измѣнить свой образъ жизни. Они достигли полного послушанія и подчиненія со стороны туземцевъ, водворили спокойствіе, научили ихъ всѣмъ приемамъ европейскаго земледѣлія и многимъ изъ самыхъ трудныхъ искусствъ. По словамъ Шарлевуа, тамъ повсюду можно было видѣть «мастерскія золотоплѣтчиковъ, живописцевъ, скульпторовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, часовщиковъ, плотниковъ, столяровъ, красильщиковъ» и т. д. Эти занятія производились не для личной выгоды ремесленниковъ: продуктъ находился въ полномъ распоряженіи миссіонеровъ, которые управляли народомъ, добровольно признавшимъ ихъ деспотизмъ. Итакъ, препятствія, возникающія изъ отвращенія къ труду, были окончательно побѣждены. Дѣйствительное затрудненіе заключалось въ непредусмотрительности туземцевъ, въ ихъ неспособности думать о будущемъ и, поэтому, въ необходимости самаго неослабнаго и мелочнаго надзора за ними со стороны ихъ поставщиковъ. «Такъ напримѣръ, если бы миссіонеры отдали на попеченіе туземцевъ тѣхъ быковъ, которыми они работаютъ, то, вслѣдствіе ихъ лѣности и разбѣянности, вечеромъ эти быки остались бы невыпряженными изъ орудій. Бывали примѣры еще хуже: они убивали этихъ быковъ для ужина, а когда имъ дѣлалъ выговоръ, то они думали, что достаточнымъ извиненіемъ для нихъ служить то, что они были голодны... Отцамъ миссіонерамъ, говоритъ У.юа, приходится посѣщать дома, для того чтобъ узнать, что дѣйствительно необходимо, потому что безъ этихъ хлопотъ индѣйцы никогда бы ни о чемъ не позаботились. Они также должны были присутствовать при убое животныхъ, не только для того, чтобы мясо было раздѣлено поровну, но также и для того, чтобы ничто не было потеряно». «Но, несмотря на всѣ эти заботы и надзоръ», говоритъ Шарлевуа, «и всѣ предосторожности, употреблявшіяся для предупрежденія нужды въ предметахъ необходимости, миссіонеры иногда находятъ въ большемъ затрудненіи. Часто случается, что индѣйцы не сохраняютъ достаточнаго количества зерна даже для посѣва. Что же касается другихъ запасовъ, то если бы за ними не такъ хорошо слѣдили, то они бы скоро оказались безъ всякихъ средствъ къ существованію **).

Какъ примѣръ промежуточной ступени дѣйствительнаго стремленія къ накопленію, занимающей мѣсто между описаннымъ положеніемъ вещей и состояніемъ современной Европы, заслуживаютъ вниманія китайцы. Изъ многихъ разнообразныхъ подробностей, относящихся къ ихъ личнымъ привычкамъ и социальнымъ отноше-

*) Rea, стр. 136.

**) Ibid., стр. 140.

внѣмъ, можно заключить, что степень ихъ благоразумія и самообладанія гораздо значительнѣе, нежели у всѣхъ азиатскихъ народовъ и меньше, чѣмъ у всѣхъ европейскихъ націй, а слѣдующее свидѣтельство доказываетъ это фактически.

«Прочность произведенныхъ вещей есть одно изъ главныхъ качествъ, указывающихъ на высокую степень дѣйствительнаго стремленія къ накопленію. По свидѣтельству путешественниковъ, произведенія, созданныя китайцами, обладаютъ гораздо меньшею прочностью по сравненію съ подобными же произведеніями европейцевъ.

Ихъ дома, какъ намъ передавали, за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежатъ высшимъ сословіямъ, вообще сложены изъ необожженного кирпича и г.шны, или сдѣланы изъ плетни, обмазаннаго землей, крыши—изъ тростника, прикрѣпленнаго къ брусамъ. Трудно себѣ представить болѣе непрочную и недолговѣчную постройку: внутреннія стѣны въ этихъ зданіяхъ изъ бумаги и требуютъ ежегоднаго возобновленія. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно нѣк. земледѣльческихъ орудій и прочей утвари. Все это почти всецѣло состоитъ изъ дерева; металлы входятъ въ издѣлія въ самомъ ограниченномъ количествѣ, поэтому они быстро портятся и требуютъ частаго возобновленія. Болѣе значительная степень стремленія къ накопленію побудила бы китайцевъ приготовить свою утварь изъ матеріаловъ, требующихъ въ настоящемъ гораздо большаго расхода, зато она была бы гораздо прочнѣе. По той же причинѣ у нихъ пустоеть много такой земли, которая бы обрабатывалась въ другихъ странахъ. Всѣ путешественники упоминаютъ о большихъ пространствахъ земли, главнымъ образомъ болотъ, остающихся въ своемъ первобытномъ состояніи. Сдѣлать болото удобнымъ для земледѣлія, это—работа, для выполненія которой обыкновенно требуется нѣсколько лѣтъ. Сперва его нужно осушить и предоставить поверхность его на долго вліянію солнца, а затѣмъ нужно выполнить еще много всякихъ операцій, прежде чѣмъ оно станетъ способнымъ приносить жатву. Хотя оно, вѣроятно, будетъ приносить очень значительное вознагражденіе за трудъ, потраченный на него, но все же это вознагражденіе станетъ получаться не раньше, какъ по истеченіи большаго промежутка времени. Обработка подобной земли предполагаетъ большую силу дѣйствительнаго стремленія къ накопленію, чѣмъ какая существуетъ въ имперіи.

Продуктъ жатвы, какъ мы уже замѣтили, всегда служитъ средствомъ для извѣстной цѣли: онъ есть запасъ для будущихъ потребностей и регулируется тѣми же законами, какъ и другія средства для достиженія той же цѣли.

Тамъ воздѣлывается главнымъ образомъ рисъ, который приносятъ двѣ жатвы въ годъ: первую въ іюнь, другую—въ октябрѣ. Слѣдовательно, промежутокъ въ восемь мѣсяцевъ, между октябремъ и іюнемъ, и есть тотъ періодъ, для котораго производится запасъ каждый годъ, и различные расчеты китайцевъ относительно того

дневнаго пропитанія, какое имъ понадобится въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, покажутъ, насколько они способны ограничивать себя въ настоящемъ, для того чтобы не терпѣть нужды въ будущемъ. Но размыры этой способности къ ограниченію должны быть незначительны. И въ самомъ дѣлѣ, отецъ Паренинъ (повидимому, наиболѣе просвѣщенный изъ іезуитовъ и проведеній долгое время между китайцами всѣхъ классовъ) утверждаетъ, что въ этомъ отношеніи у нихъ большой недостатокъ предусмотрительности и бережливости, который и служитъ причиною такъ часто встрѣчающагося тамъ стѣненія въ пищѣ и даже голода.

Что производство въ Китаѣ ограничивается недостаткомъ предусмотрительности, а не недостаткомъ трудолюбія, это еще болѣе очевидно, чѣмъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, относительно полуобращенныхъ въ земледѣліе штатцевъ. «Хорошо извѣстно, что гдѣ вознагражденіе получается быстро, гдѣ предпріятыя работы требуютъ только незначительнаго количества времени для принесенія тѣхъ результатовъ, для которыхъ онѣ были предпріяты, тамъ значительный успѣхъ, приобретенный въ знаніяхъ и искусствахъ, соотвѣтствующихъ природѣ страны и нуждамъ ея жителей, дѣлаетъ промышленность болѣе энергичной и успѣшной. Теплый климатъ, естественное плодородіе страны, познанія, приобретенныя китайцами въ способахъ земледѣлія, открытіе и постоянное приеносленіе наиболѣе полезныхъ растений ко венкой почвѣ.—все это даетъ имъ возможность въ очень короткое время извлекать почти изъ всякаго куска земли такую выгоду, какая, по ихъ понятію, значительно превышаетъ вознагражденіе за трудъ, затраченный на обработку и сборъ жатвы. А жатва, если только она заключается въ такомъ плодородномъ хлѣбѣ, какъ разводимый тамъ обыкновенно рисъ, приноситъ неизмѣнно очень обильное вознагражденіе за трудъ земледѣльца почти со всякаго куска земли, доступнаго для непосредственной обработки: поэтому тамъ воздѣлывается каждое годное къ обработкѣ мѣсто. Жители возираются на холмы и горы и обрабатываютъ ихъ въ террасы: а вода, важная производительная сила природы въ этой странѣ, повсюду проводится дренажными трубами или поднимается вверхъ остроумными и простыми гидравлическими машинами, которыя примѣняются съ незапамятныхъ временъ у этого страннаго народа. Даже и при такихъ условіяхъ хорошіе результаты достигаются сравнительно легко, потому что почва здѣсь очень глубока и покрыта толстымъ слоемъ растительнаго чернозема. Трудъ здѣсь способенъ съ замѣчательнымъ искусствомъ обращать самые непригодные матеріалы въ предметы, служащіе для человѣческихъ цѣлей, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда эти предметы быстро доставляютъ тѣ выгоды, ради которыхъ они произведены; доказательствомъ этому служатъ часто встрѣчающіяся тамъ на многихъ озерахъ и рѣкахъ сооруженія, напоминающія собой плавающие сады перувианцевъ.—плоты, покрытыя растительнымъ слоемъ земли, служащимъ для обработки. Трудъ, такимъ образомъ, извлекаетъ изъ

материаловъ, которыми онъ занимается, очень быстрый доходъ. Ничто не можетъ породить такой роскошной растительности, какъ лучи жгивительнаго солнца въ соединеніи съ богатствомъ почвы и изобиліемъ влаги. Какъ мы уже видѣли, совершенно иначе бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе, хотя и изобильное, получается не скоро. Европейскіе путешественники удивляются, встрѣчая эти небольшія плавучія фермы рядомъ съ болотами, которыя требуютъ только осушенія для того, чтобы стать годными къ обработкѣ. Цѣль кажется страннѣе, что китайцы охотнѣе затрачиваютъ трудъ не на твердую землю, гдѣ результаты труда могли бы существовать долго, а на сооруженія, которыя должны придти въ разрушеніе и погибнуть чрезъ нѣсколько лѣтъ. Но дѣло въ томъ, что тутъ люди думаютъ больше о настоящемъ, чѣмъ о будущемъ. Дѣйствительное стремленіе къ накопленію по своей силѣ совершенно различно у тѣхъ націй, къ которымъ принадлежатъ путешественники, и у китайцевъ. Взгляды европейцевъ простираются далеко въ будущее, и ихъ удивляютъ китайцы, обреченные, вслѣдствіе своей непредусмотрительности и отсутствія достаточной заботы о будущемъ, на непрерывный трудъ и, по ихъ мнѣнію, — на нестершимую пицету. Взгляды китайцевъ въ высшей степени оригинальны, они удовлетворяются существованіемъ взо дни въ день и научились трудовую жизнь считать за благо *)).

Когда страна доводитъ свое производство до такой степени, какая только возможна при существующемъ состояніи знаній, и когда сумма дохода соотвѣтствуетъ среднему уровню силы дѣйствительнаго стремленія къ накопленію въ этой странѣ, то страна достигаетъ такъ называемаго неподвижнаго состоянія, т. е. состоянія, при которомъ капиталъ болѣе не можетъ увеличиваться, если не произойдетъ либо нѣкотораго улучшенія въ способахъ производства, либо увеличенія въ силѣ стремленія къ накопленію. Но хотя при неподвижномъ состояніи капиталъ въ цѣломъ не увеличивается, все же отдѣльныя лица могутъ дѣлаться — одни богаче, другія бѣднѣе. Тѣ, чья предусмотрительность ниже обыкновеннаго уровня, становятся бѣднѣе, ихъ капиталъ гибнетъ и уступаетъ мѣсто сбереженіямъ людей, у которыхъ дѣйствительное стремленіе къ накопленію превышаетъ средній уровень. Эти люди становятся естественными покупателями земель, фабрикъ и другихъ орудій производства, принадлежавшихъ ихъ менѣе предусмотрительнымъ соотечественникамъ.

Впослѣдствіи мы съ полной ясностью укажемъ, въ чемъ заключаются причины, по которымъ доходъ отъ капитала въ одной странѣ выше, чѣмъ въ другой, и почему, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, становится невозможнымъ найти примѣненіе какому-нибудь добавочному капиталу, безъ уменьшенія его дохода? Въ Китаѣ, если эта страна дѣйствительно достигла, какъ думаютъ, не-

*) Rea, стр. 151 - 155

подвижнаго состоянія, накопленіе остановилось при очень высокомъ уровнѣ дохода, что доказывается высокой нормой узаконеннаго процента — двѣнадцать на сто, тогда какъ на практикѣ процентъ колеблется, какъ говорятъ, отъ восемнадцати до тридцати шести. Поэтому можно предположить, что при такомъ высокомъ размѣрѣ прибыли никакой другой капиталъ, кромѣ уже существующаго въ странѣ, не можетъ найти себѣ примѣненія и что всякій болѣе низкій размѣръ этой прибыли не представитъ для китайца достаточного соблазна, чтобы побудить его воздержаться отъ настоящаго наслажденія. Какая противоположность съ Голландіей, гдѣ правительствомъ, въ наиболѣе цвѣтущій періодъ ея исторіи, имѣло возмозность обыкновенно дѣлать займы по два процента, а частныя лица, при достаточномъ обезпеченіи, — по три. Однако Китай не такая страна, какъ Барма, или туземныя индійскія государства, гдѣ громадный процентъ служитъ лишь необходимымъ вознагражденіемъ за тотъ рискъ, какому подвергаются кредиторы, вслѣдствіе недостаточной честности и бѣдности государства и почти всѣхъ частныхъ заемщиковъ; поэтому, если справедливъ фактъ, что увеличеніе капитала достигло въ Китаѣ своего предѣла, между тѣмъ какъ доходъ на него все еще такъ великъ, то это указываетъ на гораздо меньшую степень въ дѣйствительномъ стремленіи къ накопленію, другими словами, на гораздо болѣе низкую оцѣнку будущаго, по сравненію съ настоящимъ, чѣмъ какая существуетъ у большинства европейскихъ народовъ.

§ 4. До сихъ поръ мы говорили о странахъ, въ которыхъ средняя сила стремленія къ накопленію меньше той, какую бы одобрилъ здравый и умѣренный расчетъ при сколько-нибудь сносной обезпеченности. Теперь мы должны сказать еще о другихъ странахъ, въ которыхъ она рѣшительно превосходитъ эту мѣру. Въ болѣе цвѣтущихъ государствахъ Европы можно найти множество людей расточительныхъ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ (п главнымъ образомъ въ Англіи) обыкновенная степень бережливости и предусмотрительности у людей, жывущихъ ручнымъ трудомъ, не можетъ быть признана высокой. Однако, въ очень многочисленной части общества, состоящей изъ профессиональныхъ фабричныхъ и промышленныхъ классовъ, — у которыхъ, говоря вообще, побудительныя причины соединяются со средствами къ сбереженію въ болѣе высокой степени, чѣмъ у другихъ классовъ, — стремленіе къ накопленію настолько сильно, что признаки быстрого роста богатства бросаются всею въ глаза: вслѣдствіе этого большое количество капиталовъ, ищущихъ примѣненія, возбуждаетъ удивленіе всякій разъ, когда особенныя обстоятельства обнаруживаютъ всю величину ихъ суммъ, направляя значительную часть ихъ на какой-нибудь одинъ путь, — напримѣръ, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ или на иностранныя спекулятивныя предпріятія.

Въ Англіи существуетъ много обстоятельствъ, придающихъ особенную силу склонности къ накопленію. Эта страна съ давнѣе

порь была избавлена отъ военныхъ опустошеній, а обезпеченность собственности отъ военного насилия или самоуправнаго расхищенія появляется въ ней въ гораздо ранній періодъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было; все это породило давнишнюю и наследственную увѣренность въ безопасности имущества, отданнаго въ кредитъ, тогда какъ такая увѣренность въ другихъ странахъ появилась гораздо поздне и менѣе установилась. Въздѣвие географическихъ условій, сдѣлавшихъ не войну, а промышленность естественнымъ источникомъ силы и значенія для Великобританіи, множество лицъ изъ ея населенія, обладающихъ наиболѣе энергичными и предприимчивыми характерами, обратилось къ фабричной промышленности и торговлѣ; они стали удовлетворять свои потребности и нашли исходъ своему честолюбію въ производствѣ и накопленіи, а не въ присвоеніи того, что было произведено и сбережено другими. Многие также зависѣло отъ хорошихъ политическихъ учрежденій этой страны, которая, благодаря той свободѣ дѣйствій, какую они допускали, поощряла въ отдѣльныхъ лицахъ дѣятельность и увѣренность въ себѣ, между тѣмъ какъ признаваемая закономъ свобода ассоціацій и товариществъ облегчала промышленныя предпріятія въ широкихъ размѣрахъ. Тѣ же учрежденія другой своей стороною давали непосредственный и въ высшей степени сильный толчокъ желанію обогащаться. Раннее ослабленіе феодализма уничтожило, или значительно ослабило неаппетитныя различія между торговымъ классомъ и высшими классами, относившимися съ пренебреженіемъ къ первому. Взамѣнъ прежняго политическаго строя установился новый, сдѣлавшій богатство дѣйствительнымъ источникомъ политическаго вліянія, и пріобрѣтеніе богатства получило искусственную важность, независимо отъ его дѣйствительной полезности. Оно сдѣлалось синонимомъ власти; а такъ какъ власть надъ простыми смертными есть основаніе всякой власти, то богатство сдѣлалось главнымъ источникомъ значенія отдѣльныхъ лицъ, мѣрой и признакомъ успѣха въ жизни. Перейти изъ одного слоя общества въ другой, высшій, составляетъ главное стремленіе людей средняго сословія въ Англіи, а пріобрѣтеніе богатства служитъ средствомъ для этого. Но такъ какъ обладаніе богатствомъ не сопряженнымъ съ веденіемъ промышленнаго предпріятія, до этого времени всегда считалось преимуществомъ на общественной лѣстницѣ, по сравненію съ людьми, богатыми благодаря промышленности, то стало предметомъ тщательнаго сбереганія такое количество, которое давало бы возможность получать большіе доходы не только во время занятій предпріятіемъ, но и по удаленіи изъ него, и жить роскошно на реализованную прибыль. Этимъ причинамъ еще въ значительной степени содѣйствуетъ та чрезвычайная неспособность англійскаго народа къ личнымъ удовольствіямъ, которая составляетъ характерную черту всѣхъ странъ, находившихся подъ вліяніемъ пуританства. Но если накопленіе, съ одной стороны, и облегчается отсутствіемъ склонности къ удовольствіямъ, то, съ другой стороны, оно становится болѣе за-

труднительнымъ отъ значительной склонности англчанъ къ расходамъ. Связь между личнымъ значеніемъ человека и вѣншими признаками богатства такъ тѣсна, что глупое стремленіе выставить напоказъ большіе расходы пріобрѣтаетъ силу страсти въ обширныхъ классахъ народа, которые, быть можетъ, получаютъ отъ своихъ расходовъ меньше удовольствія, чѣмъ кто бы то ни было другой. Въздѣвие этихъ обстоятельствъ дѣйствительное стремленіе къ накопленію въ Англіи никогда не достигало такой высокой степени, какъ въ Голландіи, гдѣ не было богатыхъ и праздныхъ классовъ, подающихъ примѣръ безумныхъ тратъ, тогда какъ торговые классы, обладавшіе въ Голландіи существенной силой, отъ которой всегда зависѣло общественное вліяніе, сами устанавливали свой образъ жизни и кодексъ приличій и сохранили привычки бережливости и скромности.

Итакъ, съ давнихъ поръ въ Англіи и Голландіи, а въ настоящее время въ большей части европейскихъ странъ (быстро слѣдующихъ за Англіей въ томъ же направленіи), стремленіе къ накопленію, для того чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ, не требуетъ такихъ большихъ доходовъ, какіе необходимы въ Азіи; оно вызывается въ достаточной степени даже существующимъ теперь низкимъ размѣромъ прибыли, такъ что накопленіе не только не ослабѣваетъ, а, повидимому, идетъ быстрѣе, чѣмъ когда-либо; въздѣвие этого второе условіе, необходимое для возростанія производства, — увеличеніе капитала, — не обнаруживаетъ никакой склонности стать недостаточнымъ. Для роста производства, насколько оно зависитъ отъ этого элемента, нельзя опредѣлить границъ.

Прогрессъ накопленія, безъ сомнѣнія, въ значительной степени былъ бы приостановленъ, если бы доходъ на капиталъ понизился еще больше, чѣмъ теперь. Но почему всякое возростаніе капитала должно приводить къ такому результату? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ изслѣдованію послѣдняго изъ трехъ элементовъ производства. Такъ какъ ограниченіе производства не зависитъ отъ какого-нибудь необходимаго предѣла, поставленнаго двумя первыми элементами — трудомъ и капиталомъ, то слѣдуетъ обратиться къ свойствамъ третьяго элемента, который по существу своему и самъ по себѣ ограниченъ въ количествѣ. Производство ограничивается свойствами земли.

ГЛАВА XII.

Законъ возростанія продукта земли.

§ 1. Земля отличается отъ другихъ элементовъ производства — труда и капитала — тѣмъ, что она не способна къ безконечному увеличенію. Ея пространство вообще ограничено, а пространство

болѣе плодородныхъ частей ея ограничено еще болѣе. Очевидно также, что количество продукта, которое можно собрать на данномъ участкѣ, имѣетъ свой предѣлъ. Ограниченность пространства и производительныхъ силъ земли препятствуетъ возрастанію производства.

Всегда должно бы было быть понятнымъ, что въ этомъ заключаются крайніе предѣлы производства. Но послѣдняя степень никогда и ни въ одномъ случаѣ не достигалась; нѣтъ ни одной страны, въ которой бы вся земля, годная для производства пищи, была подвергнута настолько высокой культурѣ, чтобы нельзя было получить нѣсколько больше продукта (даже не предполагая какихъ-нибудь новыхъ успѣховъ въ сельско-хозяйственныхъ наукахъ); кромѣ того, большая часть земной поверхности остается совершенно необработанной; все это повело къ мысли, общераспространенной и весьма естественной на первый взглядъ, что въ наше время всѣ ограниченія производства и зависящаго отъ него населенія безконечно далеко и что пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ явится необходимость серьезно считаться съ ограничительнымъ принципомъ.

Я боюсь, что это ошибка, и даже ошибка наиболѣе грубая во всей политической экономіи. Это вопросъ основной, и онъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ какой бы то ни было другой; онъ заключаетъ въ себѣ причины существованія бѣдности въ богатомъ и промышленномъ обществѣ; и пока мы не усвоимъ себѣ воли въ этомъ предметѣ, дальнейшее движеніе въ нашемъ изслѣдованіи будетъ бесполезно.

§ 2. Ограниченіе, налагаемое на производство свойствами земли, не похоже на препятствіе, представляемое стѣною, которая стоитъ неподвижно въ одномъ мѣстѣ и останавливаетъ движеніе внезапно и вполне. Мы скорѣе можемъ сравнить его съ очень упругой и растяжимой повязкой, которая едва ли можетъ быть когда-нибудь натянута настолько сильно, чтобы ея нельзя было натянуть еще сильнѣе, но давленіе которой чувствуется задолго до момента ея высшаго напряженія, и чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе этотъ моментъ.

Послѣ того какъ нѣкоторая, не особенно высокая, степень въ развитіи земледѣлія была достигнута, какъ только люди стали обрабатывать землю съ нѣкоторымъ стараніемъ и примѣнили сколько-нибудь удовлетворительныя орудія, тотчасъ обнаружился законъ земледѣльческаго производства, состоящій въ томъ, что если мы при данномъ уровнѣ земледѣльческаго искусства и знаній, будемъ увеличивать количество труда, то продуктъ не будетъ увеличиваться въ равной степени: удвоенный трудъ не дастъ удвоеннаго продукта. Или же, выражая ту же мысль иными словами, каждое увеличеніе продукта получается благодаря болѣе чѣмъ пропорціональному увеличенію количества труда, примененнаго къ землѣ.

Этотъ основной законъ земледѣльческой промышленности составляетъ наиболѣе важную теорему политической экономіи. Если бы законъ былъ инымъ, то почти всѣ явленія производства и рас-

предѣленія были бы не такими, какъ теперь. Наиболѣе важныя ошибки, которыя еще существуютъ въ нашей наукѣ, зависятъ отъ того, что люди не различаютъ дѣйствія отъ закона, за болѣе поверхностными силами, на которыхъ останавливается ихъ вниманіе, и ошибочно принимаютъ эти силы за конечныя причины явленій; между тѣмъ онѣ вліяютъ только на форму, на внѣшній видъ явленія. тогда какъ его сущность опредѣляется этимъ закономъ.

Если для увеличенія количества продукта прибѣгаютъ къ землѣ худшаго качества, то ясно, что продуктъ не возрастаетъ въ одинаковой пропорціи съ трудомъ. Говоря о землѣ худшаго качества, мы имѣемъ въ виду именно землю, которая при одинаковой затратѣ труда даетъ меньшую сумму продукта. Участокъ земли можетъ быть худшаго качества или по плодородію, или по положенію. Въ первомъ случаѣ онъ требуетъ относительно большаго количества труда для полученія продукта, во второмъ—для доставленія его на рынокъ. Если участокъ А даетъ 1000 четвертей пшеницы, взамѣнъ извѣстныхъ издержекъ на заработную плату, удобреніе и проч., и если для полученія второй тысячи необходимо прибѣгнуть къ участку В, который или менѣе плодороденъ или дальше отстоитъ отъ рынка, то двѣ тысячи четвертей будутъ стоить больше двойного количества труда, затраченнаго на первую тысячу, и продуктъ земледѣлія возрастетъ въ меньшей пропорціи, чѣмъ количество труда, необходимое для полученія его.

Вмѣсто обработки участка В, можно было бы получить больше продукта съ участка А посредствомъ болѣе высокой культуры. Его можно было бы вспахать или взборонить два раза вмѣсто одного, или три раза вмѣсто двухъ; его можно было бы вскопать, а не пахать; послѣ пахоты его можно было бы разработать мотыкою, а не бороною, чтобы сильнѣе размельчить землю; его можно было бы чаще или старательнѣе выпалывать; употребляемые для работы инструменты могли бы быть болѣе совершенными или тщательнѣе сдѣланными: можно положить удобреніе въ большаго количества или болѣе дорогое, и лучше перемѣшать его съ почвой. Вотъ нѣсколько способовъ, посредствомъ которыхъ съ одного и того же участка можно получить больше продукта: и когда нужно бываетъ увеличить количество послѣдняго, то нѣкоторые изъ этихъ способовъ обыкновенно и примѣняются. Но что эта прибавка достается цѣною болѣе чѣмъ пропорціональнаго увеличенія издержекъ производства, ясно изъ того факта, что поступаютъ въ обработку земли худшаго качества. Земли худшаго качества или болѣе удаленныя отъ рынка, безъ сомнѣнія, даютъ меньшій доходъ, и увеличеніе спроса можетъ быть удовлетворено съ помощью ихъ только при возрастаніи издержекъ производства, а слѣдовательно и цѣны. Если прибавочный спросъ можетъ непрерывно удовлетворяться продуктами земли высшаго качества, благодаря примененію добавочнаго труда и капитала, но при томъ такъ, что относительная величина издержекъ производства не бу-

дети больше той, которая была раньше, то собственники и фермеры этих земель могут продавать свои продукты дешевле всех других и завалить ими весь рынок. Земли менее плодородны, или более удаленны, могут обрабатываться их собственниками из-за продовольствия или ради независимости, но никому не может быть выгодно взять их в аренду, для получения прибыли. Тот факт, что на них можно получить прибыль, достаточную для привлечения капитала к такому помещению, может служить доказательством того, что обработка более доходных земель достигла ступени, за которой всякое добавочное приложение труда и капитала будет давать в лучшем случае не больше дохода, чем можно получить при тех же издержках с земель менее плодородных или не так удобно расположенных.

Тщательное возделывание высоко обработанных округов Англии и Шотландии служит признаком и следствием того, что земля начала влиять менее благоприятно на каждое новое увеличение продукта земледелия. Такая усовершенствованная обработка стоит относительно гораздо дороже и, чтобы быть доходной, требует более высоких цен, по сравнению с менее интенсивными системами земледелия: к ней прибегают только тогда, когда нет более незанятой, но столь же плодородной земли. В тех местах, где можно получить прибавочный продукт, требуемый обществом, с новой землей, столь же плодородной, как и находящаяся уже в обработке, никогда не пытаются извлекать из земли количество продукта, сколько-нибудь приближающееся к тому, что могут дать лучшие европейские системы обработки. Землю эксплуатируют настолько, чтобы получать доход, наибольший по отношению к количеству затраченного труда, но не больше; труд, превышающий эту меру, переносится к другим производствам. «Долго», говорит один из последних путешественников по Соединенным Штатам*), «английский глаз не может привыкнуть к тощим колосьям и небрежной обработке, которая сейчас же замечна. Забываем, что здесь, где земли так много, а труд так дорог, приходится руководствоваться принципами, совершенно отличными от тех, которые господствуют в густо населенных странах, и что следствием этого будет, без сомнения, отсутствие щедрости и законности во всяком деле, требующем труда». Из двух указанных здесь причин, изобилие земли кажется мне более верным объяснением, чем дороговизна труда; потому что, как бы ни был дорог труд, если есть нужда в пище, его всегда применяют для производства ее скорее, чем для чего-нибудь другого. Но труд такого рода всегда будет более успешен относительно своей цены, когда он при-

меняется к свежей почве, чем когда он затрачивается на более интенсивную обработку почвы уже занятой. Только когда нет более целины, годной к поднятию, кроме такой, которая, вследствие отдаленности или худшего качества, требует значительного возмещения затрат, чтобы обработка давала доход, — только тогда может стать выгодным применение интенсивной европейской обработки к американским землям. Исключения могут составлять участки, находящиеся в непосредственном соседстве с городами, где сбережение в издержках провоза может вознаградить за недостаток доходности земли самой по себе. Такое же отношение, как между американской и английской системой хозяйства, существует между общепотребительной английской системой и существующей во Фландрии, Тоскане или Terra di Lavoro, где, благодаря применению гораздо большего количества труда, получается значительное увеличение валового продукта, но на таких условиях, которые могут быть выгодны (человку, заинтересованному одной только прибылью) в том же лишь случае, когда цены на земледельческие продукты значительно повысятся.

Только что установленный принцип должен быть принят, без сомнения, с некоторыми разъяснениями и ограничениями. Даже тогда, когда обработка земли достигла такой степени, что простое применение добавочного труда и некоторого добавочного количества обыкновенных средств производства не увеличило бы дохода пропорционально увеличению затрат, все же может случиться, что применение гораздо большей добавочной суммы труда и капитала для улучшения самой почвы посредством осушения или удобрения, годного надолго, получить такое обильное вознаграждение в продуктах, как ни одна часть из затраченного раньше капитала и труда. В некоторых случаях вознаграждение за эту последнюю затрату будет гораздо обильнее, чем за предыдущую. Этого не было бы, если бы капитал всегда разыскивал и находил наиболее выгодные помещения; но если, при наиболее выгодном помещении капитала, приходится больше всего ждать дохода, то такой затрате будут отдавать предпочтение. Но даже и там, где довольно высоким промышленным развитием, каковыми права собственности на землю и земельной аренды, препятствуют свободному применению капиталов страны к сельскохозяйственным улучшениям. Поэтому, увеличение продукта, соответствующее росту населения, часто получается ценою возрастания издержек, даже в том случае, когда известны и достижимы способы производства, не увеличивающие издержек. Нет сомнения, что если бы капитал выполнял ежегодно в Англии все известные и признанные сельскохозяйственные улучшения, которые могли бы, как говорится, оплатиться при существующих ценах, т. е. улучшения, при которых количество получаемого продукта возрастало бы в большей пропорции, чем издержки производства, то

*) Letters from America, by John Robert Godby, vol I, p. 42. См. также: Lyell's Travels in America, vol II, p. 83.

результатомъ было бы то, что распространять обработку на земли худшаго качества (особенно, если мы захватимъ въ наше предположеніе и Ирландію) должно еще не было бы надобности. Весьма вѣроятно, что при этомъ значительная часть земли, мало производительной и невыгодно расположенной относительно сбыта, вышла бы изъ обработки, или же, — если мы предположимъ, что улучшения не касаются хорошей земли, а превращаютъ плохую землю въ хорошую, — что сокращеніе обработки проявилось бы главнымъ образомъ въ уменьшеніи удобренія и въ менѣ тщательной полевой работѣ, земледѣліе приблизилось бы къ типу американскаго фермерскаго хозяйства, и только тѣ изъ худыхъ земель были бы оставлены невоздѣланными, которыя не годились бы для улучшеній. Такимъ образомъ, общая сумма продукта, получаемого со всей обработанной площади, требовала бы для своего производства относительно меньше труда, чѣмъ прежде, и общій законъ уменьшенія дохода съ земли на время былъ бы устраненъ. Однако нельзя предположить даже и при этихъ условіяхъ, чтобы вся сумма продуктовъ, необходимая для страны, могла получиться исключительно только съ лучшихъ земель и съ тѣхъ, которыя могутъ считаться равными имъ по качеству, вслѣдствіе выгодъ положенія. Безъ сомнѣнія, значительное количество продукта было бы произведено при менѣ выгодныхъ условіяхъ и съ относительно меньшимъ доходомъ. Съ теченіемъ времени, когда увеличивающееся населеніе стало бы требовать новой прибавки продукта землѣ, общій законъ сталъ бы снова дѣйствовать, и эта прибавка была бы получена цѣною относительно большихъ издержекъ производства.

§ 3. Что продуктъ отъ земли увеличивается въ меньшей пропорціи, чѣмъ количество затраченнаго на него труда, — это составляетъ истину, которую рѣдко отрицаютъ; ее чаще или не знаютъ, или упускаютъ изъ виду. Однако она встрѣтила положительнаго противника въ лицѣ хорошаго известнаго американскаго экономиста Кэри, который утверждаетъ, что дѣйствительный законъ земледѣльческой промышленности совершенно обратный, потому что продуктъ увеличивается въ большей пропорціи, нежели трудъ, или, другими словами, продуктъ доставляетъ труду постоянно увеличивающееся вознагражденіе. Для того, чтобы подтвердить это положеніе, онъ доказываетъ, что обработка не начинается съ лучшихъ земель, а, по мѣрѣ увеличенія спроса, не распространяется на худшія, а, напротивъ, начинается съ худшихъ и затѣмъ не скоро распространяется на болѣе плодородныя. Въ новыхъ странахъ колонисты неизмѣнно занимаютъ для обработки возвышенныя и скудныя земли; богатыя, но болотистыя земли рѣчныхъ низменностей не могутъ вначалѣ употребляться для обработки, по причинѣ ихъ нездороваго климата и вслѣдствіе того, что очистка и осушеніе ихъ требуетъ большого и продолжительнаго труда. По мѣрѣ того какъ населеніе и богатство возрастаютъ, обработка спускается внизъ по сторонамъ холмовъ, постепенно очищая ихъ, и самая плодородныя почвы, нахо-

дящаяся въ низменныхъ мѣстахъ, обыкновенно (онъ даже говоритъ *всегда*) поступаютъ въ обработку самыми послѣдними. Эти теоремы съ заключеніями, какія Кэри выводитъ изъ нихъ, изложены очень пространно въ его послѣднемъ и наиболѣе обработанномъ трактатѣ «Основанія социальной науки», и, по его мнѣнію, онъ разрушаетъ коренное основаніе, такъ называемой имъ, англійской политической экономіи со всеи ея практическими выводами, и въ особенности ученіе о свободѣ торговли.

Что касается формулировки закона, то Кэри правъ, возражая противъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ авторитетовъ политической экономіи, которые придаютъ слишкомъ общее значеніе установленному ими закону, не замѣчая, что онъ не вѣренъ относительно первой обработки вновь занятыхъ странъ. Тамъ, гдѣ населеніе рѣдко и капиталъ скуденъ, земля, требующая большой затраты для того, чтобы сдѣлаться годной для обработки, должна оставаться необработанной, — хотя подобныя земли, когда придетъ ихъ чередъ, нерѣдко доставляютъ гораздо болѣе продуктъ, чѣмъ тѣ, которыя поступаютъ въ обработку раньше, продуктъ, болѣе не только абсолютно, но и относительно, если мы сравнимъ его съ затраченнымъ трудомъ, включая сюда даже и тотъ трудъ, который былъ израсходованъ на первоначальное приспособленіе почвы къ обработкѣ. Никто не утверждаетъ, что законъ объ уменьшеніи продукта дѣйствовалъ съ самаго начала общества; и хотя нѣкоторые экономисты и могли думать, что онъ сталъ дѣйствовать довольно рано для того, чтобы оправдать заключенія, основанныя на немъ. Кэри едва ли будетъ утверждать, что въ какой-нибудь старой странѣ, напримѣръ, въ Англіи или Франціи, землѣ, оставшіяся вкупѣ, будутъ или были нѣсколько столѣтій назадъ плодороднѣе тѣхъ, которыя находятся подъ обработкой. Что же касается его неосновательнаго утвержденія относительно мѣстнаго положенія обработанныхъ участковъ, — насколько это утвержденіе неосновательно, мы не зачѣмъ распространяться, — то развѣ справедливо, что въ Англіи и во Франціи въ настоящее время необработанныя части землѣ состоятъ изъ плоскостей и долинъ, а обработанныя находятся на холмахъ? Напримѣръ, каждому извѣстно, что возвышенныя мѣста и тощія земли предоставлены природѣ; и когда возрастаніе населенія требуетъ расширенія обработки, то расширеніе идетъ отъ равнинъ къ возвышенностямъ. Можетъ быть, развѣ столѣтіе бываютъ такіе примѣры, какъ дренажъ Бельфордской долины или осушеніе Гарлемскаго озера; но они представляютъ незначительныя и временныя исключенія изъ нормальнаго хода вещей, и въ наиболѣе цивилизованныхъ старыхъ странахъ въ этомъ отношеніи мало что остается сдѣлать *).

*.) На Ирландію можно указать какъ на исключеніе, такъ какъ значительная часть этой страны до сихъ поръ не годна для обработки, вслѣд-

Самъ Кэри бессознательно приводитъ наиболѣе сильное доказательство справедливости закона, который онъ оспариваетъ, отстаивая всю своихъ теоремъ настойчивѣе всего ту, которая говоритъ, что сырые продукты земли въ прогрессирующемъ обществѣ постоянно стремятся повышаться въ цѣнѣ. Но наиболѣе элементарныя истины политической экономіи показываютъ, что этого не могло бы случиться, если бы стоимость производства этихъ продуктовъ, измѣряющаяся въ некоторомъ количествѣ труда, не стремилась повышаться. Если бы примѣненіе добавочнаго труда къ землѣ сопровождалось, по общему правилу, не только абсолютнымъ, а и относительнымъ увеличеніемъ дохода, то цѣна продукта, вмѣсто того, чтобы повышаться, необходимо должна была бы падать съ развитіемъ общества; повышалась бы она развѣ только тогда, когда стоимость производства серебра и золота падала бы еще сильнѣе; но эти случаи такъ рѣдки, что во всей исторіи извѣстно только два періода, когда такое пониженіе существовало: первый періодъ былъ тотъ, который слѣдовалъ за открытіемъ мексиканскихъ и перувианскихъ россыпей, а второй—который мы переживаемъ теперь. Во всѣ извѣстные періоды, за исключеніемъ этихъ двухъ, стоимость производства драгоценныхъ металловъ или оставалась постоянной, или поднималась. Поэтому, если справедливо, что земледѣльческій продуктъ имѣетъ стремленіе повышаться въ цѣнѣ на деньги, по мѣрѣ того какъ население и богатство возрастаютъ, то и безъ другихъ доказательствъ можно видѣть, что трудъ, необходимый для добычанія продукта изъ земли, стремится увеличиваться, такъ какъ требуется большее количество его.

Я не захожу такъ далеко, какъ Кэри, и не утверждаю, что стоимость производства, а слѣдовательно и цѣна земледѣльческаго продукта, всегда и необходимо возвышается съ увеличеніемъ населенія. Цѣна стремится къ возвышенію, но стремленіе можетъ сдерживаться, а иногда и дѣйствительно сдерживается даже въ теченіи большого періода времени. Результатъ зависитъ не отъ одной причины, а отъ двухъ, совершенно противоположныхъ. Существуетъ другая сила, находящаяся въ постоянной борьбѣ съ закономъ уменьшенія дохода отъ земли, и къ разсмотрѣнію этой силы мы теперь и перейдемъ. Она заключается въ развитіи цивилизаціи. Я употребляю это общее и нѣсколько неопредѣленное выраженіе потому, что явленія, которыя оно охватываетъ, такъ разнообразны, что едва ли какой-нибудь иной терминъ съ болѣе ограниченнымъ значеніемъ могъ бы охватить ихъ всѣ.

Изъ этихъ явленій наиболѣе нагляднымъ представляется раз-

ствіе недостатка дренажа. Но хотя Ирландія и старая страна, неблагопріятныя социальныя и политическія условія сдѣлали ее бѣдной и отсталой. Также совершенно неизвѣстно, сравниваются ли болота Ирландіи, послѣ того какъ ихъ осушаютъ и обрабатываютъ, съ тѣми же одородными рѣчными низменностями, о которыхъ говоритъ Кэри, или они будутъ принадлежать къ самымъ бѣднѣйшимъ почвамъ.

витіе земледѣльческихъ знаній, искусства и изобрѣтеній. Усовершенствованные приемы земледѣлія бываютъ двухъ родовъ: одни даютъ возможность получить изъ земли большее абсолютное количество продукта, безъ соответственнаго увеличенія труда; другіе не увеличиваютъ продукта, за то уменьшаютъ трудъ и издержки, нужныя для полученія его. Между первымъ слѣдуетъ считать уничтоженіе топки посредствомъ плодосѣвной системы и заведеніе новыхъ культуръ, способныхъ войти въ плодосѣву. Измѣненіе, произведенное въ англійскомъ земледѣліи въ концѣ прошлаго вѣка введеніемъ воздѣлыванія рѣпы, считалось тѣмъ-то похожимъ на революцію. Значеніе изобрѣтеній этого рода не ограничивается только тѣмъ, что земля даетъ жатву каждый годъ и не остается въпустъ черезъ каждые 2—3 года для возобновленія своей силы: они прямо увеличиваютъ плодородіе земли, такъ какъ количество скота возрастаетъ, вслѣдствіе избытка корма, и навоза для удобренія земли, идущей подъ хлѣбъ, получается больше. Вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ упомянуть о введеніи новыхъ растений, дающихъ большое количество пищевыхъ средствъ, какъ напримѣръ, картофель, пшеница и новыя виды растений, уже разводившихъ, какъ напр., шведская рѣпа. Къ улучшеніямъ этого же рода слѣдуетъ причислить изслѣдованіе свойствъ удобреній и изысканіе наилучшихъ способовъ примѣнять ихъ; введеніе новыхъ, болѣе сильныхъ удобрительныхъ веществъ, какъ гуано, и обращеніе къ этой цѣли веществъ, которыя прежде пропадали даромъ; изобрѣтенія, въ родѣ глубокой вспашки и трубчатого дренажа, посредствомъ которыхъ такъ сильно увеличивается производительность нѣкоторыхъ видовъ почвы, улучшенія въ воспитаніи и выкормѣ рабочаго скота, увеличеніе стада животныхъ, которыя погребляютъ и превращаютъ въ человѣческую пищу то, что иначе погубило бы безъ примѣненія, и проч. Другой видъ улучшеній—улучшенія, уменьшающія количество труда, нужное для производства, но не увеличивающія производительной силы земли, состоятъ въ усовершенствованіи орудій; сюда также относятся: введеніе новыхъ приспособленій, берегающихъ трудъ, напримѣръ, въ молотилокѣ; болѣе искусное и экономное примѣненіе труда.—напримѣръ, примѣненіе медленнаго прививавшагося въ Англійи шотландскаго паханія, парой лошадей и съ однимъ человѣкомъ, вмѣсто тройки гуськомъ съ двумя зюльми, и проч. Эти улучшенія не увеличиваютъ производительности земли, но они, вмѣстѣ съ разсмотрѣннымъ выше, противодействуютъ стремленію издержекъ производства въ земледѣліи возрастать съ увеличеніемъ населенія и спроса.

Подобно этому второму классу земледѣльческихъ улучшеній, дѣйствуютъ усовершенствованные пути сообщенія. Нѣтъ никакой разницы, происходитъ ли экономія въ трудѣ во время извлеченія продукта изъ почвы или во время передвиженія его къ мѣсту потребленія, не говоря уже о томъ, что весь трудъ воздѣлыванія уменьшается съ каждымъ сокращеніемъ издержекъ перевозки удо-

бреи́я издадена или съ облегченіемъ многихъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, которыя случаются на самой фермѣ. Желѣзныя дороги и каналы дѣйствительно уменьшаютъ издержки производства всѣхъ товаровъ, идущихъ по нимъ на рынокъ, а также тѣхъ, производству которыхъ они служатъ доставленіемъ необходимыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ и каналамъ, можетъ поступить въ обработку земля, которую при другихъ условіяхъ стоило бы обрабатывать только при возвышеніи цѣнъ. Усовершенствованія въ мореплаваніи имѣютъ такіе же слѣдствія въ отношеніи пищевыхъ продуктовъ и матеріаловъ, привозимыхъ изъ-за моря.

Изъ подобныхъ соображеній слѣдуетъ, что нѣкоторыя чисто механическія изобрѣтенія, не имѣющія никакой особенной связи съ земледѣліемъ (по крайней мѣрѣ, по вѣншему виду), тѣмъ не менѣе даютъ возможность получать известное количество пищи съ меньшей затратою труда. Значительное усовершенствованіе въ процессѣ выплавки желѣза способствовало бы удешевленію земледѣльческихъ орудій, уменьшило бы стоимость желѣзныхъ дорогъ, вагоновъ и телегъ, кораблей, можетъ быть, даже зданийъ и многихъ другихъ вещей, для которыхъ желѣзо теперь не употребляется потому, что оно слишкомъ дорого; в результате всего этого было бы уменьшеніе издержекъ производства пищи. То же самое слѣдствіе получилось бы отъ всякаго усовершенствованія въ процессахъ, относившихся, пожалуй, къ обработкѣ, которой пищевые матеріалы подвергаются послѣ того, какъ они собраны съ поля. Первое примѣненіе силы вѣтра и паденія воды для размолта зерна способствовало удешевленію печенаго хлѣба въ такой же мѣрѣ, какъ и очень важное открытіе въ земледѣліи; а всякое большое усовершенствованіе въ постройкѣ мельницъ должно вліять въ соответственной степени въ томъ же направленіи. (*) вліяніе удешевленія перевозки уже говорилось. Есть также техническія усовершенствованія, которыми облегчаются всѣ крупныя работы на земной поверхности. Улучшенный способъ наводнрванія важенъ для работъ по осушенію, не говоря уже о постройкѣ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Болота въ Голландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи осушаются посредствомъ насосовъ, работающихъ вѣтромъ или паромъ. Вездѣ, гдѣ необходима приращація, устройство водохранилищъ, плотинъ, техническое искусство является могучимъ средствомъ для удешевленія производства.

Тѣ усовершенствованія въ обрабатывающей промышленности, которыя не могутъ служить средствомъ для облегченія дѣйствительнаго производства пищи ни на какой изъ его ступеней и, поэтому, не противодействуютъ или не замедляютъ относительнаго уменьшенія пропорціональнаго вознагражденія, получаемаго съ земли цѣною добавочной затраты труда, тѣмъ не менѣе имѣютъ другое слѣдствіе, въ дѣйствительности равносильное предыдущему. Они до

нѣкоторой степени вознаграждаютъ за то, чего не могутъ претворить.

Такъ какъ матеріалы фабричныхъ издѣлій получаютъ изъ земли, а много изъ нихъ и прямо отъ земледѣлія, которое въ особенности доставляетъ весь матеріалъ для одежды, то общій законъ земледѣльческаго производства, законъ уменьшенія вознагражденія, долженъ въ конечномъ результатѣ проявиться въ фабричной такъ же, какъ и въ земледѣльческой промышленности. По мѣрѣ того, какъ населеніе возростаетъ и способность земли доставить большее количество продуктовъ все сильнѣе и сильнѣе напрягается, всякая добавочная сумма матеріаловъ, такъ же какъ и пищи, требуютъ болѣе чѣмъ пропорціональнаго увеличенія труда. Но стоимость матеріаловъ обыкновенно составляетъ самую незначительную часть всей стоимости товара; поэтому земледѣльческій трудъ, участвующій въ производствѣ фабричныхъ товаровъ, составляетъ незначительную долю всего труда, употребляемаго на нихъ. Весь же остальной трудъ стремится постоянно и сильно къ уменьшенію, по мѣрѣ того, какъ увеличивается вся сумма производства. Для фабричнаго производства гораздо больше, чѣмъ для земледѣлія, доступны механическія усовершенствованія и изобрѣтенія, способствующія экономіи труда; а мы уже видѣли, насколько сильно зависитъ раздѣленіе труда и искусство и экономное распределеніе отъ размѣровъ рынка и отъ возможности производства въ большихъ количествахъ. Поэтому въ фабричномъ производствѣ причины, способствующія увеличенію производительности промышленности, сильно превѣшиваютъ ту причину, которая стремится уменьшить эту производительность, и возростаніе производства, вызываемое прогрессомъ общества, сопровождается не увеличеніемъ, а постояннымъ уменьшеніемъ относительныхъ издержекъ производства. Подобный фактъ обнаруживался въ постепенномъ пониженіи цѣнъ и стоимостей послѣднихъ столѣтій: это пониженіе было ускорено механическими изобрѣтеніями послѣднихъ семидесяти—восьмидесяти лѣтъ и способно продолжаться и расширяться за всѣ предѣлы, какіе можно было бы разумно предположить.

Теперь вполнѣ понятно, что успѣшность земледѣльческаго труда можетъ съ увеличеніемъ продукта, подвергаться постепенному уменьшенію, что вслѣдствіе этого цѣна пищи можетъ постоянно увеличиваться: и для доставленія пищи всему населенію будетъ требоваться трудъ все большей части его; а между тѣмъ производительная сила труда во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности можетъ быть такъ быстро увеличена, что требующееся для земледѣлія количество труда можетъ быть отдѣлено отъ фабричнаго производства, и, несмотря на это, будетъ получаться большее количество продукта, и всѣ потребности общества въ цѣломъ будутъ удовлетворены лучше прежняго. Выгода можетъ даже распространиться на самые бѣдные классы. Удешевленіе одежды и помѣщенія вознаграждаетъ ихъ за увеличеніе въ стоимости пищи.

Итакъ, не существуетъ такого усовершенствованія, которое не оказывало бы тѣмъ или другимъ способомъ вліянія, противоположнаго закону уменьшенія вознагражденія за земледѣльческій трудъ. Но не одни промышленныя усовершенствованія оказываютъ это дѣйствіе. Усовершенствованія въ управленіи и почти все виды моральнаго и социальнаго успѣха, дѣлаемаго обществомъ, дѣйствуютъ тѣмъ же способомъ. Предположимъ какую-нибудь страну въ положеніи, въ какомъ была Франція до революціи: подати почти исключительно налагаются на промышленные классы и на такихъ основаніяхъ, какъ будто бы онѣ служатъ дѣйствительною карой за производство: при этомъ никакого удовлетворенія нельзя получить за всякое нарушение собственности или оскорбленіе личности, если оно причинено людьми, пользующимися силой и вліяніемъ при дворѣ. Развѣ ураганъ, свесившій такое положеніе дѣлъ, даже если мы будемъ его разсматривать только со стороны его дѣйствій на увеличеніе производительности труда, не былъ равносителенъ многимъ промышленнымъ усовершенствованіямъ? Отъбѣна такого фискальнаго бремени земледѣлія, какимъ была десятина, производило такое же дѣйствіе, какъ если бы трудъ для полученія существующаго продукта внезапно уменьшился на одну десятую. Уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ, или всякихъ другихъ ограниченій, не допускавшихъ производства товаровъ тамъ, гдѣ они могутъ быть произведены съ меньшими издержками, равняется общирному усовершенствованію въ производствѣ. Когда плодородныя земли, прежде удерживавшіяся для охоты или какихъ-нибудь увеселительныхъ цѣлей, освобождаются для земледѣлія, то въ общемъ производительность земледѣльческой промышленности увеличивается. Хорошо извѣстно то вліяніе, какое оказали въ Англіи дурно устроенные законы о бѣднцахъ, и извѣстно также еще худшее вліяніе дурной системы арендованія земель въ Ирландіи, которая сдѣлала земледѣльческій трудъ слабымъ и неувѣрнымъ. Нѣтъ усовершенствованій, которыя бы дѣйствовали болѣе прямо на производительность труда, чѣмъ улучшенія въ способахъ арендованія земли и въ законахъ, относящихся къ поземельной собственности. Уничтоженіе заповѣдныхъ имуществъ, удешевленіе передачи земли и все мѣры, способствующія естественному стремленію ея въ свободной странѣ переходить въ руки тѣхъ, которые извлекаютъ мало изъ нея, въ руки тѣхъ, которые могутъ получить больше: замѣна аренды, зависящей отъ воли владыка, долгосрочной арендой, и несчастной системы катеретва какой-нибудь срочной системой владѣнія, а въ особенности возбужденіе въ земледѣльцѣ прочнаго интереса къ землѣ.—все эти перемены представляютъ собой такіе же дѣйствительныя, а нѣкоторыя изъ нихъ такіе же великія улучшенія въ производствѣ, какъ и изобрѣтенія прядильной машины или парового двигателя.

Мы можемъ сказать то же самое и объ улучшеніяхъ въ образованіи. Развитіе рабочаго представляетъ наиболѣе важный эле-

ментъ производительности труда. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ современный уровень развитія рабочихъ такъ низокъ, что едва ли есть петличникъ, отъ котораго можно было бы ожидать большаго развитія производительной силы труда, чѣмъ отъ надѣленія умомъ тѣхъ людей, которые теперь обладаютъ только руками. Заботливость, бережливость и вообще благонадежность рабочихъ настолько же важны, какъ и ихъ развитіе. Дружескія отношенія и общность интересовъ и взаимное сочувствіе между рабочими и хозяевами также въ высшей степени важны: слѣдовало бы сказать—*были бы* важны, потому что не извѣстно, существуетъ ли гдѣ-нибудь подобное чувство дружественнаго союза. Но не только въ рабочемъ классѣ умственное развитіе, улучшеніе характера приносятъ благотворные результаты даже и съ точки зрѣнія промышленности. Въ богатыхъ и прарадныхъ классахъ увеличеніе умственной энергии, болѣе основательное образованіе, болѣе сильное сознаніе долга, стремленіе къ общественному интересу и благотворительности сдѣлали бы ихъ способными давать начало или содѣйствовать наиболѣе цѣннымъ усовершенствованіямъ, какъ въ экономическихъ средствахъ ихъ страны, такъ и въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ. Не будемъ заходить дальше очевидныхъ явленій: остатокъ французскаго земледѣлія именно въ тѣхъ его сторонахъ, въ которыхъ можно было бы ожидать выгоды отъ вліянія образованнаго класса, отчасти приписывается исключительной преданности богатыхъ землевладѣльцевъ городскимъ интересамъ и удовольствіямъ. Едва ли возможно какое-нибудь улучшеніе въ человеческой жизни, которое имѣетъ съ другими его выгодами не оказывало бы прямо или косвенно благотворнаго дѣйствія на производительность промышленности. Правда, во многихъ случаяхъ напряженная занятость промышленнымъ занятіемъ будетъ умѣряться болѣе широкимъ и возвышеннымъ умственнымъ образованіемъ, но за то трудъ, затрачиваемый на эти занятія, почти всегда сдѣлается болѣе усѣбнымъ.

Прежде чѣмъ указать на главные слѣдствія, вытекающія изъ свойствъ двухъ противоположныхъ силъ, которыми опредѣляется производительность земледѣльческой промышленности, мы должны замѣтить, что то, что мы сказали относительно земледѣлія, справедливо также, съ не большими измѣненіями, и относительно другихъ занятій, сопрягающихся съ нимъ.—относительно всѣхъ отраслей промышленности, извлекающихъ матеріалы изъ земного шара. Напримеръ, промышленности, занимающейся разработкой копѣй, обыкновенно привносятъ увеличеніе продукта при затратѣ труда въ количествѣ, болѣе чѣмъ пропорціональномъ увеличенію. Хуже того, даже обыкновенный, ежегодный продуктъ этой промышленности требуетъ для его извлеченія все оольшей и большей затраты труда и капитала. Такъ какъ копѣй не воспроизводятъ вынутаго изъ нихъ каменнаго угля или руды, то онѣ не только должны, наконецъ, истощиться, но даже если онѣ, какъ въ настоящее время, и не об-

наруживают признаков истощения. все же стоимость их разработки должна постоянно возрастать: шахты должны опускаться глубже, галлерей проходить дальше: приходится приложить больше силы для отливки воды: продукт приходится поднимать на большую высоту или перевозить на большее расстояние. Поэтому законъ относительно уменьшения дохода применяется въ еще болѣе неограниченномъ значеніи къ разработкѣ коней, тѣмъ къ земледѣлію, но за то противоположныя силы, заключающіяся въ усовершенствованіяхъ производства, также применимы здѣсь еще въ болшей степени. Операции горнаго дѣла больше, нежели земледѣіе, допускаютъ механическія усовершенствованія: первое большое приращеніе паровой машины было сдѣлано къ разработкѣ коней: существуетъ также неограниченная возможность усовершенствованія химическихъ процессовъ, которыми извлекается металлъ изъ руды. Бываютъ также случаи, не представляющіе собой необыкновеннаго явленія, которые задерживаютъ истощеніе всѣхъ существующихъ рудниковъ: эти случаи заключаются въ открытіи новыхъ залежей, по своему богатству равныхъ или превосходящихъ прежнія.

Итакъ, общій выводъ будетъ слѣдующій. Всѣ естественныя силы, ограниченныя по своему количеству, не только ограничены по своей крайней производительной способности, но еще задолго до того, когда эти силы доходятъ до самаго высшаго напряженія, онѣ удовлетворяютъ всякій прибавочный спросъ при условіяхъ, постепенно становящихся болѣе тяжелыми. Однако этотъ законъ можетъ быть приостановленъ или временно сдержанъ всѣмъ тѣмъ, что увеличиваетъ общую силу человечества надъ природой, и въ особенности — расширеніемъ его познаній и вытекающей отсюда власти его надъ свойствами силъ природы.

ГЛАВА XIII.

Послѣдствія предыдущихъ законовъ.

§ 1. Изъ предыдущаго изложенія мы видимъ, что предѣлъ увеличенія производства зависитъ отъ двухъ причинъ — отъ недостатка капитала, или отъ недостатка земли. Развитіе производства приостанавливается или оттого, что дѣйствительное стремленіе къ накопленію не настолько велико, чтобы производить дальнѣйшее увеличеніе капитала, или оттого, что количество земли, находящееся въ распоряженіи общества, ограничено, и вълѣдствіе этого, какъ бы ни были расположены къ сбереженію лица, имѣющія излишекъ дохода, все же новый капиталъ не можетъ быть помѣщенъ съ таковымъ доходомъ, который бы служилъ достаточнымъ вознагражденіемъ за ихъ воздержаніе.

Въ странахъ, гдѣ принципъ накопленія настолько же слабъ, какъ у различныхъ народовъ Азии, гдѣ люди сберегаютъ и работаютъ для полученія средствъ къ сбереженію только подъ побужденіемъ чрезвычайно высокой прибыли, и даже при высокой прибыли — только тогда, когда ей не приходится долго ждать: въ странахъ, гдѣ продукты получаются въ недостаточномъ количествѣ, или трудъ, затрачиваемый на нихъ, очень тяжелъ, оттого что здѣсь нѣтъ ни готоваго капитала, ни достаточной предусмотрительности, необходимой для приращенія изобрѣтеній, замѣняющихъ человеческій трудъ работой естественныхъ силъ. — въ подобныхъ странахъ въ экономическомъ отношеніи желательное увеличеніе труда и увеличеніе дѣйствительнаго стремленія къ накопленію. Средствами для этого служатъ, во-первыхъ: лучшая форма управленія, болѣе совершенное обезпеченіе собственности, умѣренные налоги, уничтоженіе произвольныхъ вымогательствъ подъ видомъ налоговъ, болѣе прочное и болѣе выгодное владѣніе землей, обезпечивающее, насколько возможно, земледѣльцу всѣ выгоды отъ того трудолюбія, искусства и экономіи, какія онъ можетъ выказать; во-вторыхъ, умственное развитіе народа, уничтоженіе обычаевъ и суевѣрій, препятствующихъ успѣшному занятію промышленностью, и увеличеніе умственной дѣятельности, заставляющей людей стремиться къ новымъ цѣлямъ: въ-третьихъ, введеніе иностранныхъ искусствъ, которыя поднимутъ доходъ на вновь затраченный капиталъ до размѣра, соответствующаго низкой силѣ стремленія къ накопленію, и привлеченіе иностраннаго капитала, которое сдѣлаетъ то, что увеличеніе производства болѣе не будетъ исключительно зависетьъ отъ благосостоянія и предусмотрительности самихъ жителей; кромѣ того, иностранныя кашталь будетъ служить для нихъ возбуждающимъ прихромъ и, внушая новыя понятія и разрушая цѣлыя привычки, а можетъ быть, и улучшая дѣйствительное положеніе населенія, онъ будетъ способствовать появленію у нихъ новыхъ потребностей и заботы о будущемъ, а также увеличенію честолюбія. Эти соображенія болѣе или менѣе применимы ко всякому азіатскому народу, а также и къ менѣе цивилизованнымъ и неразвитымъ въ промышленномъ отношеніи частямъ Европы, напримѣръ, къ Россіи, Турціи, Испаніи и Ирландіи.

§ 2. Но есть другія страны, и во главѣ ихъ Англія, въ которыхъ ни способность къ трудолюбію, ни дѣйствительное стремленіе къ накопленію не нуждаются въ поощреніи; въ этихъ странахъ люди безъ усталости работаютъ за небольшое вознагражденіе и много сберегаютъ для небольшой прибыли; хотя здѣсь общая бережливость рабочаго класса гораздо ниже той, какая была бы желательна, за то стремленіе къ накопленію въ болѣе цвѣтущихъ частяхъ общества скорѣе нуждается въ уменьшеніи, тѣмъ въ увеличеніи. Въ этихъ странахъ никогда бы не было недостатка въ капиталѣ, если бы его увеличеніе никогда не задерживалось или совсѣмъ не прекращалось слишкомъ большимъ уменьшеніемъ приносимаго имъ до-

хода. Однако стремление дохода къ постепенному уменьшению бывает причиною того, что съ возрастанием производства нѣрѣдко положеніе производителей становится хуже, а это стремление, которое современемъ можетъ совсѣмъ прекратить возрастание производства, есть результатъ необходимыхъ и существенныхъ условій пользования землей для нѣкой производствъ.

Во всѣхъ странахъ, перенесшихъ болѣе низкую ступень развитія земледѣлія, всякое увеличеніе въ спросѣ на пищу, происшедшее отъ увеличенія населенія, если въ то же время нѣтъ улучшенія въ производствѣ, всегда будетъ уменьшать долю этой пищи, которая по справедливому раздѣлу приходилась бы на каждого жителя. Увеличеніе производства, за отсутствіемъ незанятыхъ иностранцевъ плодородной земли или новыхъ усовершенствованій, способствующихъ удешевленію товара, можетъ быть достигнуто только увеличеніемъ труда въ пропорціи, значительно превышающей увеличеніе самаго производства. Населеніе должно или больше работать, или меньше ѣсть, или же, для того чтобы получать обыкновенное количество пищи,—жертвовать частью своего обычнаго благосостоянія. Если эта необходимость и отдается, несмотря на увеличеніе населенія, то только оттого, что усовершенствованія, облегчающія производство, продолжаютъ идти впередъ, оттого что человечество, благодаря своимъ изобрѣтеніямъ, дѣлающимъ его трудъ болѣе успешнымъ, не уступаетъ природѣ въ борьбѣ и исторгаетъ изъ ея сопротивляющихся силъ все новыя средства, по мѣрѣ того какъ добытыя прежде поглощаются человѣческими нуждами.

Изъ этого вытекаетъ важный выводъ, что необходимость въ сокращеніи народонаселенія не зависитъ, какъ многіе думаютъ, главнымъ образомъ отъ условія большого неравенства въ распредѣленіи собственности. При известномъ состояніи цивилизаціи, большее населеніе изъ нѣтъ не можетъ быть такъ же хорошо снабжено средствами для удовлетворенія потребностей, какъ меньшее. Скупость природы, а не общественная несправедливость, составляетъ причину фдѣтвій, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ населенія. Несправедливое распредѣленіе богатства не усиливаетъ зла: оно развѣ только заставляетъ чувствовать его нѣсколько раньше. Напрасно говорить, что всякій ротъ, появившійся на свѣтѣ при увеличеніи населенія, приноситъ съ собою и новыя руки. Новый ротъ требуетъ столько же пищи, какъ и каждый изъ старыхъ, а руки уже не производятъ такого количества ея. Если бы все люди владѣли совмѣстно всеми орудіями производства и продуктъ раздѣлялся бы съ совершеннымъ равенствомъ между ними и если въ обществѣ, такимъ образомъ устроенномъ, промышленность была бы такъ же дѣятельна, а продуктъ такъ же обилителенъ, какъ и въ настоящее время, то этого было бы достаточно для того, чтобы все существующее населеніе пользовалось очень высокой степенью благосостоянія: но если это населеніе удвоится, — а оно, безъ сомнѣнія, удвоится бы, при существующей способности людей и при недо-

нью поощренію къ размноженію, не много болѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ,—тогда каково будетъ его положеніе? Если бы производительныя искусства не были въ то же время въ безрѣзмерной степени усовершенствованы, то для доставленія пищи такъ сильно увеличившемуся населенію пришлось бы прибѣгнуть къ худшимъ землямъ, а на лучшихъ примѣнять болѣе трудную и менѣе вознаграждающуюся обработку: поэтому каждое отдѣльное лицо въ этомъ обществѣ стало бы, въ силу неизбежной необходимости, бѣднѣе, чѣмъ прежде. Если бы населеніе продолжало увеличиваться въ той же пропорціи, то скоро наступило бы время, когда никто бы не имѣлъ ничего, кромѣ необходимаго, а затѣмъ скоро и такое время, когда и необходимаго не было бы въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшее увеличеніе населенія было бы приравнено къ смерти.

Увеличивается или уменьшается въ данное время продуктъ промышленности соразмѣрно съ трудомъ, затраченнымъ на него, улучшается или ухудшается положеніе людей,—все это зависитъ отъ того, будетъ ли населеніе идти впередъ быстрее, чѣмъ усовершенствованія, или усовершенствованія быстрее, чѣмъ населеніе. Какъ только населеніе достигло нѣкоторой степени густоты, достаточной для того, чтобы пользоваться главными выгодами отъ сочетанія труда, всякое дальнѣйшее увеличеніе населенія наноситъ ему самому вредъ, насколько это касается среднего положенія народа: но уебъхъ въ усовершенствованіяхъ оказываеъ противоположное дѣйствіе и допускаетъ увеличенія числа людей безъ всякаго ущерба, и даже совмѣстно съ болѣе высокимъ среднимъ уровнемъ благосостоянія. Усовершенствованіе здѣсь слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ значеніи, включая въ болѣе широкое пользованіе тѣми изъ нихъ, которыя уже извѣстны, но также и усовершенствованія въ учрежденіяхъ, образованіи, убѣжденіяхъ и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ вообще, только бы они способствовали, какъ это бываетъ почти со всеми улучшеніями, появленію новыхъ побужденій къ производству и новымъ облегченіямъ его. Если производительныя силы страны увеличиваются настолько же быстро, насколько быстро возрастаетъ потребность въ увеличеніи продукта со стороны увеличивающагося населенія, то нѣтъ необходимости получать прибавочный продуктъ посредствомъ обработки почвы, которая въ настоящее время обрабатывается, чѣмъ самая худшая, которая въ настоящее время обрабатывается, или посредствомъ примѣненія съ меньшей выгодой добавочнаго труда къ прежней почвѣ: и, во всякомъ случаѣ, если такая потеря силы и существуетъ, то она вознаграждается успешностью, съ какою трудъ, при существующемъ развитіи усовершенствованій, примѣняется въ мануфактурныхъ производствахъ. Тѣмъ или другимъ способомъ увеличивающееся населеніе бываетъ снабжено всемъ необходимымъ, и все его члены—въ такой же степени, какъ и прежде. Но если возрастаніе человѣческой власти надъ природою превра-

щается или ослабляется, а возрастание населения идет своим чередом, если человек, без увеличения своей власти над силами природы, побуждает их к увеличению продукта, то этот прибавочный продукт будет доставлен возросшему населению только в таком случае, если от каждого потребуются большее количество усилий или же каждый ограничится в среднем меньшей порцией из общей массы продукта.

В действительности в некоторые периоды население развивалось быстрее усовершенствований, в другие—усовершенствования развивались быстрее населения. В Англии в продолжение большого промежутка времени, предшествовавшего французской революции, население возросло медленно: по усилиям в усовершенствованиях, по крайней мере в земледелии, казалось, быть еще более медленным, и хотя не было никаких причин, понижающих стоимость драгоценных металлов, хлеба на хлеб значительно повышалась, и Англия из вывозящей стала ввозящей страной. Однако эти факты далеко не убедительны, потому что чрезвычайное число урожайных годов в первой половине столетия и недостаток их во второй половине и были причиной возрастания цены в этом последнем периоде, совершенно независимо от обыкновенного прогресса общества. Не известно, вознаграждалось ли уменьшение производительности в земледельческом труде в то время улучшением в фабричном производстве и удешевлением ввозимых товаров, или нет? Но, со времени великих механических изобретений Уатта, Аркрайта и их современников, вознаграждение за труд, впрочем, возросло так же быстро, как и население, и могло бы превзойти возрастание последнего, если бы это самое увеличение вознаграждения не вызвало с новой силой присущую роду человеческому способность размножаться. В продолжение последних двадцати или тридцати лет развитие в усовершенствованных способах земледелия шло так быстро, что даже земля начала приносить пропорционально затраченному труду большее количество продукта; цена на хлеб в среднем положительно понижалась, даже раньше, чем отмена старых законов существенно облегчила в настоящее время затруднения, происходящие от того, что население возрастает слишком быстро, сравнительно с производством. Но, хотя усовершенствования и могут в продолжение известного периода времени не отставать или даже превосходить действительное возрастание населения, они, конечно, никогда не достигнут того размера возрастания, на какое способно население, и ничто не могло бы предупредить общего ухудшения в положении человечества, если бы увеличение населения действительно не сдерживалось. Если бы оно, при тех же усовершенствованиях, сдерживалось еще больше, то нация и все человечество пользовалось бы гораздо большим благосостоянием, чем теперь. Новые победы над природой с помощью усовершенствований не служили бы только для поддержания

численности населения. Хотя валовой продукт и не был бы настолько велик, однако его приходилось бы больше на каждого члена населения.

§ 3. Когда возрастание численности населения опережает усилия в усовершенствованиях и страна вынуждена бывает добывать свои средства к существованию при условиях все более и более неблагоприятных, вследствие того, что ее земля не может удовлетворить прибавочному спросу иначе, как при сравнительно большой затрате производительных сил, то существует два средства, при помощи которых, можно надбавить, эта неприятная необходимость будет смягчена, хотя бы даже не наступило никакого изменения в привычках населения, влияющих на ход его возрастания. Первое из этих средств заключается во ввозе пищи из-за границы, второе—в эмиграции.

Допущение более дешевой пищи из иностранных государств равносильно земледельческому изобретению, при помощи которого пища производилась бы приблизительно так же дешево в самой стране. Этот ввоз в одинаковой мере увеличивает производительную силу труда. Прежде вознаграждение за известное количество труда, затраченного на производство пищи, заключалось в некотором количестве пищи; теперь же в виде вознаграждения получается большее количество пищи за такое же количество труда, затраченного на производство хлопка, металлических изделий и всех товаров, предназначенных к обмену на пищу. Ввоз пищи, так же как и улучшения в земледелии, устраняет на некоторое время уменьшение производительности затрат непосредственно возобновляется; отступивший прилив тотчас начинает снова наступать. Однако может показаться, что если страна получает свою пищу из всех обитаемых частей земного шара, то всякое увеличение населения в небольшом уголке его не произведет значительного влияния на такое огромное пространство; число жителей может удвоиться и утроиться, не вызывая чувствительного напряжения источников производства или влорожения пищи во всем мире. Но при таком расчете упускаются некоторые обстоятельства.

Во-первых, страны, из которых может быть ввезен хлеб, не обнимают всего земного шара, а ограничиваются почти только теми частями его, которые находятся вблизи морских берегов и судходных рек. Прилежащая к морю часть почти всех стран заселялась раньше всего и гуще всего, и редко у них оставалась пища сверх собственного потребления. Поэтому главным источником продовольствия служат южные земли, лежащие вдоль берегов некоторых судходных рек, как, например, Нила. Всплы или Миссиссиппи; а подобных мест в плодородных странах земного шара не так много, чтоб они могли удовлетворять, в продолжение неопределенного времени и без всякого напряжения в

производительных силах почвы, быстро увеличивающийся спрос. Разрешивать на получение достаточных запасов хлеба из внутренних местностей было бы безуспешно, при существующем состоянии путей сообщения. С помощью улучшенных дорог, а по временам с помощью каналов и рельсовых путей, препятствие это будет настолько уменьшено, что перестанет быть непреодолимым: но прогресс в этом идет медленно, и даже очень медленно, во всех странах, вывозящих пшеницу, за исключением Америки, так что развитие путей сообщения не может идти наравне с возрастанием населения, если возрастание последнего не будет очень сильно сдерживаться. Кроме того, если бы даже запасы пшеницы получались со всей поверхности вывозящих стран, а не с небольшой части их, то и тогда количество пшеницы, которое можно было бы получить из них без относительно увеличения издержек производства, все же было бы ограничено. Страны, вывозящие пшеницу, могут быть разделены на два класса: первый, в которых действительное стремление к накоплению сильно, и второй, в которых оно слабо. В Австралии и Соединенных Штатах Америки действительное стремление к накоплению сильно, капитал возрастает быстро и производство пшеницы может быть очень быстро расширено. Но население в этих странах возрастает также с чрезвычайной быстротой. Из земледелия можно доставить пшеницу для своего собственного увеличивающегося населения, а также для населения стран, ввозящих к себе пшеницу. Поэтому они по самому существу дела скоро будут принуждены обратиться к землям если не менее плодородным, то, по крайней мере, к более удаленным и менее доступным, что одно и то же, и к способам обработки, существовавшим уже в старых странах и менее производительным сравнительно с затратами труда и капитала, которых они требуют.

Но страны, одновременно обладающие дешевой пшеницей и цифрицей промышленностью, мало: совпадение этих условий можно найти только там, где совершенно развитая культура цивилизованной жизни была перенесена на богатую и диверсифицированную почву. Все страны, занимающиеся вывозом пшеницы, в состоянии вести эту торговлю только потому, что у них промышленность очень мало развита, потому что их капиталы, а следовательно и население, никогда не возрастали настолько сильно, чтобы вызвать вздорожание пшеницы. К подобным странам принадлежат Россия, Польша и равнины Дуная. В них действительное стремление к накоплению слабо, искусства производства очень несовершенны, капитал скуден и возрастание его очень медленно, в особенности когда это возрастание происходит из местных источников. Если увеличивается спрос на пшеницу для вывоза в другие страны, производство пшеницы только постепенно может достигнуть таких размеров, чтобы удовлетворить этот спрос. Необходимый капитал не мог бы быть получен перенесением его из других разви-

тий, потому что их там нет. Хлопчатобумажные изделия и металлические товары, которые могут получаться из Англии в избытке на пшеницу, не производятся в настоящее время в России и Польше; здесь обходятся без этих производств. Современем можно ожидать некоторых результатов от увеличения энергии, к которому будут побуждаться производители открытием рынка для их продуктов: но такому увеличению энергии совершенно не благоприятствуют нравы стран, земледельческое население которых состоит из крепостных или крестьян, только что освобожденных от крепостной зависимости; а эти нравы не изменяются быстро, даже и в такое длинное время, как наше. Если разрешивают на то, что продукт возрастет вследствие усиленной затраты капитала, то средства для этой затраты должны быть получены или медленным процессом сбережения, возникшим под побуждением, или новыми товарами и более широкими ссужениями. (А в этом случае население будет, вероятно, возрастать так же быстро, как и капитал). Или же эти средства должны быть получены из иностранных государств. Если бы Англии должна была получать быстро возрастающее количество хлеба из России или Польши, то ей капитал должен бы был направиться туда, для производства его. Однако это сопряжено со столькими затруднениями, что становится положительным невыгодным. Препятствиями этому служат различия в языках, в нравах и тысяча других помех, возникающих из учреждений и социальных отношений этих стран; а кроме того вызовет английских капиталов неизбежно вызвал бы такое увеличение мифических капиталов неизбежно вызвал бы такое увеличение мифического населения, что почти весь излишек хлеба, полученный таким путем, был бы, вероятно, потреблен, не выходя из самой страны. Остается только один способ увеличения вывоза и снабжения других стран: этот способ состоит во введении в вывозящую страну иностранных искусств и идей и в доставлении действительного побуждения их отсталой цивилизации: за исключением других, приходится рассчитывать на этот способ. Но успех в цивилизации страны идет очень медленно, и пока он будет совершаться, население и самой страны и стран, получающих из нее продовольствие, может настолько возрасти, что влияние усовершенствований, сдерживающее рост цифрицы на хлеб по сравнению с возрастанием спроса, вероятно, не будет иметь значенія ни для какой Европы, ни для какой-нибудь отдельной страны. Поэтому закон об уменьшении дохода от промышленной деятельности, всякий раз когда население делает более быстрые успехи, чем усовершенствований, применим не только к странам, итающимея продуктами своей собственной почвы, но в сущности применим также и к тем из них, которая готовы получить свою пшеницу из всякой доступной местности. И действительно, внезапное и большое удешевление пшеницы, какими бы

способами оно ни было произведено, подобно всякому другому внезапному усовершенствованию въ промышленныхъ искусствахъ, произвело бы только то, что естественное развитіе экономическихъ явленій отодвинулось бы на двѣ или на три ступени назадъ, но самый порядокъ развитія не измѣнился бы. Однако существуютъ случаи, когда свобода вывоза можетъ произвести настолько большіе временные результаты, что о нихъ никогда не думали ни самыя ярые противники, ни самыя ревностныя приверженцы свободной торговли хлѣбомъ. Мансъ, или индійскій хлѣбъ, представляетъ продуктъ, который можно получить въ количествѣ, достаточномъ для продовольствія всей Англіи, и вѣдѣтвіе его питательности, по цѣнѣ гораздо болѣе дешевой, чѣмъ картофель. Если бы мансъ когда-нибудь замѣнилъ собою пшеницу и сталъ бы главной пищей бѣдныхъ классовъ, то производительная сила труда, затрачиваемого для производства пшеницы, возросла бы такъ сильно, а расходы на содержаніе семейства такъ бы уменьшились, что, вѣроятно, потребовалось бы нѣсколько поколѣній для того, чтобы это болыное облегченіе въ продовольствіи было покрыто ростомъ населенія, хотя бы послѣднее увеличивалось даже такъ быстро, какъ въ Америкѣ.

§ 4. Кромѣ ввоза хлѣба, существуетъ еще другое средство, къ которому можетъ обратиться нація, когда ея населеніе возрастаетъ слишкомъ быстро не относительно капитала, а относительно производительной силы ея земли. Я хочу сказать о ввезеніи (эмиграціи), въ особенности, если оно происходитъ въ формѣ колонизаціи. Пока это средство возможно, оно приноситъ дѣйствительные результаты, потому что оно состоитъ въ раздѣленіи вѣтъ страны такихъ незанятыхъ пространствъ плодородной земли, которыя, если бы находились въ самой странѣ, дали бы возможность удовлетворить спросъ со стороны увеличивающагося населенія, безъ всякаго уменьшенія производительности труда. Поэтому, если мѣстность, предназначенная для колонизаціи, близка, а народъ, по своимъ привычкамъ и вкусамъ, не противится переселенію, то это средство будетъ вполнѣ успѣшно. Переселеніе изъ старыхъ частей Американскаго союза на новыя территоріи, равносильное во всѣхъ отношеніяхъ колонизаціи, даетъ возможность населенію развиваться безостановочно во всѣхъ частяхъ союза, не уменьшая дохода отъ промышленной дѣятельности и не увеличивая трудности добыванія продовольствія. Если бы Австралія или внутреннія мѣстности Канады находились такъ же близко возлѣ Великобританіи, какъ Уисконсинъ и Iowa къ Нью-Йорку, если бы лишнее англійское населеніе могло переселиться въ нихъ, не перѣбывая черезъ море, и было бы по своему характеру такимъ же отважнымъ и ненасытнымъ и настолько же непривязаннымъ къ своей родинѣ, какъ и его соплеменники въ Новой Англіи, то эти ненаселенныя матерки оказали бы ту же услугу Соединенному королевству, какую оказываютъ новые штаты Американскаго союза старымъ. Но въ такомъ положеніи, въ какомъ теперь находится Англія, благо-

разумно направленная эмиграція представляетъ, пожалуй, одно изъ болѣе важныхъ средствъ для быстрого облегченія стѣсненнаго положенія населенія; въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напримеръ, въ Ирландіи, находящейся подъ тройнымъ бременемъ картофельныхъ неурожаевъ, законовъ о бѣдныхъ и всеобщаго изгнанія арендаторовъ во всей странѣ, добровольная эмиграція можетъ, особенно въ сильныхъ кризисахъ, передвинуть даже такія большія массы населенія, о какихъ никогда не думали составители проектовъ національной колонизаціи: однако все же остается доказать на опытѣ, что постоянный потокъ эмиграціи можетъ поддерживаться въ раз-
мѣрѣ, достаточномъ для того, чтобы уносить, какъ въ Америкѣ, всю ту часть ежегоднаго прироста населенія (когда оно увеличивается съ наибольшей быстротой), которая превышаетъ успѣхи, сдѣланные въ тотъ же короткій періодъ времени житейскими искусствами, и вѣдѣтвіе этого, способствуетъ ухудшенію жизни каждаго отдѣльнаго лица, пользующагося среднимъ достаткомъ. А если этого нельзя доказать, то эмиграція, даже и съ экономической точки зрѣнія, не можетъ устранить необходимости сдерживать населеніе. Здѣсь мы не будемъ болѣе говорить объ этомъ предметѣ. Общій вопросъ о колонизаціи, съ практической точки зрѣнія на нее, значеніе колонизаціи для старыхъ странъ и принципы, по которымъ она должна вестись, будутъ разсмотрѣны нѣсколько подробнѣе въ слѣдующей части этого трактата.

было бы необходимо раздѣлять продуктъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ; но пока они не имѣютъ этого запаса, людямъ, имѣющимъ его, должно быть дано равноцѣнное вознагражденіе, какъ за предыдущій трудъ, такъ и за воздержаніе, благодаря которому продуктъ этого труда не былъ растроченъ на прихоти и былъ сохраненъ для такого примѣненія. Капиталъ могъ не быть и въ большинствѣ случаевъ не былъ созданъ трудомъ и воздержаніемъ его настоящаго владѣльца; но онъ былъ созданъ трудомъ и воздержаніемъ какого-нибудь предшествующаго лица; быть можетъ, у послѣдняго онъ былъ несправедливо отнятъ, однако при современномъ положеніи общества гораздо болѣе вѣроятія, что это лицо передало свои права настоящему капиталисту путемъ дара или добровольнаго договора; во всякомъ случаѣ, каждый послѣдующій собственникъ, вплоть до настоящаго, долженъ былъ продолжать дѣло воздержанія. Тѣмъ не менѣе могутъ возразить, что люди, наслѣдовавшіе сбереженіе отъ другихъ, пользуются выгодою, инкопмъ образомъ не заслуженной ими по сравненію съ рабочими, предшественники которыхъ не оставили имъ ничего. Я не только допускаю, но даже настойчиво утверждаю, что такое незаслуженное преимущество должно быть ограничено настолько, насколько это согласуется со справедливостью по отношенію къ людямъ, считающимъ себя въ правѣ располагать своими сбереженіями, передавая ихъ своимъ потомкамъ. Но хотя и справедливо, что рабочіе будутъ въ невыгодѣ по сравненію съ людьми, предшественники которыхъ сберегли, однако также справедливо, что при этомъ положеніи рабочихъ гораздо лучше, чѣмъ оно было бы въ томъ случаѣ, когда бы этотъ сбереженій не существовало вовсе. Рабочіе также участвуютъ въ выгодѣ, хотя и не въ одинаковой степени съ наслѣдниками. Условія кооперации между настоящимъ трудомъ и результатами прошедшаго труда и содержаніи составляютъ предметъ соглашения между двумя сторонами. Каждая изъ этихъ сторонъ необходима для другой. Капиталисты ничего не могутъ сдѣлать безъ рабочихъ, а рабочіе безъ капитала. Если рабочіе соперничаютъ ради получения занятій, то и капиталисты въ свою очередь соперничаютъ ради получения труда, для того чтобы располагать имъ въ количествахъ, соответствующемъ всему оборотному капиталу страны. Нерѣдко говорятъ, что соревнованіе служитъ неизбежной причиной бѣдствій и униженія рабочаго класса, точно будто бы высокая заработная плата не есть такой же результатъ соревнованія, какъ и низкая. Вознагражденіе за трудъ настолько же является результатомъ соревнованія въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Ирландіи, и въ общѣхъ этихъ странахъ еще больше, нежели въ Англіи.

Итакъ институтъ собственности содержитъ въ себѣ право свободнаго приобрѣтенія по договору. Рядомъ съ правомъ каждаго на вещь, произведенная имъ лично, предполагается право и на вещь, произведенная кѣмъ-нибудь другимъ, если онъ получены съ добровольнаго согласія послѣдняго. Разъ производитель передаетъ ихъ по доброй волѣ, или обмѣниваетъ ихъ на то, что онъ считаетъ

равноцѣнностью, то мѣнять ему въ этомъ значило бы нарушать его право собственности на продуктъ его личнаго труда.

§ 2. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію понятий, не входящихъ, какъ элементы, въ принципъ частной собственности, мы должны точно опредѣлить еще одно условіе, которое этотъ принципъ заключаетъ въ себѣ, а именно то, что по истеченіи извѣстнаго времени право собственности приобрѣтается на основаніи давности. Согласно съ основной идеей частной собственности, ничто не должно было бы считаться собственностью, разъ оно приобрѣтено силой, обманомъ, или присвоено по незнанію права, принадлежащаго раньше какому-нибудь другому лицу: но для безопасности законныхъ владѣльцевъ необходимо, чтобы ихъ не тревожили исками по поводу несправедливаго приобрѣтенія въ такое время, когда за давностью все доказательства должны были погибнуть и потеряться изъ виду, такъ что дѣйствительный характеръ перехода имущества болѣе не можетъ быть выясненъ. Владѣніе, которое не оспаривалось законнымъ порядкомъ въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ, должно стать безспорнымъ, какъ это и признается законами всѣхъ странъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда приобрѣтеніе было несправильно, во со времени его прошло цѣлое поколѣніе, отнять имущество у владѣльца, который можетъ быть добросовѣстнымъ — для возстановленія права, долгое время не заявлявшагося, было бы еще большей несправедливостью и почти всегда большимъ общественнымъ и частнымъ бѣдствіемъ, нежели оставить первоначальную несправедливость безъ вознагражденія. Пожалуй, можетъ прозвучать тяжелое впечатлѣніе то обстоятельство, что требованіе, вначалѣ основательное, уничтожается однимъ теченіемъ времени; существовать однако извѣстный срокъ, послѣ котораго (даже если разсмотрѣвать частные случаи, не принимая во вниманіе ихъ вліянія на обезпеченность владѣльцевъ вообще) возстановленіе забытыхъ правъ было бы еще болѣе несправедливостью. Человѣческія несправедливости имѣютъ ту общую черту съ потрясеніями и бѣдствіями, причиняемыми природой, что чѣмъ дольше онѣ остаются несправедливыми, тѣмъ больше является препятствій къ исправленію ихъ, вслѣдствіе позднѣйшихъ наслоеній, которыя приходится или уничтожать или преодолѣвать. Ни въ какихъ человѣческихъ отношеніяхъ, даже въ самыхъ простыхъ и ясныхъ, нельзя заключить, что какая-нибудь мѣра цѣлесообразна теперь, потому что она была цѣлесообразна шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Едва-ли нужно замѣчать, что это соображеніе въ пользу ненарушимости несправедливостей прошлаго не можетъ быть примѣнено къ несправедливымъ законамъ или учрежденіямъ, такъ какъ дурной законъ или обычай не представляетъ собою одного несправедливаго акта въ далекомъ прошломъ, а ведетъ къ постоянному повторенію несправедливостей во все время, пока такой законъ или обычай существуетъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ существенныя основанія частной собственности, мы теперь разсмотримъ, насколько тѣ формы, въ какихъ это учрежденіе существовало при различныхъ состояніяхъ общества или существуетъ и до сихъ поръ, составляютъ не-

обходимое слѣдствіе начать собственности или же вытекають изъ соображеній, на которыхъ оно основано.

§ 3. Собственность предполагаетъ только право каждаго лица на свои дарованія, на то, что оно можетъ произвести съ помощью ихъ, и на все то, что это лицо можетъ получить за свои продукты, путемъ добросовѣстнаго обмена: къ собственности также относится право передавать по желанію свое имущество другому лицу и право это послѣднiго получать это имущество и пользоваться имъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что хотя право завѣщанія или даренія на случай смерти и составляетъ часть идеи собственности, однако право наследованія помимо завѣщанія не входитъ въ это понятіе. Переходъ собственности отъ лица, не распорядившагося ею при жизни, къ ихъ дѣтямъ, а за отсутствіемъ послѣднихъ—къ ближайшимъ родственникамъ умершаго можетъ быть желательнымъ или нежелательнымъ, но онъ не оставляетъ слѣдствія начала частной собственности. Не смотря на то, что съ развитіемъ этихъ вопросовъ помимо политико-экономическихъ соображеній связано много и другихъ, однако идея настоящаго труда не чуждо будетъ представлять на судъ мыслителей извѣстный взглядъ на эти вопросы, который кажется автору наиболѣе основательнымъ.

Доказательствомъ правильности существующихъ понятій объ этомъ предметѣ не можетъ служить ихъ древность. Въ ранніе періоды исторіи собственность умершаго лица переходила къ его дѣтямъ и ближайшимъ родственникамъ такимъ естественнымъ и простымъ порядкомъ, что едва ли кому приходило въ голову оспаривать ее у нихъ. Во-первыхъ, всѣ наследники были тутъ же налицо; всѣ они являлись владѣльцами наследства и, за неимѣніемъ другого права, имъ принадлежало право перваго захвата, которое имѣло также важное значеніе въ первобытныхъ общественныхъ условіяхъ. Во-вторыхъ, они и при жизни умершаго до нѣкоторой степени были его совладѣльцами. Если собственность заключалась въ землѣ, то обыкновенно государство передавало ее скорѣе цѣлому роду, нежели отдѣльному лицу; если же она состояла изъ скота или движимаго имущества, то вѣроятно она бывала приобретена и заключена соединенными усилиями всѣхъ членовъ рода, способныхъ по возрасту работать и сражаться. Исключительная личная собственность, въ современномъ ея значеніи, едва-ли входила въ понятія того времени: и когда глава рода умираетъ, то часть него въ дѣйствительности оставалась свободной только принадлежавшая ему доля въ общемъ имуществѣ, которая и передавалась члену рода, наследовавшему его власть. Распорядиться собственностью иначе—значило бы уничтожить маленькую общину, соединенную понятіями, интересами и привычками, и разбросать ее по всему свѣту. Хотя эти соображенія скорѣе чувствовались, нежели сознавались, все же ихъ влияние на умы людей было такъ велико, что они создали понятіе о естественномъ правѣ дѣтей на имущество ихъ предка.—правѣ, котораго и послѣдній не имѣлъ возможность уничтожить. Завѣщаніе рѣдко признавалось въ первобытномъ состояніи

общества; а это очевидно свидѣтельствуетъ, даже если бы и не было другихъ доказательствъ, о томъ, что собственность понималась тогда совершенно иначе, чѣмъ въ настоящее время *).

Но феодальный родъ, послѣдняя историческая форма патриархальной жизни, давно исчезъ, и въ настоящее время элементами, изъ которыхъ слагается общество, являются не роды или кланы, состоящие изъ признанныхъ потомковъ общаго предка, а отдѣльныя лица, или самое большое — отдѣльныя четы супруговъ съ ихъ не отдѣльными дѣтьми. Собственность принадлежитъ теперь отдѣльнымъ лицамъ, а не семьямъ; дѣти, вырастая, могутъ не продолжать записей и не пользоваться состояніемъ родителей; если они и участвуютъ въ денежныхъ средствахъ родителей, то только съ согласія послѣднихъ и при томъ не по праву совмѣстнаго владѣнія и управленія всею собственностью, но обыкновенно въ видѣ исключительнаго пользованія частью ея; и даже, по крайней мѣрѣ въ Англіи,—родители имѣютъ право лишать наследства своихъ дѣтей и передавать свое состояніе людямъ постороннимъ (если только этому не препятствуетъ субституція или какия-нибудь другія ограниченія). Болѣе отдаленные родственники обыкновенно настолько чужды семьѣ и ея интересамъ, какъ будто бы они съ ней не были связаны ничѣмъ. Предполагается, что единственное право, которое они могутъ имѣть по отношенію къ своимъ богатымъ родственникамъ, заключается въ томъ, что послѣдніе должны оказывать предпочтительно имъ дружескіи услуги и въ некоторую помощь въ случаѣ дѣйствительной нужды.

Такая крупная перемена въ общественномъ устройствѣ должна была произвести значительное различіе въ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависитъ переходъ собственности по наследству. Доводы, обыкновенно приводимые современными писателями въ пользу передачи дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ собственности лица, умершаго безъ завѣщанія, заключаются, во-первыхъ, въ предположеніи, что законъ, распорядкаясь такимъ образомъ, имѣетъ болѣе вѣроятія исполнить то, что сдѣлать бы собственникъ, если бы онъ распорядился при жизни: и, во-вторыхъ, въ томъ, что было бы жестоко лишить пользованія богатствомъ и повергнуть въ бѣдность и лишенія людей, жившихъ со своимъ родимымъ и раздѣлявшихъ ихъ убытокъ.

Оба эти аргумента имѣютъ нѣкоторое значеніе. Безъ сомнѣнія, законъ долженъ сдѣлать для дѣтей или для людей, зависѣвшихъ отъ лица, умершаго безъ завѣщанія, все то, что лежало на обязанности родителей или покровителей, насколько эти обязанности, кромѣ самаго умершаго, извѣстны и другимъ. Однако, такъ какъ законъ не можетъ рѣшать, насколько достойно наследства то или другое лицо, но долженъ дѣйствовать на основаніи общихъ правилъ, то прежде всего разсмотримъ, каковы должны быть эти правила.

*) См. замѣчательное объясненіе этого вопроса и многихъ близкихъ ему въ глубокомысленномъ произведеніи Мена о древнемъ правѣ и его отношеніи къ современнымъ понятіямъ.

Во-первыхъ, слѣдуетъ замѣтить относительно боковыхъ родственниковъ, что имъ, безъ особенныхъ личныхъ причинъ, никто не обязанъ оставлять денежнаго обезпеченія. И за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нѣтъ прямыхъ наследниковъ, никто теперь не ожидаетъ этого обезпеченія; да и въ упомянутомъ случаѣ его никто бы и не ожидалъ, если бы ожиданіе не было создано постановленіемъ закона, опредѣляющимъ порядокъ наследованія безъ завѣщанія. Поэтому, я не вижу основанія, почему должно вообще существовать наследованіе по боковой линіи. Бентамъ давно предлагалъ, чтобы при отсутствіи наследниковъ, какъ по восходящей, такъ и по нисходящей линіи, собственность, въ случаѣхъ смерти безъ завѣщанія, переходила бы къ государству. Съ этимъ мнѣніемъ были также согласны и другіе извѣстные авторитеты. Что касается наиболѣе отдаленныхъ степеней родства по боковой линіи, то въ отношеніи къ нимъ этого взгляда, вѣроятно, никто не будетъ оспаривать. Немногіе будутъ утверждать, что существуетъ какое-нибудь достаточное основаніе, по которому сбереженія бездѣтнаго скряги должны по его смерти обогатить, какъ это иногда бываетъ, его отдаленныхъ родственниковъ, которые никогда его не видали и быть можетъ никогда не знали объ этомъ родствѣ, пока не представилась возможность, подъ предлогомъ его, получить что-нибудь, и которые едва ли имѣютъ большее право ожидать чего-нибудь отъ умершаго, чѣмъ всякій, совершенно посторонній ему человекъ. (Однако, основанія этого случая примѣнимы также и ко всемъ боковымъ степенямъ родства, даже и къ ближайшимъ. Боковые родственники не имѣютъ никакого нравственнаго права на наследство, кромѣ того, какое въ одинаковой степени можетъ принадлежать и людямъ постороннимъ; а разъ существуетъ такое право, то какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, самый естественный способъ признать это право будетъ завѣщаніе.

Права дѣтей по своему характеру не таковы: они дѣйствительны и не отъемлемы. Но даже относительно этихъ правъ я осмѣливаюсь думать, что размѣръ ихъ не всегда правильно понимается: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обязанности родителей въ отношеніи дѣтей уменьшены, въ другихъ, мнѣ кажется, преувеличены. Одна изъ самыхъ главныхъ обязанностей родителей состоитъ въ томъ, чтобы не производить дѣтей на свѣтъ, если нѣтъ возможности содержать ихъ въ достаткѣ въ продолженіе ихъ дѣтства, и воспитать такъ, чтобы они могли содержать себя сами, когда выростутъ; но эта обязанность часто опускается на практикѣ, а теорія относитъ къ ней съ такимъ пренебреженіемъ, которое нѣкоторымъ образомъ даже унижительно для человѣческаго ума. Съ другой стороны, когда родители имѣютъ собственность, то право дѣтей на нее, по моему мнѣнію, служить предметомъ противоположнаго заблужденія. Какое бы состояніе ни наследовалъ, а тѣмъ болѣе, ни приобрѣлъ бы отецъ, я не могу согласиться съ тѣмъ, что онъ обязанъ оставить своимъ дѣтямъ богатство, освобождающее ихъ отъ всякой необходимости въ трудѣ только потому, что они его дѣти. Я не могъ бы согласиться съ этимъ даже и тогда, если бы

оставленное отцомъ богатство всегда и непобѣжно служило ко благу дѣтей. Но это въ высшей степени сомнительно и зависить отъ лучшаго характера дѣтей. Не предполагая чрезвычайныхъ условій, можно утверждать, что въ большинствѣ случаевъ польза не только всего общества, но и частныхъ лицъ была бы лучше соблюдена, если бы имъ завѣщалось вмѣсто большого обезпеченія только умеренное. Это мнѣніе, общее какъ древнимъ, такъ и современнымъ моралистамъ, признается многими разумными родителями, и оно имѣло бы еще гораздо большее вліяніе, если бы родители всегда сообразовались съ тѣмъ, что дѣйствительно полезно ихъ дѣтямъ, а не съ тѣмъ, что считается полезнымъ, по мнѣнію другихъ.

Обязанности родителей къ дѣтямъ—это обязанности, которыя неразрывно связаны съ тѣмъ фактомъ, что они дали существованіе этимъ людямъ. Въ отношеніи общества родители должны стараться сдѣлать своего ребенка хорошимъ и достойнымъ его членомъ, а въ отношеніи къ ребенку — они обязаны дать дѣтямъ, насколько это зависить отъ нихъ, такое воспитаніе, положеніе и средства, которыя дали бы имъ возможность честно вступить въ жизнь и съ успѣхомъ продолжать ее до конца собственными силами. На это имѣетъ право каждое дитя, и я не могу допустить, чтобы, какъ дитя, оно имѣло право на что-нибудь большее. Существуетъ случай, когда эти обязанности представляются сами по себѣ въ ихъ истинномъ свѣтѣ, не затемняемыя и не скрываемыя посторонними обстоятельствомъ; таковы обязанности по отношенію къ незаконнымъ дѣтямъ. Обыкновенно признается, что незаконному дитяти его родители должны обезпечить такое благосостояніе, которое дало бы ему возможность сдѣлать въ общемъ свою жизнь приятной. И полагаю, что и дѣтямъ вообще, только какъ таковымъ, не слѣдуетъ ничего больше кромѣ того, что признано необходимымъ для незаконныхъ дѣтей; а что дитя, которому было доставлено это необходимое, если только раньше у него не были возбуждены надежды, не будетъ имѣть никакого неудовольствія, когда остатокъ своего состоянія родители употребятъ на пользу общества или лишь, которымъ, по мнѣнію родителей, будетъ лучше отдать его.

Чтобы доставить дѣтямъ возможность устроить хорошее существованіе, на которое они имѣютъ право, вообще необходимо, чтобы они не воспитались въ привычкахъ къ роскоши, какою въ послѣдствіи они не будутъ имѣть средствъ пользоваться. Однако, этотъ долгъ часто грубо нарушается людьми, располагающими ограниченными доходами и незначительной собственностью, которую они могутъ оставить. Если дѣти богатыхъ людей воспитываются, какъ это обыкновенно бываетъ, въ привычкахъ, соответствующихъ расходамъ, которые позволяютъ себѣ ихъ родители, то, вообще, родители обязаны доставить имъ обезпеченіе большее, чѣмъ было бы достаточно для дѣтей, воспитанныхъ иначе. Я говорю вообще, потому что даже и здѣсь есть другая сторона вопроса. Существуетъ предположеніе, вполне основательно поддерживаемое, что для сильныхъ натуръ, которымъ приходится прокладывать свой путь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, равнее знакомство съ опытомъ и ощу-

нениями, связанными съ богатствомъ, представляетъ выгоду и для выработки характера, и для житейскаго счастья. Но если допустимъ, что дѣти, воспитанныя въ роскоши, которую они впоследствии не могутъ воспользоваться, имѣютъ справедливое основаніе къ неудовольствію и что, поэтому, ихъ право на обезпеченіе, соответствующее образу ихъ воспитанія, исполнѣ основательно; то все же и это право также чрезвычайно часто расширяется за предѣлы его разумныхъ границъ. Именно такой примѣръ мы видимъ съ младшими дѣтьми знатныхъ родовъ и земельного дворянства, у которыхъ главная масса отцовскаго состоянія переходитъ къ старшему сыну: другіе сыновья, число которыхъ обыкновенно бываетъ значительно, воспитываются въ тѣхъ же привычкахъ къ роскоши, какъ и будущій наследникъ, и обыкновенно получаютъ свою долю меньшихъ братьевъ, размѣръ которой указывается въ этомъ случаѣ здравымъ смысломъ, а именно, они получаютъ столько, сколько нужно для того, чтобы они могли одинъ безъ семьи поддерживать тотъ образъ жизни, къ какому они привыкли. Въ дѣйствительности, никто не можетъ жаловаться на то, что средства для содержанія своей семьи онъ долженъ доставать собственнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, обезпеченіе, которое обязаны родители доставить своимъ дѣтямъ, а слѣдовательно государство—дѣти въ умеренныхъ безъ завѣщанія, по размѣрамъ должно отвѣтствовать тому обезпеченію, какое признано справедливымъ для незаконныхъ дѣтей, младшихъ сыновей и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдуетъ принимать въ расчетъ только соображенія справедливости и интересы какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общества. Если будетъ сверхъ этого какой-нибудь остатокъ имущества, то я утверждаю, что онъ можетъ быть вполне справедливо назначенъ на общественныя потребности. Однако, я вовсе не думаю настаивать на томъ, чтобы родители никогда не дѣлали для своихъ дѣтей больше того, на что послѣднія, въ силу родственной связи, имѣютъ нравственное право. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ положительно необходимо, во многихъ — похвально и вообще позволительно дѣлать гораздо больше этого. Но именно для этого и служитъ свобода завѣщанія. Будетъ справедливымъ не ради дѣтей, а ради родителей, чтобы послѣдніе имѣли возможность выказывать расположенность, вознаграждать за услуги и жертвы и передавать свое богатство, согласно своему собственному желанію и соображеніямъ справедливости.

§ 4. Должно ли само по себѣ право завѣщанія подлежать ограниченіямъ—это уже слѣдующій вопросъ, имѣющій важное значеніе. Въ противоположность наследованію безъ завѣщанія, право завѣщанія составляетъ одну изъ принадлежностей собственности: право собственности на вещь не можетъ считаться полнымъ безъ права передачи ея по смерти, или продолженіе жизни, по желанію ея собственника, и всѣ доводы, говорящіе за существованіе частной собственности, требуютъ также и этого расширенія ея. Но собственность представляетъ только средство для извѣстной цѣли, а не самую цѣль. Подобно всѣмъ прочимъ правамъ, принадлежащимъ

собственнику, и даже въ сильнѣйшей степени, чѣмъ большинство остальныхъ правъ, право завѣщанія можетъ имѣть примѣненіе, противорѣчащее постояннымъ интересамъ человечества. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель, не довольствуясь завѣщаніемъ помѣстья какому-нибудь лицу А, предписываетъ, чтобы это помѣстье послѣ смерти А перешло къ его старшему сыну, а отъ этого сына къ его сыну и такъ далѣе. Безъ сомнѣнія, люди иногда болѣе ревностно стараются составить состояніе, благодаря надеждѣ основать навсегда свой родъ. Но вредъ для общества, происходящій изъ подобныхъ владѣній, навсегда привязанныхъ къ роду, превышаетъ пользу такого побужденія къ труду; тѣмъ болѣе, что у людей, которымъ представляется удобный случай составить большое состояніе, побужденіе къ этому будетъ и безъ того достаточно сильнымъ. Подобное же злоупотребленіе правомъ завѣщанія совершается и при такомъ похвальномъ поступкѣ, какъ завѣщаніе собственности на общественныя цѣли, — когда человѣкъ, завѣщавшій имущество, пытается предписать разъ навсегда подробности пользованія имъ: на примѣръ, если при основаніи стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ предписываетъ навсегда, какими науками долженъ заниматься стипендіатъ. Такъ какъ невозможно чтобы кто-нибудь зналъ, какими науками люди будутъ заниматься черезъ нѣсколько столѣтій послѣ его смерти, то законъ не долженъ выполнять подобныхъ распоряженій собственностью иначе, какъ подъ условіемъ постояннаго пересмотра ихъ по истеченіи извѣстнаго времени, со стороны надзирающей власти.

Эти ограниченія совершенно понятны. Но даже и въ самомъ простомъ примѣненіи права завѣщанія, право опредѣленія лица, къ которому собственность должна перейти немедленно послѣ смерти завѣщателя, всегда считалось одной изъ привилегій, которыя могутъ быть ограничиваемы и измѣняемы согласно съ требованіями цѣлесообразности. До сихъ поръ эти ограниченія почти исключительно существовали въ пользу дѣтей. Въ Англіи это право по принципу почти неограниченно, и почти единственное препятствіе ему возникаетъ изъ распоряженій прежняго собственника, вслѣдствіе которыхъ настоящий владѣлецъ въ дѣйствительности не можетъ завѣщать своего имущества, такъ какъ имъ онъ владѣетъ только пожизненно, а слѣдовательно—ему нечего завѣщать. По римскому праву, послужившему главнымъ основаніемъ гражданскаго законодательства континентальной Европы, завѣщаніе первоначально вовсе не допускалось, и даже послѣ того какъ оно было введено, извѣстная законная часть (legitima portio) принудительно сохранялась для каждаго изъ дѣтей: такой законъ существуетъ еще и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ. Со времени революціи, по французскимъ законамъ, родители по своему желанію могутъ располагать только частью имущества, которая равна долѣ одного изъ дѣтей, а всѣ дѣти получаютъ равную часть. Этотъ фидеикомиссъ, какъ его можно назвать, установленный на всю массу имущества извѣстнаго лица въ пользу всѣхъ его дѣтей, кажется мнѣ въ принципѣ настолько-же мало

основательнымъ, какъ и фидекомиссъ въ пользу старшаго сына, хотя это послѣднее ограниченіе и не оскорбляетъ такъ прямо чувства справедливости. Я не могу признать справедливымъ, чтобы родители были принуждаемы оставлять своимъ дѣтямъ даже и такое обезпеченіе, на которое дѣти, какъ я доказывалъ раньше, имѣютъ въ силу родственной связи нравственное право. Дѣти могутъ потерять это право, вообще—въслѣдствіе своей испорченности, и въ частности — въслѣдствіе дурнаго поведенія по отношенію къ родителямъ; дѣти могутъ имѣть другія средства къ существованію, другіе планы на будущее; все, что было сдѣлано раньше для нихъ, въ видѣ воспитанія и устройства ихъ жизни, можетъ вполне соответствовать ихъ нравственному праву; или, наконецъ, посторонніе люди могутъ имѣть права гораздо большія, чѣмъ они.

Чрезвычайное ограниченіе права завѣщанія по французскому закону было принято, какъ демократическое средство, для уничтоженія обычая первородства и для противодѣйствія стремленію наслѣдственной собственности скопиться въ огромныя массы. Я вполне соглашаюсь, что эта цѣль въ высшей степени желательна, но употребляемая для нея средства я признаю недостаточно разумнымъ. Если бы я составлялъ кодексъ законовъ согласно съ тѣмъ, что по моему мнѣнію хорошо само по себѣ, не принимая во вниманіе существующихъ мнѣній и чувствъ, то я предпочелъ бы не ограничивать права завѣщать свое имущество, а ограничить ту сумму, которую какому-нибудь лицу дозволено будетъ приобретать по завѣщанію и наслѣдству. Каждое лицо должно было бы имѣть право распоряжаться по своему желанію всей его или ея собственностью, но не расточать послѣдней на обогащеніе отдельныхъ лицъ выше извѣстнаго максимума, который долженъ быть назначенъ достаточно высокимъ для того, чтобы доставить благосостояніе и независимость. Неравенство имущества, происходящее отъ неравенства трудолюбія, бережливости, настойчивости, талантовъ, и до извѣстной степени, даже удачъ, неразрывно связано съ принципомъ частной собственности, и если мы принимаемъ самый принципъ, то должны терпѣть и это слѣдствіе его; но я не вижу ничего предосудительнаго въ опредѣленіи границъ тому, что люди могутъ приобретать только благодаря одной милости другихъ, безъ всякаго примѣненія своихъ способностей; такъ же какъ не вижу несправедливости въ требованіи, чтобы люди работали, если хотятъ дальѣе расширять свое состояніе *). Я не предполагаю, чтобы такое ограниченіе, наложенное на право завѣщанія, признавалось обязательнымъ со стороны какого-нибудь завѣщателя, который понимаетъ, что дѣйствительная цѣнность крупнаго состоянія зависитъ отъ тѣхъ удовольствій и выгодъ, какія можно приобрести за него.

*) Что касается капитала, служащаго въ рукахъ собственника для веденія какихъ-нибудь промышленныхъ операцій, то существуютъ сильныя основанія предоставить такому собственнику право завѣщать одному лицу все имущество, дѣйствительно вложенное въ одно предпріятіе. Важно, чтобы онъ имѣлъ возможность оставить предпріятіе подъ управленіемъ одного изъ своихъ наслѣдниковъ, котораго онъ считаетъ наиболее

Какъ бы, однако, чрезмерно ни была произведена подобная оцѣнка, каждому все-таки будетъ очевидно, что если мы сопоставимъ владѣльца, который пользуется состояніемъ, доставляющимъ скромную независимость, съ собственникомъ состоянія въ пять разъ большаго, то различіе въ ихъ счастіи будетъ незначительно по сравненію съ той суммой удовольствія и тѣмъ прочнымъ выгодамъ, какія могли бы быть доставлены, если бы четыре пятыхъ этого состоянія были употреблены на какое-нибудь другое назначеніе. Но, конечно, пока въ дѣйствительности будетъ господствовать убѣжденіе, что самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать для любимыхъ нами людей, это одарить ихъ до пресыщенія тѣмъ, въ сущности бесполезнымъ, вещами, на которыя главнымъ образомъ тратятся огромныя состоянія, до тѣхъ поръ мало пользы будетъ отъ изданія подобнаго закона, даже если бы было возможно добиться его утвержденія, ибо ежели существуетъ въ обществѣ нерасположеніе къ нему, то всегда найдется возможность его обойти. Законъ былъ бы не дѣйствителенъ, если бы общественное мнѣніе энергически не поддерживало его. Въ настоящее время факты англійской жизни совершенно противоположны такому закону: однако, при нѣкоторыхъ социальныхъ и политическихъ условіяхъ общества, подобное мнѣніе очень легко можетъ измѣниться: такъ, напримѣръ, во Франціи теперь очень упорно держатся за принудительный раздѣлъ наслѣдства. Если бы подобное ограниченіе могло практически осуществиться, то это принесло бы большую пользу. Богатство, которое нельзя было бы болѣе употреблять на чрезмерное обогащеніе немногихъ, или затрачивалось бы на предметы общественной пользы, или, переходя къ частнымъ лицамъ, распредѣлилось бы между гораздо большимъ числомъ ихъ. Тогда эти огромныя состоянія, которыя служатъ не для дѣйствительныхъ потребностей, а для тщеславія и вреднаго могущества, стали бы гораздо менѣе многочисленны, но въ то же время появились бы гораздо больше лишь съ обезпеченнымъ положеніемъ, пользующихся досугомъ и всеми дѣйствительными преимуществамъ, какія можетъ доставить богатство, кромѣ удовлетворенія тщеславія. Классъ, пользующійся досугомъ, тотъ классъ, отъ котораго общество имѣетъ право ожидать услугъ, состоящихъ въ прямомъ примѣненіи свободныхъ силъ или въ выработкѣ общественныхъ убѣжденій и вкусовъ, увеличился бы значительно. Въроятно также, значительная часть накопленій, приобретенныхъ успѣшнымъ трудомъ, назначалась бы на общественное употребленіе, посредствомъ или прямото завѣщанія государству или чрезъ вклады въ учрежденія, какъ это теперь очень часто встрѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, какъ кажется, понятія и практика, касающіяся во-

способнымъ нести дѣло энергично и успѣшно. Этими была бы устранена необходимость (очень неудобная и очень часто встрѣчающаяся при примѣненіи французскихъ законовъ) ликвидировать мануфактурное или коммерческое предпріятіе по смерти его учредителя. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ, чтобы собственнику, оставляющему одному изъ своихъ наслѣдниковъ нравственное бремя поддержанія родового двора и парка, было дозволено давать при этомъ такую сумму имущества, какая необходима для причинаго выполненія цѣли.

просовъ наследства. въ высшей степени рациональны и благотворны *).

§ 5. Теперь слѣдуетъ рассмотреть, применимы ли разсужденія, составляющія основу института частной собственности, ко всемъ видамъ имущества, относительно которыхъ въ настоящее время признается право исключительной собственности; а если они применимы не ко всемъ видамъ, то слѣдуетъ рѣшить, на какихъ другихъ основаніяхъ можно оправдать право собственности на эти послѣднія вещи.

Существенный принципъ собственности состоитъ въ обеспеченіи всемъ людямъ того, что они произвели своимъ трудомъ и накопили съ помощью своего воздержанія; этотъ принципъ не можетъ применяться къ тому, что не составляетъ продукта труда, т. е. къ землѣ въ ея естественномъ видѣ. Если бы земля получала свою производительную силу всецѣло отъ природы, а вовсе не отъ труда, или если бы была какая-нибудь возможность различить то, что она получила изъ одного и изъ другого источника, то не только не было бы необходимости допускать присвоеніе дара природы отдѣльными лицами, но напротивъ, это было бы высшею степенью несправедливости. Пользованіе землей въ земледѣліи, дѣйствительно, по необходимости должно быть исключительнымъ въ продолженіе известнаго времени; человеку, внахавшему и посѣявшему, необходимо дать возможность и пожать; но земля можетъ поступать въ пользованіе только на одинъ годъ, какъ это дѣлалось у древнихъ германцевъ, или можетъ периодически передѣляться, по мѣрѣ возрастанія населенія; или, наконецъ, государство можетъ быть всеобщимъ землевладѣльцемъ, а сами землевладѣльцы — срочными или безсрочными арендаторами.

Но хотя земля сама по себѣ и не составляетъ продукта труда, однако преобладающая часть ея цѣнныхъ качествъ создана племно

*) „Щедрыя завѣщанія и подарки на благотворительныя и образовательныя цѣли составляютъ выдающуюся черту въ современной исторіи Соединенныхъ Штатовъ, и въ особенности — Новой Англій. Обыкновенно богатые капиталисты оставляютъ по завѣщанію часть своего имущества въ пользу общественныхъ учрежденій; некоторые изъ нихъ также и при жизни дѣлаютъ огромныя пожертвованія деньгами для тѣхъ же цѣлей. Здѣсь нѣтъ принудительнаго закона о разпояхъ раздѣленія наследства, какъ во Франціи, а также не въ обычаѣ фидеикомиссы или право дѣлить свое богатство между родственниками и обществомъ; учредить майоратъ здѣсь невозможно; и родители часто имѣютъ счастье за долго до своей смерти видѣть своихъ дѣтей независимыми и обеспеченными. Мнѣ удалось видѣть реестръ завѣщаній и пожертвованій, сдѣланныхъ въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ въ пользу религиозныхъ, благотворительныхъ и ученыхъ учрежденій только въ одномъ Массачусетсѣ, и эти пожертвованія доходятъ до суммы не менѣе какъ въ 6 милліоновъ долларовъ, т. е. болѣе, нежели милліонъ фунтовъ стерлинговъ“. Lyell's Travels in America, I, 263. Въ Англійскій всякій, имѣющій какихъ-нибудь близкихъ родственниковъ, завѣщая на общественныя или благотворительныя цѣли сколько-нибудь значительную сумму, дѣлаетъ это съ рискомъ, что по смерти судъ признаетъ его сумасшедшимъ, или, по крайней мѣрѣ, что его состояніе будетъ растрчено на тяжбы, съ цѣлью уничтожить завѣщаніе.

трудомъ. Трудъ нуженъ не только для пользованія орудіемъ, но почти въ одинаковой мѣрѣ и для приспособленія этого орудія. Нерѣдко требуется вначалѣ значительный трудъ, чтобы очистить землю для обработки. Во многихъ случаяхъ, даже при ошцненной землѣ, ея производительность составляетъ всецѣло результатъ труда и искусства. Бедфорская равнина производила мало, или даже ничего не производила, пока не была искусственно осушена. Ирландскія болота, пока съ ними не сдѣлаютъ того же самаго, не могутъ производить почти ничего, кромѣ топлива. Почва Paue de Waes во Фландріи, одна изъ самыхъ безплодныхъ на всемъ земномъ шарѣ, по своему составу подобная Гудвинскимъ пескамъ (Goodwin sands), была такъ оплодотворена трудомъ, что сдѣлалась одной изъ наиболѣе производительныхъ почвъ Европы. Земледѣліе требуетъ также построекъ и оградъ, которыя всецѣло составляютъ продуктъ труда. Плоды этого труда не могутъ быть пожаты въ короткое время. Трудъ и издержки затрачиваются немедленно, выгода же растягивается на много лѣтъ, можетъ быть на все будущее время. Человекъ, въ настоящее время владеющій землей, не предприметъ этого труда и издержекъ, если пользоваться результатомъ будетъ не онъ самъ, а кто-нибудь другой; а между тѣмъ, увѣренность имѣть всегда достаточный періодъ въ своемъ распоряженіи можетъ существовать только при вѣчномъ владѣніи *).

*) „Только мысль о вѣчности владѣнія дѣлаетъ человека разумнымъ и настойчивымъ въ трудѣ и заставляетъ его направлять все свои усилія къ цѣли, полезной для человечества. Неплодородныя почвы, лежащія вдоль рѣкъ, бывають обыкновенно самыми плодородными, но имъ постоянно грозитъ опасность наводненій, или онѣ бывають испорчены болотами. При обеспеченности вѣчнаго владѣнія, люди предпринимаютъ продолжительный и тяжелый трудъ для осушенія этихъ болотъ, для сооружения плотинъ противъ наводненій, для проведенія съ помощью ирригаціонныхъ каналовъ живительной воды на тѣ поля, которыя эта же опасность грозить вѣчнаго владѣнія, люди предпринимаютъ трудъ, не довольствуясь болѣе ежегодными продуктами земли, оыскалъ лавкъ, не довольствуясь болѣе ежегодными продуктами земли, оыскалъ между дикою растительностью многолѣтнія растенія, кустарники и деревья, которые могли бы быть ему полезны, культивировать ихъ, можно сказать — совершенно излѣпить самую ихъ природу и размножить ихъ. На нѣкоторые плоды затрачено было нѣсколько столѣтій для того, чтобы съ помощью культуры довести ихъ до высшаго совершенства; другіе были увезены изъ наиболѣе удаленныхъ странъ. Люди подняли болѣе глубокие слои земли для того, чтобы возобновить почву и оплодотворить ее смѣшиваніемъ ея частей и соприсношеніемъ съ воздухомъ, они угрѣешили почву на склонахъ холмовъ, которая была для человечества почти покровомъ покрыта богатой и полезной для человечества растительностью. Некоторые изъ работъ, совершаемыхъ людьми, могутъ принести плоды только черезъ десять или двадцать лѣтъ; плодами же другихъ будетъ пользоваться ихъ потомство еще и черезъ много вѣковъ. Весь этотъ трудъ содѣйствовалъ увеличенію производительной силы природы, доставляя человечеству неизмѣнно возрастающій доходъ. Значительная часть этого дохода потреблялась людьми, не участвующими во владѣніи землей; но они бы не нашли пропитанія безъ этого присвоенія земли, которое, какъ можетъ показаться съ перваго раза, обездолило ихъ“. Sismondi, Etudes sur l'Economie Politique, Troisième Essai de la Richesse Territoriale.

§ 6. Вотъ соображенія, составляющія оправданіе поземельной собственности съ экономической точки зрѣнія. Мы видѣли, что они имѣютъ силу только до тѣхъ поръ, пока собственникъ производить улучшенія въ землѣ. Если въ какой-нибудь странѣ собственникъ, въ общей ихъ массѣ, почему бы то ни было перестаютъ производить улучшенія, то политическая экономія ничего не можетъ сказать въ защиту поземельной собственности, существующей въ этой странѣ. Ни одна здравая теорія частной собственности никогда не имѣла въ виду, чтобы собственникъ земли пользовался ею какъ синекурой.

Въ Великобританіи поземельный собственникъ нерѣдко производитъ улучшенія. Но нельзя сказать, чтобы это было общимъ правиломъ. Мало того, въ большинствѣ случаевъ землевладельцы уступаютъ право обработки на такихъ условіяхъ, которыя не даютъ возможности производить усовершенствованій никому другому. Въ южныхъ частяхъ острова, гдѣ отдача въ аренду производится обыкновенно не на опредѣленные сроки, постоянныя улучшенія едва ли могутъ производиться на чьи-нибудь другія средства, кромѣ капитала землевладельца: поэтому югъ Англіи, по сравненію съ ея сѣверомъ и Нижней Шотландіей, еще и до сихъ поръ сильно отсталъ въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ. Правда, при существованіи закона или обычая первородства, едва ли возможно для земледельцевъ какое бы то ни было общее повышеніе земледѣльческой культуры. Когда земля переходитъ цѣликомъ къ одному наследнику, то она обыкновенно переходитъ къ нему безъ всякихъ денежныхъ средствъ, которыя дали бы ему возможность улучшить ее, такъ какъ движимая собственность употребляется на обезпеченіе младшихъ дѣтей, и съ этой цѣлью нерѣдко и сама земля обременяется тяжелыми долгами. Поэтому, только небольшая часть землевладельцевъ имѣетъ возможность производить дорогія усовершенствованія на свойственныя, а не на занятые деньги и безъ увеличенія закладныхъ, которыми въ большинствѣ случаевъ земля бываетъ уже обременена при переходѣ ея къ наследнику. Но положеніе собственника сильно задолженнаго имѣнія въ высшей степени непрочно: бережливость такъ неприятна для человѣка, каждаго состояніе котораго много превышаетъ его дѣйствительныя средства, а колебанія ренты и цѣны, затрагивающія лишь незначительную часть дохода, такъ страшны для собственника, который можетъ считать своей только эту часть, что неудивительно, если мало найдется землевладельцевъ, которые въ состояніи немедленно сдѣлать пожертваніе для будущей выгоды. Но если бы они даже когда-нибудь и пожелали произвести усовершенствованія, то только тѣ изъ нихъ могутъ благоразумно выполнять ихъ, которые серьезно изучили научныя принципы земледѣлія, однако крупныя землевладельцы рѣдко изучаютъ что-нибудь серьезно. Если сами они не лютятъ или не могутъ выполнить этого дѣла, то, по крайней мѣрѣ, они могли бы побуждать къ этому фермеровъ: но въ Англіи слышатся повсюду жалобы, что, даже соглашаясь на срочные договоры, землевладельцы связываютъ своихъ арендаторовъ условіями,

основанными на устарѣлыхъ и отвергнутыхъ способахъ земледѣлія: въ то же время большинство землевладельцевъ отказывается совершенно отъ срочныхъ договоровъ и не даютъ фермеру никакого обезпеченія въ пользованіи землей на срокъ сверхъ одной жатвы, вслѣдствіе чего земля остается въ положеніи не благоприятѣе того, въ какомъ она была у нашихъ предковъ, варваровъ,

— *inmetata quibus jugera liberas
Fruges et Cererem ferunt
Nec cultura placet longior annua*
(которые свободно собирали хлѣбъ и плоды съ нераздѣленныхъ полей, бросая землю послѣ одной жатвы).

Такимъ образомъ поземельная собственность въ Англіи далеко не выполняетъ тѣхъ условій, которыми оправдывалось бы ея существованіе съ экономической точки зрѣнія. Но если эти условія даже въ Англіи недостаточно выполняются, то въ Ирландіи съ ними вовсе не сообразуются. За нѣкоторыми исключеніями (иногда очень почтенными), собственники имѣній въ Ирландіи только и дѣлаютъ съ землей, что истощаютъ ея производительность. Къ нимъ вполнѣ примѣнно то, что было сказано въ видѣ насмѣлки при обсужденіи «особенныхъ обремененій земли», именно, что самое большое «обремененіе земли» — это землевладельцы. Не возвращая ничего землѣ, они потребляютъ въ ея продуктъ, за исключеніемъ картофеля, положительно необходимаго для предохраненія жителей отъ голодной смерти. Если же у нихъ является намѣреніе произвести улучшеніе, то первый шагъ къ этому обыкновенно заключается въ отнятіи у населенія даже и этой небольшой доли и въ изгнаніи всѣхъ жителей на шесту и голодъ *). Когда поземельная собственность стала въ такое положеніе, то она перестаетъ быть справедливой. и наступаетъ время выработки какой-нибудь новой системы земледѣлія.

Когда говорятъ о «неприкосновенности собственности», вообще, слѣдуетъ всегда помнить, что такая неприкосновенность не относится въ одинаковой степени и къ поземельной собственности. Земля не создана человекомъ: она представляетъ первобытное наследіе всего человеческого рода. Ея присвоеніе вполнѣ зависитъ отъ общей пользы. Разъ частная поземельная собственность не приноситъ пользы — она несправедлива. Нельзя назвать несправедливой, если человѣкъ не будетъ имѣть права на то, что произведено другими; эти послѣдніе не были обязаны производить что-нибудь для него, и онъ ничего не теряетъ, не участвуя въ поль-

*) Я долженъ просить читателя вспомнить, что этотъ параграфъ былъ написанъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Нравственныя и экономическія перемены, происходящія въ наше время, такъ поразительны, что безъ постоянного исправленія работы, подобной настоящей, нѣтъ возможности услѣдить за ними.

зованіи тѣмъ, что могло бы п вовсе не существовать, если бы другіе для этого не потрудились. Но положеніе того, кто явится на свѣтъ и найдетъ, что всѣ дары природы уже присвоены и для вновь пришедшаго нѣтъ мѣста, будетъ несправедливо. Для того, чтобы примирить съ этимъ людей послѣ того, какъ она разъ навсегда признала, что имъ, какъ человѣческимъ существамъ, принадлежатъ извѣстное нравственное право, будетъ всегда необходимо доказать имъ, что исключительное присвоеніе земель полезно для всего человѣчества вообще, включая и ихъ самихъ. Но въ этомъ нельзя было бы убѣдить человѣка съ здравымъ смысломъ, если бы отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами были вездѣ такими, какъ въ Ирландіи.

Поземельная собственность признается даже самыми упорными защитниками ея по своимъ свойствамъ совершенно отличной отъ прочей собственности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вся масса общества лишалась земли, и послѣдняя становилась исключительной принадлежностью меньшинства, люди обыкновенно пытались, по крайней мѣрѣ въ теоріи, примирить такое положеніе со своимъ чувствомъ справедливости, стараясь соединить поземельную собственность съ извѣстными обязанностями и возводя ее въ нѣчто похожее на нравственную или юридическую магистратуру. Но если государство вправѣ считать владѣльцевъ земли общественными должностными лицами, то, дѣлая только одинъ шагъ дальше, можно сказать, что оно вправѣ и удалять ихъ. Право землевладѣльцевъ на землю вполнѣ подчинено общей государственной политикѣ. Принципъ собственности не даетъ имъ права на землю, а только право на вознагражденіе за ту часть ихъ выгодъ отъ земли, которую правительство найдеть необходимымъ отнять у нихъ. Ихъ право на это вознагражденіе ненарушимо. Справедливость требуетъ, чтобы землевладѣльцы такъ же, какъ и прочіе собственники, признанные таковыми государствомъ, лишаясь своего имущества, получали бы его денежную стоимость или ежегодный доходъ, равный тому доходу, какой они влекли изъ этого имущества. Такое вознагражденіе справедливо въ силу общихъ принциповъ, на которыхъ основана частная собственность. Если земля была куплена на продуктъ труда и воздержанія самихъ собственниковъ или ихъ предковъ, то собственники имѣютъ право получить вознагражденіе на этомъ основаніи; если же она приобретена другимъ путемъ, то вознагражденіе справедливо на основаніи права давности. Для того, чтобы выполнить дѣло, приносящее выгоду всему обществу, никогда не можетъ быть необходимости приносить въ жертву извѣстную часть этого общества. Когда имущество является предметомъ какой-нибудь исключительной привязанности со стороны его собственника, вознагражденіе должно превышать простую денежную отбнку. При соблюденіи этихъ условій, государство имѣетъ право регулировать поземельную собственность сообразно интересамъ всего общества, и даже, если представится необходимость, оно въ правѣ распорядиться всей землей такъ, какъ это дѣлается теперь съ частью ея, при проведеніи желѣзной дороги или новой улицы. Общество слишкомъ сильно за-

интересовано въ надлежащей обработкѣ земли и въ тѣхъ измѣнлх, которымъ должна удовлетворять система землевладѣнія, чтобы предоставить это дѣло на усмотрѣніе класса лицъ, называемыхъ землевладѣльцами, когда они показали себя неспособными выполнить свои обязанности. Законодательство по желанію можетъ обратить все сословіе землевладѣльцевъ въ пенсіонеровъ, или владѣльцевъ государственныхъ облигацій; тѣмъ болѣе можетъ оно замѣнить средніе доходы ирландскихъ землевладѣльцевъ опредѣленнымъ рентнымъ долгомъ и обратить арендаторовъ въ собственниковъ. При этомъ необходимо, чтобы землевладѣльцамъ, въ случаѣ если бы они согласились на принятіе предложенныхъ условій, было предоставлено получить полную продажную стоимость земли.

Въ другомъ мѣстѣ мы рассмотримъ различныя виды поземельной собственности и способы владѣнія землею, а также выгоды и неудобства каждаго изъ нихъ; въ этой же главѣ мы рассматриваемъ только самое право поземельной собственности, основанія, оправдывающія его, и (какъ выводы изъ этихъ вопросовъ) условія, которыми оно должно быть ограничиваемо. Я признаю почти аксіомой, что поземельная собственность должна подлсжать ограничительному толкованію и что во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ рѣшеніе должно склоняться противъ собственника. Совершенною противоположностью представляетъ право собственности на вещи движимыя и вообще на всѣ вещи, составляющія продуктъ труда: право владѣльца на нихъ должно быть ограничено, какъ въ пользованіи вещью, такъ и въ исключеніи стороннихъ лицъ, если только изъ этого права не вытекаетъ положительнаго вреда для другихъ. Что же касается земли, то исключительное право на нее должно быть установлено только для тѣхъ лицъ, относительно которыхъ можно доказать, что они приносятъ дѣйствительную пользу. Вообще, установленіе для кого-нибудь исключительнаго права на пѣкоторую часть общественнаго наслѣдія въ то время, какъ другіе не имѣютъ никакой доли въ немъ, будетъ привилегіей. Какое бы количество движимаго имущества ни было приобретено человѣкомъ съ помощью его собственнаго труда,—это не мѣшаетъ другимъ приобретать такое же имущество съ помощью тѣхъ же средствъ; тогда какъ по самому существу дѣла, всякій, получающій землю въ собственность, устраняетъ другихъ отъ пользованія ею. Привилегія или монополія извѣстна только, какъ неизбежное зло; она становится несправедливою, какъ только доходитъ до такой степени, при которой она не вознаграждается соотвѣтственной пользой, вытекающей изъ нея.

Такъ, напримѣръ, чье-нибудь право на землю для обработки ея, исключаящее третьихъ лицъ, не содержитъ въ себѣ такого же права относительно доступа въ ней; всѣ подобныя права должны быть признаваемы только въ размѣрѣ, необходимомъ для того, чтобы защитить продукты отъ поврежденія и охранить покой собственника. Поэтому попытка двухъ герцоговъ закрыть доступъ къ нѣкоторой части Горной Шотландіи и лишить всѣхъ остальныхъ людей многихъ квадратныхъ миль гористой мѣстности ради того,

чтобы не тревожить диких животных,—будет злоупотреблением, так как она превышает законныя границы права поземельной собственности. Когда земля не предназначена для обработки, то вообще не может существовать достаточнаго основанія для того, чтобы она была частной собственностью; если-же кому-нибудь и позволено назвать эту землю своею, то онъ долженъ знать, что владѣть ею только съ согласія общества, при чемъ предполагается, что, хотя его право и не приноситъ никакой общественной пользы, но по крайней мѣрѣ оно не лишаетъ общества той выгоды, какую послѣднее могло бы извлекать изъ земли, если бы она была не занята. Даже и въ томъ случаѣ, когда земля находится въ обработкѣ, человекъ, которому одному изъ миллионнаго населенія законъ разрѣшаетъ владѣть тысячами акровъ, какъ своей собственностью, не въ правѣ думать, что онъ по своему произволу можетъ пользоваться и злоупотреблять всѣмъ этимъ имуществомъ и поступать съ нимъ такъ, какъ будто бы дѣло касалось только его одного. Въ его распоряженіи находится только рента или прибыль, которую онъ можетъ получить со своей земли; что же касается самой земли, то во всемъ, что онъ дѣлаетъ, или чего онъ не сдѣлать съ нею, онъ нравственно связанъ, и, насколько позволяютъ обстоятельства, онъ долженъ подлечь легальному принужденію согласовать свои интересы и удовольствія съ общественной выгодой. Вообще родъ человѣческой еще до сихъ поръ сохраняетъ свое первоначальное право на землю населенной имъ планеты на столько, на сколько оно согласуется съ тѣми цѣлями, ради которыхъ онъ отказался отъ права ресигнуціи.

§ 7. Кромѣ земельныхъ участковъ и различныхъ продуктовъ труда, право собственности распространяется, или распространялось на другія вещи, которыя вовсе не должны бы были ему подлечь. Но такъ какъ цивилизованный міръ вообще разрѣшилъ большую часть этихъ вопросовъ, то глѣть необходимости здѣсь долго останавливаться на нихъ. Право собственности на людей занимаетъ тутъ первое мѣсто. Почти излишне будетъ упоминать, что такое учрежденіе не можетъ существовать ни въ какомъ обществѣ, претендующемъ на то, что оно имѣетъ своимъ основаніемъ справедливость или братство между людьми. Однако, какъ бы рабство ни было несправедливо, но разъ государство опредѣленно узаконило его, и человекъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній покупался, продавался и наследовался съ разрѣшенія закона, то будетъ другою несправедливостью уничтожить эту собственность, не давая за нее полнаго вознагражденія. Это зло было устранено великой мѣрой справедливости 1833 г., однимъ изъ самыхъ добродѣтельныхъ, а также и самыхъ благоговѣрныхъ въ практическомъ отношеніи актовъ, какой когда-либо совершался цѣлою націей. Другими примѣрами собственности, которую не слѣдовало бы учреждать, являются права собственности на общественныя должности, какъ, напримѣръ, на судебныя должности, продававшіяся при старомъ режимѣ во Франціи, а также наследственная юрисдикція, которая въ странахъ, не вполне освобожденныхъ отъ феодализма, переходила вмѣстѣ съ землей. Въ Англіи

подобныя примѣры мы видимъ въ должностяхъ по арміи и въ патронатствѣ, или правѣ назначенія на церковную бенефицію. Право собственности иногда также создается изъ права производить денежные сборы съ общества, напримѣръ,—изъ монополій или другихъ исключительныхъ привилегій. Злоупотребленія такого рода преобладаютъ преимущественно въ полугварварскихъ странахъ; но, впрочемъ, они встрѣчаются и у большинства цивилизованныхъ народовъ. Во Франціи число лицъ, занимающихся многими важными отраслями промышленности и профессіями, включая сюда нотаріусовъ, стряпчихъ, маклеровъ, агентовъ, типографчиковъ и (до послѣдняго времени) булочниковъ и мясниковъ, ограничено закономъ. Патенты, или привилегіи на одно изъ изобрѣтеній имѣютъ, въслѣдствіе этого, высокую рыночную цѣну. Разъ существуютъ такія привилегіи, то при уничтоженіи ихъ, вѣроятно, было бы несправедливо отказывать въ вознагражденіи за нихъ. Но есть другіе случаи, въ которыхъ это является сомнительнымъ. Для рѣшенія этого вопроса слѣдуетъ установить, что именно при извѣстныхъ условіяхъ можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для пріобрѣтенія права по давности, и можно ли впасть въ допущеніи законодателемъ злоупотребленія—созданіе учрежденія, или это допущеніе нужно разсматривать, какъ случайную поблажку? Было бы желѣно требовать вознагражденія за потерю, причиненныя пемѣненіемъ тарифа, который, какъ всѣмъ извѣстно, можетъ мѣняться изъ года въ годъ, или за такія монополіи, какія жалованья Теодорами частнымъ лицамъ и составляли милость деспотической власти, которая могла во всякое время отменить то, что она давала.

Все сказанное объ учрежденіи частной собственности необходимо было обсудить для цѣлей политической экономіи, но въ разсмотрѣніи этихъ вопросовъ мы не можемъ ограничиваться только экономическими соображеніями. Теперь мы должны заняться изслѣдованіемъ того, по какимъ принципамъ и съ какими результатами совершается распредѣленіе продукта земли и труда въ извѣстныхъ социальныхъ условіяхъ, созданныхъ разсмотрѣнными нами учрежденіями.

ГЛАВА II.

О классахъ, между которыми распредѣляется продуктъ.

§ 1. Припая частную собственность, какъ фактъ, мы теперь перечислимъ созданныя ею различныя классы лицъ, содѣйствіе или, по крайней мѣрѣ, согласіе которыхъ необходимо для производства, и которыя поэтому могутъ выговаривать себѣ извѣстную долю продукта. Сначала мы должны изслѣдовать, по какимъ законамъ распредѣляется продуктъ между этими классами при свободномъ соглашеніи заинтересованныхъ лицъ; послѣ чего мы разсмотримъ, какое вліяніе производятъ или могутъ произвести законы, учрежденія и правительственныя мѣры, устраняющіе или видоизмѣняющіе это естественное распредѣленіе.

Какъ уже много разъ повторилось, элементы производства три: трудъ, капиталъ и земля; подъ капиталомъ подразумеваются средства и приспособленія, составляющія накопленные результаты предварительнаго труда, а подъ землей—матеріалы и средства для производства, доставляемые природой, находящіяся въ недрахъ земли, или образующіе ея поверхность. Такъ какъ каждый изъ этихъ элементовъ можетъ быть присвоенъ въ отдѣльности, то можно считать, что промышленное общество раздѣляется на землевладельцевъ, капиталистовъ и производительныхъ рабочихъ. Каждый изъ этихъ классовъ получаетъ известную долю продукта; никакое другое лицо или классъ не можетъ ничего получить иначе, какъ благодаря уступкѣ съ ихъ стороны; все остальное общество въ действительности содержится на ихъ счетъ, возвращая за это иждивеніе рода равноцѣнность, состоящую въ непродуцированныхъ услугахъ. Поэтому принято считать въ политической экономіи, что эти три класса составляютъ все общество.

§ 2. Но хотя эти три класса иногда и существуютъ въ отдѣльности и распределяютъ продуктъ между собою, однако такое раздѣленіе не представляетъ постояннаго и необходимаго явленія. Въ действительности, случаи подобнаго раздѣленія такъ рѣдки, что едва-ли найдется одно или два общества, въ которыхъ полное раздѣленіе этихъ трехъ классовъ существуетъ вполне. Англія съ Шотландіей, да нѣкоторыя части Бельгіи и Голландіи—почти единственныя страны во всемъ мірѣ, гдѣ земля, капиталъ и трудъ, затрачиваемый на земледѣіе, вообще составляютъ собственность различныхъ владѣльцевъ. Обыкновенно же одно и то же лицо владѣетъ двумя, а иногда и всеми тремя этими элементами.

Случай, когда одно и то же лицо владѣетъ всеми тремя элементами, обнимаетъ собою два состоянія развитія общества, представляющія крайнюю противоположность по отношенію къ независимости и достоинству рабочаго класса. Во-первыхъ, рабочіе сами могутъ быть въ то же время и собственниками. Такъ обыкновенно бываетъ въ Сѣверныхъ Штатахъ Американскаго союза. Такое же положеніе является наиболее распространеннымъ во Франціи, Швейцаріи, трехъ Скандинавскихъ королевствахъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи *); во же самое встрѣчаемъ мы, какъ общее правило, въ Италіи и въ Бельгіи. Во всѣхъ этихъ странахъ, безъ сомнѣнія, есть крупныя земельныя владѣнія, а также еще большее

*) Комиссія занимавшаяся изслѣдованіемъ закона о бѣдныхъ и получающая свѣдѣнія почти изъ всѣхъ странъ Европы и Америки отъ мѣстныхъ посланниковъ и консуловъ, выяснила относительно Норвегіи, согласно послѣдней переписи 1825 г., что изъ населенія въ 1051318 душъ тамъ было 59464 владѣльцевъ. А такъ какъ подъ 59464 владѣльцами слѣдуетъ понимать 59464 семей, которыя приблизительно будутъ заключать въ себѣ 300000 душъ, то владѣльцы должны составлять болѣе, нежели одну четверть всего населенія. Макс-Грегоръ говоритъ, что въ Даніи (считая, впрочемъ, съ Зеландіей и прилегающими островами) изъ населенія въ 926110 душъ, число землевладельцевъ и фермеровъ равнялось 415110, или почти половина. Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ изъ населенія въ 604085 душъ—196017, или около одной трети. Отношеніе числа собственниковъ

число такыхъ, которыя, не будучи крупными, требуютъ постоянной или случайной помощи наемныхъ рабочихъ. Однако большое пространство земли занято настолько мелкими участками, что они не требуютъ никакаго посторонняго труда, кромѣ труда крестьянина и его семьи, и даже не всегда даютъ возможность вполне примѣнить этотъ трудъ. Затрачиваемый въ этихъ хозяйствахъ капиталъ не всегда принадлежитъ крестьянину-собственнику; многіе изъ этихъ мелкихъ владѣльцевъ закладываютъ свое имущество для полученія средствъ къ обработкѣ; по капиталъ вкладывается въ дѣло на собственннй рискъ крестьянина, и хотя послѣдній платитъ за него проценты, все же этотъ капиталъ никому не даетъ права вмешиваться въ хозяйство, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда влѣдствие неуплаты процентовъ приходится отбирать имущество.

Другой случай, когда земля, трудъ и капиталъ прина лежать одному и тому же лицу, представляютъ рабовладельческія страны, въ которыхъ сами рабочіе принадлежатъ землевладельцу. Наши Вестъ-Индскія колоніи до освобожденія въ нихъ рабовъ, а также выработавшія сахаръ колоніи націй, не совершившихъ еще подобнаго акта справедливости, доставляютъ примѣры обширныхъ предприятий земледѣльческихъ и фабричныхъ (занимающихся вмѣстѣ производствомъ сахару и рому), въ которыхъ земля, фабрики (если ихъ такъ можно назвать), машины и лишеныя человеческого достоинства рабочіе,—все вмѣстѣ составляетъ собственность капиталиста. Тутъ такъ же, какъ и при совершенно противоположномъ положеніи крестьянина-собственника, нѣтъ раздѣленія продукта.

§ 3. Если одно лицо и не владѣетъ всеми тремя элементами, все же нерѣдко случается, что два изъ нихъ принадлежатъ ему. Иногда одно лицо владѣетъ капиталомъ и землей, но оно не располагаетъ трудомъ. Такъ, землевладелецъ входитъ въ непосредственное соглашеніе съ рабочими и доставляетъ для обработки весь необходимый запасъ или часть его. Эта система общераспространена въ тѣхъ частяхъ континентальной Европы, въ которыхъ рабочіе—не крѣпостные, но и не собственники. Она была очень распространена во Франціи до революціи, и до сихъ поръ очень часто примѣняется въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ земля не составляетъ собственности земледѣльца. Она обыкновенно преобладаетъ въ равнинахъ Италіи, кромѣ исключительнаго пастушескихъ мѣстностей, какъ

и фермеровъ къ числу всего населенія не указано въ Швеціи; но стокгольмская перепись исчисляетъ среднее количество земли, приходящееся на каждую рабочую семью, отъ одного до пяти акровъ; хотя Гетеборгская перепись даетъ болѣе низкую цифру, но при этомъ указывается, что крестьяне владѣютъ большей частью земли. Намъ передавали, что въ Виртембергѣ болѣе, чѣмъ двѣ трети рабочаго населенія являются собственниками своихъ жилищъ, и почти все изъ нихъ владѣютъ по крайней мѣрѣ садомъ, величиною отъ трехъ четвертей до полутора акра. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отчетовъ собственники и фермеры не указаны отдѣльно; но всѣ переписи согласно утверждаютъ, что число поденныхъ рабочихъ очень не велико.—(Preface to Foreign Communication, p. XXXVIII) Что касается В.-Британціи, то въ ней, говоря вообще, все рабочее населеніе живетъ, работая по найму.

Тоскана, Маремма и Римская Кампанья. При этой системе продукт раздѣляется между двумя классами, между землевладельцами и рабочими.

Въ шыхъ случаяхъ рабочіе не имѣютъ земли, но владѣютъ небольшимъ капиталомъ, затрачиваемымъ на обработку, и тогда землевладельцы обыкновенно не даютъ имъ своего капитала. Эта система вообще господствуетъ въ Ирландіи. Она почти повсемѣстно распространена въ Индіи и въ большей части восточныхъ странъ, независимо отъ того, удерживаетъ ли правительство землю въ своемъ владѣніи. — какъ это обыкновенно тамъ бываетъ, — или допускаетъ обращеніе въ некоторой части ея въ ограниченную или неограниченную частную собственность. Въ Индіи однако положеніе дѣлъ лучше, нежели въ Ирландіи, такъ какъ тамъ собственникъ земли даетъ обыкновенно земледѣльцамъ взаимны капиталъ, если они не могутъ безъ этого работать. За эти ссуды туземные землевладельцы требуютъ обыкновенно высокой процентъ; но главный землевладелецъ, правительство, даетъ ихъ безвозмездно, причѣмъ ссуда уплачивается постъ жатвы вмѣстѣ съ рентай. Продуктъ дѣлѣтъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, раздѣляется между тѣми же классами, т. е. между землевладельцами и рабочими.

Вотъ главныя видоизмѣненія въ классификаціи лютей, между которыми распределяется продуктъ земледѣлія. Въ фабричной промышленности никогда не бываетъ болѣе двухъ классовъ — рабочихъ и капиталистовъ. Первоначальными ремесленниками во всѣхъ странахъ были или рабы, или женщины, въ семейномъ быту. Въ древности въ мелкихъ и крупныхъ фабричныхъ предпріятіяхъ рабочіе обыкновенно составляли собственность капиталиста. И, вообще, изъ всѣхъ родовъ физическаго труда только земледѣльческій трудъ считался совмѣстнымъ съ достоинствомъ свободнаго человека. Противоположная система, при которой капиталъ принадлежитъ рабочимъ, развилась одновременно съ свободнымъ трудомъ, и при ней были совершены первые великіе успѣхи въ фабричной промышленности. Ремесленникъ владѣлъ стапкомъ или нѣсколькими, необходимыми ему, инструментами и работать въ свою пользу; или, по крайней мѣрѣ, онъ достигалъ такого положенія впоследствии, такъ какъ въ началѣ обыкновенно онъ работалъ на другого, сперва какъ ученикъ, а затѣмъ, какъ поденщикъ, въ продолженіе известнаго числа лѣтъ, прежде чѣмъ онъ могъ быть признанъ мастеромъ. Но такого положенія, при которомъ рабочий былъ бы поденщикомъ всю свою жизнь, былъ бы наемнымъ рабочимъ, и ничѣмъ болѣе, не существовало въ среднихъ ремесленныхъ обществахъ и цехахъ. Въ деревняхъ, гдѣ плотникъ или кузнецъ не можетъ содержать наемнаго рабочаго на получаемые доходы, онъ и въ настоящее время обыкновенно — самъ хозяинъ и рабочий; при тѣхъ же обстоятельствахъ и лавочникъ бываетъ самъ и иржазчикомъ. Но вездѣ, гдѣ только размеры рынка позволяютъ содержать наемныхъ рабочихъ, различіе между классомъ капиталистовъ, или работодателей, и классомъ рабочихъ теперь вполне установилось: капиталисты обыкновенно не содѣйствуютъ труду ничѣмъ, кромѣ надзора и управленія.

ГЛАВА III.

Соперничество и обычай.

§ 1. При господствѣ частной собственности раздѣленіе продукта есть результатъ двухъ опредѣляющихъ силъ: соперничества и обычая. Важно установить размѣръ вліянія каждой изъ нихъ и выяснить, какимъ образомъ дѣйствія одной замѣняются подъ вліяніемъ дѣйствій другой.

Экономисты вообще, и въ особенности англійскіе, привыкли приписывать почти исключительное значеніе первой изъ этихъ силъ, преувеличивая вліяніе соперничества и мало принимая во вниманіе другой, противоположный ему принципъ. Они склонны выражаться такъ, какъ будто они думаютъ, что соперничество дѣйствительно всегда оказываетъ такое вліяніе, какого можно ожидать отъ него на основаніи выводовъ теоріи. Это отчасти будетъ понятно, если мы примемъ въ соображеніе то, что только благодаря принципу соревнованія политическая экономія имѣетъ нѣкоторое приращеніе на научный характеръ. Поскольку размѣръ ренты, прибыли, заработной платы и цѣны опредѣляется соперничествомъ, лишь постольку для нихъ могутъ быть установлены законы. Предположивъ, что размѣры ихъ зависятъ исключительно отъ соперничества, можно установить общіе и точныя научныя принципы, по которымъ эти размѣры будутъ опредѣляться. Экономистъ справедливо считаетъ это своимъ естественнымъ дѣломъ, и политическая экономія, какъ абстрактная или гипотетическая наука, не можетъ сдѣлать ничего болѣе, да и требовать болѣе отъ нея нельзя. Однако было бы большимъ непониманіемъ петлянаго хода человѣческой жизни предполагать, что соперничество оказываетъ на дѣлѣ такое неограниченное вліяніе. Я не говорю о естественныхъ или искусственныхъ монополіяхъ, или о какомъ-нибудь внимательствѣ власти въ процессѣ свободного производства и обмена; подобныя причины, нарушающія обыкновенное вліяніе соперничества, всегда допускались экономистами. Я говорю о такихъ случаяхъ, въ которыхъ ничто не ограничиваетъ дѣйствія соперничества — ни стѣпенія, свойственнаго данному случаю, ни искусственныя препятствія, — но въ которыхъ результатъ все-таки опредѣляется не соперничествомъ, а обычаемъ, или обыкновениемъ, такъ, что соперничество либо вовсе не существуетъ, либо оказываетъ вліяніе, совершенно противоположное тому, какое обыкновенно предполагается естественнымъ для него.

§ 2. Въ дѣйствительности соперничество только сравнительно въ недавній періодъ времени приобрѣло важное значеніе главнаго опредѣляющаго принципа при договорахъ. Чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ исторію, тѣмъ чаще будемъ видѣть, что сдѣлки и обязательства возникаютъ подъ вліяніемъ установившихся обычаевъ. Причина этого очевидна. Обычай есть самый могущественный зашитникъ слабыхъ противъ сильныхъ; единственнымъ ихъ зашитникомъ тамъ, гдѣ законы или правительство не достаточно

сплны для этой цѣли. Обычай—это прегрѣда, которую даже при самомъ угнетенномъ положеніи человѣчества тиранія до известной степени принуждена уважать. Въ бурномъ воспомъ обществѣ свобода соперничества для трудящагося населенія представляетъ пустой звукъ, для этого населенія нѣкогда не было бы возможности опредѣлить, на основаніи соперничества, свое положеніе; здѣсь всегда былъ господишь, бросающій свой мечъ на вѣсы и предписывающій условія по своему желанію. Но хотя законы, предписанные спльнѣйшимъ, имѣютъ рѣшающее значеніе, однако примѣнять ихъ во всей строгости было не въ интересахъ спльнѣйшаго, обыкновенно отъ этого и не дѣлали: въ то же время каждое смягченіе этихъ законовъ легко обращается въ обычай, а обычай—въ право. Въ грубомъ состояніи общества доля продукта, доставляемая людямъ, производившимъ его, опредѣлялась именно правомъ, которое было создано такимъ образомъ, а не соперничествомъ, въ какомъ бы то ни было его видѣ. Въ особенности отношенія между землевладѣльцемъ и хлѣбопашцемъ, размѣръ платежей, вносимыхъ послѣднимъ первому, при всѣхъ состояніяхъ общества, до болѣе близкихъ къ намъ временъ, опредѣлялись обычаями страны. До послѣдняго времени условія приобрѣтенія земельнаго имущества (по общему правилу) совершенно не зависѣли отъ соперничества. Обыкновенно считалось, что человѣкъ, владѣвшій землей, имѣетъ право удерживать свое владѣніе, если онъ выполняетъ обычныя повинности; такимъ образомъ онъ становился въ известномъ смыслѣ участникомъ въ собственности на землю. Даже и тамъ, гдѣ земледѣлецъ не приобрѣталъ такого прочнаго права, условія владѣнія землей нѣрѣдко были опредѣлены и неизмѣнны.

Такъ, наиримѣръ, въ Индіи и другихъ азіатскихъ обществахъ съ подобнымъ же устройствомъ, районы, или крестьяне-фермеры, не считаются ни арендаторами на полной волѣ землевладѣльца, ни даже арендаторами по договору. Дѣйствительно, въ большей части деревень есть нѣкоторое число работовъ, находящихся въ такомъ непрочномъ положеніи: она принадлежатъ къ тѣмъ людямъ, которые поселились на этомъ мѣстѣ въ известное, сравнительно недавнее время, или къ ихъ потомкамъ, но всѣ, считающіеся потомками, или представителями первоначальныхъ обитателей страны, и даже много простыхъ арендаторовъ, живущихъ съ давнихъ поръ, признаются нѣбюними право удерживать за собою землю до тѣхъ поръ, пока они платятъ обычную ренту. Правда, вопросъ относительно того, каковъ былъ или долженъ бы быть размѣръ обычной ренты, въ большинствѣ случаевъ очень затемненъ: напліе, тиранія и иностранныя завоеванія въ значительной степени уничтожили всѣ свѣдѣнія о ней. Но когда старое, чисто индусское княжество попадаетъ подъ власть британскаго правительства, или подѣ управленіе его чиновниковъ, и когда предпринимаютъ исследование частностей системы доходовъ, то обыкновенно раскрывается, что хотя требованія главнаго землевладѣльца, т. е. государства, и возрасли подѣ влияніемъ фискальнаго хищничества до такой степени, что практически не существуетъ для нихъ никакихъ границъ, однако при

каждомъ увеличеніи сборовъ считалось необходимымъ выставить пзвѣстное основаніе и какой-нибудь особенный предлогъ для этого увеличенія; въ результатѣ количество сборовъ такъ возросло, что они изымались въ количествѣ тридцати или сорока отдѣльныхъ видовъ сверхъ обычной ренты. Къ этому косвенному способу увеличенія платежа вѣроятно не прибѣгалъ бы, если бы существовало признанное за землевладѣльцами право увеличивать ренту. Употребленіе этого способа служитъ доказательствомъ того, что здѣсь нѣкогда существовало дѣйствительное ограниченіе платежа, дѣйствительная обычная рента, и что молчаливо признаваемое право райота на землю, зависящее отъ правильной, согласно обычно, уплаты ренты, было нѣкогда не только номинальнымъ*). Британское правительство въ Индіи всегда упрощаетъ аграрныя отношенія, соединяя разнообразныя платежи въ одинъ, и такимъ образомъ дѣлаетъ ренту какъ номинально, такъ и дѣйствительно произвольной, или, по крайней мѣрѣ, зависящей отъ особаго договора: но оно добросовѣстно уважаетъ право райота на землю, хотя до послѣднихъ реформъ (которые и до сихъ поръ только отчасти приведены въ исполненіе) оно рѣдко оставляло ему больше того, что необходимо для насущнаго пропитанія.

Въ новой Европѣ землевладѣльцы постепенно выжили изъ положенія личнаго раба. Варварскіе завоеватели Западной имперіи рѣшили, что для управленія завоеванными странами удобнѣе всего оставить землю въ тѣхъ рукахъ, въ какихъ они ее нашли, а для того, чтобы освободить себя отъ такого неблагороднаго труда, какъ надзоръ за толпами рабовъ, они предоставили послѣднимъ нѣкоторую свободу дѣйствій, подѣ обязательствомъ снабжать господина известными припасами и работать на него. Обыкновенный порядокъ состоялъ въ томъ, что крѣпостному опредѣлялось въ его исключительное пользование такое количество земли, какое предполагалось достаточнымъ для его существованія, а затѣмъ онъ долженъ былъ работать на другихъ господскихъ земляхъ, когда бы его ни потребовали. Постепенно эти неопредѣленные повинности превращались въ опредѣленную обязанность доставлять известное количество провизіи или труда: а по мѣрѣ того, какъ современемъ господина стали болѣе склонны употреблять свои доходы на покупку предметовъ роскоши, нежели на содержаніе вассаловъ, натуральныя повинности были замѣнены денежными платежами. Каждая уступка, вначалѣ добровольная и отмѣняемая по желанію, постепенно приобрѣтала силу обычая и подѣ конецъ стала признаваться и подкрѣпляться судомъ. Такимъ образомъ, крѣпостные постепенно возвысились до положенія свободныхъ, наследственныхъ арендаторовъ, владѣющихъ землей на опредѣленныхъ условіяхъ. Эти условія по временамъ были очень тягостны, и народъ очень бѣдствовалъ. Но тѣмъ не менѣе повинности были опредѣлены мѣстными обычаями и законами, а не соперничествомъ.

*) Древнія индусскія законодательства въ нѣкоторыхъ случаяхъ упоминаютъ, что настоящая рента равнялась одной шестой, въ другихъ случаяхъ—одной четвертой части продукта. Но вѣтъ доказательствъ, что бы эти нормы когда-нибудь дѣйствительно соблюдались.

Тамъ, гдѣ земледѣлецъ, строго говоря, никогда не былъ въ положеніи личнаго раба, или тамъ, гдѣ онъ освободился отъ него, потребности общаго и мало развитаго общества дали начало другому экономическому устройству, которое въ нѣкоторыхъ, даже и наиболее развитыхъ частяхъ Европы, признается настолько выгоднымъ, что сохраняется и до сихъ поръ. Я говорю о системѣ полновиковъ. При этой системѣ земля раздѣляется на мелкія фермы между отдѣльными семьями. Обыкновенно землевладѣлецъ доставляетъ имъ капиталъ, который признается необходимымъ при мѣстной системѣ земледѣлія, а вмѣсто ренты и прибыли онъ получаетъ установленную часть продукта. Эта часть, вообще уплачиваемая натурой, обыкновенно (какъ указываетъ и самое слово *metayer*, *mezajano* и *mediatarius*) равняется половинѣ. Однако, есть мѣста, какъ, напримеръ, Неаполитанская провинція, имѣющая богатую вулканическую почву, гдѣ землевладѣлецъ беретъ цѣль третью, и все же земледѣлецъ, благодаря превосходной обработкѣ, умучряется жить. Но будетъ ли эта доля равняться половинѣ или двумъ третямъ, во всякомъ случаѣ она опредѣлена и не измѣняется отъ фермы къ фермѣ и отъ арендатора къ арендатору. Обычай страны служитъ всеобщимъ правиломъ; никто не думаетъ повышать или понижать ренты, или отдавать землю на какихъ-нибудь другихъ, а не на обычныхъ условіяхъ. Соперничество, регулирующее ренту, здѣсь не существуетъ.

§ 3. Цѣны, если только нѣтъ монополій, гораздо раньше поддаются нѣтъ вліянію соперничества, и вообще онѣ гораздо болѣе подвержены этому вліянію, нежели рента; но это вліяніе, даже при нынѣшней оживленности торговаго соперничества, вовсе не такъ ограничено, какъ это иногда предполагается. Въ области политической экономіи нѣтъ положенія, которое бы чаще встрѣчалось чѣмъ то, что на одномъ и томъ же рынкѣ не можетъ существовать двухъ различныхъ цѣнъ. Несомнѣнно, таковъ и будетъ естественный результатъ не стѣняемаго соперничества: однако каждый знаетъ, что на одномъ и томъ же рынкѣ почти всегда существуетъ двѣ цѣны. Не только во всѣхъ большихъ городахъ и почти во всякой отрасли торговли бываютъ дешевые и дорогие магазины, но нерѣдко одишь и тотъ же магазинъ продаетъ тѣ же самые товары за различную цѣну различнымъ потребителямъ: и, вообще, каждый розничный торговецъ принаравливаетъ размѣръ цѣны къ тому классу потребителей, на который онъ разчитываетъ. Оптовая торговля наиболее важными товарами дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества. Здѣсь покупателямъ и продавцамъ являются переговоры и фабриканты: они не относятся къ своимъ покупателямъ небрежно и не дѣлаютъ ихъ подъ вліяніемъ пустого щегольства или мелкихъ мотивовъ личной выгоды; ихъ сдѣлки чисто торговыя. Поэтому будетъ справедливо, какъ общее положеніе, что на оптовыхъ рынкахъ не бываетъ двухъ цѣнъ на одну и ту же вещь. Во всякое время и повсюду есть опредѣленная рыночная цѣна, которая можетъ быть указана въ бюллетенѣ. Но цѣна въ розничной торговлѣ, цѣна, плавающая дѣйствительно потребителемъ, подчиняется

вліянію соперничества, какъ кажется, очень медленно и не вполне; въ тѣхъ же случаяхъ, когда соперничество и существуетъ, оно, вмѣсто того, чтобы понижать цѣну, только раздѣляетъ прибыль отъ высокой цѣны между большимъ числомъ торговцевъ. Отсюда происходитъ то, что цѣны, уплачиваемой потребителемъ, огромная часть поглощается прибылью розничнаго торговца; и всякій, кто прослѣдитъ ту сумму, которая попадаетъ въ руки производителя купленныхъ имъ вещей, часто будетъ пораженъ ея незначительностью. Правда, когда рынкомъ служитъ большой городъ, представляющій для крупныхъ капиталшстовъ достаточное побужденіе взяться за розничную торговлю, то обыкновенно считается болѣе выгоднымъ привлечь обширный кругъ кліентовъ, подорвавъ низкими цѣнами другихъ торговцевъ, нежели дѣлать съ послѣдними поле дѣятельности. Это вліяніе соперничества чувствуется все сильнѣе и сильнѣе во всѣхъ отрасляхъ розничной торговли въ большихъ городахъ; а быстра и дешезвазна перевозки, дѣлая потребителей менѣе зависящими отъ торговцевъ, находящихся въ непосредственномъ соудѣствѣ, способствуютъ все большему и большему уподобленію всей страны большимъ городамъ: но до сихъ поръ соперничество въ сдѣлкахъ розничной торговли преобладаетъ, или имѣетъ значительную силу только въ крупныхъ торговыхъ центрахъ. Въ другихъ мѣстахъ, если оно и оказываетъ вліяніе, то лишь какъ случайная нарушающая причина; обыкновеннымъ же результатомъ является обычай, который отъ времени до времени въводится въ зависимости отъ существующихъ у покупателей и продавцовъ понятій объ относительной справедливости.

Во многихъ отрасляхъ промышленности условія, на которыхъ заключаются сдѣлки, являются результатомъ положительнаго соглашенія между представителями данной отрасли; послѣдніе обыкновенно пользуются средствами, находящимися всегда въ ихъ распоряженіи для того, чтобы сдѣлать неприятнымъ и невыгоднымъ положеніе всякаго сочлена, неподчиняющагося установленнымъ обычаямъ. Хорошо извѣстно, что книжная торговля до послѣдняго времени была въ такомъ положеніи и что, несмотря на дѣятельное соревнованіе между торговцами, соперничество не проявляло здѣсь своего естественнаго результата и не уничтожало извѣстныхъ торговыхъ правилъ. Всякое вознагражденіе за профессиональный трудъ регулируется обычаями. Вознагражденіе докторовъ, хирурговъ, адвокатовъ и сряпчихъ почти неизмѣнно. Конечно, это происходитъ не отъ недостатка соперничества въ этихъ профессіяхъ, а вслѣдствіе того, что соперничество здѣсь дѣйствуетъ, не понижая вознагражденія, а уменьшая шансы каждаго соперника на полученіе его.

Разъ обычай въ такой сильной степени противостоитъ соперничеству даже въ тѣхъ случаяхъ, когда духъ соперничества достигаетъ наивысшихъ размѣровъ, благодаря множеству конкурентовъ и общей энергіи въ преслѣдованіи выгоды, то несомнѣнно, что обычай дѣйствуетъ тамъ, гдѣ люди довольствуются меньшей прибылью и продаютъ меньше значенія денежному интересу по сравненію со своимъ покоемъ и удовольствіями. Я думаю, нерѣдко можно встрѣ-

тять въ континентальной Европѣ, что нѣкоторые виды цѣны и издержекъ, или вообще всѣ цѣны въ извѣстных мѣстахъ гораздо выше, нежели въ другихъ, близкихъ къ нимъ, при чемъ нельзя указать иной причины этого явления, кромѣ той, что всегда такъ была: потребители привыкли къ этимъ цѣнамъ и привыкли съ ними. Какой-нибудь предприимчивый конкурентъ, обладающій достаточнымъ капиталомъ, могъ бы понизить издержки производства в тѣмъ временѣ составить состояніе, но такихъ конкурентовъ здѣсь нѣтъ; люди, имѣющіе капиталъ, предпочитаютъ оставлять его тамъ, гдѣ онъ уже вложенъ, или получать меньшую выгоду болѣе покойнымъ способомъ.

Эти замѣчанія должны считаться поправкой къ выводамъ, заключающимся въ слѣдующихъ частяхъ этого трактата, и должны примѣняться ко всѣмъ подходящимъ случаямъ даже и тогда, когда объ этомъ не будетъ прямо упомянуто. Вообще, мы должны разсуждать такъ, какъ будто бы соперничество дѣйствительно оказывало свои извѣстныя и естественныя дѣйствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не сдерживается нѣкоторыми положительными препятствіями. Тамъ, гдѣ соперничество, хотя и могло бы существовать, но не существуетъ, или если и существуетъ, но его естественныя слѣдствія преслѣдуются другими силами, наши заключенія станутъ болѣе или менѣе непримѣнимыми. Для того, чтобы избѣжать ошибокъ, мы должны, примѣняя выводы политической экономіи къ дѣламъ дѣйствительной жизни, разсматривать не только то, что можетъ произойти при существованіи высшей степени соперничества, но также и то, насколько результаты измѣнятся, если соперничество не достигнетъ этой цѣли.

Прежде всего мы должны заняться разсмотрѣніемъ и оцѣнкой тѣхъ состояній экономическихъ отношеній, въ которыхъ соперничество вовсе не проявляется, и единственнымъ рѣшающимъ элементомъ служить или грубая сила, или установленный обычай. Это и будетъ предметомъ нашего изслѣдованія въ слѣдующихъ четырехъ главахъ.

ГЛАВА IV.

Р а б с т в о .

§ 1. Между формами, принимаемыми обществомъ подъ влияніемъ учрежденій собственности, какъ я уже раньше замѣчалъ, существуютъ двѣ, широко отличающіяся другъ отъ друга по своему характеру, но сходныя въ томъ отношеніи, что при нихъ владѣніе землей, трудомъ и капиталомъ наодятся въ однихъ рукахъ. Первая—крестьянской земельной собственностью. Въ первой землевладѣлецъ владѣетъ трудомъ, во второй—рабочій владѣетъ землей. Мы сначала займемся разсмотрѣніемъ первой.

При этой системѣ весь продуктъ принадлежитъ землевладѣльцу. Пища и другіе предметы необходимости для его рабочихъ со-

ставляютъ часть его расходовъ. Рабочіе не владѣютъ ничѣмъ, кромѣ того, что онъ найдетъ необходимымъ имъ дать, и только до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ удобнымъ взять его обратно; а работа ихъ настолько тяжела, насколько онъ того пожелаетъ, или насколько онъ будетъ въ состояніи принудить ихъ. Ихъ бюджетное положеніе смягчается только его гуманностью, или денежной выгодой. Что касается перваго побужденія, то въ настоящемъ случаѣ, намъ нѣтъ никакого дѣла до него; а дѣйствіе второго, при такомъ отвратительномъ состояніи общества, зависить отъ того, насколько легко ввозъ новыхъ рабовъ. Если взрослые и сильные рабы могутъ быть добыты въ достаточномъ количествѣ и ввезены за умѣренную цѣну, то личный расчетъ подскажетъ хозяину замаривать ихъ работою до смерти и замѣнять ихъ вновь привезеннымъ вмѣсто того, чтобы запихивать медленнымъ и дорогимъ процессомъ ихъ выкармливанія. И рабовладельцы, вообще, очень быстро усвоиваютъ эти расчеты. Извѣстно, что подобный приемъ практиковался въ нашихъ рабовладельческихъ колоніяхъ, пока торговля рабами допускалась закономъ; то же, говорятъ, и до сихъ поръ дѣлается на Кубѣ.

Если невольничій рынокъ можетъ снабжаться, какъ было у древнихъ, только цѣпными, взятымъ на войнѣ, или похищенными изъ племенъ, рѣдко разбросанныхъ на отдаленныхъ границахъ извѣстнаго въ то время міра, то обыкновенно бываетъ болѣе выгоднымъ поддерживать число рабовъ посредствомъ выкармливанія ихъ; это принуждаетъ хозяевъ обращаться съ рабами значительно лучше. По этой причинѣ и по нѣкоторымъ другимъ положеніе рабовъ въ древности, вѣроятно, было, не смотря на случайныя чудовищныя жестокости, гораздо лучшимъ, чѣмъ въ колоніяхъ современныхъ націй. На это обыкновенно указываютъ, какъ на типъ самаго гнуснаго, личнаго рабства,—насколько однако такой взглядъ невѣренъ, мы видимъ изъ того, что влоты были правильно вооружены (хотя и не полнымъ достѣпомъ тяжелой пѣхоты) и составляли часть военной силы государства. Безъ сомнѣній они были низшею и презираемою кастою, но ихъ положеніе, какъ кажется, было однимъ изъ наименѣе тягостныхъ видоизмѣненій крѣпостной зависмости. Въ гораздо болѣе ужасномъ видѣ представляется рабство у римлянъ въ тотъ періодъ, когда римская аристократія присыпалась грабежомъ вновь завоеваннаго міра. Римляне были жестокой народъ, и негодная знать забавлялась жизнью милліардовъ своихъ рабовъ съ той же расточительностью, съ какой она прочитывала и всѣ другія свои награбленныя имущества. Все же, рабство будетъ лишено самой худшей своей черты, если только оно допускаетъ нѣкоторую надежду на лучшее, а въ то время освобожденные рабы сразу же получали полныя права гражданства, и нерѣдко встрѣчались примѣры, что они приобретали не только богатства, но съ теченіемъ времени даже и почести. Съ развитіемъ болѣе гуманнаго законодательства при императорахъ, значительная часть его гарантій распространяется и на рабовъ: они получаютъ возможность имѣть собственность, и это приобретаетъ гораздо болѣе сносный видъ. Но все же, пока рабство

не приняло болѣе смягченной формы влѣянства, при которой раба не только имѣли собственность и юридическія права, но и обязательства ихъ были болѣе или менѣе ограничены обычаемъ, такъ что они получили возможность работать отчасти и въ свою пользу, до тѣхъ поръ ихъ положеніе рѣдко бывало такимъ, чтобы при немъ населеніе или производство могло быстро возрастать.

§ 2. Пока страны, въ которыхъ допускается рабство, мало заселены по сравненію съ ихъ площадью, годною для обработки, трудъ рабовъ при сноскомъ хозяйствѣ производятъ гораздо болѣе того, что достаточно для ихъ содержанія; въ особенности производство увеличивается, еще благодаря тому, что очень сильный надзоръ, необходимый для подобнаго труда, не допускаетъ разбросанности населенія и тѣмъ обезпечиваетъ нѣкоторые выгоды, происходящія отъ сочетанія труда. Поэтому при хорошей почвѣ и хорошемъ климатѣ владѣлецъ большого количества рабовъ, соблюдая благоразумно свои выгоды, имѣетъ возможность быть богатымъ. Но вліяніе такого положенія общества на производство хорошо извѣстно. Стало пѣбитой истиной, что трудъ, исторгнутый страхомъ наказания, неуспѣшенъ и непродуцателенъ. Правда, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ людей можно заставить кнутомъ предпринимать и даже совершать такія дѣла, которыхъ они не предприняли бы ни за какую плату, какую только бы въ состояніи предложить имъ хозяинъ. Также вѣроятно и то, что производительныя операціи, требующія сочетанія большого количества труда, какъ напримѣръ производство сахара, не привелись бы такъ рано въ Американскихъ колоніяхъ, если бы не существовало рабства, которое соединяетъ въ одномъ дѣлѣ такую массу работниковъ. Есть также дикія племена, питающія такое отвращеніе къ правильному труду, что промышленная жизнь едва ли можетъ водвориться между ними, пока они или не будутъ завоеваны и обращены въ рабство, или сами не станутъ завоевателями и не обратятъ въ рабство другихъ. Однако, если мы и признаемъ все значеніе этихъ соображеній, то все же остается достовѣрнымъ, что невольничество несообразно ни съ какимъ сколько-нибудь высокимъ положеніемъ промышленной дѣятельности и ни съ какой сколько-нибудь значительной успѣшностью труда. Все продукты, требующіе большого искусства, получаютъ невольничьими странами изъ другихъ государствъ. Безнадежность рабства совершенно притупляетъ умъ; а умственное развитіе рабовъ, хотя оно нѣрѣдко и процвѣтало въ древнемъ мірѣ и на востокѣ, при болѣе развитомъ состояніи общества представляеть источникъ такой опасности и предметъ такого страха для хозяевъ, что въ нѣкоторыхъ американскихъ государствахъ учить читать раба считается важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Все процессы, выполняемые невольническимъ трудомъ, ведутся самымъ грубымъ и несовершеннымъ способомъ. Даже физическая сила раба въ среднемъ примѣняется только на половину. Непродуцательность и расгочительность промышленной системы въ невольничьихъ Штатахъ изображена очень поучительно въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Олмстеда. Конечно, самая мягкая форма рабства—это положеніе крѣп-

стного, который прикрѣпленъ къ землѣ, содержитъ самъ себя со своего участка и работаетъ извѣстное число дней въ недѣлю на своего господина. Но однако все единогласно признаютъ чрезвычайную неупѣшность крѣпостного труда. Слѣдующій отрывокъ взятъ у профессора Джонса *) изъ его «Опыта о распредѣленіи богатства» (или вѣрнѣе о рентѣ)—сочиненіи, представляющаго богатый сборникъ фактовъ, касающихся поземельнаго владѣнія въ различныхъ странахъ.

Русскіе, или вѣрнѣе тѣ изъ германскихъ писателей, которые наблюдали нравы и обычаи въ Россіи, рассказываютъ о нѣкоторыхъ поразительныхъ фактахъ, относящихся къ этому вопросу. Два вилдбергскіе косаря, говоритъ онъ, скосятъ въ день столько же травы, какъ шесть русскихъ косарей, и не смотря на дороговизну провизіи въ Англіи и дешевизну ея въ Россіи, то количество сѣна, скошенъ которое англійскому фермеру стоило бы пять копѣекъ, русскому землевладѣльцу будетъ стоить три или четыре **). Прусскій писатель, статскій совѣтникъ Якобъ доказалъ, что въ Россіи, гдѣ все вообще дешево, крѣпостной трудъ вдвое дороже труда англійскаго рабочаго. Шмалъцъ даетъ поразительное описаніе непродуцательности крѣпостного труда въ Пруссіи, составленное на основаніи его собственныхъ изслѣдованій и наблюденій ***). Въ Австріи точно установлено, что трудъ крѣпостного равенъ только одной трети труда вольнонаемнаго рабочаго. Это вычисленіе, взятое изъ основательной работы по земледѣлію (нѣкоторыми извлеченіями изъ которой я уже пользовался), сдѣлано съ практической цѣлью для опредѣленія числа рабочихъ, необходимыхъ для обработки помѣстья данной величины. Другое вліяніе барщины на трудолюбіе земледѣльческаго населенія было настолько ощутительно, что даже въ Австріи, гдѣ проекты всякаго рода реформъ проходятъ не легко, предположенія и планы замѣны барщины были настолько популярны, какъ и въ наиболѣе прогрессивныхъ германскихъ провинціяхъ Баваріи ****).

Если трудъ самъ по себѣ лишеть нѣкоторыхъ необходимыхъ качествъ, то ихъ нельзя замѣнить никакимъ превосходствомъ управленія и надзора. Какъ замѣчаетъ тотъ же авторъ ****), землевладѣлецъ, «въ качествѣ хозяина своего помѣстья, неизбежно будетъ единственнымъ руководителемъ и распорядителемъ труда земледѣльческаго населенія, такъ какъ тамъ, гдѣ рабочій составляетъ соб-

*) Essay on the Distribution of Wealth and on the sources of Taxation. By the Rev. Richard Jones. Page 50.

**) Schmalz. Economie Politique, французскій переводъ, vol. II, p. 66.

***) Vol. II, p. 107.

****) Венгерское революціонное правительство, въ продолженіи своего короткаго существованія, оказало этой странѣ самое большое благодѣліе, какое только можно было доставить, и которое не посмѣла отнять наступившая затѣмъ тиралія. Оно освободило крестьянство отъ послѣднихъ остатковъ крѣпостнаго состоянія—отъ барщины, постановивъ вознаграждать землевладѣльцевъ на счетъ государства, а не на счетъ освобожденныхъ крестьянъ.

*****) Jones, pp. 53, 54.

ственность господина, не может быть промежуточного класса фермеров-капиталистов. Крупные землевладельцы повсюду составляют празничный класс и если они и трудятся, то только там, где труд заключает в себя наибольшее побуждение, где они могут получить львиную долю, которую сельский класс всегда сохраняет для себя». Было бы, «замечает Джонс», бесполезно и неразумно ожидать, чтобы знатные землевладельцы, огражденные привилегиями, обладающие почестями и привлекаемые выгодами и привычками своего положения к военным и политическим карьерам, стали бы когда-нибудь в общей их массе «старательно заниматься земледелием». Легко себя представить, какой получили бы результаты даже в Англии, если бы обработка каждого поместья зависела от его собственника. Здесь можно было бы встретить несколько примыров больших знаний и энергии, много отдельных случаев посредственного успеха, а в общем положение земледельца было бы очень низко.

§ 3. Потеряют ли сами владельцы от освобождения их рабов. Это вопрос отличный от вопроса о сравнительной производительности свободного и невольничьего труда для общества. Этот вопрос много раз дебатировался, как отвлеченный тезис, как будто бы есть возможность принять для него какое-нибудь всеобщее решение. Будет ли рабство, или свободный труд выгоднее для хозяина, это зависит от размера заработной платы свободного рабочего. Эта плата, в свою очередь, зависит от количества населения сравнительно с землей и капиталом. Обыкновенно наемный труд настолько успешнее невольничьего, что хозяин может в виде заработной платы отдавать значительно больше того, что стоило ему прежде содержание его рабов, а тем не менее будет в выгоду от этой перемены. Однако он может делать это только до известной границы. Упадок крепостного состояния в Европе и уничтожение его у западных наций без сомнения ускорился новыми хозяйственными расчетами, которые явились вследствие роста населения. Но мнѣ того, как от возрастания населения стала ощущаться недостаток земли, содержание крепостных, без какого-нибудь улучшения в земледелии, неизбежно становилось больше дорогим, а их труд меньше ценным. При таком размере заработной платы, какой существует в Ирландии, или Англии (где труд пропорционально его успешности совершенно так же дешев, как и в Ирландии), никто не может вообразить, чтобы рабство могло быть выгодно. Если бы ирландские крестьяне были рабами их хозяев, так же как теперь их землевладельцы охотно бы платили большие суммы только для того, чтобы освободиться от них. Также едва ли возможно сомневаться, что в богатых и малонаселенных землях Вест-Индских островов, если мы станем сравнивать выгодность свободного и невольничьего труда, сильный перевес останется на стороне последнего: вознаграждение, данное здесь рабовладельцам за уничтожение рабства, было, впрочем, не больше, может быть, даже меньше того, сколько они потеряли.

Здесь незначительно говорить больше о рабстве, которое окончательно осуждено. Его недостатки больше не представляют вопроса, требующего доказательств; хотя настроение умов, выказанное большей частью влиятельных классов Великобритании по отношению к борьбе, происходящей в настоящее время в Америке, и показывать, как ужасно понизились убеждения современных англичан послѣ благородного поступка поколѣнія, предшествовавшего им. Сыновья освободителей вест-индских негров смотрят с внутренним довольством и одобрением на основание большого и могущественного государства, которое по своим принципам и по своим интересам общается и необходимо должно быть вооруженным рабпространителем рабства во всех странах земного шара, куда только может проникнуть его могущество. Этот факт обнаруживает очень печальное умственное состояние руководящей части нашего высшего и среднего класса и будет постоянным пятном в английской истории. По счастью англичане ограничивались только словами и воздержались от действительной помощи низкому предпритию, которому они не стыдились желать успеха. Теперь, по всей вероятности, свободные штаты цѣною благородной крови своих граждан изгоняют проклятие рабства из великой американской республики, и это поведет за собою для них неизгладимый нравственный и умственный подъем; а для рабства послѣдним временным приблѣпцем останется Бразилія и Куба. Кроме одной Писании, никакая европейская страна больше не участвует в этом безобразии. Даже крѣпостное состояние теперь не имеет больше юридического существования в Европе. Дания принадлежала та честь, что она первая из континентальных наций последовала примѣру Англии в освобождении своих колониальных рабов; уничтожение рабства было одним из самых ранних дѣл героического и оклеветанного, временного французского правительства. Голландское правительство не долго отставало от других, и его колонии и отдаленные владѣнія, я думаю, теперь все без исключения свободны от действительного рабства: хотя принудительный труд по требованию общественной власти еще и до сих пор признается на Яве, но мы можем надеяться, что он скоро будет заменен полной личной свободой.

ГЛАВА V.

Крестьяне-собственники.

§ 1. При господствѣ крестьянской поземельной собственности так же, как и при существовании рабства, весь продукт принадлежит одному владельцу и не раздѣляется на ренту, прибыль и заработную плату. Во всех других отношениях эти два состояния общества представляют крайня противоположности. Одно из них есть состояние самого сильного угнетения и унижения рабочего класса. В другом человек пользуется самой неограниченной властью над своей собственной судьбой.

Однако, преимущества мелкой поземельной собственности представляются одним из наиболее спорных вопросов в политической экономии. На континенте выгода от существования многочисленного населения собственников признается большинством за аксиому, хотя и есть некоторые несогласные с господствующим мнением. Английские авторитеты или не знают мнений континентальных агрономов или предпочитают отвергнуть эти мнения на том основании, что континентальные агрономы не имеют случая наблюдать крупную земельную собственность в благоприятных условиях, так как выгода крупной собственности очевидна только там, где есть также и крупные фермерские хозяйства; но в виду того, что эти хозяйства требуют гораздо большего накопления капитала, чем какое обыкновенное существует на континенте, крупные континентальные поместья отдаются в аренду преимущественно небольшим участкам, за исключением тех случаев, когда фермер занимается выпасом скота в широких размерах. В этом мнении есть некоторая доля правды; но аргумент английских писателей может быть обращен против них же самих, потому что если на континенте мало знакомы из опыта с обработкой в широких размерах и при крупном капитале, то и большинство английских писателей не лучше знакомо на практике с крестьянами-собственниками и почти всегда имеют самые ошибочные понятия об их социальном положении и образе жизни. Между тем, даже в Англии старая предания были на стороне мнения, господствующего на континенте. Имена, которых превозносили, как славу Англии, пока они существовали, и которых так много оплакивали с тех пор, как они исчезли, были или мелкими собственниками, или мелкими фермерами и, если они в большинстве случаев были только лишь фермерами, то тем более достойны внимания тот суровый дух независимости, которым они отличались. В Англии есть местность, к сожалению очень небольшая, где крестьяне-собственники еще до сих пор составляют обычное явление. Таким крестьянами-собственниками можно назвать «государственных людей» (statesmen) Кумборленда и Вестморленда: хотя они, как кажется, и несут, если и не повсеместно, то большей частью известный обычный платеж, но они вследствие своей определенности отличаются от собственников не более, чем поземельный налог. Из писателей, знакомых с этой местностью, только один дал свой отзыв о прекрасных результатах такого земледелия в этих графствах. Во всей Англии только это земледельческое население и могло послужить Вордсфорту оригиналом для описания крестьянства *).

Но общая система английского земледелия не даст ничего для знакомства на опыте с характером и способами ведения дела

* В своем небольшом описании местности озер Вордсворте говорит, что верхняя часть долины в течение столетий была „совершенно республикой пастухов и земледельцев, большинство которых были собственниками занимаемой и обрабатываемой ими земли. Пауэ

крестьянами-собственниками, и вообще земледельческое хозяйство других стран совершенно незнакомо англичанам; поэтому, истинное понятие о крестьянах-собственниках чуждо английскому уму и оно не легко находить к нему доступ. Даже обычная форма речи препятствует этому: обыкновенно собственники земли определяются словом «landlords» (землевладельцы)—термин, с которым всегда неразрывно связано представление об арендаторе (tenants). Когда во время голода мысль о крестьянской собственности, как о средстве к улучшению положения Ирландии, проникла в парламентские и газетные прения, то явились писатели, претендующие на знание дела, для которых слово «proprietor» (собственник) было настолько не ясно, что они смешивали мелких владений ирландских котеров с крестьянской собственностью. Вследствие того, что предмет понимается так плохо, я считаю необходимым прежде, чем приступить к теории его, показать фактическую сторону дела, хотя при этом мне придется говорить пространнее, чем бы это допускали размеры трактата при иных условиях. С этой целью я приведу некоторые свидетельства о состоянии земледелия и о благосостоянии и благоденствии земледельцев в тех странах и областях, где на большей части земли единственными землевладельцами и в то же время фермерами являются земледельцы, которые ее обрабатывают.

§ 2. Я не придаю особенного значения положению Северной Америки, в которой земля, как это хорошо известно, повсюду, где только она свободна от проклятия рабства, почти исключительно принадлежит тому же лицу, которое его обрабатывает. Страна, соединяющая естественное плодородие Америки с знанием и искусствами современной Европы, находится в таких исключительных условиях, что в ней помешать процветанию рабочего

каждого хозяина служить только на содержание его семейства и иногда уступался для пользования соседу. Две или три коровы снабжали каждое семейство молоком и сыром. Приходская церковь была единственным зданием, господствовавшим над этими жилищами, верховной илавою этой чистой общины, члены которой жили среди могущественной империи, составляя идеальное общество, или организованное сообщество, устройство которого соответствовало горной природе и находилось под ее покровительством. Здесь не было ни высворожденных дворян, ни рыцарей и эскальтров; но многие из этих северных сынов гор сознавали, что земля, по которой они ходят и которую обрабатывают, более пяти столетий принадлежала людям их рода и племени... В этих долинах на каждом участке произрастало столько хлеба, сколько было достаточно для прокормления семьи, но не больше. Бури и сырой влиять побуждали жителей усадить свои гористые земли сараями из дикаго камня, служившими убежищем для овец, где в ненастную погоду рывдалась их коры. Каждая семья прела шерсть собственного стада для своей одежды; тут же между ними было несколько ткачей; а остальные потребности удовлетворялись производством пряжи, которую они расчесывали и прядли у себя дома и затѣм относили на рынок, или чаще отправляли на вьючных лошадей; каждую неделю этот небольшой поезд направлялся через горы в ближайший город». — A Description of the Scenery of the Lakes in the North of England, 3rd. edit. pp. 50 to 53 and 63 to 65.

класса может только необеспеченность собственности или правительственная траница. Я могъ бы выѣхать съ Сисмонди подробнѣе остановившись на примѣръ древней Италіи, въ особенности Лаціума, нынѣшней Кампаньи, которая прежде была перешолена жителями, тогда какъ теперь, при другомъ режимѣ, эта же самая страна стала необитаемой вслѣдствіе малярии. Но я предпочитаю привести свидѣтельства того же автора о предметахъ, извѣстныхъ ему изъ личнаго наблюденія.

«Надо въ особенности обойти и изучить Швейцарію», говоритъ Сисмонди — «для того чтобы судить о благосостояніи крестьянъ-собственниковъ. Изъ быта Швейцаріи мы узнаемъ, что земледѣіе, когда оно ведется тѣмъ же лицомъ, которое пользуется его плодами, можетъ доставить высокое благосостояніе очень многочисленному населенію, развить значительную независимость характера, порождаящую независимостью положенія, и создать большую торговлю предметами потребленія вслѣдствіе того, что все населеніе зажиточно, даже несмотря на то, что климатъ въ этой странѣ суровъ, почва не совсѣмъ плодородна, а поздніе морозы и непостоянная погода нѣрѣдко уничтожаютъ надежды земледѣльца. Невозможно смотрѣть безъ удивленія на эти деревинные дома, которые у самаго бѣднаго крестьянина такъ велики, такъ прекрасно сооружены и такъ украшены рѣзьбой. Внутри широкіе корридоры раздѣляютъ отдѣльныя комнаты многочисленнаго семейства; въ каждой комнатѣ находится только одна кровать, въ изобиліи снабженная занавѣсками, одѣялами и чистыми простынями; кругомъ стоитъ заботливо содержанная мебель; шкапъ наполненъ бѣльемъ; молочная очень велика, хорошо провѣтривается и блеститъ чистотой; подъ той же крышей находится большой запасъ хлѣба, соленнаго мяса, сыру и дровъ; въ стойлахъ очень заботливо содержится самый лучший скотъ въ Европѣ; садъ полонъ цвѣтовъ; мужчины и женщины чисто и тепло одѣты; женщины съ гордостью сохраняютъ свой древній костюмъ; все въ ихъ лицахъ носитъ отпечатокъ здоровья и силы. Пусть другія націи превозносятъ свое богатство, — Швейцарія всегда можетъ съ гордостью указать на своихъ крестьянъ *).

Тотъ же знаменитый писатель слѣдующимъ образомъ выражаетъ свое мнѣніе о крестьянскомъ землевладѣніи вообще.

«Вездѣ, гдѣ мы находимъ крестьянъ-собственниковъ, мы также находимъ благосостояніе, обеспеченность, увѣренность въ будущемъ и независимость, которыя одновременно обеспечиваютъ и счастье и добродѣтель. Крестьянинъ, выполняющій со своимъ дѣтми всѣ работы на своемъ маленькомъ клочкѣ земли, не платящій ни ренты кому-либо, стоящему выше, ни заработной платы стоящимъ ниже его, регулирующій свое производство своимъ потребленіемъ, питающійся своимъ хлѣбомъ, пьющій свое вино и одѣвающійся въ свою пенку и шерсть, мало заботится о рыночныхъ цѣнахъ, потому что онъ мало покупаетъ и мало продаетъ, и никогда не разоряется отъ переверотовъ въ торговлѣ. Вмѣсто того, чтобы стра-

*) Etudes sur l'Economie Politique, Essai III.

шиться будущаго, онъ смотритъ въ него съ надеждой, потому что каждую, свободную отъ годичныхъ занятій, минуту, онъ употребляетъ на какое-нибудь дѣло, полезное для его дѣтей или для будущаго потомства. Нѣсколькихъ минутъ работы достаточно ему для того, чтобы посадить сѣмя, которое черезъ сто лѣтъ обратится въ большое дерево, прорыть канаву, которая проведетъ къ нему воду изъ родника, усовершенствовать постоянными заботами въ урываемое отъ досуга время всѣ виды животныхъ и растеній, окружающіе его. Его маленькая вотчина представляетъ настоящій берегательный банкъ, всегда готовый принять всѣ его мелкія вырочки, дать полезное примѣненіе каждой свободной минутѣ. Вѣчно дѣятельная сила природы возвращаетъ ему все сторпцею. Крестьянинъ живо понимаетъ счастье, связанное съ положеніемъ собственника. Поэтому, онъ всегда такъ стремится покупать землю, не взирая на ея стоимость. Онъ платитъ за нее больше, чѣмъ она стоитъ, быть можетъ даже больше, нежели она ему дастъ впоследствии; но развѣ онъ не правъ, отбывая такъ высоко преимущество всегда имѣть выгодное примѣненіе для своего труда и не испытывать необходимости предлагать послѣдній на рынкѣ за очень низкую цѣну, — преимущество всегда имѣть возможность получать хлѣбъ, не покупая его по чрезмѣрно высокой цѣнѣ?

«Изъ всѣхъ земледѣльцевъ, крестьянинъ-собственникъ является больше всего изъ земли, потому что онъ больше всѣхъ думаетъ о будущемъ и лучше всѣхъ плучивъ свое дѣло на практикѣ. Также только онъ одинъ употребляетъ человѣческія силы съ наибольшей выгодой, потому что онъ раздѣляетъ между всѣми членами семьи свои занятія и рассчитываетъ послѣднія на всѣ дни въ году, такъ что никто и никогда не бываетъ безъ работы. Изъ всѣхъ земледѣльцевъ онъ самый счастливый и въ то же время земля нигдѣ не доставляетъ столько занятій такому многочисленному населенію и не кормитъ его такъ обильно, не выказывая никакихъ признаковъ истощенія, какъ тамъ, гдѣ земледѣлецъ есть и собственникъ. Наконецъ, изъ всѣхъ земледѣльцевъ крестьянинъ-собственникъ больше всѣхъ поддерживаетъ торговлю и фабричную промышленность, такъ какъ она богаче всѣхъ» *).

*) Въ другомъ своемъ произведеніи (Nouveaux principes d'Economie Politique, кн. III, гл. 3) Сисмонди говоритъ: „Проѣзжая почти по всей Швейцаріи и по нѣкоторымъ провинціямъ Франціи, Италіи и Германіи, мы можемъ не спрашивать, смотри на какой-нибудь клочекъ земли, принадлежитъ ли онъ крестьянину-собственнику или фермеру. Разумная забота, удобна, приготовленная для труда, красивый видъ страны, которая обрабатывается хозяйской рукой — все это служить яснымъ указаніемъ на то, что земля принадлежитъ крестьянину-собственнику. Правда, участвующее правительство можетъ разрушить благосостояніе и иритуитъ умъ, которые должны бы развиваться, благодаря мелкой собственности; налоги могутъ похитить лучшіе продукты полей, а нахальство правительственныхъ чиновниковъ можетъ нарушить безопасность крестьянина; невозможность добиться правосудія прогнать могущественнаго соседа можетъ зародить уныніе въ его умѣ; и вотъ въ странѣ, какая была возможна зародить управленіе сардинскаго короля, собственникъ въ одинаковой степени съ подданнымъ влечетъ нацѣнное существованіе“. Здѣсь

Эта картина неутомимаго трудолюбія и, такъ сказать, нѣжной привязанности къ землѣ подтверждается англійскими наблюдателями относительно болѣе развитыхъ кантоновъ Швейцаріи. «Гуляя по окрестностямъ Цюриха, говоритъ Генглисъ, взглянувъ направо, или налево, каждый будетъ пораженъ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ жителей; и если мы узнаемъ, что собственникъ здѣсь получаетъ доходъ въ 100%, мы охотно скажемъ: «онъ заслуживаетъ такое вознагражденіе». Я говорю о земледѣльческомъ трудѣ, хотя я увѣренъ, что и во всѣхъ отрасляхъ промышленности цюрихское население замѣчательно по своему прилежанію; но въ томъ трудолюбіи, какое они выказываютъ при обработкѣ своей земли, я смѣло могу сказать, что у нихъ нѣтъ соперниковъ. Когда я по обыкновенію между четырьмя и пятью часами утра открывалъ окно для того, чтобы взглянуть на озеро и отдаленныя Альпы, я видѣлъ рабочаго уже въ полѣ; а когда я возвращался съ вечерней прогулки не скоро послѣ захода солнца, вѣроятно около половины девятаго, рабочій все еще былъ тамъ, косилъ траву, или подвигивалъ виноградныя лозы. На что вы ни взглянете, — на поле, садъ, пзгородъ, даже на дерево, цвѣтокъ или растеніе, — вездѣ вы увидите доказательство чрезвычайной заботы и труда, затраченныхъ на обработку почвы. Если, напримѣръ, черезъ засѣянное поле, или возлѣ него пролегалъ тропинка, то здѣсь не допустить, чтобы хлѣбъ нагнался надъ нею такъ, какъ въ Англіи, и чтобы каждый проходій срывалъ и топталъ его; поле повсюду обнесено пзгородью, состоящею изъ кольевъ, вбитыхъ на разстояніи ярда, и на нихъ привязаны вѣтки на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ земли. Если вы взглянете вечеромъ на поле, засаженное цвѣтной и простой капустой, вы найдете, что каждое отдѣльное растеніе полито. Въ садахъ, которые очень велики возлѣ Цюриха, на каждомъ растеніи видны слѣды самой мелочной заботы. Растенія посажены съ математической правильностью; нельзя увидѣть ни одной сорной травы, ни одного камня. Растенія не засыпаются, какъ у насъ землей, но посажены въ небольшія ямки, въ каждую изъ которыхъ положено немного удобренія, и каждое растеніе ежедневно поливается. На тѣхъ участкахъ, гдѣ что-нибудь посеяно, земля обыкновенно распушивается въ мельчайшій порошокъ; каждый кустикъ, каждый цвѣтокъ подвязанъ къ колу, а гдѣ растутъ шпалерныя деревья, тамъ вдоль стѣны устроена рѣшетка для прикрѣпленія къ ней вѣтвей, и тутъ нѣтъ ни одной вѣтки, которая бы не имѣла своего постоянного мѣста» *).

Одну изъ удаленныхъ долинъ Верхнихъ Альпъ **) тотъ же авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Сикомли говоритъ о Савойѣ, гдѣ крестьяне обыкновенно были собственниками и, судя по достовернымъ извѣстіямъ, были чрезвычайно бѣдны. Но онъ говоритъ дальше: «не слѣдуетъ рукоождиваться изъ всѣхъ политико-экономическихъ законовъ только однимъ; онъ не можетъ самъ по себѣ произвести блага; но по крайней мѣрѣ онъ уменьшитъ зло».

*) Switzerland, the south of France, and the Pyrennees in 1830. By H. D. Inglis vol. I. ch. 2.

**) Ibid, ch. and 10.

«Во всей Энгадинѣ земля принадлежитъ крестьянамъ, и размѣръ ихъ участковъ бываетъ очень различенъ такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ такое положеніе дѣлъ... Вообще говоря, энгадинскій крестьянинъ почти всецѣло существуетъ тѣмъ, что даетъ ему его земля, за исключеніемъ немногихъ иностранныхъ продуктовъ, необходимыхъ его семьѣ, какъ, напримѣръ, сахара, кофе, вина. Онъ выращиваетъ ленъ, который обрабатывается дома и тчется его собственной семьей. Его стада доставляютъ ему шерсть, изъ которой готовится снѣе сукно, не проходя черезъ руки красильщика или портного. Лучше обрабатывать землю здѣсь, чѣмъ она обработана, невозможно. Тутъ примѣнено все, что только можетъ внушить чрезвычайная любовь къ приобрѣтенію и трудолюбіе. Здѣсь нѣтъ ни фута пустой земли, хотя самая низменная часть Энгадины немного чѣмъ ниже вершины Сподона. Вездѣ, гдѣ только можетъ расти трава, тамъ она растетъ; гдѣ только на скалѣ выдерживается былинка — тамъ видна зелень; гдѣ можетъ созрѣть рожь, тамъ ее найдете. Ячмень и овесъ также имѣютъ свои особенныя мѣста; а гдѣ есть возможность вырастить пшеницу, тамъ всегда пытаются ее разводить. Ни въ одной европейской странѣ нельзя встрѣтить такого малаго числа бѣдныхъ, какъ въ Энгадинѣ. Въ деревнѣ Зюссъ съ населеніемъ приблизительно до шестисотъ жителей нѣтъ ни одного человѣка, который бы не имѣлъ средствъ къ комфортабельной жизни или былъ бы обязанъ кому-нибудь своимъ кускомъ хлѣба».

Несмотря на общее состояніе крестьянъ въ Швейцаріи, все же нельзя утверждать, что въ ней совершенно отсутствуетъ лауперизмъ и почти нѣтъ бѣдности; самый обширный и богатый Бернскій кантонъ служитъ совершенно противоположнымъ примѣромъ. Хотя въ частяхъ его, занятыхъ крестьянами-собственниками, трудолюбіе послѣднихъ такъ же замѣчательно, а довольство и благосостояніе такъ же очевидно, какъ и вездѣ, тѣмъ не менѣе кантонъ обремененъ значительнымъ числомъ бѣдныхъ вслѣдствіе того, что здѣсь дѣйствуетъ дурно составленный законъ о бѣдныхъ, самый худшій во всей Европѣ, исключая англійскаго закона о бѣдныхъ до его реформы *). И въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ Швейцарія не можетъ считаться примѣромъ всѣхъ благоприятныхъ результатовъ, какіе можетъ оказывать крестьянская собственность. О швейцарскихъ кантонахъ существуетъ цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ, обыкновенно старательно и толково составленныхъ и заключающихъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія, сравнительно, недавняго времени о положеніи земли и населенія. Судя по этимъ отчетамъ, раздробленность земли такъ велика, что ее слѣдуетъ признать чрезвычайной: а задолженность собственниковъ въ цвѣтущемъ цюрихскомъ кантонѣ «гранничитъ», по выраженію писателей, «съ невѣроятнымъ», такъ что только чрезмѣрное трудолюбіе, бережливость, умѣренность и полная свобода торговли даютъ имъ возможность удер-

*) Historisch, Geographisch und statistisches Gewälde der Schweiz, Erster Theil. Der Kanton Zurich. Gerold Meyer Von Knonan 1834 r. Crp 80—1. Въ Цюрихѣ есть деревня, въ которыхъ нѣтъ ни одного не заложенаго

живаться въ своемъ положеніи» *). Однако, изъ этихъ книгъ можно вывести то общее заключеніе, что съ начала нынѣшняго столѣтія вмѣстѣ съ раздробленіемъ многочисленныхъ крупныхъ имѣній, принадлежащихъ дворянамъ и кантональному правительству, имло поразительно быстро улучшеніе почти во всѣхъ отрасляхъ земледѣлія, а также въ жилищахъ, привычкахъ и пищѣ народа. Авторъ Тюргаускаго отчета даже утверждаетъ, что со времени перехода феодальныхъ помѣстій въ крестьянскую собственность нерѣдко встрѣчается, что четвертая или пятая часть имѣнія производитъ столько же хлѣба и содержитъ столько же головъ скота, какъ все помѣстье, при прежнихъ условіяхъ.

§ 3. Норвегія принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, въ которыхъ крестьяне-собственники существуютъ издавна и наиболѣе многочисленны по сравненію со всѣмъ населеніемъ. Интересное описаніе соціального и экономическаго положенія этой страны далъ Левгъ. Его доводы въ пользу мелкой собственности, какъ въ Норвегіи, такъ и въ другихъ странахъ, отличаются точностью. Я приведу нѣсколько отрывковъ.

«Если мелкій собственникъ бываетъ плохимъ земледѣльцемъ, то здѣсь это происходитъ не отъ лѣности и недостатка трудолюбія—причинъ, на какія указываютъ, говоря о Шотландіи. Размѣръ, до котораго доведена приращенія въ этихъ долинахъ, указываетъ на способность къ трудолюбію и сотрудничеству (прошу обратить особенное вниманіе на послѣднее), ничего подобнаго которой нѣтъ у шотландцевъ. Сѣно, составляющее главную зимнюю пищу скота, такъ же, какъ и хлѣбъ и картофель, могутъ здѣсь чахнуть и выгорать, вследствие тонкости почвеннаго слоя и сильнаго отраженія солнечныхъ лучей отъ скалъ; потому-то жители пѣною чрезвычайныхъ ущелій проводятъ изъ верхнихъ частей долины воду по такому уровню, чтобы каждый фермеръ могъ имѣть ее въ самомъ высокомъ пунктѣ своего поля. Вода проводится въ деревянныхъ желобахъ (расколотое и грубо выдолбленное дерево) изъ наиболѣе высокихъ, постоянныхъ источниковъ черезъ лѣса, черезъ овраги, вдоль скалистыхъ, не рѣдко отвѣсныхъ склоновъ долины, и изъ этого главнаго желоба расходятся по второстепеннымъ къ каждому фермеру въ вершину его поля. Послѣдній распредѣляетъ эту влагу по полю съ помощью переносныхъ желобовъ, и послѣдовательно полп-

владнія. Но изъ того, что вся масса долга такъ велика, вовсе не слѣдуетъ, что и каждый отдѣльный собственникъ очень задолжалъ. Призмѣръ, въ Шафгаузеномъ кантонѣ установлено, что земельная собственность заложена почти вся, но заложенность рѣдко превышаетъ половину зарегистрированной стоимости земли, (XII Theil Kantou Schaffhausen von Edward Im-Thurg 1840 г. стр. 52) и залогъ имущества часто дѣлается для улучшенія и расширенія имѣнія (XVII Theil, Kantou Thurgau von I. A. Purikofeg, 1837 г. стр. 209).

*) Съ тѣхъ поръ, какъ была написана эта замѣтка о Бернскомъ кантонѣ, въ немъ были произведены значительныя измѣненія въ законахъ о бѣдныхъ; но я недостаточно знакомъ съ характеромъ и вліяніемъ этихъ переѣвъ, чтобы говорить болѣе подробно о нихъ.

васть каждый участокъ, подобно бѣдлицыку холста, кладъ желобъ между двухъ участковъ. Не видѣвши, нельзя повѣрить, какое большое пространство земли густо покрыто этими желобами. Длина главныхъ проводовъ очень велика. Въ одной долині я прошелъ десять миль, и на всемъ этомъ протяженіи по обѣимъ сторонамъ были проложены желоба; съ одной стороны цѣпь желобовъ продолжается по главной долині на сорокъ миль *). Конечно, и при такихъ условіяхъ обработка можетъ быть плоха; но жители не лѣнливы. Имъ не чужды принципы совмѣстной работы и поддержанія учреждений, служащихъ для общей выгоды. Въ этихъ отношеніяхъ они стоятъ, несомнѣнно, гораздо выше всякой общины нашихъ крестьянъ въ Горной Шотландіи. Они чувствуютъ себя собственниками, которые сами пользуются выгодами отъ своего труда. Прекрасное состояніе дорогъ и мостовъ служитъ другимъ доказательствомъ того, что страна населена людьми, имѣющимъ общій интересъ поддерживать ихъ въ исправности. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь нѣтъ дорожной повинности **).

О вліяніи крестьянской поземельной собственности на континентѣ вообще, тотъ же авторъ выражается слѣдующимъ образомъ; ***).

«Если мы послушаемъ крупнаго фермера, ученаго агронома, (англійскаго) политико-экономиста, то хорошая обработка должна погибнуть вмѣстѣ съ крупными фермами. Мысль, что хорошая обработка можетъ существовать и безъ крупныхъ фермъ, работающихъ съ большимъ капиталомъ, они считаютъ нелѣпой. Осушеніе, удобреніе, экономная система хозяйства, очистка земли, правильный сѣвооборотъ, дорогой инвентаръ и орудія, все это, по ихъ мнѣнію, принадлежитъ исключительно крупнымъ фермамъ, обрабатываемымъ помощью большого капитала и наемнаго труда. Это все очень хорошо читать; но если мы отъ ихъ книгъ переведемъ наши глаза къ ихъ полямъ и кладнокровно сравнимъ то, что мы видимъ при одинаковыхъ условіяхъ наилучшей обработки въ округахъ съ крупными фермами и въ округахъ съ мелкими хозяйствами, то мы при-

*) Рейхеншпергеръ въ сочиненіи Die Agrarfrage, на которое ссылается въ своемъ „Social Condition and Education of the People in England and Europe“, говоритъ, что самые обширные и дорогие проекты орошенія луговъ и полей выполнялись съ наибольшимъ совершенствомъ въ тѣхъ частяхъ Европы, гдѣ земля была очень раздроблена и находилась въ рукахъ мелкихъ собственниковъ. Въ примѣръ онъ приводитъ равнину вокругъ Валенсіи, въ некоторые южные департаменты Франціи, въ области департаменты Вокандъ и устья Роны, Ломбардію, Тоскану, округа Сиена, Лукка и Бергамо, Пьемонтъ, много частей Германіи и проч. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ земля очень сильно раздроблена между мелкими собственниками. Обширные и дорого стоящія системы и проекты общей приращенія были произведены въ этихъ странахъ и до сихъ поръ содержатся на средства самыхъ мелкихъ собственниковъ. Это показываетъ, насколько посѣдніе способны выполнять съ помощью соединеннаго труда работы, требующія затратъ большого количества капитала“.

Kay'l 126

**) Laing. Journal of a Residence in Norway, pp. 36, 37.

***) Notes of Traveller, pp. 299 et seqq.

демь къ заключенію,—и это не будетъ искаженіемъ дѣйствительности,—что жатвы въ Фландріи, въ восточной Фрисландіи, Гольштиніи, однимъ словомъ, вдоль всей полосы пахатной земли на континентѣ отъ Зунда до Калэ гораздо лучше, чѣмъ въ прибрежной полосѣ Англій отъ Фортскаго залива до Дувра, противулежащей этимъ странамъ и находящейся въ одной и той же широтѣ съ ними Старательный трудъ на небольшомъ участкѣ земли, при одинаковомъ

отъ огня и градобитія; — мелкіе фермеры ведутъ одно изъ самыхъ дорогихъ земледѣльческихъ производствъ, производство свекловичнаго сахара, требующее много знаній; они снабжаютъ европейскіе рынки льномъ и коноплей; — за границей въ лицу даже низшихъ классовъ въ изобиліи входитъ зелень, плоды и мясо, тогда какъ у насъ даже средній классъ не пользуется такимъ разнообразіемъ пищи, которое неразрывно связано съ хозяйствомъ мелкихъ земле-

стигает удивительной жатвы *). Въ сельской жизни крестьяне **) являются самыми главными дѣятелями. Они составляют главное население страны, потому что они сами собственники. Эта страна въ дѣйствительности большею частью находится въ руках народа. Она раздроблена между безчисленнымъ множествомъ хозяевъ... Здѣсь положеніе крестьянъ не такое, какъ у насъ, гдѣ они большею частью лишены возможности приобрести въ собственность землю, обрабатываемую ими, и всецѣло зависятъ отъ работы, даваемой другими, — здѣсь они сами собственники. Быть можетъ, вслѣдствіе этого они наиболѣе трудолюбивы изъ всѣхъ крестьянъ въ мірѣ. Они работаютъ усердно отъ ранняго утра до поздней ночи вслѣдствіе сознанія, что они работаютъ на себя... Германскіе рабочіе работаютъ безъ усталости, хотя они и не испытываютъ дѣйствительной нужды. Каждый человѣкъ имѣетъ свой домъ, свой огорокъ, свои деревья вдоль дорогъ, обыкновенно обремененныя плодами пастельки, что онъ принужденъ подпрать и всѣми способами охранять ихъ, иначе они поломались бы отъ собственной тяжести. У него есть свой небольшой кусокъ пахатной земли, свой кусокъ для свеклы, конопли и т. д. Онъ самъ себѣ хозяинъ; у него и у каждого члена его семьи существуетъ сильное побужденіе къ труду. Вы видите влияніе этого положенія въ его неослабномъ усердіи, равнаго которому нѣтъ въ мірѣ, и въ его бережливости, которая еще больше его усердія. Правда, нѣмцы не настолько дѣятельны и живы, какъ англичане. Вы никогда не увидите ихъ суетящимися, старающимся сдѣлать много въ короткій промежутокъ времени. Они, напротивъ, медленны, но всегда заняты. Они неуслышно трудятся изо дня въ день, изъ года въ годъ, какъ самое терпѣливое, неутомимое животное. Англійскій крестьянинъ настолько лишенъ понятія о собственности, что онъ обыкновенно считаетъ ее всцѣю, запрещенной ему закономъ, созданнымъ крупными собственниками, и вслѣдствіе этого онъ сдѣлался унылымъ и лишеннымъ всякой инициативы. Нѣмецкій крестьянинъ считаетъ страну созданной для него и для его товарищей. Онъ чувствуетъ себя человекомъ; онъ связанъ съ страной такими же интересами, какъ и вся масса его сосѣдей; и никто не можетъ грозить ему изгнаніемъ или неправительнымъ домогъ, пока онъ остается дѣятельнымъ и бережливымъ. Поэтому, онъ идетъ смѣлымъ шагомъ, смотритъ вамъ прямо въ лицо съ видомъ свободнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и почтительнаго человѣка.»

О ихъ трудолюбіи тотъ же писатель далѣе говоритъ такъ: «Нѣтъ часа въ году, въ который они не нашли бы безпрестаннаго занятія. Среди зимы, если только погода позволяетъ выйти изъ дому, они всегда найдутъ какую-нибудь работу. Пока стоятъ морозы, они перевозятъ удобрение на свои поля; если же нѣтъ мороза, они дѣятельно очищаютъ каналы, рубятъ старыя, или дающія мало плодовъ, деревья. Болѣе бѣдные изъ нихъ, не имѣвшіе возможности приготовить достаточное количество дровъ, всю зиму бываютъ

*) Rural and Domestic Life of Germany, p. 27, Howitt.
**) Тамъ же, стр. 40.

заняты добываніемъ топлива, за которымъ приходится отправляться въ горные лѣса. Англійскій простолюдинъ былъ бы пораженъ при видѣ того напряженнаго труда, съ какимъ нѣмецкій крестьянинъ добываетъ свое топливо. Во время самаго сильнаго мороза и снѣга отправляете въ одну изъ лѣсовъ на горахъ и тамъ вы ихъ найдете рубящими пни, спиливающими вѣтви и собирающими всеми средствами, какія только допускаетъ лѣсная полиция, сучья, колья, куски дерева, которые они съ невѣроятнымъ трудомъ и терпѣніемъ перетаскиваютъ домой *). Послѣ описанія заботливаго и старательнаго ухода за виноградниками, Говиттъ продолжаетъ: **) «Въ Англии съ ея большимъ количествомъ пашенъ и съ ея крупными фермами, послѣ того какъ хлѣбъ собранъ и поля оставлены подъ сѣнокосъ, страна кажется погруженной и постоянно идетъ работа: жители копаютъ и косятъ, сажаютъ и срѣзываютъ, полютъ и собираютъ. У нихъ такъ же, какъ у огородниковъ, одинъ сборъ сдѣлается другимъ. Они воздѣлываютъ морковь, макъ, коноплю, ленъ, люцерну, рѣпу, всевозможные сорта капусты, черную и шведскую брюкву, артишоки, свеклу, пастернакъ, бобы, горохъ, маисъ, гречиху, марену для фабрикантовъ, картофель, большія плантаціи табаку, просо, — все, или большая часть этого, разводится силами семьи и на ихъ собственныхъ участкахъ. Прежде всего они должны посеять эти растенія, затѣмъ многія изъ нихъ пересадить, подлунить, прополоть, очистить отъ наѣвкомыхъ, подрѣзать; многое они должны косить, или собирать послѣдовательно по мѣрѣ поспѣванія. Потомъ они должны полить, скосить и снова полить свои искусственные дуга, которые здѣсь почти все орошаются; открывать и снова закрывать желоба, проводящіе воду, собрать ранніе плоды, свести ихъ на рынокъ, вмѣстѣ съ зеленью; должны смотреть за скотомъ, овцами, телятами, жеребятами, которые преимущественно находятся на стойлахъ; указывать за птицей; подрѣзывать виноградники по мѣрѣ того, какъ жвачка за птицей; подрѣзывать виноградники по мѣрѣ того, какъ они разрастаются во время лѣтнихъ жаровъ, и прорѣдять листья, если послѣдніе стали слишкомъ густы. Можно только вообразить, какую картину непрерывнаго труда представляютъ ихъ поля».

Этотъ интересный очеркъ, справедливость котораго вообще можетъ подтвердить каждый наблюдательный человѣкъ, путешествовавшій по этой высоко воздѣланной и населенной области, согласуется съ болѣе обработаннымъ описаніемъ, сдѣланнымъ извѣстнымъ жителемъ этихъ мѣстностей, докторомъ Рау въ его небольшомъ сочиненіи «Ueber die Landwirthschaft der Rheinpfalz». Докторомъ Рау свидѣтельствуется не только о трудолюбіи, но и вообще объ искусствѣ и умѣ крестьянъ; онъ говоритъ объ ихъ рациональномъ пользованіи удобрениями, о прекрасныхъ сѣвооборотахъ, о постепенномъ усовершенствованіи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній цѣль земледѣлія и о стремленіи къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ, которое и до сихъ поръ у нихъ очень сильно». Всѣмъ хоняемъ, которое и до сихъ поръ у нихъ очень сильно».

*) Rural and Domestic Life of Germany p. 44.
**) Ibid. p. 50.

рошо известна неутомимость ифальцских крестьян, которые заняты целый день и целый год и никогда не бывают праздными, потому что они хорошо умѣют распределять свой трудъ и находятъ для каждаго времени соответствующее занятіе; также хорошо известно похвальное усердіе, съ каковымъ они умѣютъ примѣнять для своей выгоды каждое представляющееся обстоятельство, подхватываютъ всякое нововведеніе и даже сами добиваются болѣе выгодныхъ пріемовъ. Каждый легко можетъ замѣтить, что крестьянинъ этой провинціи много размышляетъ о своей работѣ; онъ можетъ объяснить свои способы дѣйствій, хотя бы эти объясненія были и не всегда вѣрными; онъ во всемъ соблюдаетъ пропорцію, насколько это возможно дѣлать на память, безъ помощи цифръ; онъ наблюдаетъ за такими примѣтами погоды, которыя, по его мнѣнію, обѣщаютъ ему выгоду или вредъ *).

Изученіе всѣхъ другихъ частей Германіи подтверждаетъ то же самое. «Общезвѣстный фактъ», говоритъ Кэ, «что въ Саксоніи въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне сдѣлались собственниками земли, быстро и непрерывно идетъ улучшеніе въ жилищахъ, въ образѣ жизни, въ одеждѣ крестьянъ и въ особенности въ способахъ обработки земли. Я дважды прошелъ въ сопровожденіи нѣмецкаго проводника часть Саксоніи, называемую Саксонскою Швейцаріей, съ цѣлю видѣть состояніе деревень и земледѣлія, и я могу, не опасаясь возраженій, утверждать, что во всей Европѣ нѣтъ обработки болѣе высокой, чѣмъ у трудолюбиваго и старательнаго населенія долины этой части Саксоніи. Здѣсь такъ же, какъ въ Бернскомъ, Водскомъ и Цюрихскомъ кантонахъ и въ пререйнскихъ провинціяхъ, фермы находятся въ замѣчательно цвѣтущемъ состояніи. Онѣ хорошо содержатся, всегда чисты и дѣло на нихъ ведется прекрасно. Земля очищена, какъ въ саду. Нигдѣ нѣтъ ни изгородей, ни кустарниковъ, загромождающихъ ее. Вы едва ли увидите кустикъ камыша, осота или другой сорной травы. Луга каждую весну сильно орошаются жидкимъ удобрениемъ, которое собирается въ мѣстѣ стока изъ скотныхъ дворовъ. Саксонскіе луга такъ чисты отъ сорныхъ травъ, что они мигъ скорѣе напоминаютъ англійскія поляны, нежели какіе-нибудь луга другихъ мѣстностей. Крестьяне стараются превзойти другъ друга количествомъ и качествомъ продуктовъ, приготовленіемъ земли и вообще обработкой своихъ участковъ. Всѣ мелкіе собственники съ рвеніемъ отыскиваютъ способы обработки, дающіе наибольшіе результаты; они старательно добиваются усовершенствованій; для того, чтобы сдѣлать дѣтей способными помогать своимъ отцамъ, они посылаютъ ихъ въ земледѣльческія школы; и каждый собственникъ быстро принимаетъ усовершенствованія, введенныя его сосѣдомъ **). Если все выше-

*) Rau, pp. 15, 16.

**) The Social condition and Education of the People in England and Europe: showing the Results of the Primary Schools, and of the division of Landed Property in Foreign Countries. By Joseph Kay, Esq., M. A. Bachelor of Law, and lat Travelling Bachelor of the University of Cambridge. Vol. I, pp. 133—40.

сказанное не преувеличено, то оно указываетъ на умственное состояніе, совершенно отличное отъ того, въ какомъ находится не только англійскій рабочій, но и англійскій фермеръ.

Книга Кэ, изданная въ 1850 году, содержитъ массу свидѣтельствъ, собранныхъ на основаніи наблюденій и исследований самого автора въ различныхъ частяхъ Европы, а также на основаніи указаній многихъ извѣстныхъ писателей о благотворномъ вліяніи крестьянской собственности. Между свидѣтельствами, которыя онъ приводитъ относительно ея вліянія на земледѣліе, я избираю слѣдующее:

«Рейхенпиргеръ, житель той части Пруссіи, гдѣ земля наиболѣе раздроблена, опубликовалъ свой обширный и очень обработанный трудъ для того, чтобы доказать замѣчательныя послѣдствія системы свободнаго владѣнія землей. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что не только валовой продуктъ съ пшвѣстельно утверждаетъ, что не только валовой продуктъ собственного даннаго числа акровъ, обрабатываемыхъ мелкими собственниками, или крестьянами - собственниками, больше, нежели валовой продуктъ равнаго числа акровъ, принадлежащихъ крупнымъ владѣльцамъ и обрабатываемыхъ арендаторами - фермерами, но что и чистый продуктъ первыхъ участковъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по обработкѣ, также больше, нежели чистый продуктъ послѣднихъ. Онъ приводитъ фактъ, повидимому указывающій, что плодородіе земли въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ мелкая собственность, должно быстро увеличиваться. Онъ говоритъ, что цѣна земли, раздробленной на мелкія владѣнія, въ прусскихъ пререйнскихъ провинціяхъ гораздо выше и повышается гораздо быстрѣе, нежели цѣна земли въ крупныхъ помѣстьяхъ. Онъ такъ же, какъ и профессоръ Рау, говоритъ, что это повышеніе стоимости мелкихъ участковъ разорвало бы болѣе недавнихъ покупателей, если бы производительность мелкихъ участковъ не увеличивалась по крайней мѣрѣ въ такой же пропорціи, какъ и стоимость ихъ; а такъ какъ мелкіе собственники постепенно становятся все болѣе и болѣе зажиточными, не смотря на повышеніе цѣны, платимыхъ ими за землю, то онъ доказывается, съ очевидною справедливостью, что, повидимому, не только валовой доходъ мелкихъ имѣній, но также и чистый доходъ ихъ постепенно увеличивается, и что чистая прибыль съ акра тамъ, гдѣ земля обрабатывается мелкими собственниками, больше, нежели чистая прибыль съ акра земли, обрабатываемая крупнымъ собственникомъ. Онъ говоритъ, повидимому, справедливо, что возрожденіе земли въ мелкихъ имѣніяхъ не можетъ быть только результатомъ соперничества, иначе это возрожденіе уменьшило бы прибыль и благоденствіе мелкихъ собственниковъ, а такого явленія не послѣдовало за повышеніемъ цѣны на землю.

Другой знаменитый нѣмецкій писатель, Альбрехтъ Тауръ, писавшій о различныхъ системахъ земледѣлія, въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній (Grundsätze der rationellen Landwirtschaft) выражаетъ рѣшительное убѣжденіе, что чистый продуктъ земли больше тамъ, гдѣ она обрабатывается мелкими собственниками, нежели тамъ, гдѣ ее обрабатываютъ крупные собственники,

или их арендаторы... Это мнение Таэра темъ замѣчательнѣе, что въ болѣе раннемъ періодѣ своей жизни онъ былъ сильнымъ сторонникомъ англійской системы крупныхъ помѣстій и крупныхъ фермъ.

Изъ своего собственнаго наблюдения прибавляетъ: «крестьянское хозяйство въ Пруссіи, Саксоніи, Голландіи и Швейцаріи самое совершенное и расчетливое, какое мнѣ только приходилось гдѣ-либо видѣть» *).

§ 5. Но самымъ рѣшительнымъ примѣромъ для опроверженія англійскаго предубѣжденія противъ обработки земли крестьянами-собственниками можетъ служить Бельгія. По своей природѣ почва ея самая худшая во всей Европѣ. «Провинціи западной и восточной Фландрии и Геннегау, говоритъ Макъ-Куллохъ **), представляютъ далеко простирающуюся равнину, роскошная растительность которой указываетъ на неумный трудъ и заботу, затраченные на ея обработку, такъ какъ природная почва состоитъ почти исключительно изъ голаго песку, и теперешнее ея большое плодородіе есть всецѣло результатъ очень искуснаго веденія хозяйства и рациональнаго примѣненія различныхъ удобрений.» Существуетъ старательно составленный и понятный трактатъ о фламандскомъ хозяйствѣ, изданный Обществомъ Распространенія Полезныхъ Знаній въ «коллекціи фермера». (Farmer's Series of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge). Авторъ его замѣчаетъ ***), что для фламандскихъ земледѣльцевъ, «кажется нужно только мѣсто для того, чтобы на немъ работать, и каково бы ни было качество, или строеніе почвы, они съ теченіемъ времени заставятъ ее производить что-нибудь. Пески въ Камминскомъ округѣ могутъ быть сравнены только съ песками морского берега, которыми, вѣроятно, они нѣкогда и были. Въ высшей степени интересно прослѣдить шагъ за шагомъ ходъ усовершенствованій. Вы видите простую хлипкую съ хлѣбомъ, сооруженную въ мѣстности, повидному, очень мало обилующей. Подвижный, бѣлый песокъ, образующій неправильные валы, сдерживается лишь кучами вереска; только небольшое мѣсто выровнено и окружено канавой: часть этого мѣста покрыта молодымъ терномъ, часть засажена картофелемъ и, быть можетъ, кое-гдѣ встрѣтится маленький клочекъ тощаго клевера»; а темъ временемъ собирается твердое и жидкое удобреніе, «и это есть зародышъ, изъ котораго черезъ нѣсколько лѣтъ разовьется вокругъ небольшая ферма... Если подъ рѣзой нѣтъ удобренія, то только единственное растеніе, которое можетъ быть посеяно вначалѣ на чистомъ пескѣ, это — дликій терень; онъ растетъ на самой бесплодной почвѣ; черезъ три года его уже можно рѣзать, и хозяинъ начинаетъ получать извѣстный доходъ, продавая бучонникамъ и кприничникамъ пучки изъ его прутьевъ. Опадающія листья немного удобрили почву, а мочка корней сдѣлала ее нѣсколько плотнѣе. Теперь она можетъ

быть вспахана и засеяна гречихой или даже рожью безъ удобренія. Къ тому времени, когда поспѣетъ эта жатва, можетъ быть уже собрано нѣкоторое количество удобренія и можно начать правильнѣе рѣдъ посѣвовъ. Какъ только картофель и клеверъ дадутъ возможность фермеру держать коровъ и собирать удобреніе, улучшение пойдетъ быстро; въ нѣсколько лѣтъ почва подвергается совершенному измѣненію: она становится рыхлой, хорошо удерживаетъ влагу и богата растительными веществами, полученными отъ разложенія корней клевера и другихъ растений... Когда земля постепенно приведена въ хорошее состояніе и обрабатывается правильнымъ способомъ, то различіе между почвами хорошими отъ природы и почвами, которыя были сдѣланы такими съ помощью усерднаго труда, оказывается гораздо меньшимъ, чѣмъ въ началѣ. По крайней мѣрѣ, жатвы выходятъ приблизительно болѣе однородными, нежели въ странахъ съ почвой разнообразныхъ качествъ. Это служитъ важнымъ доказательствомъ совершенства фламандской системы, такъ какъ отсюда видно, что земля постоянно улучшается, и что недостатки почвы возмѣщаются болѣе внимательной распашкой и удобреніемъ, въ особенности послѣднимъ».

Народъ, работающій такъ усердно, потому что работаетъ для своей выгоды, въ продолженіе столѣтій употреблялъ тѣ принципы сѣвооборота и экономнаго удобренія, которые въ Англии приписываются къ новымъ открытіямъ; и даже теперь фламандское земледѣліе признается компетентными судьями въ общемъ выше англійскаго. «Обработка тощей и легкой почвы, или почвы посредственной», говоритъ авторъ сочиненія о фламандскомъ хозяйствѣ, «обыкновенно выше во Фландріи, нежели въ самыхъ усовершенствованныхъ фермахъ Англии съ такой же почвой. Мы сильно превосходимъ фламандскихъ фермеровъ размѣрами капитала, разнообразіемъ орудій обработки, выборомъ и воспитаніемъ скота и овецъ» (хотя, по свидѣтельству того же автора, они далеко опередили насъ въ способѣ кормленія своихъ коровъ *); «и вообще британскій фермеръ по образованію стоитъ гораздо выше фламандскаго крестьянина. Но въ отношеніи мелочнаго вниманія къ качествамъ почвы, умѣнья пользоваться и примѣнять различные роды удобренія, веденія выгодныхъ сѣвооборотовъ,—въ особенности въ отношеніи экономнаго обращенія съ землей, состоящаго въ томъ, чтобы каждая ея часть постоянно была производительной, мы еще можемъ кое-чему поучиться у фламандцевъ», и не у какихъ-нибудь исключительныхъ образованныхъ и предприимчивыхъ фламандскихъ хозяевъ, а вообще у всего фламандскаго хозяйства.

Въ мѣстностяхъ Фландрии, пашущихъ самую высшую обработку, значительную часть всей земли составляютъ владѣнія крестьянъ-собственникововъ, обрабатываемыя ими самими почти всецѣло или отчасти, съ помощью заступа **). «Если земля исключительно обрабатывается заступомъ, и въ хозяйствѣ нѣтъ лошадей, то на каждыя

*) Kay. I. 116 - 8.

**) Geographical Dictionary, статья „Belgium“.

***) Flemish Husbandry стр. 11—14.

*) Стр. 13.

**) Стр. 73 и слѣд.

три акра земли содержится корова, пища которой состоит только из кормовых трав и корнеплодов. Этот способ хозяйства главным образом распространен в Вессекме округѣ, гдѣ существуетъ очень мелкая собственность. Весь трудъ выполняется различными членами семьи; дѣти съ равнаго возраста «начинаютъ помогать въ разнообразныхъ мелкихъ работахъ, соответствующихъ ихъ возрасту и силѣ, какъ, напримеръ, въ полотьѣ, подпуживать растеній, кормленіи коровъ. Если семья можетъ собрать достаточное количество ржи и пшеницы для своего пропитанія и картофеля, рѣпы, моркови и клевера для корма своихъ коровъ, то ея положеніе хорошо; а продукты, предназначенные для продажи, какъ ралсъ, ленъ, конопля и масло, за вычетомъ всегда значительнаго расхода на покупку удобренія, даютъ выгъ хороший доходъ. Предположимъ, что размѣръ участка равенъ шести акрамъ; ладѣніе такого размѣра встрѣчается очень часто и можетъ обрабатываться однимъ человѣкомъ»; въ такомъ случаѣ (судя по описанію обработки), «если считать человѣка съ его женой и тремя дѣтьми за три съ половиной взрослыхъ человѣка, то для такой семьи потребуется тридцать девять бушелей хлѣба, сорокъ девять бушелей картофеля, откормленна свинья и молоко и масло отъ одной коровы. Полтора акра земли произведутъ нужный хлѣбъ и картофель, а также дадутъ нѣкоторое количество зерна для того, чтобы закончить откормъ свиньи, которая обыкновенно питается сывороткой; другой акръ, занятый морковью, клеверомъ, картофелемъ и брюквою, съ избыткомъ прокормитъ корову; слѣдовательно, двухъ съ половиною акровъ земли достаточно для того, чтобы прокормить эту семью, а продукты съ другихъ трехъ съ половиною акровъ могутъ быть проданы для уплаты ренты или процента на занятый капиталъ, для покупки орудій, для покупки добавочнаго удобренія и для приобретения одежды для семьи. Но эти послѣдніе акры самые доходные, такъ какъ на нихъ разводятся ленъ, конопля, полсвая рѣпа; а употребивъ подъ клеверъ и корнеплоды еще одинъ акръ земли, можно будетъ держать вторую корову и продавать получаемые отъ нея продукты. Итакъ, мы пришли къ рѣшенію задачи, какъ семья можетъ жить и благоденствовать при шести акрахъ посредственной земли». Доказавъ вычисленіемъ, что это пространство земли можетъ обрабатываться самымъ совершеннымъ способомъ еплами семьи безъ всякой помощи наемнаго труда, авторъ продолжаетъ: «На фермѣ въ десять акровъ, обрабатываемой исключительно заступомъ, увеличеніе семьи однимъ человѣкомъ и одной женщиной значительно облегчитъ всѣ работы; а съ лошадыю и телегой для перевозки удобренія и свозки на ферму продуктовъ, а также отъ времени до времени для боронованія, можно очень хорошо обрабатывать пятнадцать акровъ»... Послѣ нѣсколькихъ страницъ подробнаго описанія и вычисленія авторъ говоритъ: *) «Такимъ образомъ мы видимъ, что въ хозяйствѣ, въ которомъ земля обрабатывается заступомъ, трудолюбивый человѣкъ съ небольшимъ капиталомъ, занимая только

*) Flemish Husbandry. стр. 81.

пятнадцать акровъ хорошей легкой земли, можетъ не только существовать и воспитывать семью, но и можетъ при этомъ *платить значительную ренту* и въ теченіе своей жизни скопить еще значительную сумму денегъ». Но развѣ неутомимое трудолюбіе, съ которымъ этотъ человѣкъ выполняетъ свою работу, и значительная часть котораго расходуется не только на воздѣлываніе, но и на улучшеніе самой земли для отдаленной выгоды—развѣ это трудолюбіе не происходитъ отъ того, что платить ренты *не нужно*? Могло ли бы оно существовать безъ увѣренности въ дѣйствительно прочномъ владѣніи?

Что же касается до образа жизни, «то фламандскіе фермеры и рабочіе живутъ гораздо экономнѣе, нежели тотъ же классъ въ Англии: за исключеніемъ воскресныхъ дней и времени жатвы, они рѣдко ѣдятъ мясо; паханье и картофель съ чернымъ хлѣбомъ составляютъ ихъ ежедневную пищу». По такого рода признакамъ, англійскіе путешественники, проносясь по Европѣ, объявляютъ, что крестьяне всѣхъ континентальныхъ странъ находятся въ бѣдственномъ и жалкомъ положеніи, что европейская земледѣльческая и социальная система несостоятельна, и что только при англійской системѣ рабочій благоденствуетъ; въ дѣйствительности же англійская система единственная, при которой рабочій, какъ бы хорошо, или дурно ни было его положеніе, никогда не стремится къ лучшему. Англійскіе рабочіе настолько мало привыкли считать возможнымъ не тратить весь свой заработокъ, что англійскіе путешественники обыкновенно ошибочно принимаютъ признаки бережливости за признаки бѣдности. Обратимъ вниманіе на истинное объясненіе этого явленія.

«Такимъ образомъ *фламандскіе крестьяне постепенно накапливаютъ капиталъ*, и приобрѣтаютъ землю въ собственность—для нихъ вопросъ честолюбія. Они съ жаромъ пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы купить небольшую ферму, и цѣна земли такъ поднята, благодаря соперничеству, что ферма приноситъ доходъ не много болѣе двухъ процентовъ на покупную сумму. Крупная собственность постепенно исчезаетъ и раздѣляется на мелкіе участки, которые продаются по высокой цѣнѣ. Но богатство и трудолюбіе населенія постоянно увеличиваются, разсыпаясь между всей массой его, а не скопляясь въ отдѣльныхъ рукахъ».

Рядомъ съ такими фактами, общезвѣстными и доступными для проверкы, немного странно встрѣтить, что Фландрію приводятъ какъ примѣръ, говорящій не за, а противъ крестьянской собственности. Защитники этого послѣдняго мнѣнія основываются ни на чемъ иномъ, какъ на предполагаемомъ излишкѣ населенія во Фландріи, считая доказательствомъ этого излишка голодъ среди крестьянъ Брабанта и Восточной Фландріи въ бѣдственномъ 1846—47 году. Доказательства, приведенныя мною изъ автора, знакомаго съ предметомъ и не стремящагося поддерживать какия-нибудь экономическія теоріи, показываютъ, что какъ бы ни былъ жестокъ этотъ голодъ, онъ происходилъ вовсе не отъ того, что эти маленькія владѣнія не способны удовлетворять въ изобиліи при обыкновенныхъ обстоятельствахъ потребности живущихъ на нихъ людей. Голодъ произо-

шелъ отъ неизбежнаго условія, которому подвержены всѣ люди, добывающіе свою пищу съ собственной земли,—условія, заключающагося въ томъ, что эти люди должны переносить сами бѣдствія, происходящія отъ непостоянства погоды, и не могутъ сложить ихъ на другихъ потребителей, какъ дѣлаютъ крупныя фермы. Если мы вспомнимъ, что въ 1846 году были мѣстные неурожаи хлѣба и почти повсемѣстный неурожай картофеля, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такомъ чрезвычайномъ несчастіи продукта шести акровъ земли, половина которыхъ была засѣяна льномъ, не хватило для годичнаго продовольствія семьи. Но мы не должны сравнивать бѣдствующаго фламандскаго крестьянина съ англійскимъ капиталистомъ, обрабатывающимъ нѣсколько сотъ акровъ земли. Будь англичанинъ на мѣстѣ этого крестьянина, онъ былъ бы не капиталистомъ, а поденнымъ рабочимъ у капиталиста. Да развѣ въ Англии нѣтъ голода между поденными рабочими во время неурожая? Развѣ его не было въ тотъ годъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни мелкихъ собственниковъ, ни мелкихъ фермеровъ? По моему мнѣнію, нѣтъ основанія предполагать, что голодъ въ Бельгій былъ сильнее, нежели во всякой другой странѣ при такомъ же урожаѣ *).

§ 6. Картина благотворнаго вліянія крестьянской собственности на островахъ Британскаго канала имѣетъ такой несомнѣнный характеръ, что я не могу не присоединить къ уже приведеннымъ мною многочисленнымъ ссылкамъ части описанія экономическихъ условій на этихъ островахъ, которое сдѣлано писателемъ, соединяющимъ личныя наблюденія съ внимательнымъ изученіемъ свѣдѣній, собранныхъ другими. Вильямъ Торнтонъ въ своей книгѣ, «Plea for Peasant Proprietors», заслуживающей, по собранному въ ней матеріалу и по обработкѣ, того, чтобы быть признанной образцовымъ произведеніемъ по этому вопросу, говоритъ объ островѣ Гернзей слѣдующее: «Даже въ Англии не посылается на рынокъ такого большого количества продуктовъ съ такого ограниченнаго пространства земли. Это само по себѣ должно показывать, что земледѣльцы далеки отъ состоянія бѣдности, такъ какъ, будучи полными владѣльцами продуктовъ, собранныхъ ими, они безъ сомнѣнія продаютъ вообще только то, въ чемъ они не нуждаются. Но и помимо того, ихъ

*) Последнее время слышались жалобы, касающіяся голода въ Бельгій; однако это бѣдствіе имѣетъ болѣе или менѣе постоянный и общій характеръ только для той части населенія, которая занимается обрабатывающими промыслами или самостоятельно, или въ связи съ земледѣліемъ. Тяжелое положеніе рабочихъ въ этомъ случаѣ зависитъ отъ уменьшенія спроса на предметы бельгійской обрабатывающей промышленности.

Къ предыдущимъ свѣдѣніямъ, касающимся Германіи, Швейцаріи и Бельгій, можно присовокупить слѣдующія слова Нибура относительно Римской Кампаніи. Въ одномъ письмѣ изъ Тиволи онъ говоритъ: «Вездѣ, гдѣ существуютъ настоятельные арендаторы и мелкіе собственники, вы найдете трудолюбіе и честность. Я думаю, что если бы кто-нибудь рѣшился затратить большое состояніе на устройство мелкаго земледѣлія, то онъ положилъ бы конецъ разбоямъ въ горныхъ округахъ». — *Leben und Briefe, von Niebuhr. T. II стр. 49.*

хорошее положеніе очевидно для каждаго наблюдателя. «Самая счастливая община, какую мнѣ только приходилось встрѣчать», говоритъ Гимль, «находится на этомъ небольшомъ островѣ Гернзей». «Все равно», говоритъ Георгъ Гедъ, «къ какому пункту ни направитъ бы путешественникъ свой путь, вездѣ онъ встрѣтитъ благосостояніе». Англійскаго путешественника, въ первый разъ выходящаго или выѣзжающаго за границы порта св. Петра, болѣе всего поражаетъ видъ жилищъ, которыми густо усеяна мѣстность. Многія изъ нихъ настолько хороши, что въ его странѣ они бы принадлежали людямъ средняго достатка; но онъ затруднится угадать, какой классъ людей живетъ въ другихъ домахъ, которые не настолько велики, какъ дома фермеровъ, но почти всегда во всѣхъ отношеніяхъ слѣшкомъ хороши для рабочихъ... На всемъ островѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ жилищъ, буквально нѣтъ ни одного дома, подобнаго жилищу англійскаго рабочаго на фермѣ... «Взгляните на лачуги англійскихъ рабочихъ», говоритъ де-л' Иль Брокъ, бывший бальн острова Гернзей, «и сравните ихъ съ ваттедами нашихъ крестьянъ»... Нищія совершенно не извѣстны здѣсь... Пауперизмъ, по крайней мѣрѣ, пауперизмъ между людьми, способными къ труду, почти такъ же рѣдокъ, какъ и нищенство. Отчеты сберегательныхъ касъ также свидѣтельствуютъ объ общемъ изобиліи, какимъ пользуется рабочій классъ на островѣ Гернзей. Въ 1841 году въ Англии изъ населенія приблизительно въ пятнадцать милліоновъ въ сберегательной касѣ было менѣе 700000 вкладчиковъ, или одинъ на каждыя двадцать душъ, а средняя величина вклада равнялась 30 ф. На островѣ Гернзей въ томъ же году изъ населенія въ 26000 число вкладчиковъ было 1920 и средняя величина вклада была въ 40 ф.» *).

Торнтонъ приводитъ массу доказательствъ успѣшности и производительности дѣльнаго земледѣлія при существованіи мелкой собственности, и изъ нихъ онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Итакъ, мы видимъ, что на двухъ главныхъ островахъ Британскаго канала земледѣльческое населеніе въ пныхъ мѣстахъ въ два, въ другихъ, въ три раза гуще, нежели въ Великобританіи, а именно: въ Великобританіи на одного земледѣльца приходится двадцать два акра обрабатываемой земли, тогда какъ на о. Джерсей на одного земледѣльца приходится 11 акровъ, а на о. Гернзей—семь акровъ. Между тѣмъ, земледѣліе этихъ острововъ, кромѣ земледѣльцевъ, содержитъ еще и неземледѣльческое населеніе, которое въ сравненіи съ британскимъ неземледѣльческимъ населеніемъ въ четыре или пять разъ гуще. Это различіе происходитъ не отъ какого-нибудь превосходства почвы и климата на этихъ островахъ, такъ какъ почва ихъ отъ природы скорѣе бѣдна, а климатъ не лучше, чѣмъ въ южныхъ графствахъ Англии. Оно всецѣло происходитъ отъ неутоннаго трудолюбія фермеровъ и отъ изобильнаго пользованія удобрениями **).

*) A Plea of Peasant Proprietors. By William Thomas Thornton. стр. 99—104.

**) Ibid. p. 38.

«Въ 1837 году», говоритъ Торнтонъ въ другомъ мѣстѣ *), «среднее количество пшеницы, собранное крупными англійскими фермерами, равнялось только двадцати одному бушелю съ акра, а самое высокое среднее число для одного графства было не болѣе двадцати шести бушелей. Съ того времени урожаи въ Англии въ среднемъ не превышали 30 бушелей съ акра. Тогда какъ на о. Джерсей, гдѣ средній размѣръ фермы не болѣе шестнадцати акровъ, количество пшеницы съ акра въ 1834 году было опредѣлено Инглисомъ въ среднемъ въ 34 бушеля; при этомъ официальные таблицы за пятнадцатіе отъ 1828 по 1833 г. показываютъ, что оно равнялось 40 бушелямъ. На о. Геризей, гдѣ фермы епископа мелче, четыре квартала съ акра, какъ говоритъ Ингельсъ, считаются хорошимъ, но довольно обыкновеннымъ урожаемъ». Тридцать шиллинговъ за акръ въ Англии считается очень хорошей рентой для средней земли; но на островахъ Британскаго канала только самыя худшія земли не приносятъ четырехъ фунтовъ ренты.

§ 7. Французскія условія обыкновенно служатъ основаніемъ для выводовъ, неблагоприятныхъ для крестьянской собственности; утверждаютъ, что именно во Франціи эта система землевладѣнія принесла уже свои плоды въ видѣ самаго жалкаго земледѣлія, какое только возможно, и что она, вслѣдствіе раздробленія земли, быстро ведетъ, если уже не довела, крестьянство до предѣла голоданія. Трудно объяснить господство убѣжденія, настолько противоположнаго истинѣ. Земледѣліе во Франціи было въ жалкомъ положеніи, а крестьянство въ большой нищетѣ до революціи. Въ то время крестьяне не все были собственниками, какъ теперь. Но все же и тогда было нѣсколько большихъ округовъ во Франціи, гдѣ земля въ значительномъ размѣрѣ находилась въ собственности у крестьянъ; изъ этихъ округовъ многіе представили выдающееся исключеніе изъ общаго дурнаго положенія земледѣлія и общей бѣдности. Неоспоримымъ авторитетомъ въ этомъ вопросѣ можетъ служить Артуръ Юнгъ, ярый противникъ мелкихъ хозяйствъ, корифей современной англійской школы агрономовъ, который путешествовалъ почти по всей Франціи въ 1787—89 годахъ и встрѣчалъ земледѣліе, замѣчательное по своему совершенству;—онъ, не колеблясь, приписываетъ это земледѣліе крестьянамъ-собственникамъ. «Покнувъ Совъ», говоритъ онъ **), я былъ очень пораженъ большимъ пространствомъ земли, повидному, ничего не представляющей, кромѣ громадныхъ скалъ: тѣмъ не менѣе большая часть этой земли была огорожена и засажена со старательнымъ вниманіемъ. Каждый человѣкъ имѣлъ здѣсь нѣсколько оливковыхъ, тутовыхъ, миндаляныхъ, или персиковыхъ деревьевъ, между которыми разбросаны кусты винограда; такъ что вся земля покрыта самой странной, какую только можно вообразить, смѣсью этихъ растений и торчащихъ скалъ. Жители этой деревни за свое трудолюбіе заслуживаютъ поощренія, и если бы я былъ французскимъ министромъ, я бы имъ далъ его. Онъ скоро

обратилъ бы все окружающія ихъ пустыни въ сады. Я думаю, что эта горсть земледѣльцевъ обращаетъ свои скалы въ плодородную почву вслѣдствіе того, что онѣ составляютъ ихъ собственность; эти люди сдѣлали бы то же и съ пустошамъ, если бы были одушевлены тѣмъ же всесплывнымъ принципомъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *) «И былъ въ Россендалѣ, близъ Дюнкирхена, гдѣ Лебретъ произвелъ въ почвѣ донъ улучшенія, которыя онъ мнѣ очень обязательно показывалъ. Между Дюнкирхеномъ и этимъ мѣстомъ встрѣчается много чистыхъ, небольшихъ домиковъ, расположенныхъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ садами и однимъ или двумя огороженными полями на самомъ печальномъ движущемся пескѣ донъ, отъ природы бѣломъ, какъ снѣгъ, но улучшенномъ съ помощью труда. Волшебная сила собственности превращаетъ песокъ въ золото. Далѣе онъ говоритъ: **) «выѣхавъ изъ Ганжа, я былъ удивленъ, встрѣтивъ орошеніе полей въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ во Франціи мнѣ еще нигдѣ не приходилось его видѣть; потомъ я проѣхалъ мимо нѣсколькихъ крупныхъ горъ, обращенныхъ въ террасы и прекрасно обработанныхъ. Сильное орошеніе также имѣлъ въ Сентъ-Лоранѣ. Эта мѣстность представляетъ интересное зрѣлище для фермера. Путь отъ Ганжа до невоздѣланнаго края горъ, который я переѣхалъ, былъ самой интересной повѣзкой, какую только мнѣ приходилось дѣлать во Франціи; здѣсь повсюду видны самое сильное напряженіе трудолюбія, самое сильное оживленіе. Дѣятельность дѣйствіемъ населенія побѣдила все препятствія и покрыла зеленую голыя скалы. Спрашивать о причинѣ такой дѣятельности было бы оскорбленіемъ здравому смыслу; все это вызвано *собственностью*. Дайте человѣку въ вѣчное владѣніе голую скалу, и онъ превратитъ ее въ садъ; отдайте ему на девятилѣтній срокъ садъ, и онъ обратитъ его въ пустыню».

Въ описаніи страны, лежащей у подошвы западныхъ Пиренеевъ, онъ говоритъ уже не по предположенію, а на основаніи точныхъ свѣдѣній. «По дорогѣ въ Монень ***) мнѣ въ скоромъ времени представилось зрѣлище, настолько новое для меня во Франціи, что я съ трудомъ могъ вѣрить своимъ глазамъ. Я увидѣлъ цѣлый рядъ прекрасно построенныхъ, опрятныхъ и комфортабельныхъ деревенскихъ домиковъ, сложенныхъ изъ камня и покрытыхъ черепицей; возлѣ каждаго изъ нихъ находился большой садъ со множествомъ персиковъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ, окруженный подстриженной, колючей, живой изгородью; между изгородью возвышаются тамъ и сямъ прекрасныя дубы, а молодыя деревья заштаны съ такимъ стараніемъ, какое только можетъ проявить заботливый хозяинъ. Возлѣ каждаго дома находится прекрасно огороженная ферма, съ выкошенными и чисто содержанными межами вокругъ нивъ, съ воротами для прохода съ одного участка на другой. Тѣ мѣстности Англии, гдѣ еще остались мелкіе юмены, напо-

*) A Plea of Peasant Proprietors. By William Thomas Thornton, p. 9
**) Arthur Young's Travels in France, vol. I, p. 50.

*) Arthur Young's, Travels in France, vol. I, p. 55.
**) Ibid. p. 51.
***) Ibid. vol. I.

минаютъ этотъ Беарнскій округъ; но у насъ очень мало мѣсть, похожихъ на тѣ, какія я видѣлъ во время своего переѣзда въ 12 миль пзъ По въ Монентъ. Вся эта земля находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, но она не настолько раздроблена, чтобы отъ этого страдало экономическое и нравственное состояніе населенія. Чистота, усердіе и благосостояніе проявляются повсюду. Дозакательства этого можно видѣть во вновь построенныхъ домахъ, въ небольшихъ садикахъ, въ изгородяхъ, во дворахъ передъ домами, даже въ постройкахъ для птицы и въ хлѣвахъ для свиней. Крестьянинъ не подумаетъ устроить поудобнѣ свинью, когда его собственное благоденствіе виситъ на вѣточкѣ девятилѣтняго контракта. Мы теперь находимся въ Беарнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мѣста рожденія Генриха IV. Быть можетъ, эти мѣста унаслѣдовали благословеніе этого добраго государя? Кажется, будто бы великодушный геній этого монарха еще и до сихъ поръ царитъ надъ этой страной: у каждаго крестьянина *есть курица во сунѣ*. Юнгъ часто упоминаетъ о превосходномъ состояніи земледѣлія во французской Фландріи, гдѣ всѣ фермы «очень невелики и многія изъ нихъ находятся въ рукахъ мелкихъ собственниковъ» *). Въ Pays de Saix, гдѣ также существуетъ много мелкихъ владѣній, земледѣліе было въ очень печальномъ состояніи; онъ объясняетъ это тѣмъ, что «страна была промышленная и земледѣліе было занятіемъ второстепеннымъ сравнительно съ хлопчатобумажнымъ, фабричнымъ производствомъ, которое имѣло широкое распространеніе **). Этотъ же самый округъ и до сихъ поръ остался фабричною мѣстностью и страной мелкой собственности, тѣмъ не менѣе теперь, судя по виду его нивъ, а также и по официальнымъ отчетамъ, онъ принадлежитъ къ наиболее обработаннымъ мѣстностямъ во Франціи. «Во Фландріи, Эльзасѣ и въ части Артуа, а также по берегамъ Гаронны, Франція обладаетъ земледѣліемъ равнымъ нашему» ***). Эти округа и значительная часть Керси «обработаны скорѣе какъ сады, нежели какъ фермы. Можетъ быть, они такъ сильно напоминаютъ сады вълѣдствіе того, что участки владѣльцевъ очень мелки» ****). Въ этихъ округахъ уже тогда примѣнялся повсемѣстно прекрасный сѣвооборотъ, который такъ долго существовалъ въ Италіи, но къ которому въ то время въ прочей Франціи относились съ пренебреженіемъ. Быстрая смена жатвъ, при которой уборка одного растенія служитъ сигналомъ для немедленнаго посѣва другого (фактъ, поражающій всѣхъ наблюдателей въ долинахъ Рейна), едва ли можетъ быть доведена до большаго совершенства. Впрочемъ, самый важный вопросъ въ хозяйствѣ состоитъ въ томъ, чтобы послѣдовательныя жатвы были расположены такъ целесообразно, какъ мы находимъ въ этихъ провинціяхъ:—чтобы очистка и улучшение почвы одной жатвой служили подготовленіемъ для слѣдующей, которая истощаетъ и засоряетъ почву.

*) Joung, p. p. 322—4.

**) Ibid. p. 325.

***) Ibid. vol. 1, p. 357.

****) Ibid. p. 364.

Однако, не слѣдуетъ думать, что свѣдѣтельства Артура Юнга по поводу крестьянской собственности всегда благоприятны. Въ Лотарингіи, Шампани и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ онъ находитъ земледѣліе дурнымъ, а положеніе собственниковъ очень печальнымъ, какъ онъ говоритъ, вслѣдствіе чрезвычайной раздробленности земли. Свое мнѣніе онъ выражаетъ такимъ образомъ: *) «До моего путешествія я предполагалъ, что мелкія фермы, составляющія собственность земледѣльца, очень способствуютъ хорошей обработкѣ, и что владѣлецъ подобной фермы, не обязанный платить ренты, можетъ имѣть достаточно средствъ для того, чтобы производить усовершенствованія и энергично вести свое хозяйство;—однако то, что я видѣлъ во Франціи, въ сильной степени ослабило мое хорошее мнѣніе о мелкихъ фермахъ. Во Фландріи я видѣлъ превосходныя хозяйства, принадлежащія собственникамъ отъ 30 до 100 акровъ; но здѣсь вы рѣдко найдете такія маленькія владѣнія, какія очень часто встрѣчаются въ другихъ провинціяхъ. Въ Эльзасѣ и по Гароннѣ, т. е. на чрезвычайно плодородныхъ почвахъ, не требующихъ большой затраты труда, встрѣчается нѣсколько мелкихъ хорошио обработанныхъ владѣній. Въ Беарнѣ я проѣзжалъ черезъ мѣстность, занятую мелкими землевладѣльцами, вѣнпшій видъ, чистота, довольство и благосостояніе которыхъ меня очаровали; все это было слѣдствіемъ того, что можетъ произвести только мелкая собственность; но эти участки не были слишкомъ малы: на сколько я могу судить по разстоянію между домами, каждый участокъ имѣетъ отъ 40 до 80 акровъ. Кромѣ этого примѣра и очень немногихъ другихъ, въ мелкой собственности я не видѣлъ ничего хорошаго за исключеніемъ самаго неутюжимаго трудолюбія. Надобно, чтобы читатель всегда помнилъ, что хотя земледѣліе въ большинствѣ разнообразныхъ примѣровъ мелкой собственности было такъ дурно, какъ только можно себя вообразить, тѣмъ не менѣе трудолюбіе мелкаго собственника такъ замѣчательно и такъ похвально, что никакимъ оцѣнка не была бы слишкомъ высока для него. Мы могли видѣть, что изъ всѣхъ видовъ собственности, собственность земельная служитъ самымъ сильнымъ побужденіемъ къ суровому и непрерывному труду. Эта истина имѣетъ такую силу и значеніе, что я не знаю другого болѣе вѣрваго способа распространить обработку на горныя вершины, какъ позволить сосѣднимъ поселеніямъ прибрѣтать землю въ собственность; и дѣйствительно, мы видимъ, что въ горахъ Лангедока и въ другихъ мѣстностяхъ жители перетаскивали землю корзинами на своихъ плечахъ для того, чтобы образовать почву тамъ, гдѣ природа отказала въ ней».

Итакъ, можно сказать, что этотъ знаменитый агрономъ и проповѣдникъ системы крупнаго хозяйства по опыту пришелъ къ тому заключенію, что результаты мелкихъ владѣній, обрабатываемыхъ крестьянами-собственниками, превосходны, когда эти владѣнія не слишкомъ малы, а именно если участки не настолько малы, что время и вниманіе всей семьи не вполнѣ заняты. Онъ часто жа-

*) Joung, p. 412.

дуются—и, повидимому, съ большимъ основаніемъ—на то, что крестьяне, владѣющіе очень мелкими участками земли, имѣютъ много свободнаго времени, хотя они и трудятся съ величайшимъ усердіемъ надъ улучшеніемъ своихъ участковъ всѣми способами, которые только можетъ внушить имъ ихъ знаніе и изобрѣтательность. Поэтому, онѣ предлагаютъ, чтобы закономъ была опредѣлена извѣстная граница раздробленія земли. Подобное предложеніе вовсе нельзя назвать безосновательнымъ для тѣхъ странъ,—если только тѣя существуютъ,—гдѣ раздробленіе земли все еще продолжается, несмотря на то, что оно зашло уже дальше, чѣмъ это совмѣстимо съ разбѣромъ существующаго капитала и свойствами главныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Если бы каждый крестьянинъ имѣлъ, хотя бы даже на правѣ полной собственности, клочекъ земли, слишкомъ малый для того, чтобы доставлять благосостояніе своему владѣльцу, то такая система землевладѣнія заключала бы въ себѣ всѣ невыгоды и едва-ли какую-нибудь изъ выгодъ мелкой собственности. Такой крестьянинъ долженъ или жить въ бѣдности на продукты своей земли, или находиться въ зависимости отъ заработной платы, какъ это обыкновенно бываетъ и тогда, когда онъ не имѣетъ собственной земли. Если же всѣ владѣнія, окружающія его, будутъ такъ же малы, то у него мало будетъ надежды получить и это средство къ существованію. Мелкіе крестьянскіе участки могутъ быть выгодны только подъ условіемъ, чтобы они не были слишкомъ дробны, т. е. чтобы населеніе, живущее на нихъ, не было слишкомъ велико по отношенію къ тому количеству продукта, какое можетъ быть собрано съ нихъ этимъ населеніемъ. Какъ и большинство вопросовъ относительно положенія рабочаго класса, этотъ вопросъ приводитъ насъ къ теоріи населенія. Необходимо рассмотреть, способствуетъ ли мелкая собственность чрезмерному размноженію населенія или она сдерживаетъ его?

ГЛАВА VI.

Продолженіе.

§ 1. Прежде чѣмъ разсматривать конечное вліяніе крестьянской собственности на экономическое положеніе рабочаго класса,—вліяніе, зависящее отъ возрастанія населенія.—мы должны опредѣлить въ общихъ чертахъ нравственные и социальные послѣдствія поземельнаго строя. Можно считать, что эти послѣдствія выяснены или самой сущностью дѣла, или фактами и свидѣтельствами, приведенными въ предыдущей главѣ.

Читатель, незнакомый съ предметомъ, долженъ быть пораженъ гнѣвомъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на всѣхъ, упомянутыхъ мною, писателей трудолюбіе крестьянъ-собственниковъ, которое одинъ швейцарскій писатель называетъ «почти сверхчело-

вѣческимъ» *). Во всякомъ случаѣ, относительно этого вопроса всѣ авторитеты говорятъ одно и то же. Люди, видѣвшіе только одну страну съ крестьянской собственностью, обыкновенно считаютъ ее жителями самыми трудолюбивыми во всемъ мірѣ. Всѣ наблюдатели вообще не сомнѣваются по поводу того, съ какой ослѣпительной чертой въ положеніи крестьянъ связано это, выходящее изъ ряда, трудолюбіе. Эта черта заключается въ «магической силѣ собственности», по выраженію Артура Юнга, «обращающей песокъ въ золото». Однако, понятіе о частной собственности не предполагаетъ, что ренты не должно быть, какъ не предполагаетъ и того, что не должно быть налоговъ. Оно только требуетъ, чтобы рента была опредѣленной, чтобы она не возвышалась въ ущербъ арендатора, вслѣдствіе его собственныя усовершенствованій или по желанію землевладѣльца. Фермеръ или наслѣдственный арендаторъ, платя ренту въ неизмѣнныя размѣрахъ, во всѣхъ отношеніяхъ будетъ собственникомъ земли; его положеніе будетъ такимъ же, какъ если бы онъ былъ независимымъ владѣльцемъ. Поэтому, желательно только постоянное владѣніе на опредѣленныхъ условіяхъ. «Дайте человѣку обезпеченное владѣніе голой землей, и онъ обратитъ ее въ садъ; отдайте ему въ аренду на девятилѣтній срокъ садъ, и онъ обратитъ его въ пустыню».

Примемъ во вниманіе подробности, приведенныя мною, и дальнѣйшія, которыя можно найти у тѣхъ же писателей относительно искусной системы земледѣлія, и относительно тысячи улучшеній крестьянина-собственника, имѣющихъ цѣлью употребить каждый лишній часъ и каждую свободную минуту съ пользой для какого-нибудь будущаго увеличенія продукта или стоимости земли. Эти факты объясняютъ связанное нами въ одной изъ предыдущихъ главъ **) по поводу того, почему при одинаковыхъ земледѣльческихъ познаніяхъ и одномъ и томъ же качествѣ почвы мелкія фермы даютъ гораздо большій валовой продуктъ, чѣмъ крупныя, по крайней мѣрѣ тогда, когда первыя составляютъ собственность земледѣльца. Трактатъ о фламандскомъ хозяйствѣ даетъ особенно много свѣдѣній относительно способствъ, благодаря которымъ крестьяне съ помощью неумолимаго трудолюбія съ излишкомъ вознаграждаютъ недостаточность своихъ средствъ, несовершенство своихъ орудій и незначеніе научныхъ теорій. Утверждаютъ, что крестьянское земледѣліе во Фландріи и Шталіи при одинаковыхъ условіяхъ почвы даетъ урожай значительно болѣе высокій, нежели земледѣліе наиболее обработанныхъ округовъ Англіи и Шотландіи. Конечно, оно производитъ эти урожаи съ затратой такого количества труда, что если бы этотъ трудъ оплачивался хозяиномъ, то онъ стоилъ бы значительно дороже приносимыхъ имъ выгодъ: но для крестьянъ онъ ничего не стоитъ: они тратятъ свое свободное время на любимое занятіе или, лучше сказать, на преобладающую страсть ***).

*) Der Canton Schaffhausen (см. выше), стр. 53.

**) См. выше книга I, гл. IX, § 4.

***). Стѣдуетъ прочесть живое описаніе у историка Мишле чувствъ крестьянина-собственника къ своей землѣ:

Мы видимъ также, что фламандскіе земледѣльцы достигаютъ блестящихъ результатовъ не одними только напряженными усиліями. Тѣ же мотивы, которые придаютъ силу ихъ трудолюбію, побуждая ихъ приобрести такое количество земледѣльческихъ знаній, какое и гораздо позднее не было достигнуто въ странахъ, гдѣ земледѣліе ведется исключительно наемнымъ трудомъ. Де-Лаврнь *) отзывается съ одинаково высокой похвалою о всѣхъ тѣхъ частяхъ Франціи, въ которыхъ «petite culture» дѣйствительно примѣняется. «Въ богатыхъ равнинахъ Фландріи, по берегамъ Рейна, Гаронны, Шаранты и Роны всѣ способы, дѣлающіе землю плодородной, увеличивающіе производительность труда, извѣстны самому мелкому земледѣльцу и примѣняются имъ, какіхъ бы значительныхъ затратъ они ни потребовали. Въ рукахъ жителей изобильное удобрение, собранное съ большими издержками, восстанавливаетъ и непрерывно увеличиваетъ плодородіе почвы, несмотря на дѣятельную эксплуатацію ея. Породы скота превосходны, жатвы великолѣпны. Въ однихъ мѣстахъ табакъ, морена, ленъ, свекла, полевая рѣпа, въ другихъ—виноградъ, маслина, сливы, шелковица доставляютъ свои изобильныя сокровища населенію трудолюбивыхъ работниковъ. Не обязаны ли мы также мелкимъ хозяевамъ болѣею частью садовыхъ продуктовъ, получаемыхъ съ помощью большихъ издержекъ въ окрестностяхъ Парижа?»

§ 2. Съ другой стороны, существенно необходимо рассмотретьъ, въ какой мѣрѣ крестьянская собственность способствуетъ просвѣ-

«Если бы мы захотѣли узнать сокровенную мысль, страсть французскаго крестьянина, то это очень легко сдѣлать. Отправимся въ воскресенье въ деревню и послѣдуемъ за нимъ. Вотъ онъ идетъ впередъ насъ. Теперь два часа; его жена у вечерни; онъ одѣтъ въ свое праздничное платье; я догадываюсь, что онъ идетъ цѣлѣнъ свою любовницу.

«Какую любовницу?—Свою землю.

«Я не говорю, что онъ идетъ прямо къ ней. Нѣтъ, онъ сегодня свободенъ и можетъ идти или не идти. Развѣ онъ не ходитъ въ продолженіе цѣлыя каждый день? Поэтому онъ поворачиваетъ въ сторону, идетъ другой дорогой, у него есть дѣло въ другомъ мѣстѣ. И однако, онъ пришелъ къ ней.

«Правда онъ проходилъ очень близко мимо нея и только воспользовался удобнымъ случаемъ. Онъ смотритъ на нее, но повидимому не заходитъ на нее; зачѣмъ же? Но тѣмъ не менѣе онъ всходитъ.

«По крайней мѣрѣ онъ навѣрное не будетъ работать; онъ въ своемъ праздничномъ платьѣ; на немъ чистая рубаха и блуза. Однако небольшой грѣхъ сорвать эту сорную травку, сбросить этотъ камень. Слѣдовало бы выкопать также нень, торчащій на дорогѣ; но съ нимъ вѣтъ его заступя; онъ сдѣлаетъ это завтра.

«Вотъ онъ складываетъ руки и предается созерцанію, серьезный и внимательный. Онъ смотритъ долго, очень долго и кажется совершенно погруженнымъ въ свои мысли. Наконецъ онъ замѣчаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, онъ видитъ прохожаго и медленно идетъ назадъ. Пройди шаговъ тридцать, онъ оборачивается, бросаетъ на свою землю послѣдній взглядъ, мрачный и глубокой; но для того, кто понимаетъ его, этотъ взглядъ полонъ страсти, сердечности и преданности.—Le Peuple. Michelet I, гл. 1.

*) Essai sur l'Economie Rurale de l'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande, 3-me éd., p. 127.

щенію. Книжки и обученіе положительно необходимы для воспитанія, но ихъ недостаточно. Умственные способности развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онѣ упражняются; а что можетъ доставить имъ болѣе упражненіе, чѣмъ обладаніе множествомъ интересовъ, на одномъ изъ которыхъ нельзя пренебречь, и которые для своего достиженія требуютъ разнообразныхъ усилій воли и ума? Нѣкоторые изъ противниковъ крестьянской собственности придаютъ особенное значеніе заботамъ и безпокойствамъ, одолавающимъ крестьянина-собственника прирѣйскихъ провинцій или Фландріи. Но именно эти заботы и безпокойства дѣлаютъ его существомъ болѣе развитымъ, чѣмъ англійскій поденный рабочий. Несомнѣнно, однако, что представлять положеніе поденнаго рабочаго свободнымъ отъ безпокойствъ будетъ недобросовѣстнымъ извращеніемъ истины. Если только онъ не рассчитываетъ на щедрую раздачу приходскихъ денегъ и не пытается стыда и отвращенія просить ихъ, то я не могу себѣ представить никакихъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ бы свободенъ отъ безпокойствъ, развѣ постояннo существуетъ возможность остаться безъ работы. При современномъ положеніи общества и населенія, у поденнаго рабочаго есть много заботъ, но ни одна изъ нихъ не придаетъ уму энергіи, а наоборотъ, всѣ онѣ угнетаютъ его. Совершенно не таково положеніе крестьянина-собственника во Фландріи. Мало найдется людей, болѣе свободныхъ, чѣмъ онъ, отъ неувѣренности въ насущномъ кускѣ хлѣба, которая парализуетъ энергію и приводитъ въ уныніе. Для того, чтобы онъ дошелъ до этой неувѣренности, необходимо такое рѣдкое стеченіе обстоятельствъ, какъ неурожай картофеля вмѣстѣ съ повсемѣстнымъ дурнымъ урожаемъ хлѣбовъ. Его безпокойства происходятъ отъ обычныхъ превратностей, удач и неудач; его заботы направлены на то, чтобы взять свою справедливую долю изъ жизни, чтобы остаться свободнымъ человекомъ и не находиться въ положеніи вѣчнаго ребенка, которое господствующая филантропія, повидимому, считаетъ естественнымъ для рабочаго класса. Крестьянинъ-собственникъ не представляетъ существа отличнаго отъ людей средняго класса; у него тѣ же цѣли, тѣ же занятія, которыя занимаютъ ихъ и вліяютъ преимущественно на развитіе ихъ ума. Если только существуетъ главный принципъ въ умственномъ развитіи, то онъ состоитъ въ томъ, что для ума полезны тѣ условія, которыя побуждаютъ его къ дѣятельности и не оставляютъ его пассивнымъ. Секретъ развитія способностей заключается въ томъ, чтобы доставить имъ болѣе дѣятельности и болѣе побужденій къ ней. Это несколько не уменьшаетъ важности и даже необходимости другихъ видовъ духовнаго развитія. Обладаніе собственностью не помѣшаетъ крестьянину быть грубымъ, эгоистичнымъ и неразвитымъ. Эти стороны характера зависятъ отъ другихъ вліяній и другихъ видовъ образованія. Но упомянутый нами великій стимулъ къ одного рода умственной дѣятельности ни въ какомъ случаѣ не вредитъ другимъ способамъ умственнаго развитія. Наоборотъ, привычка примѣнять на практикѣ каждую частичку приобретенныхъ знаній способствуетъ тому, чтобы сдѣлать плодотворнымъ школьное

обучение и чтение, которое без нея было бы в большинстве случаев подобно сѣмени, брошенному на скалу.

§ 3. Но положение крестьянина-собственника оказывает благотворное влияние не на одно только его умственное развитие. Это положение не менее благоприятно для таких нравственных качеств, какъ благоразуміе, умѣренность и самообладание. Поденные рабочіе тамъ, гдѣ рабочий классъ состоитъ главнымъ образомъ изъ инкхъ, обыкновенно бываютъ непредусмотрительными; они беззаботно тратятъ все свои средства, не думая о будущемъ. Это настоящее общезвѣстный фактъ, что многія лица, сильно заинтересованные въ благосостояніи рабочего класса, твердо убѣждены, что увеличение заработной платы принесетъ рабочимъ мало пользы, если не будетъ сопровождаться соответствующимъ развитіемъ ихъ вкусовъ и привычекъ. Настроение крестьянъ-собственниковъ и людей, надѣющихся сдѣлаться собственниками, совершенно иное; они даже слишкомъ много думаютъ о завтрашнемъ днѣ. Ихъ чаще обвиняютъ въ скупости, нежели въ разгачивности. Они отказываютъ себѣ въ благоразумныхъ удобствахъ, для того чтобы сдѣлать сбереженія, и живутъ въ нищетѣ. Въ Швейцаріи почти каждый, имѣющій какую-нибудь возможность сберегать, сберегаетъ. О такой же бережливости фламандскихъ крестьянъ мы уже упоминали. У французовъ, хотя ихъ и считаютъ народами, любящими удовольствія и наслажденія, въ сельскомъ населеніи духъ бережливости въ общемъ распространенъ очень широко, а у нѣкоторыхъ лицъ онъ доходитъ даже до чрезмѣрной степени. Между людьми, живущими въ лачугахъ и питающимися зеленью и кореньями, людьми, на которыхъ путешественники ошибочно указываютъ, какъ на доказательство и примѣръ общей бѣдности, многіе имѣютъ цѣлыя сокровища въ кожаныхъ сумкахъ, состоящіа изъ пятифранковыхъ монетъ; эти сокровища сохраняются, быть можетъ, въ теченіе цѣлаго поколѣнія, пока не обнаружатся тратой на удовлетвореніе самой любимой страсти крестьянъ, на покунку земли. Если и можно опасаться какого-нибудь нравственнаго вреда для общества, въ которомъ крестьяне владѣютъ землей, то этотъ вредъ заключается въ томъ, что послѣдніе слишкомъ много заботятся о своихъ денежныхъ дѣлахъ, и могутъ, поэтому, стать хитрыми и «разчетливыми» въ дурномъ смыслѣ этого слова. Французскій крестьянинъ—не простой деревенскій житель, а также и не чистосердечный «крестьянинъ береговъ Дуная» *); и въ дѣйствительности, и въ литературѣ онъ является теперь «хитрымъ крестьянникомъ». Вотъ то душевное состояніе, какого онъ достигъ въ силу постепеннаго развитія ума и личной свободы подъ давленіемъ звѣстныхъ социальныхъ условій. Но нѣкоторое пзпшество въ этомъ направленіи будетъ незначительнымъ и скоропроходящимъ зломъ по сравненію съ нерадивостью и непредусмотрительностью рабочихъ классовъ; это будетъ еще дешевая расплата за неосцѣненное достоинство полной независимости, если послѣдняя является общей чертой всего народа

* См. знаменитую басню Лафонтена.

Независимость составляетъ одно изъ главныхъ условій превосходства человеческой природы. Это стволъ, который долженъ имѣть сильныя корни для того, чтобы на немъ развились другія хорошія качества. Независимость необходима рабочему классу даже для того, чтобы достичь только сноснаго матеріальнаго благосостоянія; и она то и составляетъ качество, которое выгодно отличаетъ крестьянъ Франціи и прочихъ европейскихъ государствъ, гдѣ существуетъ крестьянская собственность, отъ другого рабочаго населенія.

§ 4. Но можетъ ли быть, чтобы экономическій строй, во всѣхъ отношеніяхъ способствующій возбужденію бережливости и благоразумія у людей, былъ бы вреденъ для нихъ съ точки зрѣнія основнаго экономического вопроса—вопроса о размноженіи населенія? Между тѣмъ такое мнѣніе выражается большинствомъ английскихъ экономистовъ, касавшихся этой темы. Мнѣніе Макъ-Куллока хорошо извѣстно. Джонсъ утверждаетъ *), что «на крестьянъ, получающихъ доходъ со своей земли и потребляющихъ его въ натуральномъ видѣ, очень слабо влияют внутреннія задержки и причины, располагающія къ ограниченію населенія. Вслѣдствіе этого, если какая-нибудь вишняя причина, совершенно не зависящая отъ воли самихъ крестьянъ, не заставитъ ихъ ослабить возрастаніе населенія, то они, будучи ограничены пзвѣстнымъ небольшимъ пространствомъ земли, скоро дойдутъ до состоянія полной нищеты, и въ концѣ концовъ ихъ размноженіе остановится только въ силу невозможности добыть пропитаніе». Въ другомъ мѣстѣ **) онъ говоритъ объ этихъ крестьянахъ, что «они находятся именно въ томъ состояніи, при которомъ животная расположенность къ размноженію менѣе всего сдерживается тѣми уравновѣшивающими мотивами и желаніями, какими регулируется размноженіе въ высшихъ сословіяхъ или у болѣе цивилизованнаго народа». Причины этой особенности Джонсъ общахъ разъяснить въ слѣдующемъ произведеніи, которое однако не появилось. Но я положительна не могу угадать, на основаніи какой теоріи человеческой природы и на основаніи какихъ мотивовъ, влияющихъ на человеческое поведеніе, онъ выводитъ ихъ. Артуръ Юнгъ считаетъ эту «особенность» дѣйствительно существующей; но хотя не въ его обыкновеніи смягчать свои взгляды, все же онъ не доводитъ своего ученія до такой чрезвычайной крайности, какъ Джонсъ, потому что онъ, какъ мы уже видѣли, убѣдился изъ разнообразныхъ примѣровъ въ томъ, что то крестьянское населеніе, о которомъ говоритъ Джонсъ, вовсе не стремится «къ положенію нужды и бѣдности» и вовсе не находится въ опасности дойти до «физической невозможности добыть пропитаніе».

Очень легко объяснить, почему относительно этого вопроса существуетъ такое разногласіе во мнѣніяхъ. Живетъ ли рабочее населеніе доходами съ земли, или заработной платой, оно всегда до сихъ поръ размножалось до предѣла, полагаемаго обычнымъ уровнемъ благосостоянія. Когда этотъ уровень взохъ и не превы-

*) Essay on the Distribution of Wealth. p. 146.

**) Ibid. p. 68.

шаетъ потребностей скуднаго существованія, то размѣръ собственности такъ же, какъ и размѣръ заработной платы доходятъ до той величины, при которой возможно только поддержаніе жизни. Чрезвычайно нязкое понятіе о томъ, что необходимо для существованія, вполне совмѣстимо съ крестьянской собственностью; и если люди всегда находились въ бѣдности, и привычка примиряла ихъ съ ней, то въ такомъ случаѣ всегда будетъ избытокъ населенія и чрезвычайное раздробленіе земли. Но это не касается нашего вопроса. Для того, чтобы прійти къ вѣрному рѣшенію его, мы предположимъ, что крестьяне владѣютъ участками земли, не очень мелкими, а достаточно большими для зажиточнаго существованія, и, сравнивъ этихъ крестьянъ съ наемными рабочими, пользующимися такимъ же благосостояніемъ, рассмотримъ: больше ли вѣроятія для первыхъ или для вторыхъ лишиться этого благосостоянія вслѣдствіе непредусмотрительнаго разположенія. Всѣ апіорныя соображенія говорятъ за то, что для крестьянина вѣроятія будетъ меньше. Зависимость заработной платы отъ размѣра населенія можетъ быть выяснена только съ помощью болѣе или менѣе сложнаго размышленія. Часто сомнѣваются въ способностяхъ паденія заработной платы вслѣдствіе сильнаго роста населенія, и для того, чтобы основательно рѣшить этотъ вопросъ, всегда требуется нѣкоторая степень развитія. Въ противоположность этому каждый крестьянинъ въ состояніи убѣдиться изъ очевидныхъ фактовъ, которые онъ вполне способенъ оцѣнить, могутъ ли жить съ его участка нѣсколько семей въ такомъ же достаткѣ, въ какомъ живетъ одна. Мало найдется людей, желающихъ оставить своихъ дѣтей въ худшемъ положеніи, чѣмъ то, какое они сами занимали. Отецъ, имѣющій возможность оставить дѣтямъ землю, вполне способенъ судить, дастъ ли она имъ достаточно средствъ къ существованію, или нѣтъ; но люди, живущіе заработной платой, не видятъ причины, почему бы ихъ сыновья не были въ состояніи такимъ же образомъ содержать самихъ себя, и вслѣдствіе этого полагаются на удачу. «Даже въ наиболѣе полезныхъ и необходимыхъ ремеслахъ и фабричныхъ производствахъ», говоритъ Лэингъ *), спросъ на рабочихъ не есть видимое, извѣстное, постоянное и измѣряемое требованіе; тогда какъ въ хозяйствѣ мелкихъ собственниковъ все заранее извѣстно. Хозяинъ земельного участка, вычисляя средства для своего существованія, точно знаетъ, какія работы ему нужно выполнить, и сколько пищи получить онъ путемъ этихъ работъ со своей земли. Можетъ или не можетъ его участокъ содержать семью? Можетъ ли самъ онъ жениться?—все это вопросы, на которые каждый крестьянинъ-собственникъ въ состояніи отвѣтить немедленно безъ сомнѣнія, или сложныхъ соображеній. Но тамъ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ для расчета, люди надѣются на случайность. Такое положеніе ведетъ къ легкомысленнымъ и непредусмотрительнымъ бракамъ, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ классахъ общества, и влечетъ за собою зло въ видѣ чрезмѣрнаго населенія. Надежда на удачу непременно вхо-

дитъ въ расчеты каждаго человѣка, когда нѣтъ увѣренности въ будущемъ, какъ это бываетъ тамъ, гдѣ вѣрныя средства къ существованію. вслѣдствіе современнаго распредѣленія имущества, достаются на долю не двумъ третямъ населенія, а только небольшою его частію).

Ни одинъ писатель такъ живо не понимаетъ эта, причиняемаго рабочему классу чрезмѣрнымъ населеніемъ, какъ Сисмонди, и это и было одною изъ причинъ его настойчивой защиты крестьянской собственности.—Онъ имѣлъ случай наблюдать болѣе, нежели въ одной странѣ, вліяніе крестьянской собственности на увеличеніе населенія. Посмотримъ же, что онъ говоритъ. «Въ странахъ, гдѣ еще существуютъ малые собственники, населеніе возрастаетъ правильно и быстро, пока не достигнетъ своихъ естественныхъ границъ, т. е., наследства продолжаютъ дѣлиться и подраздѣляться между многочисленными сыновьями до тѣхъ поръ, пока каждая семья съ помощью увеличенія труда еще можетъ извлекать одинаковый доходъ съ меньшаго количества земли. Отецъ, владѣющій обширными естественнымъ наслѣдствомъ, раздѣляетъ его между своими сыновьями, а они обращаютъ его въ поля и луга; ихъ сыновья въ свою очередь раздѣляютъ землю между своими сыновьями, которые уничтожаютъ залежи: каждый успѣхъ въ земледѣльческихъ званіяхъ допускаетъ слѣдующую ступень въ подраздѣленіи собственности. Но ни въ какомъ случаѣ собственникъ не будетъ воспринимать дѣтей для того, чтобы сдѣлать ихъ нищими. Онъ точно знаетъ, какое онъ можетъ оставить имъ наслѣдство; онъ также знаетъ, что законъ раздѣлить это наслѣдство поровну между ними; онъ видитъ предѣлы, за которыми раздѣленіе имущества заставило бы ихъ стать ниже положенія, занимаемаго имъ самимъ, и справедливая родительская гордость, общая, какъ крестьянину, такъ и дворянину, побуждаетъ его воздерживаться и не призывать къ жизни дѣтей, которыхъ онъ не можетъ надлежащимъ образомъ обезпечить. Если и родится дѣтей больше, чѣмъ слѣдуетъ, то, по крайней мѣрѣ, они не будутъ жениться, или порываться между собою, который изъ многочисленныхъ братьевъ долженъ продолжать родъ. Въ швейцарскихъ кантонахъ мы не находимъ крестьянскихъ участковъ настолько раздробленныхъ, чтобы владѣльцы ихъ были низведены ниже иностранную службу, достатка: хотя обыкновеніе навматься въ иностранную службу, открывая дѣтямъ неопредѣленную и не поддающуюся расчету, карьеру. иногда вызываетъ чрезмѣрное увеличеніе населенія *).

Подобное же свѣдѣтельство существуетъ и относительно Норвегій. Хотя здѣсь нѣтъ закона, или обычая, первородства, и нѣтъ фабрикъ, которыя бы давали занятіе излишку населенія, тѣмъ не менѣе раздробленіе земли здѣсь не доводится до вредныхъ размѣровъ. Раздѣленіе земли между дѣтьми, практикующеся въ теченіе 1000 лѣтъ, говоритъ Лэингъ **), «не довело земельной собственности до минимальныхъ размѣровъ, дающихъ только возможность под-

*) Notes of Traveller, p. 46.

*) Nouveaux Principes, книга III, гл. 3.

**) Laing.—Residence in Norway, p. 18.

держивать человеческое существование. Я насчитывалъ отъ двадцати пяти до сорока коровъ на фермахъ, и это въ странѣ, гдѣ хозяинъ долженъ имѣть помѣщеніе для всего скота и, по крайней мѣрѣ, на семь мѣсяцевъ въ году заготовить зимній кормъ. Очевидно, что нѣкоторая причина, вліяющая на соединеніе земельной собственности, противодействуетъ раздробленію ея между дѣтьми. Этой причиной можетъ быть только та, какая, по моему давнишнему предположенію, должна была бы дѣйствовать при подобномъ социальномъ устройствѣ, а именно: въ странѣ, гдѣ земля находится не въ арендномъ пользованіи, какъ въ Ирландіи, а въ полной собственности, и гдѣ дѣти наследуютъ въ равныхъ доляхъ,—раздробленіе земельныхъ имуществъ уравнивается соединеніемъ ихъ вслѣдствіе смерти сонаследниковъ и вслѣдствіе браковъ наследницъ съ людьми, имѣющими землю. Я думаю, что при подобномъ общественномъ устройствѣ вся масса земельной собственности должна состоять изъ опредѣленнаго числа владѣній, приносящихъ 1000 ф., 100 ф., или 10 ф. въ годъ, и это число владѣній должно сохраняться постоянно. Существованіе такого факта предполагается, что въ обществѣ распространена благоразумная воздержанность, сокращающая ростъ населенія, и мы можемъ съ полнымъ основаніемъ считать, что эта воздержанность вызывается отчасти тѣми особенно благоприятными для нея условіями, которыя заключаетъ въ себѣ крестьянская собственность.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи*, говоритъ Кэ**), «какъ, напримѣръ, въ Аргаускомъ кантонѣ, крестьянинъ никогда не женится раньше двенадцатилѣтняго возраста, и обыкновенно даже гораздо поздиѣе; а женщины въ томъ же кантонѣ, рѣдко выходятъ замужъ раньше тридцати лѣтъ... Раздробленіе земли и денежизна перехода ея отъ одного лица къ другому ведетъ къ предусмотрительности не только у однихъ деревенскихъ жителей. Эти причины вліяютъ такимъ же образомъ, хотя, можетъ быть, и въ меньшей степени, на жителей небольшихъ городовъ. Въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ рабочіи обыкновенно владѣтъ небольшимъ клочкомъ земли вблизи города. Этотъ клочекъ онъ обрабатываетъ по вечерамъ, какъ свой огородъ. Съ него онъ собираетъ овощи и фрукты для зимняго пропитанія своей семьи. Послѣ окончанія дневной работы, онъ со своей семьей отправляется на короткое время въ садъ, и тутъ онъ, судя по времени года, садитъ, сѣютъ, полютъ, или приговариваютъ почву для посѣва. Желаніе сдѣлаться владѣльцемъ одного изъ этихъ огородовъ имѣетъ сильное вліяніе на укрѣпленіе благоразумныхъ привычекъ и удерживаетъ отъ неблагоразумныхъ ораковъ. Нѣкоторые фабриканты Аргаускаго кантона передавали мнѣ, что горожанинъ рѣдко успокоится, пока не купитъ сада, или сада вмѣстѣ съ домомъ, и что городевіе рабочіе обыкновенно откладываютъ женитьбу съ цѣлью сберечь достаточно денегъ для такой покупки».

*) Vol. I. p. p. 67—9.

Тотъ же писатель на основаніи статистическихъ данныхъ показываетъ*), что въ Пруссіи средній возрастъ вступленія въ бракъ не только гораздо поздиѣе, нежели въ Англіи, «во постепенно становится все болѣе поздиѣе, чѣмъ былъ прежде: а между тѣмъ въ Пруссіи рождается гораздо меньше незаконныхъ дѣтей, чѣмъ во всякой другой европейской странѣ». «Повсюду, гдѣ я путешествовалъ, говоритъ Кэ, «въ сѣверной Германіи и Швейцаріи, мени все убѣждало, что желаніе приобрести землю, преобладающее у всѣхъ крестьянъ, служитъ самой сильной задержкой изпипняго роста населенія.»**).

Во Фландріи, по словамъ Фоша, англійскаго консула въ Остенде***), «сыновы фермеровъ и, вообще, люди, имѣющие возможность сдѣлаться фермерами, откладываютъ женитьбу до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ въ аренду фермы; а ставъ фермерами, они стремятся къ главной цѣли: сдѣлаться собственниками. «Первое, на что датчанинъ употребляетъ свои сбереженія», говоритъ Гераугъ****), консулъ въ Копенгагенѣ, «это на покупку часовъ, а потомъ на покупку коровы, или лошади, которыхъ онъ отдаетъ въ наемъ и получаетъ съ нихъ хорошій доходъ. Затѣмъ онъ стремится стать мелкимъ собственникомъ, такъ какъ этотъ классъ людей пользуется самымъ лучшимъ положеніемъ въ Даніи. И дѣйствительно, я не знаю ни въ одной странѣ людей, которые могли бы доставать все дѣйствительно необходимое для жизни легче, чѣмъ этотъ классъ, очень многочисленный по сравненію съ рабочими».

Но примѣромъ, наиболѣе ясно опредѣляющимъ предполагаемую склонность крестьянъ-собственниковъ къ чрезмѣрному размноженію, можетъ служить Франція: хотя крестьяне-собственники въ этой странѣ находятся не въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ значительная часть владѣній слишкомъ ужъ малы. Число земельныхъ собственниковъ во Франціи опредѣлено не достаточно точно, но, во всякомъ случаѣ, оно не многимъ менѣе пяти милліоновъ. Такимъ образомъ, полагаю на семью самое меньшее число лицъ (и конечно—слишкомъ малое для Франціи), мы находимъ, что гораздо болѣе половины всего населенія или владѣтъ земельной собственностью, или имѣетъ право наследовать ее. Большинство

*) Vol. I. pp. 75—9.

**) Прусскій министръ статистики, въ своемъ произведеніи (Der Volkswohlstand im Preussischen Staate), цитату изъ котораго я привожу, замечаетъ у Кэ, доказавъ цифрами большое и постепенное возрастающее количество шницъ и одежды, приходящееся на каждого человека, справедливо выводитъ изъ этого заключеніе о соответствующемъ раздѣленіи производительности земледѣлія, и далѣе продолжаетъ: «Раздѣленіе имѣній шло все быстрее и быстрее съ 1831 г. во всей странѣ. Теперь въ ней гораздо болѣе мелкихъ и независимыхъ собственниковъ, чѣмъ прежде. Однако, какъ много жалобъ ни слышится о пауперизмѣ между зависимыми рабочими, намъ никогда не приходило слышать, что пауперизмъ увеличивается между крестьянами-собственниками. Кэ I. pp. 262—6.

**) Foreign Communications to the Commissioners of Poor Law Enquiry First Report p. 640.

****) Ibid. p. 265.

участков настолько малы, что собственники не могут существовать на них, и поэтому, по некоторым вычислениям, около трех миллионов этих собственников принуждены пополнять свои средства к жизни или работая по найму, или занимая в придачу к своей чужую землю, обыкновенно на условиях половничества. Когда земельный участок не достаточно велик для того, чтобы владельец его мог избежать зависимости от заработной платы, то положение собственника в значительной степени упрочивает, присущее ему, свойство сдерживать излишнее увеличение населения; и если бы предсказание, так часто делаемое в Англии, осуществилось, и Франция стала бы «страной бедняков», то все же этот пример ничуть не свидетельствовал бы против системы мелкого землевладения при других обстоятельствах. Но что же мы видим на деле? Быстрота возрастания французского населения самая медленная во всей Европе. В течение жизни поколения, выведенного революцией из крайней, безнадежной нищеты к непривычному достатку, численность населения сильно увеличилась. Но в следующем поколении, родившемся при лучших условиях и не привыкшем к нищенской жизни, дух сбережения действует уже больше очевидно, сдерживая возрастание населения в пределах возрастания богатства. Но таблица, составленная профессором Рау *)

*) Вот эта таблица:

	проценты.
Соединенные Штаты . . . 1820—30 г.	2,92
Венгрия (по Рореру)	2,40
Англия 1811—21 г.	1,78
„ 1821—31 г.	1,60
Австрия (по Рореру)	1,30
Пруссия 1816—27 г.	1,54
„ 1820—30 г.	1,37
„ 1821—31 г.	1,27
Нидерланды 1821—28 г.	1,28
Шотландия 1821—31 г.	1,30
Саксония 1815—30 г.	1,15
Валлония 1820—30 г. (Гейншис)	1,13
Бавария 1814—28 г.	1,08
Неаполь 1814—24 г.	0,83
Франция 1817—27 г. (Мотье)	0,68
и владение (Моро-де-Жонне)	0,55

Но Рау прибавляет, что число, приведенное Моро-де-Жонне, не заслуживает большого доверия.

Следующая таблица, приведенная Кетеле (Sur l'homme et le developpement de ses facultés, vol. I, ch. 7), тоже на основании труда Рау, содержит добавочные сведения и по некоторым статьям отягчается от предыдущей; вероятно, этот писатель взял среднюю цифру различных годов:

	проценты.
Ирландия	2,45
Венгрия	2,40
Италия	1,66
Англия	1,65
Пруссская Пруссия	1,33
Австрия	1,30
Бавария	1,08
Нидерланды	0,94

и показывающей размеры ежегодного возрастания населения в различных странах, для Франции с 1817 по 1827 г. этот размер определен в 0,63%, для Англии в продолжении того же десятилетнего периода он равен 1,6% и для Соединенных Штатов около 3% в год. По выводам, сделанным Легуа *) из официальных отчетов, рост населения, равнявшийся с 1801 по 1806 г.—1,28% ежегодно, с 1806 по 1831 в среднем выводе был не больше 0,47%, с 1831 по 1836 г.—0,60%, с 1836 по 1841 г.—0,41% и с 1841 по 1846 г.—0,68% **) По переписи 1851 г. размер возрастания населения в течение пяти лет равняется только 1,08 /о или 0,21% ежегодно; а по переписи 1856 г. только 0,71% в пять лет, или 0,14 ежегодно; так что, по словам де-Лаверри, «население почти перестало увеличиваться во Франции» ***).

	процентъ.
Неаполь	0,83
Франция	0,68
Швеция	0,58
Ломбардия	0,45

В „Journal des Economistes“ в мае 1847 г. было помешено, тщательно составленное, обзорное Легуа, представляющее результаты французской переписи предшествовавшего 1846 года: они сведены в следующей таблице:

	По переписи.	По первой рожденной пать смертности.
	проценты	проценты
Швеция	0,83	1,14
Норвегия	1,36	1,30
Дания	—	0,95
Россия	—	0,61
Австрия	0,55	0,90
Пруссия	1,84	1,18
Саксония	1,45	0,90
Ганноверъ	—	0,85
Бавария	—	0,71
Вюртембергъ	0,01	1,00
Голландия	0,90	1,03
Бельгия	—	0,76
Сардиния	1,08	—
Великобританія (безъ Ирландіи)	1,95	1,00
Франція	0,68	0,50
Соединенные Штаты	3,27	—

*) Journal des Economistes, за мартъ и май 1847 г.

**) Легуа держится того мнѣнія, что цифра населения была показана янже действительной в 1841 году, а следовательно рост населения между этимъ и 1846 годомъ былъ преувеличенъ, и что действительный ростъ в продолжении двухъ послѣднихъ періодовъ равнялся приблизительно среднему числу между соответственными выводами, или былъ не многимъ больше одного на двѣсти.

***) Journal des Economistes за февраль 1847 г. В январскомъ номеръ 1865 г. этого журнала Легуа приводит, какъ я думаю, цифры исправленные, но тѣмъ не менше мало измененныя. Рядъ процентовъ за годы, предшествовавшіе 1861-му, выражается цифрами 1,23, 0,31, 0,69,

Я не знаю ни одного достовернаго примѣра, который служилъ бы подтвержденіемъ того, что крестьянская собственность благоприятствуетъ быстрому размноженію населенія. Безъ сомнѣнія, можно привести въ примѣръ такія страны, гдѣ она не предупредила размноженія, и первая изъ нихъ—это Бельгія, будущность которой, относительно ея населенія, представляется въ настоящее время очень сомнительной. Населеніе Бельгіи возрастаетъ такъ быстро, какъ ни въ одной странѣ на континентѣ; и когда обстоятельства потребуютъ, какъ это и должно быть скоро, чтобы этотъ быстрый ростъ населенія былъ приостановленъ, тогда придется взлѣкнуть привычки, значительно укоренившіяся. Одно изъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что въ Бельгіи народъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства, которое повсюду оказываетъ сильное противоѣвлетвіе ограниченію роста населенія. Однако, слѣдуетъ помнить, что неустойчивое трудолюбіе и большое искусство народа въ земледѣліи до сихъ поръ дѣлали быстрое размноженіе въ дѣйствительности безвреднымъ, большое число еще не раздѣленныхъ крупныхъ помѣстій своимъ постепеннымъ раздробленіемъ представляетъ источникъ для необходимой прибавки къ валовому продукту, а кромѣ того, въ этой странѣ существуетъ много фабричныхъ городовъ и округовъ съ каменноугольными коями и рудниками, которые привлекаютъ значительную часть ежегоднаго прироста населенія, доставляя ему занятія.

§ 5. Но даже тамъ, гдѣ существованіе крестьянской собственности сопровождается излишнимъ населеніемъ, это зло не связано неизбѣжно съ прочими экономическими неудобствами слишкомъ большого раздробленія земли. Изъ того, что земельная собственность слишкомъ раздроблена, вовсе не слѣдуетъ, что и фермы должны быть мелки. Какъ крупная собственность вполне совмѣстима съ мелкими фермами, такъ и мелкая собственность совмѣстима съ хозяйствами достаточно большими для правильной обработки земли, и раздробленность фермерскаго хозяйства не составляетъ неизбѣжнаго слѣдствія, хотя бы даже чрезмѣрнаго, размноженія между крестьянами-собственниками. Фламандскіе крестьяне давно убѣдительно въ этомъ, какъ и можно было ожидать, судя по ихъ удивительнымъ свидѣніямъ въ Венецѣ, касающимся ихъ занятія. «Обычай не раздроблять участковъ», говоритъ докторъ Рау *) и мнѣше, что вредность ихъ выгодна, настолько сильно сохранилась во Фландріи, что даже теперь, когда умираетъ крестьянинъ, оставляя нѣсколько дѣтей, послѣдніе не дѣлятъ своего наслѣдства, хотя здѣсь нѣтъ ни майоратовъ, ни фидеикомиссовъ: они предпочитаютъ, продавши его цѣлкомъ, раздѣлить выручку, и смотреть на него, какъ на драгоценный камень, который теряетъ свою цѣну, если его раздробить». Тѣ же взгляды должны быть широко распространены даже и во Франціи: это доказывается очень частой продажей земли, такъ что общая масса продажныхъ участковъ въ десять лѣтъ до-

*) Онъ ссылается на свидѣтельство Шверца въ его Landwirthschaftliche Mittheilungen I, p. 185.

стигасть почти до четвертой части всей поверхности страны. Пасенъ въ своемъ сочиненіи «О перемѣнахъ въ земледѣльческомъ положеніи департамента Эры (Eure) съ 1800 года», излагаетъ другіе факты, приводящіе къ тому же выводу. «Примѣръ этого департамента», говоритъ онъ, «подтверждаетъ, что здѣсь нѣтъ, какъ думаютъ нѣкоторые писатели, между распределеніемъ собственности и распределеніемъ хозяйствъ связь, непреодолимо стремящейся уподобить ихъ одно другому. Ни въ одной части департамента перемѣна въ размѣрахъ участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ собственникамъ, не произвела вліянія на размѣръ хозяйствъ. Между тѣмъ, какъ въ округахъ съ мелкими хозяйствами крупныя имѣнія обыкновенно распределяются между многими арендаторами, въ округахъ, гдѣ преобладаетъ крупное земледѣіе, наоборотъ, нѣрѣдко случается, что одинъ и тотъ же фермеръ занимаетъ землю нѣсколькихъ собственников. Въ особенности въ равнинахъ Vexin многіе дѣятельные и богатые земледѣльцы не довольствуются одной фермой; другіе къ главному арендуемому или участку присоединяютъ всѣ сосѣднія земли, какія только они могутъ напаять, и такимъ образомъ составляютъ хозяйства, иногда достигающія, или даже превышающія 200 гектаровъ» (пятьсотъ англійскихъ акровъ). Чѣмъ больше земля раздроблена, тѣмъ чаще встрѣчаются такого рода слѣдствія: а такъ какъ они ведутъ къ выгодѣ всѣхъ участвующихъ, то, быть можетъ, со временемъ они войдутъ въ еще болѣе широкое употребленіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ», говоритъ де-Лавернь *), «напримѣръ въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ выгоды крупной обработки сдѣлались очевидны, размѣры фермъ увеличиваются, многія фермы соединяются въ одну, и фермеры расширяютъ свои владѣнія, принимая «парцеллы», принадлежащія множеству различныхъ собственников. Въ другихъ мѣстахъ слишкомъ большія фермы такъ же, какъ и мнѣшия, стремятся къ раздробленію. Обработка самопроизвольно отыскиваетъ организацію, наиболее соответствующую ей». Тотъ знаменитый писатель **) приводитъ поразительный фактъ, что департаменты, имѣющіе наибольшее число отдѣльныхъ мелкихъ участковъ, подлежащихъ обложенію, — какъ-то: Сѣверный департаментъ, департаментъ Соммы, Ла-де-Вале, нижней Сены, Эны и Уазы,—въ принадлежать къ наиболее богатымъ и лучше всего обрабатываемымъ; а первый изъ нихъ, самый богатый имѣетъ наилучшую обработку во Франціи.

Чрезмѣрное раздробленіе и слишкомъ малая величина участковъ, несомнѣнно, составляютъ преобладающее зло въ нѣкоторыхъ странахъ съ крестьянской собственностью, и въ особенности въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Франціи. Баварское и Нассауское правительствъ считали необходимымъ положить извѣстный законный

*) Economie rurale de la France, p. 145.

**) Стр. 117. См. факты, имѣющіе такое же значеніе на стр. 141, 250 и въ другихъ мѣстахъ этого важнаго трактата. Съ другой стороны этотъ грядъ одинаково богатъ свидѣтельствами о вредномъ вліяніи раздробленія земли, когда послѣднее слишкомъ мелко, или когда природа почвы и продукты не соответствуютъ ему.

Я не знаю ни одного достовернаго примѣра, который служилъ бы подтвержденіемъ того, что крестьянская собственность благоприятствуетъ быстрому размноженію населенія. Безъ сомнѣнія, можно привести въ примѣръ такія страны, гдѣ она не предупредила размноженія, и первая изъ нихъ—это Бельгія, будущность которой, относительно ея населенія, представляется въ настоящее время очень сомнительной. Населеніе Бельгіи возрастаетъ такъ быстро, какъ ни въ одной странѣ на континентѣ; и когда обстоятельства потребуютъ, какъ это и должно быть скоро, чтобы этотъ быстрый ростъ населенія былъ приостановленъ, тогда придется измѣнить привычки, значительно укоренившіяся. Одно изъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что въ Бельгіи народъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства, которое повсюду оказываетъ сильное противодействие ограниченію роста населенія. Однако, слѣдуетъ помнить, что неутомимое трудолюбіе и большое искусство народа въ земледѣліи до сихъ поръ дѣлали быстрое размноженіе въ дѣйствительности безвреднымъ, большое число еще не раздѣленныхъ крупныхъ помѣстій своимъ постепеннымъ раздробленіемъ представляеть источникъ для необходимой прибавки къ валовому продукту, а кромѣ того, въ этой странѣ существуетъ много фабричныхъ городовъ и округовъ съ каменноугольными копями и рудниками, которые привлекаютъ значительную часть ежегоднаго прироста населенія, доставляя ему занятія.

§ 5. Но даже намъ, гдѣ существованіе крестьянской собственности сопровождается излишкомъ населенія, это зло не связано неизбѣжно съ прочими экономическими неудобствами слишкомъ большого раздробленія земли. Изъ того, что земельная собственность слишкомъ раздроблена, вовсе не слѣдуетъ, что и фермы должны быть малы. Какъ крупная собственность вполне совместима съ мелкими фермами, такъ и мелкая собственность совместима съ хозяйствами достаточно большими для правильной обработки земли. и раздробленность фермерскаго хозяйства не составляетъ неизбежнаго слѣдствія, хотя бы даже чрезмѣрнаго, размноженія между крестьянами-собственниками. Фламандскіе крестьяне давно убѣдились въ этомъ, какъ и можно было ожидать, судя по ихъ удивительнымъ свѣдѣніямъ въ вещахъ, касающихся ихъ занятія. «Обычай не раздроблять участковъ», говоритъ докторъ Рау *) «и имѣніе, что нецѣлостность ихъ выгодна, настолько сильно сохранилась во Фландріи, что даже теперь, когда умираетъ крестьянинъ, оставляя нѣсколько дѣтей, послѣднія не дѣлятъ своего наслѣдства, хотя здѣсь нѣтъ ни маюраговъ, ни фидеикомиссовъ; они предпочитаютъ, продавши его цѣлкомъ, раздѣлить выручку, и смотрятъ на него, какъ на драгоценный камень, который теряетъ свою цѣну, если его раздробить». Тѣ же взгляды должны быть широко распространены даже и во Франціи: это доказывается очень частой продажей земель, такъ что общая масса продажныхъ участковъ въ десять лѣтъ до-

*) Онъ ссылается на свѣдѣтельство Шверца въ его Landwirthschaftliche Mittheilungen I, p. 183.

стигаетъ почти до четвертой части всей поверхности страны. Пасен, въ своемъ сочиненіи «О перемѣнахъ въ земледѣльскомъ положеніи департамента Эры (Eure) съ 1800 года», излагаетъ другіе факты, приводящіе къ тому же выводу. «Примѣръ этого департамента», говоритъ онъ, «подтверждаетъ, что здѣсь нѣтъ, какъ думаютъ нѣкоторые писатели, между распределеніемъ собственности и распределеніемъ хозяйствъ связи, непреодолимой стремительнейшій уподобить ихъ одно другому. Ни въ одной части департамента перемѣна въ размѣрахъ участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ собственникамъ, не произвела вліянія на размѣры хозяйствъ. Между тѣмъ, какъ въ округахъ съ мелкими хозяйствами крупныя имѣнія обыкновенно распределяются между многими арендаторами, въ округахъ, гдѣ преобладаетъ крупное земледѣліе, наоборотъ, нерѣдко случается, что одинъ и тотъ же фермеръ напимаетъ землю нѣсколькихъ собственниковъ. Въ особенности въ равнинахъ Вехинъ многие двучленные и богатые земледѣльцы не довольствуются одной фермой; другіе къ главному арендуемому или участку присоединяютъ все соседнія земли, какія только они могутъ нанять, и такимъ образомъ составляютъ хозяйства, иногда достигающія, или даже превышающія 200 гектаровъ» (пятисотъ англійскихъ акровъ). Чемъ больше земля раздроблена, тѣмъ чаще встрѣчаются такого рода слѣпки: а такъ какъ онѣ ведутъ къ выгодѣ всѣхъ участвующихъ, то, быть можетъ, со временемъ онѣ войдутъ въ еще болѣе широкое употребленіе.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ», говоритъ де-Лавернь *), «напримѣръ въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ выгоды крупной обработки сдѣлались очевидны, размѣры фермъ увеличиваются, многія фермы соединяются въ одну, и фермеры расширяютъ свои владѣнія, являя парцеллы, принадлежащія множеству различныхъ собственниковъ. Въ другихъ мѣстахъ слишкомъ большія фермы такъ же, какъ и имѣнія, стремятся къ раздробленію. Обработка самопривольно отыскиваетъ организацію, наиболее соответствующую ей». Тотъ, знаменитый писатель **) приводитъ поразительный фактъ, что департаменты, имѣющіе наибольшее число отдѣльных, мелкихъ участковъ, подлежащихъ обложенію, — какъ-то: Северный департаментъ, департаментъ Соммы, Па-де-Кале, нижней Сены, Эны и Уазы.—все принадлежатъ къ наиболѣе богатымъ и лучше всего обрабатываемымъ; а первый изъ нихъ, самый богатый имѣетъ наилучшую обработку во Франціи.

Чрезмѣрное раздробленіе и слишкомъ малая величина участковъ, несомнѣнно, составляютъ преобладающее зло въ нѣкоторыхъ странахъ съ крестьянской собственностью, и въ особенности въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и Франціи. Баварское и Нассауское правительства счли необходимымъ положить извѣстный законный

*) Economie rurale de la France, p. 445.

**) Стр. 117. См. факты, имѣющіе такое же значеніе на стр. 141, 250 и въ другихъ мѣстахъ этого важнаго трактата. Съ другой стороны этотъ трудъ одинаково богатъ свѣдѣтельствами о вредномъ вліяніи раздробленія земли, когда послѣднее слишкомъ мелко, или когда природа почвы и продукты не соответствуютъ ему.

предѣлъ раздробленію земли; а Прусское правительство безуспѣшно предлагало ту же мѣру относительно землевладѣнія своихъ Рейнскихъ провинцій. Однако, я не думаю, чтобы мелкое хозяйство можно было признать неразрывно связаннымъ съ мелкимъ землевладѣніемъ такъ же, какъ крупное хозяйство съ крупнымъ землевладѣніемъ; наоборотъ, по моему мнѣнію, тамъ, гдѣ мелкая земельная собственность раздроблена между стншкомъ большимъ числомъ владѣльцевъ, вѣроятно, и крупныя имѣнія также раздѣлены между множествомъ фермеровъ, и причина этого въ обоихъ случаяхъ одна и та же: недостатокъ капитала, искусства и земледѣльческой предпримчивости. Поэтому есть основаніе думать, что раздробленіе земли во Франціи не превышаетъ тѣхъ размѣровъ, какіе обуславливаются этой причиной, что оно не увеличивается, а уменьшается, и что страхъ, высказываемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ относительно прогресса раздробленія, является въ высшей степени неосновательнымъ *).

Если крестьянская собственность и способствуетъ раздробленію земли до такихъ предѣловъ, что обычныя въ странѣ земледѣльческіе приемы, которые обыкновенно примѣняются въ крупныхъ помѣстьяхъ, становятся неудобными, то причина этого лежитъ въ одномъ изъ благотворныхъ вліяній мелкаго землевладѣнія, а именно

*) Лэнгъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи „Observations on the Social and Political State of the European People in 1844 and 1849“,—книгѣ, предназначенной для прославленія Англіи и увѣщанія въ другихъ странахъ всего того, что другіе, и даже онъ самъ въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, считали достойнымъ похвалы,—доказываетъ, что, „хотя сама земля не дѣлится и не подраздѣляется послѣ смерти ея собственникомъ, все же раздѣляется стоимостью ея, и это ведетъ къ результатамъ, почти настолько же вреднымъ для социальнаго прогресса, какъ и трюбеніе земли. Стоимость каждой доли ложится долгомъ и бременемъ на землю“. Вѣдѣтіе этого положенія земледѣльческаго населенія ухудшается: „каждое новое поколѣніе находится въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ предыдущее, хотя земля не больше и не меньше раздробляется и не хуже обрабатывается. Это онъ приводитъ, какъ объясненіе большой задолженности мелкихъ земельныхъ собственниковъ во Франціи (стр. 97—9). Если бы это объясненіе было правильно, оно опровергло бы все, что Лэнгъ такъ рѣшительно утверждаетъ въ предыдущихъ своихъ произведеніяхъ и что онъ повторяетъ въ настоящемъ относительно собственности силъ предотвращать чрезмерное размноженіе населенія. Но онъ сильно ошибается относительно сущности дѣла. Единственная страна, о которой онъ говоритъ по личнымъ наблюденіямъ, это—Норвегія; однако онъ не утверждаетъ, что въ ней положеніе крестьянъ-собственниковъ ухудшается. Факты, уже указанные нами относительно Бельгіи, Германіи и Швейцаріи, въ одинаковой степенн подтверждаютъ, что его мнѣніе не доказательство; а давая, привлекательныя относительно медленнаго увеличенія населенія во Франціи, доказываютъ, что, если бы положеніе французскихъ крестьянъ и ухудшилось, то причины этого могли бы быть нынѣ, а не предположенны Лэнгомъ. Я считаю вѣрными скандинавскую собственность, положеніе народа улучшается, продуктъ, получаемый отъ земли, и даже въ плохородіе увеличиваются; а вѣдѣтіе того, что за прокормленіемъ земледѣльческихъ классовъ остается большій излишекъ пшени, увеличивается также населеніе городовъ и благосостояніе жителей.

въ чрезвычайно развитой предусмотрительности, къ какой это землевладѣніе побуждаетъ людей, не имѣющихъ собственности, но надѣющихся приобрести ее. Въ Англіи земледѣльческій рабочий не имѣетъ, кромѣ сберегательной кассы, никакого помѣщенія для своихъ сбереженій; у него нѣтъ въ виду никакого положенія, котораго онъ могъ бы достигнуть съ помощью бережливости. за исключеніемъ, быть можетъ, положенія мелкаго лавочника, находящагося подъ рискомъ банкротства. Поэтому въ Англіи нѣтъ ничего поощающаго на то стремленіе къ бережливости, которое овладѣваетъ каждымъ, кто изъ поденнаго рабочаго можетъ самостоятельно подняться съ помощью бережливости до положенія поземельнаго собственника. Согласно съ мнѣніемъ почти всѣхъ авторитетовъ, дѣйствительная причина раздробленія земли заключается въ томъ, что, продавая ее крестьянамъ, которые видятъ въ этой покупкѣ помѣщеніе для своихъ сбереженій, собственникъ можетъ получить болѣе высокую цѣну, нежели передавая все имѣніе цѣлкомъ какому-нибудь богатому покупателю, располагающему жить на доходы съ земли, не производи никакихъ улучшеній. Надежда получить подобное помѣщеніе для своихъ сбереженій служитъ для людей, не имѣющихъ земли, могущимъ стимуломъ къ трудолюбію, бережливости и воздержанію, отъ которыхъ зависятъ успѣхъ.

Настоящій анализъ прямыхъ послѣдствій и косвенныхъ вліяній крестьянской собственности, я думаю, доказалъ слѣдующее: что между этой формой землевладѣнія и несовершеннымъ состояніемъ земледѣлія не существуетъ неизбѣжной связи; что если эта форма въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и мѣшаетъ успѣшной эксплуатаціи почвенныхъ силъ, зато въ другихъ отношеніяхъ она настолько же содѣйствуетъ послѣдней, что ни одно изъ существующихъ состояній земледѣльческаго хозяйства не имѣетъ такого благотворнаго вліянія на трудолюбіе, уметвенное развитіе, бережливость и благоразуміе населенія и вообще не способствуетъ въ такой сильной степенн благоразумной сдержанности въ размноженіи, какъ мелкое землевладѣніе, и что поэтому оно болѣе, чѣмъ всякій другой строй, способствуетъ, какъ нравственному, такъ и физическому благосостоянію населенія. По сравненію съ англійской системой обработки земли наемнымъ трудомъ мелкое землевладѣніе слѣдуетъ считать въ высшей степенн полезнымъ для рабочихъ *).

*) Французская исторія поразительно подтверждаетъ эти заключенія. Въ ней было три періода, когда крестьяне становились покупателями земли, и эти три періода непосредственно предшествовали тремъ главнымъ эпохамъ процвѣтанія французскаго земледѣлія.

„Въ самыя худшія времена“, говоритъ историкъ Мишле (Le Peuple I, гл. I), „во время всеобщей бѣдности, когда даже богатые бывають бѣдны и принуждены продавать, бѣдняки получаютъ возможность покупать. Когда не представляется другихъ покупателей, крестьянинъ въ лохмотьяхъ является со своей золотой монетой и покупаетъ клочекъ земли. За этими моментами бѣдствія, когда крестьянинъ получалъ возможность покупать землю по низкой цѣлѣ, всегда слѣдовало внезапное и сильное поднятіе благосостоянія, которое люди не могли объяснить себѣ. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, пестощенная Людови-

мѣстѣ намъ нѣтъ надобности сравнивать его съ тѣмъ положеніемъ, когда землю владѣютъ рабочія ассоціаціи.

ГЛАВА VII.

Половинки.

§ 1. Отъ положенія, при которомъ продуктъ земли и труда цѣлкомъ принадлежитъ земледѣльцу, мы перейдемъ къ положенію, при которомъ этотъ продуктъ раздѣляется, но только между двумя классами—земледѣльцами и землевладѣльцами. При этомъ капиталъ даетъ то первое, то второе, смотря по обстоятельствамъ. Дѣйствительно, мы можемъ представить себѣ такой случай, когда продуктъ раздѣляется между двумя классами, и одинъ изъ этихъ классовъ владѣетъ капиталомъ, а роль рабочаго и землевладѣльца соединяется въ другомъ. Это можетъ произойти двумя способами. Рабочіе, владѣя землей, могутъ нанять ее арендатору и работать у него по найму. Но такое положеніе, даже въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда оно встрѣчается въ дѣйствительности, не потребовало бы отдѣльнаго обсужденія, такъ какъ оно ничѣмъ существенно не отличается отъ экономической системы, состоящей изъ трехъ классовъ: рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Другой случай представляеть довольно обыкновенное явленіе и состоитъ въ томъ, что крестьянинъ-собственникъ владѣетъ землей и обрабатываетъ ее. По-

комъ М, казалося, довершала свое разореніе въ Италіи, дворянство, отправившееся на войну, было принуждено продавать свою землю. Поставшая, перешедши въ другія руки, быстро начала процвѣтать; люди принялись трудиться и строить. Этотъ счастливый періодъ, на языкѣ приговорныхъ историковъ, получилъ названіе *времени добраго Людовика XII*.

«Въ несчастію, благополучіе продолжалось не долго. Едва земля оправилась, какъ на нее влетѣли сборщики налоговъ; послѣдовали религиозныя войны, и, казалося, все будетъ снесено съ лица земли. Эти войны сопровождались ужасными обдѣтвыми, страшнымъ голодомъ, когда матери пожирали своихъ дѣтей. Кто бы могъ повѣрить, что страна оправится и отъ этого? Но едва окончилась война, какъ изъ разоренныхъ людей и еще черныхъ отъ огня жизни появились сокровища крестьянъ. Крестьяне начинаютъ покупать, и Франція въ десять лѣтъ пріобрѣтаетъ совершенно новый видъ; въ двадцать, тридцать лѣтъ цѣна всѣхъ владѣній удвоилась и утроилась. Этотъ моментъ также оверещетъ королевскимъ именемъ и называется *временемъ добраго Генриха IV и ослика Римляе*».

О третьей эпохѣ не зачѣмъ говорить; это была эпоха революціи.

Кто захотѣлъ бы изучить картину противоположную этому описанію, тотъ можетъ сравнить эти историческіе періоды, характеризующіеся раздробленіемъ крупныхъ владѣній и образованіемъ мелкихъ собственниковъ, съ тѣми широко распространенными національными страданіями, какія сопровождали, и съ тѣмъ постояннымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ, какое слѣдовало за «очищеніемъ» земли отъ мелкихъ юменовъ, съ цѣлью обратить ее подъ пастбище. Это очищеніе является великимъ экономическимъ событіемъ въ англійской исторіи шестнадцатаго столѣтія.

лучшимъ маленкій капиталъ, требующійся для обработки, подѣлать своей землѣ. Этотъ случай такъ же не представляеть важной особенности. При такомъ положеніи только одно лицо, а именно самъ крестьянинъ имѣетъ право или власть вмѣшиваться въ веденіе дѣла. Онъ платитъ въ видѣ процентовъ ежегодную ренту капиталисту, точно такъ же, какъ платитъ другую определенную сумму въ видѣ налоговъ правительству. Не останавливаясь болѣе на этихъ случаяхъ, мы перейдемъ къ тѣмъ, которые представляютъ замѣчательныя отличительныя черты.

Если продуктъ раздѣляется между двумя сторонами—однимъ или нѣсколькими рабочими и землевладѣльцемъ,—то не важно, доставляется ли капиталъ какою-нибудь одною изъ этихъ сторонъ, или одинъ обѣ, какъ это иногда бываетъ, доставляютъ его въ определенныхъ условіяхъ доляхъ. Существенная особенность заключается не въ этомъ, а въ другомъ обстоятельстве, а именно въ томъ, чѣмъ регулируется раздѣленіе продукта—обычаемъ или соперничествомъ. Мы начнемъ съ только что указанного случая, главный примѣръ котораго въ Европѣ представляеть половинческое земледѣліе.

Принципъ половинческой системы состоитъ въ томъ, что рабочій или крестьянинъ заключаетъ договоръ непосредственно съ землевладѣльцемъ и платитъ ему не определенную ренту деньгами или натурой, а отдаетъ извѣстную часть продукта, или вѣрнѣе того, что остается отъ продукта за вычетомъ всего считающагося необходимымъ для поддержанія инвентаря. Обыкновенно эта часть равняется половинѣ, какъ показываетъ и самое названіе половинчества; но въ нѣкоторыхъ округахъ Италіи она составляетъ двѣ трети. Относительно же того, кѣмъ долженъ быть доставленъ капиталъ, обычай мѣняется сообразно съ мѣстомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землевладѣлецъ доставляетъ весь капиталъ, въ другихъ половину, въ третьихъ извѣстныя отдѣльныя части его, какъ, напримѣръ, скотъ и сѣмена, а рабочій долженъ имѣть всѣ необходимыя орудія *).

* Во Франціи до революціи, по словамъ Артура Юнга (I, 403) въ различныхъ мѣстностяхъ существовало большое разнообразіе относительно этого. Въ Шампаніи землевладѣлецъ обыкновенно доставляетъ половину скота и половину сѣмянъ, а половникъ—трудъ и орудія и платитъ налоги; но въ нѣкоторыхъ округахъ землевладѣлецъ участвуетъ и въ этого рода расходахъ. Въ Руссильонѣ землевладѣлецъ платитъ половину налоговъ; а въ Геннѣ отъ Ока до Флерана многие землевладѣльцы платятъ все. Вблизи Агиллона на Гароннѣ половники доставляютъ половину скота. Въ Нанси (въ Иль-де-Франсѣ) я встрѣчалъ договоръ, по которому землевладѣлецъ доставлялъ скотъ, орудіе, упряжь и платилъ налоги; половникъ давалъ трудъ и платилъ свою подушную подать; землевладѣлецъ чинилъ домъ и двери; половникъ—окна; землевладѣлецъ доставлялъ сѣмена въ первый годъ, половникъ—въ носгі і-ій; въ промежуточные годы они доставляли ихъ пополамъ. Въ Бурбонне землевладѣлецъ доставлялъ весь живой инвентарь, однако половникъ продаетъ, мѣняетъ и покупаетъ его по своему желанію; управляющій ведетъ счетную книгу этихъ продажъ и покупокъ, потому что землевладѣлецъ получаетъ половину изъ продажнаго и платитъ половину при всѣхъ покупкахъ. «Въ Пьемонтѣ», говоритъ Артуръ Юнгъ, «землевладѣлецъ обыкновенно платитъ налоги и ремонтируетъ званія, а половникъ доставляетъ скотъ, орудія и сѣмена». (II, 151).

«Эти отношения», говорит Сиемонди, являющийся въ виду главным образом Тоскану. *), «часто опредѣляются контрактомъ, перечисляющимъ извѣстные платежи и извѣстныя обязанности, которые беретъ на себя половникъ: тѣмъ не менѣе различіе одного подобнаго контракта отъ другого незначительно. Обычай одинаково управляетъ всѣми этими договорами, и стороны руководствуются имъ въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ контрактомъ. Землевладелецъ, пожелавшій отступить отъ обычая, потребовавшій больше своего соеда. ставящій въ основу своего договора не равное раздѣленіе продукта, а какия-нибудь другія условія, сдѣлался бы ненавистнымъ и могъ бы быть изгнанъ, что къ нему не пойдетъ честный половникъ. Поэтому контрактъ всѣхъ половниковъ можно считать одинаковымъ, по крайней мѣрѣ, въ каждой провинціи и по поводу его никогда не возникаетъ соперничества между крестьянами въ посяхъ за занятіемъ и не дѣлается предложеній обрабатывать землю на болѣе торжгихъ условіяхъ, чѣмъ обыкновенно». То же самое Шатовъ **) говоритъ о половникахъ Пьемонта. «Они считаютъ ферму своей вѣчной и никогда и не думаютъ возобновлять договора: она переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе на одинаковыхъ условіяхъ безъ всякихъ снѣменныхъ документовъ ***).

§ 2. Когда раздѣленіе продукта зависить отъ установившагося обычая, а не отъ пзмѣняющагося договора, полнѣтческой экономіи не захватываетъ законы распредѣленія. Она должна только рассмотреть, какъ это она дѣлала относительно благосостоянія крестьянъ-собственниковъ, влияние системы хозяйства, во-первыхъ, на нравственное и физическое положеніе крестьянъ, а во-вторыхъ, на успѣшность труда. Въ общемъ этихъ отношеніяхъ система половнической собственности, но только въ меньшей степени. У половника меньше побужденія къ труду, чѣмъ у крестьянина-собственника, такъ какъ ему принадлежатъ не всѣ плоды его труда, а только половина ихъ. Но у него побужденіе къ труду гораздо сильнѣе, чѣмъ у поденнаго рабочаго, у котораго нѣтъ другихъ интересовъ въ успѣшности труда, кромѣ того, чтобы не быть прогнаннымъ. Если половникъ не можетъ быть изгнанъ безъ какого-нибудь нарушенія договора, то у него существуетъ гораздо болѣе сильное побужденіе

*) Etudes sur l'Economie Politique. Essai II. De la condition des cultivateurs en Toscane.

**) Lettres de l'Italie.

*) Это постоянство владѣнія понимаемыхъ участкахъ, однако, не повсемѣстно распространено даже въ Италіи; и, имѣнно, отсутствію такого постоянства Сиемонди приписываетъ худшее положеніе половниковъ въ некоторыхъ неаполитанскихъ провинціяхъ, въ Луккѣ и въ Riviera di Genova. Гдѣ землевладелецъ получаетъ, хотя и опредѣленную, но преобладающую долю продукта. Въ этихъ странахъ земледѣліе преспоходно, но народъ ужасно бѣденъ. Такое гяжеое положеніе могло бы, вѣроятно, вынестъ на долю и Тосканскаго народа, если бы общественное мнѣніе не защищало земледѣльца. Соосвѣнникъ здѣсь не осмѣлится онъ поставить условія, неудобныя для владѣльца въ странѣ, и даже переимѣнн оного половника на другого, онъ ничего не измѣняетъ въ условіяхъ договора». Nouveaux Principes d'Economie Politique. III. ch. 5.

къ труду, чѣмъ у какого-нибудь арендатора-фермера, владѣющаго землей безъ контракта. Половикъ, въ худшемъ случаѣ, товарищъ земледѣльцу и участникъ въ половнѣ общей прибыли. А тамъ, гдѣ прочностъ владѣнія наитѣмъ участкомъ обезпечена обычасъ, у половника является привязанность къ мѣстности и въ значительной степени чувства собственника. По моему мнѣнію, половники вырабатываемаго продукта достаточно, чтобы земледѣлецъ могъ существовать съ достаткомъ. Конечно, это зависить, при данномъ состояніи земледѣлія, отъ степени раздробленія земли, что въ свою очередь находится въ зависимости отъ дѣйствія принципа населенія. Размноженіе людей выше того числа, которое можетъ жить надлежащимъ образомъ съ земли, или уйти на фабрики, бываетъ даже и при крестьянской собственности: и, конечно, оно тѣмъ болѣе возможно при населеніи половниковъ. Однако, свойство крестьянской собственности, о которомъ мы упоминали, состоящее въ томъ, что она способствуетъ развитію благоразумія въ этомъ отношеніи, приуше въ значительной степени также и системѣ половничества. При ней, такъ же, какъ и при крестьянской собственности, дѣло зависить отъ того, насколько возможно точный расчетъ средствъ существованія семьи. Если собственнику всей массы продуктовъ легко видѣть, можетъ ли онъ настолько увеличить производство, чтобы одинаково хорошо содержать большее число людей, то не менѣе простую задачу представляетъ такой же вопросъ и для собственника половныя продукта *). Повидимому, половничество, кромѣ тѣхъ препятствій для роста населенія, какія представляютъ даже крестьянская собственность, заключаетъ въ себѣ еще одно: при немъ земледѣлецъ можетъ проявлять контрольную власть, отказывая въ согласіи на влѣбнѣе раздробленіе земли. Однако, и не при это большой важности этой задержкѣ, потому что ферма, и не раздробляясь, можетъ быть обременена излишнимъ количествомъ рукъ: а пока увеличеніе числа рукъ даетъ прибавку къ

*) Басіа утверждаетъ, что даже во Франціи, гдѣ половничество безспорно находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, его влияние, сдерживающее ростъ населенія, очевидно. «Считается вполнѣ установленнымъ фактомъ, что стремленіе къ чрезмѣрному размноженію главнымъ образомъ обнаруживается въ классѣ, живущемъ на заработную плату. Присутствительность, замѣняющая бракъ, оказываетъ малое влияние на такихъ рабочихъ, потому что бѣдствіе, вытекающее изъ чрезмѣрнаго соперничества, представляется имъ только очень смутно и въ значительномъ отдаленіи. Поэтому самымъ выгоднымъ положеніемъ для парюга оудеть такая организация, при которой не существуетъ особеннаго класса наемныхъ рабочихъ. Въ странѣ съ половнической системой браки главнымъ образомъ опредѣляются потребностями земледѣлія; число браковъ увеличивается, когда, вслѣдствіе какихъ-нибудь причинъ, въ ущербъ производству остаются пустыя мѣста, и уменьшается, когда мѣста перенасынены. Легко опредѣлить, сколько рукъ требуется для фермы извѣстной величины: а такой расчетъ дѣйствуетъ сильнѣе всякой предусмотрительности. Поэтому, если только не является какиъ-нибудь причинъ, открывающихъ просторъ излишку населенія, численность его остается неизмѣнной, какъ это мы видимъ въ нашихъ южныхъ департаментахъ». Considérations sur le métayage. Journal des Economistes. февраль 1846 г.

валовому продукту, какъ это почти всегда бываетъ, землевладелецъ, получающій половину продукта, будетъ въ прямомъ выигрышѣ, тогда какъ вся невыгода падетъ на однихъ рабочихъ. Землевладелецъ, безъ сомнѣній, въ концѣ концовъ можетъ страдать отъ ихъ бѣдности, будучи принужденъ оказывать имъ матеріальную помощь, въ особенности въ неурожайные годы; а предвѣщаніе такого затрудненія можетъ имѣть благотворное дѣйствіе на тѣхъ землевладельцевъ, которые предпочитаютъ будущую обезпеченность настоящей выгодѣ.

Характерный недостатокъ системы половничества очень вѣрно изложилъ Адамъ Смитъ. Указавъ на то, что «половники имѣютъ несомнѣнный интересъ, чтобы весь продуктъ былъ настолько великъ, насколько возможно, для того чтобы и ихъ собственная часть была больше», онъ продолжаетъ *): «однако для такого рода земледѣльцевъ не можетъ быть выгоднымъ затрачивать на дальнѣйшее улучшение земли какую бы то ни было часть изъ небольшого капитала, который они могли собрать изъ своей собственной доли продукта; потому что господствъ, не затрачивающій ничего, долженъ получить половину всего дохода отъ произведенной имъ затраты. Десятина, составлявшая только десятую долю продукта, была признана очень значительнымъ препятствіемъ къ улучшенію. Поэтому сборъ, доходящій къ половнику продукта, долженъ быть действительной преградой къ нему. Для половника можетъ быть выгоднымъ, чтобы земля производила максимумъ того, сколько можно извлечь изъ нея съ помощью капитала, оставаемаго собственникомъ. Но для него никогда не можетъ быть выгоднымъ присоединить къ капиталу хозяина какую-нибудь часть своего собственного. Во Франціи, гдѣ пять шестыхъ всего королевства занято этого рода земледѣльцами, собственники земли жалуются на то, что ихъ половники пользуются великимъ удобнымъ случаемъ, чтобы употребить хозяйскій скотъ на перевозку, а не на обработку земли, потому что въ первомъ случаѣ они берутъ себѣ всю прибыль, а во второмъ они раздѣляютъ ее съ земледѣльцемъ.

Правда, самая сущность земельной аренды предполагаетъ, что все усовершенствованіе, требующія затраты капитала, должны производиться на счетъ землевладельца. Именно такой примѣръ мы видимъ даже въ Англіи вездѣ, гдѣ фермеры являются арендаторомъ безъ договора: или (если правъ Артуръ Юнгъ) и тамъ, гдѣ земля отдана даже по «девятнадцатому контракту». Если землевладелецъ расположенъ дать капиталъ для улучшеній, то половникъ имѣетъ самый сильный интересъ произвести ихъ, такъ какъ половина выгоды отъ нихъ достается ему самому. Но вѣщность владѣнія, какой пользуются по обычаю въ упомянутыхъ нами случаяхъ половники, дѣлаетъ его согласіе необходимымъ условіемъ для усовершенствованія: а духъ рутинны и нерасположенности къ нововведеніямъ, составляющіе отличительную черту земледѣльческаго населенія, пока ихъ не сгладило образование, безъ сомнѣній, служатъ серьезнымъ

*) Wealth of Nations, book III, ch. 2.

препятствіемъ къ улучшенію. Это, повидимому, признано и самими защитниками половничества.

§ 3. Система половничества встрѣтила безпощадное осужденіе со стороны англійскихъ авторитетовъ. Артуръ Юнгъ говоритъ, что «за сохраненіе этой системы нельзя сказать ни одного слова, и можно привести тысячу аргументовъ противъ нея *). Она существуетъ только въ силу жестокой необходимости; бѣдность фермеровъ такъ велика, что землевладелецъ долженъ снабжать ферму капиталомъ, или она будетъ лишена его вовсе. Для собственника это—тяжелое бремя, потому что онъ такимъ образомъ принужденъ подвергаться значительному риску, обрабатывая свою землю самымъ опаснымъ изъ всѣхъ способовъ и вѣряя свое имущество въ безусловное распоряженіе людей обыкновенно невѣжественныхъ, въ значительной степени безпечныхъ и, безъ сомнѣній, иногда нечестныхъ. При такомъ напоболье жалкомъ способѣ отдачи земли въ наемъ, обманываемый землевладелецъ поспешно получаетъ самую ничтожную ренту; фермеръ находится въ состояніи самой крайней бѣдности; земли очень дурно обрабатываются, а нація страдаетъ такъ же сильно, какъ и заинтересованныя стороны. Можно принять за достовѣрный фактъ, что повсюду, гдѣ эта система господствуетъ **), вы встрѣтите безпомощное и жалкое населеніе... Въ миланской области повсюду, гдѣ я только ни видѣлъ тонкую и не орошенную землю, она находилась въ рукахъ половниковъ». Онъ почти всегда долженъ своему земледѣльцу за сѣмена, или за пшеницу, и лишь положеніе еще болѣе печально, чѣмъ положеніе поденнаго рабочаго. Въ Италіи ***)) есть только нѣсколько округовъ, гдѣ земля отдается арендаторамъ за денежную ренту; но повсюду, гдѣ встрѣчаются такіе арендаторы, у нихъ жатвы гораздо лучше, чѣмъ у половниковъ; это служитъ яснымъ доказательствомъ безсилія половнической системы». «Гдѣ только ни была принята система половничества», говоритъ Макъ-Кулокъ ****), «она положила конецъ всякому улучшенію и привела земледѣльцевъ до самой крайней бѣдности. Джонсъ *****) раздѣляетъ общее мнѣніе и въ подтвержденіе его ссылается на Турго и Дестюшпль-Траси. Однако, впечатлѣнія всѣхъ этихъ писателей (за исключеніемъ случайнаго упоминанія Артура Юнга объ Италіи), повидимому, получены главнымъ образомъ во Франціи и еще Франціи до-революціонной *****). А положеніе фран-

*) Travels, vol. I, pp. 404—5.

***) Travels, vol. II, pp. 151—3.

****) Ibid. II, 217.

*****) Principles of Political Economy 3-е изд., стр. 471.

*****) Essay on the Distribution of Wealth, pp. 102—4.

*****) Де-Траси отчасти составляетъ исключеніе, такъ какъ его свѣдѣнія захватываютъ большой промежутокъ времени до-революціоннаго періода; но онъ признаетъ (какъ и самъ Джонсъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ), что онъ знакомъ только съ небольшимъ округомъ, въ которомъ существовало большое раздробленіе земли и почва была не плодородна.

Пасси высказываетъ мнѣніе, что французскіе крестьяне должны быть бѣдными, а земля должна дурно обрабатываться при половнической системѣ оттого, что требуемая земледѣльцами часть продукта

цузских половниковъ при старомъ режимѣ ни въ какомъ случаѣ не представляло типическихъ формъ половническаго договора. Съ существомъ этого договора необходимо связано, чтобы собственникъ платилъ всѣ налоги. Но во Франціи свобода дворянства отъ прямого обложения заставила правительство взвалить всю тяжесть, постоянно увеличивавшихся, фискальныхъ вымогательствъ на земледѣльцевъ, и именно этимъ вымогательствомъ Тюрго и приписываетъ крайнюю бѣдность половниковъ; — бѣдность въ некоторыхъ случаяхъ была такова, что въ Лимузенѣ и Ангумуа (провинціяхъ, которыми онъ управляетъ), по его словамъ, за вычетомъ всѣхъ платежей, крестьяне рѣдко имѣли болѣе 25—30 ливровъ (20—24 шиллинговъ) на душу для годичнаго существованія: «Я говорю не о денежномъ доходѣ, а включая сюда все, что они потребили натурой изъ своихъ продуктовъ» *). Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что они не имѣли такого постоянного права на землю, какъ половники въ Италиі. По словамъ Артура Юнга **), «въ Лимузенѣ половники считались не многомъ выше дворовыхъ слугъ, которые могли быть уволены по прихоти землевладѣльца и были обязаны во всемъ сообразоваться съ его волей». Итакъ, очевидно, что примѣръ французскихъ половниковъ не можетъ служить доказательствомъ противъ половнической системы въ ея лучшей формѣ. Если население ничего не можетъ назвать своимъ, — если оно такъ же, какъ приандскіе коттеры, ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ стать въ положеніе худшее того, какое существуетъ на самомъ дѣлѣ, — то для него нѣтъ причинъ воздерживаться отъ размноженія и отъ дробленія земли до тѣхъ поръ, пока не наступитъ дѣйствительный голодъ.

Совершенно иную картину представляетъ, по свидѣтельству опытныхъ ученыхъ, половническое земледѣліе въ Италиі. Коснемся прежде всего раздробленія земли. Въ Ломбардіи, по словамъ Шатовѣ ***), въ встрѣчаются мало фермъ, превышающихъ по пространству 60 акр., но не много и такихъ, которыя меньше 10 акр. Эти фермы заняты половниками, получающими половину дохода. На

слишкомъ велика. Только при болѣе благоприятномъ климатѣ земля, не отличающаяся чрезвычайнымъ плодородіемъ, можетъ приносить рыву, равную половинѣ всего продукта и давать крестьянамъ-фермерамъ такой доходъ, чтобы они имѣли возможность успѣшно заниматься разведеніемъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые требуютъ значительныхъ издержекъ и тороже дѣлятся. (Systèmes de Culture, p. 35). Это возраженіе касается только особенной пропорціи въ раздѣленіи продукта, — пропорціи, которая, правда, обыкновенно встрѣчается при половнической системѣ, но все же не составляетъ существенной черты послѣдней.

*) См. „Mémoire sur la surcharge des impositions qu'éprouvait la Généralité de Limoges, adressé en Conseil d'Etat en 1786". Oeuvres de Turgot IV, pp. 200—204. Случайное обязательство землевладѣльцевъ (о которомъ упоминаетъ Артуръ Юнгъ) платить часть налоговъ, было, по словамъ Тюрго, недавняго происхожденія и явилось подъ давленіемъ дѣйствительной необходимости. „Собственникъ только тогда соглашается платить налоги, когда онъ не можетъ найти половника на другихъ условіяхъ; а слѣдовательно и въ этомъ случаѣ половникъ получаетъ не больше того, сколько необходимо, чтобы не умереть голодной смертью" (стр. 275).

**) Vol. I, p. 404.

***) Letters from Italy, переводъ Rigby, стр. 16.

фермахъ всюду «бросаются въ глаза обширныя и богатыя постройки, рѣдко встрѣчающіяся въ другихъ европейскихъ странахъ *). Планъ этихъ построекъ представляетъ наибольшій просторъ при наименьшей величинѣ зданій: онъ прекрасно приспособленъ для убора и сбереженія жатвы, и въ то же время въ высшей степени экономенъ и имѣетъ огромныя преимущества въ противопожарномъ отношеніи. Дворъ въ цѣломъ представляетъ такую правильность и удобство, указываетъ на такую заботливость и порядокъ, о какихъ наши грязныя и дурно устроенныя фермы не могутъ дать никакого соответствующаго понятія». Подобное же описаніе мы встрѣчаемъ и относительно Пьемонта. Свѣоборотъ здѣсь превосходенъ. «Я думаю **), что нѣтъ ни одной страны, которая бы могла доставлять на рынокъ такое количество продуктовъ, какъ Пьемонтъ». Хотя почва его отъ природы не очень плодородна, съѣтъ не менѣе число городовъ чрезвычайно велико». Поэтому земледѣліе должно быть въ высшей степени производительно, какъ въ отношеніи чистаго, такъ и въ отношеніи валоваго продукта земли. «Каждый плугъ обрабатываетъ тридцать два акра въ годъ... Нелзя представить ничего лучше и аккуратнѣе подпашиванія и окучиванія полей выросшаго маиса съ помощью плуга, запряженнаго паромъ быковъ: при чемъ ни одна стебель не бываетъ поврежденъ, а вся сорная трава совершенно уничтожается». Вотъ до чего достигаетъ земледѣльческое искусство. Жатвы, предшествующія маису и слѣдующія за нимъ, превосходны. Пшеницу «они молотятъ каткомъ: въ него впряжена лошадь а ею управляетъ мальчикъ, въ то время, какъ рабочіе переворачиваютъ солому вилами. Эта работа длится около двухъ недѣль: она очень быстра и экономна, и зерно вполне вымачивается... Ни въ одной частн свѣта не убиваютъ лучше и экономнѣе обращаясь съ землей, какъ въ Пьемонтѣ. Этимъ и объясняется его густое население и чрезвычайно большой вывозъ хлеба. И все это при половническомъ земледѣліи.

О всемъ пространствѣ долины Арно, какъ вверхъ, такъ и внизъ отъ Флоренціи, тотъ же писатель говоритъ слѣдующее ***)— «Нижняя часть горъ покрыта лѣсами оливковыхъ деревьевъ, въ лѣсахъ которыхъ утопаетъ безчисленное множество мелкихъ фермъ, занимающихъ эту долину: на самыхъ высокихъ склонахъ возвышаются каштановыя деревья, составляющія своей яркой зеленью контрастъ съ блѣднымъ цвѣтомъ оливокъ, и оживляютъ этотъ амфитеатръ. По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся деревенскіе дома не болѣе какъ на разстояніи ста шаговъ другъ отъ друга. Они расположены не далеко отъ дороги и отдѣляются отъ нея стѣной и террасой въ нѣсколько футовъ шириной. На стѣнѣ обыкновенно помѣщается множество вазъ античной формы, въ которыхъ растутъ цвѣты, алоэ и маленькія апельсиныя деревья. Дома совершенно укрыты виноградной лозой... Передъ домами мы видѣли группы

*) Ibid. стр. 19—20.

**) Ibid. стр. 24—31.

***) Стр. 75—79.

крестьянокъ, одѣтыхъ въ бѣлыя рубахи, шелковые корсажи и соломенные шляпы, украшенныя цвѣтами. Такъ какъ эти дома находятся очень близко одинъ отъ другого, то очевидно, что участки земли, прилегающіе къ нимъ, должны быть очень малы, а особенность въ этой долине должна быть сильно раздроблена. Размѣръ этихъ участковъ простирается отъ трехъ до шести акровъ. Земля, окружающая дома, раздѣлена на поля неглубокими канавками, или рядами деревьевъ, состоящими иногда изъ шелковицы, но чаще всего изъ тополей, листья которыхъ идутъ въ кормъ скоту. Каждое дерево служитъ подпорю виноградной лозѣ... Эти участки, составляющіе продолговатые четырехугольники, достаточно велики, чтобы ихъ обрабатывать безколеснымъ плугомъ, запряженнымъ парюю быковъ. Каждые десять или двѣнадцать фермеровъ держатъ одну пару быковъ; ею они поочередно обрабатываютъ свои фермы. Почти каждая ферма содержитъ хорошую лошадь, которая ходитъ въ маленькой двухколесной повозкѣ, часто одѣланной и выкрашенной въ красный цвѣтъ. Эта лошадь служитъ для всевозможныхъ хозяйственныхъ цѣлей, а также возитъ дочерей фермера въ церковь и на балы. Въ праздничный день можно видѣть сотни этихъ повозокъ; онѣ мчатся во всѣхъ направленіяхъ и въ нихъ сидятъ молодцы и женщины, украшенныя цвѣтами и лентами».

Эта картина вовсе не говоритъ намъ о бѣдности, и въ отношеніи земледѣлія, она рѣшительно освобождаетъ такое половническое хозяйство, какое существуетъ въ этихъ странахъ, отъ упрековъ, дѣлаемыхъ англійскими писателями; но что касается положенія самихъ земледѣльцевъ, то свидѣтельство Шатовѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не такъ благоприятно. «Для благосостоянія жителей не достаточно ни естественнаго плодородія почвы, ни поражающаго глазъ путешественника изобилія продуктовъ. Благосостояніе опредѣляется количествомъ людей, между которыми раздѣляется весь продуктъ, и отъ этого количества зависитъ размѣръ той доли, какою каждое лицо можетъ воспользоваться. Здѣсь эта доля очень мала. И дѣйствительно, до сихъ поръ я рисовалъ восхитительную страну, прекрасно орошенную, плодородную и покрытую вѣчно-зеленой растительностью; я указалъ на то, какъ она раздѣлена на безчисленное множество огороженныхъ участковъ, на которыхъ, подобно тому, какъ на гричкахъ въ саду, развѣдятся тысячи различныхъ продуктовъ; я указалъ также, что ко всѣмъ этимъ участкамъ прилегаютъ прекрасно построенные дома, покрытые виноградомъ и украшенные цвѣтами: но, войдя въ эти дома, мы встрѣтимъ полное отсутствіе удобствъ жизни, болѣе, чѣмъ скромный столъ и всѣ признаки лишеній. Мнѣ кажется, что здѣсь Шатовѣ безсознательно проводитъ параллель между положеніемъ половничковъ и положеніемъ фермеровъ другихъ странъ, тогда какъ болѣе подходящей мѣрой для сравненія будетъ положеніе поденнаго земледѣльческаго рабочаго».

Артуръ Юнгъ говоритъ *): меня убѣрили, что эти половнички

* Travels, vol. II, p. 156.

(въ особенности близъ Флоренціи) находятся въ очень хорошемъ положеніи; что въ праздничные дни они бываютъ очень хорошо одѣты, и даже не безъ такихъ предметовъ роскоши, какъ, напримеръ, серебро, золото и шелкъ; что живутъ они хорошо, пьютъ въ изобиліи хлѣбъ, вино и зелень. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это можетъ быть и вѣрно. Но въ общемъ дѣло стоитъ совершенно иначе. Нельзя думать, что половнички при такой фермѣ, которая обрабатывается парюю быковъ, могутъ жить въ достаткѣ: яснымъ доказательствомъ ихъ бѣдности служитъ то, что землевладѣлецъ, обязаный доставлять половину скота и лошадей, часто бываетъ принужденъ давать деньги взаимно крестьянину для покупки другой половины... Половички, живущіе въ отдаленіи отъ города, такъ бѣдны, что землевладѣлецъ даже сужаетъ ихъ хлѣбомъ для продовольствія; ихъ пищу составляютъ черный хлѣбъ, приготовленный изъ смѣси муки съ виной; ихъ питье, называемое aqua rolle, состоитъ изъ небольшого количества вина, смѣшаннаго съ водою: мясо бываетъ у нихъ только по воскресеньямъ; ихъ одежда очень проста». Джонсъ признаетъ, что благосостояніе половничковъ выше близъ Флоренціи, и приписываетъ это отчасти производству соломенныхъ плетеныхъ издѣлій, благодаря которымъ крестьянки могутъ, по словамъ Шатовѣ *), зарабатывать отъ пятнадцати до двадцати су въ день. Но даже этотъ фактъ говорить въ пользу половнической системы, потому что въ тѣхъ частяхъ Англій, гдѣ женщины, или дѣти рабочаго класса занимаются плетениемъ соломенныхъ издѣлій или кружевъ, какъ въ Bedfordshire и Buckinghamshire, положеніе рабочихъ не только не лучше, но даже скорѣе хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ плата за земледѣльческій трудъ здѣсь понизилась на всю сумму, зарабатываемую путемъ этихъ промысловъ.

Но несмотря на то, что Шатовѣ описываетъ бѣдность половничковъ, онъ все же стоитъ на сторонѣ этой системы, по крайней мѣрѣ, относительно Италіи. «Она занимаетъ и постоянно возбуждаетъ интересъ собственниковъ **), чего никогда не можетъ быть съ крупными землевладѣльцами, наименѣющимъ своимъ пожеланіемъ за опредѣленную ренту. Она устанавливаетъ общность интересовъ и доброжелательныя отношенія между собственниками и половничками.—отношенія, которыя мнѣ нерѣдко приходилось видѣть и изъ которыхъ вытекаютъ большія выгоды для нравственнаго состоянія общества. При этой системѣ собственникъ всегда заинтересованъ въ успѣхѣ жатвы и потому не отказывается сдѣлать для нея затрату, которую земля обязана возвратить съ прибылью. Благодаря этимъ затратамъ и связаннымъ съ ними надеждамъ, богатые земельные собственники постепенно улучшили сельское хозяйство Италіи. Путемъ этихъ затратъ создана обширная ирригаціонная система, орошающая итальянскую почву, и устроены на холмахъ террасы для земледѣлія. Эти постепенныя, но непрерывныя улучшенія не могли быть выполнены обыкновенными крестьянами по недостатку средствъ,

*) Letters from Italy, p. 75.

**) Ibid. стр. 295—6.

и иногда не были бы выполнены ни фермером, ни крупным собственником, отдающим свое поместье за определенную ренту. Потому что, как собственник, так и фермер лично мало заинтересованы в успешных таких работах. Итак, вышеупомянутая система устанавливает сама собой известную связь между богатым собственником, доставляющим средства для усовершенствований в обработке, и половиником, труды и заботы которого, благодаря общности интересов, направлены на то, чтобы извлечь из этих затрат как можно больше выгоды».

Но самое благоприятное для этой системы свидетельство, которое имеет ту хорошую сторону, что оно основано на специальных и точных данных, мы встречаем у Сиемонди: его сообщения—не заметки путешественника, а наблюдения местного собственника, коротко знакомого с деревенской жизнью. Его описания относятся вообще к Тоскане и особенно к *Vale di Nievole*, где находится его поместье. Эта местность не входит в круг непосредственно прилегающей к Флоренции, о которой думают, что она пользуется особенно благоприятными условиями. Это один из тех округов, в котором размеры фермы, по видимому, самые малые. Вот как Сиемонди описывает жилища и образ жизни здешних половинков*).

«Дом с прочными стенами, сложенными на цемент и известняк, бывает обыкновенно в два, а иногда и три этажа. В нижнем этаже большей частью находится кухня, стойло для рогатого скота и кладовая, получившая название *tinaja* от больших кадок (*tinai*), в которых оставляют для брожения не выжатый виноград; тут также половинок хранит свои бочки, масло и хлеб. Почти всегда к дому пристроен навес, под крышей которого хозяйка может работать, чинить свои орудия или резать корм для скота. Во втором и третьем этаже находятся две, три, а часто и четыре спальни. Из них самая большая, и лучше всего освещаемая, обыкновенно предназначается для вывода шелковичных червей в мае и июне. Большие сундуки для платья и белья и несколько деревянных стульев составляют главную мебель этих комнат; кроме того, новобрачная всегда приносит в хозяйство шкатулку из орехового дерева. Кровать—без занавесей и без полог, но на каждой из них, кроме тюфяка, набитого маисовой соломой, лежит один или два матраца из шерсти, а у более бедных из льняной кудели, хорошее одеяло и простыни из грубого холста; по праздникам лучшие семейные кровати покрываются шелковым покрывалом. Очаг находится только в кухне, где также стоит большой деревянный стол, за которым обдаст семья, скамьи, большой сундук, служащий разом для хранения хлеба и другой провизии и для мшеницы теста, достаточно полный, хит и дешевой, набор мысок, блюд, глиняных тарелок, одна или две металлических лампы, безмыль и, по крайней мере, два медных кувшина для пошения и держания воды. Белье

* Из его шестого опыта, о котором уже упоминалось раньше.

и рабочее платье семьи все придется женщинам дома. Одежда, как женщин, так и мужчин, шьется из материи, называемой *mezza lana*, если она густая, и *moia*, если она редкая; она приготовляется из суровых ниток конопли или льна, служащих основой, и заткана бумагой или шерстяной пряжей: эту материю окрашивают женщины, пришивая ее. Трудно поверить, какое количество холста и *mezza lana* в состоянии накопить крестьянки усердным трудом, как много простынь хранится у них в сундуках, какое множество рубах, курток, штанов, юбок и платьев имеет каждый член семьи. Между прочим, для примера я приведу в приложении список имущества крестьянской семьи, которая мне была наиболее знакома; эта семья не принадлежит к самым богатым, но и не самая бедная и, благодаря своему трудолюбию, живет счастливо на половине продукта, получаемого с участка земли мене, чем в десять акров*). Приданое невесты равняется 50 кронам; тридцать из них уплачивается немедленно, а остальное по частям, по две кроны каждый год. Тосканская корона составляет 6 франков. В других частях Тосканы, где участки половинок больше, самое обыкновенное приданое крестьянской девушки бывает в 100 крон, или 600 франков».

Разве это есть бедность, или похоже это на бедность, когда обыкновенное приданое дочери половинка равно 24 ливрам? А Сиемонди даже говорит, что это бывает очень часто. В Италии в этом классе такая сумма составляет на английские деньги, по крайней мере, 50 фун. Если при этом, в половину этой суммы, невеста имеет вышеописанный гардероб, который Сиемонди признает средним, то общее положение этого класса можно сравнить даже с положением большей части капиталистов фермеров в других странах; и положение поденных рабочих в других странах, за исключением новых колоний и Соединенных Штатов, без сравнения ниже. Против подобного свидетельства мало что можно возразить на основании замечаний путешественников о плохом качестве пищи населения. Дешевизна пищи может быть скорее следствием бережливости, чем нужды. Дорогая пища не составляет любимой роскоши южана; пусть едят во всех классах состоять главным образом из овощей и пло-

*) Список приданого Жанны, дочери Валенто Пашини, при ее замужестве с Джовачино Ланди 29 апреля 1835 года в Порто-Веккиа, близ Пескии.

„28 рубашек, 7 лучших платьев (из особенно приготовленного шелка), 7 ситцевых платьев, 2 зимних рабочих платья из *mezza lana*, 3 летних рабочих платья и юбки из *moia*, 3 бельевые юбки, 5 ситцевых фартуков, 1 черный шелковый, 1 из черного меринеса, 9 цветных рабочих фартуков (*moia*), 4 бельевых, 8 цветных и 3 шелковых платков, 2 вышитых вуали и одна из тюля, 3 полотенца, 14 пар чулок, 2 шляпы (одна полярная, другая из тонкой соломки); две камен, оправленные в золото, пара золотых серег, 1 четки с двумя римскими серебряными коронами, 1 коралловое ожерелье с золотым крестом... Более богатая невеста того же класса, кроме того, имеет *veste de seta*—платье для больших праздников, которое она надевает только раза четыре в своей жизни“.

довъ. Ни въ одной странѣ на континентѣ крестьяне не имѣютъ пристрастія англійскаго рабочаго къ бѣлому хлѣбу. Но пища тосканскихъ крестьянъ, по словамъ Симонди, «здоровая и разнообразная: основу ея составляетъ пшеничный хлѣбъ, темный, но безъ отрубей и всякихъ подмѣсей». Зимой они ѣдятъ два раза въ день: въ десять часовъ утра—свою поленту, вечеромъ—супъ, а затѣмъ хлѣбъ съ какой нибудь закуской (*complanato*). Лѣтомъ они ѣдятъ три раза въ день: въ восемь часовъ, въ часъ дня и вечеромъ; но огонь разводится только разъ въ день, для обѣда, состоящаго изъ супа, солонищы или сушеной рыбы, или изъ фасолы и зелени, которую ѣдятъ съ хлѣбомъ. Солонища употребляется въ очень небольшомъ количествѣ, такъ какъ признано, что сорокъ фунтовъ соленой свинины на душу вполне достаточно для годовичнаго продовольствія; два раза въ недѣлю небольшой кусочекъ ея кладется въ супъ. По воскресеньямъ у нихъ всегда за столомъ подается блюдо изъ свѣжей говядины; но количество ея не велико, и какъ бы ни была многочисленна семья, мяса не бываетъ больше фунта или полутора. Не слѣдуетъ также забывать, что тосканскіе крестьяне обыкновенно сами готовятъ оливковое масло для своего собственнаго потребления: они употребляютъ его не только для лампы, но такъ же и какъ приправу, ко всякой растительной пищѣ, которая дѣлается отъ этого и болѣе вкусной и болѣе питательной. За завтракомъ они ѣдятъ хлѣбъ, а иногда сыръ и фрукты, за ужномъ—хлѣбъ и салатъ. Ихъ питье состоитъ изъ плохого мѣтнаго вина (*vinella* или *piquette*), приготовленнаго изъ виноградныхъ выжимокъ, которыя оставляютъ бродить въ водѣ. Однако, они всегда сохраняютъ несколько бутылокъ лучшаго вина для дня, когда молодитъ хлѣбъ и для нѣкоторыхъ семейныхъ празднествъ. Для взрослого человека на годъ считается необходимымъ запасъ въ 50 бутылокъ *vinella* и въ пять кулей пшеницы (около 1000 фунтовъ хлѣба).

Замѣтки Симонди о нравственномъ вліяніи такого положенія общества не менѣе достойны вниманія. Такъ какъ права и обязательства половника установлены обычаемъ и всѣ налоги и подати платитъ землевладѣлецъ, «то половникъ пользуется выгодами земельной собственности, будучи освобожденъ отъ обременительной обязанности защищать ее. На землевладѣльцѣ лежатъ всѣ споры изъ-за земли. Между половникомъ и его соседями нѣтъ никакого повода къ соперничеству, или недоброумію: онъ поддерживаетъ съ ними хорошія отношенія, точно такъ же, какъ и съ землевладѣльцемъ, со сборщикомъ податей и съ церковью. Онъ продаетъ мало и мало покупаетъ: онъ получаетъ мало денегъ, но ему рѣдко приходится за что нибудь платить. Часто упоминаютъ о тихомъ и добромъ характерѣ тосканцевъ, но обыкновенно недостаточно обращаютъ вниманіе на причину, болѣе всего способствовавшую сохраненію этой доброты: причиной является способъ владѣнія землей, благодаря которому цѣлый классъ фермеровъ,—т. е., болѣе нежели три четверти всего населенія,—пзбавленъ почти отъ всякаго повода къ ссорѣ». Прочность владѣнія, которымъ пользуется половникъ, если и не

по закону, то по обычаю до тѣхъ поръ, пока онъ выполняетъ свои обязательства, развивающія въ немъ привязанность къ мѣсту и почти такое же сильное чувство личнаго интереса, какъ у собственника. «Половникъ живетъ на своемъ участкѣ, какъ на своей вотчинѣ, страстно любитъ его, непрерывно трудится надъ его улучшеніемъ, полагаясь на будущее и вѣря, что его землю послѣ него будутъ обрабатывать его дѣти и внуки. И дѣйствительно, большинство половниковъ живутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе на одной и той же фермѣ; они знаютъ ее во всѣхъ подробностяхъ, до такихъ мелочей, на какія можетъ обратить вниманіе только одно чувство собственности. Небольшіе участки земли, устроенные въ видѣ террасъ однихъ надъ другими, часто бываютъ не болѣе четырехъ футовъ шириною; но изъ нихъ нѣтъ ни одного, качества котораго не изучилъ бы половникъ. Этотъ участокъ сухой, тотъ холодный и сырой: здѣсь почва глубока, тамъ она, какъ кора, едва покрываетъ скалу; на одномъ лучше растетъ пшеница, на другомъ рожь; здѣсь было бы бесполезной затратой труда сѣять мансъ, въ другомъ мѣстѣ почва не годится для бобовъ и дупина, зато на ней будетъ превосходно расти ленъ; берегъ этого ручья будетъ годиться для конопля. Такимъ образомъ, мы съ удивленіемъ узнаемъ отъ половника, что на пространствѣ десяти арпановъ земля представляетъ такое разнообразіе по почвѣ, виду и мѣстоположенію, какого богатый фермеръ обыкновенно не въ состояніи развѣстить на фермѣ въ пятьсотъ акровъ. Последній знаетъ, что онъ только временный владѣлецъ: кромѣ того, онъ долженъ вести свои операціи по общимъ правиламъ и пренебрегать мелочами. Но личный интересъ и привязанность такъ возбудили сообразительность опытнаго половника, что онъ сталъ замѣчательно наблюдательнымъ; имѣя передъ собой все будущее, онъ думаетъ не только о себѣ одномъ, но и о своихъ дѣтихъ и внукахъ. Поэтому, когда онъ садитъ масличну, способную существовать цѣлыя столѣтія, и выкапываетъ для нея яму, прокладываетъ канаву для отвода воды, могущей вредить дереву, онъ изучаетъ всѣ слои почвы, которые ему приходится прорыть»*).

*) Объ умѣ этого смѣшаннаго народа Симонди отзывается съ большою похвалою. Немногіе изъ нихъ умѣютъ читать: но почти всегда въ семьѣ есть членъ, предназначенный для духовнаго званія, который читаетъ въ слухъ по зимнимъ вечерамъ. Ихъ языкъ мало отличается отъ чистаго итальянскаго языка. Вкусъ къ стихотворнымъ импровизаціямъ распространенъ повсюду.

«Крестьяне Vale di Nievole, изъ томъ въ праздничные дни посѣщаютъ театръ отъ 9 до 11 часовъ вечера; входной билетъ стоитъ имъ не дороже пяти французскихъ су. Любимый ихъ авторъ—Альфери; вся исторія Атридовъ знакома этому народу, не умѣющему читать, который ищетъ у этого суроваго автора отдохновенія отъ своего тяжелаго труда». Въ противоположность большинству крестьянъ, они находятъ удовольствіе въ красотѣ своей страны. «Въ горахъ Vale di Nievole переть каждымъ домомъ находится толь для обмолачиванія хлѣба, рѣдко превышающій по пространству 25—30 квадратныхъ саженей; этотъ токъ часто бываетъ единственнымъ ровнымъ мѣстомъ во всей фермѣ; онъ представляетъ террасу, господствующую надъ долиной и равнинами, и съ него открывается видъ на восхитительную страну. Кажется всякій разъ, когда я любовался этимъ видомъ, ко мнѣ подходилъ половникъ, чтобы наста-

§ 4. Я привелъ эти ссылки не въ доказательство дѣйствительнаго превосходства половнической системы; но я считаю ихъ весьма достаточновыми для того, чтобы доказать, что съ ней не связана неизбежно «дурная обработка земли и самая крайняя бѣдность народа», и что безмѣрное порицаніе этой системы, ратчаемое английскими писателями, основано на чрезвычайно узкомъ взглядѣ на предметъ. Я считаю сельское хозяйство Италіи настолько же простымъ, насколько и новымъ доказательствомъ въ пользу мелкаго землевладѣнія, связаннаго съ прочнымъ правомъ на землю. Итальянское хозяйство служитъ примѣромъ того, что можетъ быть выполнено при этихъ двухъ условіяхъ даже и въ томъ случаѣ, когда помѣхоу служатъ невыгодныя стороны половническаго договора; при этомъ договорѣ интересъ къ труду у половника будетъ на половину слабѣе, чѣмъ у наследственнаго арендатора, который владѣетъ землей за определенную, или измѣняющуюся по известнымъ правиламъ денежную ренту и получаетъ всю выгоду отъ своихъ собственныхъ усилій. Половическая система не такова, чтобы мы желали вводить ее тамъ, гдѣ потребности общества не создали се естественнымъ порядкомъ; но мы не должны стремиться уничтожать ее только на основаніи априорнаго убѣжденія относительно ея невыгодности. Если въ Тосканѣ эта система на дѣлѣ осуществляется такъ хорошо, какъ это изображаетъ столь опытный писатель, какъ Сисмонди, повидимому, подробно знакомый съ ней: если образъ жизни народа и размѣръ фермъ сохранялись съ давняго времени и до сихъ поръ сохраняются такими же, какими они были по его словамъ *), то можно было бы пожалѣть, если бы благосостояніе деревенскаго населенія, такъ сильно превышающее все, что мы видимъ въ большей части европейскихъ странъ, подтвердилось бы опасностію вѣдѣтвѣ попытки ввести похъ видомъ земледѣльческухъ усовершенствованій денежную ренту и капиталистическое фермерское хозяйство. Даже тамъ, гдѣ половники бѣдны, а раздробленность земли велика, нельзя считать несомнѣннымъ, что перегибана была бы благотворна. Расширеніе фермъ и вѣдѣніе, такъ называемыхъ, земледѣльческухъ улучшеній обыкновенно уменьшаютъ число рукъ, работающихъ надъ землей: и если ростъ капитала въ торговлѣ и въ фабричной промышленности не представляетъ занятій для населенія, лишившагося земли, или если въ странѣ нѣтъ удобныхъ, свободныхъ земель, на которыхъ это населеніе можетъ быть возмощено, то соперничество такъ понизитъ заработную плату, что

дѣлается моимъ восхищеніемъ и указать пальцемъ красоты, которыя по его мнѣнію могли ускользнуть отъ моего наблюденія».

*) „Мы никогда не встрѣтимъ“ говоритъ Сисмонди, „чтобы семья половниковъ предложила землевладѣльцу раздѣлить ферму, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда работа дѣйствительно превышаетъ силы семьи и половника увѣрены, что ихъ положеніе не ухудшится при уменьшеніи количества земли. Мы никогда не встрѣтимъ, чтобы нѣсколько сыновей, все себя хозяйство; остальные женятся лишь тогда, когда первый бездѣтвъ, или когда кому-нибудь изъ нихъ представляется возможность завести новую ферму“. Nouveaux Principes III, ch. 5.

положеніе земледѣльцевъ, ставшихъ поденными рабочими, быть можетъ станетъ хуже, нежели тогда, когда они были половниками.

Докторъ висонтѣ основательно возражаетъ противъ французскихъ экономистовъ прошлаго столѣтія, которые, преслѣдуя свою любимую цѣль—введеніе денежной ренты, стремились только къ тому, чтобы замѣнить половниковъ фермерами, вмѣсто того, чтобы обратить существующихъ половниковъ въ фермеровъ. Такое превращеніе, какъ онъ справедливо замѣчаетъ, едва-ли можетъ осуществиться до тѣхъ поръ, пока половникъ не получитъ возможности сберечь и не приобрѣтетъ капитала, и пока землевладѣльцы для того, чтобы дать половнику эту возможность, не согласятся на уменьшеніе дохода въ теченіе значительнаго времени, вмѣсто того, чтобы разсчитывать на его увеличеніе; а именно расчеты на это обыкновенно и служатъ для нихъ непосредственнымъ побужденіемъ къ производству опытовъ. Если осуществится такое преобразование и не произойдетъ никакой другой перемѣны въ положеніи половника, если онъ, сохраняя все другія права, обезпечиваемыя ему обычаемъ, просто освободится отъ права землевладѣльцы на половину продукта и будетъ платить вмѣсто этой половины умѣренную и определенную ренту, то выгода сравнительно съ настоящимъ будетъ состоять въ томъ, что половнику будетъ принадлежать вся прибыль отъ сдѣланныхъ имъ улучшеній, а не половина ея. Однако, даже и въ этомъ случаѣ выгода была бы не совсѣмъ полная, такъ какъ, хотя половникъ самъ не имѣетъ капитала, зато онъ находится въ товариществѣ съ капиталистомъ, и, по крайней мѣрѣ въ Италіи, пользуется значительнымъ капиталомъ, что доказывается превосходнымъ зданіемъ на фермахъ: въ томъ же случаѣ, когда землевладѣльцу будетъ обезпечена определенная денежная рента, онъ навѣрное болѣе не согласится подвергать опасности свое движимое имущество ради рискованнаго земледѣльческаго предпріятія. Въ томъ, въ чемъ состоятъ бы вопросъ даже и тогда, если бы перемѣна оставила не нарушимой прочностъ половническаго владѣнія и дѣйствительно обратила бы половника въ крестьянина-собственника, платящаго определенную ренту. Но если мы предположимъ, что половникъ обращенъ въ простаго арендатора, могущаго быть познаннымъ по желанію землевладѣльца, и что платимая имъ рента можетъ, благодаря соперничеству, повышаться до такой суммы, какую только бѣдняки въ состояніи предложить или обѣщать въ поспѣхъ за средствами къ существованію, то половникъ утратитъ все преимущество, предохраняющія его отъ обѣденія: онъ будетъ низвергнутъ изъ своего настоящаго положенія, когда онъ является на половину собственникомъ земли, и падетъ до состоянія арендатора-коттѣра.

ГЛАВА VIII.

Коттѣры.

§ 1. Подъ общимъ названіемъ коттѣрской аренды я буду разумѣть все безъ исключенія случаи, въ которыхъ рабочій заключаетъ

арендный договор без посредничества капиталиста-фермера, и в которых условия договора, и в особенности размеры ренты, определяются не обычаем, а соперничеством. В Европѣ главнымъ примѣромъ такой аренды служатъ Ирландія, и самое слово коттеръ происходитъ изъ этой страны *). Можно сказать, что коттеры составили значительное большинство земледельческаго населения Ирландіи до самаго послѣдняго времени; исключеніе представляли развѣ только особенности аренды въ Эльстерѣ (tenant right). Дѣйствительно, въ Ирландіи существовалъ многочисленный классъ рабочихъ, которые не имѣли возможности получить въ постоянное владѣніе даже самаго маленькаго клочка земли (какъ можно предположить, вслѣдствіе того, что собственники, или существующіе уже фермеры не соглашались допустить дальнѣйшаго раздробленія земли). Но по недостатку капитала, обычай платить заработную плату землей, былъ настолько повсемѣстно распространенъ, что даже люди, работавшіе, какъ временные рабочіе у коттеровъ, или у крупныхъ фермеровъ, какіе здѣсь тоже встрѣчаются, обыкновенно получали плату не деньгами, а въ видѣ позволенія обрабатывать на одинъ годъ кусокъ земли, который обыкновенно переходилъ къ нимъ отъ фермера уже удобренными и назывался сонассе. За этотъ клочекъ они обязывались платить ренту деньгами, не рѣдко по нѣсколько фунтовъ за акръ, но въ дѣйствительности они пхъ никогда не платили, а свой долгъ отбывали поденной работою по денежной оцѣнкѣ.

Такъ какъ при системѣ коттерства продуктъ раздѣляется на двѣ части: ренту и вознагражденіе рабочему, то очевидно, что размеръ одной части опредѣляется размеромъ другой. Рабочій получаетъ то, чего не взяли владѣлецъ; положеніе рабочаго зависитъ отъ величины ренты. Но рента регулируется соперничествомъ и зависитъ отъ отношеній между спросомъ на землю и предложениемъ послѣдней. Спросъ на землю находится въ зависимости отъ числа соперниковъ: а соперниками бываетъ все деревенское населеніе. Такимъ образомъ, этого рода аренда ведетъ къ тому, что принципъ населенія влияетъ непосредственно на землю, а не на капиталъ, какъ въ Англіи. При такомъ положеніи дѣлъ рента зависитъ отъ отношеній между населеніемъ и землею. Количество земли опредѣленно, тогда какъ населеніе обладаетъ безграничною способностью размножаться, если только ничто не сдерживаетъ этого размноженія: поэтому соперничество изъ-за земли скоро доведетъ ренту до наивысшаго размера, позволяющаго населенію только поддерживать жизнь. Итакъ, результаты системы коттерства зависятъ отъ того, насколько способность населенія размножаться сдерживается

*) Въ первоначальномъ своемъ значеніи слово „коттеръ“ означало классъ подъ-арендаторовъ, напимавшихъ у мелкихъ фермеровъ коттеджи и одинъ, или два акра земли. Но писатели съ давнихъ поръ расширили значеніе этого слова, распространивъ его на самихъ мелкихъ фермеровъ и вообще на всѣхъ крестьянъ-фермеровъ, рента которыхъ опредѣляется соперничествомъ.

вается обычаемъ и личнымъ благоразуміемъ, или болѣзною или голодною смертью.

Было бы преувеличеніемъ утверждать, что система коттерской аренды никакъ не совмѣстима съ хорошимъ положеніемъ рабочаго класса. Представимъ себѣ, что подобная система существуетъ между людьми, у которыхъ болѣе высокій уровень благосостоянія вошелъ въ привычку, потребности которыхъ таковы, что эти люди не стали бы предлагать ренты выше той, какая дала бы имъ возможность жить въ достаткѣ; предположимъ, что умеренное возрастаніе ихъ численности не создаетъ незанятаго населенія;—при этихъ условіяхъ рента не будетъ возвышаться вслѣдствіе соперничества; иначе какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣльческое хозяйство развивается и продуктъ возрастаетъ, что позволяетъ платить болѣе безъ затрудненія. Такой земледѣльческій классъ могъ бы получать столь же хорошее вознагражденіе, могъ бы располагать столь же большою долей предметовъ необходимости и жилищскаго комфорта при этой системѣ, какъ и при всякой другой. Но все же, пока рента будетъ произвольна, земледѣльцы не будутъ пользоваться ни одной изъ тѣхъ особенныхъ выгодъ, какія извлекаются тосканскими половниками изъ ихъ связи съ землей. Они не будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи капитала, принадлежащаго ихъ землевладѣльцу, а недостатокъ капитала, не вознагражденъ сильнымъ побужденіемъ къ умственному и физическому труду, которое влияетъ на крестьянина, имѣющаго землю въ прочномъ владѣніи. Напротивъ, всякое увеличеніе стоимости земли, благодаря труду коттера, въ результатѣ только поднило бы ренту, платимую имъ самимъ въ тотъ же годъ, или позднѣе, по окончаніи договора. Землевладѣльцы могутъ имѣть достаточно справедливости и здраваго смысла, чтобы не воспользоваться выгодами, представляемыми имъ соперничествомъ, и нѣкоторые землевладѣльцы, пожалуй, такъ и поступятъ. Но никогда нельзя съ увѣренностью рассчитывать, чтобы цѣлый классъ, или общество людей получили въ разрѣзъ со своей непосредственной, денежной выгодой. Между тѣмъ, даже сомнѣніе относительно этого предмета было бы почти такъ же пагубно, какъ и неблагоприятная увѣренность, потому что когда человекъ соображаетъ—предпринять ли ему, или не предпринимать извѣстнаго труда или пожертвованія въ настоящемъ ради сравнительно отдаленнаго будущаго, то при самомъ незначительномъ сомнѣніи, что плоды его труда или пожертвованія будутъ отняты у него, онъ никогда не станетъ рисковать. Единственной защитой противъ этой неизвѣстности было бы укорененіе обычая, обеспечивающаго постоянное владѣніе одному и тому же нанятому, безъ всякой возможности возвышать ренту въ иныхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, когда такое возвышеніе будетъ утверждено общественнымъ мнѣніемъ. Въ Эльстерѣ право арендатора (tenant right) представляетъ такой обычай. Весьма значительныя суммы, которыя уходившіе арендаторы получаютъ отъ своихъ замѣстителей за добровольный отказъ отъ своей фермы *),

*) Нѣрѣдко случается, что арендаторъ, владѣющій фермой безъ договора, не сдѣлавъ въ ней никакихъ видимыхъ улучшеній, продаетъ

во-первых, существенно ограничивают число соперников относительно земли лицами, имевшими возможность заплатить такую сумму; а во-вторых, этот факт доказывает еще то, что землевладелец не извлекает полной выгоды даже из этого более ограниченного соперничества, так как рента не подымается до всей той суммы, какую вновь поступающий арендатор не только предлагает, но и действительно платит. Последний поступает так в полной уверенности, что рента не будет повышаться; а это ему гарантируется обычаем, который, хотя и не признан законом, но получает свою обязательную силу от другой санкции, а именно признанной в Ирландии *). Без законной поддержки, или той, какая существует в Ирландии, обычай, ограничивающий ренту, вероятно, не может утвердиться в развивающемся обществе. Если бы богатство и население были постоянны, рента также оставалась бы постоянной и, просуществовав долгое время без изменений, вероятно, стала бы считаться неизменной. Но всякое увеличение богатства и населения способствует повышению ренты. При половинческой системе существует уже установленный способ, по которому собственник наверняка получит выгоду от увеличения количества предкутов. Но при системе коттерства он может получить эту выгоду только с помощью изменения контракта, а такое изменение в развивающемся обществе было бы почти всегда в его пользу. Поэтому его интерес относительно противоположен укоренению всякого обычая, замедляющего ренту неизменной повинностью.

§ 2. Там, где размер ренты не ограничен законом, или обычаем, система коттерства имеет все недостатки самого худшего половинчества и не представляет ни одного из достоинств, которыми эти недостатки вознаграждаются при лучших формах половинческого строя. Едва ли возможно, чтобы земледельцы коттерство находилось не в жалком положении. Однако, при этом положении земледельца вовсе не должно быть неизбежно таким же печальным. Соперничество может быть ослаблено и крайняя бедность предупреждена, если население будет достаточно сдержано относительно размножения; в результате благоразумия привычки и высокий уровень благосостояния, раз установленные, могут быть вполне ввероятно сохранены и на будущее время. Но даже и

свое право на нее за сумму, равняющуюся 10, 16, 20 и даже 40 годичным рентам. Digest of Evidence taken by Lord Devon's Commission, Introductory (Chapter). Компилятор прибавляет, «что сравнительное спользование этого округа (Эльстер), вероятно, может быть приписано главным образом этому такту».

*) «В большинстве случаев эта уплата не есть вознаграждение за повсеместные издержки и выполненные улучшения в земле, но простое страхование жизни, или уплата во избежание нашествия». (Digest см. выше). Ничего существующего в Эльстере, tenant right, как справедливо замечает автор, «есть сору—hold в зародыше». Даже и в этом округе, если право арендатора нарушается, а арендатор изгоняется, не получив должного вознаграждения, то за этим обыкновенно следуют всевозможные нашествия. (Гл. VIII). «Беспорядки в Тиссерари и аграрные заговоры по всей Ирландии представляют только методическую войну для получения эльстерского права—арендатора».

при этих благоприятных обстоятельствах побуждения к благоразумию у коттеров были бы значительно слабее, чем у половинков, подобных тосканским, которые охраняются обычаем от опасности лишиться своих ферм. И в самом деле,—семейство половинка, пользующееся такой заботой, не может объединить ни от какого другого непредусмотрительного размножения, кроме своего собственного, тогда как семейство коттера, несмотря на все свое благоразумие и сдержанность, может подвергаться повышению ренты вследствие размножения других семей. Предупредить это зло коттеры могут только путем распространения в их классе благотворного чувства долга и собственного достоинства. Во всяком случае это чувство может послужить им значительной охраной. Если обычный уровень потребностей высок, молодой человек предпочтет не предлагать такой ренты, которая поставила бы его в положение худшее того, какому пользовался его предшественник. Может также войти в общее обыкновение, как это действительно бывает в некоторых странах, не жениться, пока где-нибудь не освободится ферма.

Но нам никогда не придется рассматривать результаты коттерской системы там, где высокий уровень благосостояния укоренился сам по себе в привычках рабочих классов. Эта система встречается только в тех местах, где обычные потребности сельских рабочих до крайности низки, где люди склонны размножаться, пока не наступит действительная, голодная смерть, и где рост населения сдерживается только болезнями и краткостью жизни, вследствие недостатка предметов первой необходимости. Таково положение большей части ирландских крестьян. Когда люди спустились до такого уровня, и еще больше, когда они находились в нем с незапамятных времен, коттерство представляет почти непреодолимое препятствие для выхода из этого состояния. Когда привычки народа таковы, что его размножение сдерживается одной невозможностью получить насущное пропитание, и когда это пропитание может дать только земля, то все соглашения и договоры относительно размера ренты будут лишь номинальны. Соперничество относительно земли вынудит у арендаторов согласие платить больше, чем они могут заплатить, и хотя бы они заплатили все, что могут, большая часть ренты останется все-таки неплаченной.

«По справедливости можно сказать об ирландских крестьянах, говорит Риверс, секретарь комиссии *), занимающейся исследованием ирландского закона о бедных, «что в каждой семье, не имеющей достаточного количества земли для производства своей пищи, один, или даже несколько членов существуют милоустановкой: поэтому легко себя представить, что крестьяне употребляют всевозможные усилия, чтобы получить в аренду небольшой участок, и что, повышая ренту, они не думают ни о плодородии

*) Evils of the state of Ireland, their Causes and their Remedy. Стр. 10. Pamphlet, между прочим, заключающий подбор и сводку свидетельств из массы материала, собранного комиссией, председателем которой был архиепископ Уэтли.

почвы, ни о возможности заплатить условленную сумму, а просто надѣются обещаніемъ такой платы скорѣе започнуть желаемый участокъ. Они почти никогда не въ состояніи заплатить обещанную ренту, а потому почти сейчасъ же, какъ только вступаютъ во владѣніе землей, они становятся должниками тѣхъ, у кого наняли ее. Въ видѣ ренты они отдають весь продуктъ земли, за исключеніемъ количества картофеля, необходимаго для пропитанія; но такъ какъ весь продуктъ рѣдко равняется обещанной рентѣ, то ихъ долгъ постоянно увеличивается. Иногда обещанная рента бываетъ выше самаго большаго количества продукта, какое могутъ дать когда-либо коттѣрскіе участки, или какое можно было бы получить съ ихъ при существующей системѣ обработки въ самый благоприятный годъ; сдѣловательно, если бы крестьянинъ выполнялъ свой договоръ,—что однако онъ рѣдко въ состояніи сдѣлать,—то онъ обрабатывалъ бы землю даромъ и еще давалъ бы землевладельцу премию за позволеніе обрабатывать ее. По берегу моря рыбаки и въ сѣверныхъ графствахъ ткачи не рѣдко платятъ ренту, превышающую всю рыночную стоимость продукта, собираемаго съ нанятаго ими участка. Можно, пожалуй, предположить, что при такихъ условіяхъ имъ лучше совсѣмъ не занимать земли. Но рыбная ловля можетъ прекращаться на недѣлю и на двѣ, то же можетъ быть и съ спросомъ на ткацкія произведенія, и тогда эти люди, не имѣя земли для производства пиши, могли бы умереть съ голода. Однако, они рѣдко платятъ полностью эту чрезмѣрную ренту. Крестьянинъ постоянно остается въ долгу у землевладельца; его жалкое имущество—убогое платье его самаго и его семьи, два или три стула и немного глиняной посуды, находящейся въ его жалкой лачугѣ, если бы ихъ продать, не покрыли бы постояннаго, и обыкновенно накопляющагося, долга. Крестьянинъ болѣею частью опаздываютъ съ платежемъ на годъ, и извиненіемъ за неплатежъ бываетъ нищета. Будетъ ли въ какой-нибудь годъ продуктъ съ участка болѣе нежели обыкновенно, станетъ ли крестьянинъ случайно владельцемъ какого-нибудь имущества, его благосостояніе не можетъ улучшиться отъ этого; онъ не можетъ позволить себѣ ни лучшей пиши, ни большаго количества ей; его домашнія утвари не можетъ увеличиться; его жена и дѣти не будутъ лучше одѣты. Все приобретенное должно пойти чуждѣ, у котораго онъ нанялъ землю. Случайное увеличеніе дохода коттѣра даетъ ему возможность уменьшить долгъ за неуплаченную ренту, и такимъ образомъ отдалить на нѣкоторое время предписаніе очистить ферму. Но въ этомъ и предѣлъ его надеждъ».

Какъ на крайній примѣръ того, насколько вѣшка бываетъ сила соперничества относительно земли и до какой чудовищной высоты иногда доводитъ номинальная рента, мы можемъ сослаться на свидѣтельство, приведенное комиссіей, работавшей подъ предѣтельствомъ лорда Девона и подтвержденное Хѣрлс. короннымъ секретаремъ графства Керри: «И зналъ арендатора, желавшаго нанять ферму, шедшую, какъ мнѣ хорошо было извѣстно, за 50 фунтовъ въ годъ; я видѣлъ, какъ, благодаря соперничеству, цѣна на нее была понята до того, что онъ нанялъ ее за 450 ф.»

§ 3. При подобномъ положеніи, что можетъ выиграть арендаторъ отъ какого бы то ни было трудолюбія, и что онъ теритъ вслѣдствіе нерадивости? Если бы землевладелецъ сталъ пользоваться вполне своимъ законнымъ правомъ, коттѣрь не могъ бы даже существовать. Хотя бы даже чрезмѣрными успѣхами онъ удвоилъ продуктъ со своего клочка земли, или хотя бы онъ благоразумно воздержался отъ произведенія на свѣтъ ртовъ, поѣдающихъ этотъ продуктъ, единственная выгода состояла бы въ томъ, что болѣе осталось бы для уплаты землевладельцу; а между тѣмъ, если у коттѣра будетъ даже двадцать дѣтей,—все же прежде всего они будутъ прокормлены, а землевладелецъ возьметъ только то, что останется. Изъ всего человѣчества, кажется, одинъ коттѣрь находится въ такомъ положеніи, которое онъ не можетъ самостоятельно ни улучшить, ни ухудшить. Если онъ трудолюбивъ, или благоразуменъ, отъ этого выигрываетъ только землевладелецъ: если онъ лѣнивъ и неводержанъ, то это въ ущербъ землевладельцу. Даже въ воображеніи нельзя представить себѣ состоянія болѣе лишеннаго поводовъ къ трудолюбію и самообладанію. Побужденія свободнаго чловѣка отняты, а побужденія раба не замѣнили ихъ. Коттѣрь ни на что не надеется, ничего не боится, кромѣ изгнанія со своего участка, а противъ этого онъ защищается самъ посредствомъ шпіонажѣ, оборонительной, междусобной войны. «Рокizamъ» и «Уайт-боизамъ» служатъ опредѣленіемъ людей, не имѣющихъ ничего, что бы они могли назвать своимъ, кромѣ дневной ѣды самаго худшаго качества, и не желающихъ лишаться этого ради чуждой выгоды.

Не есть ли это въ такомъ случаѣ горькая сатира на способъ, по которому рѣшаются самые важные вопросы человеческой природы и жизни, когда наставники общества, претендующіе на большую ученость, видятъ причину отсталости прландской промышленности и недостатка у прландскаго населенія энергіи добиться лучшаго будущаго въ лѣности и безпечности свойственной кельтической расѣ? Изъ всѣхъ распространенныхъ способовъ уклониться отъ разсмотрѣнія того, какъ дѣйствуютъ общественныя и нравственныя условія на человеческій умъ, самый понилый состоитъ въ томъ, что различія въ поведеніи и характерѣ приписываются врожденнымъ природнымъ особенностямъ. Какая раса не была бы лѣнливой и безпечной, когда обстоятельства сложились такъ, что люди не получаютъ никакой выгоды отъ своей предусмотрительности и трудолюбія? Разъ въ той средѣ, въ которой они живутъ и работаютъ, существуетъ подобное устройство, то что же удивительнаго, если порожденная этой средой, нерадивость и равнодушіе не страиваются въ первую же минуту, когда представится случай, при которомъ трудолюбіе будетъ дѣйствительно полезно. Вполнѣ естественно, что народъ настолько воспримчивый и любящій удовольствія, какъ прландцы, долженъ быть менѣе склоненъ къ постоянному, рутинному труду, чѣмъ англичане, потому что для прландца жизнь, помимо труда, представляетъ болѣе интересовъ, чѣмъ для англичанина. Но прландцы способны къ труду не менѣе сильнѣ кельтическихъ братьевъ французевъ, не менѣе тосканцевъ или древнихъ

грековъ. Жизнь характера именно и есть та черта, при которой, съ помощью соответствующихъ побуждений, легче всего вызвать усердное трудолюбіе. Если люди не хотятъ работать безъ побудительной причины, это вовсе не доказательство, что они не способны къ труду. Въ Англии и Америкѣ нѣтъ рабочихъ, которые бы работали усерднѣе ирландцевъ, но только не при системѣ коттерства.

§ 4. Многочисленное население, обрабатывающее землю Индіи, находится въ положеніи почти аналогичномъ съ положеніемъ коттеровъ, и въ то же время настолько отличномъ отъ послѣдняго, что сравнивать то и другое будетъ довольно поучительно. Въ большей частн Индіи есть и, быть можетъ, всегда было только двѣ заключающія договоръ стороны: землевладелецъ и крестьянинъ. Землевладельцемъ обыкновенно бываетъ государь, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ по специальному акту переуступилъ свои права частному лицу, ставшему его представителемъ. Но платежи крестьянъ или райотовъ, какъ ихъ называютъ, рѣдко или даже нѣкогда не регулируются соперничествомъ, какъ въ Ирландіи. Хотя мѣстные обычаи чрезвычайно разнообразны и хотя никакой общаи не могъ бы устоять противъ воли государя, тѣмъ не менѣе въ Индіи всегда существовали правила, до известной степени общія для каждой небольшой округи: сборщикъ не вступалъ въ договоръ съ отдельнымъ крестьяниномъ, а опредѣлялъ плату каждаго по нормѣ, принятой для всѣхъ. Такимъ образомъ поддерживалось понятіе о правѣ собственности арендатора, или, во всякомъ случаѣ, о правѣ вѣчнаго владѣнія, и эта прочность владѣнія у крестьянина-фермера составляла аномалію рядомъ съ существующей произвольной властью возвышать ренту.

Когда индускіе правители были замѣнены монгольскими завоевателями, то послѣдніе стали дѣйствовать по другимъ принципамъ. Было сдѣлано подробное измѣреніе земли, и на основаніи этого пэмбретія были назначены сборы и установлена особенная плата съ каждаго поля въ пользу правительства. Если бы это обложеніе никогда не увеличивалось, райоты были бы въ сравнительно выгодномъ положеніи крестьянъ-собственниковъ, обязанныхъ платить тяжелую, но за то опредѣленную ренту. Однако, отсутствіе какой-нибудь дѣйствительной защиты противъ незаконныхъ требований сдѣлало это улучшеніе ихъ положенія скорѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда являлись гуманныя и энергичныя мѣстные администраторы, асидуатация земледѣльцевъ не имѣла никакихъ практическихъ границъ, кромѣ неспособности самого райота платить больше.

Таково было положеніе дѣлъ, когда власть перешла къ англійской администраціи. Англичанамъ въ самомъ раннемъ періодѣ ихъ дѣятельности представилась необходимость положить конецъ этому произвольному характеру поземельныхъ сборовъ и установить опредѣленныя границы для фискальныхъ требованій. Попытокъ возвратиться къ обычкѣ, сдѣланной монголами, не было. Вообще, у англійскаго правительства въ Индіи было очень рациональное обыкновеніе не обращать вниманія на то, какъ представлялись въ тео-

рип туземныя учрежденія, а изучать тѣ права, которыя существуютъ и уважаются на практикѣ, и охранять и расширять ихъ. Однако, оно долгое время жестоко ошибалось относительно сущности дѣла и совершенно не понимало обычая и права, которые оно нашло въ странѣ. Ошибки правительства возникли отъ неспособности умовъ представить себѣ социальныя отношенія, въ самомъ существѣ противоположныя тѣмъ, съ какими они практически знакомы. Англія сжилась съ крупными помѣстьями и крупными землевладельцами: поэтому англійскіе правители рѣшили, что и въ Индіи должно быть то же самое, и, разыскивая людей, которыхъ можно бы было принять за тѣхъ, кого искали, они наткнулись на родъ сборщиковъ податей, называемыхъ «земндарамъ». «Земндаръ», говоритъ прощпательный историкъ Индіи *), имѣетъ нѣкоторыя изъ атрибутовъ землевладельца; онъ собираетъ ренту съ известнаго округа, управляетъ земледѣльцами, живущими тутъ, живетъ въ относительной роскоши, и когда онъ умираетъ, его сынъ наследуетъ ему. Поэтому отсюда весьма поспѣшно заключили, что земндары были собственниками земли, аристократіей и джентри Индіи. Не было принято во вниманіе, что земндары хотя и собираютъ ренту, однако не удерживаютъ ее въ свою пользу, а, за небольшимъ вычетомъ, передаютъ ее всецѣло правительству. Не было также замѣчено то, что если они и управляютъ райотами и рѣдко поступаютъ съ ними очень деспотично, все же они не обращаются съ ними, какъ со своими арендаторами, наимажущими частныя земли по контракту, или безъ него. Райотъ былъ наслѣдственнымъ владѣльцемъ, и земндаръ не имѣлъ права прогнать его съ земли. За каждый фартингъ, который получалъ отъ райота земндаръ, онъ обязанъ былъ дать отчетъ и могъ только обманомъ удержать изъ всего собраннаго пачъ хотя одну ану сверхъ той небольшой части, которую ему позволялось получить въ вознагражденіе за сборъ».

«Въ Индіи былъ моментъ», продолжаетъ тотъ же историкъ, «подобнаго которому нѣкогда не встрѣчалось въ исторіи всего міра. Послѣ государя, самую большую долю выгоды отъ земли получали непосредственныя земледѣльцы. Права земндаровъ (какія дѣйствительно существовали) легко можно было полностью выкупить. Правительство приняло благородное рѣшеніе—пожертвовать для интересовъ страны своими правами собственности. Побужденія къ улучшеніямъ, даваемыя собственностью и такъ справедливо отнесенныя правительственной властью, могли быть сообщены тѣмъ людямъ, на которыхъ они дѣйствовали бы съ несравненно большей силой, чѣмъ на всякій другой классъ. Эти побужденія могли быть переданы тому классу, который во всѣхъ странахъ одинъ производитъ земледѣльческія улучшения, т. е. непосредственнымъ обработывателямъ земли. И реформа, которую слѣдовало бы поставить на ряду съ самыми благотворными изъ всѣхъ, когда-либо предпринимавшихся, можетъ быть, вознаградила бы индійскій народъ за бѣдствія отъ дурнаго управленія, которыя онъ такъ долго терпѣлъ. Но за-

*) Mill's History of British India, кн. VI, гл. 5.

конодателями были аристократы, и потому аристократические предрассудки одержали верх».

Принятая мѣра оказалась вполне неудачной относительно главных результатов, которых ожидали ее доброжелательные защитники. Непривыкшие соображать, насколько дѣйствіе какого-нибудь даннаго учреждения видоизмѣняется подъ вліяніемъ даже такого, сравнительно небольшого, разнообразія условій, какое существуетъ въ одномъ королевствѣ, они воображали, что созданы въ Бенгальскихъ провинціяхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, а на дѣлѣ оказалось, что они созданы только ирландскихъ. Новая земельная аристократія обманула все ожиданія, возлагаемыя на нее. Она ничего не дѣлала для улучшенія своихъ помѣстій и дѣлала все это для своего собственнаго разоренія. Здѣсь не употреблялись такія успія, какъ въ Ирландіи, чтобы дать возможность землевладѣльцамъ не страшиться послѣдствій собственнаго неблагоприятія, и поэтому почти вся земля Бенгаліи была секвестрована и продана за долги, или неплату налога, и въ одно поvolvіе исчезла большая часть древнихъ земледаровъ. Другія фамиліи, преимущественно потомки калъкутскихъ чиновниковъ, обогатившихся при британскомъ правительствѣ, заняли теперь ихъ мѣста, и живутъ такими же бесполезными лѣнтяками на землѣ, перешедшей къ нимъ. Все, что правительство пожертвовало изъ своихъ денежныхъ правъ для созданія подобнаго класса, въ лучшемъ случаѣ, было просто растрачено.

Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ британское управленіе было введено поздне, признано было ошибочнымъ надѣлать бесполезный классъ крупныхъ землевладѣльцевъ на счетъ общественныхъ доходовъ. Въ большей части Мадраса и въ части Бомбейскаго президентства рента уплачивается прямо правительству самимъ земледѣльцемъ. Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ правительство накладываетъ извѣстную сумму на все деревенское общество въ совокупности; при этомъ опредѣляется, какую долю должно платить каждое отдѣльное лицо, но на все общество возлагается отвѣтственность за неисправныхъ плательщиковъ. Однако, въ большей части Индіи непосредственные земледѣльцы не получили земли въ вѣчное владѣніе и за опредѣленную ренту. Правительство управляетъ землей по тѣмъ же принципамъ, по которымъ хорошій ирландскій землевладѣлецъ управляетъ своимъ помѣстьемъ: оно не пользуется соперничествомъ между земледѣльцами, не спрашиваетъ ихъ, сколько они общають заплатить, а самостоятельно опредѣляетъ, что они могутъ платить, и согласно съ этимъ назначаетъ свои требованія. Во многихъ округахъ одна часть земледѣльцевъ считается арендаторами, завѣсившимъ отъ другой части (иногда довольно многочисленной), и правительство беретъ налогъ только съ тѣхъ, которые считаются потомками первоначальныхъ поселенцевъ, или завоевателей деревни. Иногда рента опредѣляется только на одинъ годъ, иногда на три, на пять лѣтъ; но въ настоящее время правительство повсемѣстно стремится къ долгосрочнымъ договорамъ, и въ сѣверныхъ провинціяхъ сроки доходятъ до тридцати лѣтъ. Это устройство, однако, существуетъ недостаточно долго для того, чтобы

показать на опытъ насколько побужденія къ улучшеніямъ, созданныя въ умахъ земледѣльцевъ долгосрочнымъ договоромъ слабѣе чѣмъ при вѣчномъ владѣніи *). Что же касается ежегодныхъ и кратковременныхъ договоровъ, то оба эти пріема отдали въ пользование безвозвратно осужденны. Все, что можно о нихъ сказать, это—то, что они представляли собою успѣхъ по сравненію съ неограниченнымъ прѣтѣсеніемъ, существовавшимъ раньше. Ихъ никто не одобрилъ и никто на нихъ не смотрѣлъ иначе, какъ на временную мѣру, которая будетъ покинута, какъ только болѣе полное знаніе силъ страны представитъ данныя для чего-нибудь болѣе прочнаго

ГЛАВА IX.

Средства къ уничтоженію коттѣрства.

§ 1. Когда было написано и опубликовано первое изданіе этого произведенія, вопросъ, что дѣлать съ населеніемъ коттѣровъ, былъ для англійскаго правительства самымъ настоятельнымъ практическимъ вопросомъ. Большая часть восьмидесяти-милліоннаго населенія, долго копошившаяся въ безпомощной косности и крайней бѣдности при системѣ коттѣрства, была подъ вліяніемъ ее доведена до того, что могла питаться самой плохой пшеницей и не была способна ни желать, ни дѣлать что либо для улучшенія своей участи; наконецъ, вслѣдствіе неурожаевъ и этой скудной пищи, эти люди были погружены въ такое состояніе, выходомъ изъ котораго, по видимому, была или смерть, или постоянное содержаніе на чужія средства, или радикальное измѣненіе экономическаго устройства, при которомъ народъ имѣлъ несчастье жить до снѣхъ поръ. Такая крайность заставила обратить на это дѣло вниманіе законодателей и націй: но едва ли можно сказать, что это привело къ значительному результату. Зло происходило отъ самого способа найма земли, отнявшаго у народа всякое побужденіе къ труду и къ бережливости, кромѣ побужденія, вытекающаго изъ страха голодной смерти: а средство, предложенное парламентомъ, уничтожило и это побужденіе, давая коттѣрамъ законное право существовать подаяніемъ. Что же касается борьбы съ самой причиною, то относительно ей ничего не было сдѣлано, кромѣ бесполезныхъ жалобъ, хотя отсрочка рѣшенія была куплена цѣною десяти милліоновъ стерлинговъ изъ національной казны.

«Безполезно», говорилъ я тогда, «приводить какіе бы то ни было доводы за то, что главное основаніе экономическаго бѣдствія Ирландіи заключается въ системѣ коттѣрства. Безполезно доказывать, что пока въ странѣ по общему обыкновению крестьянская рента опредѣляется съ помощью соперничества, до тѣхъ поръ ожидать трудолюбія, полезной дѣятельности, какой нибудь иной задержки

* Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, индійскимъ правительствомъ было принято рѣшеніе обратить долгосрочные договоры въ вѣчное владѣніе съ опредѣленной рентой.

размноженія, кромѣ смерти, надѣяться на самое малѣйшее уменьшеніе бѣдности, будетъ все равно, что искать фигъ на осотѣ, или винограда на терновникѣ. Если наши практическіе государственные люди не созрѣли для признанія этого факта, или, если они, признавая его въ теоріи, недостаточно чувствуютъ его реальность, чтобы быть въ состояніи основать на немъ свой образъ дѣйствій, то есть еще другой и чисте физическій признакъ, отъ котораго они не найдутъ возможности уклониться. Если урожай единственнаго продукта, которымъ до сихъ поръ существовалъ народъ, будутъ по прежнему не надежными, то или земледѣльческому искусству и трудолюбію долженъ быть данъ какой нибудь новый и сильный толчекъ, или почва Ирландіи не можетъ болѣе кормить своего настоящаго населенія. Цѣль всего продукта западной половины острова ничего не остается въ уплату ренты; населеніе не можетъ существовать долгое время на эти средства; оно неизбежно изъ года въ годъ будетъ оставаться бременемъ на государственныхъ финансахъ, пока, съ помощью ли эмиграціи, или голодной смерти, число его не придетъ въ соотвѣтствіе съ низкимъ состояніемъ ирландской промышленности, или пока не найдется способъ сдѣлать эту промышленность гораздо болѣе производительной».

Послѣ того, какъ были написаны эти строки, нѣкъмъ не предвидѣнныя событія спасли английскихъ правителей Ирландіи отъ затрудненій, которыя были бы справедливой карой за ихъ индифферентизмъ и недостатокъ предусмотрительности. Ирландія при системѣ коттерства не могла болѣе доставлять пищу для своего населенія. Парламентъ, думая помочь эту, создалъ только побужденіе къ возрастанію населенія, но вовсе не къ улучшенію производства. Однако, помощь, не доставленная ирландскому народу политической мудростью, явилась изъ неожиданнаго источника. Эмиграція, произведенная на частныя средства по системѣ Уэлфилда, осуществилась по добровольному приписи, въ гигантскихъ размѣрахъ (расходы людей, увѣжавшихъ позже, укладывались изъ заработковъ людей, отправившихся прежде) и на этотъ разъ уменьшила населеніе до числа, для котораго существующая земледѣльческая система можетъ доставить занятія и средства къ жизни. Перепись 1851 г. по сравненію съ переписью 1841 г. показала въ круглыхъ цифрахъ уменьшеніе населенія на полтора милліона. Последующая перепись (1861 г.) обнаруживаетъ дальнѣйшее уменьшеніе его приблизительно на полъ милліона. Такимъ образомъ ирландцы нашли путь къ цвѣтущему континенту, который въ продолженіи многихъ поколѣній будетъ въ состояніи содержать въ одинаковомъ достаткѣ пріоросъ населенія всего міра. Ирландскіе крестьяне научились устремлять свои взоры на земной рай, лежащій за океаномъ, какъ на вѣрное убѣжище и отъ притѣсненія саксонцевъ, и отъ гнраніи природы. Не можетъ быть сомнѣній, что съ этихъ поръ, какъ бы сильно не уменьшилось количество занятій для земледѣльческихъ рабочихъ, вслѣдствіе общаго введенія въ Ирландію англійскаго земледѣлія, или вслѣдствіе того, что Ирландія была бы, подобно южнымъ графствамъ, обращена подъ пастбище, народъ, оказавшійся

лишнимъ, будетъ эмигрировать въ Америку съ такой же быстротой, какъ милліоны ирландцевъ, переселившихся туда въ продолженіи трехъ лѣтъ, предшествовавшихъ 1851 г.: и это переселеніе такъ же, какъ и тогда, ничего не будетъ стоить націи. Люди, думающіе, что земля въ странѣ существуетъ для немногихъ тысячъ землевладѣльцевъ, и что, пока рента уплачивается, общество и правительство въ правѣ считать, что выполнили свои обязанности, могутъ видѣть въ этомъ походѣ счастливое окончаніе ирландскихъ затрудненій.

Но теперь не такое время и не въ такомъ состояніи находится человѣческой умъ, чтобы можно было поддерживать столь дерзкіи притязанія. Земля Ирландіи, земля каждой страны принадлежитъ народу этой страны. Частныя лица, называемыя землевладѣльцами, не имѣютъ въ силу нравственности и справедливости права ни на что, кромѣ ренты, или вознагражденія за нее по ея капитализованной стоимости. Что же касается земли, то относительно ея главный вопросъ состоитъ въ томъ, какими способомъ прикоснись и обработку можно сдѣлать ее наиболѣе полезной для всего населенія въ совокупности. Для собственниковъ ренты можетъ быть очень выгоднымъ, что масса жителей, потерявъ надежду на справедливость въ странѣ, гдѣ они и ихъ предки жили и страдали, должны искать въ другомъ континентѣ той земельной собственности, въ которой отказано имъ у себя дома. Но государственное законодательство должно смотрѣть другими глазами на принудительное удаленіе изъ отечества милліоновъ населенія. Когда жители страны покидаютъ ее дѣльными массами изъ-за того, что правительство не желаетъ дать имъ мѣста для жизни, то приговоръ надъ правительствомъ можно считать произнесеннымъ. Нѣтъ необходимости лишать землевладѣльцевъ хотя бы одного фардинга изъ денежной стоимости ихъ законныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы дѣйствительные землевладѣльцы получили возможность сдѣлаться въ Ирландіи тѣми, чѣмъ они стали въ Америкѣ — собственниками земли, которую они обрабатываютъ.

Хорошее государственное управленіе также требуетъ этого. Люди, не знающіе ни Ирландіи, ни какой нибудь другой плоземной страны, принимаютъ за единственный, достойный подражанія, образецъ социальныхъ и экономическихъ порядковъ положеніе дѣлъ въ Англии и предлагаютъ, какъ единственное средство противъ ирландскихъ бѣдствій, обратить коттеровъ въ наемныхъ рабочихъ. Но этотъ прозекъ скорѣе послужитъ для улучшенія ирландскаго земледѣлія, чѣмъ для улучшенія жизни ирландскаго народа. Положеніе поденнаго рабочаго не представляетъ условий, способствующихъ внушенію предусмотрительности, бережливости и сдержанности народу, лишённому этихъ качествъ. Если бы ирландскіе крестьяне могли быть повсемѣстно обращены въ батраковъ, живущихъ заработной платой, при чемъ старыя привычки и отличительныя черты народнаго характера остались бы тѣми же, что и прежде, мы увидѣли бы только четыре или пять милліоновъ людей, живущихъ, какъ поденные рабочіе, въ той же крайности, въ какой они жили

раныне, какъ коттеры. Они однаково пассивно относились бы къ отсутствію всякаго удобства жизни, однаково безразсудно размыкались бы, и даже, быть можетъ, были бы одинаково нерадивы къ своей работѣ, потому что вѣрнѣе имъ поголовно нельзя отказать отъ мѣста: а если бы это и было возможно, то отказъ только заставлялъ бы ихъ поступить на содержаніе на счетъ налога въ пользу бѣдныхъ. Результатъ былъ совершенно иной, если бы ихъ сдѣлали крестьянами-собственниками. Народъ, который долженъ еще учиться трудолюбію и предусмотрительности, который по своимъ способностямъ къ труду принадлежитъ къ самому отсталому населенію Европы, такой народъ требуетъ для своего возрожденія самаго сильнаго стимула, съ помощью котораго эти способности могутъ возбудиться; а до сихъ поръ стимула, подобнаго поземельной собственности, еще не найдено. Прочный интересъ къ землѣ у людей, обрабатывающихъ ее, служитъ почти непреложнымъ ручательствомъ за неутомимое трудолюбіе; онъ служитъ также самымъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ, какое до сихъ поръ извѣстно, противъ чрезмѣрнаго возрастанія населенія; хотя, конечно, это средство и не всегда вѣрно, но тамъ, гдѣ оно оказывается несостоятельнымъ, всякія другія мѣры, вѣроятно, потерпѣли бы еще гораздо большую неудачу;—въ такихъ случаяхъ все приемы чисто экономической политики были бы беспланы въ борьбѣ со зломъ.

Потребности Ирландіи сходны съ потребностями Индіи. Въ Индіи отъ времени до времени дѣлались большія ошибки, однако никогда никто не предлагалъ, подъ видомъ земледѣльческаго улучшенія, изгнать райготовъ, или крестьянъ-фермеровъ, съ ихъ участкомъ. Для улучшенія считалось необходимымъ сдѣлать владѣніе райготовъ болѣе обезпеченнымъ, и мнѣнія расходились только относительно того, что нѣкоторые стояли за вѣчное владѣніе, а другіе считали долгосрочный договоръ вполне достаточнымъ. Тотъ же вопросъ существуетъ и въ Ирландіи. Бесплезно было бы отрицать, что долгосрочные договоры при такихъ земледѣльцахъ, какіе здѣсь иногда встрѣчаются, производятъ удивительные результаты даже и въ Ирландіи. Но въ такомъ случаѣ договоры должны заключаться на низкую ренту. Для избавленія отъ коттерства ни въ какомъ случаѣ нельзя рассчитывать только на долгосрочность договоровъ. Во все время существованія системы коттерства договоры были всегда продолжительны; двадцать одинъ годъ, или три жизни были общепотребительными сроками. Но рента определялась соперничествомъ въ размѣрѣ, значительно превышавшемъ тотъ, какой могъ быть уплаченъ, такъ что арендаторъ не имѣлъ благотворнаго интереса къ землѣ, и не могъ никакими стараниями приобрести его: а потому выгода отъ долгосрочнаго договора была лишь номинальной. Въ Индіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правительство не уступало неблагоприятно своимъ правъ собственности земледѣльцамъ, оно имѣло возможность предупредить это бѣдствіе. потому что, будучи само землевладѣльцемъ, оно могло назначать ренту по своему усмотрѣнію; но при частныхъ землевладѣльцахъ, когда рента определяется соперничествомъ, а соперниками являются крестьяне,

борющиеся за существованіе, номинальная рента неизбежна, если только населеніе не будетъ настолько рѣдко, что само соперничество сдѣлается номинальнымъ.* Большая часть землевладѣльцевъ будутъ захватывать себѣ представляющіяся деньги и власть; и пока коттеры не перестанутъ на перебой предлагать какую угодно ренту, до тѣхъ поръ бесполезно рассчитывать, чтобы землевладѣльцы смилостились своей вредный образъ дѣйствій и стали бы поступать разсудительно и самоотверженно.

Вѣчность владѣнія служитъ болѣе сильнымъ стимуломъ къ улучшенію, нежели долгосрочный договоръ. Это зависитъ не только отъ того, что долгосрочный договоръ прежде своего истеченія проходитъ черезъ все виды краткосрочнаго договора вплоть до полнаго его отсутствія, а еще и отъ болѣе глубокихъ причинъ. Было бы очень поверхностнымъ съ нашей стороны, если бы мы судили, хотя бы даже о чисто экономическихъ вещахъ, не принимая въ расчетъ влияния воображенія. Въ словѣ «на всегда» есть сила, превлѣющая ту, какая заключается въ самыхъ продолжительныхъ срокахъ. Даже если сроки будутъ настолько продолжительны, что будутъ обнимать жизнь дѣтей и вѣхъ, въ комъ человекъ принимаетъ личное участіе, все же онъ не будетъ трудиться съ неослабнымъ жаромъ надъ улучшеніемъ земли, относительно которой его личный интересъ уменьшается съ каждымъ годомъ. Для того, чтобы быть способнымъ къ такому неослабному труду, человекъ долженъ настигнуть той высокой степени умственного развитія, при которой общественное благо (также обнимающее собою вѣчность) приобретаетъ преобладающее господство надъ его чувствами и желаніями. Кроме того, пока съ земельной собственностью будетъ связано вѣчное владѣніе, какъ это и есть въ большей части европейскихъ странъ, владѣніе землей на ограниченный срокъ, какъ бы онъ ни былъ продолжителенъ, навѣрное, будетъ считаться чѣмъ-то имѣющимъ меньшую цѣну и достоинство; люди будутъ предлагать меньше усердія для достиженія его, и, достигнувъ, будутъ чувствовать меньше привязанности къ нему. Но въ странѣ, гдѣ распространено коттерство, вопросъ о вѣчности владѣнія будетъ совершенно второстепеннымъ по сравненію съ болѣе важнымъ вопросомъ ограниченія ренты. Рента, платимая капиталомъ, обрабатывающимъ землю ради выгоды, а не ради лѣтба, можетъ быть безопасно предоставлена соперничеству; но невозможно предоставить соперничеству ренту, платимую рабочимъ, если только рабочіе не станутъ болѣе шпилькованными и развитыми, чего однако онъ нигдѣ еще не достигли и не могутъ легко достигнуть при подобномъ пользованіи землей. Крестьянская рента никогда не должна быть произвольной, никогда не должна завѣсѣть отъ благоусмотрѣнія землевладѣльцевъ. Настоятельно необходимо, чтобы она въ силу ли закона, или обычая была опредѣленной; и гдѣ не установленъ самъ собою такой общедно выгодный обычай, какъ половинческая система въ Тосканѣ, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рента была опредѣлена властью. Такимъ образомъ, произвольная рента будетъ обращена въ неизмѣнную, и фермеръ—въ крестьянина-собственника.

Для выполнения этой перемены в размер достаточно широко для того, чтобы совершенно уничтожить систему коттерства, самъ собою представляется очевидный и одинъ изъ самыхъ простыхъ способовъ. Слѣдуетъ немедленно разрѣшить этотъ вопросъ парламентскимъ актомъ, который обратилъ бы всю землю Ирландіи въ собственность арендаторовъ, обязавъ ихъ платить, какъ бы въ силу опредѣленнаго ипотечнаго обремененія, действительную, а не номинальную ренту. Въ этомъ заключалось подъ пменемъ «прочности владѣнія» (*fixity of tenure*) одно изъ требованій ассоціаціи Рипплеровъ (*Repeal Association*) въ наиболее успѣшный періодъ ихъ агитаціи. Лучше всего оно было выражено Коннеромъ, самымъ раннимъ, самымъ восторженнымъ и самымъ неутомимымъ проповѣдникомъ*) этой ассоціаціи, въ словахъ «оцѣнка и вѣчное владѣніе». Въ подобной мѣрѣ не было бы никакой несправедливости, подъ условіемъ только, чтобы землевладѣльцы были вознаграждены за теперешнюю цѣнность вѣроятнаго увеличенія ренты, отъ которой они принуждены будутъ отказаться на будущее. Нарушеніе существующихъ социальныхъ отношеній было бы едва ли болѣе сильнымъ чѣмъ то, какое совершили министры Штейня и Гарденбергъ, когда рядомъ эдиктовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія они произвели цѣлый переворотъ въ состояніи поземельной собственности Прусскаго государства и увеличили свои имела въ потомствѣ между самыми великими благодѣтелями своей страны. Просвѣщеннымъ иностранцамъ, писавшимъ объ Ирландіи, фонъ-Раумеру и Густаву де-Бомону, такого рода средство противъ этой болѣзни кажется настолько очевиднымъ и вѣрнымъ, что имъ трудно было понять, какъ это дѣло не было выполнено до сихъ поръ.

Однако, эта мѣра, во-первыхъ, пропала бы полная экспроприація высшихъ классовъ Ирландіи: а если принципы, положенныя нами, справедливы, такое преобразование можетъ быть оправдано только въ томъ случаѣ, когда оно является единственнымъ средствомъ для достиженія великаго общественнаго блага. Во-вторыхъ, она не оставила бы ничего кромѣ крестьянъ-собственниковъ, что само по себѣ вовсе не желательно. Крупныя фермы, обрабатываемыя съ помощью крупныхъ капиталовъ и принадлежанія лицамъ съ самымъ высшимъ образованіемъ, какое только можетъ дать страна, лицамъ, способнымъ, благодаря своему образованію, оцѣнивать научныя открытія и изучающимъ возможность производить дорогіе опыты, не смотря на замедленіе дохода и рискъ,—составляютъ важную часть хорошей земледѣльской системы. Много подобныхъ землевладѣльцевъ найдется даже и въ Ирландіи, и было бы большимъ несчастіемъ для общества лишитъ ихъ занимаемыхъ имъ полей. Слѣдуетъ замѣтить также, что значительная часть владѣній, вѣроятно, слишкомъ малы для того, чтобы ихъ собственники могли примѣнить на нихъ наиболее выгодную систему земледѣлія: а кро-

*) Авторъ многочисленныхъ брошюръ, озаглавленныхъ „True Political Economy of Ireland“, „Letter to the Earl of Devon“, „Two Letters on the Rackrent oppression of Ireland“ и другія. Коннеръ былъ агитаторомъ по этому вопросу съ 1832 года.

мъ того, современные коттеры не всегда окажутся такими людьми, какихъ бы желательно видѣть въ началѣ крестьянской собственности. Для многихъ изъ нихъ было бы болѣе полезнымъ получить надежду на приобретене поземельной собственности трудомъ и бережливостью, чѣмъ немедленно получить землю во владѣніе.

Однако, есть мѣры болѣе мягкія и не подлежащія подобнымъ возраженіямъ:—если бы ихъ осуществить въ самомъ широкомъ масштабѣ, какой только онѣ допускаютъ, то желаемая цѣль была бы въ значительной степени достигнута. Одной изъ этихъ мѣръ могло бы быть постановленіе, что каждый, желающій получить невоздѣланную землю, имѣетъ право получить ее въ собственность за опредѣленную ренту, равную умѣренному проценту на первоначальную стоимость земли въ невоздѣланномъ видѣ. Безъ сомнѣній при подобной мѣрѣ необходимо было бы принудительно обязать землевладѣльцевъ уступать пустующія земли (если онѣ не находятся подъ парками, садами и т. п.), когда явится потребность въ нихъ. Другое средство, въ выполненіи котораго могутъ участвовать также и отдѣльныя лица, заключается въ покупкѣ возможно большаго количества пролянувшихся земель и въ распродажѣ ихъ мелкими участками крестьянамъ. Съ этой цѣлью одно время проэктировалось основаніе общества (хотя попытка учредить его оказалась безуспѣшной): думали для этого примѣнять, насколько окажется возможнымъ, принципы обществъ *Freehold Land Societies*, которыя съ такимъ успѣхомъ учреждались въ Англіи: но имѣли тамъ первоначально въ виду не столько земледѣльческіе интересы, сколько памѣншіе избирательной организаціи.

Съ помощью этого способа частный капиталъ можетъ быть употребленъ не только безъ пожертвованій, но даже съ выгодой для его собственниковъ, на дѣло обновленія социального и земледѣльческаго устройства Ирландіи. Заключательный успѣхъ общества, *Waste Land Improvement Society*, дѣйствовавшаго по плану гораздо менѣе выгодному для арендаторовъ, служитъ примѣромъ того, къ чему можетъ побудитъ ирландскихъ крестьянъ достаточная увѣренность, что они трудятся всецѣло для своей собственной выгоды. Нѣтъ даже необходимости непременно устанавливать вѣчное владѣніе:—долгосрочный договоръ при умѣренной рентѣ, какую брало общество, *Waste Land Society*, былъ бы вполне достаточенъ, если бы фермерамъ была дана надежда, что имъ позволятъ покупать ихъ фермы на капиталъ, который они могутъ собрать, и который такъ быстро приобрѣли арендаторы общества подъ влияніемъ его благотворной снѣгемы*). Если бы земля была продана, основной капи-

*) Хотя это общество въ годы, послѣдовавшіе за неурожаемъ, было принуждено ликвидировать свои дѣла, все же слѣдуетъ сохранить память о томъ, что оно сдѣлало. Въ протоколѣ комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ лорда Девола (ст. 84), мы находимъ слѣдующее извлеченіе изъ доклада, сдѣланнаго обществомъ въ 1845 году его свѣдущимъ предсѣдателемъ, полковникомъ Робинсономъ:
„245 арендаторовъ, изъ которыхъ многіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ находились въ положеніи, близкомъ къ пауперизму, завѣщавшіе мелкіе участки отъ десяти до 20 акровъ каждый, своимъ собственнымъ сво-

таль общества быть бы освобожденъ, и оно могло бы начать свои операции въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ.

§ 2. Все предыдущее было написано мною въ 1856 году. Съ того времени величайшій кризисъ ирландской промышленности еще успѣлся, и теперь необходимо рассмотреть, насколько нынѣшнее положеніе можетъ повліять на мнѣнія относительно вѣдъ на будущее и практическихъ мѣръ, положенныя нами въ предыдущей части этой главы.

Главная перемена заключается въ большомъ уменьшеніи числа коттлеровъ, подающемъ надежду на полное уничтоженіе этой системы. Число молныхъ владѣній сократилось въ огромной пропорціи, а число владѣній среднихъ разбѣровъ возросло; это засвидѣтельствовано статистическими отчетами и въ достаточной степени подтверждаетъ общій фактъ, а всѣ данныя показываютъ, что перемена въ томъ же направленіи и до сихъ поръ продолжается *).

боднымъ трудомъ, при помощи общества улучшили свои фермы до стоимости 4396 фун. Въ послѣдній годъ стоимость фермъ увеличилась на 605 ф., что на каждого арендатора составляетъ 17 фун. 18 ш. за весь срокъ и 2 ф. 9 ш. за прошедшій годъ. Выгодой отъ этихъ улучшеній каждый арендаторъ будетъ пользоваться до окончанія срока контракта, заключающаго на 31 годъ *).

„Эти 245 арендаторовъ со своими семьями, обрабатывая землю заступомъ, получили въ свое владѣніе и обратили подлѣ обработку 1032 акра земли, равные представлявшей непродуцирующей гористой мѣстности: съ этого пространства въ послѣдній годъ они получили жатву, оцененную компетентными людьми въ 3496 фун., или 15 ф. 18 ш. на каждого арендатора. Изъ движимость, состоящая изъ скота, лошадей, овецъ и свиней и въ настоящее время дѣйствительно находящаяся въ ихъ хозяйствахъ, оценена по существующимъ цѣнамъ соседнихъ рынковъ въ 4162 ф.; изъ этой суммы 1034 ф. было приобретено съ февраля 1844 г., что составляетъ на каждого арендатора по 16 ф. 19 ш. за весь періодъ и 5 ф. и 6 ш. за послѣдній годъ. Такимъ образомъ, ихъ движимое имущество увеличилось по своей стоимости на сумму, равную ихъ нынѣшней ежегодной рентѣ; а судя по статистическимъ таблицамъ и спискамъ имущества, представленнымъ при первомъ докладѣ видно, что арендаторы вообще производятъ улучшения въ своихъ небольшихъ фермахъ и расширяютъ обработку и посѣвъ пропорціонально числу годныхъ къ работѣ лицъ обоюго пола, составляющихъ семью *).

Приведенный отрывокъ представляетъ собою самое сильное доказательство того, что мелкое земледѣліе при сколько-нибудь сносной системѣ земледѣлія приноситъ гораздо большій ватовой и даже чистый продуктъ; достойно замѣчанія также, что трудолюбіе и энергія бываютъ сильнѣе между мелкими хозяевами; — такъ, шиковникъ Робинсонъ указываетъ, какъ на исключеніе изъ замѣчательнаго и быстрого успѣха въ усовершенствованіяхъ, на нѣкоторыхъ арендаторовъ, занимающихъ фермы, превышающія 20 акровъ; эти арендаторы очень часто не обладали тѣмъ истиннымъ трудолюбіемъ, которое необходимо для успѣшнаго выполненія улучшеній въ гористой мѣстности.

* Однако, здѣсь существуетъ отчасти и противоположное теченіе, о которомъ мнѣ не приходило въстрѣчать упоминанія въ печати. Классъ людей не очень многочисленный, но достаточный для того, чтобы причинить много зла, приобрѣлъ на торгахъ въ Landed Estates Court землю въ Ирландіи и менѣе всего расположенъ признавать обязанности, свя-

Есть много вѣроятія, что отмена хлѣбныхъ законовъ, принуждая Ирландію перейти отъ вывоза продуктовъ земледѣлія къ вывозу продуктовъ скотоводства, будетъ сама по себѣ достаточна для того, чтобы произвести переворотъ въ пользованіи землей. Ферма, предназначенная для скотоводства, можетъ быть ведена только капиталистомъ фермеромъ, или землевладѣльцемъ. Перемена, требую-

занныя съ положеніемъ землевладѣльца. Этотъ классъ состоитъ изъ мелкихъ городскихъ купцовъ, которые посредствомъ постоянного скаредничества, нерѣдко соединеннаго съ отдачей денегъ подлѣ ростовщическіе проценты, успѣли въ теченіе своей долгой жизни собрать сумму, позволяющую имъ купить отъ пятидесяти до ста акровъ земли. Эти люди никогда не думаютъ изгонять фермеровъ, но, гордые своимъ положеніемъ землевладѣльцевъ, они усилваютъ ихъ до крайности эксплуатировать. Подобнаго рода примѣръ встрѣтился мнѣ недавно. Арендаторы нѣвнѣи во время его прогажи, приблизительно двадцать лѣтъ тому назадъ, пользовались споснымъ благосостояніемъ. Въ теченіе этого періода ихъ рента повышалась три раза; и теперь она, какъ мнѣ передавалъ приходской священникъ, почти вдвое больше той, какую они платили въ началѣ, когда попали въ руки нынѣшняго собственника земли. Въ результатѣ получилось то, что люди, бывшіе прежде въ спосномъ положеніи, теперь доведены до нищеты: двое изъ нихъ бросили свои участки и поселились поблизу на соседнемъ торфяномъ болотѣ, гдѣ они и живутъ, расчитывая для своего пропитанія на случайные заработки. Если этого господина не застрѣлятъ, онъ такимъ ухудшеніемъ состоянія своего имущества нанесетъ себѣ самому вредъ, но пока еще онъ получаетъ отъ восьми до десяти процентовъ на покупаемую сумму. Это вовсе не рѣдкій случай. Позоръ, причиняемый подобными явленіями, бросаетъ тѣнь и на сделки совершенно иного и вполне законнаго рода, при которыхъ переходъ арендаторовъ отъ одного владѣльца къ другому просто есть выгодное дѣло для всѣхъ сторонъ.

Стремленіе землевладѣльцевъ освободиться отъ коттлеровъ также до нѣкоторой степени нейтрализуется стремленіемъ крупныхъ арендаторовъ-посредниковъ (middlemen) заполнить ихъ. Почти четвертая часть всей земли въ Ирландіи навая по долгосрочнымъ контрактамъ; послѣ того, какъ значительная часть срока истекла, получаемая рента обыкновенно бываетъ значительно ниже дѣйствительной доходности земли. Рѣдко случается, чтобы земля, такимъ образомъ владѣвшая, обрабатывалась арендаторомъ, заключившимъ договоръ. Вместо этого онъ уступаетъ ее за разорительную ренту влѣпымъ мелкимъ хлѣбопашцамъ, а самъ живетъ съ пѣтишка получаемой имъ ренты вадѣ той, какую онъ платитъ самъ. Нѣкоторые изъ этихъ договоровъ постоянно оканчиваются, и по мѣрѣ того, какъ они приходятъ къ концу, у фермера главнымъ интересомъ къ землѣ является, цѣною какого бы то ни было непрерывнаго оштрафованія, навѣть, какъ можно больше изъ нея въ продолженіи оставшагося времени. Для такой цѣли именно и пригодны мелкіе коттлеры. Въ виду этого арендаторы-посредники въ такой же мѣрѣ желаютъ получить коттлеровъ, какъ землевладѣльцы желаютъ освободиться отъ нихъ. Въ результатѣ является переходъ коттлеровъ отъ одного вида почвѣ къ другому. Это передвиженіе происходитъ въ ограниченнѣхъ размѣрахъ: но оно существуетъ, а до тѣхъ поръ, пока оно есть, имѣеетъ нейтрализуется главное теченіе. Быть можетъ, нѣкоторые подумаютъ, что это явленіе укоренится само собой: что тѣ же причины, которыя вызвали арендаторовъ-посредниковъ, также упорчатъ и этотъ классъ; по съ этой стороны нѣтъ опасности. Землевладѣльцы теперь вполнѣ сознали разорительныя послѣдствія этой системы, какъ бы она ни была выгодна на первое время, и оговорка противъ подлѣ-аренды теперь сдѣлалась обыкновеннымъ условіемъ во всякомъ договорѣ *). — Четвертое сообщеніе, полученное отъ професора Карнаса.

чая ухода такой большой массы населения, может в сильной степени облегчиться и совершиться быстрее, благодаря обширной эмиграции, а также и благодаря величайшей милости, какую когда либо жаловало правительство Ирландии, а именно закону о заложенных имениях (Encumbered Estates Act), лучшие постановления которого, при помощи Landed Estates Court, были включены в социальную систему страны. Есть основание думать, что теперь большая часть земли в Ирландии обрабатывается или землевладельцами, или мелкими капиталистами-фермерами. Относительно того, что положение этих фермеров улучшится и что они накопляют капитал, есть всякий показатель; в частности на это указывает большое увеличение вкладов в те банки, в которых эти фермеры являются главными клиентами. Что касается этого класса, то для него необходима главным образом еще одна вещь—обеспеченность владения, или уверенность в вознаграждении за улучшение. Попытки за средствами удовлетворить эту потребность занимают внимание наиболее компетентных людей: а три судьи Лонгфелда осенью 1864 года в сенация, произведенная ими, составили эру в этом вопросе, и теперь достигнуто то положение, когда мы можем с уверенностью ожидать, что в течение немногих лет и в этом отношении будет сделано что нибудь существенное.

А пока мы посмотрим, каково положение смещенных со своих участков и не эмигрировавших коттеров и всего класса рабочих, существующих земледельческих трудом, но не занимающих ни малейшего клочка земли? До сих пор они находились в самой сильной нищете, с слабой лишь надеждой на улучшение. Правда, денежная заработная плата сильно возвысилась над тем жалким уровнем ее, какой был поколенье тому назад. Но нища также сильно вздорожала сравнительно с тем, что стоила она прежде, когда состояла из картофеля: поэтому действительное улучшение не равняется номинальному, и, судя по самым достоверным сведениям, какия и только могь получить, в этом классе мало можно найти признаков общего повышения средств к жизни. Действительно, население, доведенное даже до настоящего развращения, значительно еще превышает то, какое страна, обращенная, подобно тому, как некоторые округа Англии, под пастьбами, в состоянии содержать. Быть может, не совсем справедливо то предположение, что если бы настоящее число жителей ирландии было существовать на продукты своей страны, то оно могло бы осуществить это только при старой и вредной системе коттерства, или обратившись в мелких собственников, производящих свою собственную пищу. Земли, которая останется под обработкой, несомненно, при достаточном обезпечении издержек, и озе коттерства позволили бы мелким капиталистам-фермерам доставить большее количество занятій для рабочих: а это, по мнению компетентных судей, могло бы дать возможность стране содержать нынешнее ее население на таком уровне достатка, какой существует теперь. Но никто не станет утверждать, что этот источник достаточен для того, чтобы содержать всю эту

массу людей в таком положении, каким по справедливости должно было бы пользоваться все крестьянское население. Поэтому, эмиграция, на некоторое время уменьшившаяся, возобновилась со всею своею силой под влиянием нового толчка, данного неурожайными годами. Вычислено, что в течение 1864 г. не менее 100000 эмигрантов покинули берега Ирландии. Что касается самих этих эмигрантов и их потомства, или обидных выгод человечества, то было бы безумием сожалеть о таком результате. Дети ирландского эмигранта получают образование американцев, и гораздо быстрее и полнее, чем это было бы возможно в странах их предков, начинают пользоваться выгодами более высокого уровня цивилизации. Через двадцать, или тридцать лет по умственному развитию их нельзя отащить от прочих американцев. Вся потеря и позор падает на Англию, и именно английской народ и правительство главным образом должны задать себе вопрос, насколько это послужит для их выгоды и чести, если они удержат одну только землю Ирландии и лишатся всего ее населения? При настоящем настроении ирландского народа и при том направлении, какое, повидному, у него прочно установилось относительно надежды на лучшее будущее, вероятно, Англия предстанет выбором только между обезлюдением Ирландии, или обращением части рабочего населения в крестьян-собственников. Испинно островитянское невежество общественных деятелей Англии относительно, преобладающей почти во всех других цивилизованных странах, формы земледельческого хозяйства думает весьма вероятно, что они выберут худшую сторону этой альтернативы. Однако, существуют зародившиеся стремления создать на ирландской почве крестьян-собственников, которым для того, чтобы окрепнуть, нужна только помощь доброжелательного законодателя, как это видно по следующей выписке из частного сообщения моего знаменитого и необъятного друга, профессора Керса.

«Лет восемь, или десять тому назад, при продаже за долги поместьем Томонд, Портгарлингтон и Кингстон в Encumbered Estates Court было замечено, что значительное число арендаторов покупали занимаемые ими фермы. Я не имел возможности получить никаких сведений относительно того, каковы были последствия этой покупки: продолжали ли покупатели обрабатывать свои маленькие земли, или поть влиянием магии представлять из себя землевладельцев, старались избавиться от своего прежнего образа жизни. Но существуют другие факты, имеющие отношение к этому вопросу. В тех частях страны, где преобладает право арендатора (tenant right), цены, платимы за добровольный отказ от фермы, огромны. Следующия цифры, взятая из опроса одного поместья вблизи Ньюри, уже прошедшего через Landed Estates Court, дают в некотором, хотя и далеко не полное понятие о том, какия цены устанавливаются это только лишь обычное право.

Следующая таблица показывает, за какую сумму было продано право арендатора на изыскания фермы близ Ньюри:

	Акры.	Рента.	Плата за отказъ отъ фермы на основаніи tenant right
1	23	74	33 ф.
2	24	77	240 »
3	13	39	110 »
4	14	34	85
5	10	33	172
6	5	13	75 »
7	8	26	130 »
8	11	33	130 »
9	2	5	5 »
	<u>110</u>	<u>334 ф.</u>	<u>980 ф.</u>

Представленные здѣсь цифры въ общемъ равняются трехгодичному доходу; но это, какъ я уже сказалъ, даетъ только несовершенное понятіе о томъ, какія суммы часто, или даже обыкновенно платятся. Такъ какъ это право основано только на обычаяхъ, то сумма уплаты мѣняется сообразно съ тѣмъ довѣріемъ, какое обыкновенно возлагается на добросовѣстность землевладельца. Въ настоящемъ примѣрѣ, во время процедуры, связанной съ продажей помѣстья, обнаружившеся обстоятельства, дающія основаніе предполагать, что въ этомъ случаѣ довѣріе было не высоко; а слѣдовательно, выше приведенныя цѣны могутъ считаться значительно ниже тѣхъ, какія обыкновенно преобладаютъ. Мы передавали съ полной достовѣрностью, что въ другихъ частяхъ страны, какъ это также обнаружилось въ Landed Estates Court, цѣны, платимая за право аренды, равнялась всей стоимости фермы. Замѣчательнъ фактъ, что находятъ люди, дававшіе за землю сумму, равную 20 или 25 годовымъ, и кромѣ того, они еще должны были платить большую ренту. Почему, могутъ спросить, тогда они не покупали земли въ полную собственность за ту же, или немного большую сумму? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, я думаю, можно найти въ стрѣхъ написанъ законовъ относительно земельной собственности. (Стоимость перехода земли мелкимъ участкамъ, даже тогда, когда они покупаются на торгахъ въ Landed Estates Court, весьма значительна по сравнению съ продажной суммой: тогда какъ добровольный отказъ отъ фермы можетъ быть совершенно безъ всякихъ падежекъ. Самая дешевая передаточная запись, какую можно получить черезъ упомянутое учрежденіе, въ которомъ строго поддерживается величайшая экономія, какая только возможна при настоящемъ способѣ оплаты услугъ правительственной власти, стоила бы, помимо гербовыхъ пошлинъ, 10 фунтовъ, что составляетъ очень чувствительную прибавку при покупкѣ мелкаго крестьянскаго участка; передаточная запись для тысячи акровъ можетъ стоить не больше, а если и больше, то, вѣроятно, немногимъ. Но въ дѣйствительности стоимость передачи представляетъ одно изъ послѣднихъ по важности препятствій, являющихся при покупкѣ земли мелкимъ участкамъ. Гораздо болѣе серьезной помѣхой служить запутанность правъ собственности, дѣлющая невозможнымъ раздробить помѣніе на такіе участки, чтобы они были доступны для мелкихъ покупателей. Однако, средства про-

тивъ такого положенія вещей заключается въ мѣрахъ настолько радикальныхъ, что, по всемъ вѣроятіямъ, ни одна изъ тѣхъ палатъ общины, какія намъ придется увидѣть, не захочетъ ихъ разсматривать. Съ помощью регистраціи всѣхъ документовъ, касающихся земли, можно было бы уменьшить сложность условій, которыми обставлено право собственности, и выразить его въ простѣйшей формѣ: но тамъ, гдѣ существуетъ запутанность права, вытекающая изъ дѣйствительной жизни, упрощеніе не можетъ быть устранено однимъ только упрощеніемъ формы. Пока право распоряженія, какимъ въ настоящее время пользуются землевладельцы, останется неизмененнымъ; пока каждый завѣщатель, устанавливая порядокъ наслѣдованія, прибѣтъ почти неограниченную привилегію усложнять права своихъ наслѣдниковъ сообразно съ тѣмъ, что можетъ ему подсказать гордость, властолюбіе или простая прихоть, — до тѣхъ поръ, по моему мнѣнію, регистрація документовъ безсильна уничтожить зло въ самомъ корнѣ. Вліяніе этихъ обстоятельствъ равносильно установленію огромной премии на крупныя покупки земли, что въ большинствѣ случаевъ на дѣлѣ препятствуетъ всѣмъ другимъ покупкамъ, кромѣ крупныхъ. Иско, что, пока законы находятся въ такомъ состояніи, опытъ созданія крестьянской собственности, какъ бы онъ ни былъ простъ, не можетъ быть проведенъ какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе факты, изложенные мною, я думаю, убедительно доказываютъ, что въ свойствахъ самого народа нѣтъ препятствія къ введенію этой системы».

Я закончилъ разсмотрѣніе вопроса, занимавшаго гораздо больше мѣста, чѣмъ позволяли размѣры этого трактата, и на этомъ я заканчиваю изслѣдованіе тѣхъ простыхъ формъ социальной экономіи, въ которыхъ продуктъ земли или принадлежитъ всецѣло одному классу, или раздѣляется только между двумя. Теперь мы перейдемъ къ гипотезѣ раздѣленія продукта на три части: между рабочими, землевладельцами и капиталистами; а для того, чтобы насколько возможно тѣснѣе соединить дальнѣйшее изложеніе съ тѣмъ, которое до сихъ поръ занимало насъ, я начну съ вопроса о заработной платѣ.

ГЛАВА X.

Заработная плата.

§ 1. Въ отдѣлѣ о заработной платѣ мы должны разсмотрѣть, во-первыхъ, вообще причины, опредѣляющія плату за трудъ или вліяющія на нее, и, во-вторыхъ, различія, которыя существуютъ въ заработной платѣ между различными занятіями. Въ видахъ удобства мы будемъ разсматривать эти два вопроса отдѣльно одинъ отъ другого и при обсужденіи закона заработной платы будемъ въ началѣ поступать такъ, какъ будто бы не было иного вида труда, кромѣ простаго, не требующаго предварительной выучки, труда средней степени тяжести и непріятности.

Заработная плата, какъ и всякое вознагражденіе за трудъ, можетъ регулироваться или соперничествомъ, или обычаемъ. Въ Англии найдется мало видовъ труда, вознагражденіе за который не поспѣло бы сравнительно съ настоящимъ, если бы работодатель воспользовался всею выгодой отъ соперничества. Тѣмъ не менѣе при настоящемъ положеніи общества, соперничество должно считаться главнымъ регуляторомъ заработной платы, а обычай и особенності личнаго поведенія—только обстоятельствами, смягчающими соперничество, и то въ сравнительно слабой степени.

Итакъ, заработная плата главнымъ образомъ зависитъ отъ спроса и предложенія труда, или, какъ часто выражаются, отъ пропорціи между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ здѣсь подразумѣвается только число лицъ, составляющихъ рабочій классъ, или вѣрнѣе тѣхъ, которые работаютъ по найму; а подъ капиталомъ только оборотный капиталъ, и даже не вся его сумма, а часть, которая расходуется на прямую покупку труда. Однако, къ этой части слѣдуетъ еще прибавить весь денежный фондъ, который не входитъ въ капиталъ, а уплачивается въ обменъ за трудъ солдатъ, домашней прислуги и всѣхъ другихъ непроизводительныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ болѣе близкаго термина для того, чтобы обозначить всю ту сумму, которую можно бы было назвать фондомъ заработной платы страны: а такъ какъ плата за производительный трудъ составляетъ почти весь этотъ фондъ, то обыкновенно не принимаютъ во вниманіе меньшей и менѣе важной части его и говорятъ, что заработная плата зависитъ отъ населенія и капитала. Это выраженіе, удобнѣе всѣхъ, однако, употребленіе его, слѣдуетъ помнить, что въ своемъ буквальномъ значеніи оно не вполне соответствуетъ дѣйствительности.

При такомъ ограниченіи терминовъ, заработная плата не только зависитъ отъ относительнаго размѣра капитала и населенія, но при господствѣ соперничества и не можетъ зависеть ни отъ чего другого. Заработная плата (мы подразумѣваемъ, конечно, общій ея размѣръ) можетъ повышаться только, или вслѣдствіе увеличенія всего фонда, затрачиваемаго на наемъ рабочихъ, или вслѣдствіе уменьшенія числа лицъ, соперничающихъ въ предложеніи труда; а паденіе ея происходитъ только или отъ уменьшенія фонда, предназначеннаго на уплату за трудъ, или отъ увеличенія числа рабочихъ, получающихъ плату.

§ 2. Однако есть факты, повидимому, противорѣчащіе этой доктринѣ, которые мы должны разсмотрѣть и объяснить.

Напримѣръ, обыкновенно говорятъ, что заработная плата высока, когда промышленность идетъ успешно. Спросъ на трудъ въ какой-нибудь специальной отрасли промышленности бываетъ настоятельнымъ и заработная плата выше, когда есть сильный спросъ на товары, производимые этой отраслью, и совершенно обратное бываетъ при, такъ называемомъ, застоѣ: тогда рабочіе отпускаются, а остающіеся должны подчиниться уменьшенію заработной платы; хотя въ этихъ обоихъ случаяхъ капиталъ не будетъ ни больше, ни меньше прежняго. Это совершенно вѣрно: тѣмъ не менѣе это есть

одно изъ тѣхъ усложненій въ конкретномъ явленіи, которые затемняютъ и скрываютъ дѣйствія общахъ причинъ: въ дѣйствительности же тутъ нѣтъ противорѣчія съ изложенными нами принципами. Капиталь, не употребляемый собственникомъ его на покупку рабочихъ и остающійся безъ примененія на рукахъ у послѣдняго, для рабочихъ будетъ въ это время имѣть такъ же мало значенія, какъ если бы его вовсе не существовало. Всякій капиталъ, вслѣдствіе пэмблений въ промышленности, бываетъ по временамъ въ такомъ положеніи. Фабрикантъ, встрѣчая слабый спросъ на свои товары, воздерживается употребить рабочихъ для увеличенія своихъ товарныхъ запасовъ, для которыхъ ему трудно найти сбытъ: если же онъ будетъ продолжать производство, пока его деньги не уйдутъ на непроданные товары, то подъ конецъ онъ долженъ будетъ по необходимости приостановить работу, пока ему не удастся продать хоть часть ихъ. Однако, невозможно предположить, чтобы оба эти положенія были продолжительны, такъ какъ фабриканты, приостановивъ производство, при первомъ же удобномъ случаѣ перенесутъ свой капиталъ въ какое-нибудь другое предпріятіе, въ которомъ онъ снова станетъ доставлять занятіе труду. Капиталь остается свободнымъ на некоторое время, въ теченіе котораго рынокъ труда бываетъ переполненъ, и заработная плата падаетъ. Послѣ этого спросъ возобновляется и иногда становится необыкновенно сильнымъ, давая возможность фабриканту продать свои товары даже быстрѣе, чѣмъ онъ можетъ ихъ произвести: тогда его капиталъ приводится въ полное дѣйствіе, и, если обстоятельства позволяютъ, фабрикантъ, для увеличенія производства, беретъ займы другой капиталъ, который въ противномъ случаѣ былъ бы употребленъ на какое-нибудь иное производство. Въ такое время заработная плата повышается въ этой специальной отрасли промышленности. Если мы предположимъ, что одинъ изъ такъ называемыхъ оживленій, или застоѣ распространится во всѣхъ отрасляхъ промышленности одновременно,—что, собственно говоря, не является абсолютно невозможнымъ, то вся заработная плата вмѣстѣ могла бы подвергнуться повышенію или пониженію. Но это было бы только временное колебаніе: капиталъ, въ данную минуту лежащій праздно, въ слѣдующемъ году можетъ дѣлать самые быстрые обороты,—тотъ же, который теперь не въ состояніи удовлетворять спроса, въ свою очередь будетъ лежать въ переполненныхъ товарныхъ складахъ: соответственно этому и заработная плата будетъ падать и повышаться въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Однако, ничто не можетъ надолго измѣнить заработную плату вообще, кромѣ увеличенія, или уменьшенія самого капитала (т. е. уплаты за трудъ) въ сравненіи съ предлагаемымъ для найма количествомъ труда.

Существуетъ также другое общераспространенное мнѣніе, что высокая цѣна влечетъ за собою высокую заработную плату, потому что производитель и торговецъ, находясь въ лучшемъ положеніи, могутъ согласиться платить больше своимъ рабочимъ. Я уже говорилъ, что оживленный спросъ временно повышающій цѣны, также служитъ причиною временнаго повышенія заработной платы. Но са-

ми по себѣ высокія товарныя цѣны могутъ повысить заработную плату только въ томъ случаѣ, если торговцы, получая больше, желаютъ больше сберегать для того, чтобы увеличить свой капиталъ, или по крайней мѣрѣ увеличить число рабочихъ. Какъ кажется, вся суть дѣла заключается именно въ этомъ: и если бы высокія цѣны падали прямо съ неба, или хотя бы являлись изъ заграницы, то рабочій классъ могъ бы быть въ выгоду не отъ повышения самихъ цѣнъ, а отъ того, что въ слѣдствіе повышения цѣнъ увеличивается капиталъ. Такое же слѣдствіе часто приписывается высокой цѣнѣ, которая является результатомъ ограничительныхъ законовъ; однако эта цѣна, такъ или иначе, оплачивается лишь извѣстной частью общества, средства которой не увеличились сравнительно съ прежнимъ. Такого рода высокія цѣны, если и приносятъ выгоду рабочимъ, то только въ ущербъ другимъ классамъ, потому что, если предприниматели, получая болѣе высокія цѣны, имѣютъ возможность тратить болѣе на сбереженія, или, другими словами, могутъ увеличивать свою покупку труда, то у всего остального народа, переплачивающаго на товарахъ, средства къ сбереженію, или для покупки труда будутъ уменьшаться въ одинаковой мѣрѣ. Первое-ли, или второе замѣненіе будетъ сильнѣе вліять на рынокъ труда—это зависитъ отъ случая. Заработная плата, вѣроятно, временно повысится въ той отрасли промышленности, въ которой поднялись цѣны, и нѣсколько понизится въ другихъ. На первую половину явленія обыкновенно обращаютъ вниманіе, а вторую выпускаютъ изъ виду, или если и замѣчаютъ, то не приписываютъ той причины, которая фактически произвела ее. Однако, это частное повышение заработной платы не будетъ продолжительно, потому что, хотя предприниматели и получаютъ больше, все же изъ этого не слѣдуетъ, что въ ихъ собственномъ предпріятіи найдется просторъ для иррибненія большаго количества сбереженій; ихъ увеличившіеся капиталы, вѣроятно, обратятся на какія нибудь другія производства и уравновесятъ тамъ явившееся раньше сокращеніе въ спросѣ на трудъ, которое произошло въ слѣдствіе того, что сбереженія другихъ классовъ сократились.

Часто также утверждаютъ, что заработная плата (конечно,—денежная) измѣняется съ цѣной на хлѣбъ: повышается при его вздорожаніи и падаетъ при его дешевизнѣ. Я считаю это мнѣніе только отчасти справедливымъ, и поскольку оно справедливо, оно ни какомъ случаѣ не нарушаетъ зависимости заработной платы отъ пропорціи между капиталомъ и трудомъ, такъ какъ цѣна на хлѣбъ если и вліяетъ на заработную плату, то только при посредствѣ указаннаго нами закона. Будетъ ли пища въ слѣдствіе непостоянства урожаевъ дешева или дорога, цѣна ее не вліяетъ на заработную плату (если послѣдняя не будетъ съ помощью законодательной регламентации, или съ помощью благотворительности искусственно принаровлена къ обоготельствамъ). Иногда даже дороговизна хлѣба роняетъ заработную плату: во время голода люди обыкновенно спѣше соперничаютъ изъ-за полученія занятій и соглашаются цѣну на трудъ во вредъ себѣ. Но если дешевизна или дороговизна пиши

имѣетъ постоянный характеръ и можетъ быть заранѣе предусмотрѣна, она способна вліять на заработную плату. Это вліаніе можетъ оказываться слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, если рабочіе имѣютъ только все необходимое для того, чтобы они сами не теряли способности работать и могли доставить простое пропитаніе обыкновенному числу дѣтей, то въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна на пищу повысится на продолжительное время, а заработная плата при этомъ не подымется,—большое число дѣтей должно будетъ преждевременно умереть. Въ слѣдствіе этого заработная плата въ концѣ концовъ повысится, но лишь потому, что численность населенія сдѣлалась меньше по сравненію съ той, какая могла бы быть, если бы пища осталась дешевой. Во-вторыхъ, если бы даже заработная плата была достаточно велика для того, чтобы рабочіе и ихъ семьи при вздорожаніи пиши не терпѣли недостатка въ необходимомъ,—они, быть можетъ, не согласятся стать въ худшее положеніе, хотя бы физически и могли его перенести. Предположимъ, что у рабочихъ сложилась привычка къ комфорту, которая для нихъ имѣетъ значеніе необходимыхъ потребностей, и они, прежде чѣмъ отказаться отъ этихъ привычекъ, готовы наложить добавочное ограниченіе на свою способность размножаться. Въ результатъ заработная плата станетъ подыматься не отъ увеличенія смертности, а отъ уменьшенія рожденій. Итакъ, въ этихъ случаяхъ заработная плата сама приспособляется къ цѣнѣ на хлѣбъ, хотя и черезъ промежутокъ времени въ цѣломъ покатитъ. Рикардо считаетъ, что пиши случаются, кромѣ этихъ двухъ, быть не можетъ. Онъ предполагаетъ, что повсюду существуетъ минимальный размѣръ заработной платы: этотъ размѣръ соответствуетъ или той суммѣ, которая физически необходима, чтобы населеніе не уменьшалось, или той, при какой населеніе предпочло бы не уменьшаться. По его мнѣнію, къ этому минимуму обыкновенно стремится общій уровень заработной платы; она никогда не можетъ быть ниже минимума, кромѣ извѣстнаго промежутка времени, необходимаго для того, чтобы ослабленіе у рабочихъ способности размножаться само собой почувствовалось, и никогда не можетъ стоять долго выше минимума. Это предположеніе заключаетъ въ себѣ достаточно истины для того, чтобы можно было пользоваться имъ при абстрактномъ изслѣдованіи; а выводъ, который Рикардо дѣлаетъ изъ него,—именно, что заработная плата въ теченіе большаго промежутка времени падаетъ и повышается вмѣстѣ съ продолжительнымъ измѣненіемъ цѣнъ пиши,—подобно почти всемъ заключеніямъ этого автора справедливо только гипотетически, т. е. если признать послышки, изъ которыхъ Рикардо его выводитъ. Но въ примѣненіи къ практикѣ, необходимо принять во вниманіе, что тотъ минимумъ, о которомъ говоритъ Рикардо, самъ по себѣ подверженъ колебаніямъ, въ особенности когда этотъ минимумъ не физическій, а такъ сказать, бытовой. Если заработная плата была раньше настолько высока, что можетъ вытерпѣть похищеніе, пріятельствіемъ которому служатъ привычка у рабочихъ къ высокому уровню благосостоянія, то повышение цѣны на хлѣбъ, или какая-нибудь другая невыгодная перемена въ ихъ положеніи можетъ влі-

ить двумя способами: она или изгладится повышением заработной платы, произведшимъ вслѣдствіе постепеннаго дѣйствія благоразумной сдержанности въ размноженіи населенія, или же на продолжительное время понизитъ уровень благосостоянія рабочихъ, если ихъ прежнія привычки относительно размноженія окажутся сильнѣе ихъ прежнихъ привычекъ относительно жизненныхъ удобствъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вредъ, нанесенный рабочимъ, будетъ продолжительнымъ, а ихъ ухудшившееся положеніе обратится въ новый минимумъ, который будетъ стремиться такъ же упрочиться, какъ это было и съ прежнимъ болѣе обильнымъ минимумомъ. Однако слѣдуетъ опасаться, что пзъ этихъ двухъ вліяній перемены въ положеніи рабочаго класса послѣднее встрѣчается чаще всего, и во всякомъ случаѣ достигнута часто для того, чтобы лишить достоверности все предположенія, приписывающія бѣствіямъ, постигающимъ рабочій классъ, свойство исправляться самостоятельно. Существуетъ много свидѣтельствъ, что положеніе земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи не разъ подвергалось въ теченіе нашей исторіи продолжительному ухудшенію вслѣдствіе причинъ, которыя сокращали спросъ на трудъ. Эти причины могли бы имѣть только временное значеніе, если бы рабочіе выказали способность приспособиться къ вѣтвнымъ условіямъ, руководствуясь своей привычкой къ прежнему благосостоянію. Но, къ несчастью, бѣдность, въ какую была погружена этотъ классъ въ теченіе продолжительнаго ряда лѣтъ, отучила его отъ прежняго уровня благосостоянія; а слѣдующее поколѣніе, выросшее уже безъ старшаго достатка, размножалось въ свою очередь, не пытаясь возстановить его*).

Ничто совершенно противоположное этому встрѣчаемъ мы, когда вслѣдствіе земледѣльческихъ улучшеній, отмены хлѣбныхъ законовъ, или другихъ подобныхъ причинъ, предметы необходимости удешевляются, и рабочіе получаютъ возможность при той же заработной платѣ пользоваться болѣшимъ достаткомъ, нежели прежде. Заработная плата упадетъ не сейчасъ же, возможно даже, что она повысится; но все же, въ концѣ концовъ, она упадетъ настолько, что рабочіе окажутся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде, если только въ теченіе этого промежутка благоденствія уровень благосостоянія, считавшійся необходимымъ у этого класса, не подвергнется прочному повышенію. Къ сожалѣнію, ни въ какомъ случаѣ нельзя безусловно разсчитывать на такой благотворный результатъ, потому что несравненно труднѣе повысить, нежели понизить тотъ образъ жизни, сохраняя который рабочіе считаютъ болѣе необходимымъ, чѣмъ жениться и имѣть семью. Если они удовлетворятся тѣмъ, что будутъ пользоваться увеличившимся благосостояніемъ, пока оно продолжается, но не научатся считать его необходимымъ,

*) См. историческій очеркъ положенія англійскихъ крестьянъ, составленный Торнтономъ на основаніи достоверныхъ свѣдѣній, въ его книгѣ, озаглавленной Over-Population and its Remedy. Это произведение выгодно отличается отъ большинства другихъ, которыя были опущены въ настоящее время, правильнымъ обезъядереніемъ вопросовъ, касающихся экономическихъ условій рабочаго класса.

они будутъ размножаться, и это приведетъ къ тому, что ихъ положеніе станетъ хуже прежняго. Прежде вслѣдствіе бѣдности дѣти рабочаго класса терпѣли недостатокъ въ пищѣ, или были не надлежащимъ образомъ вскармливаемы: теперь же ихъ останется въ живыхъ больше, чѣмъ прежде, а возросши, они своимъ соперничествомъ будутъ понижать заработную плату, быть можетъ, на всю сумму удешевленія пищи. Если такой результатъ не произойдетъ этимъ способомъ, то онъ явится вслѣдствіе болѣе раннихъ и болѣе многочисленныхъ браковъ, или вслѣдствіе увеличенія числа рожденій въ каждой семьѣ. Судя по всемъ даннымъ, сильное увеличеніе числа браковъ неизмѣнно происходитъ въ годы, когда пища бываетъ дешева и трудъ находитъ полное примѣненіе. Поэтому я не могу согласиться съ тѣмъ значеніемъ, какое нерѣдко приписываютъ, исключительно съ точки зрѣнія рабочаго вопроса, отменѣ хлѣбныхъ законовъ, и не могу сочувствовать тѣмъ проектамъ, изъ которыхъ всегда тотъ, или другой бываетъ въ модѣ, и которыми предполагаютъ достигнуть нѣкоторыхъ ничтожныхъ улучшеній въ положеніи рабочихъ. Все, что только очень слабо улучшаетъ бытъ рабочихъ, — не имѣетъ прочнаго вліянія на ихъ привычки и потребности, и они скоро погружаются въ свое прежнее положеніе. Для доставленія прочнаго улучшенія быта, временная причина, дѣйствующая на рабочихъ, должна быть достаточно сильна, чтобы произвела болѣзную перемену въ ихъ положеніи — перемену, которая бы чувствовалась въ теченіе многихъ лѣтъ, несмотря на то побужденіе къ размноженію, какое она можетъ дать первому, слѣдующему за ней, поколѣнію. Если дѣйствительно благосостояніе повышается настолько, и если выростетъ поколѣніе, привыкшее къ лучшему образу жизни, то привычки молодыхъ людей относительно размноженія сложатся при болѣе высокомъ минимумѣ, и улучшеніе быта рабочихъ сдѣлается прочнымъ. Самый замѣчательный примѣръ такой перемены представляетъ Франція послѣ революціи. Огромная часть населенія внезапно была поднята отъ нищеты къ независимости и сравнительному благосостоянію. Непосредственнымъ результатомъ этого было то, что населеніе, несмотря на опустошительныя войны этого періода, стало размножаться съ безпримѣрной быстротой отчасти вслѣдствіе улучшившихся условій жизни, давшихъ возможность воспитывать множество дѣтей, которыя прежде умирали бы, а отчасти вслѣдствіе увеличенія рожденій. Тѣмъ же мѣстѣ слѣдующее поколѣніе выросло въ привычкахъ, значительно изменившихся, и, несмотря на то, что страна прежде никогда не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ теперь, ежегодное число рожденій въ настоящее время почти неизмѣнно*), а увеличеніе населенія чрезвычайно медленно**).

*) См. выше глава VI § 4.

***) Подобное, хотя и не настолько большое, улучшеніе совершилось въ образѣ жизни англійскихъ рабочихъ въ теченіе замѣчательнаго пятидесятилѣтія, отъ 1715 по 1765 годъ. Эти годы отличались такимъ необыкновеннымъ рядомъ великолѣпныхъ урожаевъ (въ этотъ періодъ число положительно неурожайныхъ годовъ не превышало пяти), что

ить двумя способами: она или изгладится повышением заработной платы, происшедшим вследствие постепенного действия благоразумной сдержанности в размножении населения, или же на продолжительное время понизит уровень благосостояния рабочих, если их прежние привычки относительно размножения окажутся сильнее их прежних привычек относительно жизненных удобств. В этом последнем случае вред, нанесенный рабочим, будет продолжительным, а их ухудшившееся положение обратится в новый минимум, который будет стремиться так же упрочиться, как это было и с прежним более обильным минимумом. Однако следует опасаться, что из этих двух важнейших перемен в положении рабочего класса последнее встречается чаще всего, и во всяком случае достаточно часто для того, чтобы лишить достоверности все предположения, приписывающие бедствиям, постигающим рабочий класс, свойство исправляться самостоятельно. Существует много свидетельств, что положение земледельческих рабочих в Англии не раз подвергалось в течение нашей истории продолжительному ухудшению вследствие причин, которые сокращали спрос на труд. Эти причины могли бы иметь только временное значение, если бы рабочие выказали способность приспособиться к изменившимся условиям, руководясь своей привычкой к прежнему благосостоянию. Но, к несчастью, бедность, в какую была погружена эта часть в течение продолжительного ряда лет, отучила его от прежнего уровня благосостояния; а следующее поколение, выросшее уже без старшинского достатка, размножалось в свою очередь, не пытаясь восстановить его *).

Ничто совершенно противоположное этому встречаем мы, когда вследствие земледельческих улучшений, отмены хлебных законов, или других подобных причин, предметы необходимости удешевляются, и рабочие получают возможность при той же заработной плате пользоваться большим достатком, нежели прежде. Заработная плата упадет не сейчас же, возможно даже, что она повысится; но все же, в конце концов, она упадет настолько, что рабочие окажутся не в лучшем положении, чем прежде, если только в течение этого промежутка благоденствия уровень благосостояния, считавшийся необходимым у этого класса, не подвернется прочному повышению. Къ сожатию, ни в каком случае нельзя безусловно рассчитывать на такой благотворный результат, потому что несравненно труднее поощрять, нежели понизить тот образ жизни, сохраняя который рабочие считают более необходимым, чем жениться и иметь семью. Если они удовлетворяются тем, что будут пользоваться увеличившимся благосостоянием, пока оно продолжается, но не научатся считать его необходимым.

*) См. исторический очерк положения английских крестьян, составленный Торнтоном на основании достоверных сведений, в его книге, озаглавленной *Over-Population and its Remedy*. Это произведение выгодно отличается от большинства других, которые были опубликованы в настоящее время, правильным обсуждением вопросов, касающихся экономических условий рабочего класса.

они будут размножаться, и это приведет к тому, что их положение станет хуже прежнего. Прежде вследствие бедности дети рабочего класса терпели недостаток в пище, или были не надлежащим образом вскармливаемы: теперь же их останется в живых больше, чем прежде, а возросши, они своим соперничеством будут понижать заработную плату, быть может, на всю сумму удешевления пищи. Если такой результат не произойдет этим способом, то он явится вследствие более ранних и более многочисленных браков, или вследствие увеличения числа рождений в каждой семье. Судя по всем данным, сильное увеличение числа браков неизбежно происходит в годы, когда пища бывает дешева и труд находится полное применение. Поэтому я не могу согласиться с тем значением, какое нередко приписывают, исключительно с точки зрения рабочего вопроса, отменой хлебных законов, и не могу сочувствовать тем проектам, из которых всегда тот, или другой бывает в моде, и которыми предполагают достигнуть некоторых ничтожных улучшений в положении рабочих. Все, что только очень слабо улучшает быт рабочих, — не имеет прочного влияния на их привычки и потребности, и они скоро погружаются в свое прежнее положение. Для доставления прочного улучшения быта, временная причина действующая на рабочих, должна быть достаточно сильна, чтобы произведет большую перемену в их положении — перемену, которая бы чувствовалась в течение многих лет, несмотря на то побуждение к размножению, какое она может дать первому, следующему за ней, поколению. Если действительно благосостояние повысилось настолько, и если вырастет поколение, привыкшее к лучшему образу жизни, то привычки молодых людей относительно размножения сложатся при более высоком минимуме, и улучшение быта рабочих сделается прочным. Самый замечательный пример такой перемены представляет Франция после революции. Огромная часть населения внезапно была поднята от нищеты к независимости и сравнительному благосостоянию. Непосредственным результатом этого было то, что население, несмотря на опустошительную войну этого периода, стало размножаться с беспрецедентной быстротой отчасти вследствие улучшившихся условий жизни, давших возможность воспитывать множество детей, которые прежде умрели бы, а отчасти вследствие увеличения рождений. Тем не менее последующее поколение выросло в привычках, значительно превысившихся, и, несмотря на то, что страна прежде никогда не была в таком цветущем состоянии, как теперь, ежегодное число рождений в настоящее время почти неизбежно *), а увеличение населения чрезвычайно медленно **).

*) См. выше глава VI § 4.

**) Подобное, хотя и не настолько большое, улучшение совершилось в образе жизни английских рабочих в течение замечательного пятидесятилетия, от 1715 по 1765 год. Эти годы отличались таким необыкновенным рядом величайших урожаев (в этот период число положительно неурожайных годов не превышало пяти), что

§ 3. Итак, заработная плата зависит от пропорции между числом рабочего населения и капиталом, взятымъ съ другими фондами, предназначеннымъ для покупки труда; для краткости мы будемъ употреблять слово капиталъ. Если заработная плата въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ бываетъ выше, чѣмъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, если средства къ существованію и благосостоянію рабочаго класса возрастаютъ, это происходитъ или отъ какой нибудь причины, кромѣ той, что отношеніе капитала къ населенію увеличивается. Для рабочаго класса не важенъ абсолютный размѣръ накопленія или производства, а также не важенъ для него и размѣръ фондовъ, предназначенныхъ для распределенія между рабочими; для него имѣетъ значеніе только пропорція между фондами и числомъ рабочихъ, между которыми они распределяются. Положеніе рабочаго класса можетъ быть улучшено только съ помощью измѣненія въ его пользу этой пропорціи, и каждый прожектъ улучшения быта рабочихъ, не основанный на этой зависимости, будетъ лишь обманчивой мечтой, которая не приведетъ къ постоянной пользѣ.

Въ такихъ странахъ, какъ Сѣверная Америка и австралійскія колоніи, гдѣ рядомъ съ знаниями и искусствами цивилизованной жизни и съ чрезвычайно дѣятельнымъ стремленіемъ къ накопленію, существовать безграничное пространство незанятой земли, возрастаніе капитала легко компенсируетъ за самымъ сильнымъ увеличеніемъ населенія и замѣняется главнымъ образомъ невозможностью получить достаточное число рабочихъ. Поэтому здѣсь все люди, могущія явиться на свѣтъ, находятъ занятіе, не переполняя рынка; каждая рабочая семья пользуется въ изобиліи предметами необходимости, многими предметами удобства и нѣкоторыми предметами роскоши; бѣдность и зависимость составляютъ здѣсь удѣлъ только тѣхъ лицъ, которыя или дурию ведутъ себя, или дѣйствительно не способны къ работѣ. Подобнымъ выгоднымъ положеніемъ, хотя и въ меньшей степени, пользуются во временахъ нѣкоторыхъ специальныхъ группъ рабочихъ въ старыхъ странахъ: это происходитъ отъ чрез-

средняя стоимость пшеницы была тогда гораздо ниже, чѣмъ въ предшествующее подустольіе. Мальтусъ вычисляетъ, что въ теченіе 60 лѣтъ, предшествовавшихъ 1720 году, рабочій на своей дневной заработокъ въ среднемъ могъ купить только двѣ трети сека пшеницы, тогда какъ съ 1720 по 1750 годъ онъ могъ купить нѣкій пекъ. Средняя цѣна пшеницы по таблицамъ Этона въ продолженіи 50 лѣтъ до 1715 г. равнялась 47 ш. 7³/₄ пенса за четверть, а въ послѣдующее за этимъ годовомъ пятидесятилѣтіе она была не болѣе 34 ш. 11 пенса. Такое замѣчательное улучшеніе въ положеніи рабочаго класса, хотя и возникшее отъ случайностей погоды, но продолжавшееся болѣе, нежели одно поколѣніе, имѣло потребностей рабочаго класса; и на этотъ періодъ всегда указываютъ, какъ на эпоху замѣчательнаго увеличенія количества потребляемой рабочими пищи и рѣшительнаго поднятія уровня благосостоянія и удобства. (Мальтусъ, Principles of Political Economy стр. 225). Для характеристикъ этого періода см. превосходную History of Price Тука, т. I, ст. 32—61, а относительно цѣны на хлѣбъ см. приложение къ этому труду

вычайно быстро увеличенія капитала, но только не всего вообще, а той его части, которая затрачена на соответствующую отдѣльную отрасль производства. Прогрессъ въ хлопчатобумажной промышленности былъ настолько великъ, со времени изобрѣтенія Уатта и Аркрайта, что капиталъ, затраченный на нее, вѣроятно, учетверился въ тотъ промежутокъ, который необходимъ для того, чтобы населеніе удвоилось. Поэтому она начала привлекать изъ другихъ производствъ почти все руки, которыя по географическому или по положенію, или по привычкамъ и наклонностямъ народа были доступны ей; а созданный ею спросъ на дѣтскій трудъ возбудилъ въ рабочихъ непосредственный денежный интересъ не сдерживать, а, напротивъ, увеличивать населеніе. Однако, несмотря на это, заработная плата въ главныхъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ округахъ обыкновенно настолько велика, что заработокъ всей семьи доходить въ средніе годы до весьма удовлетворительной суммы. До сихъ поръ нѣтъ еще никакого признака продолжительнаго пониженія заработной платы въ этомъ производствѣ, а между тѣмъ влияние ея чувствуется также и въ повышеніи общаго уровня познаний гражданъ за земледѣльческій трудъ въ сѣверныхъ графствахъ.

Однако, такое положеніе всей или извѣстной отрасли промышленности въ ней, при которомъ населеніе можетъ безнаказанно увеличиваться съ наивысшей быстротой, встрѣчается рѣдко и бываетъ лишь временнымъ. Весьма немногія страны представляютъ исключеніе для этого соединенія условій. Въ нѣкоторыхъ странахъ промышленныя искусства находятся въ отсталомъ и неподвижномъ состояніи, и поэтому капиталъ увеличивается медленно; въ другихъ дѣйствительное стремленіе къ накопленію настолько слабо, что ростъ капитала быстро достигаетъ своего предѣла; наконецъ, оба эти элемента могутъ существовать въ самой высшей степени развитія, какая только извѣстна, но возрастаніе капитала будетъ сдерживаться вслѣдствіе того, что для примѣненія новыхъ сбереженій нѣтъ свободныхъ земель, такого же хорошаго качества, какъ раньше заняты. Хотя капиталъ и можетъ нѣкоторое время удваиваться одновременно съ населеніемъ, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ капиталъ и населеніе должны искать себѣ занятія на одной и той же уже занятой землѣ, они все-таки не могутъ, безъ нѣлаго ряда безпримѣрныхъ земледѣльческихъ улучшеній, постоянно удваивать продуктъ; поэтому, если заработная плата и не упадетъ, то прибыль на капиталъ должна уменьшиться; а разъ уменьшается прибыль, то возрастаніе капитала ослабѣваетъ. Кромѣ того, если бы даже заработная плата не упала, цѣна на хлѣбъ (какъ это будетъ въслѣдствіе показано ниже) должна была бы неизбежно повыситься при этихъ обстоятельствахъ, что равносильно паденію заработной платы.

Слѣдовательно, кромѣ исключительныхъ случаевъ, о которыхъ я только что упоминалъ, и изъ которыхъ практическую важность имѣетъ лишь положеніе новой колоніи или страны, находящейся въ равновѣсныхъ условіяхъ, невозможно, чтобы населеніе возрастало съ наивысшей быстротой, не понижая заработной платы. Она

будет падать до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ наконецъ размѣра, который своимъ нравственнымъ или физическимъ воздействием стацетъ сдерживать ростъ населенія. Поэтому ип въ одной изъ старыхъ странъ населеніе не возрастаетъ съ наивысшей быстротой; въ большей части ихъ оно возрастаетъ очень умѣренно, а въ нѣкоторыхъ странахъ п вовсе не увеличивается. Эти факты могутъ быть объяснены только двумя способами: или тѣмъ, что не рождается все то число дѣтей, какое допускается природой и какое бываетъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, или тѣмъ, что хотя рождаемость п высока, но значительная часть родившихся умираетъ. Замедленіе роста населенія происходитъ либо отъ смертности, либо отъ благоразумія,—по выраженію Мальтуса, отъ положительной или отъ предупредительной задержки. Та или другая изъ этихъ задержекъ должна необходимо существовать и при томъ дѣйствовать очень могущественно во всѣхъ старыхъ обществахъ. Вездѣ, гдѣ населеніе не сдерживается благоразуміемъ отдельныхъ лицъ, или правительственными мѣрами, оно сдерживается голодомъ и болѣзнями.

Мальтусъ употребилъ много труда на то, чтобы опредѣлить почти для всѣхъ странъ свѣта, которая изъ этихъ задержекъ дѣйствуетъ въ каждой изъ нихъ, и свидѣтельства, собранныя имъ по этому предмету въ Essay on Population, даже и теперь могутъ быть прочтены съ пользою. Во всей Азии и притомъ въ большей части европейскихъ странъ, гдѣ рабочіе классы не находились въ личномъ рабствѣ, нѣтъ, или не было никакого сдерживающаго населеніе начала, кромѣ смерти. Смертность не всегда была результатомъ бѣдности; она также въ сильной степени проходила отъ безумнаго и небрежнаго ухода за дѣтьми, отъ неопытныхъ и вообще нездоровыхъ привычекъ у взрослого населенія, и отъ опустошительныхъ эпидемій, появившихся почти періодически. Въ Европѣ эти причины краткости жизни значительно ослабли, но все же онѣ не исчезли окончательно. До сравнительно недавняго времени едва ли какой-нибудь изъ нашихъ крупныхъ городовъ поддерживалъ свое населеніе независимо отъ потока людей, постоянно прибывающаго въ нихъ изъ деревенскихъ округовъ; относительно Ливерпуля это было справедливо сравнительно еще очень недавно, и даже въ Лондонѣ смертность теперь больше, а средняя продолжительность жизни короче, нежели въ деревенскихъ округахъ, гдѣ бѣдность гораздо сильнѣе. Въ Ирландіи эпидемическія лихорадки и смертность отъ истощенія вѣдѣтвие недостатка пищи всегда служила даже за самымъ незначительнымъ неурожаемъ картофеля. Тѣмъ не менѣе, теперь нельзя сказать, что населеніе въ какой-нибудь части Европы сдерживается главнымъ образомъ болѣзнями, или тѣмъ болѣе, голодной смертью въ примомъ, или косвенномъ ея видѣ. Сила, ограничивающая размноженіе европейцевъ, главнымъ образомъ предупредительная, по выраженію Мальтуса, а не положительная. Но въ классѣ, всецѣло, или преимущественно состоящемъ изъ наемныхъ рабочихъ, которые не надѣются на личную участь, я думаю, предупредительная задержка, заключающаяся въ мотивахъ благоразумія, рѣдко можетъ получить силу безъ посторонней помощи. Напримѣръ,

въ Англіи, я очень сомнѣваюсь, существуетъ ли какая-нибудь благоразумная сдержанность у большинства земледѣльческихъ рабочихъ. Вообще они являются такъ же рано и имѣютъ такъ же много дѣтей, какъ они имѣли бы, или могли бы имѣть, если бы были жителями Соединенныхъ Штатовъ. Во время поколѣнія, предшествовавшаго утвержденію нынѣшняго закона о бѣдныхъ, такого рода непредусмотрительность поощрялась самымъ прямымъ способомъ. Рабочіе пользовались обеспеченной и удобной поддержкой не только въ случаѣ, когда они оставались безъ работы, но даже, и занимая какое-нибудь мѣсто, они очень часто получали отъ прихода еженедѣльное пособие, пропорціональное числу ихъ дѣтей: кромѣ того, женатыя съ большими семьями всегда, въ силу близорукаго хозяйственнаго расчета, получали занятіе предпочтительно передъ неженатыми. Эта послѣдняя прерія на размноженіе существуетъ и до сихъ поръ. При такомъ поощреніи деревенскіе рабочіе приобрѣли безразсудныя привычки, которыя частью только вкоренились въ неразвитомъ умѣ, что, разъ появившись, онѣ обыкновенно надолго переживаютъ непосредственно произведшую ихъ причину. Въ обществѣ, даже въ самыхъ глубокихъ его слояхъ, недоступныхъ вѣнннмъ вліяніямъ, дѣйствуетъ такъ много новыхъ элементовъ, что было бы рискованнымъ утверждать что нибудь положительное объ умственномъ состояніи или практическихъ побужденіяхъ низшихъ классовъ, или общественныхъ группъ:—одно и то же утверженіе будетъ справедливо въ данную минуту и черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ потребовать большихъ поправокъ. Однако, кажется, что если бы быстрота возрастанія населенія зависѣла исключительно отъ числа роженій между земледѣльческими рабочими и не сдерживалась смертностью, то она была бы такъ же велика въ южныхъ графствахъ Англіи, какъ и въ Америкѣ. Сдерживающее начало лежитъ въ очень большой части общества, состоящей изъ среднихъ классовъ и технически подготовленныхъ ремесленниковъ: эта часть населенія въ Англіи почти равняется числу обыкновенныхъ, не специализировавшихся рабочихъ, и въ ней благоразумныя побужденія дѣйствуютъ довольно сильно.

§ 4. Тамъ, гдѣ рабочій классъ живетъ одной заработной платой, не имѣя ни собственности, ни надежды приобрести ее, и все же сдерживается отъ чрезмерно быстрого размноженія, на мой взглядъ, до сихъ поръ всегда должны были существовать дѣйствительныя легальныя ограниченія, или какой-нибудь обычай, которые, безъ всякаго намѣренія со стороны рабочихъ, незамѣтно измѣняли ихъ поведеніе, или вызывали непосредственное побужденіе не жениться. Въ обществѣ обыкновенно не знаютъ, какъ много въ Европѣ странъ, гдѣ неслогоразумнымъ бракамъ противопоставляются прямыя законныя препятствія. Сообщенія, представляющія первой комиссіи по закону о бѣдныхъ нашимъ посланникамъ и консулами изъ различныхъ частей Европы, содержатъ значительное количество свѣдѣній на этотъ счетъ. Спіноръ въ своемъ предисловіи къ этимъ сообщеніямъ *) говоритъ, что въ странахъ, гдѣ признается законное

*) Приложение (F) къ общему отчету комиссіи; издано также особымъ томомъ на государственныя средства.

право на вспомоществование, «браки лиц, получающих пособия, какъ кажется, повсюду воспрещаются, а браки лиц, повидному, не обладающих средствами къ независимому существованію, разрѣшаются очень рѣдко. Такъ, напримѣръ, намъ сообщаютъ, что въ Норвегій никто не можетъ жениться, не представивъ пастору удовлетворительныхъ доказательствъ обезпеченности своихъ средствъ и полной возможности содержать семью».

«Въ Мекленбургѣ браки отсрочиваются вѣдѣтіемъ конскрипціи до 22 года, а военная служба отдаляетъ ихъ еще на шесть лѣтъ; кромѣ того, вступающіе въ бракъ должны имѣть жилище; безъ этого пасторъ не въ правѣ выдать ихъ. Мужчины вступаютъ въ бракъ въ возрастѣ отъ 25 до 30 лѣтъ, а женщины немногимъ раньше, такъ какъ обѣ стороны должны предварительно заработать достаточно для своего обезпеченія».

«Въ Саксоніи человекъ не можетъ жениться раньше 21 года, если онъ подлежатъ военной службѣ. Въ Дрезденѣ профессиональные рабочіе (подъ которыми слѣдуетъ понимать ремесленниковъ) не могутъ жениться, пока они не сдѣлаются мастерами своего цеха».

«Въ Вюртембергѣ вѣдѣтіемъ военной службы никто не имѣетъ права жениться до 25 лѣтъ, если только не будетъ получено, или куплено на это особое позволеніе; кромѣ того, и въ этомъ возрастѣ должно быть получено разрѣшеніе, которое дается послѣ того, какъ будетъ доказано, что женихъ и невѣста имѣютъ достаточно средствъ для содержанія семьи, или для своего обезпеченія. Въ большихъ городахъ, какъ сообщается, они должны имѣть отъ 800 до 1000 флориновъ; въ меньшихъ отъ 400 до 500 фл.; въ деревняхъ 200 фл.»*).

Посланникъ въ Мюнхенѣ говоритъ: «главная причина, почему число бѣдныхъ такъ незначительно въ этой странѣ, заключается въ запрещеніи браковъ на основаніи закона, въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ быть доказано, что вступающіе въ бракъ имѣютъ достаточныя средства къ существованію. Этого постановленія строго придерживались во все время и во всехъ мѣстахъ. Правда, постоянное и непоколебимое соблюденіе этого правила задержало ростъ баварскаго населенія, которое теперь не велико по сравненію съ пространствомъ, но послѣдствія этой задержки были весьма благотворныя, такъ какъ ею была предупреждена крайняя бѣдность и вытекающія изъ послѣдней невѣжды**»).

Въ Любекѣ «браки между бѣдными населеніемъ замедляются вѣдѣтіемъ необходимости для каждаго жителя, во-первыхъ, предварительно доказать, что онъ имѣетъ постоянное занятіе, работу или профессию, дающую ему возможность содержать жену, и, во-вторыхъ, сдѣлаться бюргеромъ и приобрести муниципъ городской гвардіи, что все вместе стоитъ около 41 фл. Во Франкфуртѣ «правительство не опредѣляетъ возраста для вступленія въ бракъ, но разрѣшеніе на женитьбу даетъ только лицамъ, доказавшимъ, что у нихъ есть средства къ существованію».

*) Предисловіе ст. XXXIX.

) Предисловіе ст. XXXIII, или стр. 354 самого приложения.

Упомянутое въ нѣкоторыхъ изъ этихъ донесеній объ обязанностяхъ военной службы указываетъ на косвенное препятствіе къ браку, налагаемое законами въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ прямого легальнаго ограниченія. Напримѣръ, въ Пруссіи законы, принуждающіе каждаго физически способнаго человека служить нѣсколько лѣтъ въ арміи, въ періодъ жизни, когда чаще всего заключаются неблагоприятныя браки, вѣроятно, по своему вліянію на населеніе совершенно равносильны законнымъ ограниченіямъ мелкихъ германскихъ государствъ.

«Швейцарцы», говоритъ Кэ, «на основаніи опыта такъ хорошо понимаютъ выгоду для своихъ сыновей и дочерей откладывать время вступленія въ бракъ, что государственные совѣты четырехъ или пяти наиболѣе демократическихъ кантоновъ, избранные, какъ слѣдуетъ поминуть, всеобщей подачей голосовъ, провели законъ, налагающій тяжелейшій штрафъ на молодыхъ людей, которые женились, не представивъ суду своего округа доказательствъ, что они въ состояніи содержать семью. Въ Люцернѣ, Аргау, Нинтервалденѣ и сколько мнѣ помнится, въ Сентъ-Галленѣ, Швицѣ и Урпъ подобные законы были въ силѣ въ теченіе многихъ лѣтъ»).

§ 5. Гдѣ нѣтъ общаго закона, ограничивающаго вступленіе въ бракъ, тамъ часто встрѣчаются обычай равносильные ему. Когда были въ силѣ гильдіи, или ремесленныя корпораціи среднѣвѣковья, изъ соціальныя законы, или регламенты, были составлены съ большимъ вниманіемъ къ выгодѣ, какую оставляютъ промышленности ограниченіе соперничества. Эти регламенты очень усильно защищали интересы ремесленниковъ, не позволяя рабочимъ жениться, пока они не пройдутъ двухъ степеней,—ученика и подмастерья, и не достигнутъ степени мастера**).

*) Кэ op. cit. I, 68.

***) „Вообще“, говоритъ Спемонди, „число мастеровъ въ каждой корпораціи было опредѣлено, и никто, кромѣ мастера, не могъ содержать лавки, или вести торговлю за свой собственный счетъ. Каждый мастеръ могъ брать только известное число учениковъ, которыхъ онъ обучалъ своему ремеслу; въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ ему позволялось имѣть только одного своего ученика. Каждый мастеръ также могъ нанять только ограниченное число рабочихъ, которые назывались товарищами, или подмастерьями, и въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ онъ могъ имѣть только одного ученика, ему разрѣшалось держать одного и самое большее двухъ подмастерьевъ. Никому не позволялось покупать, продавать или работать въ цехѣ, если онъ не былъ ученикомъ, подмастерьемъ или мастеромъ; никто не могъ сдѣлаться подмастерьемъ не прослуживъ известное число лѣтъ ученикомъ, а также никто не могъ стать мастеромъ, если онъ не прослужилъ такого же числа лѣтъ подмастерьемъ, и пока онъ не сдѣлалъ, такъ называемаго, chef d'oeuvre какой-нибудь, опредѣленной въ этомъ цехѣ, работы, которая должна была представляться на судъ корпораціи. Отсюда можно видѣть, что эта организація всецѣло отдалена въ руки мастеровъ пополненіе цеха новыми членами. Одни мастера могли брать учениковъ, но они не были обязаны брать ихъ; поэтому они требовали платы, и нѣрѣдко очень высокой, за свое согласіе принять ученика; а молодой человекъ не могъ вступить въ цехъ, если у него не было въ началѣ суммы, необходимой для уплаты за ученіе, и средствъ, необходимыхъ для его существованія во время этого ученія, такъ какъ

Въ Норвегіи, гдѣ преобладаетъ земледѣльческій трудъ, запрещено нанимать рабочаго на ферму менѣе, чѣмъ на годъ. Такое запрещеніе существовало и въ Англіи, пока законы о бѣдныхъ не уничтожили его, давши возможность фермеру свалывать своихъ рабочихъ на содержаніе прихода всегда, когда ему не нуженъ ихъ трудъ немедленно. Вслѣдствіе такого обычая, подкрѣпимаго закономъ, весь довольно ограниченный классъ земледѣльческихъ рабочихъ въ Норвегіи имѣетъ по крайней мѣрѣ на годъ службу, которая, естественно, становится постоянной, если обѣ стороны взаимно довольны. Поэтому въ каждомъ поселкѣ извѣстно, есть ли и можетъ ли открыться свободное мѣсто; а если его нѣтъ, молодой человекъ не будетъ жениться, зная, что онъ не можетъ поступить на службу. Такой обычай еще существуетъ въ Кумберлендѣ и Вестморлендѣ, съ той только разницей, что срокъ найма вмѣсто года равенъ тамъ полугоду, и, повидимому, этотъ обычай и до сихъ поръ сопровождается такими же слѣдствіями. Рабочіе на фермѣ «получаютъ отъ хозяина помѣщеніе и полное содержаніе и рѣдко оставляютъ его, пока вслѣдствіе смерти какого-нибудь родственника или сосѣда имъ не удастся получить въ собственность или нанять коттеджъ. Такъ называемыхъ лишнихъ рукъ здѣсь не существуетъ» *). И упомянуть въ одной изъ предыдущихъ главъ, что препятствіемъ къ возрастанію населенія въ Англіи въ теченіе прошедшаго столѣтія служило затрудненіе получить отдѣльный коттеджъ **). Можно указать

въ продолженіи четырехъ, пяти или даже семи лѣтъ вся его работа принадлежала мастеру. Въ теченіе этого времени ученикъ находится въ полной зависимости отъ своего мастера, потому что поля, или даже капризъ мастера могли бы запереть для него двери прибыльной профессіи. Постѣ того, какъ ученикъ дѣлался подмастерьемъ, онъ начиналъ пользоваться немного большей свободой: онъ могъ поступать къ какому угодно мастеру, или переходить отъ одного къ другому; а такъ какъ положеніе подмастерья можно было достигнуть только черезъ ученичество, то теперь онъ начиналъ пользоваться монополіей, отъ которой раньше сградать, и былъ почти обезпеченъ въ полученіи хорошей платы за работу, которой никому постороннему не позволялось заниматься. Но переходъ подмастерья въ мастера зависѣлъ отъ корпораціи; поэтому подмастерье не считалъ свою судьбу обезпеченной и свое положеніе прочнымъ. Вообще онъ не женился до тѣхъ поръ, пока не получалъ званія мастера».

Извѣстно, какъ изъ теоріи, такъ и изъ дѣйствительности, что существованіе ремесленныхъ корпорацій мѣшало и непремѣнно должно было мѣшать рожденію чремернаго населенія. По уставамъ почти всѣхъ цеховъ, никто не могъ быть принятъ въ мастера до 25 лѣтъ; но если у него не было своего собственнаго капитала, если онъ не сдѣлалъ достаточныхъ сбереженій, онъ продолжалъ работать какъ подмастерье гораздо дольше. Нѣкоторые, а быть можетъ и большинство ремесленниковъ оставались подмастерьями всю свою жизнь. Тѣмъ не менѣе едва ли были примѣры, чтобы подмастерье женился, не получивъ званія мастера; если бы даже онъ былъ настолько неагоразументъ, чтобы желать этого, то ни одинъ отецъ не отдалъ бы свою дочь за человека, не имѣющаго положенія». *Nonceaux Principes* кн. IV, гл. 10. См. также Адамъ Смитъ, кн. I, гл. 10, часть 2.

*) См. Торатона *Over-Population* ст. 19, а также у авторовъ, на которыхъ онъ ссылается.

*) Выше кн. I, гл. X, § 3.

и другіе обычаи, сдерживающіе населеніе. По словамъ Спенсера, въ Шталіи существуетъ у бѣдныхъ одно обыкновеніе, которое, какъ хорошо извѣстно, дѣйствуетъ и въ болѣе высокихъ классахъ общества: оно требуетъ, чтобы всѣ сыновья, кромѣ одного, оставались не женатыми. Но такой семейный распорядокъ едва ли можетъ существовать между поденными рабочими. Къ нему прибѣгаютъ помещики и мелкіе собственники во избѣжаніе слишкомъ спѣлаго раздробленія земель.

Въ Англіи вообще теперь едва ли существуетъ какой-нибудь остатокъ этихъ косвенныхъ задержекъ роста населенія. Единственная задержка еще дѣйствуетъ въ приходахъ, принадлежащихъ очень немногимъ землевладѣльцамъ; тутъ увеличенію числа рабочихъ, изысканію прочное мѣсто жительства, иногда препятствуетъ то, что землевладѣльцы не позволяютъ строить новыхъ коттеджей, или славываютъ уже существующіе и такимъ образомъ сдерживаютъ населеніе, могущее сдѣлаться обременительнымъ для данной мѣстности. Однако, существаго результата для всего населенія вообще это не приносятъ, такъ какъ въ этихъ приходахъ необходимыя работы выполняются пришлыми рабочими. Прілегающіе къ этимъ приходамъ округа всегда очень страдаютъ отъ такого обыкновенія, противъ котораго они не могутъ защищаться подобными же средствами, такъ какъ собственникъ, хотя бы одного, акра земли, не возгупившій въ соглашеніе съ остальными владѣльцами, имѣетъ возможность уничтожить ихъ попытку, покрывъ свою землю коттеджами, что для него оудетъ очень выгодно. По поводу этихъ заздобъ въ парламентѣ возбуждался вопросъ объ уничтоженіи приходскихъ попечительствъ съ тѣмъ, чтобы передать налогъ въ пользу бѣдныхъ въ вѣдѣніе уній (*union*—соединеніе нѣсколькихъ приходо-въ для цѣлей мѣстнаго управленія). Если такое предположеніе будетъ принято, что весьма желательно и по другимъ причинамъ, то оно уничтожитъ послѣдній остатокъ порядковъ, которые въ свое время служили задержкой размноженія, но теперь потеряли почти всякую силу вслѣдствіе того, что дѣйствіе ихъ очень ограничено.

§ 6. Поэтому можно считать, что въ положеніи обыкновенныхъ земледѣльческихъ рабочихъ задержка къ размноженію почти не существуетъ. Слѣдовательно, ростъ городовъ и обращающихся въ нихъ капиталовъ, благодаря которому фабричные рабочіе при своемъ быстромъ размноженіи все-таки удерживаютъ свою нынѣшнюю среднюю заработную плату, долженъ поглотить также значительную часть ежегоднаго прироста деревенскаго населенія. Если же этого не случится, то, повидимому, нѣтъ основанія, почему бы народъ при настоящихъ его привычкахъ не впасть бы въ такое же бѣдственное положеніе, какое было въ Ирландіи передъ 1846 годомъ. Если, кромѣ того, рынокъ нашихъ мануфактурныхъ произведенъ даже и не уменьшится, а только перестанетъ расширяться съ такой быстротой, какъ въ послѣднее пятидесятилѣтіе, то несомнѣнно, что такая судьба можетъ постигнуть и Англію. Но не будемъ заходить въ своихъ предсказаніяхъ такъ далеко: всѣ эти дѣйствія, можно надѣяться, будутъ предупреждены высокимъ и постоянно воз-

растающимъ развитіемъ фабричнаго населенія, которое станетъ приспособлять свои привычки къ известнымъ жизненнымъ условиямъ. Помимо всего этого, и нынѣшнее положеніе рабочихъ достаточно печально въ нѣкоторыхъ графствахъ, гдѣ земледѣіе имѣетъ наибольшее значеніе, какъ, напримѣръ, въ Вилтъширѣ, Сомерсетширѣ, Дорсетширѣ, Бедфордширѣ и Бэкингамширѣ. Рабочіе этихъ графствъ, со своими большими семьями, получающіе восемь шиллинговъ въ недѣлю въ періоды самыхъ большихъ заработковъ, нѣкоторое время были главнымъ предметомъ общаго состраданія. Пора наконецъ, чтобы они почувствовали пользу выводовъ, основанныхъ на здравыхъ возрѣніяхъ.

Но несчастью при обсужденіи этихъ вопросовъ обыкновенно преобладаютъ не здравыя возрѣнія, а сантиментальность. Сочувствіе къ тяжелому положенію бѣдныхъ постоянно возрастаетъ; увеличивается готовность признать за ними право на помощь со стороны другихъ людей; но тѣмъ не менѣе существуетъ почти всеобщее желаніе взглянуть прямо на дѣйствительные недостатки въ положеніи бѣднѣйшихъ классовъ, или обратить вниманіе на узловія, которыя по самой сущности вещей необходимы для улучшенія ихъ участи. Споры о положеніи рабочихъ, сожалѣнія о ихъ бѣдствіяхъ, обвиненія всѣхъ людей, считающихся равнодушными къ нимъ, всевозможные проекты устраненія этихъ бѣдствій — все это никогда и нигдѣ не появилось въ такомъ изобиліи, какъ въ нынѣшнемъ поколѣніи въ Англіи. Но во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ проникается полное незнаніе законовъ заработной платы и стремленіе уклониться отъ нихъ посредствомъ такихъ выраженій, какъ «жестокосердый мальтузианизмъ». Это похоже на молчаливое соглашеніе. Точно не будетъ въ тысячу разъ большей жестокостью, когда вмѣсто того, чтобы удерживать людей отъ размноженія, имъ говорятъ, что они могутъ призывать къ жизни цѣлыя толпы существъ, которыя, навѣрно, будутъ бѣдствовать, и по всей вѣроятности станутъ развращенными! Тѣ, кто такъ думаетъ, забываютъ, что поведеніе, порицать которое они считаютъ такою жестокостью, представляетъ собою упреждающее поразощеніе одной части человѣчества животнымъ инстинктамъ, и, чаще всего, безпомощное подчиненіе другой передъ возмутительнымъ злоупотребленіемъ силою. Пока человѣчество оставалось въ полудварварскомъ состояніи, со всею дѣлостью и незначительными потребностями дикаря, сдерживать увеличеніе населенія, вѣроятно, было бы нежелательно. На такой степеніи умственного развитія давленіе физической нужды, быть можетъ, служило необходимымъ побужденіемъ къ успешному труду и изобрѣтательности, которые дали возможность совершить переворотъ, самый большой изъ всѣхъ, какіе только были въ жизни человѣчества — переворотъ, благодаря которому промышленный бытъ взялъ перевѣсъ надъ охотничьимъ, пастушескимъ и военнымъ или хищническимъ. Въ тогъ вѣкъ нужда приносила свою пользу, какъ приносила пользу рабство, и до сихъ поръ, быть можетъ, существуютъ уголки на земномъ шарѣ, гдѣ такое положеніе еще сохраняется, хотя оно легко можетъ быть устранено при содѣйствіи болѣе цивилизованныхъ обществъ. Но въ

Европѣ такое время, когда нужда хоть сколько-нибудь способствовала развитію трудолюбія и цивилизаціи, если и существовало, то давно прошло. Напротивъ, совершенно очевидно, что, если бы земледѣльческіе рабочіе были въ лучшемъ положеніи, они и работали бы успешнѣе, и были бы лучшимъ гражданамъ. Теперь спрашивается, вѣрно ли то, что, если бы ихъ число было меньше, они бы получали болѣе высокую заработную плату? Въ этомъ, а не въ чемъ другомъ, и заключается вопросъ; бесполезно отвлекать отъ него вниманіе, попадая на какое-нибудь частное положеніе Мальтуса или иного писателя, и воображать, что, опровергнувъ это положеніе, вы опровергнете законъ населенія. Нѣкоторые, напримѣръ, одержали легкую побѣду надъ бѣглымъ замѣчаніемъ Мальтуса, которое приведено имъ только для иллюстраціи и заключаетъ въ себѣ предположеніе, что количество пищи возрастаетъ въ арифметической прогрессіи, тогда какъ населеніе размножается въ геометрической. Каждый безпристрастный читатель знаетъ, что Мальтусъ не придавалъ значенія этой неудачной попыткѣ — опредѣлить съ математической точностью вещи, не допускающія такого опредѣленія, и каждый человѣкъ, способный разсуждать, долженъ видѣть, что для теоріи Мальтуса это опредѣленіе совершенно излишне. Другіе придавали огромную важность поправкѣ, которую сдѣлали новѣйшіе экономисты въ одномъ лишь способѣ выраженія болѣе раннихъ послѣдователей Мальтуса. Нѣкоторые писатели говорили, что населеніе *стремится возрастать быстро*, чѣмъ средства къ существованію. Это утвержденіе было справедливо въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимали сами авторы, а именно въ томъ, что населеніе въ большинствѣ случаевъ увеличивалось бы быстрѣе, нежели средства къ существованію, если бы оно не сдерживалось смертностью или благоразуміемъ. Но такъ какъ эти задержки въ различныхъ мѣстахъ и въ разныя времена дѣйствуютъ не съ одинаковою силой, то явилась возможность истолковать выраженіе этихъ писателей такимъ образомъ, какъ будто бы они хотѣли сказать, что населеніе обыкновенно растетъ быстрѣе средствъ къ существованію, и бѣдность людей все увеличивается. При такомъ толкованіи противники утверждали, что истина совершенно противоположна этому, что по мѣрѣ развитія цивилизаціи задержка, заключающаяся въ благоразуміи, стремится стать сильнѣе и населеніе уменьшаетъ быстроту своего роста сравнительно съ увеличеніемъ средствъ къ существованію; поэтому ошибочно доказывать, будто бы населеніе въ какомъ нибудь развивающемся обществѣ стремится увеличиваться быстрѣе средствъ къ существованію, или даже наравнѣ съ нимъ. Слово «стремится» здѣсь употреблено въ совершенно иномъ значеніи, чѣмъ то, въ какомъ употребляли его первые писатели. Но если оставить въ сторонѣ различія въ значеніи словъ, то развѣ объ спорящихъ сторонахъ не согласны относительно того, что въ старыхъ странахъ населеніе размножается слишкомъ быстро по сравненію со средствами къ существованію? Допустимъ, что быстрота размноженія ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ понятія и привычки бѣднѣйшихъ рабочихъ классовъ совершенствуются; можно также надѣяться, что всегда суще-

ствуетъ въ которое стремленіе къ такому совершенствованію; однако, это стремленіе до сихъ поръ было и еще остается чрезвычайно слабымъ, и (если мы обратимся къ дѣйствительности) еще не дошло до того, чтобы доставить Вильгинскимъ рабочимъ больше восьми шиллинговъ заработной платы въ недѣлю. Въ виду этого намъ необходимо отвѣтить на одинъ вопросъ: можетъ ли служить это стремленіе приличнымъ и достаточнымъ обезпеченіемъ для рабочаго? Если оно недостаточно, то это несомнѣнно доказываетъ, что отношеніе количества населенія къ фонду заработной платы слишкомъ велико. Было ли въ древнія времена несоотвѣтствіе между ростомъ населенія и увеличеніемъ средствъ къ жизни еще сильнѣе, или не настолько сильно, какъ теперь,—это не имѣетъ никакого практическаго значенія, кромѣ того, что если упомянутое отношеніе улучшается, то тѣмъ сильнѣе можно надѣяться, что при надлежащемъ содѣйствіи и поощреніи его можно заставить улучшаться еще быстрѣе и сильнѣе.

Но тѣ, кто оспариваетъ этотъ выводъ, руководствуются не противоположными доказательствами, а просто чувствомъ нерасположенности къ нему. Они не хотятъ примириться съ неприятной истиной, пока не будутъ истощены все способы, съ помощью которыхъ можно избѣгнуть ея признанія. Поэтому, необходимо заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этихъ способовъ и обить со всехъ позиций враговъ теоріи населенія, которые рѣшились найти какой-нибудь исходъ для рабочихъ, какое-нибудь средство улучшить ихъ положеніе, не требуя отъ нихъ ни добровольнаго, или насильственнаго самовоздержанія, ни большаго, нежели въ настоящее время, ограниченія животной потребности размножаться. Это и будетъ предметомъ слѣдующей главы.

ГЛАВА XI.

Популярныя средства противъ низкой заработной платы.

§ 1. Самое простое, какое только можно вообразить, средство для удержанія заработной платы на желаемой высотѣ, было бы опредѣлить размѣръ ея закономъ. Этой цѣли въ дѣйствительности и добивались въ разнообразныхъ проэктахъ, бывшихъ въ ходу въ прежнія времена. Подобные проэктъы появляются еще теперь и имѣютъ въ виду преобразование отношеній между рабочими и хозяевами. Вѣроятно, никто и никогда не предлагалъ, чтобы заработная плата была безусловно опредѣленной, такъ какъ интересы всехъ участвующихъ часто требуютъ, чтобы она пзмѣнялась; но въ некоторые предлагали установить извѣстный минимумъ заработной платы, предоставивъ соперничеству опредѣлять пзмѣненія выше этого размѣра. Въ другомъ проэктѣ, нашедшемъ много защитниковъ между вождами рабочихъ, предлагалось, чтобы были устроены совѣты, которые въ Англіи были названы мѣстными промышленными совѣ-

тами (local board of trade), во Франціи conseils de prud'hommes и пр. Эти совѣты должны были состоять изъ представителей отъ рабочихъ и хозяевъ; представители, собираясь на совѣщанія, должны были условливаться относительно размѣра заработной платы, и съ помощью правительственной власти объявлять ее общеобязательной, какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ. Основаніемъ для рѣшеній совѣта должно было служить не состояніе рабочаго рынка, а естественная справедливость. Совѣтъ долженъ былъ заботиться, чтобы рабочіе получали *справедливую* заработную плату, а капиталисты справедливую прибыль.

Однако, есть люди (не сами рабочіе, а скорѣе филантропы, интересующіеся полнотеніемъ рабочихъ классовъ), которые опасаются допустить вмѣшательство власти въ договоры найма на работу; они боятся, что вмѣшательство закона будетъ опрометчиво и невѣжественно; они убѣждены, что попытка двухъ сторонъ съ противоположными интересами, имѣющая цѣлью установить путемъ переговоровъ между представителями извѣстное соглашеніе на основаніи принциповъ справедливости, не только не поведетъ къ примиренію, а, напротивъ, усилитъ вражду, потому что нельзя установить правила, которое опредѣляло бы, что справедливо и что нѣтъ. Но то, чего нельзя добиться посредствомъ законодательнаго опредѣленія, эти люди хотятъ достигнуть путемъ нравственнаго требованія. Они думаютъ, что каждый хозяинъ долженъ давать *достаточную* заработную плату, и если онъ не даетъ ее добровольно, то общественное мнѣніе должно его принудить къ этому. Что же касается мѣры достаточной заработной платы, то она опредѣляется личными взглядами этихъ писателей, т. е. тѣмъ, что они принимаютъ за общественное мнѣніе. Я думаю, что здѣсь я вѣрно передаю значительную часть возрѣній, существующихъ по этому вопросу.

Въ своихъ замѣчаніяхъ я желаю ограничиться принципиальной стороной всехъ этихъ проэктъовъ, не принимая во вниманіе практической трудности осуществленія ихъ, хотя эта трудность, какъ легко видѣть, очень серьезна. Я буду предполагать, что съ помощью того или другого изъ этихъ плановъ заработная плата можетъ поддерживаться выше извѣстнаго размѣра, до котораго она была бы доведена соперничествомъ, т. е., говоря пными словами, она будетъ поддерживаться выше самаго высокаго размѣра, какой можетъ доставить существующій капиталъ, давая занятіе всемъ рабочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, ошибочно предполагать, что соперничество понижаетъ заработную плату. Оно въ одинаковой степени служитъ средствомъ и для поддержанія ея. Когда есть какіе-нибудь празныя рабочіе, и если они не содержатся на счетъ благотворительности, то они вступаютъ въ соперничество изъ-за найма, и заработная плата падаетъ; но когда все свободныя рабочіе найдутъ себѣ занятіе, то заработная плата не будетъ падать даже при самой свободной системѣ соперничества. Въ обществѣ существуютъ странныя понятія о свойствахъ соперничества. Нѣкоторые люди, кажется, воображаютъ, что его вліяніе безгранично, что соперничество торговцевъ можетъ понижать цѣны, а соперничество рабочихъ заработ-

ную плату до нуля, или какого-нибудь неопределенного минимума. Но это мнѣніе совершенно неосновательно. Товары могут понижаться въ цѣнѣ, благодаря соперничеству, только до того предѣла, при которомъ они привлекутъ достаточно покупателей и будутъ все распроданы; а заработная плата можетъ понижаться вслѣдствіе соперничества, пока не появится возможность принять всѣхъ рабочихъ для участія въ распредѣленіи фонда заработной платы. Если плата падаетъ ниже этой мѣры, часть капитала останется незанятою, по недостатку рабочихъ; тогда начнется противоположное соперничество между капиталистами, и вознагражденіе рабочихъ повысится.

Итакъ, мы видимъ, что, когда размѣръ заработной платы устанавливается соперничествомъ, весь фондъ заработной платы распределяется между всѣмъ рабочимъ населеніемъ; поэтому, если бы закону или общественному мнѣнію удалось установить заработную плату выше этого размѣра, то пѣкоторые рабочіе остались бы безъ занятія; а такъ какъ въ намѣреніе филантроповъ вовсе не входитъ, чтобы часть рабочихъ умерла съ голоду, то эти рабочіе должны быть обеспечены посредствомъ принудительнаго увеличенія фонда заработной платы; слѣдовательно, должно быть введено принудительное сбереженіе. Безполезно опредѣлять минимумъ заработной платы, если только не будутъ приняты мѣры, чтобы всѣ, желающіе получить работу или по крайней мѣрѣ плату, находили ее. Поэтому, послѣдняя мѣра всегда входитъ во всѣ проекты, и лицъ, сочувствующихъ ей въ обществѣ, гораздо больше, чѣмъ тѣхъ, которые удовлетворились бы установленіемъ законнаго или нравственнаго минимума заработной платы. Народное мнѣніе считаетъ обязанностью богатыхъ для государства—доставлять занятіе всѣмъ бѣднымъ. Если нравственное вліяніе этого мнѣнія не побудитъ богатыхъ сберечь отъ своего потребленія количество, достаточное для того, чтобы доставить всѣмъ бѣднымъ работу за «справедливую плату», то считается обязательнымъ для государства устанавливать съ этой цѣлью мѣстные или обще-государственные налоги. Такимъ образомъ, пропорція между количествомъ рабочихъ рукъ и фондомъ заработной платы была бы измѣнена въ пользу рабочихъ не путемъ ограниченія населенія, а путемъ увеличенія капитала.

§ 2. Если бы это требованіе, предъявляемое обществу, дѣлалось только въ пользу существующаго поколѣнія; если бы для того, чтобы доставить существующимъ рабочимъ постоянное занятіе за хорошую плату, довольно было только принудительнаго накопленія, то я первый былъ бы самымъ ревностнымъ защитникомъ такого предложенія. Общество главнымъ образомъ состоитъ изъ людей, живущихъ физическимъ трудомъ; а если общество, т. е. если рабочіе затрачиваютъ свои физическія силы для того, чтобы обеспечить отдѣльнымъ лицамъ пользованіе роскошью, то, дѣлая это, рабочіе должны сохранять за собою право устанавливать налоги на эту роскошь для цѣлей общественной пользы; самая же главная изъ этихъ цѣлей есть поддержаніе жизни народа. Такъ какъ никто не можетъ отвѣчать за то, что онъ родился, то нѣтъ такого денежнаго пожерт-

вованія, котораго люди, пользующіеся излишкомъ, не должны были бы сдѣлать, чтобы обезпечить достатокъ всѣмъ уже родившимся.

Но совершенно иное дѣло, когда тѣхъ, кто производитъ и накопляетъ, принуждаютъ воздерживаться отъ потребленія, пока они не доставятъ пищу и одежду не только всѣмъ теперь существующимъ людямъ, но и всѣмъ тѣмъ, которыхъ эти люди или ихъ потомки могутъ произвести на свѣтъ. Признаніе и дѣйствіе подобнаго обязательства уничтожило бы всѣ задержки размноженія, какъ положительныя, такъ и предупредительныя. Тогда не было бы причинъ, препятствующихъ населенію увеличиваться съ наивысшею быстротою; а такъ какъ естественное увеличеніе капитала, въ лучшемъ случаѣ, было бы не быстрее прежняго, то налоги, установленныя для того, чтобы пополнить возрастающій недостатокъ накопленія, должны были бы увеличиваться такими же гигантскими шагами, какъ и населеніе. Несомнѣнно, пришлось бы требовать работы въ обмѣнъ за содержаніе. Но опытъ доказалъ, какого рода работы можно ожидать отъ людей, живущихъ на счетъ общественной благотворительности. Когда плата дается не ради работы, а работы изобрѣтаются ради платы, то неуспѣшность ихъ несомнѣнна; получить надлежащую работу отъ поденщиковъ, не имѣя права пугать ихъ, возможно только съ помощью плетей. Безъ сомнѣнія, легко понять, что это возраженіе можетъ быть устранено. Суммы, собранныя налогами, могутъ быть распредѣлены по всему рабочему рынку вообще, какъ кажется это и предполагалось приверженцамъ «права на трудъ» во Франціи; при этомъ ни одинъ незанятый рабочій не долженъ былъ бы получить право требовать содержанія въ извѣстномъ мѣстѣ и отъ извѣстнаго чиновника. Тогда въ отношеніи отдѣльныхъ рабочихъ осталась бы возможность увольнять ихъ; правительствомъ создавало бы добавочныя занятія только тогда, когда въ нихъ былъ бы недостатокъ, и, подобно другимъ хозяевамъ, сохранило бы право выбора между своими рабочими. Но какъ бы успѣшно послѣдніе ни работали, все же увеличивающееся населеніе не можетъ, какъ это мы вербѣдо замѣчали, увеличить продуктъ пропорціонально своему росту; новые рабочіе, за прокормленіемъ всего населенія, доставляли бы все меньше и меньше продукта, по сравненію со всей массой, произведенной раньше, и съ населеніемъ; я наконецъ, черезъ нѣкоторое время излишекъ продукта былъ бы всецѣло поглощенъ, потому что населеніе увеличивалось бы въ постоянной пропорціи, тогда какъ продуктъ въ понижавшейся. Налогъ для содержанія бѣдныхъ поглотилъ бы весь доходъ страны, и плательщики слились бы съ получателями въ одну общую массу. Тогда населеніе стало бы сдерживаться или усилившейся смертностью, или благоразуміемъ; этой задержкѣ нельзя было бы устранивать, и она явилась бы внезапно и сразу, такъ какъ къ этому времени погубило бы все, что ставитъ человѣчество выше муравьиного гнѣзда или поселенія бобровъ.

На эти послѣдствія такъ часто и такъ ясно указывали знаменитые писатели въ извѣстныхъ и доступныхъ всѣмъ произведеніяхъ, что такого рода незнаніе со стороны образованныхъ людей въ

стветствует некоторое стремление к такому совершенствованию; однако, это стремление до сих пор было и еще остается чрезвычайно слабым, и (если мы обратимся к действительности) еще не дошло до того, чтобы доставить Вильширским рабочим больше восьми шиллингов заработной платы в неделю. Ввиду этого нам необходимо ответить на один вопрос: может ли служить это стремление приличным и достаточным обеспечением для рабочего? Если оно недостаточно, то это несомненно доказывает, что отношение количества населения к фонду заработной платы слишком велико. Было ли в прежние времена несоответствие между ростом населения и увеличением средств к жизни еще сильнее, или не настолько сильно, как теперь,—это не имеет никакого практического значения, кроме того, что если упомянутое отношение улучшается, то тем сильнее можно надеяться, что при надлежащем содействии и поощрении его можно заставить улучшаться еще быстрее и сильнее.

Но те, кто оспаривает этот вывод, руководствуются не противоположными доказательствами, а просто чувством нерасположенности к нему. Они не хотят примириться с неприятной истиной, пока не будут исчерпаны все способы, с помощью которых можно изблудить ее признания. Поэтому, необходимо заняться подробным рассмотрением этих способов и сбить со всех возможных врагов теории населения, которые ринулись найти какой-нибудь исход для рабочих, какое-нибудь средство улучшить их положение, не требуя от них ни добровольного, ни насильственного самовоздержания, ни большего, нежели в настоящее время, ограничения животной потребности размножаться. Это и будет предметом следующей главы.

ГЛАВА XI.

Популярные средства против низкой заработной платы.

§ 1. Самое простое, какое только можно вообразить, средство для удержания заработной платы на желаемой высоте, было бы определить размер ее законом. Этой цели в действительности и добивались в разнообразных проектах, бывших в ходу в прежние времена. Подобные проекты появляются еще теперь и имеют в виду преобразование отношений между рабочими и хозяевами. Вероятно, никто и никогда не предлагал, чтобы заработная плата была безусловно определенной, так как интересы всех участвующих часто требуют, чтобы она изменялась; но некоторые предлагали установить известный минимум заработной платы, предоставив соперничеству определять изменения выше этого размера. В другом проекте, нашедшем много защитников между вождями рабочих, предлагалось, чтобы были устроены советы, которые в Англии были названы местными промышленными сове-

там (local board of trade), во Франции conseils de prud'hommes и пр. Эти советы должны были состоять из представителей от рабочих и хозяев; представители, собираясь на совещания, должны были условиваться относительно размера заработной платы, и с помощью правительственной власти объявлять ее общеобязательной, как для хозяев, так и для рабочих. Основанием для ршешения совета должно было служить не состояние рабочего рынка, а естественная справедливость. Совет должен был заботиться, чтобы рабочие получали *справедливую* заработную плату, а капиталисты справедливую прибыль.

Однако, есть люди (не сами рабочие, а скорее филантропы, интересующиеся положением рабочих классов), которые опасаются допустить вмешательство власти в договоры найма на работу; они боятся, что вмешательство закона будет опрометчиво и неизбежно; они убеждены, что попытка двух сторон с противоположными интересами, имеющая целью установить путем переговоров между представителями известное соглашение на основании принципов справедливости, не только не поведет к примирению, а, напротив, усилит вражду, потому что нельзя установить правила, которое определяло бы, что справедливо и что нет. Но то, чего нельзя добиться посредством законодательного определения, эти люди хотят достигнуть путем нравственного требования. Они думают, что каждый хозяин должен давать *достаточную* заработную плату, и если он не дает ее добровольно, то общественное мнение должно его принудить к этому. Что же касается меры достаточной заработной платы, то она определяется личными взглядами этих писателей, т. е. тем, что они принимают за общественное мнение. Я думаю, что здесь я верно передал значительную часть воззрений существующих по этому вопросу.

В своих замечаниях я желаю ограничиться принципиальной стороной всех этих проектов, не принимая во внимание практической трудности осуществления их, хотя эта трудность, как легко видеть, очень серьезна. Я буду предполагать, что с помощью того или другого из этих планов заработная плата может поддерживаться выше известного размера, до которого она была бы доведена соперничеством, т. е. говоряными словами, она будет поддерживаться выше самого высокого размера, какой может доставить существующий капитал, давая занятие всем рабочим. В самом деле, ошибочно предполагать, что соперничество понижает заработную плату. Оно в одинаковой степени служит средством и для поддержания ее. Когда есть какие-нибудь незанятые рабочие, и если они не содержатся на счет благотворительности, то они вступают в соперничество *поза* найма, и заработная плата падает; но когда все свободные рабочие найдут себя занятыми, то заработная плата не будет падать даже при самой свободной системе соперничества. В обществе существуют странные понятия о свойствах соперничества. Некоторые люди, кажется, воображают, что его влияние безгранично, что соперничество торговцев может понижать цены, а соперничество рабочих заработ-

настоящее время непростиительно. Тѣмъ болѣе позорно лицамъ, берущимъ на себя обязанности общественныхъ наставниковъ, не знать этихъ соображеній, проходить ихъ молчаніемъ и разсуждать или упражнять свое краснорѣчіе на тему заработной платы и законовъ о бѣдныхъ, не опровергая этихъ аргументовъ, а поступаая такъ, какъ будто бы ихъ вовсе не было.

Каждый имѣетъ право жить. Мы будемъ считать это безспорнымъ. Но никто не имѣетъ права призывать къ жизни людей для того, чтобы ихъ содержали другіе. Всякій, стоящій за первое изъ этихъ правъ, долженъ отказаться отъ притязаній на послѣднее. Если человекъ не можетъ содержать даже себя безъ помощи другихъ, то эти другіе въ правѣ сказать, что они не возьмутъ на себя также и содержаніе того потомства, какое онъ способенъ произвести на свѣтъ. Однако, есть множество тщеславныхъ писателей и ораторовъ, которые претендуютъ на возвышенныя чувства и взглядъ которыхъ на жизнь настолько грубъ, что они видятъ жестокосердіе въ томъ, что иппамъ не позволяютъ производить наслѣдственныхъ нищихъ въ самомъ рабочемъ домѣ. Когда нибудь потомство спроситъ съ удивленіемъ, каковы были тѣ люди, между которыми подобные проповѣдники могли находить прозелитовъ?

Государство могло бы гарантировать занятіе за полную заработную плату всѣмъ уже родившимся. Но если оно сдѣлаетъ это, то оно будетъ вынуждено ради самозащиты и ради всѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, заботиться, чтобы безъ его разршенія не рождался ни одинъ человекъ. Если обыкновенныя и добровольныя побужденія къ самовоздержанію будутъ устранены, другія должны замѣнить ихъ. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы установить ограниченія браковъ, по крайней мѣрѣ, равносильныя тѣмъ, какия существуютъ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, или строгія наказанія для лицъ, которые даютъ жизнь дѣтямъ, не будучи въ состояніи содержать ихъ. Общество можетъ кормить бѣдныхъ, если оно возьметъ подъ свой контроль ихъ размноженіе, или же (откладывая въ сторону всякое нравственное чувство къ несчастному потомству) оно можетъ предоставить размноженіе произволу бѣдняковъ, а ихъ самихъ—ихъ собственнымъ заботамъ. Но оно не имѣетъ возможности безнаказанно взять на себя прокормленіе бѣдныхъ, оставивъ размноженіе свободнымъ.

Въ изобиліи давать пособія народу подъ видомъ ли благотворительности или работы, не поставивъ его подъ такія вліянія, чтобы благоразумные мотивы могущественно дѣйствовали на него, значить расточать средства благотворительности, не достигая цѣли. Оставьте людей въ такомъ положеніи, чтобы они ясно чувствовали зависимость, существующую между ихъ членностью и условіями ихъ жизни, и тогда вы можете получить наибольшую постоянную выгоду отъ всякаго пожертвованія, принесеннаго для того, чтобы улучшить физическое благосостояніе настоящаго поколѣнія, и посредствомъ этого возвысить привычки его дѣтей. Но отнимите у рабочихъ возможность самостоятельно регулировать свою заработную плату, гарантируйте имъ извѣстное вознагражденіе посредствомъ

закона или общественнаго мнѣнія,—какое бы благосостояніе вы имъ ни доставили, оно не заставитъ ихъ или ихъ потомство смирѣть на самовоздержаніе, какъ на надлежащее средство для закрѣпленія такихъ жизненныхъ условій. Вы только дадите имъ поводъ съ негодованіемъ требовать продолженія вашей гарантіи и для нихъ, и для всего возможнаго ихъ потомства.

По этимъ причинамъ нѣкоторые писатели совершенно осуждали англійскіе законы о бѣдныхъ и вообще всякую систему помощи физически способнымъ людямъ,—по крайней мѣрѣ, если эта помощь не сопровождается систематическими, законными предосторожностями противъ чрезмѣрнаго размноженія. Знаменитый актъ 43 года царствованія Елизаветы возлагалъ на общество обязанность доставлять работу и заработную плату всѣмъ бѣднымъ, физически способнымъ къ труду; и не можетъ быть сомнѣнія, что если бы цѣль этого акта была вполне приведена въ исполненіе, не были бы приняты мѣры, которыми нейтрализовались ея естественныя послѣдствія, то налогъ въ пользу бѣдныхъ до нашего времени поглотилъ бы весь чистый продуктъ земли и труда страны. Поэтому, имѣть ничего удивительнаго, что Мальтусъ и другіе писатели сначала высказались противъ какихъ бы то ни было законовъ въ пользу бѣдныхъ. Необходимы большая опытность и тщательное изученіе различныхъ видовъ законодательства о бѣдныхъ для того, чтобы убѣдиться, что допущеніе неограниченнаго права получать содержаніе на счетъ другихъ можетъ существовать и по закону и на дѣлѣ, не вызывая фатальнаго ослабленія силы трудолюбія и благоразумнаго самовоздержанія. Однако, это было вполне доказано изслѣдованіями членовъ первой коммисіи закона о бѣдныхъ. Хотя эту коммисію и обвиняли во враждебности къ принципу законной помощи, однако она первая доказала совмѣстимость закона о бѣдныхъ, признающаго право на вспомошествованіе, съ прочными выгодами для рабочаго класса и потомства. Рядомъ фактовъ подтвержденныхъ на опытѣ въ приходахъ, разбросанныхъ по всей Англій, было доказано, что обезпеченное содержаніе на счетъ благотворительности можетъ быть лишено своего вреднаго вліянія на умы и привычки населенія, если пособия, хотя бы даже въ изобиліи удовлетворяющія всѣ необходимыя потребности, сопровождаются непріятными для рабочихъ условіями, заключающимися въ нѣкоторомъ ограниченіи ихъ свободы и въ нѣкоторомъ стѣсненіи ихъ прихотей. При соблюденіи такихъ условій, можно считать доказаннымъ, что не зачѣмъ предоставлять на пропитаніе судьбы часть хотя бы одного члена общества; что общество можетъ и потому должно обезпечивать каждое принадлежащее къ нему лицо отъ крайностей нужды; что даже положеніе людей, не имѣющихъ возможности найти самостоятельныя средства къ существованію, не должно заключать въ себѣ физическаго страданія; люди не должны бояться его, и должны ограничить свои прихоти и подчиниться строгой дисциплинѣ. Это несомнѣнно составляетъ нѣкоторый выигрышъ съ точки зрѣнія человечества, который важнѣе самъ по себѣ и важнѣе еще болѣе тѣмъ, что онъ служитъ

шагомъ къ дальнѣйшему развитію. Поэтому, у человечества нѣтъ худшихъ враговъ, чѣмъ тѣ люди, которые заведомо или бессознательно стараются возбудить ненависть къ законамъ о бѣдныхъ или принципамъ, изъ которыхъ эти законы возникли.

§ 3. Мы рассмотрѣли попытки регулировать заработную плату и доставить искусственнымъ образомъ достаточное вознагражденіе за трудъ всѣмъ желающимъ работать; теперь мы должны рассмотреть другой видъ популярныхъ средствъ противъ того же зла, которыя не заключаютъ въ себѣ вмешательства въ свободу договора. Эти средства предоставляютъ рыночному соперничеству опредѣленіе заработной платы; но когда размѣръ ея признается недостаточнымъ, они пѣютъ въ виду изъ нѣкоторыхъ вспомогательныхъ источниковъ вознаградить рабочихъ за недостаточность ея. Такого рода была мѣра, которую принимали приходскія власти въ теченіе тридцати или сорока лѣтъ, вплоть до 1834 года; она извѣстна подъ именемъ системы пособій (Allowance System). Эта система впервые была введена, когда влѣдствіе цѣлаго ряда неурожаевъ и происшедшаго отъ нихъ возвышенія цѣны на хлѣбъ плата за трудъ сѣльскихъ рабочихъ тѣ средства къ жизни, къ которымъ они привыкли. Чувство человечности съ преобладавшимъ въ то время въ высшихъ слояхъ убѣжденіемъ, что нельзя допускать народъ страдать за то, что онъ обогатилъ страну многочисленнымъ населеніемъ, побудили администрацію сельскихъ округовъ выдавать пособие отъ прихода лицамъ, уже вмѣющимъ работу у частныхъ хозяевъ. А разъ такія пособия вошли въ употребленіе, прямой интересъ фермеровъ, получившихъ возможность сложить часть содержанія своихъ рабочихъ на другихъ жителей прихода, повелъ къ тому, что выдачи стали быстро и сильно увеличиваться. Открыто признанной цѣлью этой мѣры было согласованіе средствъ каждаго семейства съ его потребностями; поэтому, естественно, что жеманамъ стали давать больше, чѣмъ холостымъ, и людямъ, вмѣющимъ большій семейный, больше, чѣмъ безсемейнымъ. Однако, такое прямое и положительное поощреніе въ размноженію не связано неразрывно съ этимъ приемомъ. Пособіе въ придачу къ заработной платѣ можно сдѣлать опредѣленнымъ и выдавать его всѣмъ рабочимъ поровну. Такая форма системы пособій будетъ заслуживать наименѣе возраженій; потому, чтобы не отвѣстись ко всей системѣ слишкомъ строго, мы разберемъ именно эту форму.

Очевидно, что это будетъ только другой способъ установленія минимума заработной платы; разница состоитъ лишь въ томъ, что дозвѣняется дозвѣняется покупать трудъ по рыночной цѣнѣ, а недостающа до минимума пополняется рабочему изъ общественныхъ суммъ. Этотъ родъ гарантій извѣстной заработной платы подлежитъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ, какія мы приводили противъ предыдущаго. Онъ даетъ рабочимъ увѣренность, что всѣ они будутъ пѣть извѣстную заработную плату, какъ бы они ни были многочисленны, и потому также точно устраняетъ и положительныя и вытекающія изъ благоразумія задержки неограниченнаго размноженія. Но помимо не-

достатковъ, общихъ всѣмъ попыткамъ регулировать заработную плату, не регулируя возрастаніе населенія, система пособій заключаетъ въ себѣ еще свою особенную ошибку. Размѣръ заработной платы бываетъ или самый низкій, при какомъ они согласятся жить. Мы допустимъ, что онъ равенъ 7 шиллингамъ въ недѣлю. Положимъ, что возмущенныя скудостью этой платы приходскія управленія по побужденію человечности пополняютъ ее до 10 шилл. Но рабочіе привыкли жить на 7 шилл., и хотя они съ охотою пѣли бы больше, но они скорѣе будутъ жить на прежнюю сумму (какъ это доказалъ опытъ), чѣмъ ограничивать свой инстинктъ размноженія. Ихъ привычки не измѣнятся къ лучшему благодаря тому, что они станутъ получать пособие отъ прихода. Получая 3 шилл. въ недѣлю отъ прихода, они будутъ въ такомъ же положеніи какъ и прежде и, конечно, размножатся настолько, что заработная плата падетъ до 4 шилл. Она будетъ понижаться постепенно до этого предѣла по мѣрѣ увеличенія численности рабочихъ; но, быть можетъ, также и безъ этого въ рабочихъ дѣлахъ найдется столько незанятыхъ рукъ, что онѣ немедленно произведутъ такой результатъ. Хорошо пѣвѣстно, что система пособій имѣла именно такія практическія послѣдствія, и что подъ вліяніемъ ея заработная плата пала до такой низкой величины, какая раньше не была извѣстна въ Англій. Въ теченіе прошлаго вѣка, при довольно суровомъ примѣненіи законовъ о бѣдныхъ, населеніе возрастало медленно, и заработная плата въ сельскомъ хозяйствѣ была значительно выше границы голодной смерти. При системѣ же пособій населеніе возрастало такъ быстро, а заработная плата упала настолько низко, что и съ платой и съ пособиемъ семьи находились въ худшемъ положеніи, чѣмъ онѣ были раньше съ одной заработной платой. Когда рабочій зависитъ исключительно отъ заработной платы, то она и будетъ дѣйствительно равняться минимуму. Но если недочетъ ея пополняется принудительнымъ сборомъ со всѣхъ, вмѣющихъ возможность что-нибудь дать, тогда она можетъ пасть даже ниже того предѣла, за которымъ наступаетъ голодная смерть, и дойти почти до нуля. Эта печальная система представляетъ самую худшую изъ всѣхъ, до сихъ поръ примѣнявшихся. формъ закона о бѣдныхъ, такъ какъ она обращаетъ въ нищихъ не однихъ безработныхъ, а все населеніе. Она была наконецъ отмѣнена, и теперь о ней по крайней мѣрѣ можно сказать, что никто не высказываетъ желанія возобновить ее.

§ 4. Хотя эта система, какъ можно видѣться, совершенно отвергнута, все же существуетъ другой видъ прибавокъ къ заработной платѣ, пользующійся до сихъ поръ большою популярностью; этотъ видъ пѣветъ огромныя преимущества какъ въ нравственномъ, такъ и въ социальномъ отношеніи, сравнительно съ системой пособій; однако, слѣдуетъ опасаться, что онъ приведетъ къ такимъ же экономическимъ результатамъ: я говорю о хваленной участковой системѣ (Allotment System). Эта система также пѣветъ цѣлью увеличитъ недостаточную заработную плату, давая рабочему въ дополненіе къ ней какую-нибудь постороннюю прибавку; но вмѣсто того, чтобы пополнять недочетъ въ заработной платѣ изъ на-

лога въ пользу бѣдныхъ, рабочимъ дается возможность самимъ увеличивать свои средства путемъ арендованія небольшого клочка земли, который они обрабатываютъ, какъ огородъ, съ помощью заступа, и получаютъ съ него картофель и прочія овощи для домашнего потребления, а можетъ быть, кое-что и для продажи. Нанимая уже удобренную землю, рабочіе иногда платятъ за нее сумму, доходящую до 8 фунтовъ за акръ; но такъ какъ трудъ самого арендатора и его семьи не стоитъ ему ничего, то даже при такой высокой рентѣ *) ему удается заработать нѣсколько фунтовъ. Заштатки этой системы придають важное значение тому, чтобы участокъ служилъ дополненіемъ къ заработной платѣ, а не замѣнялъ бы ее. По ихъ мнѣнію онъ не долженъ быть настолько великъ, чтобы рабочіе могли жить съ него; но долженъ имѣть достаточные размѣры для того, чтобы занять свободные часы и дни рабочей семьи, имѣющей болѣе или менѣе постоянную земледѣльческую работу. Обыкновенно считается, что участки должны быть въ четверть акра, во всякомъ случаѣ не болѣе половины. Если бы участокъ превышалъ эту величину, и въ то же время не былъ бы настолько великъ, чтобы занять все время рабочаго, то думаютъ, что послѣдній станетъ лѣнвымъ и неважнымъ для найма. Если же клочекъ земли былъ бы настолько великъ, что могъ бы служить единственнымъ источникомъ средствъ къ существованію для владѣльца и далъ бы ему возможность совершенно выйти изъ класса наемныхъ рабочихъ, то рабочіе обратились бы въ ирландскихъ котъеровъ. Этотъ взглядъ имѣетъ нѣкоторыя основанія, такъ какъ ренты, платимыя за участки земли, огромны. Однако, пугаясь котъерства, эти добродетельные писатели не замѣчаютъ, что если система, защищаемая ими, и не представляетъ котъерства, то она по своимъ существеннымъ чертамъ не что иное, какъ система конакровъ.

Конечно, далеко не все равно, пополняется ли недостаточная заработная плата изъ фонда, собраннаго налогами, или та же цѣль достигается средствами, которые несомнѣнно увеличиваютъ валовой продуктъ страны. Не все равно также—когда помогаютъ рабочему, дѣйствуя на его трудолюбіе, или когда ему выдаютъ пособие такимъ образомъ, что содѣйствуютъ развитію въ немъ лѣни и безпечности. По этимъ двумъ пунктамъ участковая система имѣетъ неоспоримое преимущество надъ системой приходскихъ пособій. Но я не вижу причины, почему бы эти мѣры существенно различались одна отъ другой относительно своего вліянія на заработную плату и населеніе. Все субсидіи въ придачу къ заработной платѣ даютъ возможность рабочему работать за меньшее вознагражденіе и, потому, въ концѣ концовъ понижаютъ плату за трудъ на всю сумму своего косвеннаго дохода: такой результатъ необходимо наступитъ, если только не произойдетъ перемены въ понятіяхъ и потребностяхъ рабочаго класса и не изменится относительная оцѣнка, какую рабочіе придаютъ къ удовлетворенію своихъ инстинктовъ и къ увеличенію всего

благополучія людей, близкихъ имъ. Мнѣ кажется, нельзя ожидать, чтобы участковая система произвела какую-нибудь подобную перемену въ характерѣ рабочихъ. Намъ часто приходилось слышать, что владѣнне землю дѣлаетъ рабочаго предусмотрительнымъ. Его дѣлаетъ такимъ поземельная собственность, или, что равносильно ей,—прочное владѣнне землей на опредѣленныхъ условіяхъ. Но намъ никогда не приходилось встрѣчать, чтобы простой погодный наемъ никогда не приходилось встрѣчать, чтобы простой погодный наемъ земли имѣлъ подобное вліяніе. Развѣ владѣнне землей дѣлаетъ правду предусмотрительнымъ? Правда, существуетъ много свидѣтельствъ относительно благотворной перемены, происшедшей въ положеніи и поведеніи рабочихъ послѣ надѣленія ихъ участками, и я не буду оспаривать справедливости этихъ свидѣтельствъ. Подобнаго результата можно ожидать, пока лишь, владѣющихъ участками, немного, и они принадлежатъ къ привлекательной группѣ, которая стоитъ выше обыкновеннаго уровня по своему благополучію и не желаетъ лишиться его. Они также элементъ, состоящій изъ всегда представляли и раньше избранный классомъ; но въ данномъ случаѣ эта система имѣетъ тотъ недостатокъ, что она облегчаетъ женитьбу и возможность имѣть дѣтей тѣмъ лицамъ, которыя при прежнихъ условіяхъ по всей вѣроятности выказали бы благоразумное воздержаніе. Что же касается ея вліянія на бытъ общей массы рабочихъ, то, по моему мнѣнію, это вліяніе будетъ или ничтожнымъ, или вреднымъ. Если только немногіе рабочіе находились бы въ сравнительно лучшемъ положеніи и безъ нихъ; и отъ этого для всего класса вообще не будетъ никакой пользы. Но если бы такая мѣра была осуществлена въ широкимъ масштабѣ, и каждый, или почти каждый рабочій имѣлъ бы участокъ, то я думаю, результаты были бы совершенно такой же, какъ и тогда, когда каждый, или почти каждый рабочій получалъ бы пособие въ придачу къ заработной платѣ. По моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться относительно того, что, если бы въ концѣ прошлаго столѣтія въ Англій вмѣсто системы пособій повсюду была бы принята участковая система, то она въ одинаковой степени уничтожила бы препятствія къ размноженію, которыя въ то время дѣйствовали; населеніе стало бы размножаться точно съ такою же быстротою, какъ и при системѣ пособій, и въ двадцать лѣтъ заработная плата вмѣстѣ съ доходомъ участка равнялась бы дѣйствительной заработной платѣ вмѣстѣ съ пособиемъ и была бы не больше прежней заработной платы, существовавшей до раздѣла участковъ. Единственное различіе, говорящее въ пользу участковой системы, состоитъ въ томъ, что она заставляетъ самихъ рабочихъ производить свое вспоможеніе.

Однако, въ то же время я готовъ вполне согласиться, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, если большинство наемныхъ рабочихъ владѣетъ землей за умѣренную ренту, даже не обладая правомъ собственности, то это ведетъ не къ пониженію, а къ повышенію заработной платы. Но такой результатъ бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда земля даетъ рабочимъ все необходимое, незави-

*) См. свидѣтельства по вопросу объ участковой системѣ, собранныя членами комиссіи, занимавшейся изслѣдованіемъ закона о бѣдныхъ.

симо отъ рыночной цѣны труда. Положеніе людей, живущихъ заработной платой и имѣющихъ землю только, какъ сверхкомплектный источникъ дохода, въ высшей степени отлично отъ положенія людей, которые могутъ, въ случаѣ необходимости, существовать всецѣло доходами со своей земли и наниматься лишь для увеличенія своего благосостоянія. Заработная плата, естественно, можетъ быть высокою тамъ, гдѣ никто не бываетъ принужденъ продавать свой трудъ вслѣдствіе нужды. «Люди, имѣющіе какую-нибудь собственность для приложенія своего труда, не станутъ продавать его за плату, которая не доставитъ имъ лучшей пищи, чѣмъ картофель и маисъ, хотя у себя дома они очень часто живутъ однимъ картофелемъ и маисомъ. Въ путешествіяхъ по континенту намъ часто приходилось удивляться размѣру поденной платы, которая была очень высока, если принять во вниманіе дешевизну и изобиліе пищи. Во многихъ частяхъ континента, гдѣ поземельная собственность широко распространена между народомъ, отсутствіе необходимости или охоты брать постороннюю работу вызываетъ уменьшеніе числа поденныхъ рабочихъ, и трудъ становится дорогъ, въ то время какъ пища дешева» *. Есть страны на континентѣ, гдѣ даже между городскими жителями, кажется, едва ли можно встрѣтить хоть одного человѣка, который бы исключительно зависѣлъ отъ своего главнаго занятія: только этимъ и можно объяснить ту высокую цѣну, какую континентальные рабочіе требуютъ за свою службу, и то равнодушіе, съ какимъ они относятся къ возможности остаться безъ работы. Но совершенно иной результатъ получился бы, если бы ихъ земля или какой-нибудь другой источникъ дохода давалъ имъ только небольшую часть средствъ къ существованію, не уменьшая необходимости продавать свой трудъ на переполненномъ рынкѣ. Тогда ихъ земля дала бы имъ только возможность существовать при меньшей заработной платѣ и размножались гораздо дальше того предѣла, до какого они не могли спуститься и не спустились бы, не имѣя земли.

Противъ моего взгляда на вліяніе участковой системы, мнѣ кажется, нельзя привести никакихъ возраженій, кромѣ аргумента Торнтона **, который я все время имѣлъ въ виду. Торнтонъ, защищая участковую систему, основывается на той общей истинѣ, что только бѣднѣйшіе классы размножаются, не обращая вниманія на послѣдствія: поэтому, если бы жизненные условія нынѣшняго поколѣнія могли значительно улучшиться,—что, какъ думаетъ Торнтонъ, возможно осуществить съ помощью участковой системы,—то потомство выросло бы при болѣе высокомъ уровнѣ потребностей—и люди не обзаводились бы семьями до тѣхъ поръ, пока не были бы въ состояніи доставить дѣтямъ тѣхъ удобства, въ какихъ были воспитаны родители. Я согласенъ съ этимъ доводомъ лишь въ томъ смыслѣ, что внезапное и очень большое улучшеніе въ положеніи бѣдныхъ можетъ иногда путемъ вліянія на ихъ жизненные привычки сдѣлаться постояннымъ. Перемена, происшедшая послѣ фран-

*) Laing's Notes of a Traveller, p. 456.

**) См. Thornton. Over-Population, ch. VIII.

цузской революціи, служить такимъ примѣромъ. Однако, я не могу повѣрить, чтобы присоединеніе къ каждому рабочему коттеджу четверти или даже половины акра земли, да еще при такой тяжелой рентѣ, могло бы произвести настолько большое измѣненіе въ благосостояніи семей, на цѣлое будущее поколѣніе, чтобы рабочіе стали воспитываться съ дѣтства при значительно болѣе высокомъ, постоянномъ уровнѣ потребностей и привычекъ. Ожидать этого трудно въ особенности потому, что заработная плата должна пасть, чтобы трудъ имѣлъ существующаго бѣднаго населенія напелъ себя занятиемъ. Такой малый участокъ земли могъ бы принести прочную пользу только тогда, когда поощрялось бы приобрѣтеніе его посредствомъ трудолюбія и бережливости въ полную собственность; разрѣшеніе покупать землю, если бы оно практиковалось въ широкыхъ размѣрахъ, послужило бы къ выработкѣ предусмотрительности и бережливости въ цѣломъ классѣ, а эти качества могли бы сохраниться и на будущее. Но выгода происходила бы не отъ того, что рабочимъ было бы дано нѣкоторое имущество, а отъ того, что ихъ побуждали бы къ приобрѣтенію.

Никакія средства противъ низкой заработной платы не будутъ имѣть ни малѣйшаго шанса на успѣхъ, если они не вліяютъ на умы и привычки народа. Пока эти послѣдніе остаются безъ измѣненія, всякая мѣра, хотя бы она временно и улучшала положеніе бѣднѣйшаго класса, только ослабитъ мотивы, которыми раньше сдерживался ростъ населенія, и поэтому ея дѣйствіе можетъ быть продолжительно лишь въ томъ случаѣ, если бы насильственное населеніе въ видѣ налоговъ заставило капиталъ увеличиваться съ такою же быстротою, какъ возрастаетъ населеніе. Но ростъ капитала не можетъ долго идти наравнѣ съ увеличеніемъ населенія, и когда оное остановится, то окажется, что численность бѣднѣйшаго класса въ странѣ увеличилась, а отношеніе всѣхъ остальныхъ классовъ къ общей массѣ населенія уменьшилось; если же этотъ процессъ будетъ длиться достаточное время, то никакихъ классовъ, кромѣ бѣднѣйшаго, не останется вовсе. «Къ такому усложненію въ концѣ концовъ должно привести» всякое социальное устройство, которое устраняетъ естественныя задержки къ размноженію, не замѣняя ихъ какими-нибудь другими.

ГЛАВА XII.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе средствъ противъ низкой заработной платы.

§ 1. Тогда, какими же средствами можно бороться противъ бѣдности? Какъ помочь бѣдству, происходящему отъ низкой заработной платы? Если средства, обыкновенно предлагаемыя для этой цѣли, не примѣнимы, то нельзя ли найти другихъ? Или эта задача не разрѣшима, и политическая экономія не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ возраженій на всѣ проекты и доказательствъ, что никакая помощь невозможна?

Если бы это было так, политической экономии предстояла бы неизбежная, но вместе с тем печальная и неблагоприятная, обязанность. Если бы вся масса человечества навсегда должна была остаться тем, что она теперь, т. е. рабами труда, от которого они не получают никакой выгоды и потому не чувствуют к нему никакого интереса, если бы неизменным удѣлом людей была тяжелая работа съ раннего утра до поздней ночи изъза одного лишь насущнаго куска хлѣба.—работа, не смягченная ни мыслью, ни чувством, неразрывно связанная съ полным отсутствиемъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ: если бы люди должны были навсегда остаться невежественными, потому что нельзя же учить голодныхъ, эгоистичныхъ, такъ какъ всѣ ихъ помысленія направлены на ихъ личныя потребности, лишеными интересовъ и чувствъ гражданина или члена общества, охваченными постоянно грызущимъ ихъ умъ сознаниемъ несправедливости при видѣ чужого достатка, котораго имъ не суждено имѣть, то при такихъ условияхъ я не знаю ничего, что могло бы заставить разумнаго человека заботиться о судьбахъ человечества. Тогда высшей мудростью для отдельной личности было бы оставить безъ вниманія безмысленную суету, такъ называемой, цивилизованной жизни и стараться съ эпикурейскимъ равнодушиемъ извлечь для себя и для близкихъ изъ окружающаго возможно больше удовольвенія, не причиняя вреда другимъ. Однако, такой мрачный взглядъ на человѣческія судьбы несомнѣнъ. Бѣдность, подобно большинству социальныхъ золъ, существуетъ потому, что люди безъ должнаго разсужденія слѣдуютъ своимъ животнымъ инстинктамъ. Но общественное сожителство возможно именно потому, что человекъ не долженъ быть неизбежно животнымъ. Цивилизации почти во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ борьбу противъ животныхъ инстинктовъ. Она доказала, что даже надъ некоторыми самыми сильными изъ нихъ она въ состояніи приобрести могучую власть. Она до такой степени облагородила значительную часть людей, что изъ большинства ихъ естественныхъ наклонностей едва-ли остался какой-нибудь слѣдъ, или воспоминаніе. Если она до сихъ поръ и не обуздала инстинктовъ размноженія настолько, насколько этого необходимо, то мы должны помнить, что серьезныхъ попытокъ этого еще никогда не было. Всѣ успѣя, какія только производились, были направлены совершенно въ противоположную сторону. Религія, нравственность и государственная дѣятельность наперерывъ старались побуждать людей къ браку и размноженію, лишь бы оно происходило въ законномъ бракѣ. Религія еще и теперь продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Католическое духовенство (о другихъ духовенствахъ незначѣмъ говорить, такъ какъ никакое другое не имѣло значительнаго вліянія на бѣднѣйшіе классы) считало своимъ долгомъ повсюду поощрять браки, съ цѣлью предупредить безнравственность. До сихъ поръ у многихъ людей существуетъ сильное религиозное предубѣжденіе противъ научной истины. Богатые, когда послѣдствія не касаются ихъ, считаютъ оскорбленіемъ мудрости предвѣнія предполагать, что бѣдность можетъ происходить отъ дѣ-

ствія естественной склонности; а бѣдные думаютъ, «что Богъ никогда не создастъ ртавъ, не создавъ пищи». Слушая подобныя сужденія, никто бы не могъ заключить, что человекъ имѣетъ свободную волю и выборъ въ этомъ дѣлѣ. Такое полное смѣшеніе понятій относительно этого предмета обязано своимъ существованіемъ въ значительной степени той таинственности, какой онъ окружается, благодаря фальшивой деликатности, предпочитающей, чтобы правда и неправда въ одномъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческаго благосостоянія не различались и смѣшивались, только бы не позволить свободно говорить и разсуждать о немъ. Люди мало знаютъ о томъ, что стоитъ человечеству такая чопорность рѣчи. Общественныя болѣзни, такъ же какъ и физическія, не могутъ быть предупреждены или исцѣлены, если о нихъ не будутъ говорить безъ обиняковъ. Безчисленный опытъ доказываетъ, что вся масса человечества никогда самостоятельно не обсуждаетъ нравственныхъ вопросовъ, никогда не видитъ правды или неправды, если ей безпрестанно не говорятъ о нихъ; а пока люди пребываютъ въ законномъ бракѣ, кто говоритъ имъ, что у нихъ есть и тутъ извѣстныя обязанности? Кто встрѣчаетъ, хотя бы малѣйшее, порицаніе или вѣрше, кто не встрѣчаетъ симпатіи и благосклонности по поводу извѣстнаго зла, которое онъ могъ причинить себѣ и своимъ близкимъ такого рода невоздержанностью? Неумѣренность въ пынствѣ порицается всѣми людьми, считающими себя нравственными, и въ то же время однимъ изъ главныхъ основаній звать къ помощи благотворителей служить то, что проситель имѣетъ близкую семью и не въ состояніи содержать ее *).

Нельзя удивляться, что молчаніе по такому важному моральному вопросу приводитъ къ незнанію нравственныхъ обязанностей, когда это молчаніе заставляетъ забывать даже реальныя факты. Что неженатый человекъ можетъ откладывать женитьбу и жить воздержанно, признается охотно большинствомъ людей; но, кажется, въ Англіи никому и никогда не приходило на умъ, что, разъ человекъ женатъ, то отъ его свободной власти зависѣтъ, будетъ ли или не будетъ онъ имѣть семью, и изъ какаго числа дѣтей послѣдняя будетъ состоять. Можно было бы подумать, что дѣти сынятся съ неба на женатыхъ людей помимо всякаго участія съ ихъ стороны; точно въ дѣйствительности правда, какъ обыкновенно говорится, что Божья воля, а не ихъ собственная, опредѣляетъ число ихъ потомства. Посмотримъ, какаго мнѣнія держится по этому вопросу одинъ континентальный ученый, самый добрый человекъ своего времени, счастливая супружеская жизнь котораго не разъ упоминалась.

«Когда опасные предразсудки», говоритъ Симонди, **» «не вошли въ общее довѣріе, когда намъ не прививается во имя самаго свя-

*) Мало можно ожидать успѣха въ нравственности, пока на поведение большихъ семей не будутъ смотрѣть съ такимъ же чувствомъ, какъ на пьянство, или другія физическія излившества; во что же можно требовать отъ бѣдняковъ, если аристократія и духовенство первые подають примѣръ подобной невоздержанности.

***) Nouveaux Principes, кн. VII, гл. 5.

шенного авторитета нравственность, противоположная нашим истинным обязанностям к ближним и в особенности к тем, кому мы дали жизнь, и один благоразумный человек не станет жаться, прежде, чем он не достигнет положения, которое даст ему обеспеченные средства к жизни, и не один женатый человек не будет иметь большого числа детей, чем сколько он может надлежащим образом воспитать. Глава семьи основательно думает, что его дети могут удовольствоваться тем положением, в каком он сам жил, и его желание будет состоять в том, чтобы сын или дочь, достигнув брачного возраста, стали бы на место их отца и матери; чтобы дети его детей замещали в свою очередь его и его жену; чтобы его дочь вышла в другой семье совершенно такую судьбу, какая будет дана в его собственной семье дочери другого, и чтобы доходы, которыми удовлетворялись родители, были бы достаточны и для детей. «В странах с возрастающим богатством некоторое увеличение числа населения допускается, но это вопрос частный, а не принципиальный». Когда образовалась такая семья, то справедливость и человеколюбие требуют, чтобы она наложила на себя то же стеснение, какому подчиняются неженатые. Когда мы примем в соображение, как незначительно во всех странах число незаконных детей, мы должны будем согласиться, что в общем такое стеснение действовало бы с достаточной силой. В странах, где нет простора для увеличения населения, или в которой прогресс в его численности должен быть почти незначительным, где нет свободных мест для устройства новых семей, отец, имеющий восемь душ детей, должен ожидать, или что шестеро из них умрут в детстве, или что из его современников—три женщины и трое мужчин и в следующем поколении три его сына и три его дочери останутся не женатыми по его вине».

§ 2. Люди, не надбьющиеся, чтобы можно было внушить рабочим классам достаточную степень благоразумия относительно увеличения их семей, потому что до сих пор эти классы не обращали никакого внимания на это, очевидно, неспособны уяснить себе, в чем именно заключаются обыкновенные руководящие принципы человеческих действий. Вероятно, самым необходимым условием для достижения этого результата было бы общее распространение мифа, что он желателен. Как нравственный принцип, подобное мифическое еще до сих пор не существовало никогда и ни в одной стране; интересно то, что оно не существовало в тех странах, где, под влиянием добровольной личной предусмотрительности, население сдерживается сравнительно довольно успешно. То, чему следуют в силу благоразумия, еще не признается долгом; писатели и общественные ораторы в большинстве случаев выражают противоположное мифическое даже во Франции, где сантиментальный ужас перед теорией Мальтуса почти так же господствует, как и в Англии. Помню новизну этой теории, можно указать на много причин, почему она до сих пор не стала общепризнанной.

Даже верность ей в некоторых отношениях вредит ей. Можно усомниться, существовало ли когда, до сих пор, в каком-нибудь общественном классе, кроме самого бедного (предразсудки которого относительно этого вопроса не трудно понять), искреннее и сильное желание, чтобы заработная плата была высока. Многие добивались понижения налога в пользу бедных; но когда это было достигнуто, высшие классы сильно желали, чтобы рабочие оставались в дурном положении. Почти все люди, которые сами не принадлежат к рабочему классу, являются работодателями и не станут печалиться, если получат труд попечительства о бедных. Несомненный факт, что даже попечительства о бедных (Boards of Guardians), считающиеся официальными защитниками учений, противных размножению населения, далеко не всегда относятся терпимо к какой-нибудь мысли, которую им угодно было бы назвать общим именем мальтузианства. Попечительства в деревенских округах состоят главным образом из фермеров; а фермеры, как хорошо известно, противятся даже участковой системе, действующей, по их мнению, рабочего «слишком независимым». От среднего дворянства (джентри), интересы которого меньше сталкиваются с интересами рабочих, можно было бы ожидать лучшего отношения, и обыкновенно английское дворянство с состраданием относится к низшим классам. Но люди сострадательные имеют человеческую слабость, и нередко в душе были бы весьма мало огорчены, если бы никто не нуждался в их благотворительности; именно, от этих людей чаще всего и слышится пошлое учение, что Бог предопределял, чтобы всегда были бедные. Прибавим еще к этому, что каждый человек, имеющий стремление трудиться для общественных целей, желает выполнить какую-нибудь любимую реформу — отменить хлебные законы, уменьшить налоги, ввести реформу — отменить хлебные законы, ввести хартию, возстановить или пустить мелкие банковые билеты, ввести хартию, возстановить или упразднить церкви, ослабить аристократию и т. д.—каждый думает, что признанием великого принципа его собственной прозреть будет отодвинуть на второй план, и смотреть, как на врагов, на всех, кто считает важным что-либо другое, кроме излюбленного вопроса; поэтому, нет ничего удивительного, что, со времени появления теории населения, девять десятых мифа были противоположны ей, а одна десятая была слышна только по временам, и что эта теория еще до сих пор не проникла в те классы, которые, как можно ожидать, менее всего расположены быть ее последователями. т. е. в среду рабочих.

Но представим себе, что произошло бы, если бы в низшем классе распространилось убеждение, что соперничество слишком большого числа рабочих и есть главная причина их бедности; так что каждый рабочий (за одно с Спенсерами) смотрел бы на своих товарищей, имеющих число детей большее, чем позволяют товарищеские условия, как на людей, приносящих ему вред и занимающих место, на которое и он сам имеет право. Всякий, кто полагает, что существование такого убеждения не могло бы сильного влияния на поведение людей, должен быть совершенно

незнакомъ съ человѣческой природой; онъ, вѣроятно, никогда не принималъ во вниманіе, какая значительная часть мотивовъ, побуждающихъ большинство людей заботиться даже о своихъ собственныхъ интересахъ, заключается въ уваженіи къ общественному мнѣнію и въ боязни, ради какого-нибудь упущенія, заслужить нелюбовь или презрѣніе общества. Что же касается занимающаго насъ вопроса, то безъ преувеличенія можно сказать, что чрезмѣрная невоздержанность происходитъ настолько же отъ побужденія, даваемого общественнымъ мнѣніемъ, насколько и отъ простой животной склонности; такъ какъ въ глазахъ всѣхъ слоевъ общества, и въ особенности среди необразованныхъ классовъ, сила инстинктовъ, вообще, сдѣлывается съ душевной и личной силой, а сравнительная слабость ихъ съ отсутствіемъ послѣдней. Такое извращеніе понятій произошло оттого, что энергичное проявленіе инстинкта служить средствомъ и признакомъ господства надъ другими людьми. Если бы одно лишь это искусственное побужденіе было устранено, результатъ получился бы огромный; а когда, съ теченіемъ времени, люди вообще усвоятъ себѣ противоположные взгляды, въ этой области человѣческихъ нравовъ немедленно произойдетъ волный перевертокъ. Намъ часто приходилось слышать, что если бы рабочій, какъ нельзя лучше, понималъ зависимость заработной платы отъ населенія, то и тогда бы онъ не смѣнилъ своего поведенія, потому что тѣ дѣти, какиаъ онъ можетъ имѣть самъ, не произведутъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на общее пониженіе цѣны труда. Это совершенно вѣрно; но также вѣрно и то, что бѣгство одного солдата — не повлечетъ за собою потерн сраженія; слѣдовательно, не это соображеніе удерживаетъ каждаго солдата въ строю; онъ страшится позора, естественно и неизбежно сопровождающаго поступокъ отдѣльнаго лица, который, какъ легко видѣть, былъ бы пагубенъ, если бы большинство такъ поступало. Рѣдко можно встрѣтить людей, которые пренебрегли бы общественнымъ мнѣніемъ своего класса, если только ихъ не поддерживаетъ какой-нибудь болѣе возвышенный принципъ, или мнѣніе какой-нибудь иной сильной общественной группы.

Слѣдуетъ также помнть, что какъ только мнѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, достигнетъ хоть незначительнаго вліянія, оно будетъ имѣть сильную опору въ огромномъ большинствѣ женщинъ. Жена рѣдко бываетъ причиной слишкомъ многочисленной семьи; вмѣстѣ со всѣми физическими страданіями и со всею долей лишений, на нее ложится вся нестерпимо тяжелая домашняя работа, происходящая отъ такого изліиства. Освобожденіе отъ этой тягостн привѣтствовалось бы, какъ благословеніе, множествомъ женщинъ, которыя теперь никогда не отваживаются предъявлять подобное требованіе, но которыя не замедлили бы предъявить его, если бы въ этомъ ихъ поддерживали нравственныя убѣжденія общества. Изъ всѣхъ остатковъ варварства, которые еще до сихъ поръ не перестали пользоваться подтвержденіемъ закона и правдивости, несомнѣнно самый отвратительный состоитъ въ томъ, что человѣку позволено считать за собою право на личность другого.

Если бы когда-нибудь между всѣми рабочими установилось убѣжденіе, что для ихъ благосостоянія необходимо должно ограниченіе числа дѣтей въ семьяхъ, то порядочные и благоразумные члены этого класса подчинились бы такому требованію, а уклонились бы отъ него только тѣ, которые вообще привыкли не обращать никакого вниманія на общественныя обязанности; и поэтому тогда явилось бы очевидное основаніе превратить нравственное обязательство въ законную обязанность; не производить на свѣтъ дѣтей, которыя будутъ въ тягость обществу. Совершенно такъ же было въ большинствѣ другихъ случаевъ, когда общественное мнѣніе совершенствовалось: законъ, въ концѣ-концовъ, принуждалъ слую протестующее меньшинство подчиниться обязательствамъ, которыя для того, чтобы быть полезными, должны выполняться всѣми, и которыя огромное большинство общества согласилось возложить на себя добровольно въ виду ихъ полезности. Однако, не было бы даже необходимости въ законодательной санкціи, если бы женщинамъ были даны тѣ же права гражданства, какъ и мужчинамъ, что было бы вполне справедливо и по многимъ другимъ основаніямъ. Пусть только обычай перестанетъ замыкать женщинъ въ сферѣ одной лишь физической функціи, служащей имъ средствомъ къ существованію и источникомъ вліянія, и онѣ немедленно же приобретутъ равный голосъ съ мужчинами въ томъ, что касается этой функціи. И изъ всѣхъ улучшеній человѣческаго быта, какия только можно предвидѣть въ настоящее время, ни отъ одного нельзя ожидать, чтобы оно было настолько плодотворно почти во всѣхъ нравственныхъ и социальныхъ отношеніяхъ, какъ это.

Намъ остается рассмотреть, есть ли надежда на то, чтобы убѣжденія и сознанія, основанныя на законѣ зависимости заработной платы отъ населенія, распространились между рабочими, и какими средствами можно вызвать такіа убѣжденія и сознанія. Прежде чѣмъ пслѣдовать основанія этой надежды, которую, конечно, многія лица готовы безъ всякихъ разсужденій объявить химерической, я замѣчу, что если нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта на эти два вопроса, то господствующій въ Англіи индустриальный строй, принимаемый многими писателями за *non plus ultra* цивилизаціи, — строй, въ которомъ весь рабочій классъ находится въ зависимости отъ платы за трудъ по найму, долженъ подвергнуться безповоротному осужденію. Мы должны рассмотреть вопросъ: является ли неизбежнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣль чрезмѣрное разожженіе и униженное состояніе рабочаго? Если благоразумное регулированіе населенія не совмѣстимо съ системой наемнаго труда, то эта система вредна, и главной цѣлью экономическаго политикн должно быть стремленіе путемъ какой бы то ни было реформы права собственности и промышленнаго строя сообщить рабочему населенію нѣкоторый стимулъ къ такого рода благоразумію, стимулъ, болѣе сильный и болѣе очевидный, чѣмъ какой заключаетъ въ себѣ отношеніе рабочихъ къ хозяевамъ.

Но такой несовмѣстности не существуетъ. Причины бѣдности не такъ очевидны съ перваго взгляда для населенія наемныхъ ра-

бочихъ, какъ для собственниковъ, или какъ онѣ были бы очевидны въ социалистической общинѣ. Однако, онѣ, во всякомъ случаѣ, не представляютъ ничего таинственнаго. Зависимость заработной платы отъ числа лицъ, соперничающихъ пзъ-за получения работы, настолько легко понимается и такъ очевидно для рабочихъ, что значительныя группы послѣднихъ признають эту зависимость и соотнобразуютъ съ нею свои дѣйствія. Эта зависимость знакома всѣмъ рабочимъ союзамъ (Trades Unions); всякая удачная комбинація для повышенія заработной платы обязана своимъ успѣхамъ какому-нибудь способу ограничить число соперничающихъ лицъ; всѣ ремесленники стараются, чтобы ихъ число было меньше, и многіе налагають или стараются наложить на хозяевъ обязательство не брать больше опредѣленнаго числа учениковъ. Конечно, далеко не все равно, ограничивается ли число соперниковъ исключеніемъ постороннихъ лицъ, или та же цѣль достигается путемъ самовоздержанія; но какъ то, такъ и другое показываетъ ясное пониманіе у рабочихъ соотношенія между ихъ численностью и получаемымъ или вознагражденіемъ. Но принципъ понять рабочими въ примѣненіи его къ какой-нибудь одной отрасли занятій, а не ко всей совокупности ихъ. Последнее происходитъ отъ различныхъ обстоятельствъ: во-первыхъ, дѣйствіе причинъ легче и яснѣе видно на болѣе ограниченномъ полѣ; во-вторыхъ, ремесленники представляютъ собою болѣе развитой классъ, чѣмъ обыкновенныя рабочіе; привычка къ единомыслию въ ихъ общихъ дѣлахъ, къ разсужденію о своемъ положеніи, какъ особой ремесленной группы, приводитъ ихъ къ лучшему пониманію общихъ интересовъ; и наконецъ, въ-третьихъ, они наиболѣе предусмотрительны, потому что находятся въ лучшемъ положеніи, и у нихъ больше, чѣмъ у другихъ, есть что охранять. Однако, можно же надѣяться, что вещи, япо понятія и допускаемыя въ частныхъ случаяхъ, будутъ поняты и признаны, какъ общія истины. Ея признаніе, по крайней мѣрѣ въ теоріи, повидимому неизбежно и должно совершиться немедленно, какъ только рабочіе по своему умственному развитію сдѣлаются способными усвоить сколько-нибудь рациональный взглядъ на свое собственное положеніе во всей его совокупности. До настоящаго времени огромное большинство ихъ было неспособно къ этому, влѣдствіе своей неразвитости или влѣдствіе бѣдности, при которой имъ нечего бояться худшаго, нечего падѣяться на лучшее. Эта бѣдность дѣлаетъ ихъ равнодушными къ послѣдствіямъ ихъ поступковъ и заставляетъ не думать о будущемъ.

§ 3. Поэтому, для того, чтобы измѣнить привычки рабочаго населенія, необходимо принять двоякія мѣры, направленныя одновременно противъ его неразвитости и противъ бѣдности. Прежде всего наиболѣе необходимо всеобщее, правильно поставленное, образованіе дѣтей рабочаго класса; и одновременно съ этимъ должна дѣйствовать система мѣръ, которая прекратила бы чрезвычайную бѣдность на цѣлое поколѣніе, (какъ это сдѣлала Революція во Франціи).

Здѣсь не мѣсто обсуждать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, принципы и приемы народнаго образованія. Надо сознаться, что прогрессъ въ воспитаніи идетъ медленно, даже въ тѣхъ клас-

сахъ, въ которыхъ по общему мнѣнію, оно поставлено наилучшимъ образомъ; однако, все же можно надѣяться, что возрѣнія общества на этотъ счетъ совершенствуются, и что воспитаніе, состоящее въ однихъ словесныхъ поученіяхъ, теперь не будетъ считаться достаточноымъ. Не затрагивая спорныхъ вопросовъ, можно, не колеблясь, утверждать, что цѣль всего умственнаго воспитанія народнои массы должна состоять въ развитіи здраваго смысла; воспитаніе должно сдѣлать людей способными вырабатывать здравыя практическія сужденія объ окружающихъ обстоятельствахъ. Все, превышающее этотъ уровень умственнаго развитія, будетъ въ большинствѣ случаевъ роскошью, тогда какъ онѣ составляетъ необходимый фундаментъ для дальнѣйшаго образованія. Пусть только признають это и пусть постоянно имѣють это въ виду, какъ цѣль, къ которой необходимо прежде всего стремиться, и тогда не трудно будетъ рѣшить, чему и какимъ способомъ сдѣлать учить.

Воспитаніе, направленное къ тому, чтобы распространить здравый смыслъ въ народѣ, вмѣстѣ съ такимъ количествомъ знаній, которое сдѣлало бы людей способными судить о послѣдствіяхъ собственныхъ поступковъ, навѣрное, даже безъ всякихъ прямыхъ внушеній, создало бы общественное мнѣніе, благодаря которому всякаго рода невоздержанность и непредусмотрительность считалась бы позорной, а воздержанность, переполняющая рынокъ труда, строго осуждалась бы, какъ проступокъ, подрывающій общее благосостояніе. Если бы такого рода общественное мнѣніе сложилось, то, я думаю, оно несомнѣнно имѣло бы достаточно силы, чтобы сдерживать ростъ населенія въ надлежащихъ границахъ; однако, нельзя надѣяться, что такое мнѣніе образуется, благодаря одному только воспитанію. Воспитаніе несовмѣстимо съ крайней бѣдностью. Невозможно успѣшно учить нищенское населеніе. Трудно заставить людей почувствовать цѣну благосостоянія, если они никогда имъ не пользовались, или пробудить въ нихъ сознаніе униженности необеспеченнаго положенія, если они стали безопасными влѣдствіе того, что постоянно жили такъ: что сработалъ, то и съѣлъ. Отдѣльныя лица часто собственными успѣхами добиваются достатка: но отъ всего народа можно ожидать только того, чтобы онѣ сохранили уже имѣющійся достатокъ. Улучшеніе въ привычкахъ и потребностяхъ обыкновенныхъ подневныхъ рабочихъ будетъ совершаться съ трудомъ и медленно, если нельзя будетъ приобрести средствъ, чтобы поднять весь классъ рабочихъ до положенія сноснаго благосостоянія и поддержать ихъ на этомъ уровнѣ, пока не вырастетъ новое поколѣніе. Для достиженія этой цѣли есть два удобныхъ средства, которыя не нарушаютъ никакихъ интересовъ и не связаны съ тѣми дурными послѣдствіями, къ которымъ приводитъ частная и публичная благотворительность; мало того — эти средства даютъ новую силу всякому побужденію къ труду, всякому стремленію къ предусмотрительности.

§ 4. Первое изъ этихъ средствъ будетъ — широкая государственная постановка колонизаціи. Я говорю объ ассигнованіи въ государственныя средства такой суммы, которая была бы доста-

точка для одновременнаго передвиженія и устройства въ колоніяхъ значительной части молодого земледѣльческаго населенія. Отдавать предпочтеніе, согласно съ мнѣніемъ Уэкфильда, молодымъ супружествамъ, или, если такихъ не находится, семьямъ, съ почти взрослыми, слѣдуетъ для того, чтобы возможно полнѣе достигнуть цѣли этого расхода; такъ какъ при этомъ колоніи будутъ получать въ наибольшемъ количествѣ то, чего имъ недостаетъ, и что въ метрополи находится въ избыткѣ, т.-е. наличныя и готовыя появиться рабочія руки. Мы въ слѣдующей части этого труда изложимъ, на чемъ основано мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, доказывающихъ, что колонизація можетъ быть ведена въ достаточныхъ размѣрахъ такимъ образомъ, что она не будетъ стоить странѣ ничего, или, по крайней мѣрѣ, что затрата, сдѣланная съ этой цѣлью, будетъ навѣрное вознаграждена. Необходимыя суммы не будутъ, даже и въ видѣ аванса, втягиваться изъ казначейства, идущаго на содержаніе труда, а получатся изъ того излишка, который не находитъ себѣ примѣненія, съ такой прибылью, какая составляла бы соответствующее вознагражденіе за воздержаніе владѣльца, и потому ищетъ примѣненія себѣ за границей, или растрачивается въ самой странѣ на отчаянныя спекуляціи. Эта часть дохода страны, обыкновенно не приносящая никакой выгоды рабочему классу, могла бы достигать всѣхъ средствъ, какия бы понадобились для выполненія эмиграціи въ томъ размѣрѣ, о какомъ мы только что говорили.

Второе средство состоитъ въ томъ, что бы употребить всѣ общественныя земли, обративъ ихъ подъ пахоту, на образованіе класса мелкихъ собственниковъ. Цѣль эта уже вошло въ обыкновеніе брать эти земли изъ общественаго пользованія только для того, чтобы присоединить ихъ къ владѣніямъ богатыхъ. Пора, наконецъ, хоть остатокъ этого имущества удержать въ видѣ фонда, посвященнаго въ пользу бѣдныхъ. Механизмъ для выполненія этого дѣла уже существуетъ; онъ созданъ общими законами о захватѣ общественныхъ земель въ частную собственность (General Inclosure Act.). Я бы предложилъ (хотя и сознаюсь, имѣю мало надежды, что мой проектъ будетъ скоро принятъ), чтобы въ будущемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ разрѣшено обратить въ личное владѣніе общественную землю, извѣстная часть ея, достаточная для удовлетворенія собственниковъ владѣльческихъ или общинныхъ правъ, продавалась бы или выдѣлялась; а остальная земля дѣлилась бы на участки въ пять акровъ или около того, и раздавалась въ полную собственность лицамъ изъ рабочаго класса, пожелавшимъ воздѣлывать ее собственнымъ трудомъ. Предпочтеніе должно отдаваться тѣмъ рабочимъ, — а ихъ много найдется, — которые сберегли достаточно, чтобы просуществовать до слѣдующаго урожая, или которые пользуются настолько хорошею репутаціей, что какой-нибудь зажиточный человѣкъ согласится дать имъ въ займы необходимую сумму подлѣ ихъ личное обезпеченіе. Орудія, удобреніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и пропитаніе, можетъ доставляться приговоромъ или государствомъ; проценты на выданную ссуду въ размѣрѣ, получаемомъ съ государственныхъ бумагъ, могутъ взиматься въ видѣ постоянной

(quit) ренты, относительно которой крестьянину слѣдуетъ предоставить право выкупа во всякое время за умѣренную сумму, равную нѣсколькимъ годичнымъ платежамъ за извѣстное число лѣтъ. Если бы признано было необходимымъ, то можно было бы установить закономъ недѣлимость этихъ мелкихъ участковъ; даже при условіи, что этотъ планъ будетъ выполненъ указаннымъ способомъ, а не предвзвѣжу возможности какого-нибудь вреднаго раздробленія земли. Въ случаяхъ смерти владѣльца безъ завѣщанія и невозможности достигнутаго согласенія между наследниками, правительство можетъ купить извѣстный участокъ по его стопности и передать его другому рабочему, имѣющему возможность дать обезпеченіе въ уплатѣ цѣны. Желаніе обладать такими мелкими участками, вѣроятно, сдѣлалось бы точно такъ же, какъ и на континентѣ, побужденіемъ къ благоразумію и бережливости, которыя привиллеи бы всему рабочему населенію. Такимъ образомъ, была бы достигнута великая цѣль: въ средѣ наемныхъ рабочихъ бы созданъ промежуточный классъ, стоящій между ними и хозяевами. Этотъ классъ былъ бы полезенъ рабочимъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ служилъ бы предметомъ ихъ надеждъ и, какъ не безъ основанія можно ожидать, примѣромъ для подражанія.

Однако, ни та, ни другая изъ этихъ мѣръ, ни обѣ вмѣстѣ не принесутъ облегченія рабочему классу, если онѣ не будутъ производиться въ такихъ размѣрахъ, чтобы все, остающееся въ странѣ, населеніе наемныхъ рабочихъ находило бы возможность получать не только работу, но и значительную прибавку къ нынѣшней заработнойной платѣ; — прибавку, при которой рабочіе могли бы жить и воспитывать своихъ дѣтей въ достаткѣ и независимости, какия имъ до сихъ поръ не были извѣстны. Когда цѣль состоитъ въ прочномъ улучшеніи народнаго благосостоянія, незначительныя средства не даютъ даже и незначительнаго результата, — они не даютъ никакого. Если нельзя сдѣлать благосостояніе такимъ же привычнымъ для цѣлаго поколѣнія, какою теперь является бѣдность, то ничто не будетъ достигнуто. Слабыми полумѣрами только будутъ растрачиваться средства, которыя гораздо лучше было бы сохранить до тѣхъ поръ, пока общественное мнѣніе и образованіе не достигнутъ болѣе высокой степени развитія и не создадутъ государственныхъ людей, которые не будутъ считать, что государственная мудрость состоитъ именно въ устраненіи извѣстныхъ реформъ только потому, что онѣ много обѣщаютъ.

Предыдущіе параграфы я составилъ безъ измѣненія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ прежнемъ изданіи, такъ какъ онѣ въ принципѣ остаются справедливыми, хотя, при нынѣшнемъ положеніи Англій, нѣтъ болѣе настоятельной необходимости примѣнять приведенные въ нихъ совѣты, относившіеся къ извѣстному моменту. Чрезвычайное удешевленіе перевозочныхъ средствъ, составляющее великую научную побѣду нынѣшняго вѣка, а также свѣдѣнія, которыя почти всѣ классы народа приобрѣли или въ состояніи приобрѣсти, о положеніи рабочаго рынка въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, возбудили добровольную эмиграцію изъ острововъ Англій въ новыя

за-океанскія страны. Эта эмиграція до сихъ поръ не только не уменьшается, но даже увеличивается и можетъ безъ всякихъ мѣръ систематической правительственной колонизаціи оказаться достаточною, чтобы не только произвести существенное повышеніе заработной платы въ Великобританіи, какъ это уже совершилось въ Ирландіи, но и чтобы удержатъ такое повышеніе безъ измѣненія въ теченіе одного и болѣе поколѣній. Эмиграція изъ случайнаго обратилась въ постоянный отливъ лишняго населенія; а этотъ новый фактъ въ современной исторіи, вмѣстѣ съ увеличеніемъ благосостоянія вълѣдствіе свободы торговли, доставилъ этой переполненной людьми странѣ временный отдыхъ, который можетъ быть употребленъ на осуществленіе во всемъ народѣ, до самыхъ бѣднѣйшихъ классовъ включительно, тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ улучшеній, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ возвращеніе къ прежнему положенію. Воспользуются ли надеждающимъ образомъ этой драгоценной случайностью, это зависитъ отъ мудрости нашихъ государственныхъ людей; а все, что зависитъ отъ нихъ, въ высшей степени не надежно. Основаніемъ для надежды служитъ то, что никогда еще въ нашей исторіи умственный прогрессъ не зависѣлъ такъ мало отъ правительства и такъ сильно отъ общаго настроенія народа. Никогда еще духъ улучшенія не распространялся одновременно на такое множество отраслей человѣческой жизни, и никогда еще всякаго рода мысли, направленные къ общественному благу во всѣхъ его элементахъ, отъ самыхъ скромныхъ матеріальныхъ, до самыхъ возвышенныхъ, нравственныхъ и умственныхъ, не выслушивались съ такимъ отсутствіемъ предубѣжденій и не имѣли такой возможности получить широкую извѣстность и подвергнуться справедливому обсужденію, какъ въ наше время.

ГЛАВА XIV.

Различія заработной платы въ отдѣльныхъ занятіяхъ.

§ 1. Говоря о заработной платѣ, мы до сихъ поръ ограничивались разсмотрѣніемъ причинъ дѣйствующихъ на нее вообще, во всей ея массѣ; мы изучали законы, управляющіе вознагражденіемъ за обыкновенный или средний трудъ, не обращая вниманія на то, что существуютъ различныя роды работъ, плата за которыя обыкновенно бываетъ неодинакова — и находится, до нѣкоторой степени, въ зависѣмости отъ разныхъ законовъ. Теперь мы разсмотримъ эти различія и займемся изслѣдованіемъ того, какимъ образомъ они видоизмѣняются подъ вліяніемъ нашихъ выводовъ, или сами видоизмѣняютъ эти послѣдніе.

До сихъ поръ самое лучшее изложеніе этого вопроса можно найти въ хорошо извѣстной и весьма популярной главѣ «Богатство Народовъ» Адама Смита. Правда, я не могу признать его разсужденія настолько полнымъ и настолько исчерпывающимъ предметъ,

какъ ихъ считали нѣкоторые писатели; но все же анализъ, проведенный Смитомъ, довольно удаченъ.

По его мнѣнію, разница въ заработной платѣ отчасти происходитъ отъ политич. европейскихъ государствъ, въ которыхъ нигдѣ не представляется полной свободы естественному ходу дѣла; а отчасти отъ «извѣстныхъ, присущихъ самимъ занятіямъ, свойствъ, которыя, на самомъ ли дѣлѣ или только въ воображеніи людей, вознаграждаютъ недостаточность денежной платы въ однихъ занятіяхъ и уравниваютъ слишкомъ большую плату на другихъ». Эти свойства, по его мнѣнію, слѣдующія: «во-первыхъ, пріятность или неприятность самихъ занятій; во-вторыхъ, легкость и дешевизна, или наоборотъ, трудность и дороговизна обученія имъ; въ-третьихъ, постоянство или непостоянство заработковъ въ нихъ; въ-четвертыхъ, большее или меньшее довѣріе, какое необходимо возлагать на людей, выполняющихъ ихъ; и въ-пятыхъ, вѣроятность или ненадежность успѣха въ занятіяхъ».

Нѣкоторыя изъ этихъ положеній онъ обильно подтвердилъ примѣрами; къ сожалѣнію, однако, послѣдніе иногда взяты изъ жизненныхъ условій, которыя теперь уже не существуютъ. «Плата за трудъ измѣняется, смотря по легкости или трудности, опрятности или неопрятности, почтенности или униженности занятія. Такимъ образомъ, почти вездѣ поденщикъ — портной получаетъ въ общемъ за весь годъ меньшую поденную плату, нежели ткачъ. Работа первого гораздо легче». Но что касается вознагражденія ткача, то оно сильно измѣнилось со времени Адама Смита, и я думаю, что работу обыкновеннаго ткача нельзя теперь считать труднѣе работы портного. «Ткачъ получаетъ меньшую поденную плату, чѣмъ кузнецъ. Работа первого не всегда легче, но она гораздо опрятнѣе». Вѣрнѣе было бы объяснить это тѣмъ, что она требуетъ меньше физической силы. «Поденщикъ — кузнецъ, не смотря на то, что онъ мастеровой, рѣдко зарабатываетъ столько въ 12 часовъ, какъ углекопъ въ восемь, хотя послѣдній только лишь простой рабочей. Работа первого не такъ грязна, менѣе опасна — и производится при дневномъ свѣтѣ и на поверхности. Почетъ составляетъ важную часть въ вознагражденіи за всѣ почетныя занятія». Въ отношеніи денежной выгоды, по мнѣнію Адама Смита, вознагражденіе за нихъ, «если приять во вниманіе всѣ обстоятельства», бываетъ ниже средняго. «Униженность работы оказываетъ противоположное вліяніе. Ремесло мясника представляетъ грубое и отвратительное занятіе; но почти повсюду оно прибыльнѣе большей части обыкновенныхъ ремеслъ. Самое омерзительное изъ всѣхъ занятій, занятіе палача, оплачивается, если судить по количеству затрачиваемого труда, лучше, нежели какое бы то ни было обыкновенное ремесло».

Говорятъ, что одна изъ причинъ, которыя заставляютъ ткачей, работающихъ на ручныхъ станкахъ, придерживаться своего занятія, не смотря на скудость вознагражденія, получаемого ими теперь, заключается въ той свободѣ дѣйствія, какую это занятіе предоставляетъ рабочему. «Онъ можетъ веселиться или молиться», говорить

одним современным писателем *), «судя по тому, что ему подскажет его чувство или его склонность; может вставать рано или поздно, заниматься старательно или небрежно, как ему пожелается, и с помощью усиленного труда нагонять, когда ему угодно, часы, перетёртые затраченные на удовольствие или отдых. Едва ли найдется другая часть нашего рабочего населения, положение которой было бы настолько свободно от лишнего контроля. Фабричного рабочего не только штрафуют из заработной платы за прогулы, но и совсем лишают занятия, если он их часто дѣлает. Каменщикъ, плотникъ, столяръ, поденникъ должны работать известное определенное число часовъ въ день, пропускъ которыхъ привелъ бы ихъ къ тому же результату». Потому то «ткачъ будетъ держаться своего станка до тѣхъ поръ, пока послѣдній будетъ давать ему возможность существовать, и многие изъ ткачей, принужденные временно оставить свое занятие, возвращались снова къ нему, какъ только являлась возможность получить работу».

«Въ некоторыхъ ремеслахъ», продолжаетъ Адамъ Смитъ, «занятие болѣе постоянно, нежели въ другихъ. Въ большей части фабричныхъ производствъ рабочий можетъ быть болѣе или менѣе увѣренъ въ томъ, что въ теченіе года онъ будетъ имѣть работу всегда, когда только будетъ въ состояніи работать», (конечно, перерывы въ производствѣ, происшедшіе отъ переполненія рынка, отъ прекращенія спроса, или отъ коммерческаго кризиса, должны быть исключены). «Каменщикъ, наоборотъ, не можетъ работать ни во время сильныхъ морозовъ, ни въ дурную погоду, а во все остальное время его заработокъ зависитъ отъ случайностей, спроса на его трудъ со стороны строителей; вслѣдствіе этого, онъ часто остается безъ всякой работы. Потому все, что онъ получаетъ во время своихъ заработковъ, должно не только обеспечивать его жизнь въ свободное время, но и доставить ему нѣкоторое вознагражденіе за тѣ минуты безпокойства, какія по временамъ причиняетъ ему мысль о такомъ небезпечномъ положеніи. Поэтому, тогда какъ дневной заработокъ большей части фабричныхъ рабочихъ, въ общей сложности, находится почти на одномъ уровнѣ съ такимъ же заработкомъ обыкновенныхъ рабочихъ, плата каменщиковъ обыкновенно бываетъ въ полтора или два раза больше. А между тѣмъ, повидимому, никакой мастерской такъ легко не выучивается своему ремеслу, какъ каменщикъ. Слѣдовательно, высокая заработная плата каменщиковъ служитъ вознагражденіемъ не столько за ихъ искусство, сколько за непостоянство ихъ работы.

«Когда неостоянство занятія соединяется съ трудностью, неприятностью и неопытностью работы, то заработная плата за самый обыкновенный трудъ иногда бываетъ выше заработной платы самыхъ искусныхъ ремесленниковъ. Считаютъ, что углекопъ поштучно получаетъ въ Ньюкаслѣ и во многихъ округахъ Шотландіи вознагражденіе, превышающее, приблизительно въ два и въ три раза, плату за

обыкновенный трудъ. Такая заработная высокая плата углекопа всецѣло происходитъ отъ трудности, неопытности и неприятности его работы. Въ большинствѣ случаевъ, его занятіе можетъ быть настолько постояннымъ, насколько онъ самъ вожелаетъ. Ремесло посылщиковъ каменного угля въ Лондонѣ, по своей трудности, неприятности и неопытности, почти равняется ремеслу углекоповъ; а вслѣдствіе неизбежной неправильности прибытія кораблей съ каменнымъ углемъ, занятіе большей части изъ нихъ, по необходимости, очень непостоянно. Поэтому, если углекопы обыкновенно получаютъ плату, въ два и три раза превышающую вознагражденіе за обыкновенный трудъ, то не безъ основанія можно предполагать, что посылщикъ каменного угля долженъ зарабатывать иногда въ четыре или въ пять разъ больше обыкновеннаго рабочего. При изслѣдованіи ихъ положенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было найдено, что, судя по величинѣ той платы, которую они получали тогда, они могутъ зарабатывать приблизительно въ четыре раза больше, чѣмъ обыкновенный рабочий въ Лондонѣ. Однако, какъ ни казался бы чрезвычайнымъ такой заработокъ, но если бы онъ былъ болѣе, чѣмъ достаточенъ, для вознагражденія всѣхъ неприятныхъ условій этого занятія, то тутъ, при отсутствіи исключительной привлекателности въ пользу посылщиковъ угля, немедленно явилось бы такое множество соперниковъ, что заработная плата быстро пала бы до самаго низшаго размѣра».

Эта неравномерность вознагражденія, которая, какъ предполагаютъ, должна уравновѣшивать неприятныя стороны отдѣльныхъ занятій, была бы при извѣстныхъ условіяхъ естественнымъ слѣдствіемъ полной свободы соперничества; и безъ сомнѣнія, въ большинствѣ случаевъ такая неравномерность и существуетъ на практикѣ между занятіями приблизительно одного и того же разряда, которыя выполняются людьми почти одного и того же класса. Но совершенно ошибочнымъ было бы представлять себѣ, что такое отношеніе вообще существуетъ между всѣми приятными и неприятными занятіями. Трудъ, дѣйствительно изнурительный и дѣйствительно неприятный оплачивается не только не лучше, но почти неизмѣнно хуже, чѣмъ всякій другой, потому что онъ выполняется людьми, неимѣющими никакого выбора. Совершенно иначе было бы при благоприятномъ состояніи всего трудового рынка. Если бы число рабочихъ, во всей его совокупности, не только не превышало, но даже было меньше числа рабочихъ мѣстъ, то никто не сталъ бы браться за работу, признаваемую неприятной, иначе, какъ за вознагражденіе, превышающее обыкновенную заработную плату. Но когда предложеніе труда сильно превышаетъ спросъ на него, и найти занятіе вообще нелегко, такъ что хозяинъ, дающій работу на какихъ бы ни было условіяхъ, оказываетъ милость рабочему, то положеніе будетъ совершенно противоположное. Хорошіе рабочие, которыхъ всякій желаетъ нанять, могутъ еще имѣть выборъ. Но плохіе рабочие должны брать то, что удастся имъ получить. Чѣмъ отвратительнѣе занятіе, тѣмъ болѣе вѣроятности, что за него будутъ платить меньше всего, потому что оно достается самымъ безпомощнымъ и униженнымъ рабочимъ, которые, вслѣдствіе ли крайней бѣдности, или по недостатку искусства

*) Mr. Muggeridge's Report to the Hand-loom Weavers Inquiry Commission.

и образованія, не принимаются ни на какія другія работы. Отчасти вследствие этой причины, а отчасти отъ естественныхъ и искусственныхъ монополій, о которыхъ мы будемъ говорить въ скоромъ времени, различія въ заработной платѣ находятся обыкновенно въ совершенномъ противрѣчій со справедливымъ принципомъ вознагражденія, который ошибочно представленъ Адамомъ Смитомъ, какъ общій законъ вознагражденія за трудъ. Тяжесть труда и количество заработковъ, вмѣсто того чтобы быть прямо пропорциональны другъ другу, какъ это должно было бы быть при справедливомъ общественномъ устройствѣ, обыкновенно находятся между собою въ обратной пропорціи.

Лучше всего разъясненъ Адамомъ Смитомъ вопросъ о томъ влияніи, какое оказываетъ невѣрность успѣха въ занятіяхъ на вознагражденіе за нихъ. Если вѣроятность полной неудачи велика, то вознагражденіе, въ случаѣ успѣха, должно быть достаточнымъ для того, чтобы покрыть въ общей оцѣнкѣ эти неблагоприятные шансы. Но благодаря другому свойству человеческой патуры, награда, если она является въ формѣ немногихъ большихъ премій, обыкновенно привлекаетъ такое множество соперниковъ, что среднее вознагражденіе можетъ быть низведено не только до нуля, но даже до какой нибудь отрицательной величины. Это подтверждается успѣхомъ лоттерей: такъ какъ вся масса играющихъ въ лоттереи необходимо теряетъ, иначе предприниматель не могъ бы быть въ выигрышѣ. Адамъ Смитъ считаетъ нѣкоторыя профессіи подобными лоттерей. «Вѣроятность, что извѣстное лицо будетъ когда-нибудь способно къ тому дѣлу, къ которому оно готовится, весьма неодинакова въ различныхъ занятіяхъ. Въ большей части механическихъ ремеслъ успѣхъ почти несомнѣненъ; но онъ очень сомнителенъ въ свободныхъ профессіяхъ. Помѣстите вашего сына къ баумачнику, и вы можете быть почти увѣрены въ томъ, что онъ выучится дѣлать баумачки; но отправьте его изучать юриспруденцію, и онъ будетъ имѣть не больше одного шанса противъ 20-ти—достигнуть когда-нибудь такихъ успѣховъ, чтобы быть въ состояніи жить своей профессіей. Въ совершенно правильной лоттерей выигрывающимъ обыкновенно досаждаютъ все то, что теряютъ игроки, получившіе пустые билеты. Въ профессіяхъ, гдѣ на одного, которому удалось добиться успѣха, приходится 20 неудачниковъ, этотъ одинъ долженъ получить все то, что должны были бы получить всѣ 20, потерпѣвшихъ неудачу. Адвокатъ, который, быть можетъ, около сорока-лѣтняго возраста начинаетъ извлекать нѣкоторую выгоду отъ своей профессіи, долженъ получить вознагражденіе не только за свое столь утомительное и дорогое образованіе, но даже и за образованіе болѣе чѣмъ двадцати другихъ, которые, вѣроятно, никогда не примѣняютъ своихъ знаний. Какимъ чрезмѣрнымъ ни кажется иногда гонораръ адвокатовъ, ихъ дѣйствительное вознагражденіе никогда не равняется указанной нами нормѣ. Вычислите въ какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ, сколько, по всѣмъ вѣроятіямъ, ежегодно зарабатывается и сколько ежегодно тратится всѣми рабочими въ какомъ-нибудь обыкновенномъ ремеслѣ, какъ напримѣръ, въ ремеслѣ баумачника,

и вы найдете, что первая сумма обыкновенно превышаетъ послѣднюю. Но сдѣлайте такое вычисленіе относительно всѣхъ адвокатовъ и людей, изучающихъ юриспруденцію во всѣхъ специальныхъ юридическихъ школахъ, и вы найдете, что ихъ ежегодные доходы составляютъ только незначительную часть ихъ ежегодныхъ расходовъ, даже если вы оцѣните доходы насколько возможно выше, а расходы возможно ниже».

Справедливо ли это въ наше время, когда доходы немногихъ избранныхъ несравненно выше, нежели во времена Адама Смита, но также и число неудачниковъ гораздо больше—этотъ вопросъ долженъ рѣшить тѣ, которые имѣютъ надлежащія свѣдѣнія. Но, повидимому, Адамъ Смитъ недостаточно обратилъ вниманіе на то, что выигрываетъ, о которыхъ онъ говоритъ, состоятъ не только въ гонорарѣ адвокатовъ, но еще и въ прибыльныхъ и почетныхъ мѣстахъ, къ которымъ даетъ доступъ эта профессія, а также въ заманчивости виднаго общественнаго положенія.

Даже тамъ, гдѣ нѣтъ надежды на большой выигрышъ, любовь къ слабымъ ощущеніямъ бываетъ иногда достаточной причиной для того, чтобы переполнять охотниками какое-нибудь рискованное занятіе. Это очевидно «изъ той готовности, съ какой простой народъ поступаетъ въ солдаты или моряки... Опасности и приключенія, при которыхъ жизнь виситъ на волоскѣ, не только не смущаютъ молодыхъ людей, но, кажется, нѣрѣдко дѣлаютъ привлекательнымъ для нихъ такое занятіе. Нѣжная мать, пѣзъ низшимъ классамъ общества, часто пзбѣгаетъ посылать своего сына въ школу въ портовый городъ пѣзъ опасенія, чтобы видѣ кораблей и разговоры съ моряками не увлекли его поступить въ матросы. Болѣе или менѣе отдаленная опасность, которой мы надѣемся пзбѣгнуть посредствомъ храбрости и ловкости, не возбуждаетъ въ насъ неприятнаго чувства и ни въ одномъ такомъ занятіи не повышается платы за трудъ. Совершенно пными представляются тѣ опасности, при которыхъ ничего не помогутъ ни храбрость, ни ловкость. Въ ремеслахъ, извѣстныхъ, какъ очень вредныя для здоровья, плата за трудъ всегда необыкновенно велика. Вредъ для здоровья есть родъ неприятности, и его влияніе на плату за трудъ должно быть отнесено въ эту общую рубрику».

§ 2. Изъ предыдущемъ параграфѣ мы указали на случаи, въ которыхъ неравенство вознагражденія необходимо для того, чтобы сообщить разнымъ занятіямъ одинаковую степень привлекательности; все это — примѣры уравнивающего дѣйствія свободного соперничества. Слѣдующіе случаи представляютъ дѣйствительное неравенство, возникающее пѣзъ иного принципа. «Плата за трудъ измѣняется сообразно со степенью довѣрія, которое приходится возлагать на рабочаго. Заработная плата золотыхъ дѣлъ мастера и ювелира вездѣ выше заработной платы многихъ другихъ рабочихъ, которые обладаютъ такою же или даже значительно болѣею степенью искусства; это происходитъ отъ того, что ювелирамъ вѣрятся драгоцѣнные матеріалы. Мы вѣряемъ наше здоровье доктору, наше состояніе, а иногда нашу жизнь и репутацію адвокату и поѣ-

ренному. Такого доверія нельзя бы было съ безопасностью возлагать на людей, общественное положеніе которыхъ было бы очень низко. Поэтому, ихъ вознагражденіе должно быть таково, чтобы оно могло имъ доставить такое мѣсто на общественной лѣстницѣ, которое необходимо для столь важнаго доверія».

Превосходство вознагражденія является здѣсь не вслѣдствіе соперничества, а, наоборотъ, вслѣдствіе отсутствія соперничества: πλησιεκъ платы не есть вознагражденіе за невыгоды, присущія занятію, а сверхъ—комплектная выгода, нѣчто въ родѣ монопольной цѣны, которая происходитъ не отъ законной, а отъ такъ называемой естественной монополіи. Если бы всѣ рабочіе заслуживали доверія, то не было бы необходимости только лишь изъ-за доверія давать добавочную плату золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Но такъ какъ предполагается, что требуемая степень честности встрѣчается рѣдко, то люди, имѣющіе возможность обнаружить такое качество, могутъ извлечь выгоду изъ него, и чѣмъ рѣже оно встрѣчается, тѣмъ болѣе высокую плату они будутъ получать. На этомъ основывается цѣлый рядъ соображеній, которыми Адамъ Смитъ и большинство другихъ политико-экономистовъ придавали слишкомъ малое значеніе, и вслѣдствіе невниманія къ которымъ Адамъ Смитъ далъ въ высшей степени неудовлетворительное объясненіе различіямъ между вознагражденіемъ за обыкновенный трудъ и за трудъ, требующій предварительной подготовки.

Нѣкоторыя занятія требуютъ гораздо больше времени для обученія, нежели другія, и само обученіе имъ гораздо дороже, чѣмъ въ другихъ занятіяхъ: поэтому, есть существенное основаніе, какъ говоритъ Адамъ Смитъ, чтобы они вознаграждались гораздо выше. Если ремесленникъ долженъ работать нѣсколько лѣтъ надъ изученіемъ своего ремесла прежде, чѣмъ будетъ въ состояніи получать какую-нибудь плату, а затѣмъ — работать нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ сдѣлается достаточно искуснымъ въ болѣе тонкихъ работахъ, то онъ долженъ имѣть падежду на такой доходъ въ будущемъ, который покрылъ бы собою заработную плату за весь прежній трудъ и заключалъ бы въ себѣ вознагражденіе за промедленіе платежа и за расходы по образованію. Поэтому, заработокъ такого ремесленника, сверхъ обыкновенной платы, долженъ давать ему ежегодный доходъ достаточный для погашенія этихъ суммъ, вмѣстѣ съ обыкновенными процентами на нихъ, въ теченіе того числа лѣтъ, какое онъ можетъ надѣяться прожить и быть въ состояніи работать. Такое увеличеніе платы необходимо, чтобы, принимая во вниманіе всѣ обременительства, сравнить по выгодности трудъ, требующій искусства, съ обыкновеннымъ трудомъ; оно составляетъ наименьшую разницу, какая только можетъ существовать сколько-нибудь продолжительное время между этими двумя вознагражденіями, иначе никто не сталъ бы приготовляться къ занятіямъ, требующимъ предварительной подготовки. Только такой размѣръ разницы и объясняется у Адама Смита. Когда же разница значительнѣе, онъ, повидимому, думаетъ, что оно должно быть объяснено законами объ ремесленныхъ ученикахъ и уставами ремесленныхъ корпорацій, ограничива-

ющими поступленіе новыхъ членовъ. Но, помимо этихъ и всякихъ другихъ искусственныхъ монополій, въ пользу специализировавшихся рабочихъ существуетъ естественная монополія, которая иногда дѣлаетъ разницу въ вознагражденіи въ нѣсколько разъ больше той, какая была бы достаточна для простого уравненія выгоды. Если бы простые рабочіе имѣли возможность соперничать со специализировавшимися, просто лишь взявъ на себя трудъ изучить ремесло, разница въ заработной платѣ могла бы не превышать того, что было бы достаточно для вознагражденія ихъ за этотъ трудъ въ томъ размѣрѣ, по какому обыкновенно вознаграждается всякій трудъ. Но то условіе, что для этого требуется курсъ ученія, стоящій хотя бы даже незначительной затраты, или что рабочій долженъ жить въ продолженіе значительнаго времени на постороннія средства, устраняетъ повсюду большую часть населенія отъ возможности подобаго соперничества. До послѣдняго времени всѣ должности, требующія даже такого скромнаго обученія, какъ умѣть читать и писать, могли замѣщаться только людьми изъ избраннаго класса, такъ какъ большинство не имѣло возможности приобрести такія познанія. Поэтому, всѣ такія должности оплачивались, сравнительно съ обыкновеннымъ вознагражденіемъ за трудъ, чрезвычайно высоко. Но съ тѣхъ поръ, какъ чтеніе и письмо сдѣлались доступны большинству, монополия цѣна за занятія, требующія нѣшей степени обученія, сильно упала, такъ какъ соперничество на нихъ увеличилось почти въ невѣроятномъ размѣрѣ. Но все же и до сихъ поръ это неравенство гораздо значительнѣе того, какое можетъ быть объяснено принципомъ соперничества. Писецъ, отъ котораго требуется только механическій трудъ перепиши, зарабатываетъ больше того, что онъ долженъ бы былъ получать, если бы затрачиваемое имъ усиліе оплачивалось такъ же, какъ трудъ каменщика. Работа писца, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ легче труда каменщика, ей такъ же легко выучиться, а его положеніе болѣе обезпечено, потому что мѣсто писца обыкновенно остается за нимъ на всю жизнь. Поэтому, болѣе высокой размѣръ его вознагражденія слѣдуетъ отчасти приписать монополіи, потому что даже требуемая отъ писца степень обученія и до сихъ поръ не настолько распространена въ населеніи, чтобы вызвать достаточное число соперниковъ. Отчасти этотъ размѣръ вызванъ также отъ сохранившагося вліянія стариннаго обычая, требующаго, чтобы писцы носили одежду и имѣли вѣнчикъ класса, получающаго болѣе высокую плату. Въ нѣкоторыхъ ручныхъ занятіяхъ, требующихъ ловкости рукъ, которая можетъ быть приобретена только продолжительной практикой, очень трудно, за какую бы то ни было цѣну, получить необходимое число рабочихъ, способныхъ къ наиболѣе тонкимъ работамъ. И малымъ заработной платы этихъ рабочихъ завѣсть только отъ вѣнчумъ заработной платы этихъ рабочихъ дадутъ покупателямъ за произведенный ими товаръ. Такимъ образомъ могутъ служить нѣкоторые рабочіе, занимающіеся приготовленіемъ часовъ и нѣкоторыхъ астрономическихъ и оптическихъ инструментовъ. Если бы рабочихъ, способныхъ къ такому занятію, было въ десять разъ больше, чѣмъ теперь, то

па все, что они могли бы произвести, нашлись бы покупатели, правда, не по настоящей, а по пониженным ценам, которые составляли бы естественное следствие более низкой заработной платы. Подобный расужденіе еще въ большей степени применимы къ занятиямъ, въ которыхъ пытаются ограничиваться лицамъ изъ извѣстнаго сословія; таковы, напримѣръ, такъ называемыя, свободныя профессіи, къ которымъ человекъ, считающійся принадлежащимъ къ низшему классу общества, нелегко получаетъ доступъ, а получивъ его, не легко достигаетъ успѣха.

Въ дѣйствительности, разграниченіе различныхъ классовъ рабочихъ было до сихъ поръ такъ сильно, демаркаціонная линия проходила между ними такъ рѣзко, — что эти классы были почти такъ же замкнуты, какъ наследственные касты. Новыми работниками, вступающими въ каждое занятіе, были обыкновенно дѣти людей, уже занимавшихся имъ, или какими-нибудь другими занятіями, которыя пользовались равной степенью почета въ глазахъ общества; а также дѣти людей, которые хотя и принадлежали по происхожденію къ высшему классу, но успѣли достигнуть лучшаго положенія посредствомъ своего трудолюбія. Свободныя профессіи пополняются преимущественно сыновьями людей, принадлежащихъ или къ профессиональнымъ, или къ празднымъ классамъ; ручныя занятія, требующія высшаго искусства, замѣщаются сыновьями искусныхъ ремесленниковъ или торговцевъ, находящихся съ ними въ одномъ положеніи; также пополняются и высшіе разряды ремесленныхъ занятій; а обыкновенныя рабочія, за немногими исключеніями, остаются, отъ отца къ сыну, въ своемъ прежнемъ положеніи. Поэтому, до сихъ поръ заработная плата каждаго класса регулировалась скорее ростомъ его собственного контингента, нежели всего населенія страны. Если отдѣльныя профессіи оказываются переполненными, это происходитъ потому, что тѣ классы общества, изъ которыхъ онѣ главнымъ образомъ пополняются, сильно увеличались, и потому, что большинство людей въ этихъ классахъ имѣетъ многочисленныя семьи и воспитываетъ, по крайней мѣрѣ, по нѣскольку сыновей для этихъ профессій. Если же, какъ мы видѣли, заработная плата ремесленниковъ выше заработной платы обыкновенныхъ рабочихъ, это — потому, что первые представляютъ болѣе благообразный классъ и не женятся такъ рано и такъ недобудно, какъ послѣдніе. Но перемѣны, которыя теперь такъ быстро совершаются въ обычаяхъ и понятіяхъ, подточили все эти различія, привычка или неумѣлость, приковыпавшія людей къ ихъ наследственному положенію, быстро исчезаютъ, и каждый классъ подвергается все болѣе и болѣе сильному соперничеству, по крайней мѣрѣ, со стороны одного класса, непосредственно стоящаго ниже его. Вообще, ослабленіе условныхъ преградъ и увеличивающаяся возможность получить образованіе, которое доступно теперь для всѣхъ, а со временемъ будетъ еще болѣе доступно, все это ведетъ ко многимъ прекраснымъ результатамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ одному отрицательному, а именно, оно способствуетъ пониженію заработной платы за трудъ, требующій предварительной подготовки. Неравенство

въ вознагражденіи за трудъ ремесленника и простаго рабочаго, безъ сомнѣнія, гораздо больше того, какое можно бы было оправдать. Но желательно, чтобы такое неравенство было исправлено не пониженіемъ платы за трудъ искусный, а повышеніемъ платы за простой трудъ. Однако, если при всѣхъ перемѣнахъ, совершающихся въ обществѣ, не усиливается задержка роста населенія у всѣхъ рабочихъ вообще, то низшимъ разрядамъ ремесленниковъ будетъ грозить опасность подпасть подъ влияние размноженія, регулируемаго болѣе низкимъ уровнемъ средствъ къ жизни; такимъ образомъ, ихъ положеніе можетъ ухудшиться, при чемъ положеніе всей массы не станетъ лучше, такъ какъ явившееся побужденіе къ размноженію, сообщенное низшимъ классамъ, будетъ достаточно велико для того, чтобы заполнить безъ затрудненія добавочное мѣсто, отобранное ими у классовъ, стоящихъ непосредственно надъ ними.

§ 3. Еще остается упомянуть объ обстоятельствахъ, влияніе котораго до нѣкоторой степени пзмѣняетъ дѣйствіе принциповъ, указанныхъ нами выше. Какъ общее правило, вѣрно, что вознагражденіе за трудъ, требующій обученія и особенно требующій обученія нѣсколько, опредѣляется по монополюной оцѣнкѣ, потому что для массы народа такое образованіе недоступно; но также справедливо и то, что государственная политика и благотворительность частныхъ лицъ въ прежнее время сильно противодействовали этому ограниченію соперничества, предлагая безвозмездное обученіе гораздо большому числу лицъ, чѣмъ сколько могло бы получить тѣ же услуги, платя за нихъ ихъ стоимость. Адамъ Смитъ указалъ, какъ эта причина вліяла на пониженіе вознагражденія за все вообще ученія и литературныя занятія и, въ частности, за трудъ духовенства, литераторовъ, учителей или другихъ наставниковъ молодежи. Я привожу слова Адама Смита, такъ какъ лучше его невозможно положить этого вопроса.

«Считалось настолько важнымъ, чтобы надлежащее число молодыхъ людей воспитывалось для извѣстныхъ профессій, что в обществѣ, и благочестивыя частныя лица постоянно учреждали съ этой цѣлью множество всевозможныхъ стипендій, привлекавшихъ гораздо большее число лицъ къ этимъ занятіямъ, чѣмъ сколько пожелало бы изучать ихъ при другихъ обстоятельствахъ. Во всѣхъ христіанскихъ странахъ образованіе большей части духовенства, какъ мнѣ кажется, оплачивается этимъ способомъ. Очень немногіе изъ духовныхъ получали образованіе исключительно на свой счетъ. Поэтому, долгое, скучное и дорогое стоющее образованіе не всегда доставляетъ людямъ, имѣющимъ его, соответствующее вознагражденіе; духовная служба переполняется людьми, которые для того, чтобы получить мѣсто, готовы были согласиться на плату, несравненно меньшую той, на какую давало имъ право подобное образованіе; такимъ образомъ, соперничество бѣдныхъ отнимаетъ вознагражденіе у богатыхъ. Конечно, было бы неприлично сравнивать викарія или капелана съ поденщикомъ, принадлежащимъ къ какому-нибудь обыкновенному ремеслу. Но вполне допустимо считать, что жалованіе викарія и капелана имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и зарплата

ботная плата поденщика. Они всё три получают плату за свою работу, согласно съ тѣмъ договоромъ, какой имъ удалось заключить съ ихъ начальниками. До половины XIV столѣтія 5 марокъ, содержащія столько серебра, какъ наши нынѣшніе 5 фун. стерлинговъ, составляли въ Англіи обыкновенную плату викарія или паемиаго приходскаго священника, какъ это мы видимъ изъ декретовъ, постановленныхъ различными національными собраніями. Въ то же время четыре пенса въ день, содержащія такое же количество серебра, какъ теперешній шиллингъ, были объявлены платой каменщика—мастера п три пенса въ день, равняющіеся на наши деньги девяти пенсамъ, платой простого каменщика *). Такимъ образомъ, заработная плата этихъ обоихъ рабочихъ, если предположить, что они были постоянно заняты, была гораздо выше платы викарія. А плата мастера—каменщика, если предположить, что онъ оставался треть года безъ занятія, совершенно бы равнялась ей. Въ 12-мъ году правленія королевы Анны (12 the Queen Anne с. 12) было постановлено, «что по недостатку удовлетворительнаго содержанія и поощренія викаріямъ, приходы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заняты не подходящими людьми; поэтому, епископъ уполномочивается назначить викаріямъ, предписаніемъ за его подписью и печатью, достаточно обеспеченное вознагражденіе или жалованіе, не свыше 50 п не ниже 20 фунтовъ въ годъ». Сорокъ фунтовъ въ годъ считается теперь очень хорошимъ вознагражденіемъ викарія, и, несмотря на это постановление парламента, много есть викаріатовъ съ платою ниже 20 фунтовъ въ годъ. Эта послѣдняя сумма не превышаетъ той, какую часто зарабатываетъ обыкновенный рабочий во многихъ деревенскихъ приходахъ. Всякій разъ, когда только законъ пытался урегулировать заработную плату, онъ всегда стремился скорѣе понизить ее, чѣмъ повысить. Но законъ много разъ пытался повысить плату викаріевъ и, ради достоинства церкви, обязать приходскихъ священниковъ давать имъ больше того убогаго содержанія, на какое они могли бы добровольно согласиться. И кажется, въ обоихъ случаяхъ законъ одинаково терпѣлъ неудачу; никогда ему не удалось ни повысить плату викаріевъ, ни повзвистъ плату рабочихъ до предполагаемой степени, потому что онъ никогда не былъ въ состояніи помѣшать викаріямъ, вслѣдствіе ихъ бѣдственнаго положенія и сильнаго соперничества, соглашаться на плату, меньше законной; такъ же, какъ не могъ воспрепятствовать рабочимъ получать больше вслѣдствіе обратнаго соперничества людей, надѣющихся получить выгоду или удовольствіе отъ примѣненія ихъ труда».

«Если бы въ такихъ профессіяхъ, какъ напримѣръ, юриспруденція (?) и медицина, въ которыхъ нѣтъ безопасности, воспитывалось на общественный счетъ соответственно такое же число лицъ, какъ въ духовенствѣ, то соперничество скоро сдѣлалось бы настолько сильнымъ, что денежное вознагражденіе юристовъ и медиковъ очень сильно бы понизилось. Тогда ни для кого не представляло

бы выгоды воспитывать своего сына для одной изъ этихъ профессій на свой счетъ. Онъ всецѣло былъ бы предоставленъ людямъ, получившимъ образованіе съ помощью общественной благотворительности, которые, въ силу своей многочисленности и стѣсненнаго положенія, принуждены были бы вообще довольствоваться самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ.

«То несчастное племя людей, которое обыкновенно извѣстно подъ именемъ литераторовъ и ученыхъ, находится приблизительно въ такомъ же положеніи, въ какомъ были бы, вѣроятно, доктора и юристы при существованіи предыдущаго предположенія. Во всѣхъ европейскихъ странахъ большая часть ихъ состоитъ изъ людей, воспитывавшихся для церковныхъ мѣстъ, но, по различнымъ причинамъ, не вступившимъ въ духовное званіе. Поэтому, они обыкновенно получали образованіе на общественный счетъ, и ихъ число поведою настолько велико, что цѣна на ихъ трудъ спаведена до самаго жалкаго размѣра.

«До изобрѣтенія книгопечатанія единственнымъ занятіемъ, посредствомъ котораго ученый могъ добиться чего-нибудь своими дарованіями, была профессія общественнаго или частнаго наставника, сообщавшаго другимъ людямъ любопытныя и полезныя знанія, приобретенныя имъ самимъ; и это занятіе, безъ сомнѣнія, еще до сихъ поръ почтеннѣе, полезнѣе и вообще даже выгоднѣе, чѣмъ всякое писательство для книгопродавца, порожденное книгопечатаніемъ. Для того, что бы быть выдающимся наставникомъ, требуется по меньшей мѣрѣ столько же времени, труда, дарованія, знаній и привлеканія, сколько необходимо для величайшихъ законовѣдцовъ и врачей. Однако, вознагражденіе выдающагося преподавателя обыкновенно нельзя и сравнивать съ вознагражденіемъ юриста и доктора, потому что профессія перваго переполнена бѣднымъ людемъ, подготовленнымъ ней на общественный счетъ, тогда какъ обѣ послѣднія профессіи очень мало обременяются людьми, воспитанными не на свой счетъ. Но какъ бы ни казалось незначительно обыкновенное вознагражденіе общественныхъ и частныхъ наставниковъ, оно, безъ сомнѣнія, было бы еще меньше, если бы не было устранено съ рынка соперничество тѣхъ, еще болѣе немощныхъ литераторовъ, которые пингуть изъ-за куска хлѣба. До изобрѣтенія книгопечатанія, слова: ученый и нищій—были кажется почти синонимами. До того времени нерѣдко случалось, что ректора различныхъ университетовъ выдавали своимъ студентамъ разрѣшеніе собирать милостыню».

§ 4. Спросъ на литературный трудъ сильно увеличился съ того времени, какъ это написано Адамомъ Смитомъ, между тѣмъ, средства для бесплатнаго образованія нигдѣ значительно не возросли, а въ странахъ, претерѣвшихъ революцію, даже сильно уменьшились, такъ что теперь бесплатному образованію можно приписать только незначительное вліяніе, понижжающее вознагражденіе за литературный трудъ. Но теперь впріблизительно такое же дѣйствіе производится до нѣкоторой степени сходной причиною—соперничествомъ лицъ, которыхъ, по аналогіи съ другими искусствами, можно назвать любителями. Литературный трудъ есть одно изъ тѣхъ

*) Statute of Labourers, 25 Edw. III.

занятій, въ которыхъ могутъ достигъ успѣха люди, затрачивающіе большую часть своего времени на другую работу; а воспитаніе, необходимое для него, есть воспитаніе всѣхъ образованныхъ людей. При избыткѣ состоящаго общества этотъ трудъ, помимо денежныхъ интересовъ, представляетъ спланныя побужденія для всѣхъ, кто стремится удовлетворить свое тщеславіе или достигъ личныхъ или общественныхъ цѣлей. Эти мотивы привлекаютъ теперь къ литературной работѣ все большее и больше число лицъ, которыя не нуждаются въ денежномъ вознагражденіи, и которыя однако обратились бы къ ней, если бы она и вовсе не приносила никакого вознагражденія. Такъ, въ нашей странѣ (привожу всѣмъ известные примѣры) наиболѣе вліятельный и, въ общемъ, наиболѣе знаменитый философскій писатель нынѣшняго времени (Бентамъ), величайшій политико-экономистъ (Рикардо), поэтъ, пользовавшійся чрезвычайной, хотя и кратковременной славой (Шелли), и дѣйствительно величайшій поэтъ (Байронъ) и, наконецъ, пѣвщій чрезвычайный успѣхъ беллетристъ (Скоттъ),— все они не были писателями по профессіи, и только двое изъ этихъ пяти писателей, Байронъ и Скоттъ, могли жить своимъ произведеніями. Почти всѣ отдѣлы литературы въ сильной степени переполнены людьми, пьющими такое же материальное положеніе. Поэтому, хотя теперь самыя высшія денежные вознагражденія за произведенія, пользующіяся успѣхомъ, несравненно больше, чѣмъ въ прежнія времена, все же, если правильно рассчитать, едва ли какой-нибудь писатель можетъ надѣяться, при современномъ соперничествѣ, получить средство къ существованію своимъ книгами: а добывать эти средства работой въ периодическимъ изданіяхъ и журналахъ становится съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе. Въ настоящее время средства къ жизни образованному человѣку могутъ дать только самыя тягостныя и неприятныя виды литературнаго труда, не доставляющія никакой личной извѣстности, какъ напримѣръ, занятія въ газетахъ, или второстепенныхъ периодическихъ изданіяхъ. Такіе работники получаютъ, въ общемъ, довольно высокое вознагражденіе; потому что, хотя они и подвергаются соперничеству людей, которыхъ обыкновенно называютъ «бѣдными учеными» (людей, получившихъ ученое воспитаніе благодаря общественной или частной благотворительности), все же они свободны отъ соперничества любителей, такъ какъ люди, пьющіе другія средства къ существованію, рѣдко являются конкурентами въ подобныхъ занятіяхъ.

Духовныя профессіи такъ же, какъ и литературныя, часто замѣщаются людьми съ независимыми средствами; побужденіемъ служить или религиозное рвеніе, или почести и выгоды, связанная съ этими мѣстами, или надежда на высокія награды. Это и есть главнымъ образомъ причина, почему теперь такъ низко жалованіе икарія. Хотя это жалованіе значительно повысилось подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, но все же, какъ единственное средство къ существованію, оно вообще недостаточно для человѣка, обязаннаго поддерживать образъ жизни, требующійся отъ духовнаго лица государственной церкви.

Когда извѣстный трудъ выполняется людьми, получающими главную часть своихъ средствъ къ жизни изъ другихъ источниковъ, то вознагражденіе за него можетъ быть гораздо ниже, нежели плата за одинаково тяжелый трудъ въ другихъ занятіяхъ. Главнымъ примѣромъ такого рода труда служатъ домашнія производства. Когда пряжа и кружева приготовлялись въ каждомъ коттеджѣ семьями, получавшими главный доходъ отъ земледѣлія, цѣна, по которой продавались эти вещи, (составлявшая вознагражденіе за трудъ), была часто такъ низка, что требовались бы большія механическія усовершенствованія для того, чтобы приготовить ихъ дешевле. Въ подобномъ случаѣ размѣръ вознагражденія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, будетъ ли количество товаровъ, произведенныхъ этого рода трудомъ, достаточно для удовлетворенія всего спроса. Если оно недостаточно и, вслѣдствіе этого, является необходимостью въ нѣкоторомъ числѣ рабочихъ, всецѣло посвятившихъ себя занятію, то цѣна на товаръ должна подняться настолько, чтобы эти рабочіе получали обыкновенную заработную плату; въ этомъ случаѣ, домашніе производители будутъ получать очень хорошее вознагражденіе. Но если спросъ настолько оравиченъ, что въ домашнемъ производствѣ можно приготовить товаровъ болѣе, чѣмъ требуется, то цѣна естественно упадетъ до самаго низкаго размѣра, при которомъ крестьянская семья найдетъ возможнымъ продолжать работу. Безъ сомнѣнія, Цюрихъ въ состояніи соперничать на европейскомъ рынкѣ съ англійскимъ капиталомъ, англійскимъ топливомъ и машинами*), потому что швейцарскіе ремесленники не вносятъ въ своихъ средствахъ къ жизни исключительно отъ второстепеннаго занятія; что же касается вліянія этого добавочнаго источника дохода на положеніе рабочихъ, то онъ почти несомнѣнно влечетъ за собою пропорціональное уменьшеніе заработной платы въ главномъ занятіи, (если только не являются особенныя противодѣйствующія причины). Привычки народа (какъ мы нерѣдко повторяли) повсюду требуютъ не больше извѣстной мѣры средствъ къ существованію, какъ условіе, безъ котораго люди не станутъ обзаводиться семьей. Получается ли доходъ, дающій имъ возможность жить въ такомъ положеніи, изъ одного источника, или изъ двухъ, это безразлично. Если есть второй источникъ дохода, они меньше требуютъ отъ перваго и размножаются (по крайней мѣрѣ, такъ было всегда до сихъ поръ) до того предѣла, при которомъ они отъ двухъ занятій вмѣстѣ станутъ получать не больше того, что, вѣроятно, могли получать съ cadaго изъ нихъ, если бы оно было ихъ единственнымъ занятіемъ.

*) Четыре пятыхъ фабрикантовъ Цюрихскаго кантона составляютъ мелкіе фермеры.— обыкновенно собственники своихъ фермъ. Хлопчатобумажное производство занимаетъ исключительно или отчасти 23000 жителей, что составляетъ почти десятую часть населенія; и потребленіе хлопчатобумажна на cadaго жителя здѣсь больше, нежели во Франціи и Англии. См. Статистическіе отчеты Цюрихскаго кантона, приведенные раньше.

нах или непреднамеренном действии общего социального положения. Но закон или обычай могут ограничивать соперничество. Если законы об ученичестве или уставы ремесленных корпораций делают доступ к известному занятию медленным, дорогим и затруднительным, то заработная плата в этом занятии может поддерживаться гораздо выше своего естественного отношения к заработной плате за обыкновенный труд. Она могла бы подниматься таким способом неопредѣленно, если бы не то условие, что заработная плата, поднимаясь выше обыкновенного уровня, требует соответствующего поднятия цены, и что для цены есть предел, за которым даже ограниченное число производителей не может найти сбыта для всего, произведенного ими, товара. В большей части цивилизованных стран такого рода ограничения, существовавшие в старину, были или отменены, или очень сильно ослаблены и, без сомнения, скоро совершенно исчезнут. Однако, в некоторых ремеслах союзы между рабочими производят до известной степени сходные результаты. Эти союзы всегда оказываются не в состоянии поднять заработную плату выше ее естественного размера, если они не ограничивают числа соперничающих. Впрочем, иногда им удается достигнуть этого. Во многих ремеслах рабочие сумели сделать почти невозможным для посторонних доступ к занятию, в качестве поденщиков и учеников, иначе как в ограниченном количестве и на таких стеснительных условиях, какие им заблагоразсудится предписать. Комиссия, занимавшаяся исследованием положения ткачей, было сообщено, что в этом заключается одно из зол, которое еще более ухудшает печальное положение этого угнетенного класса. Их собственное занятие исполнено и почти пришло в упадок; но есть много ремесел, которые им не трудно было бы изучать; однако, союзы рабочих в этих ремеслах, как говорят, представляют к этому почти непреодолимое до сих пор препятствие.

Исключительный принцип этих союзов действует жестоко в данном случае; однако, несмотря на это, для того чтобы решить вопрос о том, — будут ли они в общем полезны, или вредны, необходимо более подробное рассмотрение последствий, между которыми факт, подобный постоянному, не имеет решающего значения. Не будем касаться несправедливостей, иногда совершаемых рабочими, в виде личных оскорблений и запугивания, против которых слѣдует бороться со всею возможною строгостью. Если бы высшее состояние общины привычек народа должно было остаться без изменения, эти частные союзы, насколько они успевают поддерживать заработную плату в известном ремесле путем ограничения числа рабочих в нем, могут считаться полезным ограждением известного места против наплыва чужеземного населения. Благодаря такому ограждению, заработная плата известного класса зависит от размера его собственного размножения, а не от размножения класса более безнечного и непредусмотрительного, чем первый. С первого взгляда кажется несправедливостью исключать большинство от участия в прибыли меньшинства; но

это впечатление исчезает, когда мы разсудим, что, если бы допустить к этим занятиям большинство, то положение его улучшилось бы только на короткое время, и единственным прочным результатом этой меры было бы понижение всех до уровня массы. До какой степени уничтожится значение этого вывода, когда стремление уменьшить переполнение занятых рабочими руками распространится между рабочими классами вообще, и какие широкое основание могут быть приведены за то, чтобы признавать ремесленные союзы скорее желательными, чем заслуживающим упрека — эти вопросы будут рассмотрены нами в одной из следующих глав этого произведения, вместе с вопросом о законах, касающихся рабочих союзов.

§ 7. В заключение, я должен повторить уже сделанное мною замечание, что есть роды труда, в которых заработная плата определяется обычаем, а не соперничеством. Такого вознаграждение представителей профессиональных занятий: докторов, хирургов, адвокатов и даже стряпчих. По общему правилу это вознаграждение не повышается, и хотя соперничество влияет на эти классы так же, как и на всякие другие, но его влияние вообще выражается разделением занятий, а не уменьшением размера вознаграждения. Причина этого, быть может, заключается в господстве мнения, что такого рода лица заслуживают большого доверия, если их работа оплачивается относительно высоко; так что, если бы адвокат или доктор стал предлагать свои услуги за цену, ниже обыкновенной, он не только не получил бы более обширной практики, но, вероятно, потерял бы и ту, которую уже имел. По аналогичной причине существует обыкновенное платить значительно выше рыночной цены за труд лицам, на которых хозяин желает возложить особенные обязанности, или от которых требуется не одного лишь исполнения службы. Например, большинство людей состоятельных платит больше того, за сколько они могли бы купить на рынке труд людей, совершенно в такой же мере способных для требуемой работы. Они делают это не только из тщеславия, но также и по более основательным причинам: они желают, чтобы те, кому они дают занятия, служили им охотно и интересовались оставаться у них на службе; или не любят услужливо торговаться с людьми, находящимися с ними в постоянных сношениях; или же им неприятно иметь возть себя и постоянно на глазах у себя людей, с которыми приходится входить в привычки, какими обыкновенно сопровождают скучное вознаграждение. Подобные чувства влияют и на деловых людей в отношении их секретарей и других служащих. Щедрость, великодушие и желание иметь репутацию хороших хозяев — вот те мотивы, которые, в какой бы мере они не действовали, препятствуют работодателю увлекать папышную выгоду из соперничества; и, без сомнения, они могут взять и даже влияют теперь на людей, дающих занятия трудом во всех главных отраслях промышленности. Действие этих мотивов в высшей степени желательно. Но они никогда не могут поднять среднюю плату

за трудъ выше уровня, опредѣляемаго отношеніемъ населенія къ капиталу. Давая больше отдѣльнымъ рабочимъ, эти причины ограничиваютъ возможность доставлять занятіе массѣ; и какъ бы ни было превосходно ихъ нравственное воздѣйствіе, однако, въ экономическомъ отношеніи, онѣ приносятъ мало пользы, если только нищета людей, не имѣющихъ работы, не ведетъ косвеннымъ образомъ къ исправленію положенія посредствомъ увеличенія сдержанности въ размноженіи.

ГЛАВА XIV.

П р и б ы л ь.

§ 1. Разсмотрѣвъ, какая часть продукта приходится на долю рабочаго, мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію доли капиталиста. Эта доля состоитъ въ прибыли на капиталъ, или на основной запасъ, т. е. въ барышахъ лица, которое дѣлаетъ затрату для производства. Это лицо изъ фонда, находящагося въ его распоряженіи, даетъ заработную плату рабочимъ или содержитъ ихъ во время работы, доставляетъ необходимыя зданія, матеріалы и орудія или машины, и къ нему же, по обыкновенному условію договора, поступаетъ продуктъ въ полное распоряженіе. У капиталиста, за возмѣщеніемъ сдѣланныхъ имъ издержекъ, обыкновенно остается излишекъ, который и составляетъ прибыль, чистый доходъ на капиталъ. Эту сумму капиталистъ можетъ истратить на предметы необходимости или удовольствія, или можетъ изъ нея, путемъ дальнѣйшихъ сбереженій, увеличить свое богатство.

Подобно тому, какъ заработная плата рабочаго есть вознагражденіе за трудъ, такъ и прибыль капиталиста, по вѣрному выраженію Спенсера, есть, собственно говоря, вознагражденіе за воздержаніе. Она составляетъ то, что владѣлецъ выигрываетъ, воздерживаясь отъ потребленія своего капитала на свои собственные нужды и предоставляя послѣдній производительнымъ рабочимъ для ихъ потребленія. Очень часто, съ точки зрѣнія личнаго пользованія, для капиталиста было бы выгодно растрачивать свой капиталъ: именно, когда сумма доходовъ, которую онъ получаетъ въ теченіе того числа лѣтъ, какое онъ можетъ надѣяться прожить, будетъ меньше всего капитала. Но удерживая послѣдній въ цѣлости, капиталистъ всегда имѣетъ возможность потребить его при желаніи или при нуждѣ; онъ можетъ передать его другимъ при своей смерти; а до тѣхъ поръ получаетъ съ него доходъ и можетъ, не бѣднѣя, затрачивать этотъ доходъ на удовлетвореніе своихъ потребностей или склонностей.

Однако, изъ доходовъ, которые можетъ получать извѣстное лицо, благодаря своему капиталу, только часть составляетъ цѣну пользованія самимъ капиталомъ; а именно, столько, сколько согласилось бы платить кредитоспособное лицо за ссуду такого капитала. Эта часть, какъ извѣстно каждому, называется процентомъ и со-

ставляетъ все, что можно выручить, просто лишь воздерживаясь отъ немедленнаго потребленія своего капитала и отдавая его въ пользуваніе другимъ для производительныхъ дѣлей. Вознагражденіе, получаемое въ какой-нибудь странѣ за простое воздержаніе, равняется общепринятому размѣру процента при самомъ вѣрномъ обезпеченіи, т. е. при такомъ, которое устраивало бы даже возможность предположенія о потерѣ занятой суммы. Но человѣкъ, который самъ наблюдаетъ за примѣненіемъ своего капитала, всегда надѣется получить больше и обыкновенно гораздо больше этого. Размѣръ прибыли значительно превышаетъ размѣръ процента. Пзлишекъ служитъ отчасти вознагражденіемъ за рискъ. Отдавая свой капиталъ подъ вѣрное обезпеченіе, владѣлецъ или вовсе не подвергается риску, или подвергается очень мало. Но взявшись вести предпріятіе на свой счетъ, онъ всегда подвергается нѣкоторой,—а во многихъ случаяхъ—даже очень большой опасности, что его капиталъ погубитъ вполнѣ, или отчасти. За такую опасность капиталистъ долженъ быть вознагражденъ, иначе онъ не захочетъ подвергаться ей. Онъ также долженъ быть вознагражденъ за трату времени и труда. Надзоръ за промышленными операціями обыкновенно принадлежитъ человеку, который доставитъ весь или большую часть фонда для веденія этихъ операцій, и который, какъ обыкновенно бываетъ, заинтересованъ въ результатѣ дѣла единолично, или, по крайней мѣрѣ, заинтересованъ непосредственно болѣе другихъ. Если предпріятіе обширно и сложно, то для единаго надзора требуется большая настойчивость и часто незаурядное искусство. Эти настойчивость и искусство должны быть вознаграждены.

Общая сумма прибыли на капиталъ, т. е. выручка, получаемая людьми, доставившими капиталъ для производства, должна быть достаточно для удовлетворенія этихъ трехъ правъ на вознагражденіе. Она должна давать достаточно вознагражденіе за воздержаніе, за рискъ и за трудъ и искусство, необходимые для надзора. Эти различными вознагражденіями могутъ быть получаемы однимъ и тѣмъ же лицомъ или разными лицами. Весь капиталъ или часть его можетъ быть взята въ ссуду и принадлежать человеку, не желающему брать на себя рискъ и хлопоты по веденію предпріятія. Въ такомъ случаѣ, кредиторъ или собственникъ капитала будетъ итакимъ, воздерживавшимся отъ потребленія, и получитъ за это вознагражденіе въ видѣ процента на капиталъ; тогда какъ разница между процентомъ и общей суммой прибыли составитъ вознагражденіе за трудъ и рискъ предпринимателя. Иногда капиталъ или часть его доставляется такъ называемымъ товарищемъ на вѣрѣ (sleeping partner), который участвуетъ въ рискѣ предпріятія, но не принимаетъ участія въ его хлопотахъ, и который, въ вознагражденіе за этотъ рискъ, получаетъ не только лишь процентъ, но и условленную долю общей прибыли. Иногда предпріятіе ведется исключительно отъ одного лица, и предпріятіе ведется исключительно отъ одного лица, и хлопоты по управленію возлагаются на другого человека, нанятаго для этой цѣли за опредѣленное жалованье. Однако, управленіе предпріятіемъ съ помощью наемныхъ служащихъ, не

имѣющаго никакого интереса въ результатѣ дѣла, кромѣ желанія сохранить жалованіе, бываетъ настолько неуспѣшно безъ наблюдающаго глаза и сдерживающей хозяйской руки, что оно даже вошло въ пословицу. Поэтому, благоразуміе почти всегда подсказываетъ давать управляющимъ, которые не находятся подъ такимъ контролемъ, вознагражденіе, приведенное въ нѣкоторое соотношеніе съ прибылью. Конечно, при такой организаціи, положеніе хозяина предприятия будетъ сходно съ положеніемъ товарища на вѣрѣ. Наконецъ, одно и то же лицо можетъ имѣть капиталъ и лично вести предпріятіе, вкладывая въ послѣднее, если захочетъ и будетъ имѣть возможность, капиталы тѣхъ лицъ, которые рѣшатся ихъ доверить ему. Но при каждой изъ всѣхъ этихъ организацій одинъ и тѣ же три элемента: воздержаніе, рискъ и трудъ, требуютъ вознагражденія и должны получить его изъ общей прибыли. Три части, на которыя, какъ можно считать, раздѣляется прибыль, могутъ быть представлены, какъ проценты, страховая премія и заработная плата за надзоръ.

§ 2. Самый низшій размѣръ прибыли, какой можетъ существовать продолжительное время, долженъ быть достаточно великъ для того, чтобы доставлять въ данное время и въ данномъ мѣстѣ вознагражденіе за рискъ и трудъ, связанный съ применениемъ капитала въ какомъ-нибудь предпріятіи. Изъ общей прибыли прежде всего слѣдуетъ вычесть известную сумму на образованіе фонда, который въ среднемъ былъ бы настолько великъ, чтобы изъ него можно было покрыть всѣ потери, случающіяся въ дѣлѣ. Затѣмъ, прибыль должна доставить собственнику капитала за воздержаніе отъ потребления послѣднего такое вознагражденіе, какое въ данное время и въ данной мѣстности можетъ служить для капиталиста достаточнымъ мотивомъ настойчиво продолжать свое воздержаніе. Какъ велико должно быть это вознагражденіе зависить отъ той цѣны, какую въ данномъ обществѣ люди придаютъ будущему сравнительно съ настоящимъ плп. по выраженію употребленію нами раньше,—отъ силы дѣйствительнаго стремленія къ накопленію. Далѣе необходимо, чтобы, за покрытіемъ всѣхъ потерь и вознагражденіемъ собственника за воздержаніе отъ потребления, оставалась нѣкоторая сумма въ вознагражденіе за трудъ и искусство лица, посвящающаго свое время дѣлу. Это вознагражденіе также должно быть настолько велико, чтобы, по крайней мѣрѣ, собственники болѣе крупныхъ капиталовъ имѣли возможность получать за свои хлопоты, или платить какому-нибудь наемному управляющему сумму, которая служила бы достаточнымъ побужденіемъ для того, чтобы стоило брать на себя какой трудъ. Если цѣлѣе не больше этого, то только большіе капиталы будутъ употребляться производительно; а если онъ будетъ меньше этого, то капиталъ станетъ взематься изъ производства и уходить на непроизводительное потребленіе до тѣхъ поръ, пока, благодаря косвенному слѣдствію уменьшенія капитала (что будетъ объяснено впоследствии), не подымется размѣръ прибыли.

Таковы, слѣдовательно, минимумъ прибыли: но этотъ минимумъ чрезвычайно пзмѣчивъ, и иногда въ нѣкоторыхъ странахъ онъ бываетъ чрезвычайно низокъ, вѣдствіе большой пзмѣчивости двухъ

изъ трехъ, указанныхъ нами, элементовъ. Мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ, что размѣръ необходимаго вознагражденія за воздержаніе, плп. другимъ словами, дѣйствительное стремленіе къ накопленію сильно разнится при различныхъ состояніяхъ общества и цивилизаціи. Еще больше разнообразія бываетъ въ элементѣ, составляющемъ вознагражденіе за рискъ. Я теперь не касаюсь различій риска въ разныхъ примѣненіяхъ капитала въ одномъ и томъ же обществѣ, и имѣю въ виду то, что степень обезпеченности собственности, при разныхъ состояніяхъ общества, бываетъ чрезвычайно различна. Гдѣ собственность въ постоянной опасности грабежа со стороны тираническаго правительства или его хищныхъ и безконтрольных чиновниковъ; гдѣ быть богатымъ или быть заподозрѣннымъ въ обладаніи богатствомъ значить подвергнуться опасности не только грабежа, но, быть можетъ, даже и личныхъ наслій, направленныхъ къ тому, чтобы вынудить обнаруженіе и отдачу скрытыхъ драгоценностей; или же гдѣ, какъ въ Европѣ въ средніе вѣка, слабое правительство, даже когда оно само не склонно къ притѣсненіямъ, предоставляетъ своихъ подданныхъ усиленному грабежу или наглому нарушенію ихъ справедливыхъ правъ со стороны какого-нибудь могущественнаго лица, не давая ни защиты, ни удовлетворенія;—въ такихъ странахъ размѣръ прибыли долженъ быть очень великъ, чтобы заставить средняго человека, въ виду такихъ опасностей, отказаться отъ немедленнаго потребленія того богатства, какое ему удастся приобрести. Эти условія влияют какъ на людей, живущихъ только на проценты со своего капитала, такъ и на тѣхъ, кто лично занимается производствомъ. Если порядокъ въ обществѣ болѣе или менѣе обезпеченъ, то лицо, отдавшее свой капиталъ, рѣдко несетъ на себя рискъ, связанный со свойствами того или другого предпріятія; но при такомъ положеніи общества, какое существуетъ во многихъ азиатскихъ странахъ, никакое обезпеченіе не будетъ вѣрнымъ (кромѣ, пожалуй, залога, состоящаго изъ золота и драгоценностей): въ то же время, одно лишь обладаніе цѣнными вещами, если объ этомъ знаютъ плп хотя бы только подозреваютъ, подвергаетъ здѣсь и владѣльца и его имущество только тому риску, что сама большая прибыль, на какую можно рассчитывать, едва ли будетъ служить достаточнымъ вознагражденіемъ. Поэтому, накопленіе было бы здѣсь гораздо меньше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, если бы съ небезопасностью положенія не возрастало также число случаевъ, при которыхъ обладаніе сокровищъ можетъ служить средствомъ спасенія жизни, или отвращеніемъ серьезныхъ бѣдствій. Люди, дающіе займы при такомъ плохомъ государственнымъ управленіемъ, дѣлаютъ это съ огромной вѣроятностью—никогда не получить даннаго обратно. Въ болышей части туземныхъ пидіекихъ государствъ самыя легкія условія, на какихъ люди соглашаются давать деньги займамъ, даже правительству, таковы, что если кредиторъ будетъ въ теченіе немногихъ лѣтъ получать одинъ лишь проценты, безъ возвращенія капиталной суммы, то онъ будетъ спокоенъ вознагражденъ. Если изъ общей суммы капитала и словныхъ процен-

товъ будетъ недополучено въ концѣ концовъ нѣсколькихъ пиллнговъ на фунтъ, то, большей частью, сдѣлка выгодна для капитала.

§ 3. Сообразно съ условіями, дѣлающими одно занятіе болѣе или менѣе привлекательнымъ, чѣмъ другое, вознагражденіе за капиталъ въ различныхъ занятіяхъ измѣняется гораздо сильнѣе, нежели вознагражденіе за трудъ. Напримѣръ, прибыль въ мелочной торговлѣ съ единицы затраченнаго капитала выше прибыли оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ; и одна изъ причинъ этого—то, что такое занятіе менѣе уважается. Однако, самая большая разница въ вознагражденіи происходитъ отъ разницы въ рискѣ. Прибыль фабриканта пороха должна быть гораздо выше средняго уровня для того, чтобы вознаградить его за тотъ исключительный рискъ, какому постоянно подвергается онъ и его имущество. Но если извѣстный рискъ возможно замѣнить опредѣленнымъ платкомъ, и если такая замѣна обыкновенно совершается, какъ напримѣръ, въ мореплаваніи, то страховая премія обращается въ правильный расходъ по производству, и вознагражденіе, которое собственникъ корабля или груза получаетъ за этотъ платежъ, не входитъ въ счетъ его прибыли, а предназначается для возмѣщенія капитала.

Также и часть общей прибыли, составляющая вознагражденіе за трудъ и искусство торговца или производителя, очень различна въ разныхъ занятіяхъ. Этимъ всегда объясняютъ чрезвычайную прибыль аптекарей. По замѣчанію Адама Смита, большая часть этой прибыли часто представляетъ не болѣе, какъ умѣренное вознагражденіе за профессиональный трудъ, за который, до послѣдняго измѣненія закона, аптекарь не могъ требовать никакого вознагражденія, кромѣ того, какое онъ получалъ въ видѣ платы за лѣкарство. Нѣкоторыя занятія требуютъ значительнаго научнаго и техническаго образованія и могутъ быть ведены только людьми, которые при такомъ образованіи располагаютъ значительнымъ капиталомъ. Таково занятіе инженера, въ подлинномъ значеніи этого слова, какъ машиностроителя, и въ общемъ или производномъ значеніи, какъ предпринимателя общественныхъ сооружений. Это—обыкновенно самая выгодная занятія. Есть также случаи, въ которыхъ требуется значительное количество труда и ловкости для веденія дѣла, неизбежно ограниченнаго по своимъ размѣрамъ. Въ такихъ случаяхъ размѣръ прибыли долженъ быть выше обыкновеннаго для того, чтобы она представляла собою обычное вознагражденіе. «Въ небольшомъ портовомъ городѣ», говоритъ Адамъ Смитъ, «мелкій завочникъ получаетъ 40 и 50% на капиталъ въ сто фунтовъ, тогда какъ довольно крупный торговецъ въ томъ же городѣ едва ли получитъ отъ 8 до 10% на капиталъ въ 10,000 фунтовъ. Торговля мелкаго завочника можетъ быть необходима для удобства жителей, а ограниченность рынка можетъ не допускать примѣненія въ дѣлѣ болѣе крупнаго капитала. Однако, завочникъ долженъ не только существовать своей торговлей, но и получать приличное вознагражденіе за способности и знанія, которыхъ требуетъ это дѣло. Для мелочной торговли нуженъ небольшой капиталъ, но, располагая

имъ, завочникъ долженъ еще умѣть писать, читать и вести счеты, а также быть сноснымъ знатокомъ, вѣроятно, въ пятидесяти или шестидесяти различныхъ сортахъ товаровъ, долженъ знать ихъ цѣну, качество и рынокъ, гдѣ ихъ можно дешевле купить. Тридцать или сорокъ фунтовъ въ годъ можно считать не слишкомъ большимъ вознагражденіемъ за трудъ лица, настолько подготовленнаго. Вычитите это изъ его прибыли, которая кажется такой большой, и въ остаткѣ, вѣроятно, получится сумма, не большая обыкновенной прибыли на капиталъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ большая часть кажущейся прибыли составляетъ въ дѣйствительности заработную плату.

— Всѣ естественныя монополіи (т. е. монополіи, созданныя обстоятельствами, а не законами), производящія и усиливающія неравенство въ вознагражденіи за различные роды труда, дѣйствуютъ подобнымъ же образомъ и на прибыль съ капитала, вложеннаго въ различные виды предпріятій. Если дѣло можетъ съ выгодой вестись лишь съ помощью крупнаго капитала, то это обстоятельство почти всегда такъ тѣсно ограничиваетъ кругъ лицъ, которые могутъ вступить въ такое предпріятіе, что они имѣютъ возможность поддерживать въ такомъ предпріятіи, что они имѣютъ возможность поддерживать размѣръ своей прибыли выше обыкновеннаго уровня. Нѣкоторые предпріятія, по своему характеру, могутъ сосредоточиваться въ настолько немногочисленныхъ рукахъ, что величина прибыли можетъ поддерживаться посредствомъ союза предпринимателей. Извѣстно, что даже между такимъ многочисленнымъ классомъ, какъ лондонскіе книгопродавцы, довольно долго существовалъ такого рода союзъ. О газовыхъ и водопроводныхъ компаніяхъ я уже упоминалъ.

§ 4. Прінявъ должнымъ образомъ во вниманіе различныя неравенства, т. е. разницу въ рискѣ, или пріятности различныхъ занятій, а также естественныя или искусственныя монополіи, мы увидимъ, что во всѣхъ видахъ предпріятій размѣръ прибыли на капиталъ стремится къ одному уровню. Этому положенію обыкновенно придерживаются всѣ политико-экономсты, и оно справедливо при надлежащемъ объясненіи.

Та часть прибыли, которая составляетъ собственно проценты и служитъ дѣйствительнымъ вознагражденіемъ за воздержаніе, пожелательно одинакова въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, каково бы ни было помѣщеніе капитала. При одинаково хорошемъ обезпеченіи размѣръ процента не измѣняется съ перемѣной назначенія капитала, хотя, отъ времени до времени, этотъ размѣръ колеблется очень сильно, смотря по положенію рынка. При нынѣшнемъ состояніи промышленности нѣтъ дѣла, въ которомъ соперничество было бы настолько дѣятельно и постоянно, какъ въ денежныхъ ссудахъ, и займахъ. Всѣ люди, занимающіеся торговыми дѣлами, бываютъ, во временахъ, а большинство изъ нихъ—и постоянно, должниками; люди же, не занимающіеся промышленностью и владѣющіе капиталомъ, являются кредиторами. Между этими двумя большими классами находится многочисленный промежуточный классъ посредниковъ, состоящій изъ банкировъ, биржевыхъ маклеровъ, дисконтеровъ и проч., чуткихъ къ малѣйшему признаку вѣроятной

прибыль. Малѣйшее обстоятельство, которое оказываетъ на общество самое кратковременное впечатлѣніе, способствующее въ настоящемъ или будущемъ увеличенію или уменьшенію спроса на ссуды, немедленно вліяетъ на величину процента; а въ общемъ состояніи торговли обстоятельства, вызывающія эту разницу въ спросѣ, случаются безпрестанно, и по временамъ ихъ вліяніе бывало такъ сильно, что величина процента по самымъ вѣрнымъ торговымъ векселямъ, какъ извѣстно, пазмѣнялась немного болѣе, чѣмъ въ одинъ годъ съ четырехъ и менѣе процентовъ до 8 и 9⁰/₁₀ (привчемъ не было даже большого разстройтва торговли, называемаго коммерческимъ кризисомъ). Но въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ величина ⁰/₁₀ одинакова для всѣхъ имѣющихъ возможность представить одинаково вѣрное обезпеченіе. Рыночная величина процента во всѣ времена есть величина извѣстная и опредѣленная.

Совершенно иначе бываетъ съ общей прибылью; она, какъ мы скоро увидимъ, хотя и не пзмѣняется значительно отъ занятія въ занятію, но бываетъ очень разнообразна у отдѣльныхъ предпринимателей и едва ли можетъ быть одинаковой, хотя бы у двухъ лицъ. Она зависитъ отъ знанія, дарованій, бережливости и энергіи самого капиталиста или его повѣренныхъ, которымъ онъ передаетъ веденіе дѣла, отъ случайныхъ личныхъ связей, и даже отъ счастья. Едва ли есть два торговца, которые, въ одинаковой торговлѣ, даже при одинаковомъ качествѣ и дешевизнѣ ихъ товаровъ, велл бы свои дѣла съ одинаковыми расходами, или обращали свой капиталъ съ одинаковой быстротой. Считать общимъ правиломъ, что равные капиталы приносятъ въ торговлѣ одинаковую прибыль, было бы такъ же ошибочно, какъ сказать, что, при одинаковомъ возрастѣ и ростѣ, люди обладаютъ равной физической силой, или что одинаковыи начитанность и опытность даютъ одинаковыи знанія. Результатъ настолько же зависитъ отъ двадцати другихъ обстоятельствъ, какъ и отъ одной специальной причины.

Но, хотя прибыль и пзмѣняется такимъ образомъ, все же въ общемъ равенство въ различныхъ способахъ примѣненія капитала (если только нѣтъ естественной или искусственной монополіи) сохраняется въ извѣстномъ и очень важномъ значеніи. Каковы бы ни были случайныя колебанія, въ среднемъ разныя помѣщенія для капитала находятся въ такомъ положеніи, при которомъ они предлагаютъ не одинаковую прибыль, но одинаковую надежду на прибыль для лицъ съ среднимъ дарованіемъ и средствами. Когда я говорю о равенствѣ, я подразумеваю, что степень привлекательности и безопасности извѣстнаго занятія принята въ расчетъ. Если бы это было не такъ, еслибы было очевидно и доступно общему пониманію, что извѣстное дѣло заключаетъ въ себѣ больше благоприятныхъ шансовъ для денежнаго успѣха, нежели другое, то большинство людей вкладывало бы въ первое свои капиталы или воспитывало бы своихъ сыновей для него. Такъ въ дѣйствительности и бываетъ всегда, когда какое-нибудь занятіе, какъ напримеръ, тяжеленное дѣло въ нынѣшнее время, или какая-нибудь, вновь устроенная и выгодная, фабрикація видимо растетъ и преуспѣиваетъ.

Если же, наоборотъ, дѣло не считается блестящимъ, если шансы на прибыль въ немъ признаются ниже, чѣмъ въ другихъ занятіяхъ, капиталъ постепенно уходитъ изъ него, или, по крайней мѣрѣ, оно не привлекаетъ новыхъ капиталовъ. Посредствомъ этой перемены въ распредѣленіи капитала между болѣе и менѣе выгодными занятіями устанавливается родъ равновѣсія. Поэтому, надежды на прибыль въ различныхъ занятіяхъ не могутъ быть долгое время очень различны; онѣ стремятся къ среднему уровню, хотя обыкновенно и колеблются то въ одну, то въ другую сторону отъ средней величины.

Этотъ уравнивающий процессъ, который обыкновенно называется перенесеніемъ капитала изъ одного помѣщенія въ другое, не долженъ быть необходимо тягостной, медленной и почти невыполнимой операцией, какъ его очень часто представляютъ нѣкоторые писатели. Во-первыхъ, онъ не всегда состоитъ въ дѣйствительнотри перенесеніи капитала, уже вложеннаго въ дѣло. При быстромъ развитіи капитала этотъ процессъ совершается съ помощью новыхъ ежегодныхъ накопленій, которыя направляются предпочтительно къ болѣе цвѣтущимъ отраслямъ промышленности. И даже, когда необходимо дѣйствительное перенесеніе капитала, это не значитъ непременно, что часть предпринимателей, занимающихся невыгоднымъ дѣломъ, должна бросать его и приступать къ ликвидаціи. Многочисленные и разнообразные способы кредита, путемъ которыхъ въ коммерческихъ націяхъ свободные капиталы развиваются по полю промышленности, протекая въ большомъ изобиліи къ болѣе высокому уровню, составляютъ, именпо, тѣ средства, которыми совершается уравнишеніе. Этотъ процессъ состоитъ въ томъ, что одинъ классъ торговцевъ или производителей сокращаетъ, а другой расширяетъ свою часть дѣла, которая ведется на занятіи или производителю, который бы велъ свое дѣло въ томъ размѣрѣ, какой доступенъ только для его собственныхъ средствъ. Когда торговля идетъ хорошо, предприниматель не только привлекаетъ наибольшую выгоду изъ своего капитала, но въ придачу еще пользуется въ значительной степени кредитомъ, которымъ онъ располагаетъ благодаря своему капиталу. Когда же онъ замѣтитъ, что, вслѣдствіе перепроизводства или уменьшенія спроса, его товары продаются медленнѣе или по болѣе дешевой цѣнѣ, онъ сократитъ свои операціи и не станетъ возобновлять у банкировъ и другихъ денежныхъ торговцевъ свои займы въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде. Развивающееся дѣло, наоборотъ, подаетъ надежду на выгодное примѣненіе большаго, чѣмъ прежде, количества свободныхъ капиталовъ, и лица, занимающія эти дѣла, обращаются къ денежнымъ торговцамъ за новыми ссудами, которыми не трудно получить для предприятий, работающихъ съ успѣхомъ. Неодинаковое распредѣленіе свободныхъ капиталовъ между двумя занятіями имѣетъ такое же вліяніе на возстановленіе предвдвумя занятіями имѣетъ такое же вліяніе той же суммы капитала были въ нихъ, какъ если бы собственники той же суммы капитала покинули бы одно занятіе и перенесли свои капиталы въ другое. Легкій и какъ бы самопроизвольный способъ приравливанія производства къ спросу вполне достаточенъ для исправленія неравенствъ.

возникающих от колебаний в промышленности и от других обыкновенных причин. Если отрасль промышленности приходит в совершенный упадок и необходимо не случайное изменение производства, а сильное и продолжительное сокращение, а, быть может, и окончательное сокращение его, этот процесс вынуждения капитала, без сомнения, будет очень медленным, трудным и почти всегда будет сопровождаться крупными потерями. Значительная часть капитала, затраченная на машины, здания, долговременные приспособления и т. п., будет или вовсе неприемлима для других целей, или применима лишь после дорого стоящих изменений. Но у производителя редко есть время для того, чтобы произвести эту перемену с наименьшей потерей, т. е., чтобы не возобновлять основного капитала по мере его истощения. Кроме того, при полном изменении назначения капитала, пожертвование установленным связям и приобретенным искусством и опытом так велико, что люди всегда рываются на него очень не скоро и обыкновенно лишь тогда, когда перемена к лучшему стала уже давно безнадежной. Однако, это совершенно исключительные случаи, и даже в них, в конце концов, совершается уравнение. Может также случиться, что восстановление равновесия в значительной степени замедляется, когда раньше, чем бывает направлено одно неравенство, возникает другая причина неравенства. В таком, например, положении, говорить, находилось в течение длинного ряда лет производство хлопка в южных штатах Северной Америки; хлопок поднялся положительно до монополийной цены, потому что, вследствие ценового ряда улучшений в производстве хлопчатобумажных изделий, спрос увеличивается с быстротой, настолько превосходящей ожидания, что в продолжение многих лет предложение никогда вполне не удовлетворяло его. Однако, не часто бывает, чтобы несколько причин, нарушающих равновесие и действующих все в одном и том же направлении, следовали почти без всякого промежутка, одна за другой. Там, где нет монополий, прибыль в известном занятии, вероятно, бывает по временам то выше, то ниже общего уровня, но оно всегда, подобно колебаниям маятника, стремится возвратиться к нему.

Итак, хотя прибыль, получаемая разными лицами или одним и тем же лицом в разные годы, бывает очень различна, но, в общем, для данного времени и места относительно средней величины прибыли в различных занятиях не может быть большого разнообразия (помимо, конечно, различий, необходимых для того, чтобы уравновесить неравенство в привлекательности); исключения составляют только короткие периоды времени и случаи, когда какая-нибудь промышленность подвергается сильному и продолжительному перевороту. Если в обществе существует мнение, что некоторые предприятия, не пользующиеся монополией и не находящиеся в таких исключительных условиях, как мы видели в торговле хлопком, выгоднее других, то, по всей вероятности, это мнение ошибочно. Потому что, если бы его разделяли люди, которые имеют возможность получить самые достоверные сведения

и которые заинтересованы в правильной оценке последних, то произошла бы такой большой провал капитала, что прибыль быстро понизилась бы до обыкновенного уровня. Правда, для отдельных лиц, обладающих одинаковым количеством первоначальных средств, может быть больше шансов приобрести крупное состояние в одних занятиях, нежели в других. Однако, можно заявить, что в этих самых занятиях банкротства более часты, и что шансы на большой успех уравновешиваются большей вероятностью полной неудачи. Очень часто эти шансы более чем уравновешиваются, потому что, как уже было замечено в других местах, возможность получения большой премии привлекает соперников с большей силой, чем какая оправдывается ариметическим выплещением. Поэтому, я не сомневаюсь, что средняя прибыль в промышленности, дающей возможности составить крупное состояние, ниже, чем в предприятиях, в которых прибыль не так сравнительно обезличена, и в которых нельзя рассчитывать ни на что, выходящее из ряда. Канадская лесная торговля служит одним из примеров применения капитала, которое, по своему характеру, так сильно напоминает лотерею, что даже составилось общераспространенное мнение, что в этой торговле, если взять всех спекулянтов вместе, то они теряют денег больше, нежели выигрывают; другими словами, подобных этому, многое завиднее, нежели прибыль, и в занятиях, подобных этому, многое завиднее от национального характера, т. е. оттого, насколько свойственно нацию предприимчивость или, как называют ее в дурном смысле, склонность к азартной игре. Эта склонность гораздо сильнее в Соединенных Штатах, нежели в Великобритании, а в Великобритании гораздо сильнее, нежели в всякой континентальной стране. В некоторых континентальных странах построение общества настолько противоположно, что обезличенный покойный занятия, вероятно, приносят меньшую среднюю прибыль на капитал, вложенный в них, чем занятия, обещающие более крупные выгоды, но только ценою большого риска.

Однако, не следует забывать, что даже в странах, где господствует самое сильное соперничество, величина прибыли определяется также в значительной степени обычаем. Иногда в обществе составляет мнение о том, какова должна быть величина прибыли в известном занятии; и хотя этого мнения не придерживаются все торговцы и, быть может, оно оказывает влияние на их операции, но тем не менее оно оказывает влияние на их операции. В Англии существовало понятие, — миф только неизвестно, насколько оно было распространено, — что 50% есть надлежащая и достаточная величина прибыли в мелочной торговле, пойма 50% не на весь капитал, а лишь как прибавку в 50% на оптовые цены товаров, из которой должны быть покрыты торговые обязательства, наем лавки, плата приказчикам и всякого рода повременных, одним словом, все расходы мелочной торговли. Если бы этот взгляд был повсеместно распространен, и если бы его строго придерживались, соперничество все-таки действовало бы, но

потребители не получали бы никакой выгоды от него, по крайней мере, в отношении цены. Оно только уменьшало бы выгоды людей, занимающихся мелочной торговлей, вследствие большего раздробления их дела. В некоторых континентальных странах величина прибыли достигает даже до 100%. Однако, увеличение соперничества, по крайней мере в Англии, быстро стремится к извержению такого рода обычаев. В большей части торговых предприятий (по крайней мере, в больших торговых городах) есть множество торговцев, девизомъ которыхъ служатъ «мелкіе, но частые барыши», шпрокій сбытъ по низкимъ ценамъ лучше, нежели низкія цены при небольшомъ количествѣ продажъ. Дѣлая болѣе быстрые обороты со своимъ капиталомъ и, въ случаѣ необходимости, увеличивая свой капиталъ займаемъ, торговцы часто лично получаютъ болѣе высокую прибыль, хотя этимъ они неизбежно понижаютъ прибыль своихъ соперниковъ, не припавшихъ того же принципа. Темъ не менѣе, соперничество, какъ уже было замѣчено въ одной изъ предыдущихъ главъ *), до сихъ поръ имѣетъ только ограниченное влияние на мелочныя цены, а потому доля, уходящая изъ всего продукта земли и труда на вознагражденіе лицъ, занятыхъ однимъ распредѣленіемъ, остается чрезвычайно большою; и въ народномъ хозяйствѣ нѣтъ ни одной функціи, которая бы содержала число людей, настолько несоразмѣрное съ количествомъ исполняемой ими работы.

§ 5. Предыдущія замѣчанія, надѣюсь, достаточно разъяснили, что слѣдуетъ понимать подъ общеупотребительнымъ выраженіемъ «обыкновенная величина прибыли», и въ какомъ смыслѣ и при какихъ ограниченіяхъ дѣйствительно существуетъ эта обыкновенная величина. Теперь намъ остается рассмотреть, какими причинами она опредѣляется.

Людымъ, не посвященнымъ въ дѣло, кажется, будто бы прибыль въ предіриятіи зависитъ отъ цены. Они думаютъ, что производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, продавая свои товары дороже, чѣмъ они стоятъ ему. Всю прибыль люди склонны считать результатомъ покупки и продажи. Они полагаютъ, что производитель потому только можетъ получать какую-нибудь прибыль, что есть покупщики на его товаръ. Спросъ, потребители, рынокъ на товары — вотъ причина доходовъ капиталиста. Только лишь продажей своихъ товаровъ, онъ возвращаетъ свой капиталъ и увеличиваетъ его.

Но это значить судить лишь по видимому виду объ экономическомъ механизмѣ общества. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ, чтобы одніи лишь деньги, переходящіе отъ одного лица къ другому, составляли основу экономическнхъ явленій. Если мы взглянемъ поближе на операціи производителя, мы замѣтимъ, что деньги, получаемыя за товары, служатъ не причиной того, что онъ имѣетъ прибыль, а лишь способомъ, какимъ его прибыль выплачивается ему.

*) См. выше кн. II, гл. IV, § 3.

Причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Причина, почему земледѣльческій капиталъ приноситъ прибыль, заключается въ томъ, что люди могутъ произвести больше пищи, чѣмъ необходимо для ихъ прокормленія во время ея производства, включая сюда и время, 'нужное для сооружения орудій и для выполнения другихъ необходимыхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ беретъ кормить рабочихъ съ условіемъ, что онъ получитъ продуктъ, то послѣ пополненія затраченнаго капитала, нѣкоторая часть этого продукта останется въ пользу капиталиста. Теперь возьмемъ форму теоремы; причина, почему капиталъ приноситъ прибыль, состоитъ въ томъ, что пища, одежда, матеріалы и орудія существуютъ дольше того времени, которое потребовалось на производство ихъ. Такъ что, если капиталистъ снабжаетъ извѣстную часть рабочихъ этими вещами съ условіемъ, что онъ получитъ все, что будетъ произведено, то рабочие воспроизведутъ все, потраченное на доставленіе имъ предметовъ необходимости и инструментовъ, и у нихъ еще останется часть времени, чтобы работать на капиталиста. Такимъ образомъ, мы видимъ, что чтобы работать на капиталиста, не отъ случайности обмена, а отъ производительной силы труда; и величина общей прибыли страны будетъ опредѣляться производительной силой труда, независимо отъ того, будетъ ли, или не будетъ существовать обменъ. Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы купли и продажи, но прибыль все-таки существовала бы. Если бы всѣ рабочіе въ странѣ производили на 20% больше своей заработной платы, то прибыль была бы въ 20%, каковы бы ни были цены. Случайныя измѣненія въ ценахъ могутъ на нѣкоторое время доставить одному классу производителей больше 20%, а другому меньше, потому что одни товары будутъ оцениваться выше своей естественной стоимости относительно другихъ товаровъ, а другіе ниже, пока снова цены сами собою не уравниются: но въ общемъ, между всеми производителями будетъ распределено именно 20%.

Для разъясненія этихъ, кратко изложенныхъ, соображеній, я подробнѣе представлю способъ, которымъ опредѣляется величина прибыли.

§ 6. Я предположу общераспространенными такія условія, какія, за немногими исключеніями, господствуютъ повсюду, гдѣ рабочіе и капиталисты составляютъ два отдѣльные класса; т. е., приму, что капиталистъ даетъ впередъ средства для всѣхъ расходовъ, включая въ нихъ и все вознагражденіе рабочихъ. Нѣтъ, конечно, существенной необходимости, чтобы онъ дѣлалъ это: рабочий можетъ ждать до окончанія производства со всей той частью своей заработной платы, которая превышаетъ его первыя потребности, и даже со всей заработной платой, если онъ имѣетъ въ рукахъ запасъ, достаточный для того, чтобы прожить это время. Но въ послѣдствіи случай рабочий фактически становится до нѣкоторой степени слѣдующимъ: потому что онъ помещаетъ капиталъ въ предіриятіе, доставляя часть фонда, необходимаго для веденія дѣла; да-

дасть вполвину меньше. Прибыль капиталиста опредѣляется первымъ, а не послѣднимъ изъ этихъ двухъ обстоятельствъ. Что такое различіе въ успѣшности труда дѣйствительно существуетъ, доказываетъ не только многочисленными свидѣтельствами, но и тѣмъ, что, не смотря на низкую заработную плату, неизвѣстно, чтобы прибыль на капиталъ въ Ирландіи была выше, нежели въ Англіи.

Другая причина, почему по заработной платѣ нельзя судить о стоимости труда и обратно, заключается въ измѣненіи стоимости предметовъ потребления. Если эти предметы дешевы, заработная плата, въ томъ значеніи, которое весьма важно для рабочаго, можетъ быть высока, и не смотря на это, трудъ можетъ быть дешевъ; если же они дороги, рабочій можетъ быть въ дурномъ положеніи, хотя его трудъ и будетъ стоить дорого капиталисту. Послѣдній случай соответствуетъ положенію страны, въ которой население чрезвычайно велико сравнительно съ количествомъ земли; вследствие дороговизны пшеницы, трудъ стоитъ здѣсь покупателю дорого, несмотря на то, что дѣйствительное вознагражденіе рабочаго недостаточно; поэтому, въ такой странѣ, рядомъ съ низкой заработной платой существуетъ и низкая прибыль. Какъ на противоположный примѣръ, мы можемъ указать на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Тамъ рабочій пользуется достаткомъ въ такой степени, какъ ни въ одной странѣ земного шара, за исключеніемъ нѣсколькихъ новѣйшихъ колоній; но благодаря той дешевизнѣ цѣны, по какой можетъ быть получена этотъ достатокъ, (вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря большей успѣшности труда) стоимость труда никакъ не выше, а размѣръ прибыли не ниже, чѣмъ въ Европѣ.

Итакъ, стоимость труда, на математическомъ языкѣ, есть функция трехъ переменныхъ: успѣшности труда, заработной платы (подразумѣвая подъ ней дѣйствительное вознагражденіе рабочаго) и большей или меньшей стоимости, по которой могутъ быть произведены или приобретены предметы, составляющие вознагражденіе. Ясно, что на стоимость труда для капиталиста не вліяетъ никакое другое обстоятельство, кромѣ этихъ трехъ; слѣдовательно, это и будутъ факторы, опредѣляющіе размѣръ прибыли, и она можетъ измѣняться только подъ вліяніемъ того или другого изъ нихъ. Если трудъ вообще станетъ болѣе успѣшнымъ, а вознагражденіе за него не повысится; или если вознагражденіе понизится, при чемъ успѣшность труда не уменьшится и не повысится стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе; или, наконецъ, если эти предметы станутъ дешевле, то во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ прибыль повысится. Если же, наоборотъ, трудъ сдѣлается менѣе успѣшнымъ (что можетъ произойти отъ уменьшенія физической силы людей, гибели основнаго капитала или ухудшенія въ воспитаніи), или если рабочій станетъ получать болѣе высокое вознагражденіе въ то время, какъ вещь, составляющая послѣднее, не становится дешевле; или, наконецъ, если она будетъ получать не больше прежняго, но вещь, получаемая имъ, сдѣлается дороже, то прибыль во всѣхъ этихъ случаяхъ понизится. Кромѣ указанныхъ комбинацій обстоятельствъ, не существуетъ никакой

ной, при которой общая величина прибыли въ странѣ могла бы падать или повышаться одинаково во всѣхъ занятіяхъ.

Въ этой части нашего произведенія мы могли дать, хотя только и общее, но какъ мы надѣемся, убѣдительное доказательство этихъ теоремъ. Съ большей полнотой и очевидностью онѣ предстанутъ передъ нами, когда мы, рассмотрѣвъ теорію цѣнности и цѣны, будемъ имѣть возможность изложить законъ прибыли въ его конкретномъ видѣ—въ той сложной связи обстоятельствъ, при которой она проявляется въ дѣйствительности. Это мы можемъ сдѣлать только въ слѣдующей книгѣ; а въ настоящей намъ остается рассмотреть еще одинъ вопросъ, насколько это возможно сдѣлать независимо отъ теоріи цѣнности. Это—вопросъ о рентѣ, къ которому мы теперь и приступимъ.

ГЛАВА XV.

Рента.

§ 1. Элементы производства—три: трудъ, капиталъ и естественная сила. Кромѣ рабочаго и капиталиста, единственный членъ общества, согласіе котораго необходимо для производства, и который въ вознагражденіе за свое согласіе можетъ требовать паявѣстную долю изъ продукта, будетъ лицо, по общественнымъ порядкамъ обладающее исключительной властью надъ какой-нибудь естественной силой. Изъ естественныхъ силъ, которыя могутъ быть присвоены, самая главная—земля, а вознагражденіе, платимое за пользованіе ею, называется рентой. Поземельные собственники представляютъ единственный, сколько-нибудь многочисленный или важный классъ, обладающій правомъ на долю въ распредѣленіи продукта въ силу принадлежащаго имъ права собственности на вещь, которую ни они и никто другой не произвели. Когда мы поймемъ сущность и законы ренты, намъ легко будетъ понять всякіе другіе подобныя примѣры, если только они существуютъ.

Съ перваго же взгляда очевидно, что рента есть результатъ монополіи. Это конечно—естественная монополія: ее можно регулировать, но ее можно смотрѣть даже, какъ на опору общественнаго строя, но уничтожить ее нельзя. Причина, почему землевладѣльцы могутъ требовать ренту за свою землю, состоитъ въ томъ, что земля представляетъ товаръ, для многихъ необходимый и такой, котораго никто не можетъ получить иначе, какъ отъ нихъ. Если бы вся земля въ странѣ принадлежала лишь одному лицу, то оно могло бы назначать ренту по своему желанію. Весь народъ относительно своихъ предметовъ первой необходимости зависѣлъ бы отъ воли этого лица, и оно могло бы поставить такія условія, какія пожелало бы. Таково дѣйствительное положеніе дѣлъ въ тѣхъ восточныхъ монархіяхъ, гдѣ земля считается собственностью государства. Въ такомъ случаѣ рента смѣшивается съ налогомъ, и деспотъ можетъ требо-

вать у несчастнаго земледѣльца все, что только послѣдній въ состояніи дать. И дѣйствительно, исключительный владѣлецъ всей земли въ странѣ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только деспотомъ. Результатъ былъ бы совершенно одинаковъ, если бы земля принадлежала настолько ограниченному числу лицъ, что они могли бы дѣйствовать, какъ одинъ человекъ и, посредствомъ соглашенія между собою, опредѣляли бы ренту. Но до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы гдѣ-нибудь существовалъ подобный примѣръ; а потому остается только одно возможное предположеніе, что существуетъ полная свобода соперничества въ силу того, что землевладѣльцы, какъ это и есть въ дѣйствительности, слишкомъ многочисленны для соглашенія между собой.

§ 2. Вещь, количество которой ограничено, все же будетъ монополизирована, хотя бы ея владѣльцы и не дѣйствовали сообща. Однако, хотя бы вещь, составляющая даръ природы и не требующая для своего существованія ни труда, ни издержекъ, была даже и монополизирована, все же, при дѣйствіи соперничества между ея напшателями, она будетъ имѣть цѣну только въ томъ случаѣ, если она существуетъ въ количествѣ, не удовлетворяющемъ спроса на нее. Если бы вся земля страны требовалась подъ обработку, то каждый участокъ могъ бы приносить ренту. Но ни въ одной странѣ, каковы бы ни были ея размѣры, нужды населенія не требуютъ, чтобы обрабатывалась вся земля, годная для обработки. Пшеница и другіе необходимые земледѣльческіе продукты, за которые люди готовы и въ состояніи платить цѣну, вознаграждающую земледѣльца, могутъ быть всегда получены безъ обращенія всей земли подъ обработку; а иногда съ этой цѣлью приходится обрабатывать только небольшую часть ея. Въ очень раннемъ періодѣ общественнаго развитія предпочитались земли, наиболѣе легкія для обработки; земли же болѣе плодородныя и съ болѣе удобнымъ положеніемъ стали употребляться въ болѣе культурный періодъ. Поэтому, всегда есть земля, которая при существующихъ обстоятельствахъ не можетъ приносить никакой ренты, и никакая земля никогда не приноситъ ренты, если только по своему плодородію и положенію она не принадлежитъ къ тѣмъ высшимъ сортамъ, которые существуютъ въ количествѣ, не удовлетворяющемъ спроса на нихъ, и съ которыхъ нельзя получить всего необходимаго для общества продукта иначе, какъ на условіяхъ, еще менѣе выгодныхъ, чѣмъ распространеніе обработки на земли худшаго качества.

Есть земли, какъ, напримѣръ, Аравійская пустыня, которыя не даютъ ничего, сколько бы ни на нихъ ни затрачивали труда: есть также земли, какъ, напримѣръ, наши безплодные пески, покрытые верескомъ, которыя могли бы произвести кое-что, но при нынѣшнемъ состояніи почвы, этого было бы не достаточно для покрытія издержекъ производства. Подобныя земли не могутъ обрабатываться для полученія прибыли, пока не будетъ открыто какое-нибудь приложеніе химіи къ земледѣлію; здѣсь надо дѣйствительно создать почву, рассыпавъ новыя составныя части по ея поверхности, или перемѣшавъ ихъ съ существующими веществами. Если необходимая для

этой цѣли составныя части находятся въ подпочвѣ или гдѣ нибудь по близости, улучшеніе даже самыхъ неудобныхъ мѣстъ можетъ быть выгодно; но если эти составныя части дороги и должны быть перевезены на извѣстное разстояніе, то это рѣдко даетъ выгоду въ смыслѣ прибыли, хотя иногда «магическая сила собственности» дѣлаетъ и это. Земля, которая никакимъ образомъ не можетъ давать прибыли, иногда обрабатывается съ убыткомъ, причѣмъ земледѣлецъ часть своихъ нуждъ удовлетворяетъ изъ другихъ источниковъ; такъ поступаютъ бѣдняки и нѣкоторые благотворительныя и монастырскія учрежденія, въ которыхъ могутъ быть причислены «колоніи бѣдныхъ» въ Бельгіи. Наилучшая земля, какая только можетъ быть обрабатываема ради средствъ къ существованію, будетъ та, которая вполне возвращаетъ сѣмена и пропитаніе рабочихъ, воздѣлывающихъ ее, а также и пропитаніе рабочихъ «второстепенныхъ», по выраженію доктора Чомерса, т. е. тѣхъ, которые требуются для доставленія земледѣльцамъ орудій и остальныхъ предметовъ необходимаго. Въ состояніи ли извѣстная земля давать больше такого количества, это уже не вопросъ политической экономіи, а физическій фактъ. По нашему предположенію, такая земля не приноситъ никакой прибыли и не даетъ рабочему ничего, кромѣ предметовъ необходимости; хозяйство на ней можетъ быть ведено только самими рабочими, иначе оно будетъ приносить денежный убытокъ; слѣдовательно, эта земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ давать ренты. Самая худшая земля, какую можно воздѣлывать съ цѣлью прироста капитала, должна, сверхъ возвращенія сѣмянъ, не только кормить земледѣльцевъ и «второстепенныхъ рабочихъ», но и доставлять имъ общепринятую заработную плату, которая по своей величинѣ иногда бываетъ даже больше того, что необходимо для удовлетворенія только первыхъ потребностей; кромѣ того, эта земля должна дать людямъ, которые заплатили впередъ заработную плату двумъ упомянутымъ классамъ рабочихъ, излишекъ, равный той прибыли, на какую можно рассчитывать во всякомъ другомъ дѣлѣ. Можетъ ли извѣстная земля дать болѣе доходъ, это уже будетъ зависѣть не исключительно отъ физическихъ условій, но отчасти также отъ рыночной цѣны на земледѣльческіе продукты. Величина дохода, сверхъ той земли въ состояніи доставить рабочимъ и капиталу, прокормленія всѣхъ, кому она прямо и косвенно даетъ занятіе, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того, почему можетъ быть проданъ остатокъ продукта. Чѣмъ выше рыночная цѣна продукта, тѣмъ лучше будутъ земли, до которыхъ можетъ спускаться обработанная, доставляющая на затраченный капиталъ обыкновенный размѣръ прибыли.

Но различія въ плодородіи сглаживаются и различія въ доступности, т. е. въ разстояніи земли отъ рынка: а такъ какъ есть земли, настолько безплодныя, что ихъ обработка не вознаграждается бы никакой цѣной, то очевидно, что, какъ высоко ни были бы цѣны, все же во всякой общирной странѣ должны быть нѣкоторые участки, которые будутъ давать только лишь заработную плату земледѣльцу и обыкновенную прибыль на затраченный капиталъ. Поэтому, до

тѣхъ поръ, пока не повысятся цѣны, или пока какое-нибудь улучшение не сдѣлаетъ эти участки болѣе плодородными, они не могутъ приносить никакой ренты. Но, очевидно, общество нуждается въ продуктѣ, получаемомъ съ земли этого послѣдняго качества; потому что, если бы для удовлетворенія существующихъ потребностей было достаточно земель, болѣе плодородныхъ и лучше расположенныхъ, чѣмъ эта, то цѣны не поднялись бы настолько высоко, чтобы обработка ея сдѣлалась выгодной. Итакъ, эта земля будетъ обрабатываться; и мы можемъ поставить за правило то, что пока въ странѣ есть какая-нибудь земля, которая можетъ годиться для обработки, но не обрабатывается, причѣмъ этому не мѣшаютъ ни законодательныя, ни другія искусственныя препятствія, до тѣхъ поръ худшія земли (по плодородію и по своему мѣстоположенію), находящіяся въ обработкѣ, не приносятъ никакой ренты.

§ 3. Итакъ, нѣкоторая часть обрабатываемыхъ земель, приносящая наименьшее вознагражденіе труду и капиталу, затраченному на нее, даетъ только обыкновенную прибыль на капиталъ, не оставляя ничего для ренты. Такая земля представляетъ мѣру для вычисления величинъ ренты, которую будутъ давать всѣ другія земли. Всякая земля дастъ именно настолько больше обыкновенной прибыли, насколько она приносить продукта больше, чѣмъ получается съ худшихъ изъ обрабатываемыхъ земель. Излишекъ и будетъ та сумма, которую фермеръ можетъ платить землевладѣльцу въ видѣ ренты. Если бы фермеръ не платилъ ее, то онъ получалъ бы прибыль больше обыкновеннаго размѣра, и тогда соперничество другихъ капиталистовъ—то соперничество, которое уравниваетъ прибыль на различныя капиталы—дало бы возможность землевладѣльцу захватить въ свою пользу эту сумму. Слѣдовательно, рента, даваемая какой бы то ни было землей, есть излишекъ продукта послѣдней надъ тѣмъ доходомъ, который можно получить съ такого же капитала, затраченнаго на самую худшую изъ обрабатываемыхъ земель. Въ половинической или котьерской рентѣ такого предѣла нѣтъ, и никто никогда и не утверждаетъ, что онъ существуетъ; но это—предѣлъ ренты фермера. Нигдѣ земля, отданная капиталисту—фермеру, не будетъ продолжительное время давать больше этого; если же она даетъ меньше этой мѣры, то только потому, что землевладѣлецъ отказывается отъ части дохода, которую онъ при желаніи можетъ получить.

Это и есть теорія ренты, предложенная въ первый разъ Андерсономъ въ концѣ прошлаго столѣтія; въ то время она была встрѣчена съ пренебреженіемъ; а черезъ двадцать лѣтъ снова была почти одновременно открыта Эдуардомъ Вестомъ, Мальтусомъ и Рикардо. Она представляетъ одно изъ основныхъ ученій политической экономіи: и пока она не была понята, нельзя было дать на одного основательнаго объясненія многимъ, наиболѣе сложнымъ промышленнымъ явленіямъ. Ея справедливость обнаружилась еще съ большей ясностью, когда мы дойдемъ до положенія законовъ цѣнности и цѣны. Пока эти законы намъ неизвѣстны, мы не можемъ устранить отъ этого ученія всѣхъ могущихъ представиться возраженій,

и людямъ, незнакомымъ съ этимъ предметомъ, можемъ сообщить лишь одно общее понятіе о разсужденіяхъ, посредствомъ которыхъ пришли къ этой теоремѣ. Но на нѣкоторыя изъ возраженій, обыкновенно приводимыхъ противъ теоріи ренты, можно дать полный отвѣтъ даже и въ настоящемъ періодѣ нашихъ изслѣдованій.

Нѣкоторые утверждали, что никакая земля не можетъ найдется въ обработкѣ, не принося вовсе ренты, потому-де, что землевладѣльцы не позволяли бы занимать свою землю безплатно. Тѣ, кто придаетъ какое-нибудь значеніе этому возраженію, должны представить себѣ, что земля, которая можетъ вознаграждать только лишь обработку, лежитъ вся вмѣстѣ въ большихъ кускахъ, отдѣльно отъ всѣхъ земель лучшаго качества. Если бы какое-нибудь мѣстѣе состояло исключительно изъ такой земли, или изъ такой и еще худшей, то вѣроятно всего, что собственникъ не отдалъ бы ее въ пользованіе безплатно, скорѣе онъ предпочелъ бы (если онъ богатъ) оставить ее для другого назначенія, какъ напримеръ, для всевозможныхъ прогулокъ, для парка или для охоты. Ни одинъ фермеръ, снывая ее для обработки, ничего не могъ бы дать за нее владѣльцу; хотя послѣдній иногда, вѣроятно, получалъ бы кое-что за пользованіе ея естественными пастбищами, или другими случайными продуктами. Но даже и такая земля не остается непременно невоздѣланной; ее можетъ обрабатывать собственникъ, что нерѣдко бываетъ даже и въ Англіи. Ради филантропическихъ мотивовъ, или чтобы избавиться отъ налога въ пользу бѣдныхъ, часть изъ нея можетъ быть отдана участками во временное пользованіе рабочимъ семьямъ, или можетъ быть отдана, безъ всякой ренты, поселенцамъ въ надеждѣ, что ихъ трудъ въ будущемъ увеличитъ ея цѣнность. Оба эти случая встрѣчаются очень часто. Такимъ образомъ, даже если мѣстѣе состоитъ исключительно изъ самыхъ худшихъ земель, какія годны къ обработкѣ, оно не должно непременно оставаться необработаннымъ ради того, что не можетъ давать ренты. Однако, земли низшаго качества обыкновенно не занимаютъ силою пространства въ нѣсколько квадратныхъ миль; онѣ разбросаны тамъ и сямъ, рядомъ съ кусками лучшей земли, и лицо, нанимающее лучшую землю, получаетъ вмѣстѣ и землю низшаго качества, перемежаемую съ ней. Номинально рента платится за всю ферму, но она рассчитана по количеству продукта, получаемаго съ тѣхъ участковъ, которые епо-собны дать прибыль больше обыкновеннаго размѣра (какую бы величественную часть всей земли они ни составили). Такимъ образомъ, въ научномъ отношеніи справедливо, что остальные части не приносятъ ренты.

§ 4. Но предположимъ, что это возраженіе имѣетъ нѣкоторую справедливость (съ чѣмъ, однако, ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться). Допустимъ, что спросъ со стороны общества поднялъ цѣны на пищу до такой высоты, при которой вознаградились бы расходы по производству ея на землѣ пзвѣстнаго качества, и что, тѣмъ не менѣе, обработкѣ всѣхъ земель такого качества препятствуетъ упорство собственниковъ, требующихъ за нихъ ренты, не номинальную и ничтожную, а настолько тягостную, что она пред-

свободны от влияния других побуждений, кроме побуждений, возникающих из общих условий дѣла, и насколько эти лица руководствуются обыкновеннымъ меркантильнымъ расчетомъ относительно прибыли и потерь. Примѣняя наше двойное предположеніе къ фермерамъ и землевладельцамъ, мы будемъ правы относительно того, что фермеръ требуетъ обыкновеннаго размѣра прибыли на свой капиталъ, и что все, полученное имъ сверхъ этой суммы, онъ принужденъ отдавать землевладельцу, но не согласится платить больше; мы въ правѣ сказать, что есть извѣстная часть капитала, которая примѣнена къ земледѣлю съ такой степенью производительности, что приноситъ лишь обыкновенную прибыль; и, наконецъ, мы можемъ утверждать, что разница между продуктомъ этой части капитала и продуктомъ всѣхъ другихъ частей его, одинаковыхъ по величинѣ, служитъ мѣрою данн, которую эти послѣдніе могутъ и будутъ платить землевладельцу подъ названіемъ ренты. Все это составляетъ законъ ренты, который настолько близокъ къ истинѣ, насколько это возможно для подобнаго закона; хотя, конечно, онъ измѣняется и нарушается въ отдельныхъ случаяхъ, вслѣдствіе продолжительности контрактовъ, личнаго перасчетливости, влияния привилегій, и даже вслѣдствіе исключительныхъ расположений и склонностей заинтересованныхъ лицъ.

§ 5. Здѣсь не слѣдуетъ опускать замѣчаніе, которое часто дѣлаютъ, хотя, по моему мнѣнію, ему придаютъ больше значенія, нежели оно заслуживаетъ. Подъ именемъ ренты обыкновенно соединяютъ множество платежей, которые составляютъ вознагражденіе не за первобытныя силы самой земли, а за капиталъ, израсходованный на нее. Прибавочная рента, которую даетъ земля вслѣдствіе этой затраты капитала, должна, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, считаться прибылью, а не рентой. Но раньше, чѣмъ принять это, мы должны точнѣе установить понятіе ренты. Въ годичный платежъ арендатора почти всегда входитъ вознагражденіе за пользованіе зданіями на фермѣ; сюда относятся не только сараи, конюшни и другія хозяйственныя постройки, но также и домъ, гдѣ живетъ фермеръ, не говоря уже объ изгородяхъ и т. п. За пользованіе ими землевладелецъ будетъ требовать, а арендаторъ платить, такую сумму, которая считается достаточной для того, чтобы составить обыкновенную прибыль, или, лучше сказать, обыкновенный процентъ на стоимость зданій (такъ какъ въ этомъ случаѣ для землевладельца нѣтъ ни риска, ни хлопотъ), т. е. процентъ не на ту сумму, какую стоили постройки, а на ту, за какую ихъ можно было бы построить такъ же хорошо теперь. Кроме того, арендаторъ обязанъ оставить ихъ въ такой же исправности, въ какой онъ ихъ нашелъ, иначе отъ него, безъ сомнѣнія, потребовали бы гораздо большаго платежа, чѣмъ обыкновенная величина процента. Эти зданія представляютъ вещь, настолько же отдѣльную отъ фермы, какъ цывентарь и лѣсъ, принадлежащіе къ ней; и плату за нихъ нельзя назвать поземельной рентой, какъ нельзя было бы назвать такъ платежъ за скотъ, если бы было въ обычаѣ, чтобы землевладелецъ снабжалъ ферму скотомъ для арендатора. Зданія такъ же, какъ и

скотъ,—не земля, а капиталъ, правильно потребляющійся и воспроизводящійся, и всѣ платежи, дѣлаемые въ вознагражденіе за такого рода имущество, ничто иное, какъ процентъ.

Но что касается капитала, который дѣйствительно затраченъ на улучшеніе земли и не требуетъ періодическаго возобновленія, а израсходованъ разъ навсегда для приданія земли на неограниченное время большей производительности, то мнѣ кажется, что доходъ на этотъ капиталъ терять окончательно характеръ прибыли и управляется принципами ренты. Правда, землевладелецъ не станетъ затрачивать капитала на улучшеніе своего имѣнія, если онъ не ждетъ, что отъ этого доходъ увеличится на такую сумму, которая съ нѣкоторымъ излишкомъ покроетъ проценты на сдѣланный платежъ. До производства улучшеній, это увеличеніе дохода можетъ считаться прибылью; но когда расходы сдѣланы, и улучшенія произведены, рента съ улучшенной земли управляется тѣмъ же закономъ, какъ и рента съ неуплучшенной. Однако плодородная земля даетъ одинаковую ренту, безразлично, будетъ ли плодородіе естественнымъ или приобретеннымъ; и я, напримѣръ, не могу согласиться, чтобы доходы владельцевъ Велфордской равнины или Липсипрепскихъ лѣсовъ слѣдовало назвать прибылью, а не рентой, потому что эти земли ничего не стоили, пока на нихъ не былъ затраченъ капиталъ. Собственники этихъ земель не капиталисты, а землевладельцы; они потратили свой капиталъ; онъ потребленъ, уничтоженъ; онъ не возвратится и не возвратится къ нимъ, какъ капиталъ фермера или фабриканта изъ продукта, произведеннаго имъ. Выбѣго капитала, они имѣютъ землю извѣстной плодородности, приносящую такую же ренту и подъ влияніемъ тѣхъ же причинъ, какъ если бы эта земля обладала и съ самаго начала той степенью плодородія, какая ей была при дача естественно.

Нѣкоторые писатели, и въ особенности Кэри, еще рѣшительнѣе меня отрицаютъ различіе между этими двумя источниками ренты; одни изъ источниковъ они устраняютъ окончательно и вообще ренту считаютъ результатомъ затраченнаго капитала. Въ доказательство этого, Кэри утверждаетъ, что вся денежная стоимость всѣхъ земель, въ какой бы то ни было странѣ, какъ напримѣръ, въ Англіи или Соединенныхъ Штатахъ, даже и приблизительно не равняется той суммѣ, которая была затрачена, или которую необходимо затратить теперь, чтобы довести страну до настоящаго положенія изъ состоянія первобытнаго лѣса. Это поразительное объясненіе было подхвачено Бастіа и другимъ политико-экономистамъ, какъ средство привести болѣе сильное доказательство въ защиту поземельной собственности, чѣмъ это было бы возможно иначе. Однако, вполне очевидно, что выводъ Кэри равносильнъ утверженію, что если бы къ землямъ Англіи была внезапно присоединена свободная территория, одинаковая съ ними по своему естественному плодородію, то жителямъ Англіи не стоило бы затрачивать времени для обработки ея подъ обработку, потому что прибыль съ этой операціи не равнялась бы обыкновенному проценту на затраченный капиталъ. Если мы даже предположимъ, что противъ этого стоитъ воз-

ражать, то достаточно лишь заметить, что в Англии постоянно поступает в обработку земля не равная, а гораздо низшаго качества, нежели земля, раньше обрабатывавшаяся, и на это дѣлаются затраты, которыя вполне покрываются в течение небольшого числа лѣтъ вѣз постоянно возрастающей ренты. Но помимо того, это ученіе совершенно противоположно экономическимъ взглядамъ самого Кэри. Никто такъ ревностно, какъ Кэри, не защищаетъ той несомнѣнной истины, что по мѣрѣ увеличенія въ известномъ государствѣ населенія, богатства и сочетанія труда, земля постоянно повышается въ цѣнности и цѣнѣ. Но это не могло бы быть справедливымъ, если бы нынѣшняя цѣнность земли была менше расходовъ на очистку и приспособленіе послѣдней къ обработкѣ, потому что земля стоила суммы этихъ расходовъ немедленно послѣ очистки ея, а между тѣмъ Кэри признаетъ самъ, что съ тѣхъ поръ земельная цѣнность постоянно росла. Однако, Кэри, утверждая, что земля во всякой странѣ не стоитъ того капитала, который былъ затраченъ на нее, не думаетъ, что каждое отдѣльное имѣніе стоитъ меньше, нежели было израсходовано на его улучшение, и что для собственниковъ улучшеніе земли въ окончательномъ результатѣ совершенно невыгодно. Онъ не думаетъ, что землю Великобританіи теперь нельзя продать за ту сумму, которая была затрачена на нее, но онъ убѣжденъ, что ее нельзя продать за эту сумму, плюсъ расходы на сооруженіе дорогъ, каналовъ и рельсовыхъ путей. Такое мнѣніе, вѣроятно, справедливо, но оно не идетъ къ дѣлу и для политической экономіи имѣетъ не больше значенія, чѣмъ доказательство, что землю нельзя было бы продать за суммы, затраченныя на нее, плюсъ національный долгъ, или плюсъ расходы войны съ Франціей во время революціи, или всякіе дорогіе расходы, которые дѣлались для дѣйствительной или воображаемой общественной пользы. Дороги, рельсовые пути и каналы сооружались не для увеличенія стоимости земли; наоборотъ, по своему естественному вліянію они понижаютъ ея стоимость, дѣлая доступными другія, способныя къ конкуренціи земли. На этомъ, именно, основаніи землевладѣльцы южныхъ графствъ подавали въ парламентъ петицію противъ устройства шоссе. Улучшенныя пути сообщенія имѣютъ тенденцію понижать существующія ренты, ослабляя монополію земли, находящейся вблизи мѣстъ, гдѣ сосредоточено большое число потребителей. Дороги и каналы не предназначаются для повышенія стоимости земли, уже снабжающей рынокъ, а напротивъ, (между прочими цѣлями) должны служить для удешевленія припасовъ, давая доступъ на рынокъ продукту другихъ, болѣе удаленныхъ земель. Чѣмъ успѣшнѣе достигается эта цѣль, тѣмъ сильнѣе понижается рента. Представимъ себѣ, если можно, что желѣзныя дороги и каналы Соединенныхъ Штатовъ не только удешевляютъ сообщеніе, но даже ведутъ свое дѣло настолько успѣшно, что совершенно уничтожаютъ стоимость перевозки и дѣлаютъ доставку продуктовъ изъ Мичигана на Нью-Йоркскій рынокъ такой же быстрой и дешевой, какъ изъ Лонгъ-Айленда; конечно, въ такомъ случаѣ вся земля въ Соединенныхъ Штатахъ потеряла бы всякую стоимость, или, вѣрнѣе, лучшія земли продавались бы только за

сумму расходовъ по расчѣткѣ, плюсъ правительственный сборъ $1\frac{1}{4}$ доллара съ акра: потому что земля, по своему качеству равняющаяся лучшимъ землямъ Соединенныхъ Штатовъ, могла бы быть получена въ Мичиганѣ въ неограниченномъ количествѣ за эту сумму. Но странно, что Кэри считалъ этотъ фактъ несогласнымъ съ теоріей ренты Рикардо. Соглашаясь со всѣмъ тѣмъ, что онъ утверждаетъ, все же необходимо признать справедливымъ, что пока есть земля, не приносящая никакой ренты, земли, приносящія ренту, будутъ ее давать вслѣдствіе нѣкоторыхъ, принадлежащихъ имъ преимуществъ въ плодородіи или вслѣдствіе близости къ рынку, сравнительно съ другими землями. Мѣра этихъ преимуществъ служить также мѣрою и ренты. А причина обладаетъ естественной монополіей, т. е. что количество участковъ, находящихся въ благоприятныхъ обстоятельствахъ, не достаточно для снабженія рынка. Эти положенія составляютъ теорію ренты, положенную Рикардо; и если они справедливы, то я не вижу, какой выводъ можно сдѣлать изъ того, будетъ ли рента, которую приносятъ теперь земли, болѣе или меньше, по сравненію съ суммой, которая составится, если взять процентъ на капиталъ, затраченный на повышеніе стоимости земли, вмѣстѣ съ процентомъ на капиталъ, затраченный для понижанія этой стоимости.

Но возраженіе Кэри все же нѣсколько остроумнѣе тѣхъ аргументовъ, которые обыкновенно приходится встрѣчать противъ теоріи ренты—теоріи, которую можно назвать *roms asinorum* политической экономіи, потому что, какъ я склоненъ думать, съ этой теоріей долженъ согласиться всякій, хорошо понявшій ее. Весьма замѣчательна смѣтность и неточность пониманія теоріи ренты, обнаруживаемая людьми, стремящимися опровергать ее. Многие, напримѣръ, доказывали педантичность теоріи Рикардо на томъ основаніи, что нельзя говорить будто бы обработка худшихъ земель служитъ причиною ренты за лучшія земли. Рикардо говоритъ, что причиною ренты является не обработка худшихъ земель, а необходимость обрабатывать ихъ, вслѣдствіе недостатка лучшихъ земель для прокормленія возрастающаго населенія. Такое положеніе отличается отъ положенія, приписываемаго этому автору омонентами, не меньше, чѣмъ спросъ отъ предложенія. Другіе, возражая противъ ученія Рикардо, доказываютъ, что если бы вся земля была одинаково плодородна, то и тогда она бы могла приносить ренту. Но Рикардо и говоритъ, именно, то же самое. Онъ говоритъ, что если бы всѣ земли были одинаково плодородны, то тѣ изъ нихъ, которыя находились бы ближе другихъ къ своему рынку и потому были бы менѣе обременены стоимостью перевозки, давали бы ренту, соответствующую этой выгоду; и что въ такомъ случаѣ рента отсутствовала бы не на земляхъ, менѣе плодородныхъ, а на тѣхъ, которыя имѣли бы наименѣе выгодное положеніе и все-таки должны были бы обрабатываться для удовлетворенія потребностей общества. Съ теоріей Рикардо, очевидно, согласуется также и то, что земля, хотя бы она была одинаково плодородна во всей странѣ, будетъ при известныхъ усло-

вѣхъ вся давать ренту, независимо отъ разлчій мѣстоположеній: это наступитъ, именно, тогда, когда спросъ со стороны общества потребуетъ, чтобы вся земля обрабатывалась до такой степени, при которой дальнѣйшее примѣненіе капитала уже начинало бы давать относительно меншіи доходъ. Невозможно доказать, что вся земля известной страны можетъ давать ренту еще при какихъ нибудь иныхъ условіяхъ, за исключеніемъ, конечно, случаевъ насильственнаго вымогательства.

§ 6. Познакомившись со свойствами и причинами ренты, возвратимся къ вопросу о прибыли и рассмотримъ слова одно изъ положеній, изложенныхъ въ предыдущей главѣ. Мы тамъ говорили, что затраты капитала или, другими словами, расходы по производству, состоятъ исключительно изъ платы за трудъ, — что всякая часть издержекъ, не идущая на заработную плату, представляетъ прибыль, выплаченную впередъ, а все, что не составляетъ выплаченной впередъ прибыли, — есть заработная плата. Но рента представляетъ собою элементъ, который нельзя свести ни къ прибыли, ни къ заработной платѣ: поэтому мы должны были предположить тогда, что капиталисту не приходится платить ренты, т. е. давать вознагражденіе за пользование присвоенной силой природы. И обѣщать тогда доказать въ надлежащемъ мѣстѣ, что это предположеніе допустимо, и что рента дѣйствительно не составляетъ никакой части издержекъ производства, или расходовъ капиталиста. Основанія, на которыхъ я тогда утверждалъ это, теперь очевидны. Справедливо, что всѣ арендаторы—фермеры и многіе другіе классы производителей платятъ ренту. Но мы уже видѣли, что всякій, кто обрабатываетъ землю, платя ренту за нее, получаетъ взаменъ этой ренты орудіе, по своей силѣ превосходящее орудія того же рода, за которыя рента не платится. Превосходство орудія совершенно пропорционально платимой за него рентѣ. Если бы нѣкоторые лица имѣли паровыя машины, по своей силѣ превосходящія всѣ существующія, и если бы по физическимъ законамъ число такихъ машинъ было недостаточно относительно спроса на нихъ, то ренту, которую фабрикантъ согласился бы платить за одну изъ нихъ, польза было бы считать прибавкой къ издержкамъ производства, потому что, пользуясь такимъ орудіемъ, онъ сократилъ бы другія издержки на сумму, какую онъ платитъ за него: безъ машины онъ не могъ бы произвести такого количества работы, какъ при ней, если бы не сдѣлать добавочной затраты, равной величинѣ ренты. То же самое справедливо и по отношенію къ землѣ. Дѣйствительныя издержки производства будутъ тѣ, которыя дѣлаются на худшихъ земляхъ или въ примѣненіи капитала при наименѣе благоприятныхъ условіяхъ. Эта земля или этотъ капиталъ, какъ мы уже видѣли, не даютъ ренты. Но издержки, производящіяся при этомъ, служатъ причиной, почему всѣ другія земли или земледѣльческіе капиталы подвергаются равнымъ издержкамъ въ формѣ ренты. Всякій, платящій ренту, получаетъ обратно всю ея стоимость въ тѣхъ преимуществахъ, какими обладаетъ обрабатываемая имъ земля: и рента, платимая имъ, ставитъ его въ положеніе не худшее, а одинаковое съ положеніемъ

его собратьевъ по производству, которые не платятъ ренты, но зато обладаютъ орудіемъ, гораздо менѣе производительнымъ.

Мы теперь закончили изложеніе законовъ, которыми управляется распредѣленіе продукта земли, труда и капитала, насколько было возможно обсудить эти законы, независимо отъ посредствующихъ причинъ, вліяющихъ въ механизмъ обмена и цѣны. Болѣе подробному разъясненію, окончательному подтвержденію изложенныхъ нами законовъ и выводу изъ нихъ наиболее важныхъ слѣдствій только предшествовать объясненіе свойствъ и дѣйствій этого механизма. Это предметъ—столь обширный и сложный, что для него потребуются отдѣльная книга.

КНИГА III.

Обмѣнъ.

ГЛАВА I.

Цѣнность.

§ 1. Вопросъ, къ которому мы теперь приступаемъ, занимаетъ столь важное и выдающееся положеніе въ политической экономіи, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, его границы сливаются съ границами самой науки. Одинъ знаменитый ученый предлагаетъ называть политическую экономію «каталактикою», или наукою объ обмѣнѣ; другіе называли ее наукою о цѣнностяхъ. Если-бы эти наименованія казались мнѣ логически вѣрными, я-бы долженъ былъ помѣстить разсмотрѣніе основныхъ законовъ цѣнности въ началѣ нашего изслѣдованія, не откладывая его до третьей части. Но уже одна возможность отложить настолько этотъ вопросъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что такой взглядъ на задачи политической экономіи будетъ слишкомъ узкимъ. Правда, въ предыдущихъ книгахъ мы не избѣжали необходимости преждевременно положить нѣкоторую небольшую часть теоріи цѣнности, насколько мы касались спеціальнаго вопроса о цѣнности труда и земли. Тѣмъ не менѣе очевидно, что изъ двухъ главныхъ отдѣловъ политической экономіи—производства богатства и его распредѣленія, теорія цѣнности имѣетъ значеніе лишь для одного распредѣленія; и даже для этого послѣдняго она важна лишь настолько, насколько распредѣляющею силою является соперничество, а не обычай. Условія и законы производства были бы такими, какъ и теперь, и въ томъ случаѣ, если-бы устройство общества не зависѣло отъ обмѣна, или не допускало его. Даже и при нынѣшнемъ стрѣмленіи промышленной жизни, при которомъ занятія въ высшей степени раздѣлены, и при которомъ вознагражденіе участвующихъ въ производствѣ зависить отъ цѣны на пзвѣстный товаръ, обмѣнъ не составляетъ необходимаго условія распредѣленія продукта; подобно тому, какъ дороги и телеги

не представляют основного условия передвижения, а служат лишь частью выполняющего его механизма. Смѣшеніе этихъ понятій кажется мнѣ не только логической, но и практической ошибкой. Въ политической экономіи слишкомъ часто дѣлаютъ подобную ошибку, не различая законовъ, вытекающихъ изъ сущности вещей, отъ законовъ, созданныхъ социальнымъ устройствомъ; эта ошибка, какъ мнѣ кажется, во всѣ времена производила двойной и противоположный вредъ; съ одной стороны, она побуждала политико-экономистовъ причислять кѣсныя, годныя лишь для извѣстнаго времени, къ постояннымъ и всеобщимъ экономическимъ законамъ; а съ другой стороны, она давала поводъ многимъ лицамъ ошибочно принимать постоянные законы производства (какъ напримѣръ, законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать возрастаніе населенія) за временныя, случайныя условія, возникающія изъ существующаго положенія общества, — условія, которыми люди, создающіе новую систему социального устройства, въ правѣ пренебрегать.

Однако, при такомъ состояніи общества, когда промышленная система всецѣло основана на куплѣ и продажѣ, когда каждый по общему правилу потребляетъ не тѣ вещи, въ производствѣ которыхъ онъ самъ участвуетъ, а вещи, полученные двойнымъ обменомъ, — продажей, а затѣмъ покупкой — вопросъ о цѣнности будетъ — вопросомъ основнымъ. Почти всякое соображеніе относительно экономическихъ интересовъ общества, такимъ образомъ устроеннаго, основано на той или другой теоріи цѣнности, и малѣйшая ошибка въ этомъ послѣднемъ отношеніи порождаетъ соответствующія ошибки во всѣхъ другихъ нашихъ выводахъ; а всякая неясность и смутность въ пониманіи цѣнности производитъ спутанность и неопредѣленность во всѣхъ прочихъ понятіяхъ. По счастью, въ законахъ цѣнности нѣтъ ничего такого, что-бы оставалось разъяснить современнымъ или будущимъ писателямъ; теорія этого явленія совершенно закончена. Остается преодолѣть еще одно затрудненіе: необходимо изложить эту теорію такимъ образомъ, чтобы предусмотрѣть и разъяснить главныя противорѣчія, возникающія при ея примѣненіи: а для этого необходима нѣкоторая подробность въ изложеніи и значительное терпѣніе со стороны читателя. Однако, послѣдній (если онъ не знакомъ съ экономической наукой) будетъ съ избыткомъ вознагражденъ той легкостью и быстротой, съ какой основательное пониманіе вопроса о цѣнности дастъ ему возможность выискать въ большую часть остающихся вопросовъ политической экономіи.

§ 2. Мы должны начать съ установленія нашей терминологіи. Адамъ Смитъ въ отрывкѣ, который очень часто цитируется, коснулся наиболѣе очевидной двусмысленности въ словѣ цѣнность. Это слово, употребляемое въ одномъ смыслѣ, обозначаетъ полезность, въ другомъ — покупательную силу. Въ первомъ случаѣ, по собственному выраженію Смита, это будетъ цѣнность въ употребленіи (value in use), во второмъ — цѣнность мѣновая (value in exchange). Но (по замѣчанію де-Квинси), разъясняя это двойное значеніе, самъ Адамъ Смитъ впалъ въ новую двусмысленность. Вещи (говоритъ онъ), обладающія наивысшей цѣнностью въ употребленіи, часто имѣютъ не-

значительную мѣновую цѣнность или даже вовсе ея не имѣютъ. Это справедливо, такъ какъ все то, что можетъ быть получено безъ труда или пожертвованія, не будетъ имѣть цѣны, какъ-бы оно ни было полезно, или необходимо. Но затѣмъ онъ прибавляетъ, что вещи, представляющія наивысшую мѣновую цѣнность, какъ напримѣръ брильянты, могутъ имѣть незначительную цѣнность въ употребленіи или вовсе ея не имѣть. Говоритъ такъ, значить пользоваться словомъ: употребленіе (use) не въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ въ политической экономіи, а въ томъ другомъ значеніи, въ которомъ (полезное) употребленіе противопоставляется удовольствію. Политическая экономія не касается сравнительной оцѣнки различныхъ видовъ употребленія съ точки зрѣнія философіи и морали. Когда въ политической экономіи говорятъ объ употребленіи вещи, то подразумѣваютъ, что эта вещь способна удовлетворить нѣкоторому желанію или служить для извѣстной цѣли. Брильянты обладаютъ такой способностью въ высокой степени, и если бы они не имѣли ея, они бы не имѣли никакой цѣны. Цѣнность въ употребленіи, или, какъ называютъ ее де-Квинси, телеологическая цѣнность, представляетъ крайній предѣлъ мѣновой цѣлости. Мѣновая цѣнность вещи можетъ быть на нѣкоторую сумму ниже цѣнности въ употребленіи; но предположить, чтобы первая когда-нибудь превышала вторую, значить допустить противорѣчіе; это равносильно утверженію, что люди для обладанія нѣкоторой вещью могутъ дать больше самой высокой цѣны, какую они сами придаютъ ей, какъ средству удовлетворенія своихъ склонностей.

Слово цѣнность, употребляемое безъ опредѣленія, всегда обозначаетъ въ политической экономіи мѣновую цѣнность, или, какъ она была названа Адамомъ Смитомъ и его послѣдователями, exchangeable value; по подобный терминъ всегда остается неудачнымъ английскимъ выраженіемъ, какъ бы ни было значителенъ авторитетъ, приводимый въ подтвержденіе его. Де-Квинси замѣняетъ его выраженіемъ exchange value, противъ котораго нельзя ничего возразить.

Мѣновую цѣнность слѣдуетъ отличать отъ цѣны. Слова цѣнность и цѣна употреблялись прежними политико-экономистами, какъ синонимы, и даже не всегда различались самимъ Рикардо. Но болѣе точные современные писатели, во избѣжаніе безполезной траты двухъ хорошихъ научныхъ терминовъ для одного понятія, стали употреблять слово цѣна для выраженія цѣнности вещи по отношенію къ деньгамъ, разумѣя подъ цѣною количество денегъ, за которое можетъ быть обмѣнена вещь. Поэтому съ этихъ поръ подъ цѣною вещи мы будемъ подразумѣвать ея денежную стоимость; подъ цѣнностью-же, или мѣною цѣнностью — ея общую покупательную силу, власть, которую обладаніе вещью даетъ надъ продажными товарами вообще.

§ 3. Но тутъ само собою является необходимость въ новомъ разъясненіи. Что слѣдуетъ понимать подъ властью надъ товарами вообще? Одна и та же вещь обмѣнивается за большое количество однихъ товаровъ и за очень небольшое количество другихъ. Полная

пара платья обмѣнивается за большое количество хлѣба и за очень небольшое количество драгоценныхъ камней. Цѣнность вещи въ обмѣнѣ за одинъ товаръ можетъ повыситься, за другіе — падать. Платье въ этомъ году можетъ обмѣниваться за меньшее количество хлѣба, чѣмъ въ прошломъ, если урожай былъ плохъ, но за большое количество стекла и желѣза, если съ этихъ товаровъ была снята пошлина, или въ ихъ производствѣ сдѣлано какое-нибудь усовершенствованіе. Сравнивается, пала, или повысилась стоимость платья при такихъ обстоятельствахъ? на это ничего нельзя отвѣтить. Можно сказать только, что относительно одной вещи она пала, а относительно другой возвысилась. Но есть другой случай, когда всякій, не колеблясь, можетъ отвѣтить, какого рода перемена произошла въ цѣнности платья, а именно: если причина, произведшая перемену въ мѣновыхъ цѣностяхъ, вліяла прямо на цѣнность самаго платья, а не стекла или хлѣба. Предположимъ, напримеръ, что сдѣлано какое нибудь усовершенствованіе въ машинахъ, благодаря которому явится возможность готовить тонкое сукно за половину прежней его стоимости. Результатомъ его было бы пониженіе цѣнности платья; послѣднее послѣдствіе-бы влѣдетвіе этой причины не только относительно хлѣба или стекла, но и относительно всѣхъ продажныхъ вещей, кромѣ тѣхъ, которыя въ то же самое время подверглись-бы вліянію подобной же, понижающей цѣнности, причины. Поэтому мы скажемъ, что здѣсь произошло пониженіе мѣновой цѣнности, или общей покупательной силы платья. Понятіе общей мѣновой цѣнности происходитъ изъ того факта, что дѣйствительно существуютъ причины, содѣйствующія измѣненію цѣнности одной вещи въ обмѣнѣ на всѣ вещи вообще, т. е. на всѣ вещи, которыя сами не находятся подъ вліяніемъ однородныхъ причинъ.

Разсматривая мѣновую цѣнность съ научной точки зрѣнія, необходимо устранить отъ нея всѣ причины, кромѣ тѣхъ, которыя заключаются въ самомъ разсматриваемомъ товарѣ. Причины, возникающія въ товарахъ, съ которыми мы сравниваемъ извѣстную вещь, вліяютъ на ея цѣнность лишь относительно этихъ товаровъ; но причины, проявляющіяся въ самой вещи, вліяютъ на ея цѣнность относительно всѣхъ товаровъ вообще. Чтобы сильнѣе сосредоточить наше вниманіе на этихъ послѣднихъ причинахъ, предположимъ, что относительно цѣнности всѣхъ товаровъ, за исключеніемъ одного, о которомъ мы говоримъ, остаются неизмѣнными. Разсматривая причины, повышающія или понижающія цѣнность хлѣба, мы предполагаемъ, что, хотя шерстяные и шелковые товары, желѣзные надѣлѣя, сахаръ, строевой лѣсъ и т. п. и измѣняются въ своей покупательной силѣ относительно хлѣба, однако та пропорція, по которой они обмѣниваются другъ на друга, остается постоянной. При такомъ допущеніи, каждый изъ вышеупомянутыхъ товаровъ можетъ быть принятъ представителемъ всѣхъ остальныхъ, потому-что какимъ бы образомъ цѣнность хлѣба ни измѣнилась относительно какого либо одного изъ этихъ товаровъ, она такимъ-же образомъ и въ такой-же степени измѣняется и относительно всякаго другого. Слѣдовательно, намъ нужно принять во вниманіе повышеніе или пониженіе цѣн-

ности нашей вещи, вычисленное только относительно какого нибудь одного товара. Поэтому денежная цѣнность, или цѣна этой вещи будетъ представлять вполне ея мѣновую цѣнность или покупательную силу. Для очевиднаго удобства мы часто будемъ употреблять цѣну вмѣсто мѣновой цѣнности, подразумевая, что какъ общая покупательная сила денегъ, такъ и цѣны всѣхъ вещей, кромѣ той, о которой мы разсуждаемъ, остаются безъ измѣненія.

§ 4. Различіе между цѣнностью и цѣною. послѣ того, какъ мы опредѣлили эти понятія, настолько очевидно, что едва-ли можетъ потребоваться какое-нибудь разъясненіе. Но въ политической экономіи наибольшія ошибки происходятъ отъ упущенія наиболѣе очевидныхъ истинъ. Какъ ни просто это различіе, оно ведетъ къ выводамъ, которые читателю, не знакомому съ предметомъ, слѣдуетъ съ самаго начала вполне себѣ усвоить. Вотъ одинъ изъ главныхъ выводовъ. Онъ касается общаго повышенія цѣнъ. Всѣ товары могутъ повышаться въ денежной цѣнѣ. Но общаго повышенія цѣнностей не можетъ быть; это было-бы логической несообразностью. Товаръ А. можетъ повышаться въ цѣности, лишь обмѣниваясь на большее количество товаровъ В и С; въ такомъ случаѣ эти послѣдніе должны обмѣниваться за меньшее количество товара А. Всѣ вещи не могутъ повыситься относительно другъ друга. Если на рынкѣ одна половина товаровъ повышается въ своей мѣновой цѣности, само это условіе предполагаетъ пониженіе другой половины, и обратно, пониженіе первой предполагаетъ повышеніе второй. Вещи, обмѣнивающіяся одна на другую, не могутъ всѣ понизиться или всѣ повыситься, такъ-же какъ изъ двѣнадцати скороходовъ не можетъ каждый обогнать всѣхъ остальныхъ или изъ ста деревьевъ каждое перерости всѣ остальные. Какъ ни проста эта истина, однако мы въ скоромъ времени увидимъ, что она упускается изъ виду въ нѣкоторыхъ наиболѣе распространенныхъ ученіяхъ и теоретиками и такъ называемыми, практиками. Какъ на первый образецъ такой ошибки, мы можемъ указать на то, какую огромную важность большинство людей въ своемъ воображеніи придаетъ повышенію или пониженію общихъ цѣнъ. Оттого что повышеніе цѣны на какой-нибудь товаръ обыкновенно указываетъ на повышеніе его цѣнности, у людей сложилось неясное убѣжденіе, что, когда всѣ цѣны возрастаютъ, то всѣ вещи одновременно также повышаются въ своей цѣности, и всѣ владѣльцы ихъ становятся богаче. То обстоятельство, что денежные цѣны на вещи повышаются или понижаются, само по себѣ имѣетъ значеніе лишь для существующихъ уже договоровъ; во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ оно не оказываетъ никакого вліянія, если только всѣ цѣны поднимаются или падаютъ въ одинаковой степени. Оно не вліяетъ ни на чью заработную плату, прибыль или ренту. Всякій въ одномъ случаѣ получаетъ больше денегъ, въ другомъ—меньше; но все всего того, что должно быть куплено на деньги, онъ получаетъ ни больше, ни меньше прежняго. Разница заключается лишь въ томъ, что для расчета употребляется большее или меньшее количество денежныхъ знаковъ. Единственная вещь, дѣйствительно измѣняющаяся въ этомъ случаѣ въ своей цѣности—это

деньги; и единственным лицам, которые теряют или выигрывают, будут те, у кого на руках есть деньги или те, кто должен получить или заплатить определенные денежные суммы. Эта перемена составит одного рода разницу для людей, получающих ежегодный доход и для кредиторов, и другого противоположного рода разницу для людей, платящих ежегодную ренту или обремененных долгами. Одним словом, здесь происходит нарушение договоров, заключенных на определенные денежные суммы; это, конечно, есть зло, безразлично, — будет ли оно в пользу должника или кредитора. Но что касается будущих сделок, то в них не произойдет никакой разницы ни для кого. Поэтому мы должны помнить (а для напоминания об этом нам часто будут представляться случаи), что общее повышение или общее понижение ценности представляют противоречие; и что общее падение или повышение цены просто равносильно изменению в ценности денег и совершенно не имеет никакого значения, если не считать тех нарушений, какия оно производит в существующих договорах о получении или уплате определенных денежных сумм. Следует только еще прибавить, что оно влияет, кроме того, на интересы производителей денег.

§ 5. Прежде, чем приступить к исследованию законов ценности и цены, мне необходимо сделать еще одно замечание. Я должен предупредить раз навсегда, что во всех случаях, рассматриваемых мною, ценность и цены определяются одним лишь соперничеством. Только в границах влияния этого последнего они могут быть подведены под определенный закон. Мы должны предположить, что покупатель так же стремится купить дешево, как торговец — продать дорого. Поэтому ценности и цены, к которым применяются наши заключения, будут ценностями и ценами коммерческих, теми, которые обозначены в прейс-курантах. Таковы цены оптовых рынков, на которых, как покупка, так и продажа составляет торговое дело, на которых покупатель старается узнать и обыкновенно узнает цену, по которой можно получить товар известного качества. Поэтому здесь справедлива та аксиома, что на одном и том же рынке не может быть двух цен на товар одного и того же качества. Наши положения будут справедливы в гораздо более ограниченном значении относительно цен розничной торговли, цен, платимых в магазинах за товары, покупаемые для личного потребления. На такие предметы часто бывает не только две, но даже много цен в различных или даже в одних и тех же магазинах. В этом деле привычка и случай влияют также сильно, как и общие причины. Покупка для личного употребления, даже коммерческими лицами, не всегда совершается по коммерческим принципам; чувства, руководящие людьми при получении и расходовании их доходов, часто бывают чрезвычайно различны. По ценности или безопасности, или потому что многие считают более правильным платить, не спрашивая о стоимости, три четверти из людей, имеющих возможность платить высокие цены, платят за предметы, потребляемые ими, больше, чем необходимо; а бедные платят то же самое по незнанию и неразумительности, но недо-

статку времени для розысков и справок, а нередко, и по явному или по скрытому принуждению. По этим причинам цены розничной торговли не следуют с такой правильностью, какой можно было бы ожидать, за действием причин, определяющих оптовые цены. В конце концов, влияние этих причин чувствуется на розничном рынке и служит действительным источником общих и частных изменений в розничных ценах. Но правильного и точного соответствия здесь нет. Сапоги одинаково хорошего качества продаются в розничных магазинах по ценам, которые значительно разнятся; а цена кожи может падать, не вызывая этим понижения цен, платимых за обувь более богатым классом покупателей. Тем не менее цена обуви иногда падает; и в таком случае причиной этого всегда бывает какое нибудь общее обстоятельство, как например, удешевление кожи. Но даже когда кожа и дешевеет, разница от этого может быть незамечной в магазинах, посещаемых богатыми людьми; однако, ремесленники и рабочие в таком случае обыкновенно получают свою обувь дешевле, и подрядные цены на поставку обуви для рабочих домов и полков видимо уменьшаются. Во всех рассуждениях относительно цен следует подразумевать то условие, «что все стороны заботятся о своих интересах». Невнимание к этим различиям приводило к ошибочным приложениям отвлеченных принципов политической экономии и еще чаще к незаслуженному дискредитированию этих принципов, вследствие сопоставления их с фактами иного рода, чем те, на основании которых, они выведены, и которые, как можно ожидать, вполне согласуются с ними.

ГЛАВА II.

О спросе и предложении в их отношении к ценности.

§ 1. Чтобы вещь имела какую нибудь рыночную ценность, необходимы два условия. Во-первых она должна быть годна для какого нибудь употребления, т. е. (как уже было объяснено) она должна служить для какой нибудь цели, удовлетворять какому нибудь желанию. Никто не захочет платить цену или отдавать что нибудь, служащее для одной из его потребностей, с тем, чтобы получить вещь, не пригодную ни для чего. Во-вторых, вещь не только должна быть на что нибудь годна, но еще получение ее должно быть сопряжено с некоторою трудностью. «Всякий предмет», говорит де-Квинсиц,*) «для получения той исключительной ценности, которая называется рыночною, прежде всего должен представлять сам по себе средство для удовлетворения каких либо потребностей; а затѣм, даже безспорно обладая этим необходимым качеством, он никогда

*) Logic of Political Economy, p. 13.

не приобретет мѣншой пѣнности тамъ, гдѣ онъ можетъ быть полученъ даромъ и безъ всякаго усилія. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ условій каждое необходимо, какъ оговорка. Часто случается, что желанный предметъ можетъ быть полученъ даромъ;—наклонитесь и соберите его у вашихъ ногъ; однако, даже это наклоненіе, безпрестанно повторяемое, требуетъ утомительнаго усилія, а потому вы очень скоро почувствуете, что собираніе для себя этихъ предметовъ въ дѣйствительности обходится вамъ не даромъ. Въ обширныхъ лѣсахъ Канады дикую клубнику можно въ извѣстное время собирать даромъ полезныи массами; однако, находясь постоянно въ наклонномъ положеніи за такимъ однообразнымъ занятіемъ настолько утомительно, что каждый скоро съ удовольствіемъ передаетъ это дѣло въ чужія руки».

Какъ уже было указано въ предыдущей главѣ, полезность въ обществѣ покупателя представляетъ крайній предѣлъ мѣншовой цѣнности вещи. Выше этого цѣнность не можетъ подниматься; да и для того, чтобы она поднялась до такой высоты, необходимы исключительныя обстоятельства. Этотъ вопросъ преврасно разъясненъ де-Квинсп. Отправьтесь въ какой бы то ни было магазинъ и покупайте первую попавшуюся вамъ на глаза, вещь; спрашивается, чѣмъ опредѣляется ее цѣна? Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста—единственнымъ элементомъ D — трудностью полученія. Второй элементъ U, или дѣйствительная полезность, не будетъ имѣть никакого вліянія. Предположимъ, что вещь (въ смыслѣ ея полезности), взятая относительно вашихъ потребностей, стоитъ 10 гиней, такъ что вы скорѣе согласитесь дать 10 гиней, нежели лишиться ея; однако, если трудность ея производства стоитъ лишь одну гиней, то и цѣна ея будетъ одна гиней. Но тѣмъ не менѣе, хотя U не проявляетъ своего дѣйствія, можно ли предположить, что оно отсутствуетъ? Совершенно невозможно. потому что, если бы оно отсутствовало, вы наизвѣстно не стали-бы покупать эту вещь и за самую низкую цѣну. U вліяетъ на васъ, хотя оно не имѣетъ вліянія на цѣну. Съ другой стороны, предположимъ, что на сто случаевъ бываетъ одинъ, въ которомъ обстоятельства противоположны этимъ. Представьте себѣ, что вы совершаете переездъ на кораблѣ по Веранму Озеру, направляясь въ незаселенную страну за 800 миль отъ предѣловъ цивилизованнаго міра, и вы знаете, что въ теченіе будущихъ десяти лѣтъ вамъ вовсе не представится случая купить какой бы то ни было предметъ роскоши. У одного изъ вашихъ спутниковъ, съ которымъ вы должны разстаться до захода солнца, есть прекрасная табакерка съ музыкай. Зная по опыту могущественное вліяніе подобной бездѣлицы на ваши чувства, магическую силу, съ какой она по временамъ убаюкиваетъ ваше душевное волненіе, вы сильно желаете купить ее. Покидая Лондонъ, вы забыли объ этомъ; теперь представляется послѣдній случай. Но собственникъ табакерки, понимая ваше положеніе не хуже васъ самихъ, рѣшилъ дѣйствовать посредствомъ крайняго напряженія вліянія U—внутренней стоимости предмета по вашей личной оцѣнкѣ для вашихъ личныхъ цѣлей. Онъ не хочетъ слышать о D, какъ объ ограничивающей или смягчающей силѣ въ

этомъ случаѣ. И вотъ, хотя въ Лондонѣ и Парижѣ вы могли бы нагрузить цѣлую тележку такими табакерками по 6 гиней за штуку, тѣмъ не менѣе, при послѣднемъ звонкѣ, требующемъ, чтобы вы купили ее теперь или навсегда отказались отъ нея, вы предпочитаете заплатить 60 гиней, только-бы не лишиться ея. Здѣсь, какъ и прежде, дѣйствуетъ лишь одинъ элементъ; въ первомъ случаѣ дѣйствовало D, теперь дѣйствуетъ U. Но за всѣмъ тѣмъ и здѣсь D не отсутствовало, хотя оно и не дѣйствовало. Бездѣйствіе D дано возможностью U обнаружить всю свою силу. Какъ только фактически было устранено давленіе D, U поднялось, какъ вода въ насосѣ, освобожденная отъ давленія воздуха. Однако, хотя цѣны и регулировались иначе, несомнѣнно, что D было въ вашихъ мысляхъ; во-первыхъ, U и D должны существовать вмѣстѣ, чтобы существовала какая бы то ни было мѣншова цѣнность; и во-вторыхъ, прежде, чѣмъ согласиться на цѣну, поднятую до послѣдней крайности элементомъ U, вы, несомнѣнно, особеннымъ образомъ примете въ соображеніи некоторое D, т. е., чрезвычайную трудность въ достиженіи (которая здѣсь представляетъ самую высшую степень, граничащую съ невозможностью). Опредѣленное D исчезло; но въ нашихъ мысляхъ оно замѣнено безграничнымъ D. Вы, несомнѣнно, лишь въ крайности подчинились U, какъ силѣ, регулирующей цѣну; но это произошло подъ вліяніемъ сознанія тайнаго присутствія D. Между тѣмъ D не выказываетъ никакой положительной силы, и устраненіе какого бы то ни было его вліянія на цѣну образуетъ какъ бы полную пустоту, черезъ которую U устремляется до самаго высшаго и крайняго своего предѣла».

Этотъ случай, въ которомъ цѣнность всецѣло регулируется потребностями или желаніями покупателя, представляетъ собой примѣръ чистой и неограниченной монополіи. Вслѣдствіе того, что здѣсь желанный товаръ можетъ быть полученъ лишь отъ одного лица, это послѣднее можетъ требовать за него вознагражденіе, близкое къ тому предѣлу, за которымъ уже нельзя найти покупателя. Но даже и при полной монополіи, вовсе не обязательно, чтобы цѣнность возвышалась до этого крайняго предѣла, какъ это будетъ видно, когда мы рассмотримъ законъ цѣнности въ его зависимости отъ другого элемента—трудности достиженія.

§ 2. Трудность достиженія, опредѣляющая цѣнность, не всегда бываетъ одного и того-же рода. Иногда она заключается въ безусловной ограниченности предложенія. Есть вещи, увеличить количество которыхъ выше извѣстныхъ узкихъ границъ нѣтъ никакой физической возможности. Таковы напримѣръ, тѣ вина, которыя могутъ быть приготовлены изъ винограда, выросшаго лишь при исключительныхъ условіяхъ почвы, климата и мѣстоположенія. Таковы также древнія статуи, картины старыхъ мастеровъ, рѣдкія книги или монеты и другіе предметы, имѣющіе археологическій интересъ. Сюда же можно причислить дома и мѣста для постройки въ городѣ, ограниченномъ по своему размѣру, (какъ напримѣръ въ Венеціи или какомъ нибудь укрѣпленномъ населеніи, гдѣ укрѣпленія необходимы для безопасности), наиболѣе удобныя мѣста въ какомъ бы то ни было

городѣ, дома и парки, находящіеся въ мѣстахъ особенно красивыхъ отъ природы тамъ, гдѣ такія преимущества встрѣчаются рѣдко. Къ этому классу товаровъ можетъ относиться также и вообще вся земля, какъ дѣйствительно и бываетъ въ странахъ, густо заселенныхъ, гдѣ она вся обрабатывается.

Но есть другая категория, (обнимающая большую часть продающихся и покупающихся вещей), въ которой припятствіемъ къ достиженію служатъ лишь трудъ и расходы, необходимые для производства товара. Безъ пзвѣстнаго труда и расходовъ нельзя получить этого товара; но если кто либо пожелаетъ взять на себя этотъ трудъ и расходы, то увеличение количества продукта можетъ быть безгранично. Если бы было достаточно рабочихъ и машинъ, то вмѣсто каждаго ярда производимыхъ теперь хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ матерій, можно бы было производить тысячи ярдовъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ былъ бы предѣлъ, при которомъ дальнѣйшее увеличение производства было бы приостановлено вслѣдствіе неспособности земли доставлять большее количество материала. Но политической экономіи нѣтъ никакой необходимости заниматься разсужденіями о времени, когда этотъ идеальный предѣлъ можетъ получить практическое значеніе.

Существуетъ третій случай, занимающій среднее мѣсто между двумя предыдущими, гораздо болѣе сложный, чѣмъ онъ, на который я теперь только лишь укажу, хотя онъ и имѣетъ чрезвычайное важное значеніе въ политической экономіи. Есть товары, умножать которые можно до бесконечности съ помощью труда и расходовъ; но количество труда и расходовъ, требуемое для производства будетъ не всегда одно и то же. Только ограниченное количество этихъ товаровъ можетъ быть произведено по данной стоимости; если же требуется больше, то прибавка должна быть пропаведена по болѣе высокой стоимости. Къ этому классу принадлежатъ, какъ мы уже часто повторяли, земледѣльческіе продукты, и вообще всѣ сырые продукты земли. Эта особенность служитъ источникомъ очень важныхъ послѣдствій, одно изъ которыхъ заключается въ необходимости ограничивать размноженіе населенія, а другое—въ платежѣ ренты.

§ 3. Вотъ тѣ три класса, въ которыхъ всѣ продающіяся и покупающіяся вещи должны соответственно занимать свое опредѣленное мѣсто. Мы займемся разсмотрѣніемъ ихъ по порядку, начиная съ вещей, безусловно ограниченныхъ въ своемъ количествѣ, каковы, напримѣръ, древній статуи и картины.

О такихъ вещахъ обыкновенно говорятъ, что ихъ цѣнность зависитъ отъ ихъ рѣдкости; но это выраженіе недостаточно опредѣленно, чтобы служить для нашей цѣли. Иногда говорятъ, выражаясь нѣсколько точнѣе, что цѣнность зависитъ отъ спроса и предложеній. Но уже и эта формула требуетъ болѣе подробнаго разъясненія для того,

желающіе купить этотъ товаръ. Но что обозначаетъ слово спросъ? Это не одно лишь желаніе имѣть товаръ. Бѣднякъ можетъ желать имѣть брильянты; но его желаніе, какъ-бы оно ни было велико, не будетъ имѣть вліянія на цѣну. Поэтому экономисты придали болѣе ограниченное значеніе слову спросъ, и опредѣлили его, какъ желаніе обладать, соединенное съ возможностью купить. Для отлпчія спроса въ этомъ техническомъ значеніи отъ спроса, представляющаго синонимъ со словомъ желаніе, политико-экономисты назвали первый *дѣйствительнымъ* спросомъ (*effective demand* *). Обыкновенно предполагаютъ, что эта оговорка устраняетъ всѣ затрудненія, и что цѣнность зависитъ отъ пропорціи между дѣйствительнымъ спросомъ, понимаемымъ въ такомъ смыслѣ, и предложениемъ.

Однако, эти фразы не удовлетворяютъ человѣка, требующаго ясныхъ понятій и исполнѣ точнаго выраженія ихъ. Всегда должна быть нѣкоторая неясность въ такомъ противорѣчивомъ выраженіи, какъ отношеніе между двумя вещами не одинаковаго рода. Какая пропорція можетъ существовать между количествомъ и желаніемъ, хотя бы это желаніе даже и было соединено съ возможностью покупать? Пропорція между спросомъ и предложениемъ понятна лишь въ томъ случаѣ, если подъ спросомъ подразумѣвается требующееся количество, и если имѣется въ виду та пропорція, которая существуетъ между требующимся количествомъ и количествомъ, предлагаемымъ. Но съ другой стороны, требующееся количество даже въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ не представляетъ опредѣленной величины: оно пзмѣняется сообразно съ цѣнностью. Когда вещь дешева, обыкновенно спросъ бываетъ больше, чѣмъ, когда она бываетъ дорога. Поэтому спросъ отчасти зависитъ отъ цѣнности. Но раньше было сказано, что цѣнность находится въ зависимости отъ спроса. Какъ намъ выйти изъ этого противорѣчія? Какъ разрѣшить парадоксъ, что пзъ двухъ вещей каждая зависитъ отъ другой?

Хотя рѣшеніе этихъ затрудненій довольно очевидно, тѣмъ не менѣе сами по себѣ они не суть плодъ воображенія, и я напшраю на нихъ такъ сильно, потому что, какъ я убѣжденъ, они смутно являются у каждаго пслѣдователя, не разсмотрѣвшаго и точно не представившаго ихъ себѣ. Безъ сомнѣнія, многіе писатели давали вѣрное рѣшеніе ихъ, хотя я не могу припомнить, чтобы до меня далъ его кто нибудь, кромѣ Ж. Б. Сейя, извѣстнаго по ясности своего мышленія и искусству изложенія. Я могъ-бы вообразить, что это рѣшеніе должно быть знакомо всѣмъ экономистамъ, если бы произведенія нѣкоторыхъ пзъ нихъ не указывали на извѣстный недостатокъ въ ясномъ пониманіи этого пункта, и если-бы примѣръ де-Квинси не доказалъ, что полное непризнание и молчаливое

* "effective demand" — "дѣйствительный спросъ"

отрицание такого вопроса совместимо съ высокими умственными способностями и близкимъ знакомствомъ съ предметомъ.

§ 4. Подразумывая подъ словомъ спросъ требуемое количество, и помня, что это количество не представляетъ постоянной величины, а вообще измѣняется сообразно съ цѣнностью, предположимъ, что въ какое нибудь известное время спросъ превышаетъ предложение, т.-е., что есть лица, готовые купить по рыночной цѣнности количество большее того, какое предлагается въ продажу. Здѣсь является соперничество со стороны покупателей, и цѣнность повышается. Но какъ велико это повышение? Нѣкоторые могутъ предположить, что оно будетъ пропорціонально недостатку; если спросъ превышаетъ предложение на одну треть, то и цѣнность повысится на одну треть. Но это совершенно не вѣрно, потому-что, когда цѣнность повышается на одну треть, спросъ все еще можетъ превышать предложение; даже и по этой болѣе высокой цѣнности можетъ требоваться большее количество товара, чѣмъ какое можно получить, и соперничество покупателей все еще будетъ продолжаться. Если товаръ представляетъ предметъ необходимости, за который люди скорее готовы заплатить какую угодно цѣну, чѣмъ отказаться отъ него, то недостатокъ одной трети можетъ возвысить цѣну въ два, въ три и въ четыре раза *). Въ другомъ случаѣ, наоборотъ, соперничество можетъ прекратиться даже раньше, чѣмъ цѣнность повысится пропорціонально недостатку. Повышение цѣнности меньшее, чѣмъ на одну треть, можетъ привести къ тому, что покупателей, имѣющихъ достаточно средствъ или расположенности къ покупкѣ, будетъ недостаточно для закупки всей суммы товара. На какой же высотѣ будетъ тогда остановлено повышение? На той высотѣ, какова бы она ни была, которая уравниваетъ спросъ и предложение,—на цѣнѣ, которая уничтожаетъ лишнюю треть спроса, или вызываетъ добавочныхъ продавцовъ, удовлетворяющихъ спросъ. Когда посредствомъ одного изъ этихъ способовъ, или посредствомъ соединенія ихъ обоихъ, спросъ становится равенъ предложению и во всякомъ случаѣ не превышаетъ его, повышение цѣнности останавливается.

Обратный случай будетъ одинаково простъ. Предположимъ, что предложение не меньше, а, напротивъ, больше спроса. Соперничество будетъ теперь со стороны продавцовъ: лишнее количество товара можетъ найти сбытъ, только вызвавъ равное себѣ увеличение въ спросѣ. Это достигается посредствомъ удешевленія товара; цѣнность падаетъ и дѣлаетъ товары доступными для болѣе многочисленнаго числа потребителей или побуждаетъ прежнихъ потребителей увеличить свои закупки. Падение цѣнности, которое необходимо

*) „Цѣна хлѣба въ Англіи повышалась отъ 100 до 200 процентовъ и даже выше, когда по вычисленію самый сильный недоборъ былъ не болѣе, чѣмъ на одну шестую или одну треть ниже средняго урожая, и когда этотъ недоборъ пооплачивался иностраннымъ снабженіемъ. Если бы недостатокъ въ урожаѣ доходилъ до одной трети, при чемъ не было бы ни излишка отъ прежняго года, ни возможности ввоза, то цѣна могла бы повыситься въ пять, шесть и даже въ десять разъ“. Tooke's History of Prices vol. I, pp. 13—15.

для восстановленія равновѣсія, бываетъ различно въ разныхъ случаяхъ. Тѣ роды предметовъ, въ которыхъ падение цѣнности бываетъ наибольшее, находятся на двухъ противоположныхъ концахъ лестницы: оно бываетъ сильнѣе всего въ предметахъ положительной необходимости и въ тѣхъ особенныхъ предметахъ роскоши, вкусъ къ которымъ встрѣчается въ ограниченномъ классѣ людей. Что же касается лицъ, то люди, имѣющие ее въ достаточномъ количествѣ, не потребуютъ ей болѣе влѣдствіе того, что она подешевѣла, а скорее израсходуютъ на другія вещи то, что они сберегли на лишніе; поэтому увеличившееся, влѣдствіе дешевизны, потребленіе поглотитъ, какъ доказалъ опытъ, лишь незначительную часть излишка предложения, пропешедшаго отъ большаго урожая *), и паденіе въ дѣйствительности останавливается лишь тогда, когда фермеры берутъ обратно свой хлѣбъ съ рынка и удерживаютъ его въ надеждѣ на болѣе высокую цѣну. Цѣна поддерживается также операціями спекулянтовъ, которые покупаютъ хлѣбъ, когда онъ дешевъ, и хранятъ его до тѣхъ поръ, пока не появится болѣе настоятельная необходимость въ немъ. Спросъ и предложение приходятъ къ равновѣсію въ обоихъ случаяхъ, будетъ-ли это равновѣсіе результатомъ увеличенія спроса влѣдствіе удешевленія товара, или результатомъ удаленія съ рынка части предлагаемаго товара.

Итакъ, мы видимъ, что понятіе о пропорціи между спросомъ и предложениемъ вовсе не умѣстно и не относится къ дѣлу; точную математическую аналогію ихъ отношенія составляетъ *уравненіе*. Спросъ и предложение,—количество требуемое и количество предлагаемое—должны быть уравнены. Если они въ какую нибудь данную минуту неравны, то соперничество уравниваетъ ихъ посредствомъ приравливанія цѣнности. Если спросъ увеличивается—цѣнность повышается; если спросъ уменьшается,—цѣнность падаетъ. Съ другой стороны, если предложение уменьшается,—цѣнность повышается; если предложение увеличивается—она падаетъ. Повышеніе и пониженіе цѣнности продолжается до тѣхъ поръ, пока спросъ и предложение снова не сравняются другъ съ другомъ: и цѣнность, которую будетъ имѣть товаръ на известномъ рынкѣ, будетъ именно та цѣнность, которая обусловитъ спросъ, вполне достаточный для поглощенія существующаго или ожидаемаго предложенія.

Таковъ, слѣдовательно, законъ цѣнности всѣхъ товаровъ, количество которыхъ нельзя увеличивать по желанію. Подобные товары, конечно, составляютъ исключеніе. Для того, гораздо болѣе обширнаго класса вещей, который можетъ быть увеличенъ до безконечности, существуетъ другой законъ. Тѣмъ не менѣе необходимо ясно понять и твердо усвоить теорію этого исключительнаго случая. Во-первыхъ, какъ мы увидимъ, она окажетъ значительную помощь для яснаго пониманія болѣе общихъ случаевъ. А во-вторыхъ, существенныя особенности этого исключенія просираются гораздо дальше и обнимаютъ большее число случаевъ, чѣмъ это можно было предположить съ перваго раза.

*) См. изсѣдованіе Тука и Report of the Agricultural Committee. 1821 г.

§ 5. Мало найдется товаров, предложение которых было-бы естественно и неизбежно ограничено. Но предложение каждого товара может быть ограничено искусственно. Каждый товар может подвергнуться монополии, какъ чай въ Англии до 1834 г., табакъ во Франціи, опиумъ въ английской Индіи въ настоящее время. Обыкновенно предполагается, что цѣна монополизированнаго товара произвольна, зависитъ отъ воли монополиста и ограничивается (какъ въ примѣрѣ де-Квинси съ музыкальной шкатулкой въ необитаемыхъ частяхъ Америки) лишь высшей цѣнкой со стороны покупателя значенія лично для него такого товара. Это въ одномъ смыслѣ справедливо, но тѣмъ не менѣе оно не составляетъ исключенія изъ того правила, что цѣнность зависитъ отъ спроса и предложения. Монополия можетъ устанавливать какую угодно высокую цѣну, вплоть до той, какую потребители не смогли-бы или не захотѣли-бы заплатить; но это она можетъ сдѣлать только посредствомъ ограниченія предложения. Голландская ость-индская компанія установила монополию на продуктъ Пряшыхъ Острововъ; но для того, чтобы достигнуть этого, она была принуждена въ урожайные годы уничтожать часть сбора. Если-бы голландцы стремились продавать все, произведенное ими, для расширенія рынка, должны были-бы понизить цѣну настолько, что за большее количество продукта, быть можетъ, получили-бы меньшій доходъ, чѣмъ за небольшую его часть; по крайней мѣрѣ, они показали, уничтожая излишекъ урожая, что таково было ихъ мнѣніе. Даже и на верхнемъ Остерѣ торговль, котораго приводитъ въ примѣръ де-Квинси, не продали-бы своей табакерки за 60 гиней, если-бы у него ихъ было двѣ, и онъ хотѣлъ бы продать обѣ. Если мы предположимъ, что настоящая цѣна каждой табакерки равняется 6 гиней, то онъ охотнѣе взял-бы 70 гиней за двѣ, нежели 60 за одну; т.-е., несмотря на то, что его монополия была самая неограниченная, онъ продалъ-бы табакерку по 35 гиней каждую, хотя и 60 гиней не превышало того, во сколько цѣнилъ покупатель этотъ предметъ для своихъ потребностей. Следовательно, монополия цѣнность не зависитъ отъ какого нибудь особеннаго принципа, а представляетъ простое видоизмѣненіе обыкновенныхъ условій спроса и предложения.

Кромѣ того, хотя мало такихъ товаровъ, предложенія которыхъ никогда нельзя было-бы увеличить, но всякій товаръ можетъ быть временно въ такомъ положеніи, а для нѣкоторыхъ товаровъ такія условія повторяются обыкновенно довольно часто. Напримѣръ, количество земледѣльческихъ продуктовъ не можетъ быть увеличено до слѣдующей жатвы; количество зерна, уже существующее на земномъ шарѣ, составляетъ все, на что можно рассчитывать приблизительно въ теченіе всего будущаго года. Въ этотъ промежутокъ времени хлѣбъ на дѣлѣ употребляется предметамъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличено. Большая часть товаровъ требуетъ известнаго времени для увеличенія ихъ количества, и если спросъ увеличивается раньше, чѣмъ появится соответствующее ему предложеніе, т.-е., раньше, чѣмъ предложеніе успѣетъ приравняться къ спросу,

то цѣнность повысится настолько, чтобы приравновѣсить спросъ къ предложению.

Существуетъ другой случай, совершенно противоположный этому. Есть нѣкоторые товары, предложенія которыхъ можетъ быть увеличено до безконечности, но не можетъ быть быстро уменьшено. Есть вещи настолько прочныя, что существующее количество ихъ всегда очень велико, сравнительно съ годичнымъ продуктомъ. Золото и наиболѣе прочныя металлы представляютъ собой такого рода вещи, а также и дома. Предложенія такихъ вещей можетъ быть сразу уменьшено посредствомъ разрушенія ихъ; но это могло-бы быть выгоднымъ для владѣльца лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ имѣлъ монополию на этотъ товаръ, и за уничтоженіе известной части его могъ-бы вознаграждать себя увеличеніемъ цѣнности остатка. Поэтому цѣнность подобныхъ вещей можетъ падать отъ излишка предложения или отъ уменьшенія спроса такъ инако, что окончательно прекратить дальнѣйшее производство; уменьшеніе предложения черезъ обветшаніе произведенныхъ предметовъ представляетъ настолько медленный процессъ, что, даже при полномъ прекращеніи производства, потребуются много времени для восстановленія ихъ первоначальной цѣнности. Въ теченіе этого промежутка времени цѣнность будетъ регулироваться исключительно спросомъ и предложениемъ и будетъ очень постепенно повышаться по мѣрѣ истощенія существующаго запаса, пока наконецъ не достигнетъ размѣра, вознаграждающаго производство; тогда послѣднее возобновится.

Наконецъ, есть товары, количество которыхъ, хотя и можетъ быть очень сильно или даже до безконечности увеличено или уменьшено, но тѣмъ не менѣе ихъ цѣнность исключительно зависитъ отъ спроса и предложения. Это въ особенности относится къ такому товару, какъ трудъ, цѣнность котораго мы подробно разсмотрѣли въ предыдущей книгѣ. Въ многихъ случаяхъ намъ будетъ необходимо обращаться къ этому принципу для разрѣшенія затруднительныхъ вопросовъ мгновенной цѣнности. Необходимость эта въ особенности обнаружится, когда мы будемъ говорить о международныхъ цѣнностяхъ, т.-е. объ условіяхъ обмѣна вещей, произведенныхъ въ разныхъ государствахъ или, говоря вообще, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ другъ отъ друга. Но мы не можемъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, пока не изслѣдуемъ вопроса о товарахъ, количество которыхъ можетъ по желанію быть увеличено до безконечности, и пока не опредѣлимъ, какимъ другимъ закономъ, кромѣ закона спроса и предложения, регулируется постоянная средняя цѣнность такихъ товаровъ. Это мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Стоимость производства и ее отношенія къ цѣнности.

§ 1. Когда производство товара есть результат труда и расходовъ, то существуетъ минимальная цѣнность, составляющая необходимое условіе постоянного производства, все равно, можетъ или не можетъ количество этого товара быть увеличено до безконечности. Во всякое данное время цѣнность составляетъ результатъ спроса и предложения и всегда достигаетъ такой величины, какая необходима для того, чтобы создать избытокъ для наличнаго продукта. Но если эта цѣнность будетъ не достаточна для вознагражденія издержекъ производства и для доставленія, кромѣ того, обыкновенной надежды на прибыль, то производство товара не будетъ продолжаться. Капиталисты не станутъ производить товаръ долгое время въ убытокъ себѣ. Они не станутъ продолжать производство даже и при прибыли меньше той, которая имъ необходима для удовлетворенія личныхъ потребностей. Дѣла, капиталъ которыхъ вложенъ въ предприятие и не можетъ быть легко вынутъ изъ него, будутъ довольно долго продолжать производство безъ всякой прибыли, а иногда даже, какъ извѣстно, и съ убыткомъ въ надеждѣ на лучшія времена. Но и они не станутъ дѣлать этого до безконечности, когда гдѣ нѣтъ никакихъ указаній на благоприятную перспективу. Никакой новый капиталъ не будетъ вложенъ въ дѣло, если оно не будетъ обещать не только какой нибудь прибыли, но даже прибыли равной той, какую можно надѣяться получить въ этомъ мѣстѣ и въ это время со всякаго другаго занятія, (принимая во вниманіе его выгоды въ другихъ отношеніяхъ). Когда очевидно, что такой прибыли нельзя получить, то люди, не успѣвшіе вынуть своего капитала, не станутъ по крайней мѣрѣ замѣчать его по мѣрѣ того, какъ онъ потребляется. Поэтому стоимость издержекъ производства, взвѣтъ съ обыкновенной прибылью, можетъ быть названа *необходимой* цѣной или цѣнностью всѣхъ вещей, произведенныхъ трудомъ и капиталомъ. Никто добровольно не станетъ производить, будучи заранѣе увѣреннымъ въ убытокъ: всякій-же, кто ведетъ убыточное производство, дѣлаетъ это вслѣдствіе ошибки въ расчетѣ, которую онъ обыкновенно исправляетъ, какъ только представится возможность.

Когда товаръ не только производится посредствомъ труда и капитала, но еще, кромѣ того, можетъ быть произведенъ или въ неограниченномъ количествѣ, эта необходимая цѣнность — минимумъ, которымъ могутъ удовлетворяться производители — будетъ при дѣятельномъ и свободномъ соперничествѣ также и максимумомъ, котораго они могутъ ожидать. Если цѣнность товара такова, что она возвращаетъ издержки производства не только съ обыкновеннымъ, но даже и превышающимъ обыкновенную норму, процентомъ прибыли, то капиталъ стремится получить долю въ этомъ излишкѣ прибыли и, увеличивая предложенія товара, понижаетъ его цѣнность. Это не просто предположеніе или догадка, а фактъ знакомый

людямъ, вмѣняющимъ дѣло съ коммерческими операциями. Когда открывается новый видъ предпринимательской дѣятельности, подающій надежду на необыкновенно высокую прибыль, или когда считается, что какой нибудь уже утвердившійся, видъ торговли или производства приноситъ прибыль больше обыкновенной, то, наоборотъ, въ короткое время производство или ввозъ соответствующаго товара настолько увеличатся, что излишекъ прибыли исчезнетъ. Когда же затѣмъ предложеніе перейдетъ за извѣстный предѣлъ, цѣнность упадетъ настолько же низко, насколько прежде она стояла высоко, и не поднимется, пока излишекъ предложенія не будетъ устраненъ полнымъ или частнымъ прекращеніемъ дальнѣйшаго производства. Эти измѣненія въ количествѣ производимыхъ продуктовъ не предполагаютъ и не требуютъ (какъ мы уже указывали*), чтобы кто нибудь перемѣнялъ свое занятіе. Тѣ, у которыхъ дѣло идетъ успешно, расширяютъ производство, пользуясь своимъ кредитомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, тогда какъ тѣ, которые не получаютъ обыкновенной прибыли, сокращаютъ свои операціи и (употребляя фабричное выраженіе) работаютъ не все время. Такимъ образомъ вѣрно и быстро совершается уравненіе если, быть можетъ, и не самой прибыли, то расчетовъ на прибыль въ разныхъ занятіяхъ.

Слѣдовательно, мы можемъ признать общимъ правиломъ, что вещи имѣютъ склонность обмѣниваться другъ на друга по такой цѣнности, которая даетъ возможность каждому производителю покрывать издержки производства съ обыкновенной прибылью; другими словами, по такой цѣнности, которая даетъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ издержки. Но для того, чтобы прибыль могла быть равной тамъ, гдѣ издержки, т. е. стоимость производства, одинаковы, — вещи въ среднемъ должны обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости ихъ производства; вещи, стоимость производства которыхъ одинакова, должны имѣть и одинаковую цѣнность. Потому что лишь при этомъ условіи одинаковыя издержки будутъ давать одинаковый доходъ. Если фермеръ съ капиталомъ въ 1000 кварталовъ зерна можетъ произвести 1200 кварталовъ, приносящихъ ему прибыль въ 20%, то все, что можетъ быть произведено въ то же время съ капиталомъ въ 1000 кварталовъ, должно стоить 1200 кварталовъ, т. е. должно обмѣниваться за нихъ; иначе производитель получилъ бы или больше, или меньше 20%.

Адамъ Смитъ и Рикардо называли цѣнность вещи, пропорціональную стоимости производства, ее естественной цѣнностью (или ее естественной цѣной). Подъ этимъ они подразумѣвали величину, около которой колеблется цѣнность, и къ которой она всегда стремится возвратиться, — центральную цѣнность, къ которой, по опредѣленію Адама Смита, постоянно тяготеетъ рыночная цѣна вещи, и всякое отклоненіе отъ которой представляетъ лишь временную не-правильность. Эта послѣдняя уже самимъ своимъ существованіемъ

*) Книга II, глава XV, § 4.

ГЛАВА III.

Стоимость производства и ея отношенія къ цѣнности.

§ 1. Когда производство товара есть результатъ труда и расходовъ, то существуетъ минимальная цѣнность, составляющая необходимое условіе постоянного производства, все равно, можетъ или не можетъ количество этого товара быть увеличено до безконечности. Во всякое данное время цѣнность составляетъ результатъ спроса и предложенія и всегда достигаетъ такой величины, какая необходима для того, чтобы создать сбытъ для наличнаго продукта. Но если эта цѣнность будетъ не достаточна для вознагражденія издержекъ производства и для доставленія, кромѣ того, обыкновенной надежды на прибыль, то производство товара не будетъ продолжаться. Капиталисты не станутъ производить товаръ долгое время въ убытокъ себѣ. Они не станутъ продолжать производство даже и при прибылѣ меньше той, какая имъ необходима для удовлетворенія личныхъ потребностей. Люди, капиталъ которыхъ вложенъ въ предприятие и не можетъ быть легко вынуть пзъ него, будутъ довольно долго продолжать производство безъ всякой прибыли, а иногда даже, какъ извѣстно, и съ убыткомъ въ надеждѣ на лучшій времена. Но и они не станутъ дѣлать этого до безконечности, когда нѣтъ никакихъ указаній на благоприятную перемену. Никакой новый капиталъ не будетъ вложенъ въ дѣло, если оно не будетъ обѣщать не только какой нибудь прибыли, но даже прибыли равной той, какую можно надѣяться получить въ этомъ мѣстѣ и въ это время со великаго другого занятія, (принимая во вниманіе его выгодность въ другихъ отношеніяхъ). Когда очевидно, что такой прибыли нельзя получить, то люди, не успѣвшіе вынуть своего капитала, не станутъ по крайней мѣрѣ замѣчать его по мѣрѣ того, какъ онъ потребляется. Поэтому стоимость издержекъ производства, вмѣстѣ съ обыкновенной прибылью, можетъ быть названа *необходимой* цѣной или цѣнностью всѣхъ вещей, произведенныхъ трудомъ и капиталомъ. Никто добровольно не станетъ производить, будучи заранѣе увѣреннымъ въ убытокъ: всякій-же, кто ведетъ убыточное производство, дѣлаетъ это вслѣдствіе ошибки въ расчетѣ, которую онъ обыкновенно исправляетъ, какъ только представится возможность.

Когда товаръ не только производится посредствомъ труда и капитала, но еще, кромѣ того, можетъ быть произведенъ ими въ неограниченномъ количествѣ, эта необходимая цѣнность—минимумъ, которымъ могутъ удовлетворяться производители—будетъ при дѣятельномъ и свободномъ соперничествѣ также и максимумомъ, котораго они могутъ ожидать. Если цѣнность товара такова, что она возвращаетъ издержки производства не только съ обыкновеннымъ, но даже и превышающимъ обыкновенную норму, процентомъ прибыли, то капиталъ стремится получить долю въ этомъ излишкѣ прибыли и, увеличивая предложенія товара, понижаетъ его цѣнность. Это не просто предположеніе или догадка, а фактъ знакомый

людямъ, имѣющимъ дѣло съ коммерческими операціями. Когда открывается новый видъ предпринимательской дѣятельности, подающей надежду на необыкновенно высокую прибыль, или когда считается, что какой нибудь, уже утвердившійся, видъ торговли или производства приноситъ прибыль больше обыкновенной, то, навѣрное, въ короткое время производство или ввозъ соответствующаго товара настолько увеличатся, что излишекъ прибыли исчезнетъ. Когда же затѣмъ предложеніе перейдетъ за извѣстный предѣлъ, цѣнность упадетъ настолько же низко, насколько прежде она стояла высоко, и не поднимется, пока излишекъ предложенія не будетъ устраненъ полнымъ или частнымъ прекращеніемъ дальнѣйшаго производства. Эти измѣненія въ количествѣ производимыхъ продуктовъ не предполагаютъ и не требуютъ (какъ мы уже указывали*), чтобы кто нибудь перемѣнялъ свое занятіе. Тѣ, у которыхъ дѣло идетъ успешно, расширяютъ производство, пользуясь своимъ кредитомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, тогда какъ тѣ, которые не получаютъ обыкновенной прибыли, сокращаютъ свои операціи и (употребляя фабричное выраженіе) работаютъ не все время. Такимъ образомъ вѣрно и быстро совершается уравненіе если, быть можетъ, и не самой прибыли, то расчетовъ на прибыль въ разныхъ занятіяхъ.

Слѣдовательно, мы можемъ признать общимъ правиломъ, что вещи имѣютъ склонность обмѣниваться другъ на друга по такой цѣнности, которая даетъ возможность каждому производителю покрывать издержки производства съ обыкновенной прибылью; другими словами, по такой цѣнности, которая даетъ всѣмъ производителямъ одинаковый процентъ прибыли на ихъ издержки. Но для того, чтобы прибыль могла быть равной тамъ, гдѣ издержки, т. е. стоимость производства, одинаковы,—вещи въ среднемъ должны обмѣниваться другъ на друга пропорціонально стоимости ихъ производства; вещи, стоимость производства которыхъ одинакова, должны имѣть и одинаковую цѣнность. Потому что лишь при этомъ условіи одинаковыя издержки будутъ давать одинаковый доходъ. Если фермеръ съ капиталомъ въ 1000 кварталеровъ зерна можетъ произвести 1200 кварталеровъ, приносящихъ ему прибыль въ 20%, то все, что можетъ быть произведено въ то же время съ капиталомъ въ 1000 кварталеровъ, должно стоить 1200 кварталеровъ, т. е. должно обмѣниваться за нихъ; иначе производитель получилъ бы или больше, или меньше 20%.

Адамъ Смитъ и Рикардо называли цѣнность вещи, пропорціональную стоимости производства, ея естественной цѣнностью (или ея естественной цѣной). Подъ этимъ они подразумѣвали величину, около которой колеблется цѣнность, и къ которой она всегда стремится возвратиться,—центральную цѣнность, къ которой, по предѣленію Адама Смита, постоянно тяготеетъ рыночная цѣна вещи, и всякое отклоненіе отъ которой представляетъ лишь временную неправильность. Эта послѣдняя уже самимъ своимъ существованіемъ

*) Книга II, глава XV, § 4.

вызываетъ къ дѣйствию силы, стремящаяся ее исправить. Если взять среднюю рыночную цѣнность за число дѣтъ, достаточное для того, чтобы колебанія въ одну сторону отъ центральной линіи были уравновѣшены колебаніями въ другую, то эта средняя рыночная цѣнность будетъ согласоваться съ естественной цѣнностью; но въ какую нибудь данную минуту эти двѣ величины рѣдко совпадаютъ въ точности. Море повсюду стремится къ извѣстному уровню, но оно никогда не бываетъ на совершенно одномъ и томъ же уровнѣ; его поверхность всегда изборозжена волнами и часто колеблется отъ бурь. Достаточно и того, что, по крайней мѣрѣ въ открытомъ морѣ, нѣтъ точки, которая постоянно была бы выше другой. Каждое мѣсто попеременно повышается и понижается, но океанъ сохраняетъ свой уровень.

§ 9. Скрытая сила, заставляющая цѣнность вещи въ теченіе продолжительнаго времени сообразоваться со стоимостью производства, состоитъ въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя должны бы были происходить въ предложеніи товара, если бы соответствие между цѣнностью послѣдняго и стоимостью его производства нарушалось. Предложеніе увеличивалось бы, если бы извѣстный товаръ нѣкоторое время продавался по цѣнѣ, превышающей издержки, и уменьшалось бы, если бы цѣна упала ниже этой нормы. Но мы не должны изъ этого заключить, что предложеніе на самомъ дѣлѣ должно или уменьшаться, или увеличиваться. Предположимъ, что стоимость производства извѣстной вещи удешевлена благодаря какому нибудь механическому изобрѣтенію, или увеличена налогомъ. Цѣнность вещи, если не сразу, то въ самомъ непродолжительномъ времени упадетъ въ первомъ случаѣ и повысится во второмъ: это произойдетъ, потому, что, если бы не было пониженія или повышенія цѣнности, то въ первомъ случаѣ предложеніе увеличивалось бы до тѣхъ поръ, пока цѣна не пала бы, а во второмъ уменьшалось, пока бы она не повысилась. Вслѣдствіе этой причины, а также вслѣдствіе опшбочнаго мнѣнія, что цѣнность зависитъ отъ пропорціи между спросомъ и предложеніемъ, многие предполагаютъ, что эта пропорція должна пзмѣняться всякій разъ, когда происходитъ какая нибудь переиѣна въ цѣнности товара; думаютъ, что цѣнность не можетъ пасть вслѣдствіе уменьшенія стоимости производства, если только предложеніе постоянно не увеличивается; и не можетъ повыситься, если предложеніе постоянно не уменьшается. Но это не вѣрно: вовсе не нужно, чтобы въ предложеніи совершалось какое бы то ни было дѣйствительное измѣненіе; а если въ немъ и наступаетъ нѣкоторое постоянное измѣненіе, то послѣднее представляетъ не причину, а слѣдствіе пзмѣненія въ цѣности. Правда, если бы предложеніе не могло возрастать, то никакое уменьшеніе стоимости производства не понизило бы цѣнности; однако нѣтъ никакой необходимости, чтобы предложеніе возрастало на дѣтъ: часто бываетъ достаточно одной лишь возможности; торговцы знаютъ, къ чему можетъ привести такое обстоятельство, и взаимное соперничество заставляетъ ихъ предупреждать этотъ результатъ пониженіемъ цѣны. Увеличится ли постоянное предложеніе товара послѣ удешевленія его производства,

это зависитъ отъ совершенно другаго условія, а именно, отъ того, потребуется ли по этой уменьшенной цѣнности большее количество товара, или нѣтъ. Чаще всего требуется большее количество, но это не обязательно. «Человѣкъ», говоритъ де-Квинси*), «покупаетъ вещи, которыя служатъ непосредственно для удовлетворенія его личныхъ нуждъ, охотнѣе и въ большемъ количествѣ, когда эти вещи становятся дешевле. Если цѣна шелковыхъ носовыхъ платковъ понизится на половину, онъ будетъ можетъ, купить ихъ втрое больше; но онъ не купитъ больше шаровыхъ машинъ оттого, что онѣ стали дешевле. Его спросъ на шаровыя машины почти всегда заранее определенъ обстоятельствами, въ которыхъ этотъ человѣкъ находится. Если онъ и принимаетъ въ расчетъ какую нибудь стоимость, то скорѣе стоимость работы на этой машинѣ, а не покупную стоимость ея самой. Есть много товаровъ, сбытъ для которыхъ безусловно и вполне ограниченъ существующей системою, въ которой эти товары принадлежатъ какъ второстепенныя части и члены. Возможно ли посредствомъ искусственнаго удешевленія достигнуть, чтобы часовыхъ циферблатовъ или футляровъ продавалось больше, чѣмъ внутреннихъ частей или механизмовъ тѣхъ же часовъ? Можетъ ли продажа винныхъ бочекъ увеличиться безъ увеличенія продаж вина? Или могутъ ли инструменты корабельныхъ мастеровъ найти болѣе широкій сбытъ, пока кораблестроеніе не расширится? Предложите городу въ 3000 жителей цѣлый складъ катафалковъ, и никакая дешевизна не побудитъ этотъ городъ купить болѣе одного. Выставьте для продажи извѣстное число яхтъ, на которыхъ главные издержки вызываются ремонтомъ, а также вознагражденіемъ и содержаніемъ команды, и никакое уменьшеніе въ одной лишь покупной цѣнѣ ихъ не соблазнитъ ни одного человѣка, привычки и склонности котораго уже раньше не располагали его къ такой покупке. Также можно сказать о профессиональной одеждѣ епископовъ, адвокатовъ, оxfordскаихъ студентовъ». Однако, никто не сомнѣвается, что цѣна и цѣнность всѣхъ этихъ вещей можетъ понизиться вслѣдствіе какого нибудь уменьшенія въ стоимости производства; и это пониженіе произойдетъ вслѣдствіе опасенія, что появятся новые соперники и предложеніе увеличится. Но, конечно, большой рискъ, какому подвергаются новые соперники въ торговлѣ товаромъ, рынокъ для котораго не можетъ быть значительно расширенъ, позвоняетъ прежнимъ торговцамъ сохранить первоначальную цѣну гораздо дольше, чѣмъ это возможно было бы слѣдовать съ товаромъ, представляющимъ болѣе данныхъ для соперничества.

Теперь представимъ обратный случай и предположимъ, что стоимость производства увеличивается вслѣдствіе установленія налога на товаръ. Цѣнность повысится и, вѣроятно, — немедленно. Уменьшится ли предложеніе? Оно уменьшится лишь въ томъ случаѣ, если увеличеніе цѣнности уменьшитъ спросъ. Произойдетъ ли таковой результатъ, это скоро обнаружится, и если спросъ уменьшится,

*) Logic of Political Economy p. p. 230—1.

то цѣнность нѣсколько понизится вслѣдствіе излишка предложенія, пока не будетъ сокращено производство, а затѣмъ она снова поднимется. Есть много товаровъ, въ которыхъ необходимо очень значительное возвышеніе цѣны для того, чтобы существенно понизить спросъ на нихъ: таковы въ особенности товары, составляющіе предметы необходимости, напримѣръ, обычная пища народа, которую въ Англіи составляетъ пшеничный хлѣбъ. Его, навѣрное, потребляется по настоящей цѣнѣ столько же, сколько бы потреблялось при нынѣшнемъ населеніи по цѣнѣ гораздо болѣе низкой. Однако именно въ такихъ вещахъ дороговизна, или высокую цѣну, люди смѣни-

Изъ всего предыдущаго можно сдѣлать слѣдующій выводъ: спросъ и предложеніе управляютъ цѣнностью всѣхъ вещей, количество которыхъ не можетъ быть увеличено до безконечности; но даже и между послѣдними есть вещи, для которыхъ, вслѣдствіе того, что онѣ произведены промышленностью, существуетъ минимумъ цѣнности, опредѣляющійся стоимостью производства. Во всѣхъ же вещахъ, количество которыхъ можетъ быть неопредѣленно увеличено, спросомъ и предложеніемъ опредѣляются только колебанія цѣнности въ теченіе извѣстнаго періода, который не можетъ превышать промежутка времени, необходимаго для того, чтобы предложеніе измѣ-

водства, а послѣдняя въ свою очередь сводится къ стоимости труда. Стоимость производства тонкаго сукна не состоитъ всецѣло изъ заработной платы ткачей, которые одни непосредственно получаютъ вознагражденіе отъ фабриканта суконъ. Въ нее входятъ также заработная плата прядильщиковъ и чесальщиковъ шерсти, а можно прибавить еще, и пасуховъ, которымъ всемъ вмѣстѣ фабрикантъ заплатилъ въ цѣнѣ за шерстяную пряжу. Она также состоитъ изъ заработной платы строителей каменщиковъ, которымъ онъ уплатилъ извѣстную условленную сумму за постройку фабрики. Отчасти эта стоимость заключаетъ въ себѣ заработную плату механиковъ, жельзодѣловъ и рудокоповъ. Къ этому нужно еще присоединить заработную плату людей, перевозившихъ орудія и матеріалы, служашіе производству, къ мѣсту примѣненія послѣднихъ и самый продуктъ къ мѣсту его сбыта.

Итакъ, цѣнность товаровъ зависитъ главнымъ образомъ (а можетъ быть и исключительно, какъ это мы вскорѣ увидимъ) отъ количества труда, необходимаго для ихъ производства, включая въ понятіе производство также и трудъ, затрачиваемый для доставки продукта на рынокъ. «Выясняя, на примѣръ, мѣновую цѣнность чулокъ», говоритъ Рикардо*), «мы найдемъ, что ихъ цѣнность, сравнительно съ другими вещами, зависитъ отъ всего количества труда, необходимаго для производства и для доставленія ихъ на рынокъ. Въ нее входитъ, во-первыхъ, трудъ, необходимый для обработки земли, на которой растутъ сырой хлопокъ; во-вторыхъ, трудъ перевозки хлопка въ страну, гдѣ будутъ приготовляться чулки,— послѣдній включаетъ въ себѣ часть труда, затраченнаго на постройку корабля, перевозящаго хлопокъ, и вылачивается въ видѣ фрахта за товаръ;—въ-третьихъ, трудъ прядильщика и ткача; въ-четвертыхъ, часть труда инженера, кузнеца и плотника, строившихъ зданія и машины, при помощи которыхъ приготовляются чулки; въ-пятыхъ, трудъ розничнаго торговца и многихъ другихъ лицъ, о которыхъ не стоить упоминать подробно. Совокупная сумма всѣхъ этихъ видовъ труда опредѣляетъ то количество другихъ вещей, за которое эти чулки будутъ обмѣниваться; и съ другой стороны, такое же сравненіе различныхъ количествъ труда, затраченнаго на эти другія вещи, будетъ опредѣлять ту сумму ихъ, какая будетъ дана за чулки.

«Для того, чтобы убѣдиться, что въ этомъ и заключается истинное основаніе мѣновой цѣнности, предположимъ, что сдѣлано какое нибудь улучшеніе, сокращающее трудъ въ одномъ изъ разнообразныхъ процессовъ, черезъ которые долженъ пройти сырой хлопокъ раньше, чѣмъ приготовленные изъ него чулки поступятъ на рынокъ для обмѣна на другія вещи, и прослѣдимъ, какіе произойдутъ отъ этого результаты. Если бы потребовалось меньше людей для производства сырого хлопка, или меньше матросовъ употребилось при перевозкѣ, меньше корабельныхъ мастеровъ для постройки

корабля, на которомъ хлопокъ перевозится къ намъ, если бы меньшее число рукъ затрачивалось на сооруженіе зданій и машинъ, или если бы эти послѣднія стали бы болѣе производительными,—то цѣнность чулокъ неизбежно бы упала, и они стали бы обмѣниваться за меньшее количество другихъ вещей. Цѣнность бы ихъ упала потому, что для ихъ производства стало бы требоваться меньшее количество труда; вслѣдствіе чего они бы обмѣнивались за меньшее количество тѣхъ вещей, въ производствѣ которыхъ не было сдѣлано подобнаго усовершенствованія.

«Сбереженіе труда въ производствѣ всегда уменьшаетъ относительную цѣнность товара; при этомъ безразлично, будетъ ли оно касаться труда, необходимаго для производства самаго товара, или труда, затрачиваемаго для образованія капитала, съ помощью котораго производится этотъ товаръ. Цѣна чулокъ упадетъ во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, будетъ ли меньше занято бѣльщиками, прядильщиками и ткачами, т. е. людей, непосредственно необходимыхъ для приготовленія чулокъ,—или же матросовъ, носильщиковъ, механиковъ и кузнецовъ, т. е. лицъ, болѣе косвенно участвующихъ въ немъ. Въ первомъ случаѣ вся сумма сбереженія въ трудѣ отразится на чулкахъ, потому что этого рода трудъ всецѣло примѣнялся лишь къ ихъ производству; во второмъ же случаѣ только извѣстная доля этой суммы отразится на чулкахъ, а остальная часть ея будетъ оказывать вліяніе на всѣ прочіе товары, для производства которыхъ пригодны зданія, машины и перевозочныя средства».

§ 2. Замѣтимъ, что Рикардо выражается такъ, какъ будто цѣнность товара зависитъ единственно отъ того количества труда, какое необходимо для его производства и доставленія на рынокъ. Но, такъ какъ для капиталиста стоимость производства заключается не въ трудѣ, а въ заработной платѣ, и такъ какъ заработная плата можетъ быть и выше, и ниже при одномъ и томъ же количествѣ труда, то казалось бы, что цѣнность продукта не можетъ опредѣляться исключительно количествомъ труда, а должна обуславливаться вмѣстѣ и количествомъ труда и размѣромъ вознагражденія, и что цѣнности отчасти должны зависетьъ отъ величины заработной платы.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что слово цѣнность имѣетъ относительное значеніе; что выраженіе, цѣнность товара, не указываетъ на неотъемлемое и существенное качество самой вещи, а подразумеваетъ то количество другихъ вещей, какое можно получить въ обмѣнъ за нее. Цѣнность одной вещи всегда слѣдуетъ понимать относительно какой нибудь другой вещи, или относительно вещей вообще. Но отношеніе одной вещи къ другой не можетъ измѣниться отъ причины, оказывающей одинаковое вліяніе на нихъ обѣихъ. Пониженіе или повышеніе всей заработной платы вообще есть фактъ, который оказываетъ одинаковое дѣйствіе на всѣ товары и потому не даетъ никакого основанія, почему бы они стали обмѣниваться другъ за друга не въ такой, а въ другой пропорціи. Предположить, что высокая заработная плата вызываетъ повышеніе цѣнностей, будетъ равносильно предположенію, что возможно такое обстоятельство, какъ общее повышеніе

*) Principles of Political Economy and Taxation ch. I, sect. 3.

цѣнностей. Но это было бы логически несообразно: высокая цѣнность однихъ вещей есть синонимъ низкой цѣнности другихъ. Ошибка происходитъ отъ того, что разсматриваютъ не цѣнности, а только цѣны. Хотя общаго возвышенія цѣнностей не можетъ быть, тѣмъ не менѣе вообще возвышеніе цѣнъ вполне возможно. Какъ только мы составимъ себѣ ясное представленіе о цѣнности, мы увидимъ, что низкая или высокая заработная плата не имѣетъ никакаго вліянія на нее; однако мнѣніе, что высокая заработная плата вызываетъ высокія цѣны, очень широко распространено. Вся величина ошибки, заключающейся въ этомъ предположеніи, можетъ быть оценена вполне, когда мы дойдемъ до теоріи денегъ; теперь же мы ограничимся указаніемъ, что если бы это мнѣніе было справедливо, то дѣйствительное повышеніе заработной платы не могло бы наступить; потому что если бы заработная плата не могла повышаться, не вызывая этимъ пропорціональнаго повышенія цѣнъ на всѣ вещи, то ея повышеніе не доставило бы рабочему никакой существенной выгоды. Это, безъ сомнѣнія, достаточное *reductio ad absurdum*; оно показываетъ удивительную нелѣпость нѣкоторыхъ положеній, которыя могутъ стать, въ дѣйствительности, становятся и долго остаются признанными ученіями популярной политической экономіи. Слѣдуетъ также помнить, что общія высокія цѣны, даже если мы предположимъ, что онѣ существуютъ, не могутъ принести выгоды производителю или торговцу, какъ таковыми, потому что, увеличивая денежные доходы этихъ лицъ, онѣ въ той же степени увеличиваютъ всѣ ихъ расходы. Нѣтъ такого способа, какимъ бы капиталисты могли бы, оказывая вліяніе на цѣнности или цѣны, вознаградить себя за высокую стоимость труда. Предупредить уменьшеніе прибыли вслѣдствіе увеличенія стоимости труда нельзя ничѣмъ. Если рабочіе, дѣйствительно, получаютъ больше, т. е. получаютъ продуктъ большаго количества труда, то для прибыли долженъ оставаться меньшій процентъ. Этого закона распредѣленія, который заключается въ себѣ простую арифметическую истину, нельзя никакимъ образомъ избѣжать. Механизмъ обмена и движеніе цѣнъ можетъ скрывать его отъ насъ, но совершенно безсилёнъ измѣнить его.

§ 3. Но хотя *общая* заработная плата, какъ бы она была низка или высока ни была, не имѣетъ вліянія на цѣнности, тѣмъ не менѣе, если заработная плата становится въ одномъ занятіи выше, чѣмъ въ другомъ, или, если она повышается или понижается на продолжительное время въ одномъ занятіи, оставаясь безъ измѣненія въ другихъ, то это неравенство, дѣйствительно, оказываетъ вліяніе на цѣнности. Причины, производящія измѣненіе заработной платы въ различныхъ занятіяхъ, были разсмотрѣны нами въ одной изъ предыдущихъ главъ. Когда заработная плата въ какомъ нибудь занятіи долгое время превышаетъ среднюю величину ея, то цѣнность соответственнаго продукта будетъ въ той же степени превышать уровень, опредѣляющійся простымъ количествомъ труда. Напримеръ, вещи, произведенныя искуснымъ трудомъ, обмѣниваются на продуктъ гораздо большаго количества обыкновеннаго труда, и

зависитъ это лишь отъ того, что искусный трудъ оплачивается гораздо дороже. Если бы вслѣдствіе расширенія образованія число рабочихъ, способныхъ къ искуснымъ занятіямъ, настолько возросло, что уменьшилась бы разница между ихъ заработной платой и платой обыкновенныхъ рабочихъ, то всѣ вещи, произведенныя трудомъ высшаго качества, упали бы въ цѣности сравнительно съ вещами, произведенными обыкновеннымъ трудомъ. Поэтому о послѣднихъ можно было бы сказать, что цѣнность ихъ возросла. Мы раньше говорили, что трудность для рабочихъ перехода изъ одного класса занятій въ другой значительно высшій, до сихъ поръ оказывала то дѣйствіе, что заработная плата во всѣхъ тѣхъ классахъ рабочихъ, которые раздѣлены другъ отъ друга замѣтной границей, зависѣла гораздо больше, чѣмъ можно было бы предположить, отъ увеличенія численности каждаго класса въ отдѣльности: мы также указывали, что неравенство въ вознагражденіи за трудъ гораздо больше того, какое могло бы существовать, если бы соперничество всего рабочаго населенія вообще на дѣлѣ распространялось на каждое отдѣльное занятіе. Изъ этого слѣдуетъ, что заработная плата въ различныхъ занятіяхъ повышается или понижается не одновременно, а бываетъ на короткое, а иногда даже и на продолжительное время почти независима въ каждомъ отдѣльномъ занятіи. Всѣ эти неравенства, очевидно, измѣняютъ *относительную* стоимость производства различныхъ товаровъ и потому вполне отражаются на ихъ естественной или средней цѣнности.

Итакъ, очевидно, принципъ, установленный нѣкоторыми выдающимися политико-экономистами, что заработная плата не входитъ въ цѣнность, формулированъ слишкомъ обще; онъ не согласуется ни съ истиной, ни съ личнымъ мнѣніемъ этихъ писателей. Заработная плата входитъ въ цѣнность. Относительная *плата* за трудъ, необходимый для производства различныхъ товаровъ, имѣетъ совершенно такое же вліяніе на ихъ цѣнность, какъ и относительное *количество* труда. Правда, абсолютная величина заработной платы не имѣетъ вліянія на цѣнность; но и абсолютное количество труда не имѣетъ его также. Если бы они измѣнились одновременно и одинаково во всѣхъ товарахъ, это не имѣло бы вліянія на цѣнности. Если бы, напримеръ, общая усѣбность всего труда увеличилась настолько, что всѣ вещи безъ исключенія могли бы быть произведены въ такомъ же количествѣ, какъ и прежде, съ меньшей затратой труда, то въ цѣностяхъ товаровъ не обнаружилось бы никакого признака этого общаго уменьшенія стоимости производства. Всякая перемѣна, происходящая въ цѣности, будетъ представлять лишь неравную степень того вліянія, какое улучшенія оказываютъ на различныя вещи, и будетъ состоять въ удешевленіи тѣхъ вещей, въ которыхъ сбереженіе труда было наибольшее; при этомъ цѣнность тѣхъ вещей, въ производствѣ которыхъ сбереженіе, хотя и сдѣлано, но въ меньшемъ размѣрѣ, въ дѣйствительности повысится. Поэтому, строго говоря, заработная плата имѣетъ такое же вліяніе на цѣнность, какъ и количество труда; и этого факта не отрицать ни Рикардо, ни другие экономисты. Но при разсмотрѣніи причинъ,

пзмѣняющихъ цѣнность, мы увидимъ, что количество труда имѣеть болѣе важное значеніе, потому что количество труда обыкновенно одновременно пзмѣняется въ одномъ или немногихъ товарахъ, а измѣненія заработной платы (кромѣ случайныхъ колебаній) всегда бывають общи и не имѣють значительнаго вліянія на цѣнность.

§ 4. Вотъ все, что мы имѣли сказать о трудѣ или заработной платѣ въ ихъ отношеніи къ стоимости производства. Но въ первой книгѣ, анализируя элементы производства, мы нашли, что, кромѣ труда, есть еще другой необходимый элементъ, а именно капиталъ. Такъ какъ онъ составляетъ результатъ воздержанія, то продуктъ, или цѣнность послѣдняго должны быть достаточными для вознагражденія не только за весь необходимый для производства трудъ, но и за воздержаніе всѣхъ лицъ, которые доставляли заработную плату различнымъ классамъ рабочихъ. Вознагражденіе за воздержаніе называется прибылью. А прибыль, какъ мы уже видѣли, не составляетъ исключительно излишка, остающагося капиталисту послѣ погашенія сдѣланныхъ имъ затратъ, но въ большинствѣ случаевъ входитъ, какъ не маловажная часть, въ эти послѣднія. Фабрикантъ льняной пряжи, часть расходовъ котораго состоитъ въ покупкѣ льна и машинъ, долженъ въ ихъ цѣнѣ заплатить не только плату за тотъ трудъ, благодаря которому были вырощены ленъ и сдѣланы машины, но и прибыль сельскаго хозяина, чесальщика, рудокопа, плавальщика желѣза и машинно-строителя. Всѣ эти прибыли вмѣстѣ съ прибылью самого придиельщика также были впередъ уплачены ткачемъ въ цѣнѣ его материала—льняной пряжи; вмѣстѣ съ этимъ онъ уплачиваетъ еще прибыль цѣлому ряду машинно-строителей, рудокоповъ и вообще всѣхъ рабочихъ, доставляющихъ металлическія орудія. Всѣ эти затраты составляютъ часть стоимости производства полотна. Такимъ образомъ прибыль такъ же, какъ и заработная плата, входитъ въ стоимость производства, опредѣляющую цѣнность продукта.

Но цѣнность, будучи величиной чисто относительной, не можетъ зависѣть отъ абсолютной прибыли точно такъ же, какъ и отъ абсолютной величины заработной платы, а зависѣть лишь отъ относительнаго размѣра прибыли. Общая, высокая прибыль такъ же, какъ и общая, высокая заработная плата, не можетъ быть причиной общаго повышенія цѣнности, потому что общая, высокая цѣнность есть нелѣпость и противорѣчіе. Поскольку прибыль входитъ въ стоимость производства всѣхъ вещей, по столько она не вліяетъ на цѣнность ни одной изъ нихъ. Она можетъ имѣть вліяніе на цѣнность, только входя въ стоимость производства однихъ вещей въ болѣе высокой степени, чѣмъ въ стоимость производства другихъ.

Напримѣръ, мы видѣли, что есть причины, которыя необходимо ведутъ къ тому, что процентъ прибыли въ однихъ занятіяхъ бываетъ постоянно выше, чѣмъ въ другихъ. Въ нихъ требуется вознагражденіе за сравнительно болѣе большой рискъ, хлопоты и неприятности. Это вознагражденіе можетъ быть получено лишь въ томъ случаѣ, если товаръ будетъ продаваться по цѣнности, превышающей ту, которая соответствуетъ количеству труда, необходимаго для произ-

водства. Если бы фабрикантъ пороха получалъ за свой продуктъ лишь такое количество другихъ товаровъ, какое соответствуетъ суммѣ труда, необходимаго для приготовления пороха отъ начала до конца, и не болѣе, то никто бы не сталъ устраивать пороховой заводъ. Мясники, безусловно, составляютъ болѣе зажиточный классъ, чѣмъ булочники, и, повидному, не подвергаются большому риску, такъ какъ не замѣчено, чтобы они чаще банкротились. Слѣдуетъ предположить, что они получаютъ болѣе высокую прибыль; а это можетъ зависѣть лишь отъ того, что они подвергаются болѣе ограниченному соперничеству вслѣдствіе неприятели и нѣкоторой непопулярности ихъ ремесла. Но этотъ повышенный размѣръ прибыли имѣеть слѣдствіемъ то, что они продають свой товаръ по болѣе высокой цѣнности, чѣмъ какая слѣдуетъ за ихъ трудъ и издержки. Всѣ необходимыя и продолжительныя неравенства прибыли выражаются въ относительныхъ цѣностяхъ товаровъ.

§ 5. Однако прибыль можетъ входить въ стоимость производства одного товара въ болѣе высокой суммѣ, нежели въ стоимость другого, даже если и не будетъ разницы въ процентѣ прибыли между этими двумя занятіями. Одинъ товаръ можетъ приносить прибыль въ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ другой. Въ объясненіе этого случая обыкновенно приводятъ примѣръ съ виномъ. Предположимъ, что извѣстное количество вина и извѣстное количество сукна произведены съ одинаковой затратой труда, и что этотъ трудъ оплачивается по одинаковой цѣнѣ. Сукно не улучшается отъ сохранения его продолжительное время, тогда какъ вино улучшается. Предположимъ, что для того, чтобы получить вино желаемого качества, необходимо продержать его пять лѣтъ. Производителю, или торговцу, не сталъ бы выдерживать его, если бы черезъ пять лѣтъ онъ не могъ продать его дороже сукна на такую сумму, какую составила бы прибыль, накопленная за это время вмѣстѣ съ сложными процентами. Между тѣмъ вино и сукно были произведены съ одинаковыми первоначальными издержками. Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ примѣръ, въ которомъ взаимное отношеніе естественныхъ цѣнностей двухъ товаровъ соответствуетъ не одной лишь стоимости ихъ производства, а стоимости ихъ производства плюс еще какая то другая величина. Однако, съ цѣлью обобщенія мы включимъ ту прибыль, полученіе которой винный торговецъ откладываетъ на пять лѣтъ въ стоимость производства вина, и будемъ разсматривать ее какъ рядъ добавочныхъ издержекъ сверхъ другихъ его затратъ; за эти добавочныя издержки онъ въ концѣ концовъ долженъ получить вознагражденіе.

Всѣ товары, приготовляемые машинами, до извѣстной степени сходны съ виномъ въ предыдущемъ примѣрѣ. Въ стоимость ихъ производства прибыль входитъ гораздо болѣе, чѣмъ въ стоимость вещей, произведенныхъ всецѣло непосредственнымъ трудомъ. Представимъ себѣ два товара, А и В; каждый изъ нихъ требуетъ на свое производство цѣлаго года времени и капитала, который мы на этотъ случай опредѣлимъ въ деньгахъ въ 1000 ф. Товаръ А производится исключительно непосредственнымъ трудомъ и вся сумма

въ 1000 фун. расходуется только на заработную плату. Товаръ В готовится съ помощью труда, стоящаго 500 фун., и машины, стоящей 500 фун., и при этомъ машина изнашивается окончательно отъ годовичнаго употребленія. Оба товара будутъ имѣть совершенно одинаковую цѣнность, которая, если ее вычислить въ деньгахъ, и если прибыль равна 20%, въ годъ, будетъ 1200 фун. Но изъ этихъ 1200 фун., въ товарѣ А только 200 фун., или $\frac{1}{6}$ составляютъ прибыль; тогда какъ въ товарѣ В, кромѣ 200 фун., еще есть прибыль машиностроителя, заключающаяся въ 500 фун. (цѣнѣ машины); если предположить, что производство машины заняло годъ, то эта прибыль также равна одной шестой части стоимости машины. Такъ что въ товарѣ А только одна шестая всего дохода составляетъ прибыль, тогда какъ въ товарѣ В элементъ прибыли состоитъ не только изъ одной шестой всего валоваго дохода, но еще и изъ добавочной одной шестой значительной его части.

Чѣмъ болѣе значительную часть всего капитала составляютъ машины, здания, материалы и все то, что должно быть заготовлено прежде, чѣмъ можно будетъ начать непосредственный трудъ, тѣмъ въ большемъ размѣрѣ прибыль входитъ въ стоимость производства. Одинаково справедливо, хотя съ перваго взгляда и не настолько очевидно, что болѣе значительная прочность части капитала, состоящей изъ машинъ и зданий, имѣетъ совершенно такое же значение, какъ и болѣе крупная сумма капитала. Только что мы предполагали крайній случай съ машиной, которая совершенно изнашивается въ теченіе одного года; теперь возьмемъ противоположный и еще болѣе крайній случай: предположимъ, что машина существуетъ вѣчно и не требуетъ починки. Въ этомъ случаѣ, который такъ же пригоденъ для разъясненія, какъ если бы онъ былъ дѣйствительно возможенъ, нѣтъ необходимости, чтобы фабрикантъ получалъ когда нибудь обратно 500 фун., залоченные имъ за машину, потому что у него всегда остается сама машина, стоящая 500 фун.; но онъ, какъ и прежде, долженъ получать прибыль на нее. Поэтому товаръ В, продававшійся въ первомъ случаѣ за 1200 фун., изъ которыхъ 1000 фун. шли на пополненіе капитала, а 200 фун. составляли прибыль, теперь можетъ быть проданъ за 700 фун., изъ которыхъ 500 фун. должны идти на заработную плату, а 200 будутъ служить прибылью на весь капиталъ. Такимъ образомъ прибыль въ цѣнности В составитъ 200 фун. изъ 700 фун., т. е. $\frac{2}{7}$ всей суммы, или $27\frac{1}{7}\%$, тогда какъ въ товарѣ А она составляетъ одну шестую, или $16\frac{2}{3}\%$. Безъ сомнѣнія, это — примѣръ чисто идеальннй, такъ какъ никакая машина и никакой другой постоянный капиталъ не можетъ существовать вѣчно; но чѣмъ онъ прочнѣе, тѣмъ онъ ближе подходитъ къ этому идеальному примѣру, и тѣмъ большую часть дохода составляетъ прибыль. Если, напримѣръ, машина, стоящая 500 фун., отъ годовичнаго употребленія теряетъ $\frac{1}{3}$ своей цѣнности, то для пополненія этой потери къ доходу слѣдуетъ прибавить 100 фун.; и тогда цѣна товара будетъ 800 фун. Слѣдовательно, прибыль будетъ входить въ цѣнность товара въ пропорціи 200 ф. къ 800 ф., или будетъ составлять $\frac{1}{4}$, что все еще гораздо больше $\frac{1}{6}$ (200 ф. изъ 1200 ф.), какъ въ товарѣ А.

Изъ неравенства пропорцій, въ какихъ прибыль въ разныхъ занятіяхъ входитъ въ затраты капиталиста, а слѣдовательно, и въ доходы, на которые она рассчитывается, вытекаютъ относительно цѣнности два послѣдствія. Одно изъ нихъ то, что товары не обмѣниваются просто пропорціонально количеству труда, необходимаго для ихъ производства. Такой пропорціональности не будетъ даже и въ томъ случаѣ, если мы примемъ въ соображеніе обычное и продолжительное неравенство заработныхъ платъ въ различныхъ родахъ труда. Мы уже объяснили это примѣромъ съ винномъ; теперь мы дадимъ дальнѣйшія разъясненія относительно примѣра съ товарами, произведенными машинами. Предположимъ, какъ и раньше, что товаръ А произведенъ непосредственнымъ трудомъ, стоившимъ 1000 ф. Но вмѣсто товара В, произведеннаго непосредственнымъ трудомъ въ 500 фун. и машиной, стоившей 500 фун., возьмемъ товаръ С, произведенный непосредственнымъ трудомъ, стоившимъ 500 фун., и машиной, которая была произведена также непосредственнымъ трудомъ въ 500 фун. Замѣтимъ, что для приготовления машины нуженъ былъ годовичный срокъ, и она изнашивается отъ годовичнаго употребленія; прибыль же, какъ и прежде, равняется 20%. Товары А и С произведены одинаковымъ количествомъ труда, оплачиваемаго по одной и той же цѣнѣ. А стоитъ 1000 фун., затраченныхъ на непосредственный трудъ; С стоитъ только 500 ф.; но эта сумма дополняется до 1000 фун. вслѣдствіе затраты труда на постройку машины. Если бы трудъ, или вознагражденіе за него, были единственными элементами стоимости производства, то А и С обмѣнивались бы другъ на друга. Но развѣ они будутъ обмѣниваться такимъ образомъ? Конечно, нѣтъ. Машина готовилась въ теченіе года, израсходовано на нее 500 фун., а такъ какъ прибыль равна 20%, то, слѣдовательно, естественная цѣна машины 600 ф., что составляетъ излишекъ въ 100 фун. Этотъ излишекъ фабрикантъ товара С присоединяетъ ко всемъ прочимъ расходамъ, и долженъ получить его обратно съ прибылью въ 20%. Поэтому, тогда какъ товаръ А продается за 1200 ф., товаръ С не можетъ имѣть постоянной цѣны меньше 1320 фун.

Второе послѣдствіе заключается въ томъ, что каждое общее пониженіе или повышеніе прибыли будетъ имѣть вліяніе на цѣнность. Правда, оно не будетъ повышать или понижать ихъ всѣ вообще (потому что, какъ мы уже много разъ повторяли, это невозможно и заключаетъ въ себѣ противорѣчіе), но оно будетъ измѣнять размѣръ того вліянія, какое оказываетъ продолжительность срока поступленія прибыли на цѣнность вещей. Если два товара, произведенные при равномъ количествѣ труда, бываютъ не одинаковой цѣнности оттого, что одинъ изъ нихъ долженъ давать прибыль за большее число лѣтъ или мѣсяцевъ, нежели другой, то такая разниця въ цѣнности будетъ больше, когда прибыль больше, и меньше, когда прибыль меньше. Положимъ, что вино должно приносить прибыль за пять лѣтъ, тогда какъ сукно за одинъ годъ; понятно, что цѣнность перваго будетъ превышать цѣнность втораго гораздо больше въ томъ случаѣ, когда прибыль будетъ 40%, чѣмъ

когда она будетъ 20%. Товары А и С, которые произведены одинаковымъ трудомъ, продаются первый за 1200 фун. и второй за 1320 ф., что составляетъ разницу въ 10%; но если бы прибыль была въ половину меньше, они продавались бы за 1100 ф. и 1155 фун., и разница была бы лишь въ 5%.

Изъ этого слѣдуетъ, что даже общее возвышеніе заработной платы, если оно влечетъ за собой дѣйствительное увеличеніе стоимости труда, должно до некоторой степени имѣть вліяніе на цѣнности. Оно не измѣняетъ ихъ способомъ, который обыкновенно предполагается, т. е. не повышаетъ всѣ цѣнности вообще. Но увеличеніе въ стоимости труда понижаетъ прибыль; а потому повышается естественная цѣнность тѣхъ вещей, въ стоимость производства которыхъ прибыль входитъ въ пропорціи выше средней, и повышается цѣнность тѣхъ, въ стоимость которыхъ прибыль входитъ въ пропорціи ниже-средней. Относительная цѣнность всѣхъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ въ значительной степени участвуютъ машины,—въ особенности если машины очень прочны,—всегда падаетъ, когда понижается прибыль; или, что будетъ одно и тоже, относительно ихъ повышается цѣнность другихъ вещей. Эту истину, иногда выражаютъ въ формѣ менѣе точной, но болѣе доступной, говоря, что повышеніе заработной платы, повышаетъ цѣнности вещей, производимыхъ трудомъ, по сравненію съ вещами, производимыми машинами. Но вещи, производимыя машинами, совершенно такъ же, какъ и всѣ другія вещи, произведены трудомъ, а именно трудомъ, затраченнымъ на изготовленіе самихъ машинъ; единственная разница заключается лишь въ томъ, что прибыль составляетъ нѣсколько большую часть въ стоимости производства вещей, для которыхъ употребляются машины, хотя основной статьей поддержекъ все же остается трудъ. Поэтому лучше относить этотъ результатъ къ понижению прибыли, а не къ повышенію заработной платы; тѣмъ болѣе, что это послѣднее выраженіе чрезвычайно двусмысленно; оно скорѣе внушаетъ мысль объ увеличеніи дѣйствительнаго вознагражденія рабочаго, чѣмъ о возрастаніи стоимости труда для хозяина; а въ данномъ случаѣ только это послѣднее обстоятельство и имѣетъ значеніе.

§ 6. Кроме естественныхъ и необходимыхъ элементовъ стоимости производства—труда и прибыли,—есть еще другіе элементы, искусственные и случайные, какъ, напримѣръ, налогъ. Налогъ на колѣдъ будетъ настолько же частью стоимости производства, какъ и плата рабочимъ. Издержки, вызываемыя закономъ, такъ же, какъ и издержки, вызываемыя природою вещей, должны быть возвращены съ обыкновенной прибылью изъ цѣнности продукта, иначе никто не станетъ продолжать производства. Но вліяніе налога на цѣнность подлежитъ тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ вліяніе заработной платы и прибыли. Не общее, а такъ сказать, дифференціальное обложеніе оказываетъ вліяніе. Если бы всѣ производства были обложены такимъ образомъ, что со всѣхъ прибылей брался бы одинаковый процентъ, то относительныя цѣнности остались бы совершенно не измѣненными. Если бы только немногіе товары были обложены налогомъ, то ихъ цѣнность повысилась бы, и обратно,

если бы только немногіе остались не обложенными, то ихъ цѣнности пала бы. Если бы одна половина товаровъ была обложена, а другая не обложена, то первая повысилась бы въ цѣнности, а вторая пала бы въ отношеніи къ ней. Это необходимо для уравненія ожиданій прибыли во всѣхъ занятіяхъ, иначе всѣ обложенныя занятія въ концѣ концовъ,—а можетъ быть и немедленно, были бы покинуты. Но общее обложеніе, если только оно произведено равномерно и не нарушаетъ отношеній разныхъ производствъ другъ къ другу, не можетъ имѣть никакого вліянія на цѣнности.

До сихъ поръ мы предполагали, что всѣ элементы и принадлежности, входящіе въ стоимость производства товаровъ, суть вещи, цѣнность которыхъ зависитъ отъ стоимости ихъ производства. Однако нѣкоторые изъ нихъ могутъ принадлежать къ классу вещей, количество которыхъ не можетъ быть увеличено по желанію, и которыя поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда спросъ переходитъ за известныя предѣлы, приобретаютъ цѣнность предметовъ рѣдкости. Материалами для многихъ художественныхъ издѣлій, приготовляемыхъ въ Италіи, служатъ вещества, называемыя *rosso, giallo и verde antico*, о которыхъ говорятъ, не знаю справедливо или нѣтъ, что они добываются исключительно изъ обломковъ древнихъ колоннъ и другихъ орнаментальныхъ сооружений, такъ какъ каменоломни, изъ которыхъ первоначально были извлечены этотъ камень, истощились или ихъ мѣстонахожденіе утеряно*). Такого рода материалы, при большомъ спросѣ на него, должны имѣть цѣнность предметовъ рѣдкости; и эта цѣнность входитъ въ стоимость производства, а слѣдовательно и въ цѣнность готоваго товара. Повидимому, приближается то время, когда наиболѣе цѣнные мѣха станутъ приобретать цѣнность предметовъ рѣдкости. До сихъ поръ уменьшеніе числа животныхъ, доставляющихъ эти мѣха, въ пустыняхъ Сибири и по берегамъ полярныхъ морей вліяло на цѣнность только потому, что требовалось все больше труда для полученія известнаго количества товара. Нѣтъ сомнѣнія, что еще и въ наше время, если бы затратить достаточное количество труда, то можно было бы получать ихъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ теперь.

Но главнымъ образомъ цѣнность, зависящая отъ рѣдкости, увеличиваетъ стоимость производства, если въ немъ участвуютъ естественныя силы. Эти силы, если онѣ не присвоены и могутъ быть получены въ неограниченномъ количествѣ, не входятъ въ стоимость производства; въ расчетъ принимается лишь то количество труда, какое можетъ понадобиться для приспособленія ихъ. Даже и послѣ присвоенія, онѣ (какъ мы уже видѣли) получаютъ цѣнность не отъ простаго факта присвоенія, а только отъ недостаточности ихъ, т. е. отъ ограниченности ихъ предложенія. Однако несомнѣнно, что онѣ часто имѣютъ цѣнность предметовъ рѣдкости. Представимъ себѣ во допадѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ требуется больше заводовъ, чѣмъ

*) Нѣкоторыя изъ этихъ каменоломенъ, какъ мнѣ кажется, снова были открыты и разрабатываются теперь.

сколько может быть снабжено водяной силой; пользование водопадом будет иметь ценность предмета редкости; и эта ценность будет настолько высока, что или понизит размер спроса до размера предложения, или сделает выгодным создание искусственной силы, паровой или какойнибудь другой, которая по своей производительности равнялась бы водяной силе. Сила природы представляет вечное имущество и приносит пользу человечеству лишь продуктам, составляющим результат постоянного ее применения; поэтому выгода от владения ею получается обыкновенно в виде годового дохода, который выплачивается лицом, пользующимся силой, из выручки, полученной им от этого пользования. Этот доход всегда может называться и обыкновенно называется рентой. Поэтому вопрос относительно влияния, оказываемого присвоением естественных сил на ценность, часто ставится в следующей форме: входит ли рента в стоимость производства, или нет? и на это наиболее известные экономисты дают отрицательный ответ. Принятие этих общих выражений слишком соблазнительно даже для людей, понимающих те оговорки, с какими они должны быть приняты; потому что эти формулы, бесспорно, запечатлывают в ум обих принцип тверже чем, если бы он был обставлен и в теории всеми ограничениями, которые встречаются на практике. Но они также ведут к затруднениям и ошибкам и производят невыгодное для политической экономии впечатление, будто бы она пренебрегает очевидными фактами. Никто не может отрицать, что рента иногда входит в стоимость производства. Если я покупаю или беру в аренду клочек земли и строю на нем суконную фабрику, то рента за этот клочек, конечно, составляет часть издержек производства, которые должны быть возвращены из продукта. А так как все фабрики построены на земле, и большинство из них в местах, где земля особенно дорога, то рента, платимая за нее, должна в среднем возмещаться в ценностях всех вещей, производимых на фабриках. Однако в следующей главе мы покажем в каком смысле справедливо то, что рента не входит в стоимость производства и не влияет на ценность земельного продукта.

ГЛАВА V.

О ренте в ее отношении к ценности.

§ 1. Мы исследовали законы, определяющие ценность товаров двух классов. Из них первый класс небольшой, количество товаров в нем точно ограничено, и потому ценность их всецело зависит от величины спроса и предложения, а стоимость их производства (если возможно говорить о ней) составляет минимум, ниже которого не может на долго падать их ценность. Второй обширный класс состоит из товаров, количество кото-

личество которых может по желанию быть увеличено посредством труда и капитала: стоимостью производства этих товаров определяется, как максимум, так и минимум ценности, по какой они могут постоянно обмениваться. Но мы должны еще рассмотреть третий вид товаров, а именно тот, который имеет не одну, а несколько стоимостей производства. Количество этих товаров всегда может быть увеличено трудом и капиталом, но только не с одинаковой затратой труда и капитала. Известное количество может быть произведено по данной стоимости, но дальнейшая прибавка производится не иначе, как по стоимости более высокой. Эти товары составляют промежуточный класс, имеющий отличительные черты обоих предыдущих классов. Главное место в нем занимает сельскохозяйственный продукт. Мы уже много раз указывали на ту основную истину, что в земледелии, при данном состоянии сельскохозяйственного искусства, удвоенный труд не дает удвоенного продукта;—что, если требуется увеличение количества продукта, то добавочное снабжение получается по более высокой стоимости, чем прежде. Если в известной деревне, где в настоящее время требуется от земли всего лишь сто кварталов зерна, вследствие увеличения населения станет необходимым производить еще сто кварталов, для чего придется либо распахивать худшие, и теперь не обрабатываемые земли, либо получать это добавочное количество посредством более совершенной обработки земель, уже находящихся под пахотой,—то в таком случае каждый квартал добавочной сотни, или, по крайней мере, части ее может стоить вдвое и втрое дороже, чем при прежнем размере производства.

Если первые сто кварталов производится все с одинаковым расходом (т. е. на самых лучших землях), и если этот расход вознаграждается с обыкновенной прибылью при цене 20 шил. за квартал, то естественная цена пшеницы будет 20 шил. до тех пор, пока не потребуется больше этого количества; пшеница может быть дороже или дешевле этой цены только от неурожаев, или от других случайных изменений в предложении. Но если население местности увеличивается, то придет время, когда для прокормления его будет необходимо больше 100 кварталов. Мы должны предположить, что в этом случае нет никакого ввоза пшеницы. По нашей гипотезе в этой местности нельзя произвести больше 100 кварталов, не обративши худшие земли под обработку или не заменивши существующую систему обработки более дорогой. Ни один из этих двух приемов не может быть осуществлен без повышения цены. Это повышение цены будет постепенно совершаться вследствие увеличения спроса. Пока цена повышается, но не настолько высоко, чтобы возратить с обыкновенной прибылью стоимость производства добавочного количества хлеба, увеличивающаяся ценность ограниченной массы продукта сходна с ценностью предметов редкости. Предположим, что обрабатывать землю, второстепенную по качеству или по удаленности, будет выгодно лишь при цене в 25 ш. за квартал; и что та-

кая же цена необходима для вознаграждения дорогих операций, посредством которых может быть получено увеличение продукта съ самых лучших земель. Если это такъ, то цена вследствие увеличения спроса будетъ повышаться до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ до 25 ш. Это и будетъ теперь естественной цѣной, а именно цѣной, безъ которой не будетъ производиться то количество хлѣба, на какое существуетъ въ обществѣ спросъ по этой цѣнѣ. Такая цена могла бы существовать въ обществѣ довольно долго,—могла бы существовать вѣчно, если бы населеніе не увеличивалось. Разъ достигнувъ этой величины, цена не будетъ уже надолго возвращаться назадъ (хотя она можетъ временно падать отъ случайнаго избытка), а также не будетъ и повышаться, пока общество будетъ имѣть возможность получать необходимое количество хлѣба безъ вторичнаго увеличения стоимости производства.

Въ этомъ разсужденіи я употреблялъ слово цена, какъ удобный символъ цѣнности, потому что оно даетъ намъ болѣе знакомое понятіе: и впредь я буду дѣлать то же самое, когда это мнѣ покажется необходимымъ.

Въ предположенномъ случаѣ различныя части общей массы произведеннаго хлѣба имѣютъ различныя стоимости производства. Хотя бы 20, 50 или 150 добавочныхъ кварталовъ были произведены по стоимости, соответствующей цѣнѣ въ 25 ш., все же первоначальные сто кварталовъ производятся по стоимости, соответствующей лишь цѣнѣ въ 20 ш. Это само собою очевидно, если первоначальный и добавочный продуктъ производится на земляхъ разнаго качества. Но это будетъ одинаково справедливо, если онъ будетъ производиться и на одной и той же землѣ. Предположимъ, что земля лучшаго качества, производившая прежде 100 квартал. по 20 ш., теперь начала производить 150 квартал. благодаря какому нибудь дорогому приему, который не стоило бы вводить, не считывая на цену въ 25 ш. Издержки, соответствующія цѣнѣ въ 25 ш., предприняты только лишь ради 50 кварталовъ: первые 100 кварталовъ могутъ вѣчно производиться по первоначальной стоимости, и еще съ прибылью на все это количество, полученной отъ общаго возвышенія цены, которое вызвано увеличеніемъ спроса; поэтому никто не предприметъ добавочнаго расхода ради лишнихъ 50 квар., если они один не оплатятъ его цѣнникомъ. И такъ, 50 кварталовъ будутъ произведены по ихъ естественной цѣнѣ, соответствующей стоимости ихъ производства: а прежніе сто кварталовъ будутъ на каждомъ кварталѣ давать на 5 ш. больше своей естественной цѣны—т. е. больше цены, достаточной для покрытия ихъ менѣе высокой стоимости производства.

Если производство какой нпудь даже самой незначительной части всего продукта необходимо требуетъ известной цены, эту цену будутъ платить и за все остальное количество. Мы не можемъ покупать одну булку дешевле другой оттого, что зерно, изъ котораго она сдѣлана, выросло на болѣе богатой почвѣ и стоило дешевле своему производителю. Поэтому цѣнность товара (подразумѣвая здѣсь его естественную, т. е. среднюю цѣнность) опредѣляется

стоимостью той части всего продукта, которая произведена и доставлена на рынокъ съ наибольшими издержками. Это и есть законъ цѣнности третьяго изъ тѣхъ трехъ классовъ, на которые раздѣляются все товары.

§ 2. Если часть продукта, собранная при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, приобретаетъ цѣнность, пропорциональную стоимости ея производства, то все остальные части, собранныя при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, будучи продаваемы, какъ и слѣдуетъ ожидать, по той же самой цѣнности, приобретаютъ цѣнность болѣе, чѣмъ пропорциональную ихъ стоимости производства. Строго говоря, ихъ цѣнность не будетъ цѣнностью предметовъ рѣдкости, потому что она опредѣляется условіями производства товара, а не той степенью дороговизны, какая необходима для того, чтобы понизить спросъ до уровня ограниченаго предложенія. Однако собственники этихъ частей продукта пользуются привилегіей: они получаютъ цѣнность, приносящую имъ болѣе, чѣмъ обыкновенную прибыль. Если бы эта выгода зависѣла отъ какой нибудь специальной льготы, такой напримеръ, какъ освобожденіе отъ налога, или являлась результатомъ какихъ нибудь личныхъ преимуществъ, физическихъ или умственныхъ, или какого нибудь особеннаго технического процесса, известнаго только отдѣльной группѣ лицъ, или происходила отъ того, что послѣднія располагали бы большимъ капиталомъ, чѣмъ другіе люди, или отъ какихъ бы то ни было другихъ разнообразныхъ причинъ,—то они удерживали бы этотъ излишекъ выручки сверхъ обыкновенной прибыли на капиталъ, въ видѣ нѣкотораго рода монопольной прибыли. Но въ данномъ случаѣ преимущество заключается въ обладаніи естественной силой особеннаго качества, напримеръ, землей болѣе плодородной, чѣмъ та, которая опредѣляетъ общую цѣнность товара: и если эта естественная сила не принадлежитъ по праву собственности тѣмъ лицамъ, которые ею владѣютъ, то собственникъ можетъ требовать отъ нихъ въ формѣ ренты весь излишекъ прибыли, полученный отъ пользования этою силой. Такимъ образомъ, мы пришли другимъ путемъ къ закону ренты, изслѣдованному нами въ послѣдней главѣ второй книги. Рента, какъ мы опять видимъ, составляетъ разницу между неравными доходами съ отдѣльныхъ частей капитала, затраченнаго на земледѣліе. Какой излишекъ ни давала бы известная часть земледѣческаго капитала надъ той прибылью, которая получается при равномъ капиталѣ съ самой худшей землѣ, или отъ самаго дорогаго способа обработки, какого только требуетъ существующій въ обществѣ спросъ,—весь этотъ излишекъ, естественно, будетъ въ формѣ ренты уплаченъ собственнику земли изъ капитала, затраченнаго на эту землю.

Многіе политико-экономисты, между прочимъ даже и Адамъ Смитъ, долго думали, что продуктъ земли всегда имѣетъ монопольную цену, потому что, по ихъ мнѣнію, онъ всегда даетъ сверхъ обыкновеннаго процента прибыль, нѣкоторый излишекъ для ренты. Мы уже видѣли, что такое мнѣніе ошибочно. Вещь не можетъ имѣть монопольной цѣнности, если ея предложеніе можетъ быть увеличено

до неопредѣленныхъ размѣровъ, подъ условіемъ только, чтобы кто нибудь согласился взять на себя расходы по производству. Если хлѣба производится не больше извѣстнаго количества, то это происходитъ отъ того, что цѣнность его поднялась еще не достаточно высоко, чтобы вознаградилось прибавочное производство. Всякая земля (не оставленная для другого назначенія или для удовольствія), которая при существующихъ цѣнахъ и существующихъ способахъ обработки можетъ давать обыкновенную прибыль, почти навѣрное будетъ обрабатываться, хотя бы и ничего не оставалось для ренты, если только не явится какого нибудь искусственнаго препятствія. Если существуетъ какая нибудь земля, пригодная для обработки, но при существующей цѣнѣ вовсе не дающая прибыли, то должно быть также извѣстное количество нѣсколько лучшей земли, которая будетъ давать обыкновенную прибыль, но не дастъ ничего для ренты. Такая земля, если она находится въ предѣлахъ фермы, будетъ обрабатываться фермеромъ; если же она составляетъ отдѣльный кусокъ, то ее будетъ обрабатывать, вѣроятно, или самъ хозяинъ, или какое нибудь другое лицо, получившее на то даровое разрѣшеніе. По крайней мѣрѣ, нѣкоторое количество такой земли непременно будетъ находиться подъ обработкой.

Итакъ, рента не составляетъ части стоимости производства, опредѣляющей цѣнность земледѣльческаго продукта. Конечно, можно представить себѣ условія, при которыхъ рента составляла бы часть стоимости производства и даже весьма значительную. Мы можемъ вообразить страну, которая настолько густо заселена, въ которой вся годная къ обработкѣ земля настолько занята, что производство добавочнаго количества хлѣба потребовало бы большаго количества труда, чѣмъ какое можетъ содержаться произведеннымъ имъ продуктомъ; если мы, далѣе, предположимъ, что таково положеніе всего земного шара, или какой нибудь страны, лишенной иностраннаго ввоза, в если при этомъ населеніе будетъ продолжать увеличиваться, то земля и продуктъ ея, дѣйствительно, возвысятся до монополической цѣны, или до цѣны предметовъ рѣдкости. Но такое положеніе вещей въ дѣйствительности никогда и нигдѣ не могло существовать; оно возможно только развѣ на небольшомъ островѣ, отрѣзанномъ отъ всего остальнаго міра: нѣтъ гакже никакой опасности, что оно наступитъ въ будущемъ. Несомнѣнно, что такого положенія нѣтъ ни въ одной изъ извѣстныхъ, намъ современныхъ странъ. Монаполи, какъ мы уже видѣли, можетъ оказывать влияние на цѣнность только ограниченіемъ предложенія. Во всѣхъ странахъ, какого бы то ни было размѣра, земли, годной для обработки, находится больше, чѣмъ обрабатывается въ дѣйствительности; а пока существуетъ хоть самый незначительный, подобный излишекъ, до тѣхъ поръ земля такого качества будетъ находиться въ тѣхъ же условіяхъ, какъ если бы ей существовало неопредѣленное количество. На практикѣ ограничено лишь предложеніе земель лучшаго качества; но даже и за нихъ нельзя требовать такую ренту, которая привлекла бы къ соперничеству земли еще не обрабатываемыя. Рента извѣстнаго участка должна быть нѣсколько ниже всего из-

лишка его производительности надъ производительностью лучшихъ изъ тѣхъ земель, которыя еще невыгодно обрабатывать; т. е. она должна приблизительно равняться излишку надъ худшей землей, которую выгодно обрабатывать. Изъ земель или капиталовъ, дѣйствительно примѣняющихся къ дѣлу, не приносятся ренты тѣ, которые находятся въ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ; и эти земли и капиталы опредѣляютъ стоимость производства, которой регулируется цѣнность всего продукта. Такимъ образомъ, какъ мы уже видѣли, рента есть не причина цѣнности, а цѣна извѣстной производительности земли и сообщается всѣмъ частямъ всего земледѣльческаго продукта, кромѣ той части, которая произведена въ наименѣ благоприятныхъ условіяхъ.

Однимъ словомъ, рента только уравниваетъ прибыль съ разныхъ земледѣльческихъ капиталовъ, давая возможность землевладельцу присваивать себѣ весь излишекъ барышей, происшедшихъ отъ естественныхъ преимуществъ его земли. Если бы всѣ землевладельцы единодушно отказались отъ своей ренты, они бы только передали ее фермерамъ, не принеся этимъ никакой пользы потребителю, потому что существующая цѣна на хлѣбъ была бы всетаки необходимымъ условіемъ производства части всего вырабатываемаго продукта; а если часть его продается по такой цѣнѣ, то и весь онъ будетъ продаваться по той же цѣнѣ. Слѣдовательно, рента, если только она искусственно не повышена ограничительными законами, не ложится бременемъ на потребителя; она не повышаетъ цѣны на хлѣбъ и причиняетъ обществу ущербъ лишь въ томъ смыслѣ, что, если бы государство удерживало ее въ свою пользу или взыскивало равную ей сумму въ видѣ поземельнаго налога, то она представляла бы фондъ, который можно было бы употребить не на частную, а на общую пользу.

§ 3. Не одинъ только земледѣльческій продуктъ имѣетъ въ одно и то же время нѣсколько различныхъ стоимостей производства и даетъ вслѣдствіе этой разницы пропорціональную ей ренту. Рудники могутъ служить такимъ же примѣромъ. Почти всѣ виды сырыхъ матеріаловъ, извлеченные изъ нѣдръ земли, металлы, каменный уголь, драгоценные камни и т. п., получаютъ изъ рудниковъ, значительно разнящихся между собою по своему богатству, т. е. дающихъ на одно и то же количество труда и капитала въ высшей степени различное количество продукта. Тутъ является очевидный вопросъ, почему наиболѣе богатые рудники не разрабатываются настолько, чтобы снабжать весь рынокъ? Подобнаго вопроса не можетъ возникнуть относительно земли, такъ какъ само собой очевидно, что нѣтъ никакой возможности, чтобы наиболѣе плодородныя земли оцѣли удовлетворять весь спросъ густо заселенной страны; и даже часть приносимаго ими продукта извлекается изъ нихъ съ такимъ же трудомъ и издержками, какіе необходимы для полученія такого же количества продукта съ худшей земли. Но рудники находятся не въ такихъ условіяхъ: по крайней мѣрѣ, не повсюду эти условія таковы. Вѣроятно, бываютъ случаи, когда изъ отдѣльной жилы

въ данное время нельзя извлекать болѣе извѣстнаго количества руды, потому что доступна лишь ограниченная поверхность жилы, на которой одновременно не можетъ работать болѣе извѣстнаго числа рабочихъ. Но этого нельзя сказать относительно всѣхъ рудниковъ. Напримѣръ, въ каменноугольныхъ копяхъ слѣдуетъ искать какихъ нибудь другихъ причинъ ограниченія производства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ владѣльцы ограничиваютъ добываемое количество, чтобы не слишкомъ быстро истощать копи: въ другихъ же, какъ говорятъ, заключаются союзы между владѣльцами, чтобы ограниченіемъ производства поддерживать монопольную цѣну. Но каковы бы ни были причины, несомнѣненъ тотъ фактъ, что разрабатываются рудники различныхъ степеней богатства; а такъ какъ цѣнность продукта должна быть пропорціональна стоимости производства въ худшихъ рудникахъ (принимая во вниманіе и общіе, и мѣстоположеніе рудника), то она превышаетъ стоимость производства въ лучшихъ рудникахъ. Слѣдовательно, всѣ рудники, дающіе продукта больше, чѣмъ самыя худшія изъ дѣйствительно разрабатываемыхъ, будутъ приносить ренту, равную излишку продукта. Они могутъ давать и больше этого; даже самый худшій рудникъ можетъ давать ренту. Рудниковъ сравнительно не много, и въ качественномъ отношеніи они не представляютъ такого постепеннаго перехода отъ одного къ другому, какъ земельные участки, а спросъ можетъ быть таковъ, что цѣнность продукта будетъ значительно превышать стоимость производства даже въ самыхъ худшихъ изъ разрабатываемыхъ теперь рудниковъ: но все же она будетъ недостаточна для того, чтобы вызвать разработку еще худшихъ. При такихъ условіяхъ продуктъ, дѣйствительно, будетъ имѣть цѣнность предмета рѣдкости.

Рыбныя ловли представляютъ другой такой же примѣръ. Рыбныя ловли въ открытомъ морѣ не обращены въ собственность, но рыбныя ловли въ озерахъ и рѣкахъ почти всегда присвоены, такъ же, какъ и устричныя мели или другія пребрежныя добычныя мѣста. Какъ примѣръ всего этого класса, мы можемъ взять ловли лососей. Нѣкоторыя рѣки гораздо богаче лососями, чѣмъ другія. Но каждая изъ нихъ, не истощаясь, можетъ удовлетворять только самому ограниченному спросу. Спросъ такой страны, какъ Англія, можетъ быть удовлетворенъ только ловлею лососей изъ многихъ различныхъ рѣкъ, неодинаково производительныхъ, и цѣнность рыбы должна быть достаточно высока, чтобы возратить расходъ, сдѣланный для полученія ея изъ наименѣе производительныхъ рѣкъ. Поэтому всѣ другія ловли, если онѣ обращены въ собственность, будутъ приносить ренту, равную цѣности даваемыхъ ими излишковъ. Значительно выше этого рента не можетъ подняться, если есть доступныя рѣки, въ которыхъ водятся лососи, и которыя до сихъ поръ не эксплуатировались вслѣдствіе ихъ удаленности отъ рынка или малой производительности. Если же такихъ рѣкъ нѣтъ, то цѣнность, безъ сомнѣнія, можетъ дойти до цѣнности предмета рѣдкости, и тогда самыя худшія изъ эксплуатируемыхъ рыбныхъ ловель могутъ приносить значительную ренту.

И въ рудникахъ, и въ рыбныхъ ловляхъ установившійся порядокъ можетъ нарушиться вслѣдствіе открытія новаго рудника или новой рыбной ловли, превосходящихъ по своему качеству нѣкоторые изъ эксплуатируемыхъ теперь. Первымъ результатомъ такого случая бываетъ увеличеніе предложения, которое, конечно, понижаетъ цѣнность для того, чтобы вызвать увеличеніе спроса. Эта пониженная цѣнность уже можетъ быть недостаточной для вознагражденія производства въ худшихъ изъ существующихъ рудниковъ и рыбныхъ ловель, и вслѣдствіе этого они могутъ быть покинуты. Если рудники и рыбныя ловли высшаго качества, съ задачей вновь открытыя, производятъ такое количество товара, какое требуется по пониженной цѣнности, соответствующей понизившейся стоимости производства, то пониженіе цѣнности будетъ продолжительно и повлечетъ за собой соответственное пониженіе въ рентахъ тѣхъ рудниковъ и рыбныхъ ловель, которые не были покинуты. Въ такомъ случаѣ, послѣ того какъ положеніе дѣлъ само собою прочно приспособится къ настоящимъ условіямъ, въ результатѣ окажется, что дѣйствица всѣхъ разрядовъ предприятий, снабжавшихъ рынокъ, будетъ укорочена съ нижняго конца, а нѣсколько выше появятся новыя ступени; и самыя худшія эксплуатируемыя рудники или рыбныя ловли—которыя опредѣляютъ ренту предприятий болѣе доходныхъ и цѣнность товара—будутъ рудники и рыбныя ловли болѣе высокаго качества, чѣмъ тѣ, какими регулировалась цѣнность и рента прежде.

Земля, кромѣ земледѣлія, употребляется и для другихъ цѣлей, главнымъ образомъ, какъ мѣсто жительства: а при такомъ употребленіи она даетъ ренту, которая опредѣляется принципами, сходными съ только что изложенными вами. Рента за мѣсто, находящееся подъ зданіемъ, и за садъ или паркъ, прилегающіе къ нему, будетъ не меньше той, какую дасть бы тотъ же участокъ земли при земледѣльческой обработкѣ: но эта рента можетъ быть и во много разъ больше земледѣльческой: прибавка получается въ вознагражденіе за красоту или удобство мѣстности, при чемъ удобство часто состоитъ въ возможности извлекать высокую денежную выгоду. Предложеніе мѣстностей выдающейся красоты обыкновенно ограничено, и потому, при большомъ спросѣ, онѣ получаютъ цѣнность предметовъ рѣдкости. Цѣнность мѣстностей, превосходство которыхъ состоитъ лишь въ одномъ удобствѣ, управляется обыкновенными законами ренты. Рента за строевое мѣсто въ маленькой деревнѣ большею частью бываетъ немногимъ выше ренты за такой же клочекъ полевой земли: но рента за мѣсто подъ магазиномъ въ Чипсайдѣ будетъ превышать такую ренту на всю ту сумму, въ какую люди опѣиваютъ высшую степень удобства для веденія торговаго предприятия въ наиболѣе заселенныхъ мѣстахъ. Ренты за пристани, доки в гавани, за водяную силу и многія другія особенно доходныя статьи можно объяснить на основаніи подобныхъ же принциповъ.

§ 4. Помимо прибыли, аналогичный рентѣ, встрѣчается въ промышленности гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Возьмемъ, напримѣръ, патентъ, или исключительную привилегію

на пользование процессомъ, уменьшающимъ стоимость производства. Если цѣнность продукта продолжаетъ регулироваться стоимостью производства въ предприятияхъ, привыкшихъ придерживаться прежнихъ способовъ обработки, то человекъ, имѣющій привилегію, будетъ получать излишекъ прибыли, соответствующій преимуществу его способа надъ прежнимъ. Этотъ излишекъ прибыли по существу своему сходенъ съ рентой, и иногда принимаетъ даже ея форму, когда владѣлецъ привилегіи разрѣшаетъ другимъ производителямъ пользоваться ею за известную ежегодную плату. Пока онъ и тѣ, которыхъ онъ принимаетъ въ участники привилегіи, не производятъ столько товара, чтобы снабжать имъ весь рынокъ, до тѣхъ поръ цѣнность всего продукта будетъ регулироваться первоначальной стоимостью производства, которая составляетъ необходимое условіе производства некоторой части продукта, и владѣлецъ привилегіи будетъ имѣть возможность получать ренту, совершенно равную той выгодѣ, которую онъ могъ бы получать отъ своего процесса. Правда, вначалѣ онъ, вѣроятно, будетъ отказываться отъ части этой выгоды, чтобы подорвать конкурентовъ. Произведенное имъ увеличеніе предложения понизитъ цѣнность и сдѣлаетъ убыточнымъ занятіе для тѣхъ, которые не участвуютъ въ привилегіи. Поэтому многие изъ нихъ постепенно будутъ оставлять или сокращать свои операціи или войдутъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ привилегіи. По мѣрѣ того, какъ предложеніе съ его стороны увеличивается, съ ихъ стороны оно уменьшается, а тѣмъ временемъ цѣнность будетъ медленно понижаться. Но если онъ вдругъ перестанетъ расширять свои операціи раньше, чѣмъ рынокъ будетъ вполне снабженъ товаромъ, приготовленнымъ по новому способу, положеніе вещей снова само собою приспособится къ той естественной цѣнности, какая существовала до изобрѣтенія, и выгода отъ улучшенія достанется на долю лишь одного владѣльца привилегіи.

Излишекъ выгоды, который получаетъ производитель или торговецъ, благодаря превосходству своихъ способностей къ дѣлу или превосходству въ устройствѣ дѣла, очень сходенъ съ только что разсмотрѣннымъ излишкомъ. Если бы всѣ соперники такого торговца обладали такими же преимуществами, какъ онъ, и пользовались бы ими, выгода перешла бы къ потребителямъ черезъ уменьшеніе цѣнности товара. Отдѣльный производитель удерживаетъ эту выгоду для себя только въ такомъ случаѣ, когда онъ имѣетъ возможность доставлять на рынокъ свой товаръ по болѣе низкой стоимости, тогда какъ цѣнность послѣдняго опредѣляется болѣе высокой стоимостью. Въ дѣйствительности всякое преимущество, которымъ располагаетъ одинъ соперникъ надъ другимъ—будетъ ли оно естественнымъ или приобрѣтеннымъ, составляетъ ли оно результатъ личныхъ качествъ или общественаго устройства,—переноситъ товаръ въ третій классъ, а своего владѣльца уподобляетъ человеку, получающему ренту. Заработная плата и прибыль представляютъ всеобщіе элементы производства, а ренту можно считать представительницею неравенства и особенности въ немъ: всякая разниця въ пользу известныхъ производителей или въ пользу произ-

водства при известныхъ обстоятельствахъ служитъ источникомъ прибыли, которая, хотя и не называется рентой, если ее не выплачиваетъ периодически одно лицу другому, но управляетъ законами совершенно одинаковымъ съ законами ренты. Цѣна, платимая за исключительное преимущество въ производствѣ товара, не можетъ входить въ общую стоимость его производства.

Конечно, бываютъ случаи, когда товаръ даетъ ренту даже при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ его производства: но это возможно лишь тогда, когда предложеніе товара на некоторое время безусловно ограничивается, и онъ поэтому оцѣнивается, какъ предметъ рѣдкости. Но такое положеніе никогда не бываетъ, не было и не можетъ быть постояннымъ ни для одного изъ главныхъ товаровъ, приносящихъ ренту. Оно можетъ наступить только для минеральныхъ продуктовъ, близкихъ къ истощенію (какъ, напримеръ, каменный уголь), или въ томъ случаѣ, если населеніе продолжаетъ возрастать послѣ того, какъ дальнѣйшее увеличеніе производства становится невозможнымъ: но мы не можемъ считать такой случай правдоподобнымъ въ виду того, что человѣческая культура и усовершенствованія будутъ, несомнѣнно, прогрессировать еще въ теченіе долгаго времени и моментъ ихъ остановки еще очень далекъ.

ГЛАВА VI.

Краткій обзоръ теоріи цѣнности.

§ 1. Мы достигли теперь удобнаго мѣста, чтобы оглянуться назадъ и окинуть однимъ взглядомъ все пройденное нами сначала этой книги. Вотъ принципы теоріи цѣнности, насколько мы ихъ уже опредѣлили.

I. Цѣнность имѣетъ относительное значеніе. Цѣнность вещи означаетъ количество какой нибудь другой вещи или всѣхъ вещей вообще, за какое первая обмѣнивается. Поэтому цѣнности всѣхъ вещей не могутъ падать или повышаться одновременно. Общаго повышения или общаго пониженія цѣнностей не можетъ быть. Всякое повышение одной цѣнности предполагаетъ пониженіе другой, и наоборотъ, всякое пониженіе первой—повышеніе второй.

II. Временная, или рыночная цѣнность вещи, зависитъ отъ спроса и предложенія: она повышается по мѣрѣ повышения спроса и падаетъ по мѣрѣ повышенія предложенія. Но спросъ измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью: когда вещь дешевле, онъ обыкновенно бываетъ сильнѣе въ сравненіи съ тѣмъ, когда она дороже: и цѣнность всегда приспособляется такъ, чтобы спросъ былъ равенъ предложенію.

III. Кроме временной цѣнности, вещи имѣютъ также постоянную, или, какъ ее можно назвать, естественную цѣнность, къ которой, послѣ всякаго колебанія, всегда стремится возвратиться рыночная цѣнность: и эти колебанія уравниваются одно другимъ,

такъ что въ среднемъ товары обмѣниваются приблизительно по своей естественной цѣнности.

IV. Некоторые вещи обладаютъ цѣнностью предметовъ рѣдкости, которая и служитъ имъ естественной цѣнностью: но большинство вещей естественно обмѣниваются другъ на друга пропорціонально ихъ стоимости производства, или по той цѣнности, которую можно назвать цѣнностью издержекъ производства (Cost Value).

V. Вещами, естественно и постоянно имѣющими цѣнность предметовъ рѣдкости, будутъ тѣ, предложеніе которыхъ или совершенно не можетъ быть увеличено, или не можетъ быть увеличено настолько, чтобы удовлетворить весь спросъ, какой существовалъ бы на нихъ, если бы онѣ продавались по стоимости ихъ производства.

VI. Монопольная цѣнность есть тоже, что цѣнность предметовъ рѣдкости. Монополія можетъ придать цѣнность вещи не иначе, какъ при помощи ограниченія предложенія.

VII. Всякій товаръ, предложеніе котораго можетъ быть до безконечности увеличено трудомъ и капиталомъ, обмѣнивается на другія вещи пропорціонально издержкамъ, необходимымъ для производства и доставки на рынокъ наиболее дорого стоящей части всего требуемаго продукта. Естественная цѣнность составляетъ синонимъ съ цѣнностью издержекъ производства, а цѣнность издержекъ производства товара соответствуетъ стоимости производства самой дорогой его части.

VIII. Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ: изъ нѣхъ одни постоянны и всеобщы, другіе—случайны. Общими элементами стоимости производства будутъ заработная плата и прибыль на капиталъ. Случайными элементами—налоги и всякіе чрезвычайные расходы производства, вызываемые дороговизною какого нибудь изъ его элементовъ, которая происходитъ влѣдствіе недостатка въ немъ.

IX. Рента не есть элементъ стоимости производства товара, приносящаго ее; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ (скорѣе предполагаемыхъ, чѣмъ дѣйствительно существующихъ), когда она является результатомъ и показателемъ того, что цѣнность товара повысилась влѣдствіе недостатка въ немъ и какъ бы стала цѣнностью предмета рѣдкости. Но если земля, способная давать ренту въ земледѣліи, употребляется для какого нибудь другого назначенія, напримѣръ, для производства какого нибудь мануфактурнаго товара, то рента, которую она давала бы при земледѣльческой обработкѣ, составитъ элементъ въ стоимости производства этого товара.

X. Если не касаться случайныхъ элементовъ, то вещи, количество которыхъ можетъ быть до безконечности увеличено, естественно и постоянно обмѣниваются другъ на друга сообразно съ отношеніемъ суммъ заработной платы, уплачиваемыхъ при ихъ производствѣ, и сообразно съ отношеніемъ суммъ прибылей, получаемыхъ капиталистами, которые платятъ эту заработную плату.

XI. *Отношеніе* суммъ заработной платы не зависитъ отъ размѣра самой заработной платы. Высокая заработная плата не создаетъ высокой цѣнности такъ же, какъ и низкая заработная плата низкой цѣнности. Это отношеніе зависитъ отчасти отъ того, сколько труда требуется для производства различныхъ товаровъ, а отчасти отъ того, какъ велико вознагражденіе за этотъ трудъ въ различныхъ производствахъ.

XII. Также точно отношеніе между суммами прибыли не зависитъ отъ того, какова сама по себѣ прибыль: высокая или низкая прибыль не создаетъ высокихъ или низкихъ цѣнностей. Это отношеніе зависитъ отчасти отъ большей или меньшей продолжительности времени, въ теченіе котораго обращается капиталъ, и отчасти отъ сравнительной величины процента прибыли въ различныхъ занятіяхъ.

XIII. Если двѣ вещи произведены одинаковыми количествами труда, за который уплачивается одно и то же вознагражденіе, и если плата рабочаго должна быть уплачена за одинъ и тотъ же промежутокъ времени, а характеръ занятій не требуетъ, чтобы существовала между ними разница въ процентѣ прибыли, то въ такомъ случаѣ эти двѣ вещи въ среднемъ будутъ обмѣниваться одна на другую, независимо отъ того, будутъ ли заработная плата и прибыль высоки или низки, и будутъ ли велики или мало затраченное количество труда.

XIV. Если одна изъ двухъ вещей въ среднемъ имѣетъ большую цѣнность, нежели другая, то это происходитъ или отъ того, что для ея производства требуется большее количество труда, или же такой родъ труда, который постоянно оплачивается по болѣе высокой цѣнѣ: или отъ того, что капиталъ, или часть капитала, идущаго на содержаніе этого труда, долженъ быть затраченъ на гораздо болѣе долгій срокъ; или, наконецъ, отъ того, что производство сопровождается обстоятельствами, которыя должны быть уравновѣшены болѣе высокимъ процентомъ прибыли.

XV. Изъ этихъ элементовъ самымъ главнымъ будетъ количество труда, необходимое для производства: вліяніе другихъ гораздо меньше, хотя всѣ они имѣютъ важное значеніе.

XVI. Чѣмъ выше прибыль, тѣмъ меньше становятся значеніе второстепенныхъ элементовъ стоимости производства, и тѣмъ меньше товары уклоняются отъ цѣнности, пропорціональной количеству и качеству труда, необходимаго для ихъ производства.

XVII. Но всякое паденіе прибыли понижаетъ до нѣкоторой степени стоимость производства вещей, произведенныхъ многочисленными или прочными машинами, и повышаетъ стоимость производства вещей, приготовленныхъ ручнымъ трудомъ; а всякое повышение прибыли производитъ обратный результатъ.

§ 2. Такова общая теорія мѣновой цѣнности. Однако необходимо замѣтить, что эта теорія имѣетъ въ виду систему производства, которое ведется капиталистами ради прибыли, а не рабочими ради существованія. Если же мы примемъ это послѣднее предположеніе—а въ большей части странъ мы должны принять его въ

очень значительномъ размѣрѣ, по крайней мѣрѣ, относительно земледѣльческаго продукта.—то тѣ пзъ предыдущихъ теоремъ, которыми опредѣляется отношеніе между цѣнностью вещи и стоимостью ея производства, будутъ требовать нѣкотораго пзмѣненія. Всѣ эти теоремы основаны на предположеніи, что цѣль и стремленіе производителя заключается въ полученіи прибыли на свой капиталъ. Прпзваніе этого влечетъ за собой тотъ выводъ, что производитель долженъ продавать свой товаръ по цѣнѣ, которая доставитъ ему обыкновенный процентъ прибыли, т. е. иначе говоря, онъ долженъ обмѣнивать его на другіе товары соответственно стоимости его производства. Но крестьянинъ-собственникъ, половникъ и даже крестьянинъ—фермеръ, или владѣлецъ небольшого участка—словомъ, земледѣлецъ, подъ каплмъ бы то ни было именовъ, ведущій производство за свой собственный счетъ—ищетъ не помѣщенія для своего маленькаго капитала, а выгоднаго примѣненія своего времени и труда. Его издержки, кромѣ содержанія его самого и его семьи, такъ не велики, что почти вся выручка отъ продажи продукта составляетъ плату за трудъ. Если онъ со своей семьей прокормится продуктомъ фермы (п. быть можетъ, одѣлся матеріалами, выращенными на фермѣ и приготовленными его же семейю), то относительно добавочнаго вознагражденія, получаемаго отъ продажи излишняго продукта, онъ находится въ одинаковомъ положеніи съ тѣми рабочими, которые, получая средства для своего существованія изъ независимаго петочника, могутъ продавать свой трудъ по такой цѣнѣ, какая, по ихъ мнѣнію, стоитъ успій. Крестьянинъ, содержащій себя и свою семью частью своего продукта, нрѣдко будетъ продавать остальной продуктъ гораздо ниже того, что составило бы стоимость его производства для капиталиста.

Но даже и въ этомъ случаѣ существуетъ минимумъ, или низшій предѣлъ цѣнности. Продуктъ, доставляемый земледѣльцемъ на рынокъ, долженъ приносить ему сумму, равную избытку всѣхъ тѣхъ предметовъ необходимости, которые онъ принужденъ покупать; кромѣ того, этотъ продуктъ долженъ давать ему средства платить ренту. При крестьянской обработкѣ, рента не управляется принципами, изложенными въ предыдущей главѣ: она или устанавливается обычаемъ, какъ при половничествѣ, или же въ томъ случаѣ, когда она опредѣляется соперничествомъ, зависитъ отъ степени населенности страны. Поэтому рента здѣсь составляетъ элементъ стоимости производства. Крестьянинъ долженъ работать настолько, чтобы покрыть свою ренту и цѣну покупаемыхъ имъ предметовъ необходимости. Сверхъ этого, онъ будетъ работать лишь тогда, когда онъ сможетъ продать свой продуктъ за цѣну, могущую побороть его отвращеніе къ труду.

Только что упомянутый минимумъ и будетъ все то, что крестьянинъ долженъ получить въ обмѣнъ за весь свой излишекъ продукта. Но такъ какъ этотъ излишекъ не составляетъ опредѣленнаго количества, а можетъ быть больше или меньше, судя по степени трудолюбія земледѣльца, то минимумъ цѣнности всего остатка не будетъ минимумомъ для известнаго, опредѣленнаго количества

продукта. Поэтому при такомъ положеніи дѣла едва ли можно сказать, что цѣнность сколько нибудь зависитъ отъ стоимости производства. Она всегдѣ зависитъ отъ спроса и предложенія, т. е. отъ пропорціи между количествомъ излишка или, который крестьянинъ пожелаетъ произвести, и численностью не—земледѣльческаго, или точнѣе, не—крестьянскаго населенія. Если покупающій классъ многочисленъ, а производящій классъ лѣнивъ, пища можетъ постоянно имѣть цѣнность предметовъ рѣдкости. Мы не приходилое слышать, чтобы подобный случай въ дѣйствительности гдѣ нибудь существовалъ. Если же производящій классъ энергиченъ и трудолюбивъ, а покупающій невеликъ, пища будетъ чрезвычайно дешева. Подобные случаи также рѣдки, хотя, быть можетъ, нѣкоторыя части Франціи приближаются къ нимъ. Обыкновенно бываетъ или такъ, какъ въ Нидерландахъ, до послѣдняго времени, гдѣ крестьянскій классъ лѣнивъ, а классъ покупателей невеликъ; или, наоборотъ, крестьяне трудолюбивы, а городское населеніе многочисленно и зажиточно, какъ въ Бельгіи, Сѣверной Италіи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Цѣна продукта будетъ сама собой приспособляться къ этимъ различнымъ обстоятельствамъ, если только ее не пзмѣняетъ, какъ это очень часто встрѣчается, соперничество производителей, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, или пѣны иностранныхъ рынковъ.

§ 3. Другой примѣръ аномаліи мы встрѣчаемъ въ производствѣ продукта невольническимъ трудомъ; однако этотъ случай далеко не представляетъ такой сложности. Рабовладѣлецъ—тотъ же капиталистъ, и побужденіемъ къ производству у него является полученіе прибыли на его капиталъ. Эта прибыль должна равняться обыкновенному проценту. Относительно своихъ расходовъ онъ находится въ такомъ же положеніи, какъ если бы его рабы были свободными рабочими, работающими съ успѣхностью, свойственной рабскому труду, и получающими заработную плату, которая равняется издержкамъ на содержаніе рабовъ. Если эти издержки по сравненію съ количествомъ сдѣланной работы будутъ меньше, чѣмъ была бы плата за свободный трудъ, то тѣмъ больше будетъ рабовладѣльская прибыль. Но если всѣ остальные производители страны обладаютъ тѣмъ же преимуществомъ, то оно не будетъ имѣть никакого вліянія на цѣнность товаровъ. Оно можетъ имѣть вліяніе лишь въ томъ случаѣ, если привилегія дешеваго труда существуетъ только въ известныхъ отрасляхъ производства: во всѣхъ же остальныхъ употребляются свободные рабочіе, получающіе сравнительно болѣе высокую заработную плату. Въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и во всѣхъ тѣхъ, гдѣ существуетъ постоянное неравенство въ заработной платѣ между различными занятіями, это неравенство отражается на цѣнахъ и пѣностяхъ. Товары, произведенные невольничьимъ трудомъ, будутъ обмѣниваться на товары, произведенные свободнымъ трудомъ, въ пропорціи меньшей той, какая бы соответствовала количеству труда, необходимаго для ихъ производства. Цѣнность первыхъ будетъ ниже, а послѣднихъ выше той, какая существовала бы при отсутствіи рабства.

Дальнѣйшее приложеніе теоріи цѣнности къ существующимъ или возможнымъ видоизмѣненіямъ промышленной системы можетъ

доставляется рѣдкостью и дороговизной подобныхъ уборовъ. По удовлетвореніи первыхъ потребностей жизни, каждый стремится накопить, насколько возможно, большой запасъ вещей дорогихъ и, въ то же время, могущихъ служить украшеніемъ, которыя бы, главнымъ образомъ, состояли изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней. Это были именно тѣ вещи, которыя каждый желалъ имѣть, и относительно которыхъ было болѣе вѣроятія найти желающихъ получить ихъ въ обмѣнъ за какой нибудь продуктъ. Онѣ принадлежали къ самымъ прочнымъ веществамъ. Кроме того, ихъ легко было переносить и прятать, такъ какъ въ небольшой массѣ ихъ заключается большая цѣнность, а это свойство имѣло большую важность при отсутствіи безопасности въ обществѣ. Драгоценные камни въ отношеніи дѣлимости стоятъ гораздо ниже золота и серебра: а по своимъ качествамъ, которыя не легко поддаются точному опредѣленію, они очень разнообразны. Золото и серебро въ высшей степени дѣлимы и въ чистомъ видѣ всегда бываютъ одного и того же качества: а ихъ чистота можетъ быть опредѣлена и удостовѣрена общественной властью.

Поэтому, хотя въ однихъ странахъ въ качествѣ денегъ употреблялись мѣха, въ другихъ скоть, въ китайской Татаріи кубики крѣпкого спресованнаго чаю, по берегамъ восточной Африки раковины, называемыя тамъ «каури», а въ Абиссиніи въ настоящее время куски горной соли: хотя по временамъ также изъ металловъ избирались наипменѣе драгоценныя, какъ напримѣръ, желѣзо въ Эфиопіи въ эпоху суроваго общественнаго строя, и мѣдь въ раннемъ періодѣ римской республики. вслѣдствіе бѣдности народа,— все же золото и серебро вообще пользовались предпочтеніемъ у всѣхъ народовъ, имѣвшихъ возможность получать ихъ посредствомъ промышленности, торговли или завоеванія. Къ качествамъ первоначально выдвинутымъ эти металлы, присоединилось еще одно, важность котораго обнаруживалась только постепенно. Изъ всѣхъ товаровъ золото и серебро менѣе всего подвержены вліянію какихъ бы то ни было причинъ, производящихъ колебаніе цѣности. Нѣтъ товара, который былъ бы совершенно свободенъ отъ такихъ колебаній. Золото и серебро съ начала историческаго времени подверглись одному большому и постоянному измѣненію въ вѣдствіи открытія американскихъ рудниковъ, и некоторымъ временнымъ колебаніямъ въ родѣ того, какое произошло, напримѣръ, въ послѣднюю великую войну, когда драгоценныя металлы откладывались про запасъ или поглощались военными кассами громадныхъ арій, постоянно находившихся въ походахъ. Въ нынѣшнія времена открытіе новыхъ столь богатыхъ мѣсторожденій, какъ Уральскій хребетъ, Калифорнія и Австралія, можетъ послужить началомъ другаго періода паденія цѣности золота и серебра, и о границахъ этого паденія теперь было бы бесполезно разсуждать. Но въ общемъ нѣтъ товаровъ, которые были бы менѣе подвержены причинамъ, вызывающимъ колебанія. Стоимость производства драгоценныхъ металловъ колеблется меньше, чѣмъ стоимость производства почти всѣхъ другихъ вещей. А вслѣдствіе ихъ прочности, все существующее

количество ихъ такъ велико по сравненію съ ежегодной ихъ добычей, что даже измѣненіе въ стоимости ихъ производства не оказываетъ внезапнаго вліянія на цѣнность. Чтобы значительно уменьшить существующее количество ихъ, необходимо очень продолжительное время; также и очень сильное увеличеніе этого количества не можетъ совершаться очень быстро. Поэтому золото и серебро болѣе всякаго другаго товара пригодны для того, чтобы служить предметомъ обязательствъ на полученіе или уплату известной суммы черезъ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени. Если бы обязательства заключались на хлѣбъ, урожаемъ въ одномъ году могъ бы увеличить бремя платежа въ четыре раза сравнительно съ тѣмъ, что было условлено, а богатый урожай въ другомъ году уменьшить его до одной четверти. Если бы условіе заключалось на сукно, то какое нибудь фабричное изобрѣтеніе могло бы навсегда уменьшить платежъ до $\frac{1}{10}$ первоначальной его цѣности. Подобные факты имѣли мѣсто даже и при платежахъ, условленныхъ на золото и серебро; но до сихъ поръ намъ известны только единственные достоверныя примѣры большого паденія цѣности этихъ металловъ, а именно, послѣ открытія Америки: но даже и въ этомъ случаѣ перемѣна совершалась съ чрезвычайной медленностью, растянувшись на очень большой періодъ времени.

Когда золото и серебро сдѣлались, дѣйствительно, орудіемъ обмѣна, т. е., стали вещами, за которыя люди обыкновенно продаютъ и на которыя обыкновенно покупаютъ все, что желаютъ продать или купить, тогда мысль о чеканкѣ монеты являлась сама собой. Этотъ способъ металла раздѣляется на удобныя части, известной величины, находящіяся въ известномъ отношеніи другъ къ другу: такимъ образомъ устраняются хлопоты по взвѣшиванію и опредѣленію качества металла при каждой перемѣнѣ владѣльцевъ, что представляло бы неудобство, которое при мелкихъ покупкахъ скоро сдѣлалось бы нестерпимымъ. Правительство нашло выгоднымъ взять эту операцію въ собственныя руки и запретить всякую чеканку частнымъ лицамъ. Правда, гарантія правительства верѣдко бывала единственной, которой можно было довѣрять: однако и это довѣріе очень часто было незаслуженнымъ.

§ 3. Деньги, разъ ихъ употребленіе вошло въ обычай, служатъ орудіемъ, посредствомъ котораго распределяется между различными членами общества ихъ доходъ, и мѣрою, посредствомъ которой оцѣнивается личное имущество. Такъ какъ люди удовлетворяютъ всѣ свои разнообразныя потребности всегда съ помощью денегъ, то отсюда въ ихъ умѣ составилось твердое убѣжденіе, заставляющее видѣть богатство въ деньгахъ преимущественно передъ всякимъ другимъ товарамъ. Даже люди, всю свою жизнь занимающіеся производствомъ наиболѣе полезныхъ предметовъ, прибрѣтаютъ привычку считать самымъ важнымъ свойствомъ этихъ предметовъ годность ихъ къ обмѣну на деньги. Если человѣкъ разстанется съ деньгами для того, чтобы получить товары, не имѣя намѣренія продать ихъ затѣмъ, то обыкновенно воображаютъ, что онъ дѣлаетъ худшую

сдѣлку, чѣмъ тотъ, кто разстается съ товарами для получения денегъ; люди склонны думать, что первый расточаетъ свои средства, а второй увеличиваетъ ихъ. Это заблужденіе теперь до некоторой степени разсѣяно, но долгое время оно было настолько могущественнымъ, что господствовало надъ умами всѣхъ европейскихъ государственныхъ людей безъ различія, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ.

Однако очевидно, что простое введеніе особеннаго вида обмѣна, состоящаго въ томъ, что сначала вещь обмѣнивается на деньги, а затѣмъ деньги обмѣниваются на какую нибудь другую вещь, не производитъ никакого размѣненія въ существенномъ характерѣ сдѣлокъ. Въ дѣйствительности вещи покупаются не за деньги. Никто (за исключеніемъ владѣльцевъ серебряныхъ и золотыхъ росыпей) не получаетъ свой доходъ отъ драгоценныхъ металловъ. Фунты и шиллинги, которые извѣстное лицо получаетъ еженедѣльно или ежегодно, не составляютъ его дохода; они служатъ какъ бы квитанціями, или ордерами, которые оно можетъ представить для уплаты въ любой магазинъ, и которые даютъ ему право получить извѣстную цѣнность въ видѣ того товара, какого онъ пожелаетъ. Фермеръ платитъ своимъ рабочимъ и своему землевладѣльцу этими квитанціями, такъ какъ этотъ способъ болѣе удобенъ для него самого и для нихъ; но дѣйствительный доходъ этихъ лицъ состоитъ изъ извѣстной доли его зерна, скота и овна, и нѣтъ существенной разницы въ томъ, раздѣляетъ ли онъ эту долю непосредственно между ними, или продастъ ее для нихъ и отдастъ имъ ея цѣну; но такъ какъ имъ все равно пришлось бы продавать свою долю, если бы онъ этого не сдѣлалъ, и такъ какъ ему во всякомъ случаѣ приходится продавать свою, то для всѣхъ будетъ выгоднѣе, чтобы онъ продавалъ ихъ долю вместе со своей и тѣмъ доставлялъ бы рабочимъ болѣе свободнаго времени для работы, а землевладѣльцу—для праздности. Всѣ капиталисты, исключая производителей драгоценныхъ металловъ, не извлекаютъ никакой части своихъ доходовъ изъ этихъ металловъ, потому что они получаютъ ихъ, лишь покупая ихъ за свой собственный продуктъ; между тѣмъ всѣ остальные лица получаютъ свои доходы уплатою отъ самыхъ капиталистовъ, или отъ людей, получившихъ уплату отъ капиталистовъ; но послѣдніе съ самаго начала не имѣли ничего, кромѣ своего продукта; следовательно, изъ этого продукта, а не изъ чего другого, получаютъ всѣ доходы, доставляемые капиталистомъ. Словомъ, нѣтъ вещи, которая имѣла бы сама по себѣ меньшее значенія въ общественной экономіи, чѣмъ деньги; онѣ важны лишь, какъ остроумное средство, служащее для сбереженія труда и времени. Это—машинка для производства быстро и съ удобствомъ того, что было бы пропаведено и безъ нея,—хотя менѣе скоро и менѣе удобно. Подобно многимъ другимъ видамъ машинъ, и эта начинаетъ дѣйствовать въ извѣстномъ смыслѣ независимо лишь тогда, когда приводитъ въ разстройство.

Введеніе денегъ не измѣняетъ дѣйствія ни одного изъ законовъ цѣнности, изложенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ. При-

чины, ставящія временную или рыночную цѣнность вещей въ зависимость отъ спроса и предложенія, а ихъ среднюю или постоянную цѣнность—отъ ихъ стоимости производства, примѣняются къ системѣ денежнаго такъ же, какъ и къ системѣ натурального обмѣна. Вещи, которыя при системѣ натурального обмѣна обмѣнивались одна за другую, при продажѣ на деньги будутъ идти за одинаковую сумму послѣднихъ и, такимъ образомъ, непрежнему будутъ обмѣниваться другъ на друга, хотя процессъ обмѣна ихъ вмѣсто одной лишь операціи будетъ состоять изъ двухъ. Отношеніе товаровъ другъ къ другу остается неизмѣненнымъ вслѣдствіе употребленія денегъ; вводится только новое отношеніе, а именно отношеніе товаровъ къ самимъ деньгамъ; является вопросъ, какъ велика или какъ мала та сумма денегъ, за которую товары будутъ обмѣниваться, или, другими словами, какъ опредѣлится мѣновая цѣнность самихъ денегъ? Рышеніе этого вопроса несколько не затруднительно, разъ разсѣяно заблужденіе, заставлявшее считать деньги исключительной вещью, подчиненной не однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ и другія вещи. Деньги представляютъ собою тоже товаръ, и ихъ цѣнность такъ же, какъ и цѣнность другихъ товаровъ, опредѣляется временно—спросомъ и предложеніемъ, постоянно и въ среднемъ выводѣ—стоимостью ихъ производства. Мы должны дать болѣе подробное разъясненіе этихъ принциповъ въ ихъ примѣненіи къ деньгамъ; это необходимо въ виду той спутанности воззрѣній, которая затемняетъ существо дѣла въ умахъ людей, научно не знакомыхъ съ предметомъ, и которая отчасти происходитъ отъ удержавшагося остатка старыхъ, сбивчивыхъ понятій, а отчасти отъ множества туманныхъ и неосновательныхъ теорій, опутавшихъ въ послѣднее время этотъ вопросъ политической экономіи сплавѣе, чѣмъ какой бы то ни было другой. Поэтому цѣнности денегъ я посвящу отдѣльную главу.

ГЛАВА VIII.

Цѣнность денегъ въ зависимости отъ спроса и предложенія.

§ 1. Къ несчастью, въ самомъ началѣ разсмотрѣнія нашего вопроса намъ приходится устранить съ нашего пути страшную двусмысленность выраженія. «Цѣнность денегъ» есть выраженіе, повидному, не менѣе точное и свободное отъ возможности какихъ бы то ни было недоразумѣній, чѣмъ любой терминъ политической экономіи. Цѣнность вещи обозначаетъ то, за что послѣдняя можетъ обмѣниваться; цѣнность денегъ обозначаетъ то, за что деньги будутъ обмѣниваться, т. е., покупательную силу денегъ. Если цѣны низки, на деньги можно купить болѣе другихъ вещей, и цѣнность пер-

выхъ высока; если же цѣны высоки, то на деньги можно купить мало другихъ вещей, и цѣнность денегъ низка. Цѣнность денегъ обратна общимъ цѣнамъ: она падаетъ по мѣрѣ того, какъ цѣны повышаются и повышаются по мѣрѣ того, какъ онѣ падаютъ.

Но, къ сожалѣнію, та же фраза въ общепринятомъ, коммерческомъ языкѣ употребляется въ совершенно иномъ значеніи. Слово деньги, которое обыкновенно понимается, какъ синонимъ богатства, служитъ особенно употребительнымъ терминомъ для обозначенія богатства, когда послѣднее составляетъ предметъ займа. Когда одно лицо ссужаетъ другого, такъ же, какъ и тогда, когда оно платитъ заработную плату или ренту другому, оно передаетъ ему не просто деньги, а право получить по своему выбору известную цѣнность изъ продукта страны. Кредиторъ первоначально купилъ это право, отдавъ за него часть своего капитала; и лишь въ этомъ смыслѣ сумма, отданная взаймы, есть капиталъ,—деньги служатъ лишь простымъ орудіемъ передачи. Но капиталъ обыкновенно переходитъ отъ кредитора къ должнику въ видѣ денегъ, или ордера на получение ихъ, и во всякомъ случаѣ капиталъ считается и оцѣнивается на деньги. Поэтому заемъ капитала вообще называется займомъ денегъ; ссудный рынокъ называется денежнымъ рынкомъ; люди, располагающіе свободнымъ капиталомъ для помѣщенія въ ссуду, носятъ наименованіе денежнаго класса, а вознагражденіе, уплачиваемое за пользование капиталомъ, или, другими словами, процентъ, не только называется процентомъ на деньги, но вслѣдствіе грубаго искаженія термина,—цѣнностью денегъ. Это ошибочное употребленіе выраженія, поддерживаемое некоторыми обманчивыми представленіями, которыя мы укажемъ и разяснимъ впоследствии*), создало у дѣловыхъ людей общераспространенное понятіе, будто бы цѣнность денегъ въ смыслѣ величины процента, имѣетъ тѣсную связь съ цѣнностью денегъ въ ея настоящемъ значеніи цѣности, или покупательной силы, орудія обращенія. Мы вскорѣ возвратимся къ этому предмету; теперь же будетъ достаточно сказать, что подъ цѣнностью денегъ я всегда буду подразумѣвать мѣбовую цѣнность, и подъ деньгами—орудіе обмѣна, а не капиталъ, переходящій изъ рукъ въ руки при помощи этого орудія.

§ 2. Цѣнность, или покупательная сила, денегъ прежде всего зависитъ отъ спроса и предложенія. Но по отношенію къ деньгамъ спросъ и предложеніе представляются въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ по отношенію къ другимъ вещамъ.

Предложеніе товара означаетъ количество его предлагаемое въ продажу. Но говорить о деньгахъ, что онѣ предлагаются въ продажу, не употребительно. Обыкновенно не говорится, что деньги продаются или покупаются. Однако это лишь случайная форма выраженія. Въ дѣйствительности деньги, подобно другимъ вещамъ, поку-

паются и продаются всякій разъ, когда другія вещи покупаются и продаются за деньги. Всякій, продающій хлѣбъ, сало, хлопкъ, покупаетъ деньги. Покупающій же хлѣбъ, вино или одежду, продаетъ деньги торговцу этими товарами. Деньги, предназначающіеся для покупки, и будутъ деньгами, предлагаемыми для продажи. Итакъ, предложеніе денегъ есть то количество ихъ, которое люди хотятъ израсходовать, т. е., всѣ деньги, находящіяся въ ихъ распоряженіи, кромѣ тѣхъ, которыя они хотятъ или, по крайней мѣрѣ, держатъ про запасъ на будущій случай. Однимъ словомъ, предложеніе денегъ представляетъ собою всѣ деньги, находящіяся въ данное время въ обращеніи.

Съ другой стороны, спросъ на деньги состоитъ изъ всѣхъ товаровъ, предлагаемыхъ въ продажу. Каждый продавецъ товара есть въ то же время и покупатель денегъ, а товары, предлагаемые имъ, составляютъ его спросъ. Отличіе спроса на деньги отъ спроса на другія вещи заключается, именно, въ томъ, что первый ограниченъ только ередствами покупателя. Спросъ на другія вещи представляется известною, опредѣленною величиною; но денегъ всегда требуется столько, сколько ихъ можно достать. Люди могутъ, правда, воздерживаться отъ продажи и забирать съ рынка свои товары, если за нихъ нельзя получить того, что, по мнѣнію продавцевъ, было бы достаточной цѣной. Но это бываетъ лишь въ томъ случаѣ, когда предполагается, что цѣна повысится, и что, выждавъ, можно получить больше денегъ. Если бы владѣльцы товаровъ думали, что низкая цѣна, по всей вѣроятности, сдѣлается постоянной, то они продали бы ихъ за столько, сколько можно было бы получить. Это неизбежный исходъ для торговца при сбытѣ его товаровъ.

Подобно тому, какъ всѣ товары, находящіяся на рынкѣ, составляютъ спросъ на деньги, такъ и всѣ деньги составляютъ спросъ на товары. Деньги и товары ищутъ другъ друга для взаимнаго обмѣна. Они служатъ другъ для друга спросомъ и предложеніемъ. При характеристикѣ явленій обмѣна совершенно все равно, будемъ ли мы говорить о спросѣ и предложеніи товаровъ, или о предложеніи и спросѣ денегъ. Это будутъ равнозначашія выраженія.

Мы займемся болѣе подробнымъ разясненіемъ этого положенія. При этомъ читатель долженъ замѣтить большую разницу между вопросами, занимающими насъ теперь, и тѣми вопросами относительно цѣности, которые мы разсмотрѣли раньше. Разсматривая цѣнность, мы не принимали въ расчетъ цѣлаго ряда причинъ и касались только тѣхъ, которыя влияют на отдѣльные товары. Причины, влияющія однако на всѣ товары, не оказываютъ влияния на цѣности. Но разсматривая отношеніе между деньгами и товарами, мы въ особенности должны заняться причинами, дѣйствующими на всѣ товары безъ различія. Мы должны сопоставить, съ одной стороны, всѣ роды товаровъ, съ другой стороны деньги, какъ вещи, предназначенныя для взаимнаго обмѣна.

Предположимъ, что, при неизмѣняемости всѣхъ условий, увеличилось количество денегъ, хотя бы вслѣдствіе прибытія въ данное

*) Ниже гл. XXIII.

мбето иностранца съ цѣлой массой золота и серебра. Когда онъ начинаетъ тратить ихъ (въ этомъ случаѣ безразлично, будутъ ли его траты производительными, или непроизводительными), онъ увеличиваетъ предложеніе денегъ и этимъ самымъ усиливаетъ спросъ на товары. Безъ сомнѣнія, онъ прежде всего увеличиваетъ спросъ лишь на извѣстные роды товаровъ, а именно, на тѣ, которые онъ избираетъ для покупки: онъ немедленно повышаетъ ихъ цѣну, и его траты оказываютъ влияние только на эти товары. Если онъ расходуетъ свой фондъ на приемы гостей, онъ повышаетъ цѣну на пищу и вино. Если онъ расходуетъ его на устройство фабрики, онъ повышаетъ цѣны на трудъ и материалы. Но при болѣе высокихъ цѣнахъ болѣе денегъ перейдетъ въ руки продавцовъ этихъ разнообразныхъ вещей; а они въ свою очередь, будутъ ли они рабочими или торговцами, ищя болѣе денегъ для расходовъ, создадутъ увеличение спроса на всѣ предметы, которые они обыкновенно покупаютъ; въ результатъ эти послѣдніе вещи повысятся въ цѣнѣ; и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока повышение не распространится на всѣ товары. И говорю, на «всѣ товары», хотя, конечно, возможно, что приливъ денегъ произойдетъ путемъ появленія новыхъ классовъ потребителей, или такимъ способомъ, при которомъ измѣнится взаимное отношеніе различныхъ классовъ потребителей, такъ что по сравненію съ прежнимъ на одинъ товаръ будетъ расходоваться значительно большая доля народнаго дохода, чѣмъ прежде, а на другіе значительно меньшая, совершенно такъ, какъ если бы произошла перемѣна во вкусахъ и потребностяхъ общества. Въ такомъ случаѣ, пока производство не приспособится къ этой перемѣнѣ въ относителномъ спросѣ на разные товары, цѣнности подвергнутся дѣйствительному измѣненію, и цѣна на одні вещи повысится болѣе, чѣмъ на другія, а на нѣкоторыя, быть можетъ, и вовсе не повысится. Но, очевидно, что такой результатъ можетъ произойти не отъ простаго увеличенія количества денегъ, а отъ сопровождающихъ его, побочныхъ обстоятельствъ. Мы должны теперь разсмотрѣть только то, каковъ будетъ результатъ увеличенія количества самихъ денегъ, независимо отъ измѣненія другихъ условий. Предположимъ, что при увеличеніи количества денегъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, потребности и склонности всего общества относительно потребления остаются совершенно неизмѣнными; въ такомъ случаѣ увеличение спроса распространится на всѣ вещи въ одинаковой степени, и произойдетъ общее повышение цѣнъ. Мы могли бы, вмѣстѣ съ Юмомъ, предположить, что въ одно прекрасное утро во всемъ государствѣ каждый человѣкъ, проснувшись, нашелъ въ своемъ карманѣ золотую монету; но такой примѣръ заключалъ бы въ себѣ нѣкоторое измѣненіе пропорціи спроса на различные товары: прежде всего поднялись бы въ цѣнѣ предметы роскоши бѣдныхъ классовъ, и эти вещи поднялись бы въ значительно болѣе степенн, чѣмъ всѣ остальные. Поэтому лучше предположимъ, что къ каждому фунту, шиллингу или пенсу, принадлежащему кому бы то ни было, внезапно прибавился другой фунтъ, шиллингъ или пенсъ. Въ результатъ произошло бы увеличение денежнаго спроса, а слѣдова-

тельно и увеличеніе денежной цѣнности, или цѣны, всѣхъ товаровъ. Это возвышеніе цѣнности никому бы не принесло пользы и не пропавало бы никакого измѣненія, кромѣ того, что пришлось бы прр счесть употреблять большее число фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Цѣнности увеличились бы только относительно денегъ, т. е., вещи необходимой лишь для покупки другихъ вещей; и такое увеличеніе не дало бы никому возможности покупать ихъ болѣе прежняго. Цѣны возвысились бы въ извѣстной пропорціи, и въ той же пропорціи упала бы цѣнность денегъ.

Надо отмѣтить, что эта пропорція будетъ совершенно равна той, въ какой увеличилось количество денегъ. Если бы все количество денегъ, находящееся въ обращеніи, удвоилось, то и цѣны удвоились бы. Если бы оно увеличилось только на одну четверть, цѣны поднялись бы на одну четверть. Деньгъ стало бы на одну четверть болѣе, и вся ихъ сумма употреблялась бы на покупку извѣстнаго рода товаровъ. Когда бы прошло достаточно времени для того, чтобы усиленное предложеніе денегъ распространилось на всѣ рынки, или (употребляя обычную метафору) для того, чтобы оно могло проникнуть во всѣ каналы денежнаго обращенія, всѣ цѣны повысились бы на четверть. Но общее возвышеніе цѣнъ не зависитъ отъ этого процесса распространенія и уравненія. Даже если бы нѣкоторыя цѣны возвысились болѣе, а другія меньше, то и тогда бы среднее возвышеніе равнялось одной четверти. Это есть неизбежное слѣдствіе того факта, что за прежнее количество товаровъ отдавалось бы денегъ на одну четверть болѣе прежняго. Поэтому *общія* цѣны во всякомъ случаѣ были бы на одну четверть выше прежнихъ.

Совершенно такой же результатъ получится, если мы предположимъ, что, вмѣсто увеличенія суммы денегъ, произошло уменьшеніе количества товаровъ, в обратный результатъ—если количество товаровъ увеличится, или сумма денегъ уменьшится. Если бы въ рукахъ общества оказалось меньше денегъ, а количество товаровъ для продаж оставалось одно и то же, то въ концѣ концовъ за нихъ стали бы давать меньше денегъ, и они бы продавались по пониженнымъ цѣнамъ, и пониженымъ, именно, въ той пропорціи, въ какой уменьшилось количество денегъ. Такимъ образомъ, цѣнность денегъ, если вся масса другихъ вещей остается та же, измѣняется обратно пропорціонально количеству денегъ: всякое уменьшеніе повышаетъ ихъ цѣнность въ совершенно точной пропорціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что это есть исключительное свойство денегъ. Относительно всѣхъ товаровъ вообще мы не встрѣчаемъ подтвержденія, чтобы всякое уменьшеніе въ предложеніи повышало цѣнность, именно, пропорціонально недостатку, или чтобы каждое увеличеніе понижало ее въ точной пропорціи къ излишку. Цѣнность нѣкоторыхъ вещей обыкновенно измѣняется слѣдствіемъ, чѣмъ въ простой пропорціи къ излишку или недостатку ихъ, цѣнность другихъ—

въ меньшей пропорціи; это зависитъ отъ того, что при обыкновенныхъ случаяхъ спроса желаніе приобрести самую вещь можетъ быть сильнѣе или слабѣе; поэтому та, во всякомъ случаѣ ограниченная, сумма денегъ, какую люди готовы потратить на нихъ, можетъ въ весьма не одинаковой степени измѣняться подъ вліяніемъ трудности или легкости полученія этихъ вещей. Что же касается денегъ, то вслѣдствіе того, что онѣ составляютъ предметъ общаго желанія, какъ универсальное покупательное средство, спросъ на нихъ состоитъ изъ всего, что люди желаютъ продать; и единственнымъ ограниченіемъ этого спроса является отсуствіе товаровъ, которые можно было бы отдать за деньги. Во всякомъ случаѣ все количество товаровъ обмѣнивается за все количество денегъ, появляющихся на рынкѣ для того, чтобы быть израсходованными; поэтому товары будутъ продаваться за меньшую или большую сумму сообразно съ тѣмъ, больше или меньше денегъ будетъ на рынкѣ.

§ 3. Изъ всего, выше сказаннаго, можно на первый взглядъ предположить, что всѣ товары, продающіеся въ странѣ въ известное время, обмѣниваются на всѣ деньги, существующія и находящіеся въ обращеніи въ то же самое время; или, другими словами, что въ странѣ находится въ обращеніи количество денегъ по цѣности равное всему количеству товаровъ, продающихся въ ней въ данное время. Но это было бы совершенно ошибочное представленіе. Количество израсходованныхъ денегъ равно по цѣности купленнымъ на нихъ товарамъ; но количество израсходованныхъ денегъ вовсе не одно и то же, что количество денегъ, находящихся въ обращеніи. Такъ какъ деньги переходятъ изъ рукъ въ руки, то одна и та же монета будетъ выдана въ платежъ много разъ прежде, чѣмъ всѣ вещи, находящіеся въ известное время въ продажѣ, будутъ куплены и окончательно удалены съ рынка: поэтому каждый фунтъ или долларъ слѣдуетъ считать за столько фунтовъ и долларовъ, сколько разъ онъ перейдетъ изъ рукъ въ руки, выполняя эту задачу. Большая часть товаровъ должна также считаться болѣе одного раза не только потому, что большинство вещей переходитъ черезъ руки различныхъ фабрикантовъ и торговцевъ прежде, чѣмъ приобрететъ форму, въ которой эти вещи окончательно потребляются, но еще и потому, что во времена спекуляцій (а всѣ времена болѣе или менѣе таковы) одни и тѣ же товары покупаются по нѣскольку разъ для перепродажи съ прибылью прежде, чѣмъ они будутъ куплены для окончательнаго потребленія.

Если мы предположимъ, что количество продаваемыхъ товаровъ и то число разъ, какое эти товары были перепроданы, представляютъ неизмѣнныя величины, то цѣнность денегъ будетъ зависетьъ отъ количества послѣднихъ и отъ средняго числа переходовъ каждой монеты изъ рукъ въ руки при процессѣ обмѣна. Всѣ проданные товары (считая каждую перепродажу за равное ей увеличеніе всей суммы товаровъ) были обмѣнены за всю сумму денегъ, помноженную на число покупокъ, сдѣланныхъ въ среднемъ каждой монетой. Следовательно, при одинаковомъ количествѣ товаровъ и сдѣлокъ, цѣнность денегъ обратно пропорциональна или количеству, помноженному

на такъ называемую быстроту обращенія. А количество денегъ, находящихся въ обращеніи, равно денежной цѣности всѣхъ проданныхъ товаровъ, раздѣленной на число, выражающее быстроту обращенія.

Выраженіе, «быстрота обращенія», требуетъ нѣкоторыхъ комментариевъ. Подъ нимъ не слѣдуетъ понимать число покупокъ, сдѣланныхъ каждой монетой въ данное время. Время тутъ не зачѣмъ принимать въ расчетъ. Состояніе общества можетъ быть такимъ, что каждая монета въ годъ едва совершитъ одну покупку; но если это происходитъ отъ незначительнаго числа сдѣлокъ — отъ небольшого количества совершенныхъ операцій, отъ недостатка въ торговой дѣятельности, или отъ того, что существующая торговля ведется преимущественно посредствомъ натурального обмѣна, — то нѣтъ причины, почему бы цѣны понизились или цѣнность денегъ стала бы выше. Существенный вопросъ заключается не въ томъ, насколько часто однѣ и тѣ же деньги переходятъ изъ рукъ въ руки въ данное время, а въ томъ, насколько часто онѣ переходятъ изъ рукъ въ руки для совершенія даннаго количества сдѣлокъ. Мы должны сравнить число покупокъ, совершенныхъ въ данное время, не съ самымъ временемъ, а съ количествомъ товаровъ, проданныхъ въ это самое время. Если каждая монета въ среднемъ перешла изъ рукъ въ руки десять разъ въ то время, когда было продано товаровъ на цѣнность въ миллионъ фунтовъ стерлинговъ, то очевидно, что для обращенія этихъ товаровъ необходимо 100,000 ф., и обратно, если въ обращеніи находится денегъ 100,000 ф., и каждая монета при покупкѣ товаровъ перейдетъ изъ рукъ въ руки десять разъ въ мѣсяцъ, то совершающаяся ежемесячно продажа товаровъ за деньги въ среднемъ должна доходить до 1,000,000 ф.

Быстрота обращенія представляетъ терминъ настолько непригодный для выраженія единственной вещи, которую важно выразить посредствомъ него, и настолько способствуетъ затемненію предмета, внушая понятіе, совершенно отличное отъ того, которое нужно, что было бы хорошо, если бы можно было избавиться отъ этого выраженія и замѣнить его другимъ, болѣе прямо выражающимъ требуемую мысль. Какое нибудь выраженіе въ родѣ «производительности денегъ» было бы, если бы не безукоризнено, то все же болѣе подходяще, такъ какъ оно указывало бы на количество выполненной работы, не внушая мысли объ опѣнкѣ ея по количеству времени. Однако, пока не будетъ найдено соотвѣтственный терминъ, мы должны довольствоваться тѣмъ, что въ случаяхъ, когда предвидится двусмысленность, мы будемъ выражать идею посредствомъ цѣлой фразы, которая лишь одна передаетъ ее подлежащимъ образомъ; а именно, вмѣсто быстроты обращенія, мы будемъ говорить: среднее число покупокъ, совершаемыхъ каждой монетой для выполненія данной денежной суммы сдѣлокъ.

Положеніе, установленное нами относительно зависимости обмѣна отъ количества денегъ, находящихся въ обращеніи, слѣ-

дуетъ считать приспѣвающимъ только къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ деньги, т. е., золото и серебро, служатъ исключительнымъ орудіемъ обмѣна и, дѣйствительно, переходятъ изъ рукъ въ рукъ при каждой покупкѣ; при чемъ кредитъ, въ какой бы то ни было его формѣ, незвѣстенъ. Если же кредитъ входитъ въ употребленіе какъ средство покупки, отличное отъ наличныхъ денегъ, то, какъ мы впоследствии увидимъ, связь между цѣнами и количествомъ находящихся въ обращеніи денегъ становится гораздо менѣе прямой и тѣсной, и уже болѣе не допускаетъ такого простаго способа ея выраженія. Но при изслѣдованіи столь сложнаго предмета, какъ денежное обращеніе и цѣны, необходимо положить въ основаніе нашей теоріи полное пониманіе простѣйшихъ случаевъ, которые, какъ мы увидимъ впоследствии, всегда будутъ служить фундаментомъ, или основой, для всѣхъ случаевъ, возникающихъ въ практикѣ. Самое элементарное положеніе въ теоріи денежнаго обращенія состоитъ въ томъ, что увеличеніе количества денегъ повышаетъ цѣны, а уменьшеніе понижаетъ ихъ; не зная этого, мы не имѣли бы ключа ни къ одному изъ другихъ вопросовъ. Но во всякомъ состояніи общества, кромѣ самаго простаго и примитивнаго, какое мы и предполагали, это положеніе справедливо лишь при неизмѣняемости другихъ условій; а законы эти другія условія, которыя должны оставаться неизмѣняемыми, мы еще не можемъ опредѣлить здѣсь. Однако, даже и теперь мы можемъ указать на одно или два изъ тѣхъ ограниченій, которыя должны быть приняты при попыткѣ употребить этотъ принципъ для разъясненія дѣйствительныхъ явленій. Указать эти ограниченія тѣмъ болѣе необходимо, что это положеніе, хотя оно и представляетъ научную истину, еще недавно служило больше, чѣмъ всякое другое ученіе относительно обмѣна, снованіемъ для множества ложныхъ теорій и ошибочнаго толкованія фактовъ. Со времени возобновленія актомъ 1819 года размѣра на звонкую монету и въ особенности со времени коммерческаго кризиса 1825 года, любимымъ объясненіемъ каждаго пониженія и паденія цѣнъ служило «денежное обращеніе», и подобно большинству всѣхъ популярныя теорій, это ученіе прижилося почти безъ вниманія къ условіямъ, необходимымъ для того, чтобы оно было примѣнено правильно.

Напримѣръ, обыкновенно предполагаютъ, что если увеличивается количество денегъ въ странѣ, или всѣхъ существующихъ денегъ вообще, то неизбежнымъ слѣдствіемъ этого должно быть повышеніе цѣнъ. Но это вовсе не такое неизбежное слѣдствіе. Цѣнность всякаго товара опредѣляется не тѣмъ его количествомъ, какое существуетъ вообще, а тѣмъ, какое предназначается для продажи. Каково бы ни было количество денегъ въ странѣ, только та часть ихъ будетъ имѣть вліяніе на цѣны, которая направляется на товарный рынокъ и тамъ, дѣйствительно, обмѣнивается на товары. Всякое увеличеніе этой части денегъ въ странѣ способствуетъ возвышенію цѣнъ. Но спрятавшая въ запасъ деньги не оказываютъ вліянія на цѣны. Деньги, сохраняемые частными лицами для всякаго случая, которыя, однако, еще не представляли, не вліяютъ на цѣны.

Деньги, находящіеся въ кассѣ Банка Англіи или удерживаемыя про запасъ частными банкирами, не вліяютъ на цѣны, пока не будутъ вынуты; да и будучи вынуты, онѣ оказываютъ вліяніе лишь въ томъ случаѣ, если ихъ вынули для расходованія на покупку товаровъ.

Часто случается, что значительное количество денегъ вносится въ страну, повышается тамъ въ видѣ капитала и снова уходитъ, не оказавъ никакого вліянія на товарные рынки, а только появивъ на фондовый, или, какъ его обыкновенно, хотя и не точно, называютъ, на денежный рынокъ. Возвратимся къ примѣру, уже приведенному нами раньше, а именно, что въ страну пріѣзжаетъ иностранецъ съ огромной суммой денегъ. Мы предполагали, что свое богатство онъ употребляетъ на покупку товаровъ для своего личнаго потребленія или на устройство фабрики и на наемъ рабочихъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ *ceteris paribus* повышаетъ бы цѣны. Но вмѣсто одного изъ этихъ употребленій, онъ, очень можетъ быть, предпочтетъ помѣстить свое состояніе на проценты; мы предположимъ, что это онъ сдѣлаетъ самымъ примѣмъ способомъ, ставъ спекуляторомъ на извѣстную часть процентныхъ бумагъ, билетовъ казначейства, желѣзнодорожныхъ акцій, торговыхъ векселей, залоговыхъ и т. п., которые всегда находятся въ рукахъ публики. Дѣлая это, онъ повышаетъ цѣны этихъ различныхъ бумагъ, или, выражаясь иначе, понижитъ размѣръ процента. Но такъ какъ этотъ размѣръ прежде существовавшее отношеніе между величиной процента на капиталъ въ этой странѣ и за границей, то, вѣроятно, нѣкоторые изъ людей, имѣющихъ свободный капиталъ, ищущій прироста, попытаются выслать его для помѣщенія за границу вмѣсто того, чтобы покупать бумаги въ отечествѣ по повышенной цѣнѣ. Такимъ образомъ, изъ страны можетъ уйти такое же количество денегъ, какое было ввезено, а на товарныхъ цѣнахъ не обнаружится никакого признака или временнаго прилива. Этотъ случай заслуживаетъ большого вниманія, и теперь начинаютъ признавать тотъ фактъ, что переходъ драгоценныхъ металловъ изъ страны въ страну опредѣляется гораздо больше, чѣмъ это прежде предполагалось, состояніемъ суждаго рынка страны и гораздо меньше — состояніемъ цѣнъ.

Чтобы избѣжать серьезной ошибки въ истолкованіи торговыхъ явленій, слѣдуетъ обратить вниманіе также на другое обстоятельство. Если въ извѣстное время происходитъ увеличеніе въ числѣ денежныхъ сдѣлокъ, — что можетъ безпрестанно случаться въ зависмости отъ различій въ спекулятивной дѣятельности и даже въ зависмости отъ времени года (такъ какъ нѣкоторые роды сдѣлокъ совершаются лишь въ извѣстныхъ времена года). — то увеличеніе денежнаго обращенія, которое только пропорціонально этому расширенію сдѣлокъ и длится не долѣе его, не ведетъ къ возвышенію цѣнъ. Каждый три мѣсяца, когда Банкъ Англіи выплачиваетъ общественные дивиденды, происходитъ внезапное увеличеніе количества денегъ, находящихся въ рукахъ общества: это увеличеніе считаютъ равнымъ

отъ одной до двухъ пятыхъ всей суммы билетовъ, выпущенныхъ банкомъ. Однако это никогда не оказывало вникакого вліянія на цѣны; и черезъ очень небольшое число недѣль количество находящихся въ обращеніи денегъ сокращается до своихъ обыкновенныхъ размѣровъ, вслѣдствіе простого уменьшенія потребности публики (послѣ столь изобильнаго снабженія наличными деньгами) въ полученіи денегъ изъ банка въ видѣ дисконта и ссудъ. Такимъ же образомъ количество денегъ, находящихся въ обращеніи въ земледѣльческихъ округахъ, колеблется въ различные времена года. Меньше всего оно въ августѣ, «къ Рождеству оно обыкновенно увеличивается и достигаетъ наибольшей величины около Благовѣщенія, когда фермеръ обыкновенно приготовляетъ деньги для внесенія ренты и лѣтнихъ палоговыхъ платежей», и слѣдовательно, когда онъ главнымъ образомъ обращается за займомъ къ мѣстнымъ банкамъ. «Эти размѣненія совершаются съ такой же правильностью, какъ и перемены времени года, и такъ же мало вліяютъ на рынокъ, какъ и трехмѣсячныя колебанія въ количествѣ билетовъ Банка Англіи. Какъ только бывають закончены чрезвычайные платежи, излишекъ находящихся въ обращеніи денегъ», оценивающийся въ полъ милліона, «неуклонно и немедленно снова поглощается и исчезаетъ» *).

Если бы для выполненія этихъ чрезвычайныхъ платежей не явилось излишка въ денежномъ обращеніи, то могло бы произойти одно изъ трехъ послѣдствій. Или уплату пришлось бы производить безъ денегъ, посредствомъ какого нибудь изъ тѣхъ приемовъ, благодаря которымъ обходятся безъ ихъ употребленія; или должна была бы увеличиться быстрота обращенія такъ, чтобы одною и тою же суммою денегъ производилось большее число платежей; или, наконецъ, если бы не произошло ни того, ни другого, то деньги для чрезвычайныхъ платежей пришлось бы взять съ товарнаго рынка, вслѣдствіе чего цѣны должны были бы пасть. Увеличеніе количества орудій обміна, соответственное по размѣрамъ и продолжительности временному расширенію операций, не повышаетъ цѣны, а только препятствуетъ ихъ паденію.

Вслѣдствіи мы укажемъ на много другихъ ограниченій, съ какими должны бы быть приняты тотъ тезисъ, что цѣнность находящихся въ обращеніи денегъ зависитъ отъ спроса и предложенія и обратно пропорціональна ихъ количеству. Безъ этихъ ограниченій нашъ тезисъ при столь сложной системѣ кредита, какая существуетъ въ Англіи, далеко бы не соответствовалъ дѣйствительности.

ГЛАВА IX.

Цѣнность денегъ въ зависимости отъ стоимости производства.

Но и цѣнность денегъ опредѣляется въ концѣ концовъ спросомъ и предложеніемъ не болѣе, чѣмъ цѣнность всѣхъ прочихъ товаровъ. Окончательнымъ результатомъ цѣнности денегъ служить стоимость ихъ производства.

Конечно, тутъ мы предполагаемъ, что экономическая жизнь предоставлена своему естественному теченію. Однако правительства не всегда предоставляли ее самой себѣ. Они пытались не допускать, чтобы количество денегъ устанавливалось само собою согласно естественнымъ законамъ, и старались регулировать его по своему усмотрѣнію, обыкновенно съ цѣлью удержать въ странѣ денегъ больше, чѣмъ ихъ осталось бы въ ней при другихъ обстоятельствахъ. До послѣдняго времени въ политику всѣхъ правительствъ входило запрещеніе вывоза и переплавки монеты: тогда какъ, поощряя вывозъ и препятствуя ввозу другихъ товаровъ, они старались достигнуть того, чтобы въ страну постоянно вливался цѣлый потокъ денегъ. Такимъ способомъ они слѣдовали двумъ предубѣжденіямъ: во-первыхъ, они привлекали, или воображали, что привлекаютъ, въ страну большее количество денегъ, и считали, что народное богатство возрастаетъ на всю эту сумму, во-вторыхъ, они доставляли, или думали, что доставляютъ, всѣмъ производителямъ и торговцамъ высокія цѣны, которыя люди всегда склонны считать выгодными, хотя въ нихъ и нѣтъ дѣйствительной выгоды.

Въ этой попыткѣ искусственно регулировать цѣнность денегъ посредствомъ увеличенія ихъ количества, правительство никогда не имѣло успѣха въ такой степени или даже въ такомъ направленіи, какихъ они желали. Цѣль запрещенія вывоза или переплавки звонкой монеты никогда не достигали своей цѣли. Товаръ, имѣющій столь незначительную величину сравнительно съ его цѣностью, такъ легко тайно вывозить и тайно переплавлять, что самымъ естественнымъ образомъ нельзя предупредить этихъ операций. Весь рискъ, какой имѣло правительство придать имъ правительство, переносился даже очень умѣренной прибылью *). Болѣе косвеннымъ образомъ тѣмъ же цѣлямъ стремилось установленіемъ всевозможныхъ препятствій тому, чтобы вознагражденіе за предметы вывоза поступало какими нибудь инымъ товарамъ, кромѣ денегъ, и на этомъ пути усилія правительствъ не всегда были настолько безуспѣшны. Прав-

*) Но вліяніе запрещенія не могло быть настолько незначительнымъ, какъ это предполагали некоторые писатели, занимавшіеся этимъ предметомъ. Факты, приводимые Фуллартономъ въ примѣчаніи на 7-й страницѣ его труда „Regulation of Currencies“, показываютъ, что для переплавки монеты нуженъ гораздо болѣе процентъ разницы въ цѣнности между монетой и слитками, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ.

*) Fullarton on the Regulation of Currencies, 2nd edit. pp. 87—9.

да, нам не удавалось достигнуть того, чтобы драгоценные металлы непрерывно притекали в страну; но до известной степени они имели возможность поддерживать количество денег на уровне, несколько выше естественного, и этим нарушали исключительную зависимость ценности денег от причин, которыми она определяется, когда нет искусственного вмешательства.

Но мы должны предполагать состояние свободы, а не искусственного регулирования. При таком состоянии и при предположении, что чеканка монеты не требует никакого расхода, ценность денег будет соотноситься с ценностью слитков, из которых они сделаны. Фунт золота или серебра в монеты и такого же веса слитков этих металлов будут обмениваться без всяких доплат друг за друга. При господстве свободы, металл в слитках не может стоить дороже, чем металл в монетах; потому что деньги можно переплавить без всякой потери времени и почти без всяких расходов, и, конечно, их стали бы переплавить до тех пор, пока их количество не уменьшилось бы настолько, что их ценность сравнялась бы с ценностью равных им по весу слитков. Однако можно думать, что деньги, хотя и не могут иметь меньшей ценности, чем равный им по весу слиток, но, являясь результатом известной обработки, могут и естественно будут иметь большую ценность, чем этот последний, на том же основании, как и холст имеет большую ценность, чем равная ему по весу льняная пряжа. Это было бы справедливо, если бы правительство Англии и некоторых других государств не чеканило денег безвозмездно для всякого, доставляющего металл. Труд и расход чеканки, если они не ложатся на владельца металла, не возвышают его ценности. Если бы правительство открыло конкурсу, который выдавала бы каждому желающему, по доставлении им известного веса пряжи, равное ей по весу количество сукна, то сукно на рынке стоило бы не больше того, сколько стоит содержащийся в нем пряжа. Как скоро деньги становятся на самую незначительную долю дороже слитка, владельцам слитков дается выгодным отсылать их для чеканки. Но если правительство слагает расход по чеканке монеты, как и было бы вполне справедливо, на владельца металла, устанавливая плату за покрытие расхода (которая взимается таким путем, что в монетах возвращается меньше металла, чем было получено в слитках, и называется пошлиной), то ценность денег станет выше ценности слитка на величину этой пошлины. Если монетный двор за покрытие расходов чеканки удерживает один процент, то владельцам слитков не будет никакой выгоды отдавать их в чеканку до тех пор, пока ценность денег не станет, по крайней мере, на эту долю выше ценности слитка. Вследствие этого ценность денег поддерживалась бы на 1% выше слитков, а это возможно только тогда, если количество денег на 1% будет меньше того, каким бы оно было при даровой чеканке.

Правительство может извлекать некоторый доход от этого дела и для этой цели налагать соответственную пошлину; но все,

что оно станет брать за чеканку сверх расходов на нее, составит прибыль для тайной чеканки. Хотя операция чеканки денег и не так легка, как переплавка их в слитки, все же ее нельзя назвать трудной, и если тайно вычеканенные деньги будут иметь надлежащий вес и установленную пробу, то их очень трудно отличить от настоящих. Поэтому, если возможно получать прибыль тайным приготовлением подложных денег, то их наверняка будут готовить, и попытка сбывать их пошлины на золото источник дохода потерпит неудачу. Также бесполезной была бы всякая попытка поддерживать ценность денег на искусственной высоте не пошлиной, а запрещением чеканки*).

§ 2. Итак, ценность денег соотносится постоянно и, в свободных условиях, почти немедленно с ценностью металла, из которого они сделаны, при чем к последней иногда прибавляются, иногда не прибавляются расходы по чеканке, смотря по тому, несет ли эти расходы частное лицо, или государство. Это чрезвычайно упрощает рассматриваемый нами вопрос, потому что слитки золота и серебра представляют собою товары, подобные всем прочим, и их ценность так же, как и ценность других вещей, зависит от их стоимости производства.

Для большей части цивилизованных стран золото и серебро являются иностранными продуктами, а обстоятельства, управляющие ценностями иностранных продуктов, возбуждают некоторые вопросы, для исследования которых мы еще не готовы. Поэтому пока мы предположим, что страна, служащая предметом нашего исследования, снабжается золотом и серебром из своих собственных рудников, и оставим до будущего рассмотрение того, насколько потребуются изменить наши выводы для применения их к более обыкновенным условиям.

Из трех классов, на какие разделяются товары—а именно: товары, предложение которых положительно ограничено, товары, которые можно иметь в неограниченном количестве по данной стоимости производства и, наконец, товары, которые можно получить в неограниченном количестве, но по возрастающей стоимости производства.—драгоценные металлы, будучи продуктом рудников, принадлежат к третьему классу. Поэтому их естественная ценность в общем соответствует стоимости их произ-

* В Англии, хотя и не взимается пошлины за чеканку золотой монеты (монетный двор возвращает в монеты такой же самый вес чистого металла, какой он получает в слитках), однако монета может быть получена лишь по истечении срока в несколько недель после доставления слитков. Привоспелю металла это причиняет потерю процентов, которая равносильна небольшой пошлине. Вследствие этого ценность денег обыкновенно несколько выше ценности заключающегося в них металла. Уncia золога, судя по количеству металла в одном sovereign, должна бы стоить 3 ф. 17 ш. 10½ пен; но обыкновенно она котировалась в 3 ф. 17 ш. 6 п., до тех пор пока устав 1844 года не сделал обязательным для Банка Англии за все предлагаемые ему, слитки выдавать свои банкноты по цене в 3 ф. 17 ш. и 9 п.

водства при самых неблагоприятных обстоятельствах, какія только существуют, т. е., въ самом худшемъ изъ тѣхъ рудниковъ, какіе необходимо разрабатывать для того, чтобы получить требующееся количество. Фунтъ золота въ странахъ, производящихъ его, въ концѣ концовъ стремится обмѣниваться за такое количество всякаго другого товара, какое производится по стоимости, равной его собственной; подразумевая подъ этой послѣдней стоимостью труда и расходовъ въ наименѣе производительныхъ источникахъ снабженія, которые приходится разрабатывать для удовлетворенія существующаго въ этой странѣ спроса. Средняя цѣнность золота приводится въ соответствие съ его естественной цѣнностью такимъ же образомъ, какъ цѣнность другихъ вещей—съ ихъ естественной цѣнностью. Предположимъ, что оно продается выше своей естественной цѣнности, т. е., выше той, которая служитъ вознагражденіемъ за трудъ и расходы по добычанію его и за рискъ, какимъ сопровождается такая отрасль промышленности, въ которой изъ десяти опытовъ девять обыкновенно бываютъ неудачны. Часть всей массы свободнаго капитала, ищущаго помѣщенія, въ такомъ случаѣ обратится на разработку золотыхъ россыпей; такимъ образомъ увеличится предложение, и цѣнность упадетъ. Наоборотъ, если бы золото продавалось ниже своей естественной цѣнности, и владельцы россыпей не получали бы обыкновенной прибыли, они бы сократили свои работы; а если бы пониженіе было велико, то нѣкоторые изъ бѣдливѣйшихъ рудниковъ, вѣроятно, и совсѣмъ перестали бы разрабатываться. Въ результатъ годичная добыча уменьшилась бы настолько, что убыль изъ золота отъ обращенія недостаточно бы пополнилась. Это привело бы къ сокращенію его количества и возстановило бы его цѣнность.

Изучая этотъ процессъ внимательно, мы замѣтимъ слѣдующія подробности. Если золото стоитъ выше своей естественной цѣнности, т. е., цѣности издержекъ производства, то въ виду того, что монета, какъ мы уже видѣли, соотносится въ своей цѣности со слитками,—деньги будутъ имѣть высокую цѣнность, а цѣны всѣхъ вещей, въ томъ числѣ и труда, будутъ низки. Вслѣдствіе этихъ низкихъ цѣнъ расходы производителей уменьшатся; но, такъ какъ и доходы ихъ также понизятся, то никто изъ производителей не получитъ выгоды отъ этого, кромѣ золотопромышленника. Доходы послѣдняго съ его рудника не зависятъ отъ цѣны и останутся такими, какъ и прежде, а расходы будутъ меньше; поэтому онъ получитъ излишекъ прибыли, который побудитъ его къ расширенію производства. Обратное этому бываетъ, если золото падаетъ ниже своей естественной цѣнности; это равносильно тому, что товарныя цѣны повысятся и денежные расходы всѣхъ производителей станутъ чрезвычайно велики. Но за такое увеличеніе расходовъ производители будутъ вознаграждены увеличеніемъ ихъ денежныхъ доходовъ; одни лишь золотопромышленники будутъ плевкать изъ своихъ рудниковъ золота не больше прежняго, между тѣмъ какъ ихъ расходы увеличатся; поэтому ихъ прибыль уменьшится или совсѣмъ уничтожится, и они или сократятъ свое производство, или окончательно оставятъ его.

Это и есть та зависимость, въ силу которой цѣнность денегъ приходится въ соответствие со стоимостью производства того металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Но, быть можетъ, не безполезно будетъ повторить сказанное нами раньше, что для приведенія цѣности такого товара, какъ драгоценные металлы, въ соответствие съ издержками производства требуется не мало времени, въ виду того, что онъ составляетъ предметъ всеобщаго желанія и обладаетъ большою прочностью. Эти металлы употребляются въ большомъ количествѣ не только въ видѣ денегъ, но и въ видѣ посуды и украшеній; поэтому существующее количество ихъ всегда очень велико; а между тѣмъ они такъ медленно изнашиваются, что даже, сравнительно незначительное, ежегодное производство достаточно для пополненія ихъ запаса и для такого увеличенія его, какое можетъ понадобиться вслѣдствіе расширенія товарнаго оборота или вслѣдствіе повышенія спроса на золотыя и серебряныя вещи со стороны богатыхъ потребителей. Если бы даже это небольшое, ежегодное производство совершенно прекратилось, то все таки потребовалось бы много лѣтъ для уменьшенія ихъ количества настолько, чтобы произошла существенная перемена въ цѣнахъ. Количество драгоценныхъ металловъ можетъ гораздо быстрее увеличиваться, чѣмъ уменьшаться; но увеличеніе должно быть очень велико, чтобы оно замѣтно отразилось на такой массѣ ихъ, какая существуетъ во всемъ коммерческомъ мѣрѣ. А потому вліяніе всякихъ переменъ въ условіяхъ производства драгоценныхъ металловъ сказывается и сначала, и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ, лишь на количествѣ ихъ, почти не отражаясь на стоимости ихъ производства. Это бываетъ въ особенности тогда, когда, какъ въ нынѣшнее время, сразу открывается множество новыхъ рудниковъ, большая часть которыхъ можетъ разрабатываться лишь однимъ трудомъ, безъ всякаго, заранѣе заготовленнаго, капитала, кромѣ ежедневнаго продовольствія, и когда это производство имѣетъ чисто случайный характеръ, такъ какъ сравнительно постоянная производительность различныхъ россыпей совершенно не опредѣлена.

§ 3. Но на основаніи того, что цѣнность денегъ, дѣйствительно, соотносится со стоимостью ихъ производства подобно цѣности другихъ товаровъ, хотя и нѣсколько медленнѣе этихъ послѣднихъ, нѣкоторые экономисты совершенно отрицали, что цѣнность денегъ опредѣляется ихъ количествомъ въ связи съ быстротою ихъ обращенія. Они считали, что этотъ выводъ устанавливается для денегъ законъ, не существующій ни для какаго другого товара, тогда какъ онѣ безспорно управляются общими законами обмѣна. На это мы можемъ возразить, во-первыхъ, что положеніе, о которомъ плетъ рѣчь, не устанавливаетъ никакого особеннаго закона. Это есть простой законъ спроса и предложенія, который, какъ и признано, прилагается ко всѣмъ товарамъ, и который въ деньгахъ такъ же, какъ и въ большей части другихъ вещей, видоизмѣняется, но не устраняется совершенно закономъ стоимости производства; потому что стоимость производства не имѣла бы никакого вліянія на цѣнность, если бы она не могла имѣть никакого вліянія на предложеніе.

Но, во-вторыхъ, между цѣнностью денегъ и ихъ количествомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, дѣйствительно существуетъ болѣе тѣсная связь, чѣмъ между цѣнностью другихъ вещей и количествомъ этихъ послѣднихъ. Цѣнность другихъ вещей сообразуется съ колебаніями въ стоимости производства, не требуя неизбежно, чтобы происходило дѣйствительное измѣненіе въ предложениі; одна возможность такого измѣненія уже будетъ достаточна. А если бы оно даже и произошло въ дѣйствительности, то оно будетъ временнымъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда измѣненная цѣнность произведетъ переизбытокъ въ спросѣ, и такимъ образомъ потребуетъ уменьшенія или увеличенія предложения; но послѣднее обстоятельство будетъ не причиной, а слѣдствіемъ измѣненія цѣнности. Это справедливо также относительно золота и серебра, расходуемыхъ на украшеніе и роскошь, но не вѣрно относительно денегъ. Если бы постоянная стоимость производства золота уменьшилась на одну четверть, то могло бы случиться, что его не больше прежняго стали бы покупать на посуду, посудоту и ювелирные издѣлія, и при такихъ условіяхъ количество его, добываемое изъ рудниковъ для этой цѣли, было бы не больше прежняго, хотя бы цѣнность его и упала. Но не то будетъ съ частью золота, употребляющейся въ видѣ денегъ; цѣнность этой части не могла бы упасть на четверть, если бы количество денегъ, дѣйствительно, не увеличилось на одну четверть; потому что при повышеніи всѣхъ цѣнъ на одну четверть, потребовалось бы на одну четверть больше денегъ для совершения обычныхъ покупокъ; а если бы этой четверти не оказалось, то нѣкоторые изъ товаровъ остались бы безъ покупателей, и цѣны должны были бы пасть. Поэтому измѣненіе въ стоимости производства драгоценныхъ металловъ оказываетъ вліяніе на цѣнность денегъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно уменьшаетъ или увеличиваетъ количество послѣднихъ. Этого нельзя сказать ни о какомъ другомъ товарѣ. На этомъ основаніи я считаю ошибочнымъ, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, отвергать выводъ, устанавливавшій связь между цѣнностью денегъ и ихъ количествомъ.

Однако очевидно, что въ общемъ выводъ количество денегъ регулируется стоимостью производства, и что каждая страна (за исключеніемъ временныхъ колебаній) будетъ обладать и располагать въ обращеніи именно такимъ количествомъ ихъ, какое въ состояніи будетъ выполнить всѣ требующіяся операціи обмена при сохраненіи цѣнности денегъ, соответствующей стоимости ихъ производства. Въ среднемъ цѣны вещей бывають таковы, что деньги обмѣниваются на всѣ товары по своей стоимости производства; и именно вслѣдствіе того, что количество денегъ неизбежно должно вліять на ихъ цѣнность, оно само собой, (подобно автоматическому механизму) поддерживается въ размѣрѣ, соответствующемъ этому уровню цѣнъ, т. е., въ размѣрѣ, необходимомъ для выполненія по этому цѣнамъ всѣхъ требующихся сдѣлокъ.

Требуемое количество денегъ будетъ отчасти зависеть отъ стоимости производства золота, а отчасти отъ быстроты ихъ обращенія. При данной быстротѣ обращенія оно будетъ зависеть отъ

стоимости производства, при данной стоимости производства—отъ быстроты обращенія*). Надѣюсь, что послѣ всего, уже сказаннаго нами, ни одно изъ этихъ положеній не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Итакъ, цѣнность денегъ, подобно цѣнности другихъ товаровъ, зависитъ отъ стоимости производства и пропорціональна ей. Принятіемъ этого принципа теорія денегъ освобождается отъ большей части той таинственности, какая, повидимому, окружаетъ ее. Но мы не должны забывать, что эта теорія применима лишь къ странамъ, въ которыхъ, дѣйствительно, добываются драгоценные металлы, и что мы еще должны пслѣдовать, применивъ ли законъ зависимости цѣнности отъ стоимости производства къ обмѣну вещей, произведенныхъ въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Но къ какому бы заключенію мы не пришли, все же наши положенія относительно цѣнности денегъ въ странѣ, гдѣ онѣ—привозной товаръ, не будутъ требовать никакой другой поправки, кромѣ замѣны стоимости ихъ производства, стоимостью полученія ихъ въ этой странѣ. Всякій иностранный товаръ покупается отдачею за него какого нибудь домашняго продукта, и трудъ и капиталъ, которыхъ стоятъ намъ заграничный товаръ, выражаются въ трудѣ и капиталѣ, затраченныхъ на производство того количества нашихъ собственныхъ товаровъ, которое мы отдаемъ въ обмѣнъ за иностранный. Отчего зависятъ это количество—чѣмъ опредѣляется пропорція обмѣна продуктовъ одной страны на продукты другой—это вопросъ нѣсколько болѣе сложный, чѣмъ тѣ, которые мы до сихъ поръ разсматривали. Но, по крайней мѣрѣ, то безспорно, что въ самой странѣ цѣнность ввозимыхъ вещей опредѣляется цѣнностью, а слѣдовательно и стоимостью производства, отдаваемыхъ за нихъ вещей: и деньги тамъ, гдѣ онѣ представляютъ ввозной товаръ, подчинены тому же закону.

ГЛАВА X.

О биметаллизмѣ и размѣнной монетѣ.

§ 1. Хотя качества, необходимыя для пригодности какого бы то ни было товара къ употребленію его въ видѣ денегъ, рѣдко соединяются въ одной вещи достаточно полно, однако все же есть два товара, обладающіе ими въ высокой и приблизительно равной степени; это—такъ называемые, драгоценные металлы: золото и серебро. Поэтому нѣкоторыя націи употребляли въ видѣ орудія обращенія эти два металла безразлично.

*) Изъ напечатанныхъ, но не выпущенныхъ въ свѣтъ лекцій Сильора, въ которыхъ приведены интересные примѣры того, насколько велика разница въ сдѣлкахъ, совершаемыхъ на деньги, и въ быстротѣ денежнаго обращенія при разныхъ состояніяхъ общества и цивилизаціи

Употребление болѣе дорогого металла для крупныхъ платежей и болѣе дешеваго для мелкихъ представляетъ очевидное удобство, и единственный вопросъ заключается лишь въ томъ, какимъ образомъ это лучше устроить. Наболѣе употребительный способъ состоитъ въ установленіи между этими двумя металлами опредѣленнаго отношенія; такъ, напримеръ, устанавливается, что золотая монета, называемая совереномъ, должна равняться по цѣнности 20 серебрянымъ монетамъ, называемымъ шиллингами, и что, какъ соверень, такъ и 20 шил. въ обыкновенномъ денежномъ счетѣ страны должны одинаково называться фунтомъ; при чемъ каждому, кто обязанъ уплатить фунтъ, предоставляется свобода уплачивать его однимъ или другимъ металломъ.

Въ то время, когда въ первый разъ производилась оцѣнка этихъ металловъ относительно другъ друга, установившая, что 20 шил. равняются соверену, или 21 шил.—гинею, вѣроятно, это отношеніе соответствовало, насколько этого возможно было достиги, обыкновеннымъ цѣностямъ этихъ двухъ металловъ, основаннымъ на стоимости ихъ производства; и если бы эти естественныя цѣнности, или цѣнности издержекъ производства, оставались постоянно въ одномъ и томъ же отношеніи другъ къ другу, то такое устройство было бы безупречно. Однако въ дѣйствительности дѣло обстоитъ далеко не такъ. Хотя золото и серебро измѣняются въ цѣнности и менѣе всѣхъ другихъ товаровъ, но все же и они подвергаются колебаніямъ, которыя не всегда наступаютъ одновременно. Такъ, напримеръ, постоянная цѣнность серебра вслѣдствіе открытія американскихъ рудниковъ понизилась гораздо сильнѣе цѣнности золота. Точно также и тѣ мелкія колебанія цѣнности, которыя происходятъ отъ случайныхъ причинъ, не вліяютъ одинаково на оба металла. Предположимъ, что произошло подобное измѣненіе; цѣнность этихъ двухъ металловъ относительно другъ друга уже не будетъ согласоваться съ ихъ установленнымъ отношеніемъ; теперь одинъ изъ нихъ будетъ стоить въ монетѣ дешевле, чѣмъ въ слиткахъ, поэтому явится возможность получать прибыль, переплавляя деньги.

Допустимъ, напримеръ, что цѣнность золота поднялась относительно серебра такъ, что количество золота, заключающееся въ соверенѣ, стоитъ дороже, чѣмъ количество серебра, заключающееся въ 20 шил. Отъ этого произойдутъ два послѣдствія. Каждый должникъ найдетъ уже невыгоднымъ для себя платить золотомъ. Онъ будетъ всегда платить серебромъ, потому что 20 шил. представляютъ законное платежное средство для долга въ одинъ фунтъ, а 20 шил. можно получить за количество золота, меньшее того, какое содержится въ соверенѣ. Другое слѣдствіе будетъ состоять въ томъ, что если соверень нельзя продать дороже 20 шил., то всѣ соверени будутъ переплавлены, потому что въ слиткахъ за нихъ можно будетъ получить большее число шиллинговъ, чѣмъ то, за какое они обмѣниваются въ видѣ денегъ. Обратные всему этому результаты получатся, если не золото, а серебро будетъ тотъ металлъ, относительная цѣнность котораго повысилась. Тогда соверень не будетъ стоить уже 20 шил., и всякій должникъ, обязанный заплатить одинъ

фунтъ, предпочтетъ уплатить его совереномъ; а серебряныя монеты будутъ собираться для переплавки и продажи въ слиткахъ за золото по ихъ дѣйствительной цѣнности, т. е., по цѣнности, которая выше законной оцѣнки. Поэтому государственная монетная система въ дѣйствительности никогда не будетъ состоять изъ обоихъ металловъ, а лишь изъ одного, и именно того, который въ данное время болѣе всего соответствуетъ интересамъ должниковъ. Значеніе мѣрила цѣнности постоянно будетъ переходить отъ одного металла къ другому; при чемъ каждый переходъ будетъ сопряженъ съ потерей расходовъ на чеканку металла, вышедшаго изъ употребленія.

Изъ этого мы видимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оба металла служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ съ установленнымъ отношеніемъ между ними, цѣнность денегъ подвержена болѣе частымъ колебаніямъ, чѣмъ когда исключительнымъ орудіемъ обращенія является либо золото, либо серебро. Цѣнность денегъ, вмѣсто того, чтобы подвергаться вліянію измѣненій въ стоимости производства одного металла, подвергается колебаніямъ вслѣдствіе измѣненія въ стоимости производства ихъ обоихъ. Но денежная система, состоящая изъ двухъ законныхъ видовъ монеты, подвергается еще нѣкоторому особому измѣненію; оно состоитъ въ паденіи цѣнности, или, какъ обыкновенно говорятъ, обезцѣненіи денегъ; потому что, на дѣлѣ, тотъ изъ двухъ металловъ всегда будетъ находиться въ обращеніи, дѣйствительная цѣнность котораго упадетъ ниже установленной. Если цѣнность металловъ стремится къ повышенію, то всѣ платежи будутъ совершаться посредствомъ того изъ нихъ, цѣнность котораго менѣе поднялась; а при паденіи обоихъ—посредствомъ того изъ нихъ, цѣнность котораго больше упала.

§ 2. Еще и до сихъ поръ, отъ времени до времени, появляются ипсатели или ораторы, которые превозносятъ двойственную валюту, какъ крупное усовершенствованіе въ денежномъ обращеніи. Очень можетъ быть, что большинство приверженцевъ этой системы видятъ ея главное достоинство въ ея тенденціи къ обезцѣненію денегъ, такъ какъ всегда существуетъ множество людей, сочувствующихъ всевозможнымъ, явнымъ или тайнымъ, способамъ пониженія установленной цѣнности денегъ. Однако нѣкоторые изъ нихъ находятся подъ вліяніемъ преувеличеннаго понятія объ одномъ преимуществѣ этой системы, которое до известной степени, дѣйствительно, существуетъ. Это преимущество заключается въ возможности прибѣгнуть для исполненія денежнаго обращенія къ соединенному запасу золота и серебра, находящихся въ коммерческомъ мірѣ; тогда какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы ограничиться запасомъ одного изъ нихъ, и можетъ статься, что иногда требуемаго металла, вслѣдствіе случайнаго исчезновенія его, нельзя будетъ получить съ достаточной быстротой. Этого удобства, безъ всякихъ вредныхъ сторовъ двойственной валюты, повидимому, лучше достигаютъ тѣ государства, у которыхъ законнымъ платежнымъ средствомъ признается лишь одинъ металлъ, но другой также чеканится и допускается въ обращеніе по той цѣнности, какая устанавливается на рынкѣ.

Разъ принята эта система, то, естественно, для купли и продажи въ качествѣ товара слѣдуетъ оставлять болѣе дорогой металлъ. Но государства, которыя, подобно Англїи, правяли въ качествѣ государственной монеты болѣе дорогой металлъ, прибѣгаютъ къ такому способу для удержанія ихъ обоимъ въ обращеніи, а именно, они дѣлаютъ серебро законнымъ платежнымъ средствомъ лишь для мелкихъ платежей. Въ Англїи законъ не принуждаетъ никого принимать въ уплату серебра болѣе, чѣмъ на сумму въ 40 шиллинговъ. Съ этимъ постановленіемъ неизбѣжно соединяется и другое, состоящее въ томъ, чтобы серебряная монета сравнительно съ золотомъ оцѣнивалась нѣсколько выше своей внутренней цѣнности; такъ чтобы въ 20 шиллингахъ не было столько серебра, сколько стоятъ одинъ sovereignъ; потому что если бы они были равны по внутренней цѣнности, то самый незначительный поворотъ на рынкѣ въ пользу серебра сдѣлалъ бы 20 шил. дороже sovereigna, и тогда стало бы выгоднымъ переплавлять серебряную монету. Высокій курсъ серебряной монеты создаетъ побужденіе покупать серебро и отсылать его на монетный дворъ для чеканки, потому что отсюда оно возвращается съ болѣе высокой цѣнностью, чѣмъ какая собственно ему принадлежитъ. Но это предупреждается посредствомъ ограниченія чеканки серебряныхъ денегъ, которая не предоставлена, подобно чеканкѣ золота, на усмотрѣніе частныхъ лицъ, но определена правительствомъ и ограничена такимъ количествомъ, какое считается необходимымъ для мелкихъ платежей. Въ этомъ случаѣ необходимо соблюдать одну предосторожность, а именно—не устанавливать курса серебра настолько высоко, чтобы явился соблазнъ чеканить его тайно.

ГЛАВА XI.

Кредитъ, какъ замѣна денегъ.

§ 1. Ни одинъ вопросъ политической экономїи не возбуждаетъ такой массы недоразумѣній и спутанности понятій, какъ вопросъ о значенїи кредита. Это происходитъ не отъ какой нибудь исключительной трудности этого отдѣла науки, а вслѣдствіе того, что тѣ формы, въ какія облекается кредитъ, порождаютъ рядъ сложныхъ коммерческихъ явленій, которыя отвлекаютъ вниманіе исследователя отъ общихъ свойствъ кредита къ особенностямъ его частныхъ видовъ.

Какъ на образчикъ неясности понятій, касающихся сущности кредита, мы можемъ указать на тѣ преувѣличенія, съ которыми нерѣдко говорятъ о его національной важности. Кредитъ имѣетъ большую, но вовсе не магическую силу, какъ это, повидимому, думаютъ многіе: онъ не можетъ создать что нибудь изъ ничего. Какъ часто о расширенїи кредита говорятъ такъ, какъ будто бы оно было рав-

носпльно созданію капитала, или какъ будто бы кредитъ и есть въ дѣйствительности самый капиталъ. Невольно удивляешься необходимости указывать, что кредитъ есть лишь одно разрѣшеніе на пользование капиталомъ другого лица, и что поэтому средства производства не могутъ быть увеличены имъ, а только перемищены. Если съ помощью кредита средства къ производству и къ найму рабочихъ увеличиваются у лица, получившаго ссуду, то они на столько же уменьшаются у кредитора. Одна и таже сумма не можетъ служить капиталомъ и для собственника ея, и для того лица, которому она отдана взаймы; она не можетъ доставлять въ размѣрѣ всей своей цѣнности заработную плату, орудія и материалы двумъ группамъ рабочихъ одновременно. Правда, капиталъ, полученный въ ссуду отъ В лицомъ А и употребленный имъ въ свое предпрїятіе, еще составляетъ въ другомъ отношенїи часть имущества В. Это послѣднее лицо можетъ вступить въ сдѣлку, обезпечиваемую его капиталомъ, и, при необходимости, сдѣлать заемъ на сумму, равную ему, такъ что на поверхностный взглядъ можетъ показаться, какъ будто бы и А, и В пользуются этимъ капиталомъ одновременно. Но самое простое размысленіе по этому поводу покажетъ, что разъ В отдаетъ лицу А свой капиталъ, то пользование имъ, какъ капиталомъ, принадлежитъ лишь одному А, и В теряетъ изъ него лишь ту выгоду, что, опираясь на свое право требованія, имѣетъ возможность получить въ пользованіе другой капиталъ отъ третьяго лица С. Весь капиталъ, не принадлежащій тому лицу, въ распоряженїи котораго онъ, дѣйствительно, находится, неизбѣжно долженъ быть во всей своей суммѣ вычтенъ изъ капитала какого нибудь другого лица*).

*) Для того, чтобы положеніе, выраженное въ текстѣ было строго справедливо, необходимо сдѣлать нѣкоторую, хотя и очень незначительную, поправку. Деньги, существующія въ странѣ въ данное время, частью употребляются на производительныя, а частью на непроизводительныя цѣли. Смотря по тому, употребляется ли большая часть ихъ однимъ или другимъ способомъ, дѣйствительный капиталъ страны будетъ больше или меньше. Такимъ образомъ, если бы количество денегъ увеличилось только въ рукахъ непроизводительныхъ потребителей, то большая часть существующаго запаса товаровъ покупалась бы для непроизводительнаго потребленія, и меньшая для производительнаго; а такое положеніе дѣла, пока оно будетъ продолжаться, будетъ равносильно уменьшенію капитала. И наоборотъ, если бы увеличилась та часть денегъ, которая находится въ рукахъ производителей и предназначена для ихъ предпрїятій, то болѣе значительная часть товаровъ страны стала бы употребляться какъ капиталъ, а меньшая уходила бы непроизводительно. Но именно такого рода результатъ естественно слѣдуетъ за нѣкоторыми случаями расширенія кредита, въ особенности, если оно совершается въ формѣ выпуска банковыхъ билетовъ или какого нибудь другого орудія обмѣна. При обыкновенныхъ условїяхъ всякій новый выпускъ банковыхъ билетовъ дѣлается прежде всего для производителей и торговцевъ и употребляется ими въ видѣ капитала; и хотя запасъ товаровъ въ странѣ не больше прежняго, однако болѣе значительная доля этого запаса теперь, посредствомъ покупки, попадаетъ въ руки производителей и торговцевъ; такимъ образомъ, къ производству принимается то, что прежде потреблялось непроизводительно, и, слѣдовательно

§ 2. Но, хотя кредитъ есть лишь перенесеніе капитала изъ однихъ рукъ въ другія, все же, естественно и болышею частью, это есть перенесеніе его въ руки, способныя примѣнять его къ производству болѣе успѣшно. Если бы вовсе не существовало кредита, или если бы вслѣдствіе отсутствія безопасности или отъ недостатка довѣрія онъ мало примѣнялся, то многія лица, которыя имѣютъ болѣе или менѣе значительный капиталъ, но вслѣдствіе своихъ занятій или по недостатку необходимыхъ знаній и умѣнья, не могутъ лично наблюдать за его примѣненіемъ, не получали бы никакой выгоды отъ него. Ихъ имущество или ждало бы безъ употребленія или, быть можетъ, растранивалось бы и гибло въ неуспѣшныхъ попыткахъ примѣнить его для полученія прибыли. Теперь весь такой капиталъ отдается на проценты и становится полезнымъ для производства. Такого рода капиталъ составляетъ значительную часть производительныхъ средствъ всякой промышленной страны; онъ, естественно, притекаетъ къ тѣмъ производителямъ и торговцамъ, которые, расширяя при благоприятныхъ условіяхъ свои операціи, имѣютъ возможность примѣнять его съ наибольшей выгодой, такъ какъ они болѣе всего нуждаются въ немъ и имѣютъ возможность представить самое вѣрное обезпеченіе. Поэтому, хотя производительные фонды страны и не увеличиваются кредитомъ, но съ помощью его они вызываются къ болѣе полной производительной дѣятельности. По мѣрѣ того, какъ расширяется довѣріе, служащее основаніемъ для кредита, развиваются и средства, съ помощью которыхъ даже самыя незначительныя части капитала, — суммы, которыя каждый человекъ держитъ у себя про всякій случай, — становятся пригодными для производительнаго употребленія. Главными орудіями для этой цѣли служатъ депозитные банки. Тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, всякій предусмотрительный человекъ долженъ держать у себя безъ употребленія довольно значительную сумму для удовлетворенія всякаго требованія, какое только можетъ представиться. Но когда вошло въ обычай сохранять этотъ запасъ не у себя дома, а въ банкахъ, то многія мелкія сбереженія, которыя прежде оставались въ бездѣйствіи, начинаютъ сконпляться въ рукахъ банкира; а этотъ послѣдній, — узнавъ изъ опыта, какая часть изъ общей суммы, по всей вѣроятности, можетъ потребоваться въ данное время, и зная, что если одинъ изъ вкладчиковъ случайно потребуетъ болыше обыкновеннаго, то другой потребуетъ меньше, — можетъ отдавать взаимно производителямъ и торговцамъ остатокъ, т. е. значительно болышую часть скопившихся у него суммъ. Конечно, этотъ не увеличивается общая масса всего существующаго капитала, зато увеличивается часть его, находящаяся въ употребленіи; слѣдовательно, производство страны расширяется.

Но кредитъ не только необходимъ для того, чтобы сдѣлать производительнымъ весь капиталъ страны; онъ служитъ также сред-

ствомъ, при помощи котораго промышленныя способности населенія примѣняются къ производству съ болышею выгодой. Многія лица, вовсе не имѣющія собственнаго капитала, или имѣющія очень незначительный, но обладающія коммерческими знаніями, которыя извѣстны и оценены нѣкоторыми капиталистами, имѣютъ возможность получать денежную ссуду или, чаще всего, товары въ кредитъ; благодаря этому, ихъ промышленныя способности обращаются на увеличеніе общественнаго богатства. Это преимущество кредита будетъ имѣть еще гораздо болыше значенія, когда, подъ вліяніемъ лучшихъ законовъ и образованія, честность въ обществѣ достигнетъ такого развитія, при которомъ личные качества человека можно будетъ принимать какъ достаточную гарантію не только противъ безчестнаго присвоенія, но и противъ безчестнаго риска тѣмъ, что принадлежитъ другому.

Такова, съ самой общей точки зрѣнія, польза кредита для производительныхъ силъ всего міра. Но эти соображенія пригодны къ кредиту лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ссуды даются промышленнымъ классамъ — производителямъ и торговцамъ. Ссуды, даваемые торговцами непродизводительнымъ потребителямъ, никогда не увеличиваютъ, а, напротивъ, всегда уменьшаютъ источники общественнаго богатства. Онѣ передаютъ во временное пользованіе не имущимъ непродизводительныхъ классовъ производительнымъ, а капиталъ производительныхъ классовъ непродизводительнымъ. Если торговецъ А даетъ товары землевладѣльцу В или челоуѣку, получающему ежегодный постоянный доходъ, съ условіемъ уплаты за нихъ черезъ пять лѣтъ, то капиталъ А, равняющійся цѣнности этихъ товаровъ, остается непродизводительнымъ на пять лѣтъ. Въ теченіе этого времени, если бы платежъ былъ произведенъ сразу, эта сумма могла бы быть нѣсколько разъ потрачена и возвращена; количество товаровъ, соответствующее ей цѣнности, могло бы быть нѣсколько разъ произведено, потреблено и снова произведено; слѣдовательно, В, удерживая, положимъ, 100 ф. въ продолженіе пяти лѣтъ, даже если по теченіи этого срока онъ и уплатитъ ихъ, причисливъ рабочимъ классамъ общества положительную потерю, превышающую, вѣроятно, эту сумму въ нѣсколько разъ. Лично А получаетъ вознагражденіе, взявши болѣе высокую цѣну за свой товаръ, которую въ концѣ концовъ выплачиваетъ ему В; но для рабочихъ классовъ, которые болыше всего страдаютъ отъ всякаго постоянного или временнаго отвлеченія капитала къ непродизводительному употребленію, нѣтъ никакого вознагражденія. Капиталъ страны въ теченіе этихъ пяти лѣтъ былъ уменьшенъ на 100 фун., потому что В взялъ ихъ изъ капитала А и прасходовалъ ихъ непродизводительно въ разсчетъ на свои будущіе доходы; лишь черезъ пять лѣтъ онъ отложитъ эту сумму изъ своего дохода и, удовлетворяя А, возвратитъ ее въ капиталъ.

§ 3. Все, вышесказанное, относилось къ общей функціи кредита въ производствѣ. Самъ по себѣ онъ не представляетъ производительной силы, хотя безъ него нельзя было бы довести до таковаго полнаго примѣненія уже существующія производительныя силы.

§ 3. Все, вышесказанное, относилось къ общей функціи кредита въ производствѣ. Самъ по себѣ онъ не представляетъ производительной силы, хотя безъ него нельзя было бы довести до таковаго полнаго примѣненія уже существующія производительныя силы.

Но болѣе запутанную часть теоріи кредита представляетъ вопросъ о его вліяніи на цѣны. Въ этой области кредитъ является главной причиной большей части тѣхъ явленій, которые приводятся въ недоумѣніе всѣхъ наблюдателей. При тѣхъ условіяхъ торговли, когда вошло въ обычай широко пользоваться кредитомъ, общія цѣны всегда зависятъ гораздо больше отъ состоянія его, чѣмъ отъ количества денегъ; потому что, хотя кредитъ и не представляетъ производительной силы, онъ служитъ покупательной силой, и даже, располагаящее имъ и пользующееся имъ для покупки товаровъ, создаетъ совершенно такой же спросъ на послѣдніе и на столько же способствуетъ повышенію ихъ цѣны, какъ если бы оно дѣлало совершенно такое же количество покупокъ на наличныя деньги.

Видъ кредита, который мы должны разсматривать какъ основную покупательную силу, независимую отъ денегъ, безъ сомнѣній, не есть его протѣйшая форма; онъ не является въ видѣ денегъ, отданныхъ въ ссуду однимъ лицомъ другому и непосредственно переданныхъ послѣднему; потому что когда должникъ расходуетъ запитыя деньги на покупку, онъ дѣлаетъ эту покупку на деньги, а не въ кредитъ, и не проявляетъ никакой покупательной силы сверхъ той, какая дается ему деньгами. Особую покупательную силу создаютъ тѣ формы кредита, при которыхъ деньги не переходятъ изъ рукъ въ руки въ моментъ совершенія сдѣлки, а иногда и вообще не переходятъ, такъ какъ такія сдѣлки въ цѣлой ихъ массѣ включаются въ одинъ счетъ и по нимъ уплачивается только лишь разность. Это происходитъ разными способами; мы займемся ихъ разсмотрѣніемъ, начиная, по нашему обыкновенію, съ самыхъ протѣйшихъ.

Во-первыхъ, предположимъ, что А и В два торговца, ведущіе другъ съ другомъ дѣла, при чемъ оба они бываютъ и покупателями, и продавцами. А покупаетъ у В въ кредитъ, а В, въ свою очередь, покупаетъ въ кредитъ у А. Въ концѣ концовъ сумма долговъ перваго торговца второму сопоставляется съ суммой долговъ второго первому, и опредѣляется, кто изъ нихъ долженъ уплатить разность. Эта разность, которая можетъ быть меньше многихъ сдѣлокъ въ отдѣльности, и непремѣнно меньше всей суммы сдѣлокъ, составляетъ все, что выплачивается деньгами, и, быть можетъ, даже и она не выплачивается, а переводится текущимъ счетомъ на слѣдующій годъ. При этомъ единичная уплата 100 фунтовъ можетъ быть достаточна для ликвидациіи длиннаго ряда сдѣлокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя равнялись тысячамъ фунтовъ.

Но, во-вторыхъ, долги А могутъ быть уплачены лицу В, безъ посредства денегъ, даже если В и не будетъ съ своей стороны долженъ А. А можетъ удовлетворить В, передавъ ему долгъ, который обязано уплатить первому какое нибудь третье лицо С. Это удобно производится посредствомъ письменнаго документа, называемаго векселемъ, который есть не что иное, какъ приказъ кредитора на его должника, и этотъ приказъ, если онъ акцентуанъ должникомъ, т. е. засвидѣтельствованъ его подписью, становится удостовѣреніемъ долга.

§ 4. Первоначально векселя были введены для сбереженія расходовъ и риска при перевозкѣ драгоценныхъ металловъ изъ одного мѣста въ другое. «Предположимъ», говоритъ Торнтонъ*), «что въ Лондонѣ есть десять фабрикантовъ, продающихъ свой товаръ десяти іоркскимъ купцамъ, которые расплачиваютъ его по мелочамъ, и что въ Іоркѣ есть десять фабрикантовъ другого товара, продающихъ его десяти лондонскимъ купцамъ. Въ такомъ случаѣ не зачѣмъ будетъ десяти лондонскимъ купцамъ посылать ежегодно въ Іоркъ гиней для уплаты іоркскимъ фабрикантамъ, и десяти іоркскимъ купцамъ посылать ежегодно столько же гиней въ Лондонъ. Надобно будетъ только іоркскимъ фабрикантамъ получить отъ іоркскихъ купцовъ на мѣстѣ эту сумму, дать имъ въ замѣнъ письменные документы; по этимъ документамъ должники іоркскихъ фабрикантовъ въ Лондонѣ, которые приготовили уже деньги для уплаты, передадутъ эту сумму лондонскимъ фабрикантамъ; такимъ образомъ, долгъ въ Лондонѣ погасится такъ же, какъ и въ Іоркѣ. Этимъ путемъ будутъ сбережены расходъ и рискъ, простирающіеся отъ пересылки денегъ. Документы, удостовѣряющіе переводъ долга, на современномъ языкѣ называются векселями. Это есть росписки, посредствомъ которыхъ долгъ одного лица замѣняется долгомъ другого, или же долгъ, уплата по которому должна быть произведена въ одномъ мѣстѣ,—долгомъ, который долженъ быть выплаченъ въ другомъ мѣстѣ».

Векселя сперва служили удобнымъ средствомъ для уплаты долговъ въ мѣстахъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, безъ расхода на перевозку драгоценныхъ металловъ. Впослѣдствіи употребленіе векселей сильно расширилось по другому основанію. Во всякой торговлѣ товары обыкновенно покупаются въ кредитъ на пзвѣстный срокъ, на три, на шесть мѣсяцевъ, на годъ и даже на два года, смотря по надобности или обычаю каждой отдѣльной отрасли торговли. Торговецъ, продавшій товары, уплату за которые онъ долженъ получить черезъ шесть мѣсяцевъ, но желающій се получить скорѣе, беретъ у своего должника вексель съ обязательствомъ уплаты черезъ шесть мѣсяцевъ и дисконтируетъ его у банкира или у какого нибудь ростовщика, т. е. передаетъ послѣднему вексель, получая отъ него всю сумму долга, за вычетомъ процентовъ за время, оставшееся до срока. Теперь однимъ изъ главныхъ назначеній векселей стало служить средствомъ, съ помощью котораго, имѣя на комъ нибудь долгъ, можно получить ссуду отъ другого лица. Удобство такого средства привело къ тому, что часто стали выдаваться вексели, не основанные ни на какихъ предшествовавшихъ долговыхъ отношеніяхъ между лицомъ, выдавшимъ вексель, и тѣмъ,

*) Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain стр. 24. Этотъ трудъ, изданный въ 1802 году, даже и теперь представляетъ самое ясное, какое мнѣ извѣстно на англійскомъ языкѣ, изложеніе способовъ кредита, которыми пользуются въ коммерческомъ обществѣ.

на чье имя онъ былъ выданъ. Эти векселя называются *приятельскими* векселями (accommodation bills), а иногда, съ отбѣякомъ порицанія, *фиктивными*. Ихъ характеръ такъ ясно изложенъ и относительно ихъ сдѣланы настолько основательныя замѣчанія авторомъ, на котораго я только что ссылаюсь, что я приведу цѣлый отрывокъ изъ его произведенія *).

«А, нуждаясь въ 100 фун., проситъ В акцентовать росписку или вексель, выданный на два мѣсяца; слѣдовательно, В обязывается уплатить по этому векселю; но при этомъ подразумевается, что А или самъ позаботится уплатить по векселю, или доставитъ В средства для уплаты. А получаетъ наличныя деньги подъ этотъ вексель, основанный на соединенномъ кредитѣ двухъ заинтересованныхъ лицъ. А выполняетъ свое обѣщаніе уплатить по нему въ назначенный срокъ, и, такимъ образомъ, ликвидируетъ сдѣлку. Но А, по всей вѣроятности, долженъ будетъ въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени отплатить за эту услугу подобнымъ же акцентовавшимъ векселя, написаннаго на его имя и учтеннаго лицомъ В.

«Сравнимъ теперь такой вексель съ реальнымъ, товарнымъ векселемъ. Разсмотримъ, въ чемъ ихъ дѣйствительная или видимая разница, и въ чемъ они сходны».

«Они сходны въ томъ, что каждый изъ нихъ служитъ для дисконта, каждый именно и созданъ съ этой цѣлью, и, вѣроятно, каждый изъ нихъ въ дѣйствительности и дисконтируется. По этому они одинаково служатъ для доставленія торговцамъ средствъ къ спекуляціи. Кроме того, такъ какъ векселя и билеты представляютъ, такъ называемое, кредитное или бумажное орудіе обращенія странъ и даютъ возможность не употреблять гиней, то, слѣдовательно, фиктивные и реальныя векселя одинаковы и въ этомъ отношеніи; и если цѣна товаровъ повышается пропорціонально количеству кредитныхъ знаковъ, то первые векселя совершенно такъ же способствуютъ этому повышенію, какъ и вторые.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ пунктовъ, въ какихъ они разнятся, мы должны указать на одинъ пунктъ, въ которомъ обыкновенно предполагается, что они несходны, но въ которомъ, мы не можемъ сказать, чтобы они всегда и necessarily различались.

Реальныя векселя (по словамъ нѣкоторыхъ) представляютъ дѣйствительное имущество. Каждый реальный вексель соответствуетъ дѣйствительно существующимъ товарамъ. Векселя же, выдаваемые не въ слѣдствіе продажи товаровъ, представляютъ фальшивое богатство, обманывающее націю. Они доставляютъ лишь воображаемый капиталъ, тогда какъ реальныя векселя указываютъ на дѣйствительно существующій.

«Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, можно возражать, во-первыхъ, что хотя реальныя векселя и выдаются въ слѣдствіе дѣйствительной

продажи товара, но все же нельзя на этомъ основаніи считать, что они *несомненно* представляютъ собою какое нибудь дѣйствительное имущество. Предположимъ, что А продаетъ на 100 фун. товаровъ торговцу В съ отсрочкой платежа на 6 мѣсяцевъ и беретъ вексель на этотъ срокъ, и В, мѣсяць спустя, продаетъ тѣ же товары и съ такой же отсрочкой С, взявши такой же вексель. С въ свою очередь, мѣсяць спустя, продаетъ ихъ D) подъ подобный же вексель и и т. д. Такимъ образомъ, къ концу 6 мѣсяцевъ можетъ одновременно существовать шесть векселей по 100 фун.; и каждый изъ нихъ, быть можетъ, уже былъ учтенъ. Слѣдовательно, изъ всѣхъ ихъ только одинъ представляетъ дѣйствительное имущество.

«Для того, чтобы оправдать предположеніе, что такъ называемый реальный вексель представляетъ дѣйствительное имущество, держатель векселя долженъ имѣть какую нибудь возможность не допускать употребленія этого имущества на какія нибудь другія цѣли, кромѣ уплаты по этому векселю. Но такой возможности нѣтъ; и, на лицо, имѣющее реальный вексель, не лицо, принимающее его въ учетъ, шпакъ не могутъ распоряжаться именно тѣми товарами, за которые онъ былъ выданъ. Владѣлецъ реального векселя настолько же довѣряетъ общей платежной способности лица, выдавшаго его, какъ и владѣлецъ всякаго фиктивного векселя. Очень часто фиктивный вексель можетъ быть выданъ лицомъ, имѣющимъ большой и всѣмъ извѣстный капиталъ; въ такомъ случаѣ, можно сказать, что фиктивный вексель представляетъ часть этого капитала. Поэтому предположеніе, что реальныя векселя представляютъ имущество, а фиктивные не представляютъ его, какъ мнѣ кажется, преувеличиваетъ достоинства одного и слишкомъ уменьшаетъ достоинства другого рода векселей.

Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ пунктамъ, по которымъ эти виды векселей разнятся.

«Во-первыхъ, противъ фиктивного или приятельскаго векселя можно возражать, что онъ удостоверяетъ то, чего въ дѣйствительности не было. Но это возраженіе относится лишь къ тѣмъ фиктивнымъ векселямъ, которые идутъ за реальныя. Большею же частью ихъ происхожденіе достаточно очевидно. Во-вторыхъ, точная уплата по фиктивнымъ векселямъ обыкновенно менѣе вѣроятна, чѣмъ по реальнымъ. Существуетъ распространенное убѣжденіе, что торговецъ, берущій фиктивные векселя, ведетъ болѣе рискованную спекуляцію, чѣмъ тотъ, который старательно ихъ избѣгаетъ. Изъ этого слѣдуетъ, въ-третьихъ, что фиктивные векселя, помимо ихъ меньшей обеспеченности, менѣе допускаютъ возможность ограниченія ихъ количества. Размѣръ дѣйствительныхъ продажъ извѣстнаго человека представляетъ нѣкоторую границу для суммы его реальныя векселей; а такъ какъ въ торговлѣ въ высшей степени желательно, чтобы кредитъ распредѣлялся между всѣми лицами въ правильной и надлежащей пропорціи, то поэтому величина дѣйствительныхъ продажъ торговца, удостоверяемая присутствіемъ у него векселей, которые онъ получилъ въ слѣдствіе этихъ продажъ, можетъ служить нѣкото-

*) Стр. 29—30.

рымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ и весьма неудовлетворительнымъ, руководствомъ въ этомъ случаѣ».

«Фиктивный или пріятельскій вексель, очевидно, въ сущности представляетъ то же самое, что и обыкновенное заемное письмо; и онъ даже лучше послѣдняго въ томъ отношеніи, что при заемномъ письмѣ существуетъ только лишь одно отвѣтственное лицо, тогда какъ при пріятельскомъ векселѣ ихъ два. Опасеніе, чтобы торговцы не слишкомъ сильно пользовались своими средствами полученія денегъ, настолько велико, что бумага совершенно сходная по своему характеру съ той, какую выдаютъ и какую только и могутъ выдавать не-коммерческіе люди, считается до известной степени дискредитирующей, когда ее выдаетъ купецъ. А вслѣдствіе того, что подобная бумага, находясь въ рукахъ кушача, необходимо бываетъ составлена по образцу той, которая выдается при продажѣ товаровъ, ей дали наименованіе фиктивной; и это наименованіе, по-видимому, поддерживаетъ пейсное и ошибочное представленіе, что будто и въ характерѣ известной части бумагъ, и въ видимомъ богатствѣ страны есть что то дѣйствительно фальшивое и обманчивое».

«Если вексель только учитывается и сохраняется до истеченія срока въ портфель лица, принявшаго его въ учетъ, то онъ не выполняетъ назначенія денегъ и не замѣняетъ ихъ, а самъ покупается и продается за деньги. Въ такомъ случаѣ онъ такъ же не представляетъ собою денегъ, какъ не представляютъ ихъ и государственныя бумаги. Но когда вексель, выданный на одно лицо, отдается другому (или даже тому же самому) въ уплату долга или денежнаго требованія, то онъ выполняетъ то, на что бы потребовался деньги, если бы не существовало векселя; онъ выполняетъ функцію орудія обращенія. Это и есть та цѣль, для которой очень часто примѣняются векселя. «Они не только даютъ возможность сократить употребленіе денегъ», говоритъ Торнтонъ*), «они во многихъ случаяхъ даже употребляются вмѣсто денегъ». Представимъ себѣ, что фермеръ, живя въ деревнѣ, уплачиваетъ сосѣднему лавочнику долгъ въ 10 ф., отдавъ ему вексель на эту сумму, взявъ на имя лондонскаго хлѣбнаго агента за проданный тамъ хлѣбъ; лавочникъ, предварительно сдѣлавъ передаточную надпись на векселѣ, передаетъ его сахарному фабриканту въ уплату такого же долга; сахарный фабрикантъ, сдѣлавъ новую надпись, посылаетъ его вест-индскому кушачу въ ближайшую гавань, а этотъ послѣдній передаетъ его своему мѣстному банкиру, который также, сдѣлавъ передаточную надпись, пускаетъ его въ дальнѣйшее обращеніе. Въ этомъ случаѣ вексель произвелъ пять платежей, совершенно такъ, какъ если бы онъ былъ десяти фунтовымъ билетомъ, размѣняемымъ по предъявленіи. Только что описаннымъ образомъ обращается въ торговомъ мірѣ множество векселей; и они, очевидно, въ самомъ строгомъ смыслѣ составляютъ часть орудій обращенія королевства».

*) Стр. 40.

Многіе и мѣстные, и заграничныя векселя въ концѣ концовъ представляются къ уплатѣ, совершенно пещерными передаточными надписями, каждая изъ которыхъ свидѣтельствуетъ или о новомъ учетѣ, или о денежной сдѣлкѣ, въ которой вексель выполнялъ функцію денегъ. Еще не такъ давно въ Ланкширѣ почти всѣ орудія обращенія, имѣющія цѣнность выше пяти фунтовъ, состояли изъ подобныхъ векселей.

§ 5. Третью форму, въ которой кредитъ употребляется для замѣны денегъ, представляютъ безсрочныя письменныя обязательства, съ уплатой по предъявленіи. Вексель, выданный на какое бы то ни было лицо и акцентоваанный имъ, и его безсрочное обязательство на такую же сумму, по отношенію къ этому лицу, будутъ совершенно равнозначущими, за исключеніемъ лишь того, что первый обыкновенно приноситъ проценты, тогда какъ второе вообще не приноситъ ихъ, и что по векселю уплата обыкновенно производится только по истеченіи известнаго срока, а по безсрочному обязательству по предъявленіи его. Въ коммерческихъ странахъ выработался особый видъ предпринимательской дѣятельности, состоящей въ выпускѣ, именно, въ этой послѣдней формѣ кредитныхъ знаковъ для замѣны денегъ. Профессиональные заимодавцы ищутъ, какъ ихъ неправильно называютъ, торговцы деньгами, подобно всѣмъ торговцамъ, стремятся расширять свои операціи за тѣ предѣлы, при которыхъ они еще могутъ вести ихъ на собственные средства. Этого рода предприниматели желаютъ ссужать не только свой капиталъ, но и свой кредитъ, и даже не одну ту часть кредита, которая состоитъ изъ дѣйствительно хранящихся у нихъ, вкладовъ, а свою способность получать кредитъ отъ всего общества вообще, насколько, по ихъ мнѣнію, можно безопасно пользоваться ею. Это очень удобно дѣлается посредствомъ выдачи въ ссуду своихъ собственныхъ письменныхъ обязательствъ, подлежащихъ уплатѣ по предъявленіи. Кредитующееся лицо охотно принимаетъ эти обязательства за обозначенное въ нихъ количество денегъ, потому что благодаря кредиту заимодавца ихъ охотно принимаютъ другіе люди по тому же курсу при покупкахъ или какихъ нибудь другихъ платежахъ. Такимъ образомъ, эти обязательства выполняютъ всѣ функціи орудія обращенія и дѣлаютъ вполнѣй равную имъ сумму денегъ, прежде находившуюся въ обращеніи. Но такъ какъ эти бумаги, подлежа платежу по предъявленіи, могутъ во всякое время возвратиться къ лицу, выдавшему ихъ, съ требованіемъ денежной уплаты за нихъ, то поэтому, выустившій ихъ, предприниматель изъ опасенія банкротства долженъ держать у себя столько денегъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить всякія требованія такого рода, могущія представиться въ теченіе того времени, какое необходимо для того, чтобы собрать новыя суммы. Благоразуміе требуетъ также, чтобы онъ не выпускалъ билетовъ болѣе того количества, какое, какъ ему известно изъ опыта, можетъ оставаться въ обращеніи, не возвращаясь для уплаты.

Какъ только было открыто удобство этого способа, такъ сказать, чекинки кредита, правительства стали пользоваться имъ и вы-

пускать свои собственные безсрочныя обязательства въ уплату своихъ расходовъ. Этотъ источникъ тѣмъ болѣе выгоденъ, что онъ представляетъ единственный способъ, дающій возможность государству занимать деньги, не платя процентовъ, такъ какъ на его обязательства, подлежащія уплатѣ при первомъ требованіи, публика смотритъ какъ на наличныя деньги. Практическія различія между этими правительственными билетами и билетами, выпускаемыми частными банками, и дальнѣйшія разнообразныя формы, какія могутъ принимать этотъ видъ денежныхъ суррогатовъ, будутъ рассмотрѣны нами въ скоромъ времени.

§ 6. Четвертый способъ употребленія кредита вмѣсто денегъ, могущій при достаточномъ развитіи вполне замѣнить деньги, состоитъ въ совершеніи уплатъ посредствомъ чековъ. Въ Англіи распространяется все на болѣе и болѣе обширный кругъ общества обыкновеніе держать въ банкѣ наличныя деньги, оставляемыя про запасъ для немедленнаго употребленія или для удовлетворенія случайныхъ требованій, и производить всѣ уплаты, кромѣ мелкихъ, ордерами на банкировъ. Если лицо, производящее уплату, и лицо, получающее ее, держатъ свои деньги у одного и того же банкира, то платежъ совершается безъ всякаго участія денегъ, просимыя переводомъ въ банковыхъ книгахъ этой суммы съ кредита плательщика на кредитъ получателя. Если бы всѣ жители Лондона держали свои наличныя деньги у одного и того же банкира и производили всѣ свои платежи чеками, то для всѣхъ сдѣлокъ, начинающихся и заканчивающихся въ Лондонѣ, вовсе не понадобилось и не употреблялось бы денегъ. Эти идеальныя условія почти достигнуты въ дѣйствительности относительно сдѣлокъ между торговцами. Въ настоящее время деньги или банковые билеты употребляются преимущественно при розничныхъ сдѣлкахъ между торговцами и потребителями и при выдачѣ заработной платы, да и въ этихъ случаяхъ лишь при небольшихъ платежахъ. Въ Лондонѣ владельцы магазиновъ, обладающіе значительнымъ капиталомъ и ведущіе торговлю въ довольно крупныхъ размѣрахъ, вообще имѣютъ счетъ у банкира; что, помимо безопасности и практическаго удобства, выгодно для нихъ и въ другомъ отношеніи, такъ какъ предполагается, что они при этомъ получаютъ право учитывать свои векселя, тогда какъ при другихъ условіяхъ они не могли бы на это рассчитывать. Что же касается купцовъ и крупныхъ negociантовъ, то они обыкновенно производятъ всѣ свои текущіе платежи чеками. Однако не всѣ они ведутъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же банкиромъ, и когда А даетъ чекъ В, В обыкновенно передаетъ его не въ тотъ же банкъ, откуда онъ взятъ, а въ какой нибудь другой. Требования коммерческаго удобства дали начало такому устройству, которое дѣлаетъ въ извѣстномъ отношеніи всѣ банкирскіе дома Лондонскаго Сити какъ бы однимъ учрежденіемъ. Банкиръ не посылаетъ чековъ, полученныхъ его конторой, въ банкъ, изъ которыхъ онъ взятъ, и не требуетъ за нихъ денегъ. Существуетъ учрежденіе, называемое Расчетной Палатой (clearing house), куда всѣ банкиры Сити посылаютъ каждый вечеръ всѣ полученные въ теченіе дня чужіе чеки,

и тамъ эти послѣдніе обмѣниваются на ихъ чеки, попавшіе въ руки другихъ банкировъ, при чемъ деньгами уплачивается лишь балансъ; или даже и онъ выплачивается не деньгами, а чекомъ на англійскій банкъ. Благодаря такому устройству, всѣ коммерческіе обороты лондонскаго Сити за одинъ день, нерѣдко доходящіе до нѣсколькихъ милліоновъ фунтовъ, и, кромѣ того, большое количество провинціальныхъ сдѣлокъ, представляемыхъ векселями, выданными провинціальными банкирами на ихъ лондонскіхъ корреспондентовъ, ликвидируются платежами, въ среднемъ не превышающими 200000 фунтовъ *).

Посредствомъ разнообразныхъ орудій кредита, только что описанныхъ нами, громадный коммерческій оборотъ такой страны, какъ Великобританія, совершается съ удивительно малымъ количествомъ драгоценныхъ металловъ; это количество, по отношенію къ денежной цѣнности продаваемыхъ и покупаемыхъ товаровъ, въ нѣсколько разъ меньше того, какое признано необходимымъ во Франціи или во всякой другой странѣ, гдѣ привычка и расположенность къ кредиту не такъ развиты, и поэтому эти, такъ называемыя «удешевленныя средства» (economizing expedients), еще не до такой степени вошли въ употребленіе. Что дѣлается съ деньгами при такой замѣнѣ ихъ, и въ силу какого процесса онѣ исчезаютъ изъ обращенія,—все это вопросы, рассмотрѣніе которыхъ мы должны отложить на нѣкоторое время.

ГЛАВА XII.

Вліяніе кредита на цѣны.

§ 1. Составивъ себѣ теперь общее понятіе о способахъ, какими кредитъ служитъ для замѣны денегъ, мы должны рассмотретьъ, какимъ образомъ эта замѣна влияетъ на цѣнность денегъ, или—что въ сущности одно и то же—на цѣны товаровъ. Едва ли необходимо говорить, что здѣсь рѣчь идетъ не о постоянной цѣнности денегъ, не о естественныхъ, или среднихъ, цѣнахъ товаровъ. Эти цѣнности и эти цѣны опредѣляются стоимостью производства или полученія драгоценныхъ металловъ. Въ общемъ унція золота или серебра будетъ обмѣниваться на такое количество всякаго другаго товара, какое можетъ быть произведено или ввезено по одинаковой стоимости съ ней. А ордеръ, билетъ или вексель на одну унцію золота,

*) Тутъ въ своемъ прозвѣденіи (Enquiry into the Currency Principle, p. 27) говоритъ, что въ теченіе 1893 года въ расчетную Палату поступило чековъ на сумму около 954.401.600 фун., следовательно, ежедневно производилось платежей чеками и векселями болѣе, чѣмъ на 3.000.000, которые погашались не много болѣе чѣмъ 2.000.000 ф. банковыхъ билетовъ. Въ настоящее же время ежедневно ликвидируется гораздо большее количество сдѣлокъ безъ всякихъ банковыхъ билетовъ. Ихъ замѣняютъ чеки на Англійскій Банкъ.

подлежащие уплатѣ по предъявленіи, будутъ стоить меньше и не больше самого золота, если только не подорванъ кредитъ лица, выдавашаго ихъ.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы будемъ разсматривать не установившіяся и среднія, а текуція и временныя цѣны. Эти послѣднія, какъ мы уже видѣли, могутъ сильно уклоняться отъ уровня стоимости производства. Одной изъ указанныхъ нами причинъ колебанія цѣны является количество денегъ, находящихся въ обращеніи. Отъ увеличенія этого количества, при неизмѣяемости всѣхъ прочихъ условій, цѣны повышаются, а отъ уменьшенія его онѣ падаютъ. Если въ обращеніе пускается количество денегъ, большее того, какое можетъ обращаться по цѣнности, соответственной ихъ стоимости производства, то пока этотъ излишекъ будетъ существовать, цѣнность денегъ будетъ оставаться ниже уровня стоимости ихъ производства, а общія цѣны будутъ поддерживаться выше ихъ естественной величины.

Но мы уже знаемъ, что есть другія орудія обращенія, какъ напримѣръ, банковые билеты, векселя, и чеки, которыя обращаются подобно деньгамъ и выполняютъ всѣ ихъ функции. Поэтому возникаетъ вопросъ: вліяютъ ли эти разнообразныя суррогаты денегъ на цѣны такимъ же образомъ, какъ и самія деньги? способствуетъ ли увеличеніе количества этихъ бумагъ, переходящихъ изъ рукъ въ руки, возвышенію цѣны такимъ же образомъ и въ такой же степени, какъ и увеличеніе количества денегъ? По этому вопросу было не мало споровъ между авторами, писавшими о денежномъ обращеніи; однако они не пришли къ выводу, настолько рѣшительному, чтобы всѣ были съ нимъ согласны.

И полагаю, что банковые билеты, векселя или чеки сами по себѣ вовсе не вліяютъ на цѣны. На цѣны вліяетъ кредитъ, при чемъ яе имѣетъ значенія ни форма, въ которой онъ открывается, ни то обстоятельство, производитъ ли, или не производитъ онъ какіе нибудь передаточные документы, пригодные для обращенія.

Я перейду къ разъясненію и доказательству этого мнѣнія.

§ 2. Деньги оказываютъ вліяніе на цѣны лишь въ силу того, что онѣ предлагаются въ обмѣнъ за товары. Спросъ, вліяющей на цѣны товаровъ, состоитъ изъ денегъ, предлагаемыхъ за нихъ. Но деньги, предлагаемая кѣмъ бы то ни было, вовсе не то же самое, что деньги, находящіеся въ распоряженіи у него. Иногда ихъ предлагается меньше, а иногда гораздо больше, чѣмъ у него есть въ наличности. Правда, въ общемъ, количество денегъ, истрачиваемыхъ людьми не больше и не меньше того, что они имѣютъ для расходованія; но это бываетъ и не такъ въ извѣстный данный моментъ. Иногда люди удерживаютъ деньги изъ опасенія какой нибудь случайности, или въ надеждѣ на болѣе удобное время для расходованія ихъ. Въ такомъ случаѣ говорятъ, что денегъ нѣтъ въ обращеніи, или, выражаясь яснѣе, что онѣ не предлагаются и не будутъ въ скоромъ времени предлагаться за товары. Въ этомъ смыслѣ деньги, не находящіеся въ обращеніи, не имѣютъ вліянія на цѣны. Но чаще всего мы видимъ обратные примѣры: люди покупаютъ на

деньги, которыхъ не имѣютъ. Напримѣръ, товаръ, за который уплачивается чекомъ на банкира, покупается на деньги, которыхъ не имѣетъ не только покупатель, но вообще даже и самъ банкиръ, такъ какъ послѣдній всю сумму вкладовъ, кромѣ обычнаго размѣнаго фонда, отдалъ въ займы другимъ лицамъ. Недавно мы сдѣлали допущеніе, что всѣ люди ведутъ дѣло съ банкомъ и непременно съ однимъ и тѣмъ же банкомъ; такъ что всѣ платежи вообще производятся посредствомъ чековъ. Въ этомъ воображаемомъ случаѣ деньги находились бы исключительно только въ рукахъ банкира, который могъ бы безопасно располагать ими, продать ихъ въ видѣ слитковъ или отдать ихъ въ займы для того, чтобы онѣ были вывезены изъ страны въ обмѣнъ за иностранные товары или бумаги. Но хотя тогда никто бы не имѣлъ денегъ, или, быть можетъ, въ концѣ концовъ, ихъ даже и вовсе не существовало бы, тѣмъ не менѣе деньги предлагались бы, и за нихъ покупались бы товары совершенно такъ же, какъ и теперь. Люди продолжали бы исчислять свои доходы и капиталы на деньги и производить свои обычные покупки посредствомъ приказовъ на полученіе вещей, которая положительно перестала бы существовать. Во всемъ этомъ не было бы ничего такого, что могло бы вызывать неудовольствіе, пока вмѣсто исчезнувшихъ денегъ остается равная имъ цѣнность въ другихъ вещахъ, пригодныхъ для того, чтобы при первой необходимости возвратить долгъ лицамъ, которымъ первоначально принадлежали деньги.

Но при платежѣ чекомъ покупки, во всякомъ случаѣ, дѣлаются, если и не на тѣ деньги, которыя находятся въ рукахъ покупателя, то все же на тѣ, на которыя онъ имѣетъ право. Но онъ можетъ дѣлать покупки на деньги, которыя онъ только разсчитываетъ имѣть или воображаетъ, что будетъ имѣть. Онъ можетъ получить товары подъ векселя, уплата по которымъ должна произойти въ будущемъ, или подъ расписку, или въ кредитъ по книгѣ, т. е. по простому обѣщанію уплатить. Всѣ эти покупки имѣютъ совершенно такое же вліяніе на цѣны, какъ если бы онѣ производились на наличныя деньги. Количество покупательной силы, какое можетъ проявить каждый отдѣльный человѣкъ, состоитъ изъ всѣхъ его наличныхъ денегъ, да еще изъ тѣхъ, которыя онъ долженъ получить, и, наконецъ, изъ всего его кредита. Чтобы пользоваться этой силой во всемъ ея объемѣ, онъ находитъ достаточное побужденіе лишь при исключительныхъ условіяхъ: но онъ всегда обладаетъ ею, и та часть ея, какую онъ проявляетъ въ данное время, служитъ мѣрою вліянія, которое онъ производитъ на цѣны.

Предположимъ, что торговецъ, въ ожиданіи повышенія цѣны какого нибудь товара, рѣшается не только затратить на него свои наличныя деньги, но еще и взять его въ кредитъ на такую сумму, какую повѣрятъ ему лица, производяція или ввозяція этотъ товаръ. Поступая такимъ образомъ, этотъ торговецъ производитъ, очевидно, гораздо большее вліяніе на цѣну, чѣмъ если бы въ своихъ покупкахъ онъ ограничился деньгами, дѣйствительно находящимися у него въ рукахъ. Онъ создаетъ спросъ на товаръ на всю сумму своихъ денегъ и кредита, вмѣстѣ взятыхъ, и повышаетъ

цѣну пропорціонально имъ обонмъ. Это вліяніе будетъ произведено, хотя бы и не появилось ни одного изъ письменныхъ документовъ, употребляющихся для замѣны денегъ, и хотя бы при сдѣлкѣ не было дано ни одного векселя, или не было бы выпущено ни одного банковаго билета. Покупатель, вмѣсто того чтобы просто брать товаръ въ кредитъ по книгѣ, могъ бы выдать вексель на ту же сумму; или могъ бы произвести уплату банковыми билетами, занятымъ съ этой цѣлью у банкира, и сдѣлать такимъ образомъ покупку не на собственный кредитъ у продавца, а на кредитъ банкира у продавца и на свой собственный кредитъ у банкира. Поступивъ такъ, онъ все равно произведетъ на цѣну такое же, но не большее вліяніе, какъ и при простой покупкѣ на ту же сумму въ кредитъ по книгѣ. Слѣдовательно, кредитъ самъ по себѣ, а не форма и способъ, въ какихъ онъ открывается, служитъ причиной, оказывающей вліяніе.

§ 3. Расположенность коммерческой публики увеличивать свой спросъ на товары, пользуясь, какъ покупательной силой, всѣмъ своимъ кредитомъ или значительной частью его, зависитъ отъ ея расчетовъ на прибыль. Если существуетъ общее мнѣніе, что цѣна какого нибудь товара, по всей вѣроятности, должна повыситься вслѣдствіе увеличенія спроса, благодаря недостаточному урожаю, затруднительному вывозу или какииъ нибудь другимъ причинамъ, то у торговцевъ является склонность увеличивать свои товарные запасы, чтобы извлечь выгоду изъ ожидаемаго повышенія. Эта склонность сама по себѣ способствуетъ осуществленію ожидаемаго результата, т. е., повышенію цѣны, и если это повышеніе значительно и идетъ все дальше, то оно привлекаетъ другихъ спекулянтовъ, которые, пока цѣна не начала падать, готовы вѣрить, что она будетъ продолжаться повышаться. Эти послѣдніе дальнѣйшими покупками производятъ новый подъемъ, и такимъ образомъ повышеніе цѣны, для котораго первоначально существовали нѣкоторые справедливыя основанія, часто усиливается простыми спекулятивными покупками, пока оно не начинаетъ сильно превышать ту мѣру, какаю оправдывалась первоначальными причинами. Спустя нѣкоторое время, это начинаютъ замѣчать; цѣпа перестаетъ подниматься, и владѣльцы товара, считая, что наступило время реализовать свою прибыль, спѣшатъ продать его. Тогда цѣна начинаетъ падать: владѣльцы товаровъ, чтобы избѣжать еще большей потери, устремляются на рынокъ. Но такъ какъ при угнетенномъ состояніи рынка покупателей бываетъ мало, то цѣна начинаетъ падать несравненно быстрѣе, чѣмъ повышалась. Лица, купившія товаръ по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ какаю оправдывалась здравымъ расчетомъ, и захваченныя обратнымъ движеніемъ цѣны прежде, чѣмъ успѣли ликвидировать, терпятъ потерю пропорціонально величинѣ паденія и количеству товара, которое они закупили, или за которое они обязались заплатить.

Однако всѣ эти результаты могутъ происходить и въ обществѣ, въ которомъ кредитъ не извѣстенъ: цѣны на нѣкоторые товары могутъ повышаться до безумной высоты и затѣмъ быстро падать. Но если бы не было кредита, это едва ли могло бы слу-

читься со всѣми товарами вообще. Если всѣ покупки производятся на наличныя деньги, то уплата повышенныхъ цѣнъ за одни товары привлекаетъ къ ихъ рынкамъ необыкновенно большую часть всѣхъ находящихся въ обществѣ денегъ, и поэтому послѣднія должны быть отвлечены отъ какого нибудь другого класса товаровъ, цѣна которыхъ вслѣдствіе этого падаетъ. Правда, вызванная этимъ пустота можетъ быть отчасти пополнена увеличившейся быстротой обращенія. Такимъ способомъ въ дѣйствительности и увеличивается количество денегъ въ обществѣ въ періоды дѣятельной спекуляціи; потому что въ такое время никто не держитъ у себя про запасъ большихъ суммъ, а, получивъ деньги, спѣшатъ, какъ можно скорѣе, израсходовать ихъ на какое нибудь замалчивное предпріятіе. Однако и этого исхода имѣетъ ограниченное значеніе; въ общемъ, при неизмѣяемости количества денегъ, нельзя на какия нибудь одни вещи расходовать гораздо больше прежняго, не расходуя меньше на другія. Но чего нельзя сдѣлать по недостатку наличныхъ денегъ, то можно сдѣлать расширеніемъ кредита. Когда люди выступаютъ на рынкѣ и дѣлаютъ закупки на деньги, которыя они рассчитываютъ получить въ послѣдствіи, они пользуются не строго ограниченнымъ, а безпредѣльнымъ фондомъ. Спекуляція, поддерживаемая такимъ средствомъ, можетъ распространиться на какое бы то ни было количество товаровъ, не нарушая правильнаго хода торговли прочими. Она даже можетъ распространиться на всѣ товары одновременно. Мы могли бы представить себѣ, что подъ вліяніемъ эпидемическаго припадка азарта, всѣ торговцы вмѣсто того, чтобы дѣлать свои обыкновенныя заказы фабрикантамъ, или людямъ, производящимъ ихъ товаръ, начинаютъ, насколько позволяютъ имъ ихъ кредитъ, закупать весь товаръ, какой могутъ только достать. Въ такомъ случаѣ всѣ цѣны повысились бы чрезвычайно, даже если бы не увеличилось количество денегъ и не было бы кредитныхъ знаковъ, а покупки производились бы лишь благодаря простому расширенію кредита по книгѣ. Черезъ нѣсколько времени всѣ, накупившіе товара, пожелали бы его продать, и цѣны страшно упали бы.

Такъ можемъ мы себѣ представить самыя крайнія примѣры явленія, называемаго коммерческимъ кризисомъ. Говорится, что происходитъ коммерческій кризисъ, когда у большинства negociантовъ и торговцевъ является или предвидится затрудненіе при выполненіи ихъ обязательствъ. Самой обыкновенной причиной такого общаго затрудненія бываетъ быстрое паденіе цѣны, послѣ повышенія ихъ подъ вліяніемъ спѣшнаго и распространеннаго на многіе товары спекулятивнаго оживленія. Какой нибудь случай, возбуждающій надежды на возвышеніе цѣнъ, какъ напримѣръ, открытіе новаго иностраннаго рынка или указанія на одновременный недостатокъ въ предложеніи многихъ важныхъ товаровъ, вызываетъ спекуляцію сразу въ нѣсколькихъ главныхъ отрасляхъ торговли. Цѣны повышаются, и лица, закупившія товары, получаютъ, или, повидимому, имѣютъ возможность получить большіе барыши. При извѣстномъ настроеніи общества подобныя примѣры быстраго обогащенія вызы-

ваютъ многочисленныхъ подражателей, и спекуляція не только повышается тѣ предѣлы, какіе оправдываются первоначальными расчетами на повышеніе цѣны, но даже распространяется и на тѣ товары, относительно которыхъ никогда не было никакого повода ожидать повышенія цѣны; однако и эти послѣдніе товары, какъ только затронетъ ихъ спекуляція, дорожаютъ подобно другимъ. Въ такіе періоды происходитъ сильное расширеніе кредита. Всѣ, кого коснулась зараза, прибѣгаютъ гораздо сильнѣе обыкновеннаго къ своему кредиту; кромѣ того, въ дѣйствительности, они имѣютъ гораздо большій кредитъ, чѣмъ прежде, потому что кажется, будто они получаютъ необыкновенные барыши, и потому что въ это время господствуетъ оптимистическое и предпримчивое настроеніе, располагающее брать ссуды, а другихъ давать ихъ, въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Въ такое время ссуды даются даже и тѣмъ лицамъ, которыя вообще не пользуются кредитомъ. Такимъ образомъ въ періодъ знаменитой спекуляціи 1825 года и въ разные другіе періоды нынѣшняго столѣтія цѣны на многіе главнѣйшіе товары сильно повышались, не вызывая этимъ никакого паденія цѣнъ на другіе товары; и безопытно можно сказать, что въ общемъ цѣны повышались. Когда же послѣ такого возвышенія наступаетъ реакція, и цѣны начинаютъ падать, вначалѣ, по всей вѣроятности, лишь влѣдствіе желанія владѣльцевъ товаровъ реализовать свои барыши, тогда спекулятивные покупки прекращаются; но если бы причина заключалась только въ этомъ, то цѣны бы упали лишь до того уровня, отъ котораго онѣ стали повышаться, или до того, который оправдывается состояніемъ потребленія и предложенія. Но онѣ падаютъ гораздо ниже, — и вотъ почему: раньше, когда цѣны повышались, и каждый, повидимому, обогащался, было легко получить какой угодно кредитъ; наоборотъ, теперь, когда каждый, повидимому, теритъ, а многіе совершенно оказываются несостоятельными, даже фирмы, извѣстныя своею солидностью, съ трудомъ могутъ получить тотъ кредитъ, къ которому онѣ привыкли, и безъ котораго имъ чрезвычайно трудно обходиться. Это стѣсненіе происходитъ отъ того, что всѣ торговцы должны расплачиваться по своимъ обязательствамъ, и никто не увѣренъ, что та часть его средствъ, которую онъ отдалъ въ займы другимъ, возвратится къ нему во время; поэтому никто не любитъ разставаться съ наличными деньгами или отсрочивать возвратъ ихъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ къ этимъ основательнымъ соображеніямъ еще присоединяется и паника, столь же неосновательная, какъ и прежнее, чрезвычайное довѣріе; деньги берутся въ ссуду на короткіе сроки и, почти всегда, по какимъ угодно процентамъ, а при продажахъ товаровъ съ условіемъ немедленнаго платежа не обращаютъ вниманія ни на какую потерю. Такимъ образомъ въ теченіи коммерческаго кризиса общія цѣны падаютъ настолько же ниже обыкновеннаго уровня, насколько въ теченіи предшествовавшего ему періода спекуляціи онѣ стали выше этого уровня. Паденіе такъ же, какъ и повышеніе цѣнъ, происходитъ не отъ какой вѣбуде изъ причинъ, вліяющихъ на деньги, а отъ состоянія кредита: отъ чрезмѣрнаго

пользованія кредитомъ вначалѣ и затѣмъ отъ сильнаго сокращенія его, которое, однако, никогда не доходитъ до полнаго его уничтоженія.

Но нельзя признать общимъ правиломъ, что сокращенію кредита, составляющему характерную черту коммерческихъ кризисовъ, должно предшествовать чрезвычайное и неразумное расширеніе его. Упадокъ кредита зависитъ еще и отъ другихъ причинъ; напримѣръ, одному изъ наиболѣе недавнихъ кризисовъ, кризису 1847 года, не предшествовали ни чрезвычайное расширеніе кредита, ни какія либо спекуляціи, если не считать ажіотажа желѣзнодорожными акціями, который, хотя и былъ во многихъ случаяхъ довольно безразсуднымъ, но все же велся преимущественно на ту часть средствъ спекулянтовъ, какую они могли потерять безъ особеннаго ущерба для себя. Поэтому упомянутый ажіотажъ не могъ вызвать широко распространившагося разоренія, какое обыкновенно происходитъ отъ колебанія цѣнъ на товары, которые служатъ главными предметами торговыхъ операцій, и въ которые вкладывается главная масса торговыхъ капиталовъ. Кризисъ 1847 года принадлежитъ къ другому роду коммерческихъ явленій. Иногда происходитъ случайное стеченіе обстоятельствъ, способствующее изъятію изъ ссуднаго рынка значительной части капитала, который обыкновенно обращается на немъ. Въ данномъ случаѣ этими обстоятельствами были болѣе пностраніе платежи (вызванные высокою цѣною на хлопокъ и безпримѣрнымъ взвозомъ хлѣба), а также постоянное извлеченіе средствъ изъ оборотнаго капитала страны путемъ уплаты по желѣзнодорожнымъ акціямъ и путемъ займовъ, дѣлаемыхъ желѣзнодорожными компаніями. Всѣ эти суммы обращались въ основной капиталъ и становились непригодными для дальнѣйшихъ займовъ. Средства для этихъ разнобразныхъ платежей черпались, какъ обыкновенно и бываетъ, главнымъ образомъ изъ ссуднаго рынка. За значительную, хотя и не самую большую, часть ввезеннаго хлѣба расплата, въ дѣйствительности, была произведена суммами, полученными правительственнымъ займомъ. Тѣ чрезвычайные платежи, сдѣлать которые принуждены были покупатели хлѣба и хлопка, а также желѣзнодорожные акціонеры, были произведены или изъ собственныхъ запасныхъ наличныхъ денегъ, или изъ займовъ, заключенныхъ для этого. Въ первомъ случаѣ для этихъ платежей были вынуждены вклады изъ банковъ, и такимъ образомъ ссудный рынокъ лишился части источниковъ, питавшихъ его; во второмъ — средства были добыты непосредственнымъ удаленіемъ денегъ изъ ссуднаго рынка путемъ продажи бумагъ или займа денегъ на проценты. Это соединеніе поваго запроса на ссуды съ сокращеніемъ количества капитала, которыми можно бы было располагать для ихъ, повысило размѣръ процента и сдѣлало невозможнымъ заемъ безъ очень вѣрнаго обезпеченія. Поэтому нѣкоторыя фирмы, допустившія своимъ непредусмотрительнымъ и не коммерческимъ способомъ веденія дѣлъ, чтобы ихъ капиталъ на время или навсегда сдѣлался неподвижнымъ, потеряли возможность постоянно возобновлять кредитъ, благодаря которому раньше онѣ могли бороться. Эти фирмы прекратили платежи; ихъ

банкротство, болѣе или менѣе сильно, отразилось на другихъ, довѣрившихъ имъ, фирмахъ; и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, появилось общее недоувѣрие, называемое паникой. Эта паника могла бы произвести такое же расстройство кредита, какъ и въ 1825 году, если бы извѣстные обстоятельства, которыя можно назвать почти случайными, не дали правительству счастливой возможности прекратить ее посредствомъ самой простой мѣры (пріостановки дѣйствія Устава Банка 1844 г.),—мѣры, принимать которую правительство само по себѣ не имѣло права *).

§ 4. Очевидно, что если при такомъ общемъ вліяніи кредита, какое мы только что изложили, какойнибудь отдѣльный способъ или форма кредита, по общему признанію, вліяетъ сильнѣе другихъ на цѣны, то это можетъ происходить лишь отъ того, что эта форма сильнѣе другихъ облегчаетъ и поощряетъ увеличеніе всѣхъ кредитныхъ сдѣлокъ вообще. Если, напримеръ, банковые билеты или векселя имѣютъ большее вліяніе на цѣны, чѣмъ кредитъ по книгѣ, то это происходитъ не отъ какогонибудь различія въ самихъ сдѣлкахъ, которыя по своему существу совершенно тождественны, будутъ ли онѣ заключены однимъ или другимъ способомъ, а отъ того, что, благодаря этой формѣ кредита, по всей вѣроятности, увеличивается число сдѣлокъ. Если кредитомъ, какъ покупательной силой, пользуются въ болѣе широкихъ размѣрахъ, когда онъ открывается въ формѣ банковыхъ билетовъ или учета векселей, чѣмъ когда онъ открывается простымъ внесеніемъ въ счетъ, то только въ этомъ и не въ чемъ другомъ заключается основаніе, чтобы приписывать первой формѣ большее вліяніе на рынки сравнительно съ тѣмъ, какое имѣетъ послѣдняя.

Теперь мы видимъ, что въ этомъ отношеніи между формами кредита существуетъ вѣкоторая разница. Что касается отдѣльной сдѣлки, то ея вліяніе на цѣну не измѣнится оттого, покупаетъ ли А. товары у В. по простому кредиту, даетъ ли онъ за нихъ вексель, или платитъ за нихъ банковымъ билетомъ, занятымъ у банкира С. Разница обнаружится въ послѣдующихъ ступеняхъ. Если А. купитъ товары въ кредитъ по книгѣ, то у В. нѣтъ никакого прямого и удобнаго способа употребить долгъ А. средствомъ для расширенія своего кредита. Всѣмъ своимъ кредитомъ В. будетъ обязанъ существующему общему мнѣнію о его состоятельности: онъ не можетъ представить требованіе, которое онъ имѣетъ на А. третьему лицу въ специальное обезпеченіе занятыхъ денегъ или купленныхъ товаровъ. Но если А. дать ему на эту сумму вексель, В. можетъ

*) Коммерческія затрудненія 1864 г., не дошедшія, однако, до степени кризиса, въ сущности были такого же происхожденія. Огромные платежи за ввезенный по высокой цѣнѣ хлопокъ и большое привлеченіе капиталовъ къ учрежденію банкирскихъ и другихъ акціонерныхъ предпріятій, въ соединеніи съ заемными операциями иностранныхъ правительствъ, отвлекли такую массу денегъ изъ ссуднаго рынка, что при дисконтѣ коммерческихъ векселей приходилось платить 9%.

учесть послѣдній, что будетъ все равно, что занять деньги по соединенному кредиту его самого и А; или В. можетъ уплатить за товары этимъ векселемъ, что также будетъ полученіемъ ихъ подъ соединенный кредитъ ихъ обоихъ. Въ томъ и другомъ случаѣ здѣсь является вторая сдѣлка, основанная на первой, и ея не было бы, если бы первая была заключена безъ посредства векселя. Но этимъ можетъ и не кончиться рядъ сдѣлокъ. Вексель можетъ быть снова учтенъ или снова переданъ въ обмѣнъ за товары нѣсколько разъ прежде, чѣмъ будетъ представленъ къ уплатѣ. Будетъ ошибочнымъ утверждать, что послѣдовательные владѣльцы этого векселя могли бы и безъ него достигнуть своей цѣли, покупая товары на свой собственный кредитъ у торговцевъ. Не всѣ изъ нихъ могутъ пользоваться кредитомъ; быть можетъ также, нѣкоторые изъ нихъ уже воспользовались своимъ кредитомъ, насколько это было возможно. И во всякомъ случаѣ, и деньги, и товары гораздо легче получить по кредиту двухъ лицъ, чѣмъ одного. Никто не станетъ утверждать, что купцу такъ же легко занять 1000 фун. по своему кредиту, какъ и учесть вексель на эту сумму, когда извѣстна состоятельность того лица, на чье имя онъ написанъ.

Если же мы теперь предположимъ, что А. вмѣсто выдачи векселя, получаетъ отъ банкира С. въ ссуду банковые билеты и ими уплачиваетъ за товары лицу В., мы найдемъ, что разница будетъ еще больше. В. въ такомъ случаѣ не зависитъ даже отъ лица, которое согласилось бы принять вексель въ учетъ. Вексель, выданный А. былъ бы принятъ въ уплату только теми лицами, которымъ извѣстна его состоятельность; но банкиръ есть лицо, пользующееся кредитомъ у всего общества, и его билеты принимаются въ уплату каждымъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшей мѣстности, такъ что въ силу обычая, обратившагося въ законъ, платежъ банковыми билетами составляетъ для плательщика окончательную уплату, тогда какъ, уплативъ векселемъ, онъ все же остается ответственнымъ за долгъ, если лицо, на имя котораго выданъ вексель, не погаситъ его въ назначенный срокъ. Поэтому В. можетъ праскодовать всю сумму банковыхъ билетовъ, вовсе не прибѣгая къ своему кредиту, и въ придачу къ покупательной силѣ, полученной имъ отъ обладанія билетами, ему остается вся прежняя возможность получать товары въ кредитъ по книгѣ. То же самое замѣчаніе примѣнимо къ каждому изъ послѣдовательнаго ряда лицъ, въ руки которыхъ могутъ попасть билеты. Только лишь одинъ А. первый держатель билетовъ, (воспользовавшійся своимъ кредитомъ для полученія ихъ взаимы отъ банкира), можетъ ослабить этимъ свой кредитъ у другихъ вѣрительей; но даже и относительно А. такой результатъ не вѣроятенъ. Строго говоря, если бы всѣ обстоятельства лица А. были извѣстны, то каждая новая, взятая имъ, ссуда должна была бы уменьшать на равную ей сумму его кредитоспособность; но на практикѣ чаще всего бываетъ наоборотъ; и довѣріе, оказанное лицу А. бѣмъ иибудь, считается доказательствомъ того, что ему безопасно могутъ довѣрять и другіе.

Слѣдовательно, банковые билеты представляют документъ вліяющей силы на цѣны, нежели векселя, а векселя дѣйствуютъ силой, нежели кредитъ по книгѣ. Правда, изъ того, что кредитомъ можно пользоваться въ широкихъ размѣрахъ, не слѣдуетъ, что имъ и будутъ такъ пользоваться. Когда состояніе торговли не представляетъ какого нибудь исключительнаго соблазна для крупныхъ покупокъ въ кредитъ, торговцы будутъ пользоваться только небольшою частью своей силы получать въ кредитъ, и воспользуются имъ этой частью въ одной или другой формѣ, это есть вопросъ удобства. Отличительныя особенности разныхъ формъ кредита начинаютъ обпаруживаться только тогда, когда состояніе рынковъ и настроеніе торговыхъ классовъ побуждаетъ многихъ лицъ расширять свой кредитъ до чрезвычайныхъ размѣровъ. Кредитъ, уже до чрезвычайности расширенный въ формѣ долговъ по книгѣ, можетъ быть значительно далѣе расширенъ посредствомъ векселей и еще сильнѣе посредствомъ банковыхъ билетовъ. Путемъ векселей онъ можетъ быть расширенъ потому, что, благодаря имъ, каждый торговецъ получаетъ возможность, въ придачу къ своему собственному кредиту, создать новую покупательную силу въ кредитъ, который онъ самъ далъ другимъ. А банковые билеты служатъ еще дѣйствительнѣе для той же цѣли потому, что кредитъ банкира у всего общества, перечеканный въ билеты, (подобно тому, какъ перечеканиваются слѣпки въ монеты для того, чтобы сдѣлать металлъ удобоиспользуемымъ и дѣлимымъ) даетъ въ руки каждаго послѣдовательнаго держателя билетомъ, сверхъ той покупательной силы, какую это лицо можетъ извлечь изъ собственного кредита, еще новую, равную суммѣ этихъ билетомъ. Выразимъ это иначе: единичное проявленіе кредитной силы въ формѣ кредита по книгѣ служитъ основаніемъ для одной покупки; но при выдачѣ векселя такая же самая часть кредита можетъ служить для столькокихъ покупокъ, сколько разъ вексель перейдетъ изъ рукъ въ руки; а каждый выпущенный билетъ обращаетъ кредитъ банкира для всѣхъ послѣдовательныхъ держателей этого билета въ покупательную силу, равную дѣйности послѣдняго; при чемъ та возможность, которую они имѣютъ для выполненія покупокъ на ихъ собственный кредитъ, не уменьшается. Однимъ словомъ, кредитъ имѣетъ совершенно такую же покупательную силу, какъ и деньги. Деньги оказываютъ вліяніе на цѣны, пропорциональное не просто ихъ количеству, а ихъ количеству, помноженному на то число разъ, какое онѣ перейдутъ изъ рукъ въ руки; такъ же точно вліяетъ на цѣны и кредитъ. Слѣдовательно, кредитъ, который можетъ переходить изъ рукъ въ руки, будетъ дѣйствовать во столько разъ сильнѣе кредита, выполняющаго лишь одну покупку, сколько онъ совершитъ переходовъ.

§ 5. Но вся эта покупательная сила вліяетъ на цѣны соразмѣрно съ тѣмъ, какая часть ея употребляется; и потому вліяніе ея замѣтно лишь при наличности условій, способствующихъ чрезвычайному расширенію пользованія кредитомъ. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что при такихъ условіяхъ, т. е., во время спекуляціи, цѣны могутъ повышаться больше, если спекулятивныя покупки совер-

шаются посредствомъ банковыхъ билетовъ, чѣмъ когда онѣ совершаются посредствомъ векселей; а при совершеніи ихъ при помощи векселей, цѣны растутъ сильнѣе, чѣмъ тогда, когда покупатели пользуются кредитомъ по книгѣ. Но это обстоятельство на практикѣ имѣетъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго взгляда; потому что, въ дѣйствительности, спекулятивныя покупки, въ большинствѣ случаевъ, совершаются не на векселя или банковые билеты, а почти исключительно на кредитъ по книгѣ. Самый выдающийся авторитетъ *) по такого рода вопросамъ говоритъ, что «какъ въ началѣ спекуляціи товарамъ, такъ и во время самаго сильнаго ея развитія, заинтересованныя лица почти никогда не обращаются къ Англійскому Банку съ просьбой о расширеніи дисконта»—(то же самое должно быть справедливо и относительно другихъ банковъ). «Спекулянты большей частью, если не всегда, пользуются кредитомъ на срокъ, обычные въ различныхъ отрасляхъ торговли, и избѣгаютъ такимъ образомъ необходимости занимать деньги, которые могутъ понадобиться для дѣла сверхъ пль свободнаго капитала. Этотъ приемъ въ особенности примѣняется къ спекулятивнымъ покупкамъ находящимся въ странѣ товаровъ съ цѣлью ихъ перепродажи. Но такія покупки обыкновенно составляютъ лишь меньшую часть кредитныхъ сдѣлокъ. Несравненно большая часть покупокъ, предпринимаемыхъ въ надеждѣ на повышение цѣны, состоитъ изъ сдѣлокъ, имѣющихъ въ виду ввозъ изъ заграничья. То же самое замѣчаніе примѣнимо и къ вывозу товаровъ, когда значительная часть ихъ покупается на кредитъ товаротрапителей или ихъ агентовъ. Пока обстоятельства подають надежду на благоприятный результатъ, кредитъ спекулянтовъ вообще держится. Если нѣкоторые изъ нихъ желаютъ ликвидировать свою покупку, то другіе, располагающіе капиталомъ и кредитомъ, готовы замѣстить ихъ; и если событія вполне оправдываютъ тѣ основанія, на которыхъ заключался спекулятивныя сдѣлки, (такъ что для возвращенія затраченнаго капитала возможна своевременная продажа товара потребителямъ), то спекулянты могутъ держаться, не заявляя чрезвычайнаго спроса на ссудный капиталъ. И только, когда, вслѣдствіе политическихъ переменъ, случайностей урожая, или встѣдствіе другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, ожидается предложеніе, превышающее данный размѣръ потребления, и когда наступаетъ паденіе цѣны,—лишь тогда происходитъ увеличеніе спроса на капиталъ. Тогда повышается размѣръ рыночнаго процента, и обращенія съ просьбами къ Англійскому Банку объ учетѣ становятся часты». Такимъ образомъ увеличеніе числа банковыхъ билетовъ и другихъ кредитныхъ знаковъ, въ большинствѣ случаевъ, не сопровождается и не облегчаетъ спекуляцію, а появляется, главнымъ образомъ, когда горячка слабѣетъ, и начинаютъ чувствоваться затрудненія.

Очень немногимъ вполне извѣстно, до какихъ чрезвычайныхъ размѣровъ могутъ доводиться спекулятивныя сдѣлки при простомъ

*) Tooke's History of Prices, vol IV, pp. 125—126.

кредитъ по книгѣ, безъ малѣйшаго участія, такъ называемыхъ, кредитныхъ знаковъ. «Покупательная сила», говоритъ Тукъ *), «принадлежащая лицамъ, которые имѣютъ капиталъ и пользуются кредитомъ, значительно превышаетъ все то, что могутъ себѣ представить люди, практически не знакомые со спекулятивными рынками. Если торговецъ, который имѣетъ репутацію человѣка, располагающаго достаточнымъ капиталомъ для его настоящаго дѣла, и пользуется въ своей торговлѣ прочнымъ кредитомъ, увлечется видами на повышеніе цѣны того товара, которымъ онъ торгуетъ, и если въ началѣ и во время хода его спекуляціи ему будутъ благоприятствовать обстоятельства, то онъ можетъ совершать покупки въ размѣрѣ положительно чудовищномъ по сравненію съ его капиталомъ». Въ доказательство всего этого Тукъ приводитъ цѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ, подтверждающихъ то, какую огромную покупательную силу можетъ создавать и какое возвышеніе цѣны можетъ производить кредитъ, для котораго однако не употребляются ни банковые билеты, ни векселя.

«Первыми участниками спекуляціи на повышеніе цѣны на чай, возникшей вследствие нашей ссоры съ Китаемъ въ 1839 году, были нѣкоторые розничные торговцы колониальными товарами и торговцы чаемъ. Въ то время въ торговыхъ сферахъ явилось общее расположеніе дѣлать запасы, т. е., сразу запасаться такимъ количествомъ товара, какое могло бы удовлетворить спросъ со стороны потребителей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Однако нѣкоторые изъ спекулянтовъ, болѣе пылкіе и болѣе отважные, воспользовались своимъ кредитомъ у импортеровъ чая и оптовыхъ торговцевъ и закупили его въ количествѣ, сильно превышающемъ предполагающійся со стороны ихъ кліентовъ спросъ. Первое время, пока покупки производились, повидному, а быть можетъ, и дѣйствительно для обычныхъ цѣлей и въ границахъ дѣйствительнаго сбыта, торговцы имѣли возможность покупать безъ всякаго золота; тогда какъ съ тѣхъ, кого считаютъ спекулянтами, требуется уплата по 2 фун. съ ящика, для покрытія возможной разницы въ цѣнѣ, могущей возникнуть до наступленія срока уплаты наличными деньгами, которая въ чайной торговлѣ производится черезъ три мѣсяца. Поэтому лица, принявшіе участіе въ игрѣ, не израсходовавъ ни одного фартинга изъ дѣйствительнаго капитала и не пользуясь ни однимъ видомъ орудія обращенія, произвели значительныя закупки; затѣмъ, реализовавъ прибыль отъ продажъ нѣкоторой части закупленнаго товара, они получали возможность уплатить залогъ за новыя покупки, который потребовался оттого, что размѣръ сдѣлокъ сталъ обращать на себя вниманіе. Этимъ способомъ спекуляція на повышеніе цѣны, (поднявшая ихъ на 100% и даже больше процентовъ), шла почти до окончанія срока платежа. Нѣкоторое время господствовало опасеніе, что дальнѣйшій ввозъ чая совершенно прекратится, и если бы къ концу срока обстоятельства сложились такъ,

что оно оправдалось бы, то цѣны могли бы повыситься еще сильнѣе и во всякомъ случаѣ не стали бы падать. Такимъ образомъ спекулянты могли бы реализовать, если и не всю ту прибыль, на какую они рассчитывали, то все же весьма значительную сумму, и она дала бы имъ возможность еще сильнѣе расширить свою торговлю или оставить ее окончательно съ репутаціей большой ловкости въ составленіи состоянія. Но вмѣсто такого благоприятнаго исхода случилось, что два или три корабля съ чаемъ, который былъ перегруженъ съ другихъ судовъ, сверхъ ожиданія, по прибытіи ихъ въ Англію, были пропущены таможей, и оказалось, что должны прибыть и другіе грузы, идущіе не прямо изъ Китая. Такимъ образомъ предложеніе увеличилось неожиданно для спекулянтовъ, а въ то же время, вследствие высокой цѣны, потребление сократилось. Поэтому на рынкѣ наступила сильнѣйшая реакція; спекулянты уже не могли продать безъ такой потери, которая лишила ихъ возможности выполнить свои обязательства, а вследствие того многіе разорились. Одинъ изъ нихъ, какъ говорятъ, имѣя капиталъ, не превышавшій 1200 фун. и уже вложенный въ его торговлю, успѣлъ купить 4000 ящиковъ стоимостью болѣе, чѣмъ на 80,000 ф., и потерять на нихъ около 16,000 фун.

«Другой примѣръ, который я приведу, касается операцій на хлѣбномъ рынкѣ въ періодъ отъ 1838 по 1842 годъ. Тутъ былъ случай, когда человекъ, принимаясь за свои обширныя спекуляціи, обладалъ, какъ обнаружилось впоследствии, при разслѣдованіи его дѣла, капиталомъ, не превышающимъ 5000 ф.; но, благодаря удачѣ въ началѣ и счастливому стеченію обстоятельствъ во время хода операцій, онъ успѣлъ довести свои покупки до такихъ размѣровъ, что когда онъ прекратилъ свои платежи, его обязательства, какъ было найдено, простиралась на сумму отъ 500 до 600 тысячъ фунтовъ. Можно бы было привести и другіе примѣры того, какъ люди, вовсе не имѣющие капитала, при помощи одного лишь кредита, дѣлали покупки въ очень широкимъ размѣрѣ, пока положеніе рынка благоприятствовало ихъ расчетамъ.

«Слѣдуетъ замѣтить, что эти спекуляціи, состоявшія изъ огромныхъ покупокъ съ незначительнымъ или и вовсе безъ всякаго капитала, велись въ 1839 и 40 мѣ годахъ, когда денежный рынокъ находился въ самомъ стѣсненномъ положеніи, или выражаясь современнымъ языкомъ, когда въ немъ испытывалась самая сильная недостатка денегъ».

Но, хотя главнѣйшимъ орудіемъ спекулятивныхъ покупокъ является кредитъ по книгѣ, все же нельзя оспаривать, что въ спекулятивные періоды происходитъ увеличеніе количества, какъ векселей, такъ и банковыхъ билетовъ. Правда, что касается банковыхъ билетовъ, то увеличенные выпуски ихъ едва ли когда нибудь происходятъ въ началѣ спекуляціи: ссуды отъ банковъ (какъ замѣчаетъ Тукъ) употребляются не для покупокъ, а для того, чтобы не продавать купленнаго товара, когда обычный срокъ кредита истекаетъ, а ожидаемое повышеніе цѣны не наступило. Но спекулянты чаемъ, о которыхъ упоминаетъ Тукъ, не могли бы продолжать свои спеку-

*) Inquiry into the Currency Principle, pp. 79 and 136—8

лицъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, составляющихъ обычный срокъ кредита въ чайной торговлѣ, если бы они не имѣли возможности получить ссуды у банкировъ. II, по всей вѣроятности, если бы продолжали существовать расчеты на повышение цѣны, то ссуды были бы взяты снова.

Итакъ, кредитъ въ формѣ банковыхъ билетовъ представляетъ болѣе могущественное орудіе для повышения цѣнъ, чѣмъ кредитъ по книгѣ; поэтому безпрепятственная возможность обращаться къ этому орудію можетъ способствовать продолженію и усиленію спекулятивнаго повышения цѣнъ, а слѣдовательно, и усилить ихъ послѣдующее паденіе. Но спрашивается, въ какой степени окажется это влияние, и какую важность должны мы придавать этому свойству банковыхъ билетовъ? Мы можемъ составить себѣ нѣкоторое сужденіе объ этомъ вопросѣ, если рассмотримъ, въ какой пропорціи находятся банковые билеты, при ихъ чрезвычайномъ размноженіи въ эпоху спекуляціи, я не говорю, ко всей массѣ кредита въ странѣ, а лишь къ однимъ векселямъ. Предполагается, что средняя сумма векселей, существующая въ каждое данное время, значительно больше ста милліоновъ фунтовъ стерлинговъ *). Число банковыхъ билетовъ, находящихся въ Великобританіи и Ирландіи, рѣдко превышаетъ сорокъ милліоновъ, а въ періоды спекуляціи оно увеличивается, са-

*) Самымъ вѣрнымъ вычисленіемъ является вычисленіе Литама, основанное на официальныхъ отчетахъ о продажѣ вексельной бумаги. Вотъ эти выводы:

ГОДЫ.	Количество векселей, выданныхъ въ Великобританіи и Ирландіи, вычисленное на основаніи дохода съ вексельной бумаги, которую выпустила контора по продажѣ гербовой бумаги.	Среднее количество векселей, одновременно находящихся въ обращеніи въ каждомъ году.
1832	356,153,409 фун.	89,038,352 фун.
1833	383,659,585 "	95,914,896 "
1834	379,155,052 "	94,788,763 "
1835	405,403,051 "	101,350,782 "
1836	485,943,473 "	121,485,868 "
1837	455,084,445 "	113,771,111 "
1838	465,504,041 "	116,376,010 "
1839	528,493,842 "	132,123,460 "

„Литамъ, говоритъ Тукъ, сообщаетъ тотъ способъ, какимъ онъ пришелъ къ своимъ выводамъ по даннымъ о гербовомъ сборѣ съ векселей; и я склоненъ думать, что эти выводы настолько близки къ истинѣ, насколько это допускаетъ характеръ матеріала“. Inquiry into the Currency Principle, p. 26. Mr. Newmarch (Приложеніе № 39. къ Report of the Committee on the Bank Acts in 1837, и History of Prices, vol VI p. 587) указываетъ основанія, по которымъ можно думать, что вся сумма векселей, находившихся въ обращеніи въ 1837 году, была не многимъ менѣе 180 милліоновъ стерлинговъ, и что по временамъ она доходила до 200 милліоновъ.

мое большее, на два или три милліона. II даже это увеличеніе, какъ мы уже видѣли, едва ли когда нибудь появляется раньше того поздняго періода спекуляціи, когда начинаютъ обнаруживаться перемены счастья, и торговцы вообще больше думаютъ о томъ, какъ-бы выполнить уже заключенныя обязательства, чѣмъ о расширеніи ихъ. Между тѣмъ количество обращающихся векселей сильно увеличивается съ самаго начала спекуляціи.

§ 6. Хорошо извѣстно, что въ послѣдніе годы многіе экономисты и большая часть публики стали считать искусственное ограниченіе выпуска банковыхъ билетовъ чрезвычайно дѣйствительнымъ средствомъ для предупрежденія, а когда ужъ нельзя предупредить, то для уменьшенія спекулятивной горячки. Это мнѣніе было официально признано и получило законодательную санкцію въ видѣ акта 1844 года о денежномъ обращеніи (Currency Act 1844). Но, хотя мы и признаемъ за банковыми билетами болѣе сильное влияние на цѣны, чѣмъ за векселями и кредитомъ по книгамъ, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ основанія изъ полученныхъ нами до сихъ поръ свѣдѣній заключить, что это свойство билетовъ значительно способствуетъ повышенію цѣнъ, сопровождающему періодъ спекуляціи; слѣдовательно, мы не можемъ признать, что какое бы то ни было ограниченіе одного этого орудія кредита должно смягчать какъ повышение цѣнъ, такъ и слѣдующее за нимъ паденіе ихъ въ такой сильной степени, какъ это часто предполагается. Мы еще менѣе будемъ склонны согласиться съ этимъ, когда примемъ во вниманіе, что есть еще четвертая форма кредитныхъ операцій—а именно, текущіе счета и переводы въ банковскихъ книгахъ. Эта форма во всѣхъ отношеніяхъ совершенно сходна съ банковыми билетами, такъ какъ она одинаково облегчаетъ расширеніе кредита и можетъ совершенно такъ же сильно дѣйствовать на цѣны. По словамъ Фуллартова *), «всѣ тѣ удобства, какія сообщаются обороту билетами Англійскаго Банка, могли бы быть также успѣшно достигнуты, если бы каждый торговецъ имѣлъ счетъ въ банкѣ и производилъ всѣ свои платежи въ пять фунтовъ и выше чеками. Въмѣсто того, чтобы отдавать свои билеты взаимы негодянту и торговцу, банкъ можетъ открыть ему счетъ и занести на кредитъ этого счета извѣстную сумму съ условіемъ только, что этой суммы клиентъ не долженъ брать никакимъ другимъ способомъ кромѣ, какъ выдавая на нее чеки тѣмъ лицамъ, которымъ онъ долженъ будетъ уплатить. Эти чеки могли бы даже переходить изъ рукъ въ руки подобно банковымъ билетамъ; но, вѣроятно, чаще человѣкъ, получившій ихъ, отдастъ ихъ для размѣна въ руки своего банкира, а когда понадобятся деньги, выдастъ новый чекъ въ счетъ суммы перваго. Основываясь на этомъ, могутъ возразить, что такъ какъ первоначальный чекъ очень скоро будетъ представленъ къ уплатѣ, которая должна быть произведена билетами Англійскаго Банка или деньгами, то для окончательнаго покрытія должно быть заготовлено равное суммѣ чековъ

*) On the Regulation of Currencies p. 41.

количество билетов или денег. Но, в действительности, это не такъ. Лицо, которому выдается чекъ, быть можетъ, ведетъ дѣло съ тѣмъ же банкиромъ, и чекъ можетъ возвратиться въ тотъ же банкъ, на который онъ былъ выданъ, что и бываетъ очень часто въ провинціальныхъ банкахъ; если это такъ, то не потребуются никакого платежа, и операція будетъ совершена простымъ переводомъ въ банковскихъ книгахъ. Если же чекъ представленъ въ другой банкъ, то онъ не предъявляется къ уплатѣ, а погашается другими чеками. Поэтому при обстоятельствахъ, благоприятныхъ общему расширенію банковаго кредита, банкиръ, который открылъ болѣе широкій кредитъ, и на котораго поэтому будетъ выдано больше чековъ, будетъ также получать отъ своихъ кліентовъ больше чековъ, выданныхъ на имя другихъ банкировъ, и долженъ имѣть билеты или наличныя деньги только для уплаты балансовъ; во для этой цѣли будетъ вполне достаточно обыкновеннаго резерва благоразумныхъ банкировъ, равняющагося одной трети ихъ обязательствъ. Если же банковская контора расширяетъ кредитъ выпускомъ собственныхъ банковыхъ билетовъ, то и въ этомъ случаѣ она одинаково должна имѣть резервъ въ видѣ денегъ или билетовъ Англійскаго Банка; такъ что она, по словамъ Фуллартона, пуская въ обращеніе чеки, можетъ настолько же облегчать кредитъ, какъ и выпуская билеты.

Такое расширеніе кредита посредствомъ открытія специальныхъ, текущихъ счетовъ, имѣетъ всю ту силу вліянія на цѣны, какую мы приписывали расширенію кредита посредствомъ банковыхъ билетовъ. Подобно тому, какъ банковый билетъ въ 20 фундаетъ въ руки лица, получившаго его, кредитную, покупательную силу въ 20 фун., независимую отъ собственнаго кредита этого лица, такъ же точно увеличиваетъ его покупательную силу и полученный имъ чекъ; потому что держатель чека, хотя и не можетъ посредствомъ него производить покупки, но можетъ передать его своему банкиру и въ счетъ него выдать другой чекъ. Такъ какъ эта выдача чека въ счетъ другого, обмѣннаго на деньги и уничтоженнаго, можетъ повторяться столько же разъ, какъ и платежъ посредствомъ банковаго билета, то она вліяетъ совершенно такъ же на увеличеніе покупательной силы, какъ и находящійся въ обращеніи банковый билетъ. Если банкиръ открываетъ своему кліенту кредитъ, то покупательная сила этого кредита можетъ возрастать соответственно съ тѣмъ, сколько разъ части его будутъ переуступлены однимъ лицомъ другому. Это совершенно сходно съ тѣмъ, какъ покупательная сила банковыхъ билетовъ увеличивается во столько, сколько разъ они перейдутъ изъ рукъ въ руки прежде, чѣмъ возвратятся къ лицу, выпустившему ихъ.

Эти соображенія заставляютъ сильнѣе сомнѣваться, чтобы возможно было значительнo смягчить торговые кризисы такой поверхностной мѣрой, какъ та, на которую такъ сильно полагались въ послѣднее время; она состоитъ въ ограниченіи числа выпущенныхъ билетовъ пзвѣстной искусственной нормой. Разсмотрѣніе всѣхъ послѣдствій этого ограниченія и оцѣнку доводовъ за и противъ него

мы должны отложить до тѣхъ поръ, пока не познакомимся съ международнымъ обмѣномъ и международными передвиженіями драгоценныхъ металловъ. Теперь же мы заняты изслѣдованіемъ только общей теоріи цѣнъ, въ которой существенную часть составляетъ разнища во вліяніи на цѣны различныхъ видовъ кредита.

§ 7. Много было разсужденій и споровъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли нѣкоторыя изъ этихъ формъ кредита, и въ особенности банковые билеты, считать деньгами. Это споръ чисто о словахъ, и его едва ли стоило бы подымать. Трудно было бы даже понять, ради чего придавалась ему такая важность, если бы и въ настоящее время не встрѣчались нѣкоторые авторитеты, которые придерживаются теоріи, господствовавшей при младенческомъ состояніи общества и политической экономіи и говорящей, что общія цѣны опредѣляются отношеніемъ количества денегъ къ количеству товаровъ. Эти ученые считаютъ необходимымъ доказывать, что банковые билеты, а не другія формы кредита, представляютъ деньги для того, чтобы, основываясь на этомъ, доказать что банковые билеты, а не другія формы кредита имѣютъ вліяніе на цѣны. Но все же, очевидно, что цѣны зависятъ не отъ количества денегъ, а отъ количества покупокъ. Если деньги вложены въ банкъ, и вкладчикъ не вынимаетъ ихъ или вынимаетъ не для покупки товаровъ, а для какихъ нибудь другихъ цѣлей, то эти деньги не имѣютъ никакого вліянія на цѣны такъ же, какъ и кредитъ, къ которому не прибѣгаютъ. Кредитъ, которымъ пользуются для покупки товаровъ, имѣетъ такое же вліяніе на цѣны, какъ и деньги. Такимъ образомъ по своему вліянію на цѣны кредитъ и деньги совершенно равны: и въ этомъ отношеніи будетъ совершенно безразлично, рѣшимъ ли мы причислить банковые билеты къ деньгамъ или кредиту.

Но такъ какъ этотъ вопросъ, касающійся собственно систематики, уже поднятъ, то желательнo было бы отвѣтить на него. Основаніемъ считать банковые билеты деньгами служить то, что они, въ силу закона и обычая, имѣютъ со звонкой монетой общее свойство вполнѣ заканчивать сдѣлки, въ которыхъ они употребляются: тогда какъ никакой другой способъ покрытія одного долга переводомъ другого не имѣетъ этой привилегіи. Прежде всего тутъ само собой представляется то замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ билеты частныхъ банковъ не могутъ считаться деньгами, потому что кредитора нельзя принудить принять ихъ въ уплату долга. Безъ сомнѣнія они заканчиваютъ сдѣлку, если кредиторъ соглашается принять ихъ: но при такомъ условіи такъ же точно заканчивали бы ее тюкъ сукна или бочка вина, которыхъ, однако, нельзя на этомъ основаніи считать деньгами. Повидимому, существенная сторона въ понятіи денегъ заключается въ томъ, что онѣ служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ. Неразмѣнные билеты, представляющіе законное платежное средство, всѣми признаются за деньги: во французскомъ языкѣ *papier-monnaie* дѣйствительно обозначаетъ неразмѣнность билета, тогда какъ размѣнные билеты называются просто *bill- ts à porteur*. Только лишь относительно билетовъ Англійскаго Банка, когда они размѣняются согласно закону, возникаетъ нѣкоторое затрудненіе: такъ какъ эти

билеты не представляют законнаго платежнаго средства для самаго банка въ его платежахъ, хотя служатъ законнымъ платежнымъ средствомъ для всѣхъ остальныхъ лицъ. По отношенію къ покупщику, билеты Англійскаго Банка заканчиваютъ сдѣлку. Разъ покупатель уплатить этими билетами, отъ него уже нельзя требовать ни въ какомъ случаѣ новой уплаты. Но, создаюсь, я не могу понять, какъ можно считать сдѣлку совершенно законченною по отношенію къ продавцу въ виду того, что полученные имъ билеты представляютъ цѣну его товара лишь подъ тѣмъ условіемъ, что Банкъ сдержитъ свое обѣщаніе уплатить по нимъ. Документъ, который можетъ лишиться всякой цѣнности вслѣдствіе несостоятельности извѣстнаго общества, не можетъ быть деньгами ни въ какомъ отношеніи, въ которомъ деньги противопоставляются кредиту. Такой документъ или не представляетъ денегъ, или представляетъ деньги и кредитъ вмѣстѣ. Въ переносномъ смыслѣ самымъ подходящимъ образомъ его можно назвать вычеканеннымъ кредитомъ. Другія формы кредита, въ отличіе отъ него, могутъ быть названы кредитомъ въ слѣдкахъ.

§ 8. Нѣкоторые выдающіеся авторитеты приписывали банковымъ билетамъ болѣе значительную разницу во влияніи на цѣну, сравнительно съ другими способами кредита, чѣмъ какую мы имѣли основаніе допустить: по ихъ мнѣнію, разница заключается не въ степени, а въ способѣ влияния. Основаніемъ для этого различія у нихъ служитъ тотъ фактъ, что всѣ вексели и чеки такъ же, какъ долги по книгѣ, должны быть погашены, и въ дѣйствительности въ концѣ концовъ и погашаются звонкою монетою или банковыми билетами. Такимъ образомъ, по словамъ этихъ ученыхъ, банковые билеты, находящіеся въ обращеніи, вмѣстѣ со звонкою монетою, представляютъ базисъ, на который опираются всѣ другіе способы кредита: а такъ какъ отъ размѣровъ базиса зависитъ величина всего зданія, то количествомъ банковыхъ билетовъ опредѣляется количество кредитныхъ знаковъ всѣхъ другихъ видовъ. Представители этого мнѣнія, повидному, думаютъ, что если число банковыхъ билетовъ увеличилось, то число векселей и обращающихся чековъ должно быть больше, а такъ же и кредитъ по книгѣ, какъ я позволю себѣ прибавить, долженъ расширяться. Поэтому предполагать, что, посредствомъ регулированія и ограниченія выпуска банковыхъ билетовъ, всѣ другія формы кредита косвеннымъ образомъ подвергаются такому же ограниченію. Я думаю, что я вѣрно изложилъ мнѣніе этихъ ученыхъ, хотя мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчаться настолько яснаго изложенія основаній его, чтобы я себя чувствовалъ вполне увѣреннымъ, что понялъ ихъ. Можетъ быть и справедливо, что по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія количества банковыхъ билетовъ вообще (хотя и не непременно) появляется больше или меньше другихъ орудій кредита, потому что то же положеніе дѣлъ, которое ведетъ къ расширенію кредита въ одной формѣ, ведетъ къ расширенію его и въ другихъ формахъ. Но я не вижу основанія считать, что умноженіе одного вида кредитныхъ знаковъ служитъ причиной умноженія другихъ видовъ. Дѣйстви-

тельно, если мы прежде всего допустимъ, что цѣны регулируются звонкою монетою и банковыми билетами. (что, какъ мнѣ кажется, эти писатели предполагаютъ), то мы и придемъ къ тому выводу, который мы теперь оспариваемъ; потому что, соразмѣрно съ возвышеніемъ или пониженьемъ цѣнъ, одніи и тѣ же покупки произведутъ на большую или меньшую сумму векселей, чековъ и кредитовъ по книгѣ. Но въ этомъ разсужденіи первая посылка сама по себѣ представляетъ положеніе, требующее доказательства. Если же устранить ее, то я не знаю, чѣмъ можно было бы подтвердить этотъ выводъ. Кредитъ, открываемый кому бы то ни было людьми, съ которыми это лицо ведетъ дѣло, зависитъ не отъ количества банковыхъ билетовъ или звонкой монеты, находящихся въ данное время въ обращеніи, а отъ мнѣнія этихъ людей о состоятельности кредитующагося; если въ ихъ разсчеты когда нибудь влодитъ соображеніе болѣе общаго характера, то только лишь во время стѣсненнаго положенія ссуднаго рынка, когда они не увѣрены въ томъ, что сами будутъ имѣть возможность получить кредитъ, на который они привыкли рассчитывать; и даже въ это время они (вопреки заранѣ составленной теоріи) обращаютъ вниманіе не на количество банковыхъ билетовъ, а на общее положеніе ссуднаго рынка. Вотъ отчего, слѣдовательно, зависитъ расположенность людей открывать кредитъ. А расположенность торговца пользоваться своимъ кредитомъ зависитъ отъ его разчетовъ на прибыль, т. е., отъ его мнѣнія о вѣроятной, будущей цѣнѣ на его товаръ. Это мнѣніе основывается на начавшемся уже повышеніи или пониженьи цѣнъ, или на данныхъ, позволяющихъ судить о будущемъ предложеніи и о размѣрѣ будущаго потребленія. Когда торговецъ расширитъ свои покупки сверхъ своихъ наличныхъ платежныхъ средствъ, обязываясь производить уплату въ условенное время, то онъ это дѣлаетъ въ разсчетъ, что сдѣлка выгодно закончится до наступленія срока, или что къ этому времени онъ будетъ обладать достаточнымъ фондомъ, вырученнымъ изъ доходовъ отъ другихъ сдѣлокъ. Осуществленіе этихъ разчетовъ зависитъ отъ цѣнъ, а не исключительно отъ количества банковыхъ билетовъ. Конечно, онъ можетъ задать себѣ вопросъ: въ случаѣ если онъ ошибется въ своихъ разчетахъ, куда онъ обратится за временной ссудой, чтобы, по крайней мѣрѣ, имѣть возможность исполнить свои обязательства? Но, во первыхъ, эти соображенія о будущаго болѣе или менѣе значительныхъ затрудненіяхъ, могущихъ представиться спекулянту при борьбѣ съ неблагоприятнымъ обстоятельствомъ, кажутся ему въ періодъ безразсуднаго риска слишкомъ ничтожными для того, чтобы побудить къ значительной сдержанности: такіа доводы не дѣйствуютъ на людей, которые настолько увѣрены въ успѣхъ, что вступаются въ дѣло, превышающее ихъ вѣрныя средства распутать его. А во-вторыхъ, я увѣжденъ, что если спекулянтъ надеется на помощь въ случаѣ неудачи, то эта надежда, главнымъ образомъ, зависитъ отъ его мнѣнія о своемъ собственномъ кредитѣ и быть можетъ, отъ нѣкотораго соображенія объ общемъ состояніи ссуднаго рынка, при чемъ входящее въ обращеніи количество денежныхъ и кредитныхъ знаковъ не принимается

имъ въ расчетъ. Онъ знаетъ, что при коммерческомъ кризисѣ ему трудно будетъ получить суду. Но если бы онъ считалъ возможнымъ, что коммерческій кризисъ наступитъ раньше, чѣмъ ему удастся реализовать свою прибыль, онъ не сталъ бы рисковать. Если же не произойдетъ спяснаго сокращенія кредита вообще, то спекулянты не будутъ сомнѣваться въ полученіи положительно необходимыхъ имъ судъ, развѣ положеніе ихъ собственныхъ дѣлъ въ то время будетъ представлять для кредиторовъ достаточно вѣроятія, что эти суды будутъ возвращены.

ГЛАВА XIII.

Неразмѣнявыя бумажныя деньги.

§ 1. Итакъ, опытъ доказалъ, что кусокъ бумаги, который не имѣетъ никакой внутренней цѣнности, вслѣдствіе простой надписи на немъ, удостоверяющей, что онъ равенъ столько-то франкамъ, долларамъ или фунтамъ, могутъ быть введены въ обращеніе вмѣсто денегъ и приносить лицамъ, выпускающимъ ихъ, всю эту выгоду, какую могла-бы приносить звонкая монета, которую эта бумага предназначена представлять. Это подало правительствамъ счастливую мысль присвоить себѣ эту выгоду, не принимая на себя обязательства, какому подчиняются частныя лица, выпускающія подобныя бумажныя суррогаты денегъ, т. е. обязательства: при первомъ требованіи за такой знакъ давать обозначаемую имъ вещь. Рѣшено было попытаться, нельзя-ли освободиться отъ этой неприятой обязанности и добиться того, чтобы кусокъ выпущенной въ обращеніе бумаги шелъ за фунтъ вслѣдствіе того, что правительство просто называетъ его фунтомъ и соглашается принимать его въ уплату налоговъ. И вліяніе почти всѣхъ установившихся правительствъ настолько велико, что они обыкновенно успѣвали достигать этой цѣли; можно даже, пожалуй, сказать, что они всегда успѣвали въ этомъ на нѣкоторое время и затѣмъ теряли повину имъ въ руки силу лишь вслѣдствіе того, что подрывали ее самыми явными злоупотребленіями.

Въ этомъ случаѣ назначеніе денегъ выполняется вещью, получившей способность замѣнять ихъ единственно въ силу соглашения. Но для такой замѣны вполнѣ достаточно одного соглашения: такъ какъ для того, чтобы человекъ принималъ какую нибудь вещь вмѣсто денегъ и даже по произвольной цѣнности, необходима прежде всего увѣренность, что и другіе возьмутъ у него эту вещь на тѣхъ же условіяхъ. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность подобнаго денежнаго знака; потому что его цѣнность не можетъ, подобно цѣнности золота и серебра (или бумаги, размѣняваемой на нихъ по желанію), опредѣляться стоимостью производства.

Но мы видѣли, что даже цѣнность звонкой монеты главнымъ образомъ, опредѣляется количествомъ послѣдней. Если-бы количество

монеты не зависѣло отъ обыкновенныхъ торговыхъ расчетовъ на прибыль и убытки, а могло-бы произвольно опредѣляться правительствомъ, то ее цѣнность зависѣла-бы отъ указаній правительства, а не отъ стоимости производства. Количество бумажныхъ денегъ, не размѣняющихся на звонкую монету по желанію ихъ владельцев, можетъ быть опредѣлено произвольно, въ особенности, если ихъ выпускаетъ государственная власть. Поэтому цѣнность такихъ денежныхъ знаковъ совершенно произвольна.

Предположимъ, что въ странѣ съ исключительно металлическимъ денежнымъ обращеніемъ вдругъ выпускаются бумажныя деньги на сумму, равную половинѣ металлическиихъ денегъ, и этотъ выпускъ производится не банковскимъ учрежденіемъ и не въ формѣ займовъ, а правительствомъ для уплаты жалованія и для покупки товаровъ. Денежное обращеніе внезапно увеличилось на половину, вслѣдствіе этого повысятся всѣ цѣны, а между прочимъ и цѣны на всѣ вещи, сдѣланныя изъ золота и серебра. Унція золота въ издѣліяхъ будетъ цѣниться выше, чѣмъ унція золота въ монетѣ, и эта разница будетъ значительно больше той, какая соответствуетъ стоимости издѣлія; поэтому будетъ выгодно переплавлять монету для приготовленія изъ нея золотыхъ вещей, и переплавка будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока денежное обращеніе изытіемъ изъ него золота не уменьшится настолько, насколько оно было увеличено выпускомъ бумаги. Тогда цѣны придутъ въ прежнее положеніе, и не произойдетъ никакой перемены, кромѣ той, что бумажныя деньги замѣнили половину находившейся прежде въ обращеніи звонкой монеты. Предположимъ теперь, что сдѣланъ вторичный выпускъ бумажныхъ, денежныхъ знаковъ: онъ поведетъ за собой новый рядъ такихъ-же послѣдствій; и то-же самое будетъ повторяться на каждомъ новомъ выпускомъ, пока, наконецъ, не исчезнетъ изъ обращенія вся звонкая монета. —Т. е. полное исчезновеніе металлическиихъ денегъ можетъ произойти въ томъ случаѣ, если выпускается бумага, посвящая наименованіе самой мелкой монеты: если-же этого не будетъ, то звонкой монеты останется столько, сколько необходимо для удобнаго выполненія мелкихъ платежей. Увеличеніе количества золота и серебра, предназначенныхъ для украшеній, на время нѣсколько повлечетъ цѣнность этого товара; и пока она не станетъ подниматься, до тѣхъ поръ въ обращеніи, вмѣстѣ съ бумажными деньгами, останется столько звонкой монеты, сколько необходимо для того, чтобы повысить цѣнность послѣдней до цѣнности металлическаго матеріала, хотя-бы даже бумажныхъ знаковъ было выпущено на сумму, равную первоначальному металлическому обращенію. Но такъ какъ цѣнность металла упадетъ ниже стоимости его производства, добыча его изъ рудниковъ прекратится или уменьшится, и излишекъ его уничтожится путемъ обыкновеннаго изнашиванія, послѣ чего металлы и деньги снова приобретутъ свою естественную цѣнность. Мы здѣсь предполагаемъ, какъ и повсюду раньше предполагали, что въ странѣ есть свои собственные рудники, и что она не имѣетъ никакихъ коммерческихъ сношеній съ другими странами: потому-что тамъ, гдѣ существуетъ заграничная торговля, звонкая монета, сдѣ-

лавшаяся излившей вследствие выпуска бумажных денег, уходить гораздо быстрее.

До этого момента влияние бумажных денег в сущности будет одинаково, подлежат ли они разному на звонкую монету или нет. Разница между разными и неразными бумажными деньгами начинается сказываться только тогда, когда звонкая монета совершенно вытеснена из обращения. Предположим, что, когда все золото и серебро ушло из обращения, и их заменило равное им количество бумажных денег, следует новый выпуск последних. Снова начинается тот-же ряд явлений: цены повышаются, между прочим, и цены на золотые и серебряные вещи, т. е. как прежде, становится выгодным доставать монету для того, чтобы переплавлять ее в слитки. В обращении нет больше звонкой монеты: но если бумажные деньги разные, то ее еще можно получить в обмен за эти деньги от лиц, выступивших их. Поэтому все, вновь выпущенные бумажные знаки, толкнуть которые в обращение пытается правительство после того, как металлические деньги уже вполне вытеснены, возвратится к учреждениям, производящим выпуск, для обмена на звонкую монету: и не будет никакой возможности удержать в обращении такое количество разных бумажных знаков, при котором цена их должна быть ниже номинальной. Но не то происходит с неразными бумажными деньгами. Для увеличения их количества (раз они разбиты законом) нет никакого препятствия. Лица, производящие выпуск, могут делать их в безграничных размерах, при чем ценность денег будет падать, а все цены пропорционально этому будут повышаться; или, другими словами, деньги могут обесцениваться без всякого предела.

Такая власть, кому-бы она ни принадлежала, представляет нестерпимое зло. Все перемены в ценности орудия обращения вредны: они нарушают существующие договоры и расчеты, а возможность таких перемен делает всякое долгосрочное, денежное обязательство совершенно ненадежным. Лицо, покупающее себя или дающее другому ежегодную ренту в 100 ф., не знает, будет-ли эта сумма, спустя несколько лет, равняться 200 ф. или 50 ф. Как велико ни было-бы это зло, если-бы оно зависело лишь от случая, оно бывает еще больше, когда находится в зависимости от произвола одного лица или собрания лиц, для которых в известных отношениях и в известной степени может быть выгодным пользоваться искусственным колебанием ценности и которым, во всяком случае, представляет выгоду выпускать насколько возможно больше бумажных денег, потому-что каждый выпуск сам по себе представляет источник обогащения. Немалым прибавлять, что лицо, делающее выпуск, может иметь прямой интерес понижать ценность денег, а правительство всегда его имеет, потому что при помощи их исключаются его собственные долги.

§ 2. Для того, чтобы ценность денег могла быть обеспечена от предвзятых изменений и, насколько возможно, меньше была подвергнута случайным колебаниям, во всех цивилизованных

странах приняты за меру ценности орудия обращения товары, ценность которых из всех известных товаров менее всего подвержена колебанию, т. е. драгоценные металлы: и установлено, что в обращении не должно существовать никаких бумажных денег, ценность которых не сообразовалась-бы с ценностью этих металлов. Это основное правило никогда не терялось из виду даже правительствами, которые наиболее злоупотребили властью создавать неразные бумажные деньги. Если они и не выражали (как это обыкновенно делается) намерения уплатить за бумажки в ботве или менее отдаленном будущем настоящей монетой, то все-же, давая выпущенным ими билетам такой-же номинал, как и звонкой монетой, они как-бы ручались, хотя обыкновенно и ложно, что будут держать их в ценности, соответствующей звонкой монетой. Такое обещание выполняло даже и при неразных бумажных деньгах. Правда, в этом случае нет той самодельствующей задержки, какая является при свободном разном, но тем не менее, и тут есть ясное и несомненное указание, по которому можно судить, обесценены-ли денежные знаки и в какой именно степени. Этим указанием служат цены драгоценных металлов. Когда владельцы бумажек не могут требовать за них звонкой монеты для переплавки ее в слитки и когда ее больше нет в обращении, цена слитков падает и повышается подобно цене других вещей. Если она выше цены, установленной монетным двором, — если унция золота, которая была-бы перечеканена в 3 р. 17 ш. 10½ пив. продается за 4 или 5 фун. на бумажные деньги — то из этого следует, что ценность последних оказалась соответственно ниже той, какую-бы имели металлические деньги. Поэтому, если-бы выпуск неразных бумажек был подчинен строгим правилам, в одном из установленных монетным двором, выпуски должны быть сокращены до тех пор, пока рыночная цена слитка и цена, установленная монетным двором, опять не сравняются, тогда-бы такие денежные знаки не имели ни одного из тех недостатков, которые обыкновенно считаются присущими неразным бумажным деньгам.

Однако такая денежная система все-же не имеет настолько важных преимуществ, чтобы можно было рекомендовать ее принятие. Неразные денежные знаки, регулируемые ценой слитков, во всех своих видоизменениях совершенно были-бы сходны с разными: и единственная выгода от них состояла-бы в том, что не было-бы необходимости держать какой-бы то ни было разный фонд из драгоценных металлов. Но это не имеет большого значения, в особенности для правительства, добросовестность которого не заподозрима, потому-что для него нет необходимости сохранять такой большой фонд, какой приходится держать частным банкам, так как относительно состоятельности правительства никогда не может быть никакого действительного сомнения, а следовательно, и не может быть предъявлено к нему больших и внезапных требований разна. Эта незначительная выгода умаляет

ся, во-первых, возможностью злонамеренной спекуляции надъ цѣной слитковъ съ цѣлью вліять на денежное обращеніе такимъ-же образомъ, какъ вліяли на среднія цѣны хлѣба фиктивные покупкн его, на которыя такъ много и такъ справедливо жаловались, пока были въ силѣ хлѣбные законы. Но еще болѣе важное возраженіе представляетъ то, что вообще слѣдуетъ отдавать преимущество простому устройству, которое понятнo самому необразованному уму. Каждый можетъ понять размынность бумажныхъ денегъ; каждый видитъ, что та вещь, которую онъ можетъ во всякое время обмѣнить на 5 фунтовъ, стоитъ 5 фунт. Регулированіе денежнаго обращенія цѣною слитковъ представляетъ болѣе сложное устройство и не имѣетъ выгодной способности впускать такія-же естественныя представленія. При неразынномъ денежномъ обращеніи не можетъ быть ничего подобнаго тому довѣрью со стороны всей публики вообще, какое существуетъ при размыномъ. Даже самый образованный человѣкъ можетъ основательно сомнѣваться, будутъ-ли такъ-же непремѣнно и неуклонно придерживаться указанного выше правила. Вслѣдствіе того, что основанія этой организаціи не вполне понятны обществу, общественное мнѣніе, по всей вѣроятности, не будетъ поддерживать ее съ особой непреклонностью и при какихъ нибудь затруднительныхъ обстоятельствахъ, быть можетъ, будетъ требоваться ея нарушеніе: а между тѣмъ самому правительству прекращеніе размына представлялось-бы болѣе сплыной и болѣе крайней мѣрой, нежели отступленіе отъ правила, которое можно считать, въ нѣкоторомъ родѣ, неукоснительнымъ. Слѣдовательно, въ пользу размыныхъ денегъ существуетъ большой перевѣсъ доводовъ даже сравнительно съ наилучшимъ образомъ регулируемыи неразынными деньгами. При нѣкоторыхъ финансовыхъ условіяхъ соблазнъ чрезвычныхъ выпусковъ такъ великъ, что нельзя допускать ничего, что можетъ, хотя бы даже въ слабой степени, способствовать ослабленію прегратель, сдерживающихъ такіе выпуски.

§ 3. Несмотря на то, что ни одно ученіе въ политической экономіи не опирается на такія очевидныя доказательства, какъ ученіе о вредѣ бумажныхъ денегъ, не поддерживаемыхъ въ одной цѣнности со звонкою монетою посредствомъ-ли размына, или съ помощью какого нибудь другого равносплынаго принципа ограниченія, и несмотря на то, что это ученіе, хотя и не безъ долготѣншихъ споровъ, было достаточно сильно укоренено въ общественномъ сознаниіи, все еще и до сихъ поръ есть много людей, несогласныхъ съ нимъ, и отъ времени до времени появляются проектиры съ проектами объ испуленіи всѣхъ экономическихъ бѣдствій общества посредствомъ неограниченнаго выпуска неразынныхъ бумажекъ. Правда, эта мысль очень заманчива. Имѣть возможность уплатить національные долги, покрыть издержки правительства, не прибѣгая къ налогамъ, и, наконецъ, обогатить все общество—это блестящая перспектива, если-бы только можно было повѣрить, что это достижимо отпечатаніемъ нѣсколькихъ буквъ на клочкѣ бумаги. Большаго нельзя-бы было ожидать и отъ философскаго камня.

Такъ какъ эти проекты, несмотря на то, что ихъ такъ часто разбивали, постоянно возрождаются, то не лишнимъ будетъ разсмотрѣть одно или два изъ тѣхъ заблужденій, которыми обманываютъ самихъ себя составители ихъ. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ заблужденій—это увѣренность, что бумажныя деньги не могутъ быть выпущены въ излишкѣ, пока каждый выпущенный билетъ *представляетъ* собою или имѣетъ *основаніемъ* для себя дѣйствительное имущество. Эти фразы о «представленіи» и «основаніи» рѣдко заключаютъ въ себѣ ясное и вполне опредѣленное понятіе; а если и бываетъ въ нихъ что нибудь опредѣленное, то онѣ означаютъ не больше того, что лица, выпускающія бумажки, должны имѣть или свое собственное, или вѣренное имъ другимъ имущество, равное цѣности всѣхъ выпущенныхъ билетовъ. Однако, не совсемъ ясно, для чего это необходимо: потому что, если это имущество не можетъ быть потребовано въ обмѣнъ за билеты, то трудно угадать, какимъ образомъ одно лишь существованіе его можетъ служить для поддержанія цѣнности бумажекъ. Я предполагаю, по крайней мѣрѣ, что оно предназначается служить гарантіей того, что владѣльцы бумажныхъ денегъ, въ концѣ концовъ, будутъ вознаграждены, въ случаѣ если-бы какое нибудь несчастье событие разстроило все дѣло. На основаніи этой теоріи появилось множество проектовъ «о перечеканкѣ всей земли страны въ деньги» и т. п.

Насколько эта мысль имѣетъ какую-бы то ни было связь съ здравымъ смысломъ, она, повидимому, пропсходитъ отъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ дурныхъ постѣдствій, какія бываютъ при бумажныхъ деньгахъ. Одно изъ этихъ постѣдствій—несостоятельность лицъ, произведшихъ выпускъ. Если цѣнность бумажекъ основана на кредитѣ этихъ лицъ—если они обещали размынъ на звонкую монету по востребованіи или въ какомъ нибудь отдаленномъ будущемъ,—то, конечно, ихъ несостоятельность лишаетъ бумагу всякой цѣнности, какую она имѣла на основаніи обещанія. Этому злу подвержены и обыкновенныя кредитныя бумаги, какъ-бы они не пользовались; и условіе, чтобы всѣ выпуски были «основаны на имуществѣ», такъ напримѣръ, чтобы билеты выпускались подъ обезпеченіемъ какой нибудь цѣнной вещи, исключительно предназначенной служить залогомъ пѣхъ выкупа, представляло-бы дѣйствительно сплыную гарантію противъ этого зла. Но эта теорія не принимаетъ въ расчетъ другого недостатка свойственнаго билетамъ самой самостоятельной формы, компаніи или правительства, именно: возможность обезцѣненія пѣхъ вслѣдствіе выпуска въ чрезвычномъ количествѣ. Ассигнаціи во время французской революціи были примѣромъ бумажныхъ денегъ, основанныхъ на этихъ принципахъ. Онѣ «представляли» собою огромную массу въ высшей степени цѣннаго имущества, а именно земли, принадлежавшія коронѣ, монастырямъ, церквамъ и эмигрантамъ и. по всей вѣроятности, равнявшіяся половинѣ всей французской территоріи. Ассигнаціи въ дѣйствительности были ордерами или ассигновками на всю эту массу земель. У революціоннаго правительства являлась мысль «перечеканить» эти земли въ деньги; но слѣдуетъ отдать ему справедливость, оно вначалѣ не

думало производить тѣ колоссальные выпуски, къ которымъ оно было принуждено въ дѣйствительности пріобрѣтать вслѣдствіе полного истощенія всѣхъ другихъ финансовыхъ источниковъ. Правительство предполагало, что ассигнаціи должны быстро возвращаться въ обмѣнъ за землю въ учрежденія, выпустившія ихъ, и что оно будетъ въ состояніи безпрестанно дѣлать новые выпуски, пока всѣ земли не будутъ розданы, при чемъ во всякое данное время въ обращеніи будетъ весьма умеренное количество ассигнацій. (Однако эти надежды оказались тщетными: земля не продавалась такъ быстро, какъ ожидали; покупщики не были расположены затрачивать свои деньги на бумаги, которыя, по всей вѣроятности, были-бы взяты обратно безъ вознагражденія, если-бы революція не имѣла успѣха; куски оуаши, представлявшіе землю, послѣ чрезвычайнаго ихъ умноженія, не могли сохранить своей цѣнности такъ-же, какъ не могла-бы ее сохранить и сама земля, если-бы ее всю разомъ объявили въ продажу; и въ результатъ получилось то, что, въ концѣ концовъ, за фунтъ масла приходилось отдавать ассигнаціями 600 фр.

Говорили, однако, что примѣръ съ ассигнаціями не убѣдителенъ, потому-что ассигнація представляла лишь землю вообще, а не какое нибудь опредѣленное количество земли. Утверждали, что самый вѣрный способъ предупредить ихъ обезцѣненіе состоялъ бы въ оцѣнкѣ всего конфискованнаго имущества въ звонкую монету; и затѣмъ можно было-бы выпустить ассигнаціи въ размѣрѣ суммы оцѣнки, но не выше ея, и дать ихъ владѣльцамъ право требовать въ обмѣнъ за нихъ какой угодно кусокъ земли по его зарегистрированной цѣнѣ. Не можетъ быть сомнѣнія относительно превосходства такого плана надъ тѣмъ, который былъ въ дѣйствительности принятъ. Если-бы придерживались такого способа, ассигнаціи никогда-бы не упали до такой чрезвычайной степени, какъ это было съ ними: онѣ-бы сохранили свою покупательную силу относительно земли, какъ-бы сильно онѣ не обезцѣнились по отношенію къ другимъ вещамъ, и поэтому, прежде, чѣмъ ихъ рыночная цѣнность очень сильно-бы понизилась, ихъ предъявили-бы для обмѣна на землю. Но слѣдуетъ помнить, что для того, чтобы онѣ не падали, ихъ не должно было-бы чалочиться въ обращеніи больше того количества, какое обращалось-бы въ случаѣ, если-бы онѣ размѣнивались на звонкую монету. Такія оуашиныя деньги, размѣняемыя при первомъ требованіи на землю, могли быть очень удобны въ революціонное время, какъ способъ быстрой продажи съ возможно меньшей потерей большого количества земли; но трудно понять, какое преимущество можетъ имѣть такая система въ качествѣ постоянной организаціи бумажнаго обращенія страны передъ размѣномъ на звонкую монету. Это недостатки этого проекта вполне очевидны: цѣнность земли измѣняется гораздо сильнѣе, чѣмъ цѣнность золота и серебра; кромѣ того, земля, которую нельзя обратить въ деньги, для многихъ представляетъ скорѣе тяжелое бремя, чѣмъ желанное имущество: поэтому люди раньше, чѣмъ потребовать землю въ обмѣнъ на ассигнаціи, допустили-бы

болѣе сильное паденіе ихъ, чѣмъ при размѣнѣ ихъ на золото и серебро*).

§ 4. Другое заблужденіе, на которое опираются защитники неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, заключается въ мнѣніи, что отъ увеличенія количества денегъ оживляется промышленность. Эту мысль подавал Юмъ въ своемъ «Essay on Money», и съ тѣхъ поръ она имѣла много преданныхъ приверженцевъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ Бирмингемская школа денежнаго обращенія, наиболѣе выдающимся представителемъ которой былъ нѣкогда Аттвудъ. Аттвудъ утверждалъ, что повышеніе цѣнъ, произведенное увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ, побуждаетъ каждаго производителя къ самой сильной дѣятельности и даетъ полное примѣненіе всему труду и капиталу страны, и что это неизмѣнно бывало во всѣ периоды возвышенія цѣнъ, когда возвышеніе совершалось въ достаточно большомъ размѣрѣ. Но я полагаю, что побужденіе, которое, по словамъ Аттвуда, давало толчекъ этому необыкновенному усердію всѣхъ людей, занятыхъ производствомъ, должно было заключаться въ расчетѣ получить въ обмѣнъ на продуктъ своего труда большее количество товаровъ вообще, больше дѣйствительнаго богатства, а не только лишь большее число лоскутковъ бумаги. (Однако, по самому существу дѣла, этотъ расчетъ долженъ былъ не оправдаться, такъ какъ, если мы предположимъ, что всѣ цѣны поднимаются одинаково, то никто изъ производителей не выручитъ въ дѣйствительности, больше прежняго за свои товары. Сторонникамъ Аттвуда удалось побудить людей къ этому чрезвычайному усердію, лишь продолжая то положеніе, которое въ дѣйствительности представляеть собою обмѣнъ: надо было устроить дѣло такъ, чтобы каждому производителю, вслѣдствіе постоянного возвышенія денежныхъ цѣнъ, всегда казалось, что онъ получаетъ все большее и большее вознагражденіе, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ его никогда-бы не получалъ. Незачѣмъ приводить какія-бы то ни было возраженія противъ этого проекта: достаточно указать на его полную неосуществимость. Онѣ были-бы возможны лишь въ томъ случаѣ, если-бы люди всегда были твердо убѣждены, что, чѣмъ больше они будутъ имѣть кусковъ бумаги, тѣмъ больше будетъ ихъ богатство, и никогда не замѣтили-бы, что со всей своей бумагой они не могутъ купить ничего сверхъ того, что покупали прежде. (Однако никакого подобнаго заблужденія не было ни въ одинъ изъ тѣхъ периодовъ высокихъ цѣнъ, опыту которыхъ

*) Одинъ изъ проектовъ бумажно-денежнаго обращенія, которые—какъ это въ странномъ—встрѣчали одобреніе выдающихся писателей, состоялъ въ слѣдующемъ: государство должно принимать въ обезпеченіе или залогъ всякую собственность какого-бы то ни было размѣра, какъ напримеръ, землю, инвентаръ и т. п., и выдавать собственникамъ согласно произведенной оцѣнкѣ перемѣняемыя бумажныя деньги. Подобныя деньги не имѣли-бы даже достоинствъ тѣхъ воображаемыхъ ассигнацій, о которыхъ мы говорили въ текстѣ. Лица, въ руки которыхъ попали-бы эти билеты отъ перваго ихъ получателя, не могли-бы возвратитъ ихъ правительству и требовать въ обмѣнъ за нихъ землю или инвентаръ, которые были только заложены, а не отчуждены. Количество этихъ ассигнацій не уменьшалось-бы, и ихъ обезцѣненіе продолжалось-бы до безконечности.

Бирмингемская школа придает такое большое значение. Въ периоды, которые Аттвудъ ошибочно принимаетъ за времена процвѣтанія, и которые просто были (какъ и должно быть, когда цѣны повышаются при существованіи разнѣна бумажныхъ денегъ) временами спекуляціи, спекулянты вовсе не надѣялись обогатиться отъ того, что высокія цѣны будутъ держаться; они, напротивъ, рассчитывали, что цѣны падутъ, и что у всякаго, кто успѣетъ продать, пока онъ еще держится, послѣ наступленія реакціи окажется большее, чѣмъ было прежде, количество фунтовъ стерлинговъ, цѣнность которыхъ не стала меньше. Если-бы къ концу спекуляціи были выпущены бумажныя деньги въ количествѣ, достаточномъ для поддержанія цѣнъ на самой большой высотѣ, какой онѣ достигли, то это никого не огорчило-бы такъ сильно, какъ спекулянтовъ; потому что та прибыль, которую они думали приобрести своевременной продажей (на счетъ своихъ конкурентовъ, купившихъ, когда они продавали, и принужденныхъ продавать послѣ реакціи) растаяла-бы въ ихъ рукахъ, и вмѣсто нея они выиграли-бы только то, что имъ пришлось-бы пересчитывать нѣсколько больше бумажныхъ ярлыковъ.

Эта теорія, въ положеніи Юма, немногимъ разнится отъ возрѣній Аттвуда. Юмъ думаетъ, что не всѣ товары поднимаются въ цѣнѣ одновременно, и что поэтому нѣкоторые люди успѣютъ извлечь дѣйствительную прибыль, получивъ больше денегъ за проданные товары въ то время, какъ вещи, которымъ они желаютъ купить, еще не поднялись въ цѣнѣ. Онъ, повидному, предполагалъ, что эта прибыль достается всегда тѣмъ, кто первый приступаетъ къ реализаціи ея. Но очевидно также, что на каждое лицо, получающее такимъ образомъ больше, чѣмъ обыкновенную прибыль, непременно должно приходиться какое нибудь другое лицо, получающее меньше обыкновеннаго. Если-бы дѣла шли по предположенію Юма, лицомъ торгующимъ былъ-бы продавецъ товаровъ, медленнѣе всего повышающихся въ цѣнѣ, т. е., человекъ продающій, какъ сказано выше, свои товары по старой цѣнѣ тѣмъ людямъ, которые уже получали выгоду отъ новыхъ цѣнъ. Этотъ торговецъ получалъ за свой товаръ лишь обыкновенное количество денегъ, тогда какъ есть нѣкоторые вещи, которыхъ за эти деньги нельзя уже купить въ прежнемъ количествѣ. Поэтому, если онъ знаетъ, каковъ хотъ дѣла, онъ повыситъ цѣну на свой товаръ, и тогда покушникъ не будетъ имѣть той выгоды, которая, какъ предполагалось, должна была побуждать его къ дѣятельности. Если-же продавецъ не знаетъ положенія дѣла и узнаетъ о немъ лишь тогда, когда при расходованіи денегъ находить, что на нихъ нельзя уже купить столько товаровъ, какъ прежде, то онъ получаетъ за свой трудъ и капиталъ вознагражденіе меньше обыкновеннаго. Поэтому если дѣятельность одного торговца поощряется, то надобно полагать, что дѣятельность другого, въ силу противоположной причины, должна быть ослаблена.

§ 5. Общее и продолжительное возвышеніе цѣнъ, п.т., другимъ словами, паденіе цѣнности денегъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ никому приносить пользу иначе, какъ на счетъ кого нибудь другого. Замѣна металлическихъ денегъ бумажными представляетъ національ-

ную выгоду; всякое дальнѣйшее увеличеніе количества послѣднихъ сверхъ этой нормы будетъ лишь однимъ изъ видовъ грабежа.

Выпускъ билетовъ составляетъ очевидную выгоду для лицъ, выпустившихъ ихъ, которыхъ, пока билеты не возвратятся къ уплатѣ, получаютъ возможность пользоваться ими такъ, какъ если-бы они представляли собою дѣйствительный капиталъ. Пока билеты не увеличиваютъ общаго количества денегъ въ обращеніи, а только замѣняютъ равную имъ сумму золота и серебра, до тѣхъ поръ выгода лица, выпустившаго ихъ, не причиняетъ никому убытка: она получается сбереженіемъ для общества расходовъ на болѣе дорогой матеріалъ. Но если нѣтъ ни золота, ни серебра, которыми можно было бы замѣнить—если билеты, вмѣсто того, чтобы замѣнять извѣстную часть денегъ, увеличиваютъ ихъ количество,—въ такомъ случаѣ всѣ владѣльцы бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе паденія ихъ цѣнности, теряютъ въ общемъ совершенно столько, сколько выигрываютъ лица, выпустившее эти деньги. Въ сущности въ пользу послѣднего взимается налогъ со всего общества. На это могутъ возразить, что выигрываютъ также производители и торговцы, которые, благодаря расширенію выпусковъ, получаютъ ссуды. Однако, ихъ выигрышъ не составляетъ какой нибудь добавочной выгоды, а лишь часть той, какую получаетъ на счетъ всѣхъ, имѣющихъ деньги, лицо, выпустившее билеты. Послѣднее же удерживаетъ для себя всей прибыли, полученной въ видѣ контрибуціи, собранной съ общества, а дѣлится ею со своими клиентами.

Но, кромѣ выгоды, получаемыхъ на счетъ всего общества вообще лицами, производящими выпускъ, и черезъ нихъ другимъ, есть еще иного вида несправедливая прибыль, которая достается на долю болѣе многочисленному классу людей, а именно, людямъ, связаннымъ опредѣленными денежными обязательствами. Всѣ эти лица, вслѣдствіе обезцѣненія бумажныхъ денегъ, освобождаются отъ части своихъ долговъ или другихъ обязательствъ, т. е. получаютъ безвозмездно часть имущества своихъ кредиторовъ. При поверхностномъ взглядѣ можетъ показаться, что это представляетъ выгоду для промышленности: потому-что производительные классы бываютъ крупными заемщиками, и вообще ихъ долги непроизводительнымъ классамъ (обвиняющимъ всѣхъ лицъ, которыхъ не заняты непосредственно торговлей) больше долговъ непроизводительныхъ классовъ имъ: въ особенности, если отнести къ перваго рода долгамъ и государственные. Только такимъ способомъ общее повышеніе цѣнъ можетъ служить негочинкомъ выгоды для производителей и торговцевъ, т. е., если оно будетъ связано съ уменьшеніемъ суммы ихъ денежныхъ обязательствъ. Однако это могло-бы считаться выгодой лишь въ томъ случаѣ, если-бы честность и добросовѣстность не имѣли никакого значенія для всего общества вообще и для промышленности и торговли въ частности. Тѣмъ не менѣе находились люди, которые говорили, что цѣнность бумажныхъ денегъ должна быть понижена на томъ простомъ основаніи, что желательно отнять у государственныхъ и частныхъ кредиторовъ часть того, что имъ должны. Въ записку такого рода проекты почти всегда проводились нѣкоторые при-

зрачныя оправданія, основанныя на спеціальныхъ условіяхъ даннаго случая. Такъ, наиримѣрь, указывали на необходимость уравниваться прежде допущенную несправедливость, совершенную въ противоположномъ направленіи.

§ 6. Такъ, наиримѣрь, въ Англіи, начиная съ 1800 г., въ теченіе многихъ лѣтъ настойчиво доказывалось, что значительная часть національнаго долга и множество еще и до сихъ поръ существующихъ частныхъ долговъ были заключены между 1797 и 1819 годами, когда Англійскій Банкъ былъ освобожденъ отъ уплаты звонкою монетою за свои билеты, и что по отношенію къ заемщикамъ (т. е. при національномъ долгѣ по отношенію ко всѣмъ плательщикамъ налоговъ) было-бы въ высшей степени несправедливо заставлять ихъ платить проценты деньгами, имѣющими полную цѣнность на тѣ номинальныя суммы, которыя были заняты при низкомъ курсѣ. По мнѣнію некоторыхъ писателей обезцѣвленіе билетовъ въ среднемъ доходило до 30, 50 и даже болѣе 50 процентовъ; и изъ этого получался тотъ выводъ, что мы должны или возвратиться къ этимъ обезцѣвленнымъ деньгамъ, или вычесть изъ національнаго долга и изъ давно заключенныхъ закладныхъ и другихъ частныхъ долговъ процентъ, соответствующій такому паденію курса.

Противъ такого мнѣнія обыкновенно возражали слѣдующее: допустимъ даже, что возвращеніемъ къ размѣру на звонкую монету безъ пониженія валюты сдѣлана была несправедливость по отношенію къ держателямъ, такъ какъ они остались ответственны въ той же суммѣ денегъ, какую они заняли при низкомъ курсѣ, а съ того времени цѣнность этой суммы возрасла; тѣмъ не менѣе несправедливо эту несправедливость ужъ слишкомъ поздно. Въ качествѣ должниковъ и кредиторовъ теперь находятся не тѣ лица, которыя были ими въ 1819 году; теченіе времени совершенно измѣнило должныя отношенія въ обществѣ. Теперь невозможно опредѣлить, какимъ именемъ, лицамъ эта перемена принесла пользу или вредъ, поэтому попытка возстановить нарушенныя въ прошломъ интересы не по правиламъ несправедливости, а къ той, которая уже сдѣлана, прибавила-бы еще новую, которая широко отразилась-бы на всемъ обществѣ. Это заключеніе несомнѣнно убѣдительно по отношенію къ практической сторонѣ вопроса и согласно съ принципомъ честности; но оно выводится изъ слишкомъ узкаго и влчменнаго основанія. Это мнѣніе признаетъ, что мѣра 1819 года, называемая билетомъ Роберта Пилля, которая возобновила размѣръ на звонкую монету по первоначальному курсу въ 3 ф. 17 ш. 10½ п. за унцію золота, была дѣйствительно несправедливостью. Но также допущеніе совершенно невѣрно. Парламенту не представлялось никакого выбора въ его рѣшеніи; онъ безусловно былъ принужденъ принять прежде установленный курсъ: это можетъ быть подтверждено тремя определенными доказательствами, изъ которыхъ два будутъ фактическія, а одно принципиальное.

Фактическія доказательства заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, несправедливо, что частныя и государственныя долги, сдѣланные во время прекращенія Англійскаго Банкомъ размѣна,

заклучались на деньги болѣе низкой цѣнности, чѣмъ тѣ, какими теперь платятся проценты по этимъ долгамъ. Правда, безспорно, что освобожденіе отъ обязательства платить звонкою монетою дало возможность Банку повысить цѣнность денегъ, также вѣрно и то, что банкъ дѣйствительно воспользовался этой возможностью, хотя въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ на какой перѣдко указываютъ. Въ дѣйствительности разница между рыночной цѣной золота и цѣной, установленной монетнымъ дворомъ, была самой ничтожной въ теченіе большей части этого періода, и во время своего максимума, въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ войны, она была немногимъ болѣе 30 процентовъ. Курсъ денегъ упалъ въ размѣрѣ этой разницы, т. е. ихъ цѣнность, именно, настолько была ниже номинальной. Но положеніе Европы въ то время было таково—въ ней происходило такое необыкновенное поглощеніе драгоценныхъ металловъ, которые скрывались въ частныхъ запасахъ и военныхъ кассахъ огромныхъ армій, опустошавшихъ тогда континентъ,—что цѣнность самаго золота и серебра очень сильно повысилась. Въ виду этого самые извѣстные авторитеты, изъ которыхъ довольно будетъ назвать Тука, послѣ тщательнаго изслѣдованія, убѣдились, что разница въ цѣности между бумажными деньгами и слитками была не болѣе возвышенія цѣнности самаго золота, и что бумажныя деньги, хотя и упали относительно тогдашней цѣнности золота, не падали ниже обыкновенной цѣнности золота или разнѣрныхъ бумажныхъ денегъ въ другія времена. Если это справедливо (а оно рѣшительно доказывается фактами, приведенными History of Prices Тука), то нападки на государственныхъ и другихъ кредиторовъ, основанныя на пониженіи курса бумажныхъ денегъ, несправедливы.

Во-вторыхъ, если-бы даже цѣнность бумажныхъ денегъ дѣйствительно падала во время всего періода прекращенія Банкомъ размѣна въ такой мѣрѣ, въ какой она упала по отношенію къ золоту, то все-же мы должны помнить, что лишь часть національнаго долга и другихъ долговыхъ обязательствъ была заключена во время отсутствія размѣна. Значительная часть ихъ была заключена до 1797 года: еще болѣе значительная въ теченіи первыхъ годовъ неразмѣнности, когда разница между бумажными деньгами и золотомъ была еще не велика. По отношенію къ владѣльцамъ первой части бумагъ и обязательствъ была сдѣлана та несправедливость, что имъ 22 года платились проценты деньгами, упавшими въ цѣнности; владѣльцы второй части терпѣли ущербъ въ тѣ годы, когда имъ платили проценты деньгами, еще болѣе обезцѣвленными, чѣмъ тѣ, какими была выдана ссуда. Возстановитъ размѣръ на звонкую монету по болѣе низкому курсу, значило-бы—увѣковѣчить несправедливость по отношенію къ этимъ двумъ классамъ кредиторовъ ради того, чтобы не дать незаслуженной выгоды третьему классу, ссужавшему свои деньги въ теченіи немногихъ лѣтъ самаго низкаго состоянія курса. Такимъ образомъ, они лишь получили меньше, а другіе болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Покойный Мэшетъ взялъ на себя трудъ сдѣлать арифметическое сравненіе между суммами этихъ излишковъ и недоплатъ. Онъ доказалъ вычисленіемъ, что если-бы въ

1819 году было сочтено то, что выиграли и что потеряли капиталеты вследствие колебаний курса бумажных денег, то было-бы найдено, что в общей массе они потеряли. Поэтому, если вследствие понижения ценности денег и слѣдует кому нибудь вознагражденіе, то оно должно быть дано капиталистамъ, а не взято съ нихъ.

Вотъ фактическая сторона дѣла. Но фактическія доказательства не имѣютъ рѣшающаго значенія: еще большую важность имѣетъ соображеніе принципиальнаго характера. Предположимъ, что не только нѣкоторая часть долга, а весь долгъ былъ заключенъ на деньги, упавшія въ цѣнности,—упавшія не только по сравненію со звонкой монетой, но и по сравненію со своею прежней и послѣдующей цѣнностью; и допустимъ, что теперь мы платимъ проценты на этотъ долгъ деньгами, на 50 или даже на 100 процентовъ болѣе цѣнными, чѣмъ тѣ, на какія онъ былъ сдѣланъ. Какое это произведетъ измѣненіе въ обязательствѣ, если въ первоначальный договоръ входило условіе объ уплатѣ ихъ такимъ образомъ? А, именно, такого рода пунктъ, только еще болѣе опредѣленный, и былъ установленъ. По договору, для капиталистовъ были выговорены болѣе выгодныя условія, чѣмъ тѣ, какими они въ дѣйствительности воспользовались. Во все время отсутствія размѣна существовало ручательство парламента,—связывавшее законодательную власть настолько сильно, насколько вообще можетъ себя связать законодательная власть,—что размѣнъ на звонкую монету будетъ возобновленъ ad pari не позже, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ по заключеніи общаго мира. Это ручательство было существеннымъ условіемъ всѣхъ займовъ; и вследствие него условія займа были болѣе легкими. Безъ какого нибудь подобнаго обмѣна правительство могло-бы дѣлать займы не иначе, какъ на такихъ условіяхъ, на какихъ ихъ дѣлаютъ туземныя индійскіе принцы. Если-бы подразумевалось и открыто признавалось, что послѣ займа курсъ, по которому онъ заключался, можетъ понизиться на продолжительное время въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ можетъ показаться удобнымъ «совокупной мудрости законодательной власти заемщиковъ,—то спрашивается, какаа величина процента могла-бы въ такомъ случаѣ служить для людей съ здравымъ смысломъ достаточнымъ побужденіемъ рисковать своими сбереженіями? Сколько ни выиграли капиталеты вследствие возобновленія размѣна на звонкую монету, по условіямъ договора они должны были дать полное вознагражденіе за этотъ выигрышъ. Они дали болыше, чѣмъ получили, потому что размѣнъ на звонкую монету былъ возобновленъ не черезъ шесть мѣсяцевъ, а спустя 6 лѣтъ по заключеніи мира. Итакъ, оторасывая всѣ наши доводы, кромѣ послѣдняго, и соглашаясь со всѣми фактами, на которые указываетъ противная сторона, мы все-же найдемъ, что капиталеты не только не получили незаключенной выгоды, но представляли даже обиженную сторону. И, пожалуй, имѣютъ основаніе требовать вознагражденія. Но такія требованія исполнѣ естественно парализуются невозможностью найти дѣйствительно потерпѣвшее лицо и благотворнымъ общимъ принци-

помъ законодательства и политики, по которому всѣ пскп должны прекращаться черезъ извѣстный промежутокъ времени.

Г Л А В А XIV.

Избытокъ предложенія.

§ 1. Закончивъ въ предыдущихъ главахъ положеніе элементарной теоріи денегъ, мы возвратимся къ одному вопросу общей теоріи цѣнности, котораго нельзя было удовлетворительно разобрать, не познакомившись до извѣстной степени съ сущностью и значеніемъ денегъ: потому что ошибка, которая намъ придется оспаривать, главнымъ образомъ происходитъ отъ невѣрнаго пониманія этого фактора.

Мы видѣли, что цѣнность каждой вещи тяготеетъ къ извѣстной средней величинѣ (называемой естественной цѣнностью), именно къ той, при которой эта вещь обмѣнивается на такую другую пропорціонально стоимости ихъ производства. Мы также видѣли, что дѣйствительная, или рыночная цѣнность, совпадаетъ или почти совпадаетъ съ естественной цѣнностью лишь въ среднемъ выводѣ и нѣсколько лѣтъ и постоянно поднимается выше или падаетъ ниже послѣдней вследствие измѣненій въ спросѣ или случайныхъ колебаній въ предложеніи: но эти колебанія сами собой направляются въ силу того, что предложеніе стремится и; неспособится къ спросу, существующему на товаръ при его естественной цѣнности. Такимъ образомъ изъ уравновѣшиванія противоположныхъ уклоновъ вытекаетъ общее стремленіе къ одному пункту. Дороговизна и недостаточное предложеніе съ одной стороны, и съ другой—избытокъ предложенія, или употребленія коммерческаго выраженія, переносленіе рышка,—эти явленія свойственны всѣмъ товарамъ. Въ первомъ случаѣ, пока существуетъ недостатокъ, товаръ даетъ производителямъ или продавцамъ необыкновенно высокой процентъ прибыли: во второмъ, предложеніе превышаетъ тотъ размѣръ, на какой существуетъ спросъ по такой цѣнности, которая можетъ дать обыкновенную прибыль, и потому продавцы должны довольствоваться прибылью меньшей обыкновенной и въ крайнихъ случаяхъ даже нести убытокъ.

На основаніи того, что такой излишекъ предложенія и, вытекающіе изъ него, затрудненія и убытки для производителей или торговцевъ могутъ обнаруживаться во всякомъ товарѣ, многіе, въ томъ числѣ и нѣкоторые выдающіеся экономисты, думали, что эти явленія могутъ происходить и во всѣхъ товарахъ одновременно,—что можетъ быть общее перепроизводство богатства, при чемъ предложеніе товаровъ въ общей сложности будетъ превышать спросъ, послѣдствиемъ чего будетъ ухудшеніе положенія всѣхъ классовъ производителей. Противъ этого взгляда, главнымъ проповѣдниками котораго являются въ Англии Мальтусъ и докторъ Чемерсъ, а на

континентъ Сисмонди, я уже возражалъ въ первой книгѣ *): но на той ступени нашего изслѣдованія мы не могли входить въ подробный разборъ ошибки, въ основѣ которой, главнымъ образомъ, лежитъ (какъ мнѣ кажется) невѣрное пониманіе явленія цѣнности и цѣны.

Это ученіе въ самой своей сущности, какъ мнѣ кажется, заключаетъ столько несообразности, что я чрезвычайно затрудняюсь дать такое изложеніе его, которое было бы и ясно, и въ то же время удовлетворило бы его защитниковъ. Всѣ они утверждаютъ, что можетъ быть и по временамъ бываетъ излишекъ всѣхъ продуктовъ вообще, не соответствующій спросу на нихъ: что, когда это случается, нельзя найти на товары покупателей по цѣнамъ, дающимъ возможность возратить стоимость производства съ прибылью; вступленіе этого происходитъ общее пониженіе цѣнъ или цѣнностей (эти авторы рѣдко точно различаютъ эти два понятія); такъ что производители, производя больше, чувствуютъ себя не богаче, а напротивъ бѣднѣе. Руководствуясь этимъ, докторъ Чомерсъ старается внушить капиталистамъ пріемы нравственнаго воздержанія въ преслѣдованіи выгоды: а Сисмонди сожалѣетъ о введеніи машинъ и другихъ изобрѣтеній, увеличивающихъ производительную силу. Оба они утверждаютъ, что накопленіе капитала можетъ идти слишкомъ быстро не только въ отношеніи однихъ нравственныхъ, но и материальныхъ интересовъ людей, производящихъ и накапливающихъ, и предписываютъ богатымъ предотвращать это зло большимъ непродовольственнымъ потребленіемъ.

§ 2. Когда эти писатели говорятъ объ избыткѣ предложенія надъ спросомъ, не вѣстно, который изъ двухъ элементовъ спроса они имѣютъ въ виду—желаніе ли обладать вещью или средства покупать ее: подразумѣваютъ ли они, что въ такихъ случаяхъ потребляемыхъ продуктовъ находится на лицо больше того количества, какое общество желаетъ потребить, или просто больше того, какое оно въ состояніи купить. Вступленіе такой неопредѣленности необходимо рассмотреть эти оба предположенія.

Во-первыхъ, допустимъ, что количество произведенныхъ товаровъ не больше того, какое желало бы потребить общество. Возможно ли, чтобы въ этомъ случаѣ былъ недостатокъ въ спросѣ на всѣ товары вступленіе недостатка платежныхъ средствъ? Люди, считающіе это возможнымъ, не приписываютъ во вниманіе, въ чемъ состоятъ средства уплаты за товары. Эти средства суть просто товары. Средства платежа лица къ уплатѣ за произведенія другихъ лицъ состоятъ въ тѣхъ вещахъ, которыми оно само владѣетъ. Всѣ продавцы неизбежно и по самому значенію слова суть въ то же время и покупатели. Если бы могли внезапно удвоить производительныя силы страны, мы бы увеличили вдвое предложеніе товаровъ на всѣхъ рынкахъ; но этимъ самымъ удвоили бы и покупательную силу. Каждый, удваивая предложеніе, удвоитъ бы и

*) Стр. 64—66.

спросъ: каждый бы имѣлъ возможность купить вдвое больше, потому что всѣ имѣли бы вдвое больше вещей для обмена. Правда, вѣроятно, обнаружился бы излишекъ въ нѣкоторыхъ товарахъ. Хотя бы общество и было расположено удвоить всю массу своего потребления, тѣмъ не менѣе оно, быть можетъ, уже имѣетъ однихъ товаровъ столько, сколько ему нужно и, пожалуй, захочетъ увеличить болѣе, чѣмъ въ два раза, потребление другихъ товаровъ или израсходовать свою увеличившуюся покупательную силу на какія нибудь новыя вещи. Если это будетъ такъ, то снабженіе само собою будетъ приравливаться къ этимъ условіямъ, и цѣнности вещей будутъ такъ же, какъ и прежде, соотноситься со стоимостью производства. Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что цѣнность всѣхъ вещей можетъ упасть, и что вступленіе этого всѣ производители получатъ недостаточное вознагражденіе есть совершенный абсурдъ. Если цѣнности остаются одними и тѣми же, всѣ размѣненія въ цѣнахъ не важны, потому что вознагражденіе производителей зависитъ не отъ того, сколько денегъ, а отъ того—сколько потребляемыхъ вещей получаютъ они за свои товары. Кроме того, деньги представляютъ то же товаръ; а если предполагается, что количество всѣхъ товаровъ удвоилось, то мы должны предположить, что и количество денегъ тоже удвоилось: а въ такомъ случаѣ ни цѣны, ни цѣнности не упадутъ.

§ 3. Итакъ, мы доказали, что общій излишекъ снабженія, или избытокъ всѣхъ товаровъ надъ спросомъ, невозможенъ, поскольку спросъ зависитъ отъ состоянія платежныхъ средствъ. Но, быть можетъ, въ обществѣ недостасть не средствъ покупать, а желанія обладать вещью.—быть можетъ, сумма всѣхъ продуктовъ промышленности больше того, сколько желаетъ погребить все общество или, по крайней мѣрѣ, та часть его, которая располагаетъ достаточными платежными средствами. Вполнѣ очевидно, что однихъ продуктъ составляютъ рынокъ для другого, и что въ странѣ достаточно богатства для того, чтобы купить все находящееся въ ней богатство: но тѣ, у кого есть средства, могутъ не имѣть потребностей, а тѣ, у кого есть потребности, могутъ не имѣть средствъ. Поэтому часть произведенныхъ товаровъ можетъ не найти себѣ сбыта по недостатку средствъ у тѣхъ, которые желаютъ потреблять, и по недостатку желанія у тѣхъ, которые имѣютъ средства купить.

Это самая правдоподобная форма разбираемаго нами ученія, и въ ней не заключается такого противорѣчія, какъ въ той, которую мы только что разсматривали. Легко можетъ быть, что какой нибудь товаръ находится въ количествѣ больше того, какое желаютъ потребить тѣ, кто имѣетъ средства покупать, и отвѣченно можно себѣ представить, что въ такихъ условіяхъ могутъ находиться всѣ товары. Ошибка заключается въ упущеніи одного обстоятельства: забываютъ, что хотя всѣ, обладающіе платежной силой, и могутъ имѣть въ совершенномъ изобиліи всѣ годныя для потребления вещи, какіхъ они только желаютъ, но тотъ фактъ, что эти лица увеличиваютъ свое производство, доказываетъ, что они въ *обстоятельности* не находятся въ такомъ положеніи. Предположимъ

самыя благоприятныя для этой теоріи условия, а именно, представимъ себѣ замкнутое общество, каждый членъ котораго имѣетъ столько предметовъ необходимости и всѣхъ извѣстныхъ предметовъ роскоши, сколько желаетъ; а такъ какъ нельзя себѣ представить, чтобы лица, потребности которыхъ были вполне удовлетворены, трудились и сберегали для получения того, чего они не желаютъ, то мы предположимъ, что сюда прибылъ иностранецъ и производить добавочное количество какого нибудь товара, котораго и раньше было достаточно. Тутъ-то, намъ скажутъ, и будетъ перепроизводство. Совершенно вѣрно, отвѣчаю я,—перепроизводство этого отдѣльнаго товара: обществу не нужно было большаго количества его, ему нужно кое что другое. Правда, прежніе жители ни въ чемъ не нуждались; но не нужно ли чего нибудь самому иностранцу? Неужели, производя лишнее количество товара, онъ работаетъ безъ всякаго побужденія? Онъ только производитъ, вмѣсто нужной вещи, ненужную. Быть можетъ, онъ нуждается въ пищѣ, а производитъ часы, которыми всѣ были достаточно снабжены. Новый пришелецъ принесъ съ собою въ страну извѣстный спросъ на товары, равный всему тому, что онъ можетъ произвести своимъ трудомъ, и ужъ это было его дѣло, чтобы принесенное имъ предложеніе соответствовало этому спросу. Если иностранецъ не могъ произвести что нибудь такое, что возбудило бы въ обществѣ новую потребность или желаніе, для удовлетворенія которыхъ кто нибудь произвелъ бы оы больше пищи и далъ бы ему ее въ обмѣвъ, то ему остается только одно: производить пищу для себя, для чего онъ долженъ быть бы или распахать незанятую землю, если такая окажется, или стать арендаторомъ, товарищемъ или слугою у какого нибудь прежняго владыка, который желаетъ освободиться отъ части своего труда. Новый членъ общества, вмѣсто нужной вещи, произвелъ ненужную; быть можетъ, онъ и не умѣетъ дѣлать того, что нужно; но тутъ нѣтъ перепроизводства: производство не чрезмерно, а просто лишь дурно принаровлено. Мы видѣли раньше, что всякій, приносящій на рынокъ добавочное количество товаровъ, приноситъ и добавочную покупательную силу; теперь же мы видимъ, что онъ приноситъ добавочное желаніе потреблять, потому что если бы у него не было этого желанія, онъ не бралъ бы на себя труда производить. Следовательно, ни въ одномъ изъ элементовъ спроса не можетъ быть недостатка, когда существуетъ излишекъ предложенія; однако вполне возможно, что спросъ можетъ быть на одного рода вещи, а предложеніе, по несчастью, можетъ состоять изъ другихъ.

Доведенный до своего послѣдняго приближенія, оппонентъ, можетъ быть, станетъ доказывать, что есть люди, производящіе и накапливающіе въ силу лишь простой привычки, не потому что у нихъ есть какая нибудь цѣль сдѣлаться богатыми или желаніе въ чемъ нибудь увеличить свое потребленіе, а просто—по инерціи. Они продолжаютъ производить, какъ заведенная машина, и сберегаютъ, и снова вкладываютъ въ производство свои сбереженія, потому что имъ не ва что ихъ трагить. Я признаю, что это возможно, и что въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ, вѣроятно, такъ и бываетъ: но та-

кіе примѣры нисколько не помѣняютъ нашего вывода. Спрашивается, что дѣлаютъ эти люди со своими сбереженіями? Они потребляютъ ихъ производительно, т. е., расходуютъ ихъ на доставленіе занятія труду. Другими словами, обладая покупательной силой въ болѣебольшомъ количествѣ, чѣмъ какое имъ нужно, они уступаютъ излишекъ ея на общую пользу рабочаго класса. А развѣ этотъ классъ такъ же не будетъ знать, на что употребить этотъ излишекъ? Неужели мы можемъ предположить, что потребности рабочихъ такъ же вполне удовлетворены, и что они продолжаютъ работать только по привычкѣ? Пока этого еще нѣтъ, пока рабочій классъ еще не достигъ этого состоянія полной сытости—до тѣхъ поръ не будетъ недостатка въ спросѣ на продуктъ капитала, какъ бы онъ быстро не накаплился; потому что, если для капитала нѣтъ никакого иного приобщенія, онъ всегда можетъ найти себѣ помѣщеніе въ производствѣ предметовъ необходимости или роскоши для рабочаго класса. А когда и у рабочихъ не будетъ желанія получать больше предметовъ необходимости или роскоши, то они станутъ пользоваться всякимъ новымъ увеличеніемъ заработной платы для уменьшенія своей работы: такъ что перепроизводство, которое въ этомъ случаѣ сперва показалось въ теоріи возможнымъ, не могло бы даже и тогда произойти въ дѣйствительности по недостатку рабочихъ. Такимъ образомъ, съ какихъ бы сторонъ мы не разсматривали этотъ вопросъ, до какихъ бы крайностей мы не доходили, придумывая всевозможныя условия, благоприятныя теоріи общаго перепроизводства, все же она заключаетъ въ себѣ нѣтъбытность.

§ 1. Но что же привело къ такому ошибочному воззрѣнію людей, которые такъ много размышляли объ экономическихъ явленіяхъ и даже способствовали своимъ оригинальными теоріями пріоритету свѣта на нихъ? Я предполагаю, что эти писатели были введенны въ заблужденіе ошибочнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ торговыхъ фактовъ. Они ошибочно утверждали, что возможность общаго перепроизводства товаровъ была доказана на опытѣ. Они думали, что видятъ это явленіе въ извѣстныхъ условіяхъ рынка, истинное объясненіе которыхъ однако совершенно иное.

Я уже описалъ то положеніе товарныхъ рынковъ, какимъ сопровождается, такъ называемый, коммерческій кризисъ. Въ такіе періоды бываетъ дѣйствительный излишекъ всѣхъ товаровъ надъ денежнымъ спросомъ; другими словами, въ эти періоды бываетъ недостатокъ въ предложеніи денегъ. Влѣдствіе внезапнаго уничтоженія большой массы кредита, всякій не хочетъ расставаться съ наличными деньгами, а многіе стремятся получить ихъ съ какими бы то ни было жертвованіями. Поэтому почти каждый становится продавцомъ, а покупателей почти нѣтъ. Въ этомъ случаѣ можетъ дѣйствительно произойти, хотя только на время кризиса, чрезвычайное паденіе всѣхъ цѣнъ, завѣщающее отъ явленія, которое можетъ быть вообще названо заваломъ рынка товарами или дороговизной денегъ. Но совершенно ошибочно предполагать, вмѣстѣ съ (помощи, что коммерческій кризисъ является результатомъ общаго излишка производства. Онъ просто представляетъ слѣдствіе излишества въ

спекулятивныхъ покупателей. При немъ не бываетъ постепеннаго пониженія цѣнъ, а происходитъ внезапная реакція послѣ цѣнъ сумасбродно высокпхъ. Непосредственной причиною кризиса, является сокращеніе кредита, и средствомъ противъ него служатъ не сокращеніе предложенія, а восстановленіе довѣрія. Очевидно также, что временное разстройство рынковъ представляеть зло лишь потому, что оно временное. Въ такихъ случаяхъ падаютъ лишь денежные цѣны и, если бы онѣ не поднимались снова, ни одинъ торговецъ не терпѣлъ бы, потому что самая низшая цѣна значила бы для него столько же, сколько самая высшая, какая существовала прежде. Это явленіе вовсе не соответствуетъ тому описанію вреда отъ перепроизводства, которое сдѣлалъ эти знаменитые экономисты. Они представляютъ себѣ, что положеніе производителей постоянно ухудшается послѣдствіемъ недостатка рынковъ, но такая мысль вовсе не соответствуетъ сущности коммерческаго кризиса.

Другое явленіе, повидному служившее подтвержденіемъ мнѣнія объ общемъ излишкѣ богатства и излишествѣ накопленія, имѣеть болѣе постоянный характеръ и заключается въ пониженіи прибыли и процента, которое идетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія и производства. Причина этого уменьшенія прибыли заключается въ томъ, что содержать трудъ становится все дороже вслѣдствіе того, что населеніе возрастаетъ и спросъ на пищу увеличивается въ пропорціи, превышающей успѣхъ въ земледѣльческихъ изобрѣженіяхъ. Эта важная черта экономическаго прогресса народовъ будетъ нами подробно разсмотрѣна и обуждена въ слѣдующей книгѣ*). Очевидно, что она совершенно отлична отъ недостатка сбыта для товаровъ, хотя она часто смѣшивается съ нимъ въ жалобахъ людей, занятыхъ производствомъ и торговлей. Истинное объясненіе современнаго намъ положенія промышленности будетъ то, что для производства едва ли есть какой нибудь прѣдѣльный вышній размѣръ, черезъ который нельзя бы было перейти пресириваемо при условіи, чтобы онъ довольствовался малой прибылью. Это хорошо извѣстно всѣмъ дѣятельнымъ и разумнымъ коммерсантамъ; но даже тѣ изъ нихъ, которые покоряются необходимости своего времени, ропщутъ на нее и желаютъ, чтобы меньше было капитала или, по ихъ выраженію, меньше соперничества для того, чтобы можно было получать большую прибыль. Однако никакая прибыль и недостатокъ спроса—тѣ различные вещи: производство и накопленіе, которые просто лишь уменьшаютъ прибыль, не могутъ быть названы излишкомъ предложенія или производа. Въ чемъ заключается сущность этого явленія, и каковы его послѣдствія и необходимыя границы—это мы узнаемъ, когда специально разсмотримъ этотъ вопросъ.

Кромѣ изложенныхъ мною этихъ двухъ фактовъ, я не знаю никакихъ другихъ, которые могли бы дать поводъ для мнѣнія, что когда бы то ни было въ дѣйствительности существовало общее перепроизводство товаровъ. И убѣжденъ, что въ коммерческихъ дѣлахъ

*) Выше кн. IV, гл. 4.

нѣтъ ни одного факта, который для своего объясненія нуждался бы въ такомъ химерическомъ предположеніи.

Это—основной вопросъ: всякое различіе во взглядахъ на него приводитъ къ радикально противоположнымъ экономическимъ понятіямъ. въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается практической стороны. При одномъ взглядѣ намъ нужно разсматривать, какъ можно сочетать достаточное производство съ возможно лучшимъ распределеніемъ; а при другомъ—нужно принять во вниманіе еще третье обстоятельство, а именно: какъ создать сбытъ для продуктовъ или какъ сократить производство до размѣра сбыта. Помимо того, теорія, по своему существу столь противорѣчивая, разъ она принята, неизбѣжно вноситъ спутанность въ самую основу науки и дѣлаетъ невозможнымъ понять сколько нибудь ясно значеніе многихъ наиболѣе сложныхъ общественно-экономическихъ явленій. Эта ошибка, какъ мнѣ кажется, была фатальной для общаго значенія системъ трехъ великихъ экономистовъ, Мальтуса, Чомерса и Спенсера, о которыхъ я упоминалъ раньше; всѣ они превосходно понимали и разъяснили многія элементарныя теоремы политической экономіи, но это фатальное непониманіе, какъ завѣса, становилась между ними и наиболѣе трудными частями науки, не допуская проникнуть ни одному лучу свѣта. Еще болѣе сбивало и спутывало это неясное понятіе возрѣнія людей, не обладающихъ такими высокими умственными способностями. Справедливость къ двумъ почтеннымъ ученымъ требуетъ обратитъ вниманіе на тотъ фактъ, что заслуга надлежащаго разъясненія этого въ высшей степени важнаго вопроса принадлежить, главнымъ образомъ, на континентѣ проникательному мыслителю, Жану Батисту Сэ, и въ Англій—Миллю. Постѣдній (кромѣ убѣдительнаго изложенія этого вопроса въ его основачъ политической экономіи) выдвинулъ это истинное ученіе съ большою силой и ясностью въ болѣе раннемъ памфлетѣ, написанномъ по случаю веднагося тогда спора и озаглавленномъ «Защита Торговли». Это было первое его произведеніе, получившее известность, и онъ имъ былъ болѣе дорожилъ, что оно послужило началомъ его отношеній съ Давидомъ Рикардо, который былъ во всю жизнь самымъ дорогимъ и близкимъ его другомъ.

ГЛАВА XV.

Мѣрило цѣнности.

§ 1. Много споровъ было между политико-экономистами относительно мѣрила цѣнности. Этому вопросу придавали больше значенія, чѣмъ онъ заслуживалъ, и все, написанное о немъ, преимущественно и послужило поводомъ для упрековъ въ пустословіи, которые слишкомъ преувеличены, но по отношенію къ экономистамъ имѣють нѣкоторое основаніе. Однако, все же необходимо коснуться

этого вопроса, хотя бы для того лишь, чтобы показать, как мало можно сказать о немъ.

Мѣрило цѣнности, по обыкновенному смыслу этого слова, должно означать какую нибудь вещь, путемъ сравненія съ которой мы могли бы опредѣлять цѣнность всякой другой вещи. Принимая за мѣръ во вниманіе, что сама цѣнность есть величина относительная, и что для опредѣленія ея необходимы еще двѣ вещи, помимо третьей, которая служитъ мѣрою, мы можемъ опредѣлить, что мѣрило цѣнности есть известная вещь, сравнивая съ которой какія нибудь двѣ другія вещи, мы можемъ опредѣлить ихъ цѣнность по отношенію другъ къ другу.

Въ этомъ случаѣ мѣриломъ цѣнности въ данное время и въ данномъ мѣстѣ можетъ служить всякій товаръ, потому что, зная пропорцію, въ какой каждая изъ двухъ вещей обмѣнивается на третью, мы всегда можемъ вывести изъ этого, въ какой пропорціи онѣ обмѣниваются другъ на друга. Служитъ удобнымъ мѣриломъ цѣнности есть одна изъ функций товара, предназначеннаго быть орудіемъ обмѣна. Обыкновенно на этотъ товаръ опредѣляются цѣнности всѣхъ другихъ вещей. Мы говоримъ, что одна вещь стоитъ 2 ф., друга 3 ф.; и въ такомъ случаѣ безъ особаго опредѣленія известно, что одна вещь стоитъ двѣ трети другой, или что вещи обмѣниваются другъ на друга въ пропорціи 2-хъ къ 3. Деньги представляютъ вполне удовлетворительную мѣру ихъ цѣнности.

Но экономисты желаютъ найти мѣрило цѣнности не всѣхъ вещей въ известное время и въ известномъ мѣстѣ, а одной и той же вещи въ различныхъ временахъ и въ различныхъ мѣстахъ: найти такую величину, по сравненію съ которой можно было бы знать, имѣетъ ли какая нибудь данная вещь большую или меньшую цѣнность теперь, чѣмъ 100 лѣтъ назадъ, или въ Англій, чѣмъ въ Америкѣ или Китаѣ. А для этого деньги, или всякій другой товаръ, могутъ также хорошо служить, какъ и для измѣренія цѣнности въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время: необходимо только, чтобы мы могли сравнить съ мѣриломъ не одинъ только товаръ, а два или болѣе, что вытекаетъ изъ самого понятія о цѣнности. Если кварталъ пшеницы стоитъ 4 шилл., а то же стоитъ откормленный баранъ, и если во времена Генриха II пшеница стоила 20 шилл., а баранъ 10 шилл., то изъ этого мы видимъ, что тогда кварталъ пшеницы стоилъ двухъ барановъ, а теперь онъ стоитъ лишь одного, и что поэтому баранъ, обмѣняемый на пшеницу, теперь вдвое дороже, чѣмъ тогда. Къ этому заключенію мы приходимъ совершенно независимо отъ того, измѣнилась ли цѣнность денегъ въ эти два періода по отношенію къ этимъ двумъ товарамъ (относительно которыхъ деньги, по нашему предположенію, упали) и по отношенію къ другимъ товарамъ, которые насъ вовсе не интересуютъ.

Но писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ, повидимому, желали найти какое нибудь средство, опредѣлять цѣнность товара простымъ сравненіемъ его съ мѣриломъ, не сравнивая этого товара отдѣльно съ какой нибудь другой вещью. Они желали бы имѣть

возможность, на основаніи лишь того факта, что кварталъ пшеницы теперь стоитъ 40 шилл., а прежде онъ стоилъ 20 шилл., опредѣлить, измѣнилась ли и насколько измѣнилась цѣнность пшеницы. При этомъ они не брали бы для сравненія съ ней другого товара, какъ напримеръ, барана, потому что они желаютъ знать не то, насколько измѣнилась цѣнность пшеницы относительно барана, а насколько она измѣнилась относительно всѣхъ вещей вообще.

Первымъ препятствіемъ является неизбежная неопредѣленность понятія всеобщей мѣровой цѣнности—цѣнности не относительно одного какого нибудь товара, а относительно товаровъ вообще. Даже если бы намъ было точно известно, сколько можно было купить въ прошлое время на кварталъ пшеницы каждаго изъ существующихъ товаровъ въ отдѣльности, и мы бы знали, что теперь на него можно купить однихъ вещей больше, а другихъ меньше, чѣмъ прежде, все такъ мы часто были бы не въ состояніи сказать, поднялась ли или упала цѣнность пшеницы относительно всѣхъ вещей вообще. Но тѣмъ болѣе невозможно рѣшить этотъ вопросъ, когда мы знаемъ лишь то, какъ измѣнилась цѣнность пшеницы относительно мѣры. Для того, чтобы можно было денежной цѣной вещи измѣрять въ два различные періода то количество всѣхъ вещей вообще, на какое эта вещь будетъ обмѣниваться, необходимо, чтобы въ эти два періода одинаковая сумма денегъ соответствовала одинаковому количеству всѣхъ вещей вообще, т. е., чтобы деньги всегда имѣли одинаковую мѣровую цѣнность, одинаковую общую покупательную силу. Но ни деньги, ни какой нибудь другой товаръ не удовлетворяютъ этому требованію, и даже нельзя представить себѣ такихъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было бы удовлетворено.

§ 2. Итакъ, мѣрило мѣровой цѣнности не существуетъ, а вмѣсто него писатели, подъ именемъ мѣры цѣнности, составили себѣ понятіе о величинѣ, которую вѣрнѣе было бы назвать мѣрою стоимости производства. Они представили себѣ товаръ, который производится неизмѣнно одинаковымъ количествомъ труда. Къ этому предположенію слѣдуетъ прибавить, что, затраченный въ производствѣ этого товара, постоянный капиталъ долженъ всегда находиться въ одинаковой пропорціи къ заработной платѣ за непосредственный трудъ, и долженъ всегда имѣть одинаковую продолжительность оборотовъ. Словомъ, необходимо, чтобы одинаковый капиталъ затрачивался на одинаковый срокъ, и чтобы такимъ образомъ и тотъ элементъ цѣнности, который заключается въ прибыли, и тотъ, который заключается въ заработной платѣ, оставался неизмѣннымъ. Тогда бы мы имѣли товаръ, который производится бы всегда при одной и той же комбинаціи всѣхъ обстоятельствъ, влияющихъ на постоянную цѣнность. Однако, мѣровая цѣнность такого товара ни въ какомъ случаѣ не была бы постоянной: даже помимо временныхъ колебаній, зависящихъ отъ спроса и предложенія, мѣровая цѣнность измѣнилась бы вследствие каждой перемены въ условіяхъ производства тѣхъ вещей, на которыя онъ этотъ товаръ обмѣнивался. Но если бы существовалъ такой товаръ, мы бы имѣли отъ этого

ту выгоду, что при всяких продолжительных изменениях ценности какойнибудь вещи относительно его, мы бы знали, что причина изменений заключается не в немъ, а в этой вещи. Такимъ образомъ онъ способенъ былъ бы служить мѣриломъ, но только не ценности другихъ вещей, а ихъ стоимости производства. Если бы известный товаръ приобреталъ болѣе высокую постоянную покупательную силу по отношенію къ этому неизмѣнному товару, то это значило бы, что стоимость производства первого сдѣлалась больше; а при обратномъ случаѣ—меньше. Это мѣрило стоимости и есть та величина, которую экономисты обыкновенно подразумеваютъ подъ мѣриломъ ценности.

Но хотя возможно вполне ясно представить себѣ мѣрило стоимости, тѣмъ не менѣе, въ действительности, оно такъ же неосуществимо, какъ и мѣрило мѣловой ценности. Нѣтъ товара, стоимости производства котораго оставалась бы неизмѣнной. Менѣе всего она мѣняется у золота и серебра, но даже и у нихъ она подвержена переменамъ вслѣдствіе познания старыхъ источниковъ добычи, открытія новыхъ и вслѣдствіе улучшеній въ способѣ добыванія. Если мы попытаемся опредѣлить перемены въ стоимости производства какогонибудь товара по изменениямъ въ его денежной цѣнѣ, то этотъ выводъ необходимо долженъ быть исправленъ на основаніи возможно лучшихъ свѣдѣній о переменахъ, совершившихся въ продолженіе этого времени въ стоимости производства самихъ денегъ.

Адамъ Смитъ воображалъ, что есть два товара, которые особенно пригодны служить мѣриломъ ценности: хлѣбъ и трудъ. О хлѣбѣ онъ говоритъ, что хотя его ценность сильно колеблется изъ года въ годъ, но она почти не измѣняется изъ столѣтій въ столѣтіе. Однако мы уже видѣли, что это невѣрно: стоимость производства хлѣба имѣетъ стремленіе повышаться при всякомъ увеличеніи населенія и падать при всякомъ улучшеніи въ земледѣліи въ данной ли странѣ или въ чужой, изъ которой она получаетъ часть своего хлѣбнаго запаса. Для того, чтобы стоимость производства хлѣба была настолько постоянной, какъ думалъ Адамъ Смитъ, необходимо чтобы сохранялось полное равновѣсіе между этими противоположными силами—равновѣсіе, которое, если оно когданибудь и осуществляется, можетъ быть лишь случайнымъ. Относительно же труда, какъ мѣрила ценности, Адамъ Смитъ выражается не всегда одинаково. Иногда онъ говоритъ о немъ, какъ о хорошемъ мѣрилѣ, но только на короткіе періоды, утверждая, что ценность труда (или заработная плата) мало измѣняется изъ года въ годъ, и сильно—изъ поколѣній въ поколѣніе. Въ другихъ случаяхъ онъ говоритъ такъ, какъ будто трудъ, по своей сущности, представляетъ самое подходящее мѣрило ценности, на томъ основаніи, что обыкновенный, дневной, мускульный трудъ одного человѣка можетъ считаться для него всегда равнымъ одинаковому количеству успѣія и пожертвованія. Однако это положеніе, все равно,—допустимо оно или нѣтъ, само по себѣ окончательно устраняетъ понятіе мѣловой ценности, замѣняя его совершенно инымъ, которое болѣе аналогично погрѣшительной ценности. Если на дневной трудъ въ Америкѣ можно

купить обыкновенныхъ предметовъ потребления вдвое болѣе, чѣмъ въ Англіи, то, повидному, будетъ напрасной педагогичностью настаивать на томъ, что трудъ имѣетъ одинаковую ценность въ обѣихъ странахъ, и что такое неравенство происходитъ отъ различія въ ценности другихъ вещей. Можно совершенно справедливо сказать, что въ этомъ случаѣ трудъ какъ на рынкѣ, такъ и для самаго рабочаго, будетъ имѣть въ два раза большую ценность въ Америкѣ, чѣмъ въ Англіи.

Если бы дѣло шло о томъ, чтобы отыскать приблизительное мѣрило для опредѣленія потребительной ценности, то, вѣроятно, для этого самое лучшее было бы принять дневное пропитаніе средняго человѣка, выраженное въ обыкновенной пищѣ, потребляемой простыми рабочими. Если въ известной странѣ рабочий можетъ существовать на фунтъ мансовой муки въ день, то нѣкоторая вещь можетъ считаться болѣе или менѣе цѣнной, смотря по тому, на какое число фунтовъ мансовой муки она обмѣнивается. Если известная вещь сама по себѣ или тѣмъ, что за нее будетъ куплено, можетъ дать пропитаніе человѣку на день, а другая—на недѣлю, то мы ничѣмъ нѣкоторое основаніе сказать, что послѣдняя для обыкновенныхъ человѣческихъ потребностей въ семь разъ дороже первой. Но это не было бы мѣриломъ той ценности, которую имѣетъ вещь лично для ея владѣльца: эта ценность можетъ быть гораздо выше и не можетъ быть ниже того, во что пѣнится вещь, которую можно купить на эту вещь.

Понятіе мѣрила ценности не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ регулятора или опредѣляющаго принципа ценности. Когда Рикардо и другіе ученые говорятъ, что ценность вещи регулируется количествомъ труда, они подразумеваютъ не то количество труда, за какое вещь будетъ обмѣниваться, а то количество, какое необходимо для ея производства. Они хотятъ сказать, что это количество труда опредѣляетъ ценность вещи: оно является причиной того, что вещь имѣетъ такую, а не другую ценность. Но когда Адамъ Смитъ и Мальтусъ говорятъ, что трудъ есть мѣрило ценности, они подразумеваютъ не тотъ трудъ, какимъ была или можетъ быть произведена вещь, а то количество труда, на какое она будетъ обмѣниваться, или какое будетъ покупаться на нее: другими словами, они имѣютъ въ виду ценность вещи по отношенію къ трудъ. Они не думаютъ, что этотъ трудъ *регулируетъ* общую мѣловую ценность вещи, т. е., такъ или иначе опредѣляетъ, какова она должна быть; по ихъ мнѣнію, онъ только показываетъ, какова она теперь и насколько она измѣняется въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ. Смѣшивать эти два понятія было бы все равно, что не видѣть различія между термометромъ и огнемъ.

ГЛАВА XVI.

Нѣкоторые частные случаи цѣнности.

§ 1. Мы заключили изслѣдованіе общихъ законовъ цѣнности во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ обмена товаровъ внутри страны. Мы разсмотрѣли, во-первыхъ, случай монополіи, при которомъ цѣнность опредѣляется естественнымъ или искусственнымъ ограниченіемъ количества, т. е. спросомъ и предложениемъ. Во-вторыхъ, — положеніе свободнаго соперничества, когда товаръ можетъ быть произведенъ въ неопредѣленномъ количествѣ по одной и той же стоимости; въ этомъ случаѣ постоянная цѣнность опредѣляется стоимостью производства, и только лишь временныя колебанія — спросомъ и предложениемъ. Въ-третьихъ, мы разсмотрѣли срѣнее между этими двумя положеніями, когда товаръ можетъ производиться въ неопредѣленномъ количествѣ, но не по одной и той же стоимости: въ этомъ случаѣ постоянная цѣнность опредѣляется наивысшей стоимостью, каковая необходима для полученія требующейся массы продукта. И наконецъ, мы нашли, что сами деньги есть товаръ третьяго класса; что ихъ цѣнность въ свободныхъ условіяхъ подчинена тѣмъ же законамъ, какъ и цѣнность всѣхъ товаровъ этого класса, и что поэтому цѣны слѣдуютъ тѣмъ же законамъ, какъ и цѣнности.

Изъ этого видно, что отъ спроса и предложенія зависятъ колебанія цѣнностей и цѣны, при всѣхъ трехъ выше приведенныхъ положеніяхъ, и постоянная цѣнность и цѣны вещей, предложеніе которыхъ опредѣляется не свободнымъ соперничествомъ, а какой нибудь другой силой. Но при господствѣ соперничества, вещи въ срѣднемъ обмѣниваются другъ на друга по такимъ цѣностямъ и продаются по такой цѣнѣ, каковы показываютъ надежду на одинаковую прибыль всѣмъ классамъ производителей: а это можетъ быть лишь тогда, когда вещи обмѣниваются другъ на друга пропорціонально ихъ стоимости производства.

Но теперь необходимо обратить вниманіе на нѣкоторые случаи, къ которымъ, въ силу ихъ исключительнаго характера, не применимъ этотъ законъ мѣнливой цѣнности.

Иногда случается, что два различные товара имѣютъ, какъ сказать, общую стоимость производства. Оба они представляютъ продукты одной и той же операціи, или ряда операцій, и издержки предпринимаются ради ихъ обоихъ вмѣстѣ, а не такъ, чтобы одна часть издержекъ относилась къ одному товару, а другая къ другому. Если бы одинъ изъ нихъ вовсе не спрашивался или не употреблялся, то тогда бы дѣлалась тѣ же издержки для одного того товара, который имѣетъ спросъ. Товаровъ, производство которыхъ такъ образомъ соединено, не мало. Напримеръ, коксъ и угольный газъ, оба производятся изъ одного матеріала и путемъ одной и той же операціи. Въ болѣе частномъ значеніи такимъ примѣромъ могутъ служить овцы и шерсть; говяжья, козья и сало; телята и мя-

сочные продукты: цыплята и яйца. Стоимость производства не можетъ опредѣлять цѣнности такихъ товаровъ по отношенію ихъ другъ къ другу. Она опредѣляетъ только общую цѣнность. Газъ и коксъ должны вмѣстѣ возратить расходы по ихъ производству съ обыкновенной прибылью. Для этого данное количество газа, вмѣстѣ съ коксомъ, который составляетъ остатокъ отъ производства газа, должны обмѣниваться на другія вещи пропорціонально совокупной стоимости производства этихъ товаровъ. Но, какую часть вознагражденія производитель получитъ отъ кокса и какую отъ газа, это остается не рѣшеннымъ. Стоимость производства опредѣляетъ не цѣну каждаго изъ нихъ, а сумму ихъ цѣнъ. Для распределенія издержекъ производства между этими товарами необходимъ какой нибудь другой принципъ.

Въ этомъ случаѣ стоимость производства не можетъ служить указаніемъ, поэтому мы должны обратиться къ закону цѣнности, болѣе основному, чѣмъ стоимость производства — къ закону спроса и предложенія. Этотъ законъ состоитъ въ томъ, что спросъ на товаръ измѣняется вмѣстѣ съ его цѣнностью, и что цѣнность сама собой приспособляется такъ, чтобы спросъ былъ равенъ предложению. Это и служитъ тѣмъ принципомъ распределенія, котораго мы ищемъ.

Предположимъ, что извѣстное количество газа произведено и продано по извѣстной цѣнѣ, и что остатокъ отъ этого производства, т. е. коксъ предлагается по цѣнѣ, которая вмѣстѣ къ цѣнѣю газа возвращаетъ издержки съ обыкновенной прибылью. Предположимъ также, что при цѣнѣ, назначенной особенно для газа и для кокса, весь газъ легко находить сбытъ безъ излишка или недостатка, но что для всего, соответствующаго ему, кокса нельзя найти покупателей. Чтобы усилить сбытъ кокса, его будутъ предлагать по болѣе низкой цѣнѣ. Но эта пониженная цѣна вмѣстѣ съ цѣнѣю газа будетъ недостаточна: производство въ цѣломъ не оплатитъ своихъ издержекъ съ обыкновенно прибылью и при такихъ условіяхъ не будетъ продолжаться. Поэтому газъ слѣдуетъ продавать по болѣе высокой цѣнѣ, чтобы пополнить недоборъ на коксѣ. Вѣдствие этого спросъ сократится, и производство нѣсколько уменьшится. Затѣмъ цѣны слѣдуютъ постояннымъ, когда, въ силу соединеннаго вліянія вздорожанія газа и удешевленія кокса, станетъ настолько меньше продаваемаго перваго и настолько больше втораго, что откроется сбытъ для всего кокса, происходящаго отъ существующаго разбора производства газа.

Для предположимъ обратный случай, что по высшей цѣнѣ требуется кокса больше того, сколько можетъ быть доставлено производствомъ, удовлетворяющимъ существующій спросъ на газъ. Тогда кокса будетъ недостаточно, и онъ повысится въ цѣнѣ. Операція въ общей сложности будетъ приносить болѣе обыкновеннаго процента прибыли, и къ этому производству будетъ привлеченъ дополнительный капиталъ. Не удовлетворявшійся спросъ на коксъ теперь будетъ удовлетворенъ; но этого нельзя слѣдовать, не увеличивая также предложенія газа: а такъ какъ существующій спросъ на него

быть уже вполне удовлетворены, то добавочное количество его может найти себе сбыт лишь с понижением цены. В результате будет то, что газ и кокс вместе будут приносить доход, соответствующий требуемой общей стоимости их производства: не в этом доход часть, приносимая коксом, будет больше, а приносимая газом, меньше, чем прежде. Равновесие будет достигнуто, когда спрос на один товар так хорошо будет согласоваться со спросом на другой, что требуемое на рынках количество каждого из них будет точно таково, какое получается при производстве требуемого количества другого. Если есть избыток или недостача в одном из них, — если есть спрос на кокс и избыток спроса на весь газ, произведенный вместе с ним, или наоборот, — то цены и цены этих товаров приспособятся так, что они оба найдут себе сбыт.

Итак, если два или более товаров имеют общую стоимость производства, то их естественная цена относительно друг друга будут таковы, при которых на каждый из них явится спрос, соответствующий количеству, в каком они получаются от производительного процесса. Эта теорема сама по себе не имеет особенного значения: но она разъясняет закон спроса и тот способ, по которому другой принцип задает стоимость производства, когда она оказывается не применимой. Это разъяснение заслуживает особенного внимания, как мы и увидим в XVII главе: там мы будем разсматривать совершенно подобное явление, но происходящее в гораздо более важных случаях.

§ 2. Другой пример, заслуживающий внимания, представляет собою цена разных земледельческих продуктов. Этот случай гораздо сложнее предыдущего, и в нем необходимо принимать во внимание большее число влияющих условий.

Этот вопрос не представлял бы ничего особенного, если бы разные земледельческие продукты производились безразлично и с одинаковой выгодой на одних и тех же землях или на землях совершенно различных. Загруженность происходит от двух условий: во-первых, от того, что большая часть земель бывает пригодна для одного рода продуктов, чем для другого, не будучи совершенно непригодной ни для одного из них: и во-вторых, от своеобразия.

Для простоты мы ограничимся в нашем предположении двумя видами земледельческих продуктов: например, пшеницей и овсом. Если бы все земли были одинаково пригодны для пшеницы и овса, оба эти продукта безразлично выращивались бы на всех землях, и относительная стоимость производства того и другого, судя повсюду одинаковой, определяла бы их относительную цену. Если бы тот труд, которым производится при квартере пшеницы на какой либо плохой почве, всегда производил бы на такой же почве пять кварталов овса, то три квартала пшеницы и пять кварталов овса имели бы одинаковую цену. Если же, с другой стороны, пшеница и овес вовсе не могли бы произрастать на одинаковой земле, то цена каждого из них

определялась бы по их особенной стоимости производства на наименее пригодных для них землях, приобщать к которым представляет существующий спрос. Но дело в том, что и пшеница, и овес могут расти на всякой земле, пригодной для производства одного из них: однако некоторые земли, как например, тяжелые, глинистые, успешнее применяются для пшеницы, тогда как другие (легкие, песчаные земли) более пригодны для овса. Иные земли могут при одинаковом количестве труда приносить вместо 3 кварталов пшеницы, только четыре квартала овса: другие вместо 5 кварталов овса дадут, быть может, менее трех кварталов пшеницы. Чем же тогда, при таком разнообразии земель, определяется относительная цена этих двух продуктов?

Очевидно, что каждый из этих хлебов будет предпочтительнее возделываться на землях, более пригодных для него; и если спрос удовлетворится продуктом с одних этих земель, то цены этих двух хлебов не будут зависеть одна от другой. Но если спрос на эти хлеба таков, что необходимо, чтобы каждый из них возделывался не только на землях, исключительно пригодных для него, а и на средних землях, которые, не будучи исключительно пригодны ни для одного из них, одинаково годятся для обоих, то стоимость производства на этих средних землях будет определять относительную цену обоих хлебов. В то же время цена за земли, исключительно пригодные для одного из них, будет определяться произвольной силой этих земель, разсматриваемой относительно того хлеба, для которого они особенно пригодны. До сих пор вопрос не представляет никакого затруднения для тех, кто знаком с общими принципами цены.

Но может случиться, что спрос на один из этих хлебов, например, на пшеницу, до того превосходит спрос на овес, что приходится засевать ею не только земли, исключительно пригодные для пшеницы, но также употреблять для нее все земли, пригодные для обоих хлебов, и даже захватывать земли, более пригодные для овса. Чтобы явилось побуждение к такому неравенству в разведении хлебов, пшеница должна быть относительно дороже, а овес дешевле, чем они ценились бы по их стоимости производства на средней земле. Их относительная цена должна быть соразмерна со стоимостью производства их на такой земле, на которой должны сбиться оба эти хлеба для того, чтобы быть удовлетворены спрос и на тот, и на другой. Если вследствие состояния спроса эти оба хлеба разводятся на землях, более удобных для одного из них, чем для другого, то тот, который более соответствует количеству земли, будет и по отношению к другому и ко всем вещам вообще дешевле, а другой дороже, чем тогда, когда относительная величина спроса на них была бы такою, какою мы предполагаем раньше.

Итак, здесь мы пришли неслучайно путем к новому разъяснению действия спроса, который является не случайной при-

Ирландію. Во Францію, Германію и Швейцарію капиталъ, вѣроятно, передвигается почти также легко, какъ и въ колоніи; различіе въ языкѣ и въ образѣ правленія едва-ли служатъ такимъ большимъ препятствіемъ, какъ разница въ климатѣ и разстояніе. Въ страны, еще варварскія или, подобно Россіи и Турціи, только еще начинающія цивилизоваться, капиталъ переселится не иначе, какъ подъ влияніемъ побужденія, заключающагося въ очень большомъ излишкѣ прибыли.

Слѣдовательно, между всѣми удаленными другъ отъ друга мѣстностями, а въ особенности между различными странами (все равно, будутъ-ли онѣ находиться подъ однимъ верховнымъ правительствомъ, или нѣтъ) можетъ до известной степени существовать большое неравенство въ вознагражденіи за трудъ и капиталъ, не побуждая этимъ послѣднихъ къ передвиженію изъ одного мѣста въ другое въ такомъ количествѣ, чтобы это неравенство изгладилось. Капиталъ, принадлежащій известной странѣ, въ большинствѣ случаевъ будетъ оставаться въ ней даже тогда, когда въ ней не будетъ ни одного способа примѣненія его, который не былъ-бы болѣе производительнымъ въ другой странѣ. Однако, и при такихъ условіяхъ, страна можетъ и, вѣроятно, будетъ вести торговлю съ другими странами. Она будетъ вывозить нѣкоторые товары даже въ такія страны, гдѣ они могли-бы производиться съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ даже, что эти страны имѣютъ преимущество передъ предыдущей во всѣхъ производствахъ, все-же эти преимущества въ производствѣ однихъ вещей будутъ больше, чѣмъ въ производствѣ другихъ, и эти страны пойдутъ выгоднымъ для себя привозить товары, въ которыхъ ихъ преимущество меньше, чтобы имѣть возможность затрачивать большее количество своего труда и капитала на товары, производство которыхъ представляетъ наибольшія удобства.

§ 2. И уже замѣчалъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ произведеній*), что по мнѣнію Рикардо, (мыслителя, наиболее способствовавшаго разъясненію этого предмета)**) обмѣнъ зависитъ отъ разницы не въ абсолютной, а въ сравнительной стоимости производства. Намъ можетъ быть выгоднымъ получать желѣзо изъ Швеціи въ обмѣнъ на хлопчатобумажныя ткани, даже если-бы рудники Англіи такъ-же, какъ и ея фабрики, были производительнѣе шведскихъ: потому что если наше преимущество въ производствѣ хлопчатобумажныхъ тканей равняется половинѣ, а въ производствѣ желѣза лишь одной четверти, и если мы можемъ продать наши тка-

*) Essays on some Unsettled Questions of Political Economy Essay I.

**) Это время я считалъ Рикардо единственнымъ авторомъ, принятаго теперь всѣми экономистами, ученія о сущности и мѣрѣ выгоды, которую страна получаетъ отъ иностранной торговли. Но полковникъ Торренсъ новымъ нападѣніемъ одного изъ своихъ равныхъ произведеній, The Economists Refuted, доказалъ, что онъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, равное съ Рикардо право считаться основателемъ этого ученія, и что честь болѣе ранняго опубликованія этихъ воззрѣній принадлежитъ ему, а не Рикардо.

ни въ Швеціи по той цѣнѣ, какую Швеція должна была-бы платить, если-бы производила ихъ сама, то мы будемъ получать и желѣзо, и ткани съ выгодой, равной одной половинѣ. Мы часто можемъ, благодаря торговлѣ съ иностранцами, получать ихъ товары съ затратой труда и капитала, меньшей той, какой эти товары стоятъ самимъ иностранцамъ. И тѣмъ не менѣе такая торговля будетъ выгодна для иностранца, потому-что, хотя получаемый имъ въ обмѣнъ товаръ стоитъ намъ дешевле, ему-бы онъ стоилъ дороже.

Для разъясненія тѣхъ условій, при какихъ будетъ происходить обмѣнъ товаровъ между двумя странами, и при какихъ его не будетъ, Милль, въ своемъ сочиненіи Elements of Political Economy*), дѣлаетъ предположеніе, что Польша имѣетъ преимущество надъ Англіей въ производствѣ и полотна, и хлѣба. Сначала онъ предпологаетъ, что преимущество одинаково въ обмѣнѣ товарахъ: полотно и хлѣбъ, требующіе каждый въ отдѣльности 100 дней труда въ Польшѣ, требуютъ по 150 дней труда въ Англіи. Изъ этого слѣдуетъ, что количество полотна, стоившее въ Англіи 150 дней труда, ввезенное въ Польшу, равнялось-бы количеству этого товара, стоившему тамъ 100 дней труда; поэтому, обмѣниваясь въ ней на хлѣбъ, оно-бы обмѣнивалось на количество его, стоившее ста дней труда. Но раньше было предположено, что количество хлѣба, стоившее ста дней труда въ Польшѣ, равно тому количеству, на которое затрачивается 150 дней труда въ Англіи. Слѣдовательно, такое количество хлѣба, какое-бы ни стоило 150 дней, Англія получила-бы 150 дней; а кромѣ того, ввозя она могла собрать у себя, затративъ 150 дней; а кромѣ того, ввозя его, ей пришлось-бы нести расходы на перевозку. При такихъ условіяхъ обмѣна вовсе не будетъ. Въ этомъ случаѣ сравнительная стоимость производства двухъ товаровъ въ Англіи и Польшѣ предполагалась одинаковымъ, хотя абсолютныя стоимости были различны: мы видимъ, что при такомъ предположеніи не было-бы сбереженія труда ни для одной изъ этихъ странъ, если-бы производство ограничивалось однимъ изъ этихъ продуктовъ, а другой-бы ввозился.

Совершенно иначе бываетъ, когда не только абсолютныя, а и сравнительныя стоимости производства двухъ товаровъ различны въ обмѣнѣ странахъ. Если, продолжаетъ тотъ-же писатель, «полотно, производимое ста днями труда въ Польшѣ, производитъ 150 днями труда въ Англіи, а хлѣбъ, производимый въ Польшѣ 100 днями труда, въ Англіи не можетъ быть произведенъ менѣе, чѣмъ 200 днями труда, то тутъ непременно является достаточное побужденіе для обмѣна. На количество полотна, произведенное въ Англіи 150 днями труда, она могла-бы купить такое количество хлѣба въ Польшѣ, какое тамъ производится 100 днями труда; но количество хлѣба, произведенное тамъ 100 днями труда, равнялось-бы количеству, произведенному въ Англіи 200 днями труда». Такимъ образомъ, ввозя хлѣбъ изъ Польши и платя за него полотномъ, Англія получила-бы за 150 дней труда то, что въ противномъ случаѣ стоило-бы ей 200; это составляло-бы сбереженіе 50 дней труда при каждомъ повтореніи

*) 3-е изд. стр. 120-я.

сдѣлки. Но это было-бы сбереженіе не только для одной Англій, а и вообще для всего свѣта, потому-что оно получено не въ ущербъ Польши, которая за зерно, стоившее ей 100 дней труда, купила холстъ, который обошелся-бы ей столько-же, если-бы производился въ ней. Слѣдовательно, при такомъ предположеніи, Польша ничего не теряетъ, но также и не получаетъ никакой выгоды отъ торговли, такъ какъ ввезенный холстъ стоитъ ей столько-же, какъ и холстъ, производимый въ ней. Чтобы Польша могла извлекать некоторую выгоду отъ обмѣна, необходимо нѣсколько сократить выигрышъ Англій: за хлѣбъ, производимый въ Польшѣ 100 днями труда, должно покупать у Англій большее количество холста, чѣмъ какое могла-бы произвести Польша этимъ количествомъ труда; т. е. больше. Чѣмъ Англія могла-бы произвести 150 днями труда. Такимъ образомъ, Англія получитъ хлѣбъ, который стоить-бы ей 200 дней, по стоимости превышающей 150, но меньшей 200 дней. Поэтому Англія получитъ уже не всю сумму труда, оберегаемую для обмѣнъ странъ вмѣстѣ торговлей между ними.

§ 3. Изъ этого мы видимъ, въ чемъ заключается выгода международнаго обмѣна, или, другими словами, иностранной торговли. Помимо того, что послѣдняя даетъ возможность странамъ получать такіе товары, которыхъ онѣ вовсе не могли-бы производить, ея выгода заключается въ болѣе успѣшномъ примѣненіи производительныхъ силъ всего міра. Если-бы двѣ страны, ведущія между собою торговлю, попробовали-бы, насколько физически возможно, производить каждая для себя все, что онѣ до сихъ поръ ввозили другъ отъ друга, то трудъ и капиталъ обихъ странъ не были-бы такъ производительны: обѣ онѣ вмѣстѣ не получили-бы отъ своей промышленности такого количества товаровъ, какъ тогда, когда каждая занималась-бы и для самой себя, и для другой страны производствомъ тѣхъ вещей, въ которыхъ трудъ ея сравнительно болѣе успѣшенъ. Полученная такимъ образомъ прибавка въ продуктѣ двухъ соединившихся странъ составляетъ выгоду торговли. Возможно, что одна изъ этихъ двухъ странъ, по своимъ производительнымъ способностямъ, значительно ниже другой, и что трудъ и капиталъ первой могли-бы быть употреблены съ болѣею выгодой, будучи перенесены цѣликомъ въ другую страну. Трудъ и капиталъ, затраченные на то, чтобы сдѣлать Голландію обитаемой, принесли-бы несравненно болѣею доходъ, если-бы были перенесены въ Америку или Ирландію. Продуктъ производства всего міра были-бы больше, или, затрачиваемый на него трудъ, меньше, если всякая вещь производилась-бы тамъ, гдѣ существуетъ наибольшая абсолютная легкость для ея производства. Но нации не переселяются вълькими массами, но крайней мѣрѣ, въ наше время. А если и въ странѣ нѣтъ такихъ производителей, въ которыхъ она обладала-бы преимуществомъ надъ другими странами, то пока ей трудъ и капиталъ остаются въ ней, они съ наибольшей выгодой употребляются на приготовленіе какъ для своего, такъ и для иностранныхъ рынковъ тѣхъ вещей, производство которыхъ сопряжено съ наименьшими затрудненіями.

§ 4. Прежде чѣмъ идти дальше, сравнимъ этотъ взглядъ на выгоды международной торговли съ другими теоріями, господствовавшими раньше и до известной степени господствующими еще и до сихъ поръ, относительно этого вопроса.

По положенной нами теоріи, единственную прямую выгоду иностранной торговли доставляютъ привозные товары. Страна получаетъ вещи, которыхъ она или вовсе не могла-бы производить, или должна была-бы производить съ болѣею затратой труда и капитала, чѣмъ стоитъ ей тѣ вещи, которыхъ она вывозитъ въ укладку за ввезенныя. Такимъ образомъ съ одинаковымъ трудомъ и капиталомъ страна получаетъ большее количество нужныхъ товаровъ, или то-же количество при меньшемъ трудѣ и капиталѣ, оставаясь πληшекъ силъ для производства другихъ вещей. Распространенная въ обществѣ теорія не замѣчаетъ этой выгоды и полагаетъ, что выгода торговли заключается въ ввозѣ товаровъ: точно выигрышъ для страны заключается не въ томъ, что она получаетъ, а въ томъ, что она отдаетъ, благодаря иностранной торговлѣ. Увеличившии рынокъ для продуктовъ страны—обильное потребленіе ея товаровъ—сбытъ для ея πληшка—вотъ тѣ фразы, которыми обыкновенно опредѣляются выгоды и преимущества торговли съ иностранными государствами. Такое представленіе будетъ намъ понятно, когда мы вспомнимъ, что авторитетными выразителями мнѣній по коммерческимъ вопросамъ всегда до сихъ поръ являлись люди изъ класса, занимающагося продажей. Въ действительности этотъ взглядъ есть уцѣлѣвшій остатокъ меркантильной теоріи, по которой деньги считались единственнымъ богатствомъ: а продажа, или, другими словами, обмѣнъ товаровъ на деньги, представилась (для страны, не пользующей своихъ рудниковъ) единственнымъ способомъ обогащенія,—тогда какъ ввозъ товаровъ, т. е. отдача денегъ, была равносильна уменьшенію богатства.

Мнѣніе, что одинъ деньги составляютъ богатство, давно уже исчезло, но послѣ него осталось многочисленное потомство: и даже самъ, низвергнувшій его, Адамъ Смитъ сохранилъ нѣкоторые взгляды, которыхъ нельзя отнести ни къ какому другому источнику. Представленіе Адама Смита о пользѣ иностранной торговли состояло въ томъ, что она доставляетъ сбытъ πληшку продукта страны и даетъ части ея капитала прибыльное помѣщеніе. Эти выраженія внушаютъ понятія, не совмѣстимыя съ яснымъ пониманіемъ явленія. Въ словаль «пληшекъ продукта» какъ будто-бы подразумевается, что страна въ нѣкоторомъ родѣ поставлена въ необходимость произвести вывозимый ею хлѣбъ или холстъ; точно, если не потребуется и не будетъ потреблена гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ та часть продукта, которую страна не потребляетъ сама, то эта часть или будетъ производиться въ прямой убытокъ, или, если она не будетъ произведена, то соответствующій ей капиталъ останется не занятымъ, и пропорціонально этому уменьшится вся масса продуктовъ страны. Однако, каждое изъ этихъ предположеній совершенно ошибочно. Страна производитъ товаръ сверхъ своихъ потребностей для вывоза не по какой нибудь внутренней необходимости, а въ силу того, что

такое производство представляет самый дешевый способ получения других вещей. Если бы вывоз пшеницы был прекращен, она бы перестала производить его и больше не ввозила бы ничего, не имея возможности дать за чужие продукты эквивалент; но труд и капитал, затрачивавшиеся раньше на производство с целью вывоза, нашли бы себе занятие в производстве тех предметов, которые прежде получались из-за границы; а если бы некоторых из них нельзя было производить, то производились бы их суррогаты. Несомненно, эти товары производились бы по большей стоимости, чем те вещи, за которые они раньше покупались за границей. Но ценность и цена этих товаров повысились бы пропорционально этому, и капитал совершенно также возобновлялся бы с обыкновенной прибылью из выручки, как и тогда, когда он затрачивался на производство для иностранного рынка. По окончании временного замешательства в обмене, в убытке были бы одни лишь потребители; они были бы принуждены или обходиться без тех товаров, которые прежде ввозились, потребляя вместо них другие, менее нравившиеся им, или платить за них цену выше прежней.

В общераспространенном мнении о том, какое значение торговли имеет для страны, много есть ошибочного. Когда о торговле говорят, как об источнике национального богатства, воображение обращается скорее на огромные состояния, приобретенные торговцами, чем на понижение цены для потребителей. Но барыши торговцев, если только последние не пользуются исключительными привилегиями, не больше прибыли, получаемых от помещения капитала в самой стране. Если скажут, что капитал, вложенный в иностранную торговлю, не мог бы найти себе занятия в снабжении товаров внутреннего рынка, я могу возразить, что это есть ничто иное, как то же самое заблуждение относительно обмена перепроизводства, которое мы рассмотрели в предыдущей главе; но в этом случае дело настолько очевидно, что нет необходимости ссылаться на общую теорию. Мы не только видим, что капитал купца нашел бы себе применение, но даже знаем, какое будет это применение. В таком случае создается бы помещение для капитала, равное уничтожившемуся. С прекращением вывоза, прекратился бы также и ввоз на равную ему ценность, и вся та часть дохода страны, которая расходовалась на ввозные товары, была бы свободна для расходования на те же вещи, производимые в самой стране, или вместо них на другие вещи. Торговля, в действительности, служит способом удешевления производства; в конце концов, она приносит выгоду потребителю; в то же время и торговец всегда уверен в получении своей прибыли, все равно, получит ли покупатель больше, или меньше за свои деньги. Говоря это, мы не думаем отрицать того влияния (которого мы уже коснулись и которое будет рассмотрено нами подробнее впоследствии), какое может оказывать удешевление товаров на повышение прибыли. Это последнее явление замечается в том случае, когда подешевевший товар принадлежит к разряду вещей, потребляемых рабочими

и входит в стоимость труда, которую определяется величина прибыли.

§ 5. Итак, в этом и заключается прямая экономическая выгода иностранной торговли. Но, кроме того, есть еще косвенная польза от нее, которая должна быть причислена к выгодам высшего порядка. Одно из них то, что при каждом расширении рынка является стремление улучшить производство. Страна, производящая для более обширного рынка, чем ей собственный, может вводить более сильное разделение труда, больше пользоваться машинами и скорее может делать открытия и улучшения в процессах производства. Все же, что способствует производству большого количества какой либо вещи в одном месте, благоприятствует общему увеличению производительных сил всего земного шара.*) Иностранная торговля имеет еще другое значение, которое главным образом относится к ранней ступени промышленного развития. Народ может находиться в неподвижном, апатичном и неразвитом состоянии, при чем все его вкусы или вполне удовлетворены, или совершенно неразвиты, и он может не проявлять всей своей производительной энергии по недостатку побуждений к деятельности. Открытие иностранной торговли, знаком народ с новизнами, открытия иностранной торговли, более легким получением вещей, мы ценим или соблазна его более легким получением вещей, которые раньше он считал недоступными, иногда производить целый промышленный переворот в стране, средства которой раньше оставались неразвитыми по недостатку энергии и честолюбия в народ. Внешняя торговля побуждает людей, довольствовавшихся ограниченными благами при незначительном труде, работать усерднее для удовлетворения своих новых вкусов и даже сберегать и накапливать капитал для еще более полного удовлетворения этих вкусов в будущем.

Но влияние торговли на умственный и нравственный склад народа еще важнее ее экономических выгод. При нынешнем низком состоянии человеческого развития едва ли возможно не думать того, что люди приходят в соприкосновение с другими людьми, не похожими на них, и с образом мыслей и действий, отличным от того, к которому они привыкли. Торговля теперь, как некогда война, служит главным источником такого соприкосновения. Торговле авантюристы более цивилизованных стран обыкновенно были первыми цивилизаторами варваров. Торговля служит главной целью сношений между цивилизованными странами. Такая снотенция всегда служила одним из главных источников прогресса. Для людей, которые при таком воспитании, какое существовало до сих пор, едва ли могут развивать в себе даже хорошие качества, не впадая в ошибку, необходимо постоянное сравнение их собственных понятий и привычек с опытом, и принятием их собственных понятий и привычек с опытом, и принятием их собственных понятий и привычек с опытом. Нет нации, которая не имела бы необходимости заимствовать у других не только отдельные искусства или привычки, но и существенные черты ха-

*) См. выше кн. I гл. IX § 1.

рактора, не достаточно развиты у нея. Наконецъ, торговля первая научила народъ смотрѣть со взаимнымъ добродѣлательствомъ на богатство и провѣтаніе каждаго изъ нѣхъ. Прежде всякій патриотъ, недостаточно развитой для того, чтобы считать себя гражданиномъ всего міра, желалъ, чтобы въ страны, кромѣ его собственной, были слабы, бѣдны и дурно управляемы; теперь въ нѣхъ богатствъ и прогрессъ онъ видитъ прямой источникъ для богатства и прогресса его страны. Благодаря торговлѣ, укрѣпляющей и усиливающей личные интересы, естественно противоположные войнѣ, послѣдняя быстро выходитъ изъ употребленія. И безъ преувеличенія можно сказать, что большіе размѣры и быстрое увеличеніе международной торговли, оудучи главной гарантіей всеобщаго мира, служатъ великимъ и прочнымъ обезпеченіемъ непрерывнаго прогресса въ понятіяхъ, учрежденіяхъ и характерѣ человечества.

ГЛАВА XVIII.

Международныя цѣнности.

§ 1. Цѣнности товаровъ, произведенныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ или въ мѣстахъ, настолько близкихъ другъ къ другу, что капиталъ можетъ свободно передвигаться между ними, т. е., скажемъ для простоты, цѣнности товаровъ, произведенныхъ въ одной странѣ, зависятъ (за исключеніемъ временныхъ колебаній) отъ стоимости производства. Но цѣнность товара, привозимаго изъ далека, въ особенности изъ другой страны, не зависитъ отъ его стоимости производства въ томъ мѣстѣ, откуда онъ привезенъ. Отъ чего же тогда она зависитъ? Цѣнность вещи въ известномъ мѣстѣ зависитъ отъ ея стоимости приобрѣтенія въ этомъ мѣстѣ, которая для ввознаго товара равна стоимости производства вещи, вывозимой въ уплату за ввезеніе.

Такъ какъ всякая торговля, въ дѣйствительности, есть мѣна, а деньги представляютъ лишь орудіе для обмѣна вещей другъ на друга, то для простоты мы начнемъ съ предположенія, что международная торговля ведется въ той формѣ, въ какой она всегда въ дѣйствительности и совершается, т. е. въ формѣ настоящей мѣны одного товара на другой. До сихъ поръ во всемъ нашемъ изслѣдованіи мы находили, что всѣ законы обмѣна въ сущности остаются одинаковыми, все равно, употребляются или не употребляются деньги, потому что послѣднія не управляютъ этими общими законами, а всегда подчинены имъ.

Итакъ, если Англія ввозитъ вино изъ Испаніи, отдавая за каждую бочку его такую холста, то мѣровая цѣнность бочки вина въ Англіи будетъ зависеть не отъ того, сколько стоило производство вина въ Испаніи, а отъ того, сколько стоило производство холста въ Англіи. Хотя въ Испаніи вино, быть можетъ, стоило только десять шей труда, тѣмъ не менѣе, если холстъ стоитъ въ

Англіи двадцатидневнаго труда, то и ввезенное вино будетъ обмѣниваться за продуктъ двадцатидневнаго англійскаго труда плюсъ стоимость перевозки; кромѣ того, къ этому прибавляется и обыкновенная прибыль на капиталъ лица, перевозящаго вино, за все время, пока этотъ капиталъ остается связаннымъ и непригоднымъ для другого примѣненія.

Итакъ, цѣнность иностраннаго товара во всякой странѣ зависитъ отъ того количества внутренняго продукта, какое необходимо отдать чужой странѣ въ обмѣнъ за этотъ товаръ. Другими словами, цѣнности иностранныхъ товаровъ зависятъ отъ условій международного обмѣна. Но отъ чего же зависятъ эти послѣднія? Въ силу какой причины въ предположенномъ случаѣ бочка испанскаго вина обмѣнивается на такое, а не иное количество англійскаго холста? Мы видѣли, что эта причина заключается не въ стоимости ихъ производства. Если бы и вино, и холстъ производились въ Испаніи, они бы обмѣнивались по своей испанской стоимости производства. Если бы оба они производились въ Англіи, они бы обмѣнивались по ихъ англійской стоимости производства; но, если весь холстъ производится въ Англіи, а все вино въ Испаніи, то они обмѣниваются въ Англіи, а все вино въ Испаніи, то они находятся въ такихъ условіяхъ, къ которымъ, какъ мы уже указали раньше, не примѣнимъ законъ стоимости производства. Поэтому мы должны, какъ это мы дѣлали и раньше при подобномъ затрудненіи, прибѣгнуть къ болѣе основному закону, т. е., къ закону спроса и предложенья, и въ немъ мы снова найдемъ рѣшеніе этой задачи.

Я разсмотрѣлъ этотъ вопросъ въ отдѣльной статьѣ, на которую я уже ссылался въ предыдущей главѣ; и отрывокъ изъ приведенныхъ мною въ той работѣ разъясненій можетъ служить наилучшимъ введеньемъ къ изложенію моего настоящаго взгляда на предметъ. Я долженъ замѣтить, что мы теперь находимся въ области самыхъ сложныхъ вопросовъ, какіе только встрѣчаются въ политической экономіи; что этотъ предметъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ никакимъ образомъ нельзя представить въ элементарномъ видѣ, и что въ настоящемъ случаѣ, чтобы слѣдить за рядомъ выводовъ, необходимо болѣе усленное вниманіе, чѣмъ то, какое требовалось до сихъ поръ. Но нить, которой мы намѣрены придерживаться, сама по себѣ очень проста и удобопонятна: единственная трудность въ томъ, чтобы преслѣдить ее во всѣхъ поворотахъ и сплетеніяхъ сложныхъ международныхъ связей.

§ 2. Когда торговля установилась между двумя странами, два товара будутъ обмѣниваться другъ на друга въ обихъ странахъ по одной и той же мѣровой цѣнности, если не считать стоимости провоза, которой въ настоящее время удобнѣе не касаться. Итакъ, допустивъ для доказательства, что провозъ товаровъ изъ одной страны въ другую можетъ совершаться безъ труда и издержекъ, мы найдемъ, что торговля открывается не раньше, чѣмъ цѣнность обоихъ товаровъ, въ нихъ же взаимно и выражаемая, не придетъ къ одному уровню въ обихъ странахъ.

Предположимъ, что 19 ярдовъ сукна стоятъ въ Англіи столько же труда, какъ 15 ярдовъ полотна, а въ Германіи, какъ 20. По-

Слѣдовательно, можно считать доказаннымъ, что, когда двѣ страны обмѣниваются взаимно двумя товарами. Мѣновая цѣнность этихъ товаровъ, по отношенію другъ къ другу, будетъ приспособляться къ склонностямъ и положенію потребителей въ обѣихъ странахъ такимъ образомъ, чтобы количества товаровъ, требуемая каждой изъ этихъ странъ и ввозимая ею изъ другой, были бы вполне достаточны для взаимной уплаты. А такъ какъ склонности и положеніе потребителей нельзя подвести ни подъ какое правило, то нельзя также опредѣлить и пропорціи, въ которой будутъ обмѣниваться эти два товара. Мы знаемъ, что предѣлами, въ которыхъ происходитъ колебаніе, служатъ: пропорція между ихъ стоимостями производства въ одной странѣ и пропорція между ихъ стоимостями производства въ другой странѣ. Десять ярдовъ сукна не могутъ обмѣниваться ни больше, чѣмъ за 20, и ни меньше, чѣмъ за 15 ярдовъ полотна. Но они могутъ обмѣниваться за любое среднее между этими числами. Такимъ образомъ числовыя отношенія, въ которыхъ выгода торговли можетъ раздѣляться между двумя націями, бываютъ различны. Болѣе отдаленныя условія, отъ которыхъ зависитъ доля выгоды каждой страны, возможно опредѣлить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Возможно даже представить себѣ крайній случай, въ которомъ вся выгода, происходящая отъ обмѣна, получалась бы одной страной, а другая страна вовсе ничего бы не выигрывала. Ничего нѣтъ невозможнаго въ предположеніи, что какого нибудь товара требуется по всякой цѣнѣ только лишь опредѣленное количество; и что, разъ это количество получено, никакое пониженіе мѣновой цѣнности не вызоветъ новыхъ потребностей, и не заставитъ тѣхъ, которые уже имѣютъ этотъ товаръ, покупать его больше. Положимъ, что таково требованіе на сукно въ Германіи. До начала торговли съ Англіей, когда 10 ярдовъ сукна стоили въ Германіи столько же труда, какъ 20 ярдовъ полотна, она тѣмъ не менѣе потребляла такое же количество сукна, какое ей нужно и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ; и, если бы она могла получить его въ количествѣ 10 ярдовъ за каждые 15 ярдовъ полотна, то и тогда она не потребляла бы его больше прежняго. Пусть это опредѣленное количество будетъ 1000 разъ по 10 ярдовъ. Но допустимъ, что по цѣнѣ 10 ярдовъ за 20 Англія пожелала бы полотна на сумму, большую той, какая была бы равноцѣнна этому количеству сукна. Поэтому Англія предложила бы болѣе высокую цѣнность за полотно, или, что одно и то же, предложила бы свое сукно по болѣе дешевой цѣнѣ. Но такъ какъ никакимъ понижениемъ цѣны сукна она не могла бы заставить Германію брать большее количество его, то не было бы никакихъ границъ вздорожанію полотна, или паденію цѣнности сукна, пока требованіе Англіи на полотно, вслѣдствіе вздорожанія его, не сократилось бы до какого количества, какимъ можно купить 1000 разъ по 10 ярдовъ сукна. Быть можетъ, для того, чтобы произвести такое сокращеніе въ спросѣ было бы необходимо такое пониженіе цѣнности сукна, при которомъ 10 ярдовъ этого товара обмѣнивались бы на 15 ярдовъ полотна. Тогда Германія получала бы

всю выгоду, а Англія осталась бы совершенно въ такомъ положеніи, какъ и до ачала торговли. Но въ интересахъ самой Германіи былъ бы держать свое полотно нѣсколько ниже той цѣнности, по какой оно могло быть произведено въ Англіи для того, чтобы предохранить свою торговлю отъ подрыва англійскими производителями. Такимъ образомъ Англія была бы до известной степени въ выгоду отъ существованія торговли, хотя, быть можетъ, эта выгода была бы очень незначительна.

Я думаю, что въ только что изложенномъ и заключающемся первыи, элементарный принципъ международной цѣнности. Я предполагаю здѣсь, какъ это и неизбѣжно въ подобныхъ отвлеченныхъ и гипотетическихъ заключеніяхъ, что обстоятельства гораздо менѣе сложны, чѣмъ они бываютъ въ дѣйствительности: во-первыхъ, я опускалъ стоимость перевозки; затѣмъ, я предполагалъ, что ведутъ торговлю между собой только двѣ страны; и, наконецъ, что они обмѣниваются только двумя товарами. Чтобы изложеніе принципа было полно, необходимо возстановить эти разнообразныя условія, временно опущенныя для упрощенія доказательства. Люди, привыкшіе ко всякаго рода научнымъ изслѣдованіямъ, вѣроятно, и безъ особаго доказательства увидятъ, что введеніе этихъ условій не можетъ измѣнить теоріи вопроса. Торговля нѣсколькими товарами между нѣсколькими странами должна совершаться по тѣмъ же основнымъ принципамъ, какъ и торговля двумя товарами между двумя странами. Введеніе болѣе значительнаго числа совершенно сходныхъ силъ не можетъ измѣнить закона ихъ дѣйствій такъ же, какъ не можетъ измѣнить закона тяготѣнія прибавка тяжести на обѣ чашки вѣсовъ. Все это измѣняетъ только числовыя выводы. Но для большей убѣдительности, мы займемся разсмотрѣніемъ сложныхъ случаевъ съ такой же подробностью, съ какой мы изложили простѣйшій.

§ 3. Во-первыхъ, введемъ элементъ стоимости провоза. Тогда главная разница будетъ состоять въ томъ, что сукно и полотно болѣе не будутъ обмѣниваться совершенно въ одинаковой пропорціи въ обѣихъ странахъ. Полотно, которое будетъ привозиться въ Англію, будетъ въ ней дороже на стоимость его провоза; а сукно будетъ дороже въ Германіи на стоимость провоза его изъ Англіи. Полотно, по оцѣнкѣ его на сукно, будетъ дороже въ Англіи, нежели въ Германіи на стоимость перевозки обомъ товаровъ, и тоже будетъ съ сукномъ въ Германіи, по оцѣнкѣ его на полотно. Допустимъ, что провозъ каждаго изъ нихъ стоитъ одного ярда полотна; и предположимъ, что если бы ихъ провозъ ничего не стоилъ, порція обмѣна была 10 ярдовъ сукна за 17 яр. полотна. Сразу можно подумать, что каждая страна будетъ платить свою стоимость провоза, т. е. провоза, ввозимыхъ ею, товаровъ; что въ Германіи провоза, т. е. провоза, ввозимыхъ ею, товаровъ; что въ Германіи 10 ярдовъ сукна будутъ обмѣниваться за 18 ярдовъ полотна; а по-именно, за первоначальныхъ 17 и за одинъ, который плетъ на покрытіе стоимости провоза сукна; а въ Англіи на 10 ярдовъ сукна будетъ покупаться только 16 ярдовъ полотна, потому что одинъ ярдъ полотна вычитается на стоимость его провоза. Но утверждать

между Англией и какойнибудь другой страной, также вывозящей полотно. И предположим, что если бы Англия вела торговлю только съ этой третьей страной, условия международного спроса дали бы первой возможность получать изъ этой страны за 10 ярдовъ сукна, или за какуюнибудь равноцѣнную пмъ вещь, 17 ярдовъ полотна. Очевидно, Англия не стала бы покупать полотна въ Германіи по прежней цѣнѣ; германская торговая полотною была бы подорвана, и Германія должна была бы согласиться давать 17 ярдовъ, какъ и другая страна. Въ этомъ случаѣ предполагается, что условия производства и спроса въ третьей странѣ сами по себѣ болѣе выгодны для Англии, чѣмъ тѣ же условия въ Германіи. Но это не должно быть необходимо такъ; можно предположить, что если бы не было торговли съ Германіей, Англия была бы принуждена давать другой странѣ такая же выгода, какия она даетъ Германіи: 10 ярдовъ сукна за 16 или даже менѣе, чѣмъ за 16 ярдовъ полотна. Даже при такихъ условіяхъ открытіе торговли съ третьей страной производить большую переѣну въ пользу Англии. Теперь существуетъ двойной рынокъ для Англійскаго экспорта, тогда какъ спросъ Англии на полотно остается такимъ же, какъ и прежде. А это необходимо доставляетъ Англии болѣе выгодныя условия обмѣна. Двѣ страны, требующія гораздо большаго количества ея продукта, нежели требовалось каждой въ отдѣльности, для того, чтобы получить его, должны вызвать увеличение спроса на вывозимые имъ товары, предлагая послѣдніе по пониженной цѣнности.

Надобно замѣтить, что это благоприятное для Англии послѣдствие открытія другого рынка для ея экспорта получилось бы одинаково даже и тогда, если бы страна, которая заявляетъ спросъ, ничего бы не имѣла для продаж такого, что Англия желала бы покупать. Предположимъ, что третья страна, хотя и требуетъ сукно и желѣзо изъ Англии, но не производитъ ни полотна, ни какоголибо другого товара, пользующагося спросомъ въ Англии. Однако же, эта страна производитъ какіенибудь вывозимые товары, иначе бы она не имѣла средствъ платить за товары, ввозимые ею: ея вывозимые товары, хотя и не пригодные для англійскихъ потребителей, могутъ найти сбытъ въ какойнибудь другой странѣ. Такъ какъ мы предположили три страны, то мы должны принять, что третья найдетъ этотъ сбытъ въ Германіи и будетъ уплачивать за свой ввозъ ордерами на своихъ германскихъ потребителей. Слѣдовательно, Германія, кромѣ обязательства уплачивать Англии за свой ввозъ, теперь должна уплачивать ей за эту третью страну, а средства для этихъ двойныхъ платежей должны быть получены съ вывозимаго Германіей продукта. Поэтому она должна предлагать этотъ продуктъ Англии на условіяхъ, достаточно выгодныхъ для того, чтобы вызвать спросъ, равноцѣнный этому двойному долгу. Все будетъ совершаться точно такъ, какъ будто бы третья страна покупала германскій продуктъ на свои собственные товары и предлагала бы этотъ продуктъ Англии въ обмѣнъ за ея товары. Въ результатѣ увеличится спросъ на предметы англійскаго вывоза, уплату за которые должны доставить германскіе товары; а это можетъ быть

достигнуто лишь увеличеніемъ спроса на послѣдніе въ Англии, т. е. пониженіемъ ихъ цѣнности. Такимъ образомъ, увеличеніе спроса въ какойнибудь чужой странѣ на товары, вывозимые извѣстной страной, даетъ возможность послѣдней получать дешевле даже тѣ товары, которые она вывозитъ изъ другихъ мѣстностей. И наоборотъ, увеличеніе ея спроса на какойнибудь иностранный товаръ принуждаетъ ее, *caeteris paribus*, платить дороже за всѣ иностранные товары.

Законъ, который мы только что разъяснили, можетъ быть съ полнымъ правомъ названъ уравненіемъ международного спроса. Кратко онъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: продуктъ одной страны обмѣивается за продуктъ другихъ странъ по такимъ цѣностямъ, какия необходимы для того, чтобы вся масса ея вывоза могла въ точности оплачивать всю массу ея ввоза. Этотъ законъ международныхъ цѣнностей есть ничто иное, какъ примѣненіе болѣе общаго закона, который мы назвали уравненіемъ предложенія и спроса*). Мы видѣли, что цѣнность товара всегда приспособляется такъ, чтобы спросъ достигъ какъ разъ одного уровня съ предложеніемъ. Но всякая торговля, какъ между націями, такъ и между отдѣльными лицами, есть ничто иное, какъ обмѣнъ товаровъ, въ которомъ вещи, предназначенныя для продажъ каждою изъ этихъ сторонъ, служатъ для нея также и средствомъ покупки; предложеніе, доставляемое одной стороной, есть ея спросъ на то, что доставляется другой стороной. Такимъ образомъ, терминъ «предложеніе и спросъ» есть только особое выраженіе для понятія «взаимный спросъ», и говорить, что цѣнность будетъ приспособляться такъ, чтобы спросъ уравнивался съ предложеніемъ, въ действительности значитъ то же, что она будетъ приспособляться такъ, чтобы спросъ съ одной стороны уравнивался со спросомъ съ другой.

§ 5. Изученіе этого закона международныхъ цѣнностей, во всѣхъ его широко-разнообразныхъ послѣдствіяхъ, заняло бы больше мѣста, чѣмъ сколько можно посвятить здѣсь для такой цѣли. Но я упомяну объ одномъ изъ его примѣненій: оно само по себѣ имѣетъ важное значеніе, затѣмъ оно имѣетъ отношеніе къ вопросу, которымъ мы занимаемся въ слѣдующей главѣ, и, кромѣ того, оно ведетъ къ болѣе полному и ясному пониманію самого закона.

Мы видѣли, что цѣнность, по которой страна покупаетъ заграничный товаръ, не согласуется со стоимостью его производства въ странѣ, изъ которой онъ получается. Предположимъ теперь, что произойдетъ переѣна въ этой стоимости производства, напримѣръ, сдѣлано какоенибудь улучшеніе въ процессѣ фабрикаціи. Воспользуются ли вполне другія страны выгодой отъ этого улучшенія? Будетъ ли товаръ продаваться за границей настолько же дешево. насколько дешевле сдѣлалось его производство на мѣстѣ? Этотъ вопросъ и соображенія, необходимыя его рѣшенія, очень удобны для для проверки теоріи.

*) Кв. III, гл. II, § 4.

Предположимъ, во-первыхъ, что улучшение создастъ новую отрасль экспорта, что оно заставляетъ иностранцевъ обращаться въ страну за товаромъ, который прежде они производили у себя. При такомъ предположеніи иностранный спросъ на продукты страны увеличивается; а это неизбежно измѣнитъ международныя цѣнности въ пользу этой страны и въ ущербъ другимъ странъ, которыя поэтому, хотя и участвуютъ въ выгоду отъ новаго продукта, все же должны покупать эту выгоду, платя за всѣ остальные продукты страны дороже прежняго. На сколько дороже—это будетъ зависеть отъ того, какое повышение въ цѣнѣ необходимо для возстановленія при этихъ новыхъ условіяхъ уравненія международного спроса. Эти послѣдствія совершенно очевидно вытекаютъ изъ закона международныхъ цѣнностей, и я не буду тратить мѣста на разъясненіе ихъ, а перейду къ болѣе обыкновенному случаю улучшения, которое не создастъ новую статью вывоза, а только понижаетъ стоимость производства вывозившагося товара.

Такъ какъ при обсужденіи такого сложнаго явленія удобно употреблять опредѣленные числовыя величины, то мы и возвратимся къ нашему первоначальному примѣру. Производство 10 ярдовъ сукна въ Германіи потребовало бы такого же количества труда и капитала, какъ 20 ярдовъ полотна; но, благодаря условіямъ международного обмена, сукно можно получить изъ Англіи за 17. Предположимъ, что благодаря механическому улучшенію, которое произведено въ Германіи и которое нельзя перенести въ Англію, тѣмъ же количествомъ труда и капитала, какимъ прежде производилось 20 ярдовъ полотна, теперь можно производить 30. Полотно падаетъ на германскомъ рынкѣ на треть своей цѣности сравнительно съ другими товарами, произведенными въ Германіи. Упадеть ли оно также на одну треть и по сравненію съ англійскимъ сукномъ, и получить ли Англія такимъ образомъ, сообщая съ Германіей, всю выгоду отъ улучшения? Или не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что такъ какъ стоимость полученія полотна для Англіи до сихъ поръ не зависѣла отъ стоимости производства его въ Германіи, и такъ какъ Англія, поэтому, не получала полной выгоды даже тогда, когда Германія могла давать 20 ярдовъ за 10 ярдовъ сукна,—то почему бы она теперь не получала больше лишь отъ того, что эта теоретическая граница отодвинулась на десять ступеней дальше?

Очевидно, что вначалѣ улучшение цѣности полотна въ Германіи относительно всѣхъ другихъ товаровъ германскаго рынка, а между прочимъ и относительно ввознаго товара—сукна. Если прежде 10 ярдовъ сукна обмѣнивались за 17 ярд. полотна, то теперь они будутъ обмѣниваться за количество, въ полтора раза большее, или за $25\frac{1}{2}$ ярдовъ. Но установится ли прочно такой обмѣнъ, это зависитъ отъ вліянія, какое это удешевленіе полотна произведетъ на международный спросъ. Спросъ на полотно въ Англіи почти навѣрное увеличится. Но онъ можетъ увеличиться или въ одной и той же пропорціи съ удешевленіемъ, или же въ большей, или въ меньшей.

Если спросъ увеличится въ одной и той же пропорціи съ удешевленіемъ, Англія будетъ брать такое же число по $25\frac{1}{2}$ ярдовъ, какое прежде она брала по 17. На покупку полотна она израсходуетъ столько же сукна или вещей, равноцѣнныхъ ему, словомъ, такую же часть общаго народнаго дохода, какъ и прежде. Германія, съ своей стороны, будетъ требовать по такой мѣнновой цѣности то же количество сукна, какъ и прежде, потому что въ действительности оно ей будетъ стоить совершенно одно и то же, что и раньше стоило. Следовательно, въ этомъ случаѣ пропорція 10 ярдовъ сукна за $25\frac{1}{2}$ ярдовъ полотна будетъ той мѣнновой цѣнностью, которая при этихъ новыхъ условіяхъ возстановитъ уравненіе международного спроса; Англія получитъ полотно на треть дешевле прежняго и такимъ образомъ получитъ отъ улучшения въ производствѣ такую же выгоду, какъ и Германія.

Но можетъ случиться, что, благодаря такому сильному удешевленію полотна, спросъ на него въ Англіи увеличится въ большей пропорціи, чѣмъ полотно подешевѣло, и если раньше Англія требовала 1000 разъ по 17 ярдовъ, то теперь для удовлетворенія ея спроса потребуется больше, чѣмъ 1000 разъ по $25\frac{1}{2}$ ярд. Въ такомъ случаѣ уравненіе международного спроса не можетъ установиться при только что указанной пропорціи обмѣна: для уплаты за полотно Англія должна предлагать сукно на болѣе выгодныхъ условіяхъ, положимъ, напримѣру, 10 ярд. за 21 ярдъ полотна; такъ что она не будетъ имѣть полной выгоды отъ улучшения въ производствѣ полотна, тогда какъ Германія, въ придачу къ этой выгодѣ, будетъ платить меньше за сукно. Но возможно также, что Англія не пожелаетъ увеличивать свое потребление полотна даже и въ той пропорціи, въ какой оно удешевлилось; она можетъ не пожелать количества, равнаго 1000 разъ по $25\frac{1}{2}$ ярдовъ. Въ такомъ случаѣ Германія должна будетъ добиваться успешнаго спроса на полотно, предлагая болѣе $25\frac{1}{2}$ ярдовъ его за 10 ярдовъ сукна; полотно въ Англіи подешевѣетъ еще въ большей степени, чѣмъ въ Германіи; а между тѣмъ Германія будетъ получать сукно на условіяхъ менѣе выгодныхъ и по болѣе высокой мѣнновой цѣности.

Послѣ всего уже сказаннаго, нѣтъ необходимости подробно излагать, какимъ образомъ эти результаты были бы измѣнены отъ введенія въ гипотезу другихъ странъ и другихъ товаровъ. Есть еще другое обстоятельство, могущее также измѣнить ихъ. Въ предположенномъ примѣрѣ, вслѣдствіе удешевленія полотна, у германскихъ потребителей освободилась часть дохода, которую, правда, они могутъ израсходовать, увеличивая свое потребление этого товара, но могутъ также израсходовать и на другіе товары, между прочимъ на сукно, или на какіе нибудь другіе предметы ввоза. Это было бы новымъ элементомъ въ международномъ спросѣ и болѣе или менѣе измѣнило бы условія обмѣна.

Которое изъ трехъ возможныхъ видоизмѣненій вліянія дешевизны на спросъ наиболѣе вѣроятно, то ли, что спросъ увеличивается больше, чѣмъ пропорціонально удешевленію, или въ одной съ нимъ пропорціи, или въ меньшей? Это зависитъ отъ характера извѣстнаго товара и отъ вкусовъ покупателей. Если товаръ тре-

буется вообще всѣмъ, и паденіе его цѣны дѣлаетъ его доступнымъ гораздо большому числу различныхъ доходовъ, чѣмъ прежде, то спросъ нерѣдко увеличивается въ большей пропорціи, нежели понижалась цѣна, и въ общемъ на этотъ товаръ расходуется болѣе крупная сумма денегъ. Такъ было съ кофе, когда его цѣна понижалась, благодаря послѣдовательнымъ уменьшеніямъ таможенной пошлины. То же было бы по всей вѣроятности, съ сахаромъ, виномъ и съ обширнымъ классомъ товаровъ, потребленіе которыхъ широко распространено, несмотря на то, что они и не составляютъ предметовъ необходимости; когда эти товары дешевле, потребитель позволяетъ себѣ расходовать на нихъ больше, когда же они дороги, онъ сокращаетъ цѣхъ потребленіе. Но чаще случается, что, при удешевленіи товара, на него расходуется денегъ меньше прежняго: потребляемое количество больше, но оно заключаетъ въ себѣ меньшую цѣнность. Потребитель, сберегая деньги вслѣдствіе удешевленія товара, вѣроятно, будетъ расходовать часть сбереженія на увеличеніе своего потребленія другихъ товаровъ; и если низкая цѣна не привлечетъ болѣе обширный классъ новыхъ покупателей, которые или вовсе не потребляли этого товара, или потребляли его въ небольшомъ количествѣ и случайно, то на него будетъ, въ общемъ, расходоваться меньшая сумма. Поэтому, говоря вообще, изъ нашихъ трехъ случаевъ послѣдній наиболѣе вѣроятенъ; и всякое улучшеніе въ производствѣ вывозимаго товара, по всей вѣроятности, будетъ также выгодно (если не выгоды) для чужихъ странъ, какъ и для страны, производящей товаръ.

§ 6. Этимъ и заканчивалась теорія международныхъ цѣнностей въ первомъ и во второмъ изданіяхъ этого произведенія. Но основательныя возраженія ученыхъ (главнымъ образомъ, моего друга, Вильяма Торнтона) и мои дальнѣйшія изслѣдованія показали мнѣ, что ученіе, изложенное на предыдущихъ страницахъ, хотя само по себѣ и справедливо, однако не исчерпываетъ всей сущности предмета.

Мы уже доказали, что ввозъ и вывозъ между двумя странами (или, если мы предположимъ болѣе двухъ странъ,—между данной страной и всѣмъ міромъ), въ общемъ, должны оплачиваться другъ друга и, слѣдовательно, ввезенные товары должны обмѣниваться на вывезенные по такимъ цѣностямъ, которыя были бы совместимы съ уравненіемъ международнаго спроса. Но то соображеніе, что нѣсколько различныхъ величинъ международныхъ цѣнностей могутъ одинаково удовлетворять требованіямъ этого закона, показываетъ, что онъ еще не вполне выясненъ.

Мы предполагали, что Англія могла производить 10 ярдовъ сукна съ такимъ же количествомъ труда, какъ 15 ярдовъ полотна, а Германія съ тѣмъ же количествомъ труда, какъ 20 ярдовъ полотна: что открылась торговля между этими двумя странами, и что съ этого времени Англія производила только сукно, а Германія—только полотно. Затѣмъ мы допустили, что если 10 ярдовъ сукна обмѣниваются за 17 ярдовъ полотна, то Англія и Германія совершенно удовлетворяютъ взаимный спросъ; такъ что, напримѣръ, если

бы Англія потребовала по такой цѣнѣ 17000 ярдовъ полотна, то Германія требовала бы 10000 ярдовъ сукна, которые по такой цѣнѣ нужно было бы Англіи дать за полотно; при такомъ предположеніи казалось, что пропорція 10 ярдовъ сукна за 17 ярдовъ полотна, въ дѣйствительности, должна выражать международныя цѣнности.

Но вполне возможно, что какая нибудь другая пропорція, какъ примѣръ, 10 ярдовъ сукна за 18 ярдовъ полотна будетъ также выполнять условія, необходимыя для уравненія международнаго спроса. Предположимъ, что по послѣдней цѣнѣ Англія потребовала бы полотна больше, чѣмъ по цѣнѣ 10 за 17: но это увеличеніе ея спроса, допустимъ, не будетъ пропорціонально удешевленію; такъ что Англія потребовала бы не 18000 ярд., которые теперь она могла бы купить за 10000 ярдовъ сукна, а удовлетворилась бы 17,500, за которые заплатила бы (по новой цѣнѣ 10 за 18) 9722 ярда сукна. Съ другой стороны, Германія, принужденная платить дороже за сукно, чѣмъ тогда, когда она могла его покупать по 10 за 17, вѣроятно, сократила бы свое потребленіе до суммы ниже 10000, быть можетъ, до того же самаго числа, т. е. до 9722. При этихъ условіяхъ все таки существовало бы уравненіе международнаго спроса. Такимъ образомъ цѣны 10 за 17 и 10 за 18 одинаково бы удовлетворяли уравненію спроса: и такимъ же способомъ могли бы удовлетворять ему многія другія пропорціи обмѣна. Понятно, что этимъ условіямъ можетъ удовлетворять всякая числовая пропорція, какую бы мы не предположили. Слѣдовательно, есть нѣкоторая неопредѣленность въ величинѣ, къ какой приспособляются международныя цѣнности, свидѣтельствующая о томъ, что до сихъ поръ мы еще не приняли во вниманіе всѣхъ, оказывающихъ вліяніе, обстоятельствъ.

§ 7. Мы увидимъ, что, для пополненія этого недочета, слѣдуетъ принимать во вниманіе не только, требуемая каждой страной, количества ввозныхъ товаровъ, какъ мы это дѣлалъ раньше, но также и размѣръ тѣхъ средствъ для удовлетворенія спроса, которыя освобождаются въ каждой странѣ вслѣдствіе перемены въ направленіи ея промышленности.

Чтобы облегчить пониманіе этого вопроса, необходимо взять болѣе удобныя цифры, чѣмъ тѣ, которыя мы до сихъ поръ брали. Предположимъ, что въ Англіи до начала торговли 100 ярдовъ сукна обмѣнивались на 100 ярдовъ полотна, а въ Германіи 100 ярдовъ сукна обмѣнивались на 200 ярдовъ полотна. Когда открылась торговля, Англія стала снабжать сукномъ Германію, а Германія полотномъ Англію по извѣстной мѣновой цѣнности, которая зависитъ отчасти отъ уже указаннаго нами элемента, а именно, отъ того, насколько въ обѣихъ странахъ увеличится спросъ на ввозимые товары вслѣдствіе удешевленія послѣднихъ, а отчасти отъ какого то другого элемента, котораго мы еще не приняли въ расчетъ. Чтобы изолировать этотъ неизвѣстный элементъ, необходимо слѣдовать нѣкоторое опредѣленное и неизмѣнное предположеніе относительно неизвѣстнаго. Поэтому положимъ, что вліяніе удешевленія товара на спросъ подчинено какому нибудь простому закону, общему

для обѣихъ странъ и обонхъ товаровъ. Проще и удобнѣе всего будетъ предположить, что въ обѣихъ странахъ всякое данное пониженье цѣны производить совершенно пропорціональное ему увеличеніе потребленія; или, другими словами, что цѣнность, расходуемая на товаръ, издержки, сдѣланныя ради полученія его, будутъ всегда одинаковы, не зависимо отъ того, доставляютъ ли эти издержки большее или меньшее количество товара.

Предположимъ теперь, что Англія до начала торговли требовала миллионъ ярдовъ полотна, стоившій по англійской стоимости производства миллионъ ярдовъ сукна. Обращая весь трудъ и капиталъ, произволившій полотно, на производство сукна, она бы произвела для экспорта миллионъ ярдовъ сукна. Допустимъ, что это и есть именно то количество, какое Германия привыкла потреблять. Англія можетъ продать все это сукно въ Германию по германской цѣнѣ: правда, вначалѣ она должна будетъ брать нѣсколько меньше, пока не вытѣснитъ съ рынка германскихъ производителей: но какъ скоро это будетъ достигнуто, она можетъ продавать свой миллионъ ярдовъ сукна за два миллиона ярдовъ полотна, составляющіе то количество, которое германскіе суконники будутъ въ состояніи приготовить, перенеся весь свой трудъ и капиталъ отъ производства сукна на производство полотна. Такимъ образомъ Англія получила бы всю выгоду отъ торговли, а Германия ничего. Это было бы исполнѣе совмѣстимо съ уравненіемъ международнаго спроса; потому что Англія (по гипотезѣ, предложенной въ предыдущемъ параграфѣ) теперь требуетъ два миллиона ярдовъ полотна (получивъ возможность получать ихъ за ту же стоимость, за какую прежде получала лишь одинъ миллионъ): тогда какъ Германия, въ которой цѣны не изменились, требуетъ по прежнему ровно миллионъ ярдовъ сукна, и можетъ получить его, употребивъ трудъ и капиталъ, освободившіеся отъ производства сукна, на производство требуемыхъ Англіей двухъ миллионъв полотна.

До сихъ поръ мы предполагали, что добавочное количество сукна, которое Англія могла-бы приготовить, перенеся на производство сукна весь капиталъ, прежде затрачивавшійся на приготовленіе полотна, исполнѣе соответствуетъ всему существующему въ Германию спросу. Но предположимъ теперь, что оно превышаетъ спросъ. Предположимъ, что Англія можетъ приготовить, съ помощью своего освобожденнаго капитала, для вывоза миллионъ ярдовъ сукна; но спросъ Германии на сукно до сихъ поръ не превышаетъ 800000 ярдовъ, равноцѣнныхъ по германской стоимости производства 1,600,000 ярдовъ полотна. Слѣдовательно, Англія не могла-бы сбыть въ Германию весь миллионъ ярдовъ сукна по германскимъ цѣнамъ. Однако, по нашему предположенію, Англія требуетъ, все равно, дешево или дорого, такое количество полотна, какое можно купить на миллионъ ярдовъ сукна; а такъ какъ его можно получить только изъ Германию или съ помощью болѣе дорогого процесса производства у себя дома, то владельцы миллиона ярдовъ сукна, въ силу соперничества между собою, будутъ принуждены предлагать свой товаръ Германию на ка-

кихъ-нибудь такихъ условіяхъ (приближающихся къ англійской стоимости производства), которыя-бы побуждали Германию взять все это количество. Каковы будутъ эти условія, мы можемъ точно опредѣлить на основаніи сдѣланнаго нами предположенія. Стоимость потреблявшихся Германией 800000 ярдовъ сукна была равна для нея стоимостью 1,600,000 ярдовъ полотна, и эта неизмѣнная стоимость составляла все, что Германия была расположена тратить на сукно, все равно, будетъ-ли полученное такимъ образомъ количество его больше или меньше. Поэтому Англія, чтобы побудить Германию взять миллионъ ярдовъ сукна, должна предложить его за 1,600,000 ярдовъ полотна. Итакъ, международныя цѣнности выразятся пропорціей 100 ярдовъ сукна за 160 ярдовъ полотна, т. е. составляютъ нѣкоторую среднюю величину между пропорціей стоимости производства сукна и полотна въ Англіи и пропорціей стоимостей производства тѣхъ-же товаровъ въ Германию; и обѣ страны будутъ раздѣлять выгоду отъ торговли: Англія выиграетъ въ итогъ 600,000 ярдовъ полотна, а Германия станетъ богаче на добавочные 200,000 ярдовъ сукна.

Теперь расширимъ наше послѣднее предположеніе еще дальнѣе и предположимъ, что количество сукна, потреблявшееся до сихъ поръ въ Германию, не только вообще меньше миллиона ярдовъ, которые Англія можетъ доставить, прекративъ свое производство полотна, но, что оно меньше этого количества во столько разъ, во сколько производство сукна обходится дороже въ Германию, чѣмъ въ Англію, т. е., допустимъ, что Германия требовала до сихъ поръ только полъ-милліона ярдовъ. Въ такомъ случаѣ, прекративъ окончательно производство полотна, Англія можетъ увеличить свое производство сукна, но только на миллионъ, и этотъ миллионъ будучи равноцѣненъ тому, что прежде ей стоило полъ-милліона ярдовъ сукна, составляетъ все то, что се можетъ побудить какая-бы то ни было дешевизна тратить на сукно. Англія своимъ собственнымъ соперничествомъ будетъ принуждена отдавать весь миллионъ ярдовъ сукна за этотъ миллионъ ярдовъ полотна совершенно такъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ она была принуждена отдавать за 160000. Но по такой стоимости Англія могла-бы произвести сама для себя миллионъ ярдовъ полотна. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ Англія не получаетъ никакой выгоды отъ международной торговли. Вся выгода достается на долю Германию, которая получаетъ за ту-же сумму, что и прежде, вмѣсто полумилліона, миллионъ ярдовъ сукна. Словомъ, Германия въ этомъ третьемъ случаѣ находится совершенно въ такомъ-же положеніи, какъ Англія въ первомъ, что можно легко проверить, переставивъ цифры.

Общій выводъ изъ этихъ трехъ случаевъ можно представить въ видѣ теоремы, которая, при сдѣланномъ нами предположеніи, что спросъ возрастаетъ во столько разъ, во сколько понижается цѣна, слѣдующимъ образомъ выражаетъ законъ международной цѣнности.—

Все количество сукна, которое можетъ приготовить Англія съ капиталомъ, ухваченнымъ раньше на приготовленіе полотна, будетъ

изъ этихъ количествъ въ точности обмѣнивалось на другое, то спросъ Англій, по нашему теперешнему предположенію, былъ-бы совершенно удовлетворенъ, потому-что она требуетъ все то количество полотна, которое можно получить за миллионъ ярдовъ сукна; но Германия, хотя она и требовала 800000 ярд. сукна по стоимости, равняющейся 1,600,000 ярдамъ полотна, быть можетъ, не захочетъ взять цѣлаго миллиона, несмотря на то, что онъ ей можетъ достаться по той-же стоимости; или можетъ потребовать больше миллиона. Сначала предположимъ, что она требуетъ меньше миллиона, а именно, лишь столько, сколько можно купить за 1,500,000 ярдовъ полотна. Англія все-же будетъ предлагать миллионъ и за эти 1,500,000 ярдовъ; но даже такое предложеніе можетъ не побудить Германию взять цѣлаго миллиона; и если Англія будетъ продолжать расходовать совершенно ту-же цѣнность на полученіе полотна, какова-бы ни была его цѣна, то она принуждена будетъ согласиться брать за свой миллионъ сукна всякое количество полотна (только не меньшее миллиона), какое можетъ быть необходимо, чтобы побудить Германию взять весь миллионъ ярдовъ сукна. Предположимъ, что это количество будетъ 1,400,000 ярд. Англія теперь получила отъ торговли выгоду не въ 600,000, а лишь 400000 ярд. полотна; тогда какъ Германия, кромѣ полученнаго ею припуска въ 200,000 ярдовъ сукна, еще имѣетъ и ту выгоду, что онъ ей достался за $\frac{7}{8}$ труда и капитала, которые она прежде тратила на снабженіе себя сукномъ, и остальную $\frac{1}{8}$ можетъ израсходовать на увеличеніе своего потребленія полотна или какого нибудь другого товара.

Предположимъ, наоборотъ, что Германия, по цѣнѣ миллионъ ярд. сукна за 1,600,000 ярд. полотна, требуетъ больше миллиона ярд. сукна. Въ Англіи есть не больше миллиона ярдовъ сукна, который она можетъ отдать, не сокращая количества, оставшагося прежде для своего потребленія. Германия, чтобы получить излишекъ сукна, должна предлагать цѣну, больше чѣмъ 160 за 100, пока не дойдетъ до цѣны (положимъ 170 за 100), которая или заставитъ ее спросъ на сукно сократиться до предѣльныхъ миллиона ярдовъ, или побудитъ Англію отдавать некоторую часть сукна, прежде употреблявшагося въ ней.

Теперь, вмѣсто того, чтобы допускать, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, что спросъ возрастаетъ въ одной изъ этихъ странъ пропорціонально понижению цѣны товара, мы предположимъ, что такой пропорціональности вовсе нѣтъ, и что отклоненія отъ нея одинаковы въ обоихъ странахъ, такъ что, напримѣръ, ни одна изъ нихъ не увеличиваетъ своего спроса во столько разъ, во сколько дешевѣетъ товаръ. Въ такомъ случаѣ по цѣнѣ одного миллиона ярдовъ сукна за 1,600,000 ярд. полотна Англія не потребуетъ всѣхъ 1,600,000 ярд. полотна, а Германия всего миллиона ярдовъ сукна, и если спросъ этихъ странъ представляетъ одинаковую дробь этихъ количествъ—если Англія требуетъ только $\frac{9}{10}$ 1,600,000 ярд. полотна (1,440,000), а Германия только 900,000 ярд. сукна—то обмѣнъ будетъ продолжаться по прежней цѣнѣ. Тоже будетъ, если Англія потребуетъ на $\frac{1}{10}$ больше 1,600,000, а Германия на $\frac{1}{10}$ больше миллиона. Такое

совпаденіе обстоятельствъ, предполагающее, какъ слѣдуетъ замѣтить, что спросъ расширяется въ известномъ соотношеніи съ удешевленіемъ, а не въ одной пропорціи съ нимъ*), очевидно можетъ быть только случайнымъ; и во всякомъ другомъ случаѣ для уравненія международнаго спроса потребовалось-бы иное приспособленіе между народными цѣнностями.

Итакъ, можно вывести только слѣдующій общій законъ: цѣнности, по которымъ данная страна обмѣнивается своимъ продуктомъ съ другими странами, зависятъ отъ двухъ вещей: во-первыхъ, отъ размѣра и растяжимости спроса этихъ странъ на ее товары, сравнительно съ ее спросомъ на ихъ товары; и во-вторыхъ, отъ величины капитала, который освобождается отъ внутренняго производства продуктовъ, предназначенныхъ для мѣстнаго потребленія. Чѣмъ больше иностранный спросъ на товары этой страны превышаетъ ее спросъ на иностранные товары и чѣмъ меньше можетъ она освободить капиталъ на производствѣ для заграничныхъ рынковъ по сравненію съ тѣмъ капиталомъ, который иностранцы освобождаютъ на производствѣ для рынковъ, тѣмъ болѣе благоприятны будутъ для нея условія обмѣна, т. е. тѣмъ больше будетъ получать она иностранныхъ товаровъ за данное количество своихъ.

Но эти два, оказывающія вліяніе, условія въ дѣйствительности сводятся къ одному, въ виду того, что капиталъ, который страна можетъ освободить отъ внутренняго производства продуктовъ, предназначенныхъ для мѣстнаго потребленія, всегда пропорціоналенъ ее спросу на иностранные товары: какую-бы часть общей массы своихъ доходовъ она ни расходовала на покупку заграничныхъ товаровъ, точно такая часть ее капитала не будетъ имѣть сбыта для своего продукта внутри страны. Такимъ образомъ новый элементъ, введенный нами ради научной точности въ теорію международныхъ цѣнностей, какъ кажется, не производитъ никакой существенной разницы въ практическомъ результатѣ. Все-же мы приходимъ къ тому заключенію, что странами, ведущими на самыхъ выгодныхъ условіяхъ свою иностранную торговлю, будутъ тѣ, товары которыхъ пользуются самымъ большимъ спросомъ за границей, и которые сами требуютъ наименьшее количество иностранныхъ товаровъ. Помимо другихъ заключеній, изъ этого можно вывести, что самая богатая страна, ceteris paribus, получаютъ наименьшую выгоду отъ давней суммы оборотовъ внешней торговли: такъ какъ, предъявляя больший спросъ на товары вообще, она по всей вѣроятности, предъявлять и болѣе большой спросъ на иностранные товары, и такимъ образомъ измѣнять условія обмѣна въ ущербъ себѣ. Безъ сомнѣнія, обманъ суммы ихъ прибыли отъ иностранной торговли абсолютно больше, чѣмъ въ бѣднѣйшихъ странахъ, потому что она ведутъ эту торговлю

*) Увеличеніе спроса съ 800,000 на 900,000 и съ миллиона до 1,400,000 не равны между собою, а также не находятся въ равной пропорціи къ удешевленію. Германскій спросъ на сукно возросъ на $\frac{1}{8}$, межъ тѣмъ какъ оно подешевѣло на $\frac{1}{4}$. Англійскій спросъ на полотно возросъ на 44% въ то время, какъ цѣна его упала на 60%.

въ большемъ размѣрѣ и получаютъ выгоду отъ удешевленія на большемъ потребленіи; но въ отдѣльности, на каждомъ потребляемомъ товарѣ ихъ прибыль меньше.

§ 9. Теперь мы перейдемъ къ другой существенной части теоріи международныхъ цѣнностей. То обстоятельство, что страна благодаря иностранной торговлѣ получаетъ товаръ дешевле, можно понимать въ двойномъ смыслѣ: въ смыслѣ цѣнности и въ смыслѣ стоимости. Въ первомъ смыслѣ она получаетъ ихъ дешевле влѣдствие паденія ихъ цѣнности относительно другихъ вещей: одно и то же количество этихъ товаровъ обмѣнивается на меньшее количество продукта страны, чѣмъ прежде. Возвратимся къ нашимъ первоначальнымъ цифрамъ: въ Англіи всѣ потребители полотна послѣ открытія торговли получаютъ то или нѣсколько большее число ярдовъ за то же количество другихъ вещей, за какое прежде они получали только 15. Въ этомъ смыслѣ степень удешевленія зависитъ отъ законовъ международного спроса, которые мы такъ подробно разъяснили въ предыдущихъ параграфахъ. Но въ другомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ стоимости, странѣ обходится товаръ дешевле, когда она получаетъ съ одинаковымъ трудомъ и капиталомъ большее количество его. Въ этомъ случаѣ удешевленіе, въ значительной мѣрѣ, зависитъ отъ причины иного рода: страна получаетъ ввозимые ею товары тѣмъ дешевле, чѣмъ выше общая производительность ея внутренней промышленности, чѣмъ больше общая успѣшность ея труда. Трудъ одной страны въ общемъ можетъ быть гораздо успѣшнее труда другой; всѣ или почти всѣ товары, какіе возможно производятся въ обѣихъ странахъ, могутъ въ одной изъ нихъ производиться по меньшей абсолютной стоимости, чѣмъ въ другой; но это, какъ мы видѣли, не будетъ неизбежно мѣшать обмѣну странамъ обмѣниваться товарами. Конечно, страна, пользующаяся самыми благоприятными условіями производства, будетъ ввозить изъ другихъ странъ вещи, при производствѣ которыхъ эти условія наименѣе выгодны; но ввозя эти товары, она приобретаетъ даже и въ нихъ ту выгоду, какой она обладаетъ въ товарахъ, отдаваемыхъ въ обмѣнъ за нихъ; такимъ образомъ страны, получающія свои собственные продукты по меньшей стоимости, получаютъ также по меньшей стоимости и ввозимые товары.

Это будетъ еще очевидно, если мы представимъ себѣ двѣ соперничающія страны. Англія посылаетъ сукно въ Германію и даетъ 10 ярдовъ его за 17 ярдовъ полотна, или за какойнибудь другой товаръ, равноцѣнный въ Германіи 17 ярдамъ полотна. Другая страна, положимъ—Франція, дѣлаетъ то же самое. Такъ какъ первая даетъ 10 ярд. сукна за известное количество германскихъ товаровъ, то и другая должна давать столько же; поэтому, если въ Англіи эти 10 ярдовъ производятся лишь половиною того труда, какой требуется для производства ихъ во Франціи, то полотно, или другой Германскій товаръ, будутъ стоить Англіи лишь половиною того количества труда, какого они будутъ стоить Франціи. Такимъ образомъ Англія получила бы ввозимые ею товары по меньшей стоимости, чѣмъ Франція, и настолько меньшей, насколько успѣшность англійскаго

труда въ производствѣ сукна больше. Но успѣшность въ этомъ производствѣ и приблизительно можетъ быть принята за мѣру успѣшности всего народнаго труда вообще; потому что Франція, избравъ такъ же, какъ и Англія, сукно своимъ вывознымъ товаромъ, показала, что у нея этотъ товаръ принадлежитъ къ тѣмъ, въ производствѣ которыхъ ея трудъ относительно наиболѣе успѣшенъ. Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ выше общая успѣшность труда въ данной странѣ, тѣмъ меньше затраты стоятъ ей ввозимые ею товары.

Это положеніе впервые было ясно замѣчено и изложено Сильоромъ, *) но только въ примененіи къ ввозу драгоценныхъ металловъ. Я считаю необходимымъ указать, что оно одинаково применимо и ко всѣмъ другимъ ввознымъ товарамъ; а кромѣ того, что оно составляетъ лишь часть истины; потому что въ предположенномъ случаѣ та стоимость полотна для Англіи, какую послѣдняя оплачиваетъ десятю ярдами сукна, зависитъ не исключительно отъ стоимости для Англіи 10 ярд. сукна, а отчасти и отъ того, сколько ярдовъ полотна она получаетъ въ обмѣнъ за нихъ. Стоимость для нея ввозимыхъ ею товаровъ представляетъ функцію двухъ переменныхъ величинъ: количества ея собственнаго товара, который она отдастъ за нихъ, и стоимости этого товара. Изъ этихъ величинъ лишь послѣдняя зависитъ отъ успѣшности англійскаго труда; первая же зависитъ отъ закона международныхъ цѣнностей, т. е. отъ напряженности и растяжимости иностраннаго спроса на англійскіе товары, по сравненію съ англійскимъ спросомъ на иностранные товары.

Въ только что предположенномъ нами случаѣ соперничества между Англіей и Франціей, состояніе международныхъ цѣнностей оказывать одинаковое вліяніе на обѣ соперничающія страны. Потому что обѣ онѣ ведутъ торговлю съ одной и той же страной и ввозятъ и вывозятъ одни и тѣ же товары. Поэтому разница въ стоимости для каждой изъ нихъ, ввозимыхъ ими, товаровъ исключительно зависитъ отъ другой причины: отъ неодинаковой успѣшности ихъ труда. Онѣ давали въ обмѣнъ одинъ и тѣ же количества, поэтому разница могла заключаться только въ стоимости производства. Но если бы Англія торговала съ Германіей сукномъ, а Франція желѣзомъ, то сравнительный спросъ въ Германіи на эти оба товара участвовалъ бы до известной степени въ опредѣленіи сравнительной затраты труда и капитала, съ какой Англія и Франція получали бы германскіе продукты. Если на желѣзо въ Германіи существуетъ больший спросъ, чѣмъ на сукно, то Франція, благодаря этому, пополнила бы часть своей невыгоды: если же спросъ на желѣзо меньше, то невыгода еще бы увеличилась. Слѣдовательно, односторонней успѣшности труда известной страны будетъ не достаточно дано для опредѣленія стоимости, по какой эта страна получаетъ ввозимые товары—а опредѣленіе цѣнностей и, какъ мы сейчасъ увидимъ, цѣнъ этихъ товаровъ и вовсе не зависитъ отъ успѣшности отечественнаго труда.

*) Three Lectures on the Cost of Obtaining Money.

ГЛАВА XIX.

Деньги, какъ ввозной товаръ.

§ 1. Степень достигнутыхъ нами знанийъ въ теоріи внешней торговли даетъ намъ возможность пополнить то, что раньше оставалось не разъясненнымъ въ теоріи денегъ: а это разъясненіе, въ свою очередь, позволитъ намъ закончить вопросъ о международной торговлѣ.

Деньги, или матеріалъ, изъ котораго онѣ готовятся, составляютъ въ Великобританіи и въ большей части другихъ странъ чужеземный товаръ. Поэтому, какъ ихъ цѣнность, такъ и ихъ распределеніе должны регулироваться не тѣмъ закономъ цѣнности, который господствуетъ въ близкихъ другъ другу мѣстахъ, а тѣмъ, который относится къ ввознымъ товарамъ. т. е. закономъ международныхъ цѣнностей.

Въ изслѣдованіи, къ которому мы прибываемъ теперь приступитъ, я буду употреблять слова «деньги» и «драгоценныя металлы» для выраженія одного и того же понятія. Такое смѣшеніе терминовъ не поведетъ ни къ какой ошибкѣ, такъ какъ мы уже доказали, что цѣнность денегъ, когда онѣ состоятъ изъ звонкой монеты или бумажныхъ знаковъ, раздѣляемыхъ по востребованію на звонкую монету, всецѣло зависитъ отъ цѣнности самихъ металловъ, потому что цѣнность денегъ можетъ быть выше чѣмъ цѣности металла только на сумму расходовъ чеканки и то лишь въ томъ случаѣ, когда эти расходы падаютъ не на государство, а на частныхъ лицъ.

Деньги приходятъ въ страну двумя различными способами. Онѣ ввозятся (преимущественно въ формѣ слитковъ) подобно всякому другому товару, представляя собою выгодную статью торговли. Онѣ ввозятся также и въ другомъ своемъ видѣ, какъ орудіе обмена, или уплаты долга данной странѣ за вывезенные товары, или по какому иному другому счету. Случайно деньги могутъ ввозиться и другими путями; но при обыкновенномъ ходѣ дѣла, онѣ поступаютъ въ страну двумя указанными способами, которые опредѣляютъ также и ихъ цѣнность. Существованіе двухъ различныхъ видовъ ввоза денегъ въ страну въ то время, какъ другіе товары обыкновенно ввозятся первымъ изъ нихъ, производитъ то, что вопросъ о деньгахъ дѣлается несколько сложнее и темнѣе, чѣмъ вопросъ о другихъ товарахъ, и только лишь поэтому необходимо отдѣльное и подробное изложеніе его.

§ 2. Поскольку драгоценныя металлы ввозятся обыкновеннымъ торговымъ способомъ, постольку ихъ цѣнность должна зависеть отъ тѣхъ же причинъ и подчиняться тѣмъ же законамъ, какъ и цѣнность всякаго другого иностраннаго товара. Это и есть главнымъ образомъ тотъ путь, посредствомъ котораго золото и серебро распространяется изъ тѣхъ странъ, гдѣ они добываются, во все дру-

гую часть торговаго міра. Они являются главными товарами тапкихъ странъ, или, по крайней мѣрѣ, принадлежатъ къ главнымъ статьямъ постояннаго вывоза, и экспортеры спекулируютъ ими совершенно такъ же, какъ и другими товарами. Слѣдовательно, то количество продуктовъ, какое страна (положимъ Англія) станеть давать за известное количество слитковъ, будетъ зависеть, — если мы предположимъ только двѣ страны и два товара, — отъ того, какъ великъ спросъ въ Англіи на слитки, по сравненію со спросомъ страны, доставляющей драгоценныя металлы, (напримѣръ Бразиліи) на товаръ, какой можетъ отпускать ей Англія. Пропорція обмена должна быть такова, чтобы ни на одной сторонѣ не оставалось не удовлетвореннаго спроса, который своимъ соперничествомъ могъ бы повлечь цѣнности. Слитки, требуемые Англіей, должны въ точности оплачиваться хлопчатобумажными произведеніями, или другіе, требуемые Бразиліей, англійскіе товары. Но, если эту простую форму обмена мы замѣнимъ, существующей въ дѣйствительности, сложной формой его, то уравненіе международнаго спроса должно будетъ устанавливаться не между слитками, требуемыми Англіей, и хлопчатобумажными произведеніями или сукномъ, требуемыми Бразиліей, а между всѣмъ вывозомъ и всѣмъ ввозомъ Англіи. Спросъ иностранныхъ государствъ на англійскіе продукты долженъ быть приведенъ въ равновѣсіе со спросомъ Англіи на продукты чужихъ странъ; а всѣ иностранные товары, между прочимъ и слитки, должны обмѣниваться на англійскіе продукты по такимъ пропорціямъ, которыя, въ силу своего вліянія на спросъ, будутъ устанавливать это равновѣсіе.

Ни въ своей свѣжести, ни въ употребленіи драгоценныхъ металловъ нѣтъ ничего такого, что бы дѣлало ихъ исключеніемъ изъ общихъ принциповъ спроса. Относительно той части, которая требуется для цѣлей роскоши или искусства, спросъ увеличивается съ повышеніемъ цѣны такъ же неправильно, какъ и спросъ на всякій другой товаръ. Относительно же части, требующейся для денегъ, спросъ возрастаетъ съ повышеніемъ цѣны совершенно правильно, такъ что требуемое количество всегда увеличивается во столько разъ, во сколько цѣнность металла уменьшается. Въ этомъ заключается единственное, дѣйствительное отличіе спроса на золото и серебро отъ спроса на другіе товары; но въ данномъ случаѣ это отличіе для насъ совершенно не существенно.

Итакъ, если деньги ввозятся исключительно, какъ товаръ, то ихъ цѣнность, подобно цѣности другихъ товаровъ, будетъ самой низкой въ тѣхъ странахъ, на товары которыхъ существуетъ самый большой иностранный спросъ, и спросъ которыхъ на чужіе товары будетъ наименьшій. Но къ этимъ двумъ условіямъ необходимо присоединить еще два другія, обязывающія свое вліяніе посредствомъ стоимости производства. Стоимость полученія слитковъ составляетъ изъ двухъ элементовъ; изъ товаровъ, отдаваемыхъ для покупки слитковъ, и изъ расходовъ провоза. Изъ этихъ расходовъ, въ силу приспособленія международныхъ цѣнностей, известную, хотя и не опредѣленную часть, будутъ нести страны, вывозящія слитки. Расходы провоза состоятъ отчасти изъ расхода на провозъ то-

тями золотомъ и серебромъ изъ рудоконныхъ странъ. Не вывозъ извѣстной страны въ другую и обратный ввозъ изъ этой послѣдней въ первую должны обмѣниваться другъ на друга, а вообще вся сумма вывоза страны на всю сумму ея ввоза. Общая сумма иностраннаго спроса на произведенія данной страны опредѣляетъ, какой эквивалентъ она должна дать за ввозимые товары, чтобы установилось равновѣсiе между всѣми ея продажами и покупками вообще; при чемъ нѣтъ необходимости, чтобы подобное же равновѣсiе поддерживалось между этой и каждой другой страной въ отдѣльности.

ГЛАВА XX.

Вексельный курсъ.

§ 1. До сихъ поръ мы разсматривали драгоценные металлы, какъ товаръ, ввозимый, подобно другимъ товарамъ, обыкновеннымъ путемъ торговли, и изслѣдовавъ, каковы тѣ условия, которыми въ этомъ случаѣ будетъ опредѣляться цѣнность этихъ металловъ. Но они ввозятся также и въ другомъ видѣ, въ томъ, который свойственъ имъ, какъ орудію обмѣна;—тогда они не представляютъ предмета торговли, не продаются за деньги, а сами являются деньгами, и служатъ для уплаты долга, или для передачи собственности. Намъ остается разсмотрѣть, измѣняются-ли получаемые нами выводы отъ способности драгоценныхъ металловъ переноситься для такихъ цѣлей изъ страны въ страну; или, быть можетъ, эта способность ставить золото и серебро въ зависимость отъ иного закона цѣнности, не похожаго на тотъ, которому бы они подчинялись вмѣстѣ со всѣми другими ввозимыми товарамъ, если-бы международная торговля происходила въ формѣ прямой мѣны.

Деньги пересылаются изъ страны въ страну для различныхъ цѣлей, какъ напримѣръ, въ уплату даней, или субсидій; для передачи доходовъ изъ подчиненныхъ или изъ подчиненныхъ странъ, для уплаты рентъ, или другихъ доходовъ собственникамъ, живущимъ за-границей, а также при переселеніи капитала, или перенесеніи его на какое-нибудь заграничное предпріятіе. Однако наиболѣе обыкновенная цѣль есть уплата за товары. Чтобы показать, при какихъ обстоятельствахъ деньги дѣйствительно переходятъ изъ страны въ страну для той или другой изъ упомянутыхъ цѣлей, необходимо въ краткихъ словахъ изложить характеръ механизма, посредствомъ котораго ведется международная торговля, когда она происходитъ не въ видѣ мѣны, а при помощи денегъ.

§ 2. На практикѣ товары, составляющіе ввозъ и вывозъ извѣстной страны, не только не обмѣниваются непосредственно другъ на друга, но часто даже не проходятъ черезъ одиѣ и тѣ же руки. Всѣ они покупаются и оплачиваются деньгами въ отдѣльности. Но

мы видѣли, что даже въ самой странѣ деньги не дѣйствительно не переходятъ изъ рукъ въ руки при каждой покупкѣ, совершаемой на шухъ, а тѣмъ болѣе такого перехода не можетъ быть между разными странами. Обыкновенно получение и уплата денегъ за товары между различными странами производится посредствомъ коммерческихъ векселей.

Купецъ, А., вывезъ изъ Англіи товары, пославъ ихъ во Францію на имя своего корреспондента, В. Другой купецъ, С., вывезъ изъ Франціи товары (положивъ на одинаковую цѣнность) и передать ихъ английскому купцу, D. Очевидно, нѣтъ никакой необходимости, чтобы В изъ Франціи посылалъ деньги купцу, А. въ Англію, и чтобы D изъ Англіи посылалъ такую же сумму денегъ купцу, С., во Францію. Одинъ долгъ можетъ быть употребленъ на уплату другого, и такимъ образомъ будетъ сбереженъ расходъ и рискъ двойной пересылки. А выдаетъ вексель на имя В на сумму, какую долженъ ему этотъ послѣдній; D, будучи обязаннымъ заплатить такую же сумму во Францію, покупаетъ этотъ вексель у А и посылаетъ его С., который, по истеченіи срока векселя, представляетъ его для уплаты купцу, В. Такимъ образомъ долгъ французскаго купца английскому и долгъ англійскаго французскому погашаются безъ пересылки, хотя-бы одной унціи золота или серебра изъ одной страны въ другую.

Но въ этомъ примѣрѣ предполагается, что сумма, которую Франція должна Англіи, равна той, какую Англія должна Франціи; что каждая изъ этихъ странъ должна заплатить и получить совершенно одинаковое число унцій золота и серебра. Этимъ предполагается (если мы исключимъ въ настоящемъ случаѣ всѣ другіе международные платежи, кромѣ тѣхъ, которые являются результатомъ торговли), что вывозъ и ввозъ въ точности оплачиваютъ другъ друга, или, иными словами, что уравненіе международнаго спроса установлено. Если это такъ, международныя сдѣлки ликвидируются безъ всякаго перехода денегъ изъ страны въ страну. Но если Англія должна Франціи болѣе значительную сумму, чѣмъ Франція Англіи, или наоборотъ, то долги не могутъ просто списываться въ зачетъ другъ за друга. Покрытію, насколько возможно, одного долга другимъ, разность должна быть перелана въ видѣ драгоценныхъ металловъ. Въ дѣйствительности купецъ, обязанный уплатить извѣстную разность, даже и въ этомъ случаѣ будетъ уплачивать ее векселемъ. Если кто влбудь долженъ сдѣлать переводъ денегъ въ чужую страну, онъ самъ не ищетъ человека, который долженъ получить деньги изъ этой страны и не будетъ просить его о выдачѣ коммерческаго векселя. Въ этой отрасли торговли, какъ и во всѣхъ другихъ, есть классъ посредниковъ, или маклеровъ, которые сводятъ покупателей и продавцовъ или ставовятся между ними, покупая векселя отъ тѣхъ, которые должны получить деньги, и продавая изъ тѣхъ, которые должны произвести уплату. Когда клиентъ обращается къ своему маклеру за векселемъ на Паризъ или Амстердамъ, маклеръ продаетъ ему вексель, который онъ самъ, быть можетъ, сегодня-же купитъ у купца или же вексель на своего корреспондента въ заграничномъ городѣ; а чтобы дать возможность своему корреспон-

денгу уплатить въ срокъ по вѣсѣмъ выданнымъ на него векселямъ, маклеръ пересылаетъ ему всѣ векселя, которые онъ купилъ и не перепродать. Такимъ образомъ эти маклера берутъ на себя всю ликвидацию денежныхъ сдѣлокъ между отдаленными мѣстами, получая въ вознагражденіе небольшой куртажъ, или процентъ, съ каждаго, продаваемого и покупаемого ими, векселя. Если маклера находятъ, что съ одной стороны требуется векселей на сумму больше той, на какую предлагается съ другой, то они все-же не отказываются вслѣдствіе этого выдавать векселя. Но въ этомъ случаѣ для того, чтобы дать возможность корреспондентамъ, на которыхъ выданы векселя, уплатить по нимъ въ срокъ, маклера необходимо должны часть суммы переслать въ видѣ золота и серебра; поэтому они требуютъ отъ тѣхъ, кому продаютъ векселя, добавочную плату, достаточную для покрытия фрахта и страхования золота и серебра съ такою прибылью, которая служила бы соответственнымъ вознагражденіемъ за хлопоты и временное занятіе части ихъ капитала. Эту добавочную плату, или, такъ называемую, премию, покупатели уплачиваютъ охотно, потому что иначе имъ пришлось бы самимъ дѣлать расходъ на пересылку драгоценныхъ металловъ; а это дѣлается дешевле тѣмъ, кто специально занимается этимъ дѣломъ. Но хотя въ дѣйствительности только нѣкоторымъ пришлось бы пересылать деньги для уплаты долга, тѣмъ не менѣе взаимнымъ соперничествомъ всѣ будутъ принуждены платить премию. На томъ же основаніи и маклера будутъ принуждены платить се тѣмъ, у кого они покупаютъ векселя. Обратное всему этому бываетъ если по сравненіи ввоза и вывоза страны приходится не уплачивать, а получать балансъ. Маклера находятъ, что имъ предлагается векселей болѣе того, сколько достаточно для покрытия спроса на векселя. Поэтому, вексели на иностранные государства принимаются съ дисконтомъ, при чемъ чрезвычайно сильное соперничество между маклерами мѣшаетъ имъ удерживать этотъ дисконтъ въ свою пользу, и принуждаетъ ихъ уступать выгоду отъ него людямъ, покупающимъ вексели для перевода денегъ.

Предположимъ, что всѣ страны имѣютъ одинаковую денежную систему, какъ онѣ и будутъ имѣть ее когда нибудь въ будущемъ, на высокой степени политическаго развитія, и допустимъ, что эта система англійская въ виду того, что, хотя она и не самая лучшая, но она наиболѣе знакома читателю. Если бы Англія должна была уплатить Франціи такое-же число фунтовъ стерлинговъ, какое Франція ей, то одна группа англійскихъ купцовъ требовала бы векселей совершенно на такую же сумму, на какую другая могла бы продать ихъ; поэтому вексель на Францію въ 100 фун. продавался бы какъ разъ за 100 фун. или, на коммерческо-мъ языкѣ, курсъ стоялъ бы *à par*. Такъ какъ Франція, по нашему предположенію, также должна получить и уплатить одинаковое число фунтовъ стерлинговъ, то и векселя на Англію будутъ стоять *à par* во Франціи всегда, когда векселя на Францію стоятъ *à par* въ Англіи.

Но если Англія должна заплатить Франціи больше, чѣмъ получить отъ нея, то лица, нуждающіеся въ векселяхъ на Францію,

будутъ требовать ихъ на большее число фунтовъ стерлинговъ, чѣмъ на сколько есть векселей, выданныхъ людьми, которые должны получить деньги изъ Франціи. Въ такомъ случаѣ вексель на Францію въ 100 фун. будетъ продаваться дороже 100 фун., и будутъ говорить, что вексель продается съ преміей. Но премія не можетъ превышать расходовъ и риска, сопряженныхъ съ пересылкою золота, вмѣстѣ съ незначительнымъ вознагражденіемъ маклера; потому что, если-бы она была выше, должникъ предпочелъ-бы, вмѣсто покупки векселя, послать въ уплату долга золото.

Если, наоборотъ, Англія должна получить изъ Франціи больше денегъ, чѣмъ заплатить ей, то векселей на Францію будетъ предлагаться на большее число фунтовъ, чѣмъ сколько требуется для перевода денегъ, и цѣна векселей упадетъ ниже нормы; вексель въ 100 фун. можно будетъ купить нѣсколько дешевле 100 фун., и будутъ говорить, что вексель продается съ дисконтомъ.

Когда Англіи приходится больше платить, нежели получать, — Франціи приходится больше получать, чѣмъ платить, и наоборотъ. Поэтому, когда въ Англіи вексели на Францію идутъ съ преміей, во Франціи векселя на Англію продаются съ дисконтомъ; а когда вексели на Францію продаются съ дисконтомъ въ Англіи, векселя на Англію продаются во Франціи съ преміей. Если же они стоятъ *à par* въ одной изъ этихъ странъ, то они стоятъ, какъ мы уже видѣли, *à par* также и въ другой.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла между двумя странами или мѣстами, имѣющимъ одинаковую денежную систему. Однако въ отношеніяхъ наиболѣе цивилизованныхъ странъ еще остается такъ много варварства, что почти всѣ независимыя государства считаютъ необходимымъ для своего національнаго достоинства установленіе, къ собственному неудобству и неудобству своихъ сосѣдей, своей особой, денежной системы. Для разсматриваемаго нами теперь вопроса это не составляетъ никакой разницы, кромѣ того, что вмѣсто *равныхъ* суммахъ всѣмъ придется говорить о *равноценныхъ* суммахъ. Если денежные системы состоятъ изъ одинаковаго металла, то подъ равноценными суммами подразумѣваются суммы, состоящія изъ одинаковаго по вѣсу и по пробѣ количества металла. Если-же, какъ, на примѣръ, въ Англіи и во Франціи, металлы различны, то подъ равноценными суммами подразумѣвается, что количество золота, заключающееся въ одной суммѣ, и количество серебра въ другой на мировомъ рынкѣ имѣютъ одинаковую цѣнность; такъ какъ въ относительной цѣнности этихъ металловъ не можетъ быть значительной разницы въ разныхъ мѣстахъ. Положимъ, что 25 франковъ равноценны одному фунту стерлинговъ (что и въ дѣйствительности вѣрно, если отбросить небольшую дробь). Дебетъ и кредитъ обѣихъ странъ бываютъ равны между собою, если одна изъ нихъ должна столько разъ по 25 франковъ, сколько другая должна фунтовъ. Если это будетъ такъ, вексель на Францію въ 2500 франковъ будетъ стоять въ Англіи 100 фунтовъ, а вексель на Англію въ 100 фун. будетъ стоять во Франціи 2500 франковъ. Въ такомъ случаѣ говорятъ, что курсъ стоитъ *à par*; и 25 франк. (въ дѣйствитель-

ности 25 фр. съ дробью *) называются вексельным курсом *à pari* на Францію. Когда Англія должна Франціи болѣе того, что Франція должна ей, вексель въ 25000 фр. будетъ идти съ преміей, т. е., будетъ стоить болѣе 100 фунтовъ. Когда же Франція должна Англіи болѣе того, что Англія должна ей, вексель въ 2500 фран. будетъ стоить меньше 100 фунт., или будетъ продаваться съ дисконтомъ.

Когда векселя на чужія страны продаются съ преміей, то обыкновенно говорятъ, что вексельный курсъ не выгоденъ или не благоприятенъ для страны. Чтобы пояснить это выраженіе, надобно уяснить себѣ, что въ дѣйствительности означаетъ на коммерческомъ языкѣ «вексельный курсъ». Онъ означаетъ принадлежанію денегамъ одной страны силу въ покупкѣ денегъ другихъ странъ. Предположимъ, что 25 фр. за 1 фунтъ будутъ настоящимъ вексельнымъ курсомъ *à pari*; въ такомъ случаѣ, если для покупки векселя въ 2500 фр. требуется больше 100 фунт., то 100 фунтовъ англійскихъ денегъ стоятъ меньше, чѣмъ ихъ дѣйствительная равноцѣнность во французскихъ деньгахъ: это и называется курсомъ, невыгоднымъ для Англіи. Но въ дѣйствительности онъ невыгоденъ въ Англіи лишь для тѣхъ, кто долженъ платить во Францію; потому, что они являются на вексельный рынокъ въ качествѣ покупателей и должны платить премію. Для тѣхъ-же, кто получаетъ деньги изъ Франціи, такое положеніе дѣлъ выгодно: они являются продавцами и получаютъ премію. Однако, премія указываетъ на то, что Англіи приходится уплачивать балансъ, который, быть можетъ, въ концѣ концовъ, придется покрыть драгоценными металлами; а такъ какъ, по старой теоріи, выгода отъ торговли состоитъ въ ввозѣ денегъ въ страну, то вслѣдствіе такого предразсуда воню въ обыкновеніе называть курсъ благоприятнымъ, когда онъ указываетъ на полученіе баланса, и неблагоприятнымъ, когда онъ указываетъ на уплату: эти выраженія, въ свою очередь, способствовали поддержанію предразсуда.

§ 3. Съ перваго взгляда можно предположить, что, когда курсъ неблагоприятенъ, или, иными словами, когда векселя продаются съ преміей, эта послѣдняя всегда должна равняться полной стоимости пересылки монеты; потому что, если дѣйствительно приходится уплачивать балансъ, и если вслѣдствіе этого некоторымъ лицамъ обязаннымъ слѣдуетъ денежные переводы, должны будутъ нести полный расходъ на пересылку монеты, то ихъ соперничество заставитъ прочихъ предпочтительно равносильному пожертвованію. Несомнѣнно такъ-бы и было, еслибы всегда все, что нужно уплатить, обязательно уплачивалось немедленно. Ожиданіе большихъ и немедленныхъ иностранныхъ платежей оказываетъ иногда поразительное вліяніе на вексельный

*) Это было написано до измѣненія въ относительной цѣнности золота и серебра, произведеннаго открытіями золотыхъ приисковъ. Отношеніе цѣнностей золота и серебра теперь колеблется, и нѣтъ никакой возможности предвидѣть, на чемъ оно, въ концѣ концовъ, остановится.

курсъ *). Но небольшой перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ или всякій другой поводъ къ уплатѣ небольшой суммы иностраннымъ государствамъ обыкновенно не измѣняютъ вексельнаго курса на полную величину стоимости и рѣдка пересылки слитковъ. Большая или меньшая продолжительность кредитныхъ сроковъ обыкновенно позволяетъ некоторымъ должникамъ откладывать уплату, а тѣмъ временемъ балансъ можетъ измѣниться и возстановить равенство дебета и кредита страны безъ всякой пересылки металловъ. По большей части это такъ и бываетъ, потому что въ самыхъ колебаніяхъ курса есть стремленіе автоматически уравниваться. Векселя продаются съ преміей, потому что по денежной цѣнности ввезено больше, чѣмъ вывезено. Но премія сама по себѣ есть прибавочная прибыль для вывозящихъ. Кромѣ получаемой ими пѣны за товары, они, выдавши на всю сумму товаровъ векселя, получаютъ еще и премію. Съ другой стороны, эта премія уменьшаетъ прибыль лишь ввозящихъ товары. Кромѣ цѣны за товары, имъ приходится платить премію за переводъ. Такимъ образомъ, такъ называемый, невыгодный курсъ служитъ поощреніемъ для вывоза и препятствіемъ для ввоза. Если балансъ, подлежащій уплатѣ, не великъ и составляетъ результатъ лишь какого-нибудь случайнаго нарушенія въ обыкновенномъ ходѣ торговли, то онъ быстро покрывается усиленнымъ вывозомъ товаровъ, и счеты приводятся въ порядокъ посредствомъ векселей, безъ всякой пересылки драгоценныхъ металловъ. Но иначе бываетъ, когда превосходство ввоза надъ вывозомъ, вызванное невыгоднымъ курсомъ, происходитъ отъ постоянной причины. Въ такомъ случаѣ равновѣсіе бываетъ нарушено состояніемъ цѣны и можетъ быть возстановлено только посредствомъ вліянія на цѣны. Невозможно, чтобы при цѣнахъ, вызывающихъ излишекъ ввоза, вывозъ поддерживался бы постоянно на равнѣ съ ввозомъ, благодаря добавочной прибыли на ввозимые товары, получаемой отъ премій на векселя; потому что если-бы вывозъ поддерживался наравнѣ съ ввозомъ, векселя не продавались бы съ преміей, и добавочной прибыли не существовало бы. Равновѣсіе можетъ быть возстановлено только измѣненіемъ товарныхъ цѣнъ.

*) При извѣстіи о возвращеніи Бонапарта съ острова Эльбы цѣна векселей въ одинъ день поднялась на 10%. Безъ сомнѣнія, эта премія не была простымъ вознагражденіемъ за стоимость провоза, такъ какъ фрахтъ такого товара, какъ золото, даже и съ прибавкой военной, страховой преміи никогда бы не могъ подняться такъ высоко. Эта высокая цѣна служила вознагражденіемъ не за трудность пересылки золота, а за предполагаемую трудность полученія его для отсылки. Всѣ ожидали, что начнется такой чрезвычайный переводъ денегъ на континентъ для уплаты субсидій и содержания армій, что въ странѣ (которая въ то время положительно была лишена звонкой монеты) уменьшится запасъ слитковъ, и, кромѣ того, предполагалось, что это уменьшеніе произойдетъ такъ быстро, что нельзя будетъ его пополнить. Поэтому и цѣна слитковъ поднялась съ такой быстротой. Едва-ли слѣдуетъ упоминать, что это произошло въ то время, когда Англійскій Банкъ не производитъ размѣна на звонкую монету. При размѣнѣ сумажныхъ денегъ ничего подобнаго не могло бы произойти до тѣхъ поръ, пока банкъ не прекратилъ-бы платежей.

Итакъ, мы должны различать два вида нарушенія равновѣсія между вывозомъ и ввозомъ и соответственно этому, два вида измѣненій въ вексельномъ курсѣ. Одни нарушенія бываютъ временныя и случайныя; если они совершаются не въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ, то они исправляются сами собою, посредствомъ премій на векселя,—безъ всякой пересылки драгоценныхъ металловъ; другія происходятъ отъ общаго состоянія цѣнъ, которое можетъ быть исправлено не иначе, какъ уменьшеніемъ количества денегъ, дѣйствительно находящихся въ обращеніи въ странѣ, или уничтоженіемъ въ некоторой части кредита; потому что простой перевозъ слитковъ (т. е. металла, а не денегъ) не оказываетъ никакого вліянія на цѣны и не можетъ уничтожить причины, вызвавшей нарушеніе въ равновѣсіи.

Намъ остается еще замѣтить, что вексельный курсъ зависитъ отъ баланса дебета и кредита не съ каждой страной въ отдѣльности, а со всѣми странами, взятыми вмѣстѣ. Англія, быть можетъ, должна уплатить балансъ Франціи; но изъ этого не слѣдуетъ, что вексельный курсъ на Францію будетъ въ ущербъ Англіи, и что векселя на Францію будутъ продаваться съ преміей; потому что Англія, можетъ быть, предстоитъ получить уплату баланса отъ Голландіи или Гамбурга, и она можетъ уплатить свой долгъ Франціи векселями на эти мѣста. На техническомъ языкѣ это называется вексельнымъ арбитражемъ. При уплатѣ долговъ такимъ окольнымъ путемъ всегда будетъ требоваться небольшой добавочный расходъ, отчасти въ видѣ вознагражденія за комиссію, отчасти вслѣдствіе потерн процентовъ; въ размѣрѣ этой небольшой разницы курсъ на одну страну можетъ измѣниться независимо отъ курсовъ на другія страны; но въ общемъ курсы на всѣ иностранныя государства измѣняются вмѣстѣ, смотря по тому, приходится ли странѣ платить, или получать балансъ по общему результату ея иностранныхъ сдѣлокъ.

ГЛАВА XXI.

Распределеніе драгоценныхъ металловъ по торговому свѣту.

§ 1. Закончивъ изслѣдованіе механизма, которымъ въ дѣйствительности выполняются коммерческія сдѣлки между различными странами, мы теперь должны рассмотреть, измѣняется ли этотъ способъ выполненія изъ тѣхъ выводы относительно международныхъ цѣнностей, къ которымъ мы пришли раньше при гипотезѣ непосредственной мѣны.

Близжайшая аналогія заставляетъ предполагать отрицательный отвѣтъ. Мы не нашли, чтобы употребленіе денегъ и, замѣняющихъ ихъ, бумажныхъ знаковъ производило бы какое нибудь измѣненіе въ законѣ цѣнности, господствующемъ въ близкіяхъ мѣстностяхъ. Вещи, которыя при господствѣ простой мѣны были бы равны по своей цѣнности, стоятъ одинаковыхъ суммъ денегъ. Введеніе денегъ есть лишь простая прибавка еще одного товара, цѣнность котораго регулируется тѣми-же законами, какъ и цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ. Поэтому мы не будемъ удивлены, найдя, что международныя цѣнности при денежной и вексельной системѣ опредѣляются тѣми же причинами, какъ и при системѣ мѣны, и что деньги въ этомъ дѣлѣ имѣютъ лишь то значеніе, что доставляютъ удобный способъ для сравненія цѣнностей.

Всякій обмѣнъ и по своей сущности, и по своему результату есть мѣна; каждый, продающій товаръ за деньги и покупающій на эти деньги другія вещи, въ дѣйствительности покупаетъ ихъ на свои товары. Тоже происходитъ и между націями: ихъ торговля есть простой обмѣнъ вывезенныхъ товаровъ на ввезенные. Употребляются ли при этомъ деньги или нѣтъ, пропорція обмѣна будетъ постоянна лишь тогда, когда ввозъ и вывозъ въ точности оплачиваютъ другъ друга. Въ такомъ случаѣ каждая страна должна другой равныя суммы денегъ, долги погашаются векселями и не приходится уплачивать баланса драгоценными металлами. При этомъ торговля находится въ положеніи, подобномъ тому, которое въ механикѣ называется положеніемъ устойчиваго равновѣсія.

Но процессъ, которымъ условія торговли возвращаются къ этому положенію, когда имъ случается уклониться отъ него, по крайней мѣрѣ по вышности, при системѣ мѣны не таковъ, какъ при системѣ денежной. При первой системѣ страна, требующая иностранныхъ товаровъ больше того количества, какое можетъ быть оплачено ея вывозомъ, должна предлагать дешевле вывозимые ею товары, и въ этомъ состоятъ единственное средство вызвать спросъ, достаточный для восстановленія равновѣсія. Но при употребленіи денегъ страна, повидному, поступаетъ совершенно иначе. Она беретъ добавочное количество ввозимыхъ товаровъ по такой-же цѣнѣ, какъ и прежде; а вслѣдствіе того, что ея вывозъ не равенъ по цѣнности ввозу, платежный балансъ обращается противъ нея; курсъ становится для нея неблагоприятнымъ, и разницу приходится платить деньгами. Повидному, эта операція совершенно не такова, какъ предыдущая. Посмотримъ, разнится ли она по своему существу, или только по своему механизму.

Пусть страной, которой приходится уплачивать балансъ, будетъ Англія, а страной, получающей его—Франція. Отъ пересылки драгоценныхъ металловъ, количество звонкой монеты уменьшилось въ Англіи и увеличилось во Франціи. Я въ правѣ предполагать такое положеніе дѣлъ. Какъ мы увидимъ впоследствии, такое предположеніе было бы совершенно ошибочно, если бы его дѣлали по отношенію ко всемъ платежамъ международныхъ балансовъ. Балансъ, вскорѣй приходится платить лишь одинъ разъ, какъ напримѣръ,

въ неурожайный годъ при уплатѣ за чрезвычайный ввозъ хлѣба, можетъ быть уплоченъ изъ свободныхъ капиталовъ или изъ банковскихъ резервовъ, не измѣняя количества денегъ въ обращеніи. Но въ данномъ случаѣ мы предполагаемъ, что существуетъ избытокъ ввоза надъ вывозомъ, происходящій отъ того, что еще не установилось уравненіе международнаго спроса: т. е. допускаемъ, что при данныхъ цѣнахъ въ Англіи существуетъ постоянный спросъ на количество французскихъ товаровъ, болѣе того, какое можетъ быть оплочено, требуемыми по обыкновенной цѣнѣ во Франціи, английскими товарами. При такомъ положеніи, если не произойдетъ перемѣны въ цѣнахъ, Англіи придется уплачивать деньгами, постоянно возобновляющійся, балансъ. Необходимо, чтобы или ввозъ на продолжительное время уменьшился, или чтобы вывозъ увеличился: а это можетъ быть произведено лишь при помощи цѣны; и слѣдовательно, если бы даже вначалѣ балансы уплачивались изъ свободныхъ капиталовъ, или вывозомъ слѣдующимъ, то все же, въ концѣ концовъ, пришлось бы прибѣгнуть къ деньгамъ находящимся въ обращеніи, потому что, пока приходится платить балансы, ничто не можетъ остановить оттока звонкой монеты изъ страны.

Итакъ, когда положеніе цѣны таково, что уравненіе международнаго спроса не можетъ установиться само собою, такъ какъ страна требуетъ ввозныхъ товаровъ болѣе того количества, какое можетъ быть оплочено вывозомъ, то это служитъ признакомъ, что въ странѣ обращается драгоценныхъ металловъ или бумажныхъ денегъ болѣе того количества, какое можетъ постоянно обратиться въ ней, и что для того, чтобы могъ возстановиться балансъ, она необходимо должна разгнаться съ нѣкоторой частью денежныхъ знаковъ. Вслѣдствіе этого сократится находящееся въ обращеніи количество денегъ: цѣны падутъ, между прочимъ, и цѣны вывозныхъ товаровъ; отъ этого въ иностранныхъ государствахъ спросъ на послѣдніе увеличится, тогда какъ ввозные товары, быть можетъ, поднимутся въ цѣнѣ отъ прилива денегъ за границу, и во всякомъ случаѣ на нихъ не отразится общее паденіе цѣны. Но пока удешевленіе английскихъ товаровъ не побудитъ другихъ странъ брать ихъ на большую денежную цѣнность, или пока (положительное или относительное) вздорожаніе иностранныхъ товаровъ не заставитъ Англію брать ихъ на меньшую денежную цѣнность, до тѣхъ поръ вывозъ изъ Англіи такъ же, какъ и прежде, не будетъ оплачиваться ввозомъ и, следовательно, изъ нея, потокъ драгоценныхъ металловъ будетъ попрежнему продолжаться. Этотъ отливъ металловъ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока паденіе цѣны въ Англіи не сдѣлаетъ доступнымъ для иностраннаго рынка какой нибудь товаръ, прежде не вывозившійся изъ Англіи за границу: или пока пониженіе цѣны на вещь, вывозимая ею раньше, не увеличитъ заграничный спросъ до такого количества, которое будетъ достаточно, для уплаты за английскій ввозъ. По всей вѣроятности, уравненіе спроса будетъ способствовать сокращенію английского спроса на иностранные товары, вслѣдствіе положительнаго или сравнительнаго возвышенія ихъ цѣны.

Но это и есть именно тотъ процессъ, какой мы видѣли при первоначальной нашей гипотезѣ мѣны. Слѣдовательно, торговля между націями не только стремится къ равновѣсію между вывозомъ и ввозомъ, все равно, будутъ ли употребляться деньги или вѣтъ, но даже способомъ, которымъ устанавливается это равновѣсіе, въ сущности одинъ и тѣ же. Страна, вывозъ которой не достаточно для уплаты за ея ввозъ, предлагаетъ свои товары дешевле, пока не успѣетъ вызвать необходимый спросъ; иными словами, уравненіе международнаго спроса является и при денежной системѣ такъ же, какъ и при системѣ мѣны, закономъ международной торговли. Каждая страна, какъ и при той, такъ и при другой системѣ, ввозитъ и вывозитъ одинъ и тѣ же вещи и въ одинаковомъ количествѣ. При мѣновой системѣ и тѣ же вещи и въ одинаковомъ количествѣ, при которомъ сумма ввоза въ точности обмѣнивается на сумму вывоза. При денежной системѣ она тяготеетъ къ тому положенію, при которомъ сумма вывоза и сумма ввоза обмѣниваются на одинаковое количество денегъ. Но двѣ вещи, равныя третьей, равны между собою; поэтому вывозъ и ввозъ, равные по своей денежной цѣнѣ, и безъ употребленія денегъ въ точности обмѣнивались бы другъ на друга. *)

*) Предлагаемый отрывокъ изъ моей отдѣльной статьи, на которую я уже ссылался раньше, несколько поможетъ прослѣдить за ходомъ явленія. Онъ написанъ въ примѣненіи къ воображаемому примѣру, употребляемому нами для иллюстраціи во всемъ упомянутомъ произведеніи, а именно, въ примѣненіи къ примѣру торговли между Англіей и Германіей полотною и сукномъ.

„Вначалѣ мы можемъ дѣлать какое угодно предположеніе относительно цѣности денегъ. Предположимъ, что до открытія торговли цѣна сукна одинакова въ обоихъ странахъ, именно 6 шил. за ярдъ. Раньше было предположено, что 10 ярд. сукна обмѣниваются въ Англіи на 15, а въ Германіи на 20 ярдовъ полотна; поэтому мы можемъ предположить, а въ Германіи на 20 ярдовъ полотна; поэтому мы можемъ предположить, что въ Англіи полотно продается по 1 шил., а въ Германіи по 3 шил. за ярдъ. Здѣсь, какъ и раньше, мы не принимаемъ въ расчетъ ни стоимости провоза, ни прибыли лицъ, занимающихся ввозной торговлей“.

„Очевидно, что, при такомъ состояніи цѣны, сукно не можетъ вывозиться изъ Англіи въ Германію; но полотно можетъ ввозиться изъ Германіи въ Англію. Оно и будетъ ввозиться, и первое время уплата за него будетъ производиться деньгами“.

„Отливъ денегъ изъ Англіи и приливъ ихъ въ Германію подыметъ цѣны въ послѣдней и понизитъ ихъ въ первой. Полотно въ Германіи сдѣлается дороже 3 шил. за ярдъ, а сукно дороже 6 шил. Полотно въ Англіи, вслѣдствіе того, что оно ввозится изъ Германіи, понизится (если не считать стоимости провоза) до той же цѣны, какъ и въ Германіи, а сукно сдѣлается дешевле 6 шил. Какъ только цѣна сукна въ Англіи станетъ ниже, чѣмъ въ Германіи, его начнутъ вывозить, и цѣна его въ Германіи упадетъ до той величины, какую оно имѣетъ въ Англіи. Пока Германія сукна будетъ не достаточно для уплаты за ввозимое полотно, деньги будутъ попрежнему уходить изъ Англіи въ Германію, и цѣны вообще будутъ продолжать падать въ Англіи и подниматься въ Германіи. Но вслѣдствіе пониженія цѣны на сукно въ Англіи, она понизится и въ Германіи, и спросъ на него увеличится. Вслѣдствіе вздорожанія полотна въ Германіи, оно должно вздорожать также и въ Англіи, и спросъ на него уменьшится. По мѣрѣ того, какъ сукно будетъ подниматься въ цѣнѣ, а полотно падать, должна явиться и для того, и для

становится. Въ результатѣ будетъ то, что чужія страны будутъ платить дороже прежняго за все прочіе ввозимые ими товары, а новый товаръ будутъ получать дешевле прежняго, но не настолько дешево, какъ получаетъ его сама Англія. Я говорю это, будучи твердо убѣжденъ, что въ дѣйствительности товаръ будетъ имѣть одну и ту же цѣну и въ Англіи, и въ другихъ странахъ (если отбросить стоимость провоза). Но дешевизна товара измѣряется не исключительно денежной его цѣной, а этой цѣной, сопоставленной съ денежными доходами потребителей. Цѣна одинакова, какъ для англійскихъ, такъ и для иностранныхъ потребителей; но первые платятъ изъ денежнаго дохода, который увеличился, благодаря новому распределенію драгоцѣнныхъ металловъ, тогда какъ денежные доходы послѣднихъ въ силу той же причины, по всей вѣроятности, уменьшились. Слѣдовательно, торговля дала иностранному потребителю не всю ту выгоду, какую получить отъ улучшения англійскій потребитель, а только часть ея: между тѣмъ Англія получила еще выгоду и въ цѣнахъ иностранныхъ товаровъ. Итакъ, слѣдовательно, всякое улучшение въ промышленности, ведущее къ открытію новой отрасли экспорта, приноситъ пользу странѣ не только удешевленіемъ товара, въ которомъ произошло улучшение, но также и общимъ удешевленіемъ всѣхъ ввозныхъ продуктовъ.

Измѣнимъ теперь примѣръ, и предположимъ, что улучшение, вмѣсто того, чтобы создавать новую статью вывоза изъ Англіи, удешевляетъ одну изъ существовавшихъ раньше. Изслѣдуя этотъ случай при предложеніи непосредственной мѣны, мы видѣли, что иностранные потребители могутъ получить либо ту же выгоду, какъ и англійскіе, либо меньшую, либо даже большую, смотря по тому, въ какой степени способны расширяться потребление этого товара въ слѣдствіе пониженія его цѣны. Мы найдемъ, что тѣ же выводы будутъ справедливы и при употребленіи денегъ.

Пусть сукно будетъ тотъ товаръ, въ производствѣ котораго сдѣлано улучшение. Первый результатъ этого улучшения будетъ тотъ, что цѣна сукна упадетъ, и спросъ на него на заграничныхъ рынкахъ увеличится. Но величина этого спроса неопредѣлена. Предположимъ, что иностранные потребители увеличиваютъ свои покупки какъ разъ пропорціонально удешевленію, иными словами, затрачиваютъ на сукно ту же сумму денегъ, что и прежде: въ общей сложности платежи иностранныхъ государствъ Англіи будутъ прежними: равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ останется не нарушеннымъ; и иностранцы получатъ полную выгоду отъ удешевленія сукна. Но если характеръ иностраннаго спроса таковъ, что онъ увеличивается въ большей пропорціи, чѣмъ падаетъ цѣна, Англія будетъ получать за сукно сумму больше прежней, и, по полученіи ея, англійскія цѣны поднимутся, въ томъ числѣ и цѣна сукна; однако это повышение будетъ чувствительно только для иностраннаго покупателя, такъ какъ англійскіе доходы возрастутъ въ соотвѣтственной пропорціи; и такимъ образомъ иностранный потребитель получитъ отъ улучшения меньше выгоды, нежели англійскій. Если же, наоборотъ, заграничный спросъ на сукно не расширяется пропорціонально де-

шевленію этого товара, то Англія будетъ получать за сукно сумму, меньшую прежней, тогда какъ иностраннымъ государствамъ она должна будетъ платить прежнюю сумму: торговый балансъ обратится противъ Англіи, деньги будутъ уходить изъ нея, цѣны (въ томъ числѣ и цѣна сукна) упадутъ, и сукно можетъ въ дѣйствительности удешевиться для иностраннаго покупателя еще въ большей пропорціи, чѣмъ оно удешевилось, благодаря улучшенію, въ самой Англіи. Все это тѣ же выводы, къ которымъ мы пришли при гипотезѣ мѣны.

Результатъ предыдущаго разсужденія лучше всего можетъ быть выраженъ слѣдующими словами Рикардо*): «Золото и серебро, будучи избраны общимъ орудіемъ обращенія, въ силу торговаго соперничества распределяются между различными странами земнаго шара въ такихъ пропорціяхъ, что ихъ количество само собой приспособляется къ той естественной торговлѣ, которая велась бы и тогда, когда-бы не было этихъ металловъ, и когда торговля между странами производилась бы въ формѣ простой мѣны». Дѣйствительнымъ творцомъ этого принципа, столь богатаго послѣдствіями и до котораго теорія международной торговли была непонятнымъ хаосомъ, былъ Рикардо, хотя онъ и не прослѣдилъ его во всѣхъ его развитіяхъ. Ни одинъ изъ предшествовавшихъ этому автору писателей, кажется, и не предугадывалъ этого положенія, и немного найдется такихъ, которые и послѣ Рикардо надлежащимъ образомъ поняли научное значеніе открытаго имъ закона.

§ 3. Теперь необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ этотъ законъ распределенія металловъ посредствомъ уплаты баланса влияетъ на мѣновую цѣнность самихъ денегъ, и какъ онъ согласуется съ закономъ, которымъ, какъ мы нашли, регулируется цѣнность денегъ, ввозимыхъ въ видѣ простаго торговаго товара. Между этими законами, какъ будто-бы есть какое-то противорѣчіе, которое, по моему мнѣнію, болѣе всего способствовало тому, что нѣкоторые выдающіеся экономисты настойчиво оспаривали справедливость только что изложеннаго ученія. Они справедливо считаютъ, что деньги не составляютъ исключенія изъ общаго закона цѣнности, что онѣ такой же товаръ, какъ и всякій другой, и что ихъ средняя или естественная цѣнность должна зависѣть отъ стоимости ихъ производства или, по крайней мѣрѣ, отъ стоимости ихъ полученія. Поэтому этимъ ученіемъ кажется совершенно недопустимымъ, чтобы распределеніе денегъ по всему свѣту и ихъ различная цѣнность въ разныхъ мѣстахъ подвержены были измѣненіямъ, которыя зависятъ не отъ причинъ, вліяющихъ на самую деньги, а отъ сотни причинъ, не связанныхъ съ деньгами.—отъ всего того, что оказываетъ на торговлю другими товарами вліяніе, нарушающее равновѣсіе вывоза и ввоза.

Но предположенная ими аномалія существуетъ только по виду. Причины, которыя для возстановленія равновѣсія въ торговлѣ путемъ уплаты баланса, вносятъ деньги въ страну или уносятъ ихъ

*) Principles of Political Economy and Taxation. 3-е изд., стр. 144.

пзъ нея и вслѣдствіе этого повышаютъ цѣнность денегъ въ однихъ странахъ и понижаютъ ее въ другихъ, будутъ совершенно тѣ-же, отъ которыхъ зависѣла-бы мѣстная цѣнность денегъ, если-бы послѣднія ввозились только лишь въ качествѣ товара и не иначе, какъ непосредственно изъ рудниковъ. Когда цѣнность денегъ въ странѣ понижена на продолжительное время приливомъ ихъ черезъ торговый балансъ, это происходитъ, если не отъ уменьшенія въ ихъ стоимости производства, то отъ одной изъ тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ новое уравненіе международнаго спроса, болѣе выгодное для страны, а именно: либо отъ увеличенія заграничнаго спроса на ея товары, либо отъ уменьшенія ея спроса на заграничные товары. Но въ увеличеніи заграничнаго спроса на товары известной страны или въ уменьшеніи спроса этой страны на ввозные товары и заключаются именно тѣ причины, которыя, въ силу общихъ законовъ торговли, даютъ возможность странѣ покупать всѣ ввозные товары, а слѣдовательно, и драгоценные металлы, по болѣе низкой цѣнности. Поэтому между результатами двухъ различныхъ способовъ полученія денегъ не только нѣтъ противорѣчія, а, напротивъ, есть полное согласіе. Когда деньги переходятъ изъ страны въ страну вслѣдствіе взаимнаго въ международномъ спросѣ на товары, и въ силу этого пзмѣняется мѣстная цѣнность денегъ, то при этомъ просто осуществляется болѣе быстрымъ процессомъ тотъ-же результатъ, который-бы произошелъ въ всякомъ случаѣ, только болѣе медленно, отъ измѣненія въ сравнительной широтѣ теченій, которыми драгоценные металлы вливаются или рудокопныхъ странъ въ различныя мѣстности земнаго шара. Итакъ, мы уже видѣли, что употребленіе денегъ въ качествѣ орудія обмена нисколько не нарушаетъ закона, отъ котораго зависитъ цѣнности прочихъ вещей, какъ при внутренней, такъ и при внешней торговлѣ: теперь мы видимъ, что оно не измѣняетъ цѣнности самыхъ драгоценныхъ металловъ; и во всемъ изложенномъ нами ученіи международныхъ цѣнностей есть единство и гармонія, которыя являются самымъ козвеннымъ доказательствомъ ея справедливости.

§ 4. Раньше чѣмъ закончить эту главу, будетъ умѣстно указать, какимъ образомъ и въ какой степени предыдущіе выводы пзмѣняются существованіемъ международныхъ платежей, которые порождаются не торговлей, и за которые не платится и не получается равноцѣнности въ видѣ денегъ или товаровъ. Такими платежами являются уплата контрибуцій, переводы ренты отсутствующимъ землевладѣльцамъ, процентовъ заграничнымъ кредиторамъ, заграничные правительственные расходы, каже, напримеръ, несетъ Англія по управленію нѣкоторыми изъ ея колоній.

Начнемъ съ случая мѣны. Предположимъ, что эти ежегодные переводы производятся товарами и представляютъ вывозъ, за который не получается уплаты, слѣдовательно, уже не требуется, чтобы весь ввозъ и весь вывозъ страны оплачивали другъ друга: напротивъ, ежегодно долженъ быть излишекъ вывоза надъ ввозомъ, равный цѣности этого перевода. Если, до наступленія необходимости внести ежегодный платежъ, иностранная торговля страны находи-

лась въ естественномъ состояніи равновѣсія, то теперь для выполненія перевода будетъ необходимо побудить заграничныя страны, брать ввозныхъ товаровъ больше прежняго: а это можетъ быть достигнуто предложеніемъ этихъ товаровъ по болѣе дешевой цѣнѣ, или, иными словами, покупкой по болѣе дорогой цѣнѣ иностранныхъ товаровъ. Международныя цѣнности будутъ приспособиться такъ, чтобы путемъ болѣе обширнаго вывоза, или меньшаго ввоза, или путемъ того и другаго вмѣстѣ вызвать требуемый излишекъ на сторонѣ вывоза: и этотъ излишекъ будетъ уже постояннымъ. Въ результатѣ получится то, что страна, производящая регулярные платежи другимъ странамъ, кромѣ потери того, что она платитъ, теряетъ еще нѣсколько больше вслѣдствіе тѣхъ менѣе выгодныхъ условий, на какихъ ей придется обмѣнивать свои произведенія на иностранные товары.

Тѣ-же самые результаты получаются и при употребленіи денегъ. Если мы предположимъ, что до начала обязательныхъ платежей торговля находилась въ состояніи равновѣсія, первый платежъ будетъ необходимо произведенъ деньгами. Это понижаетъ цѣны въ странѣ, платящей и повышаетъ ихъ въ получающей уплату. Естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что товаровъ будетъ вывезено больше и ввезено меньше прежняго, и что въ общемъ итогѣ однихъ только торговыхъ операций страна, получающая платежи, должна будетъ постоянно выплачивать странѣ производящей его денежный балансъ. Когда такимъ образомъ балансъ, выплачиваемый ежегодно странѣ, платящей дань, становится равнымъ ежегодной данн или какому нибудь другому постоянному платежу, получаемому отъ этой страны, то переводъ денегъ прекращается: равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ уже не будетъ, но будетъ равновѣсія между платежами: вексельный курсъ будетъ *at par*, оба долга будутъ погашаться другъ другомъ, и дань, или переводъ, будетъ въ дѣйствительности уплачиваться товарамъ. Результатъ для интересовъ обихъ странъ будетъ такой-же, какъ и только что указанный нами: платящая дань страна будетъ давать болѣе высокія цѣны за все, что она покупаетъ въ странѣ получающей, тогда какъ послѣдняя, кромѣ получаемой ею данн, будетъ получать по болѣе дешевой цѣнѣ товары, вывозимые изъ страны, платящей дань.

ГЛАВА XXII.

Вліяніе денегъ на вексельный курсъ и внешнюю торговлю.

§ 1. Въ нашемъ изслѣдованіи законовъ международной торговли мы начинали съ принциповъ, опредѣляющихъ международный обмѣнъ и международныя цѣнности при гипотезѣ простой мѣны. Затѣмъ мы доказали, что отъ введенія денегъ, какъ орудія обмѣна,

законы обмена и ценности вообще не изменяются ни в сфере международных, ни в сфере внутренних торговых сношений; потому что драгоценные металлы под влиянием тех же законов распределяются между различными странами в таких пропорциях, которые дают возможность производиться совершенно тем же коммерческим оборотам и по тем же ценам, как и при системе простой ливы. Наконец, мы рассмотрим, как изменяется ценность самих денег под влиянием тех изменений в положении торговли, которые возбужают либо от изменения в спросе и предложении товаров, либо от изменения в стоимости производства последних. Теперь нам остается рассмотреть перемены в состоянии торговли, возникающие не от товаров, а от самих денег.

Стоимость производства золота и серебра может изменяться подобно тому, как и стоимость других вещей, хотя и не столь часто. Спрос на эти металлы в иностранных государствах может также изменяться. Он может увеличиваться вследствие того, что увеличивается употребление металлов на предметы искусства и украшения, или вследствие того, что расширение производства и торговых операций создаст большее количество сделок, производимых при помощи денег. Он может уменьшаться от противоположных условий, или от распространения тех денежных орудий обращения, благодаря которым отчасти сокращается употребление денег. Эти перемены влияют на торговлю стран, имеющих рудники, со всеми другими странами и на ценность драгоценных металлов, сообразно общим законам, которыми определяется ценность ввозимых товаров. Эти законы были изложены с достаточной полнотой в предыдущих главах.

В настоящей главе я не намерен исследовать те, влияющие на деньги, обстоятельства, которые изменяют постоянные условия их ценности: я займусь вопросом о том, как влияют на международную торговлю случайные, или временные, колебания в ценности денег, не имеющие никакой связи с причинами, которые действуют на их постоянную ценность. Этого предмета важен по своему отношению к одному практическому вопросу, возбуждавшему так много споров в течение последних шестидесяти лет, а именно к вопросу о регулировании денежной системы.

§ 2. Предположим, что в известной стране обращаются исключительно металлические деньги и что их количество внезапно и случайно увеличилось, например, введением в обращение крупных денежных запасов, которые до тех пор скрывались вследствие чужеземного нашествия, или внутренних беспорядков. Естественным результатом этого было бы возвышение цены, которое уменьшило бы вывоз и увеличило бы ввоз товаров. Ввоз превысил бы вывоз, вексельный курс стал бы неблагоприятен для этой страны, и вновь приобретенный денежный капитал перешел бы во все страны, с которыми она ведет торговлю, а из этих стран постепенно раз-

плелся бы по всем частям коммерческого мира. Деньги, таким образом наводнившие страну, разлились бы по одинаковому уровню во всех коммерческих странах. Такое положение должно наступить потому, что деньги будут переливаться до тех пор, пока вывоз и ввоз снова не уравновесятся. Но такое равновесие (при предполагаемой нами изменчивости постоянных условий международного спроса) может быть достигнуто только тогда, когда деньги распространятся настолько равномерно, что цены подымутся в одинаковой пропорции во всех странах; при этом условии изменение цены не будет иметь никакого значения в практическом отношении, и вывоз и ввоз, хотя и станут обмениваться на деньги в более крупных суммах, но в действительности будут совершенно такими же, как и первоначально. От такого понижения ценности денег во всем мире прекратилась бы или, по крайней мере, уменьшилась бы ежегодная добыча из рудников (в особенности, если понижение было значительно); потому что драгоценные металлы уже не были бы ценности, соответствующей их высшей стоимости производства. Поэтому ежегодная добыча в них бы ценою не поощрялась бы, и путем обыкновенного изнашивания общее количество драгоценных металлов сократилось бы до их прежней суммы. После этого их производство возобновилось бы в прежнем размере. Таким образом появление в обращении новых металлических запасов производит лишь временные последствия, а именно: непродолжительное замешательство в международной торговле, длящееся до тех пор, пока эти запасы не разойдутся по всему миру, и затем временное падение ценности металлов ниже той величины, которая соответствует стоимости производства или получения их. Это падение ценности постепенно осязается временным уменьшением добычи золота и серебра в рудопромышленных странах и сокращением ввоза этих металлов в прочие страны.

Те же последствия, какие влечет за собой введение в обращение металлических запасов, будут сопровождать всякий процесс, посредством которого металл замещается банковыми билетами, или другими суррогатами денег. Предположим, что в Англии обращается 20 миллионов фунтов стерлингов исключительно в звонкой монете, и что внезапно в обращение пушено на 20 миллионов банковых билетов. Билеты, если они выпущены банками, будут употреблены на ссуды или на покупку акций и следовательно, произведут внезапное понижение рыночного процента; а вследствие этого значительная часть из 20 миллионов золота уйдет в другие страны в виде капитала для поисков более высокого процента и быть может, это совершится раньше, чем выпуск билетов произведет какое-либо влияние на цены. Но допустить, что билеты выпущены не банками и не лицами, которые как бы то ни было образом занимают отдачу денег в ссуду, а фабрикантам — в счет заработной платы и на покупку материалов, или правительством — на его обыкновенные расходы: так что вся сумма билетов будет быстро перенесена на товарный рынок. Естественный порядок последствий будет такой:

всѣ цѣны сильно поднимутся. Вывозъ почти прекратится; ввозъ чрезвычайно усилится. Англій придется выплачивать большой баланс; вексельный курсъ обратится противъ нея въ полномъ размѣрѣ илтержесть на пересылку золота; и излишекъ его быстро разольется по разнымъ странамъ свѣта въ порядкѣ какъ географической, такъ и коммерческой близости ихъ къ Англій. Отливъ золота будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока денежное обращеніе во всѣхъ странахъ не придетъ къ одному уровню. Этими я хочу сказать не то, что деньги приобретутъ повсюду одинаковую цѣнность, а только то, что отливъ ихъ будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока различія въ ихъ цѣнности не станутъ точно такими, какія существовали и прежде и какія соответствовали постоянной разницѣ въ стоимости полученія денегъ. Когда повышеніе цѣнъ распространится въ одинаковой степени по всѣмъ странамъ, вывозъ и ввозъ повсюду возвратятся къ тѣмъ размѣрамъ, какихъ они достигали прежде, и будутъ другъ друга уравновѣшивать, и вексельный курсъ станетъ снова at par. Если бы распространеніе по всему коммерческому свѣту такой суммы, какъ 20 милліоновъ фунтовъ, было достаточно для замѣтнаго повышенія общаго уровня, то и такое послѣдствіе продолжалось бы недолго. Если ни во всемъ мірѣ вообще, ни въ одной изъ его частей не произошло никакого измѣненія въ тѣхъ условіяхъ, при какихъ получается металлъ, то пониженная цѣнность его не будутъ оплачивать издержекъ добычи его, и работы въ рудникахъ сократятся или будутъ вообще приостановлены до тѣхъ поръ, пока не будутъ поглощены эти 20 милліоновъ (фунтовъ *); послѣ чего денежное обращеніе во всѣхъ странахъ и по своему количеству, и по своей цѣнности придетъ приблизительно къ своему первоначальному уровню. Я говорю «приблизительно», потому что, строго говоря, незначительная разниця все-же будетъ существовать. Теперь будетъ требоваться нѣсколько меньшая ежегодная добыча драгоцѣнныхъ металловъ, потому что во всемъ коммерческомъ мірѣ будетъ на 20 милліоновъ меньше звонкой монеты, подвергавшейся изнашиванію. Слѣдовательно съ этихъ поръ для равновѣсія между платежами рудокопныхъ и всѣхъ остальныхъ странъ необходимо, чтобы первыя или вывозили нѣсколько больше какого-нибудь другаго товара или ввозили бы нѣсколько меньше иностранныхъ товаровъ. Для этого необходимо, чтобы уровень цѣнъ въ странахъ, имѣющихъ рудники, былъ нѣсколько ниже, а въ остальныхъ нѣсколько выше прежняго, — чтобы въ первыхъ количество денегъ въ обращеніи было нѣсколько ограничено, а во вторыхъ нѣсколько больше прежняго. Это послѣдствіе, которое само по себѣ ничтожно и заслуживаетъ упоминанія только для иллюстраціи общаго прин-

* Здѣсь я предполагаю такое положеніе дѣлъ, при которомъ добыча золота и серебра составляетъ постоянную отрасль промышленности, ведущуюся въ извѣстныхъ установившихся условіяхъ, а по вышнему состоянію неизвѣстности, при которомъ добыча золота представляетъ азартную игру, въ которой все зависитъ отъ случая, а не отъ правильнаго веденія дѣла.

ципа, будетъ единственнымъ прочнымъ измѣненіемъ въ международнои торговлѣ и въ цѣнности и количествѣ денегъ, наладившихся въ обращеніи во всѣхъ странахъ.

Однако, отъ выпуска билетовъ произойдутъ и другаго рода послѣдствія. 20 милліоновъ, существовавшіе нѣкогда въ непронзводительной формѣ звонкой монеты, были обращены въ то, что составляетъ, или можетъ составлять производительный капиталъ. Выгоду отъ этого первая извлекаетъ Англія на счетъ другихъ странъ, которая взяла изъ ея рукъ этотъ излишекъ дорогого и непронзводительнаго матеріала и отдала за него равную цѣнность другимъ товарамъ. Потеря этихъ странъ постепенно пополняется вслѣдствіе того, что излишекъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ рудниковъ уменьшается, и въ концѣ концовъ, производительныя средства всего міра дѣйствительно увеличатся на 20 милліоновъ. Разъясненіе этихъ послѣдствій Адамомъ Смитомъ, не смотря на то, что оно всѣмъ извѣстно, заслуживаетъ по своей чрезвычайной вѣрности того, чтобы быть повтореннымъ лишній разъ. Замѣчу драгоцѣнныхъ металловъ бумажными деньгами онъ сравниваетъ съ сооруженіемъ воздушной дороги, благодаря которой земля, теперь зашмаемая дорогами, стала бы пригодна для земледѣлія. Какъ въ послѣднемъ случаѣ часть земли, такъ въ первомъ часть накопленнаго богатства освобождается отъ назначенія, въ которомъ она служила лишь для того, чтобы дѣлать производительными другія земли или капиталы, и сама стала пригодною для производства: прічемъ прежнее ея назначеніе выполнялось бы такъ-же хорошо ничего не стоющимъ орудіемъ.

Цѣнность, сбереженная для общества такой возможностью обходиться безъ звонкой монеты, представляетъ очевидный выигрышъ для нѣхъ лишь, которая доставляютъ замѣнающія ея вещи. Они пользуются орудіемъ ообща, равнымъ 20 милліонамъ фунтовъ, которое стоило имъ только расхода на гравировку доски. Если эти люди употребятъ такую прибавку къ ихъ состоянію, какъ производительный капиталъ, то продуктъ страны увеличится, и общество получитъ такую-же выгоду, какъ и отъ всякаго другаго капитала такой величины. Однако получить-ли вышесказанные билеты такое употребленіе или нѣтъ, это зависитъ до нѣкоторой степени отъ способа выпуска ихъ. Если они выпускаются правительствомъ и употребляются на уплату долга, то они, по всей вѣроятности, останутся производителямъ капиталомъ. Однако правительство можетъ предпочесть употребить этотъ чрезвычайный источникъ на свои обыкновенныя расходы, можетъ бесполезно растратить его, или сдѣлать изъ него просто временную замѣну налоговъ на сумму равную выпуску; въ послѣднемъ случаѣ эта сумма будетъ сбережена всѣми плательщиками налоговъ вообще, которые присоединяя ее къ своему капиталу или параскоудють, какъ тоходъ. Когда бумажныя деньги выпускаются, какъ въ Англій, банкирами или банкерскими обществами, вся сумма билетовъ почти исцѣло обращается въ производительный капиталъ; потому что лица, выпустившія ихъ, будучи обязанными во всякое время уплатить полученную за нихъ цѣн-

ность, находятъ подъ самымъ сильнымъ побужденіемъ не проматывать ее, и она остается не употребленной только въ случаяхъ мошенничества и дурного веденія дѣла. Профессія банкира та-же, что и профессія лица, дающаго займа деньги, поэтому, выпуская билеты, онъ просто расширяетъ свое обыкновенное занятіе. Все эти билеты онъ отдаетъ въ ссуду фермерамъ, фабрикантамъ или торговцамъ, которые употребляютъ ихъ на свои предприятия. Употребленные такимъ образомъ билеты приносятъ, подобно всякому другому капиталу, плату за трудъ и прибыль на капиталъ. Эта прибыль раздѣлится между банкиромъ, получающимъ процентъ, и цѣлымъ рядомъ земледѣльцевъ, которые берутъ ссуду преимущественно на короткіе сроки и, за уплатой процентовъ, получаютъ еще прибыль или удобство, равнѣющее прибыль. Самый же капиталъ черезъ известный промежутокъ времени всецѣло обращается въ заработную плату, и будучи возвращенъ продажей продукта, снова обращается въ заработную плату; такимъ образомъ онъ служитъ постояннымъ фондомъ въ 20 милл. фунтовъ для содержанія производительнаго труда и увеличиваетъ ежегодный продуктъ страны на все то количество, какое можетъ быть произведено исередиствомъ такого капитала. Къ этому выводу слѣдуетъ прибавить еще другое обремененіе для страны: ежегодный расходъ на пополненіе убыли въ звонкой монетѣ, вследствие стиранія и изнашиванія становится необходимымъ.

Слѣдовательно, замѣна металлической денегъ бумажными должна доводиться до того размѣра, какой допускается требованіемъ безопасности: при чемъ металлическихъ денегъ надобно удерживать не больше того количества, какое необходимо для сохраненія дѣйствительной размѣнности бумажныхъ денегъ и довѣрія къ нимъ общества. Страна съ такимъ обширнымъ коммерческимъ сношеніемъ, какъ въ Англіи, можетъ внезапно представиться необходимою произвести крупныя платежи за границу—иногда по случаю выдачи ссуды или съ цѣлью какого-либо другого помѣщенія капиталовъ за границей, иногда въ уплату за чрезвычайный ввозъ товаровъ, чаще всего большой ввозъ хлѣба вследствие неурожаа. Для удовлетворенія такихъ требованій необходимо, чтобы или въ обращеніи, или въ банковыхъ кассахъ находилась весьма значительная сумма звонкой монеты или слитковъ, и чтобы эта сумма, вынутая при какой-нибудь случайности, могла-бы по мнѣванію ея возвращаться обратно. Но золото, требующееся для вывоза, почти неизмѣнно берется изъ банковыхъ резервовъ и, по всей вѣроятности, никогда не будетъ бѣгаться непосредственно изъ обращенія, пока банки не прекратятъ платежей: поэтому единственная выгода, какую можно получить отъ удержанія въ обращеніи части звонкой монеты заключается въ томъ, что банки по временамъ могутъ ею пополнить свои резервы.

§ 3. Когда звонкая монета совершенно замѣнена и вытѣснена изъ обращенія посредствомъ банковыхъ билетовъ, выпускаемыхъ на равную ей сумму, то при размѣнности такихъ билетовъ всякая попытка удержатъ въ обращеніи большее количество ихъ будетъ вполне безуспѣшна. Новый выпускъ ихъ вызоветъ тотъ-же рядъ послѣд-

ствий, каковыя раньше было вытѣснено золото. Какъ и раньше золото и серебро потребуются для вывоза, и для этой цѣли ихъ потребуютъ изъ банковъ на всю сумму вновь выпущенныхъ билетовъ: и такимъ образомъ не будетъ никакой возможности удержатъ послѣдніе въ обращеніи. Правда, если-бы билеты были неразмѣнны, то не было-бы такого препятствія къ увеличенію ихъ количества. Всякій неразмѣнный бумажно-денежный знакъ дѣйствуетъ совершенно такъ-же, какъ и размѣнный, пока въ обращеніи остается хоть сколько-нибудь звонкой монеты, которая можетъ быть замѣнена имъ: разница начинается обнаруживаться, когда вся звонкая монета—(кромя небольшого количества ея, необходимаго для удобства мелкихъ платежей) вытѣснена изъ обращенія, а выпускъ бумажныхъ денегъ все еще продолжается. Когда количество бумажныхъ денегъ начнетъ превышать количество замѣненной имъ звонкой монеты, цѣны, безъ сомнѣнія, повышаются; вѣсъ, стоявшій 5 фунтовъ на звонкую монету, будутъ стоить, смотря по обстоятельствамъ, 6 фун. или больше на неразмѣнные бумажныя деньги. Но это повышеніе цѣны не будетъ, какъ въ раньше рассмотрѣнныхъ нами случаяхъ, увеличатъ ввозъ и уменьшатъ вывозъ. Вывозъ и ввозъ опредѣляются цѣнами вещей на звонкую монету, а не на бумажныя деньги: но цѣны на звонкую монету и на бумажныя деньги согласуются между собою только тогда, когда бумажныя деньги размѣняются по востребованію на звонкую монету.

Допустимъ, что Англія, именно, та страна, въ которой бумажныя деньги обезцѣнены. Предположимъ, что пока въ обращеніи была только звонкая монета, можно было какой-нибудь англійскій товаръ купить за 5 фун., а продать его во Франціи за 5 фун. 10 шил., при чемъ эта разница покрывала расходы и рискъ и доставляла прибыль торговцамъ. Вслѣдствіе обезцѣненія бумажныхъ денегъ теперь этотъ товаръ будетъ стоить въ Англіи 6 фун., а во Франціи его нельзя продать дороже 5 фун. 10 шил., и все-же онъ будетъ вывозиться по прежнему. Спрашивается, почему? Потому что 5 ф. 10 ш., которые можно получить за него во Франціи, уплачиваются не обезцѣненными бумажными деньгами, а золотомъ или серебромъ; а такъ какъ въ Англіи цѣна слитковъ подвядась въ одной пропорціи со всемъ остальными цѣнами, то слѣдовательно, купель, привезенный въ Англію золото или серебро, можетъ продать каждыя 5 ф. 10 ш. за 6 ф. 12 ш. и получить, какъ и прежде, 10% въ прибыль и для покрытія расходовъ.

Такимъ образомъ очевидно, что обезцѣненіе денегъ не имѣетъ вліянія на внутреннюю торговлю страны; она ведется совершенно такъ-же, какъ если-бы деньги сохранили свою цѣнность. Но, не оказывая вліянія на торговлю, оно вліяетъ на вексельный курсъ. Когда ввозъ и вывозъ находятся въ равновѣсіи, вексельный курсъ при металлическомъ денежномъ обращеніи будетъ *at par*; вексель на Францію въ 5 совереновъ будетъ стоить 5 совереновъ. Но 5 совереновъ, или содержащееся въ нихъ количество золота, стоятъ теперь въ Англіи 6 фунтовъ: слѣдовательно вексель на Францію въ 5 фун. будетъ стоить 6 ф. Поэтому при *дѣйствительномъ* курсѣ *at par* будетъ

существовать номинальный курсъ, неблагоприятный для страны на столько процентовъ, на сколько обезцѣнились ея бумажныя деньги. Если цѣнность денегъ упала на 10, 15 или 20%, то каковы-бы ни были колебанія дѣйствительнаго курса, происходящія отъ измѣненій въ международномъ балансѣ, курсъ, котируемый на биржахъ, будетъ всегда различаться отъ дѣйствительнаго на 10, 15 или 20%. Какъ-бы ни была высока эта номинальная премія, она не способствуетъ вывозу золота изъ страны; векселя не будутъ выдаваться на эту страну съ цѣлью воспользоваться преміей, потому что вывозимое такимъ образомъ золото надобно доставать не изъ банковъ и не *à pari*, какъ при размѣнности бумажныхъ денегъ, а на рынкѣ по цѣнѣ, повысившейся на сумму, раннюю преміи. Въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто того, чтобы говорить, что курсъ неблагоприятенъ, было-бы правильнѣе говорить, что курсъ *à pari* измѣнился потому, что теперь требуется большее, чѣмъ прежде, количество англійскихъ денегъ для того, чтобы онѣ заключали въ себѣ такую-же цѣнность, какъ данное количество иностранныхъ денегъ. Однако курсъ продолжаетъ считаться сообразно *à pari* звонкой монеты. Слѣдовательно, при обезцѣненіяхъ бумажныхъ денегъ курсъ, котируемый на биржѣ, зависитъ отъ двухъ элементовъ, или факторовъ: отъ дѣйствительнаго курса, находящагося въ зависимости отъ измѣненій въ международныхъ платежахъ, и отъ номинальнаго курса, измѣняющагося съ паденіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ; при чемъ номинальный курсъ всегда долженъ быть неблагоприятенъ, пока цѣнность бумажныхъ денегъ хоть сколько-нибудь понижена. Размѣръ обезцѣненія совершенно точно измѣняется степенью, въ какой рыночная цѣна слитка стоитъ выше цѣны его, назначенной монетнымъ дворомъ; поэтому мы имѣемъ вѣрный критерій для опредѣленія того, какая доля изъ котируемаго на биржѣ курса относится къ паденію бумажныхъ денегъ, и можемъ ее вычесть, какъ номинальную; полученный такимъ образомъ результатъ и будетъ представлять собою дѣйствительный курсъ.

То-же самое измѣненіе въ вексельномъ курсѣ и международной торговлѣ, какое производится усиленнымъ выпускомъ размѣнныхъ банковыхъ билетовъ, будетъ произведено расширеніемъ тѣхъ видовъ кредита, которые, какъ мы уже столь подробно разъяснили въ одной изъ предыдущихъ главъ, оказываютъ на цѣны такое-же влияние, какъ и увеличение числа находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ. Когда влѣдствіе некоторыхъ обстоятельствъ спекулятивный духъ возбуждается настолько сильно, что вызываетъ сильное увеличение покупокъ въ кредитъ, денежные цѣны поднимаются совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ онѣ-бы подыались, если-бы покупки производились не въ кредитъ, а на деньги. Поэтому и всѣ результаты должны быть одинаковы. Слѣдствіемъ высокихъ цѣнъ бываетъ сокращеніе вывоза и увеличеніе ввоза; впрочемъ въ дѣйствительности увеличеніе ввоза рѣдко ждетъ возвышенія цѣнъ, происходящаго отъ спекуляцій, потому что спекулятивная горячка обыкновенно сказывается прежде всего на тѣхъ товарахъ, которые представляютъ главные статьи ввоза. Поэтому въ такія времена ввозъ обыкновенно

сильно превышаетъ вывозъ: и когда наступаетъ время расплаты, курсъ становится неблагоприятнымъ, и золото уходитъ изъ страны. Какимъ именно образомъ такой отливъ золота вліяетъ на цѣны, зависитъ отъ обстоятельствъ, о которыхъ въ скоромъ времени мы будемъ говорить болѣе подробно; но несомнѣнно и очевидно то, что его вліяніе вызываетъ быстрое паденіе цѣнъ. Разъ начавшееся, паденіе обыкновенно приводитъ торговлю въ состояніе полного разстройства, и чрезвычайное расширеніе кредита быстро смѣняется чрезвычайнымъ сокращеніемъ его. Поэтому, если кредитъ былъ неосторожно расширенъ, и если спекуляція дошла до чрезмѣрности, то ближайшую причину катастрофы бываетъ ухудшеніе вексельнаго курса и влѣдствіе этого усиленное требованіе золота изъ банковъ для вывоза. Но эти явленія, хотя они и бросаются въ глаза при потрясеніи кредита, называемомъ коммерческимъ брѣзсомъ, все-же не составляютъ существенной части его; такой брѣзсъ, какъ мы уже раньше показали*), могъ бы происходить такъ-же легко и въ такихъ-же размѣрахъ и въ странѣ, совершенно лишеной вѣншей торговли, если-бы только такая страна существовала.

ГЛАВА XXIII

О величинѣ процента.

§ 1. Здѣсь самое подходящее мѣсто для того, чтобы рассмотреть обстоятельства, опредѣляющія величину процента. Вопросъ о ссудномъ процентѣ относится, въ сущности, къ теоріи мѣнновой цѣнности, и потому естественно входить въ настоящій отдѣлъ нашего трактата. Вопросы о денежномъ обращеніи и о займахъ, несмотря на всю ихъ раздѣльность, такъ тѣсно слѣпаются въ явленіяхъ такъ называемаго денежнаго рынка, что одного изъ нихъ невозможно понять безъ другого: но отъ смѣшенія этихъ двухъ предметовъ и многихъ лицъ составила въ умѣ самая невѣроятная путаница.

Въ предыдущей книгѣ**) мы опредѣлили отношеніе процента къ прибыли. Мы нашли, что въ общей прибыли на капиталъ слѣдуетъ различать три части, соответствующія вознагражденію за рискъ, за хлопоты и за самый капиталъ: эти части могутъ быть названы: страховой долей, заработной платой за надзоръ и процентомъ. По вознагражденію за рискъ, т. е. по покрытіи среднихъ потерь, которыми подвергается капиталъ либо влѣдствіе общаго социальныхъ условій, либо влѣдствіе рискованности отдѣльнаго предпріятія,

*) Выше гл. XII, § 3 этой книги.

**) Выше кн. II, гл. XV, § 1

остается излишек. пдущій отчасти на вознаграждение капиталиста за его воздержаніе, а отчасти на вознаграждение за труды и хлопоты предпринимателя, пользующагося этимъ капиталомъ. Сколько достается на долю одному и сколько другому, видно изъ того, какой размѣръ вознагражденія можетъ получить собственникъ капитала отъ предпринимателя за пользование капиталомъ, когда эти двѣ роли раздѣлены. Очевидно, это зависитъ отъ спроса и предложенія. И въ этомъ случаѣ спросъ и предложеніе имѣютъ то-же значеніе и то-же вліяніе, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Величина процента должна быть такова, чтобы спросъ на ссудные капиталы уравнивался съ предложеніемъ ихъ. Она должна быть такова, чтобы количество капиталовъ, которое одни люди желаютъ отдать взаймы по известному проценту было совершенно равно тому количеству, какое другіе желаютъ взять. Если предлагается капиталовъ больше, чѣмъ требуется,—процентъ упадетъ: если ихъ больше требуется, чѣмъ предлагается—процентъ поднимется; и въ обоихъ случаяхъ паденіе или повышеніе процента дойдетъ до той величины, при которой предложеніе и спросъ уравниваются.

И спросъ, и предложеніе ссудныхъ капиталовъ подвергаются болѣе сильнымъ колебаніямъ, чѣмъ спросъ и предложеніе всякаго другого товара. Въ другихъ товарахъ эти колебанія зависятъ отъ ограниченнаго числа вліяющихъ обстоятельствъ: тогда какъ желаніе отдавать и охота брать взаймы находятся болѣе или менѣе подъ вліяніемъ всякаго обстоятельства, видоизмѣняющаго состоянія или разсчета всей промышленности и торговли вообще, или какой-нибудь отрасли ихъ. Поэтому величина процента при хороши обезпеченныхъ займахъ (которыхъ мы только и будемъ здѣсь касаться, такъ какъ при существованіи какого-бы то ни было риска процентъ можетъ подыматься до неопредѣленной величины) рѣдко бываетъ въ главныхъ центрахъ денежныхъ сдѣлокъ одинаковой два дня сряду, какъ это можно видѣть по никогда не прекращающимся колебаніямъ въ котировкахъ публичъ государственныхъ и другихъ процентныхъ бумагъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и во всѣхъ случаяхъ ивности, должна быть известная величина, которая, по выраженію Адама Смита и Рикардо, можетъ быть названа естественной величиной процента: около нея колеблется и къ ней всегда стремится возвратиться рыночный процентъ. Эта величина отчасти зависитъ отъ количества сбереженій, накопляющихся въ рукахъ людей, которые не могутъ сами заниматься примѣненіемъ своихъ капиталовъ къ дѣлу, а отчасти отъ того, бываетъ-ли общество болѣе склонно къ требующимъ энергіи промышленнымъ занятіямъ, или къ праздности, покою и беззаботности человека, имѣющаго постоянный доходъ.

§ 2. Чтобы отвѣситься отъ случайныхъ колебаній, мы предположимъ, что торговля находится въ спокойномъ состояніи, при чемъ въ ней нѣтъ ни чрезвычайно прибыльныхъ, ни чрезвычайно невыгодныхъ занятій. При такихъ условіяхъ производители и торговцы, дѣла которыхъ идутъ успѣшнѣе всего, затрачиваютъ всѣ свои средства, и многіе изъ нихъ имѣютъ возможность вести дѣло въ размѣрѣ, значительно превышающемъ ихъ собственный капиталъ. Есте-

ственно, эти лица бываютъ заемщиками: и величина займовъ, которые они желаютъ сдѣлать подъ известное обезпеченіе, составляетъ спросъ на займы для производительныхъ иблей. Къ этому надобно еще прибавить займы, требующіеся правительствомъ и землевладельцами или другими непродовольственными потребителями, имѣющими возможность представить ибрное обезпеченіе. Это составляетъ всю ту кассу займовъ, на какую существуетъ обычный спросъ.

Можно себѣ представить, что въ рукахъ лицъ, не расположенныхъ или неспособныхъ лично вести дѣла, существуетъ касса капитала, равная этому спросу и даже превосходящая его. Въ такомъ случаѣ соперничество между заемщиками было-бы, вѣроятно, слишкомъ сильно, и величина процента стояла-бы низко по сравненію съ величиной прибыли. Процентъ понизился бы до такой величины, которая, или побудила-бы заемщиковъ брать взаймы болѣе той суммы, какую они могли бы по здоровомъ разсужденіи вложить въ свое дѣло, или такъ-бы повліяла на заемщиковъ, что они прекратили-бы накопленіе или постарались-бы увеличить свой доходъ, основывая предпріятія на свой счетъ и принимая на себя, если не трудъ-то рискъ промышленнаго занятія.

Съ другой стороны капиталъ, принадлежащій лицамъ, которые предпочитаютъ отдавать его въ ростъ, или которымъ ихъ занятія мѣшаютъ лично наблюдать за его употребленіемъ, можетъ быть недостаточенъ для удовлетворенія обычнаго спроса на ссуды. Значительная часть его можетъ быть поглощена такими помѣщеніями, какъ государственные долги и закладныя, а остатокъ можетъ быть недостаточенъ для удовлетворенія потребностей торговли. При такихъ условіяхъ величина процента подымется на столько высоко, что тѣмъ или инымъ способомъ равновѣсіе возстановится. Когда разница между процентомъ и прибылью станетъ очень незначительной, то многіе заемщики могутъ не пожелать увеличивать свою ответственность и рисковать своимъ кредитомъ ради такого ничтожнаго вознагражденія. Нѣкоторые изъ тѣхъ лицъ, которые при другихъ условіяхъ занялись-бы сами какимъ-нибудь коммерческимъ дѣломъ, могутъ теперь отдать предпочтеніе праздности и сдѣлаются вмѣсто заемщиковъ заемщиками. Другія, подъ вліяніемъ высокаго процента, и легкости помѣщенія капитала, могутъ выйти изъ предпріятія раньше и съ меньшимъ состояніемъ, чѣмъ то, какимъ они удовлетворялись при иныхъ условіяхъ. Но есть еще и другой способъ, посредствомъ котораго въ Англіи и другихъ коммерческихъ странахъ удовлетворится въ значительной мѣрѣ спросъ на ссуды. При этомъ способѣ капиталъ отдается въ ссуду не людямъ, стоящимъ внѣ коммерческаго дѣла, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, а наоборотъ сама задача денегъ въ ссуду становится коммерческимъ предпріятіемъ. Часть капитала, вкладываемаго въ промышленность, можетъ доставляться классомъ профессиональныхъ торговцевъ деньгами. Но эти торговцы должны получать болѣе обыкновеннаго процента; они должны получать обыкновенную прибыль на свой капиталъ, а также и специальное вознагражденіе за рискъ. Однако всякому, дѣлающему заемъ для своего предпріятія, не будетъ никакого расчета

платить полную прибыль на капиталъ, съ котораго онъ самъ получить только эту прибыль; а поэтому занятіе, состоящее въ даваніи денегъ займа для правльваго снабженія пмп торговли, можетъ вестись только тѣми людьми, которые сверхъ своего капитала могутъ отдавать займы свой кредитъ, иными словами, капиталъ другихъ лицъ. Предпринимателями такого рода являются банкиры и такіе люди, какъ биржевые дисконтеры, которые въ сущности—тѣ-же банкиры, потому что они получаютъ на храненіе деньги. Банки, дающій въ ссуду свои билеты, сужаетъ капиталъ, который занять имъ у общества, и за который онъ не платитъ никакихъ процентовъ. Депозитный банкъ даетъ займы капиталъ, который онъ собираетъ отъ общества мелкими частями, иногда совершенно не платя за него процентовъ, какъ это дѣлаютъ частные лондонскіе банкиры. Если же они и платятъ проценты, подобно шотландскому, акціонернымъ и большинству провинціальныхъ банковъ, то эти проценты гораздо ниже тѣхъ, какіе они получаютъ сами: такъ какъ вкладчики рады брать и небольшой процентъ въ виду того, что по такимъ незначительнымъ суммамъ они получали бы настолько малый доходъ, что изъ-за него не стоило бы хлопотать. Имѣя это вспомогательное средство, банкиры могутъ отдачею денегъ на проценты получать обыкновенную прибыль на свой капиталъ. Инымъ способомъ отдача въ ссуду денегъ могла-бы вестись какъ правльвое, коммерческое дѣло только на такихъ условіяхъ, на которыхъ согласился-бы брать въ ссуду лишь тѣ, кто разсчитываетъ на чрезвычайную прибыль или находится въ крайней нуждѣ, словомъ, лишь непродовольные потребители, живущіе не по средствамъ, или купцы, находящіеся подъ страхомъ банкротства. Свободный капиталъ, вложенный въ банкъ; капиталъ, представляемый банковыми билетами: капиталъ самихъ банкировъ и тотъ, который они имѣютъ возможность получить посредствомъ какой-бы то ни было формы кредита, и наконецъ, капиталы, принадлежащіе людямъ, которые по необходимости или по своимъ склонностямъ живутъ на проценты со своего имущества: вотъ тѣ слагаемыя, изъ которыхъ состоитъ общій ссудный фондъ страны. Отношеніе этой суммы фонда къ обычному спросу производителей, торговцевъ, правльвства и непродовольныхъ потребителей опредѣляетъ постоянную, или среднюю величину процента, которая всегда должна быть такова, чтобы эти двѣ суммы приспособлялись одна къ другой*). Но между тѣмъ, какъ вся эта масса

*) Я не включаю въ общій ссудный фондъ страны капиталовъ, затрачивающихся обыкновенно на спекулятивную покупку и продажу государственныхъ фондовъ и другихъ бумагъ, несмотря на то, что эти капиталы по временамъ бывають очень велики. Совершенно вѣрно, что всякій, покупающій бумаги, увеличиваетъ на время общее количество денегъ, отдаваемыхъ въ ссуду, и въ соответственной мѣрѣ понижаетъ величину процента. Но люди, о которыхъ я говорю, покупаютъ лишь съ цѣлью перепродажи по болѣе высокой цѣнѣ, поэтому они попеременно падаютъ въ положеніе заемщиковъ и заемщиковъ: ихъ операционъ въ одно время настолько же повышаютъ, насколько въ другое время понижаютъ величину процента. Ихъ роль, подобно роли всѣхъ людей, поку-

суднаго капитала оказываетъ вліяніе на постоянную величину процента, колебанія послѣдняго зависятъ исключительно отъ той части капитала, которая находится въ рукахъ банкировъ; потому что только эта часть, отдаваясь лишь на короткіе сроки, постоянно находится на рынкѣ и шцетъ для себя помѣщенія. Капиталъ людей, живущихъ на проценты со своего имущества, обыкновенно шцетъ и находитъ себѣ какое-нибудь постоянное помѣщеніе, такъ напримѣръ, въ государственныхъ фондахъ, въ закладныхъ на недвижимое имущество, или въ бумагахъ акціонерныхъ обществъ, и этого помѣщенія онъ не мѣняетъ иначе, какъ при исключительномъ соблазнѣ или необходимости.

§ 3. Колебанія въ величинѣ процента происходятъ отъ помѣщенія либо въ спросъ на ссуду, либо въ предложеніе ихъ. Предложенія подвержены колебаніямъ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ спросъ. Расположенности давать въ займы обыкновенно бываетъ гораздо сильнѣе въ началѣ періода спекуляціи и гораздо слабѣе во время послѣдующей реакціи. Во времена спекуляціи профессиональные заимодавцы такъ-же, какъ и другіе люди, склонны увеличивать свои операционъ, расширяя свой кредитъ; они больше обыкновеннаго даютъ займы, а другіе классы торговцевъ и производителей больше обыкновеннаго употребляютъ въ дѣло не принадлежащее имъ капиталы. Поэтому въ такіе времена величина процента низка; хотя для этого, какъ мы скоро увидимъ, есть также и другія причины. Въ моменты реакціи процентъ, наоборотъ, всегда чрезвычайно повышается, потому что въ это время для многихъ является настоятельная необходимость дѣлать займы, тогда какъ на ряду съ этимъ существуютъ общее нежеланіе давать займы. Это нежеланіе, доходящее до крайней степени, называется панпкой. Оно появляется тогда, когда рядъ неожиданныхъ банкротствъ создаетъ у коммерческихъ, а иногда также и у не-коммерческихъ людей общее недовѣріе къ состоятельности другъ друга, располагающее каждого отказываться въ новомъ кредитѣ, или соглашаться на него только на очень тягостныхъ условіяхъ и по возможности требовать назадъ деньги, отданныя въ ссуду раньше. Вклады вынимаются изъ банковъ: билеты возвращаются къ лицамъ, выпустившимъ ихъ, для размѣна на звонкую монету; банкиры увеличиваютъ дисконтъ и приостанавливаютъ обыкновенную выдачу ссуды; купцы отказываются возобновлять коммерческіе векселя. Въ такіе времена въ высшей степени пагубныя послѣдствія оказывали дѣлавшіяся прежде правльвствомъ попытки запрещать закономъ брать или давать выше извѣстной, ограниченной величины процента. Люди, не имѣвшіе возможности занять по 5% должны были платить не 6, или 7%, а 10 или 15%, чтобы вознаграждать кредиторовъ за рискъ наказанія по закону, или должны

пающихъ и продающихъ для спекуляціи, состоятъ въ уравненіи, а не пониженіи или повышеніи цѣнности товаровъ. Если эти лица спекулируютъ благоразумно, то ихъ спекуляція уменьшаетъ колебанія цѣны, если неблагоуразумно,—то вѣрѣю усиливаетъ эти колебанія.

были продавать на наличные деньги еще съ большимъ убыткомъ свои бумаги и товары.

Въ промежуткахъ между коммерческими кризисами величина процента обыкновенно стремится постоянно понижаться въ следствие постепеннаго процесса накопленія. Этотъ процессъ въ большихъ коммерческихъ странахъ идетъ достаточно быстро для того, чтобы давать поводъ къ почти періодическому повторенію пароксизмовъ спекуляцій. Если нѣсколько лѣтъ проходитъ безъ кризиса и въ это время не открывается какого-либо новаго канала для помѣщенія капитала, то послѣдній за этотъ періодъ обыкновенно сильно возрастаетъ и ищетъ помѣщенія. Въ следствие этого величина процента значительно понижается, что обнаруживается понижениемъ дисконта векселей. Такое уменьшеніе процента побуждаетъ капиталистовъ рисковать въ надеждѣ на болѣе значительный доходъ.

Величина процента иногда измѣняется на болѣе или менѣе продолжительный срокъ подъ влияніемъ обстоятельствъ, правда не частыхъ, но все же появляющихся по временамъ, которыя способствуютъ измѣненію отношенія между классомъ лицъ, получающихъ проценты, и классомъ капиталистовъ, получающихъ прибыль. Двѣ причины такого рода, дѣйствующія въ противоположномъ направленіи, начали проявляться съ недавняго времени, и теперь имѣютъ значительное влияние въ Англіи. Одна изъ нихъ это—открытие новыхъ золотыхъ приисковъ. Массы драгоценныхъ металловъ, постоянно притекающія изъ странъ, гдѣ они добываются, можно смѣло сказать, цѣлкомъ присоединяются къ фондамъ, снабжающимъ ссудный рынокъ. Такая большая прибавка, не распределяясь между двумя классами капиталистовъ, а присоединяясь всецѣло къ капиталу класса, получающаго проценты, нарушаетъ существовавшее прежде отношеніе между этими классами и способствуетъ пониженію процента по сравненію съ прибылью. Другое обстоятельство, еще болѣе недавняго происхожденія, ведетъ къ противоположнымъ послѣдствіямъ: оно состоитъ въ допущеніи закономъ акціонерныхъ компаній съ ограниченной отвѣтственностью. Акціонеры этихъ компаній, которыя теперь столь быстро размножаются, почти исключительно набираются изъ класса, дающаго ссуды, изъ класса людей, которые либо орацали свои свободные фонды во вклады, для раздачи ихъ въ ссуды банками, либо покупали на нихъ государственныя и частныя процентныя бумаги. Эти лица, приобретая акціи въ какой-нибудь изъ новыхъ компаній (за исключеніемъ только банкрскихъ), становятся предпринимателями, работающими на свой капиталъ: они перестаютъ быть заимодавцами и во многихъ случаяхъ даже переходятъ въ классъ заемщиковъ. Подписываясь на акціи, они отвѣчаютъ часть фондовъ, питающихъ ссудный рынокъ, и сами становятся соперниками на остатокъ этихъ фондовъ. Все это естественнымъ путемъ ведетъ къ повышенію процента. Не будетъ ничего удивительнаго, если въ будущемъ на значительное время обыкновенная величина процента въ Англіи станетъ по отношенію къ обыкновенной вели-

чины торговой прибыли гораздо выше, чѣмъ была во все время до прилива золота *).

Спросъ на ссуды измѣняется гораздо сильнѣе, чѣмъ предсуженіе, и его уклоненія обвиняютъ болѣе долгие періоды. Такъ напр., время войны представляетъ періодъ чрезвычайнаго постоенія ссуднаго рынка. Въ такія времена правительство обыкновенно заключаетъ новые займы, и такъ какъ эти займы быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ во все продолженіе войны, то процентъ стоитъ обыкновенно въ военное время выше, чѣмъ въ мирное, и не завышетъ отъ величины прибыли; а промышленность лишается части ссудныхъ капиталовъ. Въ послѣднюю французскую войну даже правительство нѣкоторое время не могло получить ссуду меньше, чѣмъ по 60/0, и, безъ сомнѣній, всѣ остальные заемщики были принуждены платить, по крайней мѣрѣ, такой-же процентъ. Влияніе этихъ займовъ не совсемъ прекращается и тогда, когда правительство перестаетъ заключать новые; потому что тѣ, которые уже заключены все еще продолжаютъ представлять помѣщеніе для значительнаго количества свободнаго капитала страны. Еслибъ національный долгъ былъ уплаченъ, то этотъ капиталъ присоединился-бы къ массѣ сбереженій, пущихъ помѣщенія и, (независимо отъ временнаго нарушенія въ ходѣ дѣлъ) на долго понизилъ-бы до известной степени величину процента. То-же влияние на процентъ, какое оказываютъ правительственные займы для военныхъ расходовъ, производится и внезапнымъ открытіемъ какого-нибудь новаго и для всѣхъ привлекательнаго способа прочнаго помѣщенія капитала. Въ современной исторіи единственнымъ примѣромъ такого рода, подобнымъ по своему масштабу военнымъ займамъ, служитъ поглощеніе капитала постройкою желѣзныхъ дорогъ. Этотъ капиталъ главнымъ образомъ пришлось взять изъ банковыхъ вкладовъ, или изъ сбереженій, которыя были-бы обращены во вклады, т. е. въ концѣ концовъ предназначались на покупку письменныхъ обязательствъ отъ лицъ, которыя употребили-бы полученные деньги на дисконтъ или на другія процентныя ссуды. Въ обоихъ случаяхъ эти деньги были вынуты изъ общаго ссуднаго фонда. Само собой очевидно, что кромѣ сбереженій, дѣлавшихся со спеціальною цѣлью помѣщенія ихъ въ желѣзнодорожныя предприятия, къ послѣднимъ

*) Къ причинамъ повышенія процента, упомянутымъ въ текстѣ слѣдуетъ прибавить еще одну, на которую усиленно указываетъ авторъ хорошей статьи въ *Edinburg Review* за январь 1865 года. Эта причина заключается въ постоянно возрастающемъ стремленіи отправлять капиталы для помѣщенія за границу. Благодаря чрезвычайно увеличенной легкости доступа въ иностранныя государства и постоянно прибывающимъ въ большомъ количествѣ изъ нихъ свѣдѣніямъ, иностранное помѣщеніе капитала перестало внушать ужасъ, связанный съ неувѣрностью. Капиталы переходятъ съ всякаго спасенія въ мѣста, гдѣ можно надѣяться на высокую прибыль; и ссудный рынокъ всего коммерческаго свѣта быстро объединяется. Поэтому величина процента въ той части свѣта, изъ которой капиталъ уходитъ исплывъ свободенъ, не можетъ уже оставаться настолько выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ это было до сихъ поръ.

привлекались средства, взятые из собственного капитала коммерческих людей, или из того капитала, который был бы отдан в займы имъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда покупка желѣзнодорожныхъ акцій производилась на собственные средства лицъ, занимающихся промышленностью, она отвлекала часть ихъ капитала и принуждала ихъ сильнее прибѣгать къ кредиту; когда же она производилась на деньги, отдаваемые въ ссуду, на ссудномъ рынкѣ оставалось меньше капиталовъ; и какъ тотъ, такъ и другой случай одинаково способствовалъ повышенію процента.

§ 4. До сихъ поръ я разсматривалъ вопросъ о займахъ и величинѣ процента, какъ вопросъ, касающійся капитала вообще, въ противоположность общему мнѣнію, по которому онъ касается лишь однихъ денегъ. Въ займахъ такъ же, какъ и во всякихъ денежныхъ сдѣлкахъ, я разсматривалъ обращающіяся деньги, какъ орудіе, а товары, какъ вещи дѣйствительно переходящія—какъ дѣйствительный предметъ сдѣлки. Такой взглядъ въ общемъ правиленъ: потому что цѣль, для которой при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ берутся въ ссуду деньги, состоитъ въ приобретеніи покупательной силы по отношенію къ товарамъ. Въ промышленной и торговой странѣ конечной цѣлью обыкновенно бываетъ употребленіе товаровъ въ качествѣ капитала. Но даже при займахъ для непродуцируемаго потребленія, заключаемыхъ, напримѣръ, расточительными людьми или правительствомъ, занятая сумма берется изъ сдѣланныхъ раньше сбереженій, которыя въ противномъ случаѣ были бы отданы в займы на промышленныя цѣли: следовательно такого рода займы на всю свою сумму уменьшаютъ тотъ фондъ, который можетъ быть совершенно вѣрно названъ ссуднымъ капиталомъ.

Однако нерѣдко встрѣчаются случаи, когда цѣль заемщика бываетъ не та, о которой я только что говорилъ, а иная. Онъ можетъ брать въ ссуду деньги не для употребленія ихъ въ качествѣ капитала и не для непродуцируемаго расходванія, а для уплаты прежняго долга. Въ такомъ случаѣ онъ нуждается не въ покупательной силѣ, а въ законномъ платежномъ средствѣ или въ чемъ нибудь такомъ, что кредиторъ принялъ бы въ уплату. Заемщику нужны специально деньги, а не товары или капиталъ. Спросъ, возникающій отъ этой причины, производитъ почти все большія и внезапныя колебанія въ величинѣ процента. Такой спросъ является самымъ раннимъ характернымъ предвѣстникомъ коммерческаго кризиса. Въ такое время многимъ коммерческимъ людямъ, связаннымъ обязательствами, перемѣна обстоятельствъ мѣшаетъ получить средства для уплаты, на которыя они рассчитывали. Эти средства они должны получить съ какъ бы то ни было пожертвованіемъ, чтобы избѣжать банкротства: и имъ нужны, именно, деньги. Другой капиталъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, не можетъ служить для этой цѣли, если за него нельзя сейчасъ же получить денегъ; тогда какъ, наоборотъ, безъ всякаго увеличенія капитала страны, одно лишь простое увеличеніе числа кредитныхъ орудій обращенія (все равно будутъ ли эти орудія имѣть такъ же мало значенія для всякой другой цѣли, какъ сундукъ одно-фунтовыхъ банковыхъ билетовъ, найденныхъ

въ подвалахъ англійскаго банка во время паники 1825 г.) съ успѣхомъ будетъ удовлетворять потребностямъ этихъ лицъ, если только имъ будетъ разрѣшено пользоваться кредитомъ. Усиленный выпускъ банковыхъ билетовъ въ формѣ ссуды—вотъ все, что требуется для удовлетворенія спроса и для прекращенія сопровождающей его паники. Но, хотя въ этомъ случаѣ заемщикъ нуждается не въ капиталѣ и не въ покупательной силѣ, а въ деньгахъ, какъ таковыхъ, тѣмъ не менѣе ему передаются не однѣ только деньги. Деньги несутъ съ собою свою покупательную силу всюду, куда бы онѣ ни переходили, и, выпущенныя на ссудный рынокъ, онѣ своею покупательною силой дѣйствительно направляютъ новую часть капитала страны въ займы. Нужны были только деньги; но вмѣстѣ съ ними переходитъ и капиталъ; поэтому будетъ справедливо, если мы скажемъ, что повышеніе процента парализуется и исправляется увеличеніемъ ссуднаго капитала.

Однако, независимо отъ этого, между займами и депозитами есть дѣйствительное соотношеніе, которое необходимо принять. Весь ссудный капиталъ находится въ формѣ денегъ. Капиталъ, предназначенный непосредственно для отдачи в займы, нормально имѣетъ лишь одну эту форму. Благодаря такому обстоятельству, мы естественно должны ожидать, что между причинами, болѣе или менѣе вліяющими на величину процента, найдутся не только причины, дѣйствующія черезъ капиталъ, но и такая, которая, по крайней мѣрѣ, въ ближайшей связи дѣйствуетъ лишь черезъ деньги.

Величина процента не имѣетъ необходимаго соотношенія съ количествомъ или цѣнностью денегъ, находящихся въ обращеніи. Постоянное количество орудій обращенія, какъ бы мало или велико оно ни было, оказываетъ вліяніе только на цѣны, а не на величину процента. Обезцѣненіе денегъ, когда оно становится совершившимся фактомъ, не вліяетъ на величину процента никоимъ образомъ. Правда, оно уменьшаетъ покупательную силу денегъ относительно товаровъ, но не относительно самихъ денегъ. Если за 100 фунтовъ можно купить ежегодный доходъ въ 4 фунта, то паденіе цѣнности денегъ, уменьшающее 100 фун. на половину, имѣетъ совершенно такое вліяніе и на 4 фун. и потому не можетъ измѣнять соотношенія между этими двумя величинами. Будетъ ли больше или меньше число знаковъ, которые приходится употреблять для выраженія даннаго количества дѣйствительнаго богатства, это не измѣняетъ ни положенія, ни интересовъ заимодавцевъ и заемщиковъ, а следовательно не измѣняетъ спроса и предложенія ссудныхъ капиталовъ. Отдается и берется в займы то же самое количество дѣйствительнаго капитала, что и прежде; а если капиталъ, находящійся въ рукахъ заимодавцевъ, представляется большимъ числомъ фунтовъ стерлинговъ, вслѣдствіе возвышенія цѣвъ, то настолько же большее число фунтовъ стерлинговъ потребуется теперь для тѣхъ цѣлей, на которыя заемщики намѣреваются употребить полученные въ ссуду деньги.

Но хотя большее или меньшее количество денегъ само по себѣ не производитъ разницы въ величинѣ процента, тѣмъ не менѣе не-

реходъ отъ меньшаго количества ихъ къ большому можетъ и долженъ пзмѣнить процентъ.

Предположимъ, что вслѣдствіе выпуска правительствомъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ для уплаты своихъ расходовъ, цѣнность денегъ начинаетъ падать. Это обстоятельство не въ какомъ случаѣ не уменьшитъ спроса на дѣйствительный капиталъ, отдающийся въ ссуду; но оно уменьшитъ количество послѣдняго, потому что онъ существуетъ лишь въ формѣ денегъ, а увеличеніе ихъ количества понижаетъ ихъ цѣнность. Предлагаемое въ ссуду количество будетъ заключать въ себѣ меньше дѣйствительнаго капитала, тогда какъ потребность въ немъ остается прежняя. Деньгъ въ ссуду будетъ предлагаться столько-же, какъ и прежде, тогда какъ требоваться ихъ будетъ больше прежняго, благодаря повышенію цѣны. Такъ или иначе процентъ долженъ повыситься. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ увеличеніе количества денегъ дѣйствительно пзмѣняетъ величину процента, но въ направленіи, противоположномъ тому, какое обыкновенно предполагаютъ: процентъ повышается, а не понижается.

Изъятіе изъ обращенія обезцѣненныхъ денегъ, или уменьшеніе ихъ количества, произведетъ обратный результатъ. Деньги, находящиеся въ рукахъ заимодавцевъ, вмѣстѣ со всѣми прочими деньгами повысятся въ цѣнности, т. е. окажется на лицо большее количество дѣйствительнаго капитала, ищущаго заемщиковъ; а между тѣмъ требуемое заемщиками количество дѣйствительнаго капитала останется лишь прежнимъ, и эта потребность выразится меньшей суммой денегъ: поэтому величина процента будетъ клониться къ понижению.

Итакъ, мы видимъ, что паденіе цѣнности денегъ въ то время, какъ оно совершается, способствуетъ повышенію величины процента: а ожиданіе дальнѣйшаго обезцѣненія упрочиваетъ этотъ результатъ; потому что заимодавцы, рассчитывая, что проценты будутъ уплачены имъ, а быть можетъ, и капитальная сумма возвращена менѣ цѣнными деньгами, чѣмъ тѣ, которыя отданы были имъ въ займы, безъ сомнѣнія, будутъ требовать процентъ, достаточный для покрытія этой вероятной потери.

Но этотъ результатъ болѣе, чѣмъ уравновѣшивается противоположнымъ движеніемъ, когда добавочное количество денегъ вводится въ обращеніе не покупками, а займами. Въ Англіи и въ большей части другихъ коммерческихъ странъ, находящаяся въ обращеніи бумажная денга доставляется банками и всѣ выпускаются посредствомъ займовъ, кромѣ той части, которая употребляется на покупку золота и серебра. Стало быть, та-же операція, которая увеличиваетъ количество денегъ, увеличиваетъ также и количество ссуднаго капитала: вся прибавка къ денежному обращенію прежде всего наполняетъ ссудный рынокъ. Разсматриваемая съ этой стороны, она способствуетъ понижению процента въ большей степени, чѣмъ стремится повышать его, вызывая обезцѣненіе денегъ: потому что первый изъ этихъ двухъ результатовъ зависитъ отъ пропорцій между вновь выпущенными деньгами и деньгами, отдаваемыми въ займы, а второй—отъ пропорцій между новымъ выпускомъ и всѣми деньгами, находящимися въ обращеніи. Слѣдова-

тельно, всякій новый выпускъ орудій обращенія банками, пока онъ дѣлается, способствуетъ понижению процента или препятствуетъ его повышенію. Подобный же результатъ производится увеличеніемъ количества денегъ, происходящимъ отъ открытія золотыхъ припсковъ; потому что золото, вновь привозимое въ Европу, какъ извѣстно, цѣлкомъ присоединяется къ банковымъ вкладамъ, т. е., къ общей массѣ ссуднаго капитала; и когда эти вклады выплаются и помѣщаются въ процентныя бумаги, то на равную имъ сумму освобождается другой ссудный капиталъ. Вновь прибывшее золото можетъ находить для себя помѣщеніе при всякомъ данномъ состояніи торговли, только поппжая величину процента; и пока приливъ золота продолжается, онъ, при неизмѣняемости всѣхъ прочихъ условій, необходимо удерживаетъ процентъ ниже той величины, на которой послѣдній стоялъ бы безъ этого.

Соотвѣтственно тому, какъ ввозъ добавочнаго количества золота и серебра, поступающихъ на ссудный рынокъ, способствуетъ понижению величины процента, такъ всякое значительное отвлеченіе ихъ изъ страны неизмѣнно повышаетъ его; послѣдній результатъ получается даже въ томъ случаѣ, когда это отвлеченіе происходитъ путемъ торговыхъ оборотовъ, какъ напримѣръ, при уплатѣ за чрезвычайный ввозъ, происшедшій отъ неурожая, или при повышеніи цѣны хлопка, который въ то-же время ввозится изъ столькихъ частей свѣта. Деньги, необходимыя для этихъ платежей, прежде всего берутся изъ вкладовъ, находящихся въ рукахъ банкировъ, и всей своей суммой ослабляютъ фондъ, снабжающій ссудный рынокъ.

Итакъ, постоянная величина процента зависитъ главнымъ образомъ отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ въ ссуду дѣйствительнаго капитала: но эта величина подвержена всякаго рода временнымъ измѣненіямъ отъ увеличенія или уменьшенія количества орудій обращенія. Такія пзмѣненія нѣсколько запутаны и по временамъ бываютъ прямо противоположны тому, что кажется на первый взглядъ. Всѣ эти различія затемнены и спутаны вслѣдствіе неудачнаго выраженія «цѣнность денегъ», которое, собственно, употребляется на покупательную силу орудія обращенія, а въ рѣчи употребляется для обозначенія величины процента. Даже коммерческие люди обыкновенно воображаютъ, что состояніе денежнаго рынка тѣмъ свободнѣе, т. е., получать ссуды по низкимъ процентамъ бываетъ имъ легче, чѣмъ большее количество денегъ находится въ обращеніи. Поэтому банковымъ билетамъ, какъ орудію обращенія, приписывается то влияние, которое они могутъ имѣть, только будучи выпущенными въ ссуду; и съ другой стороны влиянія такого-же рода, но еще болѣе сильныя, проходятъ не замѣченными, если они зависятъ отъ ссудныхъ операцій, которыя не сопровождаются какими-либо измѣненіемъ въ количествѣ денегъ.

Напримѣръ, когда разсматриваютъ влияніе, какое образъ дѣйствій банковъ оказываетъ на развитіе чрезмѣрной спекуляціи, то обыкновенно придаютъ огромное значеніе выпуску банковыхъ билетовъ: но до послѣдняго времени едва-ли обращалось хоть сколько нибудь вниманія на то, какъ пользуются банки приносимыми имъ

ных вкладов; хотя несомненно, что неосторожное расширение кредита гораздо чаще производится на счет банковых вкладов, чем посредством выпуска билетов. «Не может быть сомнения», говорит Тукс *), что банки, как частные, так и акционерные, при неосторожном ведении дела, могут доставлять в неподобающих размерах кредит для рискованных спекуляций в области торговли, ввоза и вывоза, строительных предприятий, эксплуатации рудников и проч., и что нередко банки так и поступали, и в некоторых случаях доводили себя до разорения, не принеся в конце концов никакой выгоды для лиц, деньгами которых служили их средства». Но, «предположим даже, что все вклады, полученные банками, состоят из звонкой монеты; разве он не будет так же, как банкрот, выпускающий билеты, подвергаться назойливым требованиям о ссудах и дисконтах со стороны клиентов, которым, может быть, неловко отказать или разве не могут его соблазнить высокие проценты и побудить к столь сильному злоупотреблению вкладом, что при затруднительных обстоятельствах, весьма возможных в таком деле, он окажется не в состоянии удовлетворить требования своих вкладчиков? И в самом деле, чем положение банка при чисто металлическом денежном обращении отличается от положения современного лондонского банка? Последний не создает денег, он не может пользоваться своей привилегией выпускать билеты для своих, независимых от дела банка, целей, и тем не менее были при скорбных примерах чрезмерного выпуска денег и лондонскими банками».

То же общераспространенное мнение сказывалось и в дебатах, которые велись столько лет по поводу операций Английского Банка и влияния этих операций на состояние кредита. В течение почти целого столетия не было ни одного коммерческого кризиса, относительно которого на Банк не возводились бы тяжелые обвинения в том, что он его произвел или усилил; и при этом почти все утверждали, что Банк оказывает свое влияние только путем изменений в количестве билетов, находящихся в обращении, и что если бы у него можно было отнять свободу распоряжаться одной этой операцией, то у него не осталось бы больше силы, которою он мог бы злоупотреблять. Но после опыта 1847 года можно сказать, что ошибочность этого мнения окончательно обнаружена. В этом году руки Банка были положительно связаны относительно выпуска билетов: по своим операциям в качестве депозитного банка он оказывал такое же сильное действительное или, быть может, только кажущееся влияние на величину процента и состояние кредита, как и прежде; он подвергался столь же запальчивым обвинениям в злоупотреблении этим влиянием, и разразившийся кризис был таков, равных которому было немного, и спасение которого, вероятно, не было никогда.

§ 5. Прежде, чем попытаться ответить, исследуемый в этой главе, я укажу на тот очевидный факт, что величиною процента определяется ценность и цена всех, находящихся в продаже, предметов, которые требуются и покупаются не ради себя, а ради того дохода, какой они могут давать. Цена государственных фондов, акций и всех видов биржевых бумаг будет тем выше, чем ниже величина процента. Они продаются по той цене, которая дает возможность покупателю получить рыночный процент на деньги, отданные за них; при чем при покупке их принимаются во внимание все различия в риске и какин-бы то ни было преимуществе той или другой бумаги. Например, билеты казначейства обыкновенно продаются, если брать относительную величину приносимого им процента, дороже, чем облигации консолидированного государственного долга; это происходит от того, что хотя надежность этих бумаг одинакова, но билеты казначейства ежегодно выкупаются по номинальной цене, если владелец их не пожелает их возобновить; так что покупатель (если только ему не представится необходимость продавать в минуты общего кризического положения) находится вне опасности потерять что-либо при перепродаже, кроме премии, которую он, быть может, заплатит при покупке.

Цена земли, рудников и всех других источников постоянного дохода точно также зависит от величины процента. Земля, если судить по приносимому ей доходу, продается дороже государственных фондов не только оттого, что она считается, даже и в Англии, несколько больше верным имуществом, но еще и оттого, что обладание ею связано с представлением о влиянии и почете. Но эти различия постоянны или почти постоянны, и в колебаниях цены земля caeteris paribus следует общим (хотя, конечно, не ежедневным) колебаниям величины процента. Когда процент низок, земля, естественно, будет дорога, когда процент высок, земля будет дешева. Последняя продолжительная война представляла замечательное исключение из этого правила, так как в это время цена земли так же, как и размер процента были замечательно высоки. Однако на это была особая причина. Очень высокие средние цены на хлеб, существовавшие в течение многих лет, подняли поземельную ренту в большей пропорции, чем возвысилась величина процента и упала продажная цена постоянных доходов. Не будь этого обстоятельства, замечательного главным образом от неурожаев, ценность земли подверглась бы такому же сильному падению, как и ценность государственных фондов. Если когда нибудь в будущем разразится подобная война, это, по всей вероятности, и будет так, в величайшему разочарованию тех землевладельцев и фермеров, которые, обобщая случайные условия замечательного периода, так долго были уверены, что война особенно выгодна, а мирное время не выгодно для того, что им заблагоразудилось назвать интересами земледелия.

*) Inquiry into the Currency Principle. ch. XIV.

ГЛАВА XXIV.

Регулирование разменных бумажных денег.

§ 1. Частое повторение в последние 50 летъ цѣлаго ряда прискорбныхъ явленій, называемыхъ коммерческими кризисами, заставило и экономистовъ, и политиковъ-практиковъ обратить особенное вниманіе на изобрѣтеніе средства для предотвращения или, по крайней мѣрѣ, смягченія этого зла. А привычка приписывать каждое чередование высокыхъ и низкихъ цѣвъ количеству выпущенныхъ банками билетовъ, укоренившаяся въ эпоху освобожденія Англійскаго Банка отъ размена, внушила всѣмъ послѣдователямъ вообще мысль, что успѣхъ въ смягченіи этихъ переворотовъ зависить отъ того или другого способа регулированія выпусковъ банковыхъ билетовъ. За однимъ изъ такихъ способовъ высказались выдающіеся авторитеты; и онъ на столько укоренился въ общественномъ мнѣніи, что съ общаго одобренія былъ обращенъ въ законъ при возобновленіи хартіи Англійскаго Банка въ 1844 году. Этотъ законъ еще и до сихъ поръ остается въ силѣ, хотя его популярность уже сильно уменьшена, а престижъ его нарушенъ двукратной временной приостановкой его дѣйствія полъ отвѣтственностью исполнительной власти. Первая изъ этихъ приостановокъ произошла черезъ три съ небольшимъ года послѣ его утвержденія. Здѣсь необходимо рассмотреть достоинства этого проекта регулированія обращенія разменныхъ банковыхъ билетовъ. Однако прежде, чѣмъ коснуться практическихъ постановленій акта Сэра Роберта Пляя, 1844 г., я кратко изложу сущность и разсмотрю принципы теоріи, на которой этотъ актъ основанъ.

Многіе увѣрены, что всѣ эмиссионные банки вообще, и въ особенности Англійскій Банкъ, имѣютъ возможность по своему произволу выпускать билеты, а слѣдовательно и повышать цѣвы; что эта возможность ограничивается лишь тою степенью умѣренности, какую банки найдутъ удобнымъ проявлять; что дѣлая выпускъ, превышающіе обыкновенный размѣръ, банки вызываютъ повышение цѣвъ, порождающее спекуляцію товарамъ, которая, въ свою очередь, еще сильнѣе повышаетъ цѣвы, по въ концѣ концовъ производить реакцію; тогда цѣвы сразу падаютъ, вызывая замѣшательство, которое въ чрезвычайныхъ случаяхъ доходитъ до степени коммерческаго кризиса. Многіе думаютъ, что всякій подобный кризисъ, появившійся въ теченіе времени, которое еще сохранилось въ памяти коммерческихъ людей, былъ или первоначально произведенъ этой причиной, или значительно усиленъ ею. До такой чрезвычайной крайности количественная теорія денежнаго обращенія не была доведена тѣми знаменитыми экономистами, которые поддерживали своимъ именемъ болѣе умѣренную форму ея. Но я не преувеличиваю нелѣпости распространяемаго въ публикѣ толкованія. Оно можетъ служить замѣчательнымъ примѣромъ того, до какой крайности иногда доводитъ любимая теорія не кабинетныхъ ученыхъ, о компетентности кото-

рыхъ въ подобныхъ вопросахъ нерѣдко говорятъ съ такимъ пренебреженіемъ, а людей свѣтскихъ и дѣловыхъ, тщеславлящихся своимъ практическимъ знаніемъ, приобрутеи которыхъ они во всякомъ случаѣ имѣли полную возможность. Это укоренившееся представленіе о деньгахъ, какъ о главной причинѣ колебаній цѣвъ, заставляло этихъ людей не обращать вниманія на множество обстоятельствъ, которыя, влияя на расчеты относительно будущаго предложенія того или другаго товара, являются главными причинами почти всѣхъ спекуляцій и колебаній цѣвъ. Но мало этого, эти господа, для того чтобы хронологически доказать необходимость для ихъ теоріи совпаденіе пзмѣнствій количества банковыхъ билетовъ съ пзмѣненіемъ цѣвъ, прибѣгали къ фактамъ и числамъ такіе фантастическіе фокусы, которые казались-бы невѣроятными, если-бы извѣстный ученый-практикъ не взялъ на себя труда разбить ихъ возраженіемъ, тщательно составленнымъ на основаніи историческихъ фактовъ. Я говорю, какъ это должно быть извѣстно каждому, знакомому съ предметомъ, объ «Исторіи цѣвъ» Тукъ. Результатъ своихъ послѣдовацій самъ Тукъ излагать передъ комитетомъ Палаты Общинъ въ 1832 г. при разсмотрѣніи вопроса о хартіи Англійскаго Банка. П этотъ отвѣтъ внесенъ въ его книгу въ слѣдующихъ словахъ: «насколько я могу судить по моимъ изысканіямъ съ фактической и исторической точки зрѣнія, въ каждомъ выдающемся случаѣ возвышенія или пониженія цѣвъ, это возвышеніе или пониженіе предшествовало расширенію или сокращенію количества банковыхъ билетовъ, а слѣдовательно не могло быть его результатомъ».

Односторонность количественной теоріи денежнаго обращенія, приписывающей каждое возвышеніе или пониженіе цѣвъ расширенію или сокращенію выпуска банковыхъ билетовъ, произвела, въ силу реакціи, совершенно противоположную предыдущей теорію, выдвинувшуюся представителями которой являются Тукъ и Фуллартонъ. (Эта противоположная теорія отрицаетъ, чтобы банковые билеты, пока сохраняется ихъ разменность, могли какъ-бы то ни было повышать цѣвы, и доказываетъ, что банки могутъ увеличивать число своихъ билетовъ только при расширеніи торговыхъ оборотовъ и лишь пропорціонально этому расширенію. Это послѣднее мнѣніе подтверждалось единодушными увѣреніями всѣхъ провинціальныхъ банкировъ, спрашиваемыхъ цѣлымъ рядомъ парламентскихъ комитетовъ, которые изслѣдовали этотъ вопросъ. Всѣ эти банкиры (по словамъ Фуллартона*) свидѣтельствуютъ, «что количество оборотовъ и затратъ колеблется вмѣстѣ съ колебаніями производства и цѣвъ, и что они (банкиры) не могутъ ни увеличивать числа своихъ билетовъ выше извѣстныхъ границъ, предписываемыхъ размѣромъ этихъ оборотовъ и затратъ, такъ какъ въ билеты навѣрное немедленно же возвратятся къ нимъ, ни уменьшать его, потому что недостатокъ денежныхъ знаковъ почти навѣрное будетъ повлеченъ изъ какого нибудь другаго

*) Regulation of Currencies. p. 85.

источника. Изъ этихъ оговѣровъ Тукъ и Фуллартонъ заключаютъ, что повышать цѣны банковые билеты не могутъ никакимъ образомъ, потому что ихъ количество не можетъ увеличиваться безъ увеличенія спроса, что они не могутъ ни поощрять спекуляцій, ни производить коммерческаго кризиса, и что попытка предотвратить это зло посредствомъ искусственно установленной системы выпуска билетовъ совершенно бесполезна по отношенію къ предполагаемой цѣли и можетъ производить другія чрезвычайнаго пагубныя послѣдствія.

§ 2. Та часть этого ученія, которая основана на свидѣтельствахъ, а не на выводахъ, кажется мнѣ безспорною. И вполнѣ довѣрять заявленіямъ провинціальныхъ банкировъ, очень ясно и вѣрно переданнымъ въ краткихъ словахъ Фуллартономъ въ только что приведенномъ нами отрывкѣ. Я убѣдился, что эти банкиры не могутъ увеличивать выпускъ своихъ билетовъ ни при какихъ иныхъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя были указаны имъ. Я также полагаю, что теорія, основанная Фуллартономъ на этомъ фактѣ, содержитъ въ себѣ значительную долю истины и гораздо больше приближается къ самой истинѣ, чѣмъ количественная теорія денежнаго обращенія, въ какой-бы то ни было ея формѣ.

Рынокъ бываетъ въ двухъ состояніяхъ: одно изъ нихъ можетъ быть названо покойнымъ, другое—состояніемъ ожиданія, или спекулятивнымъ. Первое состояніе есть то, при которомъ цѣны никакихъ услугъ, способствующихъ возбужденію въ значительной части коммерческой публики желанія расширить свои операціи. Производители производятъ, а торговцы покупаютъ лишь свои обыкновенные запасы товаровъ, не ожидая въ будущемъ какого-нибудь необыкновенно быстрого сбыта для нихъ. Каждый ведетъ свое дѣло въ размѣрѣ, не большемъ обыкновеннаго, или увеличиваетъ его лишь соразмѣрно съ увеличеніемъ своего капитала и своихъ связей, или соразмѣрно съ постепеннымъ возрастаніемъ спроса на его товаръ, происходящимъ оттого, что благосостояніе населенія возрастаетъ. Не предполагая чрезвычайнаго расширенія своихъ операцій, производители и торговцы не нуждаются, чтобы банкиры и прочіе заимодавцы открывали имъ большій кредитъ, чѣмъ обыкновенно; а такъ какъ банкиры могутъ увеличивать свои выпуски, только расширивъ выдачу ссудъ, то при такихъ обстоятельствахъ возможно только кратковременное увеличеніе количества билетовъ. Если въ одно время года лавственная часть общества должна произвести болѣе значительные платежи, чѣмъ въ другое, или если какое-нибудь отдѣльное лицо, подъ давлениемъ особой надобности, требуетъ выходящей изъ ряда ссуды, то все они будутъ просить и получать большее количество банковыхъ билетовъ; но эти билеты такъ-же не останутся въ обращеніи, какъ и 1½ билета Англійскаго Банка, которые выпускаются каждые три мѣсяца въ уплату дивидендовъ. Лицо, которому отягощаютъ въ уплату билеты, выпущенные при такихъ условіяхъ, не должно производить никакихъ экстренныхъ платежей, не имѣть никакой особенной надобности въ нихъ и держать ихъ у себя безъ употребленія или вкладывать ихъ въ банкъ, или уплачиваетъ имъ прежнюю ссуду, полученную отъ какого-нибудь банкира; во всякомъ случаѣ

оно не покупаетъ на нихъ товаровъ, такъ какъ, по нашему предположенію, его ничто не побуждаетъ дѣлать запасъ товаровъ, превышающій обычный размѣръ. Если-бы даже предположить, какъ это мы можемъ сдѣлать, что банкиры искусственно вызываютъ увеличеніе спроса на ссуды, требуя по нимъ процентъ, ниже его рыночной величины, то все-же выпущенные ими билеты не останутся въ обращеніи; потому что когда заемщикъ, воспользовавшись этими билетами для известной сдѣлки, ликвидируетъ ее, то кредиторъ, получающій ихъ, не имѣя необходимости немедленно употребить излишнее количество билетовъ, обращаетъ ихъ въ банковый вкладъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ банкиры не могутъ произвольно увеличивать общее количество орудій обращенія; всякое увеличеніе количества банковыхъ билетовъ или возвращается въ банкъ, или остается безъ употребленія въ рукахъ общества, не производя возвышенія цѣнъ.

Но есть и другое состояніе рынковъ, составляющее рѣзкую противоположность предыдущему, и весьма сомнительно, чтобы къ нему была приложима теорія Тука и Фуллартона. Это состояніе наступаетъ тогда, когда господствуетъ основательное или несомнительное убѣжденіе, что предложеніе одного или нѣсколькихъ главныхъ товаровъ будетъ недостаточно для обыкновеннаго потребленія. При такихъ условіяхъ все лица, причастныя къ торговлѣ этими товарами, желаютъ расширить свои операціи. Производители или люди, ввозящіе эти товары, желаютъ производить или ввозить большее количество ихъ; спекулянты желаютъ дѣлать болѣе значительные запасы ихъ съ цѣлью воспользоваться ожидаемымъ повышеніемъ цѣнъ, а лица, уже накупившія товары желаютъ получить добавочныя ссуды, чтобы имѣть возможность воздержаться еще нѣкоторое время отъ продажъ. Все эти люди расположены болѣе обыкновеннаго пользоваться своимъ кредитомъ, и безспорно, что банкиры очень часто удовлетворяютъ этому желанію въ слишкомъ широкомъ размѣрѣ. Подобнаго рода результаты могутъ быть произведены всемъ тѣмъ, что, возбуждая болѣе, чѣмъ обыкновенныя надежды на прибыль, вызываетъ въ торговлѣ усиленное оживленіе. Такъ влияетъ, напримѣръ, внезапный и необычайно большой заграничный спросъ на товары или ожиданіе его; такой моментъ наступилъ, когда Испанская Америка была открыта для англійской торговли, и затѣмъ онъ нѣсколько разъ повторялся вслѣдствіе различныхъ причинъ въ торговлѣ съ Соединенными Штатами. Этого рода случаи способствуютъ возвышенію цѣнъ на вывозные товары и порождаютъ спекуляцію, которая иногда удерживается въ разумныхъ границахъ, но чаще всего носитъ неумѣренный характеръ (въ слѣдъ того, что большая часть дѣловыхъ людей предпочитаетъ сильныя волненія безопасности). Въ подобныхъ случаяхъ у всѣхъ коммерческихъ людей или у большинства ихъ преобладаетъ желаніе пользоваться своимъ кредитомъ, какъ покупательною силой, въ болышемъ, чѣмъ обыкновенно, размѣрѣ. Такое состояніе торговли, достигшее крайней степени, приводитъ къ реакціи, называемой коммерческимъ кризисомъ; и всемъ известно, что такіе періоды спекуляціи едва-ли когда-либо проходятъ безъ того, чтобы въ нѣкоторые

момента их развития количество банковых билетов не подвергалось значительному увеличению.

Однако, Турв и Фуллартонъ возражаютъ на это, что увеличение количества банковых билетов всегда слѣдуетъ за возвышеніемъ цѣны, а не предшествуетъ ему и составляетъ не причину, а слѣдствіе его. Эти ученые доказываютъ, что во-первыхъ, спекулятивные покупки, отъ которыхъ возвышаются цѣны, производятся не на банковые билеты, а на чеки или еще чаще просто на кредитъ по книжкѣ, и что во-вторыхъ, если-бы даже эти покупки производились на банковые билеты, специально для этого взятые въ ссуду у банкира, то эти билеты, совершивъ покупку и оказавшись излишними для текущихъ сдѣлокъ, были бы въ видѣ вкладовъ возвращены къ банку. Съ этимъ я вполне согласенъ и считаю доказаннымъ, какъ принципиально, такъ и фактически, что въ періодъ развития спекуляціи и то тѣмъ порѣ, пока она ограничивается сдѣлками между торговцами, количество банковых билетов рѣдко существенно увеличивается новыми выпусками и несколько не способствуетъ спекулятивному возвышенію цѣны. Однако этого уже нельзя утверждать относительно того момента, когда спекуляція развивается настолько, что начинается касаться и производителей. Спекулятивные заказы, которые дѣлаютъ торговцы фабрикантамъ, побуждаютъ послѣднихъ расширять свои операціи и обращаются къ банкирамъ за увеличеніемъ ссуды; выпущенные такимъ образомъ банковые билеты уже не попадаютъ отъ фабрикантовъ къ лицамъ, которые возвратятъ бы ихъ въ банки въ видѣ вкладовъ, а расходуются по частямъ на заработную плату и поступаютъ въ различные каналы мелочной торговли, гдѣ прямо содѣлствуютъ дальнѣйшему возвышенію цѣны. Я вполне уверенъ, что это употребленіе банковых билетов должно было имѣть могущественное вліяніе на цѣны въ то время, когда были разрѣшены закономъ билеты въ 1 и 2 фун. Запрещеніе выпускать билеты ниже 5 ф., конечно, сдѣлало сравнительно незначительной эту часть ихъ вліянія, сильно ограничивая ихъ пригодность для уплаты вознагражденія за трудъ рабочихъ; однако есть и другой видъ ихъ вліянія на цѣны, который обнаруживается въ послѣднихъ стадіяхъ спекуляціи и который приводитъ болѣе умѣренными приверженцами количественной теоріи денежнаго обращенія, какъ главное доказательство ихъ возрѣвній. Хотя ссуды рѣдко берутся у банкировъ съ цѣлью закупать товары для спекуляціи, однако онѣ требуютъ въ большомъ размѣрѣ послѣдствіемъ неудачу спекулянтами, съ цѣлью получить возможность протеряться еще въ некоторое время; и спросъ этихъ спекулянтовъ на известную долю пазъ ссуднаго капитала, ставить даже людей, не занимавшихся спекуляціей, относительно получения необходимыхъ для нихъ ссудъ въ большую, чѣмъ прежде, зависимость отъ банкировъ. Между новыятеплымъ періодомъ спекуляціи и реакціей есть промежутокъ борьбы противъ пониженія, продолжающейся недѣли, а иногда и мѣсяцы. Какъ только начинаютъ обнаруживаться признаки перемены настроенія, спекулянты начинаютъ воздерживаться отъ продажъ по пониженнымъ цѣнамъ, а между тѣмъ имѣютъ необходимость денегъ для вынужденія обыкновенныхъ ихъ обязательствъ.

Это и есть тотъ періодъ, въ которомъ обыкновенно замѣчается значительное увеличеніе количества банковых билетов въ обращеніи. Никто не можетъ отрицать, что такое увеличеніе бываетъ обыкновенно; и, по моему мнѣнію, слѣдуетъ согласиться, что это увеличеніе способствуетъ продолженію спекуляціи, что оно позволяетъ въ некоторое время поддерживать спекулятивные цѣны, тогда какъ при иныхъ обстоятельствахъ онѣ-бы упали; слѣдовательно, оно продолжаетъ и увеличиваетъ отливъ драгоценныхъ металловъ за границу, который составляетъ отличительную черту этого періода развитія коммерческаго кризиса. Продолженіе этого отлива въ концѣ концовъ грозитъ поставить банки въ такое положеніе, что они будутъ не въ состояніи развѣшивать по востребованію свои билеты на звонкую монету; поэтому они бываютъ принуждены сокращать свой кредитъ болѣе рѣзкимъ и суровымъ образомъ, чѣмъ это было бы необходимо въ тѣхъ случаяхъ, если-бы ихъ не допустилъ поддерживать спекуляцію увеличеніемъ ссуды послѣ того, какъ надежде имѣть сдѣлаюсь неизбежно.

§ 3. Не допускать такого замедленія реакціи и крайняго успеленія ея жестокости—имѣть цѣль проекта регулированія денежнаго обращенія. Первыми проповѣдниками этого проекта, который съ незначительными измѣненіями получить силу закона*), были лорды Оверстонъ, Норманъ и полковникъ Торренсъ.

) Я считаю себя въ правѣ утверждать, что смягченіе висящихъ перенортовъ въ торговлѣ составляетъ дѣйствительную и единственную цѣль акта 1844 г. Я прекрасно знаю, что защитники его (въ особенности съ 1847 г.) настойчиво доказывали, что онъ чрезвычайно способствуетъ „поддержанію развѣвности билетовъ Англійскаго Банка“. Но меня должно извинить за то, что я вовсе не придаю серьезнаго значенія этому одному изъ указываемыхъ его достоинствъ. Развѣвность банковых билетовъ сохранялась и продолжалась-бы сохраняться, чего-бы это ни стоило, и при старой системѣ. По справедливому замѣчанію лорда Оверстона въ его отвѣтъ Парламентскому Комитету, банкъ вездѣ можетъ достаточно сильно вліять на кредитъ снасти себя на счетъ коммерческой публики. То, что актъ 1844 года смягчаетъ жестокость этой мѣры, даетъ уже достаточное основаніе предпочитать его. Кроме того, если даже предположить такое дурное управленіе дѣлами банка, что безъ акта подверглась бы опасности непрерывность развѣвн, то такая же или даже меньшая степень дурного управленія при актѣ была-бы достаточно для прекращенія платежей банковымъ Департаментомъ). Такой исходъ сдѣлается отъ обязательнаго раздѣленія двухъ Департаментовъ Банка гораздо болѣе возможнымъ, чѣмъ прежде. По всей вѣроятности онъ повлекъ-бы за собой разореніе всѣхъ частныхъ банкирскихъ учрежденій Лондона, а былъ можетъ, также и прекращеніе уплаты процентовъ по государственному долгу, и представлялъ-бы въ дѣйствительности гораздо большее бѣдствіе, чѣмъ кратковременная приостановка развѣвн билетовъ; потому что правительство ни въ какомъ случаѣ ни минути не колебалось-бы отменить развѣвн билетовъ для того, чтобы дать возможность Банку производить уплату по вкладамъ, если дая этого окажется недостаточнымъ. временная приостановка акта 1844 г.

*) Англійскій Банкъ раздѣленъ на два департамента, или отдѣла: одинъ изъ нихъ банковый, имѣетъ своей задачей операціи съ металлическими капиталами, второй—эмиссионный, выпускаетъ билеты и производитъ ихъ развѣвн.
Отъ редактора.

Въ своей первоначальной чистотѣ этотъ проектъ требовалъ, чтобы право выпуска билетовъ удерживалось только за известнымъ числомъ банковъ. По рѣшенію Парламента всѣмъ банкамъ, уже занимавшимся выпускомъ билетовъ, было разрѣшено удерживать это право, но съ этого времени оно не должно было даваться никому, даже и въслѣдъ тѣхъ банковъ, которые могли-бы прекратить выпускъ билетовъ; и для всѣхъ банковъ, кромѣ Англійскаго, былъ подписанъ умышленно низкій максимумъ. Для Англійскаго же Банка не было установлено максимумъ для общей суммы его билетовъ, а только для части, выпускаемой подъ обезпеченіе пш., цѣлымъ словомъ, въ ссуду. Эта часть никогда не должна была превышать известнаго предѣла, который на первый случай былъ опредѣленъ въ 14 милліоновъ *). Всѣ же билеты сверхъ этого количества должны выпускаться въ обмѣнъ на слитки, которые Банкъ обязанъ покупать, въ какомъ-бы количествѣ они ни предлагались, по цѣнѣ, которая на ничтожную величину ниже назначенной монетнымъ дворомъ, выдавая въ обмѣнъ свои билеты. Такимъ образомъ въ отношеніи выпуска билетовъ сверхъ предѣльныхъ 14 милліоновъ роль Банка чисто пассивная, такъ какъ на него возложена только обязанность выдавать свои билеты по цѣнѣ 3 ф. 7 ш. 9 пен. за унцію золота и выдавать золото за свои билеты по нормѣ 3 ф. 17 ш. 10½ пен. въ унцію, когда-бы и кто-бы ни потребовалъ этого.

При введеніи такого механизма имѣлась въ виду та цѣль, чтобы обращеніе банковыхъ билетовъ измѣнялось бы тогда же и въ совершенно такой же степени, какъ измѣнялось чистое механическое денежное обращеніе. А такъ какъ драгоцѣнные металлы изъ всѣхъ до сихъ поръ известныхъ товаровъ болѣе всего приближаются къ тому состоянію, при всѣхъ вліяющихъ на цѣнность обстоятельствахъ, которое дѣлаетъ товаръ пригоднымъ для того, чтобы его принялъ, какъ орудіе обмѣна, то въслѣдствіе этого многие видны считали, что достоинство акта 1844 г. будетъ вполнѣ доказано, если подъ его вліяніемъ выпущенные банковые билеты будутъ сообразоваться во всѣхъ измѣненіяхъ въ своемъ количествѣ, а слѣдовательно, какъ тогда думали, и въ своей цѣности, съ измѣненіями, какія происходили бы при чисто металлическомъ денежномъ обращеніи.

Всѣ основательные противники акта 1844 года признаютъ за одно съ его приверженцами, что всякое орудіе обращенія, замѣняющее драгоцѣнные металлы, должно въ своей постоянной цѣности неизмѣнно въ точности сообразоваться съ цѣнностью монеты. И они утверждаютъ, что пока это орудіе размышляется при первомъ тре-

*) Расширеніе этого максимума допускалось, не только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы согласованіемъ съ какимъ-нибудь провинціальнымъ банкомъ былъ прекращенъ этимъ послѣднимъ выпускъ билетовъ, которые замѣняются билетами Англійскаго Банка; но даже и въ этомъ случаѣ расширеніе ограничено двумя третями того количества провинціальнаго количества билетовъ, которые должны такимъ образомъ быть замѣнены. Въ силу такого постановленія количество билетовъ, которые Англійскій Банкъ теперь въ правѣ выпускать подъ обезпеченіе пш., не многимъ меньше количества билетовъ, которые онъ выпускалъ прежде.

бованіи на звонкую монету, до тѣхъ поръ оно сообразуется и должно сообразоваться съ нею въ цѣности. Но, говоря о цѣности металлическихъ или какихъ либо другихъ денегъ, мы должны принимать во вниманіе два элемента: постоянную, или среднюю, цѣнность и колебанія ея. Цѣнность бумажныхъ орудій обращенія должна сообразоваться съ постоянной цѣнностью металлическихъ денегъ. Однако, очевидно, нѣтъ никакого основанія, почему бы цѣности бумажныхъ орудій пужно было сообразоваться также и съ колебаніями цѣности металлическихъ денегъ. Единственная цѣль согласованія цѣности первыхъ и вторыхъ—это устойчивость цѣности; а въ отношеніи колебаній желательна лишь то, чтобы они были по возможности меньше. Колебанія же цѣности денегъ, какъ металлическихъ, такъ и бумажныхъ, опредѣляются не количествомъ ихъ, а расширеніемъ и сокращеніемъ кредита. Поэтому, чтобы опредѣлить какіе денежные знаки будутъ ближе всего сообразоваться съ постоянной цѣнностью драгоцѣнныхъ металловъ, мы должны узнать при какой денежной системѣ колебанія кредита бывають наименѣе часты и наименѣе сильны. Дослѣдуетъ-ли наилучшимъ образомъ эта цѣль звонкою монетой (а слѣдовательно и бумажными деньгами, въ точности сообразующимися по количеству съ нею)? вотъ именно тотъ вопросъ, который предстоитъ намъ рѣшить. Если будетъ доказано, что бумажныя орудія обращенія, которыя слѣдуютъ за всѣми колебаніями въ количествѣ звонкой монеты, ведутъ къ болѣе сильнымъ переворотамъ въ кредитѣ, чѣмъ тѣ бумажныя деньги, которыя должны не такъ строго придерживаться этой сообразности, то изъ этого будетъ слѣдовать, что не тѣ бумажныя орудія, которыя точнѣе всего согласуются съ количествомъ звонкой монеты, будутъ ближе всего сообразоваться съ ея цѣнностью, т. е. съ ея постоянной цѣнностью, съ которой одной только и желательна, чтобы они сообразовались.

Теперь мы изслѣдуемъ, дѣйствительно-ли это такъ. Сперва рассмотримъ, осуществляеть-ли актъ 1844 г. ту практическую цѣль, которую имѣли въ виду при его зачатіи болѣе воздержанные сторонники его, а именно, рассмотримъ, препятствуетъ-ли онъ въ самомъ раннемъ періодѣ спекулятивному расширенію кредита и отливу золота изъ страны, и слѣдовательно, способствуетъ-ли онъ тому, чтобы спекуляція протекала въ болѣе мягкихъ и постепенныхъ формахъ? По моему мнѣнію слѣдуетъ признать, что до известной степени этотъ актъ достигаетъ такой цѣли.

Я знаю, что можно возразить, и возразить совершенно основательно, противъ такого мнѣнія. Могутъ сказать, что въ то время, когда спекулянты начинаютъ обращаться въ банки съ настоятельными просьбами объ увеличеніи ссудъ для того, чтобы имѣть возможность выполнить свои обязательства, ограниченіе выпуска билетовъ не помѣшаетъ банкамъ давать ссуды, если только они желаютъ этого; что въ распоряженіи банковъ еще остаются влады, представляющіе источникъ, изъ котораго можно выдавать ссуды выше того размѣра, какой совместимъ съ благоразумнымъ веденіемъ банковаго дѣла; и что даже если банки откажутъ въ ссудѣ, единственнымъ результатомъ этого будетъ то, что для удовлетворенія нужды вкладчиковъ

будут выпущены самые вклады, которые будут такою-же прибавкою к находящимся в руках общества банковым билетам и звонкой монетой, как если-бы увеличилось количество самих билетов. Это возражение справедливо, и оно может служить достоящим опровержением мнѣнія людей, считающих, что ссуды, выданные банками для поддержанія неудавшейся спекуляціи, главнымъ образомъ заслуживаютъ порицанія, потому что они увеличиваютъ количество находящейся в обращеніи денегъ. Дѣйствительно, вредная сторона этихъ ссудъ заключается въ расширеніи кредита. Если-бы вмѣсто того, чтобы расширять учетъ, банки предоставляли-бы вынимать вклады, то отъ этого также бы увеличилось количество денегъ в обращеніи (по крайней мѣрѣ на короткое время), но не увеличилось бы количество ссуды въ тотъ моментъ, когда оно должно уменьшаться. Если они расширяютъ учетъ не при помощи билетовъ, а на счетъ оцѣны лишь вкладовъ, то вклады, въ тѣхъ случаяхъ, представляя собою определенную величину, будутъ находиться, тогда какъ количество билетовъ можетъ увеличиваться до какой угодно величины, и при возвращеніи въ банкъ, они могутъ снова выпускаться безчисленное число разъ! Правда, если банкъ не боится увеличивать въ неопредѣленномъ размѣрѣ свой пассивъ, онъ можетъ сдѣлать свои номинальные вклады такимъ же неограниченнымъ фондомъ, какими были-бы и банковые билеты; ему стоитъ только выдавать ссуды въ кредитъ по книжкѣ; такимъ образомъ банкъ создаетъ вклады изъ своихъ собственныхъ обязательствъ, такъ какъ деньги, за которыми онъ беретъ на себя отвѣтственность, становятся въ его рукахъ вкладами, предназначенными для выдачи по чекамъ; а выданные чеки могутъ быть погашены (либо въ томъ-же самомъ банкѣ, либо въ расчетной палатѣ) простымъ переводомъ по книгамъ. Я полагаю, что именно такимъ способомъ обличивенно и совершается чрезмѣрное расширение кредита въ періодъ спекуляціи. Но банки, по всей вѣроятности, не будутъ настойчиво придерживаться такого образа дѣйствій, когда наступаетъ реакція. Не можетъ быть, чтобы они, когда вклады начинаютъ уходить отъ нихъ, стали-бы создавать спеціальныя текущіе счета, которые вмѣсто фондовъ, отданныхъ банкамъ на сохраненіе, представляютъ лишь новыя обязательства востѣвшихъ. Но опытъ показалъ, что расширение кредита въ формѣ банковыхъ оцѣтокъ продолжается еще долго послѣ того, какъ вѣдѣтвие чрезмѣрной спекуляціи начинается реакція. Когда же этотъ способъ борьбы съ кризисомъ становится невозможнымъ, когда вклады и кредитъ по книжкѣ остаются единственнымъ источникомъ, изъ котораго могутъ производиться ссуды спекулянтамъ, и когда начинаютъ чувствоваться затрудненія, происходящіе отъ чрезмѣрной спекуляціи, повышение процента сдѣлать можетъ быть на цѣлю предотвращено. Когда банки замѣчаютъ, что вклады уходятъ отъ нихъ и пустого мѣста нельзя заполнить выпускомъ билетовъ, они чувствуютъ необходимость сокращать выдачу ссуды, чтобы предотвратить собственное банкротство, и въ силу этого процентъ оцѣтокъ повышается. Поэтому спекулянты бывають принуждены раньше продавать свои товары и такимъ образомъ подчиняться той потерѣ,

которую ничѣмъ нельзя было-бы предупредить; такимъ образомъ паденіе цѣны и общее сокращеніе кредита наступаетъ скорѣе.

Чтобы оцѣнить вліяніе, какое это ускореніе кризиса имѣетъ на смягченіе его силы, обратимъ особенное вниманіе на характеръ послѣдствій главной черты періода, предшествующаго катастрофѣ, — на отливъ золота изъ страны. Возвышеніе цѣны, произведенное даже и безъ помощи банковыхъ билетовъ ненормальнымъ расширеніемъ кредита, (если оно продолжается довольно долго), одинаково способствуетъ пониженію вексельнаго курса; а разъ курсъ понизился отъ этой причины, то возстановить его и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратить отливъ золота можетъ только или паденіе цѣны, или повышеніе процента. Паденіе цѣны прекратитъ отливъ золота, устранитъ причину, производящую его, и сдѣлавъ вывозъ товаровъ даже для уплаты старыхъ долговъ выгодною пересылки золота. Возвышеніе величины процента и происходящее отъ этого пониженіе процентныхъ бумагъ произведутъ такой-же результатъ еще быстрѣе, побуждая иностранцевъ не брать слѣдующее имъ золото, а оставлять его для помѣщенія въ странѣ, и даже отправлять въ нее золото для того, чтобы воспользоваться выгодною отъ увеличения процента. Замѣчательные примѣры этого послѣдняго способа прекращенія отлива золота происходили въ 1847 году. Но пока не произойдетъ одна изъ этихъ переменъ, — пока либо цѣны не упадутъ, либо процентъ не повысится, — ничто не можетъ ни прекратить, ни даже ослабить отлива золота. Однако, ни цѣны не могутъ упасть, ни процентъ повысится, пока ненадежащее расширеніе кредита постоянно поддерживается ссудами банковъ. Известно, что когда начинается отливъ золота, то прежде всего сокращается количество банковыхъ билетовъ, даже если раньше оно и не увеличивалось, потому что требуемое для вывоза золота всегда получается изъ Англійскаго Банка въ обмѣнъ на его билеты. Но при спесѣмъ, существовавшей до 1844 года, Англійскій Банкъ подвергался вмѣстѣ съ другими банками характернымъ для того момента настойчивымъ просьбамъ о выдачѣ новыхъ ссудъ, и могъ снова выпускать, а часто немедленно же и выпускать билеты, возвращенные ему въ обмѣнъ за слитки. Конечно, вполнѣ ошибочно будетъ предполагать, что вредъ этого поваго выпуска заключается въ томъ, что онъ мѣшаетъ сокращаться количеству денегъ, находящихся въ обращеніи. Но тѣмъ не менѣе вредность его висколько не преувеличена, ни въ одной изъ тѣхъ нападокъ, которымъ подвергался дѣйствія Банка. Пока такіе выпуски дѣлаются, отливъ золота не можетъ остановиться; потому что ни цѣны не могутъ пасть, ни процентъ повысится, пока продолжается выдача этихъ ссудъ. Цѣны, поднявшись безъ всякаго увеличенія количества банковыхъ билетовъ, могли-бы также и упасть безъ уменьшенія его; но поднявшись въ дѣдствіе расширенія кредита, они не могутъ упасть безъ сокращенія его. Поэтому пока Англійскій Банкъ и другіе банки настойчиво придерживаются такой системы, золото продолжало уходить за границу до тѣхъ поръ, пока его не оставалось такъ мало, что Англійскому Банку грозилла необходимость прекратить свои платежи. Тогда учетъ векселей сокращался такъ сильно и такъ впе-

запно, что процентъ чрезвычайно возвышался, причиняя гораздо большія потери и бѣдствія, и уничтожая гораздо большее количество кредита страны, чѣмъ это было дѣйствительно необходимо.

Я признаю, что только что описанный вредъ можетъ быть приписанъ Англійскому Банкомъ, и даже въ большемъ размѣрѣ, посредствомъ однихъ его вкладовъ (опытъ 1847 года доказалъ это тѣмъ, что не замѣчалъ этого раньше). Банкъ можетъ продолжать или даже увеличивать учетъ векселей, когда его-бы слѣдовало сокращать, а въ концѣ концовъ сократить его гораздо суровѣе и внезапно, чѣмъ это необходимо. Однако я увѣренъ, что банки, дѣлающіе такую ошибку въ отношеніи своихъ вкладовъ, сдѣлали-бы ее еще въ большемъ размѣрѣ, если-бы они имѣли право расширять свои ссудныя операціи посредствомъ билетовъ такъ-же, какъ и посредствомъ вкладовъ. Я принужденъ думать, что запрещеніе увеличивать количество билетовъ дѣйствительно мѣшаетъ банкамъ выдавать тѣ ссуды, которыя нѣсколько задерживаютъ реакцію и производятъ то, что она подъ конецъ идетъ со стремительностью потока; и если порицаютъ актъ 1844 г. за то, что онъ составляетъ препятствія въ то время, когда нужны не препятствія, а облегченія, все-же по справедливости нужно сказать, что онъ поставилъ ихъ и тогда, когда они приносятъ несомнѣнную пользу. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, нельзя отрицать дѣйствительнаго преимущества новой системы предъ старой.

§ 4. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется несомнѣннымъ, что это преимущество, какъ бы высоко его ни цѣнили, покупается еще большими невыгодами.

Во-первыхъ, хотя сильное расширеніе кредита банками и чрезвычайно вредно, когда онъ уже сильно раздутъ и когда это расширеніе можетъ только замедлить и успитъ реакцію, однако оно очень полезно, когда реакція наступила, и когда не только нѣтъ излишка кредита, но даже его до крайности мало. Въ такое время банкроты, расширяя выдачу ссудъ, вовсе не будутъ увеличивать обыкновенное количество кредита, а только будутъ создавать замѣну для массы внезапно уничтоженнаго кредита. Если Англійскій Банкъ до 1844 г. по временамъ и усплывалъ разрушительность коммерческихъ кризисовъ, замедляя сокращеніе кредита и этимъ дѣлая реакцію болѣе жестокой, чѣмъ было необходимо, то взаменъ этого онъ оказывалъ неоцѣненную услугу во время самаго переворота, являясь со своими ссудами на поддержку состоятельныхъ фирмъ въ то время, когда всѣ другія бумажныя орудія обращенія и почти весь коммерческій кредитъ сдѣлался почти ничего не стоящимъ. Эта услуга была особенно очевидна въ кризисѣ 1825—26 года, вѣроятно, самымъ суровомъ, какой когда-либо былъ; во время него Банкъ увеличилъ на нѣсколько милліоновъ обращеніе своихъ билетовъ, выдавая ссуды торговымъ фирмамъ, въ состоятельности которыхъ онъ не сомнѣвался; а если-бы онъ былъ обязанъ не выдавать этихъ ссудъ, то кризисъ былъ-бы еще суровѣе. Банкъ соглашается на удовлетвореніе

такихъ просьбъ о ссудахъ, «то онъ долженъ», какъ справедливо замѣчаетъ Фулмартопъ, «удовлетворить ихъ выпускомъ билетовъ, потому что билеты служатъ единственнымъ способомъ, посредствомъ котораго Банкъ обыкновенно отдаетъ займы своей кредитъ. Но эти билеты не предназначаются для обращенія и не идутъ въ обращеніе. Въ такое время спросъ на банковые билеты для цѣлей обращенія бываетъ не больше прежняго. Напротивъ, необходимое въ такомъ случаѣ быстрое паденіе цѣны неминуемо сокращаетъ обращеніе денежныхъ знаковъ. Поэтому билеты или немедленно послѣ выпуска возвратятся въ видѣ вкладовъ въ Англійскій Банкъ, или будутъ лежать въ кассахъ частныхъ лондонскихъ банкировъ, или будутъ разостаны этими послѣдними ихъ провинціальнымъ корреспондентамъ, или-же попадутъ въ руки другихъ капиталистовъ, заключившихъ въ пылу предыдущаго возбужденія обязательства, для удовлетворенія которыхъ въ данную минуту они, быть можетъ, не располагаютъ достаточными средствами. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ каждый человѣкъ, причастный къ торговлѣ и ведущій ее не на свои собственные средства, становится въ оборонительное положеніе и всѣми силами старается насколько возможно укрѣпиться; эта цѣль лучше всего достигается возможностью имѣть всегда подъ рукою, какъ можно большій запасъ бумажно-денежныхъ знаковъ, получившихъ значеніе законнаго платежнаго средства. Сами билеты никогда не проникаютъ въ товарный рынокъ; и если они чѣмъ нибудь и способствуютъ замедленію (или, вѣрнѣе было-бы выразиться, смягченію) паденія цѣны, то во всякомъ случаѣ не тѣмъ, что понижаютъ, хотя-бы въ самой незначительной степени, существующій спросъ на товары, не тѣмъ, что даютъ потребителямъ возможность больше покупать для потребленія и оживляютъ торговлю, но совершенно обратнымъ процессомъ, а именно тѣмъ, что они даютъ возможность владельцамъ товаровъ удерживаться отъ продажъ, вслѣдствіе чего торговые обороты замедляются и потребленіе сокращается».

Доставленіе такого рода своевременной помощи кредиту во время чрезвычайнаго сокращенія, слѣдующаго за ненадлежащимъ расширеніемъ его, совмѣстимо съ тѣмъ принципомъ, на которомъ основана новая система; потому что чрезвычайное сокращеніе кредита и паденіе цѣны неизбежно привлекаютъ золото въ страну; а по основной мысли новой системы не только допускается, но даже требуется, чтобы количество банковыхъ билетовъ увеличивалось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда должно было-бы увеличиваться количество металлическихъ денегъ. Однако мѣры, которыя вполнѣ соответствовали-бы цѣдѣ, лежащей въ основаніи новаго устава, парализуются въ данномъ случаѣ постановленіемъ, не допускающимъ усиленныхъ выпусковъ банковыхъ билетовъ, пока золото дѣйствительно не появится въ странѣ; но приливъ золота является всегда послѣ того, какъ самая тяжелая часть кризиса уже прошла и почти всѣ, сопровождающія его, потери и банкротства совершились. Практика новой банковской системы задерживаетъ примѣненіе того самаго средства, которое ея теорія признаетъ самымъ подходящимъ лѣкар-

ством*), так что въ большинствѣ случаевъ оно является слишкомъ поздно.

Это назначеніе банковъ пополнять брешь, сдѣланную въ коммерческомъ кредитѣ послѣдствіями чрезмѣрной спекуляціи и послѣдующей реакціей, настолько необходимо, что если актъ 1844 г. останется неотмѣненнымъ, то не трудно предвидѣть, что дѣйствіе его придется, какъ въ 1843 г., временно приостанавливать въ каждый періодъ крупныхъ коммерческихъ затрудненій, какъ только кризисъ дѣйствительно наступитъ и вполне разыграется**). Если-бы дѣло было только въ этомъ, то не было бы положительной несообразности въ сохраненіи закона, ограничивающаго кризисъ съ тѣмъ, чтобы дѣйствіе этого закона приостанавливалось для смягченія кризиса. Но противъ новой системы есть другое возраженіе, имѣющее гораздо болѣе радикальное и обширное значеніе.

Въ теоріи цѣль этой системы заключается въ томъ, чтобы привести измѣненія въ количествѣ бумажныхъ орудій обращенія къ соответствію съ измѣненіями въ количествѣ металлическихъ денегъ; но на дѣлѣ эта система способствуетъ тому, чтобы при каждомъ отливѣ золота соответственно уменьшалось количество бумажныхъ билетовъ; иными словами, чтобы всякій вывозъ драгоценныхъ металловъ совершался за счетъ дѣйствительнаго сокращенія денежнаго обращенія; при этомъ предполагается, что при исключительномъ металлическомъ обращеніи происходило-бы именно такое явленіе. Эта теорія и всѣ практическіе способы осуществленія ея приспособлены къ тому случаю, когда вывозъ золота порождается возвышеніемъ цѣны, которое вызывается неслѣдующимъ расширеніемъ денежнаго обращенія или кредита: но ни къ какому другому случаю она не применима.

Когда отливъ золота за границу составляетъ послѣднюю ступень въ рядѣ послѣдствій, возникающихъ отъ увеличенія количества орудій обращенія, или отъ расширенія кредита, которое по своему вліянію на цѣны равносильно увеличенію количества денегъ, то въ такомъ случаѣ справедливо предполагается, что при чисто металлической валютѣ, вывозимое золото было-бы взято изъ денегъ, находящихся въ обращеніи: потому что такой отливъ золота за границу самъ по себѣ не ограниченъ и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ,

*) Это предсказаніе оправдалось во время ближайшаго коммерческаго кризиса 1857 г., когда правительство снова было принуждено приостановить подъ своей отвѣтственностью дѣйствіе нѣкоторыхъ статей акта.

***) Правда, Банку не запрещено выдавать въ большомъ количествѣ ссуды изъ вкладовъ, которые въ такіе моменты, по всей вѣроятности, доходятъ до необыкновенно большихъ размѣровъ, потому что въ этотъ періодъ спекуляціи каждый отдаетъ свои деньги на храненіе въ банкъ, чтобы имѣть ихъ на готовъ. Но вклады не всегда бываютъ достаточны; это убѣдительно доказалъ 1847 г., когда банкъ для облегченія торговли до крайности напрягалъ свои средства, заключающіяся во вкладахъ, но не успѣлъ прекратить этимъ панику, которая однако сейчасъ же прекратилась, какъ только правительство рѣшилось временно приостановить дѣйствіе акта.

пока количество денегъ, находящееся въ обращеніи, и кредитъ не сократятся. Но нерѣдко вывозъ драгоценныхъ металловъ происходитъ не отъ причинъ, вліяющихъ на деньги или кредитъ, а просто отъ чрезвычайнаго увеличенія платежей за границу, происходящихъ или отъ состоянія товарнаго рынка, или отъ каппъ-ленбо, не зависящихъ отъ торговли, обстоятельствъ. Въ этомъ разрядѣ причинъ есть четыре, имѣющія очень сильное вліяніе, и примѣры неоднократнаго появленія каждой изъ нихъ можно видѣть въ послѣднемъ пятидесятилѣтніи англійской исторіи. Первая причина—это чрезвычайные правительственные расходы за границу за политической или военной цѣлью; какъ напримѣръ, въ революціонныя войны, и во все время недавней войны съ Россіей. Вторая причина—это большой вывозъ капиталовъ для заграничнаго помѣщенія, какъ напримѣръ; займы и устройство акціонерныхъ компаній для разработки рудниковъ (что отчасти способствовало кризису 1825 года) а также американскія спекуляціи, бывшія главной причиной кризиса 1839 года. Третья причина—неурожаи въ странахъ, доставляющихъ сырой матеріалъ для важныхъ отраслей производства; какъ напримѣръ, неурожай хлопка въ Америкѣ, принудившій Англію въ 1847 г. сдѣлать чрезвычайные долги для покупки этого товара по повышенной цѣнѣ. Четвертая причина—неурожай хлѣбовъ въ самой странѣ и вызванный этимъ большой ввозъ зерна, какъ это было въ 1846 и 47 годахъ, которые представляютъ примѣръ, превосходящій все, что было до этихъ поръ.

Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ, даже при чисто металлическомъ денежномъ обращеніи, золото и серебро, вывозимыя за границу для одной изъ упомянутыхъ цѣлей, не будутъ временно, или по всей вѣроятности и вовсе не будутъ, взяты всецѣло изъ обращенія. Они будутъ взяты изъ запасныхъ капиталовъ, сумма которыхъ при металлическомъ обращеніи всегда бываетъ очень велика: въ нецивилизованныхъ странахъ эти капиталы находятся въ рукахъ каждаго, кто можетъ собрать ихъ; въ цивилизованныхъ же странахъ они главнымъ образомъ находятся въ видѣ вкладовъ въ банкъ. Тутъ въ своемъ «Inquiry into the Currency Principle» говоритъ объ этомъ фактѣ; но самымъ яснымъ и наиболее удовлетворительнымъ разъясненіемъ его общество обязано Фуллартону. Мы не знаемъ, чтобы какой-либо другой писатель хотъ приблизительно съ такой-же полнотой изложить эту часть теоріи денегъ; поэтому я приведу довольно большой отрывокъ изъ этого выдающагося произведенія.

Каждый, кто когда нибудь жилъ въ одномъ изъ азиатскихъ государствъ, гдѣ сравнительно съ Европой гораздо большая часть капиталовъ страны лежитъ скрытой, и гдѣ такой обычай въ силу традиціоннаго убѣжденія въ необезпеченности и въ трудности найти для денегъ безопасное и выгодное помѣщеніе, укоренился гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо европейскомъ обществѣ,—каждый, кто имѣлъ случай лично познакомиться съ такимъ состояніемъ общества, легко можетъ вспомнить безчисленные примѣры того, какъ во время денежныхъ затрудненій ради высокаго процента изъ сундуковъ частныхъ лицъ извлекалось огромныя сокровища звонкой мо-

неты и отдавался взаимно на общественныя нужды, а также съ другой стороны можетъ свидѣтельствовать о томъ, съ какою легкостью эти сокровища снова пачезали, когда переставали дѣйствовать побужденія, выводящія ихъ наружу. Въ странахъ, стоящихъ выше азиатскихъ государствъ по богатству и цивилизаціи—въ странахъ, гдѣ человѣкъ не боится привлечь на себя жадность властелина вышнимъ проявленіемъ богатства, но гдѣ обмѣнъ товаровъ все еще ведется почти исключительно посредствомъ звонкой монеты, какъ напримѣръ, въ большей части континентальной Европы, побужденіе собирать драгоцѣнныя металлы, можетъ быть, менѣе сильно, нежели въ большей части азиатскихъ государствъ, но умѣнье накапливать гораздо шире распространено, и поэтому, если ми сравнимъ абсолютное количество сбереженій съ числомъ населенія, то получимъ, вѣроятно, для Европы значительно большую пропорцію, чѣмъ *) для Азіи. Въ тѣхъ государствахъ, которыя повергаются чужеземнымъ вторженіямъ или социальное положеніе которыхъ переменчиво и непрочное, побужденіе составлять металлическія сокровища должно быть, конечно, очень сильно; а въ народѣ ведущемъ обширную и вышнюю, и внутреннюю торговлю безъ сколько нибудь значительной помощи одного изъ кредитныхъ суррогатовъ денегъ, запасы золота и серебра, необходимо требующіеся для обезпеченія правильныхъ платежей, должны сами по себѣ поглощать изъ обращенія нѣкоторую долю звонкой монеты, которую не легко было-бы вычислить.

«Въ Англіи, гдѣ кредитный оборотъ доведенъ до такихъ размѣровъ и совершенства, какіе неизвѣстны ни въ какой другой части Европы, и гдѣ, можно сказать, онъ вытѣсняетъ изъ употребленія звонкую монету вездѣ, кромѣ розничной торговли и платежей по вышней торговлѣ, уже болѣе не существуетъ побужденій прятать деньги у себя дома, и всѣ сбереженія перенесены въ банкы, или, вѣрнѣе будетъ сказать, въ Англійскій Банкъ. Но во Франціи, гдѣ въ обращеніи находится еще сравнительно мало банковыхъ билетовъ, существующее количество золотой и серебряной монеты по современнымъ свидѣтельствамъ почисляется вообще равнымъ огромной суммѣ въ 120 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; и такое печальное весьма правдоподобно. Съ полнымъ основаніемъ можно предположить, что очень большая, по всей вѣроятности, значительно преобладающая часть этого обширнаго богатства лежитъ въ видѣ денежныхъ запасовъ. Если вы представите французскому банкиру къ уплатѣ вексель въ 1000 франковъ, онъ принесетъ вамъ изъ своей кладовой запечатанный свертокъ серебра. И не только банкиръ, но и каждый коммерсантъ и торговецъ принужденъ держать у себя,

*) Изъ несомнѣнныхъ данныхъ извѣстно, что денежные вклады, во все время существовавшіе въ рукахъ у французскихъ крестьянъ, и сохраняемые перѣдко съ очень давнихъ временъ, доходять иногда до такой суммы, которой трудно повѣрить; недавно было доказано, что даже въ такой бѣдной странѣ, какъ Ирландія, мелкіе фермеры иногда обладаютъ сокровищами, совершенно несообразными съ ихъ видимыми средствами къ существованію.

судя по его средствамъ, запасъ звонкой монеты, достаточный не только для его обыкновенныхъ расходовъ, но и для удовлетворенія какихъ-либо неожиданныхъ требованій. Мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ доказательствъ того, что количество звонкой монеты, заключающееся въ этихъ бесчисленныхъ запасахъ не въ одной лишь Франціи, но и во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, въ которыхъ банковыя учрежденія или вовсе отсутствуютъ, или очень неудовлетворительно организованы, не только само по себѣ велико, но можетъ быть вынута и даже цѣлыми массами перенесено изъ страны въ страну, оказывая незначительное, а можетъ быть, и вовсе не оказывая влияния на цѣны и не производя никакого другого существеннаго измѣненія». Одно изъ такихъ доказательствъ представляетъ «замѣчательный успѣхъ, какимъ сопровождалось одновременное усиліе нѣсколькихъ главныхъ державъ (Россіи, Австріи, Пруссіи, Швеции и Даніи) пополнить свое казначейство и замѣнить звонкой монетой значительную часть потерявшихъ цѣнность бумажныхъ денегъ, усиленные выпуски которыхъ были произведены правительствомъ подъ давленіемъ военныхъ потребностей; и этотъ успѣхъ имѣлъ мѣсто именно въ то самое время, когда свободный запасъ металловъ во всемъ мірѣ былъ уменьшенъ усиліями Англіи восстановить у себя металлическое обращеніе... Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти одновременныя операціи производились въ чрезвычайно широкомъ размѣрѣ, что онѣ были выполнены безъ всякаго чувствительнаго вреда для торговли или общественного благосостоянія и, вообще, безъ какого-либо другаго послѣдствія, кромѣ временнаго измѣненія вексельнаго курса, и что частныя богатства, накопленные во всей Европѣ во время войны, должны были послужить главнымъ источникомъ, изъ котораго было получено все это золото и серебро. Мнѣ кажется, что стоить только хорошенько представить себѣ огромный излишекъ металлическаго богатства, который, какъ доказываютъ подобные факты, постоянно существуетъ и, несмотря на свое спящее и мертвое состояніе, всегда готовъ пробудиться для дѣятельности при первомъ указаніи на достаточно сильный спросъ, и тогда нельзя не согласиться, что рудники могутъ закрыться на нѣсколько лѣтъ сразу, и добыча металловъ совершенно прекратиться, а между тѣмъ въ мѣншовой цѣности металла произойдетъ лишь едва замѣтная перемѣна» *).

Сопоставляя это съ количественной денежной теоріей и доводами ея защитниковъ, Фуллартонъ говоритъ **): «можно вообразить, что они предполагаютъ будто-бы золото, предназначеное для вывоза изъ страны съ исключительно металлическимъ денежнымъ обращеніемъ, собирается по мелочамъ на ярмаркахъ или рынкахъ, или изъ выручекъ оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ. Они даже никогда не намекаютъ на существованіе такой вещи, какъ огромные запасы металловъ, хотя отъ употребленія этихъ богатствъ зависитъ весь

*) Fullarton on the Regulation of Currencies, pp. 71—4.

**) Ib. pp. 139—42.

порядокъ международныхъ платежей между странами съ металлическимъ денежнымъ обращеніемъ: по количественной гипотезѣ признается положительно невозможнымъ, чтобы деньги, отложенныя въ запасъ, вліяли на цѣны. Изъ опыта мы знаемъ, какіе огромные платежи золотомъ и серебромъ иногда бываютъ въ состояніи производить страны съ чисто металлическимъ денежнымъ обращеніемъ, безъ малѣйшаго нарушенія ихъ внутренняго благосостоянія; а откуда поступаютъ эти платежи, если не изъ денежныхъ запасовъ? Подумаемъ, какъ могла бы отразиться на денежномъ рынкѣ страны, производящей всѣ свои обмѣны при помощи только драгоценныхъ металловъ, необходимость произвести заграничный платежъ въ нѣсколько милліоновъ. Конечно, эта необходимость могла бы быть удовлетворена только пересылкою капитала; но развѣ соперничество на получение капитала, необходимаго для перевода, не подняло бы неизбежно рыночную величину процента? Еслибы платежъ должно было произвести правительство, развѣ оно не объявило бы новаго займа на условіяхъ, выгодныхъ болѣе обыкновеннаго для заемодавцевъ? А если его должны бы были произвести торговцы, то не взяли бы ли они его изъ банковыхъ вкладовъ, или же резервовъ, которые торговцы, за пенніемъ банковъ, сохраняютъ у себя дома, или не были бы ли они принуждены для полученія необходимой суммы звонкой монеты выступить въ качествѣ заемщиковъ на денежномъ рынкѣ? И развѣ все это не шло-бы неизбежно на денежные запасы и не вызывало-бы ли къ дѣятельности части золота и серебра, накопленнаго профессиональными заемодавцами нерѣдко со специальнымъ расчетомъ, воспользоваться подобнымъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы извлечь выгоду изъ своихъ сокровищъ?...

«Въ послѣднее время (въ 1844 г.) платежный балансъ почти со всей Европой уже около четырехъ лѣтъ былъ благопріятенъ для Англіи, и золото впадалось въ нее до того сильно, что вновь поступившее количество его достигло неслыханной суммы—около 14 милліоновъ фунтовъ. А между тѣмъ слышна-ли была во все это время хоть одна жалоба на причиненное этимъ сколько-нибудь серьезное затрудненіе въ жизни континентальныхъ народовъ? Стали-ли тамъ цѣны гораздо выше, чѣмъ въ Англіи? Упала-ли заработная плата, замѣчено-ли было сильное разореніе купцовъ вслѣдствіе всеобщаго обесцѣненія ихъ запасовъ? Ничего подобнаго не было. Ходъ коммерческихъ и денежныхъ дѣлъ повсюду оставался одинаково спокойнымъ, а во Франціи въ особенности увеличеніе доходовъ и расширеніе торговли свидѣтельствуетъ о непрерывномъ успѣхѣ во внутреннемъ благосостояніи. И въ самомъ дѣлѣ, очень сомнительно, чтобы такой сильный отливъ золота уменьшить хотя бы на одинъ наполеонъ ту часть металлическаго богатства страны, которая дѣйствительно находится въ обращеніи. И также очевидно было по спокойному состоянію кредита, что не только не прерывался во все это время приливъ звонкой монеты, необходимый для веденія дѣла на розничномъ рынкѣ, но что и денежныхъ запасовъ было вполне достаточно для того, чтобы коммерческіе платежи совершались легко и правильно. Самое главное при металлической системѣ это то, чтобы

денежныхъ запасовъ при всякихъ возможныхъ случайностяхъ было достаточно для двухъ цѣлей: чтобы они, во-первыхъ, доставляли требуемое для вывоза количество металловъ, а во-вторыхъ, поддерживали внутреннее обращеніе въ подлежащей полнотѣ. При такой системѣ каждый торговецъ, которому во время его операціи часто представляется необходимость пересылать крупныя суммы звонкой монеты за границу, долженъ или держать у себя, или имѣть возможность занять у другихъ сумму, достаточную не только для совершенія переводовъ, когда они потребуются, но еще и для того, чтобы быть въ состояніи вести безостановочно свои обыкновенныя дѣла внутри страны».

Въ странѣ, гдѣ кредитъ доведенъ до такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ Англіи, одинъ большой металлическій фондъ въ единственномъ учрежденіи, Англійскомъ Банкѣ, замѣняетъ собою множество отдѣльныхъ денежныхъ запасовъ другихъ странъ. Слѣдовательно отвлеченный принципъ количественной денежной теоріи требовалъ бы, чтобы весь тотъ отливъ металла изъ страны, который при чисто металлическомъ обращеніи проходилъ-бы за счетъ денежныхъ запасовъ, могъ свободно совершаться изъ фондовъ Англійскаго Банка; при чемъ не слѣдовало-бы для прекращенія этого отлива принимать никакихъ мѣръ, ни въ видѣ уменьшенія количества банковыхъ билетовъ, ни въ видѣ стѣсненія кредита. И противъ этого нельзя-бы было сдѣлать никакого основательнаго возраженія, если-бы отливъ золота не достигалъ такой величины, при которой является опасность истощенія фонда и слѣдующаго за этимъ прекращенія платежей, опасность, противъ которой возможно принимать соотвѣтствующія предосторожности, потому что въ разсматриваемомъ нами случаѣ отливъ золота для иностранныхъ платежей имѣетъ опредѣленную величину, и прекращается самъ собой, какъ скоро эти платежи будутъ произведены. Но всѣ системы заключаютъ въ себѣ требованія, чтобы обыкновенный фондъ Англійскаго Банка превышалъ самую большую величину, до какой, какъ извѣстно изъ опыта, можетъ распространяться отливъ золота. Фулartonъ предѣльной величиной такого фонда считаетъ 7 милліоновъ; но Тукъ совѣтуетъ, чтобы въ среднемъ онъ былъ равенъ 10 мил., а въ послѣднемъ изданіи своего труда 12 милліонамъ. При такихъ условіяхъ обыкновенный резервъ, который никогда бы не употреблялся на дисконты, а исключительно бы сохранялся для уплаты по чекамъ и банковымъ билетамъ, былъ бы достаточно для такого рода кризиса, затрудненія котораго происходило бы, не усиливаясь обращеніемъ кредита или денежнаго обращенія. Но важнѣйшей новыя системы признаютъ болышій заслугой ея то, что въ ней не допускается этотъ самый выгодный въ данномъ случаѣ способъ развязки, который не только совмѣстимъ съ основнымъ принципомъ системы, но и требуется имъ. Они превозносятъ то, что при первыхъ признакахъ вывоза драгоценныхъ металловъ (какова бы ни была его причина, и вызвалъ-ли бы онъ или нѣтъ при металлическомъ обращеніи сокращеніе кредита) Англійскій Банкъ сразу принужденъ сокращать выдачу ссудъ. И вспомнить, что это дѣлается въ то время, когда нѣтъ спекулятивнаго возбу-

шенія цѣль, которое необходимо исправлять, и когда не существуетъ чрезвычайнаго расширенія кредита, которое требовало-бы сокращенія послѣдняго; а спросъ на золото исключительно вызванъ иностран-ными платежами правительства или большимъ ввозомъ зерна, про-шедшимъ отъ неурожая.

Предположимъ даже, что резервъ недостаточенъ для удовле-творенія иностранныхъ платежей, и что средства для выполнения ихъ должны быть взяты изъ ссуднаго капитала страны, послѣдствіемъ чего является возвышеніе процента. При такихъ условіяхъ неиз-бѣжно нѣкоторое стѣсненіе денежнаго рынка: но суровость этого стѣсненія сильно увеличивается раздѣленіемъ Англійскаго Банка на два департамента: Банковій и Эмиссіонный. Обыкновенно дѣло пред-ставляется такъ, какъ будто-бы актъ 1844 г. оказываетъ вліяніе лишь въ одномъ направленіи, а именно будто-бы онъ мѣшаетъ Банку, когда послѣдній отдастъ, положимъ, на три милліона слитковъ въ обмѣнъ за три милліона своихъ билетовъ, снова выпускать эти би-леты для дисконта или другихъ ссудъ. Но въ дѣйствительности актъ 1844 г. оказываетъ гораздо большее вліяніе. Извѣстно, что отливъ золота прежде всего отражается на Банковомъ Департаментѣ. Бан-ковые вклады составляютъ массу занятаго и свободнаго капитала страны: и капиталъ, нужный для заграничныхъ платежей почти всегда главнымъ образомъ получается посредствомъ востребованія вкладовъ. Предположимъ, что требуется сумма въ три мил-ліона фунтовъ; изъ Банковаго Департамента (прямо или черезъ частныхъ банкировъ, которые держатъ всю массу своихъ резервовъ въ Англійскомъ Банкѣ) берется три мил. билетовъ; полученные та-кимъ образомъ билеты представляются въ Эмиссіонный департаментъ и обмѣниваются тамъ на золото для вывоза. Такимъ образомъ вы-возъ 3-хъ мил. изъ страны въ дѣйствительности уменьшаетъ сред-ства банка на 6 мил. Вклады уменьшились на 3 мил. и резервъ Эмиссіоннаго Департамента тоже уменьшился на такую-же сумму. Пока актъ 1844 г. остается въ силѣ, оба Департамента даже въ са-мой сильной крайности не могутъ помогать другъ другу; и каждый изъ нихъ долженъ принимать въ отдѣльности предосторожности для своей безопасности. Поэтому всѣ тѣ мѣры, которыя были-бы при-нуждены принимать Англійскій Банкъ при старой системѣ вслѣд-ствіе вывоза 6 мил., теперь сдѣлались необходимыми при вывозѣ только лишь 3-хъ мил. Эмиссіонный Департаментъ, охраняетъ себя способомъ, предписанномъ въ актѣ, не выпуская снова возвращен-ныхъ ему 3-хъ мил. билетовъ. Но Банковій Департаментъ долженъ принять мѣры для пополненія своего резерва, уменьшившагося на 3 мил. Такъ какъ вслѣдствіе вынута вклада на сумму въ 3 мил. и долги Банка уменьшились на такую-же сумму, то и резервъ, ко-торый по обыкновенному правилу долженъ равняться трети долговъ, сократился на одинъ миліонъ. Но другіе 2 мил. Банкъ долженъ получить тѣмъ, что по истеченіи срока ссуды на такую сумму онъ не станетъ ихъ возобновлять. Онъ долженъ будетъ не только по-высить величину процента, но долженъ какими-бы то ни было спо-собами уменьшить на два милліона всю сумму своихъ дисконтовъ.

или продать на эту сумму процентныхъ бумагъ. Причина такого насильственнаго обращенія съ денежнымъ рынкомъ для пополненія банковаго резерва всецѣло заключается въ актѣ 1844 г. Если-бы не было ограниченій, налагаемыхъ этимъ актомъ, Англійскій Банкъ, вмѣсто того, чтобы сокращать свои дисконты, просто перенесъ бы 2 мил. золотомъ или билетами изъ Эмиссіоннаго Департамента въ Банковій, конечно, не для выдачи ихъ въ ссуду клиентамъ, а для обезпеченія состоятельности Банковаго Департамента на случай по-ваго неожиданнаго востребованія вкладовъ. И, если отливъ золота не будетъ продолжаться и не достигнетъ такой величины, при ко-торой можно будетъ опасаться, что онъ превыситъ всю сумму зо-лота, находящагося въ резервахъ обоихъ Департаментовъ, Банку не представится необходимости во время стѣсненія торговли лишать ее обычной суммы ссудъ по процентамъ, соответствующимъ увеличив-шемуся спросу *).

И знаю, мнѣ могутъ возразить, что допуская, чтобы такого рода отливъ золота и серебра свободно дѣйствовалъ на банковый резервъ пока они не прекратятся сами собой, мы не предупредимъ, а только стечемъ сокращеніе количества денежныхъ знаковъ и кредита, такъ какъ если бы не прибѣгли къ ограниченію коли-чества билетовъ для прекращенія отлива въ самомъ началѣ, то по-требовалось такое-же самое или еще большее ограниченіе влослѣд-

*) То, что я назвалъ „двойнымъ дѣйствіемъ“ вывоза драгоцѣнныхъ металловъ“ возбудило странныя недоразумѣнія: подумали, будто-бы я утверждалъ, что при вывозѣ 3 мил. Банкъ принужденъ выдавать изъ своихъ средствъ сумму равную 6 мил. Такое утвержденіе было-бы слишкомъ цѣлѣно для того, чтобы его стоило опровергать. Отливъ золота имѣетъ двойное дѣйствіе не на денежное положеніе самого Банка, а на мѣры, которыя онъ принужденъ принимать для прекращенія отлива. Хотя самъ банкъ не становится бѣднѣе, тѣмъ не менѣе два его резерва, резервъ Банковаго Департамента и резервъ Эмиссіоннаго Департамента, уменьшились каждый на 3 мил. А такъ какъ при раздѣленіи Де-партаментовъ становится необходимымъ, чтобы каждый изъ нихъ въ отдѣ-льности оставался такимъ-же сильнымъ, какими-бы должны были быть оба, если-бы они могли помогать другъ другу, то дѣйствіе Банка на денеж-ный рынокъ при отливѣ 3-хъ мил. должно быть такимъ сильнымъ, какое при прежнемъ уставѣ потребовалось при вывозѣ 6 мил. Такъ какъ ре-зервъ въ Банковомъ Департаментѣ меньше, чѣмъ онъ былъ-бы при пре-жнемъ уставѣ, на всю сумму слитковъ Эмиссіоннаго Департамента и такъ какъ первое время вся сумма требующагося для вывоза золота падаетъ на этотъ уменьшенный резервъ, то давленіе всей, требующейся для вы-воза, суммы на половину резерва будетъ такъ-же сильно чувствоваться и будетъ требовать для своего прекращенія такихъ-же сильныхъ мѣръ, какъ давленіе удвоенной суммы на весь резервъ. Какъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ *), „это все равно что запретить человеку, которому нужно поднять известную тяжесть, употреблять для этого разомъ обѣ руки, поз-воливъ ему употреблять каждую руку отдѣльно; въ такомъ случаѣ было-бы необходимо, чтобы каждая его рука была такъ-же сильна, какъ обѣ.“

*) Evoked before the Committel of the House of Commons on the Bank Acts, in 1857.

ствин для того, чтобы, действуя на цѣны, возвратитъ это огромное количество золота, которое необходимо для пополненія резерва Банка. Но въ этомъ возраженіи опущены нѣкоторыя обстоятельства. Во-первыхъ, золото можетъ быть возвращено не паденіемъ цѣны, а болѣе удобнымъ и быстрымъ способомъ возвышенія процента, не вызывающимъ пониженія никакихъ цѣнъ, кромѣ цѣнъ процентныхъ бумагъ. Либо англійскія бумаги будутъ покупаться за границей, либо находящіяся въ Англии заграничныя бумаги будутъ отосланы для продажи за границу; обѣ эти операціи въ широкихъ размѣрахъ производились во время торговыхъ затрудненій 1847 года, и не только прекратили отливъ золота за границу, но даже повернули потокъ его въ обратную сторону и возвратили золото въ страну. Слѣдовательно, золото было возвращено не сокращеніемъ количества денегъ, находившихся въ обращеніи во несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ оно было возвращено уменьшеніемъ количества ссудъ. Однако даже и это послѣднее условіе не всегда необходимо, потому что вовсе не нужно, чтобы золото возвращалось съ такой-же быстротой, съ какой оно ушло. Значительная часть, вѣроятно, возвратилась бы обыкновеннымъ торговымъ путемъ, въ уплату за вывезенные товары. Излишекъ прибыли, полученный производителями и торговцами иностранныхъ государствъ отъ излишка уцѣлать, полученныхъ ими изъ Англии, по всей вѣроятности, отчасти былъ бы истраченъ на увеличеніе покупокъ англійскихъ товаровъ для потребленія или для спекуляціи, хотя результаты этого можетъ и не обнаружиться настолько быстро, чтобы съ самаго же начала была устранена необходимость пересылать золото. Эти чрезвычайныя покупки замѣнили-бы балансъ платежей въ пользу Англии и постепенно возвратили бы обратно часть вывезеннаго золота; а оставшая часть его, вѣроятно, была-бы возвращена безъ значительнаго возвышенія величины процента въ Англию, вслѣдствіе паденія его въ иностранныхъ государствахъ, вызваннаго прибавкой нѣсколькихъ милліоновъ золота къ ссудному капиталу этихъ странъ. Правда, при положеніи дѣлъ, созданномъ открытіемъ новыхъ золотыхъ приисковъ, когда огромное количество золота, ежегодно добываемое въ Австраліи, и значительная часть калифорнскаго золота распределяется по другимъ странамъ черезъ Англию, и рѣдко проходитъ мѣсяць безъ большого прилива его, резервы Англійскаго Банка могутъ пополняться и безъ обратнаго ввоза золота, передъ тѣмъ ушедшаго изъ страны вслѣдствіе отлива его. Все что нужно въ такомъ случаѣ,—это перерывъ вывоза его, и то очень кратковременный.

Поэтому мнѣ кажется, что, не смотря на полезное дѣйствіе Акта 1844 года въ первомъ періодѣ лишь того рода коммерческихъ кризисовъ, которые производятся чрезмѣрной спекуляціей, онъ въ общемъ очень сильно увеличиваетъ жестокость коммерческихъ переворотовъ. И благодаря этому акту не только сокращеніе кредита производится болѣе жестокимъ способомъ, но оно также становится значительно болѣе частымъ. Предположимъ, — говоритъ Джоржъ Локеръ въ одномъ изъ ряда ясныхъ, убѣдительныхъ и безпристрастныхъ статей, помѣщенныхъ въ Aberdeen Herald и составляющихъ

наилучшее прозвѣденіе по этому вопросу—«предположимъ, что изъ 18 мил. золота 10 мил. находятся въ Эмиссіонномъ Департаментѣ, а 8 мил. въ Банковомъ. Результатъ будетъ тотъ-же, какъ и при металлическомъ денежномъ обращеніи съ резервомъ въ 8 мил. вмѣсто 18 мил. Вліяніе Банковаго Акта сказывается въ томъ, что при отливѣ золота образъ дѣйствій Банка опредѣляется, или долженъ опредѣляться не всей суммой золота, находящагося въ кладовыхъ Банка, а той частью золотого запаса, которая принадлежитъ Банковому Департаменту. Имѣя всю сумму золота въ своемъ распоряженіи, Банкъ можетъ найти излившимъ сокращать кредитъ или понижать цѣны, если послѣ отлива золота останется надлежащій запасъ. Имѣя-же въ своемъ распоряженіи лишь резервъ Банковаго Департамента, Банкъ долженъ, вслѣдствіе узкости поля дѣятельности, всякій отливъ золота встрѣчать болѣе или менѣе энергичными мѣрами въ ущербъ коммерческихъ классовъ; если-же онъ случайно не сдѣлаетъ этого, то послѣдствіемъ будетъ разореніе. Отъ этого происходятъ чрезвычайныя и частыя колебанія величины процента при дѣйствіи Банковаго Акта. Съ 1847 года, когда открылись глаза на истинное положеніе Банка, было признано необходимымъ въ видѣ предосторожности, чтобы каждое измѣненіе въ резервѣ сопровождалось измѣненіемъ и въ величинѣ процента». Поэтому, чтобы Банкъ въ придачу ко всей суммѣ золота, находящейся въ Эмиссіонномъ Департаментѣ, удерживать въ одномъ Банковомъ такой резервъ изъ золота или билетовъ, который при старой системѣ былъ-бы достаточенъ для обезпеченія какъ того, такъ и другого Департамента.

§ 5. Относительно банковыхъ билетовъ остается еще два вопроса, служившіе въ послѣдніе годы предметомъ значительныхъ дебатовъ. Спрашивается, должна-ли привилегія выпуска билетовъ принадлежать лишь одному учрежденію, подобному Англійскому Банку, или можно допустить множество такихъ учрежденій; а при послѣднемъ допущеніи, нужно-ли и умѣсто-ли принимать какія-либо особенныя предосторожности для охраненія владѣльцевъ билетовъ отъ потерь причиняемыхъ неосторожностью выпускающихъ билеты учреждений.

Рядъ предыдущихъ соображеній привелъ насъ къ тому выводу, что банковые билеты по сравненію съ другими формами кредита имѣютъ значеніе гораздо меньше того, какое имъ придается общераспространеннымъ мнѣніемъ; поэтому вопросы относительно регулрованія такой незначительной части общей массы кредита не могутъ казаться намъ настолько важными, какъ вообще предполагается. Однако банковые билеты имѣютъ ту дѣйствительную особенность, что они представляютъ единственную форму кредита, достаточно удобную для всѣхъ потребностей обращенія и могущую вполне замѣнять употребленіе звонкой монеты во внутреннемъ оборотѣ. Хотя увеличивающееся употребленіе чековъ все болѣе и болѣе способствуетъ тому, что число банковыхъ билетовъ сокращается такъ-же, какъ сокращалось-бы число совершенныхъ или другихъ монетъ, которыя въ случаѣ уничтоженія банковыхъ билетовъ заняли-

бы их мѣсто; но несомнѣнно, что еще долгое время будетъ выпускаться значительное количество банковыхъ билетовъ вездѣ, гдѣ существуетъ необходимая степень коммерческаго довѣрія и допускается свободное пользованіе имъ. Поэтому, оставленная за правительствомъ или какою-либо однимъ учрежденіемъ исключительная привиллегія выпускать билеты, служить источникомъ большой денежной выгоды. Чтобы эта выгода получалась всей націей вообще, и возможно, и желательно. И если управленіе обращеніемъ банковыхъ билетовъ должно быть дѣломъ чисто механическимъ и всецѣло подчиненнымъ опредѣленному правилу, какъ это сдѣлано актомъ 1844 г., то, по видимому, нѣтъ основаній, почему-бы этотъ механизмъ долженъ былъ бы служить для пользы частныхъ учрежденій, а не государственной казны. Но если будетъ принятъ планъ, по которому измѣненія въ количествѣ банковыхъ билетовъ будутъ предоставлены произволу лицъ, выпускающихъ ихъ, то въ такомъ случаѣ будетъ нежелательнымъ, чтобы къ постоянно возрастающимъ функциямъ правительства еще была присоединена столь щекотливая обязанность, и чтобы вниманіе государственныхъ людей отвлекалось отъ болѣе важныхъ предметовъ постоянными просьбами и всевозможными нападками, отъ которыхъ никогда не избавлены лица, считающіеся ответственными за все, хотя бы самыя ничтожныя дѣйствія, связанныя съ регулированіемъ денежнаго обращенія. Было-бы лучше, чтобы вознагражденіемъ выпускались при востребованіи размѣняющіеся на золото билеты въ опредѣленномъ количествѣ, не превышающемъ находящагося въ обращеніи минимума банковыхъ билетовъ; и чтобы было предоставлено одному или многимъ банковымъ учрежденіямъ выпускать могущее понадобиться остальное количество билетовъ. Можно также установить, чтобы такое учрежденіе, какъ Англійскій Банкъ, снабжало всю страну билетами съ условіемъ предоставить въ ссуду правительству отъ 15 до 20 мил. билетовъ безъ процентовъ: это доставило бы правительству такую же денежную выгоду, какъ если бы послѣднее само выпускало такую сумму билетовъ.

Въ возраженіе противъ системы, допускающей множество билетныхъ банковъ, которая существовала въ Англіи до 1844 г. и еще и до сихъ поръ существуетъ съ извѣстными ограниченіями, обыкновенно приводятъ то, что соперничество этихъ различныхъ банковъ побуждаетъ ихъ увеличивать до вреднаго размѣра количество своихъ билетовъ. Но мы видимъ, что принадлежащая банширамъ возможность увеличивать число своихъ билетовъ и зависящій отъ этого вредъ совершенно ничтожны сравнительно съ общераспространенной и преувеличенной оцѣнкой ихъ. Фуллартовъ замѣчаетъ, *) что чрезвычайное усиліе банковаго соперничества, вызванное учрежденіемъ акціонерныхъ банковъ, и нѣрѣдко доходившее до безразсудныхъ размѣровъ, вполнѣ доказало невозможность увеличить въ обращеніи общую сумму банковыхъ билетовъ, и что наоборотъ, эта сумма въ дѣйствительности уменьшалась. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя привести какого-нибудь спеціальнаго основанія для ограни-

ченія свободы промышленности, общій принципъ долженъ оставаться въ силѣ. Однако, мнѣ кажется желательнымъ сохранить одно такое учрежденіе, какъ Англійскій Банкъ, отличающееся отъ другихъ, выпускающихъ билеты, банковъ тѣмъ, что оно одно обязано платить за свои билеты золотомъ, тогда какъ все прочіе банки свободны платить за свои билеты билетами этого центрального учрежденія. Цѣль этого та, чтобы было одно учрежденіе, ответственное за сохраненіе металлическаго резерва, достаточнаго для удовлетворенія всѣхъ заграничныхъ платежей, какіе могутъ представиться. Распространеніе этой обязанности на множество банковъ приведетъ къ тому, что она въ дѣйствительности не будетъ выполняться ни однимъ изъ нихъ. Если же одинъ изъ банковъ и будетъ принужденъ выполнить эту обязанность, то резервы звонкой монеты, сохраняемые прочими банками, составятъ капиталъ, остающійся праздымъ въ прямой убытокъ, чего можно бы было избѣжать, разрѣшивъ банкамъ по желанію платить за свои билеты билетами Англійскаго Банка.

§ 6. Остается вопросъ относительно того, нужны-ли при многочисленности билетныхъ банковъ особая предосторожность для охраненія владѣльцевъ банковыхъ билетовъ отъ послѣдствій прекращенія платежей этими учрежденіями. До 1826 года несостоятельность билетныхъ банковъ составляла частое и очень серьезное зло, нѣрѣдко навлекавшее бѣдствіе на всю страну, и однимъ ударомъ отнимавшее у предусмотрительныхъ хозяевъ результаты долгаго и тяжелаго обремененія. Это послужило однимъ изъ главныхъ основаній, побудившихъ парламентъ въ этомъ году запретить выпускъ билетовъ съ наименованіемъ меньше пяти фунтовъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, рабочіе классы насколько возможно меньше подвергались опасности ихъ потрясеній. Въ видѣ добавочнаго обезпеченія предполагалось дать владѣльцамъ банковыхъ билетовъ преимущество предъ другими кредиторами, или обязать банкировъ отдавать на храненіе государственнымъ и прочія процентныя бумаги въ качествѣ залога на всю сумму выпущенныхъ билетовъ. Небезпечность прежнихъ банковыхъ билетовъ въ Англіи отчасти была результатомъ закона, который, для того чтобы предоставить Англійскому Банку нѣкоторую монополію банковаго дѣла, запретилъ и въ Лондонѣ, и въ провинціи открывать какъ депозитные, такъ и билетные банки съ числомъ компаньоновъ больше шести, и этимъ сдѣлать въ дѣйствительности изъ основанія солидныхъ банковыхъ предпріятій уголовное преступленіе. Этотъ законъ, представляющій по истинѣ характерный образецъ старой системы монополій и ограниченій, былъ отмѣненъ въ 1826 году относительно и депозитныхъ, и билетныхъ банковъ для всей страны. Кромѣ области очерченной радиусомъ въ 65 миль вокругъ Лондона, а въ 1833 году онъ былъ отмѣненъ и для этой области въ отношеніи депозитныхъ банковъ. Надѣялись, что начавшееся съ того времени учрежденіе многочисленныхъ акціонерныхъ банковъ создастъ болѣе вѣрное билетное обращеніе, и что подъ ихъ вліяніемъ банковая система Англіи будетъ почти такъ-же безопасна для общества, какъ и Шотландская система въ теченіе послѣднихъ двухъ

*) P. p. 89 92.

вѣковъ (при которой банковая дѣятельность была всегда свободна). Но почти невѣроятные примѣры безразсуднаго и мошеническаго управленія, недавно встрѣчавшіеся въ этихъ учрежденіяхъ (впрочемъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся случаяхъ виновными являлись не билетные банки) доказали слишкомъ ясно, что, по крайней мѣрѣ, на югъ отъ Тивда акціонерный принципъ въ примѣненіи къ банковому дѣлу не служить столь прочной гарантіей, какой такъ увѣренно считали его прежде; и теперь трудно бороться съ убѣжденіемъ, что допуская существованіе множества билетныхъ банковъ, нужно требовать, какъ непремѣннаго условія, нѣкотораго рода соціальнаго обезпеченія въ пользу владѣльцевъ банковыхъ билетовъ.

ГЛАВА XXV.

Соперничество разныхъ странъ на одномъ и томъ же рынкѣ.

§ 1. Въ лексиконѣ меркантильной системы, языкъ и ученіе которой до сихъ поръ служатъ основаніемъ того, что можетъ быть названо политическою экономіей продающаго класса, въ противоположность покупателямъ или потребителямъ, нѣтъ выраженія, чаще повторяющагося и имѣющаго болѣе опасное значеніе, чѣмъ выраженіе «вытѣснить съ рынка». Вытѣснить съ рынка другія страны — и не быть вытѣсненной другими странами — это говорилось и до сихъ поръ очень часто говорится почти такъ, какъ будто сбытъ за границу составляетъ единственную цѣль, для которой существуютъ производство и товары. Чувства соперничающихъ торговцевъ, овладѣвъ народами, въ теченіе многихъ вѣковъ уничтожали всякое сознаніе общности выгоды, получаемой коммерческими странами отъ процвѣтанія каждой изъ нихъ; такъ что коммерческій духъ, составляющій теперь одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій къ войнамъ, былъ въ теченіе пзвѣстнаго періода европейской исторіи главной причиною ихъ.

Даже и теперь, при болѣе просвѣщенномъ взглядѣ на характеръ и послѣдствія международной торговли, слѣдуетъ оставлять нѣкоторое, хотя сравнительно и небольшое, мѣсто факту коммерческаго соперничества. Націи, подобно отдѣльнымъ торговцамъ, могутъ являться соперниками, имѣющими противоположные интересы на рынкахъ однихъ товаровъ, тогда какъ на рынкахъ другихъ они могутъ быть въ болѣе счастливомъ отношеніи контрагентовъ, покупающихъ другъ у друга товары. Выгода торговли заключается не въ продажѣ товаровъ, какъ это считали прежде. Но продажа товаровъ служить средствомъ для полученія покупаемыхъ вещей; поэтому, народъ былъ бы лишень дѣйствительной выгоды отъ торговли, т. е. былъ бы лишень ввозныхъ товаровъ, если бы не могъ побудить другіе народы брать въ обмѣнъ какой-либо изъ его продуктовъ; и по мѣрѣ того какъ соперничество другихъ странъ принуждаетъ данный народъ предлагать свои товары дешевле, изъ опасенія вовсе ихъ не продать, получаемые имъ, благодаря иностранной торговлѣ, ввозные товары достаются ему дороже.

Эти вопросы, хотя и стрывочно, но достаточно полно были разъяснены въ нѣкоторыхъ изъ предыдущихъ главъ. Однако, то важное значеніе, какое занималъ и продолжаетъ занимать этотъ предметъ въ политическихъ теоріяхъ и въ практическихъ заботахъ какъ политиковъ, такъ и торговцевъ и фабрикантовъ, дѣлаетъ необходимымъ присоединить къ теоріи международнаго обмѣна нѣсколько замѣчаній о тѣхъ условіяхъ, при какихъ страны могутъ и при какихъ не могутъ вытѣснить съ рынку одна другую.

Одна страна можетъ окончательно вытѣснить другую съ пзвѣстнаго рынка только при двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, она должна

имѣть преимущество надъ другою страной въ производствѣ вывозимаго или обѣмъ товара; преимущество не абсолютное (какъ мы уже и раньше подробно разясняли), а по сравненію съ другими товарами; и во-вторыхъ, ея отношеніе къ третьей, покупающей странѣ, состоящее во взаимномъ спросѣ на продукты другъ друга и въ вытекающемъ изъ этого состояніи международныхъ цѣнностей, должно быть таково, чтобы покупающая страна получала больше всей той выгоды, какую имѣла соперничающая страна; иначе послѣдняя будетъ въ состояніи удержаться на рынкѣ.

Возвратимся къ воображаемому случаю торговли между Англіей и Германіей сукномъ и полотномъ. Мы предполагали, что Англія можетъ производить 10 ярдовъ сукна по одинаковой стоимости съ 15 яр. полотна, а Германія по одинаковой стоимости съ 20 яр. полотна, и что эти два товара обмѣниваются между двумя странами по какой-нибудь средней стоимости, положимъ 10 яр. сукна за 17 яр. полотна. Германія можетъ быть окончательно вытѣснена съ англійскаго рынка только той страной, которая будетъ предлагать не только больше 17, но и больше 20 яр. полотна за 10 яр. сукна. Безъ этого соперничество только заставитъ Германію платить дороже за сукно, но не лишитъ ее возможности вывозить полотно. Поэтому, страна, могущая вытѣснить Германію съ рынка, должна, во-первыхъ, быть въ состояніи производить полотно по меньшей стоимости по сравненію съ сукномъ, чѣмъ производитъ сама Германія; и затѣмъ, должна имѣть такой спросъ на сукно или другіе англійскіе товары, который заставитъ бы ее даже тогда, когда она сдѣлается единственной владѣльщицею рынка, давать Англіи выгоду большую той, какую могла бы дать ей Германія, совершенно отказавшись отъ своей выгоды: напримѣръ, давать 21 яр. полотна за 10 яр. сукна. Въ противномъ случаѣ—если бы, напримѣръ, послѣ вытѣсненія Германіи уравненіе международнаго спроса выразилось въ пропорціи 18 къ 10, Германія могла бы снова вступить въ соперничество и была бы въ такомъ случаѣ на ней, стремящейся вытѣснить другую; тутъ, быть можетъ, установилась бы пропорція 19 къ 10, по которой обѣ страны могли бы удержать свое положеніе на рынкѣ и продавать въ Англію достаточно полотна для уплаты за сукно и другіе англійскіе товары, на которые въ нихъ есть спросъ при этихъ, вновь приспособившихся, условіяхъ обмѣна. Такимъ образомъ, Англія, вывозящая сукна, можетъ быть вытѣснена съ Германскаго рынка только такою соперничающею страной, которой выходящая изъ ряда преимуществъ въ производствѣ сукна даютъ возможность и которую сила спроса на германскіе продукты принуждаетъ предлагать 10 ярд. сукна не только меньше, чѣмъ за 17 ярд. полотна, но даже меньше, чѣмъ за 15. Въ такомъ случаѣ Англія уже болѣе не могла бы вести торговлю безъ убытка; но во всѣхъ близкихъ къ этому случаяхъ она будетъ только принуждена давать Германіи за меньшее количество полотна больше того количества сукна, какое она давала прежде.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что страхъ быть окончательно вытѣсненнымъ съ рынка можетъ появляться очень легко; можетъ

появляться тогда, когда въ дѣйствительности слѣдуетъ опасаться не гибели торговли, а лишь такихъ условій, при которыхъ придется вести ее съ меньшей выгодой; условій, главнымъ образомъ отражающихся на потребителяхъ иностранныхъ товаровъ, а не на производителяхъ или торговцахъ вывозимаго товара. Англійскимъ производителямъ нѣтъ никакого основанія опасаться того, что въ извѣстное время какая-нибудь страна окажется въ состояніи продавать сукно на иностранныхъ рынкахъ нѣсколько дешевле, чѣмъ они могутъ его продавать при существующемъ въ Англіи состояніи цѣны. Предположимъ, что временно сукно останется не проданнымъ и экспортъ его уменьшится; ввозъ будетъ превышать вывозъ; произойдетъ новое распределеніе драгоценныхъ металловъ, цѣны упадутъ, а такъ какъ всѣ денежные расходы англійскихъ производителей сократятся, то послѣдніе будутъ въ состояніи снова вступить въ борьбу съ соперничающей страной (если дѣло не дойдетъ до того положенія, о какомъ мы говорили въ предыдущемъ параграфѣ). Повнесенные Англіей убытки упадутъ не на торговцевъ, вывозящихъ товары, а на людей, потребляющихъ ввозные товары; денежные доходы этихъ лицъ уменьшатся и въ то же время имъ придется платить ту же или даже большую цѣну за всѣ вещи, произведенныя за границей.

§ 2. Такова, по моему мнѣнію, истинная, или рациональная теорія вытѣсненія съ рынка. Могутъ сдѣлать противъ нея то замѣчаніе, что она вовсе не принимаетъ во вниманіе обстоятельствъ, о которыхъ намъ приходится слышать, быть можетъ чаще, чѣмъ о какихъ либо другихъ, какъ о причинахъ, подвергающихъ страну опасности быть вытѣсненной съ рынка.

По выше изложенной нами теоріи торговлю извѣстной страны какъ-нибудь изъ ея товаровъ нельзя подорвать, если соперничающая страна не будетъ имѣть болѣе сильнаго побужденія, чѣмъ предыдущая, посвящать свой трудъ и капиталъ на производство этого товара,—это побужденіе вытекаетъ изъ того обстоятельства, что, пользуясь своимъ преимуществомъ, соперничающая страна получаетъ большое сбереженіе труда и капитала, которое раздѣляется между нею и странами, покупающими у нея товаръ;—такимъ образомъ выгода отъ соперничества увеличиваетъ общую массу продукта всего міра. Поэтому борьба за рынки, хотя и убыточна для вытѣсненной страны, выгодна для всего міра вообще; новыя торговля отношенія, заменяющія мѣсто прежнихъ, сберегаютъ больше труда и капитала всего человѣчества и больше увеличиваютъ общую сумму его богатства, чѣмъ тѣ, которыхъ они замѣнили. Конечно, преимущество тутъ заключается въ возможности производить товаръ лучшаго качества или съ меньшимъ трудомъ (по сравненію съ другими вещами), или, быть можетъ, не съ меньшимъ трудомъ, а въ меньшій промежутокъ времени, съ менѣе продолжительной затратой капитала. Это можетъ происходить отъ болѣе значительныхъ естественныхъ преимуществъ (какъ напримѣръ, почвы, климата, богатства рудниковъ), отъ естественныхъ или приобретенныхъ выдающихся способностей рабочихъ; отъ лучшаго раздѣленія труда, лучшихъ орудій и

машинъ. Но въ этой теоріи нѣтъ мѣста для причины, заключающейся въ низкой заработной платѣ. А однако въ общераспространенныхъ теоріяхъ эта послѣдняя причина является излюбленнымъ объясненіемъ вытѣсненія той или другой страны съ рынка. Мы постоянно слышимъ о той невыгодѣ, при какой приходится работать англійскому производителю не только для вышнихъ, но даже и для внутреннихъ рынковъ вслѣдствіе низкой заработной платы въ соперничающихъ съ Англіей странахъ. Эта низкая заработная плата, говорятъ намъ, даетъ или всегда можетъ дать возможность иностранцамъ продавать свои товары по болѣе низкой цѣнѣ и вытѣснять англійскаго фабриканта со всѣхъ рынковъ, на которыхъ онъ не удерживается искусственнымъ покровительствомъ.

Прежде чѣмъ изслѣдовать это мнѣніе съ принципиальной стороны, стоить затратить немного времени на то, чтобы разсмотрѣть его со стороны фактической. Правда ли, что плата за фабричный трудъ ниже за границей, чѣмъ въ Англіи, въ одномъ изъ тѣхъ значений, въ которыхъ низкая заработная плата служитъ выгодой для капиталиста? Гентскій или лондонскій мастеровой могутъ получать меньшую заработную плату въ день, но не меньше ли онъ работаетъ? Если мы примемъ во вниманіе степень производительности, меньше ли стоитъ его трудъ его хозяину? Хотя заработная плата можетъ быть и ниже на континентѣ, но не будутъ ли издержки на рабочую силу, которыя и составляютъ дѣйствительный элементъ въ соперничествѣ, почти одинаковы? Кажется, что компетентные судьи держатся этого мнѣнія и это подтверждается очень незначительной разницей между процентомъ прибыли въ Англіи и въ континентальныхъ странахъ. Но если это вѣрно, то нелѣпо думать, что англійскіе производители вслѣдствіе этой причины могутъ быть вытѣснены ихъ континентальными соперниками. Только относительно Америки возможно допустить такое предположеніе. Въ Америкѣ заработная плата гораздо выше, нежели въ Англіи, если подѣл заработной платой мы будемъ подразумѣвать дневное вознагражденіе рабочаго; но производительная сила американскаго труда такъ велика—его успѣшность въ соединеніи съ благоприятными условіями, въ какихъ онъ дѣйствуетъ, дѣлаетъ его настолько цѣннымъ для покупателя, что стоимость труда въ Америкѣ ниже, чѣмъ въ Англіи; это видно изъ того факта, что общая величина прибыли и процента въ Америкѣ выше.

§ 3. Но вѣрно ли то, что низкая заработная плата, даже въ смыслѣ низкой стоимости труда, даетъ возможность странѣ продавать свой товаръ дешевле на заграничномъ рынкѣ? Конечно, я подразумѣваю ту низкую заработную плату, которая обща всей производительной промышленности страны.

Если въ какой-нибудь изъ отраслей промышленности, поставляющей товаръ для экспорта, заработная плата искусственно или въ силу какой-либо случайной причины держится ниже общей величины заработной платы въ странѣ, то это составляетъ дѣйствительное преимущество на заграничномъ рынкѣ. Отъ такого условія уменьшается *сравнительная* стоимость производства этихъ товаровъ по

отношенію къ другимъ; и оно имѣетъ такое же вліяніе, какъ если бы ихъ производство требовало настолько-же меньшаго количества труда. Возьмемъ, напримеръ, Соединенные Штаты по отношенію къ нѣкоторымъ товарамъ. Въ этой странѣ табакъ и хлопокъ, двѣ главные статьи вывоза, производятся невольничьимъ трудомъ, тогда какъ пшца и фабричные товары вообще производятся свободными рабочими, работающими на свой собственный счетъ, или получающими заработную плату. Несмотря на меньшую успѣшность невольничьяго труда, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ странѣ, гдѣ плата за свободный трудъ такъ высока, работа, произведенная невольниками, стоитъ гораздо дешевле для капиталиста. Но какова бы ни была разница въ стоимости того и другого труда, эта меньшая стоимость, не будучи общей для всей промышленности, а ограничиваясь лишь указанными отраслями ея, будетъ совершенно такъ же удешевлять эти продукты и для вышнихъ и для внутреннего рынка, какъ если бы они были произведены меньшимъ количествомъ труда. Если бы невольники въ южныхъ штатахъ были всѣ освобождены, и ихъ заработная плата возвысилась до обыкновеннаго вознагражденія за свободный трудъ въ Америкѣ, то эта страна, быть можетъ, была бы принуждена вычеркнуть изъ списка вывозимыхъ ею товаровъ нѣкоторые товары, произведенные невольничьимъ трудомъ, и, конечно, не могла бы ни одинъ изъ нихъ продавать по прежней цѣнѣ. Ихъ дешевизна отчасти искусственная: ее можно сравнить съ дешевизной, вызываемой преміей за производство или за вывозъ; или принимая во вниманіе средства, которыми она достигается, болѣе подходящимъ было бы сравнить ее съ дешевизной уворованныхъ товаровъ.

Преимуществами, сходными по экономическому, но совершенно различными по нравственному характеру, обладаютъ домашнія производства; издѣлія, производящіеся въ свободные часы семействами, которыя заняты отчасти другимъ дѣломъ и не зависятъ въ своемъ существованіи отъ производства этихъ издѣлій, могутъ продаваться по какой бы то ни было низкой цѣнѣ, лишь бы эти люди считали ее стоящей хлопотъ производства. Въ описаніи Цюрихскаго кантона, на которое я имѣлъ случай сослаться по другому вопросу, говорится *): «Цюрихскій рабочій бываетъ сегодня фабрикантомъ, завтра слова земледѣльцемъ и безпрестанно мнѣяетъ свои занятія по временамъ года. Фабричная промышленность и земледѣліе неразрывно идутъ у него рука объ руку, и въ этомъ соединеніи двухъ занятій можно найти секретъ, какимъ образомъ простой и необразованный швейцарскій крестьянинъ можетъ выдерживать соперничество и даже увеличивать свое благосостояніе рядомъ съ такими обширными фабриками, располагающими большими экономическими и (что еще важнѣе) умственными средствами. Даже въ тѣхъ частяхъ кантона, гдѣ обрабатывающая промышленность наиболѣе распространена, только одна седьмая всѣхъ семействъ занимается исключительно ею; четыре седьмыхъ соединяютъ это занятіе съ земледѣліемъ.

*) Historical, Geographical, and Statistical Picture of Switzerland, vol. i. p. 105 (1834).

Преимущество этой домашней, или семейной фабрикации главным образом состоит в томъ, что она совместима со всякимъ другимъ занятіемъ, или, вѣрнѣе, что ее можно отчасти разматривать только какъ дополнительное занятіе. Зимой въ жилищахъ рабочихъ вся семья занята имъ; но при первомъ наступленіи весны тѣ, на которыхъ лежатъ раннія, полевые работы, покидаютъ домашнюю работу; многіе ткацкіе станки останавливаются; по мѣрѣ того какъ увеличиваются полевые работы, одинъ членъ за другимъ покидаютъ ткашь, пока, наконецъ, во время жатвы и такъ называемой страдной поры всѣ руки не берутся за земледѣльческія орудія; но въ дурную погоду и во всѣ почему либо свободныя часы работа въ домахъ снова начинается; а когда наступаетъ суровое время года, люди въ томъ же порядкѣ начинаютъ возвращаться къ своему домашнему занятію, пока, наконецъ, не примутся за него всѣ.

При такихъ домашнихъ производствахъ сравнительная стоимость производства, отъ которой зависитъ обмѣлъ между странами, гораздо ниже того, какою бы она должна была быть соразмѣрно съ затраченнымъ количествомъ труда. Рабочіе ожидаютъ получить отъ заработковъ при помощи станка въ самомъ лучшемъ случаѣ только часть своего содержанія и могутъ работать за меньшее вознагражденіе, чѣмъ самая низкая заработная плата, которая можетъ держаться продолжительное время въ занятіи, которое должно давать средство на всѣ расходы по содержанію семьи. Можно сказать, что они, работая не на хозяина, а на самихъ себя, ведутъ производство почти безъ всякой стоимости, кромѣ незначительнаго расхода на станокъ и матеріалъ; и предѣломъ возможнаго удешевленія является не необходимость жить своимъ ремесломъ, а необходимость получать за свою работу столько, чтобы для нихъ не было неприятнымъ такое совместное занятіе ихъ свободныхъ часовъ.

§ 4. Невольничій трудъ и домашнія производства служатъ примѣромъ условій, при которыхъ низкая заработная плата даетъ возможность странѣ продавать свои товары на иностранныхъ рынкахъ дешевле другихъ странъ и, слѣдовательно, вытѣснять съ этихъ рынковъ соперничающія съ нею страны или избѣгать опасности быть вытѣсненной самой. Но низкая заработная плата не доставляетъ такого преимущества тамъ, гдѣ она обща всѣмъ отраслямъ промышленности. Общая низкая заработная плата никогда не давала возможности странѣ покрывать торговлю соперничающихъ съ нею странъ такъ же, какъ и общая высокая заработная плата никогда не служила препятствіемъ къ этому.

Чтобы доказать это, мы возвратимся къ элементарному принципу, изложенному нами въ одной изъ предыдущихъ главъ *). Общая низкая заработная плата не производитъ низкихъ цѣнъ такъ же, какъ высокая заработная плата — высокихъ цѣнъ, въ самой странѣ. Общая высота цѣнъ не повышается отъ повышенія заработной платы такъ же, какъ и отъ увеличенія необходимаго во всѣхъ производствахъ количества труда. Поддержки производства,

однаково затрачивающія всѣ товары, не имѣютъ вліянія на цѣны. Если только фабриканту сукна или пожевпешку, и никому болѣе, придется платить болѣе высокую заработную плату, то цѣна его товара повысится совершенно такъ же, какъ если бы ему пришлось затрачивать большее количество труда; потому что иначе онъ получилъ бы прибыль меньше, чѣмъ другіе производители, и нѣкто бы не сталъ заниматься этимъ производствомъ. Но если каждому придется платить высокую заработную плату, или каждому необходимо употреблять большее количество труда, то такой потерѣ придется подчиниться всѣмъ. Такъ какъ она одинаково падаетъ на всѣхъ, и никто не можетъ надѣяться избавиться отъ нея перемѣной занятія, то каждый покоряется уменьшенію прибыли, и цѣны остаются прежними. Такимъ же образомъ, общая низкая заработная плата, или общее увеличеніе производительности труда не понижаетъ цѣнъ, но увеличиваетъ прибыль. Почему бы производитель долженъ былъ понижать цѣну товара вслѣдствіе того, что заработная плата упала (подразумѣвая здѣсь подъ заработной платой стоимость труда)? Можно сказать, что онъ будетъ принужденъ къ этому соперничествомъ другихъ капиталистовъ, которые переполняютъ его занятіе. Но другіе капиталисты также платятъ низкую заработную плату и, вступая въ соперничество съ нимъ, они бы не выиграли вѣчто больше того, что они уже получали. Итакъ, величина вознагражденія за трудъ такъ же, какъ и затрачиваемое количество послѣдняго не вліяютъ ни на цѣнность, ни на цѣну произведеннаго товара, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эта величина существуетъ въ производствѣ только даннаго товара, а не обща всѣмъ товарамъ вообще.

Такъ какъ низкая заработная плата не создаетъ низкихъ цѣнъ внутри страны, то слѣдовательно она не даетъ возможности странѣ предлагать свои товары на иностранныхъ рынкахъ по пониженной цѣнѣ. Совершенно справедливо, что, если стоимость труда ниже въ Америкѣ, чѣмъ въ Англіи, то Америка могла бы продавать свои бумажныя ткани въ Кубѣ дешевле, чѣмъ Англія, и все же получать такую прибыль, какая получается въ Англіи. Но американскій бумагопрядильщикъ будетъ сравнивать свою прибыль съ прибылью не англійскихъ фабрикантовъ, а другихъ американскихъ капиталистовъ. Эти послѣдніе пользуются вмѣстѣ съ нимъ выгодой отъ низкой стоимости труда и особенно съ этимъ получаютъ высокую прибыль. Бумагопрядильщикъ также долженъ имѣть эту высокую прибыль: онъ не удовлетворится англійской прибылью. Правда, нѣкоторое время онъ можетъ продолжать производство и съ меньшей прибылью, чтобы не перемѣнять своего занятія; и иногда торговля можетъ вестись долгое время съ прибылью гораздо меньшей той, ради которой она первоначально была начата. Страны, въ которыхъ стоимость труда низка, а прибыль высока, не вытѣсняютъ вслѣдствіе этого другихъ, но выказываютъ болѣе упорное сопротивленіе поодру со стороны другихъ, потому что производители въ первыхъ странахъ вѣрѣдко могутъ подчиняться уменьшенію прибыли, не лишаясь возможности жить и даже наживаться со своего занятія.

*) Кн. III, гл. IV.

Но въ этомъ заключается и вся выгода, какую они получаютъ отъ своего преимущества; да и это сопротивление прекратится, какъ только станетъ очевиднымъ, что бесполезно ожидать того времени, когда ихъ прибыль уравниется съ прибылью остальныхъ ихъ со-

свой сахаръ по кубанской цѣнѣ и еще получать, если и не кубанскую, то все же англійскую прибыль.

Еще слѣдуетъ также упомянуть о другомъ классѣ мелкихъ, но обыкновенно независимыхъ обществахъ, которыя земли и обогащаются.

снѣнія его дѣйствія служатъ законы цѣнности и цѣны. Теперь воспользуемся приобретенными нами свѣдѣніями, чтобы окинуть взоромъ всю теорію распредѣленія. Когда мы разсматривали раздѣленіе продукта между тремя классами: рабочими, капиталистами и землевладельцами, независимо отъ обмѣна, мы нашли, что оно опредѣляется известными общими законами. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, продолжаютъ ли дѣйствовать эти же самые законы, когда распредѣленіе производится посредствомъ сложнаго механизма обмѣна и денегъ; или, быть можетъ, свойства этого механизма препятствуютъ дѣйствию предыдущихъ принциповъ и видоизмѣняютъ ихъ.

Основное дѣленіе продукта человѣческаго труда и бережливости происходитъ, какъ мы видѣли, на три части: заработную плату, прибыль и ренту; и эти части путемъ обмѣна переходятъ въ формѣ денегъ къ лицамъ, имѣющимъ на нихъ право; или, вѣрнѣе, капиталистъ, за которымъ въ силу обыкновеннаго общественнаго устройства остается продуктъ, выплачиваетъ деньгами двумъ другимъ участникамъ по рыночной цѣнности вознагражденіе за ихъ трудъ и землю. Если мы разсмотримъ, отъ чего зависитъ денежная цѣнность труда и пользованія землею, то мы найдемъ, что она опредѣляется тѣми же самыми причинами, какими регулировалась бы, какъ мы видѣли, заработная плата и рента, если бы не было ни денегъ, ни обмѣна товаровъ.

Во-первыхъ, очевидно, что законъ заработной платы не измѣняется отъ существованія или несуществованія обмѣна или денегъ. Заработная плата зависитъ отъ пропорціи между населеніемъ и капиталомъ; и продолжала бы зависеть отъ нея, если бы даже капиталъ всего міра составлялъ собственность одной ассоціаціи, или если бы каждый изъ капиталистовъ, между которыми этотъ капиталъ раздѣляется, содержалъ заведеніе для производства всѣхъ товаровъ, потребляемыхъ обществомъ, вслѣдствіе чего не существовало бы обмѣна. Такъ какъ во всѣхъ старыхъ странахъ пропорція между капиталомъ и населеніемъ зависитъ отъ силы задержекъ, которыми умѣряется слишкомъ быстрое возрастаніе населенія, то, выражаясь популярнымъ языкомъ, можно сказать, что заработная плата зависитъ отъ задержекъ возрастанія населенія. Когда задержкой не является смерть вслѣдствіе голоданія и болѣзней, заработная плата зависитъ отъ благоразумія рабочаго класса, и во всякой странѣ она стоитъ обыкновенно на томъ минимумѣ, съ какимъ рабочіе готовы будутъ примириться, чтобы только не ограничивать своего размноженія.

Но подъ заработной платою здѣсь подразумѣвается реальная мѣра благосостоянія рабочаго, иначе говоря, количество получаемыхъ имъ вещей, которыя сдѣлались въ силу природы или привычки для него необходимыми или приятными, т. е. заработная плата въ томъ смыслѣ, въ какомъ она имѣетъ значеніе для получающаго ее. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ она имѣетъ значеніе для плательщика, она не зависитъ исключительно отъ столь простыхъ принциповъ. Заработную плату въ первомъ смыслѣ, т. е. заработную плату, отъ

которой зависитъ благосостояніе рабочаго, мы будемъ называть реальной заработной платой, или заработной платой натурой. Заработную плату во второмъ смыслѣ можно назвать для каждаго даннаго момента денежной заработной платой, предполагая, какъ это мы и въ правѣ сдѣлать, что деньги на время остаются неизмѣняемымъ во времени мѣриломъ, т. е. что не происходитъ никакого измѣненія въ условіяхъ, при какихъ производится или получается само орудіе обращенія. Если стоимость производства самихъ денегъ не подвергается измѣненіямъ, то денежная цѣна труда служитъ точною мѣрою стоимости труда и можетъ быть употреблена въ качествѣ удобнаго символа для выраженія послѣдней.

Денежная плата за трудъ есть сложный результатъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, реальной заработной платы, или заработной платы натурой, или иными словами, количества обыкновенныхъ предметовъ потребления, получаемыхъ рабочими; и во-вторыхъ, денежной цѣны этихъ предметовъ. Во всѣхъ старыхъ странахъ, т. е. во всѣхъ странахъ, гдѣ увеличеніе населенія сдерживается до известной степени трудностью добыванія средствъ къ существованію, обыкновенная денежная цѣна труда будетъ та, которая даетъ возможность рабочимъ въ среднемъ выводѣ покушать лишь тѣ товары, безъ которыхъ они либо не могли бы, либо не пожелали бы размножаться съ обычной быстротой. При данномъ уровнѣ благосостоянія рабочихъ (а подъ уровнемъ ихъ благосостоянія подразумѣвается тотъ уровень, лишиться котораго они не захотятъ, и скорѣе станутъ удерживаться отъ размноженія) денежная заработная плата зависитъ отъ денежной цѣны, а слѣдовательно и отъ стоимости производства разныхъ предметовъ, обыкновенно потребляемыхъ рабочими; потому что, если заработная плата не можетъ доставить рабочимъ известнаго количества этихъ предметовъ, ростъ населенія ослабѣетъ и заработная плата повысится. Изъ этихъ предметовъ, пища и другіе земледѣльческіе продукты имѣютъ такое важное значеніе, что вліяніе остальныхъ мало замѣтно.

Здѣсь мы можемъ призвать къ себѣ на помощь принципы, изложенные нами въ третьей части этого произведенія. Стоимость производства пшеницы и земледѣльческихъ продуктовъ была анализирована нами въ одной изъ предыдущихъ главъ. Она зависитъ отъ производительности наименѣе плодородныхъ земель или наименѣе производительныхъ частей капитала, которыя необходимо употребляютъ въ земледѣліи для того, чтобы потребности общества были удовлетворены. Стоимость производства пшеницы, выращенной при этихъ условіяхъ, опредѣляетъ, какъ мы уже видѣли, мѣровую цѣнность и денежную цѣну всей пшеницы. Поэтому, при данномъ состояніи привычекъ рабочихъ ихъ денежная, заработная плата зависитъ отъ производительности наименѣе плодородныхъ земель или наименѣе производительной части земледѣльческаго капитала, отъ состоянія, каковаго достигло земледѣліе въ своемъ постепенномъ переходѣ все къ менѣе и менѣе благоприятнымъ условіямъ, т. е.—отъ захватыванія земледѣлемъ неплодородныхъ земель и отъ постоянно увеличива-

важною напряженію силъ земель болѣе плодородныхъ. Силою, побуждающей земледѣліе къ этому переходу къ менѣе благоприятнымъ условіямъ, является размноженіе населенія; тогда какъ противодействующей силой, задерживающей это движеніе, служитъ развитіе земледѣльческой науки и практики, дающее возможность при одинаковой почвѣ и одинаковомъ количествѣ труда получить болѣе доходъ. Высокая стоимость самой дорогой части продукта земледѣлія служитъ во всякое данное время точнымъ выраженіемъ результатовъ того бѣга на-перегонки, который происходитъ между размноженіемъ населенія и земледѣльческімъ искусствомъ.

§ 2. Докторъ Чомерсъ вполне справедливо замѣчаетъ, что многіе самые важныя уроки политической экономіи можно постигнуть, обратившись къ крайнему предѣлу земледѣлія, къ послѣдней границѣ, которой достигла обработка земли въ своей борьбѣ съ естественными силами природы. Степень производительности на этомъ крайнемъ предѣлѣ служитъ показателемъ условій распределенія продукта между тремя классами — рабочими, капиталистами и землевладельцами.

Существуютъ два способа, посредствомъ которыхъ можетъ увеличиваться стоимость труда, вѣрно представляемая (если предположить, что цѣнность денегъ неизмѣнна) денежной платой рабочаго. Рабочій можетъ получать большее, чѣмъ прежде, количество предметовъ потребленія и удобства, т. е. заработная плата натурой, или реальная заработная плата можетъ повыситься. Или постоянное возрастаніе населенія можетъ заставить прибѣгнуть къ распахкѣ худшихъ земель и къ болѣе дорогимъ способамъ обработки, отчего повысится стоимость производства, а также и цѣнность и цѣна главныхъ предметовъ потребленія рабочихъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ величина прибыли уменьшится.

Если рабочій получаетъ большее количество товаровъ только въслѣдствіе того, что они стали дешевле, если онъ получаетъ ихъ въ большемъ количествѣ, но, въ общемъ, не на большую стоимость, то увеличится реальная, а не денежная заработная плата, и въ такомъ случаѣ величина прибыли нисколько не измѣнится. Но если онъ получаетъ большее количество товаровъ, стоимость производства которыхъ не уменьшилась, то онъ получаетъ ихъ на болѣе высокую стоимость, и его денежная заработная плата становится выше. Ущербъ отъ этого увеличенія денежной заработной платы всецѣло падаетъ на капиталиста. Нельзя придумать средства, при помощи котораго послѣдній могъ бы избавиться отъ этого ущерба. Могутъ сказать, — какъ прежде обыкновенно и говорили, — что капиталистъ избавится отъ него, подпавъ цѣну на свой продуктъ. Но это мнѣніе мы не разъ совершенно опровергли *).

Дѣйствительно, ученіе о томъ, что возвышеніе заработной платы ведетъ къ равносильному возвышенію цѣны, какъ мы уже раньше замѣчали, противорѣчитъ само себѣ; потому что, если бы

*) Кв. III гл. IV, § 2 и гл. XXV, § 4.

цѣны дѣйствительно возвышались, то не было бы возвышенія заработной платы; рабочій не получалъ бы товаровъ больше прежняго, сколько бы ни повышалась его денежная заработная плата; возвышеніе реальной заработной платы было бы невозможно. Такъ какъ это одинаково противорѣчитъ и здравому смыслу и фактамъ, то очевидно, что повышеніе денежной заработной платы не повышаетъ цѣны; высокая заработная плата не служитъ причиною высокой цѣны. Общее возвышеніе заработной платы падаетъ на прибыль и другой альтернативы не можетъ быть.

Разсмотрѣвъ случай, въ которомъ увеличеніе денежной заработной платы и стоимости труда происходитъ отъ того, что увеличивается получаемая рабочимъ плата натурой, предположимъ теперь, что денежная плата увеличивается отъ увеличенія стоимости производства требуемыхъ рабочими вещей, въслѣдствіе того, что ростъ населенія не сопровождается соответственнымъ развитіемъ земледѣльческаго искусства. Требуемая населеніемъ прибавка продуктовъ не была бы получена, если бы цѣна пшеницы не возросла настолько, чтобы вознаградить фермера за увеличеніе въ стоимости производства. Но фермеръ въ этомъ случаѣ подвергается двойному убытку. Онъ принужденъ вести свое дѣло при менѣе благоприятныхъ условіяхъ производительности, чѣмъ прежде. За этотъ убытокъ, который относится лишь къ нему, какъ къ фермеру, и не раздѣляется другими производителями, онъ, по общимъ принципамъ цѣнности, будетъ вознагражденъ возвышеніемъ цѣны его товара; и дѣйствительно, пока цѣна не повысится, фермеръ не представитъ на рынокъ требуемой прибавки продукта. Но это самое возвышеніе цѣны навлекаетъ на него другую неизбежную невыгоду, за которую онъ не получитъ вознагражденія. Онъ долженъ платить болѣе высокую денежную плату своимъ рабочимъ. Эта причина обща и всѣмъ другимъ капиталистамъ и потому не даетъ фермеру никакого основанія для возвышенія цѣны на его продуктъ. Цѣна будетъ повышаться, пока фермеръ въ отношеніи прибыли не станетъ въ такое же хорошее положеніе, въ какомъ находятся и другіе работодатели; она будетъ повышаться настолько, чтобы вознаградить его за тотъ добавочный трудъ, который ему приходится теперь затрачивать для полученія добавочнаго количества пшеницы; но увеличеніе платы за этотъ трудъ составляетъ общее всѣмъ бремя, за которое никто не можетъ получить вознагражденія. Это бремя цѣлкомъ падетъ на прибыль.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что увеличеніе заработной платы, если оно обще всѣмъ разрядамъ производительныхъ рабочихъ и дѣйствительно представляетъ большую стоимость труда, происходитъ всегда и неизбежно насчетъ прибыли. Разсматривая же обратные случаи, мы точно также найдемъ, что уменьшеніе заработной платы, когда оно представляетъ дѣйствительное уменьшеніе стоимости труда, равносильно увеличенію прибыли. Но обнаруживающаяся при этомъ противоположность денежныхъ интересовъ между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ въ значительной мѣрѣ лишь кажущаяся.

щаяся. Реальная заработная плата—вещь совершенно отличная от стоимости труда и обыкновенно бывает выше в тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вслѣдствіе легкости условий, при какихъ земля еще приноситъ требуемый пока продуктъ, цѣнность и цѣна пищи низка, и трудъ стоитъ козими сравнительно дешево, несмотря на большое вознагражденіе, получаемое рабочимъ; слѣдовательно, прибыль высока. Итакъ, мы пришли къ полному подтвержденію нашей первоначальной теоремы, что прибыль зависитъ отъ стоимости труда, или,—выражая эту мысль еще съ большею точностью,—что величины прибыли и стоимости труда пзмѣняются въ обратныхъ другъ другу направленіяхъ и представляютъ общіе результаты однихъ и тѣхъ же силъ или причинъ.

Но не потребуется ли нѣкотораго пзмѣненія въ этомъ положеніи, если мы примемъ въ расчетъ ту часть (хотя, сравнительно, и незначительную) расходовъ капиталиста, которая состоитъ не изъ заработной платы, уплаченной имъ самимъ или возвращенной предыдущимъ капиталистамъ, а изъ прибыли этихъ предыдущихъ капиталистовъ? Предположимъ, напримѣръ, что сдѣлано какое-нибудь усовершенствованіе въ видѣакъ кожи, выгода отъ котораго состоитъ въ томъ, что становится лишнимъ оставлять кожи на такое продолжительное время въ дубильномъ чанѣ. Сапожники, сѣдельщики и другіе кожевенные мастера бы пзвѣстную долю изъ той части стоимости ихъ матеріала, которая состоитъ изъ прибыли дубильщика за промежутокъ времени, пока капиталъ его остается затраченнымъ; и можно подумать, что это сбереженіе послужитъ источникомъ, изъ котораго они станутъ извлекать нѣкоторую добавочную прибыль, несмотря на то, что стоимость труда и заработная плата остаются совершенно прежними. Однако, въ предположенномъ здѣсь случаѣ только потребители получили бы выгоду, потому что цѣны сапоговъ, упряжи и всѣхъ прочихъ предметовъ, на которые употребляется кожа, понижались бы до тѣхъ поръ, пока прибыль производителей не дошла-бы до общаго уровня. Чтобы устранить такое возраженіе, предположимъ, что подобное сбереженіе въ расходахъ произошло разомъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Такъ какъ въ этомъ случаѣ цѣнности и цѣны не пзмѣнятся, то прибыль, вѣроятно, повысится: но, поближе всмотрѣвшись, мы найдемъ, что это произошло отъ того, что стоимость труда понизилась. Въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, отъ возвышенія общей производительности труда, если рабочіе будутъ получать лишь прежнюю реальную плату, прибыль должна повыситься; но прежняя реальная заработная плата будетъ означать меньшую стоимость труда, потому что уменьшится, по нашему предположенію, стоимость производства всѣхъ вещей. Если же съ другой стороны реальная заработная плата возростала бы пропорціонально улучшенію, а стоимость труда для хозяина оставалась бы прежней, то расходы капиталиста находились бы въ такомъ же отношеніи къ его доходамъ, какъ и прежде, и величина прибыли осталась бы неизмѣнной. Читатель, который

пожелалъ бы болѣе подробнаго изслѣдованія этой зависимости, найдетъ его въ томъ моихъ отдѣльныхъ статей, на которыя я уже ссылаюсь раньше *). Предметъ этотъ не настолько важенъ и слишкомъ сложенъ, чтобы входить въ дальнѣйшее изложеніе его въ такомъ трактатѣ, какъ настоящій; и я только скажу, что изъ соображеній, приведенныхъ въ моей только что указанной статьѣ, кажется, можно сдѣлать заключеніе, что въ настоящемъ вопросѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы поколебать теорію, доказывающую точное обратное соотвѣтствіе между величинами прибыли и стоимости труда.

*) Essay IV, on Profits and Interest.

КНИГА IV.

Вліяніе прогресса общества на производство и распределеніе.

ГЛАВА I.

Общіе признаки прогрессивнаго состоянія богатства.

§ 1. Три предыдущія части заключаютъ въ себѣ, насколько возможно, подробный обзоръ того, что, по удачному примѣненію математическаго термина, было названо статикой предмета. Мы обозрѣли поле экономическихъ фактовъ и изслѣдовали существующее между ними взаимное отношеніе, какъ между причинами и слѣдствіями; мы разсмотрѣли, какими условіями опредѣляются размѣры производства, объемъ занятія для труда, величина капитала и населенія, какими законами регулируется рента, прибыль и заработная плата, при какихъ условіяхъ и въ какихъ пропорціяхъ товары обмѣниваются между отдѣльными лицами и между странами. Такимъ образомъ мы получили общее представленіе объ экономическихъ явленіяхъ въ обществѣ, разсматриваемыхъ, какъ существующія одновременно. Мы до известной степени опредѣляли принципы ихъ взаимной зависимости, и теперь, когда намъ известно состояніе нѣкоторыхъ элементовъ, мы могли бы опредѣлить въ общихъ чертахъ соответственное состояніе большей части остальныхъ. Однако, все это дало намъ понятіе объ экономическихъ законахъ только неподвижнаго и неизмѣняющагося общества. Мы должны еще разсмотрѣть экономическое положеніе человѣчества, могущее измѣняться, и дѣйствительно во все времена подвергающееся постепеннымъ измѣненіямъ (по крайней мѣрѣ во всѣхъ передовыхъ частяхъ человѣческаго племени и во всѣхъ странахъ, куда достигаетъ ихъ вліяніе). Мы должны разсмотрѣть, въ чемъ состоятъ эти перемѣны, по какимъ законамъ онѣ совершаются и къ чему онѣ въ концѣ концовъ ведутъ.

Этимъ мы прибавимъ къ нашей теоріи равновѣсія теорію движенія—къ статистикѣ политической экономіи ея динамику.

Естественно будетъ начать это изслѣдованіе опредѣленіемъ дѣйствія извѣстныхъ и признанныхъ силъ. Каковы бы ни были тѣ перемѣны, которымъ должна подвергнуться общественная экономія, существуетъ одна, постепенно совершающаяся, перемѣна относительно которой не можетъ быть спора. Въ наиболѣе культурныхъ странахъ земного шара и во всѣхъ другихъ странахъ по мѣрѣ того, какъ эти послѣднія подпадаютъ подъ влияние первыхъ, есть, по крайней мѣрѣ, одно поступательное движеніе, съ небольшими перерывами продолжающееся изъ года въ годъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе: постепенное развитіе богатства, увеличеніе такъ называемаго матеріальнаго благосостоянія. Во всѣхъ націяхъ, которыя мы привыкли называть цивилизованными, происходитъ постепенное увеличеніе въ производствѣ и въ населеніи: и нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что и среди этихъ націй будетъ нѣкоторое время продолжаться это движеніе, и что другія расы земного шара, въ томъ числѣ и нѣкоторыя, еще теперь не организованныя, поочередно вступятъ на тотъ же путь. Поэтому прежде всего мы должны рассмотреть характеръ и послѣдствія этой постепенной перемѣны, изслѣдовать составляющія ее элементы и опредѣлить влияние, производимое ею на различныя экономическія явленія, законы которыхъ мы опредѣлили, и въ особенности на заработную плату, прибыль, ренту, цѣнности и цѣны.

§ 2. Изъ чертъ, характеризующихъ это прогрессивное экономическое движеніе цивилизованныхъ націй, прежде всего одна обращаетъ на себя вниманіе вслѣдствіе своей тѣсной связи съ явленіями производства: она состоитъ въ постоянномъ и, насколько можетъ распространяться человеческое предвидѣніе, безграничномъ возрастаніи власти человека надъ природой. Наши познанія о свойствахъ и законахъ физическихъ предметовъ не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ того, что возрастаніе этой власти близко къ своему конечному предѣлу. Теперь оно совершается гораздо быстрее и одновременно въ гораздо болѣе разнообразныхъ направленіяхъ, чѣмъ въ какой либо изъ прежнихъ вѣковъ, или въ какомъ либо изъ прежнихъ поколѣній; оно постоянно открываетъ намъ перспективы на еще неизвѣданныя области и подтверждаетъ въ насъ увѣренность въ томъ, что наше знакомство съ природой находится еще почти въ младенческомъ состояніи. Эти возрастающія физическія познанія гораздо быстрее, чѣмъ въ прежнія времена, обращаются при помощи практической изобрѣтательности въ физическую силу. Самое удивительное изъ современныхъ изобрѣтеній, осуществившее не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ сказочныя чудеса магии.—электро-магнитный телеграфъ—появилось всего лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ установленія научной теоріи, которую оно осуществляетъ и поясняетъ на дѣлѣ. Наконецъ теоретическая сторона этихъ великихъ научныхъ открытій иногда теперь не испытываетъ недостатка въ исполнительной силѣ: теперь не соста-

вляеть никакого затрудненія найти или подготовитъ въ обществѣ достаточное число рукъ, обладающихъ искусствомъ, которое необходимо для выполнения самыхъ тонкихъ процессовъ примѣненія науки къ практическимъ цѣлямъ. Отъ такого соединенія условій нельзя не ожидать безконечнаго ряда изобрѣтеній, служащихъ для сбереженія труда и увеличенія его продукта; нельзя не надѣяться на все болѣе и болѣе широкое распространеніе выгодъ отъ пользованія этими изобрѣтеніями.

Другое измѣненіе, которое до сихъ поръ всегда характеризовало и, несомнѣнно, и впредь будетъ характеризовать прогрессъ цивилизованнаго общества,—это безпрерывно возрастающая обезпеченность личности и собственности. Населеніе всѣхъ, какъ самыхъ отсталыхъ, такъ и самыхъ передовыхъ европейскихъ странъ съ каждымъ поколѣніемъ все лучше и лучше ограждается отъ націй и хищничества. Благодаря болѣе успѣшной дѣятельности судовъ и полиціи въ преслѣдованіи преступленій общаго характера, а также благодаря обвѣщанію и уничтоженію тѣхъ пагубныхъ привилегій, которыя давали возможность, извѣстнымъ классамъ общества безнаказанно грабить остальныхъ. Съ каждымъ поколѣніемъ также люди все лучше и лучше ограждаются учрежденіями, или нравами и общественнымъ мнѣніемъ отъ произвола правительственной власти. Налоги во всѣхъ европейскихъ странахъ становятся менѣе произвольными и тягостными, какъ сами по себѣ, такъ и по способу ихъ взиманія. Войны и причиняемая ими опустошенія теперь обыкновенно почти во всѣхъ странахъ ограничиваются тѣми удаленными порубежными владѣніями, гдѣ эти страны приходятъ въ соприкосновеніе съ дикарями. Благодаря постоянному расширенію чрезвычайно полезныхъ страховыхъ учрежденій, даже необезпеченность имущества, происходящая отъ неизбежныхъ естественныхъ бѣдствій, все болѣе смягчается для тѣхъ, на кого она обрушивается.

Однимъ изъ самыхъ неопредѣлимыхъ послѣдствій такого увеличенія обезпеченности является сильное возрастаніе, какъ производства, такъ и накопленія. Трудолюбіе и бережливость не могутъ существовать тамъ, гдѣ нельзя съ полнымъ основаніемъ надѣяться на то, что всѣмъ трудящимся и сберегающимъ будетъ позволено воспользоваться результатами ихъ усилій. И чѣмъ болѣе такая надежда приближается къ несомнѣнности, тѣмъ болѣе трудолюбіе и бережливость становятся общераспространенными въ бародѣ качествами. Опытъ доказалъ, что посредствомъ твердо установленныхъ налоговъ можно взять огромную часть изъ результатовъ труда и воздержанія, при чемъ это не ослабитъ, а иногда даже вызоветъ къ усиленной дѣятельности качества, способствующія успѣху производству и накопленію капитала. Но эти качества не могутъ устоять противъ сильной необезпеченности. Правительство можетъ взять извѣстную часть; но должна существовать увѣренность, что оно не захватитъ и никому не позволитъ захватить остальное.

Одна изъ перемѣнъ, обязательно сопровождающая прогрессъ современнаго общества, заключается въ развитіи дѣловыхъ способностей въ массѣ населенія. Я не могу этимъ сказать, чтобы прак-

техническая смысленность у отдельного лица становилась больше прежнего. Я склонен думать, что до сих пор экономической прогрессе оказывал даже противоположное влияние. При грубом состоянии общества человек с хорошими природными дарованиями может выполнить достаточно хорошо большее число дел, умев лучше прииспывать средства к своим целям, больше способен выпутывать и себя и других из непредвиденных затруднений. Чем 99 из ста тех людей, которым известна только так называемая цивилизованная форма жизни. Насколько утрата этих низших способностей вознаграждается у каждого цивилизованного человека в отдельности, и какими средствами она может быть вознаграждена еще полнее, — все это вопросы, не имеющие никакого отношения к предмету нашего исследования. Но вся масса цивилизованного человечества получает полное вознаграждение. То, что теряется в силе отдельного лица, с избытком вознаграждается в общей способности к соединенному действию. По мере того, как люди теряют качества дикаря, они становятся способными подчиняться дисциплине, держаться заранее обдуманного плана, в составлении которых они, быть может, и не участвовали, подчинять свой личный каприз принятому решению, выполнять в отдельности части дела, порученные каждому в соединенном предприятии. Все виды работы, недоступные для дикарей или полуцивилизованных народов, ежедневно выполняются цивилизованными нациями не вследствие какого либо превосходства в способностях людей, выполняющих их, а в силу того факта, что каждый с уверенностью может рассчитывать на выполнение другими части работы, за которую они берутся сообща. Словом, характерную особенность людей составляет способность к сотрудничеству и, подобно другим способностям, она, благодаря практике, все совершенствуется и применяется к постоянно расширяющейся сфере действий.

Поэтому самым вероятным спутником прогрессивной перемены, совершающейся в обществе, будет постоянное расширение принципа и практики сотрудничества. Ассоциации людей, добровольно соединяющих свои небольшие взносы, выполняют теперь и промышленные и другого рода задачи в таких размерах, для которых не хватало бы никакого богатства отдельного лица или небольшого числа лиц, или же за выполнение которых немногие лица, имевшие в прежнее время возможность вести их, могли требовать чрезмерное вознаграждение. Мы можем ожидать, что с увеличением богатства и с развитием деловых способностей будут сильно расширяться промышленные и другие учреждения, образуемые соединением взносов громадного числа лиц, будут развиваться учреждения, подобные тем, какие известны под техническим наименованием акционерных компаний, или менее формально организованных товариществ, которые так многочисленны в Англии, и станут собирать капиталы для общественных или филантропических целей; мы можем наконец надеяться, что умножатся союзы, подобные тем ассоциациям рабочих, которые

занимаются производством или покупкой товаров для обыкновенного потребления, т. е. союзы, известные теперь исключительно под именем кооперативных обществ.

Мы в праве ожидать дальнейшего прогресса в естественных науках и в искусствах; и этот прогресс, в соединении с большей обеспеченностью собственности и большей свободой пользования ею, составляющими характерные черты цивилизации современных наций, а также в соединении с более усовершенствованным и более искусным применением акционерного принципа, доставит простор и свободу безграничному увеличению капитала и производству п. обыкновенно сопровождающему такое увеличение, возрастанию населения. Нет недостаточного основания опасаться, что возрастание населения будет идти быстрее, чем увеличение в производстве; и даже нельзя допустить, чтобы первое шло наравне со вторым, если только умственное развитие беднейших классов населения хоть скольконибудь повысится. Однако вполне возможно, что будут сделаны важные улучшения в промышленности и значительно успеются признаки того, что обыкновенно называют национальным благосостоянием, сильно возрастает общая масса богатства и даже распределение его в некоторых отношениях улучшится: так что не только богатые будут иметь возможность увеличивать свое имущество, но и многие бедные будут обогащаться, т. е. промежуточные классы сделаются более многочисленными и могущественными, и средства к достаточному существованию станут разливаться все в более и более широких кругах, но в то же время многочисленный класс, составляющий основу всего населения, будет увеличиваться лишь в численности, не подвигаясь вперед ни в своем благосостоянии, ни в развитии. Поэтому, рассматривая последствия промышленного процесса, мы должны допустить в виде предположения (хотя мы бы очень желали, чтобы это было только предположением, а не фактом), что возрастание населения совершается так же долго, так же безгранично и, возможно даже, что так же быстро, как и увеличение производства и накопления.

Сделав эти предварительные замечания о причинах изменений, происходящих в обществе, которое находится в состоянии экономического прогресса, я перехожу к более подробному рассмотрению самих изменений.

ГЛАВА II.

Влияние прогресса промышленности и возрастания населения на цены и цены.

§ 1. Изменения, которые вызываются или могут вызываться развитием промышленности в условиях производства, неизбежно сопровождаются изменениями в ценах товаров.

Постоянная цѣнность вещей, не находящихся въ условіяхъ естественной или искусственной монополіи, зависить, какъ мы видѣли, отъ стоимости ихъ производства. Но вслѣдствіе того, что власть человѣчества надъ природою постоянно возрастаетъ, успѣшность человѣческаго труда все болѣе и болѣе увеличивается, или иными словами, стоимость производства уменьшается. Всякое изобрѣтеніе, посредствомъ котораго съ одинаковымъ трудомъ можетъ быть произведено большее количество товаровъ, или съ меньшимъ трудомъ то же количество, или посредствомъ котораго сокращается процессъ производства, такъ что капиталъ приходится затрачивать на менѣе продолжительный срокъ, уменьшаетъ стоимость производства товара. Однако цѣнность есть величина относительная; и если бы изобрѣтенія и улучшения были сдѣланы въ производствѣ всѣхъ товаровъ, и при томъ въ одинаковой степени, то въ цѣнностяхъ не произошло бы никакого измѣненія. Вещи продолжали бы обмѣниваться другъ на друга въ прежнихъ пропорціяхъ; и люди получали бы въ вознагражденіе за свой трудъ и воздержаніе большее количество всѣхъ вещей, при чемъ это изобиліе товаровъ не измѣнялось бы и не обнаруживалось бы уменьшеніемъ мѣрною цѣнности ихъ (какъ это бывасть, когда улучшение касается лишь какого нибудь одного вида продуктовъ).

Что же касается цѣны, то при такихъ условіяхъ онѣ измѣнились бы, или не измѣнились бы, смотря по тому, распространялись ли бы улучшения въ производствѣ и на драгоценныя металлы, или нѣтъ. Если бы матеріалы, служащія для денегъ, составляли исключеніе изъ общаго уменьшенія стоимости производства, то цѣности всѣхъ вещей упали бы по отношенію къ деньгамъ, т. е. произошло бы общее паденіе цѣны во всемъ свѣтѣ. Но если бы деньги стали получаться въ большемъ изобиліи и по меньшей стоимости, подобно другимъ вещамъ и въ той же степени, какъ другія вещи, то цѣны не измѣнились бы такъ же, какъ и цѣности; и въ положеніи рынковъ не было бы никакого видимаго признака совершившихся перемѣнъ за исключеніемъ того, что (если бы люди продолжали такъ же трудиться, какъ и прежде) было бы большее количество всевозможныхъ товаровъ, которые обращались бы по прежнимъ цѣнамъ при помощи большого количества денегъ.

Изъ обстоятельствъ, сопровождающихъ прогрессъ промышленности, не одинъ только улучшенія въ производствѣ способствуютъ уменьшенію стоимости производства, или, по крайней мѣрѣ, полученію товаровъ. Другимъ обстоятельствомъ служитъ увеличеніе сношеній между разными частями свѣта. По мѣрѣ того, какъ расширяется торговля и выходитъ изъ употребленія невѣжественныя помысли ограничивать ее при помощи таможенныхъ пошлинъ, производство товаровъ все болѣе и болѣе стремится сосредоточиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно можетъ вестись съ наименьшей для человѣчества затратой труда и капитала. По мѣрѣ того, какъ распространяется цивилизація и устанавливается безопасность личности и собственности въ тѣхъ частяхъ свѣта, которыя еще до сихъ поръ не обладали этими благами, производительныя способности этихъ

мѣстъ возбуждаются къ болѣе полной дѣятельности для пользы какъ ихъ обитателей, такъ и иностранцевъ. Противъ невѣжества и дурного управленія, въ которомъ еще коснѣють многія, наиболѣе одаренныя отъ природы, страны, придется, по всей вѣроятности, бороться многимъ поколѣніямъ прежде, чѣмъ эти страны будутъ подняты даже до нѣгнѣшняго уровня наиболѣе цивилизованныхъ частей Европы. Многое также будетъ зависеть отъ возрастающаго переселенія труда и капитала въ незанятая части земного шара, относительно которыхъ на основаніи множества, имѣющихся въ настоящее время, свѣдѣній признается, что ихъ почва, климатъ и положеніе обѣщаютъ не только большее вознагражденіе труду, но и большія удобства въ производствѣ товаровъ, пользующихся спросомъ на рынкахъ старыхъ странъ. Какъ сильно ни возрастетъ успѣшность общей суммы труда всего земного шара, благодаря развитію науки и промышленныхъ искусствъ, все же когда ипбудь въ будущемъ еще болѣе дѣятельнымъ двигателемъ удешевленія производства окажутся постепенно обнаруживающіяся посѣдствія свободной торговли и расширеніе размѣровъ эмиграціи и колонизаціи.

По приписамъ, нами нечеловѣческимъ, если только пмы не противодѣйствуютъ какія либо другія, прогрессивное движеніе страны даетъ ей возможность получить по меньшей и все меньшей дѣйствительной стоимости не только свои собственные произведенія, но и произведенія чужихъ странъ. И въ самомъ дѣлѣ, всякое обстоятельство, уменьшающее стоимость вывозимыхъ страной произведений, даетъ ей возможность, какъ мы уже видѣли, получать и ввозимые ею товары по меньшей дѣйствительной стоимости.

§ 2. Но дѣйствительно-ли эти стремленія ипчто не противодѣйствуютъ? Дѣйствительно-ли прогрессъ богатства и промышленности влечетъ за собою стоимость производства не иначе, какъ понижая ее? Не вызываются ли тѣмъ же прогрессомъ причины противоположнаго характера, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно сильныя для того, чтобы не только нейтрализовать, но и совсѣмъ преодолѣвать предыдущія, и обращать нисходящее движеніе стоимости производства въ восходящее. Мы уже знаемъ, что такія причины существуютъ, и что въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ разрядахъ товаровъ, какъ, напримѣръ, въ пшницѣ и матеріалахъ, существуетъ стремленіе диаметрально противоположное тому, о какомъ мы только что говорили. Стоимость производства этихъ товаровъ стремится къ повышенію.

Однако это не есть свойство, присущее самимъ товарамъ. Если бы населеніе оставалось неподвижнымъ, и не было бы необходимости увеличивать количество продукта земли, то не было бы причины для возрастанія стоимости производства. Наоборотъ, человечество получало бы полную выгоду отъ всѣхъ усовершенствованій въ земледѣліи или въ его вспомогательныхъ искусствахъ, и въ этомъ отношеніи не было бы никакой разницы между земледѣльческімъ и фабричнымъ продуктомъ. Если бы населеніе не возрастало, то единственными продуктами промышленности, стоимость производства которыхъ могла бы дѣйствительно увеличиваться, были бы тѣ, которыя получаютъ изъ невозобновляющагося матеріала,

могущаго совершенно или отчасти истощаться, какъ, напримеръ, каменный уголь и большая часть, если даже не все металлы. Даже желѣзо—самый полезный такъ же, какъ и самый дешевый изъ металловъ,—несмотря на то, что оно представляетъ составную часть большинства минераловъ и почти всѣхъ горныхъ породъ, можетъ истощаться, по крайней мѣрѣ, могутъ быть исчерпаны богатѣйшія и легче всего обрабатываемыя руды.

Но если население возрастаетъ,—какъ это до сихъ поръ всегда бывало, когда возрастаніе промышленности и средствъ къ существованію открывало ему просторъ,—то и спросъ на большую часть продуктовъ земли и въ особенности на пищу увеличивается въ соответственной пропорціи. И тогда начинаетъ дѣйствовать тотъ основной законъ земледѣльческаго производства, о которомъ мы такъ часто имѣли случай говорить,—законъ, по которому всякое увеличеніе прилагаемаго къ землѣ труда при какомъ бы то ни было данномъ состояніи земледѣльческаго искусства сопровождается мѣлѣе, чѣмъ пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта. При неизмѣнности другихъ условій, стоимость производства продуктовъ земли увеличивается съ каждымъ увеличеніемъ спроса.

Относительно фабричныхъ продуктовъ никакой подобной зависимости не существуетъ. Ихъ цѣнность стремится измѣняться въ противоположномъ направленіи. Чѣмъ шире размѣръ, въ какомъ ведутся фабричныя операціи, тѣмъ вообще дешевле онѣ могутъ выполняться. Спиритъ дошелъ относительно этого вопроса до крайности и считалъ преимуществомъ фабричной промышленности закономъ, что при увеличеніи производства уменьшается стоимость; тогда какъ въ земледѣльческой промышленности съ уменьшеніемъ производства стоимость увеличивается. Однако я не могу согласиться, чтобы даже и въ фабричной промышленности пониженіе стоимости слѣдовало за увеличеніемъ производства съ правильною, скольконибудь равносильною закономъ. Первое представляетъ вѣроятное и обыкновенное, но не обязательное слѣдствіе второго.

Конечно, фабричная промышленность въ отношеніи своихъ матеріаловъ находится въ зависимости отъ продуктовъ земледѣлія и рудниковъ, или отъ веществъ, даваемыхъ природою въ готовомъ видѣ; поэтому одна изъ существенныхъ сторонъ этой промышленности подчинена тому же закону, какъ и земледѣліе. Но сырой матеріалъ вообще составляетъ такую незначительную часть всей стоимости, что какъ бы ни было сильно стремленіе къ прогрессивному возрастанію стоимости въ одной этой статьѣ, оно болѣе чѣмъ уравновѣшивается постоянно происходящимъ пониженіемъ во всѣхъ другихъ элементахъ,—пониженіемъ, предѣла которому теперь нельзя опредѣлить.

Итакъ, въ фабричной промышленности существуетъ постоянное стремленіе къ увеличенію производительной силы труда, тогда какъ въ земледѣліи и рудокопныхъ промыслахъ происходитъ борьба между двумя стремленіями. Изъ которыхъ одно ведетъ къ увеличенію производительной силы, а другое къ уменьшенію ея, такъ какъ стоимость производства уменьшается съ каждымъ улучшеніемъ процессовъ его

и возрастаетъ съ каждымъ увеличеніемъ населенія. Изъ этого слѣдуетъ, что мѣновая цѣнность фабричныхъ товаровъ сравнительно съ продуктами земледѣлія и рудниковъ, по мѣрѣ роста населенія и развитія промышленности, обнаруживаетъ извѣстную и несомнѣнную тенденцію къ пониженію. Деньги представляютъ продуктъ рудниковъ; поэтому можно принять за правило, что по мѣрѣ развитія общества денежные цѣны фабричныхъ товаровъ стремятся понижаться. Промышленная исторія современныхъ націй, въ особенности въ теченіе послѣдняго столѣтія, вполне подтверждаетъ это положеніе.

§ 3. Увеличится ли абсолютная стоимость производства земледѣльческаго продукта или только относительная,—это будетъ зависѣть отъ борьбы между двумя противоположными силами: возрастаніемъ населенія и улучшениями въ земледѣльческомъ искусствѣ. При нѣкоторыхъ, а, быть можетъ, и почти при всѣхъ состояніяхъ общества (если разсматривать всю поверхность земного шара) земледѣльческое искусство и населеніе или неподвижны или увеличиваются очень медленно, и потому стоимость производства пищи также почти неподвижна. Въ обществѣ, богатство котораго возрастаетъ, населеніе обыкновенно увеличивается быстрее, нежели земледѣльческое искусство, и вслѣдствіе этого пища имѣетъ наклонность становиться болѣе дорогой; но бываютъ времена, когда развивается сильное развитіе земледѣльческихъ улучшеній. Подобное развитіе обнаружилось въ Великобританіи въ послѣдніе двадцать или двадцать пять лѣтъ. Въ послѣднее время земледѣльческое искусство въ Англіи и Шотландіи увеличивалось значительно быстрее, нежели населеніе, такъ что несмотря на увеличеніе населенія, пища и другіе земледѣльческіе продукты могутъ производиться по меньшей стоимости, нежели тридцать лѣтъ тому назадъ; а отсюда хлѣбныхъ законовъ дала новое побужденіе къ улучшениямъ. Въ нѣкоторыхъ же другихъ странахъ, и въ особенности во Франціи, ростъ населенія еще гораздо рѣшительнѣе опережается развитіемъ земледѣльческихъ улучшеній, потому что, хотя земледѣліе въ ней, за исключеніемъ немногихъ провинцій, развивается медленно, все же населеніе въ ней увеличивается еще медленнѣе и даже съ постоянно увеличивающейся медленностью; при чемъ приростъ ея населенія сокращается не вслѣдствіе бѣдности, которая уменьшается, а вслѣдствіе благоразумія.

Которая изъ двухъ борющихся силъ одолеваетъ въ какое либо данное время другую, можетъ быть опредѣлено съ достаточной точностью по денежной цѣнѣ земледѣльческаго продукта (если предположить, что въ цѣнности благородныхъ металловъ не происходитъ существеннаго измѣненія). Необходимо только имѣть данныя за такое число лѣтъ, чтобы изъ нихъ можно было получить средній выводъ, не зависящій отъ колебаній въ урожаяхъ. Однако послѣднее едва-ли возможно, такъ какъ Тукъ доказалъ, что даже въ такомъ большомъ періодѣ, какъ полустолѣтіе, можетъ заключаться гораздо болѣе число урожайныхъ и гораздо меньшее число неурожайныхъ годовъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Поэтому простой средній выводъ можетъ привести къ заключеніямъ еще болѣе обманчивымъ въ силу ихъ кажущейся точности. Меньше будетъ опасности впасть въ ошибку.

если мы будем брать средний вывод лишь за небольшое число лет и исправлять его, принимая во внимание степень урожайности этих годов, чем когда мы будем полагаться на средний вывод за более продолжительный период без такого исправления. Едва ли необходимо прибавлять, что основывая свои заключения на рыночных ценах, мы должны также принимать насколько возможно во внимание изменения в общей мгновенной ценности благородных металлов *).

§ 4. До сих пор мы говорили о влиянии прогресса общества на постоянные, или средние, цены и цены товаров. Теперь нам остается рассмотреть, каким образом тот же прогресс влияет на их колебания. Относительно ответа на этот вопрос не может быть сомнения. Прогресс очень сильно способствует уменьшению колебаний.

В таких бедных и отсталых обществах, как на востоке и какия были в средние века в Европе, могла существовать в местах очень удаленных друг от друга чрезвычайная разница в цене одного и того же товара, потому что недостаток дорог и каналов, несовершенство мореплавания и вообще необеспеченность сообщения мешали перевозить вещи из мест, где они дешевы, в места, где они дороги. Вещи, наиболее подверженные колебаниям, то есть те, которые непосредственно зависят от урожая, и в особенности пшеница, редко перевозились на большие расстояния. По общему правилу каждая местность могла рассчитывать только на свой продукт и на продукт ближайших соседних мест. Поэтому почти каждый год в та или другая часть всякой обширной страны терпела действительный голод. Почти всякий год бывает неблагоприятным для некоторых из множества почв и климатов, встречающихся на большом пространстве страны: но так как тот же самый год вообще бывает более обыкновенного благоприятным для других местностей, то общая масса продукта страны только случайно может оказаться недостаточной, да и в таких случаях эта нехватка в общем бывает не так велика, как во многих отдельных частях страны, между тем как значительная нехватка в пшенице на всем земном шаре — вещь почти неизбежная. Поэтому в нынешние времена голод наступает лишь тогда, когда прежде быт бы голод: повсюду бывает достаток тогда, когда бы в старину в этих местах была бы нехватка, а в других изобилие.

Такое же изменение произошло в отношении всех других предметов торговли. Безопасность и дешевизна сообщения, дающая возможность с умеренным или даже небольшим повышением цены пополнять недостаток в одной местности избытком в другой, делают колебания в цене гораздо меньше широкими, нежели прежде. Такому результату еще много способствует существование

больших капиталов, принадлежащих так называемым спекулятивным торговцам, занятие которых состоит в покупке товаров для продажи их с прибылью. Эти торговцы, конечно, покупают товары, когда последние дешевле всего, и хранят их для того, чтобы снова выпустить их на рынок, когда цены сбываются чрезвычайно высокими; таким образом их операции имеют свойство уравнивать цену или, по крайней мере, уменьшать ее неравенство, и цены вещей не понижаются и не повышаются так сильно, как это было бы без спекулятивных торговцев.

Таким образом спекулянты оказывают в высшей степени полезную услугу общественной экономике; и противно обыкновенному мнению, самая полезная часть этого класса та, которая спекулирует товарами, зависящими от урожая. Если бы не было хлебных торговцев, то не только цена на хлеб подвергалась бы гораздо более крайним изменениям, нежели теперь, но в неурожайные годы могло бы и совсем не явиться необходимого снабжения. Если бы не было хлебных спекулянтов, или если бы за недостатком торговцев, фермеры не стали бы сами спекулянтами, то падению цены в урожайный год не было бы никакой границы или задержки, кроме неизбежно следующего за ним расточительного потребления. Тем обстоятельством, что известная часть излишка от одного года остается для пополнения недостатка другого, население обязано или фермерам, не пускающим хлеб на рынок, или торговцам, покупающим его по самой дешевой цене и хранящим его в своих амбарах.

§ 5. У людей, недостаточно обдумавших этот вопрос, существует убеждение, что спекулянты нередко получают прибыль, производя искусственным образом недостаток в продукте, что они своими покупками создают высокую цену и затем пользуются ими. Легко доказать, что такое убеждение ошибочно. Если хлебный торговец делает закупки для спекуляции и производит повышение цены, когда ни в данное время, ни в будущем нет, кроме его закупок, никакой причины для такого повышения; то конечно, пока продолжается его закупка, кажется, что он богатеть, потому что в его руках находится товар все более и более повышающийся в цене; но эта видимая прибыль кажется доступной спекулянту лишь до тех пор, пока он не делает попытки реализовать ее. Если он, например, купит миллион кварталов и удалит их с рынка, повысив цену на 10 шилл. на квартал, то, насколько цена была повышена удалением миллиона кварталов, совершенно настолько она будет понижена возвращением этого количества на рынок; и в самом лучшем случае спекулянт может оплатить только того, что он не потеряет ничего, кроме процентов и связанных с им расходов. Если посредством постепенной и осторожной продажи он будет иметь возможность реализовать на некоторой доле своих запасов часть возвысившейся цены, то несомненно часть из этой цены ему пришлось заплатить за другую долю своих закупок. Он подвергается значительному риску понести еще большую потерю: потому что временно повысившаяся

* Быть может, еще лучшим критерием, чем тот, который мы предложили в тексте, могло бы служить увеличение и уменьшение заработной платы, оцениваемой на сельскохозяйственные продукты.

цѣна, по всей вѣроятности, соблазнить другихъ лицъ, не принимавшихъ участія въ повышеііи ея, захватить часть его выгоды, отправивъ и свой хлѣбъ на данный рынокъ, куда безъ этого они бы вовсе не проникли. Такимъ образомъ спекулянтъ не воспользуется произведенной имъ недостатчей въ продуктѣ, потому что онъ, закупивъ свои запасы при среднемъ предложеніи товара, вѣроятно, будетъ принужденъ продавать ихъ на рынкѣ переполненномъ.

Какъ отбѣльный спекулянтъ не можетъ получить выгоду отъ возвышенія цѣны, произведеннаго исключительно имъ самимъ, такъ не можетъ и множество спекулянтовъ получать выгоду сообща отъ возвышенія, искусственно произведеннаго ихъ операциями. Нѣкоторые изъ множества спекулянтовъ могутъ получать выгоду, благодаря ихъ выдающейся смѣшленности или удачѣ въ выборѣ времени для реализаціи, но они получаютъ эту выгоду не на счетъ потребителей, а на счетъ другихъ, менѣе благоразумныхъ спекулянтовъ. Въ дѣйствительности они обращаютъ въ свою пользу высокую цѣну, произведенную другими спекулянтами, оставляя этимъ послѣднимъ потерю, превосходящую отъ быстрого паденія цѣны. Такимъ образомъ нельзя отрицать, что спекулянты могутъ обогащаться на счетъ потерь другихъ лицъ. Но потеря эта несуть другіе спекулянты. Сколько одна группа торговцевъ теряетъ, столько другая выигрываетъ.

Если спекуляція какимъ нибудь товаромъ оказывается выгодной для всѣхъ спекулянтовъ, то это происходитъ оттого, что въ промежуткѣ между покупкой и продажей цѣна повышается отъ какой либо независимой отъ нихъ причины, такъ что ихъ связь съ послѣдней заключается лишь въ томъ, что они ее предусмотрѣли. Въ этомъ случаѣ спекулятивные покупки заставляютъ цѣну повышаться раньше, чѣмъ она бы повысилась безъ нихъ; такимъ образомъ лишнія потребители распределяются на болѣе долгій періодъ, но за то смягчаются во время ея самой большой высоты; а это очевидно выгодно для всѣхъ. Но здѣсь предполагается, что спекулянты не слишкомъ преувеличивали ожидаемое ими повышение. Однако спекулятивные покупки часто производятся въ расчетъ на нѣкоторое увеличеніе въ спросѣ или недостатку въ снабженіи, который въ концѣ концовъ не оправдывается, или, если и оправдывается, то не въ такой степени, какъ ожидали спекулянты. Въ такомъ случаѣ спекуляція вмѣсто того, чтобы умѣрять колебанія цѣны, производитъ такое колебаніе, какого безъ нея вовсе бы не было, или усиливаетъ то, которое должно произойти. Но при такихъ условіяхъ спекуляція причиняетъ убытокъ для всѣхъ спекулянтовъ въ совокупности, какъ бы ни была велика прибыль нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вся та часть повышенія цѣны, которая произведена спекулятивными покупками, а не причинами, независимыми отъ этихъ покупокъ, не можетъ принести выгоды всѣмъ вообще спекулянтамъ; потому что цѣна на столько же понижается отъ ихъ продажъ, на сколько она была повышена ихъ покупками. При этомъ они ничего не выигрываютъ и теряютъ не только грутъ и расходы, но почти всегда гораздо больше влѣдствіе того, что обыкновеннымъ послѣдствіемъ искусственнаго возвышенія цѣны бываетъ сокращеніе потребленія и появленіе предложенія изъ

мѣстностей, не предусмотрѣнныхъ спекуляціей. Такимъ образомъ операціи спекулятивныхъ торговцевъ бываютъ выгодны для общества всегда, когда онѣ выгодны для нихъ самихъ; а если по временамъ эти операціи и причиняютъ вредъ обществу, усиливая колебанія которыя чаще всего смягчаются ими, то все же въ такихъ случаяхъ спекулянты теряютъ больше всѣхъ. Словомъ, интересы спекулянтовъ, какъ цѣлой группы, согласуются съ интересами общества, — только какъ спекулянты могутъ не соблюдать интересы общества, — только упуская свои собственные, то самый лучший способъ защитить первые, будетъ предоставитъ этимъ торговцамъ полную свободу преслѣдовать вторые.

Я не отрицаю, что спекулянты могутъ усиливать *мгновенную* недостачу продукта. Собирая хлѣбъ изъ деревень для снабженія города, они производятъ дороговизну въ такихъ углахъ и закоулкахъ, которые безъ этого могли бы избѣжать ея. Покупка и перепродажа въ одномъ и томъ же мѣстѣ способствуютъ уменьшенію недостачи; покупка же въ одномъ мѣстѣ и перепродажа въ другомъ можетъ увеличивать недостачу въ первомъ изъ этихъ мѣстъ, но облегчать ее въ послѣднемъ, гдѣ цѣна выше, и гдѣ, слѣдовательно, можно предполагать, что населеніе, по всей вѣроятности, страдаетъ больше. А эти страданія всегда тяжелѣе всего ложатся на бѣднѣйшихъ потребителей, такъ какъ богатые, если пожелаютъ, могутъ, платя дороже, удовлетворить свои обычныя потребности. Слѣдовательно, операціи хлѣбныхъ торговцевъ въ общемъ ни для кого такъ не выгодны, какъ для бѣдныхъ. Случайно и въ исключительныхъ случаяхъ бѣдные могутъ страдать отъ нихъ: бѣдному населенію деревни, которое зимой питается исключительно хлѣбомъ, иногда, быть можетъ, было бы выгодно получать его въ зимніе мѣсяцы по дешевой цѣнѣ, хотя бы влѣдствіе этого онъ сталъ дороже весной, если бы только весной это населеніе могло отчасти замѣнить его другими продуктами. Однако въ это время года нѣтъ такихъ продуктовъ, которые бы могли въ сколько нибудь значительной степени замѣнить столь необходимую часть пищи, какъ хлѣбъ; если бы такіе продукты существовали, цѣна хлѣба падала бы весной, а не поднималась бы непрерывно, какъ это всегда бываетъ, до наступленія жатвы.

Между интересами хлѣбнаго торговца и потребителя въ моментъ продажи существуетъ такая же противоположность, какая обыкновенно бываетъ между интересами продавца и покупателя; а такъ какъ спекулянтъ наибольшую прибыль получаетъ во время дороговизны хлѣба, то поэтому въ такое время онъ возбуждаетъ въ себѣ нерасположенность и зависть тѣхъ, кто страдаетъ тогда, когда онъ получаетъ выгоду. Однако ошибочно предполагаютъ, что дѣло хлѣботорговца приноситъ послѣднему какую нибудь необыкновенную прибыль: онъ получаетъ выгоду не постоянно, а только по временамъ, и потому въ этихъ исключительныхъ случаяхъ она должна быть велика, но въ общемъ шансы на прибыль въ такомъ дѣлѣ, въ котомъ соперничество настолько спѣшно, не могутъ быть болѣе значительны, чѣмъ въ другихъ занятіяхъ. Неурожайные годы, въ котомъ хлѣботорговцы получаютъ крупныя барыши, рѣдко заканчи-

ваются безъ паденія цѣнъ, вызывающаго въ этомъ классѣ цѣлый рядъ банкротствъ. Немного было годовъ, которые обѣщали хлѣбнымъ торговцамъ большіе барыши. Чѣмъ 1847 годъ, и однако рѣдко бывало большее количество банкротствъ между спекулянтами, чѣмъ осенью этого года. Вѣроятность неудачи въ этой чрезвычайно необезпеченной торговлѣ вознаграждается большими случайными прибылями. Безп. бы хлѣбный торговецъ долженъ былъ во время дороговизны продавать свои запасы ниже той цѣны, какая будетъ опредѣлена соперничествомъ потребителей, то онъ принеслъ бы въ жертву благотворительности или филантропіи законную прибыль со своего занятія, и такой жертвы можно было бы совершенно на такомъ же основаніи потребовать отъ всякаго лица съ равными средствами. Дѣло хлѣботорговца—дѣло полезное, поэтому для интересовъ общества необходимо, чтобы существовали обыкновенные побужденія къ веденію этого рода торговли, и ни законъ, ни общественное мнѣніе не должны препятствовать тому, чтобы полезное для общества дѣло сопровождалось такой выгодой для частнаго лица, которая совместна съ полной свободой соперничества.

Такимъ образомъ можно надѣяться, какъ мы видимъ, что съ развитіемъ общества колебанія цѣнностей и цѣнъ, происходящія отъ измѣненій въ предложеніи и въ дѣйствительномъ (а не спекулятивномъ) спросѣ, сдѣлаются болѣе умѣренными. Но нельзя съ одинаковой увѣренностью сказать того же относительно тѣхъ колебаній, которыя происходятъ отъ невѣрнаго расчета и въ особенности отъ послѣдствъ естественнаго расширенія и чрезвычайнаго сѣщенія кредита, занимающихъ собой выдающееся мѣсто въ коммерческихъ явленіяхъ. Подобныя случайности, начинающіяся неразумной спекуляціей и оканчивающіяся коммерческимъ кризисомъ, до сихъ поръ съ возрастаніемъ капитала и расширеніемъ промышленности не сдѣлались ни менѣе часты, ни менѣе жестоки. Скорѣе можно сказать, что онѣ сдѣлались болѣе частыми и болѣе жестокими. Нерѣдко думаютъ, что это зависитъ отъ увеличенія соперничества: но по моему мнѣнію, болѣе вѣрное объясненіе заключается въ низкой величинѣ прибыли и процента, дѣлающей то, что капиталы не довольствуются обыкновеннымъ размѣромъ вѣрной коммерческой выгоды. Связь этой низкой величины прибыли съ ростомъ населенія и сбереженій будетъ разъяснена въ послѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА III.

Вліяніе прогресса промышленности и населенія на ренту, прибыль и заработную плату.

Продолжая изслѣдованіе природы экономическихъ измѣненій, совершающихся въ обществѣ подъ вліяніемъ промышленнаго прогресса, мы прежде всего рассмотримъ, каково вліяніе этого прогресса на распрещеніе продукта между различными классами, которые по-

лучаютъ изъ него свои доли. Мы можемъ сосредоточить наше вниманіе на самой сложной системѣ распреденія, которая обнимаетъ собою все остальные, — т. е. на той системѣ, при которой фабричный продуктъ раздѣляется между двумя классами, — рабочими и капиталистами, а земледѣльческой между тремя, — рабочими, капиталистами и землевладѣльцами.

Въ явленіи, которое обыкновенно называется промышленнымъ прогрессомъ, различаются три главные характерныя черты: увеличеніе капитала, увеличеніе населенія и улучшенія въ производствѣ; при чемъ производство понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ, какъ производство товаровъ, такъ и получение ихъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Все другія измѣненія составляютъ главнымъ образомъ лишь послѣдствія этихъ трехъ; напримѣръ, наклонность стоимости производства или прогрессивно возрастать или исходить отъ увеличенія спроса, которое можетъ быть вызвано или увеличеніемъ населенія или увеличеніемъ капитала и заработной платы, послѣдствіе чего бѣднѣйшіе классы получаютъ возможность увеличить свое потребление. Удобнѣе будетъ сначала рассмотретьъ дѣйствіе каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности, послѣ чего мы можемъ предположить, какія угодно, соединенія ихъ.

Сначала предположимъ, что населеніе возрастаетъ, а капиталъ и способы производства остаются неподвижными. Одно изъ послѣдствій такого измѣненія обстоятельствъ достаточно очевидно: заработная плата будетъ падать; положеніе рабочаго класса будетъ ухудшаться; положеніе же капиталиста, напротивъ, станетъ улучшаться. Съ одинаковымъ капиталомъ онъ можетъ покупать больше труда и получать больше продукта. Величина его прибыли возрастетъ. Тутъ подтверждается зависимость величины прибыли отъ стоимости труда: въ данномъ случаѣ рабочій получаетъ меньшее количество товаровъ; а такъ какъ мы предполагали, что въ условіяхъ ихъ производства не произошло никакого измѣненія, то, следовательно, меньшее количество этихъ товаровъ представляетъ и меньшую стоимость. Рабочій получаетъ не только меньшее дѣйствительное вознагражденіе, но и продуктъ меньшаго количества труда. Первое обстоятельство важно для рабочаго, послѣднее для его хозяина.

До сихъ поръ въ нашемъ предположеніи не было никакой причины, могущей какимъ либо образомъ измѣнить цѣнность товаровъ; и потому еще не обнаружилось никакого основанія для повышенія или пониженія ренты. Но если мы взглянемъ на дальнѣйшій рядъ послѣдствій, то увидимъ, что и рента измѣняется. Число рабочихъ возрасло, и въ такой же степени ухудшилось ихъ положеніе; увеличившееся число ихъ раздѣляетъ между собою продуктъ прежняго количества труда. Но они могутъ экономичнѣе въ удовлетвореніи другихъ своихъ потребностей, а не въ пищѣ: возможно, что каждый изъ нихъ будетъ потреблять столько же пищи и по той же цѣнѣ, какъ и прежде, или онъ, быть можетъ, и сократитъ свое потребление, но не пропорціонально увеличенію своей численности. Въ такомъ случаѣ, несмотря на уменьшеніе дѣйствительной заработной платы, возросшее населеніе потребуетъ большее количество пищи.

Но такъ какъ, по нашему предположенію, промышленное искусство и знаніе находятся въ неподвижномъ состояніи, то, слѣдовательно, большее количество пшеницы можетъ быть получено только при помощи обработки худшихъ земель или при введеніи такихъ способовъ обработки, которые на ту же затрату даютъ меньшее количество продукта. Для этого расширенія земледѣлія не будетъ недостатка въ капиталѣ, потому что, хотя по нашей гипотезѣ существующій капиталъ не увеличился, но достаточное количество его можетъ быть освобождено изъ промышленности, работавшей прежде на другія, менѣе настоятельныя потребности, которыя рабочіе принуждены теперь урѣзывать. Такимъ образомъ добавочное количество пшеницы будетъ произведено, но произведено оно будетъ по большей стоимости, и рыночная цѣнность земледѣльческаго продукта должна повыситься. Могутъ возразить, что такъ какъ прибыль увеличилась, то этотъ излишекъ въ стоимости производства—безъ увеличенія цѣны можетъ быть пополненъ изъ прибыли. Безъ сомнѣнія онъ могъ бы быть пополненъ, но этого не будетъ, потому что земледѣльцы, пополняя этотъ излишекъ изъ своей прибыли, оказались бы въ худшемъ положеніи, нежели другіе капиталисты. Увеличеніе прибыли, зависящее отъ уменьшенія заработной платы, обще всѣмъ капиталистамъ труда. Увеличеніе издержекъ, происходящее отъ необходимости прибѣгать къ болѣе дорогой обработкѣ, касается лишь одного земледѣльца. За этотъ специальный излишекъ въ издержкахъ онъ долженъ быть специально вознагражденъ, независимо отъ того, будетъ ли общая величина заработной платы низка или высока. Онъ не станетъ долгое время подчиняться такому вычету изъ своей прибыли, которому не подвергаются другіе капиталисты. Онъ не станетъ расширять свою обработку затратою новаго капитала иначе, какъ для получения съ него такого дохода, который представлятъ бы собою такую же прибыль, какую можно получить на этотъ капиталъ въ другихъ занятіяхъ. Поэтому цѣнность земледѣльческаго товара повысится, и повысится пропорционально увеличенію стоимости производства. Такимъ образомъ фермеръ будетъ вознагражденъ за чрезвычайныя издержки, свойственныя только его занятію, и будетъ пользоваться тѣмъ же увеличившимся размахомъ прибыли, какой получаютъ всѣ капиталисты.

Изъ принциповъ, уже извѣстныхъ намъ, слѣдуетъ, что при такихъ условіяхъ рента повысится. Всякій земельный участокъ можетъ платить и при свободномъ соперничествѣ будетъ платить ренту, равную излишку его продукта надъ доходомъ на равный капиталъ съ самой худшей земли или при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Поэтому всякій разъ, какъ земледѣліе принуждено спускаться къ худшимъ землямъ или болѣе труднымъ процессамъ обработки, рента повышается. Это возвышеніе будетъ двойное: во-первыхъ, увеличится рента натурой, или рента въ зернѣ, а во-вторыхъ, вѣдѣваемая на фабричныя или иностранныя товары (которую, при неизмѣняемости всѣхъ условій, представляетъ денежная рента) увеличится еще больше.

Ходъ этого процесса (если послѣ всего, въ немъ сказаннаго, еще нужно его напоминать) будетъ таковъ. Хлѣбъ повышается въ цѣнѣ для того, чтобы возвратить съ обыкновенной прибылью капиталъ, необходимый для производства добавочнаго хлѣба съ худшей земли или при помощи болѣе дорогихъ приемовъ. Что касается этого добавочнаго количества хлѣба, то возвышеніе цѣны вознаграждаетъ лишь добавочныя расходы, но оно распространяется на весь хлѣбъ и даетъ на всю его массу, кромѣ послѣдняго, добавочнаго количества, излишекъ прибыли. Если фермеръ производилъ обыкновенно 100 кварталовъ пшеницы по 40 шилл., а теперь требуется 120, изъ которыхъ послѣдніе 20 не могутъ быть произведены дешевле 45 шилл., то онъ получаетъ лишніе 5 шилл. на всѣхъ 120 квар., а не только на послѣднихъ 20-ти. Такимъ образомъ сверхъ обыкновенной прибыли онъ получаетъ излишекъ въ 25 фун., удержать которые при свободномъ соперничествѣ онъ не будетъ имѣть возможности; однако его нельзя заставить отдать этотъ излишекъ потребителю, потому что цѣна меньше 45 шилл. была бы не совместиа съ производствомъ послѣднихъ 20 кварталовъ. Итакъ, цѣна въ 45 шилл. останется, а 25 ф. въ силу соперничества перейдутъ не потребителю, а земледѣльцу. Поэтому возвышеніе ренты неизбежно слѣдуетъ за увеличеніемъ спроса на земледѣльческій продуктъ, если только производство не становится болѣе легкимъ. Это представляетъ истину, которую послѣ этого окончательнаго разъясненія мы можемъ считать доказанной.

Вновь введенный элементъ—увеличеніе спроса на пшеницу—кромѣ увеличенія ренты, производитъ еще другое измѣненіе въ распредѣленіи продукта между капиталистами и рабочими. Вслѣдствіе возрастанія населенія уменьшается вознагражденіе за трудъ: а если стоимость труда уменьшается настолько же сильно, какъ и дѣйствительное вознагражденіе за него, то прибыль увеличится на всю сумму этого уменьшенія. Однако, если возрастаніе населенія ведетъ къ увеличенію производства пшеницы, которая можетъ быть доставлена не иначе, какъ по болышей стоимости производства, то стоимость труда уменьшится не настолько, какъ дѣйствительное вознагражденіе за него, и, слѣдовательно, прибыль повысится не настолько сильно. Возможно даже, что она и вовсе не повысится. Рабочіе, быть можетъ, прежде пользовались такимъ достаткомъ, что вся потеря ихъ теперь можетъ пополниться сокращеніемъ расходовъ на второстепенныя потребности, и имъ не придется ни въ силу необходимости, ни по добровольному согласію сокращать количество или понижать качество своей пшеницы. Производство пшеницы для увеличившагося населенія можетъ сопровождаться такимъ увеличеніемъ расходовъ, что заработная плата, хотя и уменьшившаяся по количеству заключающихся въ ней продуктовъ, можетъ представлять такую же стоимость, быть продуктомъ такого же труда, какъ и прежде, и капиталистъ можетъ вовсе не получать никакой выгоды. При такомъ предположеніи потеря рабочаго отчасти поглощается добавочнымъ трудомъ, необходимымъ для производства послѣдняго добавочнаго количества пшеницы,

а остальную часть получает землевладелец, единственный участник въ распредѣленіи, всегда выигрывающій отъ увеличенія населенія.

§ 2. Измѣнимъ теперь нашу гипотезу и, вмѣсто того, чтобы предполагать, что капиталъ неподвиженъ, а населеніе увеличивается, допустимъ наоборотъ, что капиталъ увеличивается, а населеніе неподвижно; при чемъ, какъ естественныя, такъ и приобретенныя удобства производства остаются, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, не измѣняющимися. Дѣйствительная плата за трудъ вмѣсто того, чтобы падать, будетъ теперь повышаться; и такъ какъ стоимость производства вещей, потребляемыхъ рабочими, не уменьшается, то такое возвышеніе заработной платы предполагаетъ равновѣсное увеличеніе стоимости труда и уменьшеніе прибыли. Выразимъ этотъ выводъ пными словами: число рабочихъ не возрасло, и производительная сила ихъ труда осталась прежней; слѣдовательно, и количество продуктовъ не увеличится; поэтому возвышеніе заработной платы должно ложиться на капиталиста. Очень возможно, что стоимость труда увеличится даже въ большей пропорціи, нежели дѣйствительное вознагражденіе. Вслѣдствіе того, что положеніе рабочихъ улучшилось, спросъ на пищу можетъ увеличиться. Рабочіе, быть можетъ, раньше находились въ такомъ дурномъ положеніи, что не имѣли достаточно пищи, а теперь получили возможность потреблять большее количество ея; возможно также, что они стануть расходовать всю прибавку своего дохода, или часть ея, на пищу вышшаго качества, требующую больше труда и земли; на примѣръ, на пшеницу вмѣсто овса и картофеля. Такое расширеніе земледѣлія обыкновенно приводитъ къ увеличенію стоимости производства и возвышенію цѣны хлѣба, такъ что стоимость труда увеличивается, (а прибыль уменьшается) не только оттого, что вознагражденіе за него повышается, но еще и оттого, что товары, составляющіе это вознагражденіе, становятся дороже. Тѣ же причины производятъ возвышеніе ренты. Все, что теритъ капиталистъ сверхъ той суммы, какую выигрываетъ рабочій, отчасти достается землевладельцу, а отчасти поглощается стоимостью производства пищи добываемой съ худшей земли или путемъ менѣ производительныхъ приемовъ.

§ 3. Разсмотрѣвъ два простѣйшихъ случая, въ первомъ изъ которыхъ населеніе возрастаетъ при неподвижномъ состояніи капитала, а во второмъ капиталъ увеличивается при неподвижномъ состояніи населенія, мы теперь можемъ приступить къ разсмотрѣнію сложнаго случая, въ которомъ оба подвижныхъ элемента,—и увеличеніе населенія, и увеличеніе капитала—дѣйствуютъ одновременно. Если одинъ изъ элементовъ увеличивается быстрее, нежели другой, то такой случай уподобляется одному изъ предыдущихъ; поэтому мы предположимъ, что оба они увеличиваются съ равной быстротой. Признакомъ такого равенства будетъ то, что каждый рабочій получитъ тѣ же товары и въ такомъ же количествѣ, какъ и прежде. Посмотримъ, каково будетъ вліяніе этого двойного развитія на ренту и прибыль.

Когда населеніе увеличивается, не вызывая этимъ никакого ухудшенія въ положеніи рабочихъ, то, безъ сомнѣнія, является большой спросъ на пищу. По нашему предположенію производительныя искусства не совершенствуются; слѣдовательно, эту пищу придется производить по увеличившейся стоимости. Чтобы эта большая стоимость добавочнаго количества пищи наняла себѣ вознагражденіе, цѣна земледѣльческихъ продуктовъ должна подняться. Это возвышеніе цѣны распространяется на все произведенное количество пищи, хотя увеличеніе издержекъ потребовалось лишь для части его, поэтому сильно увеличивается тотъ излишекъ прибыли, который вслѣдствіе соперничества достается землевладельцамъ. Рента увеличится и по количеству заключающагося въ ней продукта и по его стоимости; между тѣмъ какъ заработная плата, оставаясь, какъ мы предполагали, одинаковой по количеству, увеличивается по своей стоимости. Рабочій будетъ получать то же количество предметовъ необходимости, что и раньше, хотя его денежная заработная плата повысится; а такъ какъ возвышеніе ея произойдетъ во всѣхъ отрасляхъ производства, то капиталистъ не можетъ вознаграждать себя переменной своего занятія, и потеря должна отразиться на прибыли.

Итакъ, очевидно, что возрастаніе капитала и населенія способствуетъ увеличенію ренты на счетъ прибыли; однако рента увеличивается не на всю ту сумму, какая уходитъ изъ прибыли; часть послѣдней поглощается увеличившимися расходами производства, т. е. наймомъ рабочихъ, нужныхъ для полученія даннаго количества земледѣльческаго продукта. Подъ прибылью, разумѣется, слѣдуетъ понимать процентъ прибыли; потому что болѣе низкій процентъ прибыли на большой капиталъ можетъ приносить большую валовую прибыль, если считать абсолютно, хотя во всемъ продуктѣ она будетъ составлять меньшую часть.

Стремленію прибыли къ пониженію отъ времени до времени противодѣйствуютъ улучшенія въ производствѣ, происходящіе либо отъ увеличенія знаній, либо отъ успешнаго примѣненія знаній, раньше приобретенныхъ. Эти улучшенія представляютъ послѣдній изъ трехъ элементовъ, изслѣдованіемъ вліянія которыхъ на распредѣленіе мы теперь занимаемся; и наше изслѣдованіе будетъ легче, если мы предположимъ сначала, какъ и въ отношеніи двухъ предыдущихъ элементовъ, что этотъ послѣдній элементъ дѣйствуетъ одинъ.

§ 4. Итакъ, предположимъ, что капиталъ и населеніе неподвижны, тогда какъ въ производительныхъ искусствахъ произошло внезапное улучшеніе; допустимъ, что изобрѣтены болѣе производительныя машины или менѣ дорогіе приемы производства, или при помощи иностранной торговли полученъ доступъ къ болѣе дешевымъ товарамъ.

Улучшеніе можетъ происходить или въ производствѣ предметовъ необходимости и прихоти, входящихъ въ обыкновенное потребленіе рабочаго класса, или въ изготовленіи лишь предметовъ роскоши, потребляемыхъ исключительно богатыми. Однако очень многія изъ главныхъ промышленныхъ улучшеній принадлежатъ вполнѣ

къ этому послѣднему разряду. Земледѣльческія улучшения, за исключеніемъ такихъ, которыя специально относятся къ болѣе рѣдкимъ и болѣе исключительнымъ продуктамъ, оказываютъ непосредственное вліяніе на главные предметы расходовъ рабочихъ. Паровая машина и всякое другое изобрѣтеніе, доставляющее удобоуправляемую силу, применимы къ производству всѣхъ вещей, а, конечно, и тѣхъ предметовъ, которые потребляются рабочими. Даже механическій ткацкій станокъ и прядильная машина, хотя и употребляются для самыхъ тончайшихъ тканей, тѣмъ не менѣе одинаково пригодны и для грубыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ матерій, носимыхъ рабочими классомъ. Всѣ усовершенствованія въ способахъ передвиженія удешевляютъ перевозку предметовъ необходимости такъ же, какъ и предметовъ роскоши. Рѣдко открывается новая отрасль промышленности безъ того, чтобы она прямо или косвенно не вызывала ввоза или производства по меньшей стоимости нѣкоторыхъ изъ предметовъ, потребляемыхъ массою населенія. Поэтому мы можемъ смѣло утверждать, что улучшения въ производствѣ вообще способствуютъ удешевленію товаровъ, на которые расходуется заработная плата рабочаго класса.

Улучшенія, относящіеся къ товарамъ, вообще не потребляемымъ рабочими, не оказываютъ никакого вліянія на распредѣленіе продукта. Правда эти спеціальныя товары становятся дешевле; будучи произведены по меньшей стоимости, они падаютъ въ цѣнности и цѣнѣ, и всѣ, потребляющіе ихъ, будутъ ли то землевладѣльцы, капиталисты или искусные привлеченныя рабочіе, получаютъ возможность пользоваться ими въ большемъ количествѣ. Однако, процентъ прибыли не повышается. Общая сумма прибыли, печисляемая по количеству товара, будетъ больше. Но и капиталъ, по оцѣнкѣ его на этотъ товаръ, также увеличился въ цѣнности. Прибыль составитъ такой же процентъ на капиталъ, какъ и прежде. Капиталисты получаютъ выгоду не какъ капиталисты, а какъ потребители. Той же выгодой пользуются землевладѣльцы и привлеченныя классы рабочихъ, если они являются потребителями тѣхъ же товаровъ.

Совершенно иное вліяніе будутъ имѣть улучшения, уменьшающія стоимость производства предметовъ необходимости, или товаровъ, входящихъ обыкновенно въ потребленіе большой массы рабочихъ. Дѣйствіе разныхъ силъ въ этомъ случаѣ гораздо сложнее, и потому его необходимо анализировать нѣсколько подробно.

Какъ мы замѣчали раньше *), есть два рода земледѣльческихъ улучшеній. Одно состоятъ въ простомъ сбереженіи труда и даютъ возможность производить данное количество товара съ меньшими расходами, но не на меньшемъ, чѣмъ прежде, пространствѣ земли. Другія даютъ возможность получать съ извѣстнаго пространства земли съ меньшимъ трудомъ не только то же, что и раньше, но даже большее количество продукта; такъ что, если не требуется больше продукта, то часть земли, находящаяся подъ обработкой, можетъ быть освобождена. Конечно, оставлена будетъ наименѣе производительная часть; поэтому рынокъ съ этого времени будетъ регулироваться зе-

млей лучшаго качества, нежели та худшая, какая раньше находилась подъ обработкой.

Чтобы вполне понять вліяніе улучшеній, мы должны предположить, что они происходятъ внезапно, такъ, что во время введенія ихъ ни капиталъ, ни населеніе не успѣваютъ возрасти. Первымъ результатомъ улучшенія будетъ пониженіе цѣнности и цѣны земледѣльческаго продукта. Это составляетъ необходимое слѣдствіе обихъ родовъ улучшеній, но въ особенности послѣдняго.

Улучшеніе перваго рода, не увеличивающее продукта, не дѣлаетъ лишнюю нѣкоторой части земли; предѣлъ обработки (какъ выражается д-ръ Чомерсъ) остается прежнимъ; земледѣліе не отступаетъ назадъ ни по размѣру обрабатываемой земли, ни по совершенству способовъ обработки, и цѣна продолжаетъ регулироваться тою же землею и тѣмъ же капиталомъ, какъ и прежде. Но такъ какъ эта земля и этотъ капиталъ, или всѣ другіе земли и капиталы, производящіе пищу, теперь доставляютъ свой продуктъ по меньшей стоимости, то цѣна пищи упадетъ пропорціонально уменьшенію стоимости. Если сберегается одна десятая расходовъ производства, то цѣна продукта повысится на одну десятую.

Но предположимъ, что произошло улучшеніе втораго рода, дающее возможность получать съ земли не только прежнее количество хлѣба съ трудомъ, на одну десятую меньшимъ, но и съ тѣмъ же трудомъ — количество, на одну десятую больше прежняго. Въ этомъ случаѣ результатъ будетъ еще болѣе рѣшительный. Обработка можетъ быть теперь сокращена и рынокъ удовлетворенъ продуктомъ меньшаго количества земли. Даже если бы эта меньшая площадь земли по своему среднему качеству была такой, какъ и большая, то все же цѣна упала бы на одну десятую, потому что тотъ же продуктъ производится трудомъ на одну десятую меньшимъ. Но брошена будетъ наименѣе плодородная часть земли; поэтому цѣна продукта будетъ регулироваться землею лучшаго качества, нежели прежде. Слѣдовательно, въ придачу къ первому уменьшенію стоимости производства на одну десятую, произойдетъ другое уменьшеніе, соответствующее отступленію «предѣла земледѣлія» къ землямъ болѣе плодороднымъ. Такимъ образомъ совершится двойное паденіе цѣны.

Разсмотримъ теперь вліяніе внезапно совершающихся улучшеній на раздѣленіе продукта, и прежде всего на ренту. Отъ улучшеній перваго рода она уменьшается. Отъ улучшеній втораго рода она уменьшается еще сильнѣе.

Предположимъ, что спросъ на пищу требуетъ обработки трехъ сортовъ земли, приносящихъ на равномъ пространствѣ и при равныхъ расходахъ по 100, 80 и 60 бушелей пшеницы. Цѣна пшеницы въ среднемъ будетъ какъ разъ достаточна для того, чтобы дать возможность обрабатывать съ обыкновенной прибылью землю третьаго сорта. Поэтому земля перваго сорта будетъ давать 40, а земля втораго — 20 бушелей излишка прибыли, который составляетъ ренту землевладѣльца. Сначала допустимъ, что произведено улучшеніе, которое, не давая возможности производить большее количество хлѣба, позволяетъ получать прежнее его количество съ трудомъ, на одну

*) См. выше стр. 175.

верть меньшимъ. Цѣна пшеницы упадетъ на одну четверть, и 80 бушел. будутъ продаваться за ту же цѣну, за какую прежде продавались 60 бушел. Но продуктъ земли, приносящей 60 бушелей, все же требуется, а издержки уменьшились въ такой же степени, какъ и цѣна, такъ что эта земля все еще можетъ обрабатываться съ обыкновенной прибылью. Поэтому земли первого и второго сорта будутъ по-прежнему давать излишки въ 40 и 20 бушел., и рента, выраженная въ хлѣбѣ, останется прежней. Но хлѣбъ упавъ въ цѣнѣ на одну четверть; слѣдовательно рента въ хлѣбѣ равна по цѣнности на одну четверть меньшему количеству денегъ и другихъ товаровъ. Поэтому землевладелецъ относительно той части своихъ доходовъ, которую онъ расходуетъ на фабричные и иностранные продукты, сталъ бѣднѣ на одну четверть. Его доходъ, какъ землевладельца, сократился до трехъ четвертей прежняго; и только его положение, какъ потребителя хлѣба, осталось прежнимъ.

Если улучшение будетъ второго рода, рента упадетъ еще сильнѣе. Предположимъ, что требующееся для рынка количество продукта можетъ быть получено не только съ меньшимъ на одну четверть трудомъ, но и на меньшемъ на одну четверть пространствѣ земли. Если вся, находящаяся уже подъ обработкой, земля будетъ по-прежнему обрабатываться, то она произведетъ гораздо больше того количества продукта, какое необходимо. Земля, приносящая четверть продукта, теперь должна быть покинута; а такъ какъ третій сортъ ея давалъ какъ разъ четверть всего продукта (60 бушел. изъ 240 бушел.), то, слѣдовательно, обработка прекратится на землѣ этого сорта. 240 бушелей теперь могутъ быть получены лишь на землѣ первого и второго сорта; при чемъ первый сортъ будетъ давать сто бушелей плюсъ $\frac{1}{3}$, т. е. $133\frac{1}{3}$ бушеля; а второй 80 бушелей плюсъ одна треть, т. е. $106\frac{2}{3}$ бушеля, что вмѣстѣ составитъ 240 бушел. Теперь самымъ низшимъ сортомъ земли становится не третій, а второй сортъ, и онъ регулируетъ цѣну. Теперь довольно, если вмѣсто 60 возвращать капиталъ съ обыкновенной прибылью $106\frac{2}{3}$ бушел. Влѣдствіе этого цѣна пшеницы упадетъ не въ пропорціи 60 къ 80, какъ въ предыдущемъ случаѣ, а въ пропорціи 60 къ $106\frac{2}{3}$. Но даже и это не дастъ достаточнаго поніянія, насколько упадетъ рента. Весь продуктъ земли второго сорта теперь потребляется для вознагражденія расходовъ производства. Эта земля, будучи самой худшей изъ той, какою обрабатывается, не будетъ давать ренты. А земля первого сорта будетъ приносить ренту, равную разницѣ между $133\frac{1}{3}$ бушел. и $106\frac{2}{3}$, слѣдовательно, $26\frac{2}{3}$ бушел. вмѣсто сорока. Землевладельцы въ одной только хлѣбной рентѣ потеряли $33\frac{1}{2}$ изъ 60 бушел.; а между тѣмъ цѣнность и цѣна оставшейся части упали въ пропорціи 60 къ $106\frac{2}{3}$.

Такимъ образомъ мы видимъ, что интересы землевладельца рѣшительно противны общему и внезапному введенію земледѣльческихъ улучшеній. Эта мысль была названа парадоксомъ и дала поводъ къ обвиненію первого обнаруживающаго ее, т. е. Рикардо, въ большой извращенности ума, чтобы не сказать хуже. Однако я не могу понять, въ чемъ тугъ заключается парадоксъ: и мнѣ кажется, что ошибка скорѣе на стороне его противниковъ. Мнѣніе Рикардо кажется

нелѣпнымъ только тогда, когда его излагаютъ недобросовѣстнымъ образомъ. Если бы онъ утверждалъ, что землевладельцу наноситъ вредъ улучшение его собственного помѣстья, то этого, конечно, нельзя бы было записать; но Рикардо доказываетъ, что землевладельцу наноситъ вредъ улучшение помѣстій другихъ людей, хотя бы въ томъ числѣ улучшалось и его помѣстье. Никто не сомнѣвается, что онъ очень много выигралъ бы отъ улучшения, если бы могъ удержать его для одного своего помѣстья и соединить оба выигранных, т. е. увеличение продукта своей земли съ настолько же высокой цѣной, какъ и прежде. Но если увеличение продукта происходитъ одновременно на всѣхъ земляхъ, цѣна не останется такой же высокой, какъ прежде; и нѣтъ ничего неосновательнаго въ предположеніи, что землевладелецъ будетъ отъ этого не въ выгодѣ, а въ убыткѣ. Обыкновенно признается, что всякая причина, на долго понижающая цѣну продукта, уменьшаетъ ренту; и совершенно согласно съ общепраспороченнымъ мнѣніемъ будетъ предполагать, что если бы влѣдствіе увеличения производительности земли меньшее количество ея требовалось для обработки, то цѣнность земли упала бы подобно цѣнности другихъ товаровъ, на которые уменьшается спросъ.

Я вполне готовъ согласиться, что въ дѣйствительности рента никогда не понижалась отъ развитія земледѣльческихъ улучшеній: но почему? Потому что примѣненіе улучшеній въ дѣйствительности никогда не было внезапно, а напротивъ происходило всегда очень медленно; оно никогда сильно не обгоняло роста капитала и населенія, а, напротивъ, часто значительно отставало отъ нихъ. Между тѣмъ ростъ капитала и населенія настолько же сильно способствуетъ возвышенію ренты, какъ улучшение пониженію ея, и даетъ возможность, какъ мы скоро увидимъ, подымать ее еще сильнѣе, потому что, благодаря земледѣльческимъ улучшеніямъ, отдалается конечный предѣлъ земледѣлія. Однако раньше мы должны разсмотрѣть, какимъ образомъ внезапное удешевленіе продукта влияетъ на прибыль и заработную плату.

Вначалѣ денежная заработная плата, по всей вѣроятности, осталась бы прежней, и рабочіе получали бы полную выгоду отъ удешевленія хлѣба. Они бы имѣли возможность увеличить свое потребленіе пищи или другихъ предметовъ и получали бы ихъ на ту же стоимость, но въ большемъ количествѣ. До этого времени прибыль не измѣнилась бы. Но постоянное вознагражденіе рабочихъ въ сущности завышено отъ, такъ называемого, обычнаго образа ихъ жизни, отъ размѣра потребностей, безъ удовлетворенія которыхъ они, какъ цѣлый классъ, не стануть размножаться. Если ихъ вкусы и потребности прочно измѣнятся отъ внезапнаго улучшенія ихъ положенія, то выгода для всего класса будетъ постоянная. Но та же причина, которая даетъ имъ возможность съ одинаковой заработной платой покупать большее количество вещей, удовлетворяющихъ важнымъ потребностямъ и прхотямъ, даетъ имъ возможность покупать прежнее количество этихъ вещей съ меньшей заработной платой: поэтому теперь можетъ существовать большее населеніе, при чемъ рабочіе не лишаются того положенія, въ которомъ они привыкли. До сихъ поръ

рабочіе обыкновенно только такимъ образомъ и пользовались всякимъ увеличеніемъ своихъ средствъ къ существованію; они распоряжались имъ такъ, какъ будто бы оно давало только возможность получить большее количество пищи для большаго числа дѣтей. Поэтому весьма вѣроятно, что размноженіе населенія усилится и что черезъ одно поколѣніе дѣйствительная заработная плата будетъ не выше, чѣмъ до улучшенія. Пониженіе ея произойдетъ отчасти отъ пониженія денежной заработной платы, а отчасти отъ повышенія цѣны на хлѣбъ, стоимость котораго возрастетъ вслѣдствіе спроса, вызваннаго увеличеніемъ населенія. Въ томъ размѣрѣ, въ какомъ упадетъ денежная заработная плата, повысится прибыль; потому что капиталистъ съ прежней затратой капитала будетъ получать большее количество одинаково производительнаго труда. Такимъ образомъ мы видимъ, что уменьшеніе стоимости предметовъ необходимо сти, происходящее отъ земледѣльческихъ улучшеній или ввоза иностраннаго продукта, при неизмѣнимости привычекъ и потребностей рабочихъ, обыкновенно понижаетъ денежную заработную плату и ренту и увеличиваетъ общій процентъ прибыли.

Что справедливо относительно улучшеній, удешевляющихъ производство пищи, то справедливо также и относительно замѣны болѣе дорогихъ ея сортовъ болѣе дешевыми. Одна и та же земля при затратѣ на нее одинаковаго труда приноситъ гораздо большее количество пищи въ видѣ манса и картофеля, нежели въ видѣ пшеницы. Если бы рабочіе отказались отъ хлѣба и питались только этими дешевыми продуктами, вознаграждая себя за это не болѣе значительнымъ потребленіемъ другихъ товаровъ, а болѣе ранними браками и болѣе многочисленными семьями, то стоимость труда сильно уменьшилась бы, а прибыль, при одинаковой успѣшности труда, повысилась бы; между тѣмъ какъ рента очень сильно бы понизилась, такъ какъ пищу для всего населенія можно было бы получать съ половины или трети всей земли, засѣваемой теперь хлѣбомъ. Въ то же время очевидно, что земля слѣшкомъ тонка для пшеницы, могла бы въ случаѣ необходимости давать количество картофеля, достаточное для содержанія незначительнаго числа рабочихъ рукъ, необходимыхъ для его разведенія. Такимъ образомъ при картофельной и мансовой системѣ хозяйства обработка можетъ въ концѣ концовъ слѣстаться шире, а рента подняться выше, нежели при хлѣбной системѣ, потому что при первой населеніе можетъ размножиться до несравненно большаго числа прежде, чѣмъ будетъ достигнуто предѣлъ производительныхъ силъ земли.

Если мы предположимъ, что улучшеніе происходитъ не въ производствѣ пищи, а въ производствѣ какого нибудь фабричнаго товара, потребляемаго рабочими классомъ, то вліяніе этого улучшенія на прибыль и заработную плату вначалѣ будетъ такое же, какъ только что указанное, но вліяніе его на ренту будетъ совершенно иное. Она во всякомъ случаѣ не понижается, и даже можетъ повыситься, если окончательнымъ результатомъ улучшенія будетъ увеличеніе населенія; въ послѣднемъ случаѣ прибыль понижается. Причины этого настолько очевидны, что ихъ незначимъ пазгагать.

§ 5. Мы разсмотрѣли, во-первыхъ, какимъ образомъ пзмѣняется раздѣленіе продукта на ренту, прибыль и заработную плату вслѣдствіе обыкновеннаго увеличенія населенія и капитала, и, во-вторыхъ, какъ оно пзмѣняется вслѣдствіе улучшеній въ производствѣ и въ особенности въ земледѣліи. Мы нашли, что первая причина производитъ пониженіе прибыли и возвышеніе ренты; и стоимость труда; тогда какъ земледѣльческія улучшенія способствуютъ пониженію ренты: а всѣ улучшенія, удешевляющія какой либо предметъ, потребляемый рабочими, способствуютъ удешевленію стоимости труда и повышенію прибыли. Опредѣливъ такимъ образомъ, какъ дѣйствовала бы каждая причина въ отдѣльности, мы теперь легко можемъ опредѣлить вѣроятный ходъ дѣйствительнаго теченія дѣлъ, въ которомъ одновременно происходятъ оба пзмѣненія: капиталъ и населеніе увеличиваются довольно постоянно, между тѣмъ какъ земледѣльческія улучшенія появляются отъ времени до времени, а знаніе и примѣненіе улучшенныхъ приемовъ хозяйства постепенно распространяются въ обществѣ.

При данныхъ привычкахъ и потребностяхъ рабочаго класса (опредѣляющихъ размѣръ дѣйствительной заработной платы) рента, прибыль и денежная заработная плата во всякое данное время представляютъ результатъ соединеннаго дѣйствія этихъ противоположныхъ силъ. Если въ теченіе извѣстнаго періода земледѣльческія улучшенія разсѣваются быстрѣе роста населенія, то рента и денежная заработная плата въ этотъ періодъ будутъ клониться къ пониженію, а прибыль къ повышенію. Если ростъ населенія идетъ быстрѣе развитія земледѣльческихъ улучшеній, то для рабочихъ придется подчиниться сокращенію въ количествѣ или качествѣ пищи, или, если они не подчинятся этому, рента и денежная заработная плата будутъ постепенно повышаться, а прибыль падать.

Земледѣльческое искусство и знаніе увеличиваются медленно, и еще медленнѣе они распространяются. Изобрѣтенія и открытія тоже появляются лишь случайно; между тѣмъ какъ возрастаніе населенія и капитала идетъ непрерывно. Поэтому рѣдко случается, что улучшеніе даже на короткое время настолько опережаетъ ростъ капитала и населенія, чтобы дѣйствительно понизить ренту или повысить процентъ прибыли. Во многихъ странахъ населеніе и капиталъ возрастаютъ не быстро, но улучшеніе земледѣлія совершается въ немъ еще медленнѣе. Размноженіе населенія почти повсюду слѣдуетъ непосредственно за земледѣльческими улучшеніями и сглаживаетъ ихъ результаты, лишь только они обнаруживаются.

Причина, почему земледѣльческія улучшенія рѣдко понижаютъ ренту, заключается въ томъ, что они рѣдко удешевляютъ пищу, а только лишь хлѣбаютъ ей становится дороже и рѣдко, или даже можно сказать никогда, не освобождаютъ земли изъ подъ обработки, а только даютъ возможность употребить все худшія и худшія земли для покрытія увеличивающагося спроса. То, что иногда называется естественнымъ состояніемъ страны, которая лишь на половину обрабатывается, а именно, то состояніе, когда земля чрезвычайно производительна, и пища получается въ большомъ изобиліи съ небольшимъ трудомъ, существуетъ лишь въ дѣйствительныхъ странахъ, колониза-

рованных цивилизованными людьми. Въ Соединенныхъ Штатахъ самая худшая обрабатываемая земля обладаетъ высокими качествами (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она находится въ непосредственномъ соудствіи съ рынками или путями сообщенія и когда дурное качество ея вознаграждается удобнымъ положеніемъ); и даже если бы не было сдѣлано новыхъ улучшеній въ земледѣліи и способахъ перевозокъ, все-таки земледѣлію пришлось бы спуститься на много ступеней прежде, чѣмъ сдѣлалось бы невозможнымъ дальнѣйшее увеличеніе населенія и капитала. Но въ Европѣ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, хотя она тогда была очень мало населена по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ, худшая обрабатываемая земля была, по всей вѣроятности, вслѣдствіе грубаго состоянія земледѣлія, совершенно такъ же мало производительна, какъ и худшая земля, обрабатываемая теперь; и въ тѣ времена земледѣліе, вѣроятно, такъ же сильно приближалось къ крайнему предѣлу выгодной обработки, какъ и теперь. Земледѣльческія улучшенія со времени ихъ появленія дѣйствительно дѣлали то, что, увеличивая производительныя способности земель вообще, они давали возможность распространять обработку на землю по сравнению худшаго качества, чѣмъ та худшая земля, которую въ тѣ времена могъ съ прибылью обрабатывать капиталистъ. Такимъ образомъ, благодаря улучшеніямъ, стало возможнымъ все новое и новое увеличеніе населенія и капитала, и постоянно понемногу отодвигалась дальне и дальне стѣснявшая это увеличеніе граница. Между тѣмъ населеніе такъ сильно напирало на эту границу, что для него никогда не оставалось свободнаго пространства, которымъ оно могло бы воспользоваться, такъ какъ каждый доймъ, сдѣлавшійся свободнымъ, благодаря улучшеніямъ, сразу же заложился его насупающими колоннами. Такимъ образомъ можно считать, что земледѣльческія улучшенія представляютъ собою не столько силу, уничтожающую послѣдствія роста населенія, сколько силу, отчасти ослабляющую узлы, ограничивающія этотъ ростъ.

Когда возрастаніе населенія и капитала и развитіе земледѣльческихъ улучшеній дѣйствуютъ совместно, то измѣненія, вызываемыя въ раздѣленіи продукта увеличеніемъ производства, будутъ совершенно отличны отъ тѣхъ, какія мы вывели на основаніи предшествующаго разсмотрѣнія гипотетическихъ случаевъ. Въ особенности отличны будутъ измѣненія ренты. Мы указали, что, хотя важное земледѣльческое улучшеніе, введенное внезапно и повсюду, вначалѣ неизбежно понизило бы ренту,—но вообще подобныя улучшенія даютъ возможность рентѣ постепенно подниматься гораздо выше, чѣмъ она могла бы повыситься безъ нихъ; потому что они въ окончательномъ результатѣ позволяютъ обрабатывать гораздо худшія земли. Но въ разсматриваемомъ нами теперь случаѣ, который почти соответствуетъ обыкновенному ходу дѣла, этотъ окончательный результатъ наступаетъ немедленно. Предположимъ, что обработка достигла, или почти достигла крайняго предѣла, допускаемаго состояніемъ промышленныхъ искусствъ, и поэтому рента почти дошла до высшей точки, до какой ее можетъ довести увеличеніе населенія и капитала при данномъ состояніи искусства и знанія. Если бы внезапно было введено

важное земледѣльческое улучшеніе, то оно могло бы въ значительной степени понизить ренту; затѣмъ она, благодаря увеличенію населенія и капитала, стала бы подниматься до прежняго своего размѣра и въ концѣ концовъ превысила бы его. Но подобное улучшеніе обыкновенно вводится чрезвычайно постепенно; поэтому оно не производитъ сокращенія ни въ рентѣ, ни въ запашкѣ, а только даетъ возможность рентѣ повышаться и запашкѣ расширяться гораздо дальше того предѣла, на которомъ бы они остановились безъ этого улучшенія. Благодаря ему, рента можетъ повышаться даже безъ распаханія земель худшаго качества просто потому, что земли, находящіяся уже подъ обработкой, стали способны приносить большее количество продукта безъ пропорціональнаго увеличенія издержекъ производства. Если бы, благодаря земледѣльческимъ улучшеніямъ, всѣ обрабатываемыя земли могли даже съ удвоеннымъ трудомъ и капиталомъ приносить вдвое больше продукта (и если бы тѣмъ временемъ населеніе возрасло настолько, что потребовалось бы это удвоенное количество) то всѣ ренты удвоились бы.

Чтобы разъяснить это, возвратимся къ нашему послѣднему числовому примѣру. Три сорта земли даютъ при одинаковыхъ издержкахъ и съ одинаковаго пространства по 100, 80 и 60 бушелей. Если бы съ № 1 можно было получать 200, съ № 2—160 и съ № 3—120 бушелей, только удвоивши расходъ и, следовательно, безъ всякаго увеличенія стоимости производства, и если бы населеніе, увидѣвши, что завязало спросъ на все это увеличившееся количество,—то рента № 1 равнялась бы 80 вмѣсто 40 бушелей а рента № 2—40 вмѣсто 20, между тѣмъ цѣна и цѣнность бушеля остались бы прежними; такъ что и хлѣбная, и денежная рента удвоились бы. Нѣтъ надобности указывать на разницу между этимъ результатомъ и тѣмъ, который, какъ мы показали, получился бы, если бы произошло улучшеніе въ производствѣ безъ сопровождающаго его увеличенія спроса на пшцу.

Итакъ, земледѣльческое улучшеніе бываетъ всегда въ окончательномъ результатѣ, а при томъ способѣ, какимъ оно обыкновенно совершается, и немедленно, выгодно для землевладѣльца. Можно еще прибавить, что, когда оно совершается такимъ способомъ, оно не приноситъ выгоды никому другому. Когда спросъ на продуктъ возрастаетъ совершенно наравнѣ съ увеличеніемъ производительной способности, пшца не удешевляется, рабочіе даже временно не получаютъ никакой выгоды, стоимость труда не уменьшается, а прибыль не увеличивается. Въ такомъ случаѣ общія сума продукта возрастаетъ, большее количество продукта раздѣляется между рабочими, и получается большая сума прибыли; но заработная плата раздѣляется между большимъ числомъ лицъ, а прибыль распределяется на большій капиталъ; такъ что положеніе рабочаго не улучшается, а капиталистъ съ такого же, какъ и прежде, капитала не получаетъ большаго дохода.

Результатъ этого длиннаго изслѣдованія можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ. Экономическій прогрессъ общества, состоящаго изъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, способствуетъ

обогащенію класса землевладѣльцевъ; между тѣмъ какъ стоимость пропитанія рабочихъ стремится въ общемъ увеличиваться, а прибыль падать. Земледѣльческія улучшенія являются силой, противодействующей этимъ двумъ послѣднимъ результатамъ; но первый изъ нихъ въ концѣ концовъ чрезвычайно сильно увеличивается отъ этихъ улучшеній, хотя и можно представить себѣ случаи, при которомъ онъ будетъ временно задержанъ; а ростъ населенія способствуетъ тому, что всѣ выгоды, полученыя отъ земледѣльческихъ улучшеній, переносятся на однихъ землевладѣльцевъ. Въ слѣдующей главѣ я постараюсь показать, какія другія послѣдствія вызываются промышленнымъ прогрессомъ въ обществѣ, имѣющемъ такое устройство, и какъ они дополняютъ или видоизмѣняютъ только что рассмотрѣнныя.

ГЛАВА IV.

Стремленіе прибыли къ минимуму.

§ 1. Наклонность прибыли падать по мѣрѣ развитія общества, на которую мы указывали въ предыдущей главѣ, была давно замѣчена авторами, писавшими о промышленности и торговлѣ; но тогда еще не были поняты законы, управляющіе прибылью, вслѣдствіе чего эта склонность приписывалась невѣрной причинѣ. По мнѣнію Адама Смита прибыль опредѣляется тѣмъ, что онъ называлъ соперничествомъ капитала; и онъ думалъ, что когда капиталъ увеличивается, это соперничество должно также увеличиваться, а прибыль падать. Однако не совсемъ понятно, какой родъ соперничества Адамъ Смитъ имѣетъ здѣсь въ виду. Въ главѣ о «прибыли на капиталъ» *) онъ говоритъ слѣдующее: «Когда капиталы многихъ богатыхъ купцовъ обращаются на одну отрасль торговли, то ихъ взаимное соперничество естественно способствуетъ пониженію прибыли; когда же такое увеличеніе капитала происходитъ во всѣхъ отдѣльныхъ отрасляхъ торговли, ведущихся въ одномъ и томъ же обществѣ, то то же самое соперничество должно производить одинаковый результатъ во всѣхъ этихъ отрасляхъ». Этотъ отрывокъ можетъ привести насъ къ тому заключенію, что, по мнѣнію Адама Смита, соперничество капитала понижаетъ прибыль посредствомъ пониженія цѣны, такъ какъ именно этимъ способомъ усиленный притокъ капитала въ извѣстную отрасль промышленности обыкновенно понижаетъ въ ней прибыль. Однако, если таково было его мнѣніе, то онъ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что паденіе цѣны, ограничивающееся однимъ товаромъ, дѣйствительно понижаетъ прибыль производителя, но какъ только оно распространяется на всѣ товары, оно перестаетъ оказывать такое вліяніе; потому что при паденіи цѣнъ всѣхъ вещей въ дѣйствительности

*) Wealth of Nation, book. I ch. 9.

ничего не измѣняется, такъ какъ это паденіе—номинальное; и даже по подсчету на деньги, расходы каждаго производителя уменьшаются настолько же, какъ и его доходы. Иначе складываются обстоятельства лишь въ томъ случаѣ, если при паденіи цѣнъ всѣхъ вещей не измѣняется денежная цѣна одного товара—труда; при такомъ условіи дѣйствительно происходитъ увеличеніе заработной платы, и именно отъ этого послѣдняго, а не отъ паденія цѣнъ, понижается прибыль капитала. Есть еще и другое обстоятельство, ускользнувшее отъ вниманія Адама Смита; а именно, предполагаемое имъ всеобщее паденіе цѣнъ, вслѣдствіе увеличенія соперничества, есть вещь совершенно невозможная. Цѣны опредѣляются соперничествомъ не однихъ только продавцевъ, а также и покупателей,—спросомъ такъ же, какъ и предложениемъ. Спросъ, вліяющій на денежные цѣны, состоитъ изъ всѣхъ денегъ, находящихся въ рукахъ общества и предназначенныхъ на покупку товаровъ, и пока пропорція количества денегъ къ количеству товаровъ не уменьшится, до тѣхъ поръ нѣтъ общаго паденія цѣнъ. И какъ бы ни увеличивался капиталъ, и какъ, вслѣдствіе этого, ни возрастало производство товаровъ, вся лишняя часть капитала будетъ перепесена на производство или ввозъ денегъ, и количество ихъ будетъ увеличиваться въ одинаковой пропорціи съ количествомъ товаровъ. Если бы этого не было, и слѣдовательно, если бы деньги, какъ предполагается въ теоріи, постоянно приобретали все возрастающую покупательную силу, то люди, производящіе и ввозящіе ихъ, постоянно бы получали все большую и большую прибыль; а это не могло бы не привлечь труда и капитала изъ другихъ отраслей промышленности къ этому занятію. Если вѣдь въ дѣйствительности произойти общее пониженіе цѣнъ и увеличеніе цѣнности денегъ, то только вслѣдствіе увеличенія стоимости производства, отъ постепеннаго истощенія рудниковъ.

Такимъ образомъ въ исторіи не подтверждается то, что возрастаніе капитала производитъ, или стремится произвести, общее пониженіе денежныхъ цѣнъ. Также невѣрно и то, чтобы въ дѣйствительности обнаруживалось какое либо общее пониженіе цѣнъ по мѣрѣ возрастанія капитала. Извѣстно, что съ прогрессомъ общества падаютъ въ цѣнѣ лишь тѣ вещи, въ производствѣ которыхъ произошло большее улучшеніе, нежели въ производствѣ драгоценныхъ металловъ, какъ напримѣръ, пряжа и ткани. Другія же вещи, наоборотъ, не падаютъ, а возвышаются въ цѣнѣ, потому что ихъ стоимость производства увеличилась по сравненію со стоимостью производства золота и серебра. Къ такимъ товарамъ принадлежатъ всѣ виды пищи, если сравнить нынѣшнюю ея цѣну съ цѣной въ болѣе ранній періодъ исторіи. Слѣдовательно, мнѣніе, будто бы соперничество капитала понижаетъ прибыль посредствомъ пониженія цѣнъ, невѣрно фактически, и ошибочно съ точки зрѣнія теоріи.

Однако невозможно утвердительно сказать, было ли въ дѣйствительности таково мнѣніе Адама Смита; ибо онъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ шаткихъ и измѣнчивыхъ выраженіяхъ, указывающихъ на отсутствіе опредѣленнаго и вполне установленнаго воззрѣнія. Иногда онъ, повидимому, считаетъ, что соперничество капита-

тала понижаетъ прибыль, возвышая заработную плату. А говоря о процентѣ прибыли въ новыхъ колоніяхъ, онъ какъ будто бы близокъ къ тому, чтобы уловить истинную теорію предмета. «По мѣрѣ увеличенія колоній, прибыль на капиталъ постепенно уменьшается; когда все самыя плодородныя и лучше всего расположенныя земли заняты, то меньше прибыли можно будетъ получать съ обработки земель худшихъ по качеству и мѣстоположенію». Если бы Адамъ Смитъ внимательно обсудилъ этотъ предметъ и систематизировалъ свое мнѣніе о немъ, согласовалъ другъ съ другомъ различные взгляды, мимоходомъ брошенные съ различныхъ точекъ зрѣнія, то онъ замѣтилъ бы, что въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве и заключается истинная причина паденія прибыли, которое обыкновенно слѣдуетъ за возрастаніемъ капитала.

§ 2. Уэксфильдъ въ своихъ комментаріяхъ къ сочиненію Адама Смита и въ своихъ выдающихся статьяхъ о колоніаціи смотритъ на предметъ гораздо яснѣе и при помощи цѣлаго ряда существенно правильныхъ выводовъ приходитъ къ практическимъ заключеніямъ, которые кажутся мнѣ правильными и имѣющими большое значеніе, но не такъ удачна его попытка связать свои цѣлныя соображенія съ прежними выводами и согласовать ихъ съ другими истинами. Нѣкоторые выводы доктора Чомерса, изложенные въ главѣ «On the Increase and Limits of Capital» и въ двухъ слѣдующихъ за ней главахъ по своему направленію и духу согласуются съ взглядами Уэксфильда. Но понятія д-ра Чомерса объ этомъ вопросѣ, хотя и выраженные, по его обыкновенію, съ самымъ привлекательнымъ подобіемъ ясности, въ дѣйствительности гораздо сбивчивѣе даже понятій Адама Смита и еще глубже заражены не разъ опровергнутымъ нами мнѣніемъ, будто бы соперничество капитала понижаетъ общія цѣны. Повидимому вопросъ о деньгахъ не принадлежитъ къ тѣмъ отдѣламъ политической экономіи, которые тщательно изучилъ этотъ проницательный и сильный писатель.

Вотъ въ короткихъ словахъ объясненіе паденія прибыли, данное Уэксфильдомъ. Производство ограничено не только количествомъ капитала и труда, но также и размѣромъ «поля занятія». Поле занятія для капитала двоякое: земля страны и способность иностранныхъ рынковъ брать ся фабричныя товары. На ограниченномъ пространствѣ земли можетъ находить занятіе съ прибылью только ограниченное количество капитала. По мѣрѣ того, какъ количество капитала приближается къ этой границѣ, — прибыль падаетъ; когда граница достигнута, — прибыль уничтожается и можетъ появиться вновь только при расширеніи поля занятія посредствомъ приобритенія плодородныхъ земель, или при открытіи новыхъ иностранныхъ рынковъ, изъ которыхъ можно бы было покупать пищу и материалы за продукты отечественнаго капитала. Эти положенія мнѣ кажутся вполне справедливыми, и даже противъ формулировки ихъ, которая болѣе соответствуетъ популярному и разговорному, чѣмъ научному языку, я не могу ничего возразить. Заблужденіе, въ какомъ, мнѣ кажется, можно обвинить Уэксфильда, состоитъ въ томъ, что онъ предполагаетъ, будто бы его ученіе противорѣчитъ лучшей школѣ прежнихъ

экономистовъ; тогда какъ въ дѣйствительности оно представляетъ собою выводы изъ ихъ воззрѣній; хотя сами эти экономисты, по всей вѣроятности, не всегда бы признали эти выводы.

Самое научное изложеніе этого вопроса, какое только мнѣ приходилось встрѣчать, находится въ статьѣ Вильяма Эллиса *), о вліяніи машинъ, напечатанной въ Westminster Review за январь 1826 г., которая, конечно, была неизвѣстна Уэксфильду. Авторъ ея, хотя и инымъ путемъ, пришелъ раньше къ нѣкоторымъ главнымъ выводамъ Уэксфильда. Эта статья мало обратила на себя вниманія отчасти потому, что была помѣщена въ періодическомъ изданіи безъ подписи автора, а отчасти потому, что она значительно опережала современное ей состояніе политической экономіи. Во взглядѣ Эллиса на предметъ, вопросы и затрудненія, возбужденныя соображеніями Уэксфильда и Юмерса, находятъ себѣ рѣшеніе, согласное съ принципами политической экономіи, изложенными въ настоящемъ трактатѣ.

§ 3. Во всякое время и во всякой странѣ существуетъ извѣстная, самая низкая величина прибыли, которая можетъ побудить людей этой страны в это время накопить сбереженія и употреблять ихъ производительно. Эта минимальная величина прибыли измѣняется сообразно съ обстоятельствами и зависитъ отъ двухъ элементовъ. Первый изъ нихъ — сила дѣйствительнаго стремленія къ накопленію, т. е. сравнительная оцѣнка, придаваемая людьми данной мѣстности и данного времени будущимъ выгодамъ сравнительно съ настоящими. Этотъ элементъ главнымъ образомъ вліяетъ на расположенность къ сбереженію. Другой элементъ, не столько вліяющій на охоту къ сбереженію, сколько на расположенность производительно употреблять сбереженія, есть степень безопасности капитала, вложеннаго въ промышленныя операціи. Общая необезпеченность безъ сомнѣнія вліяетъ также и на расположенность къ сбереженію. Скрытое богатство можетъ быть источникомъ лишней опасности для его владѣльца. Но такъ какъ оно также можетъ служить и могущественнымъ средствомъ для отвращенія опасностей, то, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи удобства и неудобства его можно, по всей вѣроятности, считать взаимно уравновѣшивающимися. Но человѣкъ, употребляющій принадлежащее ему имущество, какъ капиталъ, на свое собственное предпріятіе, или отдающій его взаймы другому для того же употребленія, всегда подвергается нѣкоторому добавочному риску по сравненію съ тѣмъ, когда онъ хранитъ это имущество у себя не занятымъ. Этотъ добавочный рискъ увеличивается пропорціонально общей необезпеченности въ обществѣ: онъ можетъ быть равноцѣненъ 20, 30 или 50 процентамъ, или быть не болѣе одного или двухъ %; однако нѣкоторый рискъ всегда долженъ быть; и по этому ожиданіе прибыли должно быть достаточнымъ для того, чтобы уравновѣсить его.

Достаточныя побужденія къ нѣкоторому сбереженію существо-

*) Теперь гораздо болѣе извѣстнаго благодаря его апостольской борьбѣ перомъ, деньгами и личными усиліями за улучшеніе пароднаго образованія и въ особенности за введеніе въ него началъ политической экономіи.

валл бы даже и тогда, когда капиталъ не приносилъ бы никакой прибыли. Существовало бы побужденіе откладывать въ хорошія времена запасъ для худыхъ, сберегать кое что на случай болѣзни и неспособности къ труду, а также для достиженія свободы и независимости въ преклонные годы, или для помощи дѣтямъ при вступленіи ихъ въ жизнь. Однако сбереженія, при которыхъ имѣются въ виду эти цѣли, мало способствуютъ увеличенію суммы постоянно существующаго капитала. Эти побужденія заставляютъ людей сберегать въ теченіе одной части своей жизни то, что они намѣрены потребовать въ теченіе другой, или то, что они израсходуютъ на своихъ дѣтей, пока онѣ не станутъ въ состояніи содержать себя самъ. Сбереженія, увеличивающія національный капиталъ, обыкновенно проистекаютъ изъ желанія улучшить свое, такъ называемое, положеніе въ жизни, или доставить дѣтямъ или другимъ лицамъ обезпеченіе, независимое отъ ихъ успѣхъ. Сила же этихъ наклонностей существенно измѣняется отъ того, насколько можно привести въ исполненіе желаемую цѣль съ помощью извѣстной степени и продолжительности самопожертвованія, т. е. зависить отъ величины прибыли. Въ каждой странѣ существуетъ извѣстная величина прибыли, при отсутствіи которой у людей вообще не явится достаточнаго побужденія сберегать съ цѣлью или обогатиться или оставить другихъ въ положеніи лучшемъ своего. Такимъ образомъ всякое накопленіе, посредствомъ котораго увеличивается общій капиталъ, требуетъ, какъ необходимаго условія, извѣстной величины прибыли, — величины, которую, съ прибавкой достаточной страховой преміи за рискъ, средній человекъ считалъ бы стоящей воздержанія. Въ обществѣ всегда есть нѣсколько лицъ, у которыхъ дѣйствительное стремленіе къ накопленію выше средняго, и для которыхъ прибыль меньше этой величины служитъ достаточнымъ побужденіемъ къ сбереженію; но они только составляютъ противольскъ тѣмъ, у которыхъ склонность къ расходамъ и прихотямъ выше средняго уровня, и которые, быть можетъ, не только не сберегаютъ, а даже растрачиваютъ все, полученное ими.

И ужъ замѣчать, что этотъ минимальный процентъ прибыли, безъ котораго не можетъ быть дальнѣйшаго накопленія капитала, при однихъ состояніяхъ общества бываетъ ниже, чѣмъ при другихъ; и я могу прибавить, что характеръ общественнаго прогресса, присутствіи нашей современной цивилизаціи, способствуетъ пониженію этого минимума. Во-первыхъ, однимъ изъ несомнѣнныхъ результатовъ этого прогресса является увеличеніе общей безопасности. Все меньше и меньше можно опасаться разоренія вслѣдствіе войны и разграбленія путемъ частнаго или общественнаго наслія; а улучшенія, какихъ можно ожидать въ воспитаніи и въ отправленіи правосудія, или, за отсутствіемъ этихъ улучшеній, возрастающее уваженіе къ общественному мнѣнію, доставляютъ все болѣе и болѣе дѣйствительную защиту противъ обмана и опрометчиваго или дурного управленія. Поэтому для вознагражденія за рискъ, какимъ сопровождается помѣщеніе сбереженій въ производствѣ, требуется величина прибыли, меньшая той, какою была необходима столѣтіе

назадъ, а впоследствии будетъ требоваться величина еще меньшая, чѣмъ теперь. Во-вторыхъ, одно изъ послѣдствій цивилизаціи заключается также въ томъ, что люди перестаютъ быть рабами минуты и болѣе привыкаютъ распространять свои желанія и намѣренія на отдаленное будущее. Это увеличеніе предусмотрительности есть естественный результатъ увеличенія увѣренности, съ какою можно смотрѣть въ будущее; а кромѣ того, ему благоприятствуетъ большинство тѣхъ влчній, какия оказываютъ промышленная жизнь на страсти и склонности человѣческой природы. По мѣрѣ того, какъ уменьшаются превратности жизни, по мѣрѣ того, какъ привычки дѣлаются болѣе установившимися, и все менѣе и менѣе можно рассчитывать на получение большого выигрыша какимъ либо другимъ способомъ, кромѣ настойчиваго труда, — люди становятся все болѣе расположенными жертвовать настоящими удовольствіями ради будущихъ цѣлей. Эта возрастающая способность къ предусмотрительности и самообладанію можетъ, конечно, находить для своего проявленія и другія цѣли, кромѣ увеличенія богатства, и мы скоро коснемся нѣкоторыхъ соображеній, относящихся къ этому вопросу. Хотя нынѣшній характеръ социальнаго прогресса, быть можетъ, и не возбуждаетъ усиленаго стремленія къ накопленію, однако онъ положительно способствуетъ ослабленію препятствій къ нему и уменьшаетъ размѣръ прибыли, абсолютно необходимый для того, чтобы побудить людей сберегать и накапливать. Въ силу этихъ двухъ причинъ, — уменьшенія риска и увеличенія предусмотрительности, — прибыль въ два или три процента служить въ настоящее время въ Англіи настолько же достаточнымъ побужденіемъ для увеличенія капитала, какъ 30, 40 и 100% въ Брманской имперіи или въ Англіи во время короля Іоанна. Въ Голландіи въ теченіе прошлаго столѣтія государственныя бумаги приносили 2%, а капиталъ при этомъ не только не уменьшался, но даже увеличивался. Но, хотя минимумъ прибыли подтвержденъ такимъ замѣчаніемъ и хотя нельзя съ точностью опредѣлить, каковъ онъ долженъ быть во всякое данное время, тѣмъ не менѣе онъ всегда существуетъ; и все равно, будетъ ли онъ высокъ или низокъ, но разъ прибыль спустилась до него — капиталъ уже не можетъ возрастать. Въ такомъ случаѣ страна достигла состоянія, именуемаго въ политической экономіи неподвижнымъ.

§ 4. Мы теперь пришли къ тому основному положенію, которое мы намѣревались разъяснить въ этой главѣ. Когда страна съ давнихъ поръ обладаетъ обширнымъ производствомъ и большимъ количествомъ доходовъ, изъ котораго можетъ дѣлать сбереженія, и когда поэтому съ давнихъ поръ существовала возможность дѣлать большое ежегодное увеличеніе капитала (при чемъ эта страна не имѣетъ, подобно Америкѣ, большого запаса еще не заселенныхъ земель); то обыкновенной особенностью такой страны является то, что размѣръ прибыли обыкновенно чрезвычайно близокъ къ минимуму, и, слѣдовательно, страна находится на самомъ рубежѣ неподвижнаго состоянія. Этимъ я вовсе не хочу сказать, что какое нибудь изъ великихъ европейскихъ государствъ, по всей вѣроятности, скоро дѣйствительно достигнетъ такого состоянія, или что гдѣ нибудь каш-

таль уже не даетъ прибыли значительно больше той, какая необходима для того, чтобы побудить население этихъ странъ къ сбереженію и накопленію. Я только думаю, что потребуется немного времени для паведенія прибыли до минимума, если возрастаніе капитала будетъ продолжаться съ нынѣшней быстротой, и тѣмъ временемъ не появятся никакихъ обстоятельствъ, способствующихъ возвышенію прибыли. Ростъ капитала скоро достигъ бы своей крайней границы, если бы сама эта граница постоянно не раздвигалась и не давала бы большого простора.

Въ Англіи обыкновеннымъ процентомъ, приносимымъ государственными бумагами, въ которыхъ почти не существуетъ риска, можно считать 3% или немногимъ болѣе. Поэтому во всѣхъ другихъ занятіяхъ ожидаемая прибыль, или процентъ, (за вычетомъ части, составляющей собственно вознагражденіе за способности и трудъ) должна быть настолько выше этой величины, чтобы вполнѣ вознаграждалась та степень риска, какой, по общему мнѣнію, подвергается капиталъ. Предположимъ, что въ Англіи даже чистая прибыль въ одинъ процентъ, (сверхъ страховой преміи за рискъ) составляла бы достаточное побужденіе къ сбереженію, но что прибыль меньше этого процента не служила бы достаточнымъ побужденіемъ. Я утверждаю, что простое продолженіе нынѣшняго ежегоднаго возрастанія капитала, безъ появленія какихъ либо, противодѣйствующихъ его влияній, обстоятельствъ, было бы достаточно, чтобы въ теченіе немногихъ лѣтъ понизить чистую прибыль до одного процента.

Для того, чтобы осуществилась условія этой гипотезы, необходимо предположить полное прекращеніе вывоза капитала для заграничнаго помѣщенія. Предположимъ, что капиталъ болѣе не посылается за границу для желѣзнодорожныхъ предпріятій или займовъ, что эмигранты не берутъ его съ собою въ колоніи или другія страны, банкиры и торговцы болѣе не выдаютъ повыхъ ссудъ и не открываютъ кредита своимъ иностраннымъ корреспондентамъ. Нужно также предположить, что не выдаются новыя ссуды для непродоводительныхъ расходовъ ни правительству, ни подъ закладныя или какия либо другія обезпеченія, и что нѣтъ никакой потерп въ капиталѣ, происходящей отъ неудачъ въ предпріятіяхъ, которыми соблазняются люди въ надеждѣ получать доходъ болѣе того, какой можетъ быть полученъ при нынѣшнемъ обыкновенномъ, взкомъ процентѣ прибыли безопаснымъ путемъ. Мы должны предположить, что все сбереженія общества ежегодно цѣлкомъ вкладываются въ дѣятельно производительную промышленность въ этой странѣ; и что для насъ не открывается новыхъ путей ни благодаря промышленнымъ изобрѣтеніямъ, ни благодаря успешной замѣнѣ худшихъ процессовъ уже извѣстными, лучшими.

Почти каждый, не колеблясь, скажетъ, что при такихъ условіяхъ очень трудно было бы найти ежегодно выгодное занятіе для такой массы новаго капитала, и большинство рѣшится, что тутъ произошло бы, такъ называемое, общее переполненіе рынковъ, что произведенные товары остались бы не проданными или продавались только съ убыткомъ. Но сдѣланное нами всестороннее послѣдованіе

этого вопроса *) показало, что затрудненіе обнаружится не такимъ способомъ. Оно будетъ состоять не въ недостаткѣ рынка. Если бы новый капиталъ раздѣлялся надлежащимъ образомъ между множествомъ разнообразныхъ занятій, то онъ повысилъ бы спросъ на свой продуктъ, и не было бы причины, почему какая либо часть этого продукта оставалась бы больше прежняго непроданной. Однако не только трудно, но и дѣйствительно невозможно будетъ употреблять этотъ капиталъ, не подчиняясь быстрому уменьшенію размѣра прибыли.

Съ возрастаніемъ капитала, населеніе или будетъ также возрастать, или останется прежнимъ. Если оно не увеличится, то заработная плата повысится и болѣе капиталъ распределится въ видѣ заработной платы между однимъ и тѣмъ же числомъ рабочихъ. Однако въ странѣ количество рукъ не больше прежняго; и нѣтъ никакихъ улучшеній, дѣлающихъ трудъ болѣе успешнымъ; слѣдовательно, не будетъ увеличенія и въ продуктѣ; а такъ какъ капиталъ, какъ бы онъ сильно ни увеличивался, будетъ давать только прежній валовой доходъ, то сбереженія каждаго года будутъ въ размѣрѣ всей своей суммы представлять вычетъ изъ прибыли будущаго года и всѣхъ послѣдующихъ годовъ. Едва ли надобно говорить, что при этихъ условіяхъ прибыль очень скоро упала бы до такой величины, при которой прекратилось бы дальѣйшее увеличеніе капитала. Возрастаніе капитала, по своей быстротѣ значительно превосходящее возрастаніе населенія, скоро должно достигнуть своего крайняго предѣла, если оно не будетъ сопровождаться увеличеніемъ успешности труда (благодаря изобрѣтеніямъ и открытіямъ или улучшенію въ физическомъ и умственномъ воспитаніи), или если нѣкоторые изъ праздныхъ людей или непродоводительныхъ рабочихъ не станутъ производительными.

Если населеніе возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ капитала и въ одной пропорціи съ нимъ, пониженіе прибыли будетъ все-таки неизбежно. Возрастаніе населенія влечетъ за собой увеличеніе спроса на земледѣльческій продуктъ. При отсутствіи промышленныхъ улучшеній этотъ спросъ можетъ быть удовлетворенъ только по увеличившейся стоимости производства либо обработкой худшихъ земель, либо болѣе тщательной и дорогой обработкой уже распаханыхъ. Такимъ образомъ стоимость содержанія рабочихъ увеличится, и, если рабочій не подчинится ухудшенію своего положенія, прибыль должна пасть. Въ такой старой странѣ, какъ Англія, пониженіе прибыли шло бы очень быстро, если предположить, что не только улучшенія въ отечественномъ земледѣліи совершенно прекратились, но и въ иностранныхъ государствахъ не увеличивается производство пищи для англійскаго рынка. Если бы оба эти пути къ увеличенію снабженія были закрыты, а населеніе продолжало бы увеличиваться съ такой же быстротой, съ какой, говорятъ, оно увеличивается теперь, т. е. по тысячѣ въ день, то вся незанятая земля, доступная

*) въ III гл. 14.

для обработки при нынѣшнемъ состояніи знаній, скоро была бы воздѣлана; и стоимость производства и цѣна пшеницы настолько бы возрасли, что, если бы рабочіе получали увеличившуюся денежную заработную плату, необходимую для покрытия ихъ увеличившихся расходовъ, то прибыль очень скоро достигла бы минимума. Паденіе прибыли немного замедлилось бы, если бы денежная заработная плата не повысилась или повысилась въ меньшей степени; но то поле для приращенія капитала, какое можно выиграть ухудшеніемъ положенія рабочихъ, слишкомъ невелико; вообще плата рабочимъ такова, что *не можетъ* сильно сократиться; при высокой же платѣ существуетъ и болѣе высокій уровень потребностей, и рабочіе *не допустятъ* сильнаго сокращенія ея. Слѣдовательно, въ общемъ мы можемъ установить, что если бы въ такой странѣ, какъ Англія, ежегодно продолжало накапливаться такое же количество сбереженій, какъ и теперь, и при этомъ не существовало бы никакихъ противо-дѣствующихъ обстоятельствъ, которые въ настоящее время сдерживаютъ естественное вліяніе этихъ сбереженій на пониженіе прибыли, то прибыль быстро достигла бы минимума, и всякое дальнѣйшее накопленіе капитала на время прекратилось бы.

§ 5. Но въ чемъ же состоятъ эти противо-дѣйствующія обстоятельства, которыя при существующемъ положеніи дѣятъ почти уничтожаютъ стремленіе прибыли къ пониженію и мѣшаютъ ежегодно накапливающимся въ Англіи большимъ сбереженіямъ значительно приближать прибыль къ тому предѣлу, къ которому она всегда стремится, и котораго, предоставленная самой себѣ, она такъ скоро достигла бы? Эти противо-дѣйствующія силы различны.

Изъ нихъ мы прежде всего укажемъ на силу, которая такъ проста и очевидна, что нѣкоторые экономисты, въ особенности Спендони и Чомерсъ, кромѣ нея не признавали никакихъ другихъ. Это—потеря капитала въ періоды чрезмѣрнаго оживленія торговли и безразсудной спекуляціи и во время слѣдующихъ всегда за такими періодами коммерческихъ кризисовъ. Правда, значительная часть теряемаго въ такіе періоды не уничтожается, а только переходитъ, подобно потерямъ игроковъ, къ болѣе счастливымъ спекулянтамъ. Но даже при этихъ простыхъ переходахъ значительная сумма всегда попадаетъ въ руки иностранцевъ вслѣдствіе необходимости покупки чрезвычайнаго количества иностранныхъ товаровъ по повышеннымъ цѣнамъ. Многие также безусловно теряются. Открываются рудники, строятся желѣзные дороги и мосты, начинаются множество другихъ работъ съ очень сомнительной доходностью, и во всѣ эти предпріянія вкладывается большое количество капиталовъ, которые или вовсе ничего не приносятъ, или даютъ доходъ, не соответствующій издержкамъ. Сооружаются фабрики и строятся машины въ количествѣ болѣе того, какое требуется для рынка и какое можетъ имѣть постоянно занятіе. Даже если онъ постоянно будетъ занятъ, капиталъ будетъ всетаки затраченъ; онъ изъ оборотнаго будетъ обращенъ въ основную и перестанетъ оказывать вліяніе на заработную плату и прибыль. Кромѣ того, большое непроизводительное потребленіе капитала обнаруживается во время

застоя, слѣдующаго за періодомъ чрезмѣрнаго оживленія торговли. Промышленныя предпріянія закрываются или работаютъ безъ всякой выгоды, рабочіе отпускаются и множество людей всѣхъ классовъ лишаются своихъ доходовъ, бывають принуждены существовать на свои сбереженія и потому по окончаніи кризиса оказываются болѣе или менѣе обидѣнными. Таковы послѣдствія коммерческихъ кризисовъ; и причина, почему послѣдніе почти періодически повторяются, именно, и заключается въ разсматриваемомъ нами стремленіи прибыли къ пониженію. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прошедшихъ безъ кризиса, накапливается такое количество новаго капитала, что становится невозможнымъ найти помѣщеніе ему съ обычной прибылью; государственныя бумаги повышаются въ цѣнѣ, процентъ по наиболѣе обезпеченнымъ коммерческимъ бумагамъ падаетъ очень низко, и между коммерческими людьми обыкновенно слышатся жалобы, что они не получаютъ доходовъ. Не показываетъ ли это, какъ быстро прибыль упала бы до минимума, а капиталъ достигъ бы неподвижнаго состоянія, если бы эти накопленія не встрѣчали никакого противо-дѣйствующаго фактора. Но уменьшеніе размѣра всѣхъ обезпеченныхъ доходовъ располагаетъ людей охотно довѣрять всякимъ проектамъ, которые, хотя и съ рискомъ потерь, подають надежду на болѣе высокій процентъ прибыли. Такимъ образомъ пропекаютъ спекуляціи, которая, благодаря слѣдующимъ за ней переворотамъ, уничтожаетъ или передаетъ иностранцамъ значительную часть капитала, производитъ временное возвышеніе процента и прибыль и даетъ просторъ для новыхъ накопленій: послѣ чего снова начинается тотъ же круговоротъ.

Безъ сомнѣнія, это одна изъ важныхъ причинъ, не допускающихъ прибыль падать до минимума; она уничтожаетъ отъ времени до времени часть накопленной массы капитала, благодаря которой прибыль повышается. Но это не главная причина, какъ можно было бы вывести изъ словъ нѣкоторыхъ писателей. Если бы она имѣла преобладающее значеніе, капиталъ страны не увеличивался бы; во въ Англіи онъ увеличивается сильно и быстро, на что указываютъ: увеличеніе доходности почти всѣхъ налоговъ, постоянный ростъ всѣхъ признаковъ національнаго богатства и быстрое увеличеніе населенія, въ то время какъ положеніе рабочихъ не только не ухудшается, но, несомнѣнно, становится лучше. Всѣ эти обстоятельства доказываютъ, что какъ бы ни былъ губителенъ коммерческій кризисъ, онъ далеко не уничтожаетъ всего капитала, присоединеннаго къ накопленіямъ страны со времени послѣдняго, предшествующаго кризиса, и что постоянно находится, или открывается новый просторъ для выгоднаго употребленія непрерывно возрастающаго капитала безъ пониженія прибыли.

§ 6. Это приводитъ насъ къ другой противо-дѣйствующей силѣ, а именно, къ улучшеніямъ въ производствѣ. Они, очевидно, способствуютъ расширенію того, что Уэзфильдъ называетъ полемъ занятій, т. е. даютъ возможность накоплять и приращивать большую сумму капитала безъ пониженія прибыли, если только они не выпадаютъ въ соответственномъ размѣрѣ привычекъ и потребностей

рабочаго. Если рабочий класс получает полную выгоду от удешевления, простым словом, если денежная заработная плата не повышается, то прибыль не повышается. Но если рабочие пользуются облегчением своей участи для того, чтобы размножаться, и таким образом снова впадают в свое прежнее положение, то прибыль будет повышаться. Все изобретения, удешевляющая какой либо из предметов, потребляемых рабочими, со временем понижают заработную плату, если только потребности рабочих не возвышаются в соответственной степени. Оказывая такое влияние, изобретения дают возможность накапливать и употреблять все новый капитал, прежде чем прибыль опять упадет до своей прежней величины.

Улучшения, касающиеся лишь вещей, непотребляемых исключительно богатыми классами, действуют не совсем таким образом. Удешевление кружева или бархата несколько не уменьшает стоимости труда; и нельзя указать способа, каким оно могло бы возвысить прибыль настолько, чтобы открыть простор для большей массы капитала, без понижения прибыли до минимума. Однако оно оказывает влияние, в сущности равносильное этому; оно понижает или стремится понизить самый минимум. Во-первых, удешевление предметов потребления возбуждает охоту к сбережению, давая всем потребителям запаски, который они могут откладывать, не изменяя своего обычного образа жизни; и если раньше они не терпели действительных лишений, то им потребуется лишь немного самообладания, чтобы сберечь, по крайней мере, часть этого запаса. Во-вторых, все то, что позволяет людям жить одинаково хорошо с меньшими доходами, располагает их составлять капитал в надежде на меньшую прибыль. Если теперь на ежегодный доход в 500 ф. можно жить так же хорошо, как прежде на доход в 1000 ф., то у некоторых из тех людей, которых прежде оттолкнула бы отдаленность надежды на больший доход, явится желание сберечь для достижения меньшаго. Следовательно, все улучшения в производстве почти всякаго товара способствуют до известной степени расширению промежутка времени, который остается до неподвижнаго состоянія; но это действие в гораздо большей степени производится улучшениями, которые касаются предметов, потребляемых рабочими, потому что такіа улучшения ведут к этой цели двумя путями: они побуждают людей накапливать для более низкой прибыли, а также возвышают самое прибыль.

§ 7. Влияние равносильное улучшениям в производстве, оказывает открывшаяся возможность получать дешевые товары из-за границы. Удешевятся ли товары вследствие улучшений внутри страны или вследствие ввоза из-за границы, это — совершенно безразлично по отношению к заработной плате и прибыли. Если рабочий не получает и, благодаря улучшению в его обычном образе жизни, не удерживает за собой всю выгоду, то стоимость труда понижается, а прибыль увеличивается. Пока ввоз пшеницы для увеличения населения может продолжаться без повышения ее цены, до тех пор приостанавливается понижение прибыли, зависящее от роста населения и капитала, и накопление может совер-

шаться, не приближая прибыль к минимуму. На этом основании некоторые думают, что отмена хлебных законов открыла для Англии долгий период быстрого возрастания капитала без уменьшения прибыли.

Прежде чем рассмотреть, насколько основательна эта надежда, я должен сделать одно замечание, которое сильно противоречит общераспространенным убеждениям. Иностранная торговля не увеличивает непременно поле занятия для капитала. Для повышения прибыли недостаточно простого открытия рынка для продуктов страны. Если в обмен за эти продукты не будет получаться ничего, кроме предметов роскоши богатых людей, то расходы капиталистов не уменьшатся, прибыль вовсе не повысится и не откроется простора для новаго накопления капитала без уменьшения прибыли, и если и будет замедлено наступление неподвижнаго состоянія, то только потому, что пониженная стоимость получения некоторых предметов роскоши может побудить людей делать новые сбережения ради прибыли меньшей, чем прежде. Заграничная торговля открывает простор для применения новаго капитала с прежней прибылью лишь тогда, когда она дает возможность получать по меньшей стоимости предметы необходимости или другие, обыкновенно потребляемые рабочими, предметы. Она может делать это двумя способами: или ввозом самих этих товаров, или ввозом средств и принадлежностей для их производства. Дешевое железо до известной степени имеет такое же влияние на прибыль и стоимость труда, как и дешевый хлеб, потому что, благодаря дешевому железу, удешевляются земледельческие орудия и машины, приготовляющая одежда. Но заграничная торговля, которая не прямо, но косвенно не удешевляет ни одного из товаров, потребляемых рабочими, так же, как и действующее таким же образом изобретение, не увеличивает прибыль и не замедляет ее падения. Такая торговля просто замняет домашнее производство предметов роскоши производством товаров для иностранных рынков, при чем занятие для капитала остается ни больше, ни меньше прежнего. Правда, едва ли возможно, чтобы вывозная торговля в стране, уже ввозящей предметы необходимости и материалы, находилась в таких условиях; потому что всякое расширение вывоза дает возможность странам получать дешевле прежнего все ввозимые ею товары.

Страна, допускающая, подобно современной Англии, свободный ввоз со всех концов земного шара всех видов пшеницы, всех предметов необходимости и материалов для производства этих предметов, в отношении сохранения величины прибыли уже зависит от плодородия не ее собственной почвы, а почвы всего земного шара. Нам остается рассмотреть, насколько можно рассчитывать, что этим источником будет в течение долгого периода приостановлено стремление прибыли падать по мере возрастания капитала.

Конечно, следует предположить, что с увеличением капитала возрастает также и население; потому что если бы оно не возрастало, то происшедшее от этого возвышение заработной платы

понизило бы прибыль, несмотря ни на какое удешевление пшеницы. Итак, предполагая, что население Великобритании возрастает с необыкновенной быстротой и требует в каждый следующий год значительно большего ввоза пшеницы, чем в предыдущий. Это ежегодное увеличение в пшенице, требуемой от вывозящих стран, может быть получено только или при помощи значительных улучшений в земледелии этих стран, или благодаря применению большого добавочного капитала к производству пшеницы. Первый способ, по всей вероятности, будет очень медленным вследствие того, что земледельческие классы в европейских странах, вывозящих пшеницу, грубы и невежественны, а в английских колониях и Соединенных Штатах уже введены почти все известные до сих пор улучшения, подходящие к условиям их земледелия. Остается только один источник — расширение земледелия. Однако относительно его следует заметить, что капитал, при помощи которого может быть произведено такое расширение, в большинстве случаев еще нужно создать. В Польше, России, Венгрии и Сербии капитал увеличивается чрезвычайно медленно. В Америке он увеличивается быстро, но не быстрее населения. В настоящее время главный фонд, могущий служить для обозначения Англии ежегодно увеличивающегося ввоза пшеницы, составляет та часть годовых сбережений в Соединенных Штатах, которая до сих пор употреблялась там на увеличение фабричных предприятий, и которую свободная торговля хлебом может, по всей вероятности, отвлечь от такого употребления к производству пшеницы для нашего рынка. Нельзя ожидать, чтобы этот ограниченный источник снабжения увеличивался наравне с увеличивающимся спросом со стороны населения, которое возрастает так быстро, как в Великобритании; и если ее население и капитал будут дальше увеличиваться с теперешней быстротой, то единственный способ для доставления населению дешевого продовольствия состоять в отсылке капитала за границу для производства пшеницы.

§ 8. Это приводит нас к последней противодействующей силе, которая сдерживает стремление прибыли к понижению в странах, где капитал увеличивается быстрее, чем в соседних странах, и где потому прибыль сильнее приближается к минимуму. Эта сила есть постоянный отлив капиталов в колонии или иностранные государства в поноках за прибылью большей той, какою может быть получена внутри страны. Я уверен, что в этом и заключалась одна из главных причин, которыми в течение уже многих лет приостанавливалось понижение прибыли в Англии. Эта причина имеет двойное влияние. Во-первых, она производит то, что сделал бы пожар, наводнение или коммерческий кризис: уносит часть того прироста капитала, от которого происходит уменьшение прибыли. Во-вторых, вывезенный таким образом капитал не пропадает, а употребляется преимущественно или на основании колоний, становящихся источником обширного вывоза дешевого земледельческого продукта, или на расширение, а быть может, и на улучшение земледелия в старых странах.

Именно от эмиграции английского капитала можно главным образом ожидать того, что снабжение дешевой пшеницей и дешевыми материалами для одежды будет поддерживаться в размере, пропорциональном росту нашего населения; и это дает возможность все новому капиталу находить занятие на месте, без понижения прибыли, в производстве фабричных товаров для уплаты за ввоз этих сырых продуктов. Следовательно, вывоз капитала является очень могущественной силой для расширения поля занятия оставшемуся капиталу; и можно вполне справедливо сказать, что чем больше, до известного предела, мы будем высылать капитала, тем больше мы будем его иметь, и тем большую сумму его мы будем в состоянии удерживать в отечестве.

В странах, где рост промышленности и населения идет быстрее, нежели в других, и где поэтому процент прибыли выше, всегда задолго до достижения действительного минимума появляется практический минимум; он наступает в том случае, когда прибыль падает настолько ниже, чем в других странах, что если бы она еще упала, то все дальнейшие сбережения ушли бы за границу. При современном состоянии промышленности всего света, когда в богатой и развивающейся стране бывает необходимо для практических целей принимать в расчет минимум прибыли, следует обращать внимание только на этот практический минимум. Пока существуют старые страны, где капитал растет очень быстро, и новые, где прибыль еще очень высока, прибыль в старых странах не упадет до величины, при которой прекратилось бы накопление; падение останавливается на той величине, при которой капитал уходит за границу. Однако только улучшения в производстве, и даже исключительно в производстве вещей, потребляемых рабочими, не допускает, чтобы капитал такой страны, как Англия, быстро дошел до той низкой прибыли, которая заставляла бы посылать все дальнейшие сбережения для отыскания занятия в колонии или чужой страны.

ГЛАВА V.

Следствия стремления прибыли к минимуму.

§ 1. Положенная в предыдущей главе теория влияния накопления на прибыль существенно изменяет многие из практических выводов, которые без нее можно было бы считать вытекающими из общих принципов политической экономии, и которые выдающимся экономистам, действительно, долго признавались за истинные.

Она должна сильно уменьшать, или ввергать, даже совершенно уничтожать то чрезвычайное значение, какое обыкновенно придавали экономисты влиянию событий и правительственных мер на увеличение или уменьшение капитала в странах с низкой прибылью.

Малый размѣръ прибыли, какъ мы уже видѣли, служить доказательствомъ того, что стремленіе къ накопленію такъ сильно, а увеличеніе капитала совершается съ такой быстротой, что имъ преобладаютъ двѣ противодействующія имъ силы—улучшеніе въ производствѣ и увеличеніе снабженія дешевыми предметами необходимости изъ-за границы; и если значительная часть ежегоднаго прироста капитала периодически не уничтожается или не выводится для заграничнаго помѣщенія, то страна должна скоро дойти до того предѣла, при которомъ дальнѣйшее накопленіе прекратится или, по крайней мѣрѣ, само собой ослабитъ настолько, что болѣе не будетъ опережать хода изобрѣтеній въ отрасляхъ промышленности, производящихъ предметы необходимости. При такомъ положеніи дѣлъ внезапное увеличеніе капитала страны, не сопровождающееся никакимъ увеличеніемъ ея производительной силы, было бы только кратковременнымъ; потому что, понижая прибыль и процентъ, оно или уменьшало бы на соответственную сумму сбереженія, какія могли бы быть сдѣланы въ слѣдующіе годъ или два, или заставило бы жителей равную эту сумму выслать за границу или растратить въ безразсудныхъ спекуляціяхъ. Съ другой стороны, никакое внезапное уменьшеніе капитала не вызоветъ дѣйствительнаго обдѣленія страны, если только оно не будетъ чрезвычайно велико. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ странѣ будетъ существовать совершенно такой же капиталъ, какъ если бы изъ нея ничего не было взято. Уменьшеніе капитала, повышая прибыль и процентъ, дало бы новое побужденіе силѣ накопленія, которая быстро наполнила бы обнаружившуюся пустоту. Единственнымъ результатомъ, вѣроятно, было бы то, что нѣкоторое время меньшее количество капитала вывозилось бы за границу или растратывалось въ отчаянныхъ спекуляціяхъ.

Прежде всего этотъ взглядъ на дѣло сильно ослабляетъ въ отношеніи богатой и промышленной страны силу экономическаго аргумента противъ расходованія общественныхъ денегъ на дѣйствительно—полезныя цѣли. Если бы даже онъ былъ непродизводительнымъ въ промышленномъ смыслѣ. Если предполагается путемъ займа собрать крупную сумму для какаго нибудь великаго дѣла справедливости или челоуѣколюбія, какъ напримѣръ, для промышленнаго возрожденія Ирландіи, или для обширныхъ мѣръ колонизаціи, или для народнаго образованія, то политикамъ незачѣмъ отступать передъ такимъ большимъ вычетомъ изъ капитала на томъ основаніи, что будто бы этимъ истощаются постоянные источники богатства страны и уменьшается фондъ, доставляющій средства къ существованію рабочему населенію. Самый чрезвычайный расходъ, какой могъ бы потребоваться для одной изъ этихъ цѣлей, по всей вѣроятности, не отнять бы занятія ни у одного рабочаго и не уменьшить бы производства будущаго года ни на одну локоть сукна и ни на одну бѣшель пшеницы. Въ бѣдныхъ странахъ капиталъ страны требуетъ усерднаго законодательнаго попеченія о себѣ, законодатель обязанъ по возможности не налагать руку на него и всѣми мѣрами поощрять его накопленіе внутри страны и ввозъ его изъ-за гра-

ницы. Но въ богатыхъ, населенныхъ и высоко-культурныхъ странахъ не капиталъ, а плодородная земля составляетъ недостающій элементъ, и законодатель долженъ желать и поощрять не увеличеніе общей массы накопленнаго имущества, а увеличеніе дохода отъ сбереженій посредствомъ ли улучшенія земледѣлія или посредствомъ возможности получать продукты болѣе плодородныхъ земель другихъ частей свѣта. Въ такихъ странахъ правительство можетъ брать умѣренную часть капитала страны и расходовать ее, какъ доходъ, безъ ущерба для національнаго богатства: вся эта сумма будетъ взята или изъ той части ежегодныхъ сбереженій, которая въ противномъ случаѣ ушла бы за границу, или изъ непродизводительныхъ расходовъ частныхъ лицъ за слѣдующіе одинъ или два года, потому что, пока страна еще не дошла до того предѣла, при которомъ всѣ сбереженія уходятъ за границу, каждый израсходованный милліонъ открываетъ просторъ для сбереженія новаго милліона. Когда имѣющаяся въ виду цѣль заслуживаетъ пожертвованія такой суммы изъ средствъ, идущихъ на удовлетвореніе разныхъ прхотѣй населенія, то единственнымъ основательнымъ экономическимъ возраженіемъ противъ того, чтобы брать необходимыя для этого суммы непосредственно изъ капитала, будетъ—неудобство собирать посредствомъ налоговъ сумму, нужную для уплаты процентовъ за взятый капиталъ.

Тѣ же соображенія даютъ намъ возможность признать не стоящимъ вниманія и устранить одинъ изъ обыкновенныхъ аргументовъ противъ эмиграціи, какъ средства облегченія участи рабочаго класса. Эмиграція, говорятъ, не можетъ принести пользы рабочимъ, если для покрытія издержекъ, сопряженныхъ съ ней, приходится брать такую же часть изъ капитала страны, на какую уменьшилось ея населеніе. Однако, я полагаю, мало кто станетъ утверждать теперь, чтобы даже при самой обширной колонизаціи капиталъ уменьшался приблизительно въ такой пропорціи; но даже и при такомъ неосновательномъ допущеніи, все же ошибочно будетъ предпологать, что эмиграція не принесетъ никакой выгоды рабочему классу. Если бы одна десятая часть рабочаго населенія Англіи переселилась въ колоніи и вмѣстѣ съ нимъ ушла такая же часть оборотнаго капитала страны, то или заработная плата, или прибыль, или обѣ вмѣстѣ сильно повысились бы благодаря тому, что капиталъ и населеніе стали бы предъявлять меньше запросы къ плодородію земли. Въ такомъ случаѣ уменьшился бы спросъ на пищу; вслѣдствіе этого худшія пахатныя земли перестали бы обрабатываться и были бы обращены въ пастбище: лучшія обрабатывались бы менѣе тщательно, но съ относительно большимъ доходомъ; цѣна пищи понизилась бы и, несмотря на то, что денежная заработная плата не повысилась, положеніе рабочаго значительно бы улучшилось; и это улучшеніе было бы постояннымъ. Если бы имъ не было вызвано увеличеніе населенія и паденіе заработной платы: если же населеніе стало бы размножаться, то прибыль повысилась бы и накопленіе усилилось бы настолько, что убыль въ капиталѣ была бы пополнена. Одинъ землевладелецъ потерялъ бы нѣкоторую убыль

въ доходахъ, да и то лишь въ томъ случаѣ, если бы колонизація зашла такъ далеко, что дѣйствительно уменьшила бы и капиталъ, и населеніе, а не уносила бы лишь ежегодный приростъ въ нихъ.

§ 2. На основаніи той же теоріи мы теперь можемъ прийти къ окончательному заключенію относительно того вліянія, какое въ концѣ концовъ имѣютъ на непосредственныя интересы рабочаго класса машинъ и вообще долговременная затрата капитала съ производительной цѣлью. Характерное свойство этого рода промышленныхъ улучшеній заключается въ превращеніи оборотнаго капитала въ постоянный; и мы доказали въ первой книгѣ *), что въ странѣ, гдѣ капиталъ накапливается медленно, введеніе машинъ, прочныхъ улучшеній въ земледѣліи и т. п., можетъ быть первое время чрезвычайно вреднымъ; потому что капиталъ, употребленный такимъ образомъ, можетъ быть непосредственно взятъ изъ фонда заработной платы; средства къ существованію для народа и занятіе для труда могутъ быть этимъ сокращены, а ежегодный валовой продуктъ страны можетъ потерпѣть дѣйствительное уменьшеніе. Но въ странѣ, гдѣ ежедневно дѣлаются болѣе сбереженія и гдѣ уровень прибыли низокъ, нечего опасаться такихъ послѣдствій. Въ такой странѣ даже эмиграція капитала или непродуманная трата и окончательная потеря его,—если онѣ совершаются въ умѣренныхъ границахъ—вовсе не уменьшаютъ общей массы заработной платы; поэтому тѣмъ менѣе можетъ привести къ такому результату простое обращеніе такой же суммы въ основной капиталъ, который всетаки остается производительнымъ. Тутъ просто выпускается черезъ одно отверстіе то, что уже выплывало черезъ другое; а если и выльется больше, то образовавшееся въ резервуарѣ свободное мѣсто заполнится новымъ притокомъ. Поэтому, несмотря на расстройство въ денежномъ рынкѣ, произведенное затратами большихъ суммъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, и никогда не могъ согласиться съ людьми, опасавшимися съ этой стороны вреда для производительныхъ средствъ страны. И держался такого взгляда, конечно, не на основаніи того неопытнаго мнѣнія, (въ опроверженіи котораго не нуждается всякій, знакомый съ началами экономической науки), будто бы расходъ на желѣзныя дороги есть простая передача капитала изъ рукъ въ руки, при которой ничто не теряется и не уничтожается. Это справедливо относительно того, что расходуется на покупку земли: часть также изъ того, что уплачивается парламентарскимъ агентамъ, членамъ совѣта, инженерамъ, надсмотрщикамъ, сберегается этими лицами и снова становится капиталомъ; но то, что потрачено на постройку самой желѣзной дороги, потеряно безвозвратно: разъ потраченна, эта часть капитала уже никогда не можетъ служить для уплаты вознагражденія рабочимъ или подп на содержаніе ихъ, въ результатѣ получается то, что потреблено столько-то пищи, одежды и орудій, взамѣтъ чего страна получила желѣзную дорогу. Но и я доказываю то, что истраченный такимъ образомъ суммы въ болѣе широкѣмъ случаѣ просто оказываются взяты изъ ежегоднаго избытка

*) Стр. 91.

въ сбереженіяхъ, который иначе ушелъ бы за границу или былъ бы бесполезно растраченъ, не оставивъ послѣ себя ни желѣзной дороги, ни какого либо другого осязаемаго результата. Желѣзнодорожная спекуляція 1844—45 годовъ, вѣроятно, спасла страну отъ пониженія прибыли и процента и отъ повышенія всѣхъ государственныхъ и частныхъ процентныхъ бумагъ, которое возбудило бы еще болѣе безумную спекуляцію; а когда затѣмъ послѣдствія этого возвышенія осложнились бы дороговизной хлѣба, то она закончилась бы еще болѣе ужаснымъ кризисомъ, чѣмъ испытанный въ годы, непосредственно слѣдующіе за этимъ. Въ болѣе бѣдныхъ странахъ Европы горячка желѣзно-дорожныхъ сооруженій могла бы имѣть худшія послѣдствія, нежели въ Англіи, если бы въ этихъ странахъ подобныя предпріятія не велось преимущественно на иностранный капиталъ. Можно считать, что въ желѣзно-дорожныхъ операціяхъ разныхъ націй земного шара сказывается своего рода соперничество изъ за избытка капитала тѣхъ странъ, гдѣ прибыль низка, а капиталъ находится въ избыткѣ, какъ напримѣръ, въ Англіи и Голландіи. Англійскія желѣзнодорожныя спекуляціи представляютъ собою успѣе удержатъ нашъ ежегодный приростъ капитала въ отечествѣ; тогда какъ спекуляціи другихъ странъ представляютъ собою успѣе получить его *).

Изъ этихъ соображеній уже видно, что обращеніе оборотнаго капитала въ постоянный, посредствомъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ, кораблей, машинъ, каналовъ, рудниковъ, или посредствомъ работъ и приращеній едва ли можетъ уменьшить въ богатой странѣ валовой продуктъ или количество занятія для труда. Еще сильнѣе мы убѣдимся въ этомъ, когда примемъ въ соображеніе, что такія превращенія капитала имѣютъ характеръ улучшеній въ производствѣ, которыя въ концѣ концовъ не только не уменьшаютъ оборотнаго капитала, но даже служатъ необходимымъ условіемъ для его увеличенія; потому что лишь они одни даютъ возможность странѣ располагать постоянно увеличивающимся капиталомъ безъ пониженія прибыли до той величины, при которой прекратилось бы накопленіе. Едва ли бываетъ такое увеличеніе основнаго капитала, которое не давало бы возможности странѣ удерживать оборотнаго капитала больше, чѣмъ она могла бы удержать и приимѣнить въ своихъ предѣлахъ, если бы этого увеличенія не было; потому что едва ли возникаетъ такой основной капиталъ, который, дѣйствуя въ производствѣ съ успѣхомъ, не удешевляетъ бы товаровъ, покупаемыхъ обыкновенно на заработную плату. Весь капиталъ, затраченный на прочное улучшеніе земли, уменьшаетъ стоимость пищи и матеріаловъ; почти всѣ усовершенствованія въ машинахъ удешевляютъ одежду и жилище рабочаго или орудія, при помощи ко-

*) Едва ли надобно указывать, съ какой замѣчательной точностью оправдались послѣдующими событіями замѣчанія, находящіяся въ текстѣ. Капиталъ страны, нисколько не уменьшившись отъ затраты огромныхъ суммъ на желѣзнодорожныя сооруженія, скоро снова оказался въ из-лишкѣ

торыхъ они сдѣланы; улучшенія въ транспортѣ, какъ напр., устройство желѣзныхъ дорогъ, удешевляетъ для потребителя всѣ вещи, привозимыя изъ другихъ мѣстъ. Отъ всѣхъ этихъ улучшеній положеніе рабочаго при одной и той же заработной платѣ становится лучше, правда, лишь до тѣхъ поръ, пока они не увеличатъ быстроты размноженія. Если же размноженіе усиливается, вслѣдствіе чего падаетъ заработная плата, то, по крайней мѣрѣ, прибыль возвышается, и въ то время, какъ является непосредственное побужденіе къ накопленію, открывается просторъ для большого количества капитала, прежде чѣмъ стѣсняется выгоднымъ посылать его за границу. Даже улучшенія, не удешевляющія вещей, потребляемыхъ рабочими и, слѣдовательно, не повышающія прибыли и не удерживающія капитала въ странѣ, тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, понижаютъ мнѣшумъ прибыль, при которомъ люди согласились бы собирать, и, увеличивая по сравнению съ прежнимъ просторъ для накопленія, отдаляютъ неподвижное состояніе.

Итакъ, мы можемъ вывести заключеніе, что улучшенія въ производствѣ и эмиграція капитала на болѣе плодородныя земли и въ не разработанныя рудники необитаемыхъ или мало населенныхъ частей земного шара не уменьшаютъ, какъ кажется на поверхностный взглядъ, валового продукта и спроса на трудъ внутри страны, а, наоборотъ, служатъ главнымъ источникомъ, отъ котораго зависятъ увеличеніе и того и другого, и являются даже необходимымъ условіемъ сколько нибудь большого и продолжительнаго увеличенія въ нихъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что чѣмъ больше, въ извѣстныхъ и даже не слишкомъ узкихъ границахъ, страна, подобная Англій, будетъ расходовать капитала этимъ двумя способами, тѣмъ болѣе капиталъ будетъ оставаться въ ней.

ГЛАВА VI.

О неподвижномъ состояніи.

§ 1. Въ предыдущихъ параграфахъ заключаются общія теоріи экономическаго прогресса общества въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова обыкновенно понимаются, т. е. — прогресса капитала, населенія и производительныхъ искусствъ. Но, разсматривая какое либо прогрессивное движеніе, не безпредѣльное по своему характеру, нашъ умъ не довольствуется простымъ опредѣленіемъ законовъ движенія: онъ не можетъ не задать дальнѣйшаго вопроса: гдѣ же предѣлъ? Къ какому окончательному результату будетъ приведено общество промышленнымъ прогрессомъ? Какого положенія мы можемъ ожидать для человѣчества, когда прогрессъ прекратится?

Экономисты необходимо были всегда болѣе или менѣе ясно видѣть, что увеличеніе богатства не безгранично, что въ концѣ, такъ называемаго имъ, прогрессивнаго состоянія лежитъ состояніе неподвижное, что всякій прогрессъ въ богатствѣ является лишь

отсрочкой послѣдняго, и что каждый шагъ впередъ есть приближеніе къ нему. Мы теперь уже знаемъ, что этотъ окончательный предѣлъ постоянно достаточно близокъ для того, чтобы его можно было вполне различать, что мы всегда находимся на границѣ его и что, если мы давнымъ давно не достигли его, то только потому, что онъ самъ убѣгаетъ отъ насъ. Наболѣе богатія и цвѣтущія страны очень скоро достигли бы неподвижнаго состоянія, если бы не дѣлалось новыхъ улучшеній въ производительныхъ искусствахъ, или если бы прекратился отливъ изъ этихъ странъ излишка капитала въ дѣвственные или дурно обрабатываемыя части земного шара. Эта невозможность окончательно избѣжать неподвижнаго состоянія, — эта непреодолимая необходимость, чтобы потокъ человѣческой промышленности въ концѣ концовъ обратился въ повидному неподвижное море — должна была представлять непріятную и приводящую въ уныніе перспективу для экономистовъ послѣднихъ двухъ поколѣній; ибо тонъ и направленіе ихъ мысли стремились отождествлять съ прогрессивнымъ состояніемъ и лишь съ нимъ однимъ все то, что желательно съ экономической точки зрѣнія. Напримѣръ, Макъ, — Куллокъ благосостояніе понимаетъ не въ смыслѣ обширнаго производства и хорошаго распредѣленія богатства, а въ смыслѣ быстрого увеличенія его; признакомъ благосостоянія у него служитъ высокая прибыль; а такъ какъ это самое богатство, которое онъ называетъ благосостояніемъ, ведетъ къ пониженію прибыли, то, по его мнѣнію, экономическій прогрессъ долженъ вести къ уничтоженію благосостоянія. Адамъ Смитъ всегда предполагаетъ, что положеніе массы населенія, хотя и можетъ быть не положительно бѣдственнымъ при неподвижномъ состояніи богатства, все же должно быть стѣсненнымъ и плохимъ, и можетъ быть удовлетворительнымъ только при прогрессивномъ состояніи. Мысль, что прогрессъ общества долженъ «исчезнуть въ тѣснотѣ и нищетѣ», на какой бы долгій промежутокъ времени ни отсрочивала нашу судьбу непрерывная борьба, вовсе нельзя признать, какъ многие до сихъ поръ считаютъ, несчастнымъ изобрѣтеніемъ Мальтуса; она явно или тайно признавалась почти всѣмъ его выдающимися предшественниками и можетъ быть успѣшно опровергнута только на основаніи его принциповъ. Пока не было обращено вниманія на законъ населенія, какъ на главную силу, опредѣляющую вознагражденіе за трудъ, до тѣхъ поръ увеличеніе челоѣчества въ дѣйствительности принималось за величину постоянную; во всякомъ случаѣ предполагалось, что при естественномъ и нормальномъ положеніи челоѣческихъ дѣлъ населеніе должно постоянно возрастать, изъ чего слѣдовало, что для физическаго благосостоянія массы челоѣчества было необходимо постоянное увеличеніе средствъ къ существованію. Опубликованіе «Опыта» Мальтуса составило эру, отъ которой слѣдуетъ считать начало болѣе правильнаго взгляда на предметъ; и несмотря на признанныя ошибки въ его первомъ изданіи, немногіе писатели сдѣлали больше, чѣмъ самъ Мальтусъ въ послѣдующихъ изданіяхъ своего труда, для развитія этихъ болѣе вѣрныхъ и подающихъ большія надежды мыслей о будущахъ судьбахъ челоѣчества.

Даже при прогрессивномъ состояніи въ старыхъ странахъ необходима задержка въ размноженіи людей, основанная на требованіяхъ нравственности или благоразумія для того, чтобы ростъ капитала не опережался ростомъ населенія и чтобы не ухудшалось положеніе самыхъ низшихъ классовъ общества. Гдѣ въ народѣ или въ весьма значительной части его вѣтъ рѣшительнаго сопротивленія такому ухудшенію,—нѣтъ рѣшимости сохранять установившійся уровень благосостоянія,—тамъ положеніе бѣднѣйшихъ классовъ даже при прогрессивномъ состояніи понижается до самой низкой степени, какую они согласятся терпѣть. Эта же самая рѣшимость однако успѣшно поддерживала бы ихъ положеніе и при неподвижномъ состояніи и могла бы существовать также и при немъ. И въ самомъ дѣлѣ, даже и теперь наивысшее благоразуміе въ отношеніи регулированія роста населенія нерѣдко проявляется въ такихъ странахъ, гдѣ капиталъ увеличивается наименѣе быстро. Гдѣ есть неограниченная надежда на занятіе для увеличивающагося населенія, тамъ легко можетъ казаться, что необходимость въ благоразумной задержкѣ размноженія не столь велика. Если бы было очевидно, что новыя руки могутъ найти себѣ занятіе не иначе, какъ лишивъ занятія другія руки или унасиждавъ его отъ нихъ, то можно было бы надѣяться, что соединенное вліяніе благоразумія и общественнаго мнѣнія до нѣкоторой степени сократило бы будущее покатѣніе до размѣра, необходимаго для замѣненія настоящаго.

§ 2. Поэтому я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе капитала и богатства съ такимъ безусловнымъ отвращеніемъ, какое обыкновенно выказывали къ нему экономисты старой школы. Я склоненъ думать, что въ общемъ это положеніе было бы значительно лучше настоящаго. Сознаюсъ, меня вовсе не прельщаетъ идеалъ жизни, который питаютъ люди, считающіе, что естественное состояніе человѣка есть борьба за существованіе; что положеніе, при которомъ каждый топчетъ, тѣснитъ, расталкиваетъ и преслѣдуетъ другихъ по пятамъ—представляющее современный типъ социальной жизни,—есть самая желательная участь человечества, а не печальный симптомъ одного изъ фазисовъ экономическаго развитія. Оно можетъ быть неизбежной стайей въ прогрессѣ цивилизаціи, и тѣмъ европейскимъ націямъ, которыя были настолько счастливы, что избѣжали его до сихъ поръ, все же можетъ придется испытать его. Оно есть временная форма роста, а не признакъ упадка, потому что оно не уничтожаетъ неизбежно высокихъ стремленій и геройскихъ добродѣтелей, какъ это доказала всему міру Америка во время своей великой гражданской войны дѣйствіемъ всего народа, какъ одного цѣлаго, и многочисленнымъ выдающимся прикладами дѣятельности частныхъ лицъ и какъ можно надѣяться, доказала бы Англія при одинаково затруднительныхъ и возбуждающихъ обстоятельствахъ. Однако этотъ вѣтъ общественнаго усовершенствованія въ филантропахъ будущаго, вѣроятно, далеко не будетъ возбуждать страстнаго желанія содѣйствовать осуществленію его. Правда, пока богатство представляетъ силу, а приобрѣтаетъ насколько возможно больше богатства служатъ предметомъ всеобщаго честолюбія, необходимо,

чтобы путь къ достиженію богатства былъ бы безъ всякаго пристрастія и преимущества открытъ для каждаго. Но наилучшее положеніе для человѣка то, при которомъ никто не бѣденъ, никто не стремится стать богаче и не имѣетъ никакой причины опасаться быть отгѣсненными успѣхами другихъ, которые стараются пробиться впередъ.

Безъ сомнѣнія, пока лучшіе люди не успѣли еще воспитать въ другихъ болѣе высокихъ стремленій, пусть лучше энергія человечества возбуждается борьбой за богатство, какъ нѣкогда военной борьбой, чѣмъ притупляется и коснѣетъ. При грубомъ состояніи народа необходимы грубыя возбужденія; пусть они и будутъ у него. А тѣмъ временемъ людямъ, не признающимъ современной весьма низкой степени человѣческаго развитія его окончательной формой, можно пзвинить сравнительно индифферентное отношеніе къ тому экономическому прогрессу, который привѣтствуется заурядными публицистами, а именно, къ простому увеличенію производства и накопленія. Ради сохраненія національной независимости необходимо, чтобы страна не слишкомъ сильно отставала въ этомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей. Но увеличеніе производства и накопленія само по себѣ имѣетъ мало значенія, пока ростъ населенія или какое либо другое обстоятельство мѣшаетъ тому, чтобы масса народа пользовалась какой либо частью выгоды отъ нихъ. Я не знаю, что можно находить утѣшительнаго въ томъ, что люди, которые уже теперь богаче, чѣмъ нужно, удваиваютъ свои средства для потребленія вещей, которыя, кромѣ того что служатъ признакомъ богатства, не доставляютъ никакого или почти никакого удовольствія; или что множество лицъ ежегодно переходитъ изъ среднихъ классовъ въ болѣе богатые, или изъ класса занятыхъ дѣломъ богатыхъ людей въ классъ праздныхъ. Увеличеніе производства имѣетъ важное значеніе только въ отсталыхъ странахъ; въ странахъ же наиболѣе передовыхъ необходимо съ экономической точки зрѣнія лучшее распределеніе; а однимъ изъ главныхъ средствъ къ этому служитъ болѣе строгое ограниченіе размноженія. Одни вводящіе законы, будутъ ли они справедливы или несправедливы, не могутъ выполнить этого; они могутъ понизить высшія ступени социальной лѣстницы; но не могутъ сами по себѣ поднять низшихъ.

Но съ другой стороны, есть основаніе предполагать, что это лучшее распределеніе имущества можетъ быть достигнуто посредствомъ вліянія благоразумія и бережливости отдѣльныхъ лицъ въ соединеніи съ законодательствомъ, благоприятствующимъ равенству состояній, насколько это согласуется съ законнымъ правомъ, принадлежащимъ каждому человѣку, на плоды его труда, какъ бы велики или малы они ни были. Мы можемъ предположить, напри- мѣръ, (согласно съ мыслью, выраженной въ одной изъ предыдущихъ главъ*), что сумма, какую человѣкъ можетъ получить въ даръ или по наслѣдству, ограничена до размѣра, достаточнаго для доставленія ему скромной независимости. Подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ об-

*) Кн. II, гл. II, § 4.

щество приобрѣло бы слѣдующія характерныя черты: существовало бы сословіе рабочихъ, получающихъ хорошее вознагражденіе и пользующихся достаткомъ; не было бы громаднѣхъ состояній, а личное имущество состояло бы изъ того, что заработано и накоплено въ теченіе одной человѣческой жизни; но за то существовалъ бы несравненно болѣе обширный, чѣмъ теперь, кругъ лицъ, не только освобожденныхъ отъ черной работы, но еще пользующихся достаточнымъ и умственнымъ, и физическимъ досугомъ отъ мелочнаго механическаго труда; въ силу чего они могли бы свободно развивать въ себѣ высшіе интересы и въ этомъ отношеніи служить примѣромъ для другихъ классовъ, находящихся въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ для своего развитія. Такое положеніе общества, столь сильно превосходящее нынѣшнее, не только вполне совместило съ неподвижнымъ состояніемъ, но какъ кажется, естественнѣе связано съ этимъ состояніемъ, чѣмъ со всякимъ другимъ.

Конечно, во всемъ свѣтѣ, и даже въ старыхъ странахъ, есть мѣсто для возрастанія населенія, если предположить, что промышленныя искусства будутъ продолжать развиваться, а капиталъ увеличиваться. Сознаюсь, я не вижу причинъ желать этого возрастанія, хотя бы оно было даже и безвредно. Всѣ наиболѣе населенныя страны уже достигли той густоты населенія, какая необходима для того, чтобы люди могли въ самой широкой степени пользоваться выгодами, какъ отъ сотрудничества, такъ и отъ общественныхъ сношеній. Населеніе можетъ быть слишкомъ стѣснено, хотя бы каждый былъ въ избыткѣ снабженъ пищей и одеждой. Человѣку не полезно въ силу необходимости постоянно находиться среди себѣ подобныхъ. Миръ, изъ котораго изгнано уединеніе,—очень жалкій идеалъ. Уединеніе, въ смыслѣ частнаго пребыванія наединѣ, существенно необходимо для сколько нибудь серьезнаго размысленія и для серьезности характера; а уединеніе передъ лицомъ красивой и величественной природы есть колыбель мыслей и стремленій, которыя не только полезны для отдѣльнаго лица, но безъ которыхъ плохо бы жилось всему обществу. Не много удовольствія смотрѣть на міръ, въ которомъ ничего не оставлено для естественной дѣятельности природы; въ которомъ каждый клочекъ земли, пригодный для произрастанія пищи, обращенъ подъ панью, каждое покрытое цвѣтами свободное пространство, каждое естественное пастбище вспахано, всѣ четвероногія и птицы, которыхъ человѣку не удалось приручить для своей пользы, уничтожены, какъ его соперники въ отысканіи пищи, каждый кустарникъ или лиственное дерево истреблены, и едва ли осталось мѣсто, гдѣ могъ бы расти дикій кустъ или цвѣтокъ безъ того, чтобы онъ не былъ вырванъ во имя улучшенія земледѣлія. Если земля только для того, чтобы быть въ состояніи содержать больше, но не болѣе счастливое населеніе, должна потерять ту огромную долю своей прелесть, какую придаетъ ей все то, что неизбежно должно исчезнуть при безграничномъ возрастаніи богатства и населенія, то я искренне надѣюсь, ради нашего потомства, что оно найдетъ удобнымъ оставаться въ неподвижномъ состояніи гораздо раньше, чѣмъ принудитъ его къ этому необходимость.

Едва ли необходимо замѣчать, что недвижимое состояніе капитала и населенія вовсе еще не влечетъ за собой остановки въ человѣческомъ развитіи. При немъ, какъ при всѣхъ другихъ состояніяхъ общества, оставался бы такой же большой просторъ для всѣхъ видовъ умственнаго развитія и нравственнаго и общественаго прогресса, такой же просторъ для усовершенствованія искусства жить и гораздо болѣе высокая вѣроятность, что оно будетъ усовершенствовано, когда мысли перестанутъ сосредоточиваться на борьбѣ за существованіе. Даже техническія искусства могли бы также настойчиво и успѣшно развиваться, съ той лишь разницей, что тогда промышленныя улучшенія не служили бы, какъ теперь, только увеличенію богатства, а оказывали бы свое законное дѣйствіе, т. е. сокращали бы трудъ. До сихъ поръ еще подлежатъ сомнѣнію, облегчили ли всѣ уже сдѣланныя механическія изобрѣтенія ежедневный трудъ хоть одного человѣка. Они дали возможность большому населенію жить тою же тяжелой и лишенной свободы жизнью, и большому числу фабрикантовъ и другихъ людей наживаться. Они увеличили удобства жизни среднихъ классовъ. Но еще не начали производить тѣхъ великихъ перемѣнъ въ человѣческой судьбѣ, которыя они по своей сущности должны въ будущемъ осуществить. Побѣды, одержанныя надъ силами природы, могутъ лишь тогда сдѣлаться общимъ достояніемъ всего человѣчества и средствомъ къ улучшенію и возвышенію участи всѣхъ, когда при существованіи справедливыхъ учрежденій размноженіе человѣчества будетъ сознательно регулироваться а нравой предусмотрительностью.

ГЛАВА VII.

Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ.

§ 1. Главной цѣлью замѣчаній, сдѣланныхъ въ предыдущей главѣ, было опровергнуть ложный идеалъ человѣческаго общества. Ихъ значеніе для современныхъ обществѣннѣхъ условій состоятъ въ томъ, что они должны умѣрить чрезмѣрную важность, приписываемую простому возрастанію производства, и обратить вниманіе на то, что прежде всего желательны двѣ вещи: улучшеніе въ распредѣленіи и болѣе высокое вознагражденіе труда. Послѣ того, какъ достигнуть извѣстнаго размѣра общей массы продукта, ни законодатель, ни филантропъ не должны сильно интересоваться тѣмъ, увеличивается или нѣтъ его абсолютная величина; но въ высшей степени важно, чтобы она увеличивалась относительно числа лицъ, между которыми она раздѣляется; а это необходимо зависить отъ мнѣній и пристрастій самаго многочисленнаго класса, т. е. класса простыхъ рабочихъ, все равно, будетъ ли богатство человѣчества находиться въ неподвижномъ состояніи или увеличиваться съ наибольшей быстротой, какая только извѣстна въ старыхъ странахъ.

Когда здѣсь или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ я говорю о «рабочихъ классахъ» или о рабочихъ, какъ о «классѣ», я употребляю

эти выражения въ обыкновенномъ ихъ значеніи, имѣя въ виду существующее состояніе социальныхъ отношеній, а не то, которое должно вообще или необходимо существовать. Я не считаю ни справедливымъ, ни благотворнымъ такое состояніе общества, въ которомъ существуетъ какой либо праздный классъ, въ которомъ, кромѣ лишь неспособныхъ къ труду или честно заработавшихъ отдыхъ прежнимъ трудомъ, есть люди, свободные отъ несенія своей доли въ необходимомъ трудѣ человеческой жизни. Однако пока существуетъ праздный классъ, представляющій собою великое социальное зло, до тѣхъ поръ рабочіе также составляютъ классъ, и о нихъ, хотя лишь временно, можно говорить, какъ объ отдѣльномъ классѣ.

Въ послѣднее время положеніе рабочаго населенія, разсматриваемое съ нравственной и общественной точки зрѣнія, возбуждало гораздо больше обсужденій и дебатовъ, нежели прежде; и мнѣніе, что теперь оно не таково, какимъ оно должно быть, сдѣлалось очень распространеннымъ. Получившія гласность мысли и возбужденная ими полемика, касающаяся скорѣе отдѣльных пунктовъ, чѣмъ самого основанія вопроса, обнаружили существованіе двухъ противоположныхъ теорій относительно желательнаго социального положенія для класса, занятаго физическимъ трудомъ. Одна изъ нихъ можетъ быть названа теоріей зависимости и покровительства, другая—теоріей самостоятельности.

По первой теоріи участь бѣдныхъ во всемъ, что касается ихъ, какъ отдѣльнаго класса, должна регулироваться ради нихъ, а не ими. Не должно ни требовать отъ нихъ, ни побуждать ихъ къ тому, чтобы они заботились сами о себѣ, ни предоставлять ихъ собственному размышленію и предусмотрительности рѣшающаго значенія въ опредѣленіи ихъ судьбы. Предполагается, что на высшихъ классахъ лежитъ обязанность заботиться о нихъ и принимать на себя ответственность за ихъ судьбу подобно тому, какъ на командирѣ и офицерахъ арміи лежитъ ответственность за судьбу составляющихъ ее солдатъ. Высшіе классы, какъ говорится въ этой теоріи, должны подготовляться къ добросовѣстному выполненію этой обязанности, и все ихъ поведеніе должно внушать бѣднымъ довѣріе къ нимъ для того, чтобы бѣдные, пасивно и активно повинуваясь предписаннымъ для нихъ правиламъ, могли во всѣхъ другихъ отношеніяхъ предаваться довѣрчивой *беззаботности* и покоиться подъ защитой своихъ покровителей. По этой теоріи (примѣняющейся также къ отношеніямъ между мужчиной и женщиной) отношенія между богатыми и бѣдными должны быть только отчасти основаны на власти; они должны быть дружественными, нравоучительными и чувствительными: съ одной стороны должна быть любовная опека, съ другой стороны—почтительность и признательность. Богатые должны быть *in loco parentis* (вмѣсто родителей) для бѣдныхъ, руководя и сдерживая ихъ, какъ дѣтей. Самостоятельныхъ дѣйствій у бѣдныхъ не должно быть. Отъ нихъ не требуется ничего, кромѣ того, чтобы они выполняли свою ежедневную работу и были нравственными и религіозными. А нравственность и религію должны доставить имъ старшіе, на которыхъ лежитъ обязанность смотрѣть, чтобы бѣдные надлежащимъ

образомъ обучались этому, и дѣлать все необходимое для того, чтобы обезпечить имъ въ награду за ихъ трудъ надлежащее прокормленіе, одежду, помѣщеніе, духовное назиданіе и высшія развлечения.

Таковъ идеалъ будущаго, по мнѣнію людей, у которыхъ недовольство настоящимъ облекается въ форму любви къ прошлому и сожалѣнія о немъ. Подобно другимъ идеаламъ, онъ имѣетъ безотчетное вліяніе на мысли и чувства множества людей, которые никогда сознательно не руководствуются никакимъ идеаломъ. Онъ имѣетъ также еще и ту общую черту со всеми другими идеалами, что никогда не осуществлялся въ исторіи. Онъ вызываетъ въ насъ мечтательную симпатію, общія воспоминанія добрыхъ временъ нашихъ предковъ. Но нельзя указать никакого времени, когда бы высшіе классы Англій или какой либо другой страны выполняли обязанность даже слабо сходную съ той, какую предписываетъ имъ эта теорія. Это—идеализація, основанная на поведеніи и характерѣ, изрѣдка встрѣчающихся у отдѣльных лицъ. Всѣ привилегированные и могущественные классы пользовались принадлежащей имъ властью въ своихъ собственныхъ эгоистическихъ интересахъ и находили удовлетвореніе своему самолюбію не въ любовныхъ заботахъ, а въ презрѣніи къ тѣмъ людямъ, которые, по ихъ мнѣнію, были унижены необходимостью работать на нихъ же. Я не утверждаю, что то, что было всегда, и должно всегда быть, или что развитіе человечества не способствуетъ исправленію чрезмѣрно эгоистическихъ чувствъ, порождаемыхъ могуществомъ; но хотя это зло можетъ быть уменьшено, все же оно не можетъ быть искоренено, пока не будетъ уничтожено самое могущество. Мнѣ кажется безспорнымъ, но крайней мѣрѣ, то, что гораздо раньше, чѣмъ высшіе классы достаточно разовьются для того, чтобы осуществлять эту предполагаемую опеку, низшіе классы окажутся слишкомъ развитыми для такого управленія.

Я вполне сочувствую всему тому, что есть привлекательнаго въ картинѣ общества, представляемой этой теоріей; подобныя факторы въ прошломъ не было, но подобныя настроенія встрѣчались, и въ этихъ послѣднихъ и заключается все, что есть реальнаго въ этой теоріи. Какъ по существу своему неприятна мысль объ обществѣ, соединенномъ отношеніями и чувствами, вытекающими лишь изъ денежныхъ интересовъ, такъ есть что-то естественно привлекательное въ формѣ общества, изобилующей сильными личными привязанностями и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ. Надобно признать, что до сихъ поръ главнымъ источникомъ такихъ чувствъ было отношеніе между покровителемъ и покровительствуемымъ. Самую сильную привязанность люди вообще высказываютъ къ вещамъ или лицамъ, охраняющимъ ихъ отъ какого либо, грозящаго имъ зла. Поэтому въ вѣкъ беззаконнаго насилія и необезпеченности, и общей жестокости и грубости нравовъ,—когда жизнь людей, не имѣющихъ ни собственнаго выдающагося положенія, ни права на защиту со стороны кого нибудь, занимающаго такое положеніе, было окружено на каждомъ шагѣ опасностями и страданіями,—великодушная за-

щита и признательность за нее служили самыми сильными узлами связывающими людей. Чувства, возникающая из этого отношения, бывают самыми теплыми; весь энтузиазм и вся нуждаемость наиболее отзывчивых натур сосредоточиваются в этих чувствах; преданность сь одной стороны, рыцарство сь другой бывают принципами, доходящими до страсти. Я не хочу уменьшать цѣну этихъ качествъ. Нельзя только упускать изъ виду, что эти добродѣтели и чувства, подобно племенному союзу и гостеприимству кочевого араба, принадлежатъ главнымъ образомъ къ грубому и несовершенному состоянію общества, и что чувства между покровителями и покровительствуемыми, будутъ ли это короли и подданные, богатые и бѣдные, или мужчины и женщины, не могутъ уже имѣть такого прекраснаго и нужнаго характера, когда нѣтъ серьезныхъ опасностей, отъ которыхъ нужна была бы защита. Но развѣ есть въ современномъ состояніи общества какія либо условія, дѣлающія естественнымъ, чтобы люди, обладающе обыкновенной силой и храбростью, платили горячею благодарностью и преданностью за оказанную защиту? Законъ защищаетъ ихъ, если только они не уклонятся преступно отъ своихъ обязанностей. Положеніе, при которомъ человекъ находится подъ властью другого лица, не только не представляетъ, какъ это было прежде, единственнаго условія безопасности, но даже, говоря вообще, является теперь единственнымъ обстоятельствомъ, заключающимъ въ себѣ жестокую несправедливость. Такъ называемые, покровители являются теперь единственными лицами, противъ которыхъ при обыкновенныхъ условіяхъ необходима защита. Жестокости и тиранинство, которыми наполнены каждый полицейскій отчетъ, проявляются мужьями по отношению къ женамъ, родителями по отношению къ дѣтямъ. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей, что онъ только теперь дѣлаетъ первыя слабыя попытки обуздывать и наказывать ихъ, это не есть неизбежность, а тяжкій позоръ для тѣхъ, кто составляетъ и приводитъ въ исполненіе законы. Никакой мужчина и никакая женщина, обладающие независимыми средствами къ существованію, или могущіе ихъ заработать, не требуютъ никакой другой защиты, кромѣ той, какую можетъ и долженъ доставлять законъ. При такихъ условіяхъ люди, которые продолжаютъ считать несомненнымъ, что отношеніи, основанныя на покровительствѣ, должны всегда существовать, и не видятъ, что, невызванное никакой необходимостью, присоединеніе роли покровителя и связанной сь ней власти, должно возбуждать чувства, совершенно противоположныя вѣрности, выказываютъ большое незнаніе человѣческой природы.

Относительно рабочаго населенія, по крайней мѣрѣ болѣе просвѣщенныхъ странъ Европы, можно навѣрное сказать, что патриархальной или отечественной системѣ оно никогда снова не подчинится. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ сь того времени, когда рабочіе научились грамотѣ и получили доступъ къ газетамъ и политической литературѣ; когда было позволено сектанскимъ проповѣдникамъ появляться между ними и взывать къ ихъ способностямъ и чувствамъ для борьбы съ вѣрованіями, которыми исповѣдываются и поддерживаются правящими классами; когда рабочіе стали соединять во

множествѣ подъ одной кровлей для совместной работы; когда желѣзныя дороги дали имъ возможность переноситься съ мѣста на мѣсто и мѣнять своихъ патронновъ и хозяевъ такъ же легко, какъ свое платѣ; когда ихъ стали побуждать добиваться участія въ управленіи при помощи избирательнаго права... Рабочіе классы забрали свои интересы въ собственныя руки и постоянно выказываютъ, что они считаютъ интересы своихъ хозяевъ не тождественными, а противоположными своимъ собственнымъ. Нѣкоторые члены высшихъ классовъ питаютъ надежду, что эти стремленія могутъ быть уничтожены посредствомъ нравственнаго и религіознаго воспитанія; но они упустили время для организаціи такого воспитанія, которое могло бы служить ихъ цѣлямъ. Принципы реформаціи проникли такъ же глубоко въ общество, какъ чтеніе и письмо, и бѣдные болѣе не захотятъ принимать нравственность и религію, предписываемую имъ другими. Я говорю преимущественно объ Англии, въ особенности о городскомъ ея населеніи и о тѣхъ округахъ Шотландіи и сѣверной Англии, гдѣ существуетъ самое усовершенствованное земледѣліе и самая высокая заработная плата. Въ болѣе инертномъ и менѣ просвѣщенномъ земледѣльческомъ населеніи южныхъ графствъ дворянство могло бы, по всей вѣроятности, поддерживать еще нѣкоторое время въ бѣдныхъ и бѣто въ родѣ прежняго почтенія и подчиненія, подкупая ихъ высокою заработной платой и постояннымъ занятіемъ, обезпечивая имъ средства къ существованію и никогда не требуя отъ нихъ чего либо такого, что имъ неприятно. Но эти два условія никогда не существовали и не могутъ существовать продолжительное время вмѣстѣ. Въ дѣйствительности гарантировать средства къ существованію возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы работа была обязательна и палинское размноженіе сдерживалось, по крайней мѣрѣ, нравственнымъ принужденіемъ. Люди, желающіе возвратить, такъ называемую, старицу, которой они не понимаютъ, увидѣли бы на практикѣ, какую безнадежную задачу они взяли на себя. Все зданіе патриархальнаго или господскаго вліянія, въ основѣ котораго должно лежать ласковое обращеніе съ бѣдными, разбитось бы объ необходимость ввести тяжелый законъ о бѣдныхъ.

§ 2. Сь этого времени основа для благосостоянія и здоровья рабочаго населенія должна быть совершенно плая. Бѣдые уже вышли изъ того положенія, когда ихъ нужно было водить на помочахъ; теперь уже нельзя болѣе управлять ими, какъ малолѣтними, и обращаться сь ними, какъ сь дѣтьми. Забота о ихъ участи теперь должна быть предоставлена ихъ собственнымъ силамъ. Современныя націи должны осознать, что благосостояніе народа должно осуществляться посредствомъ справедливости и самоуправленія, посредствомъ *δικαιοσύνη* и *αυτορροσύνη* отдѣльныхъ гражданъ. Теорія зависимости пытается устранить необходимость этихъ качествъ въ зависимыхъ классахъ. Но теперь, когда даже по своему положенію они становятся все менѣе и менѣе зависимыми, а ихъ мысли все менѣе и менѣе согласуются съ той степенью зависимости, какая еще осталась, имъ необходимы качества независимыхъ людей. Какой бы советъ ни представлено ни подавался рабочимъ классамъ, эти советы отпадутъ

должны подаваться имъ, какъ равнымъ, и приниматься ими съ полнымъ сознаниемъ дѣла. Будущее зависитъ отъ того, въ какой степени рабочіе могутъ стать разумными существами.

Есть полное основаніе видѣть что будущее въ свѣтлыхъ краскахъ. Правда, прогрессъ до сихъ поръ шелъ и теперь еще идетъ медленно. Но воспитаніе массы населенія развивается само собой, и его еще можно ускорить и улучшить съ помощью искусственныхъ хѣтръ. Образование, приобретаемое изъ газетъ и политическихъ брошюръ, нельзя признавать самымъ основательнымъ; но по сравненію съ полнымъ отсутствіемъ образованія, оно составляетъ огромный шагъ впередъ. Его вліяніе на народъ замѣчательно было доказано во время хлопчатобумажнаго кризиса поведеніемъ Ланкаширскихъ ткачей и придпльщиковъ, которые дѣйствовали со столь справедливо одобряемымъ единодушіемъ, здравомысліемъ и воздержанностью единственно потому, что, читая газеты, они понимали причины постигшаго ихъ бѣдствія и знали, что въ немъ ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинять ни ихъ хозяевъ, ни правительство. Неизвѣстно, было ли бы ихъ поведеніе столь же основательнымъ и примѣрнымъ, если бы этому бѣдствію не предшествовала благотворная финансовая мѣра, которая дала начало дешевой прессѣ. Публичныя лекціи и дебаты, коллективныя совѣщанія по вопросамъ, касающимся общихъ интересовъ, рабочіе союзы, политическая агитация—все это служило къ пробужденію общественнаго духа, распространяетъ множество идей въ народной массѣ и заставляетъ мыслить и разсуждать болѣе понятливыхъ ей членовъ. Хотя слишкомъ раннее полученіе политическихъ правъ наименѣ образованными классами могло бы не ускорить, а замедлить ихъ развитіе; однако едва ли можно сомнѣваться, что стремленіе приобрести эти права служило сильнымъ побужденіемъ къ развитію. Уже и теперь рабочіе классы составляютъ часть общества; они всѣ или нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ участіе въ обсужденіи общественныхъ вопросовъ; великій, пользующійся печатью, какъ орудіемъ распространенія своихъ мыслей, можетъ во многихъ случаяхъ имѣть ихъ своими читателями; пути къ образованію, при помощи котораго средніе классы приобретаютъ свои теперешнія понятія, доступны, по крайней мѣрѣ, городскимъ рабочимъ. Несомнѣнно, что съ этими средствами умственный кругозоръ рабочихъ будетъ расширяться безъ всякой посторонней помощи, только благодаря ихъ собственнымъ успѣхамъ; а кромѣ того, есть основаніе надѣяться, что успѣхами правительства или частныхъ лицъ будутъ произведены огромныя улучшенія въ качествахъ и размѣрахъ школьнаго образованія, и что прогрессъ народной массы въ умственномъ развитіи и въ завѣщающъ отъ него качествахъ станетъ совершаться быстрее и съ меньшими задержками и уклоненіями, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Отъ этого увеличенія умственнаго развитія въ народныхъ массахъ можно съ увѣренностью ожидать многихъ послѣдствій. Во-первыхъ, рабочіе станутъ даже еще менѣ настоящимъ расположенными, чтобы ими руководили и направляли путь на тотъ путь, какимъ они должны идти въ силу авторитета и престижа старшихъ.

Если у нихъ уже теперь нѣтъ почтительнаго страха или благоговѣйнаго послушанія, удерживающаго ихъ въ умственномъ подчиненіи высшему классу, то тѣмъ болѣе этихъ качествъ не будетъ въ послѣдствіи. Теорія зависимости и покровительства будетъ для нихъ все болѣе и болѣе нестерпимой, и они будутъ требовать, чтобы ихъ образъ дѣйствій и положеніе основывались на самоуправленіи. Въ то же время весьма возможно, что во многихъ случаяхъ и нѣрѣдко подъ вліяніемъ ошибочнаго пониманія собственныхъ интересовъ они будутъ требовать вмѣшательства законодательной власти въ свои дѣла и регулированія закономъ многихъ, касающихся ихъ, условій. Но все-таки они будутъ требовать осуществленія своего желанія, своихъ идей и мыслей, а не правилъ, установленныхъ для нихъ другими; и на ряду съ этимъ они будутъ чувствовать уваженіе къ превосходству ума и знаній, и во многихъ вопросахъ полагаться на мнѣніе тѣхъ, кого они считаютъ достаточно освѣдомленными. Такое уваженіе глубоко укоренилось въ человеческой природѣ; но они сами будутъ судить о томъ, какіе люди имѣютъ право на него, и какіе не имѣютъ.

§ 3. Мы кажется невозможнымъ, чтобы увеличеніе умственнаго развитія, образованія и любви къ независимости въ рабочихъ классахъ не сопровождалось соответственнымъ ростомъ здраваго смысла, который обнаруживается въ предусмотрительныхъ привычкахъ, и чтобы вслѣдствіе этого не уменьшалась постепенно пропорція населенія къ капиталу и количеству занятій. Достиженіе этого, въ высшей степени желательнаго, результата, можетъ быть значительно ускорено другой переменной, которая совершенно соответствуетъ лучшимъ современнымъ стремленіямъ, а именно, открытіемъ свободнаго доступа обоимъ поламъ къ промышленнымъ занятіямъ. Тѣ же причины, въ силу которыхъ стало извѣстнымъ, чтобы бѣдныя женщины завѣсь отъ мужчинъ, и справедливость требуетъ по меньшей мѣрѣ того, чтобы законъ и обычай насильно не дѣлали женщину зависимою. (Когда покровительство становится для нея извѣстнымъ), устанавливая такое положеніе, при которомъ женщина не получившая по наслѣдству какого либо обезпеченія, почти не имѣетъ возможности приобретать средства къ существованію, иначе какъ становясь женою и матерью. Пусть женщины, предпочитающія такое назначеніе, принимаютъ его: но то, что для огромнаго большинства женщинъ не существуетъ никакого выбора, никакого возможнаго поприща, кромѣ пребыванія въ самомъ скромномъ отдѣлѣ человеческой жизни, представляетъ вопиющую социальную несправедливость. Цѣпъ и учрежденія, въ силу которыхъ случайное свойство половъ служитъ основаніемъ неравенства въ законныхъ правахъ и вынужденнаго разщія въ общественномъ положеніи, должны быть скоро признаны величайшимъ препятствіемъ къ нравственному, общественному и даже умственному развитію. Въ данномъ случаѣ изъ числа вѣроятныхъ послѣдствій промышленной и общественной независимости женщинъ, я укажу лишь на сильное уменьшеніе зла, происходящаго отъ чрезмѣрнаго размноженія населенія. Живогный

инстинктъ размноженія доходитъ до того чрезмѣрнаго преобладанія, какое до сихъ поръ проявлялось въ человѣческой жизни только въ силу того, что дѣланъ половина рода человѣческаго обрекается исключительно на эту функцію, которая наполняетъ собою всю жизнь одного пола и переплетается почти со всѣми интересами другого.

§ 4. Размѣры настоящаго трактата не позволяютъ излагать здѣсь послѣдствія, протекающія отъ увеличенія силы и значенія рабочихъ классовъ и отъ усиливающегося влiянiя массы населенiя, которое даже въ Англіи при ея вышнiихъ учрежденiяхъ быстро доставляетъ воли большинства, по крайней мѣрѣ, отрицательный голосъ въ правительственныхъ дѣлахъ. Но ограничиваясь экономическими соображенiями и не касаясь того влiянiя, какое можетъ имѣть умственное развитіе рабочихъ въ соединенiи съ справедливыми законами на измѣненiе къ ихъ выгодѣ распредѣленiя продукта, все же я не могу допустить, что они вѣчно будутъ мириться съ положенiемъ рабочаго по найму, какъ со своимъ окончательнымъ положенiемъ. Они могутъ согласиться на то, чтобы переходить черезъ классъ слугъ въ классъ хозяевъ, но не на то, чтобы оставаться въ первомъ всю свою жизнь. Въ новой странѣ съ быстро возрастающимъ богатствомъ и населенiемъ, какъ въ Америкѣ и Австраліи, нормальное положенiе рабочаго состоитъ въ томъ, что онъ начинаетъ работать, какъ наемникъ, затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ работаетъ за свой собственный счетъ и въ концѣ концовъ самъ пользуется наемнымъ трудомъ. Но въ старой и густо населенной странѣ всякій, начинающій жизнь наемнымъ рабочимъ, обыкновенно остается имъ и до конца, если не спустится еще на болѣе низкую ступень чело­вѣка, содержимаго общественной благотворительностью. При нынѣшнемъ состоянiи чело­вѣческаго прогресса, когда идеи равенства ежедневно все шире и шире распространяются въ бѣдныхъ классахъ и уже не могутъ сдерживаться никакими мѣрами, хотя бы доходившими почти до полнаго уничтоженiя печати и слова, нельзя ожидать, чтобы могло на долго удержаться раздѣленiе чело­вѣчества на два насѣдственныя класса—работатели и рабочіе. Такое отношенiе почти одинаково неудовлетворительно какъ для платящаго, такъ и для получающаго заработную плату. Если богатые смотрятъ на бѣдныхъ, какъ на своихъ слугъ и подчиненныхъ въ силу какого то естественнаго закона, то бѣдые, въ свою очередь, смотрятъ на богатыхъ лишь какъ на источникъ добычи и жизни, какъ на предметъ положительно безграничныхъ требованiй и ожиданiй, которая увеличиваются съ каждой, сдѣланной богатыми, уступкой. Полное отсутствiе уваженiя къ справедливости или добросовѣстности въ отношенiяхъ этихъ двухъ классовъ настолько же замѣтно въ рабочихъ, какъ и въ хозяевахъ. Напрасно мы пишемъ между рабочими классами вообще той справедливой гордости, которая заставляла бы ихъ за хорошую плату давать хорошую работу: въ большинствѣ случаевъ ихъ единственное старанiе направлено къ тому, чтобы получить возможно больше, а возвратитъ въ видѣ услуги возможно меньше. Рано или поздно классамъ, дающимъ работу, сдѣлается нестерпимымъ жить въ близкомъ и постоянномъ сопркосовенiи

съ людьми, чувства и интересы которыхъ враждебны имъ. Капиталисты почти настолько же, какъ и рабочіе, заинтересованы въ устройствѣ промышленныхъ операцій на такихъ началахъ, чтобы люди, работающіе въ пользу хозяевъ, чувствовали такой же интересъ къ работѣ, какъ и тѣ, которые работаютъ для самихъ себя.

Мнѣніе, выраженное въ одной изъ предыдущихъ частей этого трактата, относительно мелкой поземельной собственности и крестьянъ-собственниковъ, могло привести читателя къ заключенiю, что я смотрю на широкое распространенiе мелкой поземельной собственности, какъ на средство освобожденiя, по крайней мѣрѣ, земледѣльческихъ рабочихъ изъ подъ исключительной зависмости отъ труда по найму. Однако мое мнѣніе не таково. Я дѣйствительно полагаю, что эта форма земледѣльческаго хозяйства осуждалась самымъ безосновательнымъ образомъ, и что по своему совокупному значенiю для благосостоянiя чело­вѣчества она гораздо предпочтительнѣе наемнаго труда, въ какой бы изъ существующихъ формъ онъ ни являлся; потому что при ней благоразумная задержка къ размноженiю населенiя дѣйствуетъ гораздо прямѣе и, какъ видно изъ опыта, гораздо успешнѣе; и еще потому, что въ отношенiи обезнеченности, независмости, упражненiя какихъ либо другихъ способностей, кромѣ инстинктивныхъ, положенiе крестьянина-собственника и въ Англіи, и во всякой другой странѣ гораздо выше положенiи земледѣльческаго рабочаго. Гдѣ такая система уже существуетъ и въ общемъ дѣйствуетъ удовлетворительно, тамъ при современномъ состоянiи чело­вѣческаго развитiя мнѣ было бы жаль видѣть, что подъ влiянiемъ педагогическаго понятiя о земледѣльческомъ улучшенiи, какъ о чемъ-то обязательно одинаковомъ при всѣхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, ее уничтожаютъ для того, чтобы замѣнить другой. При такомъ отсталомъ состоянiи промышленнаго развитiя, какъ въ Ирландіи, я бы настаивалъ на введенiи системы мелкой собственности предпочтительно передъ исключительной системой наемнаго труда, такъ какъ первая представляетъ наиболѣе могущественное средство для поднятiя населенiя изъ полудикой не­радивости и безпечности къ настоящему трудолюбію и благо­умному расчету.

Но народъ, однажды принявшій обширную систему производства въ фабричномъ или земледѣльческомъ хозяйствѣ, по всей вѣроятности, не откажется отъ нея: а если населенiе сдерживается въ надлежащихъ размѣрахъ по отношенiю къ средствамъ существованiя, то и не желательно, чтобы отъ нея онъ отказывался. Трудъ, безспорно, гораздо производительнѣе при системѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятiй; и продуктъ, получаемый при такихъ условіяхъ, больше, если не по своей абсолютной величинѣ, то по отношенiю къ затраченному труду: т. е. одинаковое число людей можетъ одинаково хорошо содержаться съ меньшимъ трудомъ и большимъ досугомъ: это будетъ безусловно благомъ, когда цивилизація и развитіе настолько подымутся, что выгода для всего общества будетъ выгодой и для каждаго, принадлежащаго къ нему, отдѣльнаго лица. Съ нравственной точки зрѣнiя, которая еще

важнѣе экономической, цѣлью промышленнаго улучшенія должно быть ибчто лучшее, чѣмъ то положеніе, при которомъ чловѣчество разбросано по всей землѣ отдѣльными семьями, которыя управляются, какъ и теперь, каждая въ отдѣльности патриархальными деспотами, не имѣютъ почти никакой общности интересовъ и лишены необходимости умственного общенія съ другими людьми. При такихъ условіяхъ господство главы семейства надъ другими членами неограничено; а въ то же время подъ влияніемъ такого положенія всѣ интересы самого главы сосредоточиваются на семьѣ, которую онъ считаетъ частью самого себя, всѣ страсти поглощаются страстью исключительнаго обладанія, а всѣ заботы—заботой объ охраненіи и приобрѣтеніи. На такое нравственное состояніе можно смотрѣть безъ огорченія только, какъ на шагъ отъ чисто животнаго состоянія къ чловѣческому образу жизни, отъ безразсуднаго подчиненія животнымъ инстинктамъ къ благоразумной предусмотрительности и самообладанію. Но если мы желаемъ видѣть въ людяхъ общественный духъ, благородныя чувства или истинную справедливость и равенство, то школою для воспитанія этихъ качествъ должно быть не раздѣленіе, а соединеніе интересовъ. Цѣль улучшенія должна состоять не въ томъ лишь, чтобы поставить людей въ такое положеніе, при которомъ они могли бы обходиться другъ безъ друга, а въ такое, чтобы они имѣли возможность работать другъ съ другомъ, или другъ для друга, находясь между собою въ отношеніяхъ, не заключающихъ въ себѣ никакого подчиненія. До сихъ поръ людямъ, живущимъ своимъ трудомъ, не было другого выбора, кромѣ работать на себя или на какого нибудь хозяина. Но цивилизующее и развивающее влияние ассоціаціи и успешность и экономность крупнаго производства могутъ быть достигнуты безъ раздѣленія производителей на двѣ враждебныя по своимъ интересамъ и чувствамъ стороны, изъ которыхъ одна, составляющая большинство, исполняетъ работу въ качествѣ простыхъ слугъ подъ управленіемъ одного лица, доставляющаго капиталъ, и не имѣетъ никакого собственного интереса въ предпріятіи, кромѣ того, чтобы получить заработную плату съ возможно меншимъ трудомъ. Теорія и пренія послѣднихъ 50 лѣтъ событія послѣднихъ 20 лѣтъ вполнѣ подтверждаютъ это. Если развигіе, котораго даже торжествующій военный деспотизмъ не прекратилъ, а только замедлилъ, будетъ идти своимъ путемъ, то едва ли возможно сомнѣваться, что контингентъ наемныхъ рабочихъ постепенно сократится настолько, что къ нему будутъ принадлежать лишь нѣкоторые, низкія нравственные качества которыхъ дѣлаютъ ихъ неспособными къ болѣе независимому положенію. Отношенія хозяевъ и рабочихъ при этомъ постепенно будутъ замѣнены одной изъ двухъ слѣдующихъ формъ товарищества: въ некоторыхъ случаяхъ ассоціаціей рабочихъ съ капитализмомъ; въ другихъ, а быть можетъ, въ концѣ концовъ и во всѣхъ, ассоціаціей рабочихъ между собою.

§ 5. Первая изъ этихъ формъ ассоціаціи употреблялась уже съ давнихъ поръ, правда, не какъ правило, а какъ исключеніе. Во многихъ отрасляхъ промышленности есть уже случаи, гдѣ каждый соотвѣствующій дѣлу, трудомъ ли или денежными средствами, полу-

чаетъ известную долю изъ выгоды, пропорціональную цѣнности его участія. Уже вошло въ общее обыкновеніе вознаграждать лицъ, на которыхъ возлагается исключительное довѣріе, известнымъ процентомъ изъ прибыли; а есть случаи, въ которыхъ тотъ же принципъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ распространенъ и на классъ простыхъ рабочихъ.

Въ американской морской торговлѣ съ Китаемъ съ давнихъ поръ существуетъ обыкновеніе, чтобы каждый матросъ получалъ известный процентъ изъ прибыли отъ каждаго плаванія; и этому приписывалось общее хорошее поведеніе этихъ моряковъ и чрезвычайная рѣдкость какихъ либо столкновеній между ними и властями на населеніемъ Китая. Въ Англійи такой же примѣръ, хотя и не настолько известный, какъ онъ бы заслуживалъ, представляютъ корнваллскіе рудокопы. Въ Корнваллсѣ рудники разрабатываются вполнѣ по системѣ общаго риска: артели рудокоповъ заключаютъ съ повѣренными, являющимися замѣстителемъ собственника рудника, договоръ разработать известную часть жмлы и приготовить руду для продажи, за что получаютъ известный процентъ изъ суммы, за которую будетъ продана руда. Эти подряды заключаются въ известные опредѣленные сроки, обыкновенно каждые два мѣсяца, и за нихъ берутся добровольныя товарищества рабочихъ, привычныхъ къ рудному дѣлу. Эта система имѣетъ свои невыгоды вследствие несправедливости и неопредѣленности заработковъ и вытекающей отсюда необходимости жить продолжительное время въ долгъ; но въ ней есть преимущества, которыя болѣе чѣмъ уравниваютъ эти невыгоды. Она развиваетъ такую понятливость, независимость и нравственность, благодаря которымъ положеніе и характеръ корнваллсскихъ рудокоповъ стоятъ несравненно выше положенія и характера большинства рабочихъ. Докторъ Бергемъ говоритъ, «что они въ общемъ не только развиты для своего положенія въ качествѣ рабочихъ, но и обладаютъ значительными познаніями»; а также, что «у нихъ въ характерѣ есть независимость, напоминая собою Американскую, благодаря тому, что система, по которой отдаются подряды, предоставляетъ взявшимъ ихъ полную свободу устраниваться между собою какой имъ угодно распорядокъ; такъ что каждый участникъ въ такомъ маленькомъ предпріятіи чувствуетъ себя почти равнымъ со своимъ хозяиномъ»... При такой сознательности и независимости, лежащей въ основѣ ихъ характера, мы не удивимся, услышавъ, «что очень большое число рудокоповъ живетъ теперь на своемъ собственныхъ участкахъ, взятыхъ въ аренду на три жизни, или 99 лѣтъ, выстроивъ на ихъ дома : или что изъ «281, 5-1 фун., вложенныхъ въ корнваллсскіе судоберегательныя банки, по вычисленію, двѣ трети принадлежатъ рудокопамъ» *).

*) Этотъ отрывокъ взятъ изъ, награжденнаго преміей, Essay on the Causes and Remedies of National Distress Самуила Лейга, который, въ свою очередь, цѣляетъ извлеченіе изъ приложенія къ Report of the Children's Employment Commission.

Баббедажъ, также писавшій объ этой системѣ, говоритъ, что плата судовой командѣ на китоловныхъ судахъ выдается на подобномъ же основаніи; и что «прибыль, получающаяся отъ рыбной ловли сътими на южномъ берегу Англии, раздѣляется такимъ образомъ: половина улова принадлежитъ собственнику судна и сътви; другая половина раздѣляется поровну между пользовавшимся имъ людьми, которые, когда понадобится, обязаны также помогать въ починкѣ сътви». Баббедажу принадлежитъ та большая заслуга, что онъ указалъ возможность и выгоду распространенія этого принципа на всю фабричную промышленность вообще *).

Нѣкоторое вниманіе возбудилъ подобный опытъ, начатый приблизительно 16 лѣтъ тому назадъ однимъ парижскимъ ремесленникомъ Деклеромъ**), по профессіи маяромъ, и описанный имъ въ брошюрѣ, изданной въ 1842 г. Деклеръ, по его словамъ, нанимаетъ въ среднемъ до 200 рабочихъ и платитъ имъ, какъ обыкновенно, опредѣленную заработную плату, или жалованье. Себѣ онъ назначаетъ, кромѣ процентовъ на капиталъ, опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ и свою отвѣтственность, какъ управляющаго. Въ концѣ года излишекъ прибыли раздѣляется между всѣми, включая сюда и его самого, пропорціонально жалованію каждаго***). Причины, заставившія Деклера принять эту систему, въ высшей степени поучительны. Находя поведеніе своихъ рабочихъ неудовлетворительнымъ, онъ сначала попробовалъ дать имъ болѣе высокую заработную плату; и благодаря этому, ему удалось заполучить прекрасныхъ рабочихъ, которые не оставили бы службы у него ради какой либо другой. «Достигнувъ такимъ образомъ нѣкотораго рода устойчивости въ организаціи своего заведенія****), Деклеръ думалъ, что будетъ пользоваться болѣе широкимъ спокойствіемъ. Однако онъ обманулся въ этомъ. Пока онъ имѣлъ возможность наблюдать за всѣмъ самолично, начиная съ общаго веденія его предпріятія до самыхъ мельчайшихъ подробностей, до тѣхъ поръ онъ испытывалъ нѣкоторое удовлетвореніе; но съ той минуты, какъ, вслѣдствіе расширенія его предпріятія, оказалось, что онъ можетъ быть только центромъ, отъ котораго исходятъ распоряженія и которому доставляются отчеты, его прежнія заботы и огорченія опять возобновились». Онъ только слегка упоминаетъ о другихъ источникахъ безпокойства, которымъ подвергается такого рода предприниматель, но указываетъ, какъ на

*) *Economy of Machinery and Manufactures*, 3rd edition, Ch. 36.

**) Его заведеніе находится Rue Saint Georges № 11.

***) Однако кажется, что Деклеръ къ этому участію въ прибыли допускалъ лишь часть (немного меньше половины) изъ всѣхъ, находящихся у него рабочихъ. Это объясняется другой частью его системы. Деклеръ платилъ всѣмъ своимъ рабочимъ полную рыночную заработную плату. Следовательно, назначаемая имъ доля прибыли служитъ чистой прибавкой къ обыкновеннымъ заработкамъ; и онъ вполне основательно пользуется ею, какъ средствомъ для улучшенія своихъ рабочихъ, назначая ее въ награду за заслуги и исключительную надежность.

****) Цитировано по впечатленію изъ статьи въ *Chambers Journal* 4 сентября 27 1845 г.

безпрерывный поведъ къ огорченію, на убытки, происходящіе отъ дурного поведенія рабочихъ. Хозяинъ «получаетъ рабочихъ, равнодушные которыхъ къ его интересамъ таково, что они не выполняютъ и двухъ третей той работы, какую они въ состояніи произвести; отсюда происходитъ постоянное безпокойство хозяевъ, которые, види пренебреженіе къ своимъ интересамъ, считаютъ себя въ правѣ предполагать, что рабочіе постоянно составляютъ заговоры разорить тѣхъ, отъ кого они получаютъ свои средства къ существованію. Если бы поденщикъ былъ увѣренъ въ постоянномъ заработкѣ, его положеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было бы завиднѣе положенія хозяина, потому что онъ увѣренъ въ полученіи известной поденной заработной платы, все равно будетъ ли онъ мало или много работать. Онъ ничѣмъ не рискуетъ и у него нѣтъ никакого другого побужденія стараться изъ всѣхъ силъ, кромѣ его чувства долга. Доходы же хозяина, наоборотъ, почти исключительно зависятъ отъ случая; онъ находится въ состояніи постоянного раздраженія и безпокойства. Это не доходило бы до такой степени, если бы интересы хозяина и рабочихъ были связаны между собою, соединены какими нибудь узлами взаимнаго обезпеченія, подобными тѣмъ, какія бы явились при осуществленіи проекта ежегоднаго раздѣленія прибыли».

Даже въ первый годъ полнаго примѣненія системы Деклера успѣхъ былъ замѣчательный. Изъ одинъ изъ его рабочихъ, работавшихъ въ этомъ году 300 дней, не получалъ меньше 1500 фр.; а нѣкоторые получили значительно болѣе. Наибышая ежедневная заработная плата равнялась 4 фр., или 1200 фр. за 300 дней; следовательно, остальные 300 фр. составляютъ наименьшую сумму, которую поденщикъ, работавшій такое число дней, получалъ на свою долю изъ излишка прибыли. Деклеръ описываетъ въ сильныхъ выраженіяхъ улучшеніе, которое уже тогда обнаружилось въ привычкахъ и поведеніи его рабочихъ; не только во время работы и въ отношеніяхъ съ хозяиномъ, но и въ другое время, и въ другихъ отношеніяхъ въ нихъ обнаруживалась значительная перемѣна, указывающая на то, что онъ и къ другимъ, и къ самимъ себѣ сталъ относиться съ большимъ уваженіемъ. Шевалье въ своемъ произведеніи, изданномъ въ 1848 г. *), говоритъ на основаніи словъ самого Деклера, что усердіе рабочихъ даже и въ денежномъ отношеніи продолжало исполнѣе вознаграждать его за ту долю прибыли, отъ которой онъ отказался въ ихъ пользу. А Вильоме въ 1857 г. **) замѣчаетъ: — «Хотя Деклеръ не прибѣгалъ къ обману, который слѣшкомъ часто практикуется въ его профессіи, тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ въ состояніи бороться съ соперничествомъ и, несмотря на эту ступку столь значительной части изъ своей прибыли, приобрѣлъ прекрасное состояніе. Конечно, онъ имѣлъ такой успѣхъ только благодаря тому, что необыкновенная дѣятельность его рабочихъ и наблюденіе ихъ другъ за другомъ вознаградила его за пожертвованіе,

*) *Lettres sur l'Organisation du Travail*, lettre 14.

**) *Nouveau Traité d'Economie Politique*.

которое онъ сдѣлалъ, согласившись довольствоваться лишь извѣстной частью изъ всей выручки *).

Благодѣтельному примѣру Леклера послѣдовали съ замѣчательнымъ успѣхомъ другіе хозяева крупныхъ промышленныхъ заведеній въ Парижѣ: и я привожу изъ только что упомянутого произведенія (одного изъ самыхъ лучшихъ между многими выдающимися трактатами по политической экономіи, написанными современнымъ поколѣніемъ французскихъ экономистовъ) нѣсколько замѣчательныхъ примѣровъ экономической и нравственной пользы такого удивительнаго устройства **).

*) Въ настоящее время (1865 г.) заведеніе Леклера ведется по нѣсколько иной системѣ, хотя принципъ раздѣленія прибыли сохранился. Теперь въ этомъ предпріятіи три участника: самъ Леклеръ, еще другое лицо (Дефурно) и Societé de secours Mutuels (общество взаимопомощи), членами котораго состоятъ всѣ служащіе въ этомъ заведеніи. (Этому обществу принадлежатъ превосходная бібліотека и въ немъ постоянно читаются научныя, техническія и другія лекціи). Каждый изъ этихъ трехъ участниковъ вноситъ въ это дѣло сумму въ 100,000 фр. Леклеръ даетъ взаимно обществу взаимопомощи сумму, необходимую для пополненія ихъ недостаточныхъ вкладовъ. Отвѣтственность общества по участію въ товариществѣ ограничена, а отвѣтственность Леклера и Дефурно неограничена. Эти послѣдніе въ вознагражденіе за надзоръ получаютъ ежегодно по 6000 фр. Изъ ежегодной прибыли они получаютъ половину, хотя имъ принадлежитъ двѣ трети капитала. Остальная половина достается на долю надсмотрщиковъ и рабочихъ; при чемъ двѣ пятая изъ нея уплачиваются обществу взаимопомощи, а остальныя $\frac{2}{5}$ раздѣляются между всеми членами. Однако Леклеръ теперь сохраняетъ за собой право рѣшать, кто и въ какомъ размѣрѣ долженъ участвовать въ дѣлѣ, облагаясь ничего не удерживать въ свою пользу, а все, что не будетъ принуждено рабочимъ, передавать Обществу. Кромѣ того, постановлено, что въ случаѣ выхода Леклера и Дефурно заведеніе со всеми принадлежностями безъ вознагражденія поступаетъ въ собственность общества.

**) Въ мартѣ 1847 г. Поль Дюпонъ, начальникъ парижской типографіи, вздумалъ сдѣлать своихъ рабочихъ участниками въ предпріятіи, назначивъ имъ $\frac{1}{4}$ прибыли. У него обыкновенно работаетъ 300 душъ: изъ нихъ 200 душъ—по урочню, а остальные 100—подепно. Кромѣ того у него работаетъ еще сто сверхкомплектныхъ рабочихъ, которые не принадлежатъ къ ассоціаціи. Часть прибыли, достоящая на долю рабочихъ, въ среднемъ не превышаетъ двухъ—недѣльной заработной платы; но они получаютъ свою обыкновенную плату въ томъ размѣрѣ, какой установленъ во всѣхъ большихъ парижскихъ типографіяхъ и, кромѣ того, еще имѣютъ ту выгоду, что получаютъ на счетъ общества медицинскую помощь во время болѣзни и по 1 фр. 50 сан. ежедневно въ случаѣ неспособности къ труду. Рабочіе могутъ взять причитающуюся имъ долю прибыли не иначе, какъ выйдя изъ ассоціаціи. Вся доля ихъ прибыли отдается на проценты (иногда на нее покупаются государственныя облигаціи) и такимъ образомъ образуется запасный капиталъ для рабочихъ.

Дюпонъ и его компаньоны находятъ, что, благодаря такой ассоціаціи, ихъ прибыль сильно увеличилась; работа же въ свою очередь въ высшей степени довольна отъ счастливой мысли, пришедшей въ голову ихъ хозяину. Благодаря нѣкоторымъ изъ этихъ рабочихъ, заведеніе получило золотую медаль въ 1849 г. и почетную медаль на всемирной выставкѣ 1855 г.; нѣкоторые изъ нихъ даже лично получили награды за свои изобрѣтенія и работы. Подъ управленіемъ обыкновеннаго хозяина, эти превосходные рабочіе не имѣли бы свободнаго времени заниматься

До утвержденія акта, ограничивающаго отвѣтственность акціонеровъ (Limited Liability Act) считалось, что въ Англіи невозможно веденіе дѣла, подобное Леклеровскому, такъ что при прежнемъ законѣ рабочіе не могли участвовать въ прибыли, не принимая на себя отвѣтственности за убытки. Однимъ изъ множества благотворныхъ послѣдствій этого важнаго законодательнаго улучшенія было то, что стали возможными такого рода товарищества: и теперь можно падѣяться, что мы увидимъ осуществленіе ихъ на дѣлѣ. Господа Брингсы сдѣлали первую попытку въ этомъ отношеніи въ

своихъ изобрѣтеніяхъ; или же вся часть отъ ихъ изобрѣтеній доставалась бы тому, кто не принималъ никакого участія въ нихъ; но при такомъ товариществѣ, если бы хозяинъ оказался несправедливымъ, двѣсти рабочихъ заставили бы его исправить свою несправедливость.

Я посѣтилъ это заведеніе и могъ лично видѣть, какое производитъ улучшение въ привычкахъ рабочихъ это товарищество.

Жиске, бывший префектъ полиціи, съ давнихъ поръ имѣетъ маслобойный заводъ въ С.-Дени, который, послѣ корбейльскаго завода г-на Дарбле, самый большой во Франціи. Ваявшись въ 1848 году лично управлять заводомъ, онъ нашелъ, что рабочіе плясуютъ по нѣскольку дней въ недѣлю и во время работы пьютъ, курятъ, а иногда и ссорятся между собою. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ, ему наконецъ удалось измѣнить такое положеніе вещей, запретивъ своимъ рабочимъ подъ страхомъ увольненія пиваться въ рабочіе дни и въ то же время, поощрявъ въ видѣ ежегодной награды отдавать имъ пять процентовъ изъ чистой прибыли, раздѣляя эту сумму пропорціонально заработной платѣ, установленной въ обыкновенномъ размѣрѣ. Съ этихъ поръ произошло полное преобразование, и онъ оказался окруженнымъ собою, полныхъ преданности и усердія, рабочихъ. Ихъ благосостояніе увеличилось на всю ту сумму, которую они перестали пропивать и которую выиграли, благодаря своей аккуратности въ работѣ. Въ среднемъ ежегодная награда достигала суммы, равной шестипроцентной заработной платѣ.

„Бесле, бывший съ 1830 по 1839 г. членомъ палаты депутатовъ, а затѣмъ членомъ конституціоннаго собранія, основалъ въ Парижѣ въ предмѣстьѣ Тамплъ большую фабрику паровыхъ машинъ. Съ начала 1847 года онъ сдѣлалъ своихъ рабочихъ участниками въ предпріятіи, и условія этой ассоціаціи можно считать самыми полными изъ всѣхъ тѣхъ, какія были заключены между хозяевами и рабочими“.

По словамъ одного путешественника, недавно посѣтившаго Манильскіе острова, практическая проникательность китайскихъ эмигрантовъ съ давнихъ поръ внушила имъ мысль о подобномъ устройствѣ отношеній между хозяиномъ и рабочими. „Въ этихъ китайскихъ магазинахъ“ (на Манильскихъ островахъ) „хозяинъ обыкновенно возбуждаетъ всю силу дѣятельности служащихъ у него его соотечественниковъ, давая имъ извѣстную долю изъ прибыли предпріятія, или дѣлая всѣхъ ихъ, въ дѣйствительности, мелкими участниками своей торговли, изъ дохода которой онъ, безъ сомнѣнія, старается удержать за собою львиную долю: такъ что, принося ему пользу хорошимъ веденіемъ дѣла, они оказываются также въ выгоду и сами. Этотъ принципъ доводится до такого размѣра, что даже кули, вмѣсто опредѣленной заработной платы, обыкновенно получаютъ извѣстную долю изъ прибыли, а такая система, повидимому, вполне соответствуетъ ихъ характеру, потому что, несмотря на ихъ обычную недобросовѣстность при опредѣленной платѣ, они оказываются самыми трудолюбивыми и полезными рабочими, когда они заинтересованы хоть въ самой незначительной долѣ изъ прибыли“.—Mc. Micking's Recollections of Manila and the Philippines during 1848, 1849 and 1850 p. 24.

Уайтвудских и Мезлейских каменноугольных копей близъ Нормантона въ Лоркширѣ. Они предложили для разработки этихъ копей составить компанію, двѣ трети капитала которой должно по прежнему принадлежать имъ; къ участию же въ остальной трети они пообещали предпочтительно допускать «служащихъ и рабочихъ въ этомъ предпріятіи»; и что еще важнѣе, они обязались предложить акціонерамъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда ежегодная прибыль будетъ превышать 10%, половина излишка дѣлилась между рабочими и надсмотрщиками пропорціонально ихъ годичнымъ заработкамъ, все равно, будутъ ли или не будутъ эти служащіе акціонерами. Большую заслугу этихъ хозяевъ составляетъ введеніе системы, столь полезной для рабочихъ, служащихъ у нихъ, и столь способствующей улучшенію социальныхъ отношеній; и они выражаютъ вполне основательное довѣріе къ этому принципу, говоря, что введеніе предлагаемаго ими способа распредѣленія прибыли придастъ, по ихъ мнѣнію, предпріятію такой шансъ успѣха, что дивиденды акціонеровъ не только не уменьшатся, но также увеличатся.

§ 6. Однако если человечество будетъ продолжать развиваться, то можно ожидать, что въ концѣ концовъ будетъ господствовать не та форма ассоціаціи, которая можетъ существовать между капиталистомъ, какъ главою предпріятія, и рабочими, не имѣющими никакого голоса въ управленіи, а ассоціація самихъ рабочихъ, равныхъ между собою, владеющихъ сообща капиталомъ, на который они ведутъ свои операціи, и работающихъ подъ началомъ, избираемыхъ и смѣняемыхъ ими, управителей. Пока эта идея оставалась только теоріей въ произведеніяхъ Овена и Лун-Блана, до тѣхъ поръ для большей части общества могло казаться, что она не осуществима и даже не можетъ быть испытана на дѣлѣ безъ захвата существующаго капитала и конфискаціи его въ пользу рабочихъ. Еще и теперь и въ Англии, и на континентѣ многие воображаютъ, а еще болѣе число людей доказываетъ, что въ этомъ и заключается значеніе и смыслъ социализма. Но въ массахъ человечества существуетъ способность къ труду и самоотреченію, которая обнаруживается лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ее призываютъ во имя какой нибудь великой идеи или возвышеннаго чувства. Такой призывъ произвела французская революція 1848 г. Въ первое время интеллигентнымъ и благороднымъ людямъ изъ рабочихъ классовъ великой націи казалось, что они доплатя наконецъ правительству, искренно желающаго свободы и достоинства народной массы и не считающаго естественнымъ и законнымъ, чтобы она служила орудіемъ производства, работающимъ для выгоды владельцевъ капитала. Подъ влияніемъ этого поощренія развились и принесли плоды, посвященны социальными, идеями эмансипаціи труда посредствомъ ассоціаціи. Многие рабочіе пришли къ рѣшенію, что они будутъ работать другъ на друга вмѣсто того, чтобы работать на хозяина, торговца или фабриканта; кромѣ того, они постановили, что цѣною какихъ бы то ни было услугъ и лишеній они освободятся отъ необходимости платить изъ продукта своего труда тяжелую дань за пользованіе капиталомъ; и эту дань они уничтожатъ не

похищеніемъ у капиталистовъ того, что послѣдніе или ихъ предки приобрѣли трудомъ и сохранили, благодаря бережливости, а честнымъ приобретеніемъ собственнаго капитала. Если бы только немногіе рабочіе пытались привести въ исполненіе эту трудную задачу, или если бы въ то время, какъ многіе пытались, лишь немногіе успѣвали въ этомъ, то ихъ успѣхъ можно было бы не считать доказательствомъ того, что промышленность можетъ быть дѣйствительно организована по ихъ системѣ. Но помню всѣхъ неудачныхъ случаевъ, въ одаомъ Парижѣ существуетъ, или недавно существовало, болѣе ста успѣшныхъ и изъ нихъ много въ высшей степени благодѣяющихъ ассоціаціи рабочихъ, кромѣ значительнаго числа такихъ же ассоціаціи въ департаментахъ. Поучительный очеркъ ихъ исторіи и началъ, на которыхъ онѣ были основаны, былъ изданъ Фегерэ подъ заглавіемъ: *L'Association ouvrière, industrielle et agricole*. Въ Английскихъ газетахъ часто появляются заявленія о томъ, будто бы Парижскія ассоціаціи не удалась, и авторы этихъ заявленій, повидному, принимаютъ предсказанія, дѣлавшіяся врагами такихъ ассоціаціи при первоначальномъ ихъ образованіи, за свидетельства, основанныя на послѣдующихъ опытахъ; въ виду этого я считаю необходимымъ показать отрывками изъ произведенія Фегерэ, подкрѣпленными еще позднѣйшими свидетельствами, что эти указанія не только далеки отъ истины, но даже совершенно противоположны ей.

Капиталъ большей части ассоціаціи первоначально ограничивался немногими инструментами, принадлежавшими основателямъ, и тѣми небольшими суммами, какія могли быть собраны изъ бережливости или были заняты ими у другихъ рабочихъ, столь же бѣдныхъ, какъ и они. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ они получали въ заемъ капиталъ отъ республиканскаго правительства; но, повидному, ассоціаціи, которыя получали эти ссуды, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя получали ихъ раньше, чѣмъ успѣвали достигнуть извѣстнаго успѣха, вовсе не были самыми цвѣтущими. Самые поразительные примѣры процвѣтанія представляютъ собою ассоціаціи рабочихъ, которые кромѣ своихъ скудныхъ средствъ и мелкихъ займовъ у своихъ товарищей не рассчитывали ни на какую постороннюю помощь и которые жили однимъ хлѣбомъ и водою, посвящая весь излишекъ отъ своей выручки на образованіе капитала. «Часто», говоритъ Фегерэ *), «у нихъ не было въ рукахъ ни копейки денегъ, и они не получали даже заработной платы. Товары не продавались, ожидаемые платежи не поступали, векселей нельзя было учесть, кладовыя для матеріаловъ были пусты; приходилось терпѣть лишенія, сокращать до минимума всѣ расходы, по временамъ существовать лишь хлѣбомъ и водою... Только цѣною такого тяжелаго труда и такихъ страданій людямъ, вначалѣ не имѣвшимъ почти никакихъ средствъ, кромѣ своей доброй воли и своихъ рукъ, удалось приобрести покупателей, создать кредитъ, образовывать, наконецъ, общій капи-

*) Стр. 112.

талъ и такимъ образомъ основать ассоціацію, будущность которой теперь, повидному, обезпечена».

Я приведу цѣлкомъ замѣчательную исторію одной изъ этихъ ассоціацій *).

«Необходимость большого капитала для основанія фортепیانной фабрики настолько ясно сознавалась ремесленникамъ, что въ 1848 г. делегаты отъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, соединившихся для образованія большой ассоціаціи, просили у правительства пособія въ 300,000 фр., что составило бы десятую часть всей суммы, воти- рованной для такихъ цѣлей національнымъ собраніемъ. Я помню, что въ качествѣ члена комиссіи, занимавшейся распредѣленіемъ этого фонда, я напрасно въ теченіе двухъ часовъ старался убѣдить двухъ делегатовъ, ведшихъ переговоры съ комиссіей, что ихъ требованіе чрезмѣрно. Они непоколебимо возражали, что ихъ ремесло исклю- чительное; что ассоціація можетъ имѣть шансъ на успѣхъ только при веденіи дѣла въ очень широкихъ размѣрахъ и съ значитель- нымъ капиталомъ; что 300,000 фр. составляютъ ничтожную сумму, съ какой они могутъ вести дѣло, и что имъ нельзя уменьшить свое требованіе ни на одинъ су. Комиссія отказала.

«Послѣ этого отказа, проектъ обширной ассоціаціи былъ оставленъ, и вотъ что произошло. Четырнадцать рабочихъ, и замѣ- чательно, что въ числѣ ихъ одинъ изъ двухъ делегатовъ, рѣшили самостоятельно основать ассоціацію для приготовленія фортепiano. Конечно, это былъ рискованный проектъ со стороны людей, не имѣвшихъ ни денегъ, ни кредита: но въра не разсуждаетъ, а дѣйствуетъ.

«Такимъ образомъ наши четырнадцать человекъ начали рабо- тать, и слѣдующій разсказъ о первоначальномъ ходѣ ихъ дѣла я за- шмствую изъ помѣщенной въ National превосходной статьи Cochin, справедливость которой я могу засвидѣтельствовать.

«Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ, работавшихъ прежде само- стоятельно, принесли съ собою орудій и матеріаловъ на сумму около 2,000 фр... Но кромѣ того нуженъ былъ оборотный капиталъ. Каждый членъ, не безъ затрудненія, постарался внести по 10 фр. Нѣсколько рабочихъ, не принимающихъ участія въ этомъ обществѣ, выразили ему свое сочувствіе, сдѣлавъ съ своей стороны небольшіе взносы. 10 марта 1849 года была собрана сумма въ 229½ фр., и ассоціація была объявлена открытой».

«Этой суммы было недостаточно даже для перваго обзаведенія и мелкихъ расходовъ, требующихся изо дня въ день на содержаніе мастерской. Для заработной платы ничего не оставалось, и поэтому въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ рабочіе не имѣли ни одного сан- тима. Какъ же они жили въ этотъ промежутокъ времени? Такъ, какъ живутъ рабочіе, не имѣющіе занятія, т. е. получая помощь отъ то- варщицъ, имѣющихъ работу, продавая и закладывая вещи одну за другой изъ своего небольшого имущества.

«Они выполнили нѣсколько заказовъ и 4 мая получили за нихъ уплату. Этотъ день имѣлъ для нихъ значеніе побѣды въ началѣ кам-

*) 113—16.

паній, и они рѣшили отпраздновать его. По уплатѣ всѣхъ долговъ, которымъ истекаетъ срокъ, на долю каждаго члена пришлось по 6 фр. 61 сант. Изъ этой суммы они рѣшили взять по 5 фр. въ счетъ заработной платы, а остальное употребить на братскій обѣдъ. 14 то- варищей, большинство изъ которыхъ въ теченіе цѣлаго года не пробовали вина, собрались вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми на обѣдъ, стоившій имъ по 32 су на семью. Въ ихъ мастерскихъ объ этомъ днѣ еще и до сихъ поръ говорятъ съ волненіемъ, котораго трудно не раздѣлять.

«Еще цѣлый мѣсяць пришлось довольствоваться платой по 5 фр. въ недѣлю. Въ Іюль одинъ булочникъ изъ любви къ музыкѣ или для спекуляціи предложилъ купить фортепiano съ уплатой за него хлѣбомъ. Продажа состоялась по цѣнѣ въ 480 фр. Это было счастьемъ для ассоціаціи; теперь она имѣла, по крайней мѣрѣ, самое необхо- димое. Было рѣшено хлѣбъ не ставить въ счетъ заработной платы. Каждый братъ, сообразуясь со своимъ аппетитомъ или вѣрнѣе съ аппетитомъ своей семьи, такъ какъ женатымъ позволялось брать даромъ хлѣбъ для женъ и дѣтей.

«Тѣмъ временемъ ассоціація, состоявшая изъ превосходныхъ рабочихъ, постепенно побуждала препятствія и лишения, осаждавшія ее вначалѣ. Ея кассовыя книги служатъ наилучшимъ доказатель- ствомъ успѣха, какой имѣли ея фортепiano въ средѣ покупателей. Съ августа 1849 года доли каждаго поднимаются до 10, 15 и даже 20 фр. въ недѣлю: и эта послѣдняя сумма не представляетъ всей ихъ выручки, такъ какъ каждый членъ оставлялъ въ общемъ фондѣ гораздо больше того, что получать. Дѣйствительно о положеніи каждаго члена можно судить не по еженедѣльно получаемой имъ суммѣ, а по той долѣ, какая пріобрѣтена имъ въ общемъ имуществѣ, достигнемъ уже значительныхъ размѣровъ. Вотъ каково было поло- женіе ассоціаціи въ 1850 г., какъ видно изъ баланса 30-го декабря этого года.

«Въ это время въ ассоціаціи было 32 члена. Обширные магазины и мастерскія, нацммаемыя за 2,000 фр., были уже не достаточны для нея.

Кромѣ инструментовъ, оцѣниваемыхъ въ . . .	5,922 фр. 60 сан.
Товаровъ и главнымъ образомъ матеріаловъ было	
на сумму	22,972 .. 28 ..
въ кассѣ	1,021 .. 10 ..
въ векселяхъ	3,510 .. 00 ..
должны были получить *).	5,861 .. 90 ..

Такимъ образомъ на кредитъ у нихъ было. 39,317 .. 88 ..
Въ то же время дебетъ состоялъ изъ 4737 фр. 86 с., которые ассоціація должна была своимъ кредиторамъ, и изъ 1650 ф., взятыхъ у людей,

*) Двѣ послѣднія статьи состояли изъ вѣрныхъ бумагъ и вексе- лей, которые впоследствии почти всѣ были реализованы.

сочувствующихъ этому дѣлу *), всего . . . 6,387 „ 86 „

Въ остаткѣ . . . 32,930 „ 02 „

Эта сумма составляла и въ нераздѣльный капиталъ и резервный фондъ отдѣльныхъ членовъ. Къ этому времени ассоціація имѣла въ постройкѣ 76 фортепиано и получала заказовъ больше, нежели могла вышолпить».

Изъ позднѣйшаго отчета мы узнаемъ, что это общество впоследствии раздѣлилось на двѣ отдѣльныя ассоціаціи, одна изъ которыхъ уже въ 1854 г. владѣла оборотнымъ капиталомъ въ 56,000 фр. **) Въ 1863 году весь ея капиталъ равнялся 163,000 фр.

*) «Эти сочувствующіе дѣлу люди были ихъ товарищи по ремеслу, давшіе при началѣ ассоціаціи небольшія суммы денегъ, изъ которыхъ часть была возвращена въ началѣ 1851 г. Долгъ кредиторамъ также сильно уменьшился: 23 апрѣля онъ равнялся лишь 113 фр. 59 с.»

**) Статья Шербюлье «Les associations Ouvrières,» помѣщенная въ journal des Economistes за ноябрь 1860.

Я приведу еще здѣсь изъ Вильоме и Шербюлье подробное описаніе другихъ чрезвычайно успѣшныхъ опытовъ рабочихъ ассоціацій.

«Изъ ассоціацій, достигшихъ своей цѣли и пришедшихъ къ опредѣленному результату», говоритъ Шербюлье, «мы прежде всего упомянемъ объ ассоціаціи Райке въ Парижѣ улица Garancière, основатель которой въ 1848 г. былъ главнымъ надсмотрщикомъ въ типографіи Ренуара. Когда эта фирма была принуждена ликвидировать свои дѣла, онъ предложилъ своимъ товарищамъ по ремеслу соединиться съ нимъ и продолжать предпріятіе на свой собственный счетъ, испросивъ пособіе у правительства на покупку заведенія и на первые расходы. Пятнадцать рабочихъ приняли это предложеніе и образовали ассоціацію, уставъ которой опредѣлялъ заработную плату за каждый родъ работы и заключалъ въ себѣ правила для постепеннаго образованія капитала посредствомъ вычета 25% изъ всякой заработной платы и жалованья, при чемъ на этотъ вычетъ не выдавалось ни дивиденда, ни процента въ теченіе 10 лѣтъ, т. е. за все то время, какое должна была существовать ассоціація. По требованію Райке ему предоставили полное управленіе дѣломъ за очень умѣренное вознагражденіе. При ликвидациіи вся прибыль должна была быть раздѣлена между всѣми членами пропорціонально ихъ долямъ въ капиталѣ, т. е. пропорціонально ихъ работѣ. Правительство выдало пособіе въ 80,000 фр. не безъ большаго затрудненія и на очень тягостныхъ условіяхъ. Однако, несмотря на эти условія и несмотря на неблагоприятныя обстоятельства, зависѣвшія отъ политическаго положенія страны, дѣла ассоціаціи шли настолько успѣшно, что при ликвидациіи, по выплатѣ субсидіи, данной правительствомъ, она имѣла чистаго капитала 155,000 фр., и по раздѣлѣ этой суммы въ среднемъ на долю каждаго члена пришлось отъ 10 до 11 тысячъ фр., самая меньшая доля была въ 7000 фр. и самая большая въ 18,000 фр.»

«Братское общество жестяпниковъ и ламповыхъ мастеровъ было основано въ мартѣ 1848 г. 500 рабочими, т. е. въ него вошли почти всѣ рабочіе, принадлежавшіе къ этимъ ремесламъ. Эта первая попытка, внушенная неосуществимыми идеями, не пережила роковыхъ июньскихъ дней, вслѣдствіе чего образовалось новое товарищество въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Это товарищество, состоявшее вначалѣ изъ сорока членовъ, начало дѣло въ 1849 году съ капиталомъ, образовавшимся изъ членскихъ взносов, безъ всякой субсидіи со стороны правительства. Послѣ различныхъ пертурбацій, отъ которыхъ число участниковъ сократилось до трехъ, затѣмъ увеличилось до четырнадцати и потомъ снова уменьшилось до трехъ, это товарищество наконецъ составилось изъ сорока

Тѣ же замѣчательныя качества, благодаря которымъ ассоціація

шесть членовъ, и они мирно передѣляли свой уставъ въ тѣхъ пунктахъ, которые по опыту оказались неудовлетворительными. Въ 1838 году, когда ихъ число постепенно дошло до ста, они владѣли общимъ имуществомъ въ 50,000 фр. и были въ состояніи ежегодно раздѣлять между собою дивидендъ въ 20,000 фр.»

«Товарищество золотыхъ дѣлъ мастеровъ, самое старое изъ всѣхъ товариществъ, было основано въ 1831 году восьмью рабочими съ капиталомъ въ 200 фр., образовавшимся изъ ихъ соединенныхъ сбереженій. Субсидія въ 24,000 фр. дала имъ возможность въ 1849 г. сильно расширить свои операціи, размѣръ которыхъ въ 1858 г. достигъ уже 140,000 фр., при чемъ на долю каждаго члена доставался дивидендъ, равный двойной заработной платѣ.»

Слѣдующія описанія взяты изъ Вильоме.—

«Послѣ июньскаго переворота 1848 г. въ Севтъ—Антуанскомъ предмѣстьѣ, которое, какъ извѣстно, занято, главнымъ образомъ мебельщиками, работа была приостановлена. Нѣсколько рабочихъ, занимавшихся изготовленіемъ креселъ, обратились ко всѣмъ желающимъ съ предложеніемъ вступить съ ними въ товарищество. Изъ шести или семи сотъ рабочихъ, принадлежавшихъ къ этому ремеслу, четыреста выразили свое согласіе. Но для такого дѣла не доставало капитала. Поэтому девять наиболее ревностныхъ рабочихъ образовали товарищество, внеся въ него все, что они имѣли, а именно: инструментовъ на 369 фр. и 135 фр. 20 сант. деньгами.»

«Благодаря ихъ хорошему вкусу, честности и пунктуальности, ихъ дѣло расширилось, и скоро число ихъ увеличилось до 108 членовъ. Они получили отъ правительства ссуду въ 25,000 фр. по 3 $\frac{3}{4}$ % въ годъ, съ обязательствомъ возвратить капиталъ въ теченіе 14 лѣтъ.»

«Въ 1857 году участниковъ было 65 и помощниковъ въ среднемъ до ста. Всѣ члены товарищества избираютъ совѣтъ изъ восьми членовъ и управляющаго, именемъ котораго и пазывается фирма. Распредѣленіе и надзоръ за всѣми работами поручается надсмотрщикамъ, назначаемымъ управляющимъ и совѣтомъ. Одинъ надсмотрщикъ наблюдаетъ за 20—25 рабочими.»

«Плата выдается поштучно въ размѣрѣ, устанавливаемомъ общимъ собраніемъ. Заработки колеблются отъ 3 до 7 фр. въ день, смотря по усердію и искусству рабочаго. Въ среднемъ въ двѣ недѣли рабочій получаетъ 50 фр.; и никто не получаетъ значительно меньше 40 фр., а многіе зарабатываютъ по 80 фр. Нѣкоторые рѣзчики и модельщики получаютъ въ этотъ срокъ до ста франковъ, что составляетъ 200 фр. въ мѣсяцъ. Каждый обязывается работать 120 часовъ въ двѣ недѣли, т. е. по десяти часовъ въ день. По уставу за каждый пропущенный часъ виновный подвергается штрафу въ 10 сант., если пропущено не больше 30 часовъ и въ 15 сант. за часы, пропущенные сверхъ тридцати. Цѣлью этого правила было прекратить поведѣльничанье, и она была достигнута. Дѣйствительно въ послѣдніе два года рабочіе вели себя настолько хорошо, что штрафы совершенно вышли изъ употребленія.»

«Хотя товарищество (находившееся въ Севтъ—Антуанскомъ предмѣстѣи Rue de Chavonne Cour St.-Joseph) начало дѣло всего лишь съ инструментами, оцѣниваемыми въ 359 фр., тѣмъ не менѣе уже въ 1851 г. его капиталъ доходилъ до 5713 фр., а все его имущество, въ томъ числѣ и слѣдующіе ему долги, простиралось до 24,000 фр.. Съ этихъ поръ его дѣла пошли еще успѣшнѣе, такъ какъ оно преодолѣло всѣ попытки, дѣлавшіяся съ цѣлью помѣшать его успѣху. Оно ведетъ самую крупную торговлю и считается самымъ уважаемымъ изъ всѣхъ Парижскихъ заведеній, принадлежащихъ къ этому ремеслу. Его оборотъ доходилъ до 400,000 фр. въ годъ». По словамъ Вильоме, въ отчетѣ за декабрь 1856 года показавъ балансъ въ 100,398 фр. 90 сант. въ пользу товарищества, но даѣе онъ говоритъ, что въ дѣйствительности оно имѣетъ 123,000 фр..

держались въ периодъ борьбы, поддерживали ихъ и съ развитіемъ ихъ

По наиболѣе выдающимся является товарищество каменщиковъ. „Товарищество каменщиковъ было основано 10-го августа 1848. Помѣщается оно Rue st. Victor, 155. Членовъ въ немъ 85; а второстепенныхъ рабочихъ отъ трехсотъ до четырехсотъ. Всѣмъ дѣломъ завѣдываютъ два управляющіе: одинъ—строительной частью, другой—дежевной. Оба они считаются самыми лучшими мастерами—каменщиками въ Парижѣ, и довольствуются скромнымъ жалованьемъ. Это товарищество недавно построило три или четыре самыхъ замѣчательныхъ дома въ Парижѣ. Хотя оно работаетъ экономнѣе обыкновенныхъ подрядчиковъ, тѣмъ не менѣе ему приходится оказывать значительный кредитъ своимъ клиентамъ на долгие сроки, такъ какъ постройки обыкновенно не дѣлаются на наличныя деньги. Однако дѣла его процвѣтаютъ, доказательствомъ чего служатъ дивиденды въ 50%, выданный въ нынѣшнемъ году (1857) на капиталъ, въ который включаются взносы лицъ, присоединившихся къ операціямъ. Это товарищество состоитъ изъ рабочихъ, отдающихъ ему только свой трудъ; затѣмъ рабочихъ, отдающихъ ему свой трудъ и капиталъ, и наконецъ изъ лицъ, не принимающихъ участія въ работахъ, но вкладывающихъ въ него капиталъ.

„По вечерамъ каменщики занимаютъ взаимнымъ обученіемъ. У нихъ такъ же, какъ и у мебельщиковъ, дается на счетъ ассоціаціи медицинская помощь и пособіе больнымъ членамъ. Покровительство общества распространяется на каждого члена во всѣхъ случаяхъ его жизни. Мебельщики скоро будутъ располагать капиталомъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ франковъ каждый; этотъ капиталъ они могутъ отложить въ запасъ на будущее время или отдать въ приданое своимъ дочерямъ. Нѣкоторые изъ каменщиковъ имѣютъ по 4000 фр., остающихся въ общемъ дѣлѣ.

„До образованія ассоціаціи эти рабочіе были бѣдно одѣты въ куртки и блузы, потому что вѣдствие недостатка предусмотрительности, а еще чаще вѣдствие недостатка работы, они никогда не имѣли въ наличности 60 франковъ для того, чтобы купить верхнее платье. Теперь большая часть изъ нихъ такъ же хорошо одѣты, какъ лавочкики, а иногда даже и съ большимъ вкусомъ. Это происходитъ отъ того, что рабочіи, имѣющіи постоянный кредитъ въ своей ассоціаціи, можетъ получить все, что ему нужно, выдавъ расписку; а ассоціація расплачивается сама, дѣлая вычеты каждыя двѣ недѣли и тѣмъ, какъ бы, заставляя рабочаго сберегать помимо его воли. Нѣкоторые рабочіе не задолжавшіе въ общую кассу, выдаютъ на себя векселя сроками на пять мѣсяцевъ, чтобы не поддаваться соблазну бесполезныхъ расходовъ. У нихъ вычитаютъ каждыя двѣ недѣли по 10 фр. и такимъ образомъ по истеченіи 5 мѣсяцевъ у нихъ сберегается сумма въ 100 фр.“

Слѣдующая таблица, взятая Шербюлье изъ произведенія профессора Губера (самаго репостнаго и въ высшей степени убѣдительнаго проповѣдника этого рода сотрудничества) показываетъ съ какою, постепенно возрастающей, быстротой увеличивалось благосостояніе ассоціаціи каменщиковъ до 1858 года:—

Годы.	Общая сумма оборота.	Потученная прибыль.
1852	45,530 фр.	1,000 фр.
1853	297,208 "	7,000 "
1854	344,240 "	20,000 "
1855	614,694 "	46,000 "
1856	998,240 "	80,000 "
1857	1,330,000 "	100,000 "
1858	1,231,461 "	130,000 "

„Изъ этого послѣдняго дивиденда“, говоритъ Шербюлье, „30,000 фр. были отчислены въ запасный капиталъ, а остальные 100,000 фр., раздѣленные между членами товарищества, доставили каждому отъ 500 до 1,500

благосостоянія. Ихъ дисциплинарныя правила были не только не слабѣе, но даже строже, чѣмъ въ обыкновенныхъ мастерскихъ; тѣмъ не менѣе этимъ правиламъ повиновались гораздо точнѣе въ виду того, что они были предписаны самими рабочими для очевидной выгоды общества, а не для удобства хозяина, интересъ котораго, по мнѣнію рабочихъ, расходится съ ихъ собственными. Такое добровольное повиновеніе поддерживаетъ въ рабочихъ чувство личнаго достоинства и уваженія. Съ поразительной быстротой рабочіе ассоціаціи исправляли ошибки въ тѣхъ взглядахъ, съ которыми они начали дѣло, и которые въ послѣдствіи оказались несогласными съ указаніями разсудка и опыта. Вначалѣ почти всѣ ассоціаціи отвергали поштучную работу и давали одинаковую плату за всякую работу—была ли она больше или меньше. Однако почти всѣ онѣ оставили эту систему и, назначивъ каждому опредѣленный минимумъ, достаточный для существованія, все остальное вознагражденіе сообразуютъ съ количествомъ выполненной работы; большинство же изъ нихъ даже прибылъ въ концѣ года дѣлитъ пропорціонально заработку каждого члена *).

фр., кромѣ его заработной платы или жалованья, а также и кромѣ его доли въ основномъ капиталѣ предпріятія“.

Объ управленіи ассоціаціями вообще, Вильоме говоритъ: „я имѣлъ возможность лично убѣдиться въ выдающихся способностяхъ управляющихъ и членовъ совѣта ассоціацій рабочихъ. По развитію, по усердію и даже по благовоспитанности ихъ управляющіе стоятъ гораздо выше большей части отдѣльныхъ хозяевъ такого рода мастерскихъ. А въ средѣ рабочихъ, принадлежащихъ къ ассоціаціямъ, постепенно исчезаетъ пагубная привычка къ невоздержанности, которая вмѣстѣ съ грубостью и невѣжливостью является результатомъ слишкомъ недостаточнаго образованія“.

*) Даже ассоціація портныхъ въ Клиши, основанная Луи Бланомъ, послѣ полугода—годового испытанія этой системы, приняла поштучную работу. Заслуживаетъ вниманія одна изъ причинъ, приведенныхъ рабочими въ доказательство необходимости оставить первоначальный способъ вознагражденія. „Кромѣ упомянутыхъ мною недостатковъ этой системы, портные еще жаловались, что она порождаетъ безпрестанные споры и ссоры вѣдствие того, что при ней у каждого является интересъ побуждать къ работѣ своихъ товарищей. Такой взаимный надзоръ превратился въ настоящее певольничество; никто не могъ свободно распоряжаться ни своимъ временемъ, ни своими дѣйствіями. Эти раздоры исчезли съ введеніемъ поштучной работы.“—Фегера (стр. 88). Однимъ изъ главныхъ признаковъ низкаго нравственнаго уровня, обнаружившагося въ послѣднее время въ извѣстной части англійскихъ рабочихъ классовъ, служитъ ихъ оппозиція поштучной работѣ, если она недостаточно велика. Но отвращеніе къ самой поштучной работѣ, если только оно происходитъ не отъ ошибочнаго пониманія, должно заключать въ себѣ отвращеніе къ справедливости, честности, желанію обмануть, не исполнивъ работы, соотвѣтственной вознагражденію. Поштучная работа является усовершенствованіемъ договора, а договоръ, опредѣляющій всякую работу въ мельчайшихъ подробностяхъ,—доводящій начало соотвѣтствія между услугой и платимымъ за нее вознагражденіемъ до возможнаго предѣла,—представляетъ для трудолюбивыхъ рабочихъ самыя выгодныя условія при нынѣшнемъ состояніи общества и современнымъ уровнемъ цивилизаціи; хотя для недобросовѣстнаго рабочаго, желающаго получать плату, оставаясь празднымъ, такой договоръ въ высшей степени невыгоденъ.

Почти все эти ассоциации открыто придерживаются того принципа, что они существуют не для одной лишь частной выгоды отдельных членов, а для проведения в жизнь кооперативного устройства. Поэтому с каждым расширением своих операций они принимают новых членов, которые (если ассоциации остаются верными своему первоначальному плану) вступают в них не как наемные рабочие, получающие известную заработную плату, а с правом пользоваться всеми выгодами ассоциации, при чем от этих рабочих, кроме их труда, не требуется никакого взноса; единственным условием вновь поступившему члену ставится то, что он должен, как бы в вознаграждение за пожертвования первых основателей, в течение нескольких лет получать меньшую долю при ежегодном раздѣлѣ прибыли. Когда некоторые члены выходят из ассоциации, — что они всегда в правѣ сдѣлать, — они не получают ничего из капитала; онъ остается нераздѣльной собственностью, которой пользуются остающиеся члены, по которой не находится в ихъ неограниченномъ распоряженіи. По постановленіямъ почти всѣхъ уставовъ, даже при распаденіи ассоциаций капиталъ не дѣлится, а долженъ быть употребленъ на какое либо благотворительное или общепольное дѣло. Опредѣленная и обыкновенно значительная часть ежегодной прибыли не дѣлится между членами, а присоединяется къ капиталу ассоциаций или употребляется на уплату раньше сдѣланныхъ займовъ; другая часть откладывается на обезпеченіе больныхъ и неспособныхъ къ труду; затѣмъ еще откладывается некоторая часть на образованіе фонда для расширенія круга дѣятельности ассоциаций или для помощи другимъ нуждающимся ассоциациямъ. Управляющие получаютъ, подобно другимъ членамъ, вознагражденіе за занятое управленіемъ время обыкновенно в размѣрѣ самой высшей заработной платы, но принято за правило, что служебное полномочіе никогда не должно давать права на прибыль.

О способности ассоциаций даже в самомъ раннемъ періодѣ ихъ существованія успешно бороться съ отдельными капиталстами Фергера *) говоритъ слѣдующее: «ассоциациямъ, основаннымъ въ послѣдніе два года (Фергеръ писалъ это въ 1856 г.) пришлось преодолѣть много препятствій: большая часть изъ нихъ основалась почти безъ всякаго капитала; все они вступали на путь, еще не испытанный, и подвергались опасности, всегда грозившей новаторамъ и начинающимъ. Тѣмъ не менѣе во многихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ образовались ассоциации, они уже являются страшными соперниками для старыхъ фирмъ, и по этому поводу вызываютъ жалобы въ некоторой части буржуазіи. Это справедливо не только относительно содѣлателей харчевенъ, продавцовъ лимонада, парикмахеровъ и вообще относительно всѣхъ тѣхъ ремесленниковъ, ассоциаций которыхъ, благодаря характеру ихъ ремесла, могутъ рассчитывать на простонародныхъ клиентов, но также и относительно тѣхъ ремесленниковъ, которые не имѣютъ такого предпріимства. Стоитъ только поразспросить мастеровъ, изготовляющихъ стулья и кресла, или мастеровъ, дѣлающихъ пилы,

*) Стр. 37—8.

и мы убѣдимся, что, дѣйствительно, въ этихъ ремеслахъ самыя крупныя заведенія принадлежатъ ассоциациямъ рабочихъ.»

И въ самомъ дѣлѣ жизнеспособность этихъ ассоциаций должна быть велика, если около двадцати изъ нихъ были въ состояніи пережить не только анти-соціалетскую реакцію, — которая на время отбила охоту въ рабочихъ добиваться возможности быть хозяевами собственного труда, — не только притиски политику и враждебную политику правительства со времени узурпаціи, — но въ придачу къ этимъ препятствіямъ еще и все затрудненія, происшедшія отъ стѣсненнаго положенія финансовъ и торговыхъ дѣлъ съ 1854 по 1858 годъ. Я уже говорилъ раньше о томъ благосостояніи, какого достигли нѣкоторые изъ нихъ даже въ то время, когда имъ приходилось переживать этотъ трудный періодъ, и приведенные мною примѣры должны убѣдить каждаго въ томъ, какая блестящая будущность предстоитъ кооперативному началу *).

Эти ассоциации стали процвѣтать не въ одной только Франціи. Не говоря уже о Германіи, Швейцаріи и Швейцаріи (въ которой Цюрихскій потребительный союзъ представляетъ одну изъ самыхъ вѣдущихъ кооперативныхъ ассоциаций Европы) Англія можетъ представить примѣры успѣха, не уступающіе даже тѣмъ, которые я привожу для относительно Франціи. Первый толчокъ въ этомъ дѣлѣ былъ данъ Овенсомъ; затѣмъ это движеніе распространилось сочиненіями и личными успѣхами кружка его друзей, — главнымъ образомъ духовныхъ лицъ и адвокатовъ, — и путемъ ихъ благородной дѣятельности, заслуживающей самой высокой похвалы, было далеко разсѣяно здоровое сѣмя; благодаря же благотворной и воодушевленной стремленіемъ къ общему благу инициативѣ Стени, были получены отъ парламента необходимыя измѣненія въ англійскомъ законѣ о товариществахъ; послѣ чего было основано много промышленныхъ ассоциаций и еще большее число кооперативныхъ складовъ для мелочной торговли. Между этими учрежденіями многія уже достигли замѣчательно вѣдущаго состоянія; изъ нихъ самыми выдающимися примѣрами являются мукомольная мельница въ Лидсѣ и Рочдальское общество Equitable Pioneers. Исторія этого послѣдняго общества, имѣющаго наибольшій успѣхъ, была очень живо написана Холіокомъ **); эти утѣшительные факты, полученные черезъ его сочиненіе

*) Въ послѣдніе годъ или два кооперативное движеніе между французскими рабочими классами снова усилилось. Интересное описаніе потребительнаго общества было дано въ брошюрѣ Казимира Перье; а въ Times отъ 24 ноября 1864 года мы читаемъ слѣдующія строки: „Въ то время, какъ некоторые рабочие продолжаютъ настаивать на большей заработной платѣ или меньшемъ числѣ рабочихъ часовъ, другіе, также оставившіе своихъ хозяевъ, образовали товарищество съ цѣлью вести дѣло за свой собственный счетъ и собрать капиталъ на покупку инструментовъ. Это товарищество носитъ названіе Société générale d'Approvisionnement et de Consommation и насчитываетъ отъ 300 до 400 членовъ. Оно уже открыло „кооперативный складъ“ въ Пассѣ, которое теперь входитъ въ черту Парижа. Эти рабочие рассчитываютъ, что къ Маю около пятнадцати новыхъ, самостоятельныхъ ассоциаций такого же рода будутъ готовы начать свои операціи; такъ что число такихъ союзовъ въ одномъ Парижѣ будетъ простираться отъ 50 до 60.“

**) Self-Help by the People—History of Co-operation in Rochdale. По-

и другими путями известность и вызывают быстрое распространение ассоциаций с подобными же целями в Уоркинпоре, Ланкашире, Лондоне и других местах.

Первоначальный капитал Рочдальского Общества состоял из 28 фунт., собранных без всякой посторонней помощи из сбережений приблизительно сорока рабочих медленным процессом подписки по два, а затем по три пенса в неделю. С этой суммой они основали в 1844 году небольшую лавку, или склад, для снабжения своих семей некоторыми обыкновенными предметами потребления. По мере того как их заботливость и честность привлекали к ним большее число покупателей и подписчиков, они распространяли свои операции на большее число предметов потребления, и через несколько лет были в состоянии приобрести на значительную сумму акций кооперативной мельницы. Холлоу следующим образом описывает постепенные стадии развития этого общества до 1857 года.

«Общество Equitable Pioneers разделяется на семь отделений: отделение колониальных товаров, сукопное, мясное, сапожное, резиновой обуви, портняжное и оптовое продажи.

«По каждому отделению ведется особый счет, и каждые три месяца отдается общий отчет, показывающий положение всего дела.

«Отделение колониальных товаров было открыто, как уже мы говорили, в декабре 1844 года для продажи только четырех товаров. Теперь в нем есть все, что только бывает в колониальном магазине.

«Продажа сукна началась в 1847 году в самой скромной обстановке. В 1848 году она была выделена в особое отделение.

«Годом раньше, т. е. в 1846 г. Склад начал продавать мясо, покупая его в количествах от восьмидесяти до ста фунтов у одного городского купца. Несколько времени спустя эта торговля была прекращена до 1850 г., когда общество устроило собственное помещение для склада. Джон Мургауз, имевший теперь двух помощников, покупает и берет для общества трех быков, восемь овец, несколько телат и свиней, за что в среднем в неделю выручается 130 фунт. наличными деньгами.

«Сапожное отделение открылось в 1852 г. Три сапожника и один ученик готовят товар, который и поступает в продажу.

«Отделение резиновой обуви и портняжное были открыты также в этом году.

«Оптовое отделение открылось в 1852 г. и указывает на значительное развитие операций общества Пioneers. Это отделение было устроено для снабжения тех членов, которым приходится

учительное описание этой и еще другой кооперативной ассоциации, принадлежащее перу Джона Пламмера из Кетеринга, было помещено в Companion to the Almonack за 1862 г. Сам автор представляет собою замечательный пример того, какого высокого умственного и нравственного развития может достигнуть рабочий путем самообразования.

покупать большими количествами, а также с целью снабжать товарам кооперативные склады Юршира и Ланкашира, которые за неимением больших капиталов не могут делать закупок на лучших рынках, и в то же время не имеют в своем распоряжении лиц, необходимых для всякого склада при закупках на второстепенных рынках, т. е. опытных покупателей, знающих рынок и свое дело, — знающих, что, как и где купить. Оптовое отделение гарантирует чистоту, качество товара, добросовестными ценами, верность веса и меры, но держится надежного правила — продавать только на наличные деньги».

«Вследствие большого числа членов, живущих теперь далеко друг от друга, и вследствие трудности удовлетворять требования сильно увеличивающегося числа покупателей, были открыты отделения главного склада. В 1856 г. было открыто отделение на Oldham Road, в расстоянии около мили от центра Рочдаля. В 1857 г. были основаны: второе отделение в Кесльтон, третье на Whitworth Road и затем четвертое в Пинфолд».

Здание, в котором склад первоначально занимал лишь одну комнату, было нанято обществом в 1849 в очень несправном виде. «Все его части были запечатаны и скромно декорированы; теперь оно имеет вид вполне respectable магазина. Одна из зал обращена в прилично обставленный кабинет для чтения. Другая очень хорошо приспособлена для библиотеки... Их кабинет для чтения получает столько же газет, как и кабинет любого лондонского клуба». Теперь он открыт «беззастенчиво для всех членов и содержится на средства образовательного фонда», составляющегося из вычетов со всей, подлежащей разделу, прибыли 2½% которые откладываются на образовательные цели. «Библиотека содержит в себе 2200 лучших произведений», и между ними есть много и самых дорогих изданий. Пользование библиотекой бесплатно. С 1850 по 1855 годы существовала школа для молодых людей с платой двух пенсов в месяц. С 1855 года совет общества предоставил одну из зал для того, чтобы в ней собралось для взаимного обучения по воскресениям и вторникам от 20 до 30 лиц в возрасте от 14 до 40 лет».

«Вместе общество, конечно, наняло мельницу возле Малаго Моста, приблизительно, в полутора милях расстояния от города. Впоследствии оно выстроило для себя совершенно новую мельницу в самом городе. Машина и устройство мельницы самые прочные и усовершенствованные. На эту мельницу затрачен капитал в 8,450 фунтов; из них 3713 ф. 15 шил. 2 пен. были внесены обществом Equitable Pioneers. На мельнице работает одиннадцать человек».

Позднее это общество расширило свои операции настолько, что стало производить даже некоторые предметы фабричной промышленности. Благодаря успеху общества Пioneers, возникла не только кооперативная мельница, но и кооперативное товарищество хлопчатобумажной и шерстяной мануфактуры. «Капитал этого отделения равен 4000 фунт.; из них сумма в 2042 фунт. была дана

обществом Equitable Pioneers. Въ мастерскихъ этого товарищества дѣйствуетъ девяносто шесть станковъ, и оно даетъ работу 26 мужчинамъ, 7 женщинамъ, 4 мальчикамъ и 5 дѣвочкамъ—всего 42 душамъ»....

«Въ 1853 году складъ купилъ за 745 фунтовъ магазинъ на противоположной сторонѣ улицы, гдѣ онъ хранитъ и продаетъ по мелочамъ муку, мясо, картофельъ и тому подобные товары. Въ томъ же зданіи помѣщаются совѣщательный залъ общества и конторы. Другіе соседніе дома паяты для складовъ коленика и чулочнаго и башмачнаго товаровъ. Странствуя по этимъ перепутаннымъ отдѣленіямъ, посетитель паталкивается на башмачниковъ и портныхъ, работающихъ въ здоровой обстановкѣ и совершенно покойныхъ относително того, что ихъ ожидаетъ въ субботу вечеромъ. Эти магазины во всѣхъ отдѣленіяхъ переполнены товарами, какъ Ноевъ ковчегъ, и веселье покупателей каждый вечеръ буквально наполняютъ Toad Lane, толпясь, какъ пчелы, возлѣ прилавковъ. Ни въ одномъ изъ промышленныхъ округовъ Англіи нельзя встрѣтить другого подобнаго зрѣлища, какъ въ Рочдальскомъ кооперативномъ складѣ въ субботу вечеромъ *). Послѣ несчастнаго банкротства Рочдальской

*) „Но въ этомъ учрежденіи“ говоритъ Холіокъ, „глубочайшій интересъ для читателя и писателя представляетъ не блестящее состояніе торговли, а новый и улучшенный духъ, одушевляющій эти торговые отношенія. Покупатель и продавецъ встрѣчаются, какъ друзья; тутъ нѣтъ старанія обмануть съ одной стороны и недоверія съ другой... Эти толпы скромныхъ рабочихъ, которые раньше не знали, что такое хорошая пища, у которыхъ каждый обѣдъ состоятъ изъ фальсифицированныхъ припасовъ, сапоги черезъ мѣсяцъ пачинали промокать, куртки лоснились отъ страшной грязи, и жены которыхъ носили никогда не мышіяся, ситцевыя платья, теперь покупаютъ на рынкѣ, какъ миллионеры, и относительно доброкачественности пищи живутъ какъ лорды“. По всей вѣроятности, въ этомъ послѣднемъ отношеніи даже гораздо лучше лордовъ, потому что при современномъ развитіи безчестной конкуренціи лорды ни въ какомъ случаѣ не меньше другихъ потребителей подвергаются обману. „Они сами ткуютъ свои матеріи, шьютъ свои башмаки и одежду и мелютъ свой хлѣбъ. Они покупаютъ самый чистый сахаръ и самый лучшій чай и мелютъ свой кофе. Они бьютъ свой собственный скотъ и самыя лучшія ткачей скоты страны прогоняются по улицамъ Рочдэля для потребленія ткачей байки и сапожниковъ. Въ прошломъ году общество предписало одному изъ агентовъ по закупкѣ провизіи дѣлать закупки въ Ирландію съ тѣмъ, чтобы онъ только этимъ и занимался. Развѣ соперничество доставляло когда нибудь бѣднымъ людямъ такія выгоды? И ставтъ ли кто отрицать, что нодъ такимъ вліяніемъ нравственный характеръ этихъ людей улучшился? Члены Рочдальскаго общества трезвости призываютъ, что складъ за время своего существованія повліялъ на уменьшеніе пьянства гораздо сильнѣе, чѣмъ они сами могли бы повліять за такой же промежутокъ времени при всемъ ихъ стараніи. Отцы семействъ, которые никогда не знали, какъ обходиться безъ долговъ, и бѣдныя жены, которыя въ теченіе сорока лѣтъ никогда не имѣли въ своемъ распоряженіи свободныхъ шести пенсовъ, теперь имѣютъ небольшие сбереженія, достаточныя для постройки коттеджа, и могутъ каждую недѣлю отправляться на рынокъ, позвякивая монетами въ карманѣ; а на этомъ рынкѣ нѣтъ ни недоверія, ни обмана; нѣтъ ни подмѣсей, ни низкихъ сортовъ. Вся атмосфера проникнута честностью. Всѣ служашіе здѣсь не сбѣгаютъ, не хитрятъ и не занскиваютъ. Имъ нѣтъ никакого интереса во всякомъ родѣ

судо-сберегательной кассы въ 1849 году, складъ общества сдѣлался настоящей судо-сберегательной кассой этой мѣстности.

Слѣдующая таблица, доведенная до 1860 г. на основаніи Альманаха, издаваемаго обществомъ, показываетъ денежный результатъ его операцій съ момента учрежденія:

Годъ	Число членовъ	Величина капитала.	Количество продажъ на палочныхъ дощкахъ въ складѣ за годъ.	Величина прибыли за годъ.
1844	28	28 ф. 0 ш. 0 п.		
1845	74	181 12 5 .	710 ф. 6 ш. 5 п.	32 ф. 17 ш. 6 п.
1846	86	252 7 1 1/2	1,146 17 7	80 16 3 1/2
1847	110	286 5 3 1/2	1,924 13 10	72 2 10
1848	140	397 0 0	2,276 6 5 1/2	117 16 10 1/2
1849	390	1,193 19 1	6,611 18 0	561 3 9
1850	600	2,299 10 5	13,179 17 0	889 12 5
1851	630	2,785 0 1 1/2	17,638 4 0	990 19 8 1/2
1852	680	3,471 0 6	16,352 5 0	1,206 15 2 1/2
1853	720	5,848 3 11	22,760 0 0	1,674 18 11 1/2
1854	900	7,172 15 7	33,364 0 0	1,763 11 2 1/2
1855	1400	11,032 12 10 1/2	44,902 12 0	3,106 8 4 1/2
1856	1600	12,920 13 1 1/2	63,197 10 0	3,921 13 1 1/2
1857	1850	15,142 1 2	79,788 0 0	5,470 6 8 1/2
1858	1950	18,160 4	71,689 0 0	6,284 17 4 1/2
1859	2703	27,060 14 2	104,012 0 0	10,739 18 6 1/2
1860*)	3450	37,710 9 0	152,063 0 0	15,906 9 11

плутняхъ. На нихъ лежитъ только одна обязанность—давать по установленной мѣрѣ и полному вѣсу доброкачественный товаръ. Въ другихъ частяхъ города, гдѣ соперничество является основнымъ правиломъ, всѣ проповѣдники Рочдэля не могутъ произвести нравственнаго измѣненія, подобнаго этому.

Такъ какъ складъ не дѣлаетъ долговъ, то онъ и не подвергался никакимъ потерямъ; и въ теченіи своей тринадцатилѣтней дѣятельности и при оборотѣ приблизительно въ 303, 852 фун. онъ не имѣлъ ни одного процесса. Третейскимъ судьямъ Общества во все время пребыванія ихъ въ этой должности не пришлось разрѣшать ни одного дѣла, и они довольны тѣмъ, что никто не спорится*).

*) „Послѣдній отчетъ, какой мнѣ удалось получить, относится къ четверти года, истекающей 20 сентября 1864 г., и я привожу слѣдующее извлеченіе изъ этого отчета, помѣщеннаго въ ноябрьскомъ номерѣ прекраснаго журнала „Co-operator“, издаваемаго Генри Питмевомъ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и основательныхъ проповѣдниковъ кооперативнаго дѣла. „Число членовъ—4580, т. е. въ три мѣсяца оно увеличилось на 132 члена; капиталъ, или все имущество общества, оцѣнивается въ 59,536 фун. 10 шил. 1 пен., съ прошлой четверти онъ увеличился на 3,687 фун. 13 ш 7 пен. За проданные товары получено различныхъ деньгами 45,806 ф. 0 ш. 10 1/2 п. т. е. по сравненію съ предыдущими 3 мѣсяцами больше на 2,283 ф. 12 ш. 5 1/2 п. Выручено прибыли 5,713 ф. 2 ш. 7 1/2 п., которая за отчисленіемъ въ погашеніе основнаго капитала 182 фун. 2 ш. 4 1/2 п., по уплатѣ процентовъ на акціонерный капиталъ—598 ф. 17 ш. 6 пен., за вычетомъ 2 1/2% на образовательный фондъ, т. е. 122 ф. 17 ш. 9 п., даетъ членамъ на ихъ покупку дивидендъ въ 2 ш. 4 пен. съ фунта стерляговъ. Не-члены получили 261 ф. 18 ш. 4 п., по 1 ш. 8 пен. на фунтъ стерляговъ ихъ покупокъ, при чемъ общество получило отъ

Я считаю лишним входить въ такія же подробности относительно мукомольнаго общества, и только упомяну, что въ 1860 г. его капиталъ по даннымъ того же изданія опредѣлялся въ 26,618 ф. 14 ш. 6 пен., а прибыль за одинъ этотъ годъ въ 10164 ф. 12 ш. 5 п. Относительно мануфактурнаго заведенія я не имѣю достовѣрныхъ свѣдѣній позднѣе тѣхъ, какія были доставлены Холиокомъ, который опредѣляетъ капиталъ предприятия въ 1857 году въ 5,500 ф. Но письмо, помѣщенное въ «Рочдальскомъ Наблюдателѣ» за 26 мая 1860 г., и по отзыву редактора, принадлежащее лицу, хорошо знакомому съ условіями дѣла, говоритъ, что къ этому времени капиталъ достигъ 80000 фун. Въ томъ же письмѣ находятся въ высшей степени утѣшительныя данныя относительно другіхъ подобныхъ же ассоціацій: Росендальской Промышленной Компаніи съ капиталомъ въ 40000 ф.; Лодденской Кооперативной Компаніи съ капиталомъ въ 8000 фун.; Вассер and Wardle Commercial Company съ капиталомъ въ 40000 ф., болѣе трети котораго получено займа по 5%; и это обстоятельство въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ безпрямѣрнаго коммерческаго оживленія послужило причиной того, что дивиденды членовъ поднялись почти до базисной высоты.

Нѣтъ никакой необходимости входить въ какія либо подробности относительно послѣдующей исторіи англійской кооперации; тѣмъ болѣе, что она теперь представляетъ одинъ изъ признанныхъ элементовъ современнаго прогрессивнаго движенія и, какъ таковая, сдѣлалась въ послѣднее время предметомъ прекрасныхъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ большей части нашихъ передовыхъ журналовъ. Самая позднѣйшая и наилучшая статья относительно этого вопроса была помѣщена въ Edinburgh Review за октябрь 1864 г.; а объ успѣхѣ кооперации изъ мѣсяца въ мѣсяць правдиво появляются отчеты въ «Cooperator». Однако я не могу не упомянуть о послѣднемъ огромномъ шагѣ впередъ въ дѣлѣ кооперативныхъ складовъ; а именно, объ образованіи одного общества оптовой торговли на Сѣверѣ Англіи и другого, — готоваго открыться въ Лондонѣ. Цѣль этихъ обществъ состоитъ въ томъ, чтобы, при помощи кооперативныхъ закупокъ, какъ иностранныхъ, такъ и мѣстныхъ товаровъ непосредственно отъ производителей, избавиться отъ необходимости пользоваться услугами оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ и такимъ образомъ воспользоваться тою выгодой, какую въ обыкновенныхъ условіяхъ получаютъ отдельные предприниматели.

Едва ли возможно смотрѣть на будущее человечества иначе, какъ не съ полной надеждой, когда въ двухъ главныхъ странахъ земнаго шара самые поздніе слои общества состоятъ изъ простыхъ рабочихъ, которымъ ихъ честность, здравый смыслъ, самообладаніе и достойное уваженія довѣріе другъ къ другу дали возможность

этихъ покупокъ по 8 пенсовъ на фунтъ стерлинговъ прибыли, что увеличило резервный фондъ на 104 ф. 15 ш. 4 п. Этотъ фондъ теперь равняется 1,352 ф. 7 ш. 11½ п.; онъ составился изъ прибыли, полученной екта (омъ съ сентября 1862 г. отъ продажи товаровъ постороннимъ лицамъ. При чемъ эти лица получали еще скидку въ 1 ш. 8 п. на фунтъ стерлинговъ ихъ покупокъ.“

доставитъ эти благородные опыты до того побѣдоноснаго результата, о которомъ свидѣтельствуютъ факты, приведенные на предыдущихъ страницахъ.

4. Отъ постепеннаго развитія кооперативнаго движенія можно ожидать даже сильнаго увеличенія общей производительной силы промышленности. Причинъ такого увеличенія двѣ. Во-первыхъ, сократится классъ распределителей, которые не производятъ, а только помогаютъ производству, и чрезмѣрное число которыхъ гораздо въ большей степени, чѣмъ доходы капиталистовъ, является причиной, почему столь большая часть пѣ произведеннаго богатства не достигаема до производителей. Распределители отличаются отъ производителей тѣмъ, что когда число производителей увеличивается, они въ дѣйствительности и производятъ больше даже въ томъ случаѣ, если въ какой нибудь данной отрасли промышленности ихъ будетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ; но отъ увеличенія числа распределителей не увеличится распределеніе товаровъ и не появится новаго богатства, которое нужно было бы распределять, а только презвняя работа раздѣлится между большимъ числомъ лицъ, при чемъ процессъ распределенія отъ этого едва ли станетъ дешевле. Благодаря ограниченію количества распределителей до числа, дѣйствительно необходимаго для того, чтобы сдѣлать товары доступными для покупателей, — что представляетъ прямое слѣдствіе кооперативной системы, — освободится огромное число рукъ для производства, и капиталъ, на который онѣ содержатся и изъ котораго онѣ получаютъ вознагражденіе ихъ барыши, будетъ употребляться на прокормленіе и вознагражденіе производителей. Это огромное сбереженіе экономическихъ средствъ всего міра было бы осуществлено даже и въ томъ случаѣ, если бы кооперация остановилась на ассоціаціяхъ для покупки и потребленія, не распространяясь на производство.

Другой способъ, какимъ кооперация еще сильнѣе способствуетъ увеличенію производительности труда, состоитъ въ томъ огромномъ побужденіи, какое она даетъ производительной энергіи, ставя всѣхъ рабочихъ вообще въ такое отношеніе къ ихъ работѣ, что у нихъ возникаетъ правило и интересъ, — отсутствующіе въ настоящее время, — въ обмѣнъ за получасное или вознагражденіе сработать возможно больше, а не возможно меньше. Едва ли можно слишкомъ высоко оцѣнить эту матеріальную выгоду, которая, однако, ничтожна по сравненію съ тѣмъ нравственнымъ переворотомъ въ обществѣ, какимъ бы она сопровождалась. Кооперация привела бы къ слѣдующимъ результатамъ: закончилась бы постоянная вражда между капиталомъ и трудомъ; условія человеческой жизни измѣнились бы, и борьба классовъ изъ-за противоположныхъ интересовъ уступила бы мѣсто дружественному соревнованію въ преслѣдованіи общаго блага; уваженіе къ труду повысилось бы, появилось бы новое чувство обязанности и независимости въ рабочемъ классѣ, и ежедневное занятіе каждаго человѣка превратилось бы въ школу общественныхъ симпатій и пракческаго развитія.

Таковъ тотъ благородный идеалъ, который должны имѣть въ виду проповѣдники кооперации. Но чтобы достигнуть въ какой бы

то ни было степени этих целей, необходимо, чтобы не некоторые лишь, а все из тех, кто взялся за это дело, были одинаково заинтересованы в процветании его. Ассоциации, которые при успехах отказываются от главного принципа кооперативной системы и обращаются в акционерные компании с ограниченным числом пайщиков, отличающиеся от других подобных компаний лишь тем, что они состоят из рабочих,—ассоциации, которые пользуются наемными рабочими, не имеящими никакого участия в прибыли (а я с грустью должен сказать, что даже Рочдальское мануфактурное общество сплзшло до этого),—конечно, действуют на основании закона права, честно пользуются существующим общественным устройством для улучшения положения своих членов, как отдельных лиц; но от таких ассоциаций нельзя ожидать, чтобы они заменили это устройство каким нибудь лучшим. Кроме того, такие общества не будут в состоянии устоять против соперничества отдельных лиц. Самостоятельное ведение дела лицом, исключительно заинтересованным в ходе его, имеет огромные преимущества перед всякого рода коллективным ведением дела. Этим преимуществом кооперация может противопоставить лишь одну вещь—общую заинтересованность рабочих в деле. Когда же отдельные капиталисты присоединят и это последнее преимущество к другим выгодам своего положения; когда они, хотя бы лишь для увеличения своих доходов, уловят себя тот способ ведения дела, который оставили эти кооперативные общества, и заинтересуют денежной выгодой всех работающих у них лиц в наибольшей успешности и экономии предприятия; то они, по всей вероятности, одержат легкую победу над такими обществами, которые сохраняют недостатки старой системы, в то время как не имеют возможности обладать всеми ее преимуществами.

Как бы успешно ни развивалось дело кооперации, все же вероятно еще долго будет желательным, чтобы отдельные капиталисты, допускающие своих рабочих к участию в прибыли, существовали на ряду даже с теми кооперативными обществами, которые останутся верными своему основному принципу. Единство власти является возможным многими вещами, которыми не могли бы быть или не были бы предприятия вследствие возможности несогласия в советах или вмешания в управление. Частный капиталист, свободный от контроля общества, если только он обладает известными способностями, гораздо скорее, чем почти всякая ассоциация, может принимать на себя благоразумный риск и вводить дороги улучшения. От кооперативных обществ можно ожидать введения улучшений лишь после того, как последние были с успехом испробованы; тогда как отдельные лица будут готовы взяться за дело, еще испробованное. Даже в обыкновенном деле соперничество способных людей, которые в случае неудачи несут все убытки, а в случае успеха получают большую долю прибыли, было бы очень полезно для того, чтобы деятельность и бдительность

управителей кооперативных обществ поддерживалась на надлежащей высоте.

Однако, когда кооперативные общества достаточно размножаются, по всей вероятности, никакие рабочие, кроме самых плохих, не согласятся работать всю жизнь лишь за одну заработную плату; и как частные капиталисты, так и ассоциации постепенно найдут необходимым предоставить всем рабочим участие в прибыли. В конце концов и, быть может, даже не в таком отдаленном будущем, как можно было бы предполагать, нам придется увидеть, как при помощи кооперативного принципа совершится преобразование общественного строя, которое соединит личную свободу и независимость с нравственными, умственными и экономическими выгодами совместного производства и которое, без насилия и грабежа или даже без какого-либо внезапного нарушения существующих привычек и расхождений, осуществит, по крайней мере в промышленной области, лучшие стремления демократического духа, положив конец разделению общества на трудящихся и праздных и уничтожив все социальные различия, кроме тех, которые честно приобретены личными стараниями и заслугами. Ассоциации, подобны описанным нами, благодаря самому их успеху служат средством для воспитания тех нравственных и практических способностей, которые только они дают возможность достигнуть заслуженного успеха. По мере размножения ассоциаций, они будут поглощать все большее и большее количество рабочих; и все их будут оставаться лишь те, у которых слишком мало понятия или слишком мало силы характера для того, чтобы научиться действовать иначе, как повинаясь внушениям увага эгоизма. По мере того, как будет совершаться эта перемена, капиталисты, вместо того, чтобы бороться при помощи самых плохих рабочих за поддержание старой системы, постепенно станут находить для себя более выгодным отдавать взаимы свои капиталы ассоциациям; процент по этим займам будет понижаться, и в конце концов собственники, быть может, согласятся обменять свои капиталы на ежегодные доходы в течение определенного количества лет. Этим, или каким-либо подобным способом, вся масса накопленных капиталов может честно и, как бы, в силу добровольного процесса сдаться в конце концов общей собственностью всех, кто участвует в их производительном применении. Общественный строй, явившийся в результате этих изменений (конечно, при предположении, что оба пола одинаково участвуют в нравах и управлении ассоциацией *) был бы наиболее близок к идеалу со-

*) Рочдальское общество и в этом отношении также подало пример благоразумия и справедливости, достойных того здравого смысла и той порядочности, которые обнаруживаются во всех его действиях вообще. „Рочдальский Склад“, говорит Холлок, „оказывает случайную, но весьма ценную помощь осуществлению гражданской независимости женщины. Женщины безразлично, как одинокия, так и замужья, могут быть членами этого Склада и подавать голос в его собраниях. Многия замужья женщины становятся членами, потому что их мужья

цальной справедливости и осуществилъ бы самую благотворную для общественныхъ интересовъ промышленную организацію, какую только мы можемъ себѣ представить въ настоящее время.

§ 7. Итакъ, я согласенъ съ социалистическими писателями относительно ихъ представленія о формѣ, какую стремится принять промышленный строй по мѣрѣ своего усовершенствованія; и я никоимъ образомъ не разделяю ихъ мнѣнїе, что уже назрѣло время для начала этого преобразованія, и слѣдуетъ помогать ему и поощрять его всеми справедливыми и целесообразными средствами. Но, соглашаясь съ социалистами и сочувствуя имъ въ этой практической части ихъ стремленій, я рѣшительно расхожусь съ ними во мнѣнїи относительно самой выдающейся и животрепетущей части ихъ ученія, относительно ихъ проповѣдей противъ соперничества. Обладая нравственными воззрѣніями, во многихъ отношеніяхъ сильно опережающими существующее общественное устройство, они вообще имѣютъ очень смутное и ошибочное представленіе о дѣйствіи этого устройства на практикѣ; и одно изъ ихъ наибольшихъ заблужденій, по моему мнѣнїю, состоитъ въ томъ, что они приписываютъ соперничеству всѣ нынѣ существующія экономическія бѣдствія. Они забываютъ, что, гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ является монополія, и что монополія во всѣхъ ея формахъ есть налогъ на трудящихся въ пользу праздныхъ, а быть можетъ, даже и грабителей. Социалисты забываютъ также, что, за исключеніемъ соперничества между самими рабочими, всякое другое соперничество приноситъ пользу рабочимъ, удешевляя потребляемые ими продукты; что соперничество даже на рынкѣ труда служитъ средствомъ не пониженія, а повышенія заработной платы вездѣ, гдѣ соперничество изъ-за получения рабочихъ рукъ бываетъ сильнее соперничества послѣднихъ между собою, какъ это мы видимъ въ Америкѣ, въ колоніяхъ и въ ремеслахъ, требующихъ предварительнаго обученія. Упускаютъ изъ виду, что оно никогда бы не могло служить причиной низкой заработной платы, если бы не было переполненія рынка труда влѣдствіе чрезмѣрной многолюдности рабочихъ семей; и что, когда рабочее население чрезмѣрно, то даже и самъ социализмъ не можетъ помѣшать тому, чтобы ихъ вознагражденіе не было низкимъ. Кроме того, если бы всѣ рабочіе принадлежали къ ассоціаціямъ, то не было бы соперничества между рабочими; а соперничество между ассоціаціями служило бы для пользы потребителей, т. е. самихъ ассоціацій, или всѣхъ трудящихся классовъ вообще.

И не утверждаю, что въ соперничествѣ нѣтъ дурныхъ сторонъ, или что нравственныя возраженія социалистическихъ писателей,

не хотѣть брать на себя этой обязанности; другія вступаютъ въ общество изъ самозащиты, чтобы помѣшать мужьямъ истрачивать ихъ деньги на пьянство. Мужъ не можетъ вынуть изъ Склада сбереженій, записавшись на имя жены, если она не подпишетъ ордера. Конечно при современномъ состояніи закона мужъ могъ бы при помощи процесса получить эти деньги. Но процессъ требуетъ времени, и прежде чѣмъ законъ придетъ въ движеніе, мужъ протрезвится и одумается.*

приводимыя противъ соперничества, которое, по ихъ мнѣнїю, является источникомъ зависти и вражды между людьми, посвятившими себя одному и тому же занятію, совершенно неосновательны. Но если соперничество и приноситъ зло, то оно предотвращаетъ еще большее зло; Фейеръ *) вѣрно замѣчаетъ: «Глубочайшій корень зла и несправедливостей, которыми переполненъ промышленный міръ, заключается не въ соперничествѣ, а въ подчиненіи труда капиталу и въ той огромной долѣ, какую въ правѣ брать изъ продукта владѣльцы орудій труда... Если соперничество можетъ приносить много зла, то оно также можетъ приносить не меньше и добра, въ особенности въ томъ, что касается развитія индивидуальныхъ способностей и успѣха нововведеній». Социалисты обыкновенно дѣлаютъ ту ошибку, что не принимаютъ во вниманіе природной лѣности человѣка, его склонности оставаться пассивнымъ, быть рабомъ привычекъ, упорно держаться разъ избраннаго порядка. Пусть люди достигнутъ существованія, признаваемого ими сноснымъ, и сейчасъ же явится опасность, что съ этого времени начнется полный застой, что они перестанутъ стремиться къ совершенствованію и, давъ притупиться своимъ способностямъ, потеряютъ даже энергію, необходимую для предохраненія ихъ отъ упадка. Соперничество, быть можетъ, не наилучшее изъ доступныхъ нашему пониманію возбужденій; но теперь оно необходимо, и никто не можетъ предвидѣть того времени, когда оно перестанетъ быть необходимымъ для прогресса. Ограничмы для примѣра, хотя бы, одной промышленной сферой, въ которой большинство людей, какъ можно предположить, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой сферѣ, можетъ быть компетентными судьями улучшеній; и мы увидимъ, что было бы трудно заставить общее собраніе какой-нибудь ассоціаціи ради введенія новаго и много-обещающаго изобрѣтенія подчиниться хлопотамъ и неудобствамъ, сопряженнымъ съ измѣненіемъ привычекъ, если бы существованіе другихъ соперничающихъ ассоціацій не заставляло ее опасаться, что то, на что она не согласится, будетъ принято другими, и она останется позади всѣхъ.

Вмѣсто того, чтобы видѣть въ соперничествѣ пагубную и противно-общественную силу, какъ это признаетъ большинство социалистовъ, я считаю, что, даже и при современномъ состояніи общества и промышленности, каждое стѣсненіе соперничества вредно, а каждое расширеніе его, даже если оно въ некоторое время вредно отражается на какомъ-нибудь классѣ рабочихъ, всегда въ концѣ концовъ бываетъ полезно. Охранять отъ соперничества значитъ покровительствовать лѣни и умственной тупости, избавлять однихъ людей отъ необходимости быть столь же дѣятельными и разумными, какъ и другіе; и если покровительство оказывается иногда однимъ рабочимъ противъ другихъ, которые грозятъ лишитъ первыхъ занятія, соглашаясь работать за меньшую плату, то это бываетъ лишь тамъ, гдѣ старый обычай или мѣстная и несправедливая монополія поставили какой-нибудь отдѣльный классъ ремесленниковъ въ привилегированное

положеніе по сравненію съ остальными, и лишь въ то время, когда для развитія общества уже больше не нужны привилегіи немногихъ. Если, напримѣръ, торговцы готовымъ платьемъ вступаютъ въ соперничество съ портными и этимъ понижаютъ ихъ заработокъ, который прежде имѣлъ установленную обычаемъ высоту, то это тѣмъ лучше, въ концѣ концовъ. Теперь нужно, не поддерживать старинные обычаи, въ силу которыхъ ограниченныя классы рабочихъ получаютъ исключительную выгоду, заставляющую ихъ желать сохраненія нынѣшней организаціи общества, а, напротивъ, вводить новые всеобщіе способы веденія дѣла, выгодные для всѣхъ. Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно радоваться всякому обстоятельству, которое заставляетъ привилегированныя классы пскусяныхъ ремесленниковъ чувствовать, что у нихъ тѣ же интересы, какъ и у другихъ рабочихъ, что ихъ вознагражденіе зависитъ отъ тѣхъ же общихъ причинъ, какъ и вознагражденіе прочаго рабочаго люда, и, наконецъ, что для улучшенія своего положенія они должны прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, какъ и массы рабочихъ, находящіяся въ менѣе счастливыхъ условіяхъ, и сравнительно безпомощныя.

КНИГА V.

Вліяніе правительства

ГЛАВА I.

Функции правительства вообще.

§ 1. Въ настоящее время однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ и въ политической наукѣ и въ практической государственной дѣятельности является вопросъ объ опредѣленіи надлежащихъ границъ для обязанностей и дѣятельности правительства. Въ прежнія времена предметомъ споровъ было то, каково должно быть устройство правительства и по какимъ принципамъ и правиламъ они должны пользоваться своею властью; но теперь вопросомъ почти въ равной мѣрѣ спорнымъ является то, на какія области человеческой жизни должна распространяться эта власть. А въ наше время, когда существуетъ такое сильное стремленіе реформировать управление и законодательство съ цѣлью улучшить положеніе человечества, значеніе этихъ дебатовъ, по всей вѣроятности, не уменьшится, а увеличится. Съ одной стороны, нетерпѣливые реформаторы, воображающіе, что легче и проще овладѣть управленіемъ, нежели умамъ и расположеніемъ общества, постоянно стремятся расширить область дѣятельности правительства за надлежащія границы. Между тѣмъ, съ другой стороны, человечество такъ приучено своими правителями къ вмѣшательству, которое совершается съ цѣлями, не имѣющими никакого отношенія къ общественному благу, или подъ вліяніемъ ошибочнаго представленія о томъ, что именно необходимо для этого блага,—такъ часто даже люди, искренно желающіе улучшить, необдуманно предлагаютъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя съ успѣхомъ или пользою могутъ быть достигнуты лишь при помощи общественнаго мнѣнія побужденій.—что возникъ духъ упорнаго сопротивленія просто лишь самому вмѣшательству правительства, и появилась расположен-

лостъ ограничивать сферу его дѣятельности самыми тѣсными границами. Въ силу различія въ историческомъ развитіи націй,—о которомъ здѣсь не зачѣмъ распространяться,—первая крайность, т. е. чрезмѣрное расширеніе круга дѣятельности правительства, преобладаетъ и въ теоріи и на практикѣ у континентальныхъ народовъ, тогда какъ въ Англіи до сихъ поръ преобладало противоположное стремленіе.

Общіе принципы этого вопроса,—насколько тутъ дѣло идетъ о принципѣ,—я постараюсь опредѣлить въ одной изъ слѣдующихъ главъ этой книги; а именно, послѣ того, какъ мы рассмотримъ вліяніе, производимое образомъ дѣйствій правительства при исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя по общему убѣжденію являются общепризнанными функциями его. Для этого здѣсь необходимо подробно опредѣлить обязанности, которыя или нераздѣльны отъ идеи правительства, или обыкновенно исполняются всѣми правительствами, не вызывая никакихъ возраженій; такія обязанности необходимо отпичать отъ тѣхъ, относительно которыхъ считается сомнительнымъ, должно ли или не должно правительство ихъ исполнять. Первые изъ нихъ могутъ быть названы *необходимыми*, а вторые *произвольными* функциями правительства. Подъ терминомъ «произвольныя» слѣдуетъ понимать не то, что вопросъ: должно или не должно правительство брать на себя такого рода обязанности, можетъ когда—нибудь быть совершенно безразличнымъ, или же подлежать произвольному рѣшенію; а лишь то, что, хотя можетъ быть вполне цѣлесообразнымъ возложить на правительство исполненіе этихъ обязанностей, но въ этомъ нѣтъ непозбѣжной необходимости, и относительно этого существуютъ или могутъ существовать различныя мнѣнія.

§ 2. Пытаясь перечислить необходимыя функции правительства, мы находимъ, что онѣ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ это кажется большинству людей, и не могутъ быть ограничены тѣми вполне опредѣленными демаркаціонными линіями, какими очень часто желаютъ окружать путь въ поверхностныхъ публичестическихъ дебатахъ. Напримѣръ, намъ часто приходится слышать, что правительства должны ограничиваться доставленіемъ защиты противъ насилія и обмана; что за исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, люди должны быть свободными дѣлателями, способными заботиться сами о себѣ, и что пока лицо не дѣлаетъ никакого насилія или обмана во вредъ личности или собственности другихъ, до тѣхъ поръ законодательная власть и правительство или въ какомъ случаѣ не должны касаться его. Но почему же люди должны быть охраняемы ихъ правительствомъ, т. е. своей коллективной силой, противъ насилія и обмана, а не противъ другихъ золъ, если только не потому, что цѣлесообразность охраны въ первомъ случаѣ болѣе очевидна? Если правительство должно дѣлать для людей лишь то, чего они не могутъ никакимъ образомъ сдѣлать сами для себя, то людямъ, быть можетъ, придется охранять себя своимъ собственнымъ искусствомъ и мужествомъ даже и противъ насилія, или просить или покупать охрану противъ него, какъ они дѣйствительно и дѣлаютъ тамъ, гдѣ правительство не въ силахъ охранить ихъ; а противъ обмана у каждого

есть защита въ своемъ собственномъ умѣ. Но, не предвосхищая дальнѣйшихъ теоретическихъ выводовъ, достаточно будетъ въ данномъ случаѣ рассмотреть факты.

Подъ какою изъ этихъ рубрикъ—подавленіе или насилія или обмана—должны мы огнестн, напримѣръ, дѣйствіе законовъ о наследствѣ? Какіе нибудь законы относительно наследства должны же существовать во всѣхъ обществахъ. Быть можетъ, на это возразятъ, что въ этомъ дѣлѣ правительство только должно выполнять распоряженіе, сдѣланное человекомъ въ завѣщаніи относительно своей собственности. Однако, это по меньшей мѣрѣ можно признать очень сомнительнымъ. Вѣроятно, нѣтъ такой страны, по законамъ которой право завѣщанія было бы совершенно неограниченнымъ. Но предположимъ самый обыкновенный случай, когда нѣтъ завѣщанія: развѣ законъ, т. е. правительство, не рѣшаетъ на основаніи принциповъ общей цѣлесообразности, кто долженъ получить наследство? А въ случаѣ если наследникъ почему либо оказывается неспособнымъ, развѣ оно не назначаетъ лицъ, чаще всего своихъ же чиновниковъ, для охраненія собственности и употребленія ея на пользу опекаемаго? Есть много чаще и другихъ случаевъ, когда правительство беретъ на себя управленіе частнымъ имуществомъ, потому что считается, что этого требуетъ общественная выгода или, быть можетъ, лишь выгода отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ. Это часто дѣлается съ оспариваемыми имуществомъ, и въ случаяхъ призванной судебнымъ порядкомъ несостоятельности. Тѣмъ не менѣе никто не утверждаетъ, что дѣлая это, правительство превышаетъ кругъ своихъ обязанностей.

Однако и обязанность закона опредѣлять самоѣ собственность, не такое простое дѣло, какъ можно бы было предположить. По всей вѣроятности, нѣкоторые могутъ составить себѣ такое представленіе, что законъ долженъ только признавать и охранять право каждаго лица на тѣ вещи, которыя это лицо само произвело, или приобрѣло по добровольному согласію, честно получило отъ тѣхъ, кто произвелъ ихъ. Но развѣ собственностью признается только то, что было произведено? Развѣ не признается собственностью сама земля съ ея лѣсами, водами и всѣми другими естественными богатствами на поверхности и въ недрахъ ея? Все это наследіе рода человеческого, и должны существовать законы для общаго пользованія имъ. Какія права и на какихъ условіяхъ слѣдуетъ предоставлять отдѣльному лицу въ пользованіи известной частью этого наследія—все это такіе вопросы, которые нельзя оставлять не рѣшенными. Нѣтъ ли одной функции правительства, которая была бы менѣе произвольна, или которая бы болѣе входила въ идею цивилизованнаго общества, какъ регулированіе такого рода отношеній.

Затѣмъ, признается, что законъ долженъ преслѣдовать насиліе и мошенничество; но подъ какою изъ этихъ рубрикъ должны мы подвести налагаемую на людей обязанность выполнять заключенные ими договоры? Невыполненіе вовсе не обязательно заключаетъ въ себѣ обманъ: лицо, привявшее на себя какое—либо обязательство, могло имѣть искреннее намѣреніе исполнить его; слово «мошенни-

чество», которое едва ли возможно распространять даже на случаи самовольного нарушения договора, если при этом не было обмана. без сомнѣнія, вовсе не примѣнимо, когда неисполнение происходит по небрежности. Спрашивается не входит ли въ обязанность правительства принуждать къ соблюденію договора? Въ отвѣтъ на это теорія невмыслительства будетъ нѣсколько расширена, и сторонники ея скажутъ, что заставлять соблюдать договоры не значитъ регулировать дѣла частныхъ лицъ по усмотрѣнію правительства, а только выполнять желаніе, выраженное этими лицами. Согласимся съ такимъ расширеніемъ ограничительной теоріи и примемъ его для тѣхъ случаевъ, гдѣ оно примѣнимо. Но правительства не ограничиваются въ своихъ отношеніяхъ къ договорамъ простымъ принужденіемъ соблюдать ихъ. Они берутся опредѣлять при какихъ договорахъ слѣдуетъ принуждать къ соблюденію. вовсе не достаточно то, что одно лицо безъ всякаго принужденія или обмана даетъ обѣщаніе другому. Есть такія обѣщанія, которыми ради общаго блага люди не должны имѣть права связывать себя. Кромѣ даже обязательствъ дѣлать что-либо противное закону, существуютъ обязательства, принуждать къ исполненію которыхъ законъ отказывается по причинамъ, неразрывно связаннымъ съ интересами лица, давашаго обѣщаніе, или интересами общей государственной политики. Договоръ, по которому одно лицо продало бы себя другому въ рабство, былъ бы признанъ недействительнымъ судами Англіи и большинства другихъ Европейскихъ странъ. Мало найдется такихъ народовъ, законы которыхъ принуждали бы выполнять договоръ относительно того, что считается проституціей, или относительно какого нибудь брачнаго обязательства, условія котораго въ какомъ либо отношеніи отличаются отъ тѣхъ, какія считались необходимымъ предписать закономъ. Но если разъ допущено, что есть какія либо обязательства, къ исполненію которыхъ законъ по соображеніямъ законодательной власти не долженъ принуждать, то подобный же вопросъ неизбежно возникаетъ и относительно всѣхъ обязательствъ. Напримеръ, долженъ ли законъ принуждать къ исполненію обязательства работать, когда заработная плата слишкомъ низка, или число часовъ слишкомъ велико; долженъ ли онъ принуждать исполнять договоръ, по которому человекъ обзывается въ теченіе довольно продолжительнаго срока оставаться въ услуженіи у извѣстнаго лица; или долженъ ли онъ настоячиво принуждать къ исполненію брачнаго договора, заключеннаго на всю жизнь, хотя бы оба лица, заключившія этотъ договоръ, рѣшительно желали разойтись? Каждый вопросъ, какой только можетъ возникнуть относительно регулированія договоровъ и отношеній, устанавливаемыхъ ими между людьми, будетъ для законодателя вопросомъ, который онъ неизбежно обязанъ разсмотрѣть и такъ или иначе рѣшить.

Кромѣ того, предупрежденіе и преслѣдованіе насилія и обмана составляетъ специальное занятіе солдатъ, полиціи и уголовныхъ судей; но есть также и гражданскіе суды. Наказаніе проступковъ— есть одна функція судебной власти, а рѣшеніе споровъ— другая. Между людьми возникаютъ безчисленные споры безъ всякаго злого

мысла съ обѣихъ сторонъ, вслѣдствіе ложнаго пониманія своихъ законныхъ правъ или вслѣдствіе несогласія относительно фактовъ, отъ доказательства которыхъ юридически зависятъ эти права. Развѣ не въ общихъ интересахъ нужно, чтобы государство назначало людей для рѣшенія этихъ пререканій и для прекращенія подобныхъ споровъ? Нельзя сказать, чтобы это было положительно необходимо. Люди могли бы назначать посредника, обязываясь подчиняться его рѣшенію; они такъ и поступаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ судовъ, гдѣ суды не пользуются довѣріемъ, или гдѣ проволочки и расходы или нелѣпныя правила относительно судебныхъ доказательствъ заставляютъ людей прибѣгать обращаться въ судъ. Тѣмъ не менѣе всѣ призываютъ правильнымъ, чтобы государство учреждало гражданскіе суды; и если недостатки послѣднихъ часто заставляютъ людей прибѣгать къ суррогатамъ суда, то даже и въ такомъ случаѣ остающееся право перенести дѣло въ законномъ учрежденный судъ придаетъ главную силу этимъ суррогатамъ.

Однако государство не только беретъ рѣшать споры; оно, кромѣ того, еще заранее принимаетъ предосторожности, чтобы не возникло споровъ. Почти во всѣхъ странахъ закономъ устанавливаются правила для опредѣленія многихъ отношеній не потому, чтобы было важно какимъ способомъ они опредѣлены, а для того чтобы они были какъ бы то ни было опредѣлены, и чтобы относительно ихъ не могло возникнуть какого нибудь сомнѣнія. Для многихъ видовъ договора законъ предписываетъ форму выраженій для того, чтобы не могло возникнуть спора или недоразумѣнія относительно ихъ значенія; онъ принимаетъ мѣры, чтобы на случай возникновенія спора можно было получить доказательство для рѣшенія его, а именно, требуетъ, чтобы документъ былъ засвидѣтельствованъ извѣстнымъ числомъ лицъ, и чтобы при его совершеніи были соблюдены извѣстныя формальности. Законъ требуетъ сохраненія подлинныхъ доказательствъ относительно фактовъ, съ которыми связаны юридическія послѣдствія; въ силу этого ведутся реестры таковыхъ фактовъ, какъ рожденія, случаи смерти, браки, завѣщанія, договоры и судебныя дѣла. Однако никогда и никто не утверждаетъ, что, дѣлая это, правительство преступаетъ надлежащія границы своихъ обязанностей.

Наконецъ, какой широкой просторъ мы ни дали бы ученію, утверждающему, что отдѣльныя лица являются естественными властителями своихъ интересовъ и что правительство по отношенію къ нимъ не обязано ничѣмъ, кромѣ охраненія ихъ отъ вмѣшательства другихъ лицъ, тѣмъ не менѣе это ученіе примѣнимо лишь къ тѣмъ людямъ, которые сами способны дѣйствовать въ своихъ интересахъ. Но есть еще дѣти, помѣшанные, слабоумные. Законъ, безъ сомнѣнія, долженъ заботиться объ интересахъ такихъ лицъ. Онъ не обязательно дѣлаетъ это черезъ своихъ чиновниковъ. Часто эту обязанность онъ поручаетъ какому нибудь родственнику или близкому человеку. Но, поступивъ такимъ образомъ, освобождается ли законъ отъ дальнѣйшихъ обязательствъ? Можетъ ли онъ поручить интересы одного лица надзору другого и освободить себя отъ наблюденія за

этимъ послѣднимъ, не подчиняя довѣреннаго лица ответственности въ исполненіи возложенной на него обязанности?

Есть множество случаевъ, когда правительства съ общаго одобренія принимаютъ на себя власть и исполняютъ обязанности, для подтвержденія которыхъ нельзя указать ничего, кромѣ того самаго простаго основанія, что это ведетъ къ общей выгодѣ. Для примѣра можно взять обязанность (которая въ то же время представляетъ и монополію) чеканить монету. Она присвоена правительствомъ ни для какой иной цѣли, какъ для того, чтобы избавить людей отъ хлопотъ, промедленій и расходовъ, связанныхъ со взвѣшиваніемъ монеты и проверкой ея пробы. Однако, вникъ даже изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ вмѣшательства государства не говорять, чтобы въ данномъ случаѣ правительство пользовалось не принадлежащей ему властью. Установленіе образцоваго вѣса и мѣръ представляетъ другой подобный же случай. Третій—мопение, освѣщеніе и очистка улицъ и дорогъ, которыя беретъ на себя или центральное правительство, или, какъ бываетъ чаще и вообще удобнѣе, муниципальныя власти. Такимъ же примѣрамъ могутъ служить: устройство и улучшение гаваней, сооруженіе маяковъ, производство всевозможныхъ измѣреній для составленія точныхъ картъ, устройство плотинъ для огражденія отъ моря и для сдерживанія рѣкъ.

Можно увеличить число такихъ примѣровъ до безконечности, не касаясь спорныхъ пунктовъ. Но и сказаннаго достаточно для того, чтобы показать, что поле, которое обнимаютъ обязанности правительства, настолько широко, что его не легко заключить въ рамки какого нибудь ограниченнаго опредѣленія, и что едва ли возможно найти для оправданія всѣхъ этихъ обязанностей какое нибудь общее основаніе, кромѣ широко понимаемой общей выгоды; а также, что едва ли возможно ограничить вмѣшательство правительства какой нибудь общей формулой, кромѣ простаго и неопредѣленнаго правила, что вмѣшательство не должно быть допущаемо никогда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда выгода отъ него очень велика.

§ 3. Можно, однако, сдѣлать нѣсколько полезныхъ замѣчаній о характерѣ соображеній, къ которымъ чаще всего приходятъ въ вопросѣ о правительственномъ вмѣшательствѣ, и способѣ оцѣнивать сравнительную величину выгоды отъ вмѣшательства. Это составитъ послѣднее изъ тѣхъ трехъ частей, на какія будетъ удобно раздѣлять наше разсмотрѣніе принциповъ и послѣдствій правительственнаго вмѣшательства. Вотъ на какія части мы разобьемъ это изслѣдованіе.

Прежде всего мы разсмотримъ экономическія послѣдствія, происходящія отъ того способа, какимъ правительства выполняютъ свои необходимыя и общепризнаваемыя функціи.

Затѣмъ мы перейдемъ къ нѣкоторымъ видамъ правительственнаго вмѣшательства, названнымъ мною функціями произвольнымъ (т. е. выходящимъ изъ границъ общепризнаваемыхъ обязанностей), которыя выполнялись прежде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выполняются и теперь подъ влияніемъ ложныхъ общихъ теорій.

Наконецъ, намъ останется разсмотрѣть, существуютъ ли неза-

висимо отъ ложной теоріи и согласно съ правильнымъ взглядомъ на законы, управляющіе человѣческими отношеніями, какіе нибудь случаи, въ которыхъ было бы дѣйствительно полезно правительственное вмѣшательство втораго рода, и каковы эти случаи.

Первый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ чрезвычайно разнообразный характеръ; потому что необходимыя функціи правительства и тѣ изъ его функцій, которыя въ виду ихъ очевидной полезности никогда, или почти никогда не оспаривались, какъ мы уже указали, слишкомъ разнообразны для того, чтобы возможно было подвести ихъ подъ какую нибудь очень простую классификацію. Тѣ же изъ нихъ, которыя имѣютъ главное значеніе, и которыя одніи необходимо здѣсь разсмотрѣть, могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики.

Во-первыхъ: средства, употребляемыя правительствомъ для собранія доходовъ, отъ которыхъ зависитъ его существованіе.

Во-вторыхъ: сущность законовъ, устанавливаемыхъ правительствомъ относительно двухъ главныхъ предметовъ—собственности и договоровъ.

Въ-третьихъ: достоинства и недостатки системы мѣръ, какими правительства обыкновенно заставляютъ исполнять свои законы, а именно достоинства и недостатки отправленія правосудія и полиціи. Мы начнемъ съ перваго отдѣла, т. е. съ теоріи налоговъ.

ГЛАВА II.

Общіе принципы обложенія.

§ 1. Качества, которыя съ экономической точки зрѣнія желательны во всякой системѣ налоговъ, были выражены Адамомъ Смитомъ въ четырехъ положеніяхъ, или принципахъ, которые вообще признавались всѣми послѣдующими писателями; такъ что эти принципы, можно сказать, сдѣлались классическими, и лучше всего будетъ начать эту главу приведеніемъ ихъ *).

«1. Подданные каждаго государства должны платить на содержаніе правительства суммы, насколько возможно соразмѣрныя ихъ платежнымъ силамъ, т. е. соразмѣрныя доходу, которымъ каждый изъ нихъ пользуется подъ покровительствомъ государства. Въ соблюденіи или несоблюденіи этого положенія и состоитъ такъ называемая равномѣрность или неравномѣрность обложенія.

«2. Налогъ, который обязано платить каждое лицо, долженъ быть опредѣленнымъ, а не произвольнымъ. Время платежа, способъ платежа и сумма платежа—все это должно быть ясно и очевидно для плательщика и всякаго другаго лица. Тамъ же, гдѣ этого нѣтъ, всякое лицо, подлежащее налогу, болѣе или менѣе отдается во власть сборщика податей, который можетъ или отягощать налогомъ лица, почему нибудь ему неприятыя, или страхомъ такого отягощенія вынуждать въ свою пользу подарки или взятки. Неопредѣленность

*) Wealth of Nation, кн. V гл. II.

налоговъ даетъ поощреніе наглости и благоприятствуетъ деморализаціи класса людей, которые естественно не популярны даже и тогда, когда въ нихъ нѣтъ ни наглости, ни испорченности. Опреѣленность суммы, какую должно платить каждое лицо, имѣетъ такую огромную важность въ дѣлѣ обложенія, что весьма значительная степень неравенства, какъ это доказывается, по моему мнѣнію, опытомъ всѣхъ націй, представляетъ не такое большое зло, какъ самая ничтожная степень неопреѣленности.

«3. Каждый налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ для плательщика будетъ удобнѣе всего его уплачивать. Налогъ на ренту съ земли и домовъ, уплачиваемый въ тотъ же срокъ, въ какой обыкновенно платятся такіа ренты, взимается въ такое время, когда, по всей вѣроятности, плательщику удобнѣе всего платить его, и когда у плательщика, по всей вѣроятности, есть изъ чего платить. Налоги на потребление тѣхъ товаровъ, которые составляютъ предметы роскоши, въ концѣ концовъ, уплачиваются потребителемъ и способъ ихъ уплаты вообще очень удобенъ для послѣдняго. Онъ выплачивается ихъ понемногу, по мѣрѣ того, какъ покупаешь товаръ. Кроме того, такъ какъ онъ свободенъ покупать или не покупать, какъ ему пожелаеся, то это уже—его собственная вина, если онъ терпитъ сколько нибудь значительное неудобство отъ подобныхъ налоговъ.

«4. Каждый налогъ долженъ быть такъ устроенъ, чтобы онъ бралъ изъ народнаго кармана или не допускать въ него, какъ можно меньше сверхъ того, что этотъ налогъ приноситъ въ государственную казну. Налогъ можетъ слѣдующими четырьмя способами брать изъ народнаго кармана или не допускать въ него значительно больше того, что онъ приноситъ въ казну. Во-первыхъ, взиманіе его можетъ требовать огромнаго числа чиновниковъ, на жалованье которымъ можетъ уходить большая часть дохода съ налога, и взяточничество которыхъ можетъ налагать другой добавочный налогъ на плательщика. Во-вторыхъ, онъ можетъ отвращать часть общественнаго труда и капитала отъ болѣе производительнаго къ менѣе производительному употребленію. Въ-третьихъ, штрафами и другими наказаніями, налагаемыми на тѣхъ несчастныхъ, которые пытались безуспѣшно уклониться отъ налога, онъ часто можетъ разорить ихъ, а слѣдовательно, и уничтожать ту выгоду, какую могли бы получать общество отъ прирѣченія ихъ капиталовъ. Неблагообразно устроенный налогъ подаетъ большой соблазнъ къ контрабандѣ. Въ-четвертыхъ, подвергая людей частымъ посѣщеніямъ и ненавистнымъ обыскамъ сборщиковъ податей, онъ можетъ привычать имъ много влѣвшихъ хлопотъ, безпокойства и притѣсненія». Къ этому можно еще прибавить, что стѣснительныя правила, каковымъ часто подвергаются промышленность и фабрики во избѣжаніе уклоненія отъ налога, не только сами по себѣ тягостны и дороги, но часто представляютъ непреодолимыя препятствія для производства улучшеній въ промышленныхъ приемахъ.

Изъ этихъ четырехъ положеній, три послѣднія не требуютъ никакихъ другихъ разъясненій и иллюстрацій. Кроме тѣхъ, какия

заклучаются въ нихъ самихъ. Насколько извѣстный налогъ согласуется съ ними или противорѣчитъ имъ, это уже слѣдуетъ обсуждать при разсмотрѣніи каждаго налога въ отдѣльности. Но первый изъ этихъ четырехъ пунктовъ—равнобѣрность обложенія—требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ его очень часто не достаточно ясно понимаютъ, и такъ какъ, вслѣдствіе отсутствія у общества опредѣленныхъ точекъ зрѣнія для сужденія о немъ, укоренилось до извѣстной степени болѣе или менѣе ложное пониманіе его.

§ 2. На какомъ основаніи равнобѣрность должна быть правиломъ въ дѣлѣ обложенія? На томъ основаніи, что она должна быть правиломъ во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ. Подобно тому, какъ правительство не должно дѣлать никакого различія между отдѣльными лицами и отдѣльными классами въ отношеніи ихъ правъ на выгоды, доставляемыя его дѣятельностью, такъ и всякія пожертвованія, требуемыя имъ отъ населенія, должны, насколько возможно, ложиться одинаковой тяжестью на всѣхъ; и надобно замѣтить, что это есть тотъ способъ, при которомъ отъ всего общества требуется наименьшее пожертвованіе. Если одинъ несетъ менше своей справедливой доли бремени, то кто нибудь другой долженъ нести больше своей доли, и облегченіе одного не принесетъ ему столько добра, сколько другому причинитъ зла несправедливое отягощеніе. Слѣдовательно, равнобѣрность обложенія, какъ принципъ политики, означаетъ равнобѣрность пожертвованій. Она означаетъ такое распреѣленіе налоговъ, собираемыхъ для покрытія правительственныхъ расходовъ, чтобы каждое платящее ихъ лицо не чувствовало ни больше, ни меньше неудобства отъ своей доли, чѣмъ испытываетъ всякое другое лицо отъ своей. Это совершенное распреѣленіе, подобно другимъ понятіямъ о совершенствѣ, не можетъ быть осуществлено вполне; но во всякомъ практическомъ изслѣдованіи прежде всего нужно знать, въ чемъ состоитъ совершенство.

Однако есть люди, которые находятъ общіе принципы справедливости не достаточноымъ базисомъ для установленія финансовыхъ правилъ и хотя бы имѣли нѣчто, по ихъ мнѣнію, исключительно относящееся къ этому вопросу. Имъ кажется лучше всего смотрѣть на налоги, платимые каждымъ членомъ общества, какъ на вознагражденіе за цѣнность, полученную имъ въ видѣ услугъ; и они предпочитаютъ основывать справедливость принужденія каждаго платить пропорціонально своимъ средствамъ на томъ, что у кого въ два раза больше собственности, требующей охраненія, тотъ по точному численію получаетъ въ два раза больше охраны и долженъ по принципу купли и продажи платить за это въ два раза больше. Однако, разсудивъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто бы правительство существуетъ только для охраны собственности; въ виду этого вѣ-которые послѣдовательные приверженцы принципа вознагражденія идутъ далѣе и говорятъ, что, такъ какъ для личности охрана такъ же необходима, какъ и для собственности, и лично каждый человѣкъ получаетъ одинаковую охрану, то поголовный налогъ, взимаемый въ одной и той же суммѣ съ каждаго, будетъ надлежащимъ вознагражденіемъ за эту часть пользы, приносимой правительствомъ;

тогда какъ за остальную часть, за охрану собственности, слѣдуетъ платить пропорціонально собственности. Это сопоставленіе имѣетъ обманчивый видъ согласія съ истиной, въ силу чего оно можетъ быть легко принято нѣкоторыми людьми. Но, во-первыхъ, нельзя допустить, чтобы охрана личности и собственности было единственной цѣлью правительства. Цѣли правительства также общирны, какъ и цѣли общественнаго союза. Къ нимъ относится вся та польза и все то предотвращеніе зла, какое можетъ быть прямо или косвенно достигнуто, благодаря существованію правительства. Во-вторыхъ, обыкновеніе придавать опредѣленные цѣнности вещамъ, по существу своему неопредѣленнымъ, и дѣлать ихъ основой практическихъ выводовъ влечетъ за собой множество фальшивыхъ взглядовъ на общественные вопросы. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что для обезпеченія собственности въ десять разъ больше требуется и охраненія въ десять разъ больше. Нельзя также съ увѣренностью сказать, будетъ ли охраненіе тысячи фунтовъ стер. стоить государству въ годъ не въ десять разъ больше, чѣмъ охраненіе 100 ф., а въ два раза больше или совершенно одинаково. Тѣ же судьи, солдаты и матросы, которые охраняютъ первую собственность, охраняютъ и вторую; и для большаго дохода, за немногими исключеніями, даже не требуется непременно большее число полицейскихъ. Сдѣлаемъ ли мы мѣрною охраненіе труда и расходы, необходимые для этой цѣли, или чувства охраняемаго лица, или, наконецъ, какую побудятъ другую опредѣленную величину, все же ни изъ этихъ данныхъ, ни изъ какихъ либо другихъ мы не выведемъ опредѣленной пропорціи. Если бы мы захотѣли оцѣнить степень выгоды, получаемой разными людьми отъ правительственнаго охраненія, то намъ надобно было бы рассмотреть, кто страдаетъ бы больше, лишившись этого охраненія; и если на этотъ вопросъ возможно дать какой нибудь отвѣтъ, то лишь тотъ, что свѣтлѣе пострадали бы тѣ, которые отъ природы или въ силу своего положенія оказались бы самыми слабыми умственно и физически. Дѣйствительно, такіе люди почти неизбежно стали бы рабами. Слѣдовательно, если бы въ разсматриваемой нами теперь теоріи справедливости была хоть какая нибудь справедливость, то тѣ, которые наименѣе способны самостоятельно существовать и защищать себя, и для которыхъ поэтому необходимѣе всего правительственная охрана, должны были бы платить наибольшую долю ея цѣны: т. е. получило бы нѣчто совершенно противоположное идеѣ справедливости распределенія, которая состоитъ не въ повтореніи, а въ исправленіи неравенствъ и несправедливостей природы.

Правительство слѣдуетъ считать учрежденіемъ до того общимъ, что нѣтъ никакой существенной важности опредѣлять, кто наиболѣе заинтересованъ въ немъ. Если отдѣльное лицо или классъ лицъ получаетъ настолько незначительную долю выгоды отъ правительства, что является необходимостью поднять такой вопросъ, то тутъ не обложение, а что нибудь другое дурно устроено, и въ такомъ случаѣ нужно исправить недостатокъ, вмѣсто того, чтобы признавать его и выставить его основаніемъ для уменьшенія налога. Подобно тому

какъ въ случаѣ добровольной подписки для цѣли, въ которой всѣ заинтересованы, считается что всѣ исполнили честно свой долгъ, когда каждый далъ по своимъ средствамъ, т. е. сдѣлалъ равное пожертвованіе для общей цѣли, точно также это должно быть принципомъ и въ принудительныхъ сборахъ; и влѣпше будетъ размысливать для него болѣе остроумное или глубокомысленное основаніе.

§ 3. Итакъ, исходя изъ того положенія, что надобно требовать отъ всѣхъ равныхъ пожертвованій, мы прежде всего должны рассмотреть, выполняется ли это въ дѣйствительности тѣмъ, что каждому заставляютъ давать одинаковый процентъ съ его денежныхъ средствъ. Многие утверждаютъ противное, говоря, что отдать десятую часть изъ небольшого дохода обременительнѣе, нежели давать такую же часть изъ значительно большаго дохода; и на этомъ основанъ очень популярный просятъ, такъ называемаго, прогрессивнаго помпунсвеннаго или подоходнаго налога, процентъ котораго увеличивается съ увеличеніемъ дохода.

По моему копенному разумѣнію, я могу сказать, что та доля истины, которая заключается въ этомъ взглядѣ, вытекаетъ главнымъ образомъ отъ разницы между налогомъ, который можетъ быть собранъ изъ потребления предметовъ роскоши, и валогомъ, который, хотя бы даже въ самой незначительной степени, отнимаетъ изъ потребления предметовъ первой необходимости. Брать по 1000 ф. ежегодно у лица, получающаго 10000 фун. дохода, не значитъ лишать его чего нибудь дѣйствительно необходимаго или для поддержанія существованія, или для удобства жизни; казалось бы, что таковы же будутъ послѣдствія, если взять 5 фун. у человѣка, имѣющаго 50 фунтовъ дохода; однако пожертвованіе, требуемое отъ послѣдняго не только было бы больше пожертвованія перваго, но даже совершенно не сравнимо съ нимъ. Кажется, самый справедливымъ способъ сглаживать эти неравенства въ тяжести налоговъ, это способъ предложенный Бентамомъ, состоящій въ томъ, чтобы оставлять не обложеннымъ извѣстный минимумъ дохода, достаточный для доставленія предметовъ первой необходимости. Положимъ, что 50 фун. въ годъ достаточно для доставленія извѣстному числу лицъ, обыкновенно живущему на одинъ доходъ, всего необходимаго для жизни и здоровья, а также и для охраненія ихъ отъ постоянныхъ физическихъ страданій, но безъ всякаго излишка. Въ такомъ случаѣ эта сумма должна быть признана минимумомъ, и доходы, превышающіе ее, должны платить налогъ не со всей ихъ суммы, а только съ излишка сверхъ этого минимума. Если установленъ налогъ въ 10%, то доходъ въ 60 фун. слѣдуетъ разсматривать какъ чистый доходъ въ 10 фун. и брать съ него ежегодно 1 ф. налога; между тѣмъ при доходѣ въ 1000 фун. слѣдуетъ брать налогъ съ 950 фунтовъ. Тогда бы каждый платилъ опредѣленную часть не со всѣхъ своихъ средствъ, а со своихъ излишковъ*). Доходъ, не превышающій 50 фун. вовсе не долженъ облагаться ни прямымъ на-

*) Этотъ принципъ оложенія отчасти былъ принятъ Гладстономъ при послѣднемъ возобновленіи подоходнаго налога. Доходы отъ 100 ф. съ которыхъ начинаетъ взысканіе налога, до 200 ф. платятъ налогъ лишь съ излишка сверхъ 60 фунтовъ.

логомъ, ни налога на предметы первой необходимости; потому что это, по нашему предположенію, самый менший доходъ, какой каждый долженъ получать за свой трудъ, и правительство не должно содѣйствовать его уменьшенію. Но такое устройство создало бы новый доводъ, помимо всѣхъ тѣхъ, какіе можно привести за сохраненіе налоговъ на предметы роскоши, потребляемые бѣдными. Освобожденіе отъ налога доходовъ, употребляемыхъ для доставленія предметовъ первой необходимости, должно зависѣть отъ того, насколько эти доходы дѣйствительно расходуются на такое назначеніе; и бѣдные, которые, пыля не болѣе того, сколько достаточно для предметовъ первой необходимости, урываютъ нѣкоторую часть отъ нихъ на предметы роскоши, должны, подобно другимъ людямъ, давать изъ этихъ тратъ свою долю на правительственные расходы.

Льгота въ пользу мелкихъ доходовъ, мнѣ кажется, не должна распространяться далѣе той суммы дохода, которая необходима для жизни, здоровья и освобожденія отъ физическаго страданія. Если для этого достаточно ежегодный доходъ въ 50 фун. (что, однако, сомнительно), то ежегодный доходъ въ 100 ф. получить все то облегченіе, на какое онъ имѣетъ право по сравненію съ доходомъ 1000 ф., если налогомъ будутъ обложены только 50 фун. изъ ста. Правда, могутъ возразить, что брать 100 фун. изъ 1000 ф. (даже сбрасывая 5 фун.) будетъ болѣе тяжелымъ налогомъ, нежели брать 1000 фун. изъ 10000 фун. (сбрасывая тѣ же 5 фун.). Но это мнѣ кажется мнѣ также совершенно невѣрнымъ; а если оно даже и справедливо, то все же не въ такой степени, чтобы оно могло служить основаніемъ для какого нибудь закона обложенія. Составить изъ 1000 фун. для лица, имѣющаго доходъ въ 10000 фун. меньше, чѣмъ сто фун. для лица, имѣющаго 1000 фун. дохода, и если меньше, то насколько меньше, — все это, мнѣ кажется, нельзя рѣшить съ такой достовѣрностью, на основаніи какой долженъ дѣйствовать законодатель и финансовый администраторъ.

Нѣкоторые, правда, утверждаютъ, что пропорціональное обложеніе тяжелѣе отражается на среднихъ доходахъ, чѣмъ на крупныхъ, потому что при одинаковой пропорціи платежъ въ первомъ случаѣ способствуетъ спянье, чѣмъ во второмъ, низведенію плательщика въ болѣе низкіе слои общества. Справедливость такого возраженія кажется мнѣ болѣе, чѣмъ сомнительной. Но даже согласившись съ нимъ, я не могу допустить, чтобы правительство было обязано сообразовать свои дѣйствія съ подобными соображеніями, или признавать мнѣніе, будто бы общественное значеніе опредѣляется, или можетъ опредѣлиться количествомъ расходовъ. Правительство должно подавать примѣръ, оцѣнивая вещи по ихъ истинному значенію, а слѣдовательно, оно должно оцѣнивать богатство по тому, сколько комфорта и удовольствія даютъ тѣ вещи, какія можно за него купить. Правительство не должно поддерживать пошлости, которая цѣнитъ богатство пѣз-за низкаго тщесавія слыть человекомъ, пользующимся такими вещами, или изъ-за позорнаго стыда быть заподозрѣннымъ въ немѣніи ихъ — стыда, который въ среднихъ классахъ служитъ причиною трехъ четвертей расходовъ. Прави-

тельство, требуя пожертвованій дѣйствительнымъ удобствомъ и удовольствіями, должно распредѣлять такіе пожертвованія между всѣми людьми съ возможною болѣею равномѣрностью; но оно можетъ избавить себя отъ хлопотъ оцѣнивать пожертвованія достоинствомъ, сопряженнымъ съ расходами.

И въ Англии, и на континентѣ прогрессивный помущественный налогъ защищался на томъ, открыто признаваемомъ, основаніи, что государство должно пользоваться налогами, какъ средствомъ для смягченія неравенствъ въ богатствѣ. Я также очень желаю, чтобы были приняты средства для уменьшенія этихъ неравенствъ, но не такія, которыми люди расточительные облегчались бы на счетъ бережливыхъ. Облагать болѣе значительные доходы болѣе высокими процентомъ, нежели мелкіе, значитъ устанавливать налогъ на трудолюбіе и бережливость, — налагать штрафъ на человека за то, что онъ работалъ усерднѣе и сберегъ больше своего сосѣда. Ради общей пользы нужно подвергать ограниченію не то состояніе, которое заработано, а то которое не заработано. Справедливое и мудрое законодательство не должно побуждать къ тому, чтобы расточались, а не сберегались заработки честнаго труда. Его безпристрастіе по отношенію къ соперникамъ должно состоять въ заботѣ о томъ, чтобы всѣ они начинали свой путь въ равныхъ условіяхъ, а не въ томъ, чтобы навѣшивать тяжесть на болѣе быстрыхъ съ цѣлью уменьшить разстояніе между ними и болѣе медленными. Многіе, правда, терпятъ неудачу, затративъ гораздо больше усилій, чѣмъ тѣ, кто достигъ успѣха; и это происходитъ не отъ разницы въ заслугахъ, а отъ разницы въ удачѣ; но если бы правительство сдѣлало все то, что въ его власти сдѣлать при помощи воспитанія и законодательства для смягченія этого неравенства въ удачѣ, то различія въ состояніи, происходящія отъ разницы въ заработкахъ самихъ людей, не могли бы уже возбуждать справедливаго неудовольствія. Что же касается крупныхъ состояній, получаемыхъ въ даръ или по наслѣдству, то право завѣщать ихъ составляетъ одну изъ тѣхъ привилегій собственности, которая слѣдуетъ извѣстнымъ образомъ регулировать, руководствуясь общимъ благомъ. Я уже указывалъ *) возможный способъ ослабить накопленіе большихъ состояній въ рукахъ людей, не приобретшихъ ихъ собственнымъ трудомъ: онъ состоитъ въ ограниченіи той суммы, какую можетъ быть дозволено человеку приобретать по дарственной, по завѣщанію или по наслѣдству. Помимо этого и помимо предложенія Бентама (также разсмотрѣннаго въ одной изъ предыдущихъ главъ), чтобы наслѣдованіе по боковой линіи прекращалось въ случаѣ отсутствія завѣщанія и имущество переходило бы къ государству, я нахожу, что наслѣдства по завѣщанію и безъ завѣщанія, превышающія извѣстную сумму, представляютъ самый подходящий предметъ для обложенія; и что доходъ съ нихъ долженъ быть такъ великъ, какъ только онъ можетъ быть, не вызывая разнхъ уклоненій отъ налога, напримеръ, передачъ по дарственной при жизни или такой утайки имущества, которую было бы невозможно

*) кн. II, гл. II.

исполнѣ прекратитѣ. Принципъ прогрессивности (какъ его называютъ), т. е. взиманіе болѣе значительнаго процента съ болѣе крупной суммы, примѣненіе котораго къ общему обложенію я считаю несправедливымъ, былъ бы, какъ мнѣ кажется, и справедливъ и полезенъ въ примѣненіи къ пошлинамъ съ наслѣдства по завѣщанію и безъ завѣщанія.

Возраженіе противъ прогрессивнаго налога примѣняется еще въ болѣе сильной степени къ проекту спеціальнаго налога на такъ называемую «реализованную собственность», т. е. на собственность, не составляющую части капитала, вложеннаго въ предпріятіе, или върѣе, не составляющую части капитала, вложеннаго въ предпріятіе, находящееся подъ наблюденіемъ самого собственника; сюда относятся: земля, государственныя процентныя бумаги, деньги, отданныя подъ закладныя, а также, вѣроятно, и акціи акціонерныхъ компаній. Если не считать проекта ограбленія національныхъ кредиторовъ, то ни одно изъ подобныхъ очевидныхъ нарушеній общихъ принциповъ честности не встрѣтило настолько сильной поддержки за послѣднее поколѣніе въ Англій, чтобы стоило противъ него возражать. Такой налогъ не имѣетъ даже того оправданія, какое существуетъ относительно прогрессивнаго налога: будто бы онъ обременяетъ лицъ наиболее способныхъ нести его: потому что «реализованная собственность» заключаетъ въ себѣ преобладающую часть сбереженій, сдѣланныхъ для лицъ неспособныхъ къ труду, и значительная доля ея распадается на чрезвычайно мелкія суммы. Едва ли возможно представить себѣ что-нибудь безстыднѣе той претензіи, чтобы большая часть собственности труда, т. е. вся собственность торговцевъ, фабрикантовъ, фермеровъ и лавочниковъ, была бы освобождена отъ своей доли налоговъ; чтобы эти люди начинали платить свою долю лишь послѣ того, какъ удалятся отъ дѣлъ, а если они никогда не удалятся, то были бы освобождены отъ нея совершенно. Но даже и это не даетъ надлежащаго представленія о несправедливости такого предложенія. Время, наложенное такимъ образомъ исключительно на собственниковъ меньшей части богатства страны, не было бы бременемъ даже для всего послѣдовательнаго ряда лицъ, смѣняющихся въ этомъ классѣ, а упало бы исключительно на тѣхъ, которые принадлежали къ этому классу во время установленія налога. Такъ какъ земля и упомянутыя бумаги приносили бы съ этого времени меньшій чистый доходъ сравнительно съ общей величиной процента на капиталъ и прибыль въ торговлѣ, то равновѣсіе восстановилось бы посредствомъ продолжительнаго пониженія цѣны на всѣ виды такого имущества. Будущіе покупатели приобрѣли бы земли и бумаги по цѣнѣ пониженной сообразно съ налогомъ на нихъ и, слѣдовательно, избавились бы отъ уплаты налога: между тѣмъ какъ первоначальные владельцы остались бы обремененными имъ, даже разставившись съ собственностью, такъ какъ они продали бы свою землю или бумаги съ потерей, равняющейся капитализированной суммѣ налога. Такимъ образомъ, установленіе такого налога было бы равносильно конфискаціи для общественныхъ потребностей пзвѣстнаго процента изъ частной собственности, соответствующаго про-

центу, взимаемому посредствомъ налога съ дохода отъ этой собственности. Тотъ фактъ, что подобныя проекты могли встрѣчать нѣкоторое одобреніе, служить поразительнымъ доказательствомъ недостатка добросовѣстности въ дѣлѣ обложенія, который происходитъ встѣдствіе отсутствія у общества сколько-нибудь определенныхъ точекъ зрѣнія, а также встѣдствіе отсутствія руководящаго чувства справедливости во всемъ вообще поведеніи правительства въ этомъ дѣлѣ. Если бы когда-нибудь этотъ проектъ нашелъ болышій кругъ защитниковъ, это бы указывало на такой упадокъ честности въ денежныхъ дѣлахъ государства, который, вѣроятно, мало чѣмъ бы уступалъ послѣднему банкротству американцевъ.

§ 4. Будетъ ли справедливо прибыль отъ промышленныхъ предпріятій облагать легче, чѣмъ доходы, получаемые въ видѣ процентовъ и рентъ, это—спорный пунктъ, составляющій часть болѣе обширнаго вопроса, такъ часто обсуждаваемаго по поводу нынѣшняго подоходнаго налога, а именно,—вопроса относительно того, должны ли пожизненные доходы подлежать такому же обложенію, какъ вѣчныя; напримѣръ, слѣдуетъ ли съ жалованій, пенсій или профессиональнаго гонорара платить такой же процентъ налога, какъ съ дохода отъ наслѣдственной собственности.

Существующій подоходный налогъ относится ко всѣмъ видамъ доходовъ совершенно одинаково; онъ взимается въ размѣрѣ семи (теперь, впрочемъ, 6) пенсовъ съ фунта какъ съ лптъ, доходы которыхъ прекращаются съ жизнью получателя, такъ и съ землевладѣльца, капиталста или залогодержателя, который можетъ свое состояніе передать въ уменьшенномъ видѣ своимъ наслѣдникамъ. Это очевидная несправедливость; однако, ею не нарушается съ арифметической точки зрѣнія то правило, что налогъ долженъ быть пропорціоналенъ средствамъ. Когда говорятъ, что временный доходъ долженъ быть обложенъ меньшимъ налогомъ, чѣмъ постоянный, то на это есть неоспоримое возраженіе, что онъ и обложенъ меньшимъ: потому что доходъ, продолжающійся всего лишь 10 лѣтъ, платитъ и налогъ только 10 лѣтъ, между тѣмъ какъ вѣчно существующій доходъ платитъ его вѣчно. Нѣкоторые финансовыя реформаторы относительно этого вопроса пришли къ совершенно ложному заключенію. Они доказываютъ, что доходы должны облагаться налогомъ не пропорціонально ихъ ежегодной величинѣ, а пропорціонально ихъ капитализированной цѣнности; такъ напримѣръ, если цѣнность вѣчнаго дохода въ 100 фун. будетъ 3000 ф., и если такой же пожизненный доходъ, цѣнность котораго равна лишь суммѣ вдвое меньшаго числа годовыхъ доходовъ, можетъ быть проданъ за 1500 фун., то вѣчный доходъ долженъ платить вдвое болышій процентъ подоходнаго налога, чѣмъ временный: если первый платитъ 10 фун. въ годъ, то второй долженъ платить лишь 5 фун. Но люди, приводящіе этотъ аргументъ, очевидно, не замѣчаютъ, что доходы они сцѣпляютъ одной мѣрой, а платежи другой; они капитализируютъ доходы, но забываютъ капитализировать платежи. Доходъ, стоящій 3000 фун., долженъ, по ихъ мнѣнію, быть обложенъ въ два раза выше дохода, который стоитъ 1500 фун., и это они считаютъ неоспоримымъ. Но

они забываютъ, что доходъ, оцѣниваемый въ 3000 фун., платитъ вѣчно предположенный подоходный налогъ по 10 фун. въ годъ, и капитализированная цѣнность этого платежа по нашему предположенію равна 300 фун., между тѣмъ какъ временный доходъ платитъ тѣ же десять фунтовъ только въ продолженіе жизни своего собственника; и такой платежъ по тому же исчисленію капитализируется въ сумму 150 фун. и, дѣйствительно, могъ бы быть купленъ за эту сумму. Слѣдовательно, доходъ въ половину менѣе цѣнный уже и теперь платитъ въ половину меньшій налогъ; а если бы кромѣ того еще уменьшитъ его долю съ 10 на 5 фун., то онъ платилъ бы не половину, а всего лишь четверть платежа, требуемаго съ вѣчнаго дохода. Чтобы было справедливо взымать съ временнаго дохода ежегодно сумму въ половину меньшую, чѣмъ съ вѣчнаго, необходимо было бы, чтобы первый платилъ эту половину одинаковый промежутокъ времени, какъ и второй, т. е. вѣчно.

Порядокъ платежа налоговъ, который отстаиваетъ эта школа финансовыхъ реформаторовъ, былъ бы вполне подходящимъ, если бы налогъ взимался лишь однажды для удовлетворенія какихъ-нибудь случайныхъ потребностей государства. По принципу—требовать отъ всѣхъ плательщиковъ равнаго пожертвованія, каждое лицо, имѣющее какую нибудь собственность, въ томъ числѣ и лицо, имѣющее право на наследство, должно было бы платить налогъ, пропорціональный нынѣшней цѣнности его права. Я удивляюсь, какъ выше упомянутые реформаторы не обратили вниманія на то, что этотъ принципъ, именно въ силу того, что онъ справедливъ при платежѣ налога не повторяющагося, не можетъ быть справедливымъ по отношенію къ постоянному налогу. Когда каждый платитъ только разъ, то никто не будетъ платить чаще другихъ; и пропорція, которая была бы справедлива въ этомъ случаѣ, не можетъ быть также справедлива тогда, когда одному приходится платить разъ, а другимъ по нѣскольку разъ. Однако послѣднее именно и бываетъ въ дѣйствительности. Постоянные доходы платятъ во столько разъ чаще временныхъ, во сколько разъ ихъ продолжительность превышаетъ опредѣленный или неопредѣленный срокъ времени существованія доходовъ пожизненныхъ или, тѣмъ болѣе, длящихся извѣстное число лѣтъ.

Всѣ попытки доказать на основаніи математическихъ выводовъ право временныхъ доходовъ на уменьшеніе налога—словомъ, убѣдить, что пропорціональный налогъ не есть пропорціональный налогъ—очевидно нецѣльны. Это право должно основываться не на ариометическихъ выводахъ, а на человѣческихъ потребностяхъ и чувствахъ. Лицо, имѣющее временный доходъ, должно нести меньшій процентъ налога не потому, что у него средствъ меньше, а потому что у него потребностей больше.

Несмотря на номинальное равенство дохода. А, пользуясь ежегодно пожизненнымъ доходомъ въ 1000 фун., не можетъ платить изъ него такъ же легко по 100 фун., какъ В, который получаетъ ежегодно такую же сумму изъ наследственнаго имущества. Потому что А обыкновенно часть своего дохода долженъ употреблять на то,

на что не употребляетъ его В, а именно, долженъ дѣлать сбереженія для дѣтей и близкихъ; если же этотъ доходъ состоитъ изъ жалованья или профессиональнаго гонорара, то кромѣ того его владѣльцу обыкновенно приходится позаботиться объ обезпеченіи п своей старости; тогда какъ В можетъ расходовать весь свой доходъ, нисколько не боясь лишеній въ преклонномъ возрастѣ, а послѣ смерти передать его цѣлкомъ другимъ. Если А для этихъ надобностей долженъ откладывать по 300 фун. изъ своего дохода, то брать у него 100 фун. въ видѣ налога значитъ брать 100 фун. съ 700 фун., потому что этотъ налогъ долженъ быть взятъ только изъ той части его средствъ, которую онъ имѣетъ возможность расходовать на свое потребленіе. Если онъ разложитъ пропорціонально этотъ налогъ на то, что онъ расходуетъ, и на то, что онъ сберегаетъ, вычитая по 70 фун. изъ своего потребленія и по 30 фун. изъ своего ежегоднаго сбереженія, то тогда его немедленное пожертвованіе будетъ дѣйствительно совершенно пропорціонально пожертвованію В; но за то вслѣдствіе налога будутъ худо обезпечены его дѣти и его старость. Накопленная имъ для наследниковъ сумма будетъ на одну десятую меньше, и уменьшенный доходъ, получаемый съ уменьшеннаго капитала, будетъ въ ихъ рукахъ вторично обложенъ налогомъ; тогда какъ наследники В будутъ обложены только одинъ разъ.

Слѣдовательно, принципъ равенства обложенія, истолкованный въ своемъ единственномъ справедливомъ смыслѣ—равенства пожертвованій,—требуетъ, чтобы лицо, не имѣющее, кромѣ сбереженій изъ дохода, никакихъ другихъ средствъ обезпечить свою старость или тѣхъ, въ комъ оно принимаетъ участіе, было освобождено отъ налога со всей той части, которая дѣйствительно и добросовѣстно употребляется на такую цѣль.

Такимъ образомъ, если бы можно было положиться на добросовѣстность плательщиковъ, или посредствомъ косвенной провѣрки обезпечить вѣрность ихъ показаній, то самымъ подходящимъ способомъ взиманія подоходнаго налога было бы брать налогъ съ той части дохода, которая предназначается на расходы. освобождая отъ него часть, идущую на сбереженія. Потому что, если эта часть сбережена и помѣщена въ какое нибудь предпріятіе (а, говоря вообще, всѣ сбереженія бываютъ гдѣ нибудь помѣщены), то она платитъ подоходный налогъ съ приносимаго ею процента или прибыли, несмотря на то, что она уже въ видѣ капитала была обложена налогомъ. Слѣдовательно, если сбереженія не освобождены отъ подоходнаго налога, то съ плательщиковъ налогъ взимается дважды съ той части, которую они сберегаютъ, и лишь одинъ разъ съ той части, которую они расходуютъ. Человѣкъ, истрачивающій все получаемое имъ, платитъ въ видѣ налога 7 пенсовъ съ фунта, или положимъ 3% и ничего больше; но если онъ сберегаетъ часть изъ годового дохода и покупаетъ процентныя бумаги, то, кромѣ трехъ процентовъ, которые заплачены имъ изъ капитальной суммы сбереженій и уменьшилъ въ той же пропорціи получаемый съ нея доходъ, онъ платитъ ежегодно еще три процента съ этого послѣдняго дохода, что равносильно непосредственной услугѣ другихъ 3% съ капитальной суммы.

Такъ что въ то время, какъ съ непронизводительныхъ расходовъ платится всего лишь 3%, со сбережений платится 6%, или, говоря точнѣе, 3% со всего сбережения и другіе 3% съ $\frac{97}{100}$ его. Созданная, такимъ образомъ, разница въ обложеніи въ ущербъ благоразумію и бережливости не только не соответствуетъ здоровой политикѣ, но и несправедлива. Облагать налогомъ сумму, предназначающуюся для помѣщенія, а затѣмъ облагать доходъ отъ нея, значитъ дважды облагать налогомъ одну и ту же часть средствъ плательщика. Капитальная сумма и проценты съ нея не могутъ составлять различныхъ частей его средствъ: они составляютъ два раза посчитанную одну и ту же часть; если человекъ получаетъ доходъ, то это потому, что онъ не расходуетъ капитальной суммы; если же онъ расходуетъ капитальную сумму, онъ не получаетъ дохода. Однако, вслѣдствіе того, что онъ можетъ сдѣлать то или другое, его облагаютъ налогомъ такъ, какъ будто онъ можетъ дѣлать оба эти употребленія вмѣстѣ: и сберегая и расходуя въ одно и то же время.

Нѣкоторые, возражая противъ освобожденія сбережений отъ налога, доказывали, что законъ не долженъ посредствомъ искусственнаго вмѣшательства нарушать естественное взаимодействие, существующее между побужденіями къ сбереженію и побужденіями къ расходованію. Но мы уже видѣли, что законъ нарушаетъ это естественное взаимодействие тогда, когда облагаетъ, а не тогда, когда освобождаетъ ихъ. Потому что, если сбереженія должны неизбѣжно платить полный налогъ, какъ только они получаютъ какое-нибудь примѣненіе, то освобождать ихъ отъ платежа при ихъ возникновеніи необходимо; иначе они будутъ обложены вдвойнѣ въ то время, какъ съ денегъ, расходуемыхъ на непронизводительное потребленіе, налогъ берется лишь одинъ разъ. Далѣе говорилось, что, такъ какъ богатые имѣютъ наибольшую возможность къ сбереженію, то всякая привилегія въ пользу сбережений будетъ преимуществомъ, которое дается богатымъ на счетъ бѣдныхъ. На это я возражу, что такое преимущество дается богатымъ въ соответствии съ тѣмъ, насколько они отказываются отъ личнаго пользованія своими богатствами; въ соответствии съ тѣмъ, какую долю изъ своихъ доходовъ они, воздержавшись отъ удовлетворенія своихъ нуждъ, обращаютъ на производительныя занятія; вслѣдствіе чего она не потребляется самими владѣльцами, а распределяется въ видѣ заработной платы между рабочими. Если это значитъ покровительствовать богатымъ, то я бы желалъ, чтобы мнѣ указали, какой способъ вниманія налоговъ можетъ заслуживать названія покровительства бѣднымъ.

Никакой подоходный налогъ не будетъ дѣйствительно справедливымъ, если отъ него не освобождены сбереженія; и всякій подоходный налогъ слѣдовало бы устанавливать съ этимъ условіемъ, если бы только доходы имѣли такую форму, и необходимыя удостовѣренія давались бы такимъ образомъ, чтобы нельзя было пользоваться этимъ освобожденіемъ мошенническимъ образомъ, сберегая одной рукой и дѣлая долги другою, или расходуя въ слѣдующемъ году то, что потъ вѣдомъ сбереженія было освобождено отъ налога въ предыдущемъ. Если бы можно было преодолѣть это затрудненіе,

то всевозможныя трудности и осложненія, возникающія изъ права временныхъ доходовъ на льготу по сравненію съ вѣчными, исчезли бы; потому что легитимное право временныхъ доходовъ на облегченіе налога по сравненію съ вѣчными основано лишь на томъ, что ихъ владѣльцы имѣютъ большую необходимость сберегать; а освобожденіемъ отъ налога того, что послѣдніе сберегаютъ, это право было бы исполнѣе удовлетворено. Но если для освобожденія дѣйствительныхъ сбережений нельзя придумать никакого способа, который въ достаточной мѣрѣ устранилъ бы возможность обмана, то при обложеніи налогомъ прежде всего необходимо въ видахъ справедливости принять въ расчетъ, что *должны* сберегать различные классы плательщиковъ. Но, по всей вѣроятности, это возможно сдѣлать только грубымъ способомъ, установивъ два различные процента обложенія. Очень трудно было бы принимать въ расчетъ разницу въ продолжительности существованія различныхъ временныхъ доходовъ; а что касается наиболѣе частаго вида ихъ, т. е. дохода пожизненнаго, то здѣсь различія въ тѣлахъ и здоровьи представили бы такое чрезвычайное разнообразіе, что было бы невозможно надлежащимъ образомъ разобраться въ нихъ. Вѣроятно, было бы необходимо довольствоваться однообразнымъ процентомъ обложенія для всѣхъ наследственныхъ доходовъ и другимъ однообразнымъ процентомъ для тѣхъ доходовъ, которые необходимо кончаются съ жизнью отдѣльнаго лица. Въ опредѣленіи разницы между этими двумя процентами налога неизбежно будетъ нѣкоторый произволъ; быть можетъ, вычесть $\frac{1}{4}$ въ пользу пожизненнаго дохода было бы исполнѣе справедливымъ, такъ какъ можно предположить, что въ среднемъ при всѣхъ возрастахъ и всѣхъ состояніяхъ здоровья будетъ достаточно откладывать четверть пожизненнаго дохода для обезпеченія наследниковъ и старости *).

*) Губбаръ первый, какъ практическій законодатель, пытался исправить подоходный налогъ, руководствуясь принципами безупречной справедливости; и составленному имъ прекрасному плану мало чего не достаетъ для того, чтобы достигнуть высшей степени справедливаго обложенія, какая только можетъ быть осуществлена на практикѣ всеми названными средствами. Онъ предлагаетъ дѣлать вычетъ на $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{3}$ въ пользу промышленныхъ и профессиональныхъ доходовъ. Оставившись же онъ на этой пропорціи на томъ основаніи, что, независимо отъ всѣхъ соображеній относительно того, сколько *должны* сберегать промышленные и профессиональные классы, доступные всѣмъ факты доказываютъ, что $\frac{1}{3}$ изъ дохода составляетъ именно ту часть, какую они въ среднемъ сберегаютъ сверхъ части, сберегаемой другими классами. „Сбереженія“, заимствуетъ Губбаръ, дѣлаемая изъ доходовъ, получаемыхъ отъ капиталовъ, исчисляются въ $\frac{1}{10}$. Сбереженія, дѣлаемая изъ промышленныхъ доходовъ, исчисляются въ $\frac{1}{10}$. Общія суммы доходовъ этихъ двухъ классовъ, подлежащія обложенію, почти одинаковы, поэтому самымъ простымъ способомъ примиренія было бы освободить отъ налога $\frac{1}{10}$ часть доходовъ обоихъ классовъ, а затѣмъ еще уменьшить на $\frac{2}{10}$ или $\frac{1}{5}$ всю облагаемую сумму промышленныхъ доходовъ“. (Представленный докладъ, стр. ХГV въ Report and Evidence of the Committee of 1861). Въ такомъ исчисленіи должна быть значительная доля гадательнаго; но въ той мѣрѣ, въ какой оно можетъ быть доказано, оно представляетъ солидное основаніе для того практическаго заключенія, которое Губбаръ и основываетъ на немъ.

Въ чистой прибыли коммерческаго человѣка часть, какъ мы уже говорили, можетъ считаться процентомъ на капиталъ и, следовательно, имѣетъ постоянный характеръ, а остальная часть есть вознагражденіе за искусство и трудъ по надзору. Палимпекъ прибыль сверхъ процента зачислитъ отъ жизни отдѣльнаго лица и даже отъ его настойчивости въ веденіи дѣла и подлежатъ освобожденію отъ налога во всей той мѣрѣ, какая примѣняется къ временнымъ доходамъ. Я даже нахожу, что для этого излишка слѣдовало бы установить значительную льготу въ виду его непрочности. Прибыль, которую извѣстныя, весьма обыкновенныя случайности могутъ уничтожить или даже обратить въ убытокъ, не можетъ внушать своему владѣльцу такого же чувства обезпеченности, какъ постоянный доходъ въ 1000 фун., хотя бы даже въ среднемъ выводѣ за нѣсколько лѣтъ она равнялась 1000 фун. ежегодно. Если въ пожизненныхъ доходахъ облагается налогомъ три четверти ихъ суммы, то въ прибыли съ предпріятія за вычетомъ процентовъ на капиталъ слѣдуетъ не только облагать налогомъ три четверти ея, но еще и съ этой части брать менший процентъ налога. Быть можетъ также справедливость въ этомъ отношеніи была бы въ достаточной степени

Нѣкоторые писатели, занимавшіеся этимъ вопросомъ, въ томъ числѣ Милль въ своихъ Elements of Political Economy и Макъ-Куллохъ въ своемъ трудѣ о налогахъ, доказывали, что слѣдуетъ дѣлать такой вычетъ, который былъ бы достаточенъ для застрахованія жизни владѣльца дохода въ сумму, могущую доставить его наследникамъ постоянный доходъ, равный тому, какой онъ сохраняетъ для себя; потому что владѣлецъ наследственной собственности можетъ сдѣлать это безъ всякаго сбереженія. Другими словами, эти авторы требуютъ, чтобы временные доходы были обращены въ вѣчные доходы равной капитализированной цѣнности и облагались бы какъ послѣдніе. Если бы собственники пожизненныхъ доходовъ действительно сберегали такую большую часть ихъ или даже еще болѣе значительную, то я охотно освободилъ бы всю эту сумму отъ налога, потому что я готовъ былъ бы совершенно освободить сбереженія, если бы только возможно было найти способъ, какъ это сдѣлать. Но я не могу допустить, чтобы такіе плательщики имѣли право на освобожденіе въ силу общаго предположенія, что они *обязаны* сберегать эту сумму. Владѣльцы пожизненныхъ доходовъ не обязаны отказываться отъ пользованія ими ради того, чтобы доставить цѣлому ряду своихъ наследниковъ независимое обезпеченіе, равное ихъ временному доходу; да никто никогда и не воображаетъ дѣлать это. Отъ людей, доходы которыхъ составляютъ результатъ ихъ собственныхъ усилій, менѣе всего можно требовать, чтобы они оставляли потомству на-всегда безъ всякой необходимости трудиться, тѣ же доходы, какими они пользовались сами. Все, что они обязаны сдѣлать даже для своихъ дѣтей, это поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ они будутъ имѣть полную возможность зарабатывать средства къ жизни. Но обезпечивать по завѣщанію дѣтей или близкихъ составляетъ законное желаніе, которое люди, находящіеся въ такихъ условіяхъ, могутъ удовлетворить не иначе, какъ откладывая наѣвную часть изъ своихъ доходовъ, между тѣмъ какъ владѣльцы наследственнаго имущества могутъ сдѣлать то же и не откладывая. Въ этомъ заключается дѣйствительное неравенство, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сами по себѣ доходы равны, оно должно быть до извѣстной степени принято въ расчетъ при распредѣленіи налоговъ, чтобы отъ тѣхъ и отъ другихъ требовалось насколько возможно равное пожертвованіе.

удовлетворена, если бы были допущены вычетъ четвертой части изъ всего дохода со включеніемъ и процентовъ.

Вотъ главные изъ тѣхъ обыкновенныхъ случаевъ, въ которыхъ до извѣстной степени трудно уяснить принципъ равномерности обложенія. Истинное значеніе этого принципа, какъ мы видѣли въ предыдущемъ примѣрѣ, то, чтобы люди платили пропорціонально не тому, что они имѣютъ, а тому, что они могутъ тратить. Если же этотъ принципъ не можетъ быть примѣненъ послѣдовательно ко всемъ случаямъ, то это не служитъ возраженіемъ противъ него. Конечно, человѣкъ съ пожизненнымъ доходомъ и слабымъ здоровьемъ, или принужденный содержать собственнымъ трудомъ большую семью, если онъ пожелаетъ обезпечить ее по смерти, долженъ быть болѣе экономнѣе, чѣмъ человѣкъ съ равнымъ пожизненнымъ доходомъ, но съ болѣе крѣпкимъ здоровьемъ и съ меньшей семьей. А разъ признается, воображаютъ нѣкоторые, что обложеніе не можетъ сообразоваться съ этими различіями, то бесполезно будетъ принимать во вниманіе какія бы то ни было различія тамъ, гдѣ абсолютная величина дохода одинакова. Но трудность достигнута полной справедливости не служитъ доводомъ противъ того, чтобы добиваться справедливости насколько возможно болѣе. Хотя, быть можетъ, будетъ несправедливо, если человѣку, пользующемуся пожизненнымъ доходомъ и имѣющему вѣроятность прожить всего лишь пять лѣтъ, не дадутъ льготы болѣе той, которая допускается для другого лица, могущаго прожить 20 лѣтъ; но для перваго даже и такая льгота будетъ лучше, чѣмъ если бы вовсе не допускалось сбавки налога ни для кого изъ нихъ.

§ 5. Прежде чѣмъ мы оставимъ вопросъ о равномерности обложенія, я долженъ замѣтить, что есть случаи, въ которыхъ можно дѣлать уклоненія отъ него, не нарушая той справедливости, которая служитъ основаніемъ этого правила. Предположимъ, что есть извѣстный видъ дохода, который имѣетъ тенденцію постоянно увеличиваться безъ всякаго усилія или жертвованія со стороны владѣльца: такіе владѣльцы будутъ составлять въ обществѣ классъ, который естественнымъ ходомъ дѣлъ постепенно обогащается при полномъ бездѣйствіи съ ихъ стороны. Въ такомъ случаѣ не будетъ нарушеніемъ принциповъ, на которыхъ основана частная собственность, если государство будетъ присваивать себѣ все это увеличеніе богатства, или часть его по мѣрѣ того, какъ оно возникаетъ. Собственно говоря, здѣсь не было бы захвата чужей либо собственности; тутъ созданное обстоятельствомъ увеличеніе богатства вмѣсто того, чтобы быть незаслуженной прибавкой къ богатствамъ отдѣльнаго класса, просто употреблялось бы въ пользу общества.

Въ такихъ именно условіяхъ находится рента. Обыкновенный прогрессъ общества, богатство котораго возрастаетъ, всегда ведетъ къ увеличенію доходовъ землевладѣльцевъ, доставляетъ имъ безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ съ ихъ стороны и болѣею количествомъ и большую долю изъ общественнаго богатства. Они богатѣютъ какъ будто бы во снѣ, безъ всякаго труда, риска и бережливости. Какое право они имѣютъ по общему принципу общественной спра-

ведливости на такое приращение богатства? Въ чемъ бы состояла несправедливость по отношенію къ имъ, если бы общество съ самаго начала сохранило за собою право облагать естественное увеличеніе ренты наивысшимъ налогомъ, какой только требуется финансовыми надобностями. Я признаю, что было бы несправедливо захватывать въ каждомъ отдѣльномъ помѣстьи все увеличеніе въ его доходности, какое можетъ оказаться по хозяйственнымъ запасамъ; потому что въ отдѣльныхъ случаяхъ не было бы возможности отличить увеличеніе, вызванное исключительно общими социальными условіями, отъ увеличенія, составляющаго результатъ искусства и затратъ собственника. Единственнымъ допустимымъ образомъ дѣйствія было бы принятіе общей мѣры. Прежде всего слѣдовало бы сдѣлать оцѣнку всей земли въ странѣ. Нынешняя цѣнность всей земли должна быть освобождена отъ налога; но по прошествіи нѣкотораго промежутка времени, въ теченіе котораго населеніе возрастетъ и капиталъ увеличится, можно будетъ сдѣлать приблизительную оцѣнку естественнаго увеличенія ренты, происшедшаго со времени первой оцѣнки. Нѣкоторымъ показателемъ этого могла бы служить средняя цѣна продукта; если она повысилась, то несомнѣнно, что и рента возросла и (какъ мы уже видѣли) даже въ большей пропорціи, нежели цѣна. На основаніи этихъ и другихъ данныхъ можно приблизительно вычислить, насколько увеличилась цѣнность всей земли страны влѣдствіе естественныхъ причинъ; и устанавливая общій поземельный налогъ, который изъ опасенія ошибки долженъ быть значительно ниже вычисленнаго такимъ образомъ размѣра, можно быть увѣреннымъ, что при этомъ налогъ не коснется никакого увеличенія въ доходѣ, составляющаго результатъ затраты капитала или труда землевладельца.

Относительно справедливости обложенія налогомъ прироста ренты не могло бы быть никакого сомнѣнія, если бы общество открыто сохранило за собою это право; но не утрачено ли обществомъ это право влѣдствіе того, что оно не осуществлялось? Развѣ, напримѣръ, въ Англіи люди, покупавшіе землю въ теченіе послѣдняго столѣтія и больше, не платили не только за одну цѣнность существующаго дохода, но и за расчеты на ея увеличеніе въ будущемъ, руководясь молчаливой увѣренностью, что ихъ доходы будутъ облагаться въ одинаковой пропорціи съ другими доходами. Хотя это возраженіе до пзвѣстной степени основательно, но оно имѣетъ для разныхъ странъ значеніе различное, смотря по тому насколько общество отвыкло пользоваться правомъ, нѣкогда, несомнѣнно, вполне принадлежавшимъ ему. Въ большей части европейскихъ странъ право брать по мѣрѣ необходимости въ видѣ налога неопредѣленную часть ренты никогда не ослабѣвало. Въ нѣкоторыхъ частяхъ континента поземельный налогъ составляетъ значительную часть общественныхъ доходовъ и по общему признаку всегда могъ быть повышенъ или понижень помимо какого бы то ни было измѣненія въ другихъ налогахъ. Въ этихъ странахъ никто не можетъ претендовать, что сдѣлался собственникомъ земли въ полной увѣренности, что ему никогда не придется платить болѣе высокаго поземельнаго налога. Въ Англіи поземельный налогъ не измѣнялся съ начала прошлаго

столѣтія. Послѣдній относившійся къ размѣру его актъ законодательной власти уменьшилъ его; и хотя послѣдующее увеличеніе въ доходности земли было чрезвычайно сильно, не только благодаря улучшенію земледѣлія, но также благодаря росту городовъ и увеличенію количества построекъ, тѣмъ не менѣе вліяніе землевладельцевъ на законодательную власть не допускало установить никакого налога; несмотря на то, что было бы вполне справедливо обложить увеличеніе ренты въ той весьма значительной его части, которая не была заслужена и досталось землевладельцамъ какъ бы случайно. Мнѣ кажется, что возникшіе, такимъ образомъ, расчеты будутъ вполне удовлетворены, если весь приростъ дохода, происшедшій въ теченіе этого долгаго періода времени просто въ силу естественнаго закона, безъ всякаго труда и пожертвованія, будетъ навсегда освобожденъ отъ какого-либо спеціальнаго налога. Я не вижу, что можно было бы возразить, если бы законодательная власть съ этого ли момента или съ другого времени, какое она найдетъ удобнымъ для закрѣпленія за собою права, объявила-бы, что дальнѣйшее приращеніе ренты должно подлежать спеціальному налогу; при такомъ образѣ дѣйствій будетъ избѣгнута какая-либо несправедливость по отношенію къ землевладельцамъ, если будетъ сохранена та же нынѣшняя рыночная цѣна на ихъ землю, такъ какъ въ этой цѣнѣ заключается нынѣшняя цѣнность всѣхъ расчетовъ на будущее. Для опредѣленія высоты подобнаго налога, вѣроятно, общее возвышеніе цѣны земли было бы болѣе вѣрнымъ показателемъ, чѣмъ возвышеніе ренты или возвышеніе цѣны на хлѣбъ. Было бы легко не допускать этотъ налогъ повышаться до такого размѣра, при которомъ рыночная цѣна земли упала бы ниже первоначальной оцѣнки; а до этого крайняго предѣла по отношенію къ землевладельцамъ не будетъ никакой несправедливости, каковъ бы размѣръ налога ни былъ.

§ 6. Но какого бы мнѣнія мы ни были о законности того, чтобы сдѣлать государство участникомъ во всякомъ будущемъ увеличеніи ренты отъ естественныхъ причинъ, тѣмъ не менѣе существующій поземельный налогъ (который въ Англіи, къ сожалѣнію, чрезвычайно малъ) слѣдуетъ считать не налогомъ, а обремененіемъ ренты въ пользу общества: онъ представляетъ собою часть ренты, съ самаго начала оставленную государствомъ за собою,—часть, которая никогда не принадлежала землевладельцамъ и не входила въ ихъ доходы и которая, слѣдовательно, не должна считаться въ суммѣ платимыхъ ими налоговъ и давать право на освобожденіе отъ законной доли во всякомъ другомъ налогѣ. Въ противномъ случаѣ можно было бы считать и десятину налогомъ на землевладельцевъ; или же, напримѣръ, въ Бенгаліи, гдѣ государство, хотя оно имѣетъ право на всю ренту, отдало одну десятую ея частнымъ лицамъ, удержавъ за собою $\frac{9}{10}$, эти $\frac{9}{10}$ слѣдовало бы считать налогомъ несправедливымъ и несоразмѣрнымъ съ отданной земледѣльцу одной десятой ренты. Тотъ фактъ, что лицу принадлежатъ пзвѣстная часть ренты, не даетъ ему законнаго права на остальную, будто бы несправедливо отнятую у него часть. Первоначально землевладельцы владѣли своимъ помѣстьемъ съ обязательствомъ нести феодальныя

новинности, за которыхъ нынѣшній поземельный налогъ служить самымъ незначительнымъ вознагражденіемъ, и за освобожденіе отъ которыхъ слѣдовало бы потребовать значительно большую сумму. Всѣ, купившіе землю въ то время, когда уже существовалъ налогъ, купили ее обложенной налогомъ. Поэтому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать его платежемъ, вымогаемымъ отъ существующаго поколѣнія землевладѣльцевъ.

Эти замѣчанія относятся къ поземельному налогу лишь въ томъ случаѣ, если онъ представляетъ спеціальнѣйшій налогъ, а не тогда, когда онъ служитъ просто способомъ вниманія съ землевладѣльцевъ такого же налога, какой берется и съ другихъ классовъ. Во Франціи, напримѣръ, есть особенные налоги на другіе виды собственности и дохода (*impôt mobilier* и *impôt de patente*), и если предположить, что поземельный налогъ не выше этихъ налоговъ, то нѣтъ основанія утверждать, что государство сохранило за собою право на часть ренты. Но тамъ, гдѣ доходъ, получаемый съ земли, издавна подлежитъ вычету въ пользу общества, и гдѣ этотъ вычетъ производится сверхъ процента налога, взимаемаго съ другихъ доходовъ, тамъ этотъ излишекъ не будетъ собственно налогомъ, а частью поземельной собственности, удержанной за собою государствомъ. Въ Англіи нѣтъ особенныхъ налоговъ на другіе классы, соответствующихъ поземельному налогу или предназначенныхъ уравновѣшивать его. Слѣдовательно, тутъ весь поземельный налогъ не будетъ налогомъ, а обремененіемъ ренты; онъ равносильнъ тому, какъ будто бы государство удержало за собою не часть ренты, а часть земли. Для землевладѣльца онъ составляетъ не большее бремя, чѣмъ доля одного изъ совладѣльцевъ для другого. Землевладѣльцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе за него, а также не въ правѣ требовать, чтобы онъ признавался частью ихъ налоговъ. Сохраненіе этого налога въ настоящемъ его видѣ не будетъ нарушеніемъ принципа равномерности обложенія *).

Впоследствии, рассматривая косвенные налоги, мы укажемъ, насколько и съ какими измѣненіями примѣняются къ нимъ правила равномерности обложенія.

§ 7. Кромѣ предыдущихъ правилъ, иногда указываютъ еще на другое общее правило обложенія, а именно на то, что налогъ долженъ ложиться на доходъ, а не на капиталъ. Дѣйствительно, чрезвычайно важно, чтобы налоги не касались народнаго капитала: но когда они касаются его, то это происходитъ не отъ какого нибудь особеннаго способа обложенія, а отъ чрезмѣрности его. Обреме-

*) Эти же замѣчанія, очевидно, примѣняются къ тѣмъ мѣстнымъ налогамъ, объ чрезвычайной тяжести которыхъ для поземельной собственности такъ много говорили нѣкоторые оставшіеся сторонники протекціонизма. Тѣ изъ этихъ налоговъ, которые существуютъ съ давнихъ поръ, слѣдуетъ считать приобретеннымъ на основаніи давности правомъ на вычетъ или сохраненіе въ общую пользу части ренты. А всѣ новѣйшія прибавки къ нимъ или были установлены во имя интересовъ землевладѣльцевъ, или произошли по ихъ же вѣнѣ и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не даютъ имъ никакого справедливаго основанія жаловаться.

неніемъ чрезмѣрными налогами, доведеннымъ до значительной степени, можетъ быть положительно раззорено самое трудолюбивое общество, въ особенности, если еще эти налоги хоть сколько-нибудь произвольны, такъ что плательщикъ никогда не увѣренъ, какъ много или какъ мало ему останется; или если они такъ раскладываются, что трудолюбіе и бережливость становятся невыгодными. Но если государство избѣжало этихъ ошибокъ, а размѣръ обложенія не выше того, какой существуетъ теперь даже въ нѣкоторыхъ наиболѣе обремененныхъ налогами европейскихъ странахъ, то нѣтъ никакой опасности, чтобы они лишили страну части ея капитала.

Устроить такъ, чтобы налогъ падалъ всецѣло на доходы и вовсе не касался капитала, это—задача выше силъ какой бы то ни было системы финансоваго устройства. Нѣтъ налога, который отчасти не платился бы изъ того, что безъ него было бы сбережено; нѣтъ налога, вся сумма котораго, при отбѣнѣ его, была бы всецѣло употреблена на увеличеніе расходовъ, при чемъ никакая часть ея не откладывалась бы на увеличеніе капитала. Поэтому, всѣ налоги въ нѣкоторомъ смыслѣ платятся отчасти изъ капитала; и въ бѣдной странѣ невозможно наложить никакого налога, который не препятствовалъ бы возрастанію національнаго богатства. Но въ странѣ, гдѣ капиталъ великъ, а стремленіе къ накопленію сильно, это вліяніе налоговъ едва ли замѣтно. Капиталъ достигъ въ этихъ странахъ того состоянія, при которомъ дальнѣйшее увеличеніе его скоро бы прекратилось, если бы не было цѣлаго ряда постоянныхъ усовершенствованій въ промышленности, и онъ имѣетъ здѣсь такое сильное стремленіе опережать даже эти усовершенствованія, что прибыль поддерживается выше минимума только благодаря эмиграціи капитала или періодическому исчезновенію его, называемому коммерческимъ кризисомъ; брать при помощи налоговъ то, что унесла бы эмиграція или уничтожилъ бы кризисъ, значитъ дѣлать то, что сдѣлала бы одна изъ этихъ причинъ, т. е. очищать мѣсто для дальнѣйшаго сбереженія.

Поэтому, я не могу въ богатой странѣ придавать какой-либо важности этому возраженію противъ налога на наслѣдство, что онъ будетъ налогомъ на капиталъ. Рикардо говоритъ: если взять у человека 100 фун. въ видѣ налога на домъ или вино, то онъ, вѣроятно, сбережетъ всю эту сумму или часть ея тѣмъ, что будетъ жить въ болѣе дешевомъ домѣ, или потреблять меньше вина, или, наконецъ, тѣмъ, что сократитъ какіе-нибудь другіе свои расходы; но если такая же сумма будетъ взята у него, потому что онъ получаетъ наслѣдство въ 1000 фун., то онъ будетъ считать это наслѣдство всего лишь въ 900 фун. и будетъ испытывать не только не большее, но, по всей вѣроятности, даже меньшее побужденіе экономничать въ своихъ расходахъ. Такимъ образомъ, этотъ налогъ уплачивается цѣлкомъ изъ капитала; и въ нѣкоторыхъ странахъ это могло бы служить серьезнымъ возраженіемъ противъ него. Но прежде всего этотъ аргументъ не можетъ примѣняться къ странѣ, имѣющей національный долгъ, и употребляющей часть своихъ доходовъ на уплату его; потому что употребленный такимъ образомъ доходъ съ на-

лога все же остается капиталомъ и только переходитъ отъ плательщика налога къ собственнику государственныхъ бумагъ. Но затѣмъ это возраженіе уже вовсе непримѣнимо къ государству съ быстро увеличивающимся богатствомъ. Сумма, которая получалась бы ежегодно даже при очень высокомъ налогѣ на наследство, составляла бы лишь незначительную долю ежегоднаго прироста капитала въ такомъ государствѣ; и ея пзъятіе только открывало бы просторъ для новыхъ сбереженій на такую же сумму; тогда какъ, если бы она не была взята, то слѣдствіемъ этого было бы то, что этихъ сбереженій или вовсе бы не было или разъ уже сдѣланныя сбереженія были бы отосланы для помѣщенія за-границу. Страна, которая, подобно Англіи, накопляетъ капиталъ не только для себя, но и для цѣлой половины міра, можно сказать, покрываетъ всѣ свои государственные расходы изъ избытка въ своихъ капиталахъ; и ея богатство теперь, вѣроятно, такъ же велико, какъ если бы въ пей вовсе не было налоговъ. Въ дѣйствительности, ея палогн уменьшаютъ не средства производства, а средства, идущія на доставленіе удовольствія; такъ какъ ту сумму, которую человекъ платитъ въ видѣ налога, онъ могъ бы, если бы у него ее не брали, употребить на доставленіе себѣ большихъ удобствъ или на удовлетвореніе какой нибудь потребности или склонности, остающейся теперь неудовлетворенной.

ГЛАВА III.

Прямые налоги.

§ 1. Налоги бываютъ или прямые, или косвенные. Прямой налогъ—тотъ, который требуется съ тѣхъ самыхъ лицъ, съ которыхъ имѣютъ въ виду или желаютъ брать его. Косвенные налоги—тѣ, которые требуются отъ одного лица въ томъ расчетѣ и намѣреніи, что оно вознаградитъ себя на счетъ другихъ лицъ; таковы, напримѣръ, акцизъ и таможенные пошлины. Съ лица, производящаго или ввозящаго товаръ, берется налогъ не съ намѣреніемъ взимать съ этого лица особенную контрибуцію, а для того, чтобы черезъ него брать налогъ съ потребителя товара въ томъ предположеніи, что первый плательщикъ возвратитъ себѣ эту сумму посредствомъ возвышенія цѣны товара.

Прямые налоги берутся или съ дохода или съ расхода. Большая часть налоговъ на расходы взимаются въ формѣ косвенныхъ налоговъ, но существуютъ нѣкоторые и прямые, такъ какъ они взимаются не съ производителя или продавца товара, а непосредственно съ потребителя. Напримѣръ, налогъ на дома будетъ прямымъ налогомъ на расходы, если взимается, какъ это обыкновенно бываетъ, съ жильца этого дома. Если бы онъ взимался съ строителя или собственника, то онъ былъ бы косвеннымъ налогомъ. Налогъ на

окна—прямой налогъ на расходы: такими же налогомъ будутъ налоги на лошадей, на экипажи и прочіе, такъ называемые, *assessed taxes* *).

Источниками дохода служатъ—рента, прибыль и заработная плата. Сюда входятъ всѣ роды доходовъ, кромѣ дара или награбленной добычи. Налогъ можетъ упасть на одинъ изъ этихъ трехъ видовъ дохода или всѣ они могутъ быть обложены разнообразнымъ налогомъ. Мы рассмотримъ эти налоги по порядку.

§ 2. Налогъ на ренту падаетъ всецѣло на землевладѣльца. Послѣдній не имѣетъ никакой возможности перенести это бремя на кого-либо другого. Этотъ налогъ не вліяетъ на цѣнность и цѣну земледѣльческаго продукта, потому что онъ опредѣляется стоимостью производства въ наименѣе благоприятныхъ условіяхъ; а въ такихъ условіяхъ, какъ мы уже много разъ повторяли, земля не даетъ ренты. Слѣдовательно, налогъ на ренту, кромѣ своего очевиднаго дѣйствія, не имѣетъ никакого другого. Онъ просто беретъ у землевладѣльца известную сумму и передаетъ ее государству.

Однако, строго говоря, это справедливо лишь относительно ренты, составляющей результатъ естественныхъ причинъ или улучшеній, произведенныхъ арендаторомъ. Когда землевладѣлецъ производить улучшения, увеличивающія производительную силу его земли, то онъ вознаграждается за нихъ добавочнымъ платежемъ отъ арендатора; и этотъ платежъ, оставляющій для землевладѣльца собственно прибыль на капиталъ, соединяется и смѣшивается съ рентой; для арендатора эта сумма дѣйствительно составляетъ часть ренты, и величина ея опредѣляется тѣми же экономическими законамъ, какъ и величина ренты. Если налогъ на ренту будетъ распространяться и на эту часть ея, то онъ отобьетъ у землевладѣльца охоту производить улучшения; но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ подыметъ цѣну земледѣльческаго продукта. Тѣ же улучшения могутъ быть произведены на капиталъ арендатора, или даже на капиталъ землевладѣльца, отдавшаго въ аренду арендатору, ежели только землевладѣлецъ согласится отдать свою землю въ аренду на такой длинный срокъ, чтобы арендаторъ могъ до истеченія его вознаграждать себя за затраты. Однако все, что препятствуетъ производству улучшеній тѣмъ способомъ, какой люди признаютъ болѣе удобнымъ, часто и совершенно препятствуетъ производству ихъ; вслѣдствіе этого налогъ на ренту былъ бы неудобенъ, если бы нельзя было придумать какого-либо средства освободить отъ него ту часть номинальной ренты, которая можетъ считаться прибылью землевладѣльца. Но и безъ этого довода подобный налогъ подлежитъ осужденію. Специальный налогъ на доходъ извѣстнаго класса, не уравновѣшиваемый налогомъ

*) *Assessed taxes* представляютъ собою прямое обложеніе роскоши и потребления болѣе зажиточныхъ классовъ. Подъ этимъ названіемъ извѣстны налоги на экипажи, дорогихъ лошадей, собакъ, пудру, налоги на пріступу и проч. Этотъ видъ обложенія особенно сильно развился въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи. Нѣкоторые изъ этихъ налоговъ существуютъ и въ настоящее время. Нерѣдко эти налоги называются налогами на роскошь. Отъ редактора.

на другіе классы, будетъ нарушеніемъ справедливости и равносилёнъ конфискаціи части имущества. Я уже указывалъ основанія, въ силу которыхъ освобождается отъ такого упрёка налогъ, который, не касаясь существующей ренты, поглощаетъ только часть будущаго прироста ея, происходящую отъ простого дѣйствія естественныхъ причинъ. Но даже и этотъ налогъ нельзя признать справедливымъ, если при этомъ не будетъ сохранена за владѣльцемъ рыночная цѣна его земли. Если налогъ устанавливается не исключительно на ренту, а сопровождается равносильнымъ налогомъ на другіе доходы, то возраженіе, основанное на томъ, что онъ касается прибыли, происходящей отъ улучшеній, будетъ менѣе примѣнимо въ нему; въ такомъ случаѣ прибыль облагается бы такъ же, какъ и рента; и поэтому прибыль, принимающая форму ренты, должна была бы нести вмѣстѣ со всѣми другими видами прибыли свою долю налога; но такъ какъ по основаніямъ, выше изложеннымъ, прибыль должна, вообще, облагаться нѣсколько ниже, чѣмъ собственно такъ называемая рента, то возраженіе здѣсь лишь ослабляется, но не устраняется.

§ 3. Налогъ на прибыль, подобно налогу на ренту, долженъ, но крайней мѣрѣ въ началѣ своего дѣйствія, падать всецѣло на плательщика. Когда налогъ ложится одинаково на всѣ виды прибыли, то отъ него нельзя освободиться посредствомъ перемѣны занятія. Если бы налогомъ облагалась какая-нибудь отдѣльная отрасль производства, то онъ въ дѣйствительности составлялъ бы увеличеніе стоимости производства, и поэтому цѣнность и цѣна соответствующаго товара возрастл бы, вслѣдствіе чего налогъ легъ бы на потребителя товара и не коснулся бы прибыли. Но общій и равномерный налогъ на всѣ виды прибыли не измѣнилъ бы общихъ цѣнъ и упалъ бы, по крайней мѣрѣ первое время, на однихъ лишь капиталистовъ.

Однако послѣдствіемъ онъ оказываетъ еще и другое вліяніе, которое слѣдуетъ принимать въ расчетъ въ богатой и цвѣтущей странѣ. Когда накопленный капиталъ такъ великъ, а ходъ ежегоднаго накопленія такъ быстръ, что страна удерживается отъ достиженія неподвижнаго состоянія только эмиграціей капитала или непрерывными улучшениями въ производствѣ, то всякое обстоятельство, дѣйствительно понижающее процентъ прибыли, не можетъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на эти явленія. Оно можетъ дѣйствовать различными способами. Уменьшеніе прибыли и вытекающее отсюда увеличеніе трудности составлять состояніе или получать средства къ жизни путемъ примѣненія капитала можетъ побуждать къ позорѣтвеніямъ и къ примѣненію ихъ, разъ они сдѣланы. Если улучшения въ производствѣ совершаются очень быстро, и если эти улучшения прямо или косвенно удешевляютъ какіе-либо изъ предметовъ, обыкновенно потребляемыхъ рабочими, то прибыль можетъ повыситься и даже настолько, что будетъ попомянуто все, что берется отъ нея въ видѣ налога. Въ такомъ случаѣ налогъ будетъ взиматься, не причиняя никому убытка, потому что продуктъ страны возрастетъ на равную ему или, что весьма возможно, на значительно большую сумму. Однако, даже и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ считать, что на-

логъ берется изъ прибыли, потому что только она, получающія прибыль, оказались бы въ выигрышѣ отъ его отмены.

Но, хотя искусственный вычетъ нѣкоторой части прибыли дѣйствительно способствуетъ усиленному введенію улучшеній, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности можетъ не произойти значительныхъ улучшеній, или, быть можетъ, произойдутъ лишь такого рода улучшения, которыя либо вовсе не повысятъ общаго уровня прибыли, либо повысятъ его не настолько, насколько уменьшилъ его налогъ. Въ такомъ случаѣ процентъ прибыли сильнѣе бы приблизился къ тому практическому минимуму, къ которому онъ постоянно стремится: а такое уменьшеніе доходности капитала либо рѣшительно прекратило бы дальнѣйшее накопленіе, либо заставило бы большую, чѣмъ прежде, часть ежегоднаго прироста уходить за границу или растрачиваться въ невыгодныхъ спекуляціяхъ. Первое время по установленіи налога онъ всецѣло падаетъ на прибыль; но тотъ приростъ капитала, который могъ бы образоваться, если бы не было налога, низвелъ бы прибыль до того же самаго уровня; поэтому, черезъ каждый промежутокъ въ 10 или 20 лѣтъ будетъ оказываться все меньшая и меньшая разница между той прибылью, какая существуетъ, и той, какая была бы безъ налога; пока, наконецъ, не будетъ никакой разницы и налогъ будетъ перевесенъ или на рабочаго, или на землевладѣльца. Дѣйствительное вліяніе налога на прибыль заключается въ томъ, что, благодаря ему, страна въ пзвѣстное данное время обладаетъ меньшимъ капиталомъ и меньшей общей суммой производства и достигаетъ неподвижнаго состоянія раньше и съ меньшей суммой національнаго богатства. Возможно, что налогъ на прибыль можетъ даже уменьшать существующій въ странѣ капиталъ. Если процентъ прибыли уже достигъ пракческаго минимума, т. е. спустился уже до той величины, при которой вся та часть ежегоднаго приращенія, которая способствовала бы пониженію прибыли, уносится вывозомъ или спекуляціямъ; то вслѣдствіе установленія налога, еще болѣе понижающаго прибыль, тѣ же причины, которыя прежде уносили приростъ, по всей вѣроятности, унесутъ и часть существующаго капитала. Слѣдовательно, при такомъ состояніи капитала и накопленія, какъ въ Англіи, налогъ на прибыль чрезвычайно убыточенъ для національнаго богатства. И такое вліяніе имѣютъ не одни только спеціальныя, а слѣдовательно, по существу своему несправедливыя налоги на прибыль. Однимъ тотъ фактъ, что всѣ виды прибыли должны нести свою долю въ общемъ тяжеломъ обложеніи совершенно такъ же, какъ и спеціальныя, заставляетъ капиталъ уходить за границу, возбуждаетъ вслѣдствіе отсутствія вѣрныхъ барьеровъ неблагоприятную спекуляцію, отбиваетъ охоту къ дальнѣйшему накопленію и ускоряетъ достиженіе неподвижнаго состоянія. Это, по мнѣнію нѣкоторыхъ, и была главная причина упадка Голландіи или, вѣрнѣе, того, что эта страна перестала развиваться.

Даже въ странахъ, накапливающихъ капиталъ не настолько быстро, чтобы постоянно находиться близко отъ неподвижнаго состоянія, кажется невозможно, чтобы накопленіе капитала—если онъ

хоть сколько-нибудь накапливается—не замедлялось до известной степени вследствие вычета некоторой части из прибыли; и если этот вычет не будет уравновешен вполне развитием улучшений, то часть бремени неизбежно перейдет с капиталиста на рабочего или землевладельца. Тот или другой из этих последних всегда терять вследствие уменьшения быстроты накопления. Если население будет продолжать размножаться по-прежнему—будет страдать рабочий; если оно не будет увеличиваться, то развитие земледелия приостановится и землевладельцы будут терять тот прирост ренты, который достался бы на их долю. Налог на прибыль может ложиться постоянным бременем исключительно на капиталистов только в тех странах, где капитал неподвижен потому, что в них нет новых накоплений. В таких странах налог может не только сохраниться всему капиталу из силу привычки и нежелания подчиниться объединению, и таким образом капиталисты, быть может, будут постоянно вестись весь налог. Из этих соображений можно видеть, что влияние налога на прибыль гораздо сложнее, гораздо разнообразнее и в некоторых отношениях гораздо неопределимее, чем обыкновенно предполагали люди, писавшие об этом вопросе.

§ 4. Обратимся теперь к налогам на заработную плату. Последствия этих налогов весьма различны, смотря по тому, взимаются ли они с платы за обыкновенный труд, или с вознаграждения за привлекательности и требующие обучения умственные и физические занятия, которые изъяты из сферы соперничества в силу естественной или установленной монополии.

И уже указывая раньше, что при нынешнем низком уровне народного образования все высшие ступени умственного или требующего предварительной подготовки труда вознаграждаются по монополийной цене, превышающей заработную плату за обыкновенный труд, и этот излишек вознаграждения значительно больше того, сколько бы следовало получить за расходы, хлопоты и потерю времени, необходимые для приготовления к такому занятию. Всякий налог, взимаемый с такого рода вознаграждения, которое несмотря на это остается выше, (а не ниже) справедливой пропорции, падает на плательщиков; они не могут никаким способом освободиться от этого налога в ущерб другому классу. То же самое справедливо и относительно обыкновенной заработной платы в тех случаях, когда, подобно тому как в Соединенных Штатах и в новых колониях, капитал возрастает настолько быстро, насколько может возрастать население, вследствие чего заработная плата поддерживается на своей высоте, благодаря увеличению капитала, а не благодаря привязанности рабочих к определенному уровню благосостояния. В таком случае может, по всей вероятности, произойти вследствие ли налога, или какой-либо другой причины, некоторое ухудшение в положении рабочих, при чем возрастание населения не уменьшится. При таких условиях налог упал бы на самих рабочих и преждевременно понизил бы их положение до того уровня, до которого, при предположенном нами состоянии их при-

вычек, оно в конце концов во всяком случае случилось бы, вследствие неизбежного уменьшения в скорости возрастания капитала после занятия всей плодородной земли.

Некоторые возражают, что даже и в этом случае налог на заработную плату не может быть вреден для рабочих, потому что собираемая при помощи его деньги, расходуясь в стравы, снова возвращаются к рабочим через спрос на труд. Однако, ошибочность этого возражения настолько ясно была доказана в первой книге*), что мне остается только сослаться на это доказательство. Там было доказано, что суммы, расходуемые непродолжительно, вовсе не способствуют повышению или удержанию на известной высоте заработной платы за исключением тех случаев, когда они расходуются на прямую покупку труда. Если бы правительство брало ежедневно с каждого рабочего налог в шиллинг и расходовало всю собранную таким образом сумму на наем рабочих для военной службы, общественных работ и т. п., то оно, без сомнения, вознаграждало бы рабочих, как целый класс, за все то, что оно берет у них в виде налога. Это действительно было бы «расходованием денег в народ». Но если оно будет расходовать все полученное из налога на покупку товаров или на увеличение жалования чиновников, покупающих на него товары, то это не будет увеличивать спроса на труд или способствовать возвышению заработной платы. Но даже не возвращаясь к общим принципам, можно доказать несправедливость этого возражения на основании очевидного *reductio ad absurdum*. Если брать деньги у рабочих и расходовать их на товары значит возвращать их рабочим; следовательно, чем больше правительство берет налогов, тем больше будет спрос на труд, и тем лучше будет положение рабочих. Невозможности такого предположения нельзя не видеть.

Вз большей части обществ величина заработной платы регулируется привычным уровнем жизни, к которому рабочие привыкли, и при понижении которого они не станут размножаться. Где существует такой уровень, налог на заработную плату действительно некоторое время будут нести сами рабочие; но если от этого временного уменьшения заработной платы не произойдет понижения самого уровня их жизни, то возрастание населения замедлится, от чего повысится заработная плата и восстановится прежнее положение рабочих. На кого же в таком случае упадет налог? По мнению Адама Смита, на все общество вообще, как на потребителей; потому что возвышение заработной платы, по его убеждению, произведет общее возвышение цен. Однако, мы видели, что общий уровень цен зависит от других причин и никогда не поднимается от какого-либо обстоятельства, одинаковым образом и в одинаковой степени влияющего на все виды производительных занятий. Вызванное налогом возвышение заработной

*) См. выше, стр. 76—86.

платы, подобно всякому другому взиманию в стоимости труда, должно быть покрыто изъ прибылью. Пытаться облагать налогом поденных рабочих в старой странѣ значитъ просто брать добавочный налогъ со всѣхъ хозяевъ, пользующихся обыкновеннымъ трудомъ; если только такой налогъ не оказывается еще гораздо худшаго вліянія, понижая на продолжительное время тотъ уровень благосостоянія, какой считали необходимымъ бѣднѣйшіе классы.

Въ предыдущихъ соображеніяхъ мы находимъ новое доказательство уже высказаннаго нами мнѣнія, что прямой налогъ не долженъ касаться тѣхъ доходовъ, которые не превышаютъ того, что необходимо для здороваго существованія. Эти очень мелкія доходы главнымъ образомъ получаютъ при помощи физическаго труда; и, какъ мы теперь видимъ, всякій налогъ, взимаемый съ нихъ, либо понижаетъ на продолжительное время привычку рабочаго населенія, либо падаетъ на прибыль и обременяетъ капиталистовъ, подобно косвенному налогу, въ придачу къ ихъ долгу прямыхъ налоговъ. Послѣдній исходъ заслуживаетъ порицанія вдвойнѣ: потому что имъ нарушается основной законъ равенства и по тѣмъ принципамъ, которыми, какъ уже было доказано, дѣлаютъ исключительный налогъ на прибыль вреднымъ для общественнаго богатства, а слѣдовательно, и для средствъ, какими располагаетъ общество для уплаты какихъ бы то ни было налоговъ.

§ 5. Теперь мы перейдемъ отъ налоговъ на отдѣльные виды доходовъ къ налогу, стремимся справедливо облагать всѣ виды доходовъ, иными словами, къ подоходному налогу. Въ предыдущей главѣ мы коснулись обсуждения условій, необходимыхъ для того, чтобы этотъ налогъ былъ согласенъ съ справедливостью. Итакъ, предположимъ, что эти условія соблюдены. Первое изъ нихъ это, что доходы ниже известной суммы должны быть совершенно освобождены отъ налога. Этотъ минимумъ долженъ быть не выше той суммы, которая достаточна для удовлетворенія первыхъ потребностей существующаго населенія. Освобожденіе отъ нынѣшняго подоходнаго налога всѣхъ доходовъ ниже 100 фунтовъ въ годъ и взиманіе меньшаго процента съ доходовъ отъ 100 до 150 фунтовъ можно признать законнымъ лишь на томъ основаніи, что почти всѣ косвенные налоги сплывае тяготѣютъ падъ доходами отъ 50 до 150 фун., чѣмъ надъ всеми прочими доходами. Второе условіе это то, что въ доходахъ, превышающихъ такой минимумъ, слѣдуетъ брать налогъ лишь съ излишка надъ этимъ минимумомъ. Третье то, что всѣ суммы, сберегаемыя изъ доходовъ и помѣщаемыя въ какое-либо дѣло, должны быть освобождены отъ налога; или если это окажется невозможнымъ, то пожизненные доходы и доходы отъ всякаго рода предприятий и профессій должны быть обложены меньшимъ налогомъ, чѣмъ наследственные доходы, при чемъ это уменьшеніе налога должно по возможности точнѣе сообразоваться съ большей необходимостью въ бережливости, вытекающей изъ временнаго характера первыхъ доходовъ. Для непостоянныхъ доходовъ также должна существовать скидка налога, вслѣдствіе ихъ непрочности.

Подоходный налогъ, правильно распределенный на основаніи этихъ принциповъ, былъ бы въ отношеніи справедливости наиболѣе безупречнымъ изъ всѣхъ налоговъ. При современномъ низкомъ состояніи общественной нравственности возраженіемъ противъ него можетъ служить лишь то, что невозможно опредѣлить действительные доходы плательщиковъ. Нѣкоторые полагаютъ, что принуждать людей объявлять размѣръ своихъ доходовъ будетъ насиліемъ; но, по моему мнѣнію, нѣтъ основанія придавать особую важность этому взгляду. Однимъ изъ общественныхъ золъ Англіи является привычка, сдѣлавшаяся обычаемъ, которая заставляетъ людей жить или стараться жить такъ, чтобы окружающему казалось, будто они обладаютъ доходами, гораздо большими тѣхъ, какіе у нихъ имѣются въ действительности; и для выгоды лишь, которая поддается такой слабости, было бы гораздо лучше, если бы размѣры ихъ средствъ были всѣмъ въ точности извѣстны и былъ бы устраненъ соблазнъ расходовать больше того, сколько возможно, или урѣзывать свои действительныя потребности ради фальшиваго, внѣшняго блеска. Однако, даже и съ этой точки зрѣнія рѣшеніе этого вопроса не представляется настолько неоспоримымъ, какъ многіе думаютъ. Пока населеніе страны находится въ томъ низкомъ умственномъ состояніи, какое соответствуетъ подобному національному обыкновенію, пока люди соразмѣряютъ свое уваженіе (если возможно тутъ примѣнить такое слово) къ каждому человѣку съ тѣмъ, каковы его денежные средства—весьма возможно, что всякая мѣра, устраняющая какую-либо неопредѣленность въ этомъ дѣлѣ, въ значительной степени увеличитъ наглость и высокомеріе пошлыхъ богачей и ихъ наглость въ отношеніи людей, стоящихъ выше ихъ по уму и характеру, но ниже ихъ по богатству.

Кромѣ того, несмотря на такъ называемый инквизиторскій характеръ этого налога, никакая инквизиторская власть, какую согласился бы терпѣть народъ, наиболѣе расколотый подчиниться ей, не дала бы возможности финансовымъ чиновникамъ распределять налоги на основаніи точныхъ свѣдѣній о средствахъ плательщиковъ. Размѣръ ренты, жалованій, пожизненныхъ и, вообще, всѣхъ опредѣленныхъ доходовъ можетъ быть опредѣленъ съ точностью. Но постоянно пзмѣняющіеся доходы отъ профессій, а тѣмъ болѣе прибыль въ коммерческомъ дѣлѣ не всегда могутъ быть съ точностью опредѣлены даже лицами, получающими ихъ; тѣмъ менѣе такіе доходы можетъ хотя бы приблизительно вѣрно, печислить сборщикъ податей. Въ такихъ случаяхъ приходится главнымъ образомъ полагаться, какъ и всегда дѣлается, на показанія самихъ хозяевъ о ихъ доходахъ. Проверка счетовъ можетъ принести пользу только въ случаяхъ самаго явнаго обмана: да и противъ послѣднихъ она будетъ весьма неэффективна, потому что, разъ кто захочетъ обмануть, то почти всегда можетъ составить подложные счета, для опроверженія которыхъ окажутся несостоятельными всѣ средства, находящіяся въ распоряженіи правительственнаго чиновника; плательщику часто даже не нужно прибѣгать къ помощи фиктивныхъ долговъ и расходовъ, а достаточно легкаго способа—не вписывать нѣкоторыхъ статей

прихода. Слѣдовательно, на какихъ бы принципахъ равенства ни былъ основанъ такой налогъ, на практикѣ онъ окажется неравномѣрнымъ въ самомъ худшемъ смыслѣ, ложась тяжелѣе всего на людей наиболѣе добросовѣстныхъ. Люди недобросовѣстные всегда усилѣваютъ уклониться отъ значительной части того, что имъ слѣдовало бы платить; даже люди, честные въ своихъ обыкновенныхъ дѣлахъ, подвергаются искушенію поступать противъ своей совѣсти, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что рѣшаютъ въ свою пользу всѣ вопросы. Относительно которыхъ могло бы возникнуть малѣйшее сомнѣніе или несогласіе; между тѣмъ какъ люди строго правдивые могутъ быть принуждены платить больше того, сколько хотѣло бы брать государство, вслѣдствіе того, что правительственнымъ чиновникамъ по необходимости, какъ послѣднее средство противъ возможнаго укрывательства со стороны плательщиковъ, предоставлено право пѣкотораго произвола въ обложеніи.

Такимъ образомъ, можно опасаться, что на практикѣ подоходному налогу нельзя будетъ придать той справедливости, какую онъ имѣетъ въ теоріи; и что этотъ налогъ, повидному самый справедливый изъ всѣхъ способовъ собиранія дохода, въ дѣйствительности оказывается гораздо несправедливѣе многихъ другихъ налоговъ, съ перваго взгляда казавшихся болѣе несовершенными. Это соображеніе заставляеть насъ, пожалуй, согласиться съ господствовавшимъ до послѣдняго времени мнѣніемъ, что къ прямымъ налогамъ на доходы слѣдуетъ прибѣгать лишь какъ къ экстраординарному ресурсу въ чрезвычайныхъ государственныхъ затрудненіяхъ, при которыхъ необходимость большой прибавки въ доходѣ перевѣшиваетъ всѣ возраженія.

Препятствія къ установленію справедливаго подоходнаго налога возбудили мысль установить прямой налогъ въ определенное число процентовъ не на доходъ, а на расходъ; при чемъ общая сумма расхода каждаго лица опредѣлялась бы такъ же, какъ теперь сумма дохода, по показаніямъ самихъ плательщиковъ. Авторъ этого проекта, Ривенсъ, въ остроумной брошюрѣ *) доказываетъ, что показанія людей о ихъ расходахъ заслуживали бы большаго довѣрія, нежели показанія, доставляемые имъ теперь о своихъ доходахъ, потому что расходъ по своей сущности болѣе извѣстенъ, чѣмъ доходъ, и должныя показанія относительно него легче изобличить. Мнѣ кажется, онъ недостаточно принялъ въ соображеніе то, какъ мало въ годичныхъ расходахъ большинства семей есть такихъ статей, о которыхъ можно было бы судить съ приблизительной вѣрностью по вѣншимъ признакамъ. Такимъ образомъ, и здѣсь единственной гарантіей являлась бы правдивость отдѣльныхъ лицъ, и вѣтъ основанія предполагать, что ихъ показанія относительно расходовъ были бы вѣрнѣе, чѣмъ показанія относительно доходовъ; тѣмъ болѣе, что расходъ почти у всѣхъ состоитъ изъ гораздо большаго числа статей, нежели доходъ; вслѣдствіе чего при печеленіи расхода открылся

бы гораздо болѣе просторъ для утайки и обмана, чѣмъ даже при нечисленіи доходовъ.

Существующіе теперь и въ Англии и въ другихъ странахъ налоги на расходы падаютъ лишь на отдѣльныя статьи расхода и отличаются отъ налоговъ на товары только тѣмъ, что они непосредственно уплачиваются лицомъ, потребляющимъ товаръ, а не производителями или торговцами, возвращающимъ взятую у нихъ сумму въ цѣнѣ товара. Таковы налоги на лошадей, экипажи, собакъ, прислугу. Они, очевидно, падаютъ на лвицъ, съ которыхъ взимаются— на тѣхъ, кто употребляетъ обложенный товаръ. Къ такого же рода налогамъ относится и налогъ на дома; но въ виду его большей важности, мы его должны разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе.

§ 6. Рента съ дома состоитъ изъ двухъ частей: изъ ренты за землю и изъ такъ называемой Адамомъ Смитомъ ренты за зданіе. Первая часть опредѣляется обыкновенными принципами ренты. Она составляетъ вознагражденіе за пользованіе кускомъ земли, который занятъ домомъ и принадлежащими къ нему постройкамъ; и можетъ имѣть различную величину: отъ суммы, равной той рентѣ, какую приносила бы земля при хлѣбопашествѣ, до монопольныхъ рентъ, платимыхъ за выгодное мѣстоположеніе на многочисленныхъ улицахъ. Рента за самый домъ, считаемая независимо отъ ренты за занимаемое имъ мѣсто, представляетъ вознагражденіе за трудъ и капиталъ, израсходованные на его постройку. Тотъ фактъ, что она уплачивается по четвертямъ или полугодіямъ, нисколько не пзмѣняетъ принциповъ, которыми она регулируется. Въ нее входитъ обыкновенная прибыль на капиталъ строителя и ежегодный доходъ, какой, при существующей величинѣ процента, по уплатѣ всѣхъ расходовъ на ремонтъ, лежащій на собственникѣ, будетъ достаточенъ для погашенія первоначальнаго капитала за то время, пока домъ не разрушится или пока не истечетъ обыкновенный срокъ найма земли подъ постройку.

Налогъ на валовую ренту въ извѣстное число процентовъ ложится одинаково на обѣ эти части ея. Чѣмъ дороже сдается домъ, тѣмъ болѣе налогъ платитъ онъ. Все равно будетъ ли этому причиной достоинство мѣстоположенія или достоинства самого дома. Однако, положеніе этихъ двухъ частей налога слѣдуетъ разсматривать отдѣльно.

Та часть налога, которая составляетъ налогъ на ренту за зданіе, должна въ концѣ концовъ ложиться на потребителя, или, иначе говоря, на жильца. Потому что, если бы налогъ падалъ не на жильца, а на собственника, то прибыль отъ домовъ, которая уже и безъ того не выше обыкновеннаго процента, становилась бы ниже прибыли отъ необложенныхъ налогомъ занятій, и дома перестали бы строиться. Однако, возможно, что нѣкоторое время послѣ установленія налога значительная часть его будетъ ложиться не на жильца, а на собственника дома. Значительная часть потребителей либо окажется не въ состояніи, либо не пожелаеть платить прежнюю ренту съ прибавкой налога и станетъ довольствоваться худшими помѣщеніями. Поэтому, предложеніе домовъ на нѣкоторое время пре-

*) A Percentage Tax on Domestic Expenditure to supply The whole of the Public Revenue. By John Revans. Published by Hatchard in 1847.

высить спросъ на нихъ. Въ большей части товаровъ послѣдствіемъ такого взлшка было бы почти немедленное уменьшеніе снабженія; но количество такого прочнаго товара, какъ дома, не можетъ такъ быстро уменьшиться. Правда, зданія того разряда, на который уменьшился спросъ, перестали бы строиться иначе, какъ для спеціального назначенія; но все же временный избытокъ понизилъ бы ренту, и потребители, быть можетъ, получили бы то же помѣщеніе, какъ и прежде, за прежнюю плату, состоящую изъ ренты и налога вмѣстѣ. Но по мѣрѣ того, какъ существующіе дома будутъ разрушаться, или по мѣрѣ того, какъ увеличивающееся населеніе будетъ требовать большаго числа квартиръ, рента будетъ снова возвышаться; пока не сдѣлается выгоднымъ снова начать постройку, что будетъ не раньше того, какъ налогъ всецѣло перенесется на жильяца. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ жильеца будетъ платить ту часть налога, которая падаетъ на платежъ за самый домъ, а не за мѣсто, занимаемое имъ.

Нѣсколько въ этихъ условіяхъ находится та часть налога, которая берется съ ренты за землю. Налогъ на ренту, понимаемую въ тѣсномъ смыслѣ, падаетъ на землевладѣльца; поэтому, можно бы было предположить, что и налогъ на землю, находящуюся подъ домомъ, долженъ падать на ея собственника, по крайней мѣрѣ, по истеченіи аренднаго срока на застроенный участокъ. Однако, этотъ налогъ не упадетъ всецѣло на собственника участка, если на ряду съ налогомъ на ренту съ застроенныхъ участковъ не будетъ существовать соответствующій налогъ на земельную ренту. Самая низкая рента за землю, отданную для постройки, очень немногимъ выше той ренты, какую давалъ бы этотъ кусокъ земли при земледѣліи, что можно съ полнымъ основаніемъ заключить изъ того, что земли, не находящаяся въ исключительныхъ условіяхъ, отдается или продается подъ постройку только лишь тогда, когда такое назначеніе ея становится выгоднѣе хлѣбонашества. Слѣдовательно, еслибы былъ установленъ налогъ на строевыя мѣста безъ установленія налога на земельную ренту, и еслибы онъ не былъ слишкомъ малъ, то доходъ отъ наиболее дешевыхъ застроенныхъ участковъ сталъ бы ниже обыкновеннаго дохода съ земли; вслѣдствіе этого дальнѣйшая постройка новыхъ домовъ сократилась бы въ такой же мѣрѣ, какъ она сократилась бы отъ налога на ренту за строенія; и это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока либо увеличеніе спроса со стороны возрастающаго населенія, либо уменьшеніе предложенія вслѣдствіе естественнаго разрушенія домовъ не повысило бы ренты на всю сумму налога. Но все то, что повышаетъ низшія ренты за мѣста, находящіяся подъ постройками, повышаетъ также и всѣ остальные, такъ какъ каждая изъ этихъ послѣднихъ рентъ превышаетъ низшую на рыночную цѣнность особыхъ преимуществъ того участка, съ котораго она получается. Такимъ образомъ, еслибы съ земель, находящихяся подъ постройками, брали налогъ въ опредѣленную сумму съ квадратнаго фута, такъ что за болѣе цѣнныя мѣстоположенія платили бы не больше, чѣмъ за самыя дешевыя, то этотъ опредѣленный платежъ въ концѣ концовъ упалъ бы на жильяца.

Положимъ, что самая низкая рента за землю, находящуюся подъ зданіемъ, 10 ф. за акръ, а самая высокая 1000 фун.; налогъ на ренту въ 1 фун. съ акра въ концѣ концовъ повесилъ бы первую ренту до 11 фун.; а, слѣдовательно, вторую до 1001 фун., такъ какъ разница въ цѣности между этими двумя мѣстоположеніями осталась бы совершенно такой, какъ и прежде; поэтому, ежегодный налогъ въ 1 фун. уплачивался бы жильцомъ. Но налогъ на ренту съ земли, находящейся подъ зданіями, считается частью налога на дома, который представляетъ не опредѣленный платежъ, а извѣстный процентъ съ ренты. Если самое дешевое мѣсто, положимъ, какъ и прежде, платитъ 1 ф., то самое дорогое будетъ платить 100 фун.; изъ нихъ лишь одинъ фунтъ можетъ быть перенесенъ на жильяца, потому что рента все же возвысится только до 1001 фун. Слѣдовательно изъ 100 фун., взимаемыхъ съ дорогого мѣста, 99 ф. упадетъ на собственника этого мѣста. Такимъ образомъ, налогъ на дома слѣдуетъ размагивать съ двухъ сторонъ, какъ налогъ на всѣхъ жильяцовъ и какъ налогъ на ренту за землю, находящуюся подъ зданіями.

Въ огромномъ большинствѣ домовъ рента за землю составляетъ лишь незначительную часть ежегодной платы за домъ и почти весь налогъ падаетъ на жильяца. Только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ, напримеръ, въ излюбленныхъ мѣстностяхъ большихъ городовъ главнымъ элементомъ въ рентѣ за домъ является рента за землю. И эти ренты за землю занимаютъ главное мѣсто между тѣми немногими видами доходовъ, которые будутъ справедливо облагаться спеціальнымъ налогомъ, такъ какъ онѣ представляютъ выдающийся примѣръ быстрого, а во многихъ случаяхъ и неожиданнаго увеличенія богатствъ, принадлежащихъ немногимъ семьямъ; причемъ это происходитъ безъ наибольшаго содѣйствія со стороны собственниковъ земли такому обогащенію трудомъ, издержками или рискомъ, а лишь въ силу той пророки случайности, что имъ принадлежатъ извѣстные участки. Слѣдовательно, нельзя найти никакого возраженія противъ той части налога на дома, которая падаетъ на собственника земли.

Что же касается той части налога, которая падаетъ на жильяца, то это одинъ изъ наиболее справедливыхъ и наименѣе заслуживающихъ порицанія налоговъ, если только онъ справедливо соразмѣряется съ цѣнностью дома. Никакая часть расхода не можетъ служить лучшемъ мѣрою для опредѣленія средствъ человѣка и въ обществѣ не находится приблизительно въ такомъ постоянномъ отношеніи къ нимъ, какъ плата за квартиру. Налогъ на дома болѣе приближается къ справедливому подоходному обложенію, чѣмъ можетъ приближаться прямой налогъ на доходъ; онъ имѣетъ то огромное преимущество, что при немъ самъ собою будутъ сдѣланы всѣ тѣ облегченія, которая такъ трудно и почти невозможно сдѣлать съ точностью при обложеніи подоходнымъ налогомъ; потому что, если рента за домъ, платимая извѣстнымъ человѣкомъ, служитъ признакомъ чего-нибудь, то не того, что онъ имѣетъ, а того, что онъ считаетъ возможнымъ расходовать. Равнобѣдность этого налога можно серьезно оспаривать лишь по двумъ основаніямъ. Первое изъ нихъ

то, что скупец может избегать его. Это возражение относится ко всем налогам на расходы: скупец может уклониться от всякого налога, к ому прямого налога на доход. Но скупцы теперь не прячут своих сокровищ, а помещают их в производительные занятия; благодаря этому увеличивается национальное богатство и, следовательно, возрастают общія средства для уплаты налоговъ; а причитающийся на долю такихъ сбережений налогъ только переходитъ съ капитальной суммы на полученный съ нея доходъ, который подвергается обложению, какъ только начинаетъ расходоваться. Второе возражение то, что человекъ можетъ нанять большее и болѣе дорогое помещеніе не потому, что у него больше средствъ, а потому что у него болѣе многочисленное семейство. Однако, на это онъ не въ правѣ жаловаться, — потому что онъ имѣетъ семью по своей доброй волѣ; и въ отношеніи общественныхъ интересовъ онъ скорѣе заслуживаетъ порицанія, чѣмъ поощренія *).

Въ Англіи значительную часть дохода отъ налоговъ составляетъ налогъ на дома. Приходскій сборъ въ городахъ состоитъ всецѣло, а въ сельскихъ округахъ отчасти, изъ налога на квартирную плату. Налогъ на окна, бывший также налогомъ на дома, но только очень дурнымъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ, какъ налогъ на обѣтъ и велъ къ обезображенію зданій, былъ замѣненъ въ 1851 году собственно такъ называемымъ налогомъ на дома, но по своему размѣру значительно меньшимъ того, который существовалъ до 1834 года. Нужно сожалѣть, что новый налогъ удержалъ тотъ же не-

*) Другое обыкновенное возраженіе состоитъ въ томъ, что большое и дорогое помещеніе часто бываетъ необходимо не для жизни, а для какого-нибудь коммерческаго дѣла. Но все признаютъ то правило, что зданія или части зданій, занятые исключительно для какого-либо коммерческаго дѣла, какъ напримѣръ, для лавокъ, складовъ или фабрикъ, должны быть освобождены отъ налога на дома. То возраженіе, что коммерческіе люди могутъ быть принуждены жить въ такихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, главныя улицы Лондона, гдѣ квартирная плата достигаетъ монополярной цѣны, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ никакого вниманія, потому что никто не станетъ селиться въ такихъ мѣстностяхъ, если не будетъ разчитывать, что изъ нихъ прибыли, полученный благодаря такому мѣстожителству, не вознаградитъ его съ избыткомъ за такую прибавку въ издержкахъ. Но во всякомъ случаѣ вся масса налога съ этой прибавки въ квартирной платѣ упадетъ не на него, а на собственника земельного участка.

Указывая также, что квартирная плата въ сельскихъ округахъ гораздо ниже, чѣмъ въ городахъ, и при томъ въ однихъ городахъ и сельскихъ округахъ ниже, чѣмъ въ другихъ; такъ что налогъ, соразмѣрный съ этой платой, будетъ въ зависимости отъ этого представлять собою неравномѣрное обложеніе. Однако, на это можно возразить, что въ мѣстахъ, гдѣ квартирная плата низка, люди при данной суммѣ дохода обыкновенно живутъ въ болѣе просторныхъ и лучшихъ домахъ, и такимъ образомъ часть дохода, издерживаемая ими на квартирную плату, болѣе одинакова, чѣмъ можно бы было предположить съ перваго взгляда. Если же она и не одинакова, то, вѣроятнѣе всего, что многие изъ нихъ живутъ въ такихъ мѣстахъ именно потому, что они слишкомъ бѣдны, чтобы жить въ другомъ мѣстѣ и, следовательно, имѣютъ самое законное право на облегченіе налога. Въ некоторыхъ мѣстахъ квартирная плата остается низкой именно потому, что населеніе бѣдно.

справедливый принципъ, по которому распредѣлялся старый налогъ на дома; — принципъ, который совершенно въ такой же мѣрѣ, какъ и эгоизмъ среднихъ классовъ, способствовалъ возбужденію неудовольствія противъ этой формы обложенія. Общество было справедливо возмущено, узнавъ, что такіе резиденціи, какъ Swatworth или Belvoir, были обложены по фиктивной рентѣ только лишь въ 200 ф. въ годъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ нельзя сдать за большую сумму, вслѣдствіе огромнаго расхода на ихъ поддержаніе. Конечно, по всей вѣроятности, ихъ нельзя сдать даже и за эту сумму, и еслибы этотъ аргументъ былъ справедливымъ, то ихъ и вовсе не слѣдовало бы облагать налогомъ. Но при установленіи налога на дома вмѣлось въ виду брать налогъ не съ доходовъ, получаемыхъ отъ домовъ, а съ расходовъ, какіе несетъ жилецъ при наймѣ ихъ. Тутъ желательно опредѣлить, что стоитъ домъ для лица, живущаго въ немъ, а не то сколько можно получить, отдавъ его въ наемъ. Если жилецъ не собственникъ дома и не несетъ на себѣ по условію обязанности ремонта, то рента, платимая имъ, служитъ мѣрою того, что стоитъ ему домъ; но если онъ въ то же время и собственникъ, то надобно считать какую-нибудь другую мѣру. Слѣдуетъ оцѣнивать домъ не по той суммѣ, за которую онъ можетъ быть проданъ, а по той суммѣ, какую бы стоило снова построить его, и эту оцѣнку можно периодически исправлять, принимая въ расчетъ, насколько цѣнность его уменьшилась отъ времени или увеличилась, благодаря починкамъ и улучшениямъ. Сумма, получившаяся при оцѣнкѣ съ такими поправками, составила бы капитальную стоимость, проценты съ которой, исчисленные по аналогіи съ курсомъ государственныхъ фондовъ, составили бы ту годичную цѣнность, по какой зданія должны облагаться налогомъ.

Какъ доходы ниже известной суммы должны быть освобождены отъ подоходнаго налога, такъ должны быть освобождены отъ налога и дома ниже известной цѣнности по общему принципу, требующему, чтобы освобождались все предметы, положительно необходимые для здоровой жизни. Чтобы жилища какъ квартиры, такъ и домовъ, могли пользоваться, какъ по справедливости они и должны пользоваться, этой льготой, можно предоставить право каждому собственнику дома требовать, чтобы каждая часть дома, занятая отдѣльнымъ квартирантомъ, оцѣнивалась и облагалась налогомъ отдѣльно, какъ это обыкновенно и дѣлается теперь при наймѣ дома по комнатамъ.

ГЛАВА IV.

Налогъ на товары.

§ 1. Путь налогамъ на товары обыкновенно подразумеваются налоги, которые взимаются или съ производителей, или съ людей, занимающихся перевозкой товаровъ и торговлей ими и являющихся посредниками между производителями и послѣдними покупателями,

потребляющими товаръ. Налоги, взимаемые прямо съ потребителей пзвѣстныхъ товаровъ, какъ напримѣръ, налогъ на дома или существующій въ Англїи налогъ на лошадей и экипажи, могли бы быть названы налогами на товары, но не называются такъ; въ силу обычая это выраженіе относится лишь къ косвеннымъ налогамъ—къ тѣмъ, которые взимаются впередъ съ одного лица въ томъ расчетѣ и намѣренїи, что они будутъ возвращены ему другимъ лицомъ. Налоги на товары берутся или съ производства послѣднихъ въ странѣ, или съ ввоза ихъ въ нее, или съ перевозки и продаж ихъ въ странѣ; и соответственно этому раздѣляются на акцизы, таможенные сборы, или пошлинны, и транзитныя пошлинны. Къ какому бы изъ этихъ классовъ косвенные налоги ни принадлежали, и при какомъ состоянїи общественнаго развитїя они бы не взимались, они равносильны увеличенію стоимости производства, если употребить это выраженіе въ самомъ широкомъ смыслѣ, охватывающемъ стоимость перевозки и распределенїя, т. е. какъ вообще говорится, доставку товара на рынокъ.

Когда стоимость производства увеличивается искусственно посредствомъ налога, то результатъ будетъ совершенно такой же, какъ если бы она увеличилась вслѣдствїе естественныхъ причинъ. Если налогомъ облагаются лишь одинъ или немногіе товары, то ихъ цѣнность и цѣна повышаются настолько, чтобы вознаграждать производителя или торговца за это специальное обремененіе; но если всѣ товары будутъ обложены налогомъ совершенно пропорціональнымъ ихъ цѣнности, то такого вознагражденїя не будетъ, т. е. не будетъ ни общаго возвышенїя цѣнностей, потому что это нецѣнность, ни общаго возвышенїя цѣнъ, такъ какъ послѣднее зависитъ отъ совершенно иныхъ причинъ. Однако, по замѣчанїю Макъ Куллока, произойдетъ нѣкоторое размѣненїе въ цѣнностяхъ: однѣ изъ нихъ упадутъ, другїя повысятся, благодаря обстоятельству, влїяніе котораго на цѣнность и цѣны мы уже раньше разсмотрѣли; а именно, благодаря неодинаковой прочности капитала, вложеннаго въ разныя занятїя. Валовой продуктъ промышленности состоитъ изъ двухъ частей: одна часть служитъ для замѣщенїя потребленнаго капитала, а другая составляетъ прибыль. Одинаковые капиталы въ двухъ отрасляхъ производства должны имѣть одинаковые расчеты на прибыль; но если въ одной отрасли промышленности часть капитала, составляющая основной капиталъ, больше, нежели въ другой, или если этотъ основной капиталъ прочнѣе, нежели въ другой, то въ ней въ годъ будетъ потреблено меньшее количество капитала и меньшая сумма потребуетъ на его замѣненїе, такъ что, при абсолютно одинаковой величинѣ прибыли, она въ первой отрасли будетъ составлять большую часть ежегоднаго дохода. Чтобы получить съ капитала въ 1000 ф. прибыль въ 100 ф., одному производителю, можетъ быть, придется продать продукта на цѣнность въ 1100 ф., а другому лишь на цѣнность въ 500 ф.. Если обѣ эти отрасли промышленности обложены налогомъ въ пять процентовъ съ цѣны продукта, то съ первой будетъ взиматься 55 ф., а со второй всего 25 ф., при чемъ въ первой отрасли въ прибыль останется всего лишь 45 ф., а во второй 75 ф..

Поэтому, для уравненїя оцѣнокъ прибыли, цѣна одного товара должна повыситься или другого упасть, или одновременно одного повыситься, а другого упасть; товары, производимые, главнымъ образомъ, непосредственнымъ трудомъ, должны повыситься въ цѣнности по сравненїю съ товарами, производимыми преимущественно машинами. Однако, намъ имѣть необходимости входить въ дальнѣйшее разсмотрѣнїе этого вопроса.

§ 2. Налогъ на какой бы то ни было товаръ, будетъ ли этотъ налогъ взиматься съ его производства, ввоза или перевозки съ одного мѣста въ другое или при продажѣ, и будетъ ли онъ составлять опредѣленную денежную сумму съ пзвѣстнаго количества товара или съ пзвѣстной его цѣнности, всегда будетъ повышать цѣнность и цѣну товара, по крайней мѣрѣ, на сумму, равную этому налогу; въ большинствѣ же случаевъ онъ повышаетъ ихъ значительно больше, чѣмъ на такую сумму. Во-первыхъ, мало найдется налоговъ на производство, при которыхъ не оказывалось бы или не считалось бы необходимымъ подчинять производителей и торговцевъ стѣснительнымъ правиламъ, чтобы предотвратить уклоненїе отъ налога. Эти правила всегда являются источникомъ хлопотъ и неурядицъ, а также обыкновенно и расходовъ; и за все это, въ виду того, что оно составляетъ исключительныя невыгоды, производители и торговцы должны получить вознагражденїе въ цѣнѣ своего товара. Нерѣдко эти ограниченїя мѣшаютъ производству, требуя, чтобы производитель велъ свои операціи способомъ, наиболее удобнымъ для взиманїя налога, хотя бы этотъ способъ и не былъ самымъ дешевымъ и самымъ успѣшнымъ въ отношенїи производства. Всякое установленное закономъ правило, каково бы оно ни было, дѣлаетъ труднымъ для производителя введенїе новыхъ и усовершенствованныхъ приѣмовъ. Кроме того, необходимость уплачивать впередъ налогъ принуждаетъ производителей и торговцевъ вести свое дѣло съ капиталомъ болѣе, чѣмъ того, какой былъ бы необходимъ безъ налога; и на всю сумму такого капитала они должны получать обыкновенный процентъ прибыли, хотя лишь часть его употребляется на покрытие дѣйствительныхъ расходовъ производства или ввоза. Цѣна товара должна быть такова, чтобы вмѣсто прибыли на одну лишь естественную цѣнность его получалась прибыль на цѣнность, большую естественной. Словомъ, часть капитала страны употребляется не на производство, а на предварительную уплату государству пзвѣстныхъ суммъ, которыя должны возвратиться въ цѣнѣ товаровъ; и потребители должны давать продавцамъ вознагражденїе, равное той прибыли, какую послѣдніе могли бы получить, дѣйствительно употребивъ такой капиталъ на производство *). Также не слѣдуетъ забывать, что всякая

*) Въ сущности въ этомъ случаѣ изъ народнаго кармана не берется, какъ кажется на первый взглядъ, больше того, что получаетъ государство, потому что если государству нужны деньги и оно получаетъ ихъ такимъ образомъ, то оно можетъ обойтись безъ займа такой суммы посредствомъ выпуска процентныхъ бумагъ и билетовъ казначейства. Но гораздо выгоднѣе, чтобы государство на свои потребности

причина, дѣлающая необходимымъ употребленіе болѣе значительнаго капитала въ какой-либо отрасли торговли или производства, ограничиваетъ въ нихъ соперничество, и давая нѣчто въ родѣ монополіи немногимъ торговцамъ, позволяетъ имъ либо поддерживать цѣну выше той, какая давала бы имъ обыкновенный процентъ прибыли, либо получать обыкновенный процентъ прибыли съ меньшей степенью усилій къ улучшенію и удешевленію ихъ товара. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ налоги на товары черезъ увеличеніе цѣны товара часто слоятъ потребителю гораздо больше того, что они приносятъ въ казну. Кромѣ того надо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Возвышеніе цѣны, необходимо вызываемое налогомъ, почти всегда сокращаетъ спросъ на товары; а такъ какъ между усовершенствованіями въ производствѣ есть много такихъ, которыя для своего осуществленія требуютъ известной величины спроса, то подобныя усовершенствованія замедляются или и вовсе становятся невозможными. Вѣдь хорошо извѣстна тотъ фактъ, что наименѣе улучшеній дѣлается въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыя влѣбываются сборщики налоговъ, и что, вообще, ничто такъ сильно не возбуждаетъ стремленіе къ улучшеніямъ въ производствѣ какого-нибудь товара, какъ отмена налога, сгнѣнявшаго рынокъ для него.

§ 3. Таково вліяніе налоговъ на товары вообще; но такъ какъ есть нѣкоторые товары, составляющіе предметы необходимости для рабочаго класса, цѣнность которыхъ имѣетъ вліяніе на распредѣленіе богатства между различными классами общества, то необходимо нѣсколько подробнѣе прослѣдить вліяніе налоговъ на такіе исключительные товары. Если налогомъ облагается, положимъ, хлѣбъ, и цѣна на послѣдній возвышается соразмѣрно съ налогомъ, то это возвышеніе цѣны можетъ имѣть двойное вліяніе. Во-первыхъ, оно можетъ понизить положеніе рабочихъ классовъ и временно почти навѣрное понизитъ его. Если такое возвышеніе цѣны заставитъ рабочіе классы уменьшить потребленіе земледѣльческаго продукта или перейти къ пшеницѣ, которую земля производитъ въ большемъ изобиліи, а слѣдовательно, и съ меньшими издержками производства, то эта причина въ соответственной мѣрѣ будетъ способствовать возвращенію земледѣлія къ болѣе плодороднымъ землямъ и менѣе дорогимъ процессамъ и пониженію цѣнности и цѣны хлѣба; такъ что въ концѣ концовъ на хлѣбъ установится цѣна, повысившаяся не на всю сумму налога, а лишь на часть его. Во-вторыхъ, можетъ случиться, что дороговизна обложенной налогомъ пшеницы не понизитъ обыкновеннаго уровня потребностей рабочаго, а наоборотъ подѣ вліяніемъ замедленія въ размноженіи рабочихъ заработная плата въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени повысится настолько, что они будутъ вознаграждены за платимую имъ часть налога; при чемъ это вознагражденіе, безъ сомнѣнія, совершится на счетъ при-

брато изъ свободнаго капитала, находящагося въ рукахъ людей, занимающихся отлачею его въ суду, и не увеличивало бы искусственнымъ образомъ расходъ одного или нѣсколькихъ классовъ производителей и торговцевъ.

были. Такимъ образомъ, налоги на предметы необходимости должны повлечь за собою одинъ изъ двухъ результатовъ; они либо понизятъ положеніе рабочихъ классовъ, либо потребуютъ отъ капиталистовъ сверхъ суммы, слѣдуемой съ нихъ государству за ихъ собственные предметы необходимости, еще сумму, слѣдующую за предметы необходимости, погребенные рабочими. Въ послѣднемъ случаѣ налогъ на предметы необходимости, подобно налогу на заработную плату, равносильнъ специальному налогу на прибыль, который, подобно всѣмъ другимъ специальнымъ налогамъ, несправедливъ и особенно вреденъ для возрастанія національнаго богатства.

Остается еще сказать о вліяніи такого налога на ренту. Если предположить, что потребленіе пшеницы не уменьшится (что обыкновенно и бываетъ въ дѣйствительности), то для удовлетворенія потребностей общества будетъ необходима прежняя заплата, или, употребляя выраженіе доктора Чомерса, предѣлъ земледѣлія останется прежнимъ; и та часть земли или капитала, которая, какъ наименѣе производительная, раньше опредѣляла цѣнность и цѣну всего продукта, будетъ попрежнему опредѣлять ихъ. Вліяніе, какое налогъ на земледѣльскій продуктъ будетъ имѣть на ренту, зависитъ отъ того, измѣнитъ ли не измѣнитъ онъ разницу между доходомъ съ наименѣе производительной земли или капитала и доходами другихъ земель и капиталовъ. А это въ свою очередь будетъ зависеть отъ того способа, какимъ будетъ устроенъ налогъ. Если налогъ берется съ цѣнности, или, что все равно, составляетъ часть продукта, какъ напримѣръ, десятина, то, очевидно, онъ понижаетъ хлѣбную ренту; потому что съ лучшихъ земель онъ беретъ хлѣба больше, чѣмъ съ худшихъ, и именно настолько больше, насколько они лучше; земля въ два раза болѣе производительная платитъ и вдвое большую десятину. А если отъ большаго изъ двухъ количествъ отнять больше, нежели отъ меньшаго, то разница между ними уменьшится. Введеніе десятины съ хлѣба уменьшило бы также на $\frac{1}{10}$ и хлѣбную ренту; потому что если мы уменьшимъ каждое число въ известномъ ряду на $\frac{1}{10}$, то разница между ними уменьшится на $\frac{1}{10}$.

Возьмемъ, напримѣръ, пять сортовъ земли, которые при одинаковомъ расходѣ дадутъ: 1-й 100, 2-й 90, 3-й 80, 4-й 70 и 5-й 60 бушелей пшеницы; послѣдній изъ этихъ сортовъ будетъ самый низкій, какой при данномъ спросѣ на пшеницу необходимо обрабатывать. Рента за эти земли будетъ слѣдующая:

Земля, производящая 100 бушелей	будетъ давать ренту въ	100—60	или	40	буш.
Производящая 90	»	90—60	»	30	»
» 80	»	80—60	»	20	»
» 70	»	70—60	»	10	»
» 60	»	не будетъ давать ренты.			

Теперь пусть всѣ эти земли будутъ обложены десятиной, берущей съ нихъ съ перваго сорта 9, со втораго, 8 съ 3-го, 7 и съ четвертаго 6 бушелей; пятый сортъ все же будетъ опредѣлять цѣну,

но по уплатѣ десятины будетъ приносить фермеру только 54 бушеля: слѣдовательно, земля, производящая

100 б. а за вычет. десят.	90 б., будетъ давать ренту въ	90—54 или	36 б.
90 »	81 »	81—54 »	27 »
80 »	72 »	72—54 »	18 »
70 »	63 »	63—54 »	9 »

А земля, производящая 60 бушелей, т. е. за вычетомъ десятины 54, не будетъ, какъ и прежде, давать ренты. Такимъ образомъ рента земли перваго сорта уменьшилась на 4 бушеля; втораго на 3 буш.; третьяго на 2 буш. и четвертаго на 1 буш., т. е. рента каждаго участка уменьшилась ровно на одну десятую. Слѣдовательно, налогъ, составляющій пзвѣстную часть продукта, понижаетъ въ той же пропорціи и хлѣбную ренту.

Но въ такихъ случаяхъ понижается лишь хлѣбная рента, а не рента, получаемая на деньги или какой-либо другой товаръ; потому что цѣна хлѣба, составляющаго хлѣбную ренту, возрастетъ въ той же пропорціи, въ какой уменьшилось его количество. При десятинѣ 54 бушеля будутъ стоить на рынкѣ то же, что стоили прежде 60; и $\frac{9}{10}$ послѣдняго количества будутъ во всякомъ случаѣ продаваться за столько же, за сколько прежде продавались все десять десятыхъ его. Слѣдовательно, землевладѣльцы будутъ вознаграждены въ цѣности и цѣнѣ за то, что они потеряли въ количествѣ; и будутъ страдать лишь настолько, насколько они по полученіи ея въ деньгахъ будутъ расходовать на земледѣльческій продуктъ; т. е. они будутъ страдать лишь, какъ потребители земледѣльческаго продукта и совместно со всѣми другими потребителями. Какъ землевладѣльцы, они будутъ имѣть такой же доходъ, какъ и прежде; слѣдовательно, десятинна падаетъ на потребителя, а не на землевладѣльца.

Такое же вліяніе имѣлъ бы налогъ на ренту, если бы вмѣсто опредѣленной части продукта онъ бралъ опредѣленную сумму денегъ съ квартала или бушеля. Налогъ, берущій по шплингу съ каждаго бушеля, беретъ съ одного поля больше шплинговъ, нежели съ другаго, ровно настолько, насколько первое производитъ больше бушелей. Подобный налогъ дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ десятинна, за исключеніемъ того, что десятинна не только берегъ одинаковую пропорцію со всѣхъ земель въ каждое данное время, но также и одинаковую пропорцію во все время, тогда какъ опредѣленная денежная сумма, взимаемая съ бушеля, будетъ составлять большую или меньшую пропорцію, смотря по тому, дешевле или дороже хлѣбъ.

Есть и другіе способы обложенія земледѣлія, вліяющіе на ренту иначе. Налогъ, пропорціональный рентѣ, всецѣло бы падалъ на ренту и вовсе не возвышалъ бы цѣны хлѣба, которая регулируется частью продукта, не приносящего ренты. Однообразный налогъ въ пзвѣстную сумму съ каждаго обрабатываемаго акра, безъ различія цѣности, имѣлъ бы прямо противоположное вліяніе. Взимая съ лучшихъ земель не болѣе, чѣмъ съ худшихъ, онъ оставлялъ бы между ними прежнюю разницу, а слѣдовательно, не имѣвалъ бы

хлѣбной ренты, и землевладѣльцы получали бы выгоду въ размѣрѣ всего возвышенія цѣны; выражая эту мысль иначе: цѣна должна повыситься достаточно для того, чтобы самыя худшія земли могли платить налогъ; а это дастъ возможность всѣмъ землямъ, которыя производили больше худшей земли, платить не только налогъ, но также и болѣе значительную ренту землевладѣльцу. Но эти налоги будутъ не столько налогами на продуктъ земли, какъ на самое землю. Собственно такъ называемые налоги на продуктъ, будутъ ли они однообразными или соразмѣрными съ цѣнностью, не касаются ренты, а падаютъ на потребителя; тогда какъ на прибыль падаетъ обыкновенно вся сумма, взимаемая съ потребленія рабочихъ классовъ или значительная часть ея.

§ 4. Все выше сказанное, мнѣ кажется, представляетъ правильное изложеніе того вліянія, какое налоги на земледѣльческій продуктъ оказываютъ непосредственно послѣ своего установленія. Но когда они существуютъ съ давнихъ поръ, то ихъ вліяніе можетъ быть совершенно инымъ; и это впервые указалъ, какъ мнѣ кажется, Спэнборъ. Мы уже видѣли, что неизбежнымъ послѣдствіемъ всякаго сокращенія прибыли бываетъ замедленіе быстроты накопленія. Результатомъ же накопленія, если только оно, какъ обыкновенно, сопровождается увеличеніемъ населенія, бываетъ возвышеніе цѣности и цѣны пищи, возвышеніе ренты и понженіе прибыли; т. е. происходятъ совершенно тѣ же явленія, какія вызываются налогомъ на земледѣльческіе продукты, за исключеніемъ лишь того, что послѣдній не возвышаетъ ренты. Такимъ образомъ, этотъ налогъ вызываетъ преждевременно возвышеніе цѣны и паденіе прибыли, которая въ концѣ концовъ произошла бы въ случа простого прогресса въ накопленіи; и въ то же время онъ уничтожаетъ или, по крайней мѣрѣ, замедляетъ этотъ прогрессъ. Если до установленія десятины проценты прибыли были таковы, что подъ вліяніемъ этого налога онъ сократится до пракческаго минимума, то десятинна прекратитъ всякое дальнѣйшее накопленіе или заставитъ капиталъ уходить изъ страны; и въ такомъ случаѣ единственнымъ послѣдствіемъ десятины для потребителя будетъ лишь то, что она заставитъ его платить равнѣе ту цѣну, которую онъ долженъ бы былъ платить нѣсколько лоздѣе, и часть которой, при постепенномъ развитіи богатства и населенія, онъ въ сущности сталъ бы уже платить, начиная съ даннаго момента. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, достаточный для того, чтобы цѣна благодаря естественному прогрессу въ богатствѣ повысилась на $\frac{1}{10}$, потребитель будетъ платить не больше того, что бы онъ платилъ, если бы десятинна никогда не существовала; онъ больше не будетъ платить никакой доли этого валога, а уплата послѣдняго ляжетъ въ дѣйствительности на землевладѣльца, который благодаря ему лишается того увеличенія ренты, которое бы выросло за это время. Съ каждымъ годомъ въ этотъ промежутокъ времени все меньшая доля тяжести налога будетъ оставаться на потребителѣ и все большая будетъ переходить на землевладѣльца; и въ окончательномъ результатѣ минимумъ прибыли будетъ достигнутъ съ меньшимъ капиталомъ и населеніемъ и при меньшей величинѣ ренты,

цѣмъ въ томъ случаѣ, если бы ходъ дѣлъ не нарушался установленіемъ налога. Если же, съ другой стороны, десятина или какой-либо другой налогъ на земледѣльческій продуктъ сократитъ прибыль не до минимума, а до какой-нибудь величины, нѣсколько выше минимума, то накопленіе не прекратится, а только ослабѣетъ; а если при этомъ населеніе будетъ увеличиваться, то это увеличеніе капитала и населенія будетъ имѣть прежнія послѣдствія: возвышеніе цѣны хлѣба и возвышеніе ренты. Однако, эти послѣдствія будутъ наступать не съ такой быстротой, какъ въ томъ случаѣ, когда бы продолжалъ существовать болѣе высокій процентъ прибыли. Въ концѣ двадцатилѣтняго промежутка времени страна будетъ имѣть меньшее населеніе и меньшій капиталъ, чѣмъ она бы имѣла къ этому моменту безъ налога; землевладѣльцы будутъ получать меньшую ренту; а цѣна хлѣба, возраставшая за это время менѣе быстро, чѣмъ она бы возрастала при другихъ условіяхъ, не будетъ на десятую часть выше той величины, какой она достигла бы за это время безъ налога. Слѣдовательно, часть налога уже перестанетъ падать на потребителя и перейдетъ на землевладѣльца; и съ теченіемъ времени эта часть будетъ становиться все больше и больше.

Синьоръ поясняетъ такой взглядъ на этотъ предметъ, сравнивая вліяніе десятины или другихъ налоговъ на земледѣльческій продуктъ съ вліяніемъ естественнаго бесплодія почвы. Если бы земля страны, недоступной для иностраннаго снабженія, внезапно и неоправданно ухудшилась настолько, что для полученія вышшаго ея продукта потребовалось бы на одну десятую больше труда, то цѣна хлѣба несомнѣнно повысилась бы на $\frac{1}{10}$. Но изъ этого нельзя вывести заключенія, что, если бы почва страны съ самаго начала на $\frac{1}{10}$ была хуже, чѣмъ теперь, то и хлѣбъ былъ бы на одну десятую дороже, чѣмъ въ настоящее время. Гораздо вѣроятнѣе, что получаемый съ самаго начала заселенія страны меньшій доходъ на трудъ и капиталъ произвелъ бы то, что съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ увеличеніе населенія было бы медленнѣе того, какимъ оно было въ дѣйствительности; поэтому, страна имѣла бы меньше капитала и содержала бы меньшее населеніе, такъ что, несмотря на низшее качество почвы, цѣна хлѣба была бы не выше, а прибыль не ниже теперешняго; одна лишь рента несомнѣнно была бы ниже. Предположимъ, что два острова, равные по пространству, естественному плодородію и промышленному развитію, до извѣстнаго времени обладали одинаковымъ населеніемъ и капиталомъ, имѣли одинаковую величину ренты и одинаковую цѣну на хлѣбъ. Теперь представимъ себѣ, что на одномъ изъ этихъ острововъ установлена десятинна, а на другомъ ея нѣтъ. Немедленно же окажется разница въ цѣнѣ хлѣба, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, и въ прибыли. Пока ни на томъ, ни на другомъ изъ этихъ острововъ прибыль не обнаруживаетъ стремленія къ поспѣванію, т. е. пока улучшения въ производствѣ предметовъ необходимости идутъ совершенно наравнѣ съ возрастаніемъ населенія, эта разница между цѣнами и величинами прибыли на двухъ островахъ можетъ продолжаться. Но если на островѣ, не обложенномъ десятиной, капиталъ, а вмѣстѣ съ нимъ и

населеніе увеличиваются болѣе того, сколько достаточно для уравновѣшванія совершающихся улучшеній, то цѣны хлѣба стануть постепенно возрастать, прибыль падать, а рента увеличиваться; между тѣмъ какъ на островѣ, обложенномъ десятиной, капиталъ и населеніе или не будутъ увеличиваться (выше того, сколько нужно для уравновѣшванія усовершенствованій) или, если и будутъ увеличиваться, то въ меньшей степени; такъ что рента и цѣна хлѣба тамъ не будутъ увеличиваться, или будутъ увеличиваться медленнѣе. Поэтому, рента на островѣ, не обложенномъ десятиной, скоро окажется выше, чѣмъ на островѣ обложенномъ; прибыль же будетъ не настолько выше, а хлѣбъ не настолько дешевле, какъ было въ началѣ установленія десятины. Эти явленія будутъ совершаться постепенно. Черезъ каждое десятилѣтіе будетъ оказываться большая разница между величинами ренты, между общими суммами богатства и размѣрами населенія этихъ двухъ острововъ и меньшая разница въ прибыли и цѣнѣ хлѣба.

Но когда же эти послѣднія различія совершенно сгладятся и временное вліяніе налоговъ на земледѣльческій продуктъ, производящее возвышеніе цѣны, совершенно уступитъ мѣсто окончательному результату, т. е. когда же возрастаніе продукта страны достигнетъ своей границы? Хотя островъ, не обложенный десятиной, всегда стремится къ такому состоянію, при которомъ цѣна пшеницы приближалась бы къ той, какая существуетъ на островѣ, обложенномъ десятиной, тѣмъ не менѣе его стремленіе къ такому состоянію естественно замедляется по мѣрѣ того, какъ оный приближается; извѣстно, что разница въ быстротѣ накопленія капитала на двухъ островахъ зависитъ отъ разницы въ величинахъ прибыли на пшѣ; а по мѣрѣ того, какъ эти величины сближаются, сила движенія, все сильнѣе сближающаго ихъ, слабѣетъ. Первый островъ, въ дѣйствительности, не можетъ сравниться со вторымъ, пока оба острова не достигнутъ минимума прибыли; до тѣхъ поръ островъ, обложенный десятиной, можетъ быть болѣе или менѣе вперед не обложеннаго въ отношеніи цѣны хлѣба; и даже значительно вперед, если оный далекъ отъ минимума и потому накопленіе въ немъ идетъ быстро; или очень мало вперед, если оный близокъ къ минимуму, и накопленіе идетъ медленно.

Но то, что оказывается справедливымъ по нашей гипотезѣ относительно двухъ острововъ, обложеннаго и не обложеннаго десятиной, будетъ справедливо и тогда, когда мы какую-нибудь страну, обложенную десятиной, будемъ сравнивать съ нею же самою, но въ томъ случаѣ, если бы она не была обложена. Въ Англіи огромная эмиграція капитала и коммерческіе кризисы, повторяющіеся почти періодически вслѣдствіе спекуляцій, происходившихъ отъ обыкновенной, низкой величины прибыли, служатъ признакомъ того, что прибыль достигла, хотя и не окончательнаго, но все же практическаго минимума, и что всѣ новыя сбереженія (превышающія ту величину, для которой отърывается просторъ благодаря улучшениямъ, которыя способствуютъ удешевленію предметовъ необходимости) либо посылаются для помѣщенія за границу, либо періодически уничто-

жаются. Поэтому, мнѣ кажется, едва ли можно сомнѣваться относительно того, что, если бы Англія никогда не имѣла десятины или какого-нибудь налога на земледѣльческій продуктъ, то и тогда бы цѣна хлѣба въ наше время была бы такъ же высока, а величина прибыли такъ же низка, какъ и теперь. Помимо того болѣе быстрого накопленія, какое должно было бы существовать, если бы прибыль не была преждевременно понижена этими налогами, для произведенія такого результата было бы совершенно достаточно простого сбереженія части капитала, которая уничтожалась въ неудачныхъ спекуляціяхъ, и удержанія въ странѣ той части его, которая посылалась за границу. Поэтому, я согласенъ съ Спильоромъ, что десятина, даже до замѣны ея другими налогами, перестала служить причиной высокихъ цѣнъ и низкой прибыли, а обратилась въ простой вычетъ изъ ренты. Другія послѣдствія этого налога состоятъ въ томъ, что благодаря ему страна не можетъ имѣть ни болѣе значительнаго капитала, ни болѣе обширнаго производства, ни также болѣе многочисленнаго населенія, чѣмъ она могла бы имѣть тогда, когда она была бы на одну десятую менѣе плодородна, или вѣрнѣе будетъ сказать, на одну двадцатую (принимая во вниманіе, какая значительная часть Великобританіи была свободна отъ десятины).

Но хотя десятина и другіе налоги на земледѣльческій продуктъ, если они существуютъ съ давнихъ поръ, или вовсе не повышаютъ цѣны пици и не понижаютъ прибыли, или, если и вызываютъ такія явленія, то не въ размѣрѣ всей суммы сбора; тѣмъ не менѣе уничтоженіе такихъ налоговъ, разъ они существуютъ, все-таки повышаетъ цѣну и вообще возвышаетъ процентъ прибыли. Уничтоженіемъ десятины уменьшается на одну десятую стоимость производства, а слѣдовательно, и цѣна всего земледѣльческаго продукта; и если подъ вліяніемъ этого пониженія цѣны не возвышаются потребности рабочаго, то оно понижаетъ стоимость труда и возвышаетъ прибыль. Рента, по оцѣнкѣ на деньги или на товары, вообще остается прежней; а по оцѣнкѣ на земледѣльческій продуктъ повышается. Вслѣдствіе отъѣны десятины разстояніе, отдѣляющее страну отъ недвижнаго состоянія, увеличивается настолько же, насколько оно уменьшается въ началѣ установленія десятины. Накопленіе сильно увеличивается; и если населеніе также возрастаетъ, то цѣна хлѣба немедленно начинаетъ возвращаться къ прежнему уровню, а рента возвышается; и такимъ образомъ выгода отъ уничтоженія налога постепенно переносится отъ потребителя къ землевладѣльцу.

Такія же послѣдствія, какъ отъѣна десятины, имѣетъ и обращеніе ея въ налогъ на ренту, введенный на основаніи Commutation Act. Когда налогъ, вмѣсто того чтобы взиматься со всего продукта земли, взимается лишь съ тѣхъ участковъ, которые платятъ ренту, и не касается земель, вновь обращающихся подъ обработку, то онъ уже не входитъ въ стоимость производства той части продукта, которая опредѣляетъ цѣну всего хлѣба. Земля или капиталъ, не платящій ренты, могутъ теперь посылать свой продуктъ на рынокъ по цѣнѣ, на одну десятую болѣе дешевой. Слѣдовательно такая замѣна десятины должна была произвести значительное пониженіе

средней цѣны хлѣба. Если бы эта замѣна вводилась не настолько постепенно, и если бы цѣны хлѣба въ этотъ промежутокъ времени не находились подъ вліяніемъ разныхъ другихъ, пзмѣняющихся ихъ, причинъ, то вліяніе ея было бы, по всей вѣроятности, довольно очевидно. Но, несмотря на эти причины, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это обстоятельство имѣло пзвѣстное вліяніе на совершившееся пониженіе въ стоимости производства и цѣнѣ отечественнаго продукта, хотя вліяніе вводившихся въ это время великихъ земледѣльческихъ улучшеній и свободный доступъ земледѣльческаго продукта другихъ странъ замаскировали слѣдствіе, вызванное замѣною десятины. Это пониженіе цѣны само по себѣ не нанесло бы никакого вреда землевладѣльцу, потому что хлѣбная рента возрасла въ той же пропорціи, въ какой уменьшилась цѣна хлѣба. Но такая замѣна ни въ какомъ случаѣ не способствуетъ увеличенію его доходовъ. Поэтому, замѣняющій десятину налогъ на ренту составитъ чистую потерю для землевладѣльца по окончаніи существующихъ арендныхъ договоровъ; и замѣна десятины была не простымъ пзмѣненіемъ способа, какимъ взимался съ землевладѣльца уже существующій налогъ, а наложеніемъ новаго налога; здѣсь было дано облегченіе потребителю на счетъ землевладѣльца, который, однако, немедленно же началъ получать постоянно возрастающее вознагражденіе за это на счетъ потребителя, благодаря тому, что накопленію капитала и размноженію населенія данъ былъ толчекъ.

§ 5. До сихъ поръ мы разсматривали вліяніе налоговъ на товары въ томъ предположеніи, что эти налоги взимаются безразлично со всѣхъ тѣхъ способовъ, какимъ товаръ можетъ быть произведенъ или доставленъ на рынокъ. Другой рядъ соображеній открывается, если мы предположимъ, что это безразличіе не соблюдается, и что налогъ налагается не на товаръ, а на какой-нибудь отдѣльный способъ полученія его.

Предположимъ, что товаръ можно приготовить двумя различными процессами: какъ, напримеръ, мануфактурные товары могутъ быть произведены либо руками, либо паровой машиной; сахаръ можетъ быть приготовленъ или изъ сахарнаго тростника, или изъ свекловицы; скотъ можетъ откармливаться или сѣномъ и кормовыми растениями, или жмыхами и бардою. Въ интересахъ общества будетъ, чтобы изъ двухъ способовъ производитель выбиралъ тотъ, посредствомъ котораго производится наилучшій товаръ по самой низкой цѣнѣ. Это также будетъ и въ интересахъ производителей, если они не охраняются отъ соперничества и отъ дурныхъ послѣдствій собственной нерадивости: для общества наиболѣе выгоднымъ процессомъ будетъ тотъ, который производитель находитъ для себя выгоднымъ принять въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ внимательства правительства. Но предположимъ, что одинъ изъ этихъ процессовъ обложенъ налогомъ, а другой или вовсе не обложенъ, или обложенъ менѣе сильно. Если обложенъ будетъ тотъ процессъ, который производитель не принялъ бы и безъ того, то эта мѣра будетъ просто ничего не значущей. Но если налогъ падаетъ, какъ это безъ сомнѣнія и имѣется въ виду, на тотъ процессъ, который былъ бы

принять, то такой налогъ создаетъ искусственное побужденіе предпочитать не обложенный процессъ, хотя послѣдній и хуже. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ налогъ имѣетъ вліяніе, онъ является причиной того, что товары производятся худшаго качества или съ большей затратой труда; благодаря ему растрачивается напрасну известная часть рабочей силы общества, а капиталъ, затраченный на содержаніе и вознагражденіе этой силы, расходуется такъ же бесполезно, какъ если бы его расходовали на наемъ людей для того, чтобы они копали ямы и затѣмъ засыпали бы ихъ. Эта растрата труда и капитала составляетъ прибавку къ стоимости производства товара, цѣнность и цѣна котораго возвышается въ соответственной пропорціи; и такимъ образомъ собственники капитала вознаграждаются. Потеря ложится на потребителей; но, собственно, и капиталъ страны можетъ также уменьшаться вслѣдствіе того, что у потребителей сокращаются средства къ сбереженію, а до нѣкоторой степени ослабѣваетъ и побужденіе сберегать.

Такимъ образомъ, тотъ видъ налога, который известенъ подъ общимъ названіемъ дифференціального *) сбора, нарушаетъ то правило, что налоги должны брать съ плательщика насколько возможно меньше сверхъ того, сколько они приносятъ въ казну. Дифференціальный сборъ заставляетъ потребителя платить два различные налога, изъ которыхъ лишь одинъ, и при томъ часто наименѣе тягостный, платится правительству. Если бы налогомъ былъ обложенъ тростниковый сахаръ, а свекловичный сахаръ оставался бы не обложеннымъ, то до тѣхъ поръ, пока продолжалъ бы употребляться тростниковый сахаръ, налогъ на него поступалъ бы въ казну и заслуживалъ бы такъ же мало порицанія, какъ и большинство другихъ налоговъ; но если тростниковый сахаръ, бывшій прежде дешевле свекловичнаго, будетъ теперь дороже, и свекловичный сахаръ до известной степени замѣнитъ его, вслѣдствіе чего для свекловицы будутъ отведены поля и устроены заводы, то правительство не будетъ получать никакого дохода отъ свекловичнаго сахара, тогда какъ потребители его будутъ въ дѣйствительности платить налогъ. Они будутъ платить за свекловичный сахаръ больше того, что они раньше платили за тростниковый, и эта разница будетъ идти на вознагражденіе производителей за часть труда страны, въ сущности бесполезно растрачиваемую при производствѣ трудомъ, положимъ, трехсотъ человекъ того, что при другомъ процессѣ можно бы было получить, затративъ трудъ двухсотъ человекъ.

Однимъ изъ наиболѣе обыкновенныхъ примѣровъ дифференціального налога служитъ налогъ на ввозъ товара, который можетъ производиться въ самой странѣ, если при этомъ не установлено равносильнаго налога на внутреннее производство. Постояннаго ввоза товара не можетъ быть, если его нельзя получить изъ-за гра-

*) Думаю, что это слово точнѣ всего передаетъ употребленное Миллемъ выраженіе *discriminating duty*, которымъ онъ означаетъ обложеніе одного вида товара, не уравновѣшенное налогомъ на подобные же товары, получаемые изъ иного источника. См. Schünberg Handbuch d. p. Ok. 3-е изд. т. III, стр. 446. Отъ редактора.

ницы въ общемъ съ меньшей затратой труда и капитала, чѣмъ сколько необходимо для его производства въ странѣ. Поэтому, если, вслѣдствіе установленія ввозной пошлины на товаръ, становится дешевле производить его, чѣмъ ввозить, то большее количество труда и капитала расходуется безъ всякой прибавки въ результатѣ. Трудъ въ такомъ случаѣ бесполезенъ, а капиталъ расходуется на уплату людямъ, занятымъ утомительнымъ ничего недѣляющимъ. Такимъ образомъ, всѣ таможенные пошлины, устанавливаемыя для поощренія внутренняго производства товара, обложеннаго этимъ налогомъ, представляютъ въ высшей степени разорительный способъ собиранія дохода.

Въ особенности такимъ свойствомъ обладаютъ таможенные пошлины на земледѣльческій продуктъ, если онѣ не уравновѣщаются акцизами на внутреннее производство. Подобные налоги по сравненію съ тѣмъ, что они берутъ у потребителей, приносятъ казны меньше, чѣмъ всякіе другіе налоги, какіе обыкновенно существуютъ у цивилизованныхъ народовъ. Если въ странѣ производится 20 милліоновъ кварталовъ пшеницы, а потребляется 21 милліонъ, при чемъ ежегодно ввозится одинъ милліонъ, и если на этотъ милліонъ наложена пошлина, поднимающая цѣну на 10 шиллинговъ на кварталъ, то цѣна поднимается не только на этотъ милліонъ, но и на всѣхъ 21 милліонъ. При самомъ благоприятномъ, но вмѣстѣ и въ высшей степени невѣроятномъ, предположеніи, что ввозъ вовсе не сократится, а внутреннее производство не расширится, государство получить всего лишь полмилліона фунтовъ стерл. дохода, тогда какъ потребители должны будутъ заплатить десять съ половиною милліоновъ фунтовъ; изъ этой суммы 10 милліоновъ составятъ контрибуцію въ пользу мѣстныхъ производителей, которые въ силу соперничества будутъ принуждены отдать ихъ цѣликомъ земледѣльцу. Такимъ образомъ, потребители платятъ собственнику земли обыкновенный налогъ, въ двадцать разъ больший того, какой они платятъ государству. Предположимъ теперь, что налогъ дѣйствительно ограничиваетъ ввозъ. Положимъ, что ввозъ совершенно прекращается въ обыкновенные годы; такъ какъ оказалось, что недостающій милліонъ кварталовъ можетъ быть полученъ посредствомъ болѣе усовершенствованной обработки, или посредствомъ распашки худшей земли съ надбавкой, меньшей 10 шилл. противъ прежней цѣны хлѣба, пусть, на примѣръ, съ надбавкой въ 5 шиллинговъ на кварталъ. Теперь государство будетъ получать доходъ только съ того чрезвычайнаго ввоза, который можетъ появиться въ неурожайные годы. Но потребители платятъ ежегодно налогъ въ 5 мил. на всѣ 21 мил. кварталовъ, въ общемъ составляющій $5\frac{1}{4}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Изъ нихъ только 250,000 фунтовъ идутъ на вознагражденіе производителей послѣдняго милліона кварталовъ за трудъ и капиталъ, растраченные по принужденію закона. Остальные 5 милліоновъ, какъ и прежде, идутъ на обогащеніе земледѣльцевъ.

Таково дѣйствіе законовъ, носящихъ техническое наименованіе хлѣбныхъ законовъ, первое время по ихъ установленію; и это дѣйствіе продолжается до тѣхъ поръ, пока эти законы хоть сколько-

иногда влияют на возвышение цены хлеба. Но я ни в каком случае не допускаю, чтобы они могли долговременно поддерживать цены и ренту настолько, как это можно было бы заключить по этим соображениям. То, что мы сказали относительно влияния десятины и других налогов на земледельческий продукт, в значительной степени применимо и к хлебным законам; они искусственно вызывают раньше времени то возвышение цены и ренты, которое во всяком случае произошло бы вследствие увеличения населения и производства. Разница между страной, не имеющей хлебных законов, и страной, имеющей их с давних пор, будет заключаться не столько в том, что в последней будут более высокие цены и более высокая рента, как в том, что при той же цене и той же ренте эта страна будет иметь меньшую сумму капитала и меньшее население. Установлением хлебных законов возвышается рента, но замедляется тот прогресс накопления, который немного позже подымет ее совершенно настолько же. Отмена хлебных законов способствует понижению ренты, но освобождает ту силу, которая при прогрессивном состоянии общества и капитала восстанавливает и даже увеличивает прежний размер ренты. С полным основанием можно ожидать, что при совершенно свободном ввозе земледельческого продукта, разрывить который, наконец, были вынуждены господствующая сословия Англии, цена пшеницы будет постепенно, но неизменно повышаться, если население будет продолжать увеличиваться; хотя этот результат на время может быть отсрочен вследствие начавшегося в Англии сильного стремления (которое само собой распространяется и на другие страны) к развитию земледельческой науки и к усилению применению ее на практике.

То, что мы сказали о ввозных пошлинах вообще, одинаково применимо и к тем дифференциальным пошлинам, которые покровительствуют ввозу, производимому из одного места, или каким-нибудь одним способом в противоположность другим; так действуют, например, привилегии, существующие для продукта колонии или страны, с которой заключен коммерческий договор, или более высокие пошлины, прежде налагавшиеся нашими морскими законами, на товары, привозимые не на английских кораблях. Каким доказательствам ни приводился бы в защиту таких различий, все же эти последние, если они не слишком значительны, то они разорительны в экономическом отношении. Они заставляют для получения товара прибегать вместо более дешевых, к более дорогим способам, и таким образом производить то, что часть труда, затрачиваемого страной на получение иностранного товара, жертвуется без всякого вознаграждения.

§ 6. Есть еще один вопрос относительно влияния налогов на товары, привозимые из одной страны в другую, о котором надобно упомянуть; а именно, вопрос о влиянии этих налогов на международные обмены. Всякий налог на товар способствует возвышению его цены, а следовательно, и уменьшению спроса на него на том рынке, где он продается. Поэтому, все налоги на

международную торговлю производят нарушение и новое возмещение так называемого уравнения международного спроса. Это соображение приводит к довольно странным выводам, которые были указаны нами в отдельной статье о международной торговле, на которую мы уже несколько раз ссылались в этом трактате.

Налоги на иностранную торговлю бывают двух родов — налоги на ввоз и налоги на вывоз. С первого взгляда на это дело, может показаться, что оба эти вида налогов уплачиваются потребителями товара, следовательно, налоги на вывоз падают всецело на иностранцев, налоги же на ввоз — всецело на внутренних потребителей. Однако, истинное положение дела оказывается гораздо сложнее.

«Облагая налогом вывоз, мы можем при некоторых обстоятельствах произвести более благоприятное для нас разделение выгоды от торговли. В некоторых случаях мы можем получить на счет иностранцев не только всю сумму налога, но даже и больше ее; в других мы получим только сумму налога; наконец, в третьих меньше суммы налога. В этом последнем случае мы сами несем часть налога; иногда мы несем и весь налог, а иногда даже, как мы увидим, и сумму, большую всего налога».

Возвратимся к гипотетическому примеру торговли сукном и полотном между Англией и Германией, употреблявшемуся в нашем «опыте»: «предположим, что Англия облагает налогом свой вывоз сукна, при чем этот налог не настолько велик, чтобы побудить Германию производить сукно для себя. Цена, по какой сукно может продаваться в Германии, увеличилась на сумму налога. Это, по всей вероятности, уменьшит потребляемое количество сукна и, быть может, уменьшит настолько, что даже по повышенной цене сукна не потребуется на такую денежную ценность, как прежде. Или, быть может, требуемое количество сукна не уменьшится, или уменьшится так мало, что вследствие повышения цены денежная ценность покупаемого количества будет больше, чем прежде. В последнем случае Англия будет выигрывать на счет Германии не только всю сумму налога, но еще и больше, потому что денежная ценность английского вывоза в Германию увеличится, тогда как английской ввоз из Германии остался прежним, вследствие чего деньги станут уходить из Германии в Англию. Цена сукна повысится в Англии, а следовательно, и в Германии; но цена полотна упадет в Германии, а следовательно, и в Англии. Мы будем вывозить меньше сукна и ввозить больше полотна, пока не установится равновесие. Таким образом, мы видим (хотя это на первый взгляд и покажется несколько странным), что при некоторых вполне возможных обстоятельствах, Англия, облагая свой вывоз, не только получает со своих иностранных потребителей всю сумму налога, но еще кроме того получает ввозимые ею товары дешевле. Они достанутся ей дешевле по двум причинам: во-первых, она будет получать их за меньшую сумму денег; и во-вторых, будет иметь больше денег для покупки их. С дру-

гой стороны Германия будет терять двойной убыток: она должна будет платить за сукно цѣну, увеличившуюся не только отъ налога, но и отъ отлива денегъ въ Англiю, и въ то же время отъ этой самой перемены въ распредѣленiи орудiя обмѣна у Германiи останется меньше денегъ для покупки сукна.

«Однако, это лишь одинъ изъ трехъ возможныхъ случаевъ. Если послѣ установленiя пошлины Германiя потребуетъ настолько меньшее количество сукна, что общiя цѣнность его останется совершенно прежней, то торговый балансъ останется не нарушеннымъ; Англiя будетъ выигрывать, а Германiя будетъ терять сумму налога и ничего больше. Если установление налога производитъ такое сокращенiе въ спросѣ, что Германiя будетъ требовать товара на денежную цѣнность меньше прежней, то нашъ ввозъ уже не будетъ оплачиваться нашимъ вывозомъ; деньги должны будутъ переходить изъ Англiи въ Германiю; и доля выгоды Германiи отъ торговли увеличится. Вслѣдствiе перемены въ распредѣленiи денегъ цѣна сукна упадетъ въ Англiю; а потому, конечно, упадетъ и въ Германiи. Такимъ образомъ, Германiя уже не будетъ платить всего налога. Отъ той же причины цѣна полотна повысится въ Германiи, а слѣдовательно, и въ Англiи. Когда послѣ этого измѣненiя цѣны спросъ уравнивается настолько, что сукно и полотно снова станутъ оплачивать другъ друга, то результатомъ будетъ то, что Германiя будетъ платить только часть налога, а остальная часть, поступающая въ нашу казну, будетъ доставлена косвеннымъ образомъ изъ кармановъ нашихъ потребителей полотна, которые вслѣдствiе налога на нашъ вывозъ платятъ болѣе высокую цѣну за этотъ ввозной товаръ, а между тѣмъ вслѣдствiе отлива денегъ и паденiя цѣны они имѣютъ меньшие денежные доходы на покупку полотна по этой повышенной цѣнѣ.

«Весьма возможно даже, что облагая налогомъ нашъ вывозъ, мы не только ничего не получимъ съ иностранцевъ, такъ какъ налогъ будетъ уплаченъ изъ нашихъ кармановъ, но можемъ даже заставить наше населенiе платить второй налогъ иностранцамъ. Предположимъ, какъ и прежде, что спросъ Германiи на сукно послѣ установленiя налога падаетъ настолько, что она требуетъ сукна на денежную цѣнность меньшую прежней, но что условiя спроса на полотно въ Англiи совершенно иныя, такъ что съ возвышенiемъ его цѣны спросъ на него или вовсе не падаетъ, или падаетъ такъ незначительно, что полотно требуется на денежную цѣнность большую прежней. Первымъ результатомъ установленiя налога, какъ и прежде, будетъ то, что вывозимымъ сукномъ уже не будетъ оплачиваться ввозимое полотно. Поэтому, деньги будутъ уходить изъ Англiи въ Германiю. Слѣдствiемъ этого будетъ возвышенiе цѣны полотна въ Германiи, а слѣдовательно, и въ Англiи. Но по нашему предположенiю отливъ денегъ отъ этого не только не останавливается, а дѣлается еще больше, потому что чѣмъ выше цѣна, тѣмъ на большую денежную цѣнность потребляется полотно. Поэтому, равновѣсiе можетъ быть восстановлено лишь возникающимъ одновременно другимъ слѣдствiемъ, а именно паденiемъ цѣны сукна на англiйскомъ,

а слѣдовательно, также и на германскомъ рынкѣ. Даже если сукно упадетъ настолько низко, что цѣна его съ налогомъ будетъ равняться прежней его цѣнѣ безъ налога, то и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, что паденiе цѣны непременно остановится; потому что прежняя сумма вывоза теперь будетъ уже недостаточна для уплаты за увеличившiйся въ денежной цѣнности ввозъ; и хотя германскiе потребители теперь не только получаютъ сукно по старой цѣнѣ, но имѣютъ и болѣе доходы, все же неизвѣстно, захотятъ ли они употребить прибавку въ своихъ доходахъ на увеличенiе своихъ покупокъ сукна. Такимъ образомъ, для восстановленiя равновѣсiя цѣна сукна должна будетъ упасть, вѣроятно, болѣе, чѣмъ на всю сумму налога. Германiя, быть можетъ, получитъ возможность ввозить сукно, обложенное налогомъ, дешевле, чѣмъ тогда, когда оно не было обложено; и эту выгоду она получитъ на счетъ англiйскихъ потребителей, которые, кромѣ того, будутъ платить въ действительности всю ту сумму, какая получается въ ихъ таможенѣ подъ именемъ пошлины на вывозъ сукна».

Едва ли нужно замѣчать, что сукно и полотно являются здѣсь представителями всего вывоза и ввоза вообще; и что влiянiе, какое налогъ на вывозъ можетъ имѣть на увеличенiе стоимости ввоза, будетъ отражаться на ввозѣ изъ всѣхъ странъ, а не исключительно на тѣхъ товарахъ, которые ввозятся изъ той страны, куда посылаются обложенные налогомъ товары.

«Таковы тѣ чрезвычайныя разнообразныя послѣдствiя, которыя могутъ происходить для насъ и для нашихъ потребителей отъ обложенiя налогомъ нашего вывоза; и обстоятельство, опредѣляющiя эти послѣдствiя, до того неуловимы, что даже по установленiи налога невозможно бываетъ опредѣлить, теряемъ ли выигрываемъ мы отъ него». Но вообще едва ли можно сомнѣваться, что стража, устанавливающая подобные налоги, все же успѣваетъ заставить иностранныя государства внести нѣкоторую долю въ ея казну; однако, если обложенный налогомъ товаръ не пользуется чрезвычайно постояннымъ спросомъ, то они рѣдко будутъ платить всю сумму налога, поступающую въ казну*). «Во всякомъ случаѣ все, что мы выигрываемъ, служитъ убыткомъ для кого-нибудь другого, а кромѣ того вниманiе налоговъ требуетъ извѣстнаго расхода; поэтому, если бы международная нравственность правильно понималась и оказывала бы свое влiянiе, подобные налоги, какъ противные всеобщему благу, не существовали бы».

До сихъ поръ мы говорили о пошлинахъ на вывозъ. Теперь мы перейдемъ къ болѣе обыкновеннымъ пошлинамъ на ввозъ. «Мы видѣли примѣръ того, что пошлина на вывозъ, т. е. на иностран-

*) Вѣроятно, самый выдающiйся изъ всѣхъ извѣстныхъ примѣровъ большого дохода, получаемого съ иностранцевъ при помощи налога на вывозъ, представляетъ торговля опиумомъ съ Китаемъ. Высокая цѣна этого товара при правительственной монополiи (которая равносильна высокой вывозной пошлинѣ) оказываетъ такое незначительное влiянiе на сокращенiе потребления, что, какъ говорятъ, по временамъ онъ продавался на вѣсъ серебра.

цевъ, падаетъ отчасти на насъ самихъ. Поэтому мы не будемъ удивлены, если найдемъ, что налогъ на ввозъ, т. е. на насъ самихъ, падаетъ отчасти на иностранцевъ.

«Предположимъ, что вмѣсто вывозимаго нами сукна мы облагаемъ пошленною ввозимое нами полотно. Предполагаемая нами тутъ пошлина не должна быть такой, которая называется покровительственной пошлinoю, т. е. она не должна быть настолько высокой, чтобы побудить насъ производить этотъ товаръ въ отечествѣ. Если бы она имѣла такое влияние, то торговля и сукномъ и полотномъ совершенно прекратилась бы, и обѣ страны потеряли бы всю выгоду, которую онѣ прежде получали, обмѣниваясь этими товарами. Мы предполагаемъ такую пошлину, которая, быть можетъ, уменьшитъ потребление товара, но которая не помѣшаетъ намъ продолжать по прежнему ввозить все потребляемое количество полотна.

«Равновѣсiе торговли будетъ нарушено, если установление налога уменьшить хотя бы въ самой незначительной степени количество потребляемаго полотна. Такъ какъ налогъ взимается въ английской таможнѣ, то, следовательно, германскiе экспортеры получаютъ лишь ту же цѣну за полотно, какъ и прежде, хотя английскiй потребитель платитъ за него дороже. Поэтому, если произойдетъ нѣкоторое уменьшенiе въ покупаемомъ количествѣ, то хотя, въ действительности, быть можетъ, будетъ расходоваться большая сумма денегъ, все же Англия должна будетъ уплачивать меньшую сумму Германiи; эта сумма уже не будетъ равноцѣнна той, какую Германiя должна Англии за сукно; поэтому балансъ долженъ быть уплаченъ деньгами. Цѣны упадутъ въ Германiи и поднимутся въ Англии; полотно упадетъ на германскомъ рынкѣ; сукно поднимется на английскомъ. Нѣмцы будутъ платить болѣе высокую цѣну за сукно, а на покупку его будутъ имѣть меньшiе денежные доходы, тогда какъ англичане будутъ получать полотно дешевле, т. е. его цѣна будетъ выше прежней цѣны на сумму меньшую всей пошлины, а ихъ средства для покупки полотна увеличатся вслѣдствiе увеличенiя ихъ денежныхъ доходовъ.

«Если установление налога не уменьшаетъ спроса, то торговля останется совершенно прежней. Мы будемъ и вывозить и ввозить столько же, какъ и прежде; и весь налогъ будетъ уплачиваться изъ нашихъ кармановъ.

«Но обложение товара налогомъ почти всегда болѣе или менѣе уменьшаетъ спросъ и никогда или едва ли когда-либо можетъ увеличить его. Поэтому, можно принять за правило, что налогъ на ввозные товары, если онъ действительно дѣйствуетъ, какъ налогъ, а не какъ полное или частичное запрещенiе, почти всегда падаетъ отчасти на иностранцевъ, потребляющихъ наши товары; и что это есть способъ, какимъ нация можетъ присваивать себѣ на счетъ иностранцевъ изъ возрастания общей производительности труда и капитала всего мiра, которое происходитъ отъ международнаго обмѣна товарами, долю значительно больше той, какую эта страна имѣла бы безъ налога».

Слѣдовательно, правы тѣ, которые утверждаютъ, что налогъ на ввозъ отчасти уплачивается иностранцами; но они ошибаются, говоря, будто бы эти налоги уплачиваются иностранными производителями. Извѣстная часть нашихъ пошлинъ падаетъ не на то лицо, у котораго мы покупаемъ, а на всѣхъ тѣхъ, которые покупаютъ у насъ. Оттого что мы сохраняемъ ввозные пошлны на иностранные товары, иностранный потребитель вывозимаго нами товара бываетъ принужденъ платить за него болѣе высокую цѣну.

Однако, есть два случая, когда пошлны на товары могутъ въ извѣстной степени или извѣстнымъ образомъ падать на производителя. Во-первыхъ, когда товаръ составляетъ безусловную монополию или имѣетъ цѣну предметовъ рѣдкости. Въ такомъ случаѣ цѣна ограничивается лишь желанiемъ покупателя; за товаръ, предлагаемый въ ограниченномъ количествѣ, получается самая большая сумма, какую покупщикъ согласится заплатить, чтобы только не остаться безъ него. Поэтому, если казначейство захватываетъ часть этой суммы, то цѣна уже не можетъ подняться еще выше, для того чтобы покрыть налогъ, и онъ будетъ уплачиваться изъ монополюющей прибыли. Налогъ на рѣдкiя и дорожiя вина будетъ всецѣло падать на производителей ихъ, или, вѣрнѣе, на собственниковъ виноградниковъ. Второй случай, когда производитель иногда несетъ нѣкоторую часть налога, гораздо важнѣе; это бываетъ при пошлннахъ на продуктъ земли или рудниковъ. Эти пошлны могутъ быть настолько велики, что онѣ существенно уменьшаютъ спросъ на продуктъ и заставляютъ покинуть нѣкоторые низшiе сорта земли и рудниковъ. Положимъ, что это действительно происходитъ; результатомъ будетъ то, что потребители и въ самой странѣ и въ тѣхъ странахъ, которые ведутъ съ нею торговлю, будутъ получать продуктъ по меньшiей стоимости; такимъ образомъ, на покупателя упадутъ не всѣ пошлны, а лишь часть ихъ, и онъ будетъ главнымъ образомъ вознагражденъ на счетъ землевладѣльца и собственника рудниковъ производящей страны.

Итакъ, пошлны на ввозъ могутъ быть раздѣлены «на два класса: на такiя, которыя служатъ для поощренiя какой-нибудь отдѣльной отрасли внутренней промышленности, и такiя, которыя не имѣютъ такого влiянiя. Первые положительно вредны и для страны, устанавливающей ихъ, и для странъ, съ которыми она ведетъ торговлю. Онѣ мѣшаютъ сбереженiю труда и капитала, которое, если бы ему позволили образоваться, раздѣлялось бы въ той или другой пропорцiи между ввозящей страной и странами, покупающими то, что эта страна вывозитъ или могла бы вывозить».

«Къ другому классу пошлинъ принадлежатъ тѣ, которыя не поощряютъ одинъ способъ полученiя товара въ ущербъ другому, а дозволяютъ обмѣну совершаться точно такъ, какъ если бы пошлны вовсе не было, и производить сбереженiе труда, которое является побужденiемъ какъ къ международной, такъ и ко всякой другой торговлѣ. Таковы пошлны на ввозъ товаровъ, производимыхъ другими странами нѣтъ никакой возможности, и пошлны не настолько высоки, чтобы уравновѣшивалась разница между издержками произ-

водства товара въ странѣ и расходами по ввозу его. Изъ денегъ, поступающихъ въ казну страны отъ такого рода налоговъ, только часть уплачивается населеніемъ этой страны, остальная же часть уплачивается иностранными потребителями ея товаровъ.

«Тѣмъ не менѣе въ принципѣ и этотъ послѣдній родъ налоговъ такъ же неудобенъ, какъ первый, хотя и совершенно по другому основанію. Покровительственная пошлина никогда не можетъ быть прибыльной, а всегда и необходимо бываетъ убыточной для страны, устанавливающей ее, и именно тѣмъ убыточнѣе, чѣмъ сильнѣе эта пошлина удовлетворяетъ своему назначенію. Пошлина, не имѣющая покровительственной цѣли, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ будетъ служить источникомъ выигрыша для страны, устанавливающей ее, если выигрышъ заключается въ сваливаніи на другое населеніе части бремени своихъ налоговъ; но она принадлежитъ къ тѣмъ способамъ, которыми едва ли удобно пользоваться, потому что ей легко могутъ противодействовать другія страны такимъ же образомъ.

«Если бы Англія въ предположенномъ нами случаѣ пожелала посредствомъ установленія пошлины на полотно получить болѣе своей естественной доли выгоды отъ торговли съ Германіей, то Германія оставалось бы только наложить такую же пошлину на сукно, чтобы спросъ на этотъ товаръ уменьшился приблизительно на столько же, какъ спросъ на полотно въ Англіи. Торговое равновѣсіе было бы сохранено, и каждая страна платила бы своей налогъ. Правда, это будетъ лишь до тѣхъ поръ, пока сумма обѣихъ пошлинъ не превыситъ всей выгоды отъ торговли; въ такомъ случаѣ совершенно прекратится и торговля, и выгода отъ нея.

«Такимъ образомъ, нѣтъ никакой выгоды устанавливать такого рода налоги съ цѣлью получать отъ нихъ выгоду тѣмъ способомъ, о которомъ мы говорили. Но если нѣкоторая часть дохода получается отъ налоговъ на товары, то эти налоги часто могутъ такъ же мало заслуживать упрека, какъ и всѣ остальные. Очевидно также, что соображенія о взаимности, совершенно не имѣющія значенія, когда дѣло идетъ о покровительственной пошлинѣ, имѣютъ существенное значеніе при обсужденіи отѣмны пошлины второго рода. Нельзя ожидать, чтобы страна отказалась отъ возможности брать налогъ съ иностранцевъ, если иностранцы взаимно этого не будутъ выказывать такой же снисходительности по отношенію къ ней. Единственный способъ, какимъ страна можетъ охранять себя отъ потери вслѣдствіе наложенія другимъ странами пошлины на ея товары, заключается въ наложеніи соответственныхъ пошлинъ на ихъ товары. Слѣдуетъ только остерегаться, чтобы эти пошлины по своей величинѣ не превысили бы всей оставшейся выгоды отъ торговли и не прекратили бы окончательно ввоза, заставляя либо производить товаръ въ странѣ, либо ввозить его съ другого, болѣе дорогого рынка».

ГЛАВА V.

Нѣкоторые другіе налоги.

§ 1. Кромѣ прямыхъ налоговъ на доходы и налоговъ на потребление, финансовыя системы большей части странъ содержатъ множество разнообразныхъ налоговъ, строго говоря, не принадлежащихъ ни къ одному изъ этихъ классовъ. Современныя европейскія системы удерживаютъ въ себѣ еще много подобныхъ налоговъ, хотя они не такъ многочисленны и разнообразны, какъ въ тѣхъ полуварварскихъ государствахъ, которыхъ еще не коснулось европейское вліяніе. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ государствъ едва ли хотъ одинъ случай въ человеческой жизни избѣгаетъ того, чтобы не дать повода къ фискальному вымогательству; едва ли возможно совершеніе какого-либо дѣла, выходящаго изъ повседневной рутинны, безъ разрѣшенія со стороны правительственнаго агента, которое дается лишь за деньги, въ особенности когда дѣло требуетъ помощи или специальной гарантіи общественной власти. Въ настоящемъ трактатѣ мы можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ налоговъ, которые недавно существовали или еще и теперь существуютъ въ странахъ, обыкновенно считающихся цивилизованными.

Почти у всѣхъ націй значительный доходъ получается съ налоговъ на договоры. Взиманіе этихъ налоговъ производится разнообразными способами. Одинъ изъ нихъ — это обложеніе юридическихъ документовъ, служащихъ доказательствомъ договора и обыкновенно представляющихъ единственное, признаваемое закономъ, доказательство. Въ Англіи почти не существуетъ договоровъ, которые имѣли бы обязательную силу, если они не заключены на гербовой бумагѣ, за которую заплачена пошлина правительству; и до самаго послѣдняго времени съ договоровъ, касающихся собственности, съ меньшимъ слѣдкомъ брали пропорціонально гораздо болѣе налогъ, чѣмъ съ крупныхъ; а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ налоговъ это существуетъ и до сихъ поръ. Есть еще гербовыя пошлины на юридическіе документы, служащіе доказательствомъ выполненія договора, какъ напримѣръ, свидетельства объ уплатѣ и документы объ освобожденіи отъ обязательства. Налоги на договоры, однако, не всегда взимаются посредствомъ гербового сбора. Примѣромъ могутъ служить пошлины съ аукционныхъ продажъ, отѣмныя Робертомъ Пллемъ. Другой примѣръ представляютъ налоги съ передачи земельной собственности во Франціи; въ Англіи они взимаются въ видѣ гербовыхъ пошлинъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ договоры не имѣютъ никакой силы, если они не будутъ зарегистрированы, а регистрация ихъ даетъ поводъ къ взиманію налога.

Изъ всѣхъ налоговъ на договоры, самое важное значеніе имѣютъ налоги на передачу собственности; въ особенности на куплю и продажу. Налоги на продажу потребляемыхъ товаровъ будутъ просто налогами на товары. Если эти налоги касаются лишь нѣсколькихъ отдѣльныхъ товаровъ, они поднимаютъ ихъ цѣну и упла-

чиваются потребителемъ. Если же пытаются облагать налогомъ всё покупок и продажи, какъ это, несмотря на всю нецѣлоспособность такого приема, дѣлало испанское правительство въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, то такой налогъ, если бы его возможно было осуществить, былъ бы равносильнъ обложенію всѣхъ товаровъ и не замѣнялъ бы пѣнь. Если бы его взимали съ продавцовъ, онъ былъ бы налогомъ на прибыль, если бы его взимали съ покупателей, онъ былъ бы налогомъ на потребителей, и ни одинъ изъ этихъ классовъ не могъ сложить бремя уплаты на другой. Если же этотъ налогъ ограничивается какимъ-нибудь однимъ способомъ продажи, напримеръ, продажей съ аукциона, то онъ отбиваетъ охоту прибѣгать къ этому способу, а если при томъ сумма сбора достаточно велика, то онъ и вовсе мѣшаетъ обращаться къ обложенному способу, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости. Но такъ какъ въ этихъ случаяхъ продавецъ бываетъ вынужденъ продавать, тогда какъ покупатель нѣтъ необходимости покупать, то, слѣдовательно, налогъ падаетъ на продавца; это и было однимъ изъ возраженій противъ аукціонной пошлины: она почти всегда падаетъ на человѣка, находящагося въ нуждѣ, и именно въ самый кризисъ его нужды.

То же возраженіе можно привести и противъ налоговъ на покупку и продажу земли въ большей части странъ. Въ старыхъ странахъ земельная собственность рѣдко продается иначе, какъ вслѣдствіе разоренія или настоятельной необходимости; поэтому, продавецъ долженъ брать то, что ему удастся получить, тогда какъ покупатель, цѣль котораго — помѣстить свой капиталъ, рассчитываетъ, сколько процентовъ онъ можетъ получить за свои деньги другими способами, и не станетъ покупать, если ему придется платить правительственный налогъ за эту сдѣлку*). Правда, нѣкоторые возражали, что этотъ аргументъ не имѣлъ бы никакого значенія, если бы всѣ способы продолжительнаго помѣщенія капитала, т. е. покупка государственныхъ бумагъ, акцій акціонерныхъ компаній, закладныхъ листовъ и т. п., были подвергнуты одинаковому налогу. Но даже и въ такомъ случаѣ этотъ налогъ при уплатѣ его покупщикомъ будетъ равносильнъ налогу на процентъ; и если такой сборъ достаточно великъ, то онъ нарушитъ установившееся отношеніе между процентомъ и прибылью; и это нарушеніе будетъ сглажено возвышеніемъ величины процента и паденіемъ цѣны земли и всѣхъ другихъ обстоятельствъ, такіе налоги несетъ обыкновенно продавецъ.

Слѣдуетъ признать вреднымъ всѣ тѣ налоги, которые препятствуютъ продажѣ земли или другихъ орудій производства. Подобныя

*) Сказанное въ текстѣ требуетъ нѣкотораго измѣненія относительно тѣхъ странъ, гдѣ размѣръ земельныхъ владѣній невеликъ. Эти небольшіе клочки земли, не придающіе имъ владѣльцу большого значенія и не внушающіе ему привязанности къ мѣсту, охотно продаются съ небольшою надбавкой противъ ихъ первоначальной стоимости, съ намѣреніемъ купить въ другомъ мѣстѣ; а желаніе приобрести землю даже на невыгодныхъ условіяхъ настолько велико, что даже высокія пошлины мало вліяютъ на него.

продажи естественно способствуютъ увеличенію производительности доходаго имущества. Продавецъ все равно продаетъ ли онъ по необходимости или по доброй волѣ, по всей вѣроятности, не имѣетъ или средствъ, или способностей самымъ выгоднымъ образомъ пользоваться своимъ имуществомъ для производительныхъ цѣлей; тогда какъ, съ другой стороны, покупатель во всякомъ случаѣ не находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и часто имѣетъ и расположенность и способность улучшить свое имущество, потому что такіе люди скорѣе имѣютъ возможность платить наибольшую цѣну за землю, такъ какъ она стоитъ для нихъ больше, чѣмъ для другихъ. Слѣдовательно, всѣ налоги и всѣ затрудненія и расходы, связанные съ такими договорами, положительно вредны; въ особенности же вредны они при договорахъ, касающихся земли, которая служитъ источникомъ пропитанія и первоначальнымъ основаніемъ всего богатства, и слѣдовательно, отъ улучшенія которой такъ много зависитъ. Никакія облегченія для перехода земли изъ рукъ въ руки и для всевозможныхъ способовъ соединенія и раздробленія ея, наиболѣе способствующія ей производительности, не должны считаться слишкомъ большими. Если земельная собственность слишкомъ концентрирована, отчужденіе должно быть свободно отъ налога для того, чтобы она могла раздробляться; если она слишкомъ мелка, то же самое необходимо, для того чтобы она могла соединяться. Всѣ налоги на передачу земли должны быть отменены. Но такъ какъ землевладѣльцы не имѣютъ никакого права на освобожденіе отъ уплаты изъ ренты хотя бы части той суммы, которую до сихъ поръ государство сохраняло за собой, то слѣдуетъ установить ежегодный сборъ, равный среднему доходу съ этихъ налоговъ, и распределить его въ формѣ поземельнаго налога между всѣми землями вообще.

Нѣкоторые изъ налоговъ на договоры очень вредны, такъ какъ они въ сущности налагаютъ денежный штрафъ на сдѣлку, пошрленіе которыхъ должно входить въ систему государственнаго управленія. Таковы гербовыя пошлины, взимаемыя съ договоровъ объ отдачѣ земли въ аренду, которая въ странахъ съ крупной земельной собственностью составляетъ существенное условіе для хорошаго земледѣлія; такова также пошлина съ страхования, являющаяся прямымъ протѣвѣдствіемъ предусмотрительности и осторожности. При страхованіи отъ огня налогъ до послѣдняго времени всегда бралъ, а еще и теперь въ многихъ странахъ, беретъ сумму ровно вдвое большую страхового взноса за обыкновенный рискъ; такъ что лицо страхующее принуждается правительствомъ платить за страховку сумму, въ три раза превышающую стоимость риска. Если бы такой налогъ существовалъ во Франціи, то мы не видѣли бы, какъ теперь въ нѣкоторыхъ ея областяхъ, дощечку страхового общества почти на каждой хижинѣ, или лачугѣ. Это, правда, должно быть приписано предусмотрительнымъ и расчетливымъ привычкамъ, создавшимся, благодаря тому, что многія изъ лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу, имѣютъ собственность; но столь чрезмѣрный на тогъ парализовать бы всякія благоразумныя привычки.

§ 2. Почти сходны съ налогами на договоры налоги на сооб-

чение. Главный изъ нихъ—почтовый налогъ; къ нему можно прибавить налоги на объявления и на газеты; такими налогами облагается сообщение свѣдѣній.

Обыкновенный способъ взиманія налога за пересылку писемъ состоитъ въ томъ, что правительство присваиваетъ себѣ исключительное право пересылки ихъ и взимаетъ за это монопольную цѣну. Если эта цѣна такъ умѣренна, какъ въ Англіи при существующей однообразной почтовой платѣ въ одинъ пенсъ за письмо, которая мало тѣмъ превышаетъ, или и вовсе не превышаетъ ту плату, какую бы установила при самомъ сильномъ соперничествѣ частная компанія, то эту цѣну едва ли можно считать налогомъ, а скорѣе прибылью съ предпріятія; и какой бы здѣсь ни получался излишекъ надъ обыкновенной прибылью съ капитала, онъ составляетъ справедливый результатъ сбереженія въ расходахъ, происходящаго отъ того, что въ странѣ, вмѣсто множества соперничающихъ учреждений, существуетъ лишь одно учрежденіе съ одной системой подчиненныхъ отдѣленій. Къ тому же это дѣло въ силу того, что оно можетъ и должно вестись по извѣстнымъ, опредѣленнымъ правиламъ, принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ предпріятіямъ, веденіе которыхъ нельзя считать неудобнымъ для правительства. Такимъ образомъ въ Англіи въ настоящее время почта служитъ самымъ лучшимъ источникомъ получаемыхъ казною доходовъ. Но почтовая плата, сильно превышающая ту, какая бралась бы за тѣ же услуги при системѣ свободнаго соперничества, представляла бы совсѣмъ нежелательный налогъ. Главная тяжесть его падаетъ на дѣловую переписку и увеличиваетъ расходы коммерческихъ сношеній между удаленными другъ отъ друга мѣстами. Это равносильно попыткѣ собирать большіе доходы посредствомъ тяжелыхъ дорожныхъ пошлинъ, которыя затрудняютъ всѣ операціи по перевозкѣ товаровъ съ одного мѣста въ другое и отбиваютъ охоту производить товары въ одномъ мѣстѣ для потребленія ихъ въ другомъ; а между тѣмъ такое производство не только само по себѣ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ сбереженія труда, но и представляетъ необходимое условіе почти всѣхъ улучшеній въ производствѣ и является однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбуждителей промышленной дѣятельности и двпгателей цивилизаціи.

Налогъ на объявленія не свободенъ отъ такого же осужденія, ибо въ какой степени объявленія полезны для торговли, сближая торговца и производителя съ потребителемъ, въ такой же степени налогъ, если онъ настолько великъ, что служитъ серьезнымъ препятствіемъ для объявленія, увеличиваетъ тотъ періодъ, въ теченіе котораго товары остаются не проданными, а затраченный капиталъ празднымъ.

Налогъ на газеты заслуживаетъ порицанія не столько въ томъ случаѣ, когда онъ уплачивается, сколько въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не уплачивается, т. е. когда онъ мѣшаетъ пользоваться газетами. Для большинства людей, покупающихъ газеты, онъ составляетъ роскошь, за которую эти люди такъ же легко могутъ платить, какъ и за всякое другое удовлетвореніе своихъ желаній, и которая по-

этому такъ же законно служить источникомъ государственнаго дохода. Но для той значительной части общества, которая научилась читать, но получила ничтожное образованіе, газеты служатъ источникомъ почти всѣхъ, имѣющихся у нихъ, общихъ свѣдѣній и почти всего ихъ знакомства съ распространенными въ обществѣ идеями и вопросами; газеты легче возбуждаютъ интересъ, чѣмъ книги или другіе менѣе доступные источники образованія. Непосредственно газеты такъ мало содѣйствуютъ возникновенію полезныхъ идей, что многіе слишкомъ умаляютъ важность ихъ для распространенія этихъ идей. Онѣ исправляютъ многіе предрасудки и суевѣрія и поддерживаютъ привычку разсуждать и интересъ къ общественнымъ дѣламъ, отсутствіе котораго является главною причиною умственнаго застоя, обыкновенно встрѣчающагося въ низшихъ и среднихъ, если даже не во всѣхъ классахъ тѣхъ странъ, гдѣ нѣтъ сколько-нибудь выдающихся и замѣательныхъ газетъ. Не должны существовать налоги, дѣлающіе эти главные распространители свѣдѣній, умственнаго возбужденія и умственнаго упражненія, менѣе доступными для той части общества, которая болѣе всего нуждается въ томъ, чтобы быть введенной въ область идей и интересовъ, выходящихъ за предѣлы узкаго горизонта.

§ 3. Въ численіи вредныхъ налоговъ видное мѣсто слѣдуетъ отвести судебнымъ пошлинамъ, пзвлекающимъ доходъ для государства изъ всевозможныхъ дѣйствій, влекущихъ за собою обращеніе къ судамъ. Подобно всѣмъ излишнимъ расходамъ, сопряженнымъ съ судебными процессами, судебныя пошлины представляютъ налогъ на защиту, а, слѣдовательно, и премію за несправедливость. Хотя эти налоги уничтожены въ Англіи, какъ источникъ общаго государственнаго дохода, но они еще до сихъ поръ существуютъ въ формѣ пошлинъ, взимаемыхъ въ судахъ на покрытіе издержекъ по судопроизводству; что, очевидно, произошло подъ влияніемъ той мысли, что расходы по отправленію правосудія должны нести тѣ лица, которыя получаютъ выгоду отъ него. Ошибочность этого мнѣнія вполне убѣдительно была доказана Бентамомъ. По его замѣчанію, лица, принужденныя обращаться къ суду, не болѣе, а менѣе другихъ получаютъ выгоды отъ правосудія и его отправленія. Въ отношеніи этихъ лицъ даваемое закономъ охраненіе было не полно, потому что они были принуждены обращаться къ суду для удостовѣренія своихъ правъ отъ посягательства со стороны другихъ, между тѣмъ какъ остальное общество пользовалось доставленною закономъ и судамъ свободой отъ всевозможныхъ насилій, безъ неудобства обращаться къ нимъ.

§ 4. Кромѣ обще-государственныхъ налоговъ во всѣхъ или почти во всѣхъ странахъ есть мѣстные налоги, идущіе на покрытіе общественныхъ расходовъ, которые признаются болѣе удобнымъ отдавать подъ надзоръ или въ распоряженіе мѣстной власти. Нѣкоторые изъ этихъ расходовъ дѣлаются для такого назначенія, въ которомъ исключительно или преимущественно заинтересована отдѣльная мѣстность; каковы, напримѣръ, моченіе, очистка и освѣщеніе улицъ; или устройство и починка дорогъ и мостовъ, которые, быть

можетъ, имѣютъ значеніе для жителей какой бы то ни было части страны, но лишь постольку, поскольку эти жители, или необходимые для нихъ товары проходятъ по этимъ дорогамъ или черезъ эти мосты. Въ другихъ же случаяхъ расходы, имѣющіе такое же общенациональное значеніе, какъ и всякіе другіе, покрываются изъ мѣстныхъ средствъ потому, что предполагается, что мѣстное управленіе имѣетъ возможность лучше вести ихъ; такъ напримѣръ, въ Англіи на мѣстное управленіе возложены расходы на пособіе бѣднымъ и на содержаніе тюремъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ и на содержаніе школъ. Какія общественныя дѣла лучше предоставить мѣстному управленію, и какія должны быть оставлены въ непосредственномъ вѣдѣніи центрального правительства или подчинены смѣшанной системѣ мѣстнаго управленія подъ надзоромъ центрального правительства—все это вопросы, рѣшеніе которыхъ относится не къ политической экономіи, а къ наукѣ объ администраціи. Однако, главное правило то, чтобы налоги, налагаемые мѣстною властью, въ виду того, что они меньше подлежатъ гласности и обсужденію, нежели дѣйствія правительства, всегда были бы спеціальными, т. е. устанавливались для опредѣленнаго назначенія и не превышали бы необходимаго для него расхода. При такомъ ограниченіи еще желательно, чтобы эти налоги по возможности падали на тѣхъ, кому приносятъ выгоду такіе расходы; такъ напримѣръ, расходъ на дороги и мосты долженъ покрываться дорожной пошлиной съ проезжающихъ и съ провозимыхъ товаровъ, такъ чтобы взимаемая сумма раздѣлялась между лицами, пользующимися этими сооружениями для своего удовольствія и удобства и потребителями тѣхъ товаровъ, которые, благодаря мостамъ и дорогамъ, становятся возможнымъ доставлять на рынокъ и съ рынка съ меньшимъ расходомъ. Но когда посредствомъ пошлины возвратится весь произведенный расходъ съ процентами, дороги и мосты должны быть освобождены отъ пошлины, чтобы имъ могли пользоваться люди, для которыхъ безъ отмены пошлины они были бы бесполезны; средства же на поспѣху ихъ должны доставляться или изъ государственной казны или посредствомъ сбора извѣстнаго налога съ мѣстностей, получающихъ главную выгоду отъ нихъ.

Въ Англіи почти все мѣстные налоги — прямые (главное исключеніе составляетъ пошлина на каменный уголь, установленная Лондонскимъ Сити, и нѣкоторые подобные налоги), тогда какъ значительная часть общегосударственныхъ налоговъ — косвенные. Наоборотъ, во Франціи, Австріи и другихъ странахъ, гдѣ государство пользуется гораздо шире прямыми налогами, мѣстные городскіе расходы главнымъ образомъ покрываются налогами, взимаемыми съ ввозимыхъ въ городъ товаровъ. Такое взиманіе косвенныхъ налоговъ въ городахъ гораздо вреднѣе, чѣмъ на границахъ, потому что товары, доставляемые изъ окрестныхъ мѣстностей въ городъ, главнымъ образомъ представляютъ собою предметы необходимости или матеріалы для производства, между тѣмъ какъ то, что страна ввозитъ изъ другихъ странъ, обыкновенно большею частью составляетъ предметы роскоши. Привратные городскіе сборы (*octroi*) не могутъ

принести большихъ доходовъ, не ложась тяжелымъ бременемъ на городскіе рабочіе классы, если при этомъ не повысится пропорціонально и заработная плата; въ послѣднемъ случаѣ налогъ въ значительной мѣрѣ упадетъ на потребителей городского продукта, живущихъ какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, потому что капиталъ не останется въ городѣ, если его прибыль упадетъ ниже обыкновенной пропорціи по сравненію съ сельскими округами.

ГЛАВА VI.

Сравненіе прямыхъ налоговъ съ косвенными.

§ 1. Какіе налоги предпочтительнѣе прямые или косвенные? Этотъ вопросъ, всегда представлявшій интересъ, въ послѣднее время возбуждалъ значительное количество споровъ. Въ Англіи издавна существуетъ общераспространенное настроеніе въ пользу косвенныхъ налоговъ или, лучше сказать, противъ прямыхъ налоговъ. Это настроеніе не основано на какихъ-нибудь достоинствахъ перваго вида налоговъ, а чисто ребяческое. Англичанину неприятно влѣсть передъ собою лицо сборщика податей и подвергаться его настоятельному требованію. А кромѣ того, быть можетъ, онъ воистинѣ увѣренъ въ уплатѣ лишь того налога, который его заставляетъ платить прямо изъ кармана. Конечно, нельзя отрицать, что налогъ въ 1 шилл. съ фунта чаю или въ 2 шилл. съ бутылки вина увеличиваетъ цѣну каждаго фунта чаю и каждой бутылки, которые онъ потребляетъ, на всю и даже больше чѣмъ на всю эту сумму; это фактъ, онъ имѣлся въ виду и самъ англичанинъ по временамъ прекрасно сознаетъ это; но это не производитъ почти никакого впечатлѣнія на его практическія чувства и представленія. Здѣсь мы видимъ примѣръ разницы между тѣмъ, когда человѣкъ просто сознаетъ то, что приходится въ дѣйствительности, и тѣмъ, когда онъ чувствуетъ его. Непопулярность прямыхъ налоговъ, противоположная той легкости, съ какой общество соглашается, чтобы его обирали въ цѣнахъ товаровъ, привела многихъ приверженцевъ прогресса къ убѣжденію, прямо противоположному вышеизложенному. Они доказываютъ, что, именно, та причина, которая дѣлаетъ прямые налоги неприятными, заставляетъ ихъ предпочитать. При прямомъ налогѣ каждый знаетъ, сколько онъ въ дѣйствительности платитъ: и если онъ подаетъ голосъ за войну или какую-нибудь дорого стоющую національную роскошь, то онъ это дѣлаетъ съ полнымъ сознаніемъ того, сколько это стоитъ ему. Если бы все налоги были прямые, они гораздо сильнѣе бы чувствовались, нежели теперь, и это служило бы обезпеченіемъ, которое теперь не существуетъ, для экономіи въ общественныхъ расходахъ.

Хотя этотъ аргументъ и не лишенъ нѣкотораго значенія, однако, важность его будетъ постоянно уменьшаться. Дѣйствительное

можетъ, имѣютъ значеніе для жителей какой бы то ни было части страны, но лишь постольку, поскольку эти жители, или необходимые для нихъ товары проходятъ по этимъ дорогамъ или черезъ эти мосты. Въ другихъ же случаяхъ расходы, имѣющіе такое же общенациональное значеніе, какъ и всякіе другіе, покрываются изъ мѣстныхъ средствъ потому, что предполагается, что мѣстное управленіе имѣетъ возможность лучше вести ихъ; такъ напримѣръ, въ Англіи на мѣстное управленіе возложены расходы на пособіе бѣднымъ и на содержаніе тюремъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ и на содержаніе школъ. Какія общественныя дѣла лучше предоставить мѣстному управленію, и какія должны быть оставлены въ непосредственномъ вѣдѣніи центрального правительства или подчинены смѣшанной системѣ мѣстнаго управленія подъ надзоромъ центрального правительства—все это вопросы, рѣшеніе которыхъ относится не къ политической экономіи, а къ наукѣ объ администраціи. Однако, главное правило то, чтобы налоги, налагаемые мѣстною властью, въ виду того, что они меньше подлежатъ гласности и обсужденію, нежели дѣйствія правительства, всегда были бы спеціальными, т. е. устанавливались для опредѣленнаго назначенія и не превышали бы необходимаго для него расхода. При такомъ ограниченіи еще желательно, чтобы эти налоги по возможности падали на тѣхъ, кому приносятъ выгоду такіе расходы; такъ напримѣръ, расходъ на дороги и мосты долженъ покрываться дорожной пошлиной съ проезжающихъ и съ провозимыхъ товаровъ, такъ чтобы взимаемая сумма раздѣлялась между лицами, пользующимися этими сооружениями для своего удовольствія и удобства и потребителями тѣхъ товаровъ, которые, благодаря мостамъ и дорогамъ, становятся возможнымъ доставлять на рынокъ и съ рынка съ меньшимъ расходомъ. Но когда посредствомъ пошлины возвратится весь произведенный расходъ съ процентами, дороги и мосты должны быть освобождены отъ пошлины, чтобы ихъ могли пользоваться люди, для которыхъ безъ отменныхъ пошлинъ они были бы бесполезны; средства же на починку ихъ должны доставляться или изъ государственной казны или посредствомъ сбора известнаго налога съ мѣстностей, получающихъ главную выгоду отъ нихъ.

Въ Англіи почти всѣ мѣстные налоги — прямые (главное исключеніе составляетъ пошлина на каменный уголь, установленная Лондонскимъ Сити, и нѣкоторые подобные налоги), тогда какъ значительная часть общегосударственныхъ налоговъ — косвенные. Наоборотъ, во Франціи, Австріи и другихъ странахъ, гдѣ государство пользуется гораздо шире прямыми налогами, мѣстные городскіе расходы главнымъ образомъ покрываются налогами, взимаемыми съ ввозимыхъ въ городъ товаровъ. Такое вниманіе косвенныхъ налоговъ въ городахъ гораздо вреднѣе, чѣмъ на границахъ, потому что товары, доставляемые изъ окрестныхъ мѣстностей въ городъ, главнымъ образомъ представляютъ собою предметы необходимости или материалы для производства, между тѣмъ какъ то, что страна ввозитъ изъ другихъ странъ, обыкновенно большую часть составляетъ предметы роскоши. Привратные городскіе сборы (octroi) не могутъ

приносить большихъ доходовъ, не ложась тяжелымъ бременемъ на городскіе рабочіе классы, если при этомъ не повысится пропорционально и заработная плата; въ послѣднемъ случаѣ налогъ въ значительной мѣрѣ упадетъ на потребителей городского продукта, живущихъ какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, потому что капиталъ не останется въ городѣ, если его прибыль упадетъ ниже обыкновенной пропорціи по сравненію съ сельскими округами.

ГЛАВА VI.

Сравненіе прямыхъ налоговъ съ косвенными.

§ 1. Какіе налоги предпочтительнѣе прямые или косвенные? Этотъ вопросъ, всегда представлявшій интересъ, въ послѣднее время возбуждалъ значительное количество споровъ. Въ Англіи издавна существуетъ общераспространенное настроеніе въ пользу косвенныхъ налоговъ или, лучше сказать, противъ прямыхъ налоговъ. Это настроеніе не основано на какихъ-нибудь достоинствахъ перваго вида налоговъ, а чисто ребяческое. Англичанину противенъ не столько самый платежъ, какъ актъ платежа. Ему неприятно видѣть передъ собою лицо сборщика податей и подвергаться его настоятельному требованію. А кромѣ того, быть можетъ, онъ вполне увѣренъ въ уплатѣ лишь того налога, который его заставляетъ платить прямо изъ кармана. Конечно, нельзя отрицать, что налогъ въ 1 шил. съ фунта чаю или въ 2 шил. съ бутылки вина увеличиваетъ цѣну каждаго фунта чаю и каждой бутылки, которые онъ потребляетъ, на всю и даже больше чѣмъ на всю эту сумму; это фактъ, онъ имѣлся въ виду и самъ англичанинъ по временамъ прекрасно сознаетъ это; но это не производитъ почти никакого впечатлѣнія на его практическія чувства и представленія. Здѣсь мы видимъ примѣръ разницы между тѣмъ, когда человѣкъ просто сознаетъ то, что происходитъ въ дѣйствительности, и тѣмъ, когда онъ чувствуетъ его. Непопулярность прямыхъ налоговъ, противоположная той легкости, съ какой общество соглашается, чтобы его обирали въ цѣнахъ товаровъ, привела многихъ приверженцевъ прогресса къ убѣжденію, прямо противоположному вышеизложенному. Они доказываютъ, что, именно, та причина, которая дѣлаетъ прямые налоги неприятными, заставляетъ ихъ предпочитать. При прямомъ налогѣ каждый знаетъ, сколько онъ въ дѣйствительности платитъ; и если онъ подаетъ голосъ за войну или какую-нибудь дорого стоящую национальную роскошь, то онъ это дѣлаетъ съ полнымъ сознаніемъ того, сколько это стоитъ ему. Если бы всѣ налоги были прямые, они гораздо сильнѣе бы чувствовались, нежели теперь, и это служило бы обезпеченіемъ, которое теперь не существуетъ, для экономіи въ общественныхъ расходахъ.

Хотя этотъ аргументъ и не лишенъ нѣкотораго значенія, однако, важность его будетъ постоянно уменьшаться. Дѣйствительное

значение косвенных налоговъ съ каждымъ днемъ лучше понимается и сильнѣе усваивается все болѣе частью населенія; и что бы ни говорили о переменахъ, совершающихся въ направленіи человѣческой мысли, все же, мнѣ кажется, нельзя отрицать, что вещи все болѣе и болѣе оцѣниваются по ихъ дѣйствительной цѣнности и все менѣе по ихъ несущественнымъ принадлежностямъ. Уже не исключительно отъ простой разницы между платежамъ денегъ непосредственно сборщику податей и взносомъ такой же суммы черезъ посредничество чайнаго или винаго торговца зависить нелюбовь или оппозиція по отношенію къ первому виду уплаты и пассивное согласіе по отношенію ко второму. Но кромѣ того, пока существуетъ подобный недостатокъ въ общественномъ мнѣніи, доводы, основанные на немъ, говорятъ отчасти и въ пользу косвенныхъ налоговъ. Если бы нашъ цѣннѣйшій государственный доходъ, равняющійся приблизительно 70 милліонамъ фунтовъ, весь собирался посредствомъ прямыхъ налоговъ, безъ сомнѣнія возникло бы чрезвычайное неудовольствіе изъ-за того, что приходится платить такъ много; но пока въ своихъ убѣжденіяхъ люди настолько мало руководятся здравымъ смысломъ, что возможны подобныя перемены въ настроеніи отъ такой ничтожной причины, то такая сильная неприязнь къ налогамъ, быть можетъ, и не совсемъ полезна. Изъ вышеупомянутыхъ 70 милліоновъ почти 30 милліоновъ идетъ на уплату по самымъ настоятельнымъ обязательствамъ людямъ, капиталы которыхъ были взяты взаймы и израсходованы государствомъ; и пока этотъ долгъ остается непогашеннымъ, сильно увеличившееся неудовольствіе противъ налоговъ грозитъ не малой опасностью, а именно, такимъ же уничтоженіемъ довѣрія, какое произошло отъ той же причины въ нарушившихъ свои обязательства американскихъ государствахъ и еще и до сихъ поръ продолжается въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Та часть общественныхъ расходовъ, которая идетъ на содержаніе гражданскихъ и военныхъ учреждений (т. е. всѣ расходы за исключеніемъ процентовъ національнаго долга), дѣйствительно во многихъ отдѣлахъ представляетъ полный просторъ для сокращенія. Но въ то время, какъ такое большое количество дохода растрачивается только подъ предлогомъ общественной пользы, такая масса самыхъ настоятельныхъ правительственныхъ задачъ остается не исполненной, что все, что возможно урвать отъ бесполезныхъ расходовъ, настоятельно необходимо для расходовъ на полезныя цѣли. Будетъ ли предметомъ этихъ расходовъ народное просвѣщеніе, болѣе успѣшное и болѣе доступное отправленіе правосудія, какія либо реформы, въ родѣ освобожденія невольниковъ, требующія вознагражденія частныхъ лицъ, или, что также важно, какъ все вышесказанное, содержаніе достаточнаго штата способныхъ и образованныхъ общественныхъ деятелей для веденія законодательства и администратіи болѣе умѣлымъ способомъ, чѣмъ теперь; каждое изъ этихъ дѣлъ требуетъ значительнаго расхода, и улучшеніе многихъ изъ нихъ много разъ откладывалось вслѣдствіе существующаго нерасположенія обращаться къ парламенту за увеличеніемъ ассигновокъ на нихъ; хотя стоимость такихъ расходовъ нѣрѣдко возмратилась бы сторицею въ одной лишь

денежной выгодѣ для всего общества, не говоря уже о томъ, что и существующихъ средствъ было бы болѣе чѣмъ достаточно, если бы они употреблялись надлежащимъ образомъ. Если бы общественное нерасположеніе къ налогамъ успѣло въ такой степени, какая возможна только при прямыхъ налогахъ, то и тогда классы, получающіе выгоду отъ дурнаго употребленія общественныхъ денегъ, вѣроятно, успѣли бы сохранить тѣ расходы, которые для нихъ выгодны, въ ущербъ тѣмъ, которые полезны только для всего общества.

Но въ защиту косвенныхъ налоговъ часто приводится такой доводъ, который слѣдуетъ совершенно отвергнуть, такъ какъ онъ основанъ на ошибочномъ мнѣніи. Часто говорятъ, что налоги на товары менѣе обременительны, чѣмъ другіе налоги, потому что плательщикъ можетъ уклониться отъ нихъ, перестать употреблять обложенные товары. Если пожелаетъ, то конечно, онъ можетъ лишиться правительствѣ денегъ; но дѣлая это, онъ жертвуетъ своими собственными потребностями; а такое пожертвованіе (разъ онъ рѣшится на него) обременитъ ему равную сумму и при прямыхъ налогахъ. Предположимъ, что вино обложено такимъ налогомъ, отъ котораго цѣна количества вина, потребляемаго человѣкомъ въ теченіе года, увеличивается на 5 фунтовъ. Пусть онъ только уменьшитъ (намъ говорятъ) свое потребленіе вина на 5 фунтовъ и онъ избежитъ налога. Это вѣрно; но если правительство вмѣсто того, чтобы облагать вино, возьметъ эти 5 фунтовъ у него посредствомъ подоходнаго налога, то онъ можетъ, расходуя на вино на 5 фунт. меньше, одинаково сберечь всю сумму налога; такимъ образомъ, эта разница между двумя видами налога оказывается въ дѣйствительности воображаемой. Если правительство беретъ у плательщика 5 фунт. въ годъ, все равно тѣмъ или другимъ способомъ, то онъ долженъ совершенно на такую сумму сократить свое потребленіе, чтобы остаться въ прежнемъ положеніи; и въ обоихъ случаяхъ налагается одинаковое пожертвованіе.

Съ другой стороны есть нѣкоторое преимущество на сторонѣ косвенныхъ налоговъ въ томъ, что требуемая или отъ плательщика сумма, по всей вѣроятности, берется въ наиболѣе удобное для него время и наиболѣе удобнымъ способомъ. Она уплачивается тогда, когда плательщику во всякомъ случаѣ приходится дѣлать извѣстный платежъ; такимъ образомъ, такой налогъ (если онъ не падаетъ на предметы необходимости) не причиняетъ ему ни лишнихъ хлопотъ, ни какого-либо неудобства, кромѣ того, которое неразлучно съ платежамъ нѣкоторой суммы. Къ тому же за исключеніемъ того случая, когда дѣло идетъ объ очень непрочномъ товарѣ, плательщикъ можетъ выбрать наиболѣе удобное для себя время для того, чтобы сдѣлать запасъ товаровъ, а слѣдовательно, и уплатить налогъ. Производитель или торговецъ, уплачивающіе впередъ такіе налоги, иногда дѣйствительно терпятъ неудобства: но при ввозныхъ товарахъ это неудобство сокращается до минимума благодаря такъ называемой складочной системѣ (warehousing system), при которой налогъ взимается не при самомъ ввозѣ товара, а лишь тогда, когда онъ берется изъ склада для сбыта, что рѣдко дѣлается раньше того, чѣмъ

торговец действительно найдет или надеется немедленно найти покупателя.

Однако, самое сильное возражение против собиранія всего или значительной части большого государственнаго дохода посредствомъ прямыхъ налоговъ заключается въ невозможности справедливаго распределенія ихъ безъ добросовѣстнаго содѣйствія плательщиковъ, на которое нельзя надеяться при нынѣшнемъ низкомъ состояніи общественной нравственности. Мы уже видѣли относительно подоходнаго налога, что если не будетъ найдено способа совершенно освободить сбереженія отъ него, то нельзя опредѣлить хотя бы съ приблизительной справедливостью, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ обременить имъ тѣхъ лицъ, которые получаютъ свои доходы отъ торговли или профессиональнаго труда. Это дѣйствительно признается большинствомъ сторонниковъ прямого обложенія, которые, къ моему удивленію, обыкновенно устраняютъ это затрудненіе тѣмъ, что рекомендуютъ освободить эти классы отъ платежа, и предлагаютъ въ своихъ проектахъ подоходный налогъ, который долженъ взиматься только съ «реальной собственности»; такая форма имѣетъ лишь то достоинство, что она представляетъ очень легкую форму грабежа. Но уже достаточно было сказано въ осужденіе этого способа. Мы, однако, видѣли, что налогъ на дома есть форма прямого обложенія, не подлежащая тѣмъ же возраженіямъ, какъ подоходный налогъ, и вообще такъ мало заслуживающая какихъ бы то ни было возраженій, какъ, вѣроятно, ни одинъ изъ нашихъ косвенныхъ налоговъ. Но собирать большую часть доходовъ Великобританіи посредствомъ налога на дома невозможно, не производя очень вредной скученности населенія, вследствие того, что у всѣхъ жителей появится сильное стремленіе пѣбгать налога, наимая болѣе тѣсное помѣщеніе. А кромѣ того, даже и въ налогѣ на дома есть неравномѣрность, а слѣдовательно, и несправедливость; ни одинъ налогъ не свободенъ отъ нихъ: и будетъ и несправедливо и не политично свалывать все случаи неравномѣрности на однихъ и тѣхъ же лицъ, прибрѣгая для покрытія всѣхъ или главной части общественныхъ расходовъ къ одному налогу. Въ Англіи уже взимается на мѣстныя нужды въ формѣ налога на дома такая сумма, что, вѣроятно, для общегосударственныхъ цѣлей съ пользой можно взимать этимъ способомъ не больше 10 милліоновъ фунтовъ.

Извѣстная сумма дохода можетъ, какъ мы уже видѣли, безъ всякой несправедливости получаться посредствомъ специальнаго налога на ренту. Я уже доказывалъ, что кромѣ нынѣшняго поземельнаго налога и налога, равнаго получаемому теперь доходу съ гербовыхъ пошлинъ на передачу земли, можно будетъ черезъ нѣкоторое время наложить новый налогъ, дающій возможность государству участвовать въ прогрессивномъ увеличеніи доходовъ землевладѣльца отъ естественныхъ причинъ. Завѣщанія и наслѣдства должны тоже, какъ мы видѣли, подлежать такому налогу, который бы давалъ значительный доходъ. Установивъ эти налоги и надлежащій по своему размѣру налогъ на дома, мы достигли бы, мнѣ кажется, благоразумнаго предѣла прямого обложенія, который долженъ соблюдаться всегда,

за исключеніемъ развѣ случаевъ столь настоятельныхъ національных затрудненій, что имъ можетъ быть оправдано невниманіе правительства къ неравномѣрности и несправедливости, какія въ концѣ концовъ окажутся неразрывно связанными съ подоходнымъ налогомъ. Остальную часть государственнаго дохода приходилось бы получать посредствомъ налоговъ на потребленіе, и вопросъ состоитъ въ томъ, какіе изъ этихъ налоговъ наименѣе вредны.

§ 2. Есть нѣкоторыя формы косвенныхъ налоговъ, которыя безусловно должны быть исключены. Налоги на товары, установленные для полученія государственнаго дохода, не должны дѣйствовать, какъ покровительственныя пошлины, а должны безразлично взиматься со всѣхъ способовъ, какими товаръ можетъ быть полученъ, все равно производится ли онъ въ самой странѣ или ввозится. Также слѣдуетъ уничтожить все налоги на предметы первой необходимости, или на матеріалы и орудія, употребляемые при производствѣ этихъ предметовъ. Подобные налоги всегда болѣе или менѣе захватываютъ то, что должно оставаться свободнымъ отъ нихъ, т. е. ложится на доходы, только лишь достаточные для здороваго существованія; а въ самомъ благоприятномъ случаѣ, когда для вознагражденія рабочихъ за налогъ возвышается заработная плата, этотъ налогъ дѣйствуетъ, какъ специальное обложеніе прибыли, которое одно временно и несправедливо, и вредно для національнаго богатства *). Остаются налоги на предметы роскоши. Они имѣютъ нѣкоторыя свойства, сильно говорящія за нихъ. Во-первыхъ, они никоимъ образомъ и никогда не могутъ касаться тѣхъ лицъ, весь доходъ которыхъ расходуется на предметы необходимости, а касаются тѣхъ, которые расходуютъ на прихоти то, что требуется для предметовъ необходимости. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дѣйствуютъ, какъ полезный и единственно полезный родъ закона противъ роскоши. Я отвергаю всякій аскетизмъ и вовсе не желаю видѣть того, чтобы въ силу закона для общественнаго мнѣнія люди лишали себя тѣхъ удовольствій (совмѣстныхъ съ ихъ средствами и обязанностями), которыхъ они добиваются ради неподдѣльной склонности къ чему-нибудь и ради того пріятнаго чувства, какое доставляетъ имъ данная вещь сама по себѣ: но въ большинствѣ странъ значительная часть расходовъ среднихъ и высшихъ классовъ, а въ Англіи преобладающая часть, дѣлается не ради удовольствія, доставляемаго вещами, на которыя тратятся деньги, а ради общественнаго мнѣнія

*) Нѣкоторые находятъ, что отъ налога должны быть освобождены матеріалы и орудія всѣхъ производствъ; во эти матеріалы и орудія, когда они не входятъ въ производство предметовъ необходимости, по моему мнѣнію, такъ же могутъ подлежать налогу, какъ и готовый товаръ. Подобные налоги считаются главнымъ образомъ вредными по отношенію къ иностранной торговлѣ. Съ международной точки зрѣнія ихъ можно считать пошлинами на вывозъ, а за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вывозная пошлина умѣства, они непременно должны подлежать возврату (drawback) при вывозѣ товара. Но вѣтъ достаточнаго основанія противъ обложенія матеріаловъ и орудій, употребляющихся въ производствѣ какой-нибудь вещи, которая сама по себѣ является подлежащимъ предметомъ для обложенія.

и представления, будто бы от людей ожидаются известные расходы, как принадлежность къ положенію. Я утверждаю, что такого рода расходъ является самымъ подходящимъ предметомъ обложенія; и если налогъ отобьетъ охоту къ нимъ — онъ принесетъ нѣкоторую пользу, если же не отобьетъ, то онъ не сдѣлаетъ никакого вреда; потому что поскольку налогъ взимается съ вещей, которыя спрашиваются и покупаются по такого рода побужденіямъ, онъ никому не вредитъ. Когда вещь покупается не ради пользованія ею, а ради ея дороговизны, то стремиться къ дешевизнѣ нечего. По замѣчанію Сисмонди, удешевленіе предметовъ тщеславія въ результатѣ произведетъ не уменьшеніе расхода на эти вещи, а то, что покупательи замѣнятъ удешевившійся предметъ какимъ-нибудь другимъ, стоящимъ дороже, или такимъ же предметомъ, но только высшаго качества; а такъ какъ вещь низшаго качества такъ же хорошо удовлетворяла тщеславнымъ цѣлямъ, когда была достаточно дорога, то, стѣловательно, никто въ дѣйствительности не платитъ налога за такой предметъ; здѣсь создается общественный доходъ, отъ котораго никто не теряетъ *).

*) „Если мы предположимъ, что брильянты могутъ добываться только въ одной и при томъ удаленной странѣ, а жемчугъ только въ другой, и что подъ влияніемъ естественныхъ причинъ добываніе ископаемаго продукта въ первой и рыболовнаго во второй сдѣлалось вдвое труднѣе, то результатомъ этого было бы лишь то, что черезъ нѣсколько времени для обозначенія известнаго богатства и роскоши достаточно было бы количество брильянтовъ и жемчуговъ, на половину меньшее того, какое употреблялось для этого прежде. Для полученія этого уменьшеннаго количества потребуются такое же, какъ и прежде, количество золота или другого товара, сводящееся въ концѣ концовъ къ такому же количеству труда, какое нужно было прежде для добыванія большей массы брильянтовъ и жемчуга. Если бы такое стѣсненіе производства было произведено законодательнымъ постановленіемъ..., то отъ этого не измѣнилась бы пригодность жемчуга и брильянтовъ служить тщеславію“. Предположимъ, что открыто средство воспроизводить по желанію физиологической процессъ, которымъ порождается жемчугъ, вслѣдствіе чего для полученія каждой жемчужины требуется всего лишь пятая часть прежняго количества труда. „Окончательный результатъ этой перемѣны зависѣлъ бы отъ того, свободно или не свободно было бы добываніе жемчуга. Если бы оно было совершенно свободно, такъ что жемчугъ могъ быть полученъ лишь за трудъ собиранія раковинъ, нигда жемчуга стоила бы нѣсколько пенсовъ. Тогда бѣднѣйшіе классы общества получили бы возможность носить жемчугъ. Онъ скоро бы сдѣлался чрезвычайно вульгарнымъ и немоднымъ и въ концѣ концовъ совершенно безцѣннымъ. Однако, если мы предположимъ, что добываніе жемчуга не свободно и что правительству принадлежитъ исключительное право на то мѣсто, гдѣ онъ только и добывается, то по мѣрѣ усовершенствованія изобрѣтенія правительство могло бы облагать жемчугъ пошлной, уравновѣшивающей уменьшеніе труда, необходимаго для добыванія этого товара. Тогда жемчугъ цѣвился бы такъ же высоко, какъ и прежде. Природная красота его осталась бы неизмѣнной. Трудность полученія его была бы иного рода, но такъ же велика, какъ и прежде, и потому жемчугъ по прежнему служилъ бы признакомъ богатства лицъ, обладающихъ имъ“. Чистый доходъ, полученный посредствомъ такого налога, „ничего бы не стоилъ обществу. Если бы не дѣлалось злоупотребленій въ примѣненіи его, онъ составилъ бы въ размѣрѣ всей своей суммы чистую прибавку къ общественнымъ средствамъ“. Rea, New Principles of Political Economy, pp. 369—71.

§ 3. Чтобы по возможности уменьшить неудобства и увеличить выгоды, свойственныя налогамъ на товары, самп собой напрашиваются слѣдующія практическія правила. 1. Слѣдуетъ собирать насколько возможно большій доходъ съ тѣхъ предметовъ роскоши, которые имѣютъ наибольшую связь съ тщеславіемъ и наименьшую съ положительнымъ наслажденіемъ; какъ напримѣръ, со всѣхъ болѣе дорогихъ сортовъ товаровъ, предназначенныхъ для личнаго употребленія и для нарядовъ. 2. Слѣдуетъ, когда возможно, брать налогъ не съ производителей, а прямо съ потребителей, потому что отъ взиманія налога съ производителей цѣна всегда поднимается болѣе и часто гораздо болѣе, чѣмъ на всю сумму его. Большая часть второстепенныхъ налоговъ на роскошь (assessed taxes) въ Англіи основаны на этихъ двухъ правилахъ. Однако, въ виду того, что лошади и экипажи для многихъ лицъ въ зависимости отъ ихъ здоровья и тѣлосложенія составляютъ предметъ не столько роскоши, сколько необходимости, налогъ, уплачиваемый тѣмъ, у кого одна верховая лошадь или одинъ экипажъ, въ особенности изъ болѣе дешевыхъ сортовъ, долженъ быть небольшой: но затѣмъ онъ долженъ очень быстро повышаться съ числомъ лошадей и экипажей и съ ихъ дороговизной. 3. Но такъ какъ изъ косвенныхъ налоговъ даютъ большіе доходы только тѣ, которые падаютъ на предметы, имѣющіе всеобщее или очень широкое употребленіе, и такъ какъ, слѣдовательно, необходимо имѣть нѣкоторые налоги на дѣйствительные предметы роскоши, т. е. на вещи, которыя доставляютъ удовольствіе самп по себѣ, и оцѣниваются не столько по ихъ стоимости, сколько по этому ихъ значенію, то эти налоги должны быть пропоровлены такъ, чтобы они по возможности съ одинаковой пропорциональной тяжестью ложились на мелкіе, средіе и крупныя доходы. Этого не легко достигнуть; потому что вещи, доставляющія самую большую сумму налога, соразмѣрно съ доходами, гораздо болѣе потребляются бѣдными членами общества, нежели богатыми. Чай, кофе, сахаръ, табакъ и спиртные напитки едва ли могутъ быть обложены такимъ образомъ, чтобы бѣдные члены общества не несли болѣе своей справедливой доли налога. До нѣкоторой степени этого можно достигнуть, наложивъ на высшіе сорта, потребляемые богатыми, соразмѣрно съ цѣнностью значительнаго высшій налогъ (а не значительно низшій, какъ это почти всегда бываетъ при нынѣшней системѣ). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ является, какъ говорятъ, (насколько вѣрно, я не знаю) непреодолимая трудность согласовать налогъ съ цѣнностью такъ, чтобы не допустить уклоненія отъ него; вслѣдствіе чего находятъ необходимымъ взимать одинъ опредѣленный окладъ со всѣхъ сортовъ; однако, это будетъ волюющей несправдливостью по отношенію къ бѣднѣйшему классу плательщиковъ, если оно не будетъ уравновѣшено существованіемъ другихъ налоговъ, какъ напримѣръ, высшимаго подоходнаго налога, отъ которыхъ эти классы были бы совершенно освобождены. 4. Налоги, насколько это совмѣстимо съ предыдущими правилами, вмѣсто того, чтобы распространяться на многіе товары, должны сосредоточиваться на немногихъ, чтобы издержки взиманія были меньше и чтобы по возмож-

ности меньшее число занятій терпѣло отъ обременительнаго и стѣснительнаго вмѣшательства. 5. Изъ предметовъ роскоши, пользующихся всеобщимъ употребленіемъ, предпочтительнѣе облагать налогомъ возбуждающіе напитки; потому что, хотя они сами по себѣ доставляютъ настолько же законное удовольствіе, какъ и всякій другой предметъ роскоши, тѣмъ не менѣе употребленіе ихъ чаще доходить до излишества, такъ что ограниченіе потребленія, естественно происходящее отъ палого, въ общемъ будетъ справедливѣе въ нихъ, чѣмъ въ другихъ вещахъ. 6. Насколько позволяютъ другія соображенія, налогъ долженъ ограничиваться ввознымъ товарамъ, потому что обложеніе этихъ послѣднихъ причиняетъ меньше стѣснительнаго вмѣшательства и имѣетъ меньше случайныхъ, дурныхъ послѣдствій. Чѣмъ вниманіе налога съ поля падъ съ мастерской. Таможенные пошлины *при неизмѣняемости другихъ условий* гораздо менѣе вредны, чѣмъ акцизы; но ими слѣдуетъ облагать лишь вещи, которыя или не могутъ, или, по крайней мѣрѣ, не будутъ производиться въ самой странѣ; если же эти вещи могутъ производиться въ странѣ, то ихъ производство должно или быть запрещено (какъ табакъ въ Англіи), или облагаться акцизомъ, равнымъ таможенной пошлинѣ. 7. Никакой налогъ не слѣдуетъ доводить до той высоты, при которой побужденіе уклоняться отъ него становилось бы настолько сильнымъ, что борьба съ уклоненіемъ путемъ обыкновенныхъ предупредительныхъ мѣръ дѣлалась бы невозможной. Поэтому, никакой товаръ не слѣдуетъ облагать слишкомъ высоко, чтобы не пораждать цѣлага ряда такихъ преступленій, какъ контрабанда, тайное ввозное и т. п.

Изъ акцизныхъ и таможенныхъ налоговъ, существовавшихъ до недавняго времени въ Англіи, всѣ, которые по существу своему не соответствовали хорошей системѣ обложенія, со времени послѣднихъ реформъ Гладстона были упразднены. Сюда вошли всѣ пошлины на продукты, составляющіе обыкновенную пищу *) для людей и скота; пошлины на строевой лѣсъ, въ виду того, что онъ падаетъ на материалы для жилья, составляющаго одинъ изъ предметовъ первой необходимости; пошлины на всѣ металлы и приготовленные изъ нихъ орудія; налогъ на мыло, необходимое для чистоты, и на сало, какъ матеріалъ для приготовления мыла и другихъ предметовъ необходимости; налогъ на бумагу, какъ необходимое орудіе почти всѣхъ коммерческихъ дѣлъ и почти всѣхъ видовъ обученія. Налоги, доставляющіе почти весь таможенный и акцизный доходъ, а именно, налогъ на сахаръ, кофе, чай, вино, пиво, спиртъ и табакъ, сами по себѣ въ высшей степени удобны тамъ, гдѣ требуется большая сумма дохода; но въ настоящее время они грубо несправедливы вслѣдствіе той несоразмѣрной тяжести, съ какой они ложатся на бѣднѣйшіе классы; а нѣкоторые изъ нихъ (какъ напримѣръ, налогъ на спиртъ и на табакъ) настолько велики, что вызы-

*) За исключеніемъ пошлины въ одинъ шиллингъ съ квартала зерна, оставленной, очевидно, для регистраціи и едва ли хоть сколько-нибудь обременительной.

ваютъ значительную контрабанду. Вѣроятно, большая часть изъ этихъ налоговъ можетъ быть сильно понижена безъ какой либо существенной убыли въ доходѣ. Вопросъ, какимъ образомъ выгоднѣе всего будетъ обложить налогомъ высше сорта товаровъ, потребляемые богатыми, я долженъ предоставить рѣшенію тѣхъ, кто имѣетъ нужды для этого практическія свѣдѣнія. Трудность состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть этой цѣли, не вызывая особенно вреднаго вмѣшательства въ производство. Въ странахъ, которыя, подобно Соединеннымъ Штатамъ, ввозятъ главную часть потребляемыхъ ими фабричныхъ издѣлій высшаго качества, эта задача не представляетъ особенной трудности; и даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ ввозится только сырой матеріалъ, послѣдній можетъ быть обложенъ, а для вышнихъ сортовъ его, идущихъ исключительно на приготовленіе товаровъ, употребляемыхъ богатыми классами, можетъ быть установленъ повышенный налогъ. Такимъ образомъ можно было бы съ принципиальной точки зрѣнія одобрить установленіе въ Англіи высокой таможенной пошлины на шелкъ; а, быть можетъ, удобно было бы обложить налогомъ какъ приготовленные въ самой странѣ, такъ и ввозимые высше сорта хлопчатобумажной или льняной пряжи.

ГЛАВА VII.

Государственный долгъ.

§ 1. Теперь мы должны рассмотреть, насколько справедливо и удобно получать деньги на правительственные потребности не установленіемъ налоговъ, доставляющихъ требуемую сумму, а взятіемъ въ формѣ займа части капитала страны, возложивъ на государственный доходъ только уплату процентовъ. Нечего говорить объ удовлетвореніи временныхъ недостатковъ посредствомъ займа денегъ, какъ напримѣръ, посредствомъ выпуска билетовъ казначейства, погашаемыхъ самое большее въ годъ или два изъ дохода отъ существующихъ налоговъ. Это представляетъ удобное, а если правительство не обладаетъ запаснымъ фондомъ, то часто и необходимое средство при чрезвычайныхъ расходахъ или при временномъ истощеніи обыкновенныхъ источниковъ дохода. Здѣсь мы должны рассмотреть вопросъ о заключеніи долгосрочныхъ государственныхъ займовъ, о покрытіи расходовъ военныхъ, или производимыхъ при какихъ-нибудь затруднительныхъ обстоятельствахъ, займами, которые будутъ выплачиваться либо понемногу и очень нескоро, либо вовсе не будутъ выплачиваться.

Этого вопроса мы уже касались въ первой книгѣ *). Мы замѣчали, что если капиталъ берется въ заемъ съ фондовъ, вложенныхъ въ производство, или предназначенныхъ для такого употребленія, то отвлеченіе его отъ этого назначенія равносильно взятію

*) См. выше стр. 75—76.

всей суммы из заработной платы рабочих классов. В этом случае заем не избавляет от собирания этой суммы в течение данного года. Правительство, действуя заем, в действительности берет эту сумму в течение года и при том посредством налога, исключительно падающего на рабочие классы; а потому насколько не хуже было бы, если бы оно удовлетворило бы свои потребности открытым налогом; и в таком случае операция со всеми ее дурными последствиями окончилась бы с окончанием затруднительных обстоятельств — между тем как при принятии окольного способа, дѣньги, взятая у рабочих, выплывается не государством, а наемными трудами, при чем государство остается на виду обремененным долгом и процентами на него. Систему государственных займов при таких условиях можно признать самой худшей, какая при нынешнем состоянии цивилизации входит еще в списки финансовых мѣръ.

Однако, мы уже замѣчали, что бывают обстоятельства, при которых займы не влекутъ за собой этих пагубных последствий; а именно, во-первыхъ, когда берется въ заем иностранный капиталъ, составляющій избытокъ общаго накопленія всего свѣта; или, во-вторыхъ, когда берется въ заем капиталъ, который либо вовсе не былъ бы сбереженъ, если бы не открылся этотъ способъ помѣщенія, либо, будучи сбереженнымъ, былъ бы растраченъ на непродуманные предприятия, или ушелъ бы искать помѣщенія за границу. Когда прогрессъ въ накопленіи привелъ прибыль до окончательнаго или до практическаго минимума — до той величины, при самомъ незначительномъ уменьшеніи которой прекратился бы ростъ капитала или все новыя накопленія отправлялись бы за границу — то правительство можетъ ежегодно захватывать эти новыя накопленія, не уменьшая ни занятія для рабочих классовъ, ни ихъ заработной платы въ самой странѣ, а также, быть можетъ, и ни въ какой другой. Следовательно, система займовъ можетъ быть доведена до этихъ размѣровъ, не вызывая того положительнаго и безусловнаго осужденія, какому она подвергается въ техъ случаяхъ, когда переходитъ эту границу. Необходимо только имѣть какой-нибудь показатель для того, чтобы опредѣлять, перейдена ли нѣтъ эта граница въ известномъ рядѣ лѣтъ, какъ напримѣръ, въ послѣднюю великую войну.

Такой показатель существуетъ, и онъ очень надеженъ и очевиденъ. Увеличилось ли правительство своими заемными операціями величину процента? Если оно только открыло новый способъ помѣщенія капитала, который безъ этого не былъ бы накопленъ или, если бы и былъ накопленъ, то не нашелъ бы себѣ примѣненія въ самой странѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что капиталъ, взятый и израсходованный правительствомъ, не могъ бы найти примѣненія при существующей величинѣ процента. Пока займы только поглощаютъ этотъ излишекъ, они уничтожаютъ всякое стремленіе къ пониженію величины процента, но не могутъ вызвать повышенія ея. Когда же они возвышаютъ величину процента, подобно тому какъ они повысили ее въ чрезвычайной степени во время французской войны,

это служитъ положительнымъ доказательствомъ, что правительство соперничаетъ изъ-за капитала съ обыкновенными способами производительнаго помѣщенія, и захватываетъ не только тѣ капиталы, которые не нашли бы себѣ производительнаго примѣненія въ странѣ, но и тѣ, которые нашли бы его. Следовательно, вся та сумма правительственнаго долга, отъ которой во время войны величина процента возвысилась сравнительно съ той величинной, которая была до и послѣ войны, причинила все выше указанные дурныя послѣдствія. Если возражать, что процентъ возвысился только отъ возвышенія прибыли, я отвѣчу, что это не ослабляетъ, а наоборотъ, усиливаетъ мое заключеніе. Если правительственные займы повысили прибыль, поглотивъ огромную сумму капитала, то какими путемъ могли они имѣть такое вліяніе, какъ не путемъ пониженія заработной платы? Быть можетъ, скажутъ, что высокій уровень прибыли поддерживался во время войны не благодаря отвлеченію національнаго капитала посредствомъ займовъ, а благодаря быстрому успѣхамъ въ промышленныхъ улучшеніяхъ. Это въ значительной степени и было въ действительности и оно, безъ сомнѣнія, смягчало вредъ, причиняемый рабочимъ классамъ, и дѣлало существующую финансовую систему менѣе вредной, но не менѣе противорѣчащей принципу. Эти самыя промышленныя усовершенствованія открывали просторъ для большей суммы капитала; а правительство, захватывая значительную часть ежегодныхъ накопленій, правда, въ концѣ концовъ не помѣшало образованію капитала (потому что онъ началъ накапливаться съ чрезвычайной быстротой по заключеніи мира), но мѣшало немедленному образованію капитала, и пока длилась война, уменьшало на всю сумму фондъ, распределяющійся между производительными рабочими. Если бы правительство не брало этого капитала въ заемъ и дозволило ему перейти въ руки рабочихъ, а собирало бы необходимыя суммы посредствомъ прямого налога на рабочие классы, то оно вызвало бы (во всехъ отношеніяхъ, если не считать расходовъ и неудобствъ собирания налога) совершенно тѣ же экономическія послѣдствія, какія были произведены ими, за исключеніемъ лишь того, что мы не имѣли бы теперь долга. Следовательно, принятый правительствомъ образъ дѣйствій былъ хуже самаго худшаго способа, какой только возможно принять для полученія этой суммы въ течение года; и единственнымъ извиненіемъ или оправданіемъ (насколько такое извиненіе тутъ примѣнимо) служитъ настоятельная необходимость, невозможность собирать ежегодно такую огромную сумму посредствомъ налоговъ, не прибѣгая къ такимъ налогамъ, которые по ихъ ненавистности или по легкости уклоненія отъ нихъ оказалось бы невозможнымъ навалить обществу.

Когда правительственные займы ограничиваются излишкомъ въ національномъ капиталѣ или теми накопленіями, которые вовсе не производились бы, если бы не было перелива ихъ за границу, то эти займы не подлежатъ, по крайней мѣрѣ, этому тяжелому осужденію: они все время своего существованія не причиняютъ никому никакого лишняго, кромѣ уплаты процентовъ, и даже во время ихъ расходованія могутъ быть выгодны для рабочаго класса, если на

прямую покупку труда, какъ то: на наемъ солдатъ, матросовъ и т. д., будутъ употребляться тѣ суммы, которыя въ противномъ случаѣ, быть можетъ, совершенно ушли бы изъ страны. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ вопросъ состоитъ дѣйствительно въ томъ, въ чемъ обыкновенно предполагается, что онъ состоитъ; а именно, нужно сдѣлать выборъ между одновременнымъ, крупнымъ пожертвованіемъ и продолжающимися неопредѣленнымъ временемъ, небольшими пожертвованіями. Въ этомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, справедливо будетъ полагать, что національное благоразуміе укажетъ тотъ же образъ дѣйствій, какой указываетъ и благоразуміе отдѣльнаго лица; слѣдуетъ подчиниться такому немедленному пожертвованію, какое возможно легко вынести, и лишь когда всякое новое обремененіе было бы чрезчуръ тягостнымъ, пополнять недостачу, дѣлая долгъ въ счетъ своего будущаго дохода. Стремиться къ тому, чтобы нынѣшня средства удовлетворяли нынѣшнимъ потребностямъ, конечно, прекрасное правило: будущему придется удовлетворять свои потребности. Съ другой стороны справедливо будетъ принять во вниманіе и то, что въ странѣ съ возрастающимъ богатствомъ необходимые правительственные расходы возрастаютъ не въ одинаковой пропорціи съ капиталомъ и населеніемъ; поэтому всякое обремененіе всегда съ теченіемъ времени чувствуется все меньше и меньше; а такъ какъ тѣ изъ чрезвычайныхъ правительственныхъ расходовъ, которые сдѣлались необходимы, въ большинствѣ случаевъ бываютъ полезны и для будущихъ поколѣній, то нѣтъ несправедливости заставлять потомство платить часть этихъ расходовъ, если будетъ чрезчуръ трудно уплатить всю сумму ихъ успѣхами и пожертвованіями поколѣній, предпринявшаго ихъ.

§ 2. Когда страна благоразумно или неблагоразумно уже обременила себя долгомъ, то полезно ли приступить къ выкупу его? Въ принципѣ невозможно не признавать это полезнымъ. Правда, что платежъ процентовъ, когда кредиторы являются членами того же самаго общества, не будетъ потерей для націи, а лишь простымъ перемѣщеніемъ богатства; однако, это перемѣщеніе принудительное, поэтому, оно причиняетъ серьезный вредъ; а взиманіе большого добавочнаго дохода посредствомъ какой бы то ни было системы обложенія влечетъ за собою, кромѣ платежа требующихся для правительства денегъ, такую массу расходовъ, притѣсненій, нарушеній въ ходѣ промышленности и другихъ убытковъ, что для избавленія отъ необходимости прибѣгать къ такимъ налогамъ всегда стоить употреблять значительное успіе. Тотъ же размѣръ пожертвованія, какой стоило бы принести во избѣжаніе долга, стоить во всякое послѣдующее время принести для погашенія его.

Для уплаты національнаго долга предлагались два способа: одновременный, посредствомъ всеобщаго сбора, или постепенный, посредствомъ остатковъ въ государственномъ доходѣ. Первый способъ былъ бы несравненно лучше, если бы онъ былъ удобоисполнимымъ; а удобоисполнимымъ онъ бы былъ, если бы признавалось справедливымъ для получения требуемой суммы облагать одну лишь собственность. Если бы собственность несла всѣ проценты долга,

она могла бы съ большою выгодой для себя уплатить долгъ; потому что это было бы простымъ возвратомъ капитальной суммы кредитору, доходъ съ которой уже принадлежитъ ему по закону; и было бы равносильно тому, что дѣлаетъ землевладѣлецъ, продавая часть своего имѣнія для освобожденія остальной части его отъ закладной. Но едва ли нужно повторять, что всѣ проценты долга платить не одна собственность, и что по справедливости отъ нея нельзя и требовать этого. Нѣкоторые, правда, доказываютъ, что съ нея можно требовать уплаты долга на томъ основаніи, что существующее поколѣніе обязано платить долги своихъ предшественниковъ лишь изъ наследства, полученнаго отъ нихъ, а не изъ продукта своего собственнаго труда. Но развѣ никто, кромѣ унаследовавшихъ собственность, ничего не получило отъ предшественниковъ поколѣній. Развѣ вся разница между теперешней расчищенной и улучшенной землей съ ея дорогами и каналами, городами и фабриками и той землей, какой она была, когда впервые на нее ступила человѣческая нога, полезна только для людей, называющихся ея собственниками? Развѣ капиталъ, накопленный трудомъ и воздержаніемъ предшествовавшихъ поколѣній, не приноситъ пользы никому, кромѣ лишь, унаследовавшихъ законное право собственности на часть его? И развѣ не получили мы въ наследство массу и научнаго и эмпирическаго знанія, приобретенаго благодаря пронацѣтельности и трудолюбію нашихъ предшественниковъ, знанія, польза отъ котораго составляетъ общее богатство для всѣхъ. Люди, родившіеся владѣльцами собственности, въ придачу къ этимъ общимъ выгодамъ получаютъ еще отдѣльное наследство и эту разницу справедливо будутъ принимать въ расчетъ при установленіи налоговъ. Общая финансовая система страны должна надлежащимъ образомъ принимать въ расчетъ этотъ принципъ, и я уже указалъ, что по моему мнѣнію, самый надлежащій способъ принимать его въ расчетъ—это брать значительный налогъ съ наследства по завѣщанію и безъ завѣщанія. Пусть прямо и открыто будетъ опредѣлено, что именно обязана доставлять собственность государству и государство собственности, и тогда сообразно съ этимъ будутъ устроены государственныя учрежденія. На уплату процентовъ или на погашеніе національнаго долга собственность должна давать лишь пропорціонально тому, что считается справедливымъ платежемъ на покрытие государственныхъ расходовъ.

Однако, такой взглядъ, если только онъ будетъ принятъ, окажется фатальнымъ для всякаго проекта погашенія долга, посредствомъ общаго сбора со всего государства. Лица, имѣющія собственность, могли бы уплатить приходящуюся на нихъ долю, часть долга, пожертвовавъ часть своего имущества, и имѣли бы прежній частный доходъ: но если отъ людей, не имѣющихъ накопленій, а только доходы, потребуются вмѣсто ежегодной уплаты налоговъ, установленныхъ для покрытия процентовъ долга, внести одновременно соотвѣтственную этимъ послѣднимъ капиталную сумму, то они могли бы исполнить это, только сдѣлавъ личный долгъ, равный ихъ долгу въ государственномъ долгу; а между тѣмъ вслѣдствіе не-

достаточности обеспечения, какое они могут представить, въ большинствѣ случаевъ, проценты этого долга достигли бы суммы значительно большей той, какую этимъ лицамъ приходится теперь платить государству. Кроме того коллективный долгъ, уплачиваемый налогами, имѣетъ надъ такимъ же долгомъ, раздробленнымъ между отдѣльными лицами, то огромное преимущество, что при немъ какъ бы существуетъ взаимное страхование между плательщиками. Если состояніе плательщика уменьшается, то уменьшаются и его налоги; если онъ разорится, они совершенно прекращаются, и его часть долга всецѣло переносится на состоятельныхъ членовъ общества. Если бы она лежала на немъ, какъ его личное обязательство, онъ все таки долженъ былъ бы отвѣчать за нее, даже лишившись всего.

Когда государство имѣетъ поземельную или какую либо другую собственность, которую нѣтъ достаточныхъ основаній удерживать въ его распоряженіи ради общественной пользы, то эта собственность должна быть употреблена, насколько ей хватаетъ, на погашеніе долга. Всякій случайный выигрышъ, всякая неожиданная прибыль естественно должны идти на эту же цѣль. Кроме этого есть только одинъ справедливый и удобоисполнимый способъ погашенія или уменьшенія національнаго долга—это погашеніе его излишками въ доходѣ.

§ 3. Желательность сохранять излишекъ для этой цѣли, мнѣ кажется, сама по себѣ не подлежитъ сомнѣнію. Правда, намъ иногда приходится слышать, что эту сумму лучше оставлять «оплодотворяться въ карманахъ народа». Насколько такое мнѣніе справедливо, оно представляетъ хорошій аргументъ противъ безполезнаго взиманія налога на непроизводительный расходъ, но не противъ уплаты національнаго долга. Что означаетъ слово «оплодотворяться». Конечно нечто иное, какъ производительное занятіе; а какъ аргументъ противъ налоговъ, мы должны понимать его такъ, что если эта сумма будетъ оставлена въ народѣ, онъ ее сбережетъ и обратитъ въ капиталъ. И въ самомъ дѣлѣ весьма возможно, что народъ сбережетъ нѣкоторую часть ея; но невѣроятно, чтобы онъ сберегъ ее всю; а между тѣмъ, если она будетъ взята путемъ налога и употреблена на уплату долга, то она будетъ вся сбережена и сдѣлана производительной. Для собственника государственныхъ бумагъ, получившаго за нихъ уплату, эта сумма будетъ уже не доходомъ, а капиталомъ, и онъ «оплодотворитъ» ее, для того чтобы она продолжала давать ему доходъ. Следовательно, возраженіе не только неосновательно, но даже дѣйствительная истина совершенно противоположна ему; эта сумма гораздо вѣрнѣе оплодотворится, если не будетъ «оставлена въ карманахъ народа».

Однако, не всегда благоразумно оставлять излишекъ дохода на погашеніе долга. Напримѣръ, выгода уплаты національнаго долга Великобританіи состояла бы въ томъ, что это дало бы намъ возможность освободиться отъ худшей половины нашихъ налоговъ. Но въ этой худшей половинѣ нѣкоторыя части должны быть хуже другихъ, и избавиться отъ нихъ сравнительно было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ избавиться отъ остальныхъ. Если бы отказавшись отъ

излишка дохода, мы имѣли бы возможность избавиться отъ какого-нибудь налога, то выходило бы, что мы сохранимъ пменно самый худшій пзъ нашихъ налоговъ ради того, чтобы въ концѣ концовъ отменить налоги не столь дурные, какъ онъ самъ. Въ странѣ съ возрастающимъ богатствомъ, увеличивающіеся доходы которой даютъ ей возможность отъ времени до времени освобождаться отъ наиболѣе несовершенныхъ частей ея обложенія, возрастаніе дохода слѣдуетъ, по моему мнѣнію, употреблять скорѣе на отмену налоговъ, чѣмъ на ликвидацію долга, пока остаются какіе-нибудь очень вредные налоги. Поэтому я нахожу, что при нынѣшнемъ положеніи Англіи правильная политика должна состоять въ томъ, чтобы отменить налоги, если окажется повидному постоянный излишекъ; но отменить налоги нужно дѣлать между ними правильный выборъ. Даже и тогда, когда не останется ни одного такого налога, который оказался бы неудобнымъ для постоянной системы обложенія, хорошо продолжать тотъ же приемъ экспериментальнаго уменьшенія этихъ налоговъ, пока не будетъ найденъ предѣлъ, при которомъ данная сумма дохода можетъ быть собрана съ наименьшимъ стѣсненіемъ плательщиковъ. После этого всякій излишекъ дохода, могущій возникнуть отъ дальнѣйшаго увеличенія доходности налоговъ, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, употреблять не на уменьшеніе налоговъ, а на погашеніе долга. Иногда, быть можетъ, будетъ удобно назначать весь доходъ отъ извѣстнаго налога для такой цѣли; потому что выкупъ будетъ болѣе обеспеченъ, если предназначенныя для него суммы будутъ оставаться отдѣльно и не будутъ смѣшиваться съ обще-государственнымъ доходомъ. Для этой цѣли особенно пригодны пошлныя съ наследства, потому что налоги, уплачивающіеся, какъ эти пошлныя, изъ капитала, лучше употребить на погашеніе долга, чѣмъ на покрытие текущихъ расходовъ. Если нѣкоторые налоги будутъ предназначены для выкупа, то всякій излишекъ, возникающій отъ увеличенія доходности другихъ налоговъ и отъ сбереженія процентовъ съ послѣдовательно уплачиваемыхъ частей долга, можетъ служить основаніемъ для облегченія налоговъ.

Нѣкоторые доказываютъ, что извѣстная сумма долга желательна и даже почти необходима, какъ помѣщеніе для сбереженій бѣднѣйшей или мало опытной части общества. Его удобство въ этомъ отношеніи бесспорно; но (помимо того, что прогрессъ промышленности постепенно создаетъ другіе почти столь же безопасные и спокойные способы помѣщенія, какъ напримѣръ, акцій и облигацій большихъ акціонерныхъ обществъ) единственное дѣйствительное преимущество помѣщенія сбереженій въ государственные фонды состоитъ въ гарантіи со стороны государства, доставить которую можно и иными способами, кроме государственнаго долга, влекущаго за собой отягчительные налоги. Одинъ изъ удобныхъ для этого способовъ состоялъ бы въ учрежденіи національнаго, депозитнаго и учетнаго банка съ отдѣленіями по всей странѣ, который могъ бы принимать на храненіе деньги въ видѣ долговременныхъ вкладовъ съ определеннымъ процентомъ или же, подобно акціонернымъ банкамъ, давать проценты по текущему счету; выдаваемые имъ проценты, конечно,

будутъ ниже процентовъ, по какимъ могутъ занимать частныя лица, вслѣдствіе той большей обезпеченности, какую представляетъ правительственный банкъ. Расходы такого учрежденія покрывались бы разницею между платимыми банкомъ и получаемыми имъ по ссудамъ подъ коммерческое, поземельное и другое обезпеченіе. Въ принципѣ, а также, мнѣ кажется, и на практикѣ, нѣтъ непреодолимыхъ возраженій противъ такого учрежденія, которое доставило бы столь же удобный способъ помѣщенія, какъ теперь представляютъ общественныя фонды. При этомъ государство сдѣлалось бы огромнымъ страховымъ обществомъ для застрахованія части общества, живущей на проценты со своего имущества, отъ потерь вслѣдствіе банкротства тѣхъ, которымъ въ противномъ случаѣ эта часть, быть можетъ, была бы принуждена ввѣрять свои капиталы.

ГЛАВА VIII.

Обыкновенныя правительственныя функціи съ точки зрѣнія ихъ экономическаго вліянія.

§ 1. Прежде, чѣмъ обсуждать демаркационную линію между задачами, въ исполненіе которыхъ правительство должно, и тѣми, въ исполненіе которыхъ оно не должно прямо вмѣшиваться, необходимо разсмотрѣть, какъ хорошія, такъ и дурныя послѣдствія, происходящія отъ способа, какимъ правительство исполняетъ тѣ обязанности, которыя лежатъ на немъ во всѣхъ обществахъ, и которыя безспорно должны лежать на немъ.

Первая изъ нихъ—охраненіе личности и собственности. Нѣтъ надобности распространяться о вліяніи, какое имѣетъ на экономическіе интересы общества степень совершенства, съ какой эта обязанность исполняется правительствомъ. Небезпеченность личности и собственности тождественна съ обезпеченностью связи между всѣми человѣческими усиліями и пожертвованіями и достиженіемъ цѣлей, ради которыхъ эти усилія и жертванія предприняты. Это равносильно неизвѣстности, пожметъ ли сѣющій, потребитъ ли производящій и будетъ ли человѣкъ пользоваться завтра тѣмъ, что берегаетъ сегодня. При такихъ условіяхъ къ приобретенію ведетъ не трудъ и бережливость, а насилие. Когда личность и собственность до извѣстной степени обезпечены, все, принадлежащее слабому, находится во власти сильнаго. Никто не можетъ сохранить того, что онъ произвелъ, если у него для защиты произведеннаго имъ не будетъ больше силы, чѣмъ у тѣхъ, которые вовсе не посвящаютъ ни своего времени, ни своихъ усилій на полезную дѣятельность и готовы отнять у него это имущество. Поэтому, когда обезпеченность переходитъ извѣстную границу, производительныя классы, будучи не въ силахъ охранять себя отъ хищническаго населенія, бывающаго принуждены лично становиться въ зависящее положеніе отъ какого-нибудь члена хищническаго класса, чтобы ему было выгодно

защищать ихъ отъ всякаго хищничества, кромѣ его собственнаго. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка аждодѣльная собственность обыкновенно становилась феодальною, и члены свободныхъ, но бѣдныхъ классовъ добровольно дѣлали себя и свое потомство крѣпостными какого-нибудь военнаго господина.

Однако, придавая этой огромной потребности въ обезпеченіи личности и собственности всю ту важность, какую она по справедливости заслуживаетъ, мы не должны забывать, что даже для экономическихъ цѣлей столь же необходимы и другія условія, присутствіе которыхъ часто выполняетъ значительную степень несовершенства въ государственныхъ учрежденіяхъ. Какъ уже было замѣчено въ одной изъ первыхъ главъ *), свободные города Италіи, Фландрій и Ганзейскаго союза обыкновенно находились въ состояніи такого внутренняго волненія, смѣнявшагося такими разорительными войнами, что личность и собственность пользовались очень неудовлетворительной охраной: тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ богатство и благосостояніе въ нихъ быстро возрастало и многія промышленныя искусства были доведены до самой высокой степени развитія. Эти города предпринимали съ необыкновеннымъ успѣхомъ далекія и опасныя путешествія ради изслѣдованій и торговли, сдѣлались могущественнѣе самыхъ сильныхъ феодальныхъ владѣльцевъ и могли защищаться даже противъ европейскихъ государей въ силу того, что среди волненій и насилій граждане этихъ городовъ пользовались извѣстной, грубой свободой, подъ условіемъ единства и взаимопомощи, и все это взятое вмѣстѣ дѣлало населеніе ихъ храбрымъ, энергичнымъ и предприимчивымъ и возбуждало въ нихъ сильный общественный духъ и патриотизмъ. Происпаніе этихъ и другихъ свободныхъ государствъ въ вѣка беззаконія показываетъ, что извѣстная степень обезпеченности при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ имѣетъ какъ дурныя, такъ и хорошія послѣдствія, дѣлая энергію и практическую ловкость условіемъ безопасности. Небезпеченность парализуетъ только тогда, когда она по своему характеру и по силѣ такова, что никакая энергія, къ какой вообще способенъ человѣкъ, не доставитъ сколько-нибудь удовлетворительнаго способа самозащиты. Это и есть главная причина, почему притѣвленіе правительства, могущества котораго вообще не могутъ преодолѣть никакія усилія отдѣльныхъ лицъ, имѣло гораздо болѣе пагубное вліяніе, чѣмъ какая бы то ни была степень беззаконія и смуть при свободныхъ учрежденіяхъ. Народы приобретали нѣкоторое богатство и достигали нѣкотораго развитія при такомъ неудовлетворительномъ состояніи общественнаго устройства, которое граничало съ анархіей; но до сихъ поръ ни одна страна, въ которой народъ былъ безгранично предоставленъ произвольнымъ поборамъ правительственныхъ чиновниковъ, не имѣла ни промышленности, ни богатства. Такое управленіе въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній непременно уничтожало и промышленность, и богатство. Нѣкоторыя изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ цвѣтущихъ странъ земнаго шара

*) Стр. 109.

обратились въ пустыню при римскомъ, а затѣмъ при турецкомъ владычествѣ единственно по этой причинѣ. Я говорю единственно по этой причинѣ, потому что онѣ оправданы бы съ такой же чрезвычайной быстротой, съ какой всегда оправляются страны отъ военныхъ опустошеній и всякихъ другихъ временныхъ бѣдствій. Затрудненія и притѣсненія часто служатъ лишь побужденіемъ къ труду; пагубна для него увѣренность, что ему не позволятъ пріести плоды.

§ 2. Простая чрезмѣрность государственныхъ налоговъ, хотя и представляетъ большое зло, но по своимъ вреднымъ экономическимъ послѣдствіямъ она несравнима съ хищническими сборами, гораздо болѣе умѣренными по своей суммѣ, но такими, которые либо подчиняютъ плательщика произвольнымъ предписаніямъ правительственныхъ чиновниковъ, либо раскладываются такъ, что искусство, трудолюбіе и бережливость дѣлаются невыгодными. Тяжесть налоговъ въ Англіи очень велика, но, благодаря тому, что каждый знаетъ ихъ предѣлы и его рѣдко заставляютъ платить больше, чѣмъ онъ ожидаетъ и рассчитываетъ, и благодаря тому, что способы обложенія не таковы, чтобы ими сильно ослаблялось побужденія къ трудолюбію и бережливости, источники благосостоянія мало уменьшаются отъ тяжести налоговъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ, эти источники даже могутъ увеличиться вслѣдствіе стремленія путемъ добавочныхъ успѣхъ вознаградить себя за тяжесть налоговъ. Но при условіяхъ варварскаго деспотизма многихъ восточныхъ странъ, гдѣ обложеніе состоитъ въ нападеніи на тѣхъ, кому удалось пріобрѣсти что нибудь съ тѣмъ, чтобы конфисковать это имущество, если только владѣлецъ не откупитъ его, согласившись дать извѣстную крупную сумму, — при такихъ условіяхъ нельзя рассчитывать встрѣтить добровольное трудолюбіе или богатство, пріобрѣтенное какимъ либо инымъ способомъ, кромѣ грабежа. Да и въ сравнительно цивилизованныхъ странахъ дурные способы собиранія государственнаго дохода имѣютъ подобныя же послѣдствія, хотя и въ меньшей степени. Французскіе писатели до революціи указывали на *taille*, какъ на главную причину отсталого состоянія земледѣлія и бѣдственнаго положенія деревенскаго населенія, не потому что она была велика, а потому что, соразмѣряясь съ вѣщнымъ капиталомъ земледѣльца, она побуждала этого постыднаго казаться бѣднымъ, а этого было достаточно, чтобы лѣнность получила перевѣсъ надъ трудолюбіемъ. Кромѣ того произвольная власть правительственныхъ чиновниковъ, интендантовъ и субдекантовъ была болѣе вредна для собственника, нежели налоги гораздо большіе тѣхъ, какіе были въ дѣйствительности, такъ какъ она уничтожала обезпеченность: положеніе округовъ съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, которые были избавлены отъ этого блага, было замѣтно лучше. Пріимчиваемая русскими чиновникамъ всеобщая продажность должна сильно стѣснить способности къ экономическому развитію, въ такой сильной степени принадлежанія русской имперіи; такъ какъ доходы правительственныхъ чиновниковъ должны зави-

сѣтъ отъ успѣха, съ какимъ они могутъ увеличивать притѣсненія для того, чтобы затѣмъ брать взятки *).

Однако, простая чрезмѣрность налоговъ, даже не усиленная неизвѣстностью, помимо ея несправедливости, представляетъ важное экономическое зло. Она можетъ дойти до того, что отобьетъ охоту къ трудолюбію вслѣдствіе недостаточности вознагражденія. Гораздо раньше достиженія этой степени, она препятствуетъ накопленію, или сильно замедляетъ его и заставляетъ накопленный капиталъ уходить для помѣщенія за границу. Налоги, наложенные на прибыль, даже если бы этотъ видъ дохода платилъ не болѣе своей справедливой доли, непременно уменьшаютъ побужденіе сберегать для какой-либо другой цѣли, кромѣ помѣщенія въ чужихъ странахъ, гдѣ прибыль выше. Напримѣръ, Голландія, кажется, давнымъ давно достигла практическаго мнѣшима прибыля; уже въ прошломъ столѣтіи большая часть состояній богатыхъ капиталистовъ была помѣщена въ займахъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ въ другихъ странахъ; и этотъ низкій размѣръ прибыли приписывается тяжелымъ налогамъ, которые до извѣстной степени были необходимы вслѣдствіе условій положенія Голландіи и благодаря ей исторіи. Правда, многіе изъ этихъ налоговъ, не говоря уже о томъ, что они были очень велики, брались съ предметовъ необходимости, а такого рода налоги особенно вредны для трудолюбія и накопленія. Но когда общая сумма налоговъ очень велика, то неизбежно приходится прибѣгать отчасти и къ дурнымъ налогамъ. А всякіе налоги на потребление, разъ они тяжелы, даже если они и не касаются прибыли, имѣютъ почти такое же вліяніе, заставляя лишь съ умѣренными средствами жить за границей и частію увозить съ собой и свой капиталъ. Хотя и вовсе не согласенъ съ тѣми экономистами, которые признаютъ желательнымъ лишь то состояніе общества, при которомъ богатство быстро возрастаетъ; тѣмъ не менѣе я не могу не видѣть многихъ невыгодъ для независимой націи отъ преждевременнаго достиженія неподвижнаго состоянія въ то время, когда сосѣднія страны продолжаютъ развиваться.

§ 3. Вопросъ о доставляемомъ правительствомъ охраненіи личности и собственности широко развѣтвляется на множество косвенныхъ отпрысковъ. Такъ напримѣръ, къ нему цѣлкомъ относится вопросъ о совершенствѣ или несовершенствѣ способовъ, установленныхъ для удостовѣренія правъ и удовлетворенія обидъ. Личность и собственность не могутъ считаться обезпеченными тамъ, гдѣ отправленіе правосудія неудовлетворительно либо по недостатку честныхъ и способныхъ людей въ судебныхъ учрежденіяхъ, либо потому что промедленія, притѣсненія и расходы, сопряженные со всякаго рода процессами, доходятъ тяжелымъ налогомъ на лицъ, прибѣгающихъ къ суду, заставляютъ ихъ насколько возможно подчиняться тому злу, исправить которое должны эти суды. Въ Англіи отправленіе правосудія, въ отношеніи денежной неподкупности, безупречно; можно также предполагать, что, благодаря прогрессу въ

*) Писано въ сороковыхъ годахъ. Отъ редактора.

социальномъ развитіи. Этотъ результатъ достигнуть и другими европейскими націями. Но у нихъ есть множество всякаго рода другихъ законодательныхъ и судебныхъ недостатковъ; и въ особенности въ Англіи они сильно уменьшаютъ цѣнность услугъ, оказываемыхъ правительствомъ народу взаимнѣ огромныхъ налоговъ. Во-первыхъ, непонятность (*incognoscibility*), какъ говоритъ Бентамъ, закона и чрезвычайная неопредѣленность его даже для людей, хорошо знакомыхъ съ нимъ, часто дѣлаетъ необходимымъ обращаться къ судамъ за рѣшеніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда фактическая сторона дѣла безспорна и въ сущности могло бы не быть тяжбы. Во-вторыхъ, судебная процедура преисполнена такими промедленіями, формальностями и расходами, что та цѣна, за какую въ концѣ концовъ получается правосудіе, является зломъ, превышающимъ весьма значительную несправедливость; и неправая сторона даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она и по закону неправа, имѣетъ много шансовъ выиграть вслѣдствіе прекращенія тяжбы другой стороной по недостатку средствъ, или путемъ сдѣлки, въ которой ради окончанія процесса приносятся въ жертву законныя права, или вслѣдствіе какой-нибудь технической увертки, благодаря которой постановляется несправедливое рѣшеніе. Печальный случай послѣдняго рода часто происходитъ безъ всякой вины со стороны судей, благодаря системѣ законовъ, значительная часть которыхъ основана не на рациональныхъ принципахъ, соответствующихъ нынѣшнему состоянію общества, а была первоначально основана отчасти на своего рода прихотяхъ и фантазіяхъ, а отчасти на принципахъ и казусахъ феодальныхъ отношеній (утѣлѣвшихъ еще до сихъ поръ, какъ юридическая фикція, и только лишь по мѣрѣ падобности весьма неудовлетворительно приспособляясь къ происходившимъ въ обществѣ перемѣнамъ). Изъ всѣхъ частей англійской законодательной системы канцлерскій судъ, пользующійся самыми лучшими по существу своему законамъ, былъ въ отношеніи промедленій, формальностей и расходовъ безъ всякаго сравненія самымъ худшимъ; а между тѣмъ онъ является единственнѣмъ судебнымъ учрежденіемъ почти для всѣхъ видовъ наиболѣе сложныхъ дѣлъ, какъ напримѣръ, для дѣлъ о товариществахъ и для обширнаго и разнообразнаго разряда дѣлъ, возникающихъ изъ договора порученія (*trust*). Недавнія реформы въ этомъ судѣ уменьшили, но далеко еще не упычтожили это зло.

По счастью для благосостоянія Англіи большая часть ея коммерческихъ законовъ сравнительно недавняго происхожденія, и при ихъ установленіи трибуналы просто признавали и давали силу закона обычаямъ, которые ради удобства возникли между самими торговцами; такъ что, по крайней мѣрѣ, эта часть законовъ главнымъ образомъ составлена тѣми людьми, которые наиболѣе заинтересованы въ томъ, чтобы они были хороши. А между тѣмъ недостатки судовъ для коммерческихъ дѣлъ менѣе вредны, потому что важность кредита, зависящаго отъ репутаціи, дѣлаетъ сдерживающее вліяніе общественнаго мнѣнія все же очень сильной (хотя, судя по ежедневному опыту, и недостаточной) гарантіей противъ тѣхъ видовъ

коммерческой безчестности, которые обыкновенно признаются таковыми.

Неудовлетворительность законовъ и матеріальныхъ, и процессуальныхъ тяжелѣ всего ложится на интересы, связанные съ такъ называемой *реальной*, или по общему выраженію европейской юриспруденціи, съ недвижимой собственностью. Относительно всей этой части общественнаго богатства, взятая на себя закономъ обязанность охраненія выполняется до крайности неудовлетворительно. Неудовлетворительно, во-первыхъ, потому что законъ неопредѣлененъ и заключаетъ въ себѣ путаницу техническихъ частей, благодаря которой никто и ни съ какими издержками не можетъ приобрести такого права на землю, относительно котораго бы можно было быть увѣреннымъ, что оно неоспоримо. Во-вторыхъ, неудовлетворительно потому, что законъ не обеспечиваетъ точныхъ доказательствъ сдѣлки посредствомъ надлежащей регистраціи юридическихъ документовъ. Въ-третьихъ, неудовлетворительно потому, что законъ создаетъ необходимость въ тягостныхъ и дорого стоящихъ (независимо отъ казенныхъ пошлинъ) актахъ и формальностяхъ при покупкѣ и продажѣ или даже при отдачѣ въ аренду и залогъ недвижимой собственности. И въ-четвертыхъ, неудовлетворительно вслѣдствіе нестерпимыхъ расходовъ и промедленій судебной процедуры почти во всѣхъ дѣлахъ, касающихся недвижимой собственности. Безъ сомнѣнія отъ недостатковъ въ высшихъ гражданскихъ судахъ болѣе всего страдаютъ землевладѣльцы. Судебныя издержки на веденіе тяжбы, или издержки по изготовленію юридическихъ документовъ, я увѣренъ, составляютъ не малую статью въ годовомъ расходѣ почти всякаго крупнаго землевладѣльца; и, независимо отъ нотаріальныхъ расходовъ, неизбѣжныхъ при передачѣ земли, продажная цѣнность ея сильно уменьшается еще вслѣдствіе трудности доставить покупщику вполне обеспечивающій его право документъ. Однако землевладѣльцы, несмотря на то, что они были, по крайней мѣрѣ съ 1688 года, господами англійскаго законодательства, иногда ни дѣлали ни единого шага къ законодательной реформѣ и были горячими противниками нѣкоторыхъ улучшеній, отъ которыхъ они болѣе всѣхъ получили бы пользы; въ особенности противились они тому крупному улучшенію въ регистраціи договоровъ, касающихся земли, которое, будучи предложено комиссіей знаменитыхъ юристовъ по части недвижимой собственности и внесенное въ палату общинъ лордомъ Камбеллемъ, было такъ неприятно всему сословію землевладѣльцевъ и было отвергнуто такимъ огромнымъ большинствомъ, что охота повторять такую попытку надолго была отбита*). Эту нелѣпую враждебность землевладѣльцевъ къ улучшенію, которое было бы болѣе всего полезно для ихъ собственныхъ интересовъ, слѣдуетъ приписать чрезмѣрной боязню за свои права, порожденной отъ неудовлетворительности того самаго закона, который самъ землевладѣльцы от-

*) Недавній актъ лорда Вестбери является существеннымъ смягченіемъ этого печальнаго недостатка въ англійскихъ законахъ и, вѣроятно, поведетъ къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ.

казываются изменить, и сознания собственного невежества и неспособности судить о всех юридических вопросах, которое заставляет их беспрекословно полагаться на мнение своих советчиков, забывая тот факт, что каждое несовершенство закона будет доставлять тем большую выгоду адвокату, чем оно обременительнее для клиента.

Поскольку недостатки судебных учреждений только обременяют землевладельческий класс, они не сильно вредят производителям производства; но неискренность права на владение землей должна часто сильно отбивать охоту затрачивать капитал на улучшение земель; а расходы по передаче ее должны мешать переходу ее в руки тех лиц, которые пользовались бы ею с наибольшей выгодой; при мелких покупках эти расходы часто превышают цену самой земли и, следовательно, равносильны, за исключением случайных обстоятельств, запрещению купли и продажи земли мелкими участками. Однако такая покупка почти повсюду в высшей степени желательна, так как едва ли есть такая страна, где бы поземельная собственность не была или слишком сильно или слишком мало раздроблена, и где бы не требовалось, чтобы или крупные участки раздроблялись или мелкие скупались и соединялись вместе. Достичь того, чтобы землю можно было так же легко передавать, как всякое другое имущество, было бы одним из самых величайших экономических улучшений, каких можно произвести в стране; и много раз было доказано, что путь непреодолимой трудности для достижения этого.

Если не касаться достоинств и недостатков, присущих в данной стране законам и юстиции, как систем учреждений для достижения прямых, практических целей, то большую важность имеет даже в смысле экономической выгоды то, как влияют законы в нравственном отношении. В первой книге *) уже достаточно было сказано о том, в какой степени успешность и промышленности и других видов соединения человеческой деятельности зависят от возможности доверять друг другу относительно честности и верности в исполнении обязательств; пять этого мы видим, в какой сильной степени даже экономическое благосостояние зависит от того, существует ли в учреждениях данной страны что-нибудь такое, чем поощряются честность и надежность во взаимных отношениях, или противоположные качества. Закон повсюду очевидно благоприятствует по меньшей мере честности в денежных делах и верности в исполнении договора; но если он дает возможность легко уклоняться от этих обязательств посредством обмана и крюкотворства, или позволяет посредством безсовестного пользования богатством возбуждать несправедливые тяжбы, или уклоняться от справедливых исков, если есть пути и средства, при помощи которых люди могут достигать материальных целей с видимого разрешения закона; то такой закон имеет деморализующее влияние даже и относительно честности в

*) Стр. 104.

денежных делах. А подобные случаи при английской системе законов, к несчастью, не редки. Кроме того, если закон неуместным потворством охраняет праздность или расточительность от их естественных последствий или карает преступления слишком легким наказанием, то влияние его на благоразумие и общественные качества людей неблагоприятно. Когда же закон своими собственными постановлениями и предписаниями устанавливает несправедливость в отношениях между людьми, как это делают все законы, признающие какой бы то ни было вид рабства, как это делают, хотя и не в такой степени, законы всех стран, касающиеся семейных отношений, и, наконец, как это делают, хотя в еще более слабой степени, законы, касающиеся отношений между богатыми и бедными, то влияние закона на нравственные чувства народа бывает еще более губительно. Однако этими вопросами вызываются соображения настолько более обширные и более глубокие, чем выводы политической экономии, что я упоминаю о них только для того, чтобы не пройти полным молчанием вещей, по своему значению превосходящих те, о которых я трактую.

ГЛАВА IX.

Продолжение.

§ 1. До сих пор мы говорили о том влиянии, какое имеют достоинство и недостатки общей системы законов; теперь я коснусь последствий, составляющих результат особенных свойств отдельных частей этой системы. В виду того, что здесь приходится ограничиться рассмотрением лишь немногих вопросов, я выберу самые главные из них. В гражданском законодательстве страны (после законов, определяющих положение рабочего, как раба, крепостного или свободного человека) самое главное значение с экономической точки зрения имеют части его, касающиеся двух вопросов: наследства и договоров. Из законов о договорах в экономическом отношении важнее всего законы о товариществах и о несостоятельности. И во всем этом трем пунктам в английских законах есть статьи, заслуживающие справедливого осуждения.

Что касается вопроса о наследстве, то я уже рассмотрел в одной из глав II книги общие принципы его и указал, какое, по моему мнению, решение лучше всего было бы принять законодательству, откладывая в сторону всякие предрассудки. Свобода завещания должна служить общим правилом, но с двумя ограничениями: во-первых, если есть наследники, которые, будучи неспособными заботиться сами о себе, стали бы обременены для государства, то из наследственной суммы в их пользу должна удерживаться доля, равная тому, что давало бы им государство; и во-вторых, никому не должно быть позволено получать по наследству

болѣе той суммы, какая доставляет скромную независимость. Въ случаѣ смерти безъ завѣщанія все имущество должно переходить въ казну, которая обязана доставить наследникамъ справедливое и умѣренное обезпеченіе, т. е. такое обезпеченіе, какое должны были бы доставить имъ родители или какіе-нибудь близкіе родственники, принимая во вниманіе положеніе, способности, и образъ воспитанія этихъ наследниковъ.

Однако, законы о наследствѣ, по всей вѣроятности, пройдутъ еще черезъ множество фазисовъ улучшенія, прежде чѣмъ понятія, столь далекаго отъ нынѣшняго образа мыслей, станутъ серьезно приниматься во вниманіе; а такъ какъ между общепризнанными способами опредѣленія порядка наследованія собственности должны быть лучше, другіе хуже, то является необходимость разсмотрѣть какіе изъ нихъ заслуживаютъ предпочтенія. Поэтому, какъ переходную мѣру, я бы предложилъ распространеніе на всякую собственность нынѣшняго англійскаго закона относительно наследованія движимой собственности, (т. е. свободу завѣщанія и, въ случаѣ смерти безъ завѣщанія, равный раздѣлъ); за исключеніемъ лишь того, чтобы не признавалось право на наследство за побочными родственниками и чтобы собственностью лицъ, не имѣющихъ родственниковъ ни по восходящей, ни по нисходящей линіи и не сдѣлавшихъ завѣщанія, переходила въ казну.

Законы нынѣ существующихъ націй уклоняются отъ этихъ принциповъ въ двѣ противоположныя стороны. Въ Англіи и большей части тѣхъ странъ, гдѣ въ законахъ еще чувствуется вліяніе феодализма, относительно земли и другой недвижимой собственности главнымъ образомъ стремятся къ тому, чтобы удерживать ее въ большинствѣ массахъ; поэтому въ случаяхъ отсутствія завѣщанія она переходитъ вообще (хотя существуютъ во многихъ мѣстностяхъ и нынѣ обычай) исключительно къ старшему сыну. И хотя передача въ порядкѣ первородства не обязательна для завѣщателей, которые въ Англіи номинально имѣютъ право завѣщать свою собственность, какъ имъ угодно; но каждый собственникъ можетъ пользоваться этимъ правомъ такъ, что отниметъ его у своихъ наследниковъ; а именно, онъ можетъ установить для своей собственности порядокъ перехода наследства по одной отдѣльной линіи своихъ потомковъ; а такое распоряженіе, помимо того, что оно не допускаетъ перехода имущества по наследству какимъ либо инымъ, кромѣ указанного способа, еще влечетъ за собой то случайное послѣдствіе, что препятствуетъ его продажѣ; такъ какъ каждый послѣдующій владѣлецъ, впадѣя этимъ имуществомъ только пожизненно, не можетъ отчуждать его на срокъ болѣе своей жизни. Въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, какъ напримѣръ, во Франціи законъ, наоборотъ, принуждаетъ къ раздѣлу наследства и не только въ случаяхъ, когда нѣтъ завѣщанія, дѣлитъ поровну и движимое, и недвижимое: имущества между всеми дѣтьми, или (если нѣтъ дѣтей) между всеми родственниками въ одинаковой степени родства, но также не признаетъ совершенно права завѣщанія, или признаетъ его лишь надъ ограниченной частью

имущества, при чемъ остальная часть подлежитъ принудительному, равному раздѣлу.

Я думаю, что въ странахъ, гдѣ существуютъ эти системы, онѣ были введены, или, быть можетъ, сохраняются не въ страхъ какихъ-нибудь соображеній о справедливости или предвидѣніи какихъ-либо экономическихъ послѣдствій, а главнымъ образомъ по политическимъ мотивамъ; въ первомъ случаѣ для сохраненія большаго наследственныхъ состояній и поземельной аристократіи; во второмъ для уничтоженія и того, и другого и для предупрежденія ихъ восстановленія. Первая цѣль мнѣ кажется въ высшей степени нежелательной въ государственной политикѣ; что же касается второй, то я уже указала способъ, какой, мнѣ кажется, болѣе удобнымъ для достиженія ея. Однако обсужденіе достоинствъ и недостатковъ каждый изъ этихъ цѣлей относится къ общей наукѣ о политикѣ, а не къ той ограниченной части ея, о которой мы здѣсь трактуемъ. Каждая изъ этихъ двухъ системъ ведетъ съ полнымъ успѣхомъ къ предположенной цѣли; но эта цѣль, мнѣ кажется, достигается цѣною большаго зла.

§ 2. Въ зачету первородства приводится два аргумента экономического характера. Въ первомъ изъ нихъ указывается на то возбужденіе, какое дается трудолюбію и тщеславію младшихъ дѣтей, которымъ предоставляется быть творцами своего собственнаго состоянія. Этотъ аргументъ былъ выраженъ докторомъ Джонсономъ въ формѣ болѣе сильной, нежели лестной для наследственной аристократіи; а именно, защищая первородство, онъ говоритъ, «что оно создаетъ лишь одного дурака въ семьѣ». Любопытно, что защитникъ аристократическихъ учрежденій утверждаетъ, что наследованіе въ состоянія, освобождающаго отъ какой бы то ни было лѣзвостности въ трудѣ, вообще бываетъ пагубно для умственной дѣятельности и силы; однако, при нынѣшнемъ состояніи воспитанія, это мнѣніе можно признать справедливымъ, несмотря на то, что въ немъ есть нѣкоторая доля преувеличенія. Но какъ бы ни былъ силенъ или слабъ этотъ аргументъ, онъ во всякомъ случаѣ говоритъ за то, чтобы предѣломъ для наследства старшихъ сыновей такъ же, какъ и всѣхъ остальныхъ дѣтей, служило лишь простое обезпеченіе, благодаря чему можно было бы избавиться даже и отъ того «одного дурака», котораго готовъ терпѣть Джонсонъ. Если незаработанныя богатства такъ вредны для характера, то непонятно, почему для избавленія меньшихъ членовъ семьи отъ этого яда не найдено другого средства, какъ соединить отдѣльныя части его, приходящіяся на долю этихъ членовъ, и приписать его въ насколько возможно болѣе дозѣ одной избранной жертвы? Нѣтъ надобности навлекать это огромное зло на старшаго сына только лишь потому, что не знаютъ, какое иное примѣненіе дать крупному состоянію.

Нѣкоторые писатели, однако, считаютъ, что вліяніе первородства на возбужденіе трудолюбія не столько зависитъ отъ бѣдности меньшихъ дѣтей, сколько отъ контраста между ихъ бѣдностью и богатствомъ старшаго, находя, что для дѣятельности и энергіи членной семьи необходимо тамъ и сямъ нѣсколько громадныхъ трутней,

чтобы въ рабочихъ пчелахъ укоренилось надлежащее значеніе пользы меда. «Ихъ сравнительно меньшее богатство», доказываетъ Макъ—Куллокъ, говоря о младшихъ дѣтяхъ, «ихъ желаніе вырваться изъ этого низшаго положенія и подняться до одного уровня съ ихъ старшими братьями внушаетъ имъ энергію и силу, какой они не имѣли при другихъ условіяхъ. Но выгода отъ предохраненія крупныхъ помѣстій отъ раздробленія, которое наступило бы при системѣ равнаго раздѣла, не ограничивается такимъ влияніемъ на младшихъ дѣтей собственника этихъ помѣстій. Этотъ обычай повсюду возвышаетъ норму необходимыхъ средствъ къ жизни и доставляетъ новую энергію силамъ, возбуждающимъ трудолюбіе. Образъ жизни крупныхъ землевладѣльцевъ для каждаго кажется желаннымъ и льститъ гордости тѣхъ, кто можетъ имъ пользоваться; а ихъ привычка къ тратамъ, хотя по временамъ и вредная для нихъ самихъ, дѣйствуетъ какъ могущественное побужденіе къ изобрѣтательности и предприимчивости въ другихъ классахъ, которые никогда не считаютъ своего состоянія вполне достаточнымъ, пока оно не даетъ имъ возможности соперничать съ роскошью самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ; такъ что обычай первородства, повидимому, дѣлаетъ все классы болѣе трудолюбивыми и въ то же время увеличиваетъ массу богатства и мѣрilo пользованія имъ» *).

Мнѣ кажется, доля истинны, которую не заключаютъ, а на которую скорѣе намекаютъ эти соображенія, состоитъ въ томъ, что полное равенство состояній не было бы благоприятно для дѣятельныхъ усилій къ увеличенію богатства. Если мы будемъ говорить о всѣхъ людяхъ вообще, то мы можемъ съ полною справедливостію сказать, какъ относительно богатства, такъ и относительно всякихъ другихъ отличій—въ талантѣ, знаніи, добротѣтели,—что лица, имѣющія, или только считающія себя имѣющими столько же, какъ ихъ сосѣди, рѣдко будутъ стараться приобрести больше. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что общество должно доставлять извѣстной группѣ лицъ огромныя богатства для выполненія общественной обязанности стоять на виду у всѣхъ, чтобы честолюбивые бѣдняки смотрѣли на нихъ съ завистью и восхищеніемъ. Состоянія, приобретенныя личными усиліями, такъ же хорошо, а быть можетъ и гораздо лучше удовлетворяютъ той же цѣли: потому что примѣръ человека, самостоятельно приобретающаго свое состояніе, возбуждаетъ людей гораздо сильнѣе, нежели видъ человека издавна владѣющаго имъ; и первый необходимо бываетъ примѣромъ какъ благоразумія и бережливости, такъ и трудолюбія, тогда какъ второй гораздо чаще подаетъ примѣръ безумныхъ тратъ, вкусъ къ которымъ распространяется съ пагубными послѣдствіями на тотъ классъ, на который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣетъ такое благотворное влияние видъ богатства, а именно на тѣхъ людей, для которыхъ въ слѣду ихъ умственной слабости и тщесавія «роскошь самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ»

*) Principles of Political Economy, id. 1843 p. 264. Гораздо больше можно найти о томъ же вопросѣ въ позднѣйшемъ произведеніи того же автора: On the succession to Property vacant ty Diath.

имѣетъ непреодолимое очарованіе. Въ Америкѣ почти совершенно нѣтъ наследственныхъ состояній; однакоже, никто не думаетъ, чтобы промышленная энергія или стремленіе къ накопленію были особенно слабы въ этой части свѣта. Когда страна уже вполне вступила на путь промышленности, которая служитъ главнымъ занятіемъ новаго міра, подобно тому какъ война составляла главное занятіе древняго и средне-вѣковаго міра, стремленіе къ обогащенію посредствомъ промышленности уже не нуждается въ искусственномъ возбужденіи: выгоды, естественно присущія богатству, и присвоенный ему характеръ мѣрila, посредствомъ котораго обыкновенно мѣрятся способности и успѣхъ въ жизни, служатъ несомнѣннымъ ручательствомъ за то, что люди будутъ домогаться богатства съ достаточной силой и рвеніемъ. Что же касается болѣе глубокаго соображенія относительно того, что желательнее не скопленіе, а раздробленіе богатства, и что общество находитъ въ болѣе здоровомъ состояніи не тогда, когда громадные состоянія принадлежатъ немногимъ и служатъ предметомъ зависти для всѣхъ, а тогда, когда возможно большее число обладаетъ и довольствуется умѣренными средствами къ жизни, которыя все могутъ надѣяться приобрести; то я упоминаю здѣсь объ этомъ лишь для того, чтобы показать, какъ широко разнятся по социальнымъ вопросамъ весь образъ мыслей защитниковъ первородства отъ образа мыслей, отчасти изложеннаго въ настоящемъ трактатѣ.

Другой экономическій аргументъ въ защиту первородства специально относится къ поземельной собственности. Утверждаютъ, что обычай дѣлать наследство поровну или приблизительно поровну между дѣтьми ведетъ къ такому сильному раздробленію земли, при которомъ становятся уже невозможными выгодные способы обработки ея. Этотъ аргументъ, вѣчно появляющійся, много разъ былъ опровергнутъ англійскими и континентальными писателями. Онъ выводится изъ предположенія, совершенно противоположнаго тому, на какомъ основаны все политико-экономическія теоремы. Онъ предполагаетъ, что все люди вообще обыкновенно будутъ дѣйствовать противоположно своимъ непосредственнымъ и очевиднымъ денежнымъ интересамъ. Раздѣлъ наследства не влечетъ за собой обязательно раздѣла земли; послѣдняя можетъ оставаться въ общемъ владѣніи, какъ это рѣдко и бываетъ во Франціи и Бельгіи, или можетъ достаться одному изъ сопослѣдниковъ съ обязательствомъ выплатить доли остальнымъ; или она можетъ быть продана немедленно и вырученныя деньги раздѣлены. Когда раздѣлъ земли уменьшаетъ ея производительную силу, прямой интересъ наследниковъ принять одинъ изъ этихъ способовъ дѣлежя. Предположимъ, однако, то же, что предполагается и въ этомъ аргументѣ, а именно, что, по юридическимъ же затрудненіямъ, или по своей глупости и своему невѣжеству, наследники, предоставленные самимъ себѣ, не послѣдуютъ внушеніямъ очевидной своей выгоды, а будутъ настаивать на томъ, чтобы земля дѣйствительно была раздѣлена на равныя части, слѣдствіемъ чего будетъ обдѣленіе ихъ самихъ; это можетъ служить возраженіемъ противъ такого закона о принудительномъ

раздѣль, какой существуетъ во Франціи; но нѣтъ никакого основанія, почему-бы это отбило охоту у завѣщателей пользоваться вообще правомъ завѣщанія сообразно съ принципами равенства, ибо завѣщатель всегда имѣетъ возможность устроить такъ, чтобы дѣлежъ наслѣдства совершался безъ раздѣла самой земли. Однакоже неудачны, какъ мы уже доказали раньше, и попытки защитниковъ первородства доказать на основаніи фактовъ невыгодныя стороны обычая дѣлить поровну. Во всѣхъ странахъ или частяхъ странъ, гдѣ раздѣлъ наслѣдства существуетъ при раздробленности земли, раздробленность происходитъ отъ того, что мелкія хозяйства составляютъ общую хозяйственную систему страны даже въ помѣстьяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Если нельзя доказать за первородствомъ самой несомнѣнной общественной пользы, то оно уже достаточно будетъ осуждено на основаніи общихъ принциповъ справедливости; такъ какъ оно устанавливаетъ различіе между людьми, основанное единственно на случайномъ обстоятельстве. Поэтому, нѣтъ надобности указывать на какой-либо экономической вредъ первородства. Однако, можно доказать, что оно приноситъ такой вредъ и даже въ очень большой степени. Естественный результатъ первородства тотъ, что землевладѣльцы становятся нуждающимся классомъ. Цѣль этого учрежденія или обычая—удерживать землю въ большихъ кускахъ, и эта цѣль обыкновенно достигается; но законный владѣлецъ обширнаго помѣстья необязательно бываетъ (*bona fide*) собственникомъ всего приносимаго помѣстьемъ дохода. Съ каждымъ поколѣніемъ оно обыкновенно обременяется долгомъ для удовлетворенія другихъ дѣтей. Часто же оно обременяется еще большими долгами вслѣдствіе неблагоразумныхъ тратъ владѣльца. Крупные землевладѣльцы обыкновенно бываютъ нецредусмотрительны въ своихъ расходахъ: они живутъ, сообразуясь съ самымъ высокимъ уровнемъ дохода, и если какая-нибудь переменна въ обстоятельствахъ уменьшаетъ ихъ средства къ жизни, то они только спустя нѣкоторое время рѣшаются сократить свои расходы. Въ другихъ классахъ расточительные люди разоряются и исчезаютъ изъ общества; но расточительный землевладѣлецъ держится крѣпко за свою землю даже и тогда, когда становится простымъ сборщикомъ ренты съ нея для своихъ кредиторовъ. То же самое желаніе поддерживать «блескъ» фамиліи, которое породило обычай первородства, не позволяетъ собственнику продать часть имѣнія для очищенія остальной части; такимъ образомъ, видимыя ихъ средства обыкновенно бываютъ больше дѣйствительныхъ; и они испытываютъ постоянное некушеніе соразмѣрять свои расходы съ видимымъ, а не съ дѣйствительными средствами. Въ силу такихъ причинъ во всѣхъ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ большая часть помѣстій спяно задолжена; и не только нѣтъ капитала для ихъ улучшеній, но еще нужно все увеличеніе цѣнности земель, происходящее отъ быстрого возрастанія богатства и населенія, для огражденія класса землевладѣльцевъ отъ обѣднѣнія.

§ 3. Чтобы предупредить это обѣднѣніе, прибѣгли къ установленію субституцій, посредствомъ которыхъ порядокъ наслѣдства

былъ безвозвратно опредѣленъ, и каждый владѣлецъ, владѣя помѣстьемъ только пожизненно, утратилъ возможность обременять долги своего преемника. Такимъ образомъ земля переходитъ къ наслѣднику свободная отъ долговъ, и фамилія не можетъ разориться вслѣдствіе непредусмотрительности ея представителя. Отъ такого распоряженія собственностью происходятъ отчасти такой же, а отчасти иной, но въ общемъ гораздо болѣе вредъ, экономическій вредъ, чѣмъ отъ одного лишь первородства. При немъ владѣлецъ не можетъ разорить своихъ преемниковъ, но все же можетъ разориться самъ: въ этомъ случаѣ у него будетъ, вѣроятно, даже меньше средствъ, чѣмъ въ первомъ для улучшенія помѣстья; а если бы онъ даже и имѣлъ эти средства, то онъ все же едва ли бы сталъ употреблять ихъ для такой цѣли, когда выгода отъ нея должна достаться лицу, ставшему въ силу субституціи независимымъ отъ него; тогда какъ владѣльцу, быть можетъ, надобно обезпечить меньшихъ дѣтей, въ пользу которыхъ онъ уже не можетъ обременить помѣстья долгомъ. А между тѣмъ землевладѣлецъ, лишившись такимъ образомъ возможности улучшать свое помѣстье, не можетъ и продать его тому, кто бы былъ въ состояніи его улучшать, такъ какъ субституція не допускаетъ отчужденія. Вообще онъ не могъ даже отдавать ее въ аренду на срокъ, превышающій его жизнь; «потому что», говоритъ Блекстонъ, «если бы такая отдача въ аренду имѣла законную силу, то подъ предлогомъ долгосрочной аренды потомки могли бы въ сущности быть лишены наслѣдства». Поэтому въ Великобританіи оказалось необходимымъ законодательнымъ актомъ ослабить строгость субституціи для того, чтобы дать возможность заключать долгосрочные договоры или производить улучшенія на счетъ помѣстья. Слѣдуетъ еще прибавить, что наслѣдникъ по субституціи, будучи увѣренъ, что унаслѣдуетъ фамильную собственность, какъ бы ни были онъ недостоинъ ей, и зная это съ самыхъ раннихъ лѣтъ, имѣетъ гораздо болѣе обыкновенныхъ шансовъ вырости ни къ чему не способнымъ, расточительнымъ и безнравственнымъ.

Въ Англіи право субституціи болѣе ограничено закономъ, нежели въ Шотландіи и большей части тѣхъ странъ, гдѣ оно существуетъ. Землевладѣлецъ можетъ завѣщать свою собственность какому угодно послѣдовательному ряду живыхъ лицъ и одному еще не родившемуся лицу, по достиженіи которымъ 21 года субституція прекращается и земля становится его неограниченной собственностью. Такимъ образомъ, помѣстье можетъ передаваться черезъ сына или черезъ сына и внука, бывшаго въ живыхъ, когда совершалась записка, еще не родившемуся сыну этого внука. Доказывали, что это право субституціи не настолько обширно, чтобы приносить какой либо вредъ; но въ дѣйствительности оно гораздо обширнѣе, чѣмъ кажется. Субституція очень рѣдко прекращается; первый наслѣдникъ по субституціи, достигнувъ совершеннолѣтія, совместно съ существующимъ владѣльцемъ дѣлаетъ новую запись на помѣстье для того, чтобы продолжать субституцію на болѣе длинный срокъ. Такимъ образомъ крупная собственность рѣдко надолго бываетъ свободна отъ стѣпенія обязательнаго перехода по наслѣдству; хотя въ ономъ

отношеніи вредъ нѣсколько смягчается, такъ какъ при возобновленіи субституціи еще на одно поколѣніе наследники обыкновенно обязываются выплатить извѣстныя доли младшимъ дѣтямъ.

Съ экономической точки зрѣнія наилучшая система поземельной собственности та, при которой земля болѣе всего приближается къ предмету торговли и безъ всякаго затрудненія переходитъ изъ рукъ въ руки, какъ только найдется покупатель, которому составитъ расчетъ дать за землю сумму большую цѣнности дохода, получаемого съ этой земли ея настоящимъ владѣльцемъ. Конечно, здѣсь говорится не о землѣ, служащей для жизни и удовольствія, которая представляющей для промышленныя цѣлей, которую владѣютъ ради приносимаго ею дохода. Все, что облегчаетъ продажу земли, все это способствуетъ тому, чтобы она становилась болѣе производительнымъ орудіемъ для всего общества вообще; все же, что не допускаетъ или ограничиваетъ ея продажу, уменьшаетъ ея полезность. А такое вліяніе имѣетъ не только субституція, но и первородство. Желаніе удерживать землю въ большихъ массахъ не ради увеличенія ея производительности, а по другимъ мотивамъ, часто не допускаетъ перемѣнъ и отчужденій, которыми увеличилась бы ея производительность, какъ орудія производства.

§ 4. Съ другой стороны законъ, который, подобно французскому, ограничиваетъ право завѣщанія самыми тѣсными рамками и приуждаетъ къ равному раздѣлу всей или большей части собственности между всѣми дѣтьми, кажется мнѣ, хотя и по другимъ причинамъ, также чрезвычайно вреднымъ. Единственнымъ основаніемъ для признанія за дѣтьми права на что-либо большее простого обезпеченія, достаточнаго для того, чтобы они могли вступить въ жизнь и находить средство къ существованію, служить выраженная или предполагаемая воля родителя, право котораго располагать дѣйствительно принадлежащей ему собственностью не можетъ быть уничтожено никакими претензіями другихъ на полученіе того, что имъ не принадлежитъ. Ограничивать для собственника правомѣрную свободу даренія признаемъ за дѣтьми законнаго права, превосходящаго его право, значитъ признавать дѣйствительное право ниже воображаемаго. Къ этому важному и главному возраженію противъ такого закона можно прибавить еще множество второстепенныхъ. Какъ ни желательно, чтобы родители поступали со своими дѣтьми безпристрастно, чтобы для нихъ не было ни старшихъ сыновей, ни любимцевъ, тѣмъ не менѣе безпристрастный раздѣлъ не всегда бываетъ спонимомъ равнаго раздѣла. Нѣкоторые изъ дѣтей могутъ безъ всякой вины съ ихъ стороны быть менѣе способны содержать себя: другія, быть можетъ, уже имѣютъ кромѣ средствъ, добываемыхъ собственнымъ трудомъ, еще какія-нибудь другія, и безпристрастіе поэтому можетъ требовать, чтобы при раздѣлѣ соблюдалось правило не равенства, а уравненія. Но даже и тогда, когда цѣлью является равенство, для достиженія его есть способы, лучшіе тѣхъ непоколебимыхъ правилъ, посредствомъ которыхъ долженъ неизбѣжно дѣйствовать законъ. Если одинъ изъ сонаследниковъ въ силу своей

вздорности и склонности къ сутяжничеству до мелочей настаиваетъ на своихъ правахъ, то законъ не можетъ дать справедливаго рѣшенія дѣлу; не можетъ раздѣлить собственность такъ, какъ было бы, повидимому, лучше для общихъ интересовъ всѣхъ участниковъ въ раздѣлѣ; если земля находится въ нѣсколькихъ кускахъ и наследники не могутъ прийти къ соглашенію о ихъ цѣнности, то законъ не можетъ дать каждому по куску; но каждый отдѣльный кусокъ долженъ быть либо проданъ, либо раздѣленъ; если же въ имѣніи есть усадьба, садъ или паркъ, которые портятся отъ раздѣла, то они должны быть проданы, быть можетъ, съ большимъ, какъ материальнымъ, такъ и нравственнымъ пожертвованіемъ. Но то, чего не можетъ сдѣлать законъ, могутъ сдѣлать родители. Посредствомъ свободы завѣщанія всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены сообразно здравому смыслу и общей выгодѣ заинтересованныхъ лицъ, и духъ закона о равномъ раздѣлѣ можетъ быть лучше соблюденъ, благодаря тому, что завѣщатель будетъ освобожденъ отъ буквы его. Наконецъ, тогда не было бы существующей при прищудительной системѣ надобности въ томъ, чтобы законъ своею властью вынуждалъ въ дѣла частныхъ лицъ не только въ случаѣ смерти, но и въ теченіе всей ихъ жизни для того, чтобы не допустить родителей дѣлать попытку подъ видомъ дарственныхъ и другихъ отчужденій при жизни нарушать законныя права наследниковъ.

Итакъ, я прихожу къ такому заключенію: собственники должны, мнѣ кажется, имѣть право распоряжаться по завѣщанію каждой частью своего имуществва; но не должны назначать лица, которое наследуетъ послѣ смерти всѣхъ лицъ, бывшихъ въ живыхъ при совершеніи завѣщанія. Съ какими ограниченіями должно допускаться завѣщаніе собственности въ пожизненное владѣніе одному лицу съ условіемъ перехода съ зятѣмъ къ другому, уже жившему при совершеніи завѣщанія—это вопросъ, относящійся къ общему законодательству, а не къ политической экономіи. Подобныя завѣщанія служили бы не болѣе значительнымъ препятствіемъ къ отчужденію, чѣмъ всякое совмѣстное владѣніе, потому что для всякаго новаго распоряженія относительно собственности нужно было бы всего лишь согласія уже живущихъ лицъ.

§ 5. Отъ вопроса о наследствѣ я теперь перехожу къ вопросу о договорахъ и между прочимъ къ важному вопросу относительно законовъ о товариществахъ. Какъ много хорошихъ и дурныхъ послѣдствій зависятъ отъ этихъ законовъ, и какъ важно, чтобы они по возможности были наилучшими, очевидно, для всякаго, кто признаетъ въ развитіи принципа сотрудничества, понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, великую экономическую потребность современной промышленности. Прогрессъ производительныхъ искусствъ требуетъ, чтобы многія виды промышленныхъ занятій велись все съ большимъ и большимъ капиталами; поэтому производительная сила промышленности должна страдать отъ всего того, что препятствуетъ образованію крупныхъ капиталовъ посредствомъ соединенія мелкихъ. Въ большей части странъ нѣтъ достаточнаго числа капиталовъ надлежащей величины у отдѣльныхъ лицъ, и такихъ капи-

таловъ было бы еще меньше, если бы законы благоприятствовали не сосредоточенію, а раздробленію собственности; въ то же время въ высшей степени не желательно, чтобы всѣ тѣ усовершенствованные процессы и тѣ способы успѣшнаго и экономнаго производства, которые зависятъ отъ обладанія большими капиталами, составили бы монополию въ рукахъ немногихъ богачей, вслѣдствіе затрудненій, препятствующихъ людямъ съ умѣренными или небольшими средствами соединять свои капиталы. Наконецъ, я долженъ повторить, что по моему убѣжденію, промышленное устройство, которое безусловно раздѣляетъ общество на двѣ стороны: плательщиковъ заработной платы и людей, получающихъ ее, при чемъ первая часть числится тысячами, а вторая миллионами, не должно и не способно оставаться вѣчно; а возможность замѣнить эту систему системой соединенія безъ подчиненности и выработать вмѣсто организованной вражды единство интересовъ всецѣло зависитъ отъ будущаго развитія принципа товарищества.

Однако, едва ли есть, хоть одна, страна, законы которой не ставили бы большихъ и при томъ въ большинствѣ случаевъ преднамѣренныхъ препятствій образованію сколько-нибудь многочисленнаго товарищества. Въ Англіи серьезнымъ препятствіемъ служить уже то, что споры между товарищами, практически говоря, могутъ рѣшаться лишь Канцелярскимъ Судомъ, что часто бываетъ хуже того, чѣмъ если бы эти вопросы находились внѣ всякаго закона; ибо одна изъ спорящихъ сторонъ при нечестности и склонности къ сутяжничеству можетъ по своему желанію подвергнуть другихъ членовъ всѣмъ хлопотамъ, расходамъ и безпокойству, составляющимъ неслыханную принадлежность тяжбы въ этомъ судѣ, отъ которыхъ они не имѣютъ возможности освободиться, даже уничтоживъ ассоціацію*). Кроме того, до недавняго времени для того, чтобы ассоціація съ капиталомъ, составленнымъ изъ взносовъ, могла образоваться на законномъ основаніи и получить право дѣйствовать, какъ

*) Сесиль Фэнгъ, членъ суда по дѣламъ о несостоятельныхъ должникахъ, въ своемъ докладѣ комитету, занимавшемуся обсужденіемъ закона о товариществахъ, говоритъ: „Недавно, какъ я припоминаю, мнѣ пришлось прочесть письменный отчетъ двухъ извѣстныхъ повѣренныхъ, въ которомъ они говорятъ, что знаютъ множество отчетовъ товариществъ, поступившихъ въ Канцелярскій судъ, но никогда не знали ни одного, вышедшаго изъ него. Очень немногіе изъ людей, желающихъ вступить въ такого рода товарищества (кооперативныя товарищества рабочихъ), хотя сколько нибудь понимаютъ, что рѣшеніе вопросовъ, возникающихъ между товарищами въ сущности невозможно“.

„Развѣ они не знаютъ того, что одинъ товарищ можетъ ограбить другого, и этотъ послѣдній не будетъ имѣть никакой возможности получить удовлетвореніе?—Фактъ таковъ: но я не берусь утверждать, знаютъ ли они о немъ или не знаютъ“.

Эту ужасную несправедливость слѣдуетъ, по мнѣнію Фана, всецѣло приписать недостаткамъ суда. „Я убѣжденъ, что вѣтъ ничего легче, какъ рѣшеніе судебныхъ процессовъ товариществъ, и на томъ простомъ основаніи, что все, совершающееся въ товариществѣ, вносится въ книги: поэтому, если бы было принято рациональный способъ судопроизводства, то вся бы трудность исчезла“. Minutes of evidence annexed to the Report of the Select Committee on the Law of Partnership. (1851) pp. 85—7.

одно учрежденіе, требовался отдѣльный законодательный актъ. Закономъ, прошедшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта необходимость была устранена; но законъ, по мнѣнію компетентныхъ людей, представляетъ «массу путаницы», и они говорятъ о томъ, «что еще никогда не было такого наказанія» для лицъ, вступающихъ въ товарищество*). Когда извѣстное число лицъ, все равно большое или малое, добровольно желаетъ соединить свои капиталы для общаго предпріятія, не прося ни какой-либо особенной привилегіи, ни права отчужденія чьей либо собственности, то законъ не можетъ имѣть никакого основанія противопоставлять препятствія осуществленію такого проекта. При исполненіи нѣсколькихъ простыхъ условій гласности всякое собраніе лицъ должно имѣть право соединяться въ акціонерную компанію, или *société en nom collectif*, не прося разрѣшенія ни у правительственнаго чиновника, ни у парламента. Въ виду того, что при большомъ числѣ товарищей ассоціація должна въ дѣйствительности находиться подъ управленіемъ немногихъ, всему собранію товарищей должно доставляться всевозможное облегченіе для необходимаго контроля и поддержанія этихъ немногихъ, все равно, будутъ ли они самъ членами ассоціаціи или просто ея наемными слугами; и въ этомъ отношеніи англійская система еще находится на плачевно далекомъ разстояніи отъ совершенства.

§ 6. Однако, какія бы облегченія ни доставлялъ англійскій законъ ассоціациямъ, основываемымъ на принципахъ обыкновеннаго товарищества, все же есть одинъ видъ акціонернаго общества, который до 1855 года совершенно не допускался, и который могъ быть призванъ къ существованію только специальнымъ актомъ законодательной или королевской власти. Я говорю объ обществѣ съ ограниченной отвѣтственностью акціонеровъ.

Общества съ ограниченной отвѣтственностью бываютъ двухъ видовъ: въ однихъ ограничена отвѣтственность всѣхъ товарищей, въ другихъ—только въ некоторыхъ изъ нихъ. Первый видъ во французскомъ кодексѣ называется анонимнымъ обществомъ, а въ Англіи до послѣдняго времени не имѣлъ другого наименованія, какъ «*chartered company*» (утвержденное грамотой общество), что означало акціонерное общество, члены котораго въ силу королевской грамоты или спеціального указа законодательной власти освобождались отъ всякой отвѣтственности за долги предпріятія сверхъ той суммы, на какую они подписались. Другой видъ товарищества съ ограниченной отвѣтственностью это тотъ, который во французскомъ кодексѣ извѣстенъ подъ именемъ командитнаго общества; объ этомъ обществѣ, которое въ Англіи еще до сихъ поръ остается не призваннымъ и незаконнымъ, я и буду сейчасъ говорить.

Если нѣсколько лицъ желаютъ составить товарищество для веденія какого либо коммерческаго или промышленнаго предпріятія, условившись между собою и объявивъ всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ они ведутъ дѣло, что члены ассоціаціи не берутъ на себя отвѣтственности сверхъ суммы собраннаго по подпискѣ капитала, то имѣеть

*) Тотъ же докладъ стр. 167.

ли тутъ законъ какое-нибудь основаніе препятствовать этому дѣлу и налагать на членовъ неограниченную отвѣтственность, которую они не желаютъ взять на себя? Ради кого онъ будетъ дѣлать это? Конечно, не ради самихъ членовъ товарищества; потому что ограниченіе отвѣтственности ихъ охраняетъ и выгодно для нихъ. Следовательно, это будетъ дѣлаться ради третьихъ лицъ, а именно ради тѣхъ, которые могутъ имѣть дѣло съ товариществомъ, и которымъ это послѣднее можетъ задолжать выше той суммы, для уплаты которой было бы достаточно складочнаго капитала. Но никто не обязанъ вести дѣло съ товариществомъ; еще менѣе кто либо обязанъ давать ему безграничный кредитъ. Классъ лицъ, съ которыми имѣютъ дѣло подобныя товарищества, вообще способенъ заботиться о себѣ, и, повидному, нѣтъ основанія, чтобы законъ долженъ былъ больше заботиться о ихъ интересахъ, чѣмъ они сами; лишь бы не было ложныхъ обѣщаній со стороны товарищества, и лишь бы эти лица знали съ самаго начала, чему они должны довѣрять. Законъ въ правѣ требовать отъ всѣхъ акціонерныхъ обществъ съ ограниченной отвѣтственностью не только, чтобы сумма капитала, съ которой по заявленію товарищества будетъ вестись дѣло, была или дѣйствительно внесена, или обеспечена залогомъ (если только такое требованіе окажется необходимымъ при полной гласности), но также, чтобы и счета ихъ были доступны для всякаго, а, если нужно, публиковались, для того чтобы во всякое время была возможность опредѣлить настоящее положеніе дѣла общества и знать, остается ли еще нетронутымъ капиталъ, представляющій единственное обезпеченіе по обязательствамъ, принятымъ на себя обществомъ; при чемъ вѣрность такихъ счетовъ должна охраняться достаточными наказаніями. Когда законъ такимъ образомъ доставилъ третьимъ лицамъ всѣ возможные средства для того, чтобы знать обстоятельность, которая они благоразумно должны принимать въ расчетъ, ведя дѣло съ обществомъ, то, повидному, нѣтъ надобности вышниваться въ сужденіе частнаго лица по такого рода дѣламъ больше, чѣмъ по всякому другому роду частныхъ дѣлъ.

Обыкновенно въ оправданіе такого вмѣшательства приводится тотъ доводъ, что управляющіе товарищества съ ограниченной отвѣтственностью, не рискуя во всемъ своимъ состояніемъ въ случаѣ потерпѣ, и имѣя между тѣмъ возможность въ случаѣ выгоднаго оборота дѣла получить большую прибыль, недостаточно заинтересованы въ соблюденіи надлежащей осторожности и постоянно пытаются соблюсти подвергать фонды товарищества опасностямъ. Однако, хорошо извѣстно, что товарищества съ неограниченной отвѣтственностью, если только они имѣютъ богатыхъ акціонеровъ, могутъ даже и при завѣдомо опрометчивомъ веденіи дѣла получать неадекватный кредитъ, въ размѣрѣ, значительно превышающемъ тотъ, какимъ пользовались бы при одинаково дурномъ веденіи дѣла компанія, кредиторы которыхъ должны были бы расчитывать лишь на складочный капиталъ *).

*) См. выше упомянутый докладъ стр. 145—158.

оказался вреднымъ, это соображеніе имѣетъ больше значенія для самихъ акціонеровъ, нежели для третьихъ лицъ; потому что при надлежащемъ обезпеченіи гласности, капиталъ товарищества съ ограниченной отвѣтственностью не можетъ быть вовлеченъ въ опасности, превышающія тѣ, какія обыкновенно свойственны дѣлу, въ которое онъ вложенъ, безъ того чтобы этотъ фактъ не сталъ извѣстенъ и не сдѣлался бы предметомъ обсужденія, подѣ влияніемъ котораго кредитъ общества, по всей вѣроятности, пострадалъ бы совершенно въ той мѣрѣ, какая оправдывалась бы обстоятельствами. Если бы при обезпеченной гласности на практикѣ оказалось, что общества, основанныя на принципѣ неограниченной отвѣтственности, ведутъ дѣло искуснѣе и осторожнѣе, то общества съ ограниченной отвѣтственностью были бы не въ состояніи поддерживать равносильное соперничество съ ними: и потому составлялись бы рѣдко, если только такое ограниченіе не представляло единственнаго условія, при какомъ могла бы быть собрана необходимая сумма капитала; а въ такомъ случаѣ было бы очень неосновательно говорить, что слѣдуетъ препятствовать ихъ образованію.

Кромѣ того, можно еще замѣтить, что, хотя при равномъ капиталѣ, общество съ ограниченной отвѣтственностью представляетъ нѣсколько меньшее обезпеченіе для лицъ, ведущихъ съ нимъ дѣло, чѣмъ общество, въ которомъ каждый акціонеръ отвѣчаетъ во всемъ своимъ состояніемъ; однако даже слабѣйшее изъ этихъ двухъ обезпеченій въ нѣкоторомъ отношеніи оказывается надежнѣе того, какое можетъ доставить отдѣльный капиталистъ. При веденіи дѣла однимъ лицомъ существуетъ лишь то обезпеченіе, какое можетъ быть основано на его неограниченной отвѣтственности, но не то, которое происходитъ изъ гласности его операций или отъ увѣренности, что въ дѣло завѣдомо вложена большая сумма капитала. Этотъ вопросъ прекрасно положенъ въ талантливой статьѣ Коулена, напечатанной въ *Review des deux Mondes* за іюль 1843 г. *).

«Въ то время какъ люди, ведущіе дѣло съ частными лицами», говорятъ этотъ писатель, «почти никогда не знаютъ вполне, а только приблизительно, да и то очень смутно и неопредѣленно, каковъ размѣръ капитала, обезпечивающаго выполненіе заключенныхъ съ этими лицами договоровъ,—люди, имѣющіе дѣло съ анонимнымъ обществомъ, могутъ получить, если желаютъ, всѣ справки и совершать свои операціи съ чувствомъ довѣрія, которое не можетъ существовать въ предыдущемъ случаѣ. Далѣе, для частнаго торговца нѣтъ ничего легче, какъ скрыть размѣръ своихъ обязательствъ такимъ образомъ, чтобы кромѣ него никто не могъ знать о нихъ достоверно. Даже его довѣрительный секретарь можетъ не знать о нихъ, такъ какъ займы, которые торговцу приходится дѣлать, не всѣ бывають такого рода, чтобы ихъ вѣрно было внести въ счетную книгу. Это секретъ только его самого, выходящій въ наружу рѣдко и всегда съ опозданіемъ, раскрывающійся лишь тогда, когда

*) Привожу выписку изъ перевода Кэри, напечатаннаго въ Американскомъ журналѣ *Hunt's Merchant's Magazine* за май и іюнь 1845 г.

катастрофа совершилась. Напротивъ, анонимное общество не можетъ и не должно дѣлать займы безъ того, чтобы этотъ фактъ не сталъ извѣстенъ всѣмъ—директорамъ, служащимъ, акціонерамъ и публикѣ. Дѣйствія такого общества по характеру сходны въ нѣкоторомъ отношеніи съ дѣйствіями правительствъ. Дневной свѣтъ проникаетъ во всѣхъ направленіяхъ въ его операци и въ нихъ не можетъ быть секрета для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ его дѣлами. Такимъ образомъ, относительно капитала и долговъ въ анонимномъ обществѣ все опредѣлено, записано, извѣстно, тогда какъ у частнаго торговца все неопредѣленно и неизвестно. Который же изъ этихъ двухъ видовъ предпріятія, спросимъ мы читателя, находится въ наиболѣе благопріятномъ положеніи или представляетъ наиболѣе вѣрную гарантію для интересовъ людей, вмѣющихся съ нимъ дѣло?

«При томъ же, частный торговецъ, пользуясь темнотою, которая скрываетъ его дѣла, и которую онъ стремится усилить, имѣетъ возможность, пока его предпріятіе кажется цвѣтущимъ, производить такое впечатлѣніе, будто бы его средства гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности, и такимъ образомъ упрочивать за собою кредитъ, неоправдываемый настоящимъ размѣромъ его имущества. Въ случаѣ же убытковъ, когда онъ самъ видитъ, что ему грозитъ банкротство, общество еще не знаетъ о его положеніи, и онъ имѣетъ возможность дѣлать долги, значительно превышающіе возможность уплаты. Роковой день наступаетъ и кредиторы находятъ, что его долгъ гораздо больше, между тѣмъ какъ средства гораздо меньше, чѣмъ они предполагали. Да и это еще не все. Та самая темнота, которая до сихъ поръ такъ хорошо ему служила въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желалъ преувеличивать свой капиталъ и усиливать кредитъ, теперь доставляетъ ему возможность скрыть часть этого капитала отъ своихъ кредиторовъ. Такимъ образомъ, капиталъ уменьшается, если и вовсе не уничтожается; онъ скрывается, и ни доставляемая закономъ помощь, ни дѣятельность кредиторовъ не могутъ извлечь его изъ тѣхъ темныхъ угловъ, гдѣ онъ находится... Наши читатели могутъ сами рѣшить, одинаково ли легки и при анонимныхъ обществахъ такого рода злоупотребленія. Мы не сомнѣваемся, что подобныя вещи возможны и при нихъ, но, по нашему мнѣнію, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ силу характера этого общества, его организаци и неизбежно сопровождающей всѣ его дѣйствія гласности возможность такихъ случайностей очень сильно уменьшается».

Законы большей части странъ, въ томъ числѣ и Англій, дѣлали двойную ошибку относительно акціонерныхъ обществъ. Въ то время, какъ они съ самой неосновательной подозрительностью относились къ открытію такого рода обществъ, въ особенности основанныхъ на принципѣ ограниченной отвѣтственности, они обыкновенно не заботились о томъ, чтобы принуждать ихъ къ гласности; а между тѣмъ гласность является лучшимъ обезпеченіемъ для публики противъ всякой опасности, могущей проистечь отъ такого рода товариществъ,—обезпеченіемъ, совершенно настолько же необходимымъ и въ тѣхъ товариществахъ съ ограниченной отвѣтственностью, существованіе которыхъ допускатось законами въ видѣ исключенія

изъ общаго правила. Даже Англійскій Банкъ, получившій отъ законодательной власти монополію и управлявшій отчасти столь важнымъ въ общественномъ отношеніи дѣломъ, какъ состояніе денежнаго обращенія, только въ послѣдніе годы былъ принужденъ соблюдать нѣкоторую гласность; и вначалѣ она была чрезвычайно неудовлетворительна; хотя теперь она, вѣроятно, наконецъ достаточна почти для всѣхъ практическихъ цѣлей.

§ 7. Другой видъ товарищества съ ограниченной отвѣтственностью, заслуживающій нашего вниманія, это тотъ, въ которомъ одинъ или нѣсколько ведущихъ дѣло товарищей отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ за обязательства предпріятія, остальные же товарищи вносятъ только опредѣленные суммы денегъ и выше этихъ послѣднихъ не отвѣчаютъ ничѣмъ, хотя и участвуютъ въ прибыляхъ согласно установленному правилу. Это товарищество называется *коммандитнымъ*; а члены съ ограниченной отвѣтственностью (которые по французскому закону запрещается какое бы то ни было вмѣшательство въ управленіе предпріятіемъ) извѣстны подъ именемъ *коммандитаровъ* (*commanditaires*). Такія товарищества не допускаются англійскимъ закономъ: во всѣхъ частныхъ товариществахъ всякій, участвующій въ прибыляхъ, отвѣчаетъ за долги въ такомъ же полномъ размѣрѣ, какъ и управляющій предпріятіемъ товарищъ.

Никто еще, насколько мнѣ извѣстно, не представилъ удовлетворительнаго оправданія подобному запрещенію. Даже неудовлетворительный доводъ, обыкновенно приводимый прогивъ ограниченія отвѣтственности акціонеровъ въ акціонерномъ обществѣ, не примѣнимъ здѣсь; ибо въ такомъ обществѣ вовсе не ослабляются побужденія къ осторожному веденію дѣла, такъ какъ всякій, принимающій участіе въ управленіи предпріятіемъ, отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Для третьихъ же лицъ обезпеченность увеличивается благодаря существованію коммандиты; такъ какъ вся сумма, внесенная коммандитарами, въ случаѣ разоренія идетъ въ уплату кредиторамъ, и коммандитары теряютъ всѣ свои вклады раньше, чѣмъ кредиторы потеряютъ что либо; а между тѣмъ если бы первые, вмѣсто того, чтобы вступать членами въ общество, отдали бы ему такую сумму на проценты, равные получаемой или прибыли, то они имѣли бы съ другими кредиторами раздѣляли бы оставшееся имущество, уменьшая этияъ соответственно долги всѣхъ. Въ то время какъ коммандитное веденіе дѣла оказывается выгоднымъ для кредиторовъ, оно часто бываетъ въ высшей степени желательно и для самихъ членовъ. Учредители имѣютъ возможность получить въ помощь сумму капитала, гораздо большую той, какую они бы могли занять подъ собственное обезпеченіе; а частныя лица побуждаются помогать полезнымъ предпріятіямъ, вкладывая въ нихъ небольшой долгъ капитала въ тѣхъ случаяхъ, когда бы они не стали, а часто и не могли бы благоразумно подвергать все свое состояніе случайностямъ дѣла.

По всѣмъ вѣроятіямъ нѣкоторые могутъ предположить, что тамъ, гдѣ надлежащимъ образомъ облегчено образованіе акціонер-

ныхъ обществъ, командитныя товарищества не нужны. Но есть разрядъ дѣлъ, которымъ командитный принципъ всегда лучше соответствуетъ, нежели акціонерный. «Предположимъ», говоритъ Кокленъ, «что изобрѣтатель ищетъ капитала для осуществленія своего предпріятія. Чтобы получить помощь капиталистовъ, онъ долженъ предложить имъ извѣстную долю въ предполагаемой прибыли; они должны раздѣлать съ нимъ и шансы на успѣхъ. Какую форму товарищество изберетъ онъ въ такомъ случаѣ? Конечно, не обыкновенное товарищество»; для этого есть много причинъ, и въ особенности, чрезвычайная трудность найти товарища съ капиталомъ, готоваго рисковать всѣмъ своимъ состояніемъ ради успѣха изобрѣтенія *). «Не выберетъ онъ и анонимнаго общества», или какой-либо другой формы акціонернаго общества, «въ которой онъ можетъ быть устраненъ отъ управленія дѣломъ. Въ такомъ обществѣ онъ находился бы въ одинаковомъ положеніи со всякимъ другимъ акціонеромъ и могъ бы затеряться въ толпѣ; тогда какъ управление ассоціаціей, существующей благодаря ему и ради него, казалось бы, должно принадлежать ему по праву. Есть случай, когда торговецъ, или фабрикантъ, не будучи самъ изобрѣтателемъ, имѣетъ безспорныя права на управленіе предпріятіемъ въ силу того, что онъ обладаетъ качествами, особенно необходимыми для достиженія успѣха. И дѣйствительно», продолжаетъ Кокленъ, «такъ велика во многихъ случаяхъ потребность въ товариществахъ съ ограниченной отвѣтственностью, что трудно себѣ представить, какъ бы мы могли обходиться безъ

*) „Много высказывалось соблазнованіе“, говоритъ Дюккенъ, „по отношенію къ бѣдному изобрѣтателю; его угнетаетъ высокая стоимость патента; во главною трудностью для него является законъ о товариществѣ, препятствующій ему найти кого нибудь, кто бы помогъ ему осуществить свое изобрѣтеніе. Онъ бѣденъ и, слѣдовательно, не можетъ дать обезпеченія кредиторамъ; никто не дастъ ему взаимныя денегъ; какъ бы ни былъ высокъ предлагаемый имъ процентъ, онъ не соблазнитъ никого. Но еслибъ, благодаря измѣненію въ законѣ, изобрѣтатель могъ бы предложить капиталистамъ вступить съ нимъ въ товарищество, раздѣляя съ нимъ прибыль, при чемъ ихъ рискъ ограничивался бы затраченными ими капиталомъ, то почти навѣрное онъ бы часто получалъ помощь отъ капиталистовъ; тогда какъ въ настоящее время при нынѣшнемъ состояніи закона онъ совершенно выбивается изъ силъ и его изобрѣтеніе оказывается бесполезнымъ для него: онъ бьется мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и множество разъ безъ всякой пользы обращается къ капиталистамъ. Я знаю это изъ практики по двумъ или тремъ случаямъ изобрѣтеній, получившихъ привилегію, въ особенности по одному, въ которомъ люди съ капиталами были готовы вступить въ весьма важное предпріятіе въ Ливерпулѣ, и пять или шесть изъ нихъ послѣдовательно отказывались отъ этой мысли, встрѣчая, по выраженію каждаго изъ нихъ, непреодолимое препятствіе въ проклятомъ законѣ о товариществахъ“. Report, p. 153.

Фенъ говоритъ: „въ теченіе моей служебной дѣятельности въ качествѣ комиссара при судѣ по дѣламъ о несостоятельныхъ должникахъ я узналъ, что самый несчастный человекъ въ мірѣ это—изобрѣтатель. Трудность, какую встрѣчаетъ изобрѣтатель въ отысканіи капитала, вовлекаетъ его во всякаго рода затрудненія, и въ концѣ концовъ онъ большею частью разоряется, а его изобрѣтеніемъ завлаживаетъ кто нибудь другой“.—Ib. p. 82.

нихъ или замѣнять ихъ»; и относительно своей родины онъ, вѣроятно, правъ.

Гдѣ существуетъ въ публикѣ настолько большая готовность, какъ въ Англіи, къ составленію акціонерныхъ обществъ даже и безъ поощренія, заключающагося въ ограниченіи отвѣтственности, тамъ введеніе командитнаго товарищества нельзя считать съ экономической точки зрѣнія такой настоятельной необходимостью, какую ему приписываетъ Кокленъ, хотя запрещеніе этой формы въ принципѣ совершенно неосновательно. Однако не малы неудобства, вытекающія косвеннымъ образомъ изъ постановленій закона, въ силу которыхъ каждый, участвующій въ прибыли предпріятія, несетъ всю ту отвѣтственность, какой подлежитъ членъ полнаго товарищества. Невозможно сказать, какъ много чрезвычайно полезныхъ способовъ образованія товариществъ дѣлаетъ невозможнымъ такое состояніе закона. Для его осужденія достаточно уже того, что не будъ въ немъ нѣкоторыхъ смягченій, онъ бы не допускалъ выплачивать часть заработной платы въ видѣ процента изъ прибыли; пными словами не допускалъ бы ассоціаціи рабочихъ, какъ настоящихъ товарищей, съ капиталистомъ *).

Полная свобода условій товарищества въ особенности необходима для развитія и возвышенія рабочихъ классовъ. Союзы, подобныя рабочимъ ассоціаціямъ, описаннымъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, являются могущественнымъ средствомъ для выполненія социальной эмансипаціи рабочихъ посредствомъ ихъ собственныхъ нравственныхъ качествъ. Свобода ассоціаціи важна не только ради однихъ успѣшныхъ примѣровъ ея примѣненія, но совершенно настолько же и ради попытокъ, которыя не имѣли бы успѣха, но своею неудачею доставили бы уроки, запечатлѣвающиеся глубже всего того, что приобрѣтено неэффективнымъ опытомъ. Всякую теорію социального улучшенія, достоинство которой можетъ быть подвергнуто испытанію на опытѣ, слѣдуетъ допускать къ такому испытанію и даже поощрять его. Изъ такихъ опытовъ активная часть рабочихъ извлекла бы уроки, которые бы она не скоро усвоила изъ поученій людей, по ея мнѣнію, имѣющихъ интересы и предразсудки, противныя благу рабочихъ; она получила бы возможность, безъ всякаго расхода для общества, исправить все, что есть ошибочнаго въ повятіяхъ рабочихъ о средствахъ къ упроченію ихъ независимости, и могла бы отыскать нравственныя, умственныя и промышленныя условія, настоятельно необходимыя для осуществленія безъ какой либо несправедливости, или вообще для осуществленія общественнаго преобразованія, котораго она добивается **).

*) Думаютъ, что можно осуществить это на основаніи Акта объ ограниченной отвѣтственности (Limited Liability Act), соединивши капиталиста и его рабочихъ въ акціонерную компанію съ ограниченной отвѣтственностью акціонеровъ. (Limited Company), какъ предложили Бриггсы. См. выше кн. IV, гл. VII § 5 въ концѣ.

**) По парламентскому акту 1852 года, извѣстному подъ именемъ акта о промышленныхъ и страховыхъ обществахъ, за проведеніе котораго нація обязана благодарностью патриотическимъ усиліямъ Слени,

Французскій законъ о товариществахъ выше англійскаго тѣмъ, что допускаетъ командиту; а также и тѣмъ, что въ немъ нѣтъ такого неудобнаго учрежденія, какъ Канцлерскій Судъ (Court of Chancery), всѣ же споры, возникающіе въ коммерческихъ дѣлахъ, рѣшаются сравнительно дешевымъ и удобнымъ образомъ въ коммерческомъ судѣ. Въ другихъ отношеніяхъ французская система гораздо хуже англійской. Акціонерное общество съ ограниченной отвѣтственностью не можетъ образоваться безъ specialнаго разрѣшенія правительственнаго учрежденія, называемаго Государственнымъ Совѣтомъ, который представляетъ собою группу администраторовъ, обыкновенно совершенно незнакомыхъ съ коммерческими дѣлами, несколько не заинтересованныхъ въ поощреніи предпріятій и склонныхъ думать, что цѣль ихъ учрежденія состоитъ, наоборотъ, въ томъ, чтобы мѣшать возникновенію предпріятій. Согласіе этихъ лицъ можетъ быть получено не иначе, какъ съ такой затратой времени и труда, которая является очень серьезнымъ препятствіемъ образованію предпріятія; а между тѣмъ чрезвычайная неуверенность въ полученіи разрѣшенія сильно отбиваетъ охоту у готовыхъ присоединиться къ дѣлу капиталистовъ. Что касается акціонерныхъ компаній безъ ограниченія отвѣтственности, которыя такъ многочисленны и такъ легко составляются въ Англии, то онѣ во Франціи вовсе не могутъ существовать; потому что при полномъ товариществѣ французскій законъ вовсе не допускаетъ раздѣленія капитала на акціи, которыя могли бы переходить изъ рукъ въ руки.

Наилучшіе законы о товариществахъ, по видимому, существуютъ въ Штатахъ Новой Англій. По словамъ Кэри *), «нигдѣ ассоціація не стѣсняется такъ мало постановленіями закона, какъ въ Новой Англии, вслѣдствіе чего коллективныя учрежденія распространены въ ней и въ особенности въ Массачусетъ и Родъ—Айлендѣ такъ сильно, какъ ни въ одной части земного шара. Въ Штатахъ земля покрыта анонимными обществами—или такъ называемыми Chartered Companies—для всевозможныхъ цѣлей. Каждый городъ составляетъ корпорацію для завѣдыванія дорогами, мостами и школами, которые такимъ образомъ находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ тѣхъ, кто за нихъ платитъ, и, слѣдовательно, управляются хорошо. Академіи и церкви, лицей и библиотекы, судосберегательныя общества и сберегательныя кассы, спидкаты существуютъ въ колпчествѣ, соразмѣрномъ съ потребностями населенія, и всѣ устроены на корпоративныхъ началахъ. Въ каждомъ округѣ есть свой мѣстный банкъ, по размѣру соответствующій

промышленныя ассоціаціи рабочихъ получаютъ право пользоваться установленными закономъ привилегіями дружескихъ обществъ (Friendly Societies). Это не только освобождаетъ рабочихъ отъ формальностей, установленныхъ для акціонерныхъ обществъ, но и даетъ имъ возможность рѣшать споры между членами, не прибѣгая къ Канцлерскому Суду. Нѣкоторые недостатки еще есть въ статьяхъ этого закона, которые въ другихъ отношеніяхъ связываютъ дѣйствія обществъ; какъ это указано въ Альманахѣ Рочдельскаго Общества—Equitable Pioneers за 1861 годъ.

*) Въ примѣчаніи къ его переводу статьи Коклена.

мѣстнымъ надобностямъ; основной капиталъ этого банка принадлежитъ мелкимъ, мѣстнымъ капиталистамъ, которые и ведутъ все дѣло; благодаря этому, ни въ одной части свѣта нѣтъ настолько совершенной банковской системы, настолько мало подверженной колебаніямъ въ размѣрѣ займовъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такой системы является то, что нигдѣ цѣнность имуществъ не измѣняется такъ мало отъ перемѣнъ въ количествѣ или цѣнности денежныхъ знаковъ, потому что эти послѣдніе возникаютъ только отъ оборотовъ мѣстныхъ банковыхъ учрежденій. Въ двухъ выше упомянутыхъ штатахъ число такихъ учрежденій достигаетъ почти до двухсотъ. Въ одномъ Массачусетъ насчитываютъ 53 страховыхъ общества разнаго рода, и всѣ они основаны на товарищескихъ началахъ. Фабрики устраиваются обществами на акціяхъ; и каждый, принимающій какое-либо участіе въ веденіи предпріятія—отъ покупки сырого материала до продажи готоваго продукта—является отчасти и собственникомъ его; а каждый служащій въ немъ имѣетъ надежду сдѣлаться участникомъ въ собственности посредствомъ благоразумія, трудолюбія и бережливости. Благотворительныхъ обществъ множество, и всѣ они основаны на тѣхъ же началахъ. Рыболовныя суда принадлежатъ напакъ тѣмъ, кто на нихъ плаваютъ; и вознагражденіе рабочаго на вихолодномъ суднѣ зависитъ если не совсемъ, то въ значительной степени отъ успѣха плаванія. Каждый командиръ корабля, торгующаго въ Южномъ Океанѣ, является въ то же время и паищикомъ въ этомъ дѣлѣ и, будучи такимъ образомъ заинтересованнымъ, имѣетъ сильное побужденіе къ трудолюбію и бережливости, благодаря которымъ жители Новой Англій быстро устранили соперничество другихъ націй въ торговлѣ въ этой части свѣта. Гдѣ бы они ни поселялись, они вездѣ выказываютъ одно и то же стремленіе къ соединенію дѣйствію. Въ Нью-Йоркѣ они главные хозяева почтовыхъ кораблей, которыми владѣютъ на акціяхъ, принадлежащихъ кораблестроителямъ, купцамъ, командирамъ и шкиперамъ, при чемъ послѣдніе обыкновенно приобретаютъ средства сдѣлаться самъ командирами, что ведетъ къ чрезвычайному успѣху дѣла. Здѣсь дѣйствуетъ самая демократичная система во всемъ свѣтѣ. Она даетъ каждому рабочему, каждому мастеру, каждому ремесленнику обоюдо пола надежду на повышение; и ея результаты совершенно таковы, какихъ мы должны были ожидать. Ни въ одной части свѣта дарованіе, трудолюбіе и благоразуміе не можетъ такъ увѣренно разсчитывать на широкое вознагражденіе.

Случаи несостоятельности и недобросовѣстнаго веденія дѣла въ американскихъ анонимныхъ обществахъ (Chartered Companies), причинившіе столько убытковъ и получившіе такую печальную извѣстность въ Европѣ, встрѣчаются не въ той части союза, къ которой относится этотъ отрывокъ, а въ другихъ штатахъ, въ которыхъ право ассоціаціи стѣсняется гораздо сильнѣе законными ограниченіями и въ которыхъ поэтому акціонерныя общества нельзя сравнивать ни по числу, ни по разнообразію съ обществами въ Новой Англии. Далѣе Кэри прибавляетъ: «Тщательное изслѣдованіе системъ различныхъ штатовъ должно, мнѣ кажется, убѣдить читателя въ томъ, что было бы полезно, если бы разрѣшено было лю-

дямъ опредѣлять между собой условія, на которыхъ они вступаютъ въ товарищество, и если бы было предоставлено возникающимъ товариществамъ объявлять публикѣ объ условіяхъ, на какихъ они будутъ вести дѣло, все равно, будетъ ли отвѣтственность товарищей ограниченная, или неограниченная». Этотъ принципъ былъ принятъ въ основаніе всего нынѣшняго англійскаго законодательства о товариществахъ.

§ 8. Я перехожу къ законамъ о несостоятельности.

Въ этомъ отношеніи хорошие законы важны, прежде всего и главнымъ образомъ, для общественной нравственности, хорошее или дурное направленіе которой зависитъ отъ закона въ данномъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о денежной честности, охраненіе которой представляетъ чрезвычайно важную задачу закона. Но этотъ вопросъ важенъ и съ чисто экономической точки зрѣнія; во-первыхъ, потому что экономическое благосостояніе, какъ отдѣльнаго народа, такъ и всего человѣчества главнымъ образомъ зависитъ отъ возможности довѣрять заключаемымъ обязательствамъ. Во-вторыхъ, потому что однимъ изъ рисковъ или расходовъ въ промъшленныхъ операціяхъ является рискъ или расходъ, сопряженный съ такъ называемыми обыкновенно безнадежными долгами, и всякое полученное здѣсь сбереженіе способствуетъ уменьшенію стоимости производства, сокращая статью расхода, которая ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ желаемой цѣли и должна быть покрыта либо потребителемъ товара, либо изъ общей прибыли на капиталъ, смотря по тому, будетъ ли это бремя общее, или частное.

Въ этомъ отношеніи законы и обычаи разныхъ народовъ почти всегда впадаютъ въ какую нибудь крайность. Древніе законы большей части странъ были чрезвычайно суровы по отношенію къ должнику. Они давали кредитору болѣе или менѣе тираническое право принужденія, которымъ онъ могъ пользоваться или для того, чтобы вынудить у своего несостоятельнаго должника отдачу скрытаго имущества, или для удовлетворенія себя посредствомъ мести, которая могла бы служить утѣщеніемъ за неплатежъ долга. Эта произвольная власть въ нѣкоторыхъ странахъ просуществовала до того, что обращала несостоятельнаго должника въ раба, обязаннаго служить кредитору; въ этомъ правилѣ, однако, была, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая доля здраваго смысла, такъ какъ тутъ, быть можетъ, имѣлось въ виду заставить должника отработать за долгъ своимъ трудомъ. Въ Англій припущеніе приняло болѣе мягкую форму обыкновеннаго заключенія въ тюрьму. Но какъ то, такъ и другое были варварскими обычаями грубаго вѣка, противными какъ справедливости, такъ и человѣколюбію. По несчастью за реформу ихъ, подобно тому какъ и за реформу уголовного закона вообще, взялись, какъ за дѣло одного только человѣколюбія, не принимая въ расчетъ въ то же время и справедливости; а модное современное человѣколюбіе, которое по существу своему односторонне, перешло въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ сильнѣйшую реакцію противъ древней строгости, такъ что можно предположить, что люди

дѣйствительно видѣли въ потерѣ и растратѣ чужой собственности особенное основаніе для снисхожденія. Все въ законѣ, что соединяло неприятныя послѣдствія съ такимъ поступкомъ, было постепенно ослаблено или совершенно уничтожено; пока, наконецъ, домерализирующее вліяніе этого ослабленія не сдѣлалось до того очевидно, что возбудило въ болѣе современномъ законодательствѣ благотворное, хотя и очень недостаточное, движеніе въ противоположномъ направленіи.

Снисходительность законовъ къ людямъ, оказавшимся не въ силахъ уплатить лежащія на нихъ долги, обыкновенно защищается на томъ основаніи, что въ случаѣ несостоятельности единственная цѣль закона должна состоять не въ томъ, чтобы притѣснять личность должника; а въ томъ чтобы взять его имущество и справедливо раздѣлить послѣднее между кредиторами. Допустимъ даже, что это есть и должна быть единственная цѣль закона; но тогда смягченіе закона въ первое время шло такъ далеко, что и эта цѣль была принесена въ жертву. Заключеніе въ тюрьму по усмотрѣнію кредитора служило дѣйствительно могущественнымъ средствомъ вырвать у должника скрытое или какими нибудь другимъ способомъ утаенное имущество; и опытъ еще не доказалъ, доставлялъ ли законъ, даже послѣдняго исправленія, кредиторамъ взамѣнъ отнятаго средства другое, равносильное ему. Но мнѣніе, будто бы законъ сдѣлалъ все, что слѣдовало отъ него ожидать, когда онъ передалъ кредитору имущество несостоятельнаго должника, само по себѣ представляетъ совершенно недопустимый примѣръ фальшиваго человѣколюбія. Дѣло закона предупреждать несправедливость, а не замазывать только послѣдствія ея, когда она уже совершена. Законъ долженъ принимать мѣры, чтобы несостоятельность не стала выгодною денежной спекуляціей, чтобы люди не пользовались возможностью рисковать имуществомъ другихъ безъ вѣдома и согласія этихъ послѣднихъ, забирать прибыль отъ предпріятія въ случаѣ успѣха, а въ случаѣ неудачи сваливать потерю на тѣхъ, кто ввѣрилъ имъ свой капиталъ; и чтобы должникъ не находилъ выгоднымъ объявлять себя несостоятельнымъ къ уплатѣ своихъ долговъ, растративъ деньги своихъ кредиторовъ на личные потребности. Всѣ признаютъ, что такъ называемое злостное банкротство, т. е. ложное объявленіе себя несостоятельнымъ къ уплатѣ,—разъ оно открыто, вполне подлечитъ наказанію. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что несостоятельность не можетъ быть результатомъ дурнаго поведенія и тогда, когда неспособность къ уплатѣ оказывается дѣйствительною? Если человѣкъ растратилъ или проигралъ имущество, на которое его кредиторы имѣли преимущественное право, то неужели онъ долженъ остаться свободнымъ отъ наказанія, потому что зло уже совершено и деньги ушли? Развѣ есть дѣйствительно существующая разница съ нравственной точки зрѣнія между этимъ поведеніемъ и тѣмъ другими видами безчестности, которые извѣстны подъ именемъ мошенничества и сокрытія?

Такихъ случаевъ несостоятельности не меньшинство, а огромное большинство. Статистика банкротства доказываетъ это. «Значи-

тельно большая часть изъ всѣхъ случаевъ несостоятельности происходитъ отъ завѣдомо дурного образа дѣйствій. Процессы въ судахъ по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ (Insolvent Debtors Court и Bankruptcy Court) могутъ подтвердить это. Чрезмѣрное и ничѣмъ не оправдываемое расширение торговли или самая нелѣпая спекуляція товарами, просто потому что бѣдный спекулянтъ «думалъ, что они поднимутся въ цѣнѣ»,—но почему онъ такъ думалъ, онъ не можетъ сказать,—спекуляція хмѣлемъ, чаемъ, шолкомъ, хлѣбомъ—товарами, совершенно ему незнакомыми, безумное и нелѣпое помѣщеніе капитала въ иностранные фонды или въ акціи—все это самыя пещивныя причины банкротства»). Опытный и свѣдущій писатель, на котораго я здѣсь ссылаюсь, подтверждаетъ свое мнѣніе свидѣтельствомъ нѣсколькихъ официальныхъ агентовъ суда по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «но сколько я могу заключить изъ книгъ и документовъ, доставленныхъ банкротами, мнѣ кажется, что «изъ всѣхъ случаевъ, происшедшихъ за известное время черезъ судъ», въ которомъ служило это лицо, «четырнадцать человекъ разорвались отъ спекуляціи товарами, пять—отъ небрежнаго веденія книгъ; десять отъ веденія торговли въ разбрахъ, превышающихъ ихъ капиталъ и средства, и отъ вытекающихъ отсюда потерь и издержекъ по дружественнымъ векселямъ; 49—вслѣдствіе того, что зрячили больше, чѣмъ могли, по основательному расчету получить прибыли, хотя ихъ дѣло приносило порядочный доходъ; и ни одинъ не разорвался отъ дѣльной отрасли торговли». Другой изъ этихъ чиновниковъ говоритъ, что въ теченіе полутора года «черезъ мои руки перешло 52 случая банкротства. По моему мнѣнію, изъ нихъ 32 произошли вслѣдствіе неблагоприятныхъ расходовъ, и пять частью отъ этой причины, частью же отъ стѣсненныхъ обстоятельствъ дѣла, которымъ записались банкроты; 15 я приписываю неблагоприятнымъ спекуляціямъ, во многихъ случаяхъ соединеннымъ съ расгнѣпательнымъ образомъ жизни».

Къ этимъ выдержкамъ авторъ прибавляетъ слѣдующія замѣчанія изъ своихъ личныхъ наблюденій. «Во многихъ случаяхъ несостоятельности происходитъ отъ небрежности торговцевъ; они или вовсе не ведутъ книгъ, или ведутъ очень неудовольствительно и никогда не подводятъ баланса, никогда не приводятъ въ извѣстность наличнаго имуществва; если ихъ торговля обширна, они пользуются наемными слугами, за которыми даже не даютъ себѣ труда наблюдать, и такимъ образомъ становятся несостоятельными. Безъ преувеличенія можно сказать, что половина изъ всѣхъ лицъ, занимающихся торговлей даже въ Лондонѣ, никогда не проверяютъ своего наличнаго имуществва: изъ года въ годъ они ведутъ свое дѣло, не зная, въ какомъ положеніи оно находится. пока, наконецъ, подобно школьникамъ, они къ своему удивленію находятъ, что въ

*) Изъ книги, изданной въ 1845 году и озаглавленной Credit the Life of Commerce by I. N. Elliott.

ихъ карманѣ остается не больше полу-пенса. Смѣло можно сказать, что въ провинціи изъ всѣхъ людей, занимающихся фабричнымъ производствомъ, торговлей или земледѣліемъ, даже и четвертая часть едва ли когданибудь приводитъ въ извѣстность свое имущество, а половина изъ нихъ хоть и ведетъ счетныя книги, но онѣ заслуживаютъ названія развѣ только памятныхъ книгъ. Я достаточно знакомъ съ дѣлами пятисотъ мелкихъ провинціальныхъ торговцевъ, для того чтобы утверждать, что едва ли и пятая часть изъ нихъ проверяетъ свое имущество или ведетъ самое обыкновенное счетоводство. На основаніи тщательнаго составленнаго таблица, при составленіи которыхъ относились самымъ сноходительнымъ образомъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ возникло какое либо сомнѣніе о причинахъ несостоятельности, я могу сказать о такихъ торговцахъ, что на девять случаевъ, происшедшихъ «отъ расточительности и нечестности», самое большее «одинъ можетъ быть приписанъ исключительно несчастью» *).

Можемъ ли мы ожидать отъ коммерческихъ классовъ какаго либо высокаго чувства справедливости, чести или честности, если законъ позволяетъ людямъ, дѣйствующимъ такимъ образомъ, сваливать послѣдствія дурнаго веденія дѣла на тѣхъ, кто имѣлъ несчастье довѣрять имъ, и на дѣлъ провозглашаетъ, что онъ смотритъ на вызванную этимъ, несостоятельность, какъ на «несчастье», а не какъ на преступленіе?

Конечно, нельзя отрицать, что несостоятельность иногда происходитъ отъ причинъ, не зависящихъ отъ должника, и что въ большихъ случаяхъ его виновность не такъ ужъ велика; и законъ долженъ быть сноходительнѣе въ такихъ случаяхъ, но предпрительно изслѣдовать тщательно дѣло; а также никогда не слѣдуетъ проускать случая несостоятельности, не опредѣливъ по возможности самымъ подробнымъ образомъ не только фактъ несостоятельности, но и причину ея. Получить деньги или вещи, имѣющія денежную цѣнность, и потерять или растратить ихъ—это съ перваго же взгляда служить доказательствомъ чего то незаконнаго; и не кредиторъ долженъ доказывать (чего онъ не можетъ доказать ни въ одномъ случаѣ изъ 10), что тутъ было преступленіе, а должникъ долженъ опровергнуть подозрѣніе, раскрывъ состояніе всѣхъ своихъ дѣлъ и показавъ, что веденіе ихъ было безусловно или заключало въ себѣ лишь извинительныя ошибки. Если это ему не удастся, то онъ никогда не долженъ оставаться безъ наказанія, соразмѣрнаго со степенью вины, какаю ему повидному справедливо приписывается. Однако это наказаніе можетъ быть сокращено или смягчено, если у должника была замѣчена видная готовность исправить причиненный имъ вредъ.

Сторонники смягченной системы законовъ о несостоятельности приводятъ обыкновенно тотъ аргументъ, что за исключеніемъ крупныхъ коммерческихъ операций кредитъ вреденъ; и что лишеніе кредиторовъ законнаго права удовлетворенія представляетъ вѣрный

способъ помѣшать имъ оказывать кредитъ. Кредитъ, который оказываютъ мелочные торговцы неприводительнымъ потребителямъ, конечно, при той чрезмѣрности, какой онъ достигаетъ, представляетъ значительное зло. Это, однако, справедливо лишь относительно большого и въ особенности продолжительнаго кредита: потому что кредитъ существуетъ во всѣхъ случаяхъ, когда за товары платится уже послѣ того, какъ они вышли изъ лавки, или, по крайней мѣрѣ, изъ подъ наблюденія продавца; и было бы очень неудобно прекращать такого рода кредитъ. Но законы о несостоятельности имѣютъ преимущественно вліяніе на ту значительную часть долговъ, которые дѣлаются мелкими торговцами у снабжающихъ ихъ оптовыхъ торговцевъ; и деморализація, производимая дурнымъ состояніемъ закона, не дѣйствуетъ ни на одинъ разрядъ долговъ такъ пагубно, какъ на этотъ. Однако, эти долги относятся къ коммерческому кредиту, сокращенія котораго никто не желаетъ; его существованіе очень важно для общій промышленности страны и для множества частныхъ, корпоративныхъ лицъ съ небольшими средствами, относительно которыхъ было бы большою несправедливостью, если бы они были лишены возможности получать необходимые имъ авансы, которыми бы они не злоупотребляли, хотя законъ и не доставляетъ справедливой защиты отъ недобросовѣстныхъ и безпечныхъ заемщиковъ.

Но хотя бы и было признано, что розничная торговля на какихъ либо другихъ основаніяхъ, кромѣ платежа наличными деньгами, представляетъ зло, къ совершенному уничтоженію котораго и должна стремиться законодательная власть; однако, для достиженія этой цѣли едва ли можно было бы придумать какой нибудь способъ хуже, чѣмъ позволить людямъ, пользовавшимся довѣріемъ другихъ, безнаказанно грабить и обманывать ихъ. Законъ вообще не избираетъ человѣческихъ пороковъ въ качествѣ подходящаго орудія для наказанія сравнительно невинныхъ дѣяній; желая отратить людей отъ какого либо рода поступковъ, онъ употребляетъ свои собственныя средства, а не лишаетъ покровительства закона людей, дѣйствующихъ, по его мнѣнію, вредно, и не предоставляетъ сподобно развѣшаться на счетъ этихъ лицъ хищническимъ вистинкамъ вредной части человечества. Если человѣкъ совершилъ убійство, законъ приговариваетъ его къ смерти; но не объявляетъ безнаказанности тому, кто убьетъ его ради того, чтобы изъять его кошелекъ. Довѣрие, даже опрометчивое, одного человѣка къ слову другого не такое ужъ преступленіе, чтобы для устранения его необходимо было выставять каждому на видъ зрѣлище плутовства, торжествующаго подъ покровительствомъ закона, и насмѣхающагося надъ своими жертвами. Этотъ пагубный примѣръ слишкомъ часто сталъ вызывать подражаніе со времени ослабленія законовъ о несостоятельности. Напрасно ожидать, чтобы даже отъ совершеннаго лишенія кредиторовъ всякаго законнаго права взысканія дѣйствительно сильно сократился тотъ видъ кредита, который признается вреднымъ. Плуты и мошенники все же еще составляютъ исключеніе въ обществѣ, и люди будутъ продолжать вѣрять обѣщанію другъ друга. Крупные оптовые

торговцы въ прибыльныхъ предпріятіяхъ стали бы отказывать въ кредитѣ, какъ это уже и дѣлаютъ многіе изъ нихъ; но развѣ при сильномъ соперничествѣ большого города или при зависящемъ положеніи, въ какомъ находятся деревенскіе лавочники, можно ожидать того же отъ торговца, для котораго важенъ каждый отдѣльный покупатель, или отъ лица, начинающаго торговлю и старающагося привлечь клиентовъ? Онъ будетъ рисковать и въ томъ случаѣ, если бы рискъ быть еще больше; онъ несомнѣнно будетъ разоренъ, если ему не удастся продать своихъ товаровъ; и только можетъ быть разоренъ, если будетъ обманутъ. Не зачѣмъ говорить, что онъ долженъ надлежащимъ образомъ разузнать и опредѣлить характеръ тѣхъ, кому онъ даетъ свои товары въ кредитъ. Изъ нѣкоторыхъ наиболѣе явныхъ случаевъ злостнаго банкротства, разбравшихся въ судѣ по дѣламъ о несостоятельныхъ должникахъ, видно, что мошенники имѣютъ иногда возможность доставить и доставляютъ превосходныя рекомендаціи *).

*) Слѣдующія извлеченія изъ французскаго коммерческаго кодекса показываютъ, какое огромное и справедливое различіе дѣлаетъ французскій законъ въ этомъ дѣлѣ и какіе цѣлесообразные способы изслѣдованія принимаетъ онъ. Слово „*banqueroute*“ употребляется во Франціи только въ смыслѣ несостоятельности, происшедшей *по вину* обанкротившагося лица и раздѣляется на *простое* банкротство и *злостное*. Вотъ случаи простаго банкротства:—

„Каждый несостоятельный должникъ долженъ обвиняться, какъ простаго банкротъ, если по изслѣдованіи дѣла онъ окажется виновнымъ въ одномъ или нѣсколькихъ ниже—поименованныхъ преступленіяхъ.

„Если его домашніе расходы, которые онъ обязавъ регулярно вносить въ книгу, окажутся чрезмѣрными.

„Если онъ тратилъ значительныя суммы на игру или чисто рискованныя операціи.

„Если окажется, что онъ дѣлалъ большіе займы или перепродавалъ товары съ убыткомъ или впже рыночной цѣны послѣ того, какъ онъ замѣтилъ изъ послѣдней повѣрки счетовъ, что его долги больше чѣмъ на половину превышаютъ его имущество.

„Если онъ выпустилъ акцій на сумму, въ три раза превышающую его имущество по послѣдней повѣркѣ.

Въ слѣдующихъ случаяхъ несостоятельный должникъ *можетъ* также обвиняться въ простаомъ банкротствѣ:—

„Если онъ не объявилъ о своей несостоятельности узаконеннымъ порядкомъ.

„Если онъ безъ всякой законной причины не явился и не предался въ руки полиціи въ назначенный срокъ.

„Если онъ или вовсе не велъ книгъ, или велъ ихъ неправильно, хотя бы эта неправильность не указывала на недобросовѣстность“. Наказаніемъ за „простае банкротство“ служить заключеніе на срокъ не менѣе мѣсяца и не болѣе двухъ лѣтъ. Въ слѣдующихъ случаяхъ будетъ злостное банкротство, наказаніемъ за которое служить извѣстный срокъ каторги (галеръ).

„Если торговецъ въ описи своего имущества ставитъ фиктивные расходы или потери, или если онъ не вписываетъ въ нее всѣхъ своихъ полученныхъ.

„Если онъ мошенническимъ образомъ скрылъ нѣкоторую сумму денегъ, или слѣдуемый ему долгъ, или какой нибудь товаръ, или другое движимое имущество.

ГЛАВА X.

О вѣшателствѣ правительства, основанномъ на ложныхъ теоріяхъ.

§ 1. Отъ обязательныхъ функций правительства и вліянія, оказываемаго хорошимъ или дурнымъ отправленіемъ ихъ на экономическіе интересы общества, мы перейдемъ къ функциямъ, которыя по недостатку лучшаго опредѣленія я назвалъ необязательными; къ функциямъ, которыя иногда беретъ, а иногда не беретъ на себя правительство, и относительно которыхъ не всѣ единогласно признаютъ, что онѣ должны исполняться правительствомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ рассмотрѣнію общихъ принциповъ этого вопроса, мы должны устранить съ нашего пути всѣ тѣ случаи, въ которыхъ правительственное вѣшателство оказывается вреднымъ въ силу того, что оно основано на ложныхъ взглядахъ относительно предмета вѣшателства. Подобные случаи вовсе не имѣютъ связи съ какой либо теоріей относительно надлежащихъ границъ вѣшателства. Въ иныхъ вещи правительство не должно вѣшиваться, въ другія должно; но законно или незаконно это вѣшателство, оно будетъ дѣйствовать дурно, если правительство, не понимая предмета, въ который оно вѣшивается, достигаетъ своимъ вѣшателствомъ результата, который оказывается вреднымъ. Поэтому, мы начнемъ съ краткаго обзора разныхъ ложныхъ теорій, отъ времени до времени служившихъ основаніемъ для дѣйствій правительства, болѣе или менѣе вредныхъ въ экономическомъ отношеніи.

Прежніе авторы, писавшіе объ экономическихъ вопросахъ, находили необходимымъ посвящать много труда и мѣста этому отдѣлу своего предмета. Теперь, къ счастью, сдѣлалось возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ Англии, сильно сократить эту чисто отрицательную часть нашихъ обсужденій. Ложныя экономическія теоріи,

„Если онъ съ цѣлью сокрытія продалъ или подарилъ свое имущество.“

„Если онъ допустилъ признаніе фиктивнаго долга по отношенію къ своему имуществу.“

„Если онъ получить чужое имущество просто на храненіе или съ спеціальными указаціями относительно его употребленія, и тѣмъ не менѣе употребилъ его для своей собственной надобности.“

„Если онъ купилъ недвижимое имущество на чье либо чужое имя.“

„Если онъ сокрылъ свои книги.“

Въ слѣдующихъ случаяхъ торговецъ *можетъ* также обвиняться въ злобномъ банкротствѣ:—

„Если онъ не велъ книгъ, или если его книги не представляютъ дѣйствительнаго положенія его долговъ и кредита.“

„Если, получивъ пропускной листъ, не воспользовался имъ должнымъ образомъ.“

Эти статьи относятся только къ коммерческой несостоятельности. Законы же, касающіеся обыкновенныхъ долговъ, значительно строже къ должнику.

приносящія такъ много зла въ прежнія времена, совершенно оказались дискредитированными во мнѣніи всѣхъ тѣхъ, кто не отсталъ отъ общаго прогресса наукъ; и въ постановленій закона, нѣкогда основанныхъ на этихъ теоріяхъ, лишь немногія удержались до сихъ поръ и безобразнѣ законодательство. Въ виду того, что принципы, на которыхъ основывается ихъ осужденіе, были подробно изложены въ другихъ частяхъ этого трактата, здѣсь мы можемъ ограничиться немногими краткими указаціями.

Самой выдающейся изъ ложныхъ теорій является ученіе о покровительствѣ отечественной промышленности, или, нымъ словамъ, о запрещеніи или же сокращеніи посредствомъ тяжелыхъ пошлинъ ввоза тѣхъ иностранныхъ товаровъ, которые могутъ производиться въ странѣ. Если бы теорія, лежащая въ основѣ этой системы, была справедлива, то и основанные на ней практическіе выводы нельзя было бы не признать основательными. Теорія состояла въ томъ, что покупка вещей внутренняго производства выгодна для націи, а ввозъ иностранныхъ товаровъ вообще убыточенъ. Въ то же время очевидно, что для потребителя выгодно покупать иностранные товары предпочтительно передъ внутренними, когда первые дешевле или лучше; такимъ образомъ, интересъ потребителя казался противоположнымъ интересу общественному; предоставляемый собственнымъ склонностямъ, потребитель, навѣрное, дѣлалъ бы то, что по теоріи признается вреднымъ для общества.

Однако, въ нашемъ разборѣ значенія международной торговли мы доказали, какъ часто доказывали и прежніе писатели, что ввозъ иностранныхъ товаровъ при обыкновенномъ ходѣ торговли бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ экономическомъ отношеніи выгоденъ для націи тѣмъ, что позволяетъ странѣ получать съ меньшимъ количествомъ труда и капитала одинаковое количество товаровъ. Слѣдовательно, запрещать этотъ ввозъ или устанавливать пошлины, не допускающія его, значитъ дѣлать трудъ и капиталъ страны менѣе успешными въ производствѣ, чѣмъ они были бы безъ этого, и причинять потерю, равную разницѣ между трудомъ и капиталомъ, необходимымъ для внутренняго производства товара, и трудомъ и капиталомъ, требующимся для производства тѣхъ вещей, за которыя этотъ товаръ можетъ быть купленъ за границей. Величина общей потерп, причиненной такимъ образомъ, измѣряется разницой цѣны, по какой товаръ производится внутри страны надъ цѣной, по какой онъ можетъ быть ввезенъ. Въ фабричныхъ товарахъ вся эта разниця между двумя цѣнами поглощается вознагражденіемъ, которое получаютъ производители за растрату труда или капитала, содержащаго этотъ трудъ. Тѣ, для кого эта система предполагается выгодной, а именно производители покровительствуемаго товара (если они не составляютъ исключительной компаніи и не пользуются монополіей, какъ противъ своихъ соотечественниковъ, такъ и противъ иностранцевъ) получаютъ прибыль не выше, чѣмъ другіе предприниматели. Такимъ образомъ, вся разниця составляетъ чистый убытокъ и для страны, и для потребителя. Если же покровительствуемый товаръ есть земледѣльческій продуктъ, и, слѣдова-

тельно, потеря труда причиняется не на всемъ продуктѣ, а лишь на той части, которая можетъ быть названа послѣдней партией его, то излишекъ цѣны служитъ только въ части продукта вознагражденіемъ за потерю; въ остальномъ онъ представляетъ налогъ, выплачиваемый землевладѣльцамъ.

Ограничительная и запретительная политика первоначально была основана на такъ называемой меркантильной системѣ, которая признавала выгоду отъ иностранной торговли исключительно во ввозѣ денегъ въ страну, и искусственно поощряла вывозъ товаровъ и противодействовала ихъ ввозу. Нѣкоторые опредѣленные исключенія вытекали изъ нея самой. Относительно ввоза матеріаловъ и орудій производства существовала противоположная политика. однако, направленная къ одной и той же цѣли; ихъ можно было свободно ввозить и не позволялось вывозить, для того чтобы фабриканты, получая необходимыя для фабрикаціи вещи дешевле, могли продавать товары дешевле, а слѣдовательно, и вывозить ихъ въ большемъ количествѣ. На томъ же основаніи допускался и даже встрѣчалъ покровительство ввозъ, когда онъ ограничивался продуктами тѣхъ странъ, относительно которыхъ предполагалось, что онѣ будутъ брать у данной страны больше, чѣмъ она беретъ у нихъ, и такимъ образомъ будутъ обогащать ее посредствомъ благопріятнаго торговаго баланса. Въ эту же систему входило основаніе колоній, ради предполагаемой выгоды, будто бы проистекающей отъ принужденія ихъ покупать наши товары или отъ запрещенія покупать чья нибудь чужие; въ замѣнъ этого ограниченія мы обыкновенно были готовы подчиниться равносильному обязательству относительно главныхъ колониальныхъ продуктовъ. Въ преслѣдованіи этой теоріи заходили такъ далеко, что нѣрѣдко давались премія за вывозъ, и иностранцы побуждались покупать у насъ предпочтительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, посредствомъ дешевизны, которую мы искусственно производили, уплачивая за нихъ часть цѣны изъ своихъ налоговъ. До такой крайности еще не доходили ни какой частный торговецъ подъ влияніемъ коммерческаго соперничества. Ни одинъ лавочникъ, я думаю, еще никогда не подкупалъ своихъ кліентовъ, продавая имъ товары съ постояннымъ убыткомъ для себя, и пополняя этотъ убытокъ изъ другихъ, принадлежащихъ ему, средствъ.

Отъ принципа меркантильной теоріи теперь отказались даже тѣ писатели и правительства, которые еще придерживаются ограничительной системы. Какую бы силу эта система ни имѣла надъ человеческими умами, независимо отъ частныхъ интересовъ, которыми грозятъ дѣйствительные или мнимые убытки отъ измѣненія политики, эта сила уже вытекаетъ не изъ стариннаго мнѣнія о выгодѣ накопленія денегъ въ странѣ, а изъ другихъ заблужденій. Изъ нихъ самое главное—это довольно благовидный предлогъ, будто бы вѣсто того, чтобы содержать иностранную промышленность, надобно давать занятіе нашимъ соотечественникамъ и нашей промышленности. Возраженіе на это само собой вытекаетъ изъ принциповъ,

изложенныхъ въ прежнихъ главахъ. Не возвращаясь къ основнымъ теоремамъ, изложеннымъ въ первой части *) этого трактата, относительно свойства и источниковъ занятія для труда, достаточно сказать то, что всегда говорили защитники свободной торговли, а именно, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, давать ли занятіе нашему народу или иностранцамъ, а о томъ, давать ли занятіе одному или другому классу нашего народа. Ввозной товаръ всегда прямо или косвенно оплачивается продуктомъ нашей собственной промышленности; и въ то же время эта послѣдняя становится болѣе производительной, такъ какъ съ одинаковымъ трудомъ и издержками мы имѣемъ возможность получать большее количество товара. Люди, не достаточно обсуждавшіе этотъ вопросъ, склонны думать, что для вывоза нашихъ продуктовъ на сумму, равную цѣнности потребляемыхъ нами иностранныхъ товаровъ, необходимы нѣкоторыя случайности—необходимо согласіе иностранныхъ государствъ сдѣлать въ своихъ ограничительныхъ законахъ соответственныя ослабленія, или необходимо, чтобы тѣ, у кого мы покупаемъ, этимъ обстоятельствомъ побуждались покупать и у насъ больше; и что если не произойдетъ этихъ или равносильныхъ имъ условій, то уплату придется производить деньгами. Но, во-первыхъ, расплата деньгами несколько не вредитъ уплате какимъ нибудь другимъ орудіемъ, когда вследствие состоянія рынка онѣ становятся наиболѣе выгоднымъ способомъ расплаты; сами же деньги и раньше были приобретены и снова будутъ пополнены вывозомъ на равную цѣнность нашихъ продуктовъ. Во-вторыхъ, самый непродолжительный отъездъ денегъ въ уплату настолько бы понизилъ цѣны, что или ввозъ сократился бы, или иностранный спросъ на нашъ продуктъ въ такой бы мѣрѣ усилился, что нашъ ввозъ былъ бы имъ оплаченъ. Я признаю, что это нарушеніе въ уравненіи международного спроса до нѣкоторой степени было бы невыгодно для насъ, а именно при покупкѣ другихъ ввозныхъ товаровъ, и что страна, запрещающая ввозъ нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ, получаетъ (при неизмѣненности всѣхъ остальныхъ условій) тѣ товары, ввозъ которыхъ не запрещенъ, дешевле, чѣмъ она получала бы ихъ безъ запретительной политики. Выражая это пными словами, страна, убивающая, или дѣлающая совершенно невозможнымъ нѣкоторыя отрасли иностранной торговли, уничтожаетъ этимъ общую международную выгоду, которая была бы въ извѣстной пропорціи раздѣлена между нею и другими странами, но за то при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ захватываетъ себѣ на счетъ иностранцевъ большую долю, чѣмъ какая ей приходилась бы иначе, изъ выгоды, получаемой отъ части иностранной торговли, существованіе которой она допускаетъ. Но даже этого она можетъ достигъ лишь въ томъ случаѣ, если иностранцы не устанавливаютъ равносильныхъ запрещеній или ограниченій противъ ея товаровъ. Во всякомъ случаѣ не трудно понять, насколько справедливо, или плѣсообразно уничтожать одну изъ двухъ выгодъ для того, чтобы захватить себѣ нѣсколько большую долю

*) См. выше стр. 76—86.

изъ другой: дѣло въ томъ, что выгода, подвергающаяся уничтоженію, соответствуетъ по своимъ размѣрамъ величинѣ торговыхъ сдѣлокъ и должна быть большая изъ двухъ, такъ какъ предполагается, что капиталъ, предоставленный самому себѣ, предпочтительнѣе бы обратился къ ней.

Опровергнутое, какъ общая теорія, ученіе о протекціонизмѣ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ находитъ поддержку въ соображеніяхъ, которыя, если бы дѣйствительно соответствовали дѣлу, представляли бы гораздо больший интересъ, нежели простое сбереженіе труда; а именно, интересъ національнаго продовольствія и національной обороны. Споры о хлѣбныхъ законахъ познакомили всякаго съ доводомъ, что въ продовольствіи народа мы не должны зависть отъ иностранцевъ, а Навигационный Актъ и въ теоріи, и на дѣлѣ быть основанъ на необходимости содержать «разсадникъ моряковъ» для флота. Относительно этого послѣдняго вопроса я сразу соглашаюсь, что цѣль стоитъ пожертвованія; и что если страна, открытая для морскихъ нападений, не можетъ обладать иначе достаточнымъ количествомъ собственныхъ кораблей и матросовъ для того, чтобы въ случаѣ необходимости имѣть средства для укомплектованія нужнаго флота, то она совершенно въ правѣ приобретать эти средства даже съ экономическимъ пожертвованіемъ дешевой перевозкой. Когда издавались англійскіе Навигационные Законы, голландцы, благодаря своему морскому искусству и низкому проценту прибыли внутри страны, имѣли возможность перевозить товары для другихъ націй, въ томъ числѣ и для Англій, дешевле, чѣмъ эти націи могли перевозить сами для себя, что ставило эти страны по сравненію съ Голландіей въ гораздо болѣе невыгодное положеніе относительно получения опытныхъ моряковъ для ихъ военныхъ кораблей. Навигационные Законы, исправившіе этотъ недостатокъ, и въ то же время нанесшіе ударъ морской силѣ націи, съ которой Англія тогда постоянно находилась во враждебныхъ отношеніяхъ, по всей вѣроятности, были полезны въ политическомъ отношеніи, хотя и вредны въ экономическомъ. Но теперь англійскіе корабли и матросы могутъ такъ же дешево перевозить товары, какъ корабли и матросы всякой другой страны, и могутъ поддерживать, по крайней мѣрѣ, равное соперничество съ другими морскими націями даже въ собственной торговлѣ этихъ послѣднихъ. Цѣли, которыя, бытъ можетъ, нѣкогда оправдывали Навигационные Законы, уже не требуютъ и не даютъ никакого основанія сохранять это ненавистное исключеніе изъ общаго правила свободной торговли.

Что касается продовольствія, то доводы протекціонистовъ такъ часто и такъ побѣдоносно опровергались, что здѣсь не займемъ о немъ много распространяться. Снабженіе пищей бываетъ обезпеченнѣе и изобильнѣе въ той странѣ, которая получаетъ его съ большаго пространства земли. Странно основывать общую систему политики на такой невѣроятной опасности, какъ одновременная война со всѣми націями міра; или предполагать, что вся страна, даже мало значащая со стороны моря, можетъ быть блокирована подобно городу, или что производитель пищи не такъ же будутъ стремиться удер-

жать за собой выгодный рынокъ, какъ мы не лишимся ихъ хлѣба. Однако, въ дѣлѣ продовольствія есть вопросъ, заслуживающій болѣе подробнаго обсужденія. Въ случаяхъ дѣйствительной или ожидаемой нехватки въ пищѣ многія европейскія страны имѣютъ обыкновеніе прекращать вывозъ ея. Основательна ли или неосновательна такая политика? Не можетъ быть сомнѣнія, что при нынѣшнемъ состояніи международной нравственности нельзя порицать народъ такъ же, какъ и отдѣльное лицо, за то, что онъ не голодаетъ ради прокормленія другихъ. Но если бы принципы международныхъ отношеній имѣли своей цѣлью наибольшее благо всего человѣчества вообще, то такая всеобщая грубость, навѣрное, встрѣтила бы осужденіе. Предположимъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ торговля пшеницей совершенно свободна, такъ что цѣна хлѣба въ одной странѣ обыкновенно не можетъ превышать цѣну во всякой другой болѣе, чѣмъ на стопность провоза вмѣстѣ съ умѣренной прибылью лица, ввозящаго его. Допустимъ, что общій неурожай охватываетъ всѣ страны, но не въ одинаковой степени. Если цѣна въ одной странѣ повысилась болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, то это доказываетъ, что въ первой странѣ неурожай былъ самый жестокой, и если будетъ позволено свободный ввозъ туда пшеницы, то эта послѣдняя будетъ взята оттуда, гдѣ существуетъ менѣе настоятельная необходимость въ ней, для облегченія болѣе настоятельной. Такимъ образомъ, если принимать во вниманіе интересы всѣхъ странъ, то свободный ввозъ желателенъ. Для вывозящей страны, взятой въ отдѣльности, онъ можетъ быть невыгоденъ, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльномъ случаѣ; но, принимая во вниманіе, что страна, теперь отпускающая хлѣбъ, когда нибудь въ будущемъ можетъ его ввозить и такимъ образомъ получать выгоду отъ свободы торговли, я увѣренъ, что даже взбунтовавшемуся противъ вывоза населенію можно доказать, что въ такихъ случаяхъ оно должно дѣлать для другихъ то, чего оно желало бы, чтобы дѣлалъ для него.

Въ странахъ, гдѣ система протекціонизма приходитъ въ упадокъ, но еще не окончательно оставлена, какъ напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, образовалось ученіе, представляющее компромиссъ между свободной торговлей и ограниченіемъ; а именно, ученіе, доказывающее, что охранительная система ради самого охраненія не пригодна, но нѣтъ ничего вреднаго въ такомъ охраненіи, какое можетъ вытекать изъ тарифа, установленнаго исключительно для полученія дохода. Даже въ Англій по временамъ выражается сожалѣніе, что не сохранена «умѣренная опредѣленная пошлина» на хлѣбъ ради того дохода, какой бы она приносила. Однако, независимо отъ общей неумѣрности налоговъ на предметы первой необходимости, это ученіе опускаетъ изъ виду тотъ фактъ, что доходъ получается лишь съ ввозимаго количества, между тѣмъ какъ налогъ платится со всего потребляемаго количества. Заставлять общество платить много для того, чтобы казна могла получать немного, вовсе не есть удобный способъ полученія дохода. Относительно фабричныхъ товаровъ это ученіе заключаетъ въ себѣ очевидную несообразность. Цѣль пошлины, состоящая въ полученіи дохода, не совмѣ-

стима съ доставленіемъ какого либо даже случайнаго охраненія. Она можетъ дѣйствовать, какъ охраненіе, лишь постольку, поскольку она препятствуетъ ввозу; а въ той мѣрѣ, въ какой она препятствуетъ ввозу, она не даетъ дохода.

Покровительственныя пошлины могутъ быть признаны справедливыми на основаніи простыхъ принциповъ политической экономіи лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда онѣ устанавливаются временно (особенно у молодой и начинающей развиваться націи) въ надеждѣ ввести въ странѣ вполне подходящую къ ея условіямъ иностранную промышленность. Превосходство одной страны надъ другой въ известной отрасли промышленности часто происходитъ лишь отъ того, что первая начала заниматься этой промышленностью раньше. Первая изъ нихъ можетъ и не имѣть природныхъ преимуществъ, или другая такихъ же невыгодъ, а только лишь временное превосходство въ приобретенномъ искусствѣ и опытѣ. Страна, которая еще должна приобрести это искусство и опытъ, можетъ быть въ другихъ отношеніяхъ болѣе приспособлена къ этому производству, нежели тѣ страны, которыя начали заниматься имъ раньше; а кромѣ того, какъ справедливо замѣчаетъ Рэ, ничто такъ сильно не способствуетъ развитію усовершенствованій во всякой отрасли промышленности, какъ попытки заниматься ею при новыхъ условіяхъ. Но нельзя ожидать, чтобы отдѣльныя лица вводили бы на свой собственный рискъ, или, вѣрнѣе, съ несомнѣннымъ убыткомъ, новое производство, и если бы всю тяжесть веденія его до тѣхъ поръ, пока производители не достигнутъ той степени искусства, какой обладаютъ тѣ люди, которымъ процессы производства знакомы издавна. Покровительственная пошлина, продолжающаяся умѣренное время, иногда представляетъ наименѣе неудобный способъ, какимъ нація можетъ облагать себя для осуществленія подобаго опыта. Но покровительство должно ограничиваться тѣми случаями, въ которыхъ есть вполне основательная увѣренность, что поощряемая этимъ покровительствомъ отрасль промышленности спустя нѣкоторое время будетъ въ состояніи обходиться безъ него, и никогда не слѣдуетъ допускать, чтобы мѣстные производители разсчитывали, что покровительство имъ будетъ продолжаться долѣе времени, необходимаго для полнаго испытанія того, насколько они способны къ этому дѣлу.

Единственный сколько нибудь известный писатель по политической экономіи, еще придерживающійся протекціоннаго ученія—Кэри,—защищаетъ его съ экономической точки зрѣнія главнымъ образомъ на двухъ основаніяхъ. Первое изъ нихъ заключается въ огромномъ сбереженіи въ стоимости перевозки при производствѣ товаровъ на мѣстѣ или очень близко отъ того мѣста, гдѣ они потребляются. Всю стоимость перевозки, какъ ввозимыхъ товаровъ, такъ и вывозимыхъ въ обмѣнъ за нихъ, онъ считаетъ прямымъ обремененіемъ производителей, а не потребителей, какъ это очевидно и есть въ дѣйствительности. На кого бы это бремя ни пало, оно несомнѣнно составляетъ отягощеніе всей міровой промышленности. Но очевидно, что такого рода обремененія населенію несетъ ради выгоды, которая вознаграждаетъ съ излишкомъ (и то, что Кэри не

видитъ этого, составляетъ одну изъ множества удивительныхъ особенностей его книги). Если товаръ покупается въ обмѣнъ на отечественные продукты въ чужой странѣ, несмотря на двойную стоимость перевозки, то этотъ фактъ показываетъ, что, какъ бы ни была тяжела эта стоимость, все же сбереженіе въ издержкахъ производства превышаетъ ее, и вся сумма труда страны въ общемъ вознаграждается лучше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы товаръ производился внутри страны. Стоимость перевозки является естественной покровительственной пошлиной, которую не можетъ уничтожить свобода торговли; и если бы Америка отъ получения фабричныхъ товаровъ въ обмѣнъ за хлопокъ и хлѣбъ не выигрывала больше того, что она теряетъ на стоимости перевозки, то капиталъ, затрачиваемый на производство ежегодно увеличивающихся количествъ хлѣба и хлопка для иностраннаго рынка, вмѣсто этого обратился бы къ фабричному производству. Естественная выгода такой промышленности, при которой приходится платить меньшія издержки перевозки, можетъ служить оправданіемъ самое большее только для покровительства временнаго и имѣющаго значеніе одного лишь опыта. Въ виду того, что издержки производства вначалѣ бываютъ гораздо больше, часто случается, что внутреннее производство, хотя оно во дѣйствительности находится въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, можетъ стать выгоднымъ только послѣ известнаго періода денежныхъ потерь; а между тѣмъ нельзя ожидать, чтобы частные спекулянты подверглись имъ ради того, чтобы ихъ послѣдователи, благодаря ихъ разоренію, могли получать выгоду. Поэтому, я допускаю, что въ новой странѣ временная покровительственная пошлина можетъ быть иногда полезна въ экономическомъ отношеніи; съ условіемъ, однако, чтобы время ея существованія было строго ограничено, и чтобы было сдѣлано постановленіе, что въ послѣднее время своего существованія она будетъ постепенно уменьшаться. Такое временное покровительство сходно съ патентомъ и должно примѣняться на подобныхъ же условіяхъ, какъ и патентъ.

Другой аргументъ Кэри въ защиту экономическихъ выгодъ протекціонизма относится лишь къ странамъ, вывозъ которыхъ состоитъ изъ земледѣльческаго продукта. Онъ доказываетъ, что такого рода торговлей страны въ дѣйствительности истощаютъ свою почву, такъ какъ иностранные потребители не возвращаютъ землѣ страны, подобно мѣстнымъ потребителямъ, извлекаемыхъ изъ нея удобрительныхъ элементовъ. Этотъ аргументъ заслуживаетъ вниманія въ виду той физической истины, на которой онъ основанъ; эту истину только въ послѣднее время начали понимать, но съ этого времени она должна составлять постоянный элементъ въ мысляхъ государственныхъ людей такъ же, какъ она несомнѣнно составляла его всегда въ судьбахъ народовъ. Но она не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о протекціонизмѣ. Даже и безъ всякихъ доказательствъ само по себѣ, вѣроятно, очевидно, что огромное производство сырого продукта въ Америкѣ для потребленія его въ Европѣ постепенно истощаетъ почву восточныхъ и даже старыхъ западныхъ Штатовъ, и что она въ настоящее время гораздо менѣе произво-

дительно, чѣмъ прежде. Но то, что я уже говорилъ относительно стоимости перевозки, справедливо также и относительно стоимости удобрения. Свободная торговля не заставляетъ Америку вывозить хлѣбъ; она бы перестала вывозить его, какъ только это сдѣлалось бы для нея невыгоднымъ. Раньше мы говорили, что Америка не стала бы продолжать вывозъ сырого продукта и ввозъ фабричныхъ издѣлій, если бы полученное при этомъ сбереженіе труда перестало превышать стоимость перевозки; на томъ же основаніи она будетъ ввозить удобреніе, когда понадобится возвращать почвѣ взятые изъ нея плодородные элементы, если только при этомъ сбереженіе въ стоимости производства будетъ больше, чѣмъ стоимость перевозки вмѣстѣ со стоимостью удобрения; если же оно не будетъ больше, то вывозъ хлѣба прекратится. Очевидно, что одно изъ этихъ двухъ послѣдствій уже обнаружилось бы, если бы тутъ же по близости постоянно не открывался цѣлый рядъ еще не истощенныхъ, новыхъ земель, обработка которыхъ даетъ возможность благоразумно или неблагоразумно откладывать вопросъ объ удобреніи. Какъ только окажется выгодноѣ удобрять старыя земли, чѣмъ распахивать новыя, Америка или начнетъ постоянно ввозить удобреніе, или и безъ покровительственныхъ пошлинъ будетъ производить хлѣбъ только для себя и, занимаясь фабричнымъ производствомъ для себя, будетъ имѣть и собственное удобреніе, какъ того желаетъ Кэри *).

По этимъ очевиднымъ основаніямъ я считаю экономическіе аргументы Кэри въ защиту протекціонизма совершенно несостоятельными. Но въ его убѣжденіяхъ относительно этого вопроса экономическая сторона далеко не играетъ главной роли. Американскіе протекціонисты часто разсуждаютъ чрезвычайно дурно, но будутъ несправедливо по отношенію къ нимъ предполагать, что ихъ протекціонистскія убѣжденія основаны только на экономическихъ заблужденіяхъ, а не на чемъ либо высшемъ; многіе изъ нихъ пришли къ такому убѣжденію скорѣе на основаніи соображенія о

*) На это Кэри возразилъ бы (какъ онъ уже дѣйствительно заранѣе и возразилъ), что изъ всѣхъ товаровъ удобреніе менѣе всего возможно перевозить изъ одного мѣста въ другое. Это справедливо относительно удобрения изъ сточныхъ трубъ и хлѣвовъ, но несправедливо относительно тѣхъ составныхъ частей, отъ которыхъ зависитъ сила этихъ удобрений. Эти же составныя части, наоборотъ, главнымъ образомъ представляютъ собою вещества, содержащія большую удобрительную силу въ небольшомъ объемѣ,—вещества, которыхъ человекъ требуетъ въ небольшомъ количествѣ, и потому вполне пригодны для ввоза, какъ напримеръ, минеральныя щелочи, фосфаты. Конечно, тутъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о фосфатахъ: потому что изъ щелочей соду возможно получить всюду; а поташъ, будучи одной изъ составныхъ частей гранитныхъ и другихъ шпатовыхъ породъ, находится во многихъ подпочвахъ, посредствомъ постепеннаго разложенія которыхъ онъ и возобновляется; большее количество его приносится также въ осадкахъ рѣкъ. Что же касается фосфатовъ, то они въ очень удобномъ видѣ составной муки составляютъ постоянный предметъ торговли и въ огромныхъ размѣрахъ вывозятся въ Англию, какъ ввозятся, вѣроятно, во всякую другую страну, гдѣ условія промышленности дѣлаютъ выгоднымъ платить за нихъ извѣстную цѣну.

высшихъ интересахъ человѣчества, чѣмъ на основаніи чисто экономическихъ разсужденій. Они, съ Кэри во главѣ, считаютъ необходимымъ условіемъ человѣческаго развитія, чтобы городовъ было много, чтобы люди сочетали свой трудъ посредствомъ обмена съ ближайшими соседями,—съ людьми, отличными отъ нихъ по своимъ цѣлямъ, способностямъ и умственному развитію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно близкими для взаимнаго возбужденія мысли и расширенія круга идей,—а не съ жителями противоположной стороны земного шара. Они думаютъ, что нація вся, или почти вся, занятая однимъ и тѣмъ же дѣломъ,—например, вся занятая земледѣліемъ—не можетъ достигъ высокой степени цивилизаціи и развитія. И этотъ доводъ имѣетъ большое основаніе. Если это затрудненіе вообще можетъ быть преодолено, то Соединенные Штаты съ ихъ свободными учрежденіями, всеобщимъ обученіемъ и вездѣущей прессой и будутъ тѣмъ народомъ, который преодолѣетъ его; но насколько это возможно, это еще вопросъ. Однако, если посредствомъ протекціонизма имѣется въ виду задержать чрезвычайную разбросанность населенія, то Уэксфордъ указалъ для этого лучший способъ: измѣнить существующую систему распоряженія незанятыми землями, повысивъ цѣну на нихъ вмѣсто того, чтобы понижать ее или отдавать землю безвозмездно, какъ это широко практиковалось со временъ утвержденія Homestead Act'a. Для того, чтобы по способу Кэри разрубить этотъ узелъ посредствомъ протекціонизма, было бы необходимо, чтобы Огайо и Мичиганъ охранялись отъ Массачусетта такъ же, какъ и отъ Англій, потому что фабрики Новой Англій одинаково, какъ и фабрики Англій, не удовлетворяютъ его желанію: поселить фабричное населеніе рядомъ съ западнымъ фермеромъ. Бостонъ и Нью-Йоркъ удовлетворяютъ потребности западныхъ Прерій въ городахъ не лучше, чѣмъ Манчестеръ; а перевозить удобреніе изъ первыхъ двухъ такъ же трудно, какъ изъ второго.

Теперь въ протекціонной системѣ остается лишь одна часть, требующая нѣкотораго замѣчанія, а именно ся политика по отношенію къ колоніямъ и зависящимъ иностраннымъ государствамъ—политика, принуждающая эти послѣднія вести торговлю исключительно съ метрополіей. Страна, обеспечивающая себя такимъ образомъ лобовочный иностраный спросъ на свои товары, конечно, доставляетъ себѣ нѣкоторое преимущество въ распредѣленіи общихъ выгодъ коммерческаго міра. Но этимъ она заставляетъ промышленность и капиталъ колоній уклоняться отъ путей, безъ сомнѣнія, наиболѣе производительныхъ въ виду того, что къ нимъ добровольно стремятся промышленность и капиталъ; слѣдовательно, отъ такого принужденія всѣ производительныя силы міра теряютъ, а господствующая страна выпрыгиваетъ меньше того, сколько по ея влгѣ теряетъ колонія. Поэтому, если господствующая страна отказывается признавать какую либо взаимность обязательствъ, то она косвеннымъ образомъ налагаетъ на колоніи дань, которая гораздо тягостнѣе и несправедливѣе прямой дани. Но если, руководствуясь болѣе справедливымъ чувствомъ, она ради выгоды колоніи подчиняется сама

соответствующимъ ограничениямъ, то изъ всей такой сдѣлки получается тотъ странный результатъ, что каждая изъ сторонъ теряетъ много для того, чтобы другая могла выиграть немного.

§ 2. Послѣ протекціонной системы изъ вредныхъ вмѣшательствъ въ свободный ходъ промышленныхъ дѣлъ надобно указать на нѣкоторыя вмѣшательства въ договоры. Однимъ изъ примѣровъ такого вмѣшательства являются законы о процентѣ. Они возникли изъ релігіознаго предубѣжденія противъ получения процентовъ съ денегъ, изъ предубѣжденія, которое получило свое начало изъ источника, обильнаго вредными послѣдствіями для современной Европы, а именно изъ попытки согласовать христіанское учене съ постановленіями іудейскаго закона. У магометанъ получение процента формально запрещено, и это постановленіе строго соблюдается. Симонди также указываетъ, какъ на одну изъ причинъ промышленной отсталости католической части Европы отъ протестантской, на то, что католическая церковь въ средніе вѣка санкціонировала тотъ же предразсудокъ, который ослабленъ, но еще и до сихъ поръ не уничтоженъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ католицизмъ остался въ силѣ. Гдѣ законъ или внутреннія убѣжденія не допускаютъ отдачи денегъ на проценты, тамъ капиталъ, принадлежащій людямъ, не занимающимся промышленностью, потерявъ для производительныхъ цѣлей, или можетъ предлагаться къ нимъ лишь въ исключительныхъ условіяхъ личныхъ связей, или посредствомъ всякихъ увертокъ. Такимъ образомъ, промышленность ограничивается капиталомъ предпринимателей и тѣмъ, что они могутъ занять у людей, не связанныхъ тѣми же законами или тою же релігіей, какъ они. Въ мусульманскихъ странахъ банкирами и заемщиками бывають либо индусы и армяне, либо евреи.

Въ болѣе просвѣщенныхъ странахъ законодательство уже не противодействуетъ получению извѣстнаго вознагражденія за ссуду денегъ; но повсюду оно вмѣшивалось въ свободу дѣйствій заемщика и кредитора, опредѣляя законный предѣлъ величины процента и признавая уголовнымъ преступленіемъ получение болѣе установленнаго максимума его. Это ограниченіе, хотя и одобренное Адамомъ Смитомъ, осуждалось всѣми просвѣщенными людьми со времени побѣдоносныхъ нападокъ на такого рода законы, сдѣланныхъ Бенхамомъ въ «письмахъ о ростовщичествѣ», на которыя еще и до сихъ поръ можно указать, какъ на лучшее произведеніе по этому вопросу.

Законодатели могутъ издавать и поддерживать законы о ростовщичествѣ по двумъ основаніямъ: или ради интересовъ всего общества, или изъ заботы объ интересахъ договаривающихся сторонъ; впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ—лишь одной стороны, а именно, заемщика. Съ точки зрѣнія интересовъ всего общества можетъ существовать убѣжденіе, что для общей пользы процентъ долженъ быть низокъ. Но только не понимая причинъ, влияющихъ на коммерческія дѣла, можно предполагать, что законъ дѣйствительно понижаетъ процентъ ниже той величины, какой бы онъ достигалъ при свободномъ вліяніи спроса и предложенія. Если не

снѣняемое соперничество заемщиковъ подымаетъ величину процента до 6%, то это показываетъ, что при 5% спросъ на ссуды былъ бы больше того, какой можетъ удовлетворить находящійся на рынкѣ капиталъ. Если при такихъ условіяхъ законъ не позволяетъ брать выше 5%, то нѣкоторые изъ заемщиковъ, не желая нарушать законъ и не имѣя возможности употребить свой капиталъ иначе, будутъ довольствоваться законнымъ процентомъ; но другіе, находя, что во время успѣннаго спроса можно другими способами извлечь изъ ихъ капитала больше того, сколько имъ позволено брать при отдачѣ его взаймы, вовсе не будутъ его отдавать взаймы; и ссудный капиталъ, уже и безъ того слишкомъ малый по сравненію со спросомъ, уменьшится еще сильнѣе. И въ такія времена многія изъ неудовлетворенныхъ лицъ, искавшихъ ссуды, но не получившихъ ее и нуждающихся въ ней во что бы то ни стало, легко найдутъ третій разрядъ заемщиковъ, которые согласятся нарушить законъ либо путемъ тайныхъ сдѣлокъ, мало чѣмъ отличающихся отъ плутовства, либо полагаясь на честность заемщика. Добавочный расходъ на окольный способъ займа и вознагражденіе за рискъ кредитора, не получивъ уплаты, или подвергнувшись законному наказанію, должны быть уплачены заемщикомъ сверхъ того платежа въ процентъ, какой потребовался бы отъ него въ силу общаго состоянія рынка. Такимъ образомъ, законы, устанавливаемые съ цѣлью пониженія цѣны, платимой за денежныя ссуды, способствуютъ обыкновенно сильному возвышенію ее. Эти законы также имѣютъ прямо деморализующее вліяніе. Зная, насколько трудно обнаружить незаконную денежную сдѣлку между двумя лицами, въ которой не принимается участіе третье, пока въ интересахъ ихъ обонхъ будетъ сохранять ее въ секретѣ, законодатели избрали способъ сбить заемщика къ доносу, сдѣлавъ непризнаніе долга частью наказанія за преступленіе; такимъ образомъ, законъ какъ бы вознаграждаетъ людей за то, что они посредствомъ ложныхъ обѣщаній получили имущество другихъ и затѣмъ не только отказались отъ платежа, но еще и навлекли законное наказаніе на тѣхъ, кто имъ помогъ въ нуждѣ. Нравственное чувство человечества вполне справедливо клеймитъ лозоромъ лишь, отказывающихся удовлетворить справедливое требованіе подъ предлогомъ ростовщическихъ процентовъ и терпятъ подобную отговорку лишь тогда, когда къ ней прибѣгаютъ, какъ къ наилучшей юридической защитѣ противъ посягательства, дѣйствительно по своему характеру считающагося мошенничествомъ, или вымогательствомъ. Но эта самая строгость общественнаго мнѣнія дѣлаетъ исполненіе законовъ настолько затруднительнымъ и наложеніе наказанія настолько рѣдкимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оно применяется, оно только лишь приноситъ въ жертву отдѣльное лицо и не имѣетъ никакого вліянія на всѣ сдѣлки вообще.

Если основаніемъ для ограниченія, какъ можно предположить, служитъ не интересъ всего общества, а забота объ интересахъ заемщика, то трудно указать какой либо случай, въ которомъ подобная заботливость со стороны законодателя была бы болѣе не-

умѣстна. Человѣкъ въ здоровомъ умѣ и въ возрастѣ, въ которомъ люди закономъ признаются способнымъ вести свои дѣла, долженъ считаться надлежащимъ охранителемъ своихъ денежныхъ интересовъ. Если онъ можетъ продать имѣніе, или отдать его въ аренду, или передать все свое имущество безъ контроля со стороны закона, то кажется совершенно излишнимъ, чтобы заемъ денегъ былъ единственной сдѣлкой, которую онъ не могъ бы совершать безъ внимательства закона. Законъ, кажется, предполагаетъ, что заимодавецъ, имѣя дѣло съ пуждающимися людьми, можетъ извлекать выгоду изъ ихъ нужды и требовать у нихъ условій, ограничиваемыхъ лишь его производомъ. Это было бы такъ, если бы для всякаго заемщика былъ доступенъ лишь одинъ заимодавецъ. Но когда въ ссуду предлагается весь денежный капиталъ богатаго общества, то въ невыгодное положеніе на рынкѣ ни одинъ заемщикъ не будетъ поставленъ только лишь въ силу настоятельности его нужды. Если онъ не можетъ занять по проценту, платимому другими людьми, то это должно быть потому, что онъ не можетъ доставить настолько же хорошаго обезпеченія; и соперничество сократить пзлшнее требованіе съ него до справедливаго вознагражденія за рискъ возможной несостоятельности заемщика. Хотя законъ желаетъ покровительствовать заемщику, однако именно этому послѣдству онъ и причиняетъ несправедливость въ этомъ случаѣ. Что можетъ быть несправедливѣе того, когда человѣку, не имѣющему возможности представить вполнѣ вѣрное обезпеченіе, мѣшаютъ занимать у людей, которые готовы были бы дать ему деньги, если бы имъ позволили брать проценты, представляющій справедливое вознагражденіе за ихъ рискъ? Благодаря ошибочной заботливости закона, онъ долженъ или обходиться безъ денегъ, которыми, по всей вѣроятности, необходимы ему для предотвращения гораздо большихъ потерь, или прибѣгать къ средствамъ гораздо болѣе разорительнымъ, которыя законъ либо не нашелъ возможнымъ, либо забыть запретить.

Адамъ Смитъ слишкомъ поспѣшно выражаетъ мнѣніе, что лишь два разряда людей, «расточители и прожектеры» могутъ нуждаться въ займѣ денегъ по проценту выше рыночнаго. Онъ долженъ бы былъ прибавить сюда же всѣхъ лицъ, находящихся въ денежныхъ затрудненіяхъ, какъ бы кратковременно ни была ихъ нужда. Всякому дѣловому человѣку можетъ случиться обмануться въ тѣхъ средствахъ, на которыя онъ расчитываетъ для уплаты какаго либо обязательства, не выполнивъ котораго въ назначенный день онъ сдѣлался бы банкротомъ. Въ періоды коммерческихъ затрудненій таково положеніе многихъ богатыхъ фирмъ, которыя становятся конкурентами на ту незначительную сумму свободнаго капитала, съ какою готовы разстаться собственники во время общаго недовѣрія. При англійскихъ законахъ о ростовщичествѣ, по счастью уже отмѣненныхъ, ограниченія, налагаемая этими законами, вызвали серьезное ухудшеніе во всякомъ коммерческомъ кризисѣ. Торговцы, которые имѣли бы возможность получить требующуюся имъ помощь по 7 и 8 процентовъ на короткій срокъ, были принуждены платить по 20 и 30 процентовъ или прибѣгать къ поспѣшной про-

дажѣ товаровъ съ еще болѣею потерей. Опытъ заставилъ парламентъ обратить вниманіе на это зло, вслѣдствіе чего былъ установленъ тотъ родъ компромисса, примѣровъ котораго такъ много въ англійскомъ законодательствѣ, и который способствуетъ тому, что наши законы и система управления представляютъ такую массу несообразностей. Законъ былъ исправленъ такъ, какъ исправляется тѣсный банникъ, когда въ немъ прорѣзываютъ дыру въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сплывѣе всего жать, и продолжаютъ его носить. Удерживая ошибочный принципъ, какъ общее правило, парламентъ допустилъ исключеніе въ томъ случаѣ, когда зло на практикѣ оказывается наиболѣе очевиднымъ. Онъ оставилъ неотмѣненными законы о ростовщичествѣ, но освободилъ отъ ихъ дѣйствія коммерческіе векселя на срокъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Нѣсколько лѣтъ спустя эти законы были отмѣнены относительно всѣхъ договоровъ, но оставлены въ силѣ относительно денежныхъ договоровъ, касающихся земли. Нельзя найти ни капли смысла въ установленіи этого необыкновеннаго различія; но «умы землевладѣльческаго класса были того мнѣнія, что проценты по закладнымъ на землю, хотя они едва ли когда либо возвышались до узаконеннаго предѣла, поднялись бы гораздо выше его; и законы о ростовщичествѣ были сохранены для того, чтобы землевладѣльцы, какъ они сами думали, имѣли возможность занимать по проценту ниже рыночнаго такъ же, какъ хлѣбные законы сохранялись для того, чтобы тотъ же классъ имѣлъ возможность продавать хлѣбъ выше рыночной цѣны. Скромность этой претензіи совершенно достойна ума тѣхъ, кто можетъ думать, будто употребляемая средства какимъ либо образомъ ведутъ къ желаемой цѣли.

Что же касается «расточителей и прожектеровъ», о которыхъ говоритъ Адамъ Смитъ, то никакой законъ не можетъ помѣшать расточителю разориться, если этотъ законъ не подчиняетъ его или его собственность дѣйствительному ограниченію, какъ это дѣлается незаслуживающимъ никакого оправданія постановленіемъ римскаго права и нѣкоторыми континентальными законами, основанными на этомъ источникѣ. Единственное вліяніе законовъ о ростовщичествѣ на расточителя то, что они дѣлаютъ его разореніе болѣе быстрымъ, заставляя его обращаться къ безчестнымъ заимодавцамъ и дѣлая условія болѣе тягостными вслѣдствіе созданнаго закономъ добавочнаго риска. Что же касается прожектеровъ—выраженіе, несправедливо примѣняемое въ его неблагоприятномъ значеніи ко всякому лицу, имѣющему какой либо проектъ,—то подобные законы могутъ налагать veto на исполненіе наиболѣе общающаго предпріятія, когда оно задумано, какъ это обыкновенно и бываетъ, лицомъ, не имѣющимъ достаточнаго капитала для успѣшнаго выполненія его. Многія изъ вилчайшихъ изобрѣтеній вначалѣ возбуждали недовѣріе капиталистовъ и должны были ждать много времени, пока находили человѣка достаточно предпримчиваго, для того чтобы первому вступить на новый путь; много лѣтъ прошло, пока Стефенсонъ смогъ наконецъ убѣдить даже предпримчивое коммерческое общество Ливерпуля и Манчестера въ выгодѣ замѣнить посейвыя дороги

железными; а проекты, на которые было потрачено много труда и денег съ незначительнымъ видимымъ результатомъ (т. е. въ тотъ періодъ ихъ развитія, когда наиболѣе многочисленны предсказанія неудачи), могутъ быть отложены на неопредѣленное время, или совершенно покинута, и всё издержки потеряны безвозвратно, если законъ не дозволитъ, когда будутъ истощены первоначальныя средства, собрать новыя на такихъ условіяхъ, на какихъ люди готовы рискнуть этими средствами ради предпріятія, успѣхъ котораго еще не обезпеченъ.

§ 3. Займы представляютъ не единственный видъ договора, въ которомъ правительство считаетъ себя болѣе способнымъ регулировать условія, чѣмъ сами заинтересованныя лица. Едва ли найдется хоть одинъ товаръ, который въ то или другое время, или въ томъ или другомъ мѣстѣ, правительства не старались бы сдѣлать дешевле или дороже того, сколько бы онъ стоилъ, предоставленный самому себѣ. Наиболѣе законнымъ кажется искусственное удешевление такого товара, какъ пшца. Въ данномъ случаѣ эта цѣль безспорно желательна. Но извѣстно, что средняя цѣна пшцы, какъ и другихъ вещей, соотносится со стоимостью производства съ прибавкой обыкновенной прибыли; поэтому, если фермеръ не будетъ рассчитывать получить эту цѣну, то безъ принужденія закона онъ будетъ производить не болѣе того, сколько необходимо для его собственнаго потребленія; и, слѣдовательно, если законъ окончательно рѣшилъ удешевить пшцу, онъ долженъ замѣнить обыкновенныя побужденія къ воздѣлыванію пшцы системой наказаній. Если же онъ не рѣшится сдѣлать этого, то ему не остается другого средства, какъ обложить налогомъ всю націю для того, чтобы выдавать премію людямъ, производящимъ или ввозящимъ хлѣбъ, и такимъ образомъ давать каждому дешевый хлѣбъ на счетъ всѣхъ, что въ сущности будетъ щедростью относительно тѣхъ, которые не платятъ налоговъ, на счетъ тѣхъ, которые платятъ; это будетъ одна изъ чрезвычайно дурныхъ формъ благотворительности, обращающая рабочіе классы въ праздные, давая имъ пшцу въ подарокъ.

Однако, правительство старалось понижать не столько общія или среднія цѣны пшцы, сколько случайно высокія цѣны ея во время недостатка въ ней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принудительное постановленіе, какъ напримѣръ, знаменитый «максимумъ» революціоннаго правительства 1793 года, предлагаяло попытку правительства уничтожить необходимыя послѣдствія своихъ собственниковъ дѣйствій: попытку одною рукою разсѣивать въ безграничномъ изобиліи денежные знаки, а другою сдерживать цѣны, это—вещь очевидно невозможная ни при какомъ другомъ режимѣ, кромѣ невозможнаго террора. Въ случаѣ дѣйствительной нехватки пшцы правительства часто бывають вынуждены, какъ напримѣръ, въ 1847 году въ Ирландіи, принимать какія нибудь мѣры для пониженія цѣны на пшцу. Но цѣна вещи не можетъ возвышаться вслѣдствіе недостатка въ снабженіи выше того, сколько достаточно для соответственнаго сокращенія въ потребленіи: и если правительство не допускаетъ, чтобы это сокращеніе совершилось вслѣдствіе возвышенія цѣны, то

ему не остается иного способа произвести его, какъ взять въ свое распоряженіе всю пшцу и выдавать ее порціями, какъ въ осажденномъ городѣ. При дѣйствительной нехваткѣ ничто не доставитъ всеобщаго облегченія, кромѣ рѣшенія богатыхъ уменьшить свое собственное потребленіе. Если они покушаютъ и потребляютъ обыкновенное количество пшцы и довольствуются лишь тѣмъ, что раздаютъ деньги, то этимъ они не приносятъ никакой пользы. Цѣна повышается до тѣхъ поръ, пока у бѣднѣйшихъ соперниковъ уже болѣе не оказывается средствъ для соперничества, и недостатокъ пшцы дойдетъ исключительно на бѣднѣйшіе классы, другіе же терпятъ только въ денежномъ отношеніи. Когда снабженіе недостаточно, кто-нибудь долженъ потреблять меньше, и если каждый богатый рѣшитъ не быть этимъ «къмъ-нибудь», то, помогая деньгами бѣднѣйшимъ соперникамъ, онъ только подымаетъ цѣну на всю, жертвуемую имъ, сумму безъ всякаго результата, кромѣ обогащенія клѣбныхъ торговцевъ, т. е. получается вѣчто прямо противоположное тому, чего желаютъ люди, предлагающіе такія мѣры. Все, что правительства могутъ сдѣлать въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—это совѣтовать всѣмъ вообще увѣренность въ потребленіи и запрещая тѣ виды его, которые не имѣютъ первостепенной важности. Прямая мѣра доставленія на счетъ государства пшцы издалека цѣлесообразна лишь въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе исключительныхъ причинъ оказывается мало вѣроятнымъ, чтобы она была доставлена частной спекуляціей. Во всякомъ же другомъ случаѣ онъ представляютъ огромную ошибку. Частные спекулянты не рискнуть въ такомъ случаѣ соперничать съ правительствомъ; а хотя правительство и можетъ сдѣлать больше какого либо отдѣльнаго купца, однако оно не можетъ сдѣлать и приблизительно столько, какъ всѣ купцы.

§ 4. Однако правительства чаще обвѣщаются въ попыткѣ, и при томъ очень успѣшной, возвышать цѣну вещей, чѣмъ въ стремленіи посредствомъ ошибочныхъ средствъ удешевлять ихъ. Обыкновенный способъ производить искусственную дороговизну представляетъ монополія. Давать монополію одному производителю или торговцу, или извѣстной группѣ производителей или торговцевъ, не настолько многочисленной, чтобы они не могли войти въ соглашеніе между собой, значить давать имъ право взимать съ общества въ свою пользу такой налогъ, который только бы не заставилъ общество отказаться отъ употребленія товара. Когда участники въ монополіи такъ многочисленны и такъ разбросаны, что не могутъ войти въ соглашеніе между собой, то зло значительно меньше; но даже и въ такомъ случаѣ соперничество между ограбленнымъ частномъ не настолько дѣятельно, какъ между неограниченнымъ. Люди, увѣренные, что они получаютъ все, что приходится на ихъ долю изъ общаго дѣла, рѣдко стремятся получить большую долю, отказываясь отъ части своей прибыли. Даже самое частичное ограниченіе соперничества можетъ имѣть вредныя послѣдствія, совершенно несообразныя съ видимою причиною. Одно лишь исключеніе иностранцевъ изъ отрасли промышленности, открытой свободному соперни-

честву всѣхъ жителей данной страны, какъ извѣстно, даже въ Англіи дѣлало такую отрасль выдающимся исключеніемъ изъ общей промышленности страны. Шелковое производство въ Англіи сильно отставало отъ такого же производства въ другихъ европейскихъ странахъ, пока иностранныя шелковыя издѣлія были запрещены. Кромѣ налога, взимаемаго для дѣйствительной или воображаемой пользы монополистовъ, потребитель такимъ образомъ платитъ еще добавочный налогъ за ихъ лѣность и неспособность. Избавленные отъ непосредственнаго возбужденія соперничествомъ, производители и торговцы становятся равнодушными къ тому, на что указываетъ ихъ прямая денежная выгода, предпочитая самымъ многообѣщающимъ надеждамъ на будущее то спокойствіе, какимъ они пользуются, придерживаясь рутинны. Человѣкъ, получающій хорошей доходъ со своего занятія, рѣдко оставляетъ проторенную дорогу, для того чтобы ввести даже несомнѣнно доходное улучшение, если у него не явится новаго побужденія въ видѣ опасенія, чтобы какой нибудь соперникъ не подорвалъ его, введя это улучшеніе.

Осужденіе монополіи не должно распространяться на патенты, посредствомъ которыхъ изобрѣтателю усовершенствованнаго процесса дается право пользоваться въ теченіе ограниченнаго времени исключительной привилегіей на примѣненія своего улучшенія. Это значить не возвышать цѣну товара для пользы изобрѣтателя; а только лишь ограничивать на нѣкоторое время то удешевленіе, которымъ общество обязано изобрѣтателю, для того чтобы вознаградить его за услугу. Нельзя отрицать, что онъ долженъ получить обратно затраченное и получить вознагражденіе, какъ нельзя отрицать и того, что, если бы всѣмъ немедленно же было позволено пользоваться его изобрѣтательностью, не раздѣляя трудовъ и расходовъ, которымъ онъ подвергся, когда приводилъ къ осуществленію свою идею, то либо никто, кромѣ очень богатыхъ и очень самоотверженныхъ людей, не сталъ бы предпринимать подобнаго труда и расходовъ, либо государство должно бы было отнѣмать услугу, оказанную изобрѣтателемъ, и вознаграждать его деньгами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это дѣлалось и можетъ безъ неудобства дѣлаться всегда, когда польза для общества отъ улучшенія очень очевидна; но вообще исключительная, временная привилегія предпочтительнѣе, потому что она не оставляетъ мѣста для чьего либо произвола, такъ какъ даваемое ей вознагражденіе зависитъ отъ того, насколько полезнымъ окажется изобрѣтеніе, и чѣмъ полезнѣе оно будетъ, тѣмъ больше будетъ вознагражденіе; а кромѣ того потому, что вознагражденіе уплачивается именно тѣмъ людямъ, которымъ оказана услуга, т. е. потребителямъ товара. И въ самомъ дѣлѣ эти соображенія настолько важны, что, если бы система патентовъ была замѣнена системой вознагражденій отъ государства, то самой лучшей формой, какую бы могли принять эти вознагражденія, былъ бы небольшой временный налогъ, налагаемый въ пользу изобрѣтателя на всѣхъ лицъ, пользующихся его изобрѣтеніемъ. Однако, противъ этой, или противъ всякой другой системы, дающей государству право рѣшать, будетъ ли не будетъ изобрѣтатель извлекать публичную денежную выгоду

изъ принесенной имъ обществу пользы, возраженія, очевидно, будутъ сильнѣе и основательнѣе самыхъ сильныхъ изъ тѣхъ, какія можно привести противъ патентовъ. Всѣмъ признается, что нынѣшніе законы о патентахъ требуютъ многихъ усовершенствованій, но въ данномъ случаѣ такъ же, какъ въ почти аналогичномъ ему случаѣ авторскаго права, было бы большою несправедливостью со стороны закона предоставлять каждому свободно пользоваться трудомъ другого лица, безъ согласія этого послѣдняго, и не давая ему вознагражденія. Я смотрѣлъ съ дѣйствительнымъ безпокойствомъ на нѣсколько недавнихъ попытокъ, по временамъ имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ, совершенно опровергнуть принципъ патентовъ; если бы эти попытки достигли дѣйствительнаго успѣха, то онѣ водворили бы свободное воровство подъ обезславленнымъ пменемъ свободной торговли и сдѣлали бы способнаго человѣка еще болѣе, нежели теперь, немущимъ слугою и подчиненнымъ людей съ золотымъ мѣшикомъ.

§ 5. Теперь я перехожу къ другому виду правительственнаго вмѣшательства, въ которомъ цѣль и средства одинаково отвратительны, но который въ Англіи существовалъ не болѣе, какъ одно поколѣніе тому назадъ, а во Франціи до 1864 года. Я говорю о законахъ противъ соединенія рабочихъ для повышенія заработной платы, о законахъ, издаваемыхъ и сохраняемыхъ съ несрываемою цѣлью поддерживать низкую заработную плату подобно тому, какъ знаменитый статутъ о рабочихъ былъ проведенъ законодательной властью хозяевъ для того, чтобы не дать возможности рабочимъ классамъ, когда ихъ число уменьшилось отъ чумы, воспользоваться уменьшеніемъ соперничества для полученія болѣе высокой заработной платы. Въ подобныхъ законахъ обнаруживаются дьявольскіе инстинкты рабовладѣльчества въ то время, когда сдѣлалось уже невозможнымъ удерживать рабочіе классы въ открытомъ рабствѣ.

Если бы рабочіе классы имѣли возможность посредствомъ соглашенія между собою возвышать или поддерживать общій уровень заработной платы, то едва ли нужно говорить, что это было бы такимъ явленіемъ, за которое не только не слѣдовало бы наказывать, а напротивъ привѣтствовать его и радоваться ему. Къ несчастію эта цѣль совершенно не достижима подобными средствами. Число людей, составляющихъ рабочій классъ, слишкомъ велико, и они слишкомъ разбросаны для того, чтобы соединиться между собою вообще, а тѣмъ болѣе соединиться успѣшно. Если бы они могли вступить въ соглашеніе, имъ, безъ сомнѣнія, удалось бы уменьшить число рабочихъ часовъ и получать ту же плату за меньшую работу. Но если бы они стали добиваться заработной платы дѣйствительно выше того размѣра, какой установленъ спросомъ и предложеніемъ— размѣра, при которомъ весь оборотный капиталъ страны распределяется между всѣмъ рабочимъ населеніемъ, то это могло бы быть достигнуто только постояннымъ исключеніемъ нѣкоторой части ихъ отъ занятія. А такъ какъ людямъ, имѣющимъ возможность получить работу, но не принимающимъ ея, безъ сомнѣнія, будетъ отказано въ пособіи на счетъ общественной благотворительности, то, слѣдовательно, ихъ содержаніе легло бы на рабочіе союзы, членами кото-

рыхъ они состоятъ; и въ общемъ положеніе рабочихъ было бы не лучше прежняго, такъ какъ то же число ихъ должно было бы существовать на прежнюю сумму заработной платы. Однако, этимъ способомъ вниманіе рабочаго класса было бы силою вещей обращено на чрезмѣрность ихъ числа и на необходимость собразовать предложеніе труда со спросомъ на него, если только они хотятъ имѣть болѣе высокую заработную плату.

Союзы для повышенія заработной платы бывають иногда успѣшны въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ рабочихъ немного, и они сосредоточены въ немногихъ центрахъ производства. Сомнительно, имѣли ли когда либо союзы хоть малѣйшее вліяніе на постоянное вознагражденіе прядильщиковъ и ткачей; но подешники—литографы, какъ говорятъ, имѣютъ возможность при помощи тѣснаго сличенія поддерживать размѣръ заработной платы значительно выше того, какой обыкновенно бываетъ въ занятіяхъ, равныхъ по трудности и искусству; и даже болѣе многочисленному классу портныхъ, какъ говорятъ, удавалось до нѣкоторой степени достигать такого же успѣха. Возвышеніе заработной платы, ограничивающееся отдѣльными занятіями, не покрывается (подобно общему возвышенію заработной платы) изъ прибыли, а повышаетъ цѣнность и цѣну отдѣльнаго товара и падаетъ на потребителя; капиталисты, производящіе товаръ, терпятъ ущербъ лишь по столько, по сколько высокая цѣна способствуетъ стѣсненію рынка; и даже при такихъ условіяхъ терпятъ ущербъ лишь въ томъ случаѣ, если стѣсненіе рынка происходитъ въ большей пропорціи, нежели возвышеніе цѣны; потому что, хотя при болѣе высокой заработной платѣ, съ даннымъ капиталомъ они употребляютъ меньше рабочихъ и получаютъ меньше товара, тѣмъ не менѣе, если они могутъ продать все это уменьшенное количество по повышенной цѣнѣ, то прибыль ихъ остается такой, какъ и прежде.

Это частное повышеніе заработной платы, если только оно достигается не въ ущербъ остальнымъ рабочимъ, не должно считаться вреднымъ. Правда, потребителю приходится платить за него, но удешевленіе товара желательно лишь тогда, когда оно происходитъ отъ того, что его производство стоитъ меньшаго труда, а не отъ того, что этотъ трудъ дурно вознаграждается. Правда, съ перваго взгляда можетъ показаться, что высокая заработная плата, напри- мѣръ, рабочихъ въ литографіяхъ получается въ ущербъ всему рабочему классу, вообще. Такое высокое вознагражденіе производитъ то, что либо меньшее число лицъ находятъ занятіе въ данномъ ремеслѣ, либо къ данной отрасли промышленности привлекается больше капитала; въ первомъ случаѣ на общій рынокъ выбрасывается лишнее число рабочихъ, во второмъ съ рынка устраняется нѣкоторая часть спроса на трудъ; а какъ то, такъ и другое послѣдствіе вредно для рабочихъ классовъ. Таково въ самомъ дѣлѣ и будетъ дѣйствительное вліяніе успѣшнаго союза въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того, какъ онъ образовался въ одномъ, или нѣсколькихъ отдѣльныхъ ремеслахъ; но когда такой союзъ становится дѣломъ постояннымъ, то онъ не можетъ имѣть подобнаго вліянія, какъ видно изъ принциповъ, на которые мы такъ часто указывали въ

нашемъ трактатѣ. На обычные заработки рабочихъ классовъ вообще ничто не можетъ имѣть вліянія, кромѣ обычныхъ потребностей рабочаго населенія; эти послѣднія, конечно, могутъ измѣняться; но пока онѣ остаются прежними, заработная плата никогда не падаетъ надолго ниже уровня этихъ потребностей и не остается долго выше него. Если бы же было союзовъ въ отдѣльныхъ ремеслахъ, и заработная плата въ этихъ ремеслахъ никогда не поддерживалась бы выше обыкновеннаго уровня, то нѣтъ основанія думать, чтобы общій уровень ея былъ бы выше, чѣмъ теперь; просто было бы большее число рабочихъ вообще и меньше исключеній изъ обыкновеннаго низкаго размѣра заработной платы.

Если бы, поэтому, нельзя было ожидать никакого улучшенія въ общемъ положеніи рабочихъ классовъ, то успѣхъ какой бы ни было незначительной части ихъ въ поддержаніи при помощи союза своей заработной платы выше рыночнаго размѣра былъ бы вполне желателенъ. Но теперь, когда улучшеніе въ нравахъ и положеніи всего сословія рабочихъ стало наконецъ вещью, достижимой при помощи раціональныхъ усилій, пора, чтобы получающіе болѣе высокое вознагражденіе классы искусныхъ ремесленниковъ добивались своихъ выгодъ не отдѣльно, а вмѣстѣ съ прочими рабочими. Пока они будутъ основывать свои надежды на огражденіи себя отъ соперничества и на охраненіи своей заработной платы посредствомъ закрытія доступа другимъ къ ихъ занятію, до тѣхъ поръ отъ нихъ нельзя ожидать ничего лучшаго, кромѣ того положительнаго отсутствія какихъ либо шороховъ и благородныхъ цѣлей, того почти открытаго равнодушія ко всѣмъ другимъ интересамъ, кромѣ высокой заработной платы и малаго количества работы для ихъ небольшой группы, которая такъ прискорбно проглядывала въ дѣйствіяхъ и манифестаціяхъ Amalgamated Society of Engineers въ теченіе ихъ распри съ хозяевами. Если бы даже и можно было съ успѣхомъ улучшить положеніе какого нибудь привилегированнаго класса рабочихъ, то это было бы не помощью, а препятствіемъ для эмансипаціи всѣхъ рабочихъ классовъ вообще.

Но хотя союзы для возвышенія заработной платы рѣдко бывають успѣшны, а при успѣхѣ рѣдко бывають желательны по причинамъ, мною указаннымъ, тѣмъ не менѣе право дѣлать такіа попытки есть такое право, въ которомъ нельзя отказать никакой части рабочаго населенія, безъ вѣроятія возбудить въ нихъ роковыя заблужденія относительно условій, опредѣляющихъ ихъ положеніе. Пока союзы для возвышенія заработной платы были запрещены закономъ, законъ казался рабочимъ дѣйствительною причиною низкой заработной платы, которой безспорно онъ и старался достичь всѣми силами. Опытъ забастовокъ оказался для рабочихъ классовъ наилучшимъ учителемъ по вопросу о зависимости между заработной платой и спросомъ и предложеніемъ труда, и чрезвычайно важно, чтобы этотъ способъ обученія не устранялся.

Большое заблужденіе осуждать безусловно и положительно союзы рабочихъ и коллективную борьбу путемъ стачекъ. Я допускаю, что стачка вредна, когда она неблагоприятна; а она неблаго-

разумна тогда, когда пытаются поднять заработную плату выше того рыночного размера, какой бывает возможен по условиям спроса и предложения. Но спрос и предложение не представляют естественных сил, навязывающих рабочему данную сумму заработной платы помимо его воли и действий. Рыночная плата определяется для него не какойнибудь самодействующей силой, но есть результат торга между людьми—результат того, что Адамъ Смитъ называетъ «the higgling of the market» *); и тѣ, кто не торгуются, долго будутъ платить при своихъ обыкновенныхъ покупкахъ за все больше рыночной цѣны. Тѣмъ болѣе бѣдные рабочіе, которымъ приходится имѣть дѣло съ богатыми хозяевами, могутъ долго оставаться безъ того размѣра заработной платы, какой оправдывался бы спросомъ на ихъ трудъ, если они, по народному выраженію, не отстоятъ этого размѣра; а какъ они могутъ отстоять его безъ организованнаго соглашенія? Какой успѣхъ могъ бы имѣть рабочій, самостоятельно добывающійся повышения заработной платы? Какъ могъ бы онъ знать безъ совѣщанія со своими товарищами, допускается ли состояніемъ рынка повышение заработной платы? А такія совѣщанія естественно ведутъ къ соединенному дѣйствию. И не колеблясь говорю, что ассоціаціи рабочихъ, сходныя по своему характеру съ рабочими союзами (trades unions), ни въ какомъ случаѣ не составляютъ помѣхи на свободномъ рынкѣ труда, а напротивъ являются необходимымъ элементомъ такого рынка, необходимымъ способомъ дать возможность продавцамъ труда надлежащимъ образомъ позаботиться о своихъ собственныхъ интересахъ при системѣ соперничества. Есть еще другое, весьма важное соображеніе, на которое впервые обратилъ вниманіе профессоръ Фосеттъ въ статьѣ, напечатанной въ Westminster Review. Опытъ, накопецъ, далъ возможность болѣе развитымъ ремесленникамъ опредѣлять достаточно правильно обстоятельства, отъ которыхъ зависяетъ успѣхъ забастовки для повышения заработной платы. Теперь рабочіе знаютъ почти такъ же хорошо, какъ и ихъ хозяева, о состояніи рынка для его товаровъ; они могутъ исчислить его прибыль и расходы, знаютъ, когда его дѣло идетъ хорошо и когда—дурно, и только тогда, когда оно идетъ хорошо, они всегда готовы устроить стачку для повышения заработной платы; а ихъ готовность къ стачкѣ заставляя ихъ хозяина болѣею частью въ такихъ случаяхъ добровольно соглашаться на такое повышение платы. Такимъ образомъ, это положеніе вещей ведетъ къ тому, чтобы сдѣлать возвышеніе заработной платы въ каждомъ отдѣльномъ ремеслѣ обыкновеннымъ послѣдствиемъ возвышенія прибыли, что, по замѣчанію Фосетта, представляетъ начало того правильнаго участія рабочихъ въ прибыли, получаемой отъ ихъ труда, всякое стремленіе къ которому, по причинамъ, указаннымъ въ одной изъ предыдущихъ главъ **), такъ необходимо поощрять, потому что только отъ такого участія рабочихъ въ прибыли мы можемъ ожидать какого либо радикальнаго улуч-

*) to higggle—торговаться.

**) Кн. V, гл. VII.

шенія въ социальныхъ и экономическихъ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ. Поэтому, забастовки и рабочія общества, дѣлающія возможнымъ забастовки, по этимъ разнообразнымъ причинамъ составляютъ не только не вредную, но, наоборотъ, неоцѣненную часть современнаго общественнаго механизма.

Однако, необходимое условіе при допусканіи союзовъ—это добровольность ихъ. Никакая строгость, необходимая для преслѣдованія попытокъ угрозамъ или насиліемъ принуждать рабочихъ присоединяться къ союзу, или принимать участіе въ стачкѣ, не будетъ слишкомъ велика. Въ простое, нравственное принужденіе, посредствомъ выраженія мнѣнія, законъ не долженъ вмѣшиваться; съ такимъ принужденіемъ культурные люди должны бороться путемъ улучшенія возрѣвшаго народа. Другіе вопросы возникаютъ, когда союзъ, будучи исполненъ добровольнымъ, ставитъ себя пѣдл, дѣйствительно противныя общественному благу. Высокая заработная плата и уменьшеніе рабочихъ часовъ, вообще, цѣли хорошия, или во всякомъ случаѣ, могущія быть хорошими; но во многихъ рабочихъ союзахъ считается почти правиломъ, что не должно быть урочной работы и различія въ платѣ самаго искуснаго и самаго неискуснаго рабочаго, или что ни одинъ членъ союза не долженъ зарабатывать болѣе извѣстной суммы въ недѣлю, для того чтобы для другихъ было больше занятія; уничтоженіе поштучной работы, съ большими или меньшими измѣненіями, также занимаетъ выдающееся мѣсто между требованіями Amalgamated Society. Эти союзы преслѣдуютъ вредныя цѣли. Даже только частичный успѣхъ ихъ вреденъ для общества, а полный успѣхъ по своимъ послѣдствіямъ былъ бы равносильенъ самому сильному злу, проистекающему отъ дурного экономическаго законодательства. Едва ли можно сказать что нибудь худшее относительно законовъ, касающихся труда и вознагражденія за него (если только эти законы признаютъ личную свободу рабочаго), какъ то, что они ставятъ энергичнаго и лѣниваго, искуснаго и неискуснаго на одинъ уровень; а это, насколько оно само по себѣ возможно, и есть прямая цѣль постановленій такого рода союзовъ. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что законъ въ правѣ сдѣлать образованіе такихъ ассоціацій незаконнымъ и заслуживающимъ наказанія. Независимо отъ всѣхъ соображеній о конституціонной свободѣ, высшіе интересы человечества настоятельно требуютъ, чтобы всѣ, добровольно предпринимаемые, экономическіе эксперименты пользовались полнѣйшей свободой и чтобы насиліе и обманъ были единственными запрещенными для менѣе счастливыхъ классовъ общества способами улучшать свое положеніе *).

*) Кто пожелаетъ взглянуть въ вопросъ о рабочихъ союзахъ съ точки зрѣнія самихъ рабочихъ, долженъ ознакомиться съ памфлетомъ, изданнымъ въ 1860 году подъ заглавіемъ „Trades Unions and strikes their Philosophy and Intention, by T. I. Dunning secretary to the London Consolidated Society of Bookbinders“. Въ этомъ выдающемся трактатѣ есть много мнѣній, съ которыми я согласенъ только отчасти и нѣсколько такихъ, съ которыми я вовсе не согласенъ. Но въ немъ есть также много здравыхъ аргументовъ и поучительное изложеніе обыкновенныхъ, ложныхъ

§ 6. Изъ способовъ незаконнаго пользованія правительственной властью въ этой главѣ я разсмотрѣлъ только тѣ, которые опираются на теоріяхъ, имѣющихъ большее или меньшее значеніе въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ. Я не говорилъ о другихъ видахъ пользованія правительственной властью, которые не такъ давно причиняли еще большой вредъ, но которые теперь повсюду отвергнуты, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, хотя на практикѣ многіе изъ нихъ уцѣлѣли, такъ что ихъ невозможно еще причислить къ уже отвергнутымъ заблужденіямъ.

Напримѣръ, убѣжденіе, что правительство должно избирать мнѣнія для народа и не допускать къ печатанію или публичному изложенію никакихъ политическихъ, нравственныхъ, юридическихъ, или религіозныхъ ученій, кромѣ одобренныхъ имъ, можно сказать, теперь совершенно отвергнуто, какъ общій тезисъ. Теперь прекрасно понимаютъ, что такого рода режимъ пагубенъ для всякаго развитія, даже и экономическаго; что человѣческой умъ, когда ему препятствуетъ страхъ ли закона или боязнь общественнаго мнѣнія свободно упражнять свои способности на наиболѣе важныхъ вопросахъ, впадаетъ вообще въ апатію и безсиліе, которыя, достигнувъ известной степени, дѣлаютъ его неспособнымъ идти впередъ даже въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, а при еще большей степени заставляютъ постепенно терять и то, что было достигнуто раньше. Самый рѣшительный примѣръ этого представляютъ Испанія и Португалія въ теченіе двухъ вѣковъ послѣ реформациі. Упадокъ національнаго могущества и даже матеріальной культуры этихъ странъ въ то время, какъ всѣ другія европейскія націи непрерывно развивались, приписывался различнымъ причинамъ, но въ основѣ ихъ всѣхъ лежатъ одна причина: святая инквизиція и та система умственного рабства, символомъ которой она служила.

Однако, хотя эти истины почти всѣми признаются и свобода мнѣнія в преніи считается аксіомой во всѣхъ свободныхъ странахъ, тѣмъ не менѣе этотъ видимый либерализмъ и терпимость приобрѣли еще настолько незначительную принципиальную силу, что всегда готовы уступить передъ страхомъ и ужасомъ, внушаемымъ известнаго рода убѣжденіями. Въ теченіе послѣднихъ десяти или пятнадцати лѣтъ нѣсколько лицъ подверглись заключенію за публичное исповѣданіе, и иногда даже въ весьма умѣренной формѣ, религіознаго левѣрія; и весьма возможно, что и общество, и правительство при первой цанкѣ передъ Чартеризмомъ или коммунизмомъ прибѣгнутъ къ подобнымъ средствамъ, для того чтобы остановить распространене демократическихъ, или противныхъ собственности учелій. Въ Англій, однако, сильное стѣсненіе умственной свободы исходить

выводовъ противниковъ. Читатели изъ другихъ классовъ съ удивленіемъ увидятъ не только, какую большую долю истины имѣютъ на своей сторонѣ союзы, но и насколько менѣе возмутительными и заслуживающими осужденія покажутся даже ихъ ошибки, когда ихъ разсматривать съ той точки зрѣнія, съ какою естественно только и могутъ смотрѣть на нихъ рабочіе классы.

гораздо меньше отъ закона и правительства, нежели отъ нетерпимости общераспространенныхъ возрѣній; при чемъ эта нетерпимость происходитъ теперь даже не изъ такого почтениаго источника, какъ стѣбная вѣра и фанатизмъ, а скорѣе изъ общей привычки и въ мысляхъ и въ поведеніи держаться обычныхъ, житейскихъ правилъ и заставлять повиноваться имъ посредствомъ общественнаго преслѣдованія всѣхъ лицъ, которыя, не имѣя за собой цѣлой партіи, рѣшаются защищать свою личную независимость.

ГЛАВА XI.

Основанія и границы системы *laissez-faire* или принципа невмѣшательства.

§ 1. Мы теперь пришли къ послѣдней части нашего труда, — къ разсмотрѣнію, насколько позволяетъ этотъ трактатъ (т. е. насколько вопросъ касается принципа, а не подробностей), границъ правительственныхъ функций, — къ вопросу, на какіе предметы въ общественныхъ дѣлахъ можетъ, или должно распространяться правительственное вмѣшательство сверхъ тѣхъ, которые необходимо принадлежатъ къ его области. Въ нынѣшней вѣкѣ ни одинъ вопросъ не возбуждалъ болѣе рѣзкихъ споровъ; однако споръ главнымъ образомъ касался нѣкоторыхъ избранныхъ пунктовъ съ бѣглыми лишь уклоненіями въ остальную область. Правда, люди, обсуждавшіе какой нибудь отдѣльный вопросъ относительно правительственнаго вмѣшательства, какъ напримѣръ, вопросъ о доставленіи духовнаго, или свѣтскаго образованія правительствомъ, о регулированіи рабочихъ часовъ, объ общественной помощи бѣднымъ и т. п., часто приводили множество общихъ аргументовъ, имѣющихъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ то, которое имѣлось въ виду при специальномъ примѣненіи ихъ, и выказывали достаточно сильную склонность въ пользу *laissez-faire*, или въ пользу вмѣшательства; но рѣдко они высказывали и, повидимому, даже рѣдко рѣшались въ своемъ умѣ, какъ далеко должно заходить приложеніе того или другого принципа. Защитники вмѣшательства довольствовались лишь доказательствомъ общаго права и обязанности правительства вмѣшиваться всегда, когда его вмѣшательство будетъ полезно; а когда люди, принадлежавшіе къ такъ называемой школѣ *laissez-faire*, пытались сколько нибудь опредѣлить границы правительственнаго вмѣшательства, то они обыкновенно ограничивали его охраненіемъ личности и собственности отъ насилія и обмана. Однако, съ такимъ опредѣленіемъ обдуманно не могутъ согласиться ни они, ни кто либо другой, такъ какъ оно исключаетъ, какъ было указано въ предыдущей главѣ*), нѣкоторыя наиболѣе необходимыя и всѣми признаваемыя обязанности правительства.

*) Кн. V, гл. I.

Не общая совершенно пополнила этот недостаток общей теории по вопросу, который, по моему мнению, не допускает всеобщего решения, я постараюсь оказать некоторое небольшое содействие в решении этого рода вопросов, исследовав с самой общей точки зрения, каковы преимущества и каковы вред или неудобства, которые вытекают от правительственного вмешательства.

Мы должны начать с установления различия между двумя видами правительственного вмешательства, которые, хотя и могут относиться к одному и тому же предмету, сильно различаются по своему характеру и последствиям, и для оправдания которых нужно указать существование весьма различной степени необходимости в них. Правительственное вмешательство может простираться до контролирования свободных действий частных лиц. Правительство может запрещать всем людям, вообще, делать известные вещи, или делать их без его разрешения; или может предписывать им делать известные вещи, и делать известными способами вещи, которые представляются на их волю делать или не делать. Это будет *повелительное* вмешательство правительства. Есть и другое вмешательство — *неповелительное*: когда правительство вместо того, чтобы издавать приказания и принуждать к их исполнению посредством наказаний, избирает образ действий, к которому так рьяно прибегают правительства, и при помощи которого можно принести так много пользы, а именно, когда правительство дает советы и распространяет сведения; или когда оно предоставляет отдельным лицам свободу своими собственными средствами добиваться какой либо полезной цели и, не вмешиваясь в их дело, но и не вверяя этого дела исключительно их заботам, устраивает рядом с их учреждениями свое собственное учреждение для той же цели. Таким образом, содержать государственную церковь далеко не одно и то же, что отказывать в терпимости другим религиям или лицам, не исповедующим никакой религии. Содержать школы и коллегии не одно и то же, что требовать, чтобы никто не занимался воспитанием юношества без разрешения правительства. Может существовать национальный банк и правительственные фабрики без всякой монополии против частных банков и фабрик. Может быть и почти без наказаний за перевозку писем другими способами. Может быть корпус правительственных инженеров для надобностей всего населения и в то же время профессия свободного инженера может оставаться вполне доступной для каждого. Могут существовать общественные госпитали без всякого ограничения частной медицинской, или хирургической практики.

§ 2. Даже с первого взгляда очевидно, что для повелительной формы правительственного вмешательства существует гораздо более ограниченная сфера целесообразного действия, нежели для другой. Во всяком случае для оправдания первой формы требуется указание на гораздо более настоятельную необходимость; в то же время есть обширные области человеческой жизни, из которых такого рода вмешательство должно быть безусловно и настоятельно

исключено. Какую теорию мы ни приняли бы относительно образования общественного союза, и при каких бы политических учреждениях мы ни жили, все же около каждого человека есть круг, который не должно переступать никакое правительство, каково бы оно ни было, единоличное, олигархическое или демократическое. В жизни каждого человека, достигшего зрелого возраста, есть часть, в которой индивидуальность этого человека должна царить без всякого контроля со стороны другого лица, или всего общества вообще. Никто из людей, чувствующих хоть малейшее уважение к человеческой свободе и достоинству, не станет оспаривать, что есть или должна быть в человеческом существовании законная область, таким образом огражденная и положительно недоступная для повелительного вторжения; требуется только определить, где должна находиться граница, — насколько широкую область человеческой жизни должна обнимать эта недоступная территория. Я нахожу, что она должна обнимать всю ту часть, которая касается лишь одной внутренней и внешней жизни человека и не затрагивает интересов других лиц, или же затрагивает их только в силу нравственного влияния примера. Что касается области внутреннего сознания, мыслей и чувств, а также что касается внешних поступков, относящихся лишь к самому лицу и неминуемых вообще никаких или, по крайней мере, тяжелых и вредных последствий для других людей, то я нахожу, что все могут, а наиболее способные и развитые люди часто даже обязаны проповедывать и защищать со всею доступною им силой свое мнение относительно того, что — хорошо и что — дурно, что — возвышенно и что — низко; не следует только принуждать других сообразоваться с этим мнением, все равно будет ли при этом употребляться принуждение, противное закону, или же основанное на нем самом.

Даже при тех поступках, которые затрагивают интересы других, на защитниках законного запрещения всегда лежит обязанность доказать его необходимость. Одна только возможная, или предполагаемая несправедливость по отношению к другим лицам не могут оправдывать вмешательства закона в личную свободу человека. Недопущение человека делать то, к чему он склонен, или поступать сообразно с тем, что кажется ему желательным, не только всегда бывает несносным, но также всегда ведет к преждевременной остановке в развитии чувственной или действительной стороны его физических или умственных способностей; и если убеждение человека не согласуется добровольно с законными ограничениями, то оно в большей или меньшей степени несет на себя клеймо униженного рабства. Едва ли какая бы то ни была степень пользы, не доходящая до постоянной необходимости, будет оправдывать запретительное постановление, если оно по общему убеждению не может считаться необходимым, т. е., если люди с обыкновенными добрыми намерениями не думают уже, или их нельзя заставить думать, что запрещенная вещь есть такая вещь, которой они не должны ни желать, ни делать.

Совершенно не таково правительственное вмешательство, которое не стесняет личной свободы действий. Когда правительство доставляет средства для осуществления известной цели, предоставляя каждому лицу свободу пользоваться любыми средствами, по его мнению, более удобными, то тут нет ни нарушения свободы, ни тягостного или унижительного стеснения. Тут устроится одно из главных возражений против правительственного вмешательства. Однако, почти во всех формах правительственных действий остается нечто такое, что совершается принудительно, а именно получение денежных средств. Последние получают из налогов; или, если они получаются в виде дохода с государственного имущества, то и в таком случае они являются причиной такого принудительного налога, какой мог бы быть покрыт продажей или ежегодным доходом с этого имущества *). И возражения, неизбежно связанные с принудительными сборами, почти всегда еще значительно усиливаются вследствие дорого стоящих предосторожностей и тягостных стеснений, которые необходимы для того, чтобы не допускать уклонения от налога.

§ 3. Второе общее возражение против правительственного вмешательства состоит в том, что каждое увеличение возлагаемых на правительство обязанностей увеличивает его могущество, как в форме власти, так еще больше и в форме косвенного влияния. Важность этого соображения для политической свободы вообще вполне удовлетворительно понималась, по крайней мере, в Англии; но многие в последнее время склонны были думать, что ограничение правительственной власти необходимо лишь там, где само правительство дурно устроено, — где оно не является представителем народа, а есть орган одного или нескольких классов, — и что правительству, в устройстве которого в достаточной мере проведен демократический принцип, можно вверить какую угодно власть над народом, так как его власть была бы лишь властью народа над самим собой. Это было бы справедливо, если бы под именем народа в таких случаях в действительности не действовало бы лишь большинство народа, и если бы меньшинство могло являться только в роли угнетателя, а не служить жертвою угнетения. Однако, опыт доказывает, что носители власти, являющиеся простыми представителями народа, т. е., большинства (когда они думают, что могут рассчитывать на поддержку народа), совершенно так же, как и всякие органы олигархий, готовы присваивать

*) Единственными случаями, в которых правительственное действие не заключает в себя ничего принудительного, являются те редкие случаи, в которых правительство, без всякой искусственной монополии, несет свои собственные расходы. Один из таких случаев представляет мост, построенный на государственных средствах, при чем собираемая на нем дорожная пошлина оказывается достаточной на покрытие не только текущих расходов, но и процентов на первоначальные расходы. Другой пример — правительственные железные дороги в Бельгии и Германии. И наконец третий пример представляла бы почта, если бы по отмене монополии она оплачивала свои расходы.

вать себе неограниченную власть и незаконно нарушать свободу частной жизни. Все общество в целом очень склонно навязывать не только свои по обыкновению узкие взгляды, касающиеся практических интересов, но и свои отвлеченные убеждения и даже свои вкусы в виде законов, стесняющих индивидуальную свободу. А современная цивилизация так сильно стремится сделать власть людей, действующих массами, единственной существенной силой в обществе, что еще никогда не было такой необходимости как никогда оградить индивидуальную независимость мысли, слова и поступков возможно более могущественными гарантиями, для того чтобы сохранить ту оригинальность мысли и индивидуальность характера, которые составляют единственный источник действительного прогресса и большинства качеств, делающих человечество несравненно выше стада животных. Поэтому, при демократическом правительстве не менее, чем при всяком другом, необходимо, чтобы ко всякому стремлению со стороны общественных властей расширять свое вмешательство и присваивать себе какого либо рода полномочия, без которых легко можно было бы обойтись, относились с постоянным недоверием. Быть может это даже более необходимо при демократической, нежели при всякой другой форме общественного устройства, потому что, где властителем является общественное мнение, там отдельное лицо, теснимое им, не найдет, как при другом положении дела, противодействующей силы, у которой оно могло бы получить помощь или, по крайней мере, вызвать симпатию.

§ 4. Третье общее возражение против правительственного вмешательства основывается на принципе разделения труда. Каждая новая обязанность, которую берет на себя правительство, является новым занятием, возлагаемым на учреждение, уже и без того чрезмерно обремененное обязанностями. Естественным последствием этого бывает то, что большая часть этих обязанностей исполняется дурно; многие и вовсе не исполняются, потому что правительство не в состоянии выполнять их без промедлений, которые губят все дело; наиболее хлопотливые и наименее выдающиеся из предприятий им обязанности отлагаются или оставляются в пренебрежении; а для небрежности всегда готово извинение; так как у глав администрации мысли настолько сильно заняты официальными подробностями, как бы небрежно эти последние не исполнялись, что они не могут уделять ни времени ни мысли для великих государственных интересов и для приготовления широких мер к социальному улучшению.

Но эти неудобства, несмотря на всю их действительность и серьезность, гораздо больше превосходят от дурной организации правительства, чем от обширности и разнообразия взятых им обязанностей. Правительство не представляет одного или нескольких должностных лиц; в самом административном учреждении может быть какое угодно разделение труда. Выше указанное зло чувствуется очень сильно при тех континентальных правительствах, где шесть или восемь лиц, живущих в

столицъ и извѣстныхъ подъ именемъ министровъ, требуютъ, чтобы всѣ общественныя дѣла проходили, или чтобы считалось, что они проходятъ, подъ ихъ непосредственнымъ наблюдениемъ. Но это неудобство было бы очень сильно ослаблено въ странѣ, гдѣ существовало бы надлежащее раздѣленіе обязанностей между центральными и мѣстными правительственными чиновниками, и гдѣ бы центральное правительство было раздѣлено на достаточное число отдѣленій. Когда парламентъ нашелъ полезнымъ предоставить правительству право надзирать за желѣзными дорогами, а отчасти и контролировать ихъ, то онъ не присоединилъ завѣдываніе желѣзными дорогами къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а создалъ Желѣзнодорожное Бюро. Когда онъ рѣшилъ учредить центральную власть для надзора за администраціей по дѣламъ о бѣдныхъ, онъ образовалъ особую комиссію—Poor Law Commission. Мало найдется странъ, гдѣ бы отправлялось такое большое количество обязанностей должностными лицами, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Американскаго Союза, въ особенности въ штатахъ Новой Англіи; но раздѣленіе труда въ общественныхъ дѣлахъ здѣсь чрезвычайна велико: большинство этихъ чиновниковъ даже не подчинено никакому общему начальнику, а свободно исполняютъ свои обязанности подъ двойной уздой—выбора своимъ согражданами и какъ гражданской, такъ и уголовной ответственности передъ судомъ.

Безъ сомнѣнія, для хорошаго управленія необходимо, чтобы главы администрацій, все равно, будутъ ли они постоянными, или временными, имѣли хотя бы общій высшій надзоръ за совокупностью всѣхъ задачъ, до извѣстной степени вѣренныхъ ответственности центральной власти. Но искусная внутренняя организація административнаго механизма должна предоставлять подчиненнымъ, и по возможности мѣстнымъ подчиненнымъ, не только исполненіе дѣла, но въ значительной мѣрѣ и опредѣленіе его подробностей; она должна дѣлать эти лица ответственными за результаты ихъ дѣйствій, а не за самія дѣйствія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти послѣдніе оказываются подлежащими суду; она должна самими дѣйствительными способами обезпечивать назначеніе частныхъ и способныхъ людей, открывать широкую дорогу для перехода съ низшихъ ступеней административной лѣстницы къ высшимъ, предоставлять съ каждой ступенью служащему все болѣе просторъ въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ, такъ чтобы на самой высшей ступени его мысли были сосредоточены на всеобщихъ великихъ интересахъ страны, находящихся въ его вѣдѣніи. Если бы все это было сдѣлано, то правительство, по всей вѣроятности, не было бы чрезмерно обременено никакой обязанностью, которую въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ ему удобно было бы взять на себя; но если правительство будетъ братья за тѣ обязанности, которыя не подходятъ къ нему, то чрезмерное обремененіе является серьезнымъ добавочнымъ неудобствомъ.

§ 5. Но хотя лучшая организація правительствъ значительно ослабила бы силу возраженія противъ простаго расширенія ихъ обязанностей, тѣмъ не менѣе все-таки остается справедливымъ то,

что во всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ обществахъ значительное большинство дѣлъ хуже выполняется при вмѣшательствѣ правительства, чѣмъ оно выполнялось бы прямо или косвенно лицами, наиболѣе заинтересованными въ этихъ дѣлахъ и предоставленными самимъ собой. Основанія этой истины съ достаточной точностью выражены въ народной поговоркѣ, говорящей, что люди лучше понимаютъ свое дѣло и свои интересы и лучше заботятся о нихъ, чѣмъ можетъ это, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣлать правительство. Это правило оказывается вѣрнымъ относительно большей части житейскихъ случаевъ, и всегда, когда оно оказывается вѣрнымъ, слѣдуетъ осуждать всякій видъ правительственнаго вмѣшательства, протвѣрщающій ему. Напримеръ, слабость правительственной дѣятельности во всѣхъ обыкновенныхъ промышленныхъ и торговыхъ операціяхъ доказывается тѣмъ фактомъ, что оно почти никогда не бываетъ въ состояніи выдерживать соперничество съ частной дѣятельностью тамъ, гдѣ частныя лица обладаютъ необходимой степенью промышленной предприимчивости и могутъ располагать необходимыми средствами. Вся та легкость, съ какой правительство можетъ получать необходимыя свѣдѣнія, всѣ тѣ средства, какими оно располагаетъ для вознагражденія, а слѣдовательно, и для привлеченія наилучшихъ силъ общества, не уравновѣшиваютъ одной огромной невыгоды: меньшей заинтересованности въ результатѣ.

Кромѣ того, слѣдуетъ помнить, что, если бы правительство по своимъ способностямъ и знаніямъ и превосходило каждаго отдѣльнаго человѣка въ націи, то все же оно должно быть ниже всѣхъ отдѣльныхъ лицъ націи, взятыхъ вмѣстѣ. Правительство можетъ само заключать въ себѣ или привлекать къ себѣ на службу не болѣе нѣкоторой части имѣющихся въ странѣ знающихъ и способныхъ людей, которыхъ можно было бы употребить для данной дѣли. Въ странѣ, вѣроятно, есть много лицъ настояще же способныхъ къ работѣ, какъ и тѣ, которыхъ назначаетъ правительство, даже и въ томъ случаѣ, если оно избираетъ своихъ помощниковъ, не принимая во вниманіе никакихъ соображеній, кромѣ способности этихъ лицъ къ дѣлу. А между тѣмъ, при частно—хозяйственномъ строѣ въ большинствѣ случаевъ именно на этихъ людяхъ естественно и возлагается работа, потому что они въ состояніи ее исполнить лучше и дешевле другихъ. Очевидно, что правительство, исключая или замѣняя частную дѣятельность, либо замѣняетъ болѣе способныхъ исполнителей менѣе способными, либо во всякомъ случаѣ вводитъ свой собственный способъ выполнения работы вмѣсто всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ способовъ, которые были бы испробованы многими, не уступающими ему въ способностяхъ и стремящимися къ той же цѣли лицами; т. е., оно устраиваетъ соперничество, которое гораздо болѣе благоприятно прогрессу въ улучшеніяхъ, нежели какая бы то ни была однообразная система.

§ 6. Однако, самое сильное возраженіе противъ расширенія правительственной дѣятельности я оставилъ къ концу. Если бы даже правительство и могло заключать въ себѣ по каждому отдѣлу всѣ самыя выдающіяся умственные силы и активныя способности

нации, все же было бы не менее желательно, чтобы ведение огромной части общественных дел было предоставлено людям, непосредственно заинтересованным в них. Деловая жизнь составляет существенную часть практического воспитания народа; без нея важное и школьное образование, хотя и чрезвычайно необходимое и благотворное, будет недостаточным, для того чтобы сделать человека способным к ведению дел и приспособлению средств к цели. Обучение представляет лишь один из желательных элементов умственного развития; другой, почти столь же необходимый, элемент есть постоянное упражнение активных сил, т. е., труда, изобретательности, разсуждения и самообладания; а естественными стимулами к этому являются житейские затруднения. Это мнение не слѣдует смѣшивать съ тѣмъ спсходительнымъ оптимизмомъ, который считаетъ житейскія невзгоды желательными, потому что онѣ возбуждаютъ качества, необходимыя для борьбы съ ними. Качества, необходимыя для борьбы со всякими затруднениями, имѣютъ пѣкоторую цѣнность лишь потому, что эти послѣднія существуютъ. На насъ, какъ на практическихъ дѣятелей, лежитъ обязанность по возможности больше освобождать человѣческую жизнь отъ ея затрудненій, а не поддерживать цѣлый запасъ ихъ, подобно тому какъ охотникъ охраняетъ дичь для того, чтобы за ней охотиться. Но такъ какъ надобность въ дѣятельныхъ способностяхъ и практическомъ смыслѣ въ житейскихъ дѣлахъ даже при самомъ благопріятномъ предположеніи можетъ быть лишь уменьшена, но не устранена, то необходимо, чтобы эти дарованія развивались не только у немногихъ избранныхъ, а у всѣхъ, и чтобы это развитіе было болѣе разносторонне и полно, чѣмъ какого можетъ достигнуть большинство людей въ узкой сферѣ только своихъ частныхъ интересовъ. У народа, не привыкшаго къ самостоятельной дѣятельности во имя общаго интереса, у народа, который обыкновенно ждетъ отъ своего правительства приказанія или побужденія по всѣмъ общественнымъ дѣламъ, способности развиты лишь на половину; его образование неполно въ одной изъ самыхъ главныхъ сторонъ.

Помимо того, что распространенное во всемъ обществѣ развитіе активныхъ способностей посредствомъ упражненія само по себѣ представляетъ чрезвычайно цѣнное національное достояніе, оно еще становится не менѣе, а болѣе пажнымъ, когда высшая степень этого необходимаго развитія систематически поддерживается у главъ и должностныхъ лицъ государства. Для человѣческаго благосостоянія не можетъ быть болѣе опаснаго стеченія обстоятельствъ, какъ то, когда развитіе и дарованія поддерживаются на высокомъ уровнѣ въ правящей корпорации и остаются безъ употребленія и подавляются въ себѣ залогъ деспотизма, вооружая, какъ бы добавочнымъ оружиемъ, умственнымъ превосходствомъ тѣхъ, кто уже и безъ того обладаетъ легальной силой. Она приближается настолько, насколько лишь позволяеть органическая разница между человекомъ и другими животными, къ тому, какъ управляетъ пастухъ своихъ овецъ, однако въ ней нѣтъ того сильнаго интереса, какой испытываетъ

пастухъ относительно хорошаго состоянія своего стада. Единственной охраной противъ политическаго рабства является обузданіе правящихъ лицъ посредствомъ распространенія образованія, дѣятельности и общественнаго духа въ управляемыхъ. Опытъ указываетъ на чрезвычайную трудность постоянно поддерживать эти качества на достаточно высокомъ уровнѣ, трудность, увеличивающуюся по мѣрѣ того, какъ цивилизація и безопасность уничтожаютъ одни за другими тѣ жестокости, притѣненія и опасности, защиту противъ которыхъ въ прежнія времена люди находили только въ своей силѣ, ловкости и храбрости. Поэтому, чрезвычайно важно, чтобы всѣ классы общества до самыхъ низшихъ включительно побольше дѣлали сами для себя, чтобы къ ихъ уму и добродѣтели предъявлялись въ извѣстномъ отношеніи соответственные этимъ послѣднимъ требованія, чтобы правительство не только по возможности предоставляло собственнымъ способностямъ отдѣльныхъ лицъ веденіе всего того, что касается лишь ихъ самихъ, но также позволяло бы имъ для даже побуждало ихъ устраивать насколько возможно больше общихъ делъ посредствомъ добровольнаго сотрудничества; такъ какъ обсужденіе и веденіе общаго дѣла представляютъ великую школу того общественнаго духа и великій пегочникъ того пониманія общественнаго интереса, которые всегда считались отличительной чертой общества свободныхъ странъ.

Демократическое устройство, не поддерживаемое демократическими учрежденіями во всѣхъ своихъ частяхъ, а проявляющееся въ одномъ только центральномъ управленіи, не только не обеспечиваетъ политической свободы, но часто создаетъ совершенно противоположный ей духъ, возбуждая во всѣхъ классахъ, вплоть до самыхъ низшихъ ступеней общества, желаніе и стремленіе къ политическому господству. Въ пѣкоторыхъ странахъ народъ добивается того, чтобы его не угнетали, въ другихъ же онъ добивается просто равнаго шанса для всѣхъ получить возможность угнетать. Къ несчастью, это послѣднее стремленіе совершенно такъ же свойственно человеку, какъ и первое, и во многихъ случаяхъ, даже въ цивилизованныхъ обществахъ, обнаруживается гораздо чаще перваго. По мѣрѣ того, какъ народъ вмѣсто того, чтобы предоставлять веденіе своихъ делъ правительству, станетъ привыкать вести ихъ при помощи своихъ собственныхъ дѣятельныхъ успій, его стремленія будутъ обращаться къ устраненію тираніи, а не къ проявленію тираническихъ наклонностей; и чѣмъ больше отдѣльныхъ лицъ привыкли чувствовать себя и дѣйствовать, какъ бы подъ непрестанной правительственной опекой, тѣмъ сильнѣе демократическія учрежденія развиваютъ въ гражданахъ не желаніе свободы, а непомерное стремленіе къ должностямъ и власти, отвращая умъ и активныя способности страны отъ ихъ главнаго назначенія къ жалкому соперничеству изъ-за эгоистичныхъ цѣлей и мелкаго служебнаго тщеславія.

§ 7. Вотъ въ общихъ чертахъ главные доводы за ограниченіе правительственнаго вмѣшательства въ общественныя дѣла самымъ тѣснымъ кругомъ; и мало кто станетъ оспаривать, что эти доводы болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы признать, что обязанность

доказывать правоту своего мнѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Должна лежать не на противникахъ, а на защитникахъ правительственнаго вмѣшательства. Словомъ невмѣшательство должно быть общимъ правиломъ; и каждое отступленіе отъ него, если этого отступленія не требуетъ какаа ипбудь величайшая польза, будетъ несомнѣннымъ зломъ.

Будущимъ поколѣніямъ, по всей вѣроятности, трудно будетъ повѣрять, до какой степени до сихъ поръ нарушалось это правило правительствами даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно приложимо самымъ очевиднымъ образомъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ можно себѣ составить изъ сдѣланнаго Дюнае *), описанія тѣхъ ограниченій, какія налагались во Франціи при старомъ правительствѣ на фабричныя операціи, благодаря стремленію законодательства къ вмѣшательству и регуляванію.

«Правительство имѣло самую неограниченную и произвольную распорядительную власть надъ фабричною промышленностью; оно безъ всякаго колебанія распоряжалось средствами фабрикантовъ: рѣшало, кто можетъ работать, какія вещи можетъ онъ производить, какіе матеріалы должны употребляться, какіихъ способовъ придерживаться, какаа форма должна быть дана продуктамъ. Было достаточно работать хорошо, работать лучше, чѣмъ требовалось, необходимо было работать сообразно съ установленными правилами. Каждому извѣстно постановленіе 1670 года, предписывавшее конфисковать и прибавить къ позорному столбу съ именами фабрикантовъ товары, не соответствующіе правиламъ, а при повтореніи преступленія приказывавшее выставлять къ позорному столбу также и самихъ фабрикантовъ. Приходилось принимать во вниманіе не вкусы потребителей, а предписанія закона. Цѣлые легіоны инспекторовъ, комиссаровъ, контролеровъ, присяжныхъ, сторожей были обязаны слѣдить за выполненіемъ этихъ предписаній. Машини ломались, продукты сжигались, если они не соответствовали правиламъ, усовершенствованія преслѣдовались, изобрѣтатели подвергались штрафу. Существовали отдѣльныя правила для товаровъ, предназначенныхъ для мѣстнаго потребленія, и для товаровъ, приготовляемыхъ для вывоза. Ремесленникъ не могъ ни выбрать своего мѣста жительства ни работать во всѣ времена года, или для всѣхъ потребителей. Есть декретъ отъ 30 марта 1700 г., который ограничивалъ 18 городами число мѣстъ, гдѣ могли приготовляться чулки. Декретъ отъ 18 іюня 1723 г. предписываетъ руанскимъ фабрикантамъ прекращать работу съ первого іюля по первое сентября для того, чтобы облегчить уборку хлѣба. Людовикъ XIV, приступая къ постройкѣ Луврской Колоннады, запретилъ всѣмъ частнымъ лицамъ нанимать безъ его разрѣшенія рабочихъ подъ угрозой денежнаго штрафа въ 10000 ливровъ, и рабочимъ—работать у частныхъ лицъ подъ страхомъ заключенія за первое преступленіе и каторги за второе».

Что эти и подобныя постановленія не были мертвой буквой, и что назойливое и стѣснительное вмѣшательство продолжалось вплоть до французской революціи, намъ доказываетъ свидѣтельство жироидистскаго министра Ролана *). «Я видѣлъ», говоритъ онъ: «какъ изрѣзывалось и окончателъно уничтожалось по 80, 90 и 100 штукъ бумажной или шерстяной матеріи. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ каждую недѣлю въ теченіе многихъ лѣтъ. Я видѣлъ, какъ конфисковались фабричныя товары, налагались тяжелые штрафы на фабрикантовъ, какъ въкоторыя издѣлія сжигались въ публичныхъ мѣстахъ и въ рыночныя часы, другія привѣривались къ позорному столбу съ надписанными на нихъ именами фабрикантовъ, которымъ также грозилъ позорный столбъ въ случаѣ вторичнаго преступленія. Все это дѣлалось на моихъ глазахъ въ Руанѣ согласно съ существующими постановленіями или министерскими указами. Въ чемъ же состояло преступленіе, заслуживавшее такого жестокаго наказанія? Достаточно было какаго ипбудь недостатка въ употребленномъ матеріалѣ, или въ тканьи матеріи, или даже недостачи нѣсколькихъ нитокъ въ ея основѣ.

«Я часто видѣлъ, какъ цѣлая банда надсмотрщиковъ посѣщала фабрикантовъ, приводила все въ смятеніе на ихъ фабрикѣ, наводила ужасъ на ихъ семьи, отрѣзывала матеріи, обрывала основу со станковъ и уносила ихъ, какъ доказательство несоблюденія закона; послѣ чего фабриканты призывались къ суду, допрашивались и осуждались; ихъ имущество конфисковалось, копии съ приговора о конфискаціи выставлялись во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ; состояніе, репутація, кредитъ, все бывало потеряно и уничтожено. И за какое преступленіе? За то, что, они приготовили изъ крученой шерсти извѣстный сортъ тканя, называемый плюсомъ, такой, какой обыкновенно приготовляла Англія и даже продавала во Франціи, между тѣмъ какъ по французскимъ законамъ этотъ сортъ матеріи долженъ приготовляться изъ ангорской шерсти. Я видѣлъ, какъ такимъ же образомъ поступали съ другими фабрикантами за то, что они приготовляли камлотъ извѣстной ширины, употребительной въ Англіи и Германіи, на каковой существовать большой спросъ въ Испаніи и Португаліи и другихъ странахъ, а также и въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи; между тѣмъ какъ французскіе постановленія предписывали другую ширину камлота».

Прошло то время, когда возможны были попытки примѣнять такимъ образомъ принципъ «отеческаго управленія» даже въ наименѣ просвѣщенныхъ странахъ Европы. Въ такихъ случаяхъ, какъ только что упомянутые, основательны всѣ возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства, а нѣкоторыя изъ нихъ основательны почти въ самой высшей степени. Однако, теперь мы должны приняться за вторую часть нашей задачи и обратить наше вниманіе на тѣ случаи, въ которыхъ нѣкоторыя изъ этихъ общихъ возраженій совершенно не примѣнимы, между тѣмъ какъ другія, отъ которыхъ

*) On the Liberty of Labour, vol. II, — 250.

*) Я помню этотъ отрывокъ изъ вторыхъ речей, изъ произведенія

доказывать правоту своего мнѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна лежать не на противникахъ, а на защитникахъ правительственнаго вмѣшательства. Словомъ не-вмѣшательство должно быть общимъ правиломъ; и каждое отступленіе отъ него, если этого отступленія не требуетъ какая нибудь величайшая польза, будетъ несомнѣннымъ зломъ.

Будущимъ поколѣніямъ, по всей вѣроятности, трудно будетъ повѣрить, до какой степени до сихъ поръ нарушалось это правило правительствами даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно приложимо самымъ очевиднымъ образомъ. Нѣкоторое понятіе объ этомъ можно себѣ составить изъ сдѣланнаго Дюнуае *), описанія тѣхъ ограниченій, какія налагались во Франціи при старомъ правительствѣ на фабричныя операціи, благодаря стремленію законодательства къ вмѣшательству и регулированію.

«Правительство имѣло самую неограниченную и произвольную распорядительную власть надъ фабричною промышленностью; оно безъ всякаго колебанія распоряжалось средствами фабрикантовъ: рѣшало, кто можетъ работать, какія вещи можетъ онъ производить, какіе матеріалы должны употребляться, какіихъ способовъ придерживаться, какая форма должна быть дана продуктамъ. Было недостаточно хорошо, работать лучше, чѣмъ требовалось, необходимо было работать сообразно съ установленными правилами. Каждому извѣстно постановленіе 1670 года, предписывавшее конфисковать и прибавлять къ позорному столбу съ именами фабрикантовъ товары, не соответствующіе правиламъ, а при повтореніи преступленій приказывавшее выставлять къ позорному столбу также и самихъ фабрикантовъ. Приходилось принимать во вниманіе не вкусы потребителей, а предписанія закона. Цѣлыя легіоны инспекторовъ, комиссаровъ, контролеровъ, присяжныхъ, сторожей были обязаны слѣдить за выполненіемъ этихъ предписаній. Машинны ломались, продукты сжигались, если они не соответствовали правиламъ, усовершенствованія преслѣдовались, изобрѣтатели подвергались штрафу. Существовали отдѣльныя правила для товаровъ, предназначенныхъ для мѣстнаго потребленія, и для товаровъ, приготовляемыхъ для вывоза. Ремесленникъ не могъ ни выбрать своего мѣста жительства ни работать во всё время года, или для всѣхъ потребителей. Есть декретъ отъ 30 марта 1700 г., который ограничивалъ 18 городами число мѣстъ, гдѣ могли приготовляться чулки. Декретъ отъ 18 іюня 1723 г. предписываетъ руанскимъ фабрикантамъ прекращать работу съ перваго іюля по первое сентября для того, чтобы облегчить уборку хлѣба. Людовикъ XIV, приступая къ постройкѣ Луврской Колоннады, запретилъ всѣмъ частнымъ лицамъ нанимать безъ его разрѣшенія рабочихъ подъ угрозой денежнаго штрафа въ 10000 ливровъ, и рабочимъ—работать у частныхъ лицъ подъ страхомъ заключенія за первое преступленіе и каторги за второе».

*) On the Liberty of Labour, vol II pp. 353—4.

Что эти и подобныя постановленія не были мертвой буквой, и что назойливое и стѣснительное вмѣшательство продолжалось вплоть до французской революціи, намъ доказываетъ свидѣтельство жирондистскаго министра Ролана *). «Я видѣлъ», говоритъ онъ: «какъ изрѣзывалось и окончательно уничтожалось по 80, 90 и 100 штукъ бумажной или шерстяной матеріи. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ каждую недѣлю въ теченіе многихъ лѣтъ. Я видѣлъ, какъ конфисковались фабричныя товары, налагались тяжелыя штрафы на фабрикантовъ, какъ нѣкоторые издѣлія сжигались въ публичныхъ мѣстахъ и въ рыночныя часы, другія прикрѣплялись къ позорному столбу съ надписанными на нихъ именами фабрикантовъ, которымъ также грозилъ позорный столбъ въ случаѣ вторичнаго преступленія. Все это дѣлалось на моихъ глазахъ въ Руанѣ согласно съ существующими постановленіями или министерскими указами. Въ чемъ же состояло преступленіе, заслуживавшее такого жестокаго наказанія? Достаточно было какого нибудь недостатка въ употребленномъ матеріалѣ, или въ тканьи матеріи, или даже недостачи нѣсколькихъ нитокъ въ ея основіи».

«Я часто видѣлъ, какъ цѣлая банда надсмотрщиковъ посѣщала фабрикантовъ, приводила все въ смѣтеніе на ихъ фабрикѣ, навела ужасъ на ихъ семьи, отрѣзывала матеріи, обрывала основу со станковъ и уносила ихъ, какъ доказательство несоблюденія закона; послѣ чего фабриканты призывались къ суду, допрашивались и осуждались; ихъ имущество конфисковалось, копіи съ приговора о конфискаціи выставлялись во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ; состояніе, репутация, кредитъ, все бывало потеряно и уничтожено. И за какое преступленіе? За то, что, они приготовили изъ крученой шерсти извѣстный сортъ ткапи, называемый плюсомъ, такой, какой обыкновенно приготовляла Англія и даже продавала во Франціи, между тѣмъ какъ по французскимъ законамъ этотъ сортъ матеріи долженъ приготовляться изъ ангорской шерсти. Я видѣлъ, какъ такимъ же образомъ поступали съ другими фабрикантами за то, что они приготовляли камлотъ извѣстной ширины, употребительной въ Англіи и Германіи, на которой существовалъ большой спросъ въ Испаніи и Португаліи и другихъ странахъ, а также и въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи; между тѣмъ какъ французскіе постановленія предписывали другую ширину камлота».

Прошло то время, когда возможны были попытки примѣнять такимъ образомъ принципъ «отеческаго управленія» даже въ наименѣе просвѣщенныхъ странахъ Европы. Въ такихъ случаяхъ, какъ только что упомянутые, основательны всѣ возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства, а нѣкоторыя изъ нихъ основательны почти въ самой высшей степени. Однако, теперь мы должны принять за вторую часть нашей задачи и обратить наше вниманіе на тѣ случаи, въ которыхъ нѣкоторыя изъ этихъ общихъ возраженій совершенно не примѣнны, между тѣмъ какъ другія, отъ которыхъ

*) Я цитирую этотъ отрывокъ изъ вторыхъ рукъ, изъ произведенія Кэрри: Essay on the Rate of Wages pp. 195—6.

никогда нельзя вполне избавиться, превъшиваются еще болѣе важными противоположными соображеніями.

Мы уже говорили, что по общему правилу частныя дѣла исполняются лучше, когда людямъ, непосредственно заинтересованнымъ въ нихъ, предоставляется свобода выполненія ихъ, не стѣсняемая ни предписаніями закона, ни вмѣшательствомъ какого либо должностнаго лица. Всѣ лица, занимающіяся дѣломъ, или нѣкоторые изъ нихъ, по всей вѣроятности, могутъ лучше, нежели правительство, судить о средствахъ къ достиженію известной цѣли, къ которой они стремятся. Если даже предположить, что, однако, весьма мало вѣроятно, что само правительство обладаетъ самыми обширными свѣдѣніями, какія только были до этого времени приобретены самыми опытными въ этомъ дѣлѣ людьми, то и тогда частныя дѣятели все же настолько сильнѣе и непосредственнѣе будутъ заинтересованы въ результатѣ, что и способы достиженія его будутъ, по всей вѣроятности, скорѣе усовершенствованы, если безконтрольный выборъ ихъ будетъ предоставленъ самимъ хозяевамъ. Но если рабочій вообще лучше всѣхъ избираетъ способы производства, то можно ли съ такою же общностью утверждать, что потребитель или клиентъ самый компетентный судья въ результатѣ производства? Всегда ли покупатель способенъ оцѣнивать товаръ? Если нѣтъ, то стѣсное довѣріе къ соперничеству на рынкѣ въ данномъ случаѣ неуцѣбно; а если товаръ такого рода, что хорошее качество его очень важно для общества, то перевѣсъ выгодъ можетъ быть въ пользу нѣкотораго способа, или въ пользу известной степени вмѣшательства со стороны уполномоченныхъ представителей общегосударственныхъ интересовъ.

§ 8. Мнѣніе же, что потребитель—компетентный судья товара, можетъ быть принято лишь съ безчисленными уступками и исключеніями. Онъ вообще наилучшій судья матеріальныхъ предметовъ, производимыхъ для удовлетворенія его потребностей (хотя и это не всегда справедливо). Такіе предметы предназначены удовлетворять нѣкоторой физической потребности или нѣкоторому вкусу и склонности, и относительно этихъ вкусовъ и склонностей единственнымъ судьей является лицо, испытывающее ихъ; или же эти предметы служатъ средствомъ и принадлежностью для какого нибудь производства и имѣютъ значеніе только для занимающагося имъ лица, которое поэтому можетъ считаться знатокомъ вещей, требующихся въ его обычномъ занятіи. Но есть другія вещи, достоинство которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ оцѣниваться рыночнымъ спросомъ,—вещи, польза отъ которыхъ состоитъ не въ удовлетвореніи склонностей, а также не въ удовлетвореніи ежедневныхъ потребностей жизни, и потребность въ которыхъ наименѣе чувствуется тамъ, гдѣ онѣ наиболѣе нужны. Это въ особенности справедливо относительно тѣхъ вещей, которыя главнымъ образомъ полезны въ силу ихъ вліянія на возвышеніе характера человека. Необразованный человекъ не можетъ быть компетентнымъ судьей въ образованіи. Тѣ люди, въ которыхъ болѣе всего сказывается недостатокъ умственной и нравственной культуры, обыкновенно желаютъ ея менѣе всего,

а если бы и желали, то были бы неспособны найти путь къ ней при помощи своихъ собственныхъ знаній. При свободной системѣ, когда цѣль не желательна, средства къ достиженію ея часто вовсе не будутъ доставляться, или, когда лица, нуждающіяся въ развитіи, имѣютъ неудовлетворительное или совершенно ошибочное понятіе о томъ, что имъ нужно, снабженіе, вызванное рыночнымъ спросомъ, часто вовсе не будетъ соответствовать дѣйствительной потребности. А между тѣмъ всякое благонамѣренное и достаточно просвѣщенное правительство безъ самонадѣянности можетъ считать, что оно обладаетъ или должно обладать развитіемъ, превышающимъ уровень управляемаго имъ общества, и что поэтому оно способно предложить людямъ лучшее образованіе и лучшее воспитаніе, чѣмъ то, какое значительная часть изъ нихъ потребовала бы добровольно. Поэтому, образованіе есть одна изъ тѣхъ вещей, относительно которыхъ въ принципѣ допустимо, что ихъ должно доставлять народу правительство. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, на которые не всегда и не обязательно распространяются доводы принципа невмѣшательства *).

*) Въ противоположность этимъ взглядамъ писатель, съ которымъ я во многомъ согласенъ, но враждебность котораго къ правительственному вмѣшательству кажется мнѣ слишкомъ безусловной и неосновательной. Дюпюае замѣчаетъ, что образованіе, какъ бы ни было оно хорошо само по себѣ, полезно для общества лишь постольку, поскольку это последнее желаетъ воспринимать его, и что лучшимъ доказательствомъ того, что образованіе соответствуетъ потребностямъ, служатъ успѣхи образовательныхъ учреждений, какъ денежныхъ предпріятій. Этотъ доводъ кажется мнѣ не болѣе убѣдительнымъ относительно умственнаго воспитанія, чѣмъ онъ былъ бы относительно лѣченія. Никакое лѣкарство не принесетъ пользы пациенту, если послѣдній не желаетъ употреблять его; но мы не обязаны принимать, какъ выводъ изъ этого, что этотъ пациентъ безъ всякой помощи будетъ избирать надлежащее лѣкарство. Развѣ человекъ, котораго онъ уважаетъ, не побудитъ его принять лучшее лѣкарство, чѣмъ онъ бы выбралъ самостоятельно? Въ томъ именно заключается спорный вопросъ и относительно образованія. Безъ сомнѣнія, образованіе, настолько умѣнное вперемѣдь, что нельзя заставить народъ воспользоваться имъ, будетъ для этого народа имѣть не болѣе значенія, какъ если бы его и вовсе не существовало. Но между тѣмъ, что народъ добровольно избираетъ, и тѣмъ, что онъ отказывается принять, когда ему предлагаютъ, существуетъ большое разстояніе, пропорціональное уваженію народа къ лицу рекомендующему. Кроме того, иногда нужно, чтобы вещь, относительно которой общество оказывается плохимъ судьей, показывалась и навязывалась его вниманію въ теченіе долгаго времени, и чтобы ея преимущества были доказаны долгимъ опытомъ, прежде чѣмъ общество научится цѣнить ее; оно, въ концѣ концовъ, можетъ научиться, чего могло бы никогда не случиться, еслибы вещь рекомендовалась ему только въ теоріи, а не навязывалась бы такимъ образомъ на дѣлѣ. Денежное же предпріятіе не можетъ ждать успѣха годы, а быть можетъ, и поколѣнія; оно должно имѣть успѣхъ сейчасъ же, или оно не будетъ вовсе имѣть успѣха. Другое соображеніе, опущенное Дюпюае, состоитъ въ томъ, что учебныя заведенія и способы обученія, которые никогда не могли стать достаточно популярными, для того чтобы возмещать съ прибылью сдѣланные на нихъ расходы, могутъ быть неопѣненными для многихъ въ силу того, что они даютъ самое высшее образованіе немногимъ и поддерживаютъ непрерывный рядъ выдающихся умовъ, двигающихъ науку и заставляющихъ общество двигаться по пути цивилизаціи.

Что касается элементарнаго образования, то въ этомъ дѣлѣ исключенія изъ обыкновенныхъ правилъ, по моему мнѣнію, могутъ вполне основательно идти еще дальше. Есть известные первоначальные элементы и виды знанія, относительно которыхъ въ высшей степени желательно, чтобы каждый человѣкъ, принадлежащій къ обществу, приобреталъ ихъ въ дѣтствѣ. Если его родители или тѣ, отъ кого онъ зависитъ, имѣютъ возможность доставить ему это образованіе, но не дѣлаютъ этого, то они совершаютъ двойное нарушеніе своихъ обязанностей: передъ самимъ ребенкомъ и передъ членами общества вообще, которые всѣ будутъ серьезно страдать вслѣдствіе невѣжества и недостатка образованія у ихъ согражданъ. Поэтому, правительство справедливо будетъ пользоваться своей властью, налагая на родителей юридическое обязательство давать элементарное образованіе дѣтямъ. Это, однако, не можетъ быть надлежащимъ образомъ сдѣлано безъ пріянія мѣръ къ обезпеченію того, чтобы такое образованіе было всегда либо безвозмездно, либо доступно съ незначительными издержками.

Могутъ, правда, возразить, что воспитаніе дѣтей представляетъ одну изъ тѣхъ расходовъ, которые должны нести родители даже изъ рабочаго класса, что желательно, чтобы они чувствовали себя обязанными заботиться о выполненіи своего долга своими собственными средствами, и что при даровомъ образованіи совершенно такъ же, какъ и при даровомъ пропитаніи, соответственно понижается норма необходимой заработной платы и настолько же ослабляется побужденіе къ трудолюбію и воздержанію. Этотъ доводъ могъ бы быть основательнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы вопросъ шелъ о доставленіи на счетъ общества того, что безъ этого сдѣлали бы для себя отдѣльные лица,—если бы всѣ родители признавали и исполняли обязанность давать образованіе своимъ дѣтямъ на свой собственный счетъ. Но такъ какъ родители не исполняютъ этого долга и не включаютъ образованіе въ тѣ необходимые расходы, которые должны покрываться изъ ихъ заработной платы, то, слѣдовательно, общая величина заработной платы недостаточно велика, чтобы покрывать этотъ расходъ, и онъ долженъ покрываться изъ какого нибудь другаго источника. Этотъ случай не относится также къ разряду тѣхъ, въ которыхъ предложеніе помощи увѣковѣчиваетъ положеніе вещей, дѣлающее помощь необходимой. Образованіе, когда оно правильно поставлено, не обезсиливаетъ, а укрѣпляетъ и расширяетъ дѣятельныя способности; какимъ бы способомъ оно ни было приобретено, его вліяніе на умъ благоприятствуетъ духу независимости; и когда положеніе таково, что люди не имѣли бы его вовсе, не будь оно безвозмездно, то помощь въ этой формѣ совсѣмъ имѣла бы не то вліяніе, какое дѣлаетъ ее вреднымъ во многихъ другихъ случаяхъ; это была бы помощь къ тому, чтобы впоследствии люди могли обходиться безъ помощи.

Въ Англіи и большей части европейскихъ государствъ полная стопмость элементарнаго образованія не можетъ оплачиваться изъ заработной платы простого рабочаго, и если бы и могла, то не оплачивалась бы. Поэтому, тутъ дѣло идетъ не о выборѣ между пра-

вительственнымъ и частнымъ предпріятіемъ, а между образованіемъ, доставляемымъ на счетъ правительства и на счетъ свободной благотворительности; остается выбрать между правительственнымъ вмѣшательствомъ и вмѣшательствомъ ассоціацій частныхъ лицъ, дающихъ средства для этой цѣли по подпискѣ, подобно двумъ большимъ университетскимъ ассоціаціямъ. Конечно, вовсе не желательно, чтобы то, что уже достаточно хорошо выполняется при помощи частной благотворительности, дѣлалось бы на средства, получаемыя путемъ налога. Насколько этого правила слѣдуетъ придерживаться въ школьномъ обученіи, это зависитъ отъ положенія такого обученія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ послѣднее время такъ много говорилось объ образованіи, доставляемомъ въ Англіи на средства свободной благотворительности, что здѣсь будетъ бесполезно разбирать его подробно, и я только выскажу свое убѣжденіе, что даже въ количественномъ отношеніи оно есть и, по всей вѣроятности, и останется совершенно недостаточнымъ, тогда какъ въ качественномъ отношеніи, несмотря на маленькую тенденцію къ улучшенію, оно, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, никогда не бываетъ хорошо, а вообще такъ худо, что можетъ считаться почти номинальнымъ. Поэтому, я считаю обязанностью правительства пополнять этотъ пробѣлъ, ассигнуя на элементарныя школы такую денежную помощь, при которой онѣ были бы доступны для всѣхъ дѣтей бѣдныхъ бесплатно, или съ платой до того незначительной, чтобы она была нечувствительна.

Слѣдуетъ сильно настаивать только на одномъ, а именно, на томъ, чтобы правительство не монополизировало образованія ни въ низшихъ, ни въ высшихъ его степеняхъ; чтобы оно не употребило бы ни власти, ни вліянія, заставляя людей обращаться къ его преподавателямъ предпочтительнѣе передъ другими, и чтобы оно не давало никакихъ исключительныхъ преимуществъ тѣмъ, кто былъ воспитанъ въ государственныхъ школахъ. Хотя правительственные преподаватели въ среднемъ будутъ, по всей вѣроятности, выше частныхъ наставниковъ, все же они не будутъ обладать всѣмъ знаніемъ и проницательностью, какія можно найти у всѣхъ преподавателей, взятыхъ вмѣстѣ; а кромѣ того, желательно, чтобы къ желаемой цѣли оставалось открытымъ какъ можно больше путей. Не слѣдуетъ, чтобы правительство имѣло законную, или фактическую, неограниченную власть надъ народнымъ образованіемъ. Обладать такой властью и дѣйствительно пользоваться ею, значитъ быть деспотичнымъ. Правительство, имѣющее возможность формировать убѣжденія и чувства людей съ ранней юности, можетъ дѣлать съ ними все, что ему угодно. Поэтому, хотя правительство можетъ, а во многихъ случаяхъ и должно учреждать школы и коллегіи, однако оно не должно никогда принуждать или уговаривать поступать въ нихъ; а также не должно зависѣть отъ его разрѣшенія право частныхъ лицъ открывать соперничавшія заведенія. Оно въ правѣ требовать отъ всѣхъ людей, чтобы они обладали извѣстнаго рода образованіемъ, но не въ правѣ предписывать, какъ и отъ кого они должны получать его.

§ 9. Въ дѣлѣ образованія высшательство правительства оправдывается потому, что въ этомъ случаѣ интересъ и сужденіе потребителя не являются достаточной гарантіей доброкачественности товара. Разсмотримъ теперь другой разрядъ случаевъ, въ которыхъ нѣтъ никого въ положеніи потребителя, и въ которыхъ приходится полагаться на интересъ и сужденіе самого дѣйствующаго лица; возьмемъ, напримѣръ, веденіе какого либо дѣла, въ которомъ это лицо исключительно заинтересовано, или заключеніе какого либо договора или обязательства, которымъ это лицо связываетъ самого себя.

Основаніемъ здѣсь для практическаго принципа невмѣшательства должно быть то, что большинство людей имѣетъ болѣе вѣрное и болѣе здравое сужденіе о своемъ собственномъ интересѣ и о средствахъ къ достиженію его, чѣмъ то, какое можетъ быть предписано имъ общимъ постановленіемъ законодательной власти или указано въ отдѣльномъ случаѣ правительственнымъ агентомъ. Какъ общее правило, этотъ принципъ несомнѣнно вѣренъ; но не трудно замѣтить нѣсколько весьма обширныхъ и очевидныхъ исключеній изъ него. Ихъ можно подвести подъ нѣсколько рубрикъ.

Во-первыхъ:—лицо, относительно котораго предполагается, что оно лучшей судья своихъ собственныхъ интересовъ, можетъ оказаться неспособнымъ разсуждать или дѣйствовать самостоятельно,—можетъ быть помѣшаннымъ, слабоумнымъ, малолѣтнимъ, или можетъ быть, если и не совершенно неспособнымъ, то все же незрѣлымъ по своимъ лѣтамъ и сужденію. Въ этомъ случаѣ основаніе принципа невмѣшательства совершенно разрушается. Тутъ лицо наиболее заинтересованное не будетъ не только наилучшимъ судьей въ дѣлѣ, но вообще и вовсе не будетъ компетентнымъ судьей. Слабоумные люди повсюду считались надлежащимъ предметомъ заботъ государства*). Относительно дѣтей и несовершеннолѣтнихъ обыкновенно

*) Практика англійскаго законодательства относительно слабоумныхъ, въ особенности по самому важному вопросу удостовѣренія слабоумія, настоятельнымъ образомъ требуетъ реформы. Въ настоящее время ни одинъ человекъ, обладающій значительнымъ имуществомъ и имѣющій недобросовѣстныхъ, близкихъ родственниковъ, съ которыми онъ въ дурныхъ отношеніяхъ, не обезпеченъ отъ комписіи для признанія его помѣшаннымъ. По настоянію лицъ, которымъ выгодно признаніе его слабоумныхъ, можетъ быть составленъ списокъ присяжныхъ и произведено слѣдствіе, расходы котораго покрываются на счетъ имущества изслѣдуемаго лица; и при этомъ слѣдствіи всѣ личныя особенности владѣльца съ добавленіями, дѣлаемыми ложвой болтовней низкихъ прислужниковъ, напечатываются въ доверчивыи уши дѣвятинадцати мелкихъ лабочниковъ, не имѣющихъ понятія ни о какомъ другомъ образѣ жизни, кромѣ того, какой ведетъ ихъ классъ, и считающихъ каждую индивидуальную черту въ характерѣ или во вкусѣ странностью, а всякую странность умонадѣльствомъ или безправственностью. Если этотъ мудрый трибуналъ издаетъ желаемое рѣшеніе, то имущество переходитъ въ руки такого лица, котораго собственникъ, по всей вѣроятности, не имѣетъ, чѣмъ кого бы то ни было другого, готовъ допустить въ видѣ своего преемника. Нѣсколько недавнихъ примѣровъ такого рода слѣдствій были позоромъ для англійской юстиціи. Какія бы измѣненія ни дѣлались въ этой отрасли законодательства, два изъ нихъ безусловно необходимы: во-первыхъ, чтобы, подобно тому какъ въ другихъ юридическихъ процессахъ,

говорится, что, хотя они и не могутъ сами заботиться о себѣ, по у нихъ есть родители и другіе родственники, чтобы заботиться о нихъ. Но это лишь отодвигаетъ вопросъ въ другую область; тутъ дѣло идетъ уже не о томъ, должно ли правительство вмѣшиваться въ направленіе образа дѣйствій или интересовъ частныхъ лицъ, а о томъ, должно ли оно безусловно предоставлять власти частныхъ лицъ контроль надъ поведеніемъ и интересами кого либо другого. Родительская власть такъ же даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ, какъ и всякая другая власть, и въ дѣйствительности ею постоянно злоупотребляютъ. Если закону не удается не допускать родителей безчеловѣчно обращаться со своими дѣтьми и даже умерщвлять ихъ, то тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобы интересы дѣтей никогда не приносились въ жертву болѣе обыкновеннымъ и менѣе возмущительными способами эгоизму или невѣжеству ихъ родителей. Законъ въ правѣ, насколько возможно, принуждать родителей дѣлать все, требуемое интересами дѣтей, и не дѣлать ничего, противнаго этимъ интересамъ. Возьмемъ примѣръ изъ специальной области политической экономіи; несомнѣнно, что государство должно, насколько позволяютъ его силы, охранять дѣтей и людей, не достигшихъ зрѣлаго возраста, отъ неопыльной работы. Работа въ продолженіе чрезвычайъ большого числа часовъ, или превышающая силы, должна быть запрещена для нихъ, потому что, если она не будетъ запрещена, то всегда ихъ могутъ принуждать къ ней. Свобода договора относительно дѣтей ничто иное, какъ свобода притѣсненія. Очень важно также, чтобы дѣти получали наилучшее образованіе, какое только возможно въ ихъ положеніи; и потому нельзя допускать, чтобы родители или родственники имѣли право по равнодушію, зависти или скупости отказывать имъ въ этомъ.

Доводы за вмѣшательство закона въ защиту дѣтей въ такой же степени применимы къ вопросу о защитѣ животныхъ, этихъ несчастныхъ рабовъ и жертвъ грубѣйшей части человечества. Только вследствие самаго грубаго непониманія принциповъ свободы и положеніе примѣрнаго наказанія за жестокое обращеніе съ этими беззащитными существами считается вмѣшательствомъ правительства въ не принадлежащую ему область, вмѣшательствомъ въ домашнюю жизнь. Домашняя жизнь домашнихъ тирановъ и есть одна изъ тѣхъ вещей, въ которыя настоятельно всего долженъ вмѣшиваться законъ; и нужно сожалѣть, что въ слѣдствіе метафизическихъ сомнѣній относительно характера и истиннаго правительства власти, многіе горячіе защитники законовъ противъ жестокаго обращенія съ животными ищутъ оправданія этихъ законовъ въ случайныхъ послѣдствіяхъ для интересовъ человека отъ спусхожденія къ жестокимъ

расходы неслю не лицо, находящееся подъ слѣдствіемъ, а лица, возбудившія слѣдствіе, съ обязательствомъ возврата этихъ расходовъ въ случаѣ успѣха; и во-вторыхъ, чтобы собственность лица, призваннаго слабоумнымъ, ни въ какомъ случаѣ не переходила къ наследникамъ, пока собственникъ живъ, а управлялась бы правительственнымъ чиновникомъ до смерти или выздоровленія слабоумнаго.

привычкамъ, а не въ дѣйствительной справедливости самихъ законовъ. Если долгъ отдѣльнаго лица, обладающаго достаточной физической силой, состоитъ въ томъ, чтобы препятствовать всякому возмутительному дѣянію, совершающемуся въ его присутствіи, то тѣмъ болѣе должно препятствовать такимъ дѣяніямъ общество въ цѣломъ. Нынешніе англійскіе законы относительно этого предмета главнымъ образомъ неудовлетворительны потому, что максимумъ налагаемаго даже въ самыхъ худшихъ случаяхъ наказанія бываетъ ничтоженъ, а нерѣдко почти номиналенъ.

Часто предлагаютъ причислить и женщинъ къ тѣмъ членамъ общества, свобода договора которыхъ, (какъ говорятъ), въ виду ихъ зависимаго положенія, для ихъ же охраненія должна подлежать контролю правительственной власти; и въ нынѣшнемъ актѣ о фабричныхъ рабочихъ (Factory Act) ихъ трудъ вмѣстѣ съ трудомъ несовершеннолѣтнихъ поставленъ подъ особые ограниченія. Но ставить ради этой и другихъ цѣлей наравнѣ женщинъ и дѣтей кажется мнѣ несправедливымъ въ принципѣ и вреднымъ на практикѣ. Дѣти моложе извѣстнаго возраста не могутъ разсуждать и дѣйствовать самостоятельно; да и послѣ этого возраста они довольно долго бываютъ болѣе или менѣе неспособны дѣйствовать самостоятельно; но женщины такъ же, какъ и мужчины, способны судить о своихъ дѣлахъ и вести ихъ, и единственное препятствіе къ этому состоитъ въ ихъ несправедливомъ социальномъ положеніи. Пока все приобретенное женой будетъ по закону признаваться собственностью мужа, пока законъ, заставляя ее жить съ мужемъ, принуждаетъ ее подчиняться почти неограниченному, моральному и физическому угнетенію, какое только вздумаетъ проявить по отношенію къ ней мужъ, до тѣхъ поръ есть нѣкоторое основаніе считать всякій ея поступокъ какъ бы вынужденнымъ; но современные реформаторы и филантропы дѣлаютъ большую ошибку, нападая на послѣдствія несправедливой власти вмѣсто того, чтобы исправить самую несправедливость. Если бы женщина имѣла такую же неограниченную власть надъ своею личностью и своимъ родовымъ или приобретеннымъ имуществомъ, какъ и мужчина, то не было бы никакого основанія ограничивать часы ея работы, для того чтобы она имѣла время работать на мужа, на такъ называемый защитникамъ ограниченія ея домашній очагъ. Женщины, работающія на фабрикахъ, это—единственныя женщины въ рабочихъ классахъ, которыя не находятся въ положеніи рабынь или слугъ; и именно потому, что ихъ не легко заставить работать или зарабатывать плату противъ ихъ воли. Для улучшенія положенія женщинъ, наоборотъ, надобно дать имъ самый широкій доступъ къ независимымъ, промышленнымъ занятіямъ, а не закрывать либо всецѣло, либо отчасти, тѣ, которыя уже открыты для нихъ.

§ 10. Второе исключеніе изъ теоріи, доказывающей, что человекъ наилучшій судья своихъ интересовъ, относится къ тѣмъ случаямъ, когда человекъ пытается непреложно рѣшать теперь, что будетъ полезнѣе для его интересовъ въ какомъ нибудь отдаленномъ будущемъ. Предполагать безошибочность личнаго сужденія справед-

ливо только тогда, когда это сужденіе основано на дѣйствительномъ и въ особенности на настоящемъ личномъ опытѣ, а не тогда, когда оно составляется раньше опыта и не допускаетъ измѣненій даже и послѣ того, какъ оно было опровергнуто опытомъ. Когда люди обязались контрактомъ не просто сдѣлать извѣстную вещь, а дѣлать что нибудь вѣчно, или въ теченіе долгаго періода, безъ всякой возможности отказаться отъ этого обязательства, то тутъ не привѣрно предположеніе, что они продолжаютъ держаться такого образа дѣйствій, потому что онъ выгоденъ для нихъ; и всякое предположеніе, которое можетъ быть основано на томъ, что эти люди добровольно вступили въ договоръ, быть можетъ, въ молодости и безъ дѣйствительнаго пониманія того, на что они рѣшаются, обыкновенно не имѣетъ почти никакого значенія. Практическій принципъ относительно свободы договоровъ можетъ примѣняться только съ большими ограниченіями къ случаямъ вѣчныхъ обязательствъ; и законъ долженъ съ чрезвычайной осторожностью относиться къ такимъ обязательствамъ. Онъ долженъ отказывать имъ въ своей санкціи, когда налагаемая ими обязанность такова, что договаривающаяся сторона не можетъ быть компетентнымъ судьей въ ней; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ даетъ свое утвержденіе, онъ долженъ принимать всевозможныя предосторожности, чтобы такіе договоры заключались предусмотрительно и сознательно, и, не позволяя сторонамъ самостоятельно разрывать свое обязательство, онъ долженъ вмѣстѣ этого давать имъ освобожденіе отъ него по представленію достаточнаго повсда передъ безпристрастнымъ судьей. Эти соображенія преимущественно относятся къ браку, важнѣйшему изъ всѣхъ пожизненныхъ обязательствъ.

§ 11. Теперь я укажу на третье исключеніе изъ теоріи, утверждающей, что правительство не можетъ вести дѣла частныхъ лицъ такъ же хорошо, какъ они самп. Это исключеніе относится къ огромному разряду случаевъ, въ которыхъ частныя лица могутъ вести дѣло только черезъ уполномоченнаго, и въ которыхъ такъ называемое частное веденіе дѣла въ дѣйствительности мало чѣмъ отличается отъ дѣйствій правительственнаго чиновника и едва ли можетъ быть названо веденіемъ дѣла заинтересованнымъ лицомъ. Все, что при частной инициативѣ можетъ быть выполнено лишь акціонерными компаниями, все это въ отношеніи дѣйствительныхъ достоинствъ работы можетъ быть такъ же хорошо, а иногда и лучше, выполнено государствомъ. Правда, веденіе дѣла правительствомъ—баснословно недобросовѣстно, небрежно и неуспѣшно; но такимъ же вообще бываетъ и управленіе акціонерныхъ обществъ. Директора акціонерныхъ обществъ, правда, всегда бываютъ и акціонерами; но члены правительства такъ же неизмѣнно бываютъ плательщиками налоговъ, и у частныхъ директоровъ такъ же, какъ и у правительственныхъ чиновниковъ, приходящаяся имъ доля выгоды отъ хорошаго веденія дѣла не равняется выгодѣ, какую они могутъ имѣть отъ дурнаго веденія, не говоря уже, что послѣднее покойнѣе. Могутъ возразить, что акціонеры, какъ цѣлое общество, имѣютъ нѣкоторый надзоръ за директорами, и почти всегда имѣютъ полное право удалить ихъ со

службы. Однако, на практикѣ затрудненіе, сопряженное съ проявленіемъ этого права, оказывается такъ велико, что имъ едва ли когда либо пользуются, кромѣ случаевъ такого очевидно неспускаго или, по крайней мѣрѣ, неуспѣшнаго веденія дѣла, которое вообще заставило бы удалить со службы и директоровъ, назначенныхъ правительствомъ. Въмѣсто весьма неудовлетворительной охраны, доставляемой собраніями акціонеровъ и ихъ личнымъ надзоромъ и разслѣдованіями, можно выставить ту болѣе значительную гласность и то болѣе дѣятельное обсужденіе, тѣ толки, какіе можно ожидать въ свободныхъ странахъ относительно дѣлъ, въ которыхъ принимаетъ участіе вообще правительство. Такимъ образомъ, недостатки правительственнаго веденія дѣла, повидному, не бываютъ неспрѣмѣнно значительно больше недостатковъ акціонернаго управленія, а быть можетъ, они и вовсе не больше.

Справедливые доводы за предоставленіе добровольнымъ ассоціаціямъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, какія онѣ въ состояніи выполнить, имѣли бы одинаковую силу и тогда, если бы было извѣстно, что само дѣло будетъ такъ же хорошо или даже лучше выполнено правительственными чиновниками. Эти доводы уже были нами указаны: во-первыхъ вредъ отъ чрезмѣрнаго обремененія главныхъ правительственныхъ агенто́въ дѣлами, требующими вниманія и отвлекающими ихъ отъ обязанностей, которыя лишь они одни могутъ выполнять, къ цѣлямъ, которыя и безъ нихъ могутъ быть достигнуты достаточно хорошо; во-вторыхъ, опасность отъ бесполезнаго расширенія прямой власти и косвеннаго вліянія правительства и отъ умноженія случаевъ столкновенія между его агентами и частными гражданами; и въ-третьихъ, нецѣлесообразность сосредоточивать въ господствующей бюрократіи все искусство и опытъ въ службахъ важнѣйшимъ интересамъ и всю, существующую въ обществѣ, силу организующаго образа дѣйствій; подобная политика удерживаетъ гражданъ въ такомъ отношеніи къ правительству, въ какомъ дѣти находятся къ опекунамъ, и служитъ главной причиною недостатка способности къ политической жизни, недостатка, составляющаго отличительную черту континентальныхъ странъ, страдающихъ отъ многоуправленія, какъ и при представительной формѣ правленія, такъ и при единоличной *).

*) Сходный примѣръ можно видѣть въ томъ отвращеніи къ политикѣ и томъ отсутствіи общественнаго духа, которыя при выпѣшнемъ состояніи общества составляютъ отличительную черту всѣхъ женщинъ вообще; политическіе реформаторы червѣко замѣчаютъ эту особенность женскаго характера и жалуются по поводу ея, не выражая, однако, вообще желанія пабить или устранить ея причину. Эта черта, очевидно, происходитъ отъ того, что и учебныя заведенія и все воспитаніе женщинъ приучили ихъ считать себя совершенно непричастными къ политикѣ. Вездѣ, гдѣ онѣ занимались политикой, онѣ всегда выказывали настолько же большой интересъ къ дѣлу и настолько же способности къ нему соотноственно духу времени, какъ и современные или мужины. Такъ напримѣръ, въ тотъ періодъ исторіи, когда дѣйствовали Изабела Кастильская и Елизавета Англійская, онѣ были не рѣдкимъ исключеніемъ, а только блестящими примѣрами духа и способностей, широко распространенныхъ въ Европѣ между женщинами съ высокимъ положеніемъ и образованіемъ.

Итакъ, по этимъ причинамъ и слѣдуетъ, вообще говоря, предоставлять добровольнымъ ассоціаціямъ большую часть дѣлъ, относительно которыхъ можно предположить, что они будутъ выполняться ими хотя бы только удовлетворительно; однако, изъ этого все же не слѣдуетъ, что способъ, какимъ эти ассоціаціи будутъ выполнять свое дѣло, совершенно не долженъ подлежать контролю правительства. Есть много случаевъ, въ которыхъ учрежденіе, исполняющее извѣстную услугу, каково бы оно ни было, по самому характеру дѣла будетъ единственнымъ учрежденіемъ; т. е., есть много случаевъ, въ которыхъ нельзя устранить существованіе монополіи, со всею принадлежащей ей силой взимать съ общества нѣкоторый поборъ. Я уже не разъ указывалъ на газовыя и водопроводныя компаніи, между которыми, и при допущеніи полнѣйшей свободы соперничества, не бываетъ въ дѣйствительности никакого соперничества, и которыя, какъ показываетъ опытъ, даже менѣе правительства подлежатъ ответственности и доступны частнымъ жалобамъ. Тутъ на расходы не имѣетъ выгоднаго вліянія существованіе нѣсколькихъ предпріятій; и плата за услуги, безъ которыхъ нельзя обойтись, въ сущности будетъ совершенно такимъ же налогомъ, какъ если бы она устанавливалась закономъ: не многіе домовладѣльцы дѣлаютъ различіе между платой за снабженіе водой и другими мѣстными налогами. Въ отношеніи этихъ специальныхъ услугъ большая часть доводовъ говоритъ за то, чтобы онѣ исполнялись, подобно монетно и чисткѣ улицъ, конечно, не общимъ государственнымъ правительствомъ, а муниципальными властями города, и чтобы издержки покрывались, какъ это дѣлается и теперь, мѣстнымъ налогомъ. Но во многихъ аналогичныхъ дѣлахъ, которыя лучше предоставлять частной предпріимчивости, обществу нужно еще другое ручательство въ надлежащемъ исполненіи услуги, кромѣ выгоды предпринимателей; и правительство должно, или подчинить дѣло нѣкоторымъ разумнымъ условіямъ, гарантирующимъ общую выгоду, или удерживать за собою такую власть надъ ними, чтобы, по крайней мѣрѣ, выгоды отъ монополіи могли доставаться обществу. Это относится къ дорогамъ, каналамъ и рельсовымъ путямъ. Такія предпріятія на практикѣ въ значительной степени являются монополиями; и правительство, безусловно уступающее подобную монополію частной компаніи, дѣлаетъ то же самое, какъ если бы оно предоставило частному лицу, или товариществу взимать въ свою пользу какой нибудь дополнительный налогъ со всего производящагося въ странѣ солода или со всего ввозящагося въ нее хлопка. Концессія, данная на ограниченное время, оправдывается на основаніи того же принципа, какъ и патентъ на изобрѣтеніе. Но въ такихъ случаяхъ государство или должно сохранять за собою право отобрать на извѣстныхъ условіяхъ такое важное для общества сооруженіе въ свои руки, или должно удерживать за собою и свободно осуществлять право, устанавливая максимумъ платы за проѣздъ и провозъ грузовъ и отъ времени до времени измѣнять этотъ максимумъ. Вѣроятно, надобно замѣтить, что государство можетъ быть собственникомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, не эксплуатируя ихъ само; и что они почти всегда

будут лучше эксплуатироваться посредствомъ компаніи, берущей въ арендное пользованіе у государства желѣзную дорогу или каналъ на пѣлѣтнѣй, ограниченный срокъ.

§ 12. На четвертое исключеніе я прошу обратить особенное вниманіе, потому что, какъ мнѣ кажется, экономисты до сихъ поръ относились къ нему еще недостаточно внимательно. Есть вещи, въ которыхъ вмешательство закона необходимо не для того, чтобы управлять сужденіемъ частныхъ лицъ о ихъ собственной выгодѣ, а для того, чтобы осуществлять это сужденіе въ виду того, что частныя лица могутъ осуществить его только по соглашенію между собой; а между тѣмъ это соглашеніе не можетъ быть дѣйствительно, если оно не получило поддержки и санкціи закона. Для иллюстраціи я могу указать на вопросъ объ уменьшеніи рабочихъ часовъ, конечно не рѣшая здѣсь самого вопроса въ ту или другую сторону. Предположимъ, — какъ мы это всегда можемъ предположить, все равно бываетъ ли такъ въ дѣйствительности или нѣтъ, — что общее сокращеніе часовъ фабричной работы съ 10 на 9 часовъ было бы выгодно для рабочихъ; т. е., что они получали бы такую же, или почти такую же заработную плату за 9 часовъ, какую получаютъ за 10. Если бы результатъ былъ таковъ, и если бы всѣ рабочіе вообще были увѣрены въ немъ, то, пожалуй, можно сказать, что сокращеніе часовъ труда было бы принято само собою. Я же возражу, что оно не будетъ принято, если рабочіе не обяжутся другъ передъ другомъ держаться его. Рабочій, отказывающійся работать болѣе 9 часовъ, въ то время, когда другіе работаютъ по 10 часовъ, или вовсе останется безъ работы, или долженъ будетъ подчиниться уменьшенію на $\frac{1}{10}$ его заработной платы. Поэтому, какъ бы онъ ни былъ убѣжденъ, что рабочему классу выгодно работать меньшее число часовъ, все же подавать примѣръ въ этомъ будетъ противно его интересамъ, если онъ не будетъ твердо увѣренъ, что всѣ или большинство послѣдуютъ за нимъ. Но предположимъ, что весь классъ рабочихъ вступилъ въ соглашеніе; спрашивается, будетъ ли это соглашеніе имѣть успѣхъ безъ санкціи закона? Нѣтъ, если общественное мнѣніе не будетъ его поддерживать со строгостью, въ дѣйствительности равною строгости закона. Потому что, какъ бы ни было выгодно соблюденіе этого постановленія для всего класса вообще, однако, непосредственный интересъ каждаго отдѣльнаго лица требуетъ нарушенія его: и чѣмъ большее число лицъ будетъ придерживаться этого правила, тѣмъ болѣе будутъ выигрывать отдѣльныя лица, уклоняясь отъ него. Если бы почти всѣ подчинились девяти часовой работѣ, то тѣ, кто пожелалъ бы работать 10 часовъ, получили бы всю выгоду отъ ограниченія вмѣстѣ съ выгодой отъ нарушенія его; они бы получали десятичасовую заработную плату за 9 часовъ труда, и кромѣ того еще заработную плату за 1 часъ. Я допускаю, что, еслибъ огромное большинство придерживалось девяти часового рабочаго дня, то такое уклоненіе не причинило бы никакаго вреда: выгода такого сокращенія была бы обезпечена для всего класса вообще, тогда какъ тѣ отдѣльныя лица, которые пожелали бы работать сильнѣе и зарабатывать больше, имѣли бы возможность

дѣлать это. Безъ сомнѣнія это и было бы то положеніе, какого слѣдуетъ желать; а предположивъ, что сокращеніе часовъ безъ уменьшенія заработной платы можетъ совершиться, не заставляя товаръ терять нѣкоторые изъ его рынковъ, — что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ представлять вопросъ факта, а не принципа, — слѣдуетъ желать, чтобы этотъ результатъ осуществился путемъ тихой перемѣны въ общемъ промышленномъ обычаѣ, чтобы въ силу свободнаго соглашенія вошло въ общее обыкновеніе меньшее число рабочихъ часовъ, но чтобы тѣ, кто хочетъ отступить отъ такого обыкновенія, имѣли полную свободу дѣлать это. Но, по всей вѣроятности, столько людей предпочло бы работу на болѣе выгодныхъ условіяхъ, что ограниченіе не могло бы удержаться, какъ общее обыкновеніе: то, что нѣкоторые стали бы дѣлать по доброй волѣ, другіе скоро бы были принуждены дѣлать по необходимости, и тѣ, кто пожелалъ бы работать большее число часовъ, ради полученія болѣе заработной платы, въ концѣ концовъ были бы принуждены работать большее число часовъ за плату, не большую прежней. Итакъ, если мы предположимъ, что каждому было бы выгодно работать всего лишь 9 часовъ, если бы онъ былъ увѣренъ, что всѣ остальные будутъ работать столько же, то все-таки рабочіе могутъ достигнуть этого не иначе, какъ согласившись обратить взаимное соглашеніе въ обязательство подъ угрозой установленнаго закономъ наказанія. И здѣсь нисколько не отставаю подобнаго постановленія, котораго никогда никто не требовалъ, и котораго при нынѣшнихъ условіяхъ я, конечно, не сталъ бы рекомендовать; но оно служитъ поясненіемъ того, какимъ образомъ нѣкоторые классы людей могутъ нуждаться въ помощи закона для осуществленія общаго обдуманнаго мнѣнія о ихъ собственной выгодѣ для того, чтобы доставить гарантію каждому отдѣльному лицу, что его соперники будутъ держаться того же образа дѣйствій, какъ онъ самъ; безъ чего отдѣльное лицо не можетъ безъ ущерба для себя придерживаться такого образа дѣйствій.

Другимъ поясненіемъ того же принципа можетъ служить такъ называемая Уэкфильдова система колонизаціи. Эта система основана на томъ важномъ соображеніи, что степень производительности земли и труда зависитъ отъ существованія между ними вѣдущей пропорціи: что если немногія лица во вновь заселяющейся странѣ пытаются занять и присвоить большое пространство земли, или если каждый рабочій становится слишкомъ рано собственникомъ — обработывателемъ земли, то происходитъ потеря производительной силы и сильное замедленіе прогресса колоніи въ богатствѣ и цивилизаціи; что, несмотря на всѣ эти невыгоды, инстинктъ присвоенія (если можно такъ выразиться) и чувства, соединенныя въ старыхъ странахъ съ поземельной собственностью, побуждаютъ почти каждаго эмигранта пріобрѣтать насколько возможно болѣе земли и заставить каждаго рабочаго сразу же становиться собственникомъ. обработывающимъ землю съ помощью лишь одной своей семьи. Еслибы можно было до нѣкоторой степени ослабить это стремленіе къ обладанію землей, и каждаго рабочаго заставить работать извѣст-

ное число лѣтъ по найму, прежде чѣмъ онъ станетъ собственникомъ земли, то благодаря этому могъ бы поддерживаться постоянный контингентъ наемныхъ рабочихъ для устройства дорогъ, каналовъ, производства приращенныхъ работъ и т. п., а также для устройства и веденія разныхъ отраслей городской промышленности; въ слѣдствіе этого рабочій, становясь, въ концѣ концовъ, поземельнымъ собственникомъ, находилъ бы свою землю болѣе цѣнной, благодаря доступу къ рынкамъ и легкости полученія наемнаго труда. На этомъ основаніи Уэкфильдъ предлагаетъ сдерживать преждевременное занятіе земли и разбросанность населенія назначеніемъ за всѣ незанятые земли болѣе высокой цѣны, и выручку отъ этого употреблять на перевозку эмигрирующихъ изъ отечества рабочихъ.

Однако, противъ этой полезной мѣры возражали во имя и на основаніи мнѣнія, выдаваемого за великій принципъ политической экономіи, которое утверждало, что человѣкъ наилучшій судья своихъ собственныхъ интересовъ. Говорили, что когда вещи предоставлены самимъ себѣ, земля присваивается и занимается по добровольному выбору людей въ такихъ количествахъ и въ такое время, какія наиболѣе выгодны для каждаго отдѣльнаго лица, а слѣдовательно, и для всего общества вообще, и что противопоставлять искусственные препятствія къ приобретенію поселенцами земли, значитъ мѣшать людямъ избирать тотъ путь, который по ихъ собственному сужденію наиболѣе выгоденъ для нихъ, изъ за самонадѣяннаго убѣжденія законодателя, будто бы онъ лучше ихъ знаетъ, что для нихъ выгоднѣе. Однако, въ этомъ возраженіи обнаруживается полное непониманіе или самой системы, или принципа, которому она будго бы противорѣчить. Ошибка тутъ сходна съ той, какую мы только что видѣли въ примѣрѣ о сокращеніи часовъ труда. Какъ бы ни было полезно для всей колоніи и для каждаго составляющаго ее лица, чтобы никто не занималъ больше земли, чѣмъ можетъ надлежащимъ образомъ обрабатывать, и не ставовился собственникомъ, пока не явятся другіе рабочіе, готовые занять его мѣсто въ работѣ по найму; все же отдѣльному лицу никогда не будетъ выгодно подчиниться такой воздержанности, если оно не будетъ увѣрено, что и другіе будутъ поступать такъ же. Когда онъ окруженъ поселенцами, имѣющимъ по 1000 акровъ, какая ему выгода будетъ ограничиваться 50? Или, что выиграетъ рабочій, совершенно откладывая приобретение земли на нѣсколько лѣтъ, когда всѣ другіе рабочіе спѣшатъ обращать первые свои заработки на покупку земель въ пустынѣ ва разстояніи нѣсколькихъ миль другъ отъ друга? Если они, захватывая землю, препятствуютъ образованію класса наемныхъ рабочихъ, то отдѣльный рабочій, откладывая время покупки земли, не будетъ въ состояніи, приобретши ее въ концѣ концовъ, извлечь изъ нея болѣе значительную выгоду; тогда зачѣмъ же ему, оставаясь наемнымъ рабочимъ, ставить себя въ положеніе, которое и для него и для другихъ кажется низшимъ, когда всѣ, окружающіе его, дѣлаются собственниками? Каждому выгодно дѣлать то, что хорошо для всѣхъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда и другіе дѣлаютъ то же.

Принципъ, говорящій, что каждый—наилучшій судья собственного интереса, понятый такъ, какъ понимаютъ его люди, возражающіе противъ вышеуказанной мѣры, доказывалъ бы, что правительства не должны исполнять ни одной изъ ихъ общепризнанныхъ обязанностей,—и, пожалуй, въ дѣйствительности вовсе не должны существовать. Всему обществу, какъ въ совокупности, такъ и въ отдѣльности, очень выгодно, чтобы въ немъ никто другъ друга не грабилъ и не обманывалъ; но отъ этого не менѣе необходимо, чтобы грабежъ и обманъ наказывались закономъ; потому что, хотя и выгодно каждому, чтобы его никто не грабилъ и не обманывалъ, все же никому не будетъ выгодно воздерживаться отъ грабежа и обмана другихъ, когда всѣмъ другимъ позволено грабить и обманывать его. По этой причинѣ главнымъ образомъ и существуютъ уголовные законы, потому что даже при единодушномъ убѣжденіи, что извѣстный образъ дѣйствій выгоденъ съ точки зрѣнія общаго интереса, для отдѣльныхъ лицъ бываетъ не всегда выгодно придерживаться такого образа дѣйствій.

§ 13. Въ пятыхъ, аргументъ противъ правительственнаго вмѣшательства, основанный на принципѣ, что каждый человѣкъ наилучшій судья своихъ интересовъ, не можетъ примѣняться въ очень обширному разряду тѣхъ случаевъ, когда дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, право вмѣшиваться въ которыя оставляетъ за собой правительство, совершаются не ради ихъ собственной выгоды, а ради выгоды другихъ людей. Сюда относится, между прочимъ, важный и много возбуждавшій споръ о вопросѣ объ общественной благотворительности. Хотя вообще и слѣдуетъ предоставлять людямъ дѣлать для себя все то, что, какъ можно основательно надѣяться, они въ состояніи исполнить, однако въ тѣхъ случаяхъ, когда они никакъ не могутъ быть предоставлены самимъ себѣ, а нуждаются въ посторонней помощи, возникаетъ вопросъ, лучше ли, чтобы они получали эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ и, слѣдовательно, неопредѣленно и случайно, или же отъ организованныхъ учреждений, въ которыхъ общество дѣйствуетъ черезъ свой органъ, т. е. черезъ правительство?

Это приводитъ насъ къ вопросу относительно законовъ о бѣдныхъ—вопросу, который имѣлъ бы гораздо меньшее значеніе, если бы привычки всѣхъ классовъ общества были умѣренны и благоразумны, а распределеніе собственности удовлетворительно; но когда, подобно тому какъ на Британскихъ островахъ, положеніе дѣтъ въ обоихъ отношеніяхъ бываетъ совершенно обратно, этотъ вопросъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе.

Помимо какихъ либо метафизическихъ соображеній относительно основъ морали и общественнаго союза, каждый признаетъ справедливымъ, что люди должны помогать другъ другу, и тѣмъ болѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда и что никто настоятельнѣе не нуждается въ помощи, какъ голодающій. Слѣдовательно, право на помощь, созданное нишею, есть одно изъ самыхъ неоспоримыхъ правъ, какое только можетъ существовать: и съ перваго же взгляда очевидно, что помощь, оказываемая людямъ, находящимся въ такой

крайней нужды, должна быть обеспечена имъ въ такой мѣрѣ, въ какой только ее можетъ обеспечить какое бы то ни было общественное устройство.

Съ другой стороны во всѣхъ случаяхъ помощи слѣдуетъ принимать во вниманіе два рода послѣдствій: послѣдствія самой помощи и послѣдствія расчетовъ на помощь. Перваго рода послѣдствія обыкновенно бываютъ полезны, послѣднія же въ большинствѣ случаевъ вредны, во многихъ случаяхъ настолько вредны, что сильно перевѣшиваютъ сумму пользы. И это чаще всего случается именно въ тѣхъ случаяхъ, когда потребность въ помощи настоятельнѣе всего. Ни на чемъ такъ вредно не отражаются расчеты населенія на постоянную помощь со стороны другихъ, какъ на средствахъ къ существованію, и къ несчастью люди ничему такъ легко не вычисляются, какъ рассчитывать на эту помощь. Поэтому, тутъ приходится рѣшать одну изъ самыхъ настоятельныхъ, а также и самыхъ трудныхъ задачъ: какъ доставить наибольшее количество необходимой помощи, возбуждая наименьше незаконныхъ расчетовъ на нее.

Однако, энергія и самостоятельность могутъ страдать и отъ недостатка помощи такъ же, какъ отъ излишка ея. Для трудолюбія даже пагубнѣе, когда люди не имѣютъ надежды добиться успѣха собственными успилями, чѣмъ когда они увѣрены, что достигнуть его безъ труда. Когда положеніе человѣка до того бѣдственно, что силы его парализуются отчаяніемъ, помощь укрѣпляетъ, а не притупляетъ ихъ: она возбуждаетъ, а не заглушаетъ дѣятельныя способности, подѣ условіемъ только, чтобы эта помощь не устранила необходимости въ самодѣятельности, т. е., не дѣлала бы излишнимъ личнаго труда, искусства и благоразумія, а лишь усиливала бы въ человѣкѣ надежду достигнуть успѣха этими законными средствами. Съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать всѣ филантропическіе и благотворительные проекты; все равно предназначаются ли они для пользы отдѣльныхъ лицъ, или цѣлыхъ классовъ и осуществляются ли они на началахъ добровольнаго пожертвованія, или правительствомъ.

Насколько въ этомъ вопросѣ возможно вывести какое нибудь общее заключеніе или правило, оно, повидимому, должно заключаться въ слѣдующемъ: если помощь дается такимъ образомъ, что положеніе лица, получающаго ее, оказывается не хуже положенія человѣка, обходящагося безъ нея, и если къ тому же на эту помощь можно было рассчитывать заранѣе, то она вредна: но если, будучи доступной для каждаго, она въ каждомъ оставляетъ слышнѣйшее побужденіе насколько возможно обходиться безъ нея, то тогда она въ большинствѣ случаевъ полезна. Этотъ принципъ, въ примѣненіи къ общественной благотворительности, есть принципъ закона о бѣдныхъ 1834 г. Если человѣкъ, получающій помощь, ставится въ такое же хорошее положеніе, какъ и рабочій, содержащій себя собственнымъ трудомъ, то такая система подрываетъ въ корнѣ всякое личное трудолюбіе и самообладаніе: и если бы она была проведена съ полной логической послѣдовательностью, то она потребовала

бы, въ видѣ дополненія, организованной системы принужденія, для того чтобы управлять рабочими и принуждать ихъ къ работѣ, подобно скоту, такъ какъ они не испытывали бы вліянія тѣхъ побужденій, которыя дѣйствуютъ на людей. Но если бы законъ, избавляя всѣхъ отъ абсолютной нужды, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ бы лицамъ, содержащимся на счетъ общественной благотворительности, положеніе, значительно худшее положенія тѣхъ, которые содержатъ себя самп, то онъ имѣлъ бы только одни благотворныя послѣдствія, такъ какъ онъ дѣлалъ бы невозможнымъ умереть отъ недостатка пищи иначе, какъ по своей волѣ. Если не въ другихъ странахъ, то въ Англійи эта мысль можетъ быть осуществлена; это доказывается какъ опытомъ многихъ лѣтъ, предшествовавшихъ концу прошлаго столѣтія, такъ и болѣе недавними примѣрами многихъ, дошедшихъ до чрезвычайной нищеты, округовъ, которые къ большой и постоянной выгодѣ всего рабочаго класса были выведены изъ нищеты, благодаря введенію строгихъ правилъ въ примѣненіи закона о бѣдныхъ. По всей вѣроятности, и въ каждой странѣ, измѣняя способы сообразно съ характеромъ народа, можно доставить законное обезпеченіе немущимъ съ соблюденіемъ условій, отъ которыхъ зависѣть, чтобы эта помощь была безвредной.

Признавая эти условія, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю въ высшей степени желательнымъ, чтобы обезпеченіе средствъ въ существованію для немущихъ, но способныхъ къ труду, людей скорѣе доставлялось закономъ, чѣмъ зависѣло бы отъ частной благотворительности. Во-первыхъ, благотворительность всегда дѣлаетъ или слишкомъ мало, или слишкомъ много; она расточаетъ свою щедрость въ одномъ мѣстѣ и оставляетъ людей умирать съ голоду въ другомъ. Во-вторыхъ, такъ какъ государство по необходимости должно содержать бѣднаго преступника во время отбыванія имъ наказанія, то не дѣлать того же для бѣднаго, не сдѣлавшаго никакого проступка, значить давать премию за преслупленіе. И, наконецъ, если бѣдные будутъ предоставлены частной благотворительности, неизбежно сильное развитіе нищенства. Частной же благотворительности государство можетъ и должно предоставить обязанность дѣлать различіе между отдѣльными случаями дѣйствительной нужды. Частная благотворительность можетъ больше давать тому, кто болѣе заслуживаетъ. Государство должно дѣйствовать на основаніи общихъ правилъ. Оно не можетъ брать на себя обязанность дѣлать различіе между нищимъ, заслуживающимъ помощи, и нищимъ, не заслуживающимъ ея. Оно не въ правѣ дать больше тому, что необходимо для существованія первому, и не можетъ дать меньше второму. Все, что говорится о несправедливости закона, который не лучше обращается съ человѣкомъ, обидѣннымъ просто по несчастью, чѣмъ съ тѣмъ, который обидѣнъ, благодаря своему дурному поведенію, основано на непониманіи области вѣдѣнія закона и общественной власти. Распределители общественной помощи не должны быть инквизиторами. Опекунамъ и попечителямъ *) нельзя довѣрять пра-

*) Guardians and overseers—такъ называются должностныя лица, заведующія общественной благотворительностью въ Англійи.

ва давать или не давать чужія деньги на основаніи ихъ приговора о нравственности лица, обращающагося за помощью; и было бы большимъ незнаніемъ привычекъ людей предполагать, что подобныя должностныя лица, даже при обладаніи необходимыми качествами,—что почти невозможно,—дадутъ себѣ трудъ опредѣлить и разобрать прошлое поведение человѣка настолько, чтобы составить правильное понятіе о немъ. Частная благотворительность можетъ дѣлать такія различія и, давая свои деньги, она въ правѣ при этомъ поступать по собственному усмотрѣнію. Слѣдуетъ помнить, что это и есть область, исключительно принадлежащая частной благотворительности, и что эта послѣдняя заслуживаетъ или не заслуживаетъ одобренія, смотря по тому, съ большей или меньшей предусмотрительностью исполняетъ она свою обязанность. Но отъ попечителей общественныхъ суммъ нельзя требовать, чтобы они для кого нибудь дѣлали больше того минимума, какой они обязаны давать даже самому худшему человѣку. Въ противномъ случаѣ сплсходительность очень скоро сдѣлается общимъ правиломъ, а отказъ болѣе или менѣе капризнымъ и произвольнымъ исключеніемъ.

§ 14. Подъ тотъ же общій принципъ, что и общественная благотворительность, подходитъ еще другой разрядъ случаевъ, въ которыхъ дѣйствія частныхъ лицъ, хотя и имѣющія въ виду исключительно ихъ собственную выгоду, влекутъ за собою несравненно болѣе обширныя послѣдствія для интересовъ націи или потомства, интересовъ, о которыхъ лишь одно общество во всей его совокупности можетъ и должно заботиться. Одинъ изъ такихъ случаевъ представляетъ колонизація. Если желательно,—чего никто не станетъ отрицать,—чтобы основаніе колоній велось не въ исключительно личныхъ интересахъ первыхъ основателей ихъ, а съ обдуманной заботой о прочномъ благосостояніи націи, которая впоследствии могутъ возникнуть изъ этихъ небольшихъ начинаній; то такого рода забота можетъ быть осуществлена лишь въ томъ случаѣ, если дѣло съ самаго начала будетъ подчинено постановленіямъ, созданнымъ съ предусмотрительностью и болѣе широкими взглядами законодателя философа; а лишь одно правительство имѣетъ возможность составлять такія постановленія или принуждать къ ихъ соблюденію.

Вопросъ о правительственномъ внимательствѣ въ дѣло колонизаціи обнимаетъ будущіе и постоянныя интересы самой колонизаціи и заходитъ гораздо дальше, сравнительно, узкихъ границъ чисто экономическихъ соображеній. Но даже съ точки зрѣнія однихъ этихъ соображеній перемѣщеніе населенія изъ переполненныхъ частей земной поверхности въ незаселенныя представляетъ одно изъ тѣхъ въ высшей степени полезныхъ для общества дѣлъ, которыя болѣе требуютъ правительственнаго внимательства и въ то же время наилучше его вознаграждаютъ.

Чтобы оцѣнить выгоды колонизаціи, ее надобно разсматривать не по отношенію къ отдѣльной странѣ, а по отношенію къ совокупнымъ, экономическимъ интересамъ всего человѣчества. Вопросъ о колонизаціи обыкновенно разсматривается слишкомъ пе-

включительно съ точки зрѣнія распредѣленія облегченія одного рынка труда и снабженія другого. Это значеніе его несомнѣнно, но онъ такъ же имѣетъ значеніе и въ отношеніи производства и наиболѣе успѣшнаго примѣненія производительныхъ средствъ земного шара. Много говорилось о выгодѣ ввозить товары изъ мѣста, гдѣ можно ихъ купить дешевле всего, а между тѣмъ о выгодѣ производить ихъ тамъ, гдѣ производство ихъ обходится дешевле всего, до сихъ поръ сравнительно мало думали. Если доставлять товары для потребленія изъ мѣста, гдѣ они находятся въ изобиліи, въ мѣста, гдѣ въ нихъ чувствуется недостатка, считается хорошей денежной спекуляціей, то развѣ не одинаково хорошей спекуляціей будетъ дѣлать то же относительно труда и орудій. Вывозъ рабочихъ и капитала изъ старой страны въ новую, изъ мѣста, гдѣ ихъ производительность меньше, въ мѣсто, гдѣ она будетъ больше, пропорціонально этой разницѣ увеличиваетъ общій продуктъ труда и капитала всего земного шара. Такой вывозъ вызываетъ настолько быстрый приростъ совокупнаго богатства старой и новой страны, что этотъ приростъ въ короткое время во много разъ покрываетъ стоимость перевозки. Безъ всякаго колебанія можно утверждать, что при нынѣшнемъ состояніи всего міра—колонизація представляетъ одно изъ наиболѣе выгодныхъ торговыхъ предприятий, въ которое можетъ вкладываться капиталъ старой и богатой страны.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что за исключеніемъ лишь такихъ совершенно особенныхъ обстоятельствъ, какъ тѣ, которыя слѣдовали за прландскимъ голодомъ, колонизація можетъ предприниматься въ большемъ размѣрѣ, какъ торговое предприятие, лишь правительствомъ или какихъ нибудь обществомъ частныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ полномъ согласіи съ правительствомъ. Эмиграція, основанная на частной инициативѣ, рѣдко имѣетъ сколько нибудь существенное вліяніе на облегченіе стѣсненнаго положенія населенія въ старыхъ странахъ, хотя, безъ сомнѣнія, по мѣрѣ своего развитія она приноситъ пользу колоніи. Рабочіе, которые добровольно эмигрируютъ, рѣдко бываютъ очень бѣдны; это преимущественно мелкие фермеры съ небольшимъ капиталомъ или рабочіе, сберегшіе что нибудь, которые, удавая лишь свой трудъ съ переполненнаго рынка, берутъ изъ капитала страны часть, содержавшую и давашую занятіе, кромѣ ихъ самихъ, еще добавочному числу рабочихъ. Кромѣ того эта часть общества по своимъ размѣрамъ такъ ограничена, что она можетъ переселиться цѣлкомъ, не оказавъ сколько нибудь замѣтнаго вліянія ни на численность населенія, ни даже на его ежегодный приростъ. Значительная эмиграція труда возможна лишь тогда, когда нужны для нея средства вышачиваются или по крайней мѣрѣ даются въ суду не изъ имущества самихъ эмигрантовъ, а изъ какого нибудь другого источника. Кто же долженъ давать эти средства? Естественно, намъ могутъ возразить, капиталисты въ колоніи, нуждающіеся въ трудѣ и наемные дать ему занятіе. Но здѣсь является то препятствіе, что капиталистъ, сдѣлавъ расходъ на перевозку рабочихъ, не имѣетъ никакого обезпеченія, что именно онъ и получитъ выгоду отъ нихъ. Если бы даже

всѣ капиталцеты колоній соединились и оплачивали этотъ расходъ по подпискѣ, то и тогда они были бы вовсе не обезпечены, что рабочіе, прибывъ на мѣсто, будутъ постоянно работать на нихъ. Проработавъ нѣкоторое время и заработавъ нѣсколько фунтовъ, рабочіе, если только имъ не мѣшаетъ правительство, всегда поселяются на незанятыхъ земляхъ и работаютъ для самихъ себя. Неоднократно дѣлали опыты того, возможно ли принуждать исполнять договоры относительно работы и требовать съ эмигранта возврата денегъ за проездъ тому, кто ихъ выдалъ; и, однако, хлопоты и расходы всегда сильно перевѣшивали выгоду. Кромѣ этого источника средствъ для эмиграціи, остается еще только одинъ, а именно добровольныя пожертвованія приходовъ и частныхъ лицъ съ цѣлью освободиться отъ излишнихъ рабочихъ, которые уже получаютъ или могутъ потребовать пособія изъ налога для бѣдныхъ. Если бы это дѣло получило широкое распространеніе, оно могло бы произвести эмиграцію въ размѣрѣ, достаточномъ для того, чтобы удалить остающаеся теперь незанятымъ населеніе, но не для того, чтобы поднять заработную плату занятыхъ рабочихъ; и меньше, чѣмъ черезъ одно поколѣніе, пришлось бы повторять то же самое.

Однимъ изъ главныхъ основаній, почему колонизація должна быть національнымъ предпріятіемъ, служить то, что, за исключеніемъ совершенно рѣдкихъ случаевъ, только такимъ способомъ эмиграція можетъ вестись на доставляемыя ею средства. Вывозъ капитала и труда въ новую страну, какъ мы уже говорили, представляетъ самое выгодное коммерческое предпріятіе; поэтому совершенно нецѣльно предполагать, чтобы оно не оплачивало, подобно другимъ коммерческимъ предпріятіямъ, расходовъ на него. Нѣтъ никакого основанія, почему бы не брать достаточной части изъ той огромной прибавки продукта земного шара, которая получается благодаря эмиграціи, и не покрывать этою частью издержки, предпріятія для выполненія самой же эмиграціи. По причинамъ, уже указаннымъ, ни частное лицо, ни какая либо группа частныхъ лицъ не можетъ вознаграждать себя за расходы; правительство же можетъ. Оно можетъ изъ ежегоднаго прироста богатства, произведеннаго эмиграціей, брать долю, достаточную для возвращенія въ процентами того, что стоила эмиграція. Расходы по эмиграціи въ колонію должна нести колонія; а это вообще возможно лишь тогда когда ихъ несетъ колониальное правительство.

Изъ способовъ, какими можно собирать въ колоніи капиталъ для веденія колонизаціи, по удобству ни одного нельзя сравнить съ тѣмъ, который впервые предложилъ и затѣмъ съ такимъ умѣньемъ и настойчивостью защищалъ Уэкфильдъ: т. е. съ проектомъ опѣнить для продажи всю незанятую землю, и выручку отъ продажи ея употребить на эмиграцію. Въ началѣ этой главы мы уже опровергли несомнѣтельныя и неадвѣтскія возраженія противъ этого проекта; теперь намъ остается указать на его преимущество. Во-первыхъ, онъ устраняетъ затрудненія и неудовольствія, сопряженныя съ ежегоднымъ взиманіемъ большой суммы посредствомъ налога:—вещь почти невозможная при разбросанномъ по пустынь насе-

леніи колонистовъ, которыхъ, какъ доказалъ опытъ, можно заставить платить прямой налогъ только цѣною расходовъ, значительно превышающихъ доходъ отъ него; а между тѣмъ косвенные налоги во вновь заселяющейся странѣ очень скоро достигаютъ своего предѣла. Такимъ образомъ, продажа земли представляетъ самый легкій способъ полученія требуемыхъ средствъ. Но она имѣетъ другія еще большія преимущества. Она служитъ благотворнымъ противодѣйствіемъ тенденціи населенія колонистовъ усваивать вкусы и склонности дикой жизни, и разсѣваться настолько, что теряются всѣ выгоды торговли, рынковъ, раздѣленія занятій и сочетанія труда. Дѣлая необходимымъ для людей, эмигрирующихъ на счетъ такого фонда, зарабатывать значительную сумму прежде, чѣмъ они получаютъ возможность сдѣлаться собственниками, продажа земли поддерживаетъ постоянную смѣну наемныхъ рабочихъ, которые во всякой странѣ являются важными помощниками даже и для крестьянина-собственника; а уменьшая страсть земледѣльческихъ спекулянтовъ расширять свои владѣнія, она удерживаетъ поселенцевъ на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что способствуетъ развитію сотрудничества, устраняетъ многочисленное населеніе земледѣльцевъ на доступномъ разстояніи каждаго изъ нихъ отъ центра иностранной торговли и земледѣльческой промышленности и обезпечиваетъ образованіе и быстрый ростъ городовъ и городского производства. Эта концентрація, по сравненію съ разбросанностью, неизмѣнно появляющеюся, когда незанятую землю можно получать даромъ, сильно ускоряетъ достиженіе благосостоянія и увеличиваетъ тотъ фондъ, который можетъ быть собранъ для дальнѣйшей эмиграціи. До пріятія Уэкфильдовой системы первые годы всѣхъ новыхъ колоній были полны всевозможныхъ бѣдствій и затрудненій; послѣднія колонія, основанная по старому способу—поселеніе Лебизвей рѣки—является однимъ изъ самыхъ характерныхъ примѣровъ. Вся послѣдующая колонизація велась по системѣ Уэкфильда; впрочемъ, не вполне, такъ какъ только часть выручки отъ продажи земли употреблялась на эмиграцію; но тамъ, гдѣ она велась вполне по этой системѣ, какъ напримѣръ, въ Южной Австраліи, Викторіи и Новой Зеландіи, препятствіе къ разбросанности населенія и приливъ капитала, вызванный увѣренностью въ возможности получить наемный трудъ, вопреки множеству затрудненій и очень дурному управленію, произвелъ такой внезапный и быстрый ростъ благосостоянія, который можетъ показаться болѣе сказочнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ *).

*). Возраженія, съ такимъ ожесточеніемъ дѣлаемыя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ колоній противъ уэкфильдовой системы, по скольку они основательны, относятся не къ самому принципу, а къ нѣкоторымъ статьямъ, которыя вовсе не составляютъ части системы и совершенно безцѣльны, и ошибочно были присоединены къ ней; такова, напримѣръ, статья о допущеніи въ продажу только ограниченаго количества земли исключительно съ аукціона и участками не меньше 640 акровъ, вмѣсто того, чтобы продавать всю землю, сколько потребуется, и предоставлять покупщину неограниченную свободу выбора какъ относительно количества, такъ и мѣстоположенія земли, продаваемой по опредѣленнымъ цѣнамъ.

Успѣхъ системы колонизаціи, поддерживающейся на собственные средства, разъ она установится, будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ; размѣры ея будутъ имѣть тенденцію возрастать въ геометрической прогрессіи; потому что, пока страна не будетъ совершенно заселена, каждый, способный къ работѣ, эмигрантъ въ самое короткое время увеличиваетъ ея богатство сверхъ собственного потребленія настолько, что этой прибавкой покроеся расходъ на доставку другого эмигранта; изъ этого слѣдуетъ, что, тѣмъ большее число людей уже послано, тѣмъ большее число можно будетъ посылать, такъ какъ каждый эмигрантъ даетъ возможность появиться цѣлому ряду эмигрантовъ въ короткій промежутокъ времени безъ новаго расхода, пока, наконецъ, колонія не будетъ заселена. Поэтому, для метрополіи было бы выгоднымъ ускорить первыя ступени этой прогрессіи, давая колоніямъ для цѣлей эмиграціи суды, которыя должны быть выплачены изъ фонда, образуящагося отъ продажи земли. Доставка такимъ образомъ средствъ для немедленнаго выполнения обширной эмиграціи было бы паче выгоднѣйшимъ для колоніи помѣщеніемъ этой суммы капитала, а трудъ и сбереженія этихъ эмигрантовъ ускорили бы то время, когда отъ продажи земли начали бы получаться большія суммы. Но чтобы не переполнять рынка труда, надобно было бы дѣйствовать совмѣстно съ людьми, расположенными перенести свой собственный капиталъ въ колонію. Увѣренность, что для такого производительнаго поля занятій существуетъ большое количество труда, обезпечила бы сильную эмиграцію капитала изъ странъ, гдѣ подобно тому, какъ въ Англіи, прибыль низка, а накопленіе быстро; и только нужно было бы не посылать туда одновременно больше того числа рабочихъ, какое можетъ поглотить и какому можетъ дать занятіе по высокой заработной платѣ этотъ капиталъ.

Такъ какъ при этой системѣ разъ сдѣланная, извѣстная затрата будетъ давать средства не только для одной отдѣльной эмиграціи, но для постояннаго потока эмигрантовъ, который по мѣрѣ своего теченія будетъ возрастать въ своей ширинѣ и глубинѣ, то этотъ способъ борьбы съ чрезмѣрной густотой населенія имѣетъ преимущества, которыми не обладаетъ ни одинъ изъ когда либо предлагавшихся проектовъ борьбы съ послѣдствіями возрастанія населенія, безъ сокращенія самаго возрастанія. Въ этой системѣ есть элементъ безпредѣльности; никто не можетъ вполне предвидѣть какъ далеко зайдетъ ея значеніе, какъ клапанъ для отлива излишняго населенія. Поэтому, на правительствѣ страны съ такимъ густымъ населеніемъ, какъ въ Англіи, и владѣющей незанятыми землями, лежитъ безусловная обязанность, какъ бы постройть и держать открытымъ для всѣхъ мостъ изъ метрополіи въ эти земли, учредивъ систему колонизаціи, покрывающуюся собственными средствами, въ такихъ размѣрахъ, чтобы во всякое время могла совершаться безъ всякой затраты со стороны самихъ эмигрантовъ такая эмиграція, какову въ данное время могутъ принять колоніи.

Относительно Британскихъ острововъ важность этихъ соображеній въ послѣднее время значительно уменьшилась вслѣдствіе без-

примѣрныхъ размѣровъ добровольной эмиграціи изъ Ирландіи, и при томъ эмиграціи не только мелкихъ фермеровъ, но и бѣднѣйшихъ классовъ земледѣльческихъ рабочихъ, которая одновременно была добровольной и велась на собственные средства, такъ какъ послѣдовательный рядъ эмигрантовъ поддерживался на средства, доставляемые изъ заработковъ ихъ родственниковъ и близкихъ, переселившихся раньше. Къ этому еще присоединилась добровольная эмиграція въ широкихъ размѣрахъ въ мѣста, гдѣ было открыто золото; и эта эмиграція удовлетворяла потребности нашихъ наиболѣе удаленныхъ колоній, гдѣ она была наиболѣе необходима, какъ для мѣстныхъ, такъ для національныхъ интересовъ. Но потокъ обихъ этихъ эмиграцій уже значительно ослабѣлъ, и хотя переселеніе изъ Ирландіи снова нѣсколько усилилось, все же нельзя утверждать, что помощь правительства въ систематической формѣ и по принципу оплачивающей себя эмиграціи снова не сдѣлается необходимой для того, чтобы поддержать открытымъ сообщеніе между руками, нуждающимися въ работѣ въ Англіи, и работой, которая нуждается въ рукахъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

§ 15. Принципъ, указывающій на колонизацію и помощь бѣднымъ, какъ на случай, къ которымъ непримѣнимо главное возраженіе противъ правительственнаго вышатаательства, распространяется также на множество случаевъ, въ которыхъ оказываются важныя услуги обществу, но въ которыхъ нѣтъ ни специально заинтересованнаго въ исполненіи этихъ услугъ лица, ни надлежащаго вознагражденія, естественно и самопроизвольно сопровождающаго ихъ исполненіе. Возьмемъ, напримѣръ, путешествіе съ цѣлью географическаго или научнаго изслѣдованія. Исконныя свѣдѣнія могутъ имѣть большое значеніе для общества, однако ни одно частное лицо не извлечетъ изъ нихъ такой выгоды, которая бы оплатила расходы по снаряженію экспедиціи; и нѣтъ никакой возможности брать налогъ съ лицъ, получающихъ выгоду отъ этихъ свѣдѣній для вознагражденія лица, доставившаго ихъ. Подобныя путешествія предпринимаются, или могли бы предприниматься на средства, собранныя по частной подпискѣ; но это рѣдкій и неадежный источникъ. Чаше бывали примѣры, что расходы брали на себя какія нибудь общества или филантропическія ассоціаціи; но вообще такія предпріятія ведутся на счетъ правительства, которое такимъ образомъ имѣетъ возможность ввѣрять ихъ липамъ, по его мнѣнію, наиболѣе способнымъ къ дѣлу. Также на обязанности правительства лежатъ постройка и содержаніе маяковъ, бабановъ и т. п. для безопасности навигаціи; невозможно заставить корабль, получившій выгоду отъ маяка, платить пошлину за то, что онъ получилъ отъ него пользу; въ виду этого никто не сталъ бы строить маяка для личной выгоды, если бы государство не вознаграждало его посредствомъ принудительнаго сбора. Многія научныя изысканія, имѣющія большое значеніе для націй и для всего человечества, требуютъ постоянной затраты времени и труда, а верѣдь и большихъ расходовъ отъ лицъ, которыя могли бы получать большое вознагражденіе за свою службу въ какомъ нибудь другомъ занятіи. Если бы правительство

не имѣло возможности возвращать расходы и давать вознагражденіе за время и трудъ, такимъ образомъ растроченные, то подобными изысканіями могли бы заниматься немногія лица, которые съ независимыми средствами соединяютъ техническія знанія, трудолюбіе и либо сильный общественный духъ, либо страстное желаніе ученой славы.

Съ этимъ вопросомъ связанъ также и вопросъ объ обезпеченіи посредствомъ окладовъ или жалованій такъ называемаго класса ученыхъ. Разработка теоретическихъ знаній, хотя она и представляетъ собою самое полезное изъ всѣхъ занятій, оказываетъ услугу всему обществу, а не отдѣльному лицу, и потому съ перваго взгляда можно признать справедливымъ, что платить за нее должно все общество, такъ какъ она не даетъ права на денежное вознагражденіе отъ какого либо частнаго лица; и если за такія услуги не будетъ даваться обезпеченіе изъ какого нибудь общественнаго фонда, то онѣ не только не будутъ имѣть поощренія, но даже будутъ подвергаться препятствіямъ, такъ какъ зарабатывать такимъ путемъ средства къ существованію будетъ невозможно, и большинство людей, способныхъ къ такой работѣ, должно будетъ тратить большую часть своего времени на добываніе насущнаго хлѣба. Однако, вредъ въ дѣйствительности былъ бы не такъ великъ, какъ онъ кажется. Величайшихъ результатовъ въ этой области, какъ мы уже говорили, обыкновенно достигали люди, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи наименьшее количество свободнаго времени; и занятіе ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ часовъ рутиннымъ дѣломъ часто оказывалось совмѣстимымъ съ самыми блестящими трудами по литературѣ и философіи. Однако, есть изслѣдованія и опыты, требующіе не только продолжительной, но и постоянной затраты времени и труда; есть также занятія, до того утомляющія и сосредоточивающія на себѣ умственные способности, что сколько нибудь усиленное примѣненіе ихъ къ другимъ занятіямъ становится невозможнымъ даже въ свободныя промежутки времени. Поэтому, въ высшей степени желательно, чтобы существовала какой нибудь способъ обезпечить обществу услуги ученыхъ изслѣдователей, а, быть можетъ, и ученыхъ по нѣкоторымъ другимъ специальностямъ, давая имъ средства къ существованію въ такомъ размѣрѣ, чтобы они могли посвящать значительную часть своего времени на свое специальное занятіе. Университетскія корпораціи представляютъ учрежденія, вполне пригодныя для этой цѣли; но онѣ едва ли когда либо преслѣдовали эту цѣль, такъ какъ мѣста въ нихъ въ самомъ лучшемъ случаѣ даются въ награду за прежніе успѣхи, въ память того, что было сдѣлано другими, а не какъ вознагражденіе за будущіе труды по разработкѣ науки. Въ нѣкоторыхъ странахъ академіямъ наукъ, древностей, исторіи и проч. были дарованы при ихъ основаніи средства. Самымъ успешнымъ и въ то же время наименѣе подверженнымъ злоупотребленію способомъ было бы, какъ мнѣ кажется, давать профессорскія мѣста, соединенныя съ обязанностью преподавать. Преподаваніе известной отрасли знанія, по крайней мѣрѣ въ высшихъ его отдѣлахъ, скорѣе служитъ помощью, чѣмъ пре-

пятствіемъ къ систематической разработкѣ самого предмета. Обязанности профессора почти всегда оставляютъ много времени для самостоятельныхъ изслѣдованій; и величайшіе успѣхи, сдѣланные въ разныхъ нравственныхъ и естественныхъ наукахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ людямъ, бывшимъ и преподавателями этихъ наукъ; такъ было, начиная съ Платона и Аристотеля и до величайшихъ именъ шотландскихъ, французскихъ и германскихъ университетовъ. Объ англійскихъ университетахъ я не упоминаю, потому что профессорское званіе въ нихъ, какъ извѣстно, было почти номинально. Кромѣ того при чтеніи профессоромъ лекцій въ большомъ учебномъ заведеніи все общество вообще имѣетъ возможность судить, если не о качествѣ преподаванія, то по крайней мѣрѣ о способностяхъ и трудолюбіи преподавателя; и злоупотреблять правомъ назначенія на такія должности гораздо труднѣе, чѣмъ недобросовѣстно раздавать пенсіи и жалованія лицамъ, не такъ непосредственно находящимся на глазахъ общества.

Можно сказать вообще, что правительство должно брать на себя всѣ дѣла, выполненіе которыхъ желательно для общаго интереса челоѣчества и будущихъ поколѣній, или для настоящихъ интересовъ членовъ общества, нуждающихся въ вышней помощи, если эти дѣла по своему характеру не могутъ вознаградить предпринявшихъ ихъ частныхъ лицъ или обществъ. Однако, прежде чѣмъ браться за нихъ, правительство всегда должно взвѣснить, возможно ли ожидать, что дѣло будетъ исполняться силами такъ называемой частной инициативы, и будетъ ли оно лучше и успешнѣе исполниться силами правительства, нежели усердіемъ и преданностью частныхъ лицъ.

§ 16. Предыдущіе параграфы, сколько я могу судить, обнимаютъ собою всѣ исключенія изъ того практическаго правила, что дѣло, важное для общества, лучше всего можетъ исполняться частной и добровольной дѣятельностью. Однако, слѣдуетъ прибавить, что на дѣлѣ правительственное вмѣшательство не всегда можетъ останавливаться на границѣ, опредѣляющей случаи, по своей сущности подлежащіе его вмѣшательству. Въ извѣстное время или въ извѣстномъ народѣ могутъ быть такія исключительныя обстоятельства, что едва ли найдется хоть одно дѣло, дѣйствительно важное для общаго интереса, относительно котораго не было бы желательно и даже необходимо, чтобы правительство взяло его на себя не потому, что частныя лица не могли бы его исполнить, а потому что они не станутъ исполнять его. Въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ мѣстахъ не было бы ни дорогъ, ни доковъ, ни гаваней, ни каналовъ, ни пригационныхъ работъ, ни госпиталей, школъ и коллегій, ни типографій, если бы ихъ не устраивало правительство; такъ какъ общество либо слишкомъ бѣдно для того, чтобы обладать необходимыми для этого средствами, либо настолько не развито, что не можетъ оцѣнить ихъ значеніе, либо недостаточно привыкло къ совместному дѣйствию, чтобы умѣть выбирать способы къ достиженію желаемой цѣли. Это болѣе или менѣе справедливо относительно всѣхъ странъ, привыкшихъ къ деспотизму, и въ особенности отно-

сительно тѣхъ, въ которыхъ между народомъ и правительствомъ существуетъ очень большое разстояніе въ степени развитія, какъ напримѣръ, въ странахъ, завоеванныхъ и остающихся въ подчиненіи у болѣе энергичнаго и развитаго народа. Во многихъ частяхъ свѣта народъ не можетъ дѣлать для себя ничего такого, что требуетъ большихъ средствъ и совмѣстнаго дѣйствія; всѣ такія дѣла остаются неисполненными, если за нихъ не берется правительство. Въ такихъ случаяхъ правительство самымъ несомнѣннымъ образомъ можетъ доказать искренность своихъ заботъ о величайшемъ благѣ своихъ подданныхъ тѣмъ, что будетъ исполнять дѣла, за которыя ему приходится браться вслѣдствіе безпомощности общества, такимъ образомъ, чтобы эта безпомощность исправлялась, а не усиливалась и увѣковѣчивалась. Хорошее правительство будетъ оказывать помощь въ такой формѣ, чтобы поощрять и развивать всѣ, какія только окажутся въ народѣ, зачатки стремленія къ личной дѣятельности. Оно будетъ старательно устранять препятствія и обстоятельства, мѣшающія частной предприимчивости, и будетъ доставлять всевозможныя облегченія и, какія могутъ потребоваться, указанія и руководства; его денежныя средства, когда возможно, будутъ идти на помощь частнымъ усиліямъ, а не на устраненіе ихъ, и для возбужденія этихъ усилій оно пуститъ въ ходъ цѣлую систему награды и почестей. Правительственная помощь, когда она подается лишь по недостатку частной предприимчивости, должна даваться такъ, чтобы по возможности служить способомъ воспитанія въ народѣ искусства выполнять общія цѣли посредствомъ энергіи отдѣльныхъ лицъ и добровольнаго сотрудничества.

И не считая нужнымъ здѣсь говорить о той части правительственныхъ обязанностей, которыя, по мнѣнію всѣхъ, безусловно лежать на правительствѣ, объ обязанности преслѣдовать и наказывать частныхъ лицъ за такое пользованіе своею свободой, которое очевидно вредно для другихъ людей, все равно будетъ ли оно состоять въ насплинъ, обманѣ или небрежности. Прискорбно думать, какая огромная часть усилій и способностей даже при наилучшемъ состояніи, какого уже достигло общество, употребляется людьми лишь на то, чтобы сдѣлать другъ друга безвредными. Естественная цѣль правительства должна состоять въ томъ, чтобы насколько возможно больше сократить эту недостойную растрату силъ: для этого оно должно принимать мѣры, которыя заставили бы энергію, теперь растрчивающуюся людьми на нарушеніе чужихъ интересовъ или на предохраненіе своихъ интересовъ отъ нарушенія, обращаться къ законному примѣненію человѣческихъ способностей: къ тому, чтобы приуждать силы природы все болѣе и болѣе служить естественному и нравственному благу.

Оглавленіе.

СТРАН.

Предварительныя замѣчанія	3
-------------------------------------	---

КНИГА I.

Производство.

ГЛАВА I.

Объ элементахъ производства.

Содержаніе	1. Элементы производства	23
	2. Опредѣленіе значенія труда	24
	3. Сдѣйствуетъ ли природа успѣшности труда въ однихъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ въ другихъ	26
	4. Количество нѣкоторыхъ силъ природы бываетъ ограничено, другихъ практически неограничено	27

ГЛАВА II.

О трудѣ, какъ о дѣятелѣ производства.

Содержаніе	1. Трудъ, затраченный или прямо на производство вещи или на предварительныя дѣйствія для ея производства	29
	2. Трудъ, затраченный на производство средствъ существованія для послѣдующаго труда	30
	3. Трудъ на производство матеріаловъ	33
	4. Трудъ на производство орудій	36
	5. Трудъ на охраненіе производства	37
	6. Трудъ на перевозку и распределеніе продукта	39
	7. Трудъ, предметомъ котораго служитъ самъ человѣкъ	40
	8. Трудъ, ведущій къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ	41
	9. Трудъ земледѣльческій, фабричный и коммерческій	41

ГЛАВА III.

О непроизводительномъ трудѣ.

Содержаніе	1. Трудъ производитъ не вещи, и полезности	42
	2. Полезности бываютъ трехъ видовъ	44
	3. Производительнымъ трудомъ считается тотъ, который производитъ полезности, заключенныя и воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ	45

	СТРАН.
§ 2. Необходимость сдерживать ростъ населенія существуетъ не только при неравенствѣ въ распредѣленіи собственности . . .	181
§ 3. Эта необходимость не устраняется ни свободнымъ ввозомъ пшеницы	185
§ 4. " " " " ни эмиграціей вообще	188

КНИГА II.

Распредѣленіе.

ГЛАВА I.

О собственности.

1. Предварительныя замѣчанія	
2. Постановка вопроса	
3. Разборъ коммунизма	
4. " — сень-симонизма и фурьеризма	

ГЛАВА I*).

О собственности.

1. Институтъ собственности включаетъ въ себя свободу приоб- рѣтенія по договору	191
2. Право приобрѣтенія по давности	193
3. Право завѣщанія, но не право наследованія. Анализъ вопроса о наследованіи	194
4. Должно ли право завѣщанія подлежать ограниченіямъ и ка- кимъ именно?	198
5. Право собственности на землю вытекаетъ изъ иныхъ основа- ній, чѣмъ право собственности на движимыя вещи	202
6. Основанія права собственности на землю имѣютъ силу толь- ко при извѣстныхъ условіяхъ, но всегда встрѣчающихся. Разборъ ограниченій	204
7. Право собственности на такія вещи, которыя не должны ему подлежать	208

ГЛАВА II.

О классахъ, между которыми распредѣляется продуктъ.

1. Продуктъ иногда распредѣляется между тремя классами	209
2. " иногда принадлежитъ неравнѣдно одному классу	210
3. " иногда раздѣляется между двумя классами	211

ГЛАВА III.

Соперничество и обычай.

1. Соперничество не есть единственный регуляторъ раздѣленія продукта	213
--	-----

*) Цифрація имѣется вслѣдствіе того, что предыдущая глава вышита.

Отъ редактора.

	СТРАН.
2. Вліяніе обычая на ренты и на наемъ земли	218
3. Вліяніе обычая на цѣны	216

ГЛАВА IV.

Рабство.

1. Рабство съ точки зрѣнія интересовъ раба	218
2. " съ точки зрѣнія производителя	220
3. Эмансипація и ея отношеніе къ интересамъ работодателя	222

ГЛАВА V.

Крестьяне-собственники.

1. Равница во мнѣніяхъ относительно крестьянской собствен- ности въ Англіи и на континентѣ	223
2. Свѣдѣнія относительно крестьянской собственности въ Швей- царіи	225
3. Свѣдѣнія относительно крестьянск. собствен. въ Норвегіи	230
4. " " " " " " Германіи	233
5. " " " " " " Бельгіи	238
6. Свѣдѣнія относительно крестьянской собственности на остро- вяхъ Британскаго канала	242
7. Свѣдѣнія относительно крестьянск. собствен. во Франціи	244

ГЛАВА VI.

Продолженіе.

1. Вліяніе крестьянской собственности на усиленіе трудолюбія	248
2. " на развитіе умственныхъ способностей	250
3. " на развитіе предусмотрительности и самообладанія	252
4. Вліяніе ея на ростъ населенія	253
5. " " и на раздѣленіе земли	262

ГЛАВА VII.

Половинки.

1. Сущность системы половинчества и ея различные виды	266
2. Ея преимущества и недостатки	268
3. Свѣдѣнія относительно ея вліянія въ разныхъ странахъ	271
4. Желательно ли ея уничтоженію	280

ГЛАВА VIII.

Коттереры.

1. Сущность и вліяніе коттерерства	281
2. Въ переполненной населеніемъ странѣ избыткомъ послѣд- ствіемъ коттерерства бывають номинальныя ренты	284
3. " " " " " " которыя не совмѣстимы съ трудолюбіемъ, бережливостью и сдержанностью въ разво- женіи земли	287
4. Положеніе земледѣльцевъ, райотвъ въ Индіи	288

ГЛАВА IX.

Средства къ уничтоженію коттерерства.

1. Ирландскихъ коттереровъ слѣдуетъ обратить въ крестьянск. соб- ственниковъ	291
2. Современное состояніе этого вопроса	298

Зарботная плата.

§ 1.	Зарботная плата зависит от спроса на труд и от предложения;—другими словами от относительных размѣровъ населенія и капитала	303
§ 2.	Разборъ нѣкоторыхъ общераспространенныхъ мнѣнй относительно заработной платы	304
§ 3.	Для существованія высокой заработной платы необходима всегда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ, сдержанность въ размноженіи	310
§ 4.	Эта сдержанность въ нѣкоторыхъ странахъ является результатомъ закона	313
§ 5.	„ въ другихъ результатовъ особыхъ обычаевъ	315
§ 6.	Надлежащая сдержанность въ размноженіи является единственнымъ обеспеченіемъ участи рабочаго класса	317

ГЛАВА XI.

Популярныя средства противъ низкой заработной платы.

§ 1.	Закононый или обычный минимумъ заработной платы и гарантію работы семьямъ, желающимъ получить ее	320
§ 2.	„ требовали бы, какъ необходимаго условія, законодательныхъ мѣръ, сдерживающихъ ростъ населенія	322
§ 3.	Система пособій въ добавку къ заработной платѣ	326
§ 4.	Участковая система	327

ГЛАВА XII.

Дальнѣйшее разсмотрѣніе средствъ противъ низкой заработной платы.

§ 1.	Вредно направленіе общественнаго мнѣнія относительно вопроса о населеніи	331
§ 2.	Основаія, по которымъ можно надѣяться на распространеніе болѣе правильныхъ возрѣтій	334
§ 3.	Два способа возвысить привычки рабочаго населенія: воспитаніе	388
§ 4.	И непосредственная помощь въ видѣ широкихъ мѣръ иностранной и внутренней колонизаціи	339

ГЛАВА XIII.

Различія заработной платы въ отдѣльныхъ занятіяхъ.

§ 1.	Различія заработной платы, происходящія отъ различной степени привлекательности отдѣльныхъ занятій	342
§ 2.	Различія, происходящія отъ естественныхъ монополій	347
§ 3.	Вліяніе, оказываемое на заработную плату соперничествомъ лицъ, получившихъ даровое обученіе	351
§ 4.	Вліяніе, оказываемое соперничествомъ лицъ съ независимыми средствами къ существованію	353
§ 5.	Почему заработная плата женщинъ бываетъ ниже, чѣмъ плата мужчинъ	356
§ 6.	Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ ограничительныхъ законовъ и рабочихъ союзовъ	357
§ 7.	Случаи, въ которыхъ заработная плата устанавливается обычаями	359

П р и б ы л ь.

§ 1.	Въ прибыли различаются три части: процентъ, страховая премія и плата за веденіе дѣла	360
§ 2.	Минимумъ прибыли и имѣнствъ, которымъ онъ подверженъ	362
§ 3.	Различія въ прибыли, происходящія отъ свойствъ отдѣльныхъ занятій	364
§ 4.	Общее стремленіе прибыли къ одному уровню	365
§ 5.	Прибыль не зависитъ отъ цѣвъ и причиною ея не служитъ купля и продажа	370
§ 6.	Затраты капиталиста въ концѣ концовъ сводятся къ платѣ за трудъ	371
§ 7.	Размѣръ прибыли зависитъ отъ стоимости труда	373

ГЛАВА XV.

Р е н т а

§ 1.	Рента есть результатъ естественной монополіи	376
§ 2.	Ренту можетъ давать лишь земля такого качества и съ такимъ положеніемъ, какая существуетъ въ количествѣ, не удовлетворяющемъ спроса на нее	376
§ 3.	Рента за землю состоитъ въ излишкѣ дохода съ втой земли надъ доходомъ съ самой худшей земли, находящейся въ обработкѣ	378
§ 4.	„ или надъ доходомъ съ капитала, употребленнаго при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ	379
§ 5.	Будетъ ли доходъ отъ капитала, жлоеннаго въ землю, рентой или прибылью?	382
§ 6.	Рента входитъ въ издержки производства земледѣльческаго продукта	386

КНИГА III.

О Б Ѡ Н Ѡ

ГЛАВА I.

Ц ѣ н н о с т ь.

§ 1.	Предварительныя замѣчанія	389
§ 2.	Опредѣленіе цѣнности въ употребленіи, цѣнности мѣновой и цѣны	390
§ 3.	Что слѣдуетъ понимать подъ общей покупательной силой	391
§ 4.	Цѣнность есть понятіе относительное. Общее повышеніе или пониженіе цѣнностей есть логическая несообразность	393
§ 5.	Какъ прѣмѣняются законы цѣнности въ примѣненіи къ едѣлкамъ ровничной торговли	391

ГЛАВА II.

О спросѣ и предложеніи и ихъ отношеніи къ цѣнности.

§ 1.	Два условія цѣнности: полезность и трудность полученія	395
§ 2.	Три вида трудности полученія	397

		СТРАН.
§ 3.	Товары, количество которых абсолютно ограничено	398
§ 4.	Законъ ихъ цѣнности, уравненіе спроса и предложенія	400
§ 5.	Равные случаи, попадающіе подъ этотъ законъ	402

ГЛАВА III.

Стоимость производства и ея отношеніе къ цѣнности.

§ 1.	Товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться до безконечности безъ увеличенія издержекъ производства. Законъ ихъ цѣнности, издержки производства	404
§ 2.	Издержки производства вліяютъ на цѣнность не путемъ дѣйствительнаго, а путемъ возможнаго измѣненія въ предложеніи	406

ГЛАВА IV.

Окончательный анализъ стоимости производства.

§ 1.	Основной элементъ въ стоимости производства. Количество труда	409
§ 2.	Заработная плата не служитъ опредѣляющимъ элементомъ въ стоимости производства	411
§ 3.	„ „ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда заработная плата измѣняется лишь въ отдѣльныхъ занятіяхъ	412
§ 4.	Прибыль является опредѣляющимъ элементомъ въ стоимости производства лишь по столько, по сколько она измѣняется въ отдѣльныхъ занятіяхъ	414
§ 5.	„ или по сколько она получается съ одного товара въ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ съ другого	416
§ 6.	Случайные элементы въ стоимости производства: налоги и материалы, имѣющіе цѣнность предметовъ рѣдкости	418

ГЛАВА V.

О рентѣ въ ея отношеніи къ цѣнности.

§ 1.	Товары, количество которыхъ можетъ быть неопредѣленно увеличено, но съ повышеніемъ издержекъ производства. Законъ ихъ цѣнности, издержки производства въ наиболѣе неблагоприятныхъ условіяхъ	420
§ 2.	Такіе товары, когда они производятся при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, даютъ ренту, равную разницѣ въ издержкахъ производства	423
§ 3.	Рента съ рудниковъ и рыбныхъ ловель, поземельная рента со здавій	425
§ 4.	Случай существованія излишка прибыли, подобнаго рентѣ	427

ГЛАВА VI.

Краткій обзоръ теоріи цѣнности.

§ 1.	Теорія цѣнности, выраженная въ рядѣ положеній	429
§ 2.	Какъ она измѣняется въ примѣненіи къ тѣмъ случаямъ, когда производителями являются рабочіе, работающіе въ-за пропитанія	431
§ 3.	— или рабы	433

ГЛАВА VII.

Д е н ь г и.

§ 1.	Функции орудія обращенія	434
§ 2.	Почему золото и серебро особенно годны для выполненія этихъ функций	436
§ 3.	Деньги являются лишь средствомъ облегченія обихода и не измѣняютъ законовъ цѣнности	437

ГЛАВА VIII.

Цѣнность денегъ въ зависимости отъ спроса и предложенія.

§ 1.	Выраженіе „цѣнность денегъ“ имѣетъ двоякій смыслъ	439
§ 2.	Цѣнность денегъ зависитъ, при неизмѣнимости другихъ условій, отъ ихъ количества	440
§ 3.	„ „ а также отъ быстроты обращенія	444
§ 4.	Разъясненія и ограниченія этого закона	446

ГЛАВА IX.

Цѣнность денегъ въ зависимости отъ стоимости производства.

§ 1.	Цѣнность денегъ при свободѣ торговли соответствуетъ цѣнности металла, включеннаго въ нихъ	449
§ 2.	„ которая опредѣляется издержками производства	451
§ 3.	Какъ относится этотъ законъ къ закону, установленному нами въ предыдущей главѣ	453

ГЛАВА X.

О биметаллизмѣ и размѣнной монетѣ.

§ 1.	Возраженія противъ двойственной валюты	455
§ 2.	Какъ ввести въ обращеніе два металла, не дѣлая ихъ обиходъ законнымъ платежнымъ средствомъ	457

ГЛАВА XI.

Кредитъ, какъ размѣна денегъ.

§ 1.	Кредитъ не создаетъ, а лишь переноситъ средства производства	458
§ 2.	Какимъ образомъ онъ содѣйствуетъ производству	460
§ 3.	Кредитъ, какъ средство, сокращающее употребленіе денегъ	461
§ 4.	Коммерческіе векселя	463
§ 5.	Безсрочныя письменныя обязательства, съ уплатой по предъявленіи	467
§ 6.	Депозиты и чеки	468

ГЛАВА XII.

Вліяніе кредита на цѣны.

§ 1.	Вліяніе банковыхъ билетовъ, векселей и чековъ на цѣны	469
§ 2.	Кредитъ представляетъ покупательную силу, подобную деньгамъ	470
§ 3.	Послѣдствія слѣзнаго расширенія и сокращенія кредита. Анализъ явленій коммерческаго кризиса	472

		СТРАИ.
§	4. Векселя вліяють на цѣны сильнѣе, чѣмъ кредитъ по книгѣ, а банковые билеты сильнѣе, чѣмъ векселя	476
§	6. Но эта равнища имѣетъ мало практическаго значенія	478
§	6. Чеки вліяють на цѣны настолько же сильно, какъ банковые билеты.	483
§	7. Представляютъ ли банковые билеты собою деньги?	486
§	8. Родового различія между банковыми билетами и другими формами кредита не существуетъ	486

ГЛАВА XIII.

Неразмѣнныя бумажныя деньги.

§	1. Цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ зависитъ отъ ихъ количества и можетъ регулироваться произвольно	488
§	2. Если цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ сообразуется съ цѣнностью слитковъ, то такія деньги могутъ быть безопасными, но они неудобны	490
§	3. Разборъ ученія, доказывающаго, что неразмѣнныя бумажныя деньги безопасны, когда онѣ представляютъ собою действительное имущество	492
§	4. Разборъ ученія, доказывающаго, что увеличеніе количества денегъ оживляетъ промышленность	495
§	6. Обезцѣненіе денегъ равносильно налогу на общество и есть грабежъ по отношенію къ кредиторамъ	496
§	6. Разборъ нѣсколькихъ доводовъ, приводившихся за совершеніе этого грабежа	498

ГЛАВА XIV.

Избытокъ предложенія.

§	1. Можетъ ли быть избытокъ въ предложеніи всѣхъ товаровъ вообще	501
§	2. Предложеніе всѣхъ товаровъ вообще не можетъ превышать покупательной силы	502
§	3. „ и никогда не можетъ превышать желанія потреблять	503
§	4. Происхожденіе и разъясненіе идеи общаго переполненія рынка	506

ГЛАВА XV.

Мѣрило цѣнности.

§	1. Въ какомъ смѣслѣ возможно мѣрило цѣнности	507
§	2. Мѣрило стоимости производства	509

ГЛАВА XVI.

Нѣкоторые частныя случаи цѣнности.

§	1. Цѣнности товаровъ, имѣющихъ общія подоржки производства	512
§	2. Цѣнность различныхъ видовъ земледѣльческаго продукта	514

ГЛАВА XVII.

Международная торговля.

§	1. Международныя цѣнности не опредѣляются стоимостью производства	516
§	2. Обмѣнъ товарами между отдаленными другъ отъ друга мѣстами опредѣляется разницей не въ абсолютной, а въ сравнительной стоимости производства этихъ товаровъ	518

		СТРАИ.
§	3. Прямая выгода торговли состоитъ въ болѣе успѣшномъ примѣненіи производительныхъ силъ всего свѣта	520
§	4. „ а не въ расширеніи вывоза и не въ прибылѣ торговцовъ	521
§	5. Косвенныя выгоды торговли въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи еще больше, чѣмъ прямая	523

ГЛАВА XVIII.

Международныя цѣнности.

§	1. Цѣнности ввозимыхъ товаровъ зависятъ отъ условій международной обмѣна	524
§	2. „ которая зависитъ отъ уравненія международного спроса	526
§	3. Вліяніе стоимости провоза на международныя цѣнности	529
§	4. Законъ цѣнности, справедливый относительно двухъ странъ и двухъ товаровъ, будетъ справедливымъ и относительно любого числа странъ и товаровъ	530
§	5. Вліяніе улучшеній въ производствѣ на международныя цѣнности	533
§	6. Только что изложенная теорія не полна	536
§	7. Международныя цѣнности зависятъ не только отъ величины спрашиваемыхъ количествъ, но также и отъ средствъ производства, которые въ каждой странѣ могутъ быть употреблены для снабженія иностранныхъ рынковъ	537
§	8. Практическій результатъ мало измѣняется отъ этого добавочнаго элемента	541
§	9. Отъ какихъ условій зависитъ стоимость для страны ввозимыхъ ею товаровъ	544

ГЛАВА XIX.

Деньги, какъ ввозной товаръ.

§	1. Деньги ввозятся двумя способами: какъ товаръ и какъ орудіе обмѣна	546
§	2. Какъ товаръ, онѣ подчинены тѣмъ же законамъ цѣнности, какъ и другіе товары	—
§	3. Цѣнность денегъ не зависитъ исключительно отъ стоимости ихъ производства въ рудникахъ	549

ГЛАВА XX.

Вексельный курсъ.

§	1. Цѣли, для которыхъ деньги переходятъ изъ страны въ страну, какъ орудіе обмѣна	550
§	2. Способъ совершенія международныхъ платежей путемъ векселей	—
§	3. Различіе между такими колебаніями вексельнаго курса, которые исправляются сами собою, и такими, которые могутъ быть исправлены лишь путемъ измѣненія цѣнъ	554

ГЛАВА XXI.

Распредѣленіе драгоцѣнныхъ металловъ по торговому свѣту.

§	1. Замѣна непосредственнаго обмѣна денежнымъ не вызываетъ измѣненій въ вывозѣ и ввозѣ и не нарушаетъ законовъ международныхъ цѣнностей	556
§	2. Дальнѣйшее разъясненіе этой теоремы	560

		СТРАН.
§	3. Драгоценные металлы въ качествѣ денегъ имѣютъ ту же цѣнность и распределяются согласно тому же закону, какъ и драгоценные металлы въ качествѣ товара	563
§	4. Международные платежи не-коммерческаго характера	564

ГЛАВА XXII.

Вліяніе денегъ на вексельный курсъ и внѣшнюю торговлю.

§	1. Колебанія вексельнаго курса, происходяція отъ измѣненій въ денежномъ обращеніи	565
§	2. Вліяніе внезапнаго увеличенія количества металлическихъ денегъ или внезапнаго выпуска банковыхъ билетовъ и прочихъ суррогатовъ денегъ	566
§	3. Вліяніе увеличенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Дѣйствительный и номинальный вексельный курсъ	570

ГЛАВА XXIII.

О величинѣ процента.

§	1. Величина процента зависитъ отъ спроса на ссудные капиталы и ихъ предложенія	573
§	2. Обязательства, опредѣляющія постоянную норму спроса и предложенія ссудныхъ капиталовъ	574
§	3. Обязательства, опредѣляющія колебанія процента	577
§	4. Въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ величина процента зависитъ отъ цѣнности денегъ	580
§	5. Величина процента опредѣляетъ цѣну земли и денежныхъ бумагъ	586

ГЛАВА XXIV.

Регулированіе размѣнныхъ денежныхъ денегъ.

§	1. Двѣ противоположныя теоріи относительно вліянія выпуска банковыхъ билетовъ	586
§	2. Анализъ этихъ теорій	588
§	3. Основанія, по которымъ можно думать, что Актъ о денежномъ обращеніи 1844 г. произвелъ нѣкоторые изъ тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, какия онъ имѣлъ въ виду	591
§	4. Но эти послѣдствія превышаютъ проявляемымъ имъ вредомъ	596
§	5. Слѣдуетъ ли поручать выпускъ банковыхъ билетовъ исключительно одному учрежденію	607
§	6. Слѣдуетъ ли охранять держателей банковыхъ билетовъ какими нибудь специальными мѣрами отъ прекращенія платежей	609

ГЛАВА XXV.

Соперничество разныхъ странъ на одномъ и томъ же рынкѣ.

§	1. Причины, дающія возможность одной странѣ вытѣснить другую съ рынка	I
§	2. Низкая заработная плата можетъ быть одною изъ этихъ причинъ	III
§	3. " если она существуетъ только въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности	IV
§	4. " а не во всѣхъ	VI
§	5. Нѣкоторые исключительные виды территориальныхъ и обществонныхъ единицъ, занимающихся торговлей	VIII

ГЛАВА XXVI.

Насколько распределеніе видоизмѣняется подъ вліяніемъ обмѣна.

§	1. Обмѣнъ и деньги не нарушаютъ ни закона заработной платы	IX
§	2. " ни закона ренты	XII
§	3. " ни закона прибыли	XIV

К Н И Г А IV.

Вліяніе прогресса общества на производство и распределеніе.

ГЛАВА I.

Общіе признаки прогрессивнаго состоянія богатства.

§	1. Предварительныя замѣчанія	611
§	2. Стремленіе прогресса общества къ увеличенію власти человека надъ силами природы, къ увеличенію безопасности и къ увеличенію способности къ коопераціи	612

ГЛАВА II.

Вліяніе прогресса въ промышленности и населеніи на цѣнности и цѣны.

§	1. Стремленіе къ пониженію цѣнности и стоимости производства всѣхъ товаровъ	615
§	2. " за исключеніемъ продуктовъ земледѣлія и горнаго дѣла, которые обнаруживаютъ стремленіе къ повышенію	617
§	3. " во этому стремленію отъ времени до времени противодѣйствуютъ улучшенія въ производствѣ	619
§	4. Вліяніе общественнаго прогресса, сказывающагося въ уменьшеніи колебаній цѣнности	620
§	5. Анализъ вліянія спекулянтовъ и въ особенности хлѣбныхъ торговцевъ	621

ГЛАВА III.

Вліяніе прогресса промышленности и населенія на ренту, прибыль и заработную плату.

§	1. Первый случай: населеніе возрастаетъ, размѣры капитала не измѣняются	624
§	2. Второй случай: капиталъ увеличивается, количество населенія не измѣняется	628
§	3. Третій случай: населеніе и капиталъ возрастаютъ въ одинаковой степени, производительныя искусства не совершенствуются	—
§	4. Четвертый случай: производительныя искусства совершенствуются, капиталъ и населеніе остаются безъ измѣненія	629
§	5. Пятый случай: всѣ три элемента прогрессируютъ	635

ГЛАВА IV.

Стремленіе прибыли къ минимуму.

§ 1.	Ученіе Адама Смита о соперничествѣ капитала	638
§ 2.	Ученіе Уэйфилда относительно поля ванятія	640
§ 3.	Чѣмъ опредѣляется минимумъ прибыли	641
§ 4.	Въ богатыхъ странахъ прибыль обыкновенно близка къ минимуму	643
§ 5.	но достигнъ этого минимума ей мѣшаютъ коммерческіе кризисы	646
§ 6.	улучшенія въ производствѣ	647
§ 7.	ввозъ дешевыхъ предметовъ необходимости и инструментовъ	648
§ 8.	эмиграція капитала	650

ГЛАВА V.

Слѣдствія стремленія прибыли къ минимуму.

§ 1.	Отливъ капитала не составляетъ непремѣнно потерю для страны	661
§ 2.	Въ богатыхъ странахъ расширеніе примѣненія машинъ приноситъ не вредъ, а пользу рабочимъ	664

ГЛАВА VI.

О неподвижномъ состояніи.

§ 1.	Опасенія и жалобы нѣкоторыхъ экономистовъ по поводу возможности наступленія неподвижнаго состоянія	666
§ 2.	Само по себѣ это состояніе не есть что нибудь нежелательно	658

ГЛАВА VII.

Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ.

§ 1.	Теорія зависимости и покровительства теперь уже не соотвѣтствуютъ условіямъ современнаго общества	661
§ 2.	Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ ихъ умственнаго развитія	666
§ 3.	Вѣроятныхъ послѣдствіяхъ повышенія умственнаго развитія будетъ лучшее регулированіе роста населенія; этому послѣдствію будетъ способствовать социальная независимость женщинъ	667
§ 4.	Стремленіе общества къ уничтоженію отношеній нанIMATEЛЯ и рабочаго	668
§ 5.	Примѣры ассоціацій рабочихъ съ капиталистами	670
§ 6.	Примѣры ассоціацій однихъ рабочихъ	670
§ 7.	Соперничество не вредно, а полезно и необходимо	694

КНИГА V.

ВЛІЯНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I.

Функции правительства вообще.

§ 1.	Различіе между необходимыми и произвольными функциями правительства	697
------	---	-----

§ 2.	Разнообразный характеръ и многочисленность необходимыхъ функций правительства	698
§ 3.	Планъ дальнѣйшаго изложенія	702

ГЛАВА II.

Общіе принципы обложенія.

§ 1.	Четыре основныхъ правила обложенія	703
§ 2.	На чемъ основаны принципы равномерности обложенія	705
§ 3.	Слѣдуетъ ли взимать одинъ и тотъ же процентъ налога съ доходовъ всякой величины	707
§ 4.	Слѣдуетъ ли взимать одинъ и тотъ же процентъ налога съ вѣчныхъ и временныхъ доходовъ?	711
§ 5.	Приростъ въ рентѣ за землю, зависящій отъ естественныхъ причинъ, представляетъ подходящий источникъ для спеціальнаго обложенія	717
§ 6.	Поземельный налогъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть не налогъ, а цпотечное обремененіе ренты въ пользу общества	719
§ 7.	Налоги на капиталъ не всегда подлежатъ осужденію	720

ГЛАВА III.

Прямые налоги.

§ 1.	Прямые налоги на доходъ и на расходъ	722
§ 2.	Налоги на ренту	723
§ 3.	на прибыль	724
§ 4.	на заработную плату	726
§ 5.	Подходный налогъ	728
§ 6.	Налогъ на дома	731

ГЛАВА IV.

Налоги на товары.

§ 1.	Налогъ на всѣ товары упалъ бы на прибыль	735
§ 2.	Налоги на отдѣльные товары падаютъ на потребителя	737
§ 3.	Особые послѣдствія налоговъ на предметы первой необходимости	738
§ 4.	Какъ эти послѣдствія измѣняются, благодаря стремленію прибыли къ минимуму	741
§ 5.	Вліяніе дифференціальныхъ косвенныхъ налоговъ	745
§ 6.	Вліянію пошлинъ, взимаемыхъ съ вывоза и ввоза, на международный обмѣнъ	748

ГЛАВА V.

Нѣкоторые другіе налоги.

§ 1.	Налоги на договоры	755
§ 2.	Налоги на сообщеніе	757
§ 3.	Судебныя пошлины	759
§ 4.	Способы мѣстнаго обложенія	—

ГЛАВА VI.

Сравненіе прямыхъ налоговъ съ косвенными.

§ 1.	Доводы за и противъ прямого обложенія	761
§ 2.	Качія формы косвеннаго обложенія наиболѣе совершенны	765
§ 3.	Практическія правила для косвеннаго обложенія	767

ГЛАВА VII

СТРАН.

Государственный долгъ.

§ 1.	Желательно ли, чтобы чрезвычайные государственные расходы покрывались ваймами?	769
§ 2.	Пseudобство погашенія государственнаго долга путемъ всеобщаго сбора	772
§ 3.	Въ какихъ случаяхъ желательно сохранять излишекъ дохода для погашенія долга	774

ГЛАВА VIII

Обыкновенныя правительственныя функціи съ точки зрѣнія ихъ экономическаго вліянія.

§ 1.	Слѣдствія недостаточной обезпеченности личности и собственности	776
§ 2.	Слѣдствія чрезмѣрнаго обложенія	778
§ 3.	Слѣдствія несовершенства въ системѣ законовъ и въ отправленіи правосудія	779

ГЛАВА IX

Продолженіе.

1.	Законы о наследствѣ	783
2.	Законы и обычай относительно первородства	785
3.	Субституція	788
4.	Законы принудительнаго равнаго раздѣла наследства	790
5.	Законы о товариществахъ	791
6.	Акционерныя товарищества съ ограниченной отвѣтственностью Chartered Companies	793
7.	Коммандитныя товарищества	797
8.	Законы относительно несоостоятельности	802

ГЛАВА X.

О вѣдѣтельствѣ правительства, основанномъ на ложныхъ теоріяхъ.

1.	Ученіе о покровительствѣ отечественной промышленности	808
2.	Законы о ростовщичествѣ	818
3.	Попытки регулировать цѣны товаровъ	822
4.	Монополіи	823
5.	Законы противъ рабочихъ союзовъ	826
6.	Свѣщеніе общественнаго мнѣнія и печати	830

ГЛАВА XI.

Основанія и границы системы laissez faire, или принципа не-вѣдѣтельства.

1.	Вѣдѣтельство правительства можетъ быть повелительное или повелительное	831
2.	Возраженія противъ правительственнаго вѣдѣтельства:—принудительный характеръ или самого вѣдѣтельства или тѣхъ сборовъ, которые необходимы для выношенія его	832
3.	увеличеніе силы и вліянія правительства	834
4.	увеличеніе занятій и отвѣтственности правительства	836

СТРАН.

§ 5.	Большая успешность частной дѣятельности, благодаря большій заинтересованности въ дѣлѣ	836
§ 6.	" необходимость развивать въ обществѣ привычки къ совѣтному дѣйствию	837
§ 7.	Laissez-faire есть общее правило	839
§ 8.	" но оно подлежитъ большимъ исключеніямъ. Случай, въ которыхъ потребитель не можетъ судить о достоинствахъ товара. Образованіе	842
§ 9.	Случай, въ которыхъ одинъ человекъ можетъ проявлять свою власть надъ другимъ. Мѣры охраненія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ; покровительство животнымъ. Женщины не нуждаются въ опека	846
§ 10.	Случай вѣчныхъ или слишкомъ продолжительныхъ обязательствъ	848
§ 11.	Случай веденія дѣла черезъ уполномоченныхъ	849
§ 12.	Случай, въ которыхъ правительственное вѣдѣтельство можетъ быть необходимо для выполненія желаній заинтересованныхъ лицъ. Примѣры: сокращеніе рабочихъ часовъ; раздача колоніальныхъ земель	852
§ 13.	Случай, когда дѣйствія отдѣльныхъ лицъ совершаются не ради ихъ собственной выгоды, а ради выгоды другихъ людей. Законы о бѣдныхъ	856
§ 14.	Колонизація	858
§ 15.	Нѣкоторые другіе примѣры	862
§ 16.	Правительственное вѣдѣтельство можетъ быть необходимо вслѣдствіе отсутствія частной инициативы даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ частная инициатива была бы болѣе умѣтна	866